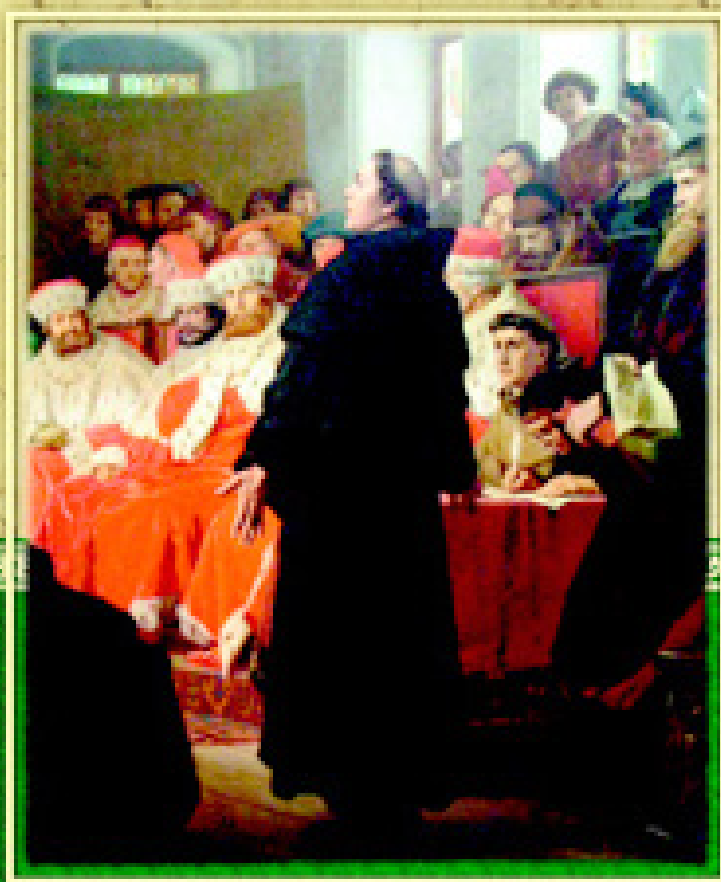

ФИЛИП ШАФФ

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

VII

Современное христианство

Реформация в Германии

ИСТОРИЯ
ХРИСТИАНСКОЙ
ЦЕРКВИ

HISTORY
of the
CHRISTIAN
CHURCH

Philip Schaff

*Christianus sum. Christiani nihil
a me alienum puto*

VOLUME VII
MODERN CHRISTIANITY
THE GERMAN REFORMATION

WM. B. EERDMANS PUBLISHING COMPANY
GRAND RAPIDS MICHIGAN

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

Филип Шафф

*Christianus sum. Christiani nihil
a me alienum puto*

ТОМ VII
СОВРЕМЕННОЕ ХРИСТИАНСТВО
РЕФОРМАЦИЯ В ГЕРМАНИИ

«БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2009

HISTORY OF THE CHRISTIAN CHURCH

Copyright 1910
by CHARLES SCRIBNER'S SONS

Photolithoprinted by
Eerdmans Printing Company
Grand Rapids, Michigan, U.S.A.

Reprinted, February 1994

Перевод: Рыбакова О. А.

Редактирование и верстка: Цыганков Ю. А.

Дизайн обложки: Молчанов А. Ю.

Заказы на книгу, а также все замечания и пожелания
просим направлять по адресу:

196233, Санкт-Петербург, а/я 237

*Христианское общество «Библия для всех»,
издательский отдел*

Тел. (812) 542-86-61

Эл. почта: bfe@mail.wplus.net

Интернет: <http://www.bible.org.ru>

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой книги не может копироваться и публиковаться никакими средствами (печатными, фотографическими, электронными, звукозаписывающими и пр.) без предварительного письменного разрешения издательства (за исключением цитирования в пределах стандартных норм).

ISBN 978-5-7454-1189-2

© Русское издание, перевод, оформление, «Библия для всех», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1888 ГОДА

Я публикую историю Реформации перед последним томом по Средневековью, который последует в должное время.

Реформация была образом первоначального христианства и началом христианства современного, поэтому она, после апостольского века, — самая важная и интересная часть церковной истории. Празднества в честь Лютера и Цвингли в 1883 и 1884 г. пробудили память о ней, после чего количество трудов об этом периоде существенно возросло, тогда как ученые Римской Католической церкви постарались, причем весьма умело, создать ультрамонтанскую реконструкцию истории Германии и Европы в период Реформации, и *Cultur-Kampf* еще продолжается. Богословские битвы XVI века идут по сей день, и мы медленно, но верно приближаемся к лучшему пониманию и лучшей формулировке истины. Протестантизм с его свободой может позволить себе честное и справедливое отношение к католицизму, который скован своей традицией. Догмат о папской непогрешимости губителен для свободного исследования. Факты должны управлять догмой, а не наоборот. Истина, истина полная, и ничто, кроме нее, — вот цель историка. Но при этом истину следует говорить с любовью (Еф. 4:15).

Веяния времени знаменуют новую эпоху, в которую мы еще ближе подходим к царству Христа. Только Бог знает будущее, и Он видит, с самого начала, чем все закончится. Мы, бедные смертные, знаем все лишь «отчасти», видим «как бы сквозь тусклое стекло». Но по мере того, как Провидение осуществляет свои замыслы, перспектива расширяется, старые предрассудки исчезают, надежда и милосердие облагораживают наш кругозор. Историк должен быть беспристрастным, но не нейтральным и равнодушным. Он должен идти по стопам Божьего Провидения, которое формирует наши задачи и обращает на благо истины, правды и мира все человеческие события.

В библиотеках Европы, во время нескольких летних посещений (в общей сложности тринадцати), я собрал достаточно материала для составления объемной истории Реформации и обработал этот материал дома. Я изучал литературу о Лютере в Берлине, о Цвингли — в Цюрихе, о Кальвине — в Женеве и Париже, об английской и шотландской Реформации — в Лондоне, Оксфорде и Эдинбурге. Два года тому назад я вновь посетил, с великим удовольствием, классические памятные места Реформации: Виттенберг, Эйслебен, Эйзенах, Вартбург, Халле, Лейпциг, Йену, Веймар, Эрфурт, Готу, Гейдельберг, Цюрих, Женеву — и повсюду встретил добрых друзей и собратьев-христиан. В Марбурге, Кобурге, Аугсбурге я был раньше. Для сопоставления я в тот же год совершил интересную поездку

по римско-католической Испании, стране Фердинанда и Изабеллы, Карла V, Филиппа II и Игнатия Лойолы, и сравнил ее бывшее и нынешнее государство с протестантским севером. В Италии я был трижды, в том числе три месяца прожил в Риме. Посещение мест, где происходили события, делает исследователя ближе к их действующим лицам и ставит его почти что на место очевидца.

В этом томе, помимо общего вступления к современной истории церкви, говорится о продуктивном периоде немецкой Реформации, от ее начала до Аугсбургского рейхстага (1530) и смерти Лютера (1546), а в заключение дается оценка характера и заслуг этого выдающегося человека. Я использовал веймарское издание трудов Лютера по мере выхода его томов, а в недостающих случаях издание Уолша и Эрлангенское издание. Из современных протестантских историков я в основном консультировался у Ранке (моего учителя) и Кестлина (моего друга), со взглядами которых на Лютера и Реформацию я вполне согласен. Я также постоянно обращался к академическим католическим трудам Доллингера и Янссена, а также к многочисленным монографиям. Читатель найдет распределенные по группам списки источников и литературы в каждом разделе, а также отдельные экскурсы в область философии церковной истории (например, во вступительной главе, в §49, 56, 63, 79, 87, 99 и т. д.). Я попытался интерпретировать прошлое в свете настоящего и сделать движения XVI века более понятными, указав на их последствия в XIX веке, ибо мы должны судить о дереве по его плодам. «Мельница Бога мелет медленно, но удивительно тонко».

Я сознаю, что в этой новой попытке рассказать историю Реформации есть недостатки. Об этом мне говорили друзья и враги, но весьма часто они руководствовались духом противоречия. Я сделал все, что мог. Бог ждет от Своих служителей лишь преданного использования их способностей и возможностей.

АВТОР
Нью-Йорк, сентябрь 1888 г.

**ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСТВА**

РЕФОРМАЦИЯ

1517 — 1648

ГЛАВА I

ОБЩИЙ ОБЗОР

Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода.
(2 Коринфянам 3:17)

§1. Поворотный момент современной истории

РЕФОРМАЦИЯ XVI века — величайшее событие в истории после учреждения христианства. Она знаменует конец средних веков и начало современного периода. По происхождению это явление было религиозным, но оно затронуло, прямо или косвенно, практически все движения, сделав протестантизм главной движущей силой в истории современной цивилизации.

Век Реформации весьма похож на I век. Они оба, как никакой другой период, богаты на великих и благочестивых людей, на важные события и на долгосрочные следствия. Оба несут в себе зрелые плоды предыдущих и плодотворные зародыши последующих эпох. Это поворотные моменты истории человечества. Их воздействие ощущается по сей день и будет ощущаться до конца времен. Они изменили мир начиная с глубин человеческой души, соприкасающейся с вечным Бытием. Провидение предварило эти периоды определенным стечением обстоятельств и тенденций мысли. Путь к христианству подготовили Моисей и пророки, рассеяние иудеев, завоевания Александра Македонского, язык и литература Греции, оружие и законы Рима, упадок идолопоклонства, распространение скептицизма, жажда нового откровения, надежда на приход Мессии. Реформации предшествовали и сделали ее необходимой развращенность папства, упадок монашества и схоластического богословия, развитие мистики, пробуждение литературы, воскрешение греческой и римской классики, изобретение книгопечатания, открытие Нового Света, публикация греческого Нового Завета, общий дух исследования, жажда национальной независимости и личной свободы. В оба века мы слышим творческий голос Всевышнего, вызывающего свет из тьмы.

XVI век — это век возрождения в религии, литературе и искусстве. Его атмосфера была проникнута духом прогресса и свободы. Снег долгой зимы быстро таял под лучами летнего солнца. Казалось, вернулась молодость мира. Старое уходило. Всё становилось новым. Пессимисты и робкие консерваторы весьма тревожились, наблюдая это угрожающее ниспровержение любимых ими понятий и установлений. Они жаловались, искали виноватых и приходили в отчаяние, как обычно, совершенно бесполезное. Мыслящие наблюдатели знамений времени с надеждой и радостью смотрели в будущее. «Какой век! — восклицал Ульрих фон Гуттен. — Исследования процветают, души пробуждаются. Как прекрасно жить в нем!» А Лютер писал в 1522 г.: «Если вы почитаете хроники прошлых лет, вы не найдете ни одного века, подобного этому, с момента рождения Христа. Такого строительства и созидания нового, такого благочестия, такой предприимчивости в торговле, такого расцвета всех искусств не было с тех пор,

как Христос пришел в мир. А сколько вокруг проникательных и умных людей, для которых ничто не остается скрытым и неизученным! Даже двадцатилетний юноша сегодня знает больше, чем раньше знали двадцать докторов богословия».

То же самое, но с еще большей определенностью, можно сказать о XIX веке, который в первую очередь является веком открытий и изобретений, исследований и прогресса. И тогда, и сейчас люди стремились к свету и свободе, причем стремление это вело их в двух направлениях — либо к скептицизму и неверию, либо к пробуждению истинной веры, исходящей из первоисточника. Но христианство победило тогда, и оно возродит мир еще раз.

Протестантская Реформация взяла в свои руки кормило либеральных тенденций и движений Возрождения, направила их в русло христианской жизни и спасла мир от губительной революции. Ибо Реформация не была ни революцией, ни реставрацией, хотя включала в себя элементы того и другого. Она отвергала и уничтожала заблуждение, поддерживала и утверждала истину. Она была консервативной и прогрессивной одновременно. Она создала новые установления на месте тех, которые сносила, и она увенчалась успехом именно по этой причине и именно в той степени, в которой рушила старое.

Под материнской заботой Латинской церкви Европа стала христианской и цивилизованной. Она объединилась в семью народов под духовным правлением папы и светским правлением императора, с одним символом веры, одним обрядом, одним учением и одним священным языком. Состояние язычества и варварства в начале XVI века не похоже на состояние христианской Европы в начале XVI века, как полуночная тьма не похожа на утренний рассвет. Но дневное солнце еще не взошло.

Мы чтим Католическую церковь и те заслуги, которые она оказала человечеству, но христианство глубже и шире, чем любая церковная организация. Оно вырвалось за пределы средневековых форм, проложило новые пути и вывело Европу на более высокий уровень интеллектуальной, моральной и духовной культуры, чем когда бы то ни было.

§2. Протестантизм и романизм

Протестантизм представляет самую просвещенную и активную часть современной истории церкви, но не всю ее.

Начиная с XVI века западный христианский мир делится, а затем развивается двумя разными путями. Это разделение можно сравнить с восточным расколом IX века. Тогда обе стороны были так же тверды и неуступчивы в отношении вероучительной проблемы *Filioque* и еще более важного практического вопроса о папстве. Но протестантизм отличается от Римской церкви гораздо сильнее, чем Римская церковь — от Греческой, и протестантский раскол породил множество меньших расколов, приведших к существованию разных церковных организаций.

Мы должны различать католичество и романизм. Католичество в исходном вселенском, «кафолическом» смысле включает в себя древнюю Восточную церковь, затем средневековую церковь и, уже в более широком плане, все современные евангельские церкви. А романизм — это Латинская церковь, ополчившаяся против Реформации, подкрепленная Тридентским собором и дополненная Ватиканским собором 1870 г. с его учением об абсолютной власти папы и папской непогрешимости. Средневековая Католическая церковь — доевангельская. Она ждет Реформации. Современная Римская церковь — антиевангельская, осуждающая Реформацию,

однако упорно держащаяся за некогда санкционированные вселенские учения, причем делающая это больше из-за притязаний на непогрешимость.

Исторический предшественник и аналог этой разницы между католичеством до Реформации и Римской церковью после Реформации — это противопоставленность дохристианского Израиля, который готовил путь христианству, и христианского иудаизма, который выступил против христианства как против отступничества.

Католичество и протестантизм представляют два разных типа христианства. Они произрастают из одного корня, но их ветви разные.

Католичество — это христианство закона, которое стало для варварских народов Средневековья обязательной школой наставления. Протестантизм — это евангельское христианство, свойственное веку человеческой независимости. Католичество традиционно, иерархично, связано с обрядами, консервативно. Протестантизм основан на Библии, демократичен, духовен, прогрессивен. Первое руководствуется принципом власти, второй — принципом свободы. Но закон, пробуждая осознание греховности и вызывая желание искупления, ведет к Евангелию. Родительская власть — это школа свободы, и за послушанием детей следует самостоятельность взрослых людей.

Романизм еще глубже оттенил особенности средневекового католичества, не нарушая лежащего в их основе единства.

Романизм и традиционный протестантизм верят в одного Бога, Отца, Сына и Святого Духа, и в одного Богочеловека, Господа и Спасителя человечества. Они оба принимают Священное Писание и соборную веру. Они соглашаются во всех положениях Апостольского символа веры. То, что объединяет их, гораздо глубже, сильнее и важнее того, что их разделяет.

Однако романизм принимает крайне большое количество «преданий старцев», которые отвергаются в протестантизме как отсутствующие в Писании или противоречащие ему. К таким преданиям относятся папство, поклонение святым и реликвиям, пресуществление, жертвоприношение мессы, молитвы и мессы за умерших, сверхдолжные заслуги святых, чистилище, индульгенции, монашеская система с пожизненными обетами и аскетическими практиками, а также множество суеверных обрядов и церемоний.

С другой стороны, протестантизм воспринял и разработал учения Августина о грехе и благодати. Он провозгласил господство Божьей милости в спасении человека, достаточность Писания как правила веры и достаточность заслуги Христа как источника оправдания. Он заявил о праве непосредственного доступа к Слову Божьему и к престолу благодати без людей-посредников. Он обеспечил свободу христиан от рабства. Он заменил общественной моралью монашеский аскетизм и простым поклонением в духе все внушительные церемонии, которые больше будоражили чувства и воображение, чем воздействовали на ум и сердце.

Разницу между католической и протестантской церквями символически предвещало различие между обращенными в христианство иудеями и язычниками в апостольскую эпоху. Этим различием и определилось все будущее течение церковной истории. Представление об обрезании и о соблюдении закона Моисея как условия членства в церкви угрожало вызвать раскол на соборе в Иерусалиме, но вопрос был решен благодаря мудрости и терпимости апостолов, согласившихся с тем, что иудеи и язычники в равной мере «благодатию Господа Иисуса Христа спасутся» (Деян. 15:11). Но даже после того, как спор был улажен в Иерусалиме и стороны пришли к компромиссу, Павел в Антиохии вступил в

острый конфликт с Петром из-за той же самой проблемы и протестовал против взглядов старшего соратника, отрицавшего то, во что он верил, и не признававшего обращенных язычников. Не случайно Римская церковь считает своим основоположником и первым папой Петра, а реформаторы в первую очередь ссылаются на Павла и находят в его посланиях к галатам и римлянам основание для своей антропологии и сотериологии, а также для своего учения о христианской свободе. Спор между Павлом и Петром был временным, так и война между протестантами и католиками в конечном итоге завершится, когда это будет угодно Богу.

Реформация началась одновременно в Германии и Швейцарии, после чего с поразительной быстротой прокатилась по Франции, Голландии, Скандинавии, Богемии, Венгрии, Англии и Шотландии. В XVII веке благодаря эмиграции она распространилась и на Северную Америку, а благодаря торговым и миссионерским предприятиям — на все голландские и английские колонии и на все языческие страны. Реформация охватила большинство тевтонских и часть латинских народов и в течение какого-то времени даже грозила ниспровергнуть папскую церковь.

Но в конце XVI века триумфальное шествие Реформации внезапно остановилось. Романизм воспрянул, как раненый колосс, и предпринял самые решительные попытки вернуть себе утраченные территории Европы и распространить свою власть на Азию и Южную Америку. С этого момента отношения двух церквей не сильно изменились, однако прогресс светской и церковной истории в основном протекает в русле протестантизма.

Во многих отношениях Римская католическая церковь наших дней лучше церкви средневековой. Протестантская Реформация пошла ей на благо, и в протестантских странах католичество гораздо менее развращено и более процветает, чем в папистских. Католичество вынуждено было провести реформы, уничтожив некоторые из наиболее вопиющих злоупотреблений и вдохнув новую жизнь и рвение в клириков и мирян. Начиная с XVI века в истории католичества уже больше не случалось папских расколов. Папы с характером Александра VI или даже Льва X больше не могли быть избраны. Католичество живет в основном прошлым, но для своей защиты пользуется всем арсеналом современного оружия. Римская церковь более многочисленна, чем греческие и протестантские церкви. Она еще сохраняет свое влияние среди латинских народов обоих полушарий. Она удовлетворяет религиозные потребности миллионов людей в самых разных странах и климатических условиях. Она обучает, занимается благотворительностью и миссионерством по всему земному шару. Она усиливается, когда протестантизм вырождается и пренебрегает своими обязанностями. Благодаря своей почтенной древности, исторической преемственности, видимому единству, централизованной организации, впечатляющим обрядам, священному искусству и аскетическому благочестию она привлекает к себе интеллигентные и образованные умы, тогда как числящиеся в ее лоне простые люди пребывают в невежестве и суеверно восхищаются ее мистической властью открывать врата небес и ада и сокращать страдания умерших в чистилище. Действуя на благо или во вред ему, она является крупнейшей консервативной силой современного общества, и есть веские причины полагать, что она просуществует до конца времен.

Таким образом, эти два ответвления западной христианской церкви взаимозависимы друг от друга и воодушевляют друг друга на благородное состязание в добрых делах.

Хотя расколы в христианском мире сами по себе нехороши и являются источником многих зол, они имели и благое следствие — умножение числа организа-

ций, обращающих мир ко Христу, и облегчение свободного роста на всех этапах религиозной жизни. Зло же состоит не столько в факте существования многих деноминаций, который тоже не случаен, сколько в духе сектантства и исключительности, отрицающем права и добродетель других церквей.

Реформация XVI века не была завершением процесса. Движение продолжается. Мы можем с надеждой ждать еще более возвышенной, глубокой и обширной Реформации, когда Бог в Своей всевластной мудрости и милости, излив, как в Пятидесятницу, Своего Духа на все церкви, воссоединит то, что было разделено грехом и неразумием людей. Ведь должно быть и, в самом полном смысле Христового пророчества, будет только «одно стадо и один Пастырь» (Ин. 10:16)¹.

§3. Необходимость Реформации

На развращенность и злоупотребления Латинской церкви давно уже жаловались лучшие из людей и даже общецерковные соборы. О реформе главы и членов постоянно говорили в Пизе, Констанце и Базеле, но на протяжении целого века такая перемена оставалась лишь мечтой, *pium desiderium*.

Давайте вкратце рассмотрим плачевное состояние церкви в начале XVI века.

Папство было обмирщенным. Оно превратилось в эгоистичную тиранию, иго которой становилось все более и более невыносимым. Скандальный папский раскол был устранен, но нравственность папства, после временного улучшения, стала еще хуже, чем в 1492 — 1521 г. Александр VI был греховным чудовищем. Юлий II — политиком и воином, а не духовным пастырем. А Лев X гораздо больше интересовался возрождением языческой литературы и искусства, чем религией. Говорят, он даже сомневался в правдивости евангельской истории.

Неудивительно, что многие кардиналы и священники следовали скандальному примеру пап, что ослабляло уважение мирян к клиру. Труды ученых, проповедников и сатириков того времени полны жалоб и изобличений невежества, грубости и безнравственности священников и монахов. Бесстыдно практиковались симония и nepотизм. За внешним безбрачием скрывались нечистота и блуд. Места епископов захватывали младшие сыновья князей и знати, вне зависимости от их качеств. Гейлер из Кайзерсберга, суровый проповедник моральной реформы в Страсбурге (ум. в 1510), обвиняет всю Германию в том, что невежественные и мирские люди получают высшие церковные посты из-за одного только своего происхождения. Томас Мурнер жалуется, что дьявол превратил знать в клириков и монополизировал для нее епископские посты². Соединение многих церковных должностей в одних руках и отсутствие епископа в епархии были

¹ Мы говорим «одно стадо» (*μία ποιμήν*), а не «один загон» (что звучало бы как *μία αἰλή*). «Загон», неверное толкование, перешло в английский Перевод короля Иакова из латинского перевода (*ovile*), и это слово часто использовали как аргумент в пользу папства и церковного единообразия. В Пересмотренном переводе короля Иакова это место было исправлено. Два стада, иудеи и язычники, оказались под руководством одного Пастыря (*ποιμήν*), а не вошли в *αἰλή* иудеев. Стадо может быть единым, несмотря на наличие нескольких «загонов» — церковных организаций. Пророчество, без сомнения, уже исполнилось с созданием апостольской церкви (Еф. 2:11-22), но оно исполнится и еще раз, когда «войдет полное число язычников, и весь Израиль спасется» (Рим. 11:25,26).

² В его *Narrenbeschwörung* (1512) мы читаем:
*Aber seit der Teufel hat
 Den Adel bracht in Kirchenstat,
 Seit man kein' Bischof mehr will han
 Er sei denn ganz ein Edelmann, etc.*

весьма распространены. Архиепископ Майнца Альбрехт был в то же время архиепископом Магдебурга и епископом Гальберштадта. Кардинал Уолси был архиепископом Йорка и английским канцлером, получал жалованье от королей Франции и Испании и венецианского дожа и имел пятьсот слуг. Иаков V Шотландский (1528 — 1542) позаботился о своих незаконнорожденных детях, сделав их аббатами Холируд-Хауса, Келсо, Мелроуза, Колдингема и Сент-Эндрюса и доверив королевским фаворитам места епископов.

Дисциплина почти не поддерживалась. Монастыри и монашеские ордена стали рассадниками невежества и суеверия, праздности и разврата. К ним относились с презрением и высмеивали. Мы видим это из спора Рейхлина с доминиканцами, из трудов Эразма и из *Epistolae Virorum Obscurorum*.

Богословская наука представляла собой лабиринт схоластических тонкостей, диалектики Аристотеля и праздных измышлений и не обращала внимания на великие учения Евангелия. Карлштадт, старший коллега Лютера, признавался, что впервые увидел полный текст Библии, лишь когда уже стал доктором богословия. Образование получали только священники и знать. Масса мирян не умела ни читать, ни писать и не имела никакого доступа к слову Божьему, кроме уроков Писания с кафедры.

Главной обязанностью священника было совершать, посредством произнесения магических слов, чудо пресуществления и приносить жертву мессы за живых и мертвых на непонятном народу языке. Многие священники делали это механически или со скептической сдержанностью, особенно в Италии. Проповедью пренебрегали, и она касалась в основном индульгенций, сбора пожертвований, паломничеств и шествий. Церкви были полны хороших и плохих изображений, настоящих и поддельных реликвий. Поклонение святым и образам, суеверные обряды и церемонии мешали прямому поклонению Богу в духе и в истине.

Благочестие, которое должно было проистекать из живого союза души со Христом и духовного посвящения, стало внешним. Оно сводилось к ряду механических действий — повторению патерностеров и авемарий, постам, сборам в церковную кружку, исповеди перед священником и паломничеству к святым местам. Добрые дела оценивались скорее с точки зрения количества затраченных средств, чем с точки зрения качества, и ценность их умалял принцип заслуг, так как они часто делались из эгоистичного желания получить награду. Отпущение грехов можно было купить за деньги. Позорная торговля индульгенциями проводилась с разрешения папы ради алчной выгоды, а также ради строительства купола собора Святого Петра и вызвала тот всплеск морального негодования, который стал началом Реформации и страшного суда над Римской церковью.

Это, конечно же, одностороннее, но не преувеличенное описание. Оно правдиво, и его следует лишь дополнить описанием светлой стороны картины, которое будет представлено в следующей главе.

Хотя честные католические исследователи и заявляют о непогрешимости и вытекающем из нее вероучительном постоянстве своей церкви, они твердо признают, что в XVI веке наблюдался упадок дисциплины и чувствовалась потребность в моральной реформе³.

³ Например, Беллармин и Боссюэ. Мелер также (в *Kirchengesch.*, III. 99) говорит: «Мы не считаем, что период перед Реформацией был временем процветания церкви, потому что тысячи голосов требовали реформы ее главы и членов» (*wir hören aus derselben den tausendstimmigen Ruf nach einer Verbesserung an Haupt und Gliedern uns entgegentönen*). Даже Янссен, восхваляющий средневековую Германию, посвящает заключительный раздел первого тома своей

Лучшее доказательство этого нам предоставил папа исключительно последовательного поведения, Адриан VI, который сделал необычное признание о развращенности папства и клира на Нюрнбергском рейхстаге 1522 г. и попытался искренне, хотя и безуспешно, провести реформы при своем дворе. Тридентский собор был создан не только для уничтожения ереси, но и «для реформы клира и христианского народа»⁴, и папа Пий IV, в булле с подтверждением, также заявляет, что одной из задач собора было «исправление морали и восстановление церковной дисциплины»⁵.

С другой стороны, следует признать, что церковь не раз бывала и в худшем положении, например, во время папского раскола в XIV веке, а особенно в X и XI веках, однако папа Гильдебранд и его преемники смогли провести преобразования без раскола и без изменения католического символа веры.

Почему то же самое не могло произойти в XVI веке? Потому что Римская церковь в критический момент изо всех сил сопротивлялась реформам и сделала неизбежной следующую ситуацию: либо никакой реформы, либо реформа в оппозиции Риму.

Вина в западном расколе лежит на обеих сторонах, как и вина в расколе восточном, хотя ни один человеческий суд не может определить меру этой ответственности. Без сомнения, многое объясняется неистовостью и максимализмом протестантской оппозиции, но еще большее — нетерпимостью и упрямством сопротивлявшегося Рима. В течение долгого времени папский двор боролся с Реформацией только плотским оружием политического влияния, дипломатических интриг, светского богатства, высокомерной гордости, схоластической философии, авторитарной власти и кровавых гонений. Он повторил политику иудейской иерархии, которая распяла Мессию и выгнала апостолов из синагоги.

Но мы должны пойти дальше этого пристрастного оправдания и рассматривать тему в свете результатов Реформации.

Очевидно, что Провидение намеревалось создать христианство нового типа, не ограниченное папством, и история этих трех сотен лет — лучшее объяснение и оправдание данного замысла. Каждое историческое движение следует судить по его плодам.

Элементы такого движения вперед наблюдались еще до того, как Лютер и Цвингли начали протестовать против папских индульгенций.

§4. Подготовка к Реформации

C. ULLMANN: *Reformatoren vor der Reformation*. Hamburg, 1841, 2^d ed. 1866, 2 vols. (англ. перев. R. Menzies, Edinb. 1855, 2 vols.). C. DE BONNECHOSE: *Réformateurs avant réforme du xvi. siècle*. Par. 1853, 2 vols. Хорошее резюме — GEO. P. FISHER: *The Reformation*. New York, 1873, ch. III. 52-84; также в первых двух лекциях CHARLES BEARD: *The Reformation*, London, 1883, p. 1-75. См. также многочисленные монографии различных исследователей эпохи Возрождения, о Виклифе, Гусе, Савонароле, Гуттене, Рейхлине, Эразме и т. д. Подробный рассказ о подготовке к Реформации есть в последних главах «Истории средневекового христианства» (см. т. VI), и мы здесь просто повторяем основные моменты.

Geschichte des deutschen Volkes (p. 594-613) рассуждениям о некоторых из вопиющих зол того времени.

⁴Sess. I (13 декабря 1545 г.): *ad extirpationem haeresium, ad pacem et unionem ecclesiae, ad reformationem cleri et populi Christiani*. См. Smets, *Concilii Trident. Canones et Decreta*, p. 10.

⁵*Ad plurimas et perniciosissimas haereses extirpandas, ad corrigendos mores, et restituendam ecclesiasticam disciplinam, etc.* См. Smets, l. c., 209.

Иудаизм перед пришествием Христа находился в весьма прискорбном состоянии, и те, кто занял место Моисея, действовали как слепые вожди слепых. Но спасение должно было исходить от иудеев. Из этого народа произошли Иоанн Креститель, Дева Мария, Мессия и апостолы. Иерусалим, побивавший камнями пророков и распявший Господа, был также свидетелем чуда Пятидесятницы и стал местом возникновения первой церкви, которая дала начало остальным церквям христианского мира. Так и Католическая церковь XVI века, хотя ее глава и члены были развращены, оставалась церковью живого Бога и дала рождение Реформации, которая вымела сор человеческого предания и вновь открыла чистый источник Евангелия Христова.

Не следует забывать о том, что все деятели Реформации родились, крестились, прошли конфирмацию и воспитывались в лоне Римской Католической церкви, и большинство из них были священниками у ее алтарей, приняв священный обет повиновения папе. Они были так же тесно связаны с папской церковью, как апостолы и благовестники — с синагогой и храмом. И они были так же правы, когда покинули общину своих отцов. Точнее, они даже не покинули ее, а были изгнаны правящей иерархией.

Реформация вернулась к первоначальным принципам, чтобы пойти дальше. Она уходила корнями в далекое прошлое и должна была принести плод в будущем. Почти одновременно она распространилась в разных концах Европы, и ее с энтузиазмом приветствовали ведущие умы того века, церковные и государственные. Ни одно из великих движений истории — за исключением самого христианства — не отличалось таким размахом и не было так тщательно подготовлено, как Реформация.

Реформаторские соборы в Пизе, Констанце и Базеле, конфликт императоров с папой, созерцательное благочестие мистиков с их жаждой непосредственного общения с Богом, возрождение классической литературы, великое интеллектуальное пробуждение, библейские исследования Рейхлина и Эразма, возникновение духа национальной независимости, Виклиф и лолларды в Англии, Гус и гуситы в Богемии, Иоганн фон Гох, Иоганн фон Везель и Иоганн Вессель в Германии и Нидерландах, Савонарола в Италии, братья общинной жизни, вальденсы, друзья Бога — все эти люди и события внесли свой вклад в великие перемены и проложили путь для новой эры христианства. Сама внутренняя жизнь церкви требовала наступления этой новой эры. Вряд ли можно найти хоть один принцип или догмат Реформации, который в XIV — XV веках не предвосхитили бы и у которого не было бы ранее своих сторонников. Как признавался Лютер, оппоненты могли бы обвинить его в том, что он позаимствовал все свои идеи у Иоганна Весселя, если бы он раньше вообще был знаком с трудами последнего. Топлива хватало по всей Европе, но нужна была искра, чтобы пламя разгорелось.

К войне против папства примешивались неукротимые страсти, политические интриги, амбиции и жадность князей, разнообразные эгоистические и мирские мотивы. Однако все эти сопутствовавшие обстоятельства наблюдались также и в ходе распространения христианства среди варваров-язычников. «Когда Бог строит где-нибудь церковь, дьявол строит рядом часовню». Человеческая природа ужасно развращена и пятнает скверной даже самые благороднейшие движения истории.

Религиозные вожди Реформации, хотя они и не были безупречны, в конечном счете руководствовались самыми чистыми мотивами и ставили перед собой возвышенные задачи, и нет такого народа, который не получил бы пользы от произошедших перемен.

§5. Дух и цель Реформации

IS. AUG. DORNER: *On the formal, and the material Principle of the Reformation*. Два очерка, впервые опубликованные в 1841 и 1857 г. и вновь воспроизведенные в его *Gesammelte Schriften*, Berlin, 1883, p. 48-187. Также его *History of Protestant Theology*, англ. перев., 1871, 2 vols.

PHIL. SCHAFF: *The Principle of Protestantism*, Chambersburg, Penn., 1845 (на немецком и на английском); *Protestantism and Romanism and Principles of the Reformation*, два очерка в его «Christ and Christianity», N. York, 1885, p. 124-134. Также *Creeds of Christendom*, vol. I. 203-219.

DAN. SCHENKEL: *Das Princip des Protestantismus*. Schaffhausen, 1852 (92 стр.). Это заключительный раздел его крупного труда *Das Wesen des Protestantismus*, 3 vols.

К. F. А. КАННИС: *Ueber die Principien des Protestantismus*. Leipzig, 1865. Также его *Zeugniss von den Grundwahrheiten des Protestantismus gegen Dr. Hengstenberg*. Leipzig, 1862.

CHARLES BEARD: *The Reformation of the Sixteenth Century in its relation to Modern Thought and Knowledge*. Hibbert Lectures, 1883. London, 1883. Взгляд унитария. Написано в духе достойной учености и духовности.

HENRY WACE и С. А. БУСНHEIM: *First Principles of the Reformation, or the 95 Theses and three Primary Works of Dr. M. Luther*. London, 1885.

Литература о разнице между лютеранским и реформатским, или кальвинистическим, протестантизмом приводится в SCHAFF, *Creeds of Christendom*, I. 211.

О духе и цели евангельского протестантизма лучше всего говорил апостол Павел в своем Послании к галатам, направленном против иудействующих: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства». Христианская свобода — такое бесценное благословение, что никакие злоупотребления не могут оправдать возвращение в состояние духовного деспотизма и рабства. Но только те, кто наслаждался ею, могут правильно ее оценить.

Реформация сначала была чисто религиозным движением. Она показывает нам поразительный пример всепроникающей силы религии в истории. Она началась с вопроса: что должен сделать человек, чтобы спастись? Как грешник может быть оправдан перед Богом и успокоить свою тревожную совесть? Реформаторы прежде всего заботились о спасении души, о славе Христа и о победе Его Евангелия. Они гораздо больше думали о грядущем мире, чем о теперешнем. Все политические, национальные и литературные интересы они подчиняли религии⁶.

Однако реформаторы не были монахами. Они были живыми людьми, которые жили в живое время. Они были не пессимистами, а оптимистами, людьми действия, а не только мыслителями, искренними, сильными, полными надежды, свободными от эгоистичных мотивов и целей, исполненными веры и Святого Духа, соразными всем своим предшественникам со времен апостолов. Из центра, находившегося в религиозной жизни, они оказали влияние на все стороны человеческой жизни и деятельности и дали мощный импульс развитию политической и гражданской свободы, богословия, философии, науки и литературы.

Реформация устранила препятствия, которые папская церковь поставила между Христом и верующим. Реформация открыла путь к непосредственному сою-

⁶То, что доктор Баур, тюбингенский критик и историк, говорит о Лютере, в равной мере применимо ко всем остальным реформаторам: *Dass für Luther die Reformation zur eigensten Sache seines Herzens geworden war, dass er sie in ihrem reinsten religiösen Interesse auffasste, getrennt von allen ihr fremdartigen bloß äusserlichen Motiven, dass es ihm um nichts anderes zu thun war, als um die Sache des Evangeliums und seiner seligmachenden Kraft, wie er sie an sich selbst in seinem innern Kampf um die Gewissheit der Sündenvergebung erfahren hatte, diess ist es, was ihn zum Reformator machte. Gesch. der Christl. Kirche*, vol. IV. 5 (издано его сыном, 1863). Фроуде говорит о Лютере: «Он возродил и сохранял дух благочестия и уважения, в котором единственно возможен реальный прогресс» (*Luther*, Preface, p. vi).

зу со Христом как единственным Посредником между Богом и человеком и сделала Его Евангелие доступным для каждого читателя, устранив необходимость заручаться позволением священников. Реформация была возвращением к первопринципу и, по этой самой причине, великим достижением. Это было возрождение изначального христианства и в то же время его более глубокое понимание и применение, чем когда-либо прежде.

У Реформации есть три фундаментальных принципа: превосходство *Писания* над преданием, превосходство *веры* над делами и превосходство христианского *народа* над священством. Первый принцип может быть назван объективным, второй — субъективным, третий — общественным или церковным⁷.

Все они сводятся к одному принципу — *церковной свободы* или *свободы во Христе*. Окончательная задача евангельского протестантизма — привести каждого человека к живому союзу со Христом как единственным и вседостаточным Господом и Спасителем от греха и смерти.

§6. Авторитет Писания

Объективный принцип протестантизма гласит, что Библия, как богодухновенное откровение, является единственным непогрешимым правилом веры и практики — в отличие от католического *Писания и предания* как совмещенных правил веры.

Учение живой церкви в протестантизме никоим образом не отвергается, но подчиняется Слову Божьему, в то время как противоположная теория, по сути, подчиняет Библию преданию, превращая предание в единственно позволительное толкование Библии, ограничивающее возможность понимания Библии воображаемым *consensus patrum*, единодушием отцов. В применении принципа о превосходстве Библии наблюдалась заметная разница между более консервативной лютеранской и англиканской Реформацией и более радикальной Реформацией Цвингли и Кальвина. Консервативная Реформация вобрала в себя много преданий, обычаев и установлений, не входящих в Писание и созданных позже, в то время как радикальная Реформация, желая изначальной чистоты и простоты, отвергла их как бесполезные или опасные. Но все деятели Реформации выступали против учений, которые считались противоречащими Писанию. Все они соглашались с принципом, что церковь не имеет права навязывать совести никаких догматов веры, у которых нет четкого подтверждения в Слове Божьем.

Каждый подлинно прогрессивный сдвиг в истории церкви обусловлен новым и более глубоким этапом в области изучения Писания, из которого можно черпать истину до бесконечности. Если гуманисты возвращались к античной классике и возрождали дух греческого и римского язычества, то реформаторы вернулись к Священному Писанию на языке оригинала и возродили дух апостольского

⁷ Немецкие авторы различают обычно два принципа Реформации: авторитет Писания и оправдание верой, и первый они называют *формальным* принципом (или *Erkenntnisprinzip, principium cognoscendi*), а второй — *материальным* (*principium essendi*). О третьем они не говорят, за исключением Кахниса, который находит третий принцип в идее невидимой церкви и называет его *Kirchenprinzip*. Лютеранская церковь ставит учение об оправдании верой на первое место. В Формуле согласия он назван *articulus praecipuus in tota doctrina Christiana*. А в реформатских символах веры первое место уделяется учению о нормативном авторитете Писания, из которого единственно могут извлекаться артикулы веры, тогда как учение об оправдании верой они заменяют на более широкое учение об избрании и спасении безвозмездной благодатью через веру. Эта разница характерна, но не влияет на единство между ними в понимании сущности вопросов.

христианства. Они относились к Евангелию с пылким энтузиазмом, неведомым со времен Павла. Христос поднялся из могилы человеческого предания и вновь проповедовал жизнь как власть имеющий. Библия, которая прежде была, в лучшем случае, книгой священников, была заново, более точно, чем прежде, переведена на языки Европы и стала книгой народа. Каждый христианин мог теперь обратиться к богодухновенному источнику и занять место у ног Божественного Учителя без соизволения и вмешательства священников. Это достижение Реформации стало источником неизмеримого блаженства для всех грядущих эпох. За несколько лет перевод Лютера прочитало больше мирян, чем священников латинскую Вульгату — за все времена. Нынешние протестантские библейские общества за один год распространяют больше экземпляров Библии, чем было изготовлено за пятнадцать веков до Реформации.

Однако мы должны помнить, что этот чудесный прогресс стал возможен только благодаря изобретению книгопечатания и последующему обучению народа. Католическая церковь сохранила Священное Писание во времена невежества и варварства. Латинская Библия была первым даром книгопечатников миру. До 1518 г. вышли четырнадцать или более изданий немецкого перевода. Первые два издания греческого Нового Завета мы получили благодаря либеральности испанского кардинала (Хименеса) и предприимчивости голландского ученого из Базеля (Эразма). Этот последний создал текст, на основании которого (вместе с Вульгатой Иеронима) были сделаны переводы Лютера и Тиндейла.

Римская церковь хотя и признает богодухновенность и авторитет Библии, но предпочитает руководить мирянами через наставления священников и допускает чтение Писания на родных языках только при условии определенных ограничений и предосторожностей, боясь злоупотребления и профанации. Папа Иннокентий III считал, что Писание слишком сложно для понимания простых людей, так как его не до конца понимают даже мудрые и ученые. Несколько синодов в Галлии, в XIII веке, запретили читать романский перевод и велели сжечь его копии. Архиепископ Бертольд из Майнца в эдикте от 4 января 1486 г. угрожал отлучением всякому, кто осмелится переводить и распространять переводы священных книг, особенно Библии, без его разрешения. Собор в Констанце (1415), который приговорил к сожжению Яна Гуса и Иеронима Пражского, также вынес приговор уничтожить огнем произведения и останки Виклифа, первого переводчика всего текста Библии на английский язык. Арундель, епископ Кентерберийский и канцлер Англии, осудил Виклифа как «вредного злодея, распространителя губительной ереси, который, в дополнение к своей греховности, избрал новый перевод Писания на свой родной язык». Папа Пий IV (1564), убежденный, что неосторожное чтение переводов Библии приносит больше вреда, чем пользы (*plus detrimenti quam utilitatis*), разрешал мирянам читать священные книги только с особого позволения епископа или инквизитора. Климент VIII (1598) постановил, что правом давать такие разрешения обладает лишь конгрегация, составляющая Индекс. Григорий XV (1622) и Климент XI (в булле *Unigenitus*, 1713) повторили этот запрет. Бенедикт XIV, один из либеральных пап, распространил разрешение читать Библию на родном языке на всех верующих, но с тем условием, чтобы перевод был одобрен Римом и сопровождался объяснениями из трудов отцов церкви и католических ученых (1757). Конечно, это ставит вне закона все, даже самые лучшие, протестантские переводы. Они считались порочными и еретическими и часто сжигались в католических странах, особенно в связи с контрреформацией иезуитов в Богемии и других местах. Первое издание

Нового Завета Тиндейла ввозилось в Англию контрабандой. По приказу Тунстолла, епископа Лондона, его сжигали во дворе собора Святого Павла, недалеко от того места, откуда сегодня Библии рассылаются по всему земному шару. Современные папы осуждают библейские общества как «чуму, которая ведет к искажению Евангелия Христа и превращению его в бесовское евангелие». В папском *Syllabus* Пия IX (1864) *Societates Biblicae*, библейские общества, ставятся в один ряд с социализмом, коммунизмом и тайными обществами. Они названы «чумой, которая часто осуждалась в самых суровых выражениях», и в качестве доказательства приводится несколько энциклик, вышедших с 9 ноября 1846 г. по 10 августа 1863 г.⁸

Такое осуждение католиками протестантских библейских обществ могло бы быть в какой-то мере оправданным, если бы папы поддерживали католические библейские общества, что было бы лучшим доказательством их желания распространять Писание. Но католических библейских обществ не существует. И, к счастью, папские буллы в наше время не имеют большого влияния. Несмотря на официальные запреты и возражения, среди современных католиков также есть ревностные сторонники чтения Библии, как были они среди греческих и латинских отцов церкви⁹. Ограничения Тридентского собора не помешали развитию изучения и толкования Библии даже в Католической церкви. *E pur si muove*¹⁰. Несмотря на все их усилия, земля продолжает вращаться, а Библия — распространяться.

Современное протестантское богословие гораздо более справедливо относится к церковному преданию, нежели реформаторы с их пылким негодованием против преобладавшей греховности и папской тирании того времени. Более серьезное изучение церковной и светской истории позволило развеять невежество так называемых «темных веков» и выявило заслуги отцов церкви, миссионеров, ученых и пап в развитии христианской цивилизации.

Однако эти результаты не принижают высшего значения Священного Писания как главного авторитета в вопросах веры, не говоря уже о важности его более широкого распространения. Это лучший учебник в вопросах святой жизни и смерти. Какой бы теории о способе или степени богодухновенности мы ни придерживались, факт богодухновенности ясен и подтверждается всем христианским миром. Библия — это книга святых людей, но это и книга Бога, Который сделал этих людей свидетелями истины и надежными учителями на пути спасения.

§7. Оправдание верой

Субъективный принцип протестантизма — это учение об оправдании и спасении верой во Христа, в отличие от учения об оправдании верой *и делами* или о спасении благодатью *и человеческой заслугой*. Лютер говорил о *sola fide*. Кальвин возвращался назад к идее *вечного предызбрания* Богом как конечному осно-

⁸Schaff, *Creeds of Christendom*, II. 218; Köllner, *Symbolik* II. 351 sqq.; Hase, *Handbuch der Protestant. Polemik*, 4th ed., 1878, p. 68 sqq. Переводы Библии на народные языки, действительно, существовали задолго до Реформации, но слова Перроне (о двустах католических переводах Библии на народные языки), которые цитируются у Хазе (*Praelect. Theol.*, III. §317), — просто дивное преувеличение. Он заявляет: *Per idem tempus 800 plus minus editiones Bibliorum aut N. T. ante Reformationem prodierant, ac per universam Europam catholicam circumferebantur, antequam vel protestantis nomen agnosceretur. Et ex his 200 versiones in linguis vernaculis diversarum gentium omnium manibus libere versabantur.*

⁹См. L. Van Ess, *Auszüge über das nothwendige und nützliche Bibellesen aus den Kirchenvätern und anderen kathol. Schriften*, 2nd ed., 1816; также его вступление к переводу Нового Завета.

¹⁰«И все-таки она вертится!» Здесь и далее комментарии к русскому изданию помещаются в фигурные скобки.

ванию спасения и утешения в жизни и в смерти. Но по сути Лютер и Кальвин имели в виду одно и то же. Они соглашались в более общем догмате — о *спасении безвозмездной благодатью через живую веру во Христа* (Деян. 4:24), в противовес пелагианскому или полупелагианскому компромиссу, делящему дела и заслугу между Богом и человеком. И в этом заключается сама сущность евангельского протестантизма¹¹.

Лютер поставил свое учение об оправдании одной только верой в центр христианской системы, объявил его тем фундаментом, на котором стоит (лютеранская) церковь, и не хотел отступать от этого догмата ни на шаг, даже если обрушатся небеса и земля¹². Это преувеличение связано с его собственным опытом в период жизни в монастыре. Главное положение христианской веры, на котором стоит церковь, — это не какое-то конкретное учение протестантской, Римской или Греческой церкви, но более широкая и глубокая истина, которой придерживаются все, и эта истина — Богочеловеческая Личность и искупительные деяния Христа, Господа и Спасителя. Именно ее исповедовал Петр, и это его исповедание стало первым христианским символом веры.

Протестантское учение об оправдании отличается в двух основных положениях от католического, сформулированного (весьма осторожно) Тридентским собором. Оправдание воспринимается протестантами как декларативный и судебный акт Бога, в отличие от освящения, которое представляет собой постепенный рост; вера же воспринимается как акт доверия сердца и воли, в отличие от теоретической веры и слепого подчинения церкви. Реформаторы брали свои представления у Павла, а католики в основном ссылались на Иакова (2:17-26), но Павел разрешает кажущееся противоречие, говоря, что «во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но *вера, действующая любовью*» (Гал. 5:6).

Вера в библейском и евангельском смысле — это животворящая сила, которая задействует все существо человека, позволяя ему познать и принять саму жизнь Христа и все Его блага. Вера — это дитя благодати и мать добрых дел. Это источник всех великих мыслей и свершений. Верой Авраам стал отцом народов. Верой Моисей стал освободителем и законодателем Израиля. Верой галилейские рыбаки стали ловцами человеков. Верой благородная армия мучеников терпела пытки и побеждала в своей смерти. Без веры в воскресшего Спасителя не была бы основана церковь. Вера — это спасительная сила. Она объединяет нас со Христом. Тот, кто верит во Христа, «имеет жизнь вечную». «Мы веруем, — сказал Петр на соборе в Иерусалиме, — что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся», в том числе язычники, которые приходят ко Христу в вере без дел и церемоний закона. На вопрос тюремщика: «Что мне делать, чтобы спастись?» — Павел ответил: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься».

¹¹ Только в этом плане он может называться августиновским, потому что в прочих отношениях представление Августина о *justificatio* — католическое, и Августин отождествляет его с *sancificatio*. Кроме того, его представление о церкви и власти в ней сильно отличается от протестантского. Лютер ощутил эту разницу в конце жизни.

¹² *Articuli Smalcaldici*, p. 305 (ed. Rechenb., или 310 ed. Müller): *De hoc articulo [solam fidem nos justificare] cedere or aliquid contra illum largiri aut permittere nemo piorum potest etiamsi coelum et terra et omnia corruant* (Деян. 4:12; Ис. 53:3). *Et in hoc articulo sita sunt et consistunt omnia, quae contra papam, diabolum et universum mundum in vita nostra docemus, testamur et agimus. Quare oportet nos de hac doctrina esse certos, et minime dubitare, alioquin actum est prorsus, et papa et diabolus et omnia adversa jus et victoriam contra nos obtinent*. Лютер включил в свой перевод Рим. 3:28 слово *allein* (*sola fide*, отсюда термин *solifidianism*), и в пересмотренной *Probebibel* 1883 г. оно сохранилось. О связанных с этим экзегетических проблемах см. мои комментарии к Ланге, по Рим. 3:28.

Протестантизм никоим образом не пренебрегает добрыми делами, не презирает их и не поддерживает вседозволенность как путь к преодолению закона дел. Он лишь подчиняет дела вере и измеряет их ценность качеством, а не количеством. Дела — не условие, а обязательное свидетельство оправдания. Это не корень, но плоды дерева. Та же самая вера, которая оправдывает, также и освящает. Она «действует любовью» (Гал. 5:6). Лютера часто обвиняют в равнодушии к добрым делам, но весьма несправедливо. Его случайные неосторожные высказывания следует понимать в связи с его учением и характером в целом. «Вера, — говорит он со свойственным ему пылом, — это живая, действующая, активная, могучая вещь; она не может не делать добро, и делает его неустанно; она не спрашивает, нужны ли добрые дела, но делает их, не задавая вопросов, и занимается этим постоянно; отделить дела от веры так же невозможно, как отделить жар и свет от огня».

Лютеранское учение о христианской свободе и об оправдании одной лишь верой, подобно учению апостола Павла, на котором оно основано, было использовано как прикрытое для крайностей, к которым прибегают плотские люди, рассуждающие в своей греховности так: «Будем оставаться в грехе, чтобы умножиться благодать» (Рим. 6:1). Они злоупотребляют своей свободой, делая ее «поводом для угождения плоти» (Гал. 5:13). И апостол резко отмечает такие выводы.

Невозможно отрицать, что Реформация в Германии сопровождалась антиномистской, анархической склонностью ко вседозволенности и упадком общественной морали. Об этом говорят не только враждебно настроенные католики и сепаратисты. Сами Лютер и Меланхтон в конце жизни часто с горечью жаловались на злоупотребление свободой Евангелия и на печальное состояние нравственности в Виттенберге и по всей Саксонии¹³.

Здесь мы должны помнить, во-первых, что вырождение нравственности, особенно распространение экстравагантности и роскоши с сопровождавшими их пороками, началось в католические времена вследствие открытий и изобретений, а также развития торговли и накопления богатств¹⁴. Ситуация в Германии была далеко не так плоха, как та, что Лютер наблюдал в Риме в 1510 г. при папе Юлии II, не говоря уже о еще более греховном правлении папы Александра VI. Во-вторых, вырождение было связано не столько с определенным учением, сколько с неразберихой, которая неизбежно последовала за низвержением церковного порядка и дисциплины, а также с тем фактом, что лютеранские реформаторы слишком легко передали церковь из рук епископов в руки светских правителей. В-третьих, вырождение было временным. Оно наблюдалось лишь в переходный период между упразднением старого порядка вещей и установлением нового. В-четвертых, беспорядки творились только в Германии. Швейцарские

¹³ Заслуга Доллингера с его трехтомным трудом *Reformation* (1848) заключается в том, что он собрал такие неблагоприятные свидетельства из трудов Эразма, Вицеля, Ханера, Вильденауэра, Крота Рубиана, Билликана, Штаупица, Амербаха, Пиркгеймера, Засия, Франка, Денка, Хетцера, Швенкфельда, Лютера, Меланхтона, Шпалатина, Бугенгагена и других. Его материалы очень мрачно и односторонне описывают свою эпоху. Янссен активно пользуется этими свидетельствами. Но оба этих католических историка, чью ученость невозможно отрицать, писали в полемических целях и саму правду превращали в ложь, умалчивая о светлой стороне Реформации. См. по этому поводу полемические труды Кестлина и Эбрарда против Янссена и ответы Янссена, *An meine Kritiker*, Freiburg i. B., 1883 (Zehntes Tausend, 227 стр.), и *Ein zweites Wort an meine Kritiker*, Freib., 1883 (Zwölftes Tausend, 144 стр.).

¹⁴ Даже Янссен признает это, но молчит о еще большей развращенности Рима. См. его *Geschichte des Deutschen Volkes*, I. 375 sqq. Также см. его *Ein zweites Wort an meine Kritiker*, p. 82.

реформаторы с самого начала уделяли дисциплине большее внимание, чем лютеранские, и строили новую церковь на более прочном основании. Кальвин привел Женеву к состоянию такой моральной чистоты и строгости, какое никогда ранее не наблюдалось в христианской церкви. Французские гугеноты, голландские кальвинисты, английские и новоанглийские пуритане отличались своими строгими принципами и нравами. При беспристрастном сопоставлении протестантских стран и народов с римско-католическими при нынешнем состоянии общественной и личной морали и культуры общества мы неизбежно приходим к выводу, благоприятному для Реформации.

§8. Священство мирян

Общественный или церковный принцип протестантизма — это всеобщее священство верующих, в отличие от особого священства, которое считается посредником между Христом и мирянами.

Римская церковь — это элитарная иерархия. Мирянам она оставляет позицию пассивного послушания. Епископы — это наставляющая и правящая церковь. Они одни составляют собор или синод и обладают исключительной законодательной и административной властью. Миряне не имеют права голоса в духовных вопросах. Они не могут даже читать Библию без разрешения священника, который владеет ключами от небес и ада.

В Новом Завете каждый верующий назван святым, священником и царем. «Все христиане, — говорит Лютер, — воистину духовны, и между ними нет разницы, кроме занимаемых должностей. Апостол Павел говорит, что мы — это одно тело, хотя каждый член выполняет свою работу, служа другим. Это потому, что у нас одно крещение, одно Евангелие, одна вера, и все мы — в равной мере христиане; ибо только крещение, Евангелие и вера делают людей духовными, христианами». И еще: «Вера делает людей священниками, вера объединяет их со Христом и наделяет их Святым Духом, через Которого они исполняются святой благодати и небесной силы. Это внутреннее помазание, этот елей, который лучше любого еляя, когда-либо исходившего из сосуда епископа или папы, наделяет их не только именем, но и природой, чистотой, властью священников; в этом помазании — все, что приняли верующие во Христа».

Этот принцип, примененный последовательно, делает мирян активными сотрудниками в руководстве и управлении церковью. Они получают право голоса при избрании пастыря. Каждый член общины становится полезен для общего дела в зависимости от своего особого дара. Этот принцип — источник религиозной и гражданской свободы, которые процветают в большинстве протестантских стран. Религиозная свобода порождает свободу гражданскую. Всеобщее священство христиан законным образом провозглашает их всеобщую царственность независимо от того, живут они в монархии или в республике.

Благой эффект этого принципа проявился в распространении знаний о Библии среди мирян, в народных гимнах и в пении общины, в появлении старейшин-мирян, в благочестивом устремлении городских властей к нравственному усовершенствованию общества и ко всеобщему образованию.

Но этот же принцип постыдным образом извращался. Им злоупотребляли светские правители, которые захватывали власть над верой, становились епископами и папами в своих владениях, грабили церкви и монастыри и часто пренебрегали всякой дисциплиной, ведя себя безнравственно. Филипп Гессенский и

Генрих VIII Английский — показательные образчики протестантских «пап», которые позорили дело Реформации. Эрастианство и территориализм¹⁵, девизом которого стало *cujus regio, ejus religio*, — это, скорее, искажения, чем законные следствия догмата о священстве мирян. Истинный прогресс заключается в развитии всеобщего образования, в самофинансировании и в самоуправлении общины, в разумном сотрудничестве мирян со служителями в добрых делах у себя дома и за границей. В этом отношении протестанты Англии, Шотландии и Северной Америки опережают протестантов европейского континента. Римская церковь — это церковь священников. У нее есть величайшие храмы для поклонения. Лютеранская церковь — это церковь богословов. Она самая образованная, и у нее лучшие гимны. Реформатская церковь — это церковь христианского народа, у нее лучшие проповедники и общины.

§9. Реформация и рационализм

G. FRANK: *De Luthero rationalismi praecursore*. Lips., 1857.

S. BERGER: *La Bible au seizième siècle; étude sur les origines de la critique*. Paris, 1879.

CHARLES BEARD: *The Reformation of the Sixteenth Century in relation, to Modern Thought and Knowledge* (Hibbert Lectures). London, 1883. Lect. V.

См. также LECKY: *History of Rationalism in Europe*. London, 4th ed. 1870, 2 vols. GEORGE P. FISHER: *Faith and Rationalism*. New York, 1879, пересм. изд. 1885 г. (191 стр.).

Римская католическая церковь считает Писание и предание высшим законом веры, причем главный акцент ставит на предании, то есть на учении о непогрешимой церкви, возглавляемой непогрешимым папой, главным судьей в том, как понимать Писание и предание¹⁶.

Евангельский протестантизм делает Писание единственным высшим законом, но для выяснения его истинного смысла использует предание и разум.

Рационализм ставит человеческий разум выше Писания и предания и признает их в той мере, в какой они не выходят за границы человеческого понимания. Рационализм делает рациональность, или понятность, мерой достоверности. Мы говорим здесь о рационализме в специальном смысле, как о богословской системе или о тенденции, в отличие от рационального богословия. Католики и тем более протестанты допускают применение разума к вере. И у католиков, и в протестантов сформированы схоластические системы, вполне согласующиеся с ортодоксией. Христианство выше разума, но не противоречит ему.

И рационалисты, и католики представляют Реформацию как мать рационализма, но с противоположных точек зрения. Рационалисты считают Реформа-

¹⁵ {Эрастианство получило свое название по имени Томаса Эраста, утверждавшего, что церковь не может отказывать своим прихожанам в причастии, а наказание за любые грехи, даже в христианском государстве, должно быть сосредоточено в руках светских властей и не должно зависеть от религии. Однако термином *эрастианство* называют (уже не относящееся к Эрасту) провозглашение ведущей роли государства в ведении церковных дел. Территориализм (с девизом «чья власть, того и вера») выводится из утверждения, что сначала всякая территория объединяется в государство, а уже потом на ней возникает вера. Следовательно, правитель может выбирать вероисповедание на подвластной ему территории, а у населения нет другого выхода, кроме как подчиниться. Этим взглядам отчасти противопоставлен коллегиализм — принцип взаимонезависимости церкви и государства, предполагающий, однако, что на каждой крупной территории существует одна главная церковь.}

¹⁶ «Я и есть предание» (*la tradizione son io*), — сказал папа Пий IX во время Ватиканского собора, подменившего непогрешимость соборов непогрешимостью папы вопреки и вселенским соборам, и тем папам, которые официально осудили папу Гонория III как еретика-монофелита. См. т. IV, §113.

цию заслугой, а католики пренебрежительно отзываются и о Реформации, и о рационализме.

Говорят, что Реформация сделала первый шаг к эмансипации разума — она освободила нас от тирании церкви. А рационализм сделал второй шаг — он освободил нас от тирании Библии. Лессинг, критик лютеранской ортодоксии, говорит: «Лютер, ты великий, но заблуждавшийся человек! Ты освободил нас от ига предания, но кто теперь избавит нас от невыносимого ига буквы! Кто наконец принесет нам такое христианство, какому ты сам учил бы нас сейчас и какому учил бы нас Сам Христос!»

Католики идут еще дальше и утверждают, что протестантизм несет ответственность за все современные революции и даже за само неверие. Они предсказывают распад и исчезновение протестантизма¹⁷. Но для того, чтобы опровергнуть это обвинение, достаточно привести тот неоспоримый факт, что современное неверие и революция в их худших проявлениях наблюдаются в основном в римско-католических странах и выступают как отчаянная реакция на иерархический и политический деспотизм. Яростное подавление Реформации во Франции в конце концов привело к радикальному ниспровержению общественного порядка в церкви. В таких римско-католических странах, как Испания и Мексика, революция перешла в хроническое состояние. Католичество порождает неверие среди образованных людей из-за своей чрезмерной веры в сверхъестественное.

Реформация ограничила скептицизм Возрождения, анархические тенденции Крестьянской войны в Германии и либертинов в Женеве. Разумная вера — лучшая защита от неверия, а либеральное правительство — от революции.

Связь Реформации с рационализмом — исторический факт, но они связаны друг с другом точно так же, как правильное использование интеллектуальной свободы связано с крайностями и злоупотреблениями ею. Рационализм заявляет о превосходстве разума над откровением и о свободе как от человеческой, так и от Божьей власти. Это одностороннее развитие негативного, протестующего, антипапского и антитрадиционного фактора Реформации, в котором отсутствует позитивная евангельская вера в явленную волю и слово Божье. Рационализм отрицает сверхъестественное и чудесное. Он слабо осознает, что такое грех и вина, и по сути является пелагианством. Реформация же стоит на противоположной, августиновской позиции, исходит из глубочайшей убежденности в греховности людей и в необходимости искупительной благодати. Таким образом, эти две системы, теоретически и практически, противостоят друг другу. Однако между ними есть интеллектуальное и критическое сходство, и рационализм неотделим от истории протестантизма. В современном христианстве рационализм является тем же, чем был гностицизм в древней церкви — бунтом частного суждения против народной веры и церковной ортодоксии, переоценкой теоретического знания, но одновременно и здоровым стимулом исследований и прогресса. Рационализм — это не церковь и не секта (если мы не говорим о социинианстве

¹⁷ Это обвинение подтверждается несколькими папскими энцикликами. Оно предполагается в *Syllabus* Пия IX (1864) и явно, хоть и умеренно, выражается в энциклике Льва XIII *Immortale Dei* (1 ноября 1885 г.), где движения Реформации (не названные по имени) охарактеризованы как «губительные и плачевные революционные тенденции, которые возникли в XVI веке и вскоре, внося сумятицу в христианский мир, естественным образом проникли в область философии, а оттуда во все сферы гражданского общества». Хасак в своей книге *Dr. M. Luther* (Regensburg, 1881) призывает: «Примиритесь с церковью Божьей, с древней матерью-церковью, которая восемнадцать веков хранила вечную истину, пока кровавый потоп атеизма и социалистическая республика не обрушились на нас, подобно праведному суду над миром».

или унитаризме), но школа внутри церкви или, даже скорее, ряд школ, которые сильно отличаются друг от друга.

Рационализм впервые проявился в XVII веке в церкви Англии, хотя там он не оказал столь большого влияния на людей, как деизм, противопоставлявший естественную религию религии откровения. Во второй половине XVIII века рационализм достиг зрелости на континенте, особенно в протестантской Германии, после Лессинга (ум. в 1781) и Землера (ум. в 1791), и постепенно завладел кафедрами лютеранской и реформатской церквей, пока около 1817 г. пробуждение позитивной веры Реформации не прокатилось по Германии и не начался серьезный конфликт между позитивным и негативным протестантизмом, продолжающийся по сей день.

1. Давайте сначала рассмотрим отношение Реформации к использованию разума как общему принципу.

Реформация была протестом против человеческой власти. Она утверждала право на частную совесть и личное суждение и пробудила дух критицизма и свободного исследования во всех областях знания. Следовательно, она допускает гораздо более широкое использование разума в религии, чем Католическая церковь, которая требует безусловного подчинения своему непогрешимому авторитету. Это был реальный прогресс, но этот прогресс полностью соответствует вере в откровение по тем предметам, которые выходят за границы временного и чувственного восприятия. Что мы знаем о сотворении мира или о грядущем мире, кроме того, что Бог предпочел открыть нам? Человеческий разум может доказать возможность и вероятность существования Бога и бессмертия души, но не их несомненность и необходимость. Поэтому разумно верить в сверхъестественное свидетельство Бога и неразумно отвергать его.

Реформаторы очень вольно пользовались своим разумом и суждением в споре с церковными властями. Лютер отказался покаяться в Вормсе, если его не убедят на основании Писания и «неоспоримых доводов»¹⁸. В течение какого-то времени он был склонен воспользоваться гуманистическим движением, тенденции которого были скептическими и рационалистическими, но им всегда владела сильная вера. Он так же остро, как современные рационалисты, ощущал конфликт между природным разумом и запредельными тайнами откровения. Часто его терзали сомнения и даже искушения, граничившие с богохульством, особенно когда он страдал от физического недуга. Утешитель других, он сам нуждался в утешении и просил друзей молиться, чтобы укрепить его против нападков злого духа, с которым, как он считал, он не раз встречался лично. В 1524 г. он поведал, сколь сильно он обрадовался бы пятью годами ранее, во время борьбы с папским суевением, если бы Карлштадт убедил его, что евхаристия — всего лишь хлеб и вино, и сколь сильно он тогда нуждался в этом рационалистическом мнении, которое нанесло бы смертельный удар учению о пресуществлении и мессе. Он понимал, что все положения его символа веры: единство Троицы, воплощение, первородный грех, искушение кровью Христа, рождение свыше при крещении, реальное присутствие Христа в причастии, обновление Святым Духом, телесное воскресение — превосходят человеческое понимание. 2 августа 1527 г., когда в Виттенберге свирепствовала чума, Лютер писал Меланхтону, который находился в Ве-

¹⁸ *Scripturae sacrae testimoniis vel evidenti ratione*, или *evidentissimis rationibus*; по-немецки, как он однажды повторил: *durch Zeugnisse der heil. Schrift und durch helle Gründe*. См. Köstlin II. 452 sq. и 800. Из этих слов может показаться, что Лютер уделяет разуму независимое место рядом с Писанием, но в случае конфликта между ними Лютер всегда опирался на Писание.

не: «Больше недели я пробыл в окружении смерти и ада. Сейчас у меня все болит, и я весь дрожу. Я почти потерял веру во Христа. Меня увлекали шторма и бури отчаяния и хулы на Бога. Но Бог, тронутый молитвами святых, начинает сострадать мне. Он извлек мою душу из глубин ада. Не переставай молиться обо мне, как я молюсь за тебя. Я думаю, что такую агонию, как я, переживают и другие»¹⁹.

В моменты таких испытаний и искушений он все сильнее держался за Писание и за веру, которая не обращает внимания на разум и сохраняет надежду в безнадежной ситуации. «Само качество веры, — говорит он в пояснении к своему любимому Посланию к галатам, — в том, что она сжимает горло разума и душит того зверя, с которым весь остальной мир, все твари, не могут справиться. Но как? Она держится Слова Божьего и признает за ним праведность и истинность, сколь бы нелепым и невозможным ни звучало то, что в нем написано. Так Авраам пленил свой разум и уничтожил его, поверив Слову Божьему — обещанию, что Бог даст ему сына от жены, Сарры, которая была бесплодна, как мертвая».

Из этого и многих подобных мест виден ход мыслей Лютера. Он знал своего врага и преодолел его. Его вера победила сомнения. В поздние годы жизни он становился все более и более консервативен во взглядах на церковь. Он отвергал мистическое учение о внутреннем слове и духе, настаивал на подчинении записанной букве Библии, даже если она явно противоречит разуму. Он, без разграничений, объяснял заблуждения пророков из Цвиккау, бунтующих крестьян, анабаптистов, радикальные взгляды Карлштадта и Цвингли высокомерным вторжением человеческого разума в область веры и опасался, что разум повредит ей. Он забыл, скольким он обязан Эразму, и называл его Эпикуром, Лукианом, сомневающимся, атеистом. Хотя Лютер ценил разум как драгоценный дар Божий в земных вопросах, он с чрезмерной суровостью нападал на него, когда разум дерзал посягать на вопросы веры²⁰.

Чтобы объявить Лютера родоначальником рационализма, надо сперва начисто лишить его веры, всех составленных им проповедей, катехизисов и гимнов. Лютер десять раз расстался бы с разумом, прежде чем пожертвовать верой.

¹⁹ *Briefe*, ed. De Wette, III. 189: *Ego sane... plus tota hebdomada in morte et inferno jactatus, ita ut toto corpore laesus adhuc tremam membris*, etc. См. также письма Лютера к Шпалатину от 10 июля и 19 августа 1527 г., *l. c.*, III. 187, 191.

²⁰ Лютер называл разум «наложницей дьявола», «уродливой бесовской невестой», «ядовитым зверем со множеством змеиных голов», «жесточайшим врагом Бога». Он обрушивает суровейшие выпады против этого дара Бога в последней проповеди, произнесенной в Виттенберге в год своей смерти (1546) по Римлянам 12:3. В ней он представил разум как источник грубого и тонкого идолопоклонства и говорил: *Wucherei, Säuferei, Ehebruch, Mord, Todtschlag, etc., die kann man merken, und versteht auch die Welt, dass sie Sünde sein; aber des Teufels Braut, Ratio, die schöne Metz, fährt herein, und will klug sein, und was sie saget, meint sie, es sei der heilige Geist; wer will da helfen? Weder Jurist, Medicus, noch König oder Kaiser. Denn es ist die höchste Hure die der Teufel hat!* И еще: *Derohalben wie ein junger Gesell muss der bösen Lust wehren, ein Alter dem Geiz: also ist die Vernunft von Art und Natur eine, schädliche Hure... Die Vernunft ist und soll in der Taufe ersäuft sein. Höre auf, du verfluchte Hure; willst du Meisterin sein über den Glauben, welcher sagt, dass im Abendmahl des Herrn sei der wahre Leib und das wahre Blut; item dass die Taufe nicht schlecht Wasser ist... Diesem Glauben muss die Vernunft unterthan und gehorsam sein.* И, в том же духе, с яростным осуждением *Schwärmergeister* и *Sacramentirer* (сектантов и последователей Цвингли). См. *Werke*, ed. Walch, XII, col. 1530 sqq. Стоит отметить, что впервые Лютер оскорбительно отозвался о разуме в своей книге о «Рабстве человеческой воли», прогив полупелагианства Эразма, а на Аристотеля и на схоластическое богословие он начал нападать лишь несколькими годами ранее, до 1517 г.

Цвингли был самым здравомыслящим и рациональным из реформаторов²¹. Он воспитывался не в атмосфере монашеской дисциплины и мистики, как Лютер, а в духе либеральной культуры Эразма. Он склонялся не к мистике, а к трезвому и практическому здравому смыслу. Он всегда предпочитал самое простое значение Библии. Он отвергал католические взгляды на первородный грех, грядущее осуждение младенцев и физическое присутствие Христа в евхаристии и придерживался новаторских мнений, которые шокировали Лютера и даже Кальвина. Однако он почтительно склонялся перед божественным авторитетом богодухновенного Слова и не собирался ставить разум выше него. Его спор с Лютером касался лишь толкования, и он приводил веские доводы в пользу своей экзегетики, что признают даже лучшие из комментаторов-лютеран.

Кальвин был лучшим богословом и толкователем из реформаторов. Он никогда не говорил о разуме в оскорбительном тоне, как Лютер, но считал его обязательным слугой откровения. Он, с гениальной логикой, выстроил стройнейшую систему протестантской ортодоксии, которая сформировала французское, голландское, английское и американское богословие, и выступал как против рационализма, так и против католичества. Его ортодоксия и дисциплина не помешали его собственной церкви в Женеве стать социнианской в XVIII веке, но за это он не отвечает, как Лютер не отвечает за рационализм в Германии, а Рим — за неверие Вольтера. В целом реформатские церкви в Англии, Шотландии и Северной Америке меньше подверглись влиянию рационализма, чем в Германии.

2. Давайте теперь поговорим о применении принципа свободного исследования к изучению Библии²².

Библия, ее происхождение, подлинность, целостность, предназначение, все связанные с ней обстоятельства и окружение вполне могут выступить предметом исследования. Это не только Божья, но и человеческая книга, и у нее есть своя история, как и у других литературных произведений. Кроме того, состав Библии, или канон, определяется не в самой Библии и не откровением, но церковными властями и преданием. Он был окончательно сформирован только в конце IV века, причем даже тогда — только провинциальными синодами, а не одним из семи вселенских соборов. А потому, теоретически, существуют законные основания для пересмотра канона.

Римская церковь на Тридентском соборе решила проблему канона, включив туда апокрифы, но без критических исследований и четких богословских принципов. Она просто подтвердила то, что было принято по традиции, и объявила анафему всякому, кто не признает все книги, которые включены в латинскую Вульгату²³. Она также воспрепятствовала свободному исследованию, потребовав использовать недостаточно точный перевод и верить в единомыслие отцов церкви,

²¹ Лютер имел в виду именно это, когда сказал ему в Марбурге: «Ты обладаешь другим духом».

²² См. здесь критические введения к Библии, особенно Reuss, *Histoire du Canon des Saintes Ecritures*, Strasbourg, 1863. Ch. XVI, p. 308 sqq.; Hunter, англ. перев. (1884), p. 290 sqq.

²³ Sess. IV (8 апреля 1546 г.): *Si quis autem libros ipsos integros cum omnibus suis partibus, prout in ecclesia catholica legi consueverunt, et in veteri Vulgata Latina editione habentur, pro sacris et canonicis non susceperit et traditiones praedictas sciens et prudens contempserit, anathema sit* (Schaff, *Creeds* II. 82). Однако на соборе звучали и протесты: одни желали вернуться к старому разделению на *Homologumena* и *Antilegomena*, тогда как другие предлагали просто перечислить священные книги, используемые в Католической церкви, без догматического определения. Сарпи критикует это решение собора, и есть католические богословы (например, Сикст Сененсис, Дю Пен, Ян), которые, несмотря на данное решение, разграничивают первоканонические и второканонические книги.

хотя единодушное согласие отцов наблюдалось лишь по отдельным основополагающим учениям.

Реформаторы вернулись к вопросу о составе канона и имели на это право, но они не собирались отвергать традиционную веру или подрывать авторитет Слова Божьего. Напротив, со всей полнотой веры в богодухновенность слова, содержащегося в Писании, они усомнились в каноничности нескольких книг, для помещения которых в канон, как им казалось, не было достаточно веских поводов. Они просто возродили, в новой форме и, скорее, на доктринальном, чем на историческом основании, разграничение, которое делали евреи и древние отцы церкви между каноническими и апокрифическими книгами Ветхого Завета, а также разграничение Евсевия между *Homologumena* и *Antilegomena* Нового Завета, в обоих отношениях претендующая на свободу доникейской церкви.

К внешним доказательствам они добавляли более важные внутренние свидетельства присущего Писанию совершенства как подлинное основание, на котором покоится его авторитет и притязание на власть. Они установили четкий критерий каноничности, а именно: чистота и сила учения Христа и Его Евангелия о спасении. Они не отвергали святоотеческих свидетельств, но ставили выше них то, что Павел называет «явлением духа и силы» (1 Кор. 2:4).

Лютер стал смелым первопроходцем высокой критики, которая действительно была субъективной и произвольной, но в конечном счете являлась критикой веры. Он сделал критерием каноничности свое главное учение об оправдании верой²⁴. Таким образом, Лютер ставил материальный, или субъективный, принцип протестантизма выше формального, или объективного, принципа, истину — выше свидетельства об истине, учение Евангелия — выше письменного Евангелия, а Христа выше Библии. Римская католическая церковь, напротив, ставит церковь выше Библии. Но здесь мы не должны забывать, что Лютер впервые узнал о Христе именно из Библии, в первую очередь из посланий Павла, которые дали ему ключ к пониманию механизма спасения.

Кроме того, Лютер проводил разграничение между более и менее важными книгами Нового Завета, в зависимости от степени их евангельской чистоты и силы. Он поместил послания Евреям, Иакова, Иуды и Откровение в конец немецкой Библии²⁵. О причине Лютер говорит в предисловии к Посланию к евреям: «Вот правильные и истинные книги Нового Завета, тогда как о следующих четырех в древние времена существовали разные мнения». То есть он опирается на доникейскую традицию, но его главные возражения были связаны с содержанием.

Больше всего Лютеру не нравилось Послание Иакова, потому что он не мог согласовать его с учением Павла об оправдании верой *без дел*²⁶; он называл его «соломенным» в сравнении с подлинными апостольскими произведениями²⁷.

²⁴ В предисловии к Посланию Иакова он пишет: «Подлинным пробным камнем (*der rechte Prüfstein*) для всех книг является вопрос, выступает ли Христос [буквально — «стремление ко Христу», *Christum treiben*] их единственной темой и задачей, — ибо все Писание говорит о Христе (Рим. 3), а апостол Павел не желал знать ничего, кроме Христа (1 Кор. 2). То, что не учит о Христе, не является апостольским, даже если бы этому учили апостолы Петр и Павел; опять же, то, что говорит о Христе, — апостольское, даже если об этом говорят Иуда, Анна, Пилат и Ирод». Ведь цитировать Писание может даже дьявол.

²⁵ В этом отношении Карлштадт был его предшественником, в книге *De Canon. Scripturis* (Wittenb., 1520, репринт в Credner, *Zur Gesch. des Kanons*, 1847, р. 291-412). Карлштадт делит книги канона на три части: 1) *libri summae dignitatis* (Пятикнижие, хотя оно написано и не Моисеем, и Евангелия); 2) *secundae dignitatis* (пророки и 15 посланий); и 3) *tertiaе dignitatis* (иудейская агиография и семь антилегоменов Нового Завета).

²⁶ Он отвергает это послание, во-первых, «потому что его слова о праведности дел явно противо-

Лютер возражал против Послания к евреям, потому что в нем предположительно отрицается (в главах 6, 10 и 12) возможность покаяния после крещения, что противоречит Евангелиям и Павлу, а из Евр. 2:3 видно послеапостольское происхождение этой книги. Он приписывал авторство Аполлосу, что было чистой догадкой, но догадка эта, не подтвержденная древним преданием, весьма благосклонно принимается современными комментаторами и критиками²⁸ — в основном потому, что все другие возможные варианты (Павел, Варнава, Лука, Климент) создают непреодолимые проблемы, в то время как описание Аполлоса из Деян. 18:24-28 в сравнении с аллюзиями в 1 Кор. 1:12; 3:6; 4:6; 16:12, похоже, делает вполне вероятным тот факт, что он был автором этого анонимного послания.

Лютер называет Послание Иуды «необязательным», простой выдержкой из 2 Петра, текстом послеапостольского происхождения, полным апокрифического материала и потому не признанным древними отцами церкви.

Сначала Лютер не видел смысла в тайнах Апокалипсиса и заявлял, что эта книга — «не апостольская и не пророческая», потому что говорит только об образах и видениях, однако, несмотря на свою непонятность, она содержит так-же угрозы и обещания, «хотя никто не понимает, что это значит». Позже он изменил свое мнение, когда лютеранские богословы начали использовать эту книгу как оружие против Римской церкви.

Самое ясное высказывание на данную тему мы находим в конце предисловия Лютера к первому изданию его немецкого перевода Нового Завета (1522), но в более поздних изданиях оно было опущено²⁹.

Взгляды Лютера на богодухновенность были одновременно и четкими, и свободными. Он был глубоко убежден в божественности содержания Библии, но отличал саму явленную истину от человеческих формулировок и рассуждений авторов. Об одном из раввинистических доводов своего любимого апостола он говорит: «Мой дорогой брат Павел, этот аргумент не подходит»³⁰.

речат Павлу и остальному Писанию»; во-вторых, «потому что, уча христиан, автор ни разу не упоминает о страданиях, воскресении, Духе Христа; он упоминает имя Христа дважды, но ничему о Нем не учит; он говорит о законе свободы, в то время как Павел говорит о законе рабства, гнева, смерти и греха». Лютер предложил свою докторскую шапочку любому, кто сможет согласовать Послание Иакова и Павла в вопросе оправдания и шутил над проблемами, возникшими у Меланхтона, когда тот пытался сделать это. Он без особой необходимости даже усилил данное противоречие, вставив свое *allein (sola)* перед *durch den Glauben* в Рим. 3:28 {«оправдывается одной только верой» вместо «верой»}. Впервые он критиковал Послание Иакова в своей книге «О вавилонском пленении» в 1520 г. Там он называет это послание недостойным апостольского духа. Карлштадт, похоже, спорил с Лютером по этому вопросу в том же году, ибо он защищал это послание от *frivola argumenta* некоего *bonus sacerdos amicitiae nostrae* (который мог быть только Лютером) в своей книге *De canonicis Scripturis*, Wittenbergae, 1520.

²⁷ Не следует упускать из вида сравнение. Он говорит: *gegen sie*, то есть сравнивает это послание с посланиями Павла, Петра и Иоанна, упоминаемыми ранее. См. этот отрывок полностью ниже. Он не мог не видеть заслуг Иакова как оригинального и активного учителя практического христианства.

²⁸ Bleek, De Wette, Tholuck, Lünemann, Kendrick (в Lange), Hilgenfeld, de Pressensé, Davidson, Alford, Farrar и другие.

²⁹ См. примечание в конце этого раздела. Его «Застольные речи» содержат смелые и оригинальные высказывания о Есфири, Екклесиасте и других книгах Ветхого Завета (см. Reuss, *Canon*, 330 sqq.). С одной стороны, Лютер ограничивал канон, а с другой, был готов расширить, когда говорил, что *Loci Theologici* Меланхтона достойны включения в канон, — хотя это, конечно же, всего лишь экстравагантный комплимент.

³⁰ См. также его комментарии к аллегории о Сарре и Агари в латинском комментарии на Гал. 3:25 (Erl. ed., II. 252).

Лютер, однако, полностью осознавал субъективный и предположительный характер этих мнений и не собирался навязывать их церкви, поэтому он изменил свои предисловия в более поздних изданиях. Он судил Писание исключительно с догматической и односторонне Павловой точки зрения, не обращая внимания на их постепенный исторический рост.

Некоторые лютеранские богословы вслед за Лютером ставят на подчиненное место семь антилегоменов Нового Завета³¹, но лютеранская церковь, со здравым чутьем, высказалась за традиционный католический канон (не исключая явно даже иудейские апокрифы), сохранив при этом расположение книг Нового Завета³². Рационалисты, конечно, возродили, усилили и довели до крайности смелые мнения Лютера, но это было сделано в том духе, против которого он решительнейшим образом протестовал бы.

Реформатские богословы были более консервативны, чем Лютер, в плане признания или непризнания канонических книг, но более решительно отвергали апокрифы Ветхого Завета. В реформатских вероисповеданиях обычно есть список канонических книг.

Цвингли возражал только против Апокалипсиса и не использовал его в разработке учения, потому что не считал его богодухновенной книгой, написанной тем же самым Иоанном, который написал четвертое евангелие³³. В этом плане у него есть много последователей, но строжайшая критическая школа нашего времени (тюбингенская) считает автором апостола Иоанна. Вольфганг Мускул упоминает семь антилегоменов, но включает их в общий список книг Нового Завета. Эколампадий говорит о шести антилегоменах (опуская Евреям) и считает их менее значительными книгами, но, тем не менее, ссылается на них³⁴.

Кальвин не имел никаких возражений против посланий Иакова и Иуды. Он часто цитирует Евреям и Откровение как канонические книги, хотя к Откровению не написал никакого комментария, — возможно, потому, что не считал себя достаточно компетентным. Он ничего не говорит о 2 и 3 Иоанна. Он решительно отвергает мнение, что Павел был автором Послания к Евреям, но не отрицает каноничности этого послания³⁵. Он склонен приписывать 2 Петра ученику Петра, который писал под руководством и наставлением апостола, но и в этом случае воздерживается от неблагоприятных выводов, которые можно было бы подкрепить неуверенностью в происхождении книги³⁶.

³¹ Бренций, Флаций, Урбан Регий, авторы Магдебургских центурий и Хемниц.

³² Ни в одной из вероопределяющих книг лютеранской церкви не приводится список канонических книг, но Формула согласия объявляет, что *prophetica et apostolica scripta V. et N. T.* — это *unica regula et norma secundum quam omnia dogmata omnesque doctores aestimari et judicari oporteat* (p. 570).

³³ *Us Apocalypsi nehmend wir kein Kundschaft an, denn es nit ein biblisch Buch ist* (Werke, ed. Schuler and Schulthess, II. 1, p. 169). В другом месте он говорит: *Apocal. liber non sapit os et ingenium Joannis* (*De clar. Verbi Dei*, p. 310).

³⁴ См. Reuss, p. 315 sq., англ. изд.

³⁵ Во вступлении к Комментарию на Послание к Евреям: *Ego ut Paulum auctorem agnoscam adduci nequeo*. Он указывает на разницу в стиле и *docendi ratio*, а также на то, что автор причисляет себя к ученикам апостолов (2:3), однако он считает эту книгу богодухновенной и канонической, потому что в ней яснее, чем в какой-либо другой книге, говорится о священстве и жертве Христа.

³⁶ В *Argum. Ep. Sec. Petri* он отмечает *manifestum discrimen* между первым и вторым посланиями и добавляет: *Sunt et aliae probabiles conjecturae ex quibus colligere licet alterius esse potius quam Petri*, но не видит в этом *nihil Petro indignum*.

Кальвин ясно сознавал логическую погрешность утверждений, признающих за церковью право устанавливать канон, но не позволяющих ей создавать догматы веры. В результате он основывал канон на авторитете Бога, Который свидетельствует о нем голосом Духа в сердцах верующих. Кальвин говорит, что вечная и нерушимая Божья истина не зависит от желаний и суждений людей, и ее так же легко распознать, как отличить свет от тьмы и черное от белого. Петр Вермий, в том же духе, отрицает, что «авторитет Писания проистекает от церкви. Несомненность Писаний происходит от Бога. Слово древнее, чем церковь. Дух Божий влияет на сердца слушающих и читающих Слово так, что они распознают его подлинную божественность». Этот взгляд ясно изложен в нескольких кальвинистических вероисповеданиях³⁷. В своем крайнем выражении он диаметрально противоположен «догме» Августина, которого в прочих отношениях реформаторы весьма уважали: «Я не верил бы в Евангелие, если бы оно не было подтверждено авторитетом церкви»³⁸. Но два вида свидетельств дополняют друг друга. Человеческий авторитет предания хотя и не является окончательным основанием для веры, необходим как исторический свидетель подлинности и каноничности Писания. Он имеет большой вес в споре с рационализмом. Антагонизма между Библией и церковью, в правильном понимании этого слова, не существует. Они неразделимы. Церковь была основана Христом и апостолами посредством проповеди *живого* Слова Божьего, и основатели церкви были также авторами *письменного* Слова, которое продолжает сиять и озарять церковь. Церковь же, в свою очередь, — это хранитель, защитник, переводчик, распространитель и разъяснитель Библии.

3. Либеральные взгляды реформаторов на богодухновенность и канон были оставлены около середины XVI века. Их сменили компактные и прочные богословские системы. Евангельская схоластика XVII века весьма напоминает, в плане своих достоинств и недостатков, католическую схоластику средних веков, которая систематизировала и изложила в сокращенном виде патристическое богословие, но только первая была основана на Библии, а вторая — на церковном предании. В борьбе с римским католичеством лютеранская и кальвинистическая схоластика выработали жесткую, механическую теорию богодухновенности, чтобы противопоставить непогрешимому папе непогрешимую книгу. Библия была отождествлена со Словом Божьим, продиктованным священным авторам как секретарям Святого Духа. В ходе поиска обоснований делались заявления о классической чистоте ее стиля и о целостности традиционного текста, вплоть до ссы-

³⁷ Во Втором Гельветическом исповедании, ст. 1 и 2, и в Бельгийском исповедании, ст. 5, говорится и о свидетельстве предания, и о Святом Духе, но основной акцент ставится на последнем. Галликанское исповедание, ст. 4, гласит: «Мы знаем, что эти книги — канонические и являются несомненным законом нашей веры *не столько* по причине общего согласия и договоренности церкви (*non tant par le commun a ord et consentement de l'eglise*), сколько из свидетельства и внутреннего просвещения Святого Духа, Который позволяет нам отличить их от других церковных книг, на которых, хотя они и полезны, мы не можем основывать артикулы веры». Вестминстерское исповедание (гл. I. 4) отодвигает в сторону свидетельство предания: «Авторитет Священного Писания, по причине которого в него следует верить и его следует слушаться, зависит *не* от свидетельства какого бы то ни было человека или церкви, но *исключительно* от Бога (Который есть сама истина), его Автора; вот почему оно должно быть принято, ибо оно есть Слово Божье». В подтверждение этого приводятся места 2 Пет. 1:19,21; 2 Тим. 3:16; 1 Ин. 5:9; 1 Фес. 2:13; однако они не относятся к вопросу о каноничности.

³⁸ *Ego evangelio non crederem, nisi me moveret ecclesiae auctoritas (Contra Ep. Fundam., с. 5)*. Здесь чистый римско-католический принцип противопоставляется манихейской ереси. Однако свидетельство церкви необходимо только в том, что касается истории происхождения некоторых книг и формирования *канона*.

лок на масоретскую систему огласовки, хотя все это шло вразрез с упрямыми фактами, которые обнаруживались при изучении ее происхождения и истории. Реформаторы говорили исключительно о божественной стороне Писания, игнорируя или даже отрицая его человеческую и литературную сторону. Отсюда экзегетическая бедность периода протестантской схоластики. Библия использовалась как сборник текстов для доказательства уже разработанных догм, без внимания к контексту, разнице между Ветхим и Новым Заветами и постепенному формированию божественного откровения в соответствии с потребностями и способностями людей.

4. Рационализм совершенно законно возмутился против такого протестантского культа Библии. Он сокрушал одну догму за другой и подверг Библию и канон самой пристальной критике. Он отверг богодухновенность Писания, признавая ее разве что в самом широком плане, применимом ко всем гениальным трудам, и рассматривал Библию просто как продукт постепенной эволюции религиозного духа Израиля и ранней христианской церкви. Он обвинил Писание в фактических ошибках и ошибочных учениях, а чудеса отнес к области легенд и мифов. Рационализм усомнился в том, что Моисей был автором Пятикнижия, в подлинности Псалтири Давида, произведений Соломона, пророчеств Исаии, Даниила и других книг Ветхого Завета. Он отнес к послеапостольскому периоду (70 — 150 гг. по Р. Х.) не только антилегомены Евсевия, но даже евангелия, Деяния, соборные послания и несколько посланий Павла.

Но на более поздней ступени своего развития рационализм был вынужден ретироваться и сделать несколько уступок ортодоксии. Каноничность евангелий и Деяний была доказана в результате исследований и открытий³⁹, и строжайшая критическая школа, тюбингенская, полностью признала апостольское происхождение четырех великих посланий Павла, Римлянам, Коринфянам и Галатам, а также Апокалипсиса Иоанна. Это мнение очень важно, потому что именно эти пять книг учат главным фактам и истинам Евангелия, ниспровергая сами основы рационализма. Христианство в безопасности, пока у него есть Христос евангелий и апостол Павел его признанных посланий.

Рационализм был радикальной революцией, которая, как потоп, наводнила европейский континент. Но он был не только негативным и деструктивным. Он внес и продолжает вносить ценный вклад в библейскую филологию, критику текста и грамматико-историческую экзегетику. Он расширяет знания об условиях написания и о среде, в которой возникла Библия, обо всем, что относится к человеческой и земной стороне Христа и христианства. С особым рвением и ученостью он подпитывает науки, касающиеся критического введения в Библию, библейского богословия, изучения жизни Христа, истории апостольской и послеапостольской эпохи.

5. Эти достижения в области экзегетического и исторического богословия имеют вечную ценность. Они включены в новое евангельское богословие, которое возникло в борьбе с рационализмом, защищая позитивную христианскую веру в

³⁹ Так, многие рационалисты считают Евангелие от Марка первым евангелием, основанным на проповедях Петра. Подлинность Матфея была подтверждена после обнаружения греческого текста Варнавы, где это евангелие дважды цитируется, а также обнаружения «Дидахе» апостолов, где содержится около двадцати реминисценций из первого евангелия. Датируя Евангелие от Иоанна, тюбингенские критики вынуждены были поменять дату со 170 г. на 140 г., а потом — на 120 и на 110 г., почти что время жизни Иоанна. Историческая достоверность Деяний нашла новое подтверждение в раскопках на Кипре и в Эфесе, а также в подробном исследовании морских подробностей главы 27 опытным мореплавателем. Обо всем этом см. в соответствующих разделах первого тома данной «Истории», гл. XII.

божественные факты откровения и учение о спасении. Конфликт продолжается, все с большим размахом, но истина, несомненно, победит. Христианство не зависит ни от критических проблем, связанных с каноном, ни от человеческих теорий богодухновенности, иначе Христос Сам написал бы евангелия или велел бы апостолам сделать это и позаботился бы о чудесном сохранении и о богодухновенных переводах текста. Его слова «суть дух и жизнь», тогда как «плоть не пользует нимало». Критика и умозрительное рассуждение могут на время отойти от Христа, но в конечном итоге вернутся к Тому, Кто дает единственный ключ к решению проблем истории и человеческого бытия. Всемирно известный поэт Гете говорил в конце своей жизни: «Неважно, насколько человеческий ум преуспевает в области интеллектуальной культуры и естественных наук, насколько он будет распространяться вширь и в глубину, но никогда не сможет подняться выше той моральной культуры, которая сияет в Евангелии».

ПРИМЕЧАНИЯ

Знаменитое завершение к Предисловию издания немецкого Нового Завета Лютера было опущено в более поздних изданиях, но воспроизводится в Walch ed., XIV. 104 sqq., и в Erlangen Frankf. ed., LXIII. (11-й том *Vermischte Deutsche Schriften*), p. 114 sq. Оно гласит:

«Aus diesem allen kannst du nu recht urtheilen unter allen Büchern, und Unterschied nehmen, welchs die besten sind. Denn, naemlich, ist Johannis Evangelion, und St. Pauli Episteln, so nderlich die zu den Römern, und Sanct Peters erste Epistel der rechte Kern und Mark unter allen Büchern; welche auch billig die, ersten sein sollten, und einem jeglichen Christen zu rathen wäre, das er dieselben am ersten und allermeisten läse, und ihm durch täglich Lesen so gemein mächte, als das täglich Brod.

Denn in diesen findist [findest] du nicht viel Werk und Wunderthaten Christi beschrieben; du findist aber gar meisterlich ausgetrichen, wie der Glaube an Christum Sünd, Tod und Hölle überwindet, und das Leben, Gerechtigkeit und Seligkeit gibt. Welchs die rechte Art ist des Evangelii, wie du gehöret hast.

Denn wo ich je der eins mangeln sollt, der Werke oder der Predigt Christi, so wollt ich lieber der Werke denn seiner Predigt mangeln. Denn die Werke helfen mir nichts; aber seine Worte, die geben das Leben, wie er selbst sagt (Joh. 5. V. 51). Weil nu Johannes gar wenig Werke von Christo, aber gar viel seiner Predigt schreibt; wiederum die andern drei Evangelisten viel seiner Werke, wenig seiner Worte beschreiben: ist Johannis Evangelion das einige zarte, recht(e) Hauptevangelion, und den andren dreien weit fürzuziehen und höher zu heben. Also auch Sanct Paulus und Petrus Episteln weit über die drei Evangelia Matthai, Marci und Lucä vorgehen.

Summa, Sanct Johannis Evangel. und seine erste Epistel, Sanct Paulus Epistel(n), sonderlich die zu den Römern, Galatern, Ephesern, und Sanct Peters erste Epistel. das sind die Bücher, die dir Christum zeigen, und alles lehren, das dir zu wissen noth und selig ist ob du schon kein ander Buch noch Lehre nummer [nimmermehr] sehest and horist [hörest]. Darumb ist Sanct Jakobs Epistel ein recht strohern(e) Epistel, gegen sie, denn sie doch kein(e) evangelisch(e) Art an ihr hat. Doch davon weiter in andern Vorreden».

§10. Протестантизм и деноминационализм⁴⁰

Греческая церковь существует как патриаршеская иерархия, основанная на первых семи вселенских соборах, с четырьмя древними поместными центрами, в Иерусалиме, Антиохии, Александрии и Константинополе. После 1725 г. сюда

⁴⁰ «Деноминационализм» — это, насколько мне известно, американский термин, недавно возникший, но полезный и необходимый. В этом термине отражается, без похвалы и без обвинений, тот факт, что протестантское христианство существует в виде разных церковных организаций, больших и маленьких, с различиями у одних — в учении, у других — в политике и поклонении. Одни из них — либеральные и общедоступные, другие — консервативные и закрытые. Я использую это слово в нейтральном значении, предпочитаю его терминам *конфессионализм (confessionalism)*, который предполагает разницу в вероисповедании или учении, и *сектантство (sectarianism)*, в котором звучит осуждение предполагаемого фанатизма и содержится упрек.

следует добавить Санкт-Петербург, где находится резиденция Святейшего Синода православной России. Патриарх Константинополя претендует на почетное первенство, но не имеет власти над собратьями-патриархами.

Римская церковь — это абсолютная монархия, возглавляемая непогрешимым папой, который называет себя наместником Христа над всем христианским миром, а Греческую и протестантские церкви считает раскольниками и еретиками.

Реформация вышла из лона Латинской церкви и нарушила *видимое* единство западного христианского мира, но подготовила путь для более возвышенного духовного единства, основанного на свободе и полном развитии всех сторон истины.

Вместо одной организации протестантизм оформился как ряд разных национальных церквей и вероисповеданий или деноминаций. Рим, пространственное средоточие единства, сменили Виттенберг, Цюрих, Женева, Оксфорд, Кембридж, Эдинбург. Одному великому папе пришлось сдать власть многим маленьким папам, с меньшими притязаниями, но каждый из которых претендовал на высшую власть в своей области и обладал ею. Иерархическое право сменилось цезаропапистским или эрастианским принципом: глава территории стал и ее религиозным главой (*cuius regio, ejus religio*). Впервые этот принцип применили византийские императоры, его придерживались и русские цари, однако и те, и другие подчинялись высшей власти вселенских соборов. Каждый король, князь и городской совет, принявший Реформацию, принял власть над церковью и учредил национальную церковь, подавляя несогласных, диссентеров или нонконформистов, которые либо изгонялись, либо просто подвергались разным ограничениям и лишениям прав.

В результате появилось столько же национальных или государственных церквей, сколько было независимых протестантских правительств, однако все они признавали власть Писания как закона веры и жизни, и большинство из них также видело в евангельских вероисповеданиях правильную формулировку учения Писаний. Каждое маленькое княжество монархической Германии и каждый кантон республиканской Швейцарии имел свою собственную церковь и претендовал на право регулировать ее символ веры, богослужения и дисциплину. Эта власть сосредоточилась не в руках клира, а в руках светского правителя, который назначал служителей и профессоров богословия. Имущество церкви, накопленное благочестивыми церковными структурами Средневековья, в период Реформации стало мирским и попало под контроль государства, которое, в свою очередь, взяло на себя обязанность материально содержать церковь.

Такое положение вещей в Европе сохраняется по сей день, за исключением независимых или свободных церквей, возникших недавно, которые ведут свои дела сами на добровольных началах.

Реформаторы не помышляли о том, чтобы переместить власть епископов и папы в руки главы государства, однако таково было неизбежное последствие решительной оппозиции Реформации к римской иерархии в целом. Меланхтон жалуется на множество вопиющих злоупотреблений со стороны эгоистичных и жадных князей. Он говорит, что согласился бы на восстановление епископской иерархии, если бы епископы разрешили свободно благовествовать и обучать Евангелию.

Реформатская церковь Швейцарии сначала обеспечила себе больше независимости, чем лютеранская, ибо Цвингли контролировал городской совет Цюриха, а Кальвин управлял Женевой через созданные им самим институты, однако оба

объединили гражданскую и церковную власть, и гражданская постепенно взяла верх над церковной.

Скандинавия и Англия приняли вместе с Реформацией протестантский епископат, который делит церковную власть с главой государства, но даже здесь гражданский правитель официально является высшим правителем церкви.

Величайшие протестантские церковные организации, или национальные церкви — это Церковь Англии, существенно ослабленная несогласиями, но по-прежнему самая богатая и мощная из всех; Объединенная евангельская церковь Пруссии, которая с 1817 г. включает в себя ранее раздробленные лютеранские и реформатские конфессии; Лютеранская церковь Саксонии (с римским католическим королем); лютеранские церкви Дании, Швеции и Норвегии; реформатские церкви Швейцарии и Голландии; реформатская или пресвитерианская церковь Шотландии.

Изначально все евангельские протестантские церкви были объединены в две конфессии или деноминации — лютеранскую (которая преобладала и продолжает преобладать в Германии и Скандинавии) и реформатскую (которая укрепилась в Швейцарии, Франции, Голландии, Англии и Шотландии, а в ограниченной степени также в Германии, Богемии и Венгрии). К лютеранской церкви принадлежала основная часть немцев и скандинавов, эмигрировавших в Америку и другие страны. Разные отделения реформатской церкви представлены во всех голландских и британских колониях, а также в Соединенных Штатах.

От этих двух конфессий следует отличать англиканскую церковь, которую плохо информированные европейские историки обычно относят к реформатской, но которая находится посредине между евангельским протестантизмом и римским католичеством, а потому ее можно назвать англо-католической. На самом деле она умеренно реформатская в том, что касается вероучительных положений⁴¹, но в управлении и обрядах она гораздо более консервативна, чем кальвинистская и даже лютеранская конфессии, — с большим почтением относится к свидетельству древних отцов церкви и настаивает на своем непрерывном епископском преемстве.

Разница между конфессиями среди протестантов возникла с самого начала. Сначала она проявлялась в разных мнениях о присутствии Христа в евхаристии — спор, который не смог быть решен на Марбургской встрече 1529 г., хотя Лютер и Цвингли пришли к согласию по четырнадцати с половиной артикулам веры из пятнадцати. Лютер отказался идти на компромисс. Постепенно возникли и другие разногласия — по поводу вездесущия тела Христова, по поводу предопределения и по поводу рождения свыше при крещении. Разногласия росли и усиливали раскол. Объединение двух конфессий в Пруссии и других германских государствах в 1817 г. не привело к концу раскола, но лишь добавило третью, Объединенную евангельскую церковь к двум прежним конфессиям, которые оставались разделены в других странах.

⁴¹ Тридцать девять артикулов веры, пересмотренных при Елизавете (1563 и 1571), отчасти позаимствованы, даже дословно, из Аугсбургского исповедания 1530 г. и Вюртембергского исповедания 1552 г., но являются умеренно кальвинистскими в том, что касается учения о вечере Господней и о предопределении. Пять Ламбетских артикулов 1595 г. и ирландские артикулы архиепископа Ашера (1615) весьма кальвинистские, и на основании последних было создано Вестминстерское исповедание. Но ламбетские и ирландские артикулы постепенно были забыты, а Книга общего богослужения, основанная на Сарумском (Салисберийском) служебнике, имела гораздо большее практическое влияние, чем Тридцать девять статей. См. Schaff, *Creeeds of Christendom* vol. I, 624 sqq., 630 sqq., 658 sqq., 662 sqq.

Разномыслие среди протестантов в XVI веке пробудило разнообразные религиозные и политические страсти и омрачило славу Реформации. Меланхтон заявил, что слёз, обильных, как полноводная Эльба, не хватило бы, чтобы выразить его печаль по случаю раздоров христианского мира и «неистовства богословов». Когда архиепископ Кранмер пригласил Кальвина вместе с Меланхтоном, Буллингером и Буцером в 1552 г. в Ламбетский дворец для составления общего символа веры реформатских церквей, Кальвин заявил, что пожелал бы пересечь десять морей, только чтобы христиане были едины⁴². Но этот благородный помысел не мог осуществиться в те беспокойные времена, и он до сих пор остается лишь *pium desiderium*.

Мы оплакиваем и осуждаем сектантские раздоры и ожесточение, но было бы несправедливо объяснять их причины возникновением протестантизма. Мы не можем считать всю соборную церковь неправильной из-за разгула страстей во время споров о Троице и во время христологических и прочих раздоров Никейской эпохи. Мы не можем считать неправильными Греческую и Латинскую церкви из-за их разгоревшейся вражды, или монашеские ордена в средние века из-за зависти и ревности между ними. Мы не можем объяснять соперничество янсенистов и иезуитов, галликан и ультрамонтанов существованием современной Римской церкви. Религиозные страсти, несмотря на христианскую веру, произрастают из эгоизма греховной человеческой природы, идет ли речь о греках, римлянах или протестантах. Проблемы могут возникнуть в любой деноминации и в любой общине. Павел упрекал коринфскую церковь за раздоры. Соперничество между богословскими школами и группировками внутри одной организации нередко бывает так же велико, а иногда даже больше, чем между разными деноминациями. Провидение же обращает эти человеческие слабости на благо более ясного развития учения и дисциплины, тем самым превращая зло в добро.

Тенденция протестантизма к индивидуализму не ограничилась тремя церквями Реформации, но породила и другие разделения везде, где могла свободно формулировать и формировать различия между богословскими группировками и школами. Так произошло в Англии вследствие события, которое можно назвать второй Реформацией и которое взволновало страну в XVII веке, в то время как Германия переживала ужасы Тридцатилетней войны.

После окончательного падения полупапистской и предательской династии Стюартов Акт о веротерпимости 1689 г. позволил диссентерам, которые формально входили в Церковь Англии, создавать независимые деноминации, в результате чего появились пресвитериане, индепенденты или конгрегационалисты, баптисты, квакеры. Все они исповедовали принципы Реформации, но расходились в незначительных вопросах учения, прежде всего в вопросах дисциплины и способа поклонения.

Методистское религиозное пробуждение, которое потрясло Англию и американские колонии в XVIII веке, привело к возникновению новой деноминации, которая распространялась с энтузиазмом победоносной армии и стала одной из самых крупных и влиятельных сообществ англоязычного христианского мира.

В Шотландии изначальное единство реформатской церкви также было нарушено, прежде всего в связи с правами попечителей назначать служителей в конгрегации и пониманием единовластия Христа, так что население Шотландии теперь в основном распределяется по трем церквям. Это Церковь Шотландии, Обь-

⁴²См. переписку в Cranmer, *Works*, Parker Society, vol. II, 430-433.

единенная пресвитерианская Церковь Шотландии и Свободная Церковь Шотландии. При этом все три придерживаются Вестминстерского исповедания⁴³.

В Германии моравское братство было узаконено и обрело популярность благодаря ревностному благовестию среди язычников, учебным заведениям, строгой дисциплине и стимулирующему влиянию на более исторические церкви.

Вследствие эмиграции все эти церкви Великобритании и европейского континента были перенесены на нетронутую почву Северной Америки, где они существуют в условиях равенства перед законом и пользуясь совершенной религиозной свободой. Деноминаций, возникших на американской почве, немного. В Америке разница между церковью и сектой, церковными служителями и диссентерами утратила свое юридическое значение, и даже в Европе узы между церковью и государством заметно ослабились под влиянием современных представлений о веротерпимости и свободе. Сектам или богословским группировкам разрешается свободно объединяться в собственные церковные общины.

Таким образом, протестантизм XIX века поделен на добрую половину дюжины крупных деноминаций, не считая мелких разделений, которых еще больше. Епископальная церковь, лютеране, пресвитериане, конгрегационалисты, методисты и баптисты — отдельные и разные организации. Центробежная тенденция протестантизма еще не исчерпала себя и может породить новые деноминации, особенно в Америке, где никакая политическая сила не способна остановить этот процесс.

Наблюдателю со стороны, особенно католику или неверующему, может показаться, что в протестантизме царят религиозный хаос или анархия, которые в конечном счете приведут к его уничтожению, но рассудительный обзор истории последних трех веков и нынешней ситуации в христианском мире приводит к совершенно иному выводу. Невозможно отрицать, что в англоязычных странах, где существует больше всего деноминаций и сект, христианская вера имеет больше влияния на людей и обладает большей жизненной силой и энергией как внутри страны, так и за границей. Сравнение Англии с Испанией, или Шотландии с Португалией, или Соединенных Штатов с Мексикой, Перу или Бразилией доказывает, что живое разнообразие лучше мертвого единообразия. Раскол — это слабость, когда приходится бороться со сплоченным врагом, но от преумножения церковью также умножается и количество миссионерских, образовательных и душепопечительских организаций. У каждой протестантской деноминации есть свое поле деятельности, и само дело христианства существенно ослабело бы и пострадало, если бы какая-то из них перестала существовать.

Мы не должны забывать о том важном факте, что различия между разными протестантскими деноминациями не фундаментальны и что артикулы веры, по поводу которых они согласны, более многочисленны, нежели те, в связи с которыми есть разногласия. Все деноминации признают богодухновенное Писание высшим законом веры и жизни, принимают спасение благодатью и, можно сказать, каждый из артикулов Апостольского символа веры. А в том, что касается практического христианства, они единодушно учат, что наша обязанность — исполнять царский закон любви к Богу и ближнему, а подлинное благочестие и добродетель заключаются в подражании примеру Христа, Господа и Спасителя.

⁴³ {С 1929 года Церковь Шотландии и Объединенная свободная Церковь Шотландии (существовавшая с 1901 года после слияния Объединенной пресвитерианской Церкви Шотландии и Свободной Церкви Шотландии) образовали единую Церковь Шотландии.}

Вот в такой форме ныне реализуется единство в разнообразии и разнообразие в единстве.

Тенденция к разделению и расколам уравнивается противоположной тенденцией, к христианскому союзу и общению между деноминациями, которая проявляется среди современных протестантов, особенно в Англии и Америке, более активно и в разных формах — например, в области миссионерства. В конечном итоге она, несомненно, одержит победу. Дух узости, фанатизма и исключительности должен наконец уступить место духу евангельской всеобщности, который позволяет каждой деноминации выполнять свою собственную миссию в соответствии со своим особым даром и свободно участвовать в благородном соревновании с другими деноминациями во славу общего Учителя и для созидания Его Царства.

Великая проблема христианского единства не может быть решена за счет возвращения к единообразию поклонения и формального единства организации. Разнообразие в единстве и единство в разнообразии — таков закон Бога в истории и в природе. Все стороны истины должны получить возможность свободного развития. Все возможности христианской жизни должны быть реализованы. Прошлое невозможно переделать. История движется зигзагообразно, подобно плывущему кораблю, но никогда не возвращается назад. То, что случилось в истории церкви, Греческой, Римской или протестантских, не могло быть напрасным. Каждая деноминация и секта принесли несколько камней для строительства храма Божьего, и Бог из величайшего человеческого разобщения создаст богатейшую общность.

§11. Протестантизм и религиозная свобода

См. PH. SCHAFF: *The Progress of Religious Freedom as shown in the History of Toleration Acts*, N. York, 1889 (126 стр.).

Реформация была великим актом освобождения от духовной тирании и восстановления священных прав совести в вопросах веры. Смелое выступление Лютера на Вормском рейхстаге, перед лицом папы и императора, — одно из величайших событий в истории свободы, и его красноречивое свидетельство будет звучать в веках⁴⁴. Чтобы сокрушить власть папы, который называл себя и считался зримым заместителем Бога на земле и владел ключами от царства небесного, требовалось больше моральной смелости, чем для того, чтобы выдержать тысячу битв, и скромный монах сделал это силой своей веры.

Если в последнее время развивалась гражданская и религиозная свобода, то этим мы в значительной степени обязаны вдохновляющему и героическому поступку Лютера. Но прогресс был медленным. Пришлось преодолеть много препятствий и реакцию. «Мельница Бога мелет медленно, но удивительно тонко».

Кажется странным и непоследовательным, что те же самые люди, которые настаивали на своем праве протестовать в важных вопросах и широко пользовались им, отказывали в таком же праве другим, несогласным с ними в незначительных моментах. Получив свободу от ига папства, они начали гонения на те принципы, в которых воспитывались. Они не имели представления о терпимости или свободе в современном понимании. Они сражались за свободу во Христе, а не

⁴⁴ Фроуде говорит: «Появление Лютера перед рейхстагом в тот раз — одна из наиболее славных, а может, и самая славная сцена в истории человечества» (*Luther*, p. 38).

от Христа, за свободу проповедовать Евангелие и учить ему, а не выступать против него и искажать его. Они были так же твердо убеждены в своих взглядах, как их римские оппоненты — в своих. Они ненавидели папство и ересь как опасные заблуждения, которые не следует терпеть в христианском обществе. Джон Нокс боялся одной римской мессы в Шотландии больше, чем армии из десяти тысяч французских захватчиков. Протестантские богословы и князья XVI века считали своей обязанностью перед Богом и собой подавлять и наказывать не только гражданские преступления, но и ересь. Они путали закон с Евангелием. Часто они действовали из мести или самозащиты. Они были окружены массой сектантов и заблуждающихся, которые называли себя законными отпрысками Реформации, навлекали на нее упреки со стороны врагов и угрожали превратить ее в неразбериху и анархию. Мир и церковь еще не созрели тогда для всеобщего царства свободы, как не созрели они для него и сейчас.

Религиозные гонения начинаются не только на почве нетерпимости, фанатизма, низменных страстей, таких как коварство, ненависть и жестокость. Они могут происходить и из идущего ложным путем стремления защитить истину и ортодоксию, из искреннего религиозного убеждения, а также вследствие смешивания религии и политики, когда из-за переплетения церкви с государством преступление против одного из них считается преступлением против другого. Гонения разворачиваются во всех религиях, церквях и сектах, которые получают власть. С другой стороны, все преследуемые религии, секты и группировки выступают за терпимость и свободу, — по меньшей мере, для себя. Как самые лучшие, так и самые худшие люди выступали в роли гонителей, полагая, что служат делу Бога, сражаясь с Его врагами. Савл из Тарса и Марк Аврелий, святой стоик и философ на троне цезарей, преследовали христианство по неведению, один — из преданности закону Моисея, другой — из верности законам и богам Рима. Карл Великий думал, что лучше всего распространять христианство среди язычников-саксонцев, загоняя их в реку для крещения. Святой Августин, Фома Аквинат и Кальвин в равной мере были убеждены в том, что гражданские власти имеют право и обязаны наказывать еретиков. Религия или церковь, получающая право на существование силой закона, вынуждена и защищаться с помощью этого же закона от своих врагов. Единственная надежная гарантия от гонений — сделать все церкви равными перед законом и поддерживать либо все их в равной мере, либо ни одну из них.

История церкви омрачена адским огнем гонений на христиан не только со стороны язычников или мусульман, но и со стороны других христиан. Но у любого события есть своя светлая сторона, и рука Провидения даже человеческую греховность обращает во благо. Гонения испытывают характер, развивают моральный героизм, рождают славу мученичества и сеют орошаемое кровью семя религиозной свободы. Гонения не достигают своей цели, когда правда на стороне гонимых, и в конечном итоге приводят к победе гонимых. Так случилось с христианством в Римской империи и, в значительной степени, — с протестантизмом. Гонимые приняли крест и получили венец.

Давайте теперь вкратце рассмотрим основные этапы истории гонений, которая одновременно является и историей религиозной свободы.

1. В Новом Завете нет ни одного места, где одобрялись бы гонения. Учение и пример Христа и апостолов свидетельствуют против подобной практики. Христос пришел спасти мир, а не уничтожить его. Он объявил, что царство Его не от мира сего. Христос выразил упрек, когда Петр поспешно схватился за меч, —

хотя тот и защищал своего Учителя. Христос предпочел пострадать и умереть, но не захотел призывать ангелов Божьих, чтобы те помогли Ему справиться с врагами. Апостолы распространяли Евангелие духовными методами и осуждали использование плотского оружия.

Триста лет церковь следовала их примеру и выступала за свободу совести. Она страдала от преследований со стороны иудеев и язычников, но никогда не мстила и шла к победе силой истины и святой жизни, венцом которой становилась героическая смерть⁴⁵.

2. Перемены начались с объединения церкви и государства при Константине Великом на Востоке и при Карле Великом на Западе. Оба эти императора стали продолжателями Древней Римской империи при господстве меча и креста.

Средневековая теория Католической церкви предполагает тесный союз кесаря и папы (или гражданской и церковной власти) в христианских странах и исключительность католичества, вне которого не может быть спасения. Афанасьевский символ веры содержит не менее трех проклятий против всех, кто не согласен с ортодоксальным учением о Троице и воплощении. С этой точки зрения любая ересь, то есть любое отступление от католической ортодоксии, есть грех и преступление против общества. И любая ересь должна караться и церковью, и государством, хотя и по-разному. «Церковь не жаждет крови»⁴⁶, но отлучает упорствующего еретика и передает его гражданским властям, чтобы те разобрались с ним согласно закону. А законы языческого Рима и Рима христианского были одинаково суровы по отношению к тем, кто открыто не соглашается с государственной религией. Закон Моисея против идолопоклонства и богохульства, которые карались смертью, как преступления против теократии и измена Богу Яхве⁴⁷, казалось, вполне можно было использовать как божественное повеление принять похожие законы в христианском государстве, несмотря на учение и пример Христа и апостолов. Христианские императоры после Константина искореняли языческую веру и еретические секты точно так же, как их языческие предшественники преследовали христиан, считавшихся врагами богов всего государства. Кодекс Юстиниана, влияние которого распространялось на весь европейский континент, не позволял христианским еретикам и раскольникам, наряду с язычниками и иудеями, занимать гражданские или военные посты, запрещал им устраивать собрания и проводить богослужения, велел сжигать их книги.

Эту теорию санкционировали ведущие богословы церкви. Святой Августин, который сам был еретиком девять лет, сначала был сторонником терпимости⁴⁸.

⁴⁵ Иустин Мученик, Тертуллиан и Лактанций делают самые категорические заявления в поддержку религиозной свободы. См. т. II, §13 и 196.

⁴⁶ *Ecclesia non sinit sanguinem*, — вот лозунг, которого Католическая церковь придерживалась даже в самые мрачные дни гонений. Когда первая кровь еретиков была пролита по приказу императора Максима, покаравшего мечом несколько присциллиан в Испании в 388 г., святой Амвросий Миланский и святой Мартин Турский громко протестовали против такой жестокости и перестали общаться с епископами, которые одобрили казнь.

⁴⁷ Исх. 22:20; Чис. 25:2-8; Вт. 13:1-14; 17:2-5; Лев. 24:14-16; см. также 3 Цар. 21:10,13. Этот закон был применен к Стефану, первому мученику (Деян. 6:11,13; 7:58).

⁴⁸ Он начинает свой антиманихейский труд, *Adv. Epistolam Manichaei quam vocant fundamenti*, написанный в 397 г., выражением благородных христианских чувств: «Выступая против вас, манихеи, и опровергая вашу ересь, я молю единого истинного и всемогущего Бога, от Которого, в Котором и Которым все существовало и существует, чтобы Он послал мне спокойствие и сдержанность ума и чтобы я думал скорее о вашем восстановлении в церкви, чем о вашем поражении, так как вы можете быть еретиками скорее по недомыслию, чем из злобы. Ибо

Но во время донатистских споров Августин пришел к выводу, что исправление и принуждение еретиков и схизматиков в некоторых случаях необходимо и полезно. Его трактат о «Наставлении донатистов» был написан около 417 г., чтобы показать, что фанатичных раскольников донатистов следует наказывать согласно законам империи. Августин признает: лучше, чтобы люди поклонялись Богу благодаря наставлениям, чем из страха наказания или боли. Но, рассуждает он, большинство людей исправляется из страха. И он черпает доказательства этому аргументу из Ветхого Завета. Единственный отрывок Нового Завета, который он может здесь процитировать, говорит, скорее, о принудительном спасении, чем о наказании, и на самом деле имеет другое значение. Он упоминает об обращении Павла как о принуждении со стороны Самого Христа и неверно истолковывает слова нашего Господа в притче о пире, видя в желании пригласить на пир другой смысл: не «позови», а «убеди прийти»⁴⁹. Но, с другой стороны, он придерживался верного принципа: «Ни один человек не может уверовать против собственной воли»⁵⁰. Он явно не одобрял смертную казнь еретиков⁵¹.

Фома Аквинат, следующий после Августина авторитет среди канонизированных учителей Латинской церкви, сделал новый шаг в направлении гонений. Он доказал, и это мнение было принято в средние века, что нельзя терпеть обряды идолопоклонников, иудеев и неверных⁵² и что еретики или люди, искажающие христианскую веру, — преступники хуже, чем фальшивомонетчики, и их надо (после должного увещевания) не только отлучать от церкви, но и казнить по приговору государства⁵³. Он не цитирует ни одного библейского отрывка в поддержку смертной казни еретиков, но, напротив, упоминает три отрывка, в которых говорится о терпимом к ним отношении, — 2 Тим. 2:24; 1 Кор. 11:19; Мф. 13:29,30, а затем пытается опровергнуть их смысл, рассуждая о вине еретиков.

Господь, Который через Своих слуг ниспровергает царства заблуждения и желает их уничтожения, в отношении заблуждающихся людей желает, чтобы они возродились, а не были уничтожены. В любом случае, если Бог наказывает человека до последнего суда... мы должны верить, что Он делает это для восстановления человека, а не для его гибели. Те же, кто отвергает возможность вернуться к Богу, обречены на вечную гибель». В гл. 3 он говорит манихеям, вспоминая о своей былой связи с ними: «Я никоим образом не могу гневаться на вас. Я сам был таким, как вы, и я должен быть терпеливым с вами, как те, кто общался со мной, были терпеливы ко мне, когда я безумствовал и слепо сбивался с пути, веря в то же, что и вы».

⁴⁹ *De Correct. Donatist*, с. 6, §24: «Сам Господь (Лк. 14:23) сначала приглашает гостей на Свой великий пир, а потом заставляет их прийти». Августин понимает дороги и изгороди в этой притче как ереси и схизмы, а пир Господа — как единство тела Христова в таинстве алтаря и в узах мира. Он говорит (гл. 7, §25), что, когда имперские законы против ереси были впервые присланы в Африку, он с некими братьями выступал против их исполнения, но позже поддержал их как меру самозащиты католиков от яростного фанатизма донатистов. Но в результате и католики, и донатисты потерпели поражение от вандалов, которые были арианами.

⁵⁰ *Credere non potest homo nisi volens*. См. его *Tract.*, XXVI, in *Joan.*, с. 2, где он говорит: «Человек может прийти в церковь неохотно, может подойти к алтарю против своего желания, принять таинство против желания, но он не может верить, если не хочет этого. Если бы верили наши тела, человека можно было бы заставить поверить против его воли. Но вера — это не телесное действие». Мне приятно было найти одобрительное высказывание об этих словах в энциклике папы Льва XIII от 1 ноября 1885 г.

⁵¹ В послании к проконсулу Донату (*Ep. C.*) он именем Иисуса Христа заклинал его не мстить донатистам, а пытаться исправить их: *Corrigi eos cupimus, non necari*.

⁵² *Summa Theol. Secunda Secundae*, Quaest. x, art. 11.

⁵³ *Ibid.* Quaest. xi, art. 3, где он говорит о еретиках: *Meruerunt non solum ab ecclesia per excommunicationem seperari, sed etiam per mortem a mundo excludi... Si falsarii pecuniae vel alii malefactores statim per saeculares principes juste morti traduntur, multo magis haeretici statim ex quo de haerisi convincuntur, possunt non solum excommunicari, sed et juste occidi*.

Гонения на еретиков достигли наибольшего размаха в период папских походов против альбигойцев при Иннокентии III, одном из лучших пап, во времена мрачных деяний испанской инквизиции и в краткое правление герцога Альбы (1567 — 1573), который с невероятной жестокостью выступал против протестантов Нидерландов⁵⁴.

Ужасная бойня в Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.) была санкционирована папой Григорием XIII, который в ее честь произнес благодарственную молитву и выпустил медаль со своим изображением, ангелом-мстителем и надписью *Ugonottorum strages*⁵⁵.

Печально известные драгоннады Людовика XIV были продолжением той же самой политики государства и церкви (но в более крупном масштабе), направленным на полное уничтожение протестантизма во Франции вопреки торжественному эдикту деда короля (1598 г., отменен в 1685 г.). Эта политика была полностью одобрена римским клиром, в том числе епископом Боссюз, защитником галликанских свобод⁵⁶.

Самое жестокое из многочисленных гонений на невинных вальденсов в долинах Пьемонта развернулось в 1655 г. Его свирепость потрясла весь протестантский мир, вызвала решительный протест Кромвеля и вдохновила Мильтона, его иностранного секретаря, на знаменитый сонет:

*Отомсти, о Господь, за Своих заклянных святых, чьи кости
Разбросаны по холодным Альпийским горам,
За тех, кто придерживался чистой древней веры,
В то время как наши отцы поклонялись деревьям и камням.*

⁵⁴ Гиббон утверждает, что «количество протестантов, казненных [испанцами] в одной провинции в течение одного правления, было намного больше, чем количество мучеников ранней церкви за три столетия по всей Римской империи» (*Decline and Fall*, ch. xvi, в конце). Гроций, на которого он ссылается, заявляет, что число голландских мучеников было более 100.000. Сарпи уменьшает это число до 50.000. Сам Альба хвалился, что за шесть лет своего правления в качестве агента Филиппа II он приказал казнить 18.000 человек, но сюда не включено гораздо большее количество жертв, погибших при осадах, в битвах и в темницах. Во время разграбления Гаарлема 300 жителей бросили в озеро, связав их по двое спиной к спине. В Цютфене еще 500 человек таким же образом утопили в Исселе. «Трудно поверить в те ужасы, которые творились во время разграбления и разрушения этих сожженных и голодающих городов. Нерожденных младенцев вырезали из материнского чрева, женщин и детей насиловали тысячами, солдаты сжигали и разрубали на куски население целых городов с такой жестокостью, какую трудно вообразить» (Motley, *Rise of the Dutch Republic*, vol. II. 504).

⁵⁵ См. De Thou, *Hist.*, lib. LXIII; Gieseler, IV. 304 (амер. изд.); Wachler, *Die Pariser Bluthochzeit.*, 2^d ed., Leipzig, 1828; Henry White, *Massacre of St. Bartholomew*, N. Y., 1868; Henry M. Baird, *History of the Rise of the Huguenots*, New York, 1879; Henri Bordier, *La Saint-Barthélemy et la Critique moderne*, Paris, 1879; H. Baumgarten, *Vor der Bartholomaeusnacht*, Strassburg, 1882. Количество жертв этой бойни в Париже и по всей Франции исчисляется по-разному, от 10.000 до 100.000. Де Ту и Ранке говорят о 20.000 по самым скромным подсчетам (2000 в Париже). Римско-католические авторы защищают папу, говоря о его неведении, однако у папы было достаточно времени, чтобы получить информацию от своего нунция и от других служителей до того, как он выпустил медаль. Говорят, Филипп II Испанский впервые в жизни громко засмеялся, услышав об этой бойне.

⁵⁶ См. труды французских историков: Martin, Benoit, Michelet, De Félice, Ranke, Soldan, Von Polenz, — и другие, которые называет Н. М. Baird в Schaff-Herzog II, 1037. Количество французских беженцев исчисляется в 800.000. Бэрд сокращает его до 400.000. Мартен считает, что «Франция потеряла более миллиона труженников, причем самых работающих». Многие потомки этих беженцев, которых курфюрст Фридрих Вильгельм Прусский гостеприимно пригласил в Берлин, сражались против Франции в период наполеоновских войн и участвовали в ужасном возмездии 1870 г.

Эти гонения составляют самую мрачную, мы даже сказали бы, сатанинскую главу церковной истории. Они — большее преступление против человечества и христианства, чем все те ереси, из-за которых эти гонения были затеяны.

Римская церковь никогда не выражала сожалений по поводу своего участия в таких нехристианских делах. Напротив, она продолжает придерживаться *принципа* гонений в связи с учением, что спасение возможно только в ее лоне. Папский *Syllabus* 1864 г. открыто осуждает среди заблуждений нашего времени учение о религиозной терпимости⁵⁷. Лев XIII, великий поклонник богословия святого Фомы Аквината, в своей энциклике от 1 ноября 1885 г., «О христианской государственной конституции», мудро и умеренно, но все-таки подтверждает политические принципы своего предшественника⁵⁸. Отменить прошлые высказывания уже невозможно, так как это противоречило бы ватиканской догме о папской непогрешимости, и *практика* гонений — это вопрос власти и уместности. Хотя отдельные случаи происходят время от времени до сих пор⁵⁹, возврат к средневековой жестокости уже невозможен, и рассудительные католики из числа либералов осудили бы его как глупость и преступление.

3. Протестантская теория и практика в отношении гонений и терпимости.

а) Лютеранские реформаторы и церкви.

Лютер был самым передовым среди реформаторов в плане провозглашения терпимости и свободы. Он ясно видел долгосрочный эффект выражаемого им

⁵⁷ Среди осуждаемых заблуждений есть следующие: «В наши дни уже не считается необходимым относиться к католической религии как к *единственной государственной, исключаящей все остальные способы поклонения*»; «Следовательно, закон мудро заботится о том, чтобы лица, приезжающие извне, могли проводить свои собственные публичные богослужения» (§X, 78 и 79). Но осуждением терпимости предполагается одобрение нетерпимости. См. Schaff, *Creeds of Christendom*, II, 232. Янссен, осуждая гонения протестантов против католиков, одобряет гонения католиков против протестантов во времена Реформации. Он говорит: *Für die katholische Geistlichkeit, die katholischen Fürsten und Magistrate und das katholische Volk war es ein Kampf der Selbsterhaltung, wenn sie Alles aufboten, um dem Protestantismus den Eingang in ihre Gebiete zu wehren und ihn, wenn er eingedrungen war, daraus wieder zu entfernen (Geschichte des deutschen Volkes, III, 193).*

⁵⁸ После прославления средних веков и заявления об иерархическом превознесении церкви над государством Лев XIII пишет в этой энциклике: «Нет сомнений, что такое же превосходное положение дел сохранялось бы, если бы сохранялось согласие двух сил, и мы справедливо могли бы ожидать еще более великих свершений, если бы люди повиновались власти, слушали учение и внимали советам церкви более верно и усердно. Ибо следует считать постоянно действующим законом то, о чем Иво Шартрский писал папе Пасхалию II: «Когда король и священство в согласии, мир хорошо управляется, церковь процветает и приносит плоды. Когда же между ними разногласия, не только малые вещи не растут, но и великие впадают в плачевный упадок и гибнут». Далее папа отвергает губительные последствия «революции» XVI века (имея в виду, конечно же, Реформацию), в том числе пагубное заблуждение о том, будто бы «никакая религия не должна публично исповедоваться [государством] и не должна предпочитаться другой; и что не следует задавать вопросов, которая из многих — единственная истинная; и что не нужно быть особо благосклонным к одной, но надо предоставлять равные права каждой, если общественный порядок от этого не страдает». Вероятно, речь шла об Италии и Франции, но здесь предполагалось также осуждение разделения церкви и государства в Соединенных Штатах. Далее папа с одобрением отзывается об энциклике *Mirari Vos* Григория XVI (15 августа 1832 г.), осуждающей разделение церкви и государства, а также о Силлабусе Пия IX, который «обратил внимание на многие ложные мнения и велел собрать их вместе, чтобы среди такого скопища заблуждений католики могли иметь руководство, за которым они могут следовать, не оступившись».

⁵⁹ Так, в 1852 г. во Флоренции посадили в тюрьму семейство Мадий за то, что они проводили молитвенные собрания и читали Библию, а в 1853 г. Матамораса, Карраско и их друзей схватили и осудили на каторгу в Мадриде за такое же преступление, и освободили их только после решительного протеста международной делегации Евангельского союза. В Риме до 1870 г. не терпели никаких *публичных* богослужений, кроме католических.

протеста против Рима и во время бурного периода своей жизни (1517 — 1521) был бесстрашным поборником свободы. Одно из его самых благородных высказываний — против принуждения в вопросах совести. Оно содержит практически все основные пункты современных представлений по этому вопросу. Лютер проводит четкое разграничение между светской властью, которая касается только тела и мирских благ, и духовным правлением, которое во власти Бога. Он говорит, что «никто не может и не должен командовать душой, кроме Бога, Который единственный может показать ей путь на небеса»; что «мысли и ум человека ведомы только Богу»; что «напрасно и невозможно приказывать человеку или силой заставлять его уверовать»; что «ересь — это духовная сущность, которую не сокрушит железо, не сожжет огонь, не утопит вода»; что «вера безвозмездна и к ней нельзя принуждать»⁶⁰. Он был против учения анабаптистов и выдвигал против них все возможные доводы, но не одобрял жестоких преследований, которыми их подвергали как в католических, так и в протестантских странах. «Это неправильно, — говорит он в книге против них (1528), — и я глубоко сожалею о том, что этих несчастных убивают, сжигают, жестоко подвергают смерти; каждому человеку позволено верить в то, во что ему угодно, а если его вера неверна, то вечный огонь в аду будет достаточным для него наказанием. Зачем мучить его и еще в этой жизни?»⁶¹ Если еретиков надо карать смертью, тогда получается, что самые лучшие (самые правоверные) богословы — это палачи. «Никоим образом не могу допустить, — писал Лютер своему другу Линку в 1528 г., — что лжеучителей надо казнить. Им достаточно изгнания»⁶².

Он соглашался с изгнанием еретиков, но не допускал более сурового наказания. Он хотел, чтобы правительство заставляло еретиков замолчать или изгонять. Он неистовствовал *на словах*, и в этом отношении намного превзошел своих друзей и врагов, не щадя ни папистов, ни последователей Цвингли, ни анабаптистов, ни даже светских князей, таких как Генрих VIII, герцог Георг Саксонский и герцог Генрих Брюнsvикский⁶³. Но *в поступках* он редко бывал нетерпимым.

⁶⁰ См. его трактат, написанный в 1523 г., *Von weltlicher Obrigkeit, wie weit man ihr Gehorsam schuldig sei?*, в Walch, X. 426-479, особенно вторая часть, col. 451 sqq. *Der Seelen kann und soll niemand gebieten, er wisse denn ihr den Weg zu weisen gen Himmel. Das kann aber kein Mensch thun, sondern Gott allein. Darum in den Sachen, die der Seelen Seligkeit betreffen, soll nichts denn Gottes Wort gelehrt und angenommen werden* (453). *Es ist ein frei Werk um den Glauben, dazu man niemand kann zwingen... Zum Glauben kann und soll man niemand zwingen* (455 sq.). Он справедливо ограничивает обязанность повиновения, которой учат Рим. 13:1 и 1 Пет. 2:13, светскими вопросами и истолковывает эти места на основании Мф. 22:21.

⁶¹ *Von der Wiedertaufe, an zwei Pfarrherrn*, написано в декабре 1527 г. или январе 1528 г. и адресовано двум пасторам из римско-католической страны (вероятно, подданным герцога Георга Саксонского). См. Walch, XVII, 2644, а также Erl., Frankf. ed. xxvi, или *Reformations-historische Schriften*, III (2^d ed. 1885), p. 283, откуда я цитирую отрывок целиком: *Doch ist's nicht recht, und ist mir wahrlich leid, dass man solche elende Lente so jämmerlich ermordet, verbrennet und greulich umbringt; man sollte, ja einen jeglichen lassen gläuben, was er wollt. Gläubet er unrecht, so hat er gnug Strafen an dem ewigen Feuer in der Höllen. Warumb will man sie denn auch noch zeitlich martern, so ferne sie allein im Glauben irren, und nicht auch dan eben aufrührisch oder sonst der Oeberkeit widerstreben? Lieber Gott, wie bald ists geschehen, dass einer irre wird und dem Teufel in Strick fället! Mit der Schrift und Gottes Wort sollt man ihn wehren und widerstehen; mit Feuer wird man wenig ausrichten.*

⁶² *Briefe, de Wette*, III, 347 sq.: *Quod quaeris, an liceat magistratui accidere pseudoprophetas? Ego ad iudicium sanguinis tardus sum, etiam ubi meritum abundat... Nullo modo possum admitti ere, falsos doctores occidi; satis est eos relegari.* Он напоминает в качестве довода, что среди иудеев и папистов закон о смертной казни сделался предлогом и поводом, чтобы убивать истинных пророков и святых.

⁶³ Хорошо известен его грубый выпад против Генриха VIII — «Божьей немилостью (*Ungnade*)

Он отказался от предложения дружбы со стороны Цвингли и не хотел принимать его в Виттенберге. Он просил курфюрста Иоганна помешать некоему Гансу Мору распространять взгляды Цвингли в Кобурге. Он сожалел о терпимом отношении к последователям Цвингли в Швейцарии после их поражения, которое немилосердно воспринимал как праведный Божий суд⁶⁴.

Скажем несколько слов об отношении Лютера к иудеям, страдавшим от всевозможных оскорблений со стороны христиан, для которых они были преступниками, несущими личную ответственность за распятие Христа. Сначала Лютер опережал общественное мнение. В 1523 г. он был против тех, кто относится к иудеям с такой жестокостью, словно они псы, а не люди, и выступал за доброту и милосердие как лучшие средства их обращения. Если бы апостолы, говорил он, которые были иудеями, относились к язычникам так, как мы, христиане, относимся к иудеям, ни один язычник не был бы обращен, да и сам я, будь я иудеем, предпочел бы стать кем угодно, только не христианином⁶⁵. Но в 1543 г. он написал два ожесточенных труда против иудеев⁶⁶. Пообщавшись с несколькими раввинами, он стал испытывать отвращение и негодование из-за их гордости, упрямства и проявлений богохульства. Он пришел к выводу, что спорить с ними бесполезно и обратить их невозможно. Моисей ничего не добился от фараона с помощью предупреждений, язв и чудес, и Богу пришлось утопить войско фараона в Черном море. Если бы пришел именно их долгожданный Мессия, то они предали бы Его еще более позорному распятию, чем Мессию христианского. Евреи — это слепой, ожесточенный и неисправимый народ⁶⁷. Он даже советовал изгнать евреев из христианских земель, запретить их книги, сжечь синагоги и даже дома, в которых они хулят нашего Спасителя и святую Деву. В последней из своих проповедей, произнесенной незадолго до смерти в Эйслебене, где иудеям позволялось разворачивать широкую торговлю, он предостерегал о вредности иудеев как опасных врагов общества, которых не следует терпеть, и оставил им альтернативу — либо обращение, либо изгнание⁶⁸.

короля Англии». В своей книге *Von weltlicher Obrigkeit*, посвященной его собственному князю герцогу Иоганну, он осмеливается высказать мнение, что мудрых и благочестивых правителей существовало мало с самого начала истории мира и что князья — это обычно либо величайшие глупцы, либо худшие на свете простофили: *sie sind gemeinlich die grössten Narren oder die ärgsten Buben auf Erden* (Walch X, 460 и 464). *Es sind gar wenig Fürsten, die man nicht für Narren und Buben hält. Das macht, sie bewiesen sich auch also, und der gemeine Mann wird verständig* (*Ibid.*, 464).

⁶⁴ В послании к Альбрехту Бранденбургскому (1532), после того как он узнал о смерти Цвингли (De Wette, IV, 349-355). В том же письме он выражает сомнение в возможности спасения Цвингли, предполагая, что оно могло произойти лишь в самый последний момент! Он ставит здесь акцент на реальном присутствии Христа в евхаристии как на фундаментальном постулате веры.

⁶⁵ См. его трактат *Dass Jesus Christus ein geborner Jude sei*, в Erl. Frkf. ed., Bd. XIX, p. 45-75. Он говорит: если бы я был иудеем и вынес то, что иудеям пришлось вынести от пап, епископов и монахов, *so wäre ich eher eine Sau worden denn ein Christ. Denn sie haben mit den Juden gehandelt, als wären es Hunde, und nicht Menschen* (p. 47).

⁶⁶ *Von den Jüden und ihren Lügen*, Wittenb., 1543, и *Vom Schem Hamphoras und vom Geschlecht Christi*, Wittenb., 1543. В Erl. Frkf. ed., Bd. XXXII, 99-274, 275-358.

⁶⁷ *Ein Jüde oder jüdisch Herz ist so stock-stein-eisen-teufel-hart, dass es mit keiner Weise zu bewegen ist... Summa, es sind junge Teufel, zur Höllen verdammt* (l. c., p. 276). Он не надеялся на обращение иудеев в будущем, о котором, по справедливому мнению некоторых толкователей, говорится в Рим. 11, но *St. Paulus meint gar viel ein Anderes* (277).

⁶⁸ *Vermahnung wider die Jüden*, 1546, Erl. ed., LXV, 186-188. Он завершает речь так: *Wollen sich die Jüden zu uns bekehren und von ihrer Lästerung und was sie uns sonst gethan haben, aufhören, so wollen wir es ihnen gerne vergeben: wo aber nicht, so sollen wir sie auch bei uns nicht duld en*

Меланхтон, самый мягкий из реформаторов, пошел, сколь это ни странно, еще дальше Лютера, но не при жизни последнего, а через восемь лет после его смерти, и откровенно признал правильной казнь Сервета в следующем поразительном письме к Кальвину от 14 октября 1554 г.: «Почтенный господин и дражайший брат, я прочитал твой труд, в котором ты пронизательно опроверг ужасные богохульства Сервета, и я благодарю Сына Божьего, Который выступил судьей (*Βραβεύτης*) этого вашего состязания. Церковь, сейчас и во все поколения, обязана и будет обязана благодарить тебя. Я полностью согласен с твоим решением (*Tuo iudicio prorsus adsentior*). И я скажу также, что ваши городские власти поступили правильно, когда после официального судебного разбирательства подвергли богохульника (*hominem blasphemum*) смерти»⁶⁹. Он выразил здесь свое осознанное мнение, которого придерживался. Три года спустя, предостерегая против заблуждений Теобальда Таммера, он назвал казнь Сервета «благочестивым и памятным примером для потомства»⁷⁰. Мы не можем сказать, каким было бы мнение Лютера, если бы он был еще жив. Вероятно, то, что он не дожил до суда над Серветом, пошло на благо его репутации⁷¹.

Другие лютеране-реформаторы в основном соглашались с вождями. Они вводили гражданским властям контроль как над политическими, так и над религиозными взглядами подданных. Мартин Буцер пошел в этом направлении дальше всех. Он учил в своих «Диалогах» (1535), что христианские магистраты имеют право и обязаны проводить реформы в церкви, запрещать и наказывать папистское идолопоклонство и осуждать все ложные религии по всей строгости закона Моисея⁷².

В соответствии с этими взглядами лютеран-реформаторов, в лютеранских странах католиков преследовали, не проливая их крови (в отличие от кровавых гонений на протестантов в католических странах), но конфисковывая церковное имущество, запрещая богослужения, а в случае необходимости — изгоняя. Когда курфюрст Саксонии в 1528 г. под руководством виттенбергских реформаторов провел реформу церкви, католические священники лишились своих бенефициев и даже упорствующие миряне были вынуждены продать свое имущество и покинуть страну. «Ибо, — говорил курфюрст, — хотя в наши намерения и не входит принуждать кого бы то ни было верить во что бы то ни было, ради предотвращения прискорбного беспорядка и других неудобств мы не потерпим на своей территории никаких сект и расколов»⁷³.

noch leiden. Это напоминает нам о том, как Бисмарк в 1886 г. предложил поступить с поляками Познани, считая их врагами Пруссии и Германии — подкупить их и изгнать из родной страны. Этого великого государственного деятеля вполне можно назвать Лютером XIX века от политики, поскольку он напоминает Лютера в определенных моментах, как положительных, так и отрицательных.

⁶⁹ *Corpus Reform. Opera Mel.*, VIII, 362. См. также Н. Tollin, *Ph. Melancthon und M. Servet. Eine Quellen-Studie*, Berlin, 1876 (198 стр.). Толлин написал несколько монографий о Сервете, рассматривая его жизнь в разных аспектах.

⁷⁰ *Ibid.*, IX, 133: *Dedit vero et Genevensis Reipubl. Magistratus ante annos quatuor punitae insanabilis blasphemiae adversus Filium Dei, sublato Serveto Arragone, pium et memorabile ad omnem posteritatem exemplum.*

⁷¹ Лютер знал Сервета лишь таким, каким он был к 1531 г., и в «Застольных речах» Сервет назван фанатиком, который строил свое богословие на основании ложной философии. См. Tollin, *Luther und Servet*, Berlin, 1875 (61 стр.).

⁷² См. Tollin, *Butzer's Confutatio der Libri VII De Trinitatis Erroribus*, в «Studien und Kritiken», 1875; также *Michael Servet und Martin Butzer*, Berlin, 1880; Baum, *Capito und Butzer* (1860), pp. 489 sq., 478, 495 sq.; Janssen, *Gesch. des deutschen Volkes*, vol. III, 194.

⁷³ *Denn wiewohl unsere Meinung nicht ist, jemand zu verbinden, was er glauben und halten soll, so*

В лютеранской Саксонии протестантским несогласным жилось не лучше. Филипписты (меланхтониане), или криптокальвинисты, были вне закона. Все священники, профессора и школьные учителя, которые не подписались под Формулой согласия, смещались (1580). Доктор Каспар Пойцер, зять Меланхтона, профессор медицины в Виттенберге и врач курфюрста Августа Саксонского, просидел в тюрьме десять лет (1576 — 1586) за «филиппизм» (или меланхтонианство); Николас Крелл, канцлер Саксонии, после десяти лет тюремного заключения был обезглавлен в Дрездене за то, что поддерживал криптокальвинизм у себя дома и гугенотов — за границей, а это рассматривалось как государственная измена (1601)⁷⁴. Имя Кальвина было в Саксонии столь же ненавистным, как имя папы или турецкого султана⁷⁵.

В других лютеранских странах положение цвинглианцев и кальвинистов также было плачевным. Иоанн Ласко, реформатор Польши и служитель протестантской организации в Лондоне, бежал со своими последователями, среди которых было много женщин и детей, от гонений Марии Кровавой, но ему не разрешили поселиться в Копенгагене, Ростоке, Любеке и Гамбурге, потому что он не принимал лютеранское учение о реальном присутствии Христа в дарах евхаристии. Несчастные беженцы скитались холодной зимой из порта в порт, пока не нашли временное пристанище в Эмдене (1553)⁷⁶.

В Скандинавии любая религия, кроме лютеранской, была запрещена под страхом конфискации имущества и изгнания, и эти законы оставались в силе до середины XIX века. Королева Кристина потеряла шведскую корону, отступив от лютеранства, которое ее отец столь героически защищал в ходе Тридцатилетней войны.

б) Швейцарские реформаторы, хотя и были республиканцами, не отставали от немецких в плане нетерпимости к католикам и еретикам.

Цвингли протянул Лютеру руку дружбы и надеялся встретить на небесах даже благородных язычников, но был безжалостен к анабаптистам, которые угрожали его делу в Цюрихе. Ему не удалось убедить анабаптистов в ходе нескольких диспутов, после чего подчинявшиеся ему городские власти по жестокой иронии судьбы стали топить анабаптистских вождей в реке Лиммат недалеко от Цюрихского озера (в общей сложности шестерых между 1527 и 1532 г.)⁷⁷.

---

wollen wir doch zur Verhütung schädlicher Aufruhre und anderer Unrichtigkeiten keine Sekten noch Trennung in unseren Landen dulden (Köstlin II, 29). Как отличается это заявление от слов Фридриха Великого о том, что в его владениях каждый может спасаться по-своему! (*Nach seiner eigenen Façon*).

⁷⁴ Fr. Koch, *De Vita Caspar. Peuceri*, Marburg, 1856. Richard, *Der churfürstl. sächs. Kanzler Dr. Nic. Krell.*, Dresden, 1859, 2 vols. Henke, *Kaspar Peucer und Nik. Krell*, Marburg, 1865. Calinich, *Kampf und Untergang des Melanthonismus in Kursachsen*, Leipzig, 1866; *Zwei sächsische Kanzler*, Chemnitz, 1868.

⁷⁵ В XVII веке многие были знакомы со следующими строками:
*Gottes Wort und Lutheri Schrift
Sind des Papst's und Calvini Gift.*

⁷⁶ Hermann Dalton (из Санкт-Петербурга) в своем *Johannes a Laasco* (Gotha, 1881), pp. 427-438, ярко описывает то, что он называет «мученичеством Ласко в Дании и Северной Германии». Хотя Кальвин и протестовал против такого жестокого обращения со своими братьями, но в тот же год на глазах у Кальвина был казнен Сервет за ересь и богохульство.

⁷⁷ Bullinger, *Reformationgeschichte*, I, 382. См. также его *Von der Wiedertäufer Ursprung*, etc., 1560. Hagenbach, *Kirchengesch.*, III. 350 sqq. Emil Egli, *Die Züricher Wiedertäufer zur Reformationzeit*, Zürich, 1884. Nitsche, *Gesch. der Wiedertäufer in der Schweiz*, Einsiedeln, 1885.

Цвингли, рискуя собственной жизнью, советовал насильно ввести реформатскую веру на территории католических Лесных кантонов (1531). Он забыл о предупреждении Христа, обращенном к Петру: «все взявшие меч мечом погибнут»⁷⁸.

Кальвин больше всех прославился своей нетерпимостью среди реформаторов, что было, скорее, его бедой, чем виной. В XVI веке больше всех оскорбляли Кальвина и Сервета. Пренебрежение к доброму имени Кальвина и оправдание печально известного имени Сервета часто выходило за рамки исторической истины и справедливости. В любом случае, их обоих следует оценивать с позиций XVI, а не XIX века.

Роковая встреча между защитником ортодоксии и сторонником ереси, одинаковыми по возрасту, отличавшимися редкими талантами и ревностно желавшими возрождения христианства, но прямо противоположными в том, что касается учения, духа и цели, является одной из самых волнительных трагедий в истории Реформации. Контраст между ними был почти столь же велик, как между Симоном Петром и Симоном Волхвом⁷⁹. Их спор никогда не утратит интерес для нас, и пламя погребального костра, зажженного в Хампеле 27 октября 1553 г., пылает до сих пор, озаряя своими зловещими отблесками даже XIX век.

Об исторических подробностях и вероучительной стороне их спора мы поговорим в другой главе⁸⁰, а здесь ограничимся лишь тем, что касается проблемы терпимости.

Беспристрастный историк должен осудить как нетерпимость победителя, так и заблуждения жертвы, но при этом уважать обоих за силу убеждений. Кальвин должен был удовлетвориться изгнанием своего соперника с территории Женевы или позволить Сервету спокойно продолжить задуманное им путешествие в Италию, где он мог вернуться к своему ремеслу медика, в котором преуспел. Но Кальвин пожертвовал своей будущей репутацией ради неправильно понимаемого долга перед истиной и делом Реформации в Швейцарии и в его любимой Франции, где его последователей осуждали и преследовали как еретиков. Кальвин, по его собственному честному признанию, несет ответственность за арест Сервета и за суд над ним, а кроме того, Кальвин полностью одобрил осуждение и казнь Сервета «за ересь и богохульство», посоветовав при этом городским властям «смягчить» приговор, заменив костер мечом⁸¹.

⁷⁸ Статуя, открытая в память Цвингли в Цюрихе 25 августа 1885 г., изображает его держащим Библию в правой руке и меч в левой. Доктор Александр Швейцер протестовал против меча и не принимал участие в праздниках в честь открытия памятника (он сам сообщил мне об этом).

⁷⁹ Сервет, вероятно, считал, что находится на стороне апостола, когда называл Кальвина «Симоном Волхвом». Он отождествлял себя с архангелом Михаилом, который сражается с драконом, то есть Римским папой (Отк. 12:7).

⁸⁰ Там же приведен обширный список литературы.

⁸¹ Утром в воскресенье 13 августа 1553 г. Сервет появился в одной из церквей Женевы и был узнан одним из молящихся, который тут же проинформировал Кальвина о местонахождении Сервета, после чего Сервета бросили в тюрьму. *Nec sane dissimulo*, — говорит Кальвин (*Opera*, vol. VIII, col. 461, ed. Baum, Reuss, etc.), — *mea opera consilioque jure in carcerem fuisse conjectum*. Беза в своей *Vita Calv.* называет делом Провидения то, что Сервет (*a quodam agnitus, Calvino Magistratum admonente*) был арестован. Ранее Сервет просил о защитной грамоте для путешествия из Вены в Женеву, но Кальвин отказал ему и написал Фарелю 13 февраля 1546 г.: *Si venerit, modo valeat mea auctoritas, vivum exire numquam patiar*. Во время процесса Кальвин в письме к Фарелю (20 августа 1553 г.) выражал надежду на то, что Сервета приговорят к смерти, но этот приговор будет «мягким» (*Opera*, xiv, col. 590): *Spero capitale saltem fore judicium, poenae vero atrocitatem [ignem] remitti cupio* {не жестокое сожжение на костре, а смерть от меча}. В том же письме он описывает учение Сервета как пантеизм, согласно которому Бог присутствует в дереве, камне и даже в бесах.

Этот смертный приговор соответствовал средневековым законам и всеобщему настрою католического и протестантского мира. Его безоговорочно поддержали четыре швейцарских магистрата (Цюриха, Берна, Базеля и Шаффхаузена), которые держали совет перед казнью. За смертный приговор также явно выступили все жившие в ту пору реформаторы: Буллингер, Фарель, Беза, Петр Мученик и (как мы уже видели) даже мягкий и кроткий Меланхтон. Странно, что сам Сервет, по крайней мере, отчасти, поддерживал ту теорию, из-за которой пострадал, — ибо он, упоминая о случае с Ананией и Сапфирой, допускал, что неисправимое упорство и коварство может быть наказано смертью⁸², в то время как раскол и ересь считал возможным пресекать только отлучением и изгнанием.

Мы не должны забывать и об особом осложнении, которое присутствовало в данной ситуации. Сегодня мы склонны относиться к мистическому и пантеистическому или панхристианскому унитаризму Сервета более благосклонно, чем его современники, которые, похоже, не поняли его, — ни друзья, ни враги. Сервет, без сомнения, был неистовым фанатиком и радикалом-еретиком, а по мнению всех церквей того времени — преступным богохульником, желающим уничтожить историческое христианство. Именно так восприняли его первую книгу (1531)⁸³, как и последнюю (1553)⁸⁴. И раньше Сервет избегал смерти только благодаря тому, что скрывался, занимаясь медицинской практикой под вымышленным именем и под защитой католического архиепископа. Сервет оскорбил всех христиан, верящих в Троицу, назвав их тритеистами и атеистами. Он осудил ортодоксальное учение о Святой Троице как иллюзию святого Августина, вымысел пап, изобретение дьявола и трехглавого Цербера⁸⁵. С не меньшей яростью он критиковал крещение младенцев, называя его отвратительной мерзостью, убийством Святого Духа, отказом от рождения свыше, ниспровержением самого царства Христова, и предвещал погибель всем крестившимся во младенчестве, потому что царство небесное для них закрыто. Сервет был уже приговорен к сожжению на костре судом инквизиции после официального разбирательства в архиепископском городе Вьенне во Франции (отчасти на основании его писем к Кальвину, присланных из Женевы), но бежал, а сожжен был его символический образ и его последняя книга. Затем Сервет безрассудно устремился в Женеву, к Кальвину, которого осуждал на суде как лжеца, лицемера и Симона Волхва, намереваясь, видимо,

⁸² *Hoc crimen*, — говорит он в двадцать седьмом из посланий к Кальвину (*Opera*, VIII, 708), — *est morte simpliciter dignum*. Кальвин упоминает об этом замечании Сервета (VIII, 462) и обвиняет Сервета в непословательности.

⁸³ *De Trinitatis Erroribus Libri Sept. Per michaelem Serveto, alias Reves ab Aragonia Hispanum. Anno M. D. XXXI*. На том экземпляре, который лежит передо мной, не указано место издания, но, судя по суду в Женеве, книга была напечатана в Гагенау, в Эльзасе. Она вызвала величайшее негодование Эколампадия и Буцера. Лютер назвал ее ужасно греховной книгой (*ein gräulich böß Buch*). Будер считал, что ее автора следует поврать на куски.

⁸⁴ *Christianismi Restitutio...* MDLIII. Тайно напечатана во Вьенне, во Франции, с инициалами автора на последней странице, M. S. V. (т. е. *Villanovanus*).

⁸⁵ Такая хула на Троицу представлялась хулой на Самого Бога, поэтому Беза называет Сервета *ille sacrae Triadis, id est omnis verae Deitatis hostis, adeoque monstrum ex omnibus quae antumvis rancidis et portentosis haeresibus conflatum* (*Calv. Vita*, ad a. 1553). Он обвиняет его книгу в том, что она «полна богохульств». Сервет называл Иисуса «Сыном вечного Бога», но упорно отказывался называть Его «вечным Сыном Бога», то есть не желал признавать Его вечную Божественность.

сокрушить его влияние, вступив в союз с его врагами, партией либертинов, у которой тогда был перевес в совете Женевы⁸⁶.

Если учесть все эти обстоятельства, поведение Кальвина было не только понятным, но даже отчасти оправданным. Он поступил согласно общественному закону и ортодоксальным настроениям той эпохи, поэтому осуждать его можно не больше, чем его современников, которые поступили бы так же на его месте⁸⁷.

Но наше человеколюбие не может смириться с жестокостью казни. Мы испытываем сочувствие к несчастному мученику, который умер, верный своим убеждениям, и среди пламени повторял молитву: «Иисус, Сын вечного Бога, смилуйся надо мной!»

Враги Кальвина в анонимных и подписанных псевдонимами памфлетах громко протестовали против новоявленного папского и инквизиторского суда в Женеве, которая называла себя убежищем всех гонимых. Казнь Сервета осудили сочувствующие ему антитринитарии, особенно итальянские беженцы в Швейцарии, а также некоторые из ортодоксальных христиан Базеля и других городов, побоявшиеся, что католики воспользуются этим событием как поводом для преследования протестантов.

Поэтому Кальвин посчитал необходимым выступить с публичной защитой смертной казни за ересь, что он и сделал весной 1554 г.⁸⁸. Он ссылался на закон

⁸⁶ «Год 1553-й, — говорит Беза в своей *Calvini Vita*, ad a. 1553, — был, из-за нетерпения и коварства раскольников [либертинов], настолько полон тревог, что не только церковь, но и вся Женевская республика были на краю гибели... Вся власть попала в их руки, и, казалось, ничто не могло помешать им достичь той цели, к которой они так давно уже стремились». Затем Беза упоминает о суде над Серветом как еще об одной опасности, усугублявшей первую.

⁸⁷ Х. Толлин, реформатский священник из Магдебурга, самый страстный и плодотворный защитник Сервета и его системы, признает это, говоря (*Charakterbild M. Servet's*, Berlin, 1876, p. 6): *Nicht Calvin ist schuldig der That, sondern der Protestantismus seiner Zeit*. Другой апологет, Дардье (в Lichtenberger, *Encyclopédie*, XI. 581), говорит то же самое: «Виновата Реформация в целом». Знаменитый христианский философ Сэмюэл Тейлор Колридж (1772 — 1834) пошел еще дальше. В одном из последних высказываний в «Застольных речах», от 3 января 1834 г. (на это высказывание обратил мое внимание один мой друг), он выразил такое мнение: «Я знал книги о терпимости, которые правильнее было бы назвать нетерпимыми книгами о терпении или книгами о терпении, которые невозможно терпеть. Разве не должен человек, который пишет такую книгу, понимать, что терпимость побуждает уважать или, по крайней мере, допускать существование постулатов веры, в которые всей душой верят десятки тысяч его ближних, и что эти постулаты так же правомерны, как и его собственные доводы, и, скорее всего, непорочны сами по себе? Подобаег ли проводить нелепую параллель между Иисусом Христом — Человеком, Которого миллионы разумных людей считают своим Искупителем, и Сократом, афинским философом, о котором мы ничего не знаем, кроме того, что его хвалили Платон и Ксенофонт? — И столь же неосмотрительно увязывать вместе ЛАТИМЕРА и СЕРВЕТА! Действительно, в том и другом случае присутствовал костер, но в остальном я не вижу сходства. На каком основании можно обвинять одного Кальвина в смерти Сервета? — Даже кроткий Меланхтон писал к Кальвину, что явно поддерживает это решение, и он, без сомнения, выражал общее мнение немецких реформаторов. Швейцарские церкви *советовали* покарать Сервета в официальных посланиях, и я думаю, существуют и письма от английских богословов, в которых поведение Кальвина одобряется! Для того чтобы судить сегодня великих вождей Реформации, надо вернуться мысленно в век Реформации, когда две великие партии в церкви с горячим желанием готовы были обвинить друг друга в ереси. Ведь если когда-либо существовал хоть один несчастный фанатик, который сам устремлялся на костер, то это был Михаил Сервет. Он был пылким энтузиастом и делал все, что мог, чтобы оскорблениями и провокациями навлечь на себя гнев христианской церкви. Он называл Троицу *triceps monstrum et Cerberum quendam tri-partitum* и высказывал многие подобные этому суждения».

⁸⁸ *Defensio orthodoxae fidei de sacra trinitate contra prodigiosos errores Michaelis Serveti Hispani ubi ostenditur haereticos jure gladii coërcendos esse*. В Calvin, *Opera*, ed. Reuss, etc., vol. VIII, 483-644. Буллингер призывает его сделать это в письме от 12 декабря 1553 г. (*Opera*, XIV. 698): *Vide, me Calvine, ut diligenter et, pie omnibus piis describas Servetum cum suo exitu, ut omnes abhorreant a bestia*.

Моисея против идолопоклонства и богохульства, на изгнание меновщиков из храма (Мф. 21:12) и старался опровергнуть аргументы в пользу терпимости, основанные на мудром совете Гамалиила (Деян. 5:34), на притче Христа о плевелах среди пшеницы (Мф. 13:29) и на упреке Христа, обращенном к Петру, который взялся за меч (Мф. 26:52). Например, последний довод он отмечает, говоря о разнице между личной мстью и общественным наказанием.

Беза также отстаивал правомерность наказания еретиков — в основном как меру самозащиты государства, которое имеет право создавать законы и обязано защищать религию. Он сделал это, как обычно, умело, в специальном трактате. Он называл учение о терпимости проистекающим из скептицизма и неверия и объявлял его дьявольским⁸⁹.

Сожжение тела Сервета не уничтожило его душу. Его кровь стала плодотворным семенем учения о терпимости и унитаристской ереси, которая приняла организованную форму как секта социниан и позже распространилась во многих ортодоксальных церквях, в том числе в Женеве.

К счастью, трагедия 1553 г. была последним сожжением еретика в Швейцарии, хотя несколько лет спустя антитринитария Валентина Гентилиса обезглавили в Берне (1566).

в) Во Франции реформатская церковь, бывшая в меньшинстве, подвергалась свирепым и систематическим гонениям со стороны гражданских правителей в союзе с Римской церковью, и к ее чести следует сказать, что мстить она никогда не пыталась. Ее по праву можно назвать церковью мучеников.

г) Реформатская церковь Голландии, которая прошла через ужасные испытания и преследования во время испанского правления, проявила нетерпимость по отношению к протестантам-арминианам, которые проиграли свое дело на синоде в Дорте (1619). Их пасторы и учителя были смещены и изгнаны. Арминианский спор был связан и с политикой. Кальвинисты были национальной и народной партией, под командованием принца Морица, тогда как политических вождей арминиан, Йоганна ван Ольдена Барневельдта и Гуго Гроция, подозревали в измене, в сговоре с Испанией (1609), и приговорили одного к смерти, другого к пожизненному изгнанию. С переменой власти арминианам позволили вернуться (1625), и они, вместе со своим либеральным богословием, распространяли принцип религиозной терпимости.

§12. Религиозная нетерпимость и свобода в Англии и Америке

История Реформации в Англии и Шотландии еще больше омрачена проявлениями нетерпимости и гонений, чем на континенте, но в конечном итоге здесь победила религиозная свобода. Современные представления об упорядоченной конституционной свободе, и гражданской, и религиозной, сформировались в основном на английской почве.

Поначалу здесь разгорелся спор между сторонниками гонений и терпимости, но терпимость, гарантированная законом, открыла путь к полной религиозной свободе.

⁸⁹ *De haereticis a civili magistratu puniendis, adversus Martini Bellii* (это лицо неизвестно) *farra-ginem et novorum academicorum sectam*. Geneva (Oliva Rob. Stephani), 1554; второе издание, 1592; фр. перев. Nic. Colladon, 1560. См. Неппе, *Beza*, p. 38 sq.

Все партии, когда их преследуют, выступают за свободу совести, и все партии, приходящие к власти, склонны к нетерпимости, но в разной мере. Епископальная церковь до 1689 г. была менее нетерпимой, чем католики при королеве Марии. Пресвитериане до 1660 г. были менее нетерпимы, чем Епископальная церковь; индепенденты (в Англии) были менее нетерпимы, чем пресвитериане (но более нетерпимы в Новой Англии); баптисты, квакеры, социниане и унитарии последовательно учили свободе совести и никогда не старались проявлять нетерпимость. В конце концов все они стали на сторону терпимости вследствие законодательства 1689 г., но и оно было ограниченным. Католики прибегали к огню и мечу. Епископальная церковь — к штрафам, тюремным заключениям, позорным столбам, отрезанию носов и ушей и прижиганию щек. Пресвитериане смещали с должностей и лишали прав. Индепенденты в Новой Англии изгнали баптиста Роджера Уильямса (1636) и повесили четырех квакеров (двух мужчин и двух женщин, 1659, 1660 и 1661 г.) в Бостоне и девятнадцать ведьм в Салеме (1692). Но все эти репрессивные меры не привели ни к чему хорошему и сделали гонения еще более ненавистными, а в конечном итоге невозможными.

1. Первым актом английской Реформации, при Генрихе VIII, была лишь замена власти иностранного папства и тирании на местную. Но это была перемена к худшему. Всякий, кто отваживался не согласиться с символом веры деспотичного монарха, провозгласившего себя «верховным главой Церкви Англии», не мог чувствовать себя в безопасности. После смерти Генриха (1547) шесть кровавых статей продолжали действовать, причем в них содержались основные католические догмы, которых он придерживался, несмотря на бунт против папы.

2. Во время краткого правления Эдуарда VI (1547 — 1553) Реформация добилась заметного успеха, но к анабаптистам относились нетерпимо. Двое из них, придерживавшиеся нетрадиционных взглядов на боговоплощение, были сожжены как упорствующие еретики — Джоан Боучер, обычно называемая Джоан из Кента, 2 мая 1550 г., и Джордж ван Паре, голландец, 6 апреля 1551 г. Молодой король сначала отказался подписывать смертный приговор женщине, справедливо полагая, что это будет «жестокостью, слишком похожей на ту, которую мы осуждаем в папистах». В конце концов он уступил Кранмеру, который сослался на закон Моисея против богохульства, но подписал бумагу со слезами на глазах и сказал, что архиепископ будет нести ответственность за это деяние, если оно окажется неверным.

3. Правление кровавой королевы Марии (1553 — 1558) было ужасным, но именно в это время была предрешена погибель папства благодаря пролитой крови мучеников-протестантов, в том числе реформаторов Кранмера, Латимера и Ридли, которые были сожжены на рыночной площади в Оксфорде.

4. Королева Елизавета (1558 — 1603), называвшая себя «защитницей веры и высшей правительницей церкви» в своих владениях, решительно поддерживала реформаторскую веру, если не принимать в расчет несогласных. Возможно, ее законы были политически необходимы как защита от внутренней измены и иноземного вторжения, но они были направлены на систематическое уничтожение как католичества, так и пуританства. С особой суровостью она относилась к католическим священникам, которые могли спастись, только скрываясь или обращаясь в бегство. Тридцать девять статей и «Книга общего богослужения» строго насаждались. Посещение богослужений в епископальной церкви приветствовалось, в то время как мессы и публичные богослужения иного рода были запрещены под страхом сурового наказания. Знать, подозреваемая в неверности «ко-

ролеве-папе», без промедления отправлялась на дыбу. Закон *De haereticus comburendis*, принятый в правление Генриха IV (1401), оставался в силе, и два анабаптиста были сожжены живьем при Елизавете, а два арианина — при ее преемнике. Формально закон был упразднен только в 1677 г. Ирландия была завоеванной провинцией и в церковном, и в политическом отношении, и Англия до сих пор страдает от жестокой политики, вследствие которой у католического населения Ирландии возникла ненависть к протестантским правителям, а устранение ирландских проблем превратилось в одну из труднейших задач для английского правительства.

Влияние папства на британской земле на какое-то время прервалось. Испанская Армада потерпела поражение. Но пуританство, которое было в первых рядах сражающихся против великого Римского папы, не собиралось сдаваться малым поместным папам. И в конце концов оно пошло на открытый бунт против тирании Стюартов и жестокостей «Звездной Палаты» и Верховного Суда, которые недалеко ушли от испанской инквизиции и считали использование свободы слова и печати преступлением против общества.

5. Пуританство правило Англией около двадцати лет (1640 — 1660), и это был самый искренний и полный волнений период ее истории. Оно спасло права народа, защитив его от угнетения со стороны правителей, но отвечало на нетерпимость нетерпимостью и вместо епископальной церкви насаждало пуританскую, хотя и с меньшей суровостью. «Долгий парламент» упразднил английскую иерархию и литургию (10 сентября 1642 г.), лишил бенефициев около двух тысяч клириков-роялистов, казнил на плахе архиепископа Лауда (1644) и короля Карла I (1649) как изменников (прославив их таким образом как мучеников) и подготовил путь для Реставрации. Теперь уже епископальная церковь стала выступать за терпимость, и Джереми Тейлор, Шекспир английской кафедры, красноречиво поднимал голос в защиту «Свободы пророчества» (1647), от которой, впрочем, частично отрекся позже, когда стал епископом при Карле II (1661)⁹⁰.

Вестминстерская ассамблея богословов (1643 — 1652), в которой участвовали сто двадцать один богослов и несколько депутатов мирян, была одним из наиболее важных церковных собраний во всей истории церкви. Парламент поручил ей невозможное — разработать единообразный символ веры, правила дисциплины и обряд для трех королевств. Чрезвычайный интерес к вопросам религии в то время привел к тому, что возникали самые различные религиозные мнения, от самой строгой ортодоксии до деизма и атеизма, а авторы памфлетов вели оживленные споры о терпимости, которая и стала яблоком раздора на ассамблее. Томас Эдвардс в своей *Gangraena* (1645) перечислил, с незначительным преувеличением, не менее шестнадцати сект и ста семидесяти шести различных «заблуждений, ересей и богохульств», куда не включил папизм и деизм⁹¹.

Существовали три теории о терпимости, которые лучше всего сформулировал Джордж Гиллеспи, один из шотландских представителей на ассамблее⁹².

⁹⁰ Колридж считает это отречение единственным пятном на образе Тейлора. Его вторая жена была родной дочерью Карла I.

⁹¹ Подробный список литературы на эту тему см. у доктора Декстера, *The Congregationalism of the last three hundred years as seen in its Literature* (N. York, 1880), appendix, pp. 49-82. Баптистское общество *Hansard Knollys* опубликовало в 1846 г. в Лондоне серию *Tracts on Liberty of Conscience and Persecution*, 1614 — 1661. Я упоминаю только те книги, которые лично изучал в богатом собрании Мак-Альпина в Богословской семинарии Союза, Нью-Йорк.

⁹² *Wholesome Severity reconciled with Christian Liberty, or the true Resolution of a present Controversie concerning Liberty of Conscience...* (London, 1645, 40 p.) — «Как уравновесить разумную

а) Теория «папистов, которые считают, что уничтожить огнем и мечом всех тех, кто против церкви и католической религии, — не только не грех, но и богоугодное дело». В соответствии с этой теорией на соборе в Констанце были сожжены Ян Гус и Иероним Пражский. Гиллеспи называет ее в предисловии «черным дьяволом идолопоклонства и тирании».

б) «Вторая теория — противоположная крайность. Городские власти не только не должны наказывать или к чему-либо принуждать еретиков и сектантов, но, напротив, должны даровать им свободу и проявлять терпимость». Эту теорию Гиллеспи называет «белым дьяволом ереси и раскола» и приписывает ее донатистам (?), социнианам, арминианам и индепендентам. Но главным ее защитником был Роджер Уильямс, баптист, ставший основатель штата Род-Айленд⁹³. Он смотрел в корень проблемы и требовал полного отделения политики от религии. Задолго до него пуританин епископ Хупер и Роберт Браун, отступник, основатель конгрегационализма, учили исконному христианскому принципу: городские власти не имеют никакой силы в церкви и в вопросах совести. Они занимаются только гражданскими вопросами. Лютер выражал такое же мнение в 1523 г.⁹⁴

в) «Третье мнение гласит, что городские власти могут и должны прибегать к принуждению для подавления и наказания еретиков и сектантов в большей или меньшей мере, в зависимости от природы и степени заблуждения, раскола, упорства и опасности обольщения других». В подтверждение этой теории Гиллеспи ссылается на Моисея, святого Августина, Кальвина, Безу, Буллингера, датчанина Возция, Иоганна Герхарда и других кальвинистских и лютеранских богословов. Ее придерживались пресвитериане Англии и Шотландии, в том числе шотландская депутация на собрании, и решительно отстаивал доктор Сэмюэль Рутерфорд, профессор богословия в Сент-Эндрюсе⁹⁵, а еще более ревностно — Томас

строгость с христианской свободой, или Истинное разрешение нынешнего спора о свободе совести. Здесь сформулирована проблема, указана золотая середина между папской тиранией и схизматической свободой, с подтверждениями из Писания, а также приведены свидетельства богословов всех церквей... И в заключение составлены увещания к пяти апологетам, предпочитающим компромисс терпимости». Декстер (р. 56) приписывает этот анонимный памфлет Гиллеспи, и сказанное в памфлете действительно соответствует тому, что он говорил в проповеди перед палатой лордов 27 августа 1645 г.

⁹³ Он написал *The Bloody Tenent of Persecution, etc.*, 1644 (248 стр.), и *The Bloody Tenent yet more Bloody, etc.*, 1652 (373 стр.). Среди анонимных памфлетов, излагавших это же мнение, мы упомянем *The Compassionate Samaritane, Unbinding the Conscience, and pouring oyle into the wounds which have been made upon the Separation, etc.*, 1644 (84 стр.).

⁹⁴ Доктор Декстер утверждает (стр. 101), что «Роберту Брауну досталась почетная слава — стать первым автором, который ясно сформулировал и отстаивал на английском языке истинное и ныне признанное учение об отношениях между гражданской властью и церковью» в его *Treatise of Reformation*, 1582. См. также Dexter, p. 703 sq., и Append., p. 8. Но это не так. Епископ Джон Хупер из Глостера, ставший мучеником при королеве Марии (1555), говорит в одном из своих ранних трактатов: «Касательно же высших земных правителей, то всем, кто читал и изучал Писание, хорошо известно, что к их обязанностям не относится составление законов, которые руководили бы совестью их подданных в области религии» (*Early Writings of Bishop Hooper*, p. 280, цит. в Mitchell, *The Westminster Assembly*, p. 16, где можно найти еще более выразительный фрагмент на латыни на ту же тему: *Profecto Christus non ignem non carceres, non vincula, non violentiam, non bonorum confiscationem, non reginae majestatis errorem media organa constituit quibus veritas verbi sui mundo promulgaretur; sed miti ac diligenti praedicatione evangelii sui mundum ab errore et idolatria converti praecepit* [*Later Writings of Bp. Hooper*, p. 386]). Об этом же принципе говорили меннониты и анабаптисты в период Реформации, и проследить его корни можно вплоть до апостольского и доникейского периода, когда христианство никак не было связано с политикой и светской властью.

⁹⁵ Он написал *A Free Disputation against pretended Liberty of Conscience tending to resolve Doubt s*

Эдвардс, пресвитерианский служитель в Лондоне⁹⁶. Она поддерживалась «Торжественной лигой и заветом»⁹⁷ и победила на Вестминстерской ассамблее. Поэтому ее можно называть пресвитерианской теорией XVII века. Однако пресвитериане никогда не применяли ее на практике — по крайней мере, не доходили до физического насилия по отношению к еретикам или схизматикам в Англии или в Шотландии⁹⁸.

Вестминстерское исповедание, в своей первоначальной форме, объявляет, с одной стороны, о великом принципе религиозной свободы и том, что «только Бог является Господом совести», с другой же заключает, что опасные еретики «по закону могут быть призваны к ответу и подвергнуты цензуре церковью и властью городских советов»⁹⁹. Там говорится, что городские власти имеют право и обязаны хранить «единство и мир церкви», подавлять «все богохульства и ереси», предотвращать или прекращать «все извращения и злоупотребления в поклонении и дисциплине» и с этой целью «созывать синоды и присутствовать на них»¹⁰⁰.

6. Пять индипендентов, присутствовавших на ассамблее и возглавляемых доктором Гудвином, протестовали против того, чтобы наделять властью городские магистраты и синоды¹⁰¹. Неприемлемые фразы вероисповедания были опущены

moved by Mr. John Goodwin, John Baptist, Dr. Jer. Taylor, the Belgick Arminians, Socinia ns, and other authors contending for lawless Liberty, or licentious Toleration of sects and Heresies. London, 1649 (410 стр.). Сторонников терпимости он называл «либертинцами».

⁹⁶ Автор *Reasons against Independent Government of Particular Congregations: as also against the Toleration of such churches to be erected in this kingdom. Presented to the House of Commons. London, 1641 (56 стр.). Antapologia; or, a Full Answer to the Apologetical Narration of Mr. Goodwin, Mr. Nye, Mr. Sympson, Mr. Burroughs, Mr. Bridge, Members of the Assembly of Divines. Wherein many of the controversies of these times are handled. London, 1646 (259 стр.). The First and Second Part of Gangraena; or, A Catalogue and Discovery of many of the Errors, Here sies, Blasphemies and pernicious Practices of the Sectaries of this time, vented and acted in England in these four last years, etc. London, 1646.* Первая часть — 116, вторая — 178 стр. За ними последовала *The Third Part of Gangraena; or, A New and Higher Discovery of Errors, etc. London, 1646 (295 стр.)*, и *The Casting down of the last and strongest hold of Satan; or, A Treatise against Toleration and pretended Liberty of Conscience. London, 1647 (218 стр.)*. «Служители Христа из провинции Лондона» 14 декабря 1647 выпустили *Testimony of the Truth of Jesus Christ, and to our Solemn League, and Covenant; as also Against the Errors, Heresies and Blasphemies of these times, and the Toleration of them. London, 1648 (38 стр.)*.

⁹⁷ [Договором о единомыслии, заключенном между англичанами и шотландцами].

⁹⁸ Доктор Мак-Кри в своих *Annals of English Presbytery* (pp. 190, 191) пишет: «Это показывает, что даже теоретическая нетерпимость наших отцов-пресвитериан отличалась по сути от римской тирании священников... Фактически, они никогда никого не преследовали, не отправляли на дыбу, не мстили и не увечили».

⁹⁹ Гл. XX, 2, 4. Фраза «и властью городских советов» опущена в американском пересмотренном издании Вестминстерского исповедания.

¹⁰⁰ Гл. XXIII, 3; см. также гл. XXXI, 1, 2. Эти разделы были изменены (с учетом разделения между церковью и государством) на Объединенном синоде Филадельфии и Нью-Йорка, который собрался в Филадельфии 28 мая 1787 г. См. сопоставление в Schaff, *Creeds of Christendom*, vol. I, 807 sq., III. 607, 653 sq., 668 sq. Пресвитерианские церкви Шотландии, Англии и Ирландии придерживаются первоначального вероисповедания, но явно не одобряют гонений. Schaff, I, 799 sq.

¹⁰¹ Гудвин написал несколько памфлетов в защиту терпимости: *An Apologetical Narration. Humbly submitted to the Hon. Houses of Parliament* (авторы Goodwin, Nye, Bridge, Simpson и Burroughes), London, 1643 (32 стр.). *Θεομαχία; or the grand imprudence of men running the hazard of fighting against God in suppressing any way, doctrine or practice concerning which they know not certainly whether it be from God or no, 1644 (52 стр.)*. *Innocencie's Triumph, 1644 (64 стр.)*. *Cretensis; or, a brief Answer to Mr. T. Edwards, his Gangraena, 1646. Anapologesiates Antapologia; or, the Inexcusableness of that grand Accusation of the Brethren, called Antapologia... proving the utter insufficiency of the Antapologist for his great undertaking in behalf of the Presbyterian cause: with answers to his arguments or reasons (so call'd) for the support thereof... especially in*

или изменены в варианте конгрегационалистов, получившем название «Савойской декларации» (1658)¹⁰².

Однако терпимость индипендентов, особенно после того, как они приобрели влияние в период протектората Кромвеля, немногим отличалась от протестантской. Успехи развратили их¹⁰³. Они исключили из сферы своей терпимости папство, прелатов и социнианство. Доктор Оуэн, их самый выдающийся богослов, которому поручено было произнести проповедь перед парламентом на следующий день после казни Карла I (под заглавием «Праведное рвение, вдохновленное Божьей защитой», на Иер. 15:19,20) и который принял должность декана Церкви Христа и вице-канцлера Оксфордского университета, выдвинул не менее шестнадцати постулатов об условиях, при которых возможна терпимость¹⁰⁴. Он и доктор Гудвин входили в комиссию из сорока трех судей, которая при Протекторате Кромвеля заняла место Вестминстерской ассамблеи. Кромвель, самый либеральный из английских правителей и самый смелый защитник протестантизма в мире, с терпимостью относился только к пресвитерианам, индипендентам, баптистам и квакерам, которые все признавали Священное Писание и основные положения христианства. Католиков же и роялистов епископальной церкви, которые угрожали его правлению и сами были нетерпимы ко всем, он не терпел. Его великий секретарь Джон Мильтон, самый красноречивый защитник свободы на английском языке, оправдывал казнь короля и был нетерпим к папству и прелатам.

Если бы Кромвель правил подольше, комиссия судей и Савойская конференция, которую он неохотно созвал, вероятно, повторили бы бесплодную попытку Вестминстерской ассамблеи и дали бы народу единообразный символ веры, лишь немногим более либеральный по отношению к ортодоксальным несогласным (кроме «папистов» и «прелатистов»). Их собратья в Новой Англии, вошедшие в полную власть, учредили конгрегационалистскую теократию, в которой не нашлось места даже баптистам и квакерам.

7. Правление Кромвеля было кратким экспериментом. Его сын был недостаточно компетентен, чтобы продолжить дело отца. Пуританство не завоевало сердца англичан, а вырыло себе могилу своими крайностями и просчетами. Королевская и епископская власть, корни которых уходили в далекое прошлое, были восстановлены при мощном содействии пресвитериан. Последовала реакция политического и церковного деспотизма, а также общественной и индивидуальной

---

the point of Non-toleration... Publ. by Authority, London, 1646 (253 стр.); с длинным предисловием: «В моем кабинете на Колмен-стрит, 17 июля 1646 г.»; в основном направлено против Эдварда. *Hagiomastix; or, the Scourge of the Saints displayed in his colours of Ignorance and Blood*, etc. London, 1646 (134 стр.). *A Postscript or Appendix to a treatise intituled, Hagiomastix*, London, 1646 (28 стр.). *The Apologist condemned; or, a Vindication of the Thirty Queries (with their author) concerning the power of the Civil Magistrate in Matters of Religion*, London, 1653 (32 стр.). *Peace Protected and Discontent Disarmed*, etc. London, 1654 (78 стр.). Συγκριτισμος; or, *Dis-Satisfaction Satisfied*. London, 1654 (24 стр.).

¹⁰² См. Schaff, vol. I, 829 sq., и III, 718-723.

¹⁰³ Декстер (р. 660) пишет: «Во время краткого протектората этого замечательного человека смиренные индипенденты вошли в столь близкие отношения с правящими религиозными кругами, что — дабы занять высокие посты — некоторые из них нарушили свой благороднейшие заповеди». Несколько выдающихся баптистов виновны в такой же непоследовательности.

¹⁰⁴ См. Alex. F. Mitchell, *The Westminster Assembly, its History and Standards*, London, 1883, pp. 203 и 493. «Оуэн, Гудвин, Симпсон и Най в основном занимались составлением списка положений, которые Парламент 1654 г. желал применять к тем, кто претендовал на терпимость. Нил приводит 16 из них. В дневнике палаты общин говорится о двадцати».

безнравственности, которая на какое-то время разрушила все доброе, чего добились пуритане.

Карл II, который «никогда не сказал ничего глупого и никогда не сделал ничего мудрого», нарушил свои торжественные обещания, предавшись нетерпимости и разврату. «Акт о единоверии», возобновленный 19 мая 1662 г. и вступивший в силу в день святого Варфоломея, 24 августа 1662 г., воскрешал в памяти зловещую бойню в Варфоломеевскую ночь, почти за сто лет до того. И за ним, как говорит Бакстер, один из самых умеренных, ученых и благочестивых нонконформистов, «последовал великий поток бедствий, со всех сторон обрушивавшихся на благочестивых христиан, а также на их пастырей». Все пуританские служители были изгнаны из своих приходов и обречены на голод. Их собрания запретили. Абсолютного повиновения королю и епископам требовали даже в Шотландии. Верные пресвитериане этой страны (ковенантеры) подвергались различным унижениям и жестокостям со стороны королевских драгоннад. «На них охотились в горах, — говорит английский историк¹⁰⁵, — как на преступников; им отрывали уши; их клеймили раскаленным железом; им дробили пальцы в тисках; им ломали ноги; женщин публично секли на улицах; многих сослали на Барбадос; на них набрасывались разъяренные солдаты и мучили их».

Период Реставрации — это, возможно, самый безнравственный и бесславный период английской истории. Но в конечном итоге он привел к низвержению предательской и полупапистской династии Стюартов и открыл новую эру в истории религиозной свободы. Пуританство не умерло, и именно в этот период своего величайшего унижения и страданий оно породило лучшие и самые долговечные произведения — «Потерянный рай» Мильтона и «Путешествие Пилигрима» Буньяна.

8. Акт о терпимости, принятый в правление Вильгельма и Марии (1689), положил конец жестоким гонениям в Англии. Однако он далек от того, что мы сейчас понимаем под религиозной свободой. Терпимость негативна, свобода позитивна. Терпимость — это милость, свобода — право. Терпимость может прекратиться по воле властей, которые ее даруют, а свобода неотчуждаема, как сама совесть. Терпимость распространяется на то, с чем правительство не может справиться и что вызывает у него возражения, а свобода — бесценный дар Творца.

Акт о терпимости 1689 г. был актом приспособления к ограниченному числу несогласных — пресвитериан, индепендентов, баптистов и квакеров, — которым было позволено создавать свои организации и проводить богослужения при условии, что они подпишутся под тридцатью шестью из тридцати девяти статей Английской церкви. Католиков и унитариев он не касался. К ним в Англии стали относиться терпимо только в XIX веке (к католикам — в результате Акта об освобождении, принятого 13 апреля 1829 г.). Но даже сейчас права несогласных в Англии в чем-то ущемляются, и так будет, пока правительство превозносит государственную церковь, — ведь несогласным приходится тратить средства, чтобы поддерживать не только свою деноминацию, но и официальную церковь. Однако на практике в Англии больше религиозной свободы, чем где-либо на континенте, и столько же, сколько в Соединенных Штатах.

9. Последний и самый важный шаг в развитии религиозной свободы был сделан в Соединенных Штатах Америки, когда была принята федеральная конституция 1787 г., исключившая все религиозные критерии при распределении должностей и наделении общественным доверием. Первая поправка к Конститу-

¹⁰⁵ Lecky, *History of Rationalism in Europe*, II, 48 (N. Y. ed.).

ции (1789) гласит, что Конгресс не принимает никаких законов об официальном признании какой-либо религии или ее запрете¹⁰⁶.

Таким образом правительство Соединенных Штатов само добровольно предотвратило возможность объединения церкви и государства, а с другой стороны, обязалось защищать свободу религии не только в плане выражения мнений, но и в плане совместного поклонения, сделав свободу исповедания одним из неотъемлемых прав американского гражданина наряду со свободой слова и печати. История показала создателям Конституции, что гонения столь же бесполезны, сколь ненавистны и что они основаны на нечестивом союзе религии с политикой. Провидение сделало Америку гостеприимным домом для всех, кто бежит от гонений, — для пуритан, пресвитериан, гугенотов, баптистов, квакеров, кальвинистов, лютеран, католиков и т. д., — и предоставило ее к дальнейшему развитию гражданских и религиозных свобод в соответствии с порядком и благополучием общества. Когда колонии после успешной борьбы за независимость слились в единый народ, они не смогли дать свободу одной из церквей, не дав ее всем. Они естественным образом пришли к этому решению. И такой была неизбежная судьба Америки. Здесь не предполагается несправедливости и вреда для какой-либо церкви или секты.

Современная Германская империя тоже в какой-то мере может служить примером терпимости. Когда она была основана в 1870 г. по доброй воле двадцати или более немецких правительств, каждое из них принесло с собой свою религию, и им пришлось уклониться от принятия религиозного или церковного законодательства, которое вмешивалось бы в дела религии какого-либо отдельного государства.

То, что говорится о религии в Конституции Соединенных Штатов, — это последний результат Реформации в деле терпимости и свободы. Реформаторы не предвидели его и не мечтали о нем, но он неизбежно следовал из их бунта против папской тирании. Он вырос на протестантской почве при единодушном одобрении всех религиозных сект и групп. Он подсекает корень папских и прочих гонений и делает их невозможными по закону. Он разделяет церковь и государство, тем самым не позволяя наказывать за ересь как за преступление против государства. Кесарю остается кесарево, а Богу — Божье. Открывается новая эпоха в истории законодательства и цивилизации. Таков вклад Америки в историю церкви. Никакой раздел федеральной конституции не принимается так широко и так охотно, как тот, что гарантирует религиозную свободу, самую священную и самую важную из всех свобод. Это практически аксиома, не требующая доказательства.

Религиозная свобода во все времена неизменно демонстрировала приносимые ею плоды в свое полное оправдание. Она стимулирует более полное развитие принципа добровольности. Разные христианские церкви могут жить в мире и согласии. Они прекрасно содержат себя и управляют собой без помощи светских властей. Вековой опыт показал, что это так, и он — сильнейший аргумент в пользу разделения церкви и государства. Христианство процветает, когда не является государственной религией.

Но это разделение церкви и государства — мирное, а не враждебное, которое существовало в доникейскую эпоху, когда языческое государство преследовало церковь. Разделение церкви и государства — это ни в коей мере не отделение

¹⁰⁶ Ph. Schaff, *Church and State in the United States*, New York, 1888.

населения от христианства. Правительство обязано защищать все формы христианства — его выходные дни, его церкви, его учебные и благотворительные заведения¹⁰⁷. Даже неверие терпит постольку, поскольку не угрожает существованию веры. Религиозной свободой, конечно, можно злоупотреблять, как и любой другой. Она неизбежно ограничена свободой других людей и интересами общества. Правительство Соединенных Штатов не потерпит и тем более не станет защищать религию, которая требует человеческих жертвоприношений, санкционирует безнравственные обряды, полигамию или какое-либо другое установление, не соответствующее законам и обычаям страны, угрожающее подорвать основы государства и порядок в христианском обществе. Отсюда недавний запрет на полигамию и связанный с этим отказ Конгресса принимать Юту в число Штатов, если мормоны не откажутся от многоженства. Религию страны выбирает большинство населения, и, если судить по этому признаку, то американский народ является таким же христианским, как любой другой народ на свете, только в более широком смысле, так как здесь признаются любые формы христианства. Иудеи и неверующие имеют все гражданские и политические права независимо от их религии, но они не могут изменить преимущественно христианский образ мыслей, привычки и установления народа.

Есть три важных института, где церковь и государство соприкасаются даже в Соединенных Штатах и где может произойти столкновение интересов: общественное школьное образование, брак и воскресенье как день гражданского и священного отдыха. Католики выступают против общественных школ, если не могут преподавать там *свою* веру, не допускающую компромиссов с другими. Мормоны против моногамии, которая является законом страны и основой христианской семьи. Иудеи могут потребовать соблюдения своей субботы, в то время как неверующим суббота не нужна, а выходной они используют для развлечения и отдыха. Но все эти проблемы можно уладить мирно и по справедливости, не возвращаясь к варварским гонениям.

Закон Соединенных Штатов имеет высшую силу на всей их территории и в округе Колумбия, но не запрещает ни одному из штатов учреждать новую церковь или развигивать ранее основанную. В начале своего существования колонии придерживались европейской системы государственной церкви, только в более мягкой форме, варьирующейся в зависимости от предпочтений первых поселенцев. В колониях Новой Англии — кроме Род-Айленда, основанного баптистом Роджером Уильямсом, — ортодоксальный конгрегационализм был государственной церковью, поддерживать которую должны были все граждане. В Вирджинии и в южных штатах, равно как в Нью-Йорке, закон и правительство поддерживали епископальную церковь¹⁰⁸. Даже те колонии, которые объявляли о своей религиозной терпимости, такие как Мэриленд и Пенсильвания, лишали прав католиков, унитариев, иудеев и неверующих. В Пенсильвании, колонии квакеров Уильяма Пенна, ни один житель с 1693 по 1775 г. не мог получить

¹⁰⁷ Правительство даже косвенным образом поддерживает религию, освобождая от налогов церкви, больницы, колледжи и богословские семинарии, назначая капелланов для служения в армии, на флоте и в Конгрессе и уважая христианские чувства народа.

¹⁰⁸ Пресвитерианский служитель Фрэнсис Макэми был арестован по приказу сторонника епископальной церкви губернатора Нью-Йорка Корнби 20 января 1707 г. за то, что проповедовал в частном доме без разрешения. Хотя на суде Фрэнсис Макэми сумел защититься и был оправдан на основании Акта о терпимости, ему пришлось понести весьма большие расходы, связанные с судом и защитой. — 83 доллара, 7 шиллингов, 6 пенсов. См. Briggs, *American Presbyterianism*, New York, 1885, pp. 152-154.

должность, если не подписывал официальное заявление о своей ортодоксальной вере в Святую Троицу и об осуждении католического пресуществования и мессы как идолопоклонства¹⁰⁹.

Великая законодательная революция началась в колонии Вирджиния в 1776 г., когда епископальная церковь перестала быть правительственной, а остальные церкви вступили в равные с нею права¹¹⁰. Перемены произошли благодаря совместным усилиям Томаса Джефферсона (ведущего государственного деятеля Вирджинии, твердо верящего в абсолютную религиозную свободу на основе философского нейтралитета) и всех несогласных деноминаций, особенно пресвитериан, баптистов и квакеров. Другие колонии и штаты постепенно последовали этому примеру, и сегодня уже не осталось такого штата, где религиозная свобода не признавалась бы и не защищалась в полной мере.

Пример Соединенных Штатов оказывает молчаливое, но стойкое и мощное влияние на Европу, возвышая идею терпимости до идеи свободы, освобождая религию от контроля гражданского правительства, возрождая изначальную практику церковного самообеспечения и самоуправления.

Лучшее законодательное средство против гонений и лучшая гарантия религиозной свободы — мирное разделение церкви и государства. Лучшее моральное средство и гарантия — это либеральная культура, всеобъемлющее представление о многогранности истины, искреннее уважение к святости убеждений совести, широкая и глубокая христианская любовь, о которой писал апостол Павел.

§13. Хронологические рамки

Период Реформации начинается с тезисов Лютера (1517) и заканчивается Вестфальским мирным договором (1648). Это последнее событие было завершением ужасной Тридцатилетней войны и обеспечило законность протестантской веры (лютеранской и реформатской) на всей территории Германии.

1648 год знаменует также важную эпоху в истории английского и шотландского протестантизма, а именно, ратификацию Долгим парламентом вероучительных стандартов Вестминстерской ассамблеи богословов (1643 — 1652), которые до сих пор используются в пресвитерианских церквях Англии, Шотландии, Ирландии и Соединенных Штатов.

Период, продолжавшийся сто тридцать один год, делится на несколько меньших этапов, даты которых — разные в разных странах.

Немецкая Реформация, по сути — лютеранская, естественным образом делится на четыре этапа. 1. С 1517 г. до Аугсбургского рейхстага и Аугсбургского

¹⁰⁹ См. Charles J. Stillé, *Religious Tests in Provincial Pennsylvania. A paper read before the Hist. Soc. of Penna.*, Nov. 9, 1885. Philada., 1886, 58 стр. «Трудно поверить, — пишет он на стр. 57, — что такой человек, как, например, Франклин, вынужден был проходить проверку на ортодоксальность вероисповедания для получения должности, однако имя Франклина вновь и вновь упоминается в книге записей о пригодности к назначению по признаку вероисповедания — он был вынужден подписывать подобные заявления каждый раз, когда вступал в новую должность. Его буквально вынуждали это делать, и при первой же возможности, когда народ этой территории решил провозгласить свою независимость как от семьи Пеннов, так и от британской короны, он выступил против подобных тестов, проводившихся в период существования провинций. Франклин стал президентом и вдохновителем конвенции, которая составила конституцию штата 1776 г., и его влиянием обычно объясняется очень мягкая форма требований к вероисповеданию, которая заменила старый тест».

¹¹⁰ Акт 1776 г. был дополнен актом от октября 1785 г. См. Hening, *Collection of the Laws of Virginia*, vol. XII, 84.

исповедания (1530). 2. С 1530 г. по так называемый Аугсбургский мир (1555). 3. С 1555 г. до составления последнего варианта Формулы согласия (1577), которая придала окончательную форму лютеранскому учению, или же по 1580 г. (когда «Конкордия» была опубликована и вступила в силу). 4. С 1580 г. до завершения Тридцатилетней войны (1648).

Скандинавская Реформация следовала по стопам лютеранской Реформации в Германии. Она также продолжалась до Тридцатилетней войны, в которой Густав Адольф Шведский был ведущим защитником протестантизма. Реформация победила в Швеции в 1527 г., в Дании и в Норвегии — в 1537 г.

Швейцарская Реформация была начата Цвингли и завершена Кальвином. Соответственно, она делится на два этапа: 1. Реформация немецкой Швейцарии до смерти Цвингли (1517 — 1531). 2. Реформация французской Швейцарии до смерти Кальвина (1564), или, мы даже сказали бы, до смерти Безы (1605).

Появление реформатской церкви в Германии, в первую очередь в Пфальце, приходится на второй период.

В бурной истории французского протестантизма годы 1559, 1598 и 1685 также отмечают начало новых эпох. В 1559 г. в Париже состоялся первый национальный синод, на котором была разработана компактная организация реформатских общин посредством принятия Галликанского исповедания и пресвитерианской формы управления. В 1598 г. реформатская церковь обеспечила законность своего существования и некоторую степень свободы посредством Нантского эдикта, который король Генрих IV даровал своим бывшим собратьям по вере. Но его внук-фанатик Людовик XIV отменил этот эдикт в 1685 г. С этого времени французская реформатская церковь остается неопалимой кушиной в пустыне, а тысячи ее сыновей были вынуждены покинуть родную страну и, благодаря своему таланту, трудолюбию и благочестию, внесли вклад в процветание Швейцарии, Голландии, Германии, Англии и Северной Америки.

Реформация в Голландии сопровождалась героической войной за освобождение от испанского гнета и прошла через кровавую купель мученичества. В 1609 г., после невыразимых страданий при Карле V и Филиппе II, Утрехтский союз из семи Северных провинций (образовавшийся в 1579 г.) был неохотно признан Испанией. Затем последовала внутренняя богословская война между арминианством и кальвинизмом, закончившаяся победой кальвинизма на национальном синоде в Дорте (1619).

Этапы английской Реформации, которая двигалась своим специфическим курсом, отражают изменчивую политику правительств и совпадают с правлением Генриха VIII (1527 — 1547), Эдуарда IV (1547 — 1553), папской реакцией и периодом протестантского мученичества при королеве Марии (1553 — 1558), восстановлением протестантизма при королеве Елизавете (1558 — 1603). Затем началась вторая Реформация, которую устроил народ, выступивший против правителей. Это была борьба между пуританством и полупапизмом династии Стюартов. Пуританство временно одержало победу, низложило и казнило Карла I и архиепископа Лауда, однако пуританство как национальная политика умерло вместе с Кромвелем, и в 1660 г. епископство и «Книга богослужения» были восстановлены при Карле II, пока новая революция при Вильгельме и Марии (1688) не положила конец предательскому правлению Стюартов и не привела к терпимости по отношению к диссентерам, позже сгруппировавшимся в отдельные деноминации и представляющим левое крыло английского протестантизма.

Реформация в Шотландии под руководством Джона Нокса (1505 — 1572), этого северного Лютера, завершила свой первый акт в 1567 г., когда была закономерно признана и утверждена шотландским парламентом. Вторым актом была борьба с папской реакцией при королеве Марии Шотландской, до 1590 г. Третий акт можно назвать периодом антиепiscopства и объединения с английским протестантизмом. Он закончился окончательной победой пресвитерианства в 1690 г. С этого времени проблема патронажа и отношений церкви и государства стала одним из основных пунктов разногласий и волнений в церкви Шотландии и возникло множество вариантов ее решения, тогда как вестминстерские стандарты веры и дисциплины не подверглись никаким существенным изменениям.

Реформатская церковь добилась частичного успеха и терпимого отношения к себе в Польше, Венгрии, Трансильвании, Богемии и Моравии, но сильно пострадала от иезуитской реакции, особенно в Богемии. В Италии и Испании Реформация была полностью подавлена. Протестантам было позволено проводить публичные богослужения в Риме и строить там свои церкви или часовни только после сокрушения светской власти папы в 1871 г.

§14. Общая литература по Реформации

Источники

- I. С протестантской стороны. 1) Труды РЕФОРМАТОРОВ, особенно ЛЮТЕРА, МЕЛАНХТОНА, ЦВИНГЛИ, КАЛЬВИНА, КРАНМЕРА, НОКСА. Мы будем цитировать их в главах, посвященных этим людям.
- 2) Историк этого периода. ЖОН. СЛЕЙДАН (профессор права в Страсбурге, ум. в 1556): *De Statu Religionis et Reipublicae Carolo V Caesare commentarii. Libri XXVI.* Argentor., 1555 fol., лучшее издание — Am Ende, Francof. ad M., 1785-86, 3 vols. Англ. перев. Bohun, London, 1689, 3 vols. fol. Фр. перев. с примечаниями Courayer, 1767. Охватывает немецкую и швейцарскую Реформацию.
- Annales Reformationis, SPALATIN, и *Historia Reformationis*, FR. MYCONIUS, только о лютеранской Реформации. См. также ценный сборник документов — LÖSCHER, 3 vols. См. ниже, §15.
- II. *Католики*. 1) Официальные документы. *Leonis X. P. M. Regesta*, ed. HERGENRÖTHER, под покровительством папы Льва XIII, на основании ватиканских архивов. Freiburg i. B., 1884 sqq., 12 fascic. Первые три части содержат 384 страницы документов до 1514 г. — *Monumenta Reformationis Lutheranae ex tabulariis secretioribus S. Sedis*, 1521-25, ed. PETRUS BALAN, Ratisbonae, 1884 (589 стр.). Содержит акты Вормского рейхстага с рапортами папского легата Алеандера и посланиями Климента VII (1523-25). Здесь присутствует некий документ 1513 г., который был до этого неизвестен. В нем опровергается незаконное происхождение папы Климента VII, который представлен как сын Джулиано Медичи и его жены Флореты. *Monumenta Saeculi XVI Historiam illustrantia*, ed. BALAN, vol. I. Oeniponte, 1885 (489 стр.).
- 2) Полемические труды. ЖОН. ЕСК (ум. в 1563): *Contra Ludderum*, 1530. 2 parts fol. Полемические трактаты о первосвятительстве, покаянии, мессе, чистилище и т. д. ЖО. СОСНЛАЕУС (каноник Бреслау, ум. в 1552): *Commentaria de Actis et Scriptis Lutheri ab Anno Dom. 1517 ad A. 1547 fideliter conscripta*. Mogunt. 1549 fol.; Par., 1565; Colon., 1568. LAUR. SURIUS (ученый картезианец, ум. в Кельне в 1578): *Commentarius rerum in orbe gestarum ab a. 1500 — 1564*. Colon., 1567. Против Слейдана.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

I. Протестантские труды.

- 1) Соответствующие разделы общей истории церкви: SCHRÖCKH (*Kirchengesch. seit der Reformation*, Leipzig, 1804-12, 10 vols.), MOSHEIM, GIESELER (Bd. III. Abth. I, II, 1840 и 1852; англ. перев. N. Y., vols. IV — V, 1862 и 1880), BAUR (Bd. IV, 1863), HAGENBACH (vol. III, также отдельно опубликованное: 4th ed., 1870; англ. перев. Eveline Moore, Edinburgh, 1878, 2 vols.;

- особенно хорошо он пишет о Реформации Цвингли). Более кратко — в трудах GUERICKE, NEIDNER, HASE (11th ed., 1886), EBRARD, HERZOG (vol. III), KURTZ (10th ed. 1887, vol. II). Во всех этих трудах особое внимание уделяется Реформации на континенте и очень мало говорится о Реформации в Англии и Шотландии.
- Неандер доходит только до 1430 г.; его лекции о современной истории церкви (которые я слышал в 1840 г.) так и не были опубликованы. Труд Гизелера весьма ценен из-за списка литературы, до 1852 г., и выдержек из источников, но должен быть полностью пересмотрен, о чем говорит профессор Бригер из Лейпцига.
- (2) JEAN HENRI MERLE D'AUBIGNE (обычно неправильно называемый *D'Aubigné*, что представляет собой лишь указание на место жительства его родителей, ум. в 1872): *Histoire de la reformation du 16 siècle*, Paris, 1835-53, 5 vols., 4th ed. 1861 sqq.; и *Histoire de la réformation en Europe au temps du Calvin*, Par., 1863-78, 8 vols. (один из томов издан посмертно). Также на немецком, перев. Runkel (Stuttgart, 1848 sqq.), а особенно — на английском (несколько изданий, некоторые искаженные). Лучшее англ. изд. — Longman, Green & Co., London, 1865 sqq.; лучшее амер. изд. — Carter, New York, 1870-79, первый труд в пяти, второй в восьми томах. Распространяемая литературными обществами и частными издателями «История» Мерля благодаря своему евангельскому пылу, интенсивному протестантскому духу и драматическому красноречию была невероятно популярна в Англии и Америке.
- H. STEVING: *History of the Reformation*, London, 1836, 2 vols.
- G. WADDINGTON (англиканин, ум. в 1869): *A History of the Reformation on the Continent*. London, 1841, 3 vols. (Только до смерти Лютера, 1546)
- F. A. HOLZHAUZEN: *Der Protestantismus nach seiner geschichtl. Entstehung, Begründung und Fortbildung*. Leipzig, 1846-59, 3 vols. До Вестфальского договора. Автор так выражает свою точку зрения (III. XV): *Die christliche Kirche ist ihrer Natur nach wesentlich Eine, und der kirchliche Auflösungs-process, welcher durch die Reformation herbeigeführt worden ist, kann keinen anderen Zweck haben, als ein neues höheres positives Kirchenium herzustellen*.
- B. TER HAAR (из Утрехта): *Die Reformationsgeschichte in Schilderungen*. Перев. с голл. — C. Gross. Gotha, 5th ed. 1856, 2 vols.
- DAN. SCHENKEL (ум. в 1885): *Die Refomatores und die Reformation*. Wiesbaden, 1856. *Das Wesen des Protestantismus aus den Quellen des Ref. zeitalters*. Schaffhausen, 1862, 3 vols.
- CHARLES HARDWICK: (англиканин, ум. в 1859): *A History of the Christian Church during the Reformation*. Cambridge and London, 1856. Третье издание, пересм. W. Stubbs (епископ Честера), 1873.
- J. TULLOCH: (шотландский пресвитерианин, ум. в 1886): *Leaders of the Reformation: Luther, Calvin, Latimer, Knox*. Edinb., 1859; 3^d ed., 1883.
- L. HAÜSSER (ум. в 1867): *Geschichte des Zeitalters der Reformation, 1517 — 1648*. ed. Oncken, Berlin, 1868 (867 стр.). Сокр. англ. перев. — Mrs. Sturge, N. Y., 1874.
- E. L. TH. НЕНКЕ (ум. в 1872): *Neuere Kirgesch.* ed. Gass, Halle, 1874, 2 vols. В первом томе говорится о Реформации.
- FR. СЕЕВОHN: *The Era of the Protestant Revolution*. London and N. York, 1874.
- J. A. WYLIE: *History of Protestantism*. London, 1875-77, 3 vols.
- GEORGE P. FISHER (профессор истории церкви в Йельском колледже): *The Reformation*. New York, 1873. Труд емкий, ясный, спокойный, вдумчивый, с полезным библиографическим приложением (р. 567-591).
- J. M. LINDSAY (пресвитерианин): *The Reformation*. Edinb., 1882. (Не более чем очерк).
- CHARLES BEARD (унитарий): *The Reformation in its relation to Modern Thought and Knowledge*. Hibbert Lectures. London, 1883; 2^d ed., 1885. Очень талантливый труд. Нем. перев. — F. Halverscheid. Berlin, 1884.
- JOHN F. HURST (методист, епископ): *Short History of the Reformation*. New York, 1884 (125 стр.).
- LUDWIG KELLER: *Die Reformation und die älteren Reformparteien*. Leipz., 1885 (516 стр.). Симпатизирует вальденсам и анабаптистам.
- Две серии биографий — REFORMERS, авторы — ряд немецких ученых, в Lutheran series, 8 vols., Elberfeld, 1861-75, и the Reformed (Calvinistic) series, 10 vols., Elberfeld, 1857-63. Предисл. к «Лютеранской серии» написал Nietzsche, к «Реформатской» — Hagenbach. Несколько биографий мы упомянем в соответствующих разделах.
- 3) Что касается *общей* истории мира и церкви в течение периода Реформации и после него, то здесь очень важен LEOPOLD VON RANKE (ум. в 1886) и его труды: *Fürsten und Völker von*

Südeuropa im 16 und 17 Jahrh. (Berlin 1827, 4th ed., расширено в 1877); *Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 — 1514* (3^d ed., 1885); *Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im 16 und 17 Jahrh.* (Berlin, 8th ed., 1885, 3 vols., англ. перев. Sarah Austin, Lond. 4th ed., 1867, 3 vols.); *Französische Geschichte im 16 und 17 Jahrh.* (Stuttgart, 1852, 4th ed., 1877, 6 vols.); *Englische Geschichte vornehmlich im 16 u. 17 Jahrh.* (4th ed., 1877, 6 vols.; англ. перев., изд. the Clarendon Press); и особенно его классическая *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation* (Berlin, 1839-43, 6th ed. 1880-82, 6 vols.; частичный перевод — S. Austin, 1845-47, 3 vols.). Ранке — мастер объективной историографии, он умеет сгруппировать важные места из источников как настоящий художник, в религиозном и патриотическом плане он симпатизирует немецкой Реформации, но при этом отдает справедливость Католической церкви и папству как великой силе в истории религии и цивилизации. На 85-м году жизни он начал диктовать всеобщую историю до времен императора Генриха IV и папы Григория VII (1881 — 1886). После его смерти к ней добавили два тома Dove и Winter (1888), и всего получилось 9 томов. Его библиотеку купил университет Сиракуз, штат Нью-Йорк.

Общую историю литературы см. в HENRY HALLAM: *Introduction to the Literature of Europe in the 15th, 16th, and 17th Centuries*. London, 1842, etc. N. York ed., 1880, 4 vols.

II. Католические труды.

1) Соответствующие разделы общих историй церкви: MÖHLER (ум. в 1838, изд. по лекциям Гамса, Regensburg, 1867 — 1868, 3 vols.; третий том рассказывает о Реформации), ALZOG (10th ed. 1882, 2 vols.; англ. перев. — Pabish and Byrne, Cincinnati, 1874 sqq., 3 vols.), KRAUS (2^d ed., 1882) и кардинал HERGENRÖTHER (3rd ed., 1885). См. также, отчасти, истории Тридентского собора, SARPI (ум. в 1623) и PALLAVICINI (ум. в 1667).

2) THUANUS (DE THOU, умеренный католик, ум. в 1617); *Historiarum sui Temporis libri 138*. Orleans (Geneva), 1620 sqq., 5 vols. fol., и London, 1733, 7 vols. fol.; франц. перев., London, 1734, 16 vols. 4to. С 1546 по 1607 г.

LOUIS MAIMBOURG (иезуит, ум. в Париже, 1686): *Histoire du Lutheranisme*, Paris, 1680; *Histoire du Calvinisme*, 1682. Полемический труд, вдохновенно-фанатичный; его сурово критикует R. Baile в своей *Critique générale de l'histoire du Calvinisme de M.*, Amsterd., 1684.

ЕПИСКОП BOSSUET (ум. в 1704): *Histoire des variations des églises protestantes*. Paris, 1688, 2 vols., и более поздние издания, также в сборниках его трудов, 1819 sqq. и 1836 sqq. Англ. перев. — Dublin, 1829, 2 vols. Немецкое издание — Mayer, Munich., 1825, 4 vols. Очень талантливый труд, также скорее полемический, чем исторический. Прочитав его, Гиббон обратился в католичество, но остался скептиком, как и Бэйл, который также был сначала протестантом, а потом, в течение краткого времени, католиком.

KASPAR RIFFEL: *Kirchengesch. Der Neusten Zeit*. Mainz, 1844-47, 3 vols.

MARTIN JOHN SPALDING (с 1864 архиепископ Балтимора, ум. в 1872): *History of the Protest. Reformation in Germany and Switzerland, and in England, Ireland, Scotland, the Netherlands, France, and Northern Europe*. Louisville, 1860; 8th ed., пересм. и расширенное. Baltimore, 1875, 2 vols. Без указателя. Против Мерля д'Обинье. Архиепископ обвиняет Добинье (так он его называет) в том, что он — «яростный фанатик, на которого совершенно нельзя полагаться как на историка», а труд его — «не лучше, чем роман», так как в нем автор «опускает больше половины фактов, либо искажая их, либо навязывая домыслы своего воображения». Однако о собственной беспристрастности архиепископа и об исторической достоверности его книги можно судить по следующим высказываниям: «Лютер, пока находился под влиянием Католической церкви, был, вероятно, сравнительно хорошим человеком, но он точно стал грешником, когда покинул ее ряды» (I. 72). *Heu! quantum mutatus ab illo!* (77). «Часто злоба доводила его до грани безумия... Иногда он желал Меланхтону погибели» (87). Спалдинг цитирует Одена, своего главного авторитета (но при этом он, похоже, совершенно не знает немецкого): «Лютер был одержим не одним, а целой армией бесов» (89). Цуингла (Zuingle, как он его называет) он обвиняет в «откровенном язычестве» (I. 175) и издевается над его браком и браками других реформаторов, особенно Бупера, который «женился не менее чем на трех дамах по очереди, причем одна из них уже трижды побывала замужем — и все они тоже были сторонниками Реформации. Какое необычайное везение!» (176). И это все, что мы узнаем от него о реформаторе из Страсбурга. Говоря о Кальвине, автор, похоже, опирается на хулу Одена, а Оден — на Больсека. Он описывает его как «имеющего голову, но не сердце»; «сокрушившего права народа во имя свободы»; «сочетавшего в себе жестокость Дантона и Робеспьера с красно-речием Мюрата и Мирабо, хотя он был гораздо хладнокровнее, и потому имел больше

успеха, чем любой из них»; «он был настоящим Нероном». Спалдинг верит в нелепые истории Больсека о чудовищных преступлениях и ужасной смерти Кальвина, что противоречит всей его жизни, произведениям и свидетельствам его ближайших друзей, таких как Беза, Нокс и т. д. (I. 375, 384, 386, 388, 391). И это сочинение прелата, занимающего высокий пост, похоже, является главным источником, из которого американские католики черпают сведения о Реформации и протестантизме!

Историко-полемические труды Доллингера и Янсена относятся к истории *немецкой* Реформации. Их мы упомянем в следующем разделе.

КНИГА I

**НЕМЕЦКАЯ РЕФОРМАЦИЯ
ДО АУГСБУРГСКОГО
РЕЙХСТАГА**

1517 — 1530

ГЛАВА II

ПОДГОТОВКА ЛЮТЕРА К РЕФОРМАЦИИ. 1483 — 1517

§15. Литература по немецкой Реформации

Источники

I. ПРОТЕСТАНТСКИЕ ИСТОЧНИКИ.

- 1) Труды РЕФОРМАТОРОВ, особенно ЛЮТЕРА и МЕЛАНХТОНА. См. §17, 32. Реформаторские произведения Лютера (1517 — 1524) содержатся в томе XV, WALCH ed., труды 1525 — 1537 г. — в томе XVI, 1538 — 1546 г. — в томе XVII. См. также Erlangen ed., vols. 24-32 (изданы отдельно во втором издании 1883 sqq.), и Weimar ed., vol. I, sqq.
- 2) Авторы той эпохи.
- G. SPALATIN (капеллан Фридриха Мудрого и директор в Альтенбурге, ум. в 1545): *Annales Reformationis oder Jahrbücher von der Reform. Lutheri* (до 1543). Ed. Cyprian, Leipz., 1718.
- FRID. MYCONIUS (или Mekum, директор в Готе, ум. в 1546): *Historia Reformationis vom Jahr Christi 1518 — 1542*. Ed. Cyprian, Leipzig, 1718.
- M. RATZEBERGER (врач, друг Лютера, ум. в 1559): *Luther und seine Zeit*. Издано по рукописи из Готы, *Neudecker*, Jena, 1850 (284 стр.).
- 3) Сборники документов.
- V. E. LÖSCHER (ум. в 1749): *Vollständige Reformationen = Acta und Documenta (1517-19)*. Leipzig, 1720-29, 3 vols.
- CH. G. NEUDECKER: *Urkunden aus der Reformationszeit*, Cassel, 1836; *Actenstücke aus der Zeit der Reform.*, Nürnberg, 1838; *Neue Beiträge*, Leipzig, 1841.
- C. E. FÖRSTEMANN: *Archiv. f. d. Gesch. der Reform.*, Halle, 1831 sqq.; *Neues Urkundenbuch*, Hamburg, 1842.
- TH. BRIEGER: *Quellen und Forschungen zur Geschichte der Reformation*. Gotha, 1884 sqq. (Part I. *Aleander und Luther*, 1521.)

II. КАТОЛИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ. См. §14.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

I. ПРОТЕСТАНТСКИЕ ИСТОРИКИ.

- LUD. A SECKENDORF (государственный деятель, прекрасно образованный и образцово последовательный, ум. в 1692): *Commentarius historicus et apologeticus de Lutheranismus*. Francof. et Lips., 1688; Lipsiae, 1694, fol. Против иезуита Маймбурга.
- CHR. A. SALIG (ум. в 1738): *Vollständige Historie der Augsburger Confession (1517 — 1562)*. Halle, 1730-35. 3 vols.
- G. J. PLANCK (ум. в 1833): *Geschichte der Entstehung, der Veränderungen und der Bildung unseres protest. Lehrbegriffs bis zur Einführung der Concordienformel*. Leipzig, 2^d ed., 1791 — 1800, 6 vols. Важен для истории вероучительных споров лютеранской церкви. Также его *Geschichte der protest. Theologie von der Konkordienformel an bis in die Mitte des achtzehnten Jahrh.* Göttingen, 1831, 1 vol.
- H. G. KREUSSLER: *D. Mart. Luthers Andenken in Münzen nebst Lebensbeschreibungen merkwürdiger Zeitgenossen desselben. Mit 47 Kupfern und der Ansicht Wittenbergs und Eisenachs zu Luthers Zeit*. Leipzig, 1818. В основном интересен многочисленными иллюстрациями.

- PHIL. MARHEINECKE (ум. в 1846): *Geschichte der deutschen Reformation*. Berlin, 2^d ed., 1831, 4 vols. Одна из лучших книг, написанная популярным слогом, похожим на слог Лютера.
- K. HAGEN: *Deutschlands literar. und relig. Verhältnisse im Reformationszeitalter*. Erlangen, 1841-44, sqq., 3 vols.
- CH. G. NEUDECKER: *Gesch. des evang. Protestantismus in Deutschland*. Leipzig, 1844, sq., 2 vols.
- C. HUNDESHAGEN (ум. в 1873): *Der deutsche Protestantismus*. Frankfurt, 1846, 3^d ed., 1850. Обсуждает дух Реформации и проблемы современной церкви.
- H. HERPE (немецкая реформатская церковь, ум. в 1879): *Gesch. des deutschen Protestantismus in den Jahren 1555-85*. Marburg, 1852 sqq., 4 vols., 2^d ed., 1865 sq. Он написал также ряд других книг о Реформации, особенно в Гессене.
- MERLE D'AUBIGNÉ, *History of the Reformation*, см. §14. Первый раздел посвящен немецкой Реформации и переведен на немецкий, *Runkel*, Stuttgart, 1848 — 1854, 5 vols., переизд. The American Tract society. Несколько изданий на английском — London, New York.
- WILH. GASS: *Geschichte der protestantischen Dogmatik*. Berlin, 1854-67, 4 vols.
- G. PLITT: *Geschichte der evang. Kirche bis 1530*. Erlangen, 1867.
- IS. A. DORNER (ум. в 1884): *Geschichte der protestantischen Theologie, besonders in Deutschland*. München, 1867. Первая книга, pp. 1-420, посвящена периоду Реформации в Германии и Швейцарии. Англ. перев. — Edinburgh, 1871, 2 vols.
- CH. P. KRAUTH (ум. в 1882): *The Conservative Reformation*. Philadelphia, 1872. Догматико-историческая защита лютеранства.
- K. F. A. KAHNIS (ум. в 1888): *Die deutsche Reformation*. Leipzig, vol. I. 1872 (до 1520, незакончен).
- G. WEBER: *Zur Geschichte des Reformationszeitalters*. Leipzig, 1874.
- FR. V. BEZOLD: *Gesch. der deutschen Reformation*. Berlin, 1886.
- The Elberfeld series* — биографии лютеранских реформаторов с выдержками из их произведений, 1861-1875. Серия начинается с C. SCHMIDT, *Melanchthon*, и заканчивается KÖSTLIN, *Luther* (большой труд в двух томах, пересм. в 1883).
- Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte*. Halle, 1883 sqq. Ряд монографий на специальные темы, связанные с историей Реформации, особенно в Германии, опубликованы обществом, образованным в год празднеств в честь Лютера для литературной защиты протестантизма от католиков. В создание серии внесли вклад: Kolde, Benrath, Holdewey, Bossert, Walther. Серия содержит также очерк *Wiclif*, автор — Buddensieg (1885), очерк об отмене Нантского эдикта, автор — Theod. Schott (1885), и очерк об Игнатии Лойоле, автор — E. Gothein (1885).
- Из светских историй Германии в период Реформации см. в особенности LEOPOLD VON RANKE: *Deutsche Gesch. im Zeitalter der Reformation* (6th ed., 1881, 6 vols.), самый важный труд, см. §14. Также KARL AD. MENZEL (ум. в 1855): *Neuere Geschichte der Deutschen seit der Reformation*. Berlin, 2^d ed., 1854 sq., 6 vols. WOLFGANG MENZEL (ум. в 1873): *Geschichte der Deutschen*, 6th ed., 1872 sq., 3 vols. L. STACKE: *Deutsche Geschichte*. Bielefeld u. Leipzig, 1881, 2 vols. (vol. II — W. Военм, pp. 37-182). GOTTLÖB EGELNAAF (доктор философии, профессор в Карлс-Гимназиум в Гейлбронне): *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Gekrönte Preisschrift des Allgemeinen Vereins für Deutsche Literatur*. Berlin, 1885. В духе великого труда Ранке на ту же тему, с полемическими отсылками к Янсену. С 1517 г. до Аугсбургского мира, 1555 (450 стр.)
- II. Католические историки. См. список литературы в §14.
- IGNATIUS DÖLLINGER (профессор истории церкви в Мюнхене с 1870 г., старокатолик): *Die Reformation, ihre innere Entwicklung und ihre Wirkung im Umfange des Luther. Bekenntnisses*. Regensburg, 1846-48, 3 vols.; 2^d ed., 1853. Ученый сборник свидетельств против Реформации, о ее влиянии на отступников того времени, на гуманистов, а также на самих реформаторов (Лютера и Меланхтона) и тех их последователей, которые жалуются на упадок нравственности и ссоры в лютеранской церкви. Однако когда автор покинул римскую общину, он сделал поразительное заявление о величии Лютера.
- KARL WERNER: *Geschichte der kathol. Theologie in Deutschland*. München, 1866.
- JOH. JANSSEN: *Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters*. Freiburg i. B., 1876-88, 6 vols. (до 1618). Этот шедевр ультрамонтанской историографии написан с великой ученостью и способностями на основании разнообразных источников (в первую очередь архивов Франкфурта, Майнца, Трира, Цюриха и Ватикана). Он быстро выдержал двенадцать изданий. Автор вспоминает об умелой защите Реформации Каверуа (пять статей в Luthardt, «Zeitschrift für kirchliche Wissenschaft und Kirchl. Leben», 1882 и

1883), Кестлина, Ленца, Швейцера, Эбрарда, Баумгартена и других, которым Янссен спокойно ответил в *An meine Kritiker*, Freiburg, i. B., 10-тысячный тираж, 1883 (227 стр.), и *Ein Wort an meine Kritiker*, Freib. i. B., 12-тысячный тираж, 1883 (144 стр.). Он отрекается от всех «тенденций» и утверждает, что стремится только к исторической истине. Мы согласны с этим, но его позиция ложна, потому что основное течение современной истории он рассматривает как отступничество и ошибку, в то время как на самом деле это явное прогрессивное движение христианства под руководством Божьего Провидения и вездесущего Духа его Основателя. Автор смотрит на историю сквозь призму ватиканского католицизма, и не стоит удивляться тому, что папа Лев XIII хвалил Янссена как «светило исторической науки и человека великой учености».

Янссен в каждом томе, в алфавитном порядке, приводит очень полный список книг и памфлетов, католических и протестантских, по разным темам истории Германии с конца XV до конца XVI века. См. т. I, xxvii-xliiv; т. II, xvii-xxviii; т. III, xxv-xxxix; т. IV, xviii-xxxi; т. V, xxv-xliiii.

О политической истории: FR. v. BUCHHOLZ: *Ferdinand I.* Wien, 1832 sqq., 9 vols. HURTER: *Ferdinand II.* Schaffhausen, 1850 sqq.

§16. Германия и Реформация

Германия породила искусство книгопечатания и Реформацию, которые стали двумя великими рычагами современной цивилизации. Другие народы посылали экспедиции на поиски заморских земель, а Германия, верная своему интровертному духу, спустилась в глубины человеческой души и вывела на свет новые идеи и принципы. Говорят, что Провидение дало Франции власть над сушей, Англии — над морем, а Германии — над воздухом. Воздух — это сфера размышлений, но он также обязателен для жизни на суше и на море.

Те характерные особенности языческих германцев, которые описывал Тацит, уже содержали в себе зародыш протестантизма. Любовь к личной свободе была так же сильна в них, как любовь к власти — в римлянах. Они считали недостойным ограничивать своих богов стенами или изображать их. Они предпочитали внутреннее, духовное поклонение, непосредственное общение с Богом внешнему поклонению, которое вызывает к органам чувств через образы и церемонии и является зримым посредником между конечным и бесконечным миром. Они сопротивлялись натиску языческого Рима и отказались подчиняться Риму христианскому, когда Карл Великий навязывал им это.

Однако христианство как религия не противоречило их инстинктам, и в конце концов они обратились к Богу и были романизованы Бонифацем и его учениками. Тем не менее они никогда не чувствовали себя комфортно под властью папства. Средневековый конфликт императора с папой поддерживал политическую вражду к иноземному правлению. Мистицизм XIII — XIV веков возродил любовь к благочестию менее формальному и более душевному. Он подорвал фундамент преобладавшего механического формализма. Недовольство папой усиливалось из-за его вымогательств и злоупотреблений, пока наконец, под руководством саксонского монаха и священника, все национальные силы не выступили против антихристианской тирании и не сокрушили ее навсегда. Этот монах покориł сердце Германии. Не менее ста жалоб на римские злоупотребления было представлено на Нюрнбергском рейхстаге 1522 г.¹¹¹ Эразм говорит, что, когда Лютер опубликовал свои тезисы, то буквально каждый рукоплескал ему¹¹².

¹¹¹ Знаменитые *centum gravamina adversus sedem Romanam totumque ecclesiasticum ordinem*.

¹¹² *Totus illi magno consensu applausit* (в послании герцогу Георгу Саксонскому, который был против Реформации, от 12 декабря 1524 г.).

Вполне возможно, что Реформацию приняла бы вся Германия, если бы ее силы не были подорваны, а прогресс остановлен из-за крайностей и внутренних раздоров, которые существенно помогли римской реакции.

Вслед за Германией маленькая Швейцария, Голландия, Скандинавия, Англия и Шотландия, населенные родственными народами, самым активным образом участвовали в завершении великого акта освобождения от папства и положили начало эре свободы и независимости.

Тип христианства существенно зависит от национального характера. Например, Восточная церковь вполне подходит для греков и славян, и Реформация XVI века не повлияла на нее, а потому Восточная церковь официально не выступает ни за, ни против Реформации и относится к евангельскому протестантизму менее враждебно, чем к римскому католицизму, хотя в плане учения, дисциплины и поклонения больше соглашается с католиками. Римская Католическая церковь сохранила свою власть над латинскими народами, которые Реформация сначала поверхностно затронула, но потом на этих территориях наступила реакция, и с тех пор они колеблются то между папством и неверием, то между деспотизмом и революцией. Даже французы, которые при Генрихе IV были на грани превращения в протестантов, более склонны, как народ, колебаться между Босюэ и Вольтером, нежели слушать Кальвина, — хотя среди них всегда было уважаемое меньшинство разумных протестантов. Кельтские расы разделились. Валлийцы и шотландцы стали протестантами, ирландцы остались католиками. Тевтонские, или германские народы породили Реформацию в основном, но не исключительно, ибо француз Кальвин был величайшим богословом среди реформаторов и оказал более сильное влияние на формирование доктрины и дисциплины протестантизма вне Германии, чем любой другой из них.

§17. Литература о Лютере

О Лютере написано очень много, и масса новых трудов увидела свет после 1883 г. Богатейшие коллекции книг присутствуют в Королевской библиотеке Берлина (в том числе в библиотеке доктора Кнаака); в публичных библиотеках Дрездена, Веймара, Виттенберга, Вольфенбюттеля, Мюнхена; в Америке — в Богословской семинарии в Хартфорде (конгрегационалистской), которая приобрела коллекцию Бека (более 1200 трудов).

Списки литературы о Лютере см. в J. A. FABRICIUS: *Centifolium Lutheranium*, Hamburg, 1728 и 1730, 2 parts; VOGEL: *Bibliotheca biographica Lutherana*, Halle, 1851 (145 стр.); JOHN EDMANDS: *Reading Notes on Luther*, Philada., 1883; ВЕСК (издатель): *Bibliotheca Lutherana*, Nördlingen, 1883; (185 стр., с названиями 1236 книг, сейчас в Хартфорде), 1884: *Bibliographie der Luther-Literatur des J. 1883*, Frankf. a. M., 1884, расширенное издание 1887 г. (52 и 24 стр., не завершено).

I. Труды ЛЮТЕРА

Древнейшие издания: Виттенберг, 12 томов на немецком, 1539 — 1559, и 7 на латыни, 1545 — 1558; Йена, 8 немецких и 4 латинских тома, 1555 — 1558, с 2 дополнениями Аурифабера, 1564 — 1565; Альтенбург, 10 томов, 1661 — 1664; Лейпциг, 22 тома, 1729 — 1740. Три лучших издания:

- 1) Издание в Халле, JOHANN GEORG WALCH, Halle, 1740 — 1750, 24 vols., 4to. Переиздали с исправлениями и дополнениями доктор WALTHER, STÖCKHARDT, KÄHLER, etc., Concordia College, St. Louis, 1880 sqq., 25 vols.
- 2) Издание в Эрлангене — Франкфурте, PLOCHMANN, IRMISCHER и ENDERS, etc., Erlangen, Frankfurt a. M., 1827 sqq., 2^d ed., 1862 — 1883, 101 vols. 8vo. (еще не закончено). Немецкие труды — 67 vols.; *Opera Latina* — 25 vols.; *Com. in Ep. and Gal.* — 3 vols.; *Opera Latina varii argumenti ad reformationis Hist. pertinentia* — 7 vols. Для нас важнее всего *Reformation-historische Schriften* (9 vols., 2nd ed., 1883-85) и *Briefwechsel* (первый том которого появился в 1884 г.; всего их обещано 6).

3) Веймарское издание (в честь 400-летнего юбилея, под покровительством немецкого императора), КНААКЕ, КАУЕРАУ, ВЕРТНЕАУ и другие специалисты по Лютеру, Weimar, 1883 sq. Когда оно будет завершено, оно будет образцовым критическим изданием. Труды приводятся в хронологическом порядке, строго воспроизводятся тексты первых изданий, а также указаны изменения в последующих изданиях, в том числе устаревшие выражения и непоследовательность в орфографии, весьма смущающие читателя, который не очень хорошо знает немецкий язык. Первый том содержит труды Лютера 1512 — 1518 г.; второй (1884) — труды 1518 — 1519 г.; тома III и IV (1885 — 1886) — комментарии к Псалтири; т. VI (1888) — продолжение реформаторских трудов до 1520 г.; еще несколько томов сейчас в печати.

Я обычно указываю, по какому из этих трех изданий я привожу цитату. Последнее издание я использую чаще всего, насколько этого возможно, называя его «веймарским изданием».

Первый сборник немецких трудов Лютера вышел в 1539 г., с предисловием, в котором он выражает желание, чтобы все его книги были забыты и пропали, а люди вместо них побольше читали Библию (см. Erl. Frkf. ed., I, pp. 1-6).

Избранные труды Лютера: PFIZER (Frankf., 1837, sq.); ZIMMERMANN (Frankf., 1846 sq.); OTTO VON GERLACH (Berlin, 1848, 10 vols., содержит *Reformatorische Schriften*).

Послания Лютера отдельно издавались DE WETTE, Berlin, 1825, sqq., vol. VI — J. C. SEIDEMANN, 1856 (716 стр., с добавлением *Lutherbriefe*, 1859); дополнил С. А. Н. BURKHARDT, Leipzig, 1866 (524 стр.); пересм. изд. с комм. — E. L. ENDERS (пастор из Оберрада, возле Франкфурта-на-Майне), 1884 sqq. (в Erl. Frankf. ed.). Первый том содержит послания с 1507 по март 1519 г. Избранные послания см. в С. ALFRED HASE: *Lutherbriefe in Auswahl und Uebersetzung*, Leipzig, 1867 (420 стр.). ТН. КОЛДЕ: *Analecta Lutherana, Briefe und Actenstücke zur Geschichte Luther's*. Gotha, 1883. Содержит письма Лютера и к Лютеру, собранные с большим тщанием в немецких и швейцарских архивах и библиотеках.

Дополнительные труды Лютера.

«Застольные речи» Лютера лучше всего в изд. AURIFABER, 1566, etc. (репринт в WALCH, vol. xxii); FÖRSTEMANN и BINDSEIL, Leipzig, 1844-48, 4 vols. (на нем.); BINDSEIL: *Martini Lutheri Colloquia, Latina, etc.*, Lemgoviae et Detmoldae, 1863-66, 3 vols.; и во Frankf. Erl. ed., vols. 57-62. CONR. CORDATUS: *Tagebuch über Dr. Luther geführt*, 1537, первое издание — Wrampelmeyer, Halle, 1885 (521 стр.). Последнее и лучшее изд. — НОРПЕ, St. Louis, 1887 (vol. xxii амер. изд., WALCH).

GEORG BUCHWALD: *Andreas Poach's handschriftl. Sammlung ungedruckter Predigten D. Martin Luthers aus den Jahren 1528 bis 1546. Aus dem Originale zum ersten Mal herausgegeben*. Leipzig, 1884, 3 vols. (Вышла только первая половина первого тома, 1884, и первая половина третьего тома, 1885; очень немного копий продано). Сборник рукописей Андреаса Поаха в публичной библиотеке Цвикау содержит девять томов проповедей Лютера (1528 — 1546). Это стенографические записи дьякона Георга Рёрера из Виттенберга (рукоположен Лютером в 1525, ум. в Халле в 1557), который конспектировал немецкие проповеди Лютера на латыни, сохраняя, однако, ряд немецких слов и выражений, так что получилась довольно странная смесь.

P. TSCHACKERT: *Unbekannte Predigten u. Scholien Luthers*, Berlin, 1888. Рукописи проповедей с 23 октября 1519 г. по 2 апреля 1521 г., обнаруженные в университетской библиотеке Кенигсберга. Они будут опубликованы в веймарском издании.

II. БИОГРАФИИ ЛЮТЕРА

1) Написанные его современниками.

Меланхтон написал *Vita Lutheri*, краткий, но веский очерк (1546), который часто издают, на немецкий его перевел Matthias Ritter (1555) вместе с лекцией Меланхтона о смерти Лютера для студентов и надгробными речами Бугенгагена и Крузигера (157 стр.); новый перевод — Zimmermann, автор предисловия — G. J. Planck, Göttingen, 1813; оригинал издан в *Vitae quatuor Reformatorum., Lutheri a Melancthone, Melancthonis a Camerario, Zwinglii a Myconio, Calvini a Beza*, предисловие — NEANDER, Berlin, 1841. Юст Ионас рассказывает о последней болезни и смерти Лютера как очевидец (1546). МАТЕЗИЙ (ученик и друг Лютера, ум. в 1561) подготовил 17 проповедей о жизни Лютера, впервые опубликованных в 1565 г., потом часто переиздававшихся, хотя в основном в сокращенной форме, например, популярное иллюстрированное издание с предисловием G. H. v. SCHUBERT, Stuttgart, 1846; юбилейное издание — St. Louis and Dresden, 1883. ЖОН. СОСНЛАЕУС, католик и противник Лютера, написал *Commentaria de actis et scriptis Martini Lutheri Saxonis, chronographica*,

ex ordine ab anno Dom. 1517 usque ad annum 1546 (включительно), *fideliter conscripta*. Maeyence, 1549 fol.

2) Более поздние биографии, до 1875 г. (лучшие отмечены звездочками).

*WALCH (в его издании трудов Лютера, vol. XXIV, pp. 3-875); KEIL (4 parts, 1 vol., Leipzig, 1764); SCHRÖCKH (Leipzig., 1778); UKERT (Gotha, 2 vols., 1817); PFIZER (Stuttgart, 1836); STANG (с иллюстрациями, Stuttgart., 1836); JAEKEL (Leipzig., 1841; новое издание, Elberfeld, 1871); *MEURER (Dresden, 1843-46, 3 vols. с иллюстрациями, сокращение в одном томе — 1850, 3^d ed., 1870, в основном с собственных слов Лютера); *JUERGENS (Leipzig., 1846-47, 3 vols., до 1517 г., очень тщательная, но незавершенная); J. M. AUDIN (католик, *Hist. de la vie, des ouvrages et des doctrines de M. Luth.*, Paris, 1839, 7th ed., *revue et corrigée*, 1856, 3 vols. — скопище клеветнических измышлений; также на немецком и на английском)¹¹³; *M. MICHELET (*Mémoires de L., écrits par lui-même, traduits et mis en ordre*, Paris, 1835, также Brussels, 1845, 2 vols.; лучшая биография на французском; англ. перев. Hazlitt, London, 1846, и G. H. Smith, London and N. Y., 1846)¹¹⁴; LEDDERHOSE (Karlsruhe, 3^d ed., 1883; франц. перев. первого издания, Strassburg, 1837); GENTHE (Leipzig., 1842, с семнадцатью гравюрами по металлу); WESTERMANN (Halle, 1845); WEYDMANN (*Luther, ein Charakter und Spiegelbild für unsere Zeit*, Hamburg, 1850); B. SEARS (на англ., изд. Американским союзом воскресных школ, Philada., 1850, с особым вниманием к юности Лютера); JGN. DÖLLINGER (католик, *Luther, eine Skizze*, Freiburg i. B., 1851); KÖNIG и GELZER (48 качественных иллюстраций, Hamb. u. Gotha, 1851; англ. изд. с переводом текста архидиаконом HARE и SATN. WINKWORTH, Lond. and N. Y., 1856); *JUL. HARE (*Vindication of Luther against his English Assailants*, впервые опубликовано как примечание в его *The Mission of the Comforter*, London, 1846, vol. II, 656-878, потом отдельно, 2^d ed., 1855, лучшая английская оценка Лютера); H. WOERSLEY (*Life of Luther*, London, 1856, 2 vols.); WILDENHAHN (Leipzig., 1861); MÜLLER (Nürnberg, 1867); HENKE (*Luther u. Melancthon*, Marburg, 1867); H. W. J. THIERSCH (*Luther, Gustav Adolf und Maximilian I von Bayern*, Nördlingen, 1869, pp. 3-66); VILMAR (*Luther, Melancthon und Zwingli*, Frankf. a. M., 1869); H. LANG (Berlin, 1870, рационалистический подход); ACKERMANN (Jena, 1871); GASPARI (Leipzig., 1870, *Luther et la réforme ait XVe siècle*, Paris, 1873); SCHAFF (очерк в Appleton, «Cyclopaedia», 1858, пересм. в 1874); RIETSCHEL (*Martin Luther und Ignatius Loyola*, Wittenberg, 1879).

3) Недавние биографии, опубликованные после 1875 г.

JUL. KOESTLIN (Elberfeld, 1875, 2 vols., 2^d ed. пересм. в 1883; 3^d ed. без изменений; в целом — лучшая биография на немецком; также сокращенное издание для популярного использо-

¹¹³ Оден написал также биографии Кальвина, Генриха VIII и Льва X (опубликованные между 1839 и 1847 г.) с той же самой французской живостью и католической враждебностью, однако автор, не понимая Лютера как протестанта и реформатора, хотя бы пытается отдать ему должное как человеку и гению. Он говорит (III, 380): «Лютер — великий предвестник реформ. Он обладал почти всеми талантами оратора: неисощимой плодотворностью мыслей, воображением, готовым воспринимать и порождать впечатления, невероятным богатством и тонкостью стиля. Голос у него был ясный и звучный, глаза горели огнем, античный профиль, широкая грудь, редкой красоты руки, жесты выразительные и богатые... Это был одновременно Рабле и Монтень. На Рабле он походил ироничностью стиля, на Монтеня — выражениями, словно отчеканенными или высеченными резцом». Автор седьмого издания во вступительном слове (р. xviii) утверждает, будто биографии Одена нанесли Реформации «смертельный удар», завершив дело «Истории изменений...» Боссюэ. Тем не менее протестантизм по-прежнему жив даже в католической и безбожной Франции.

¹¹⁴ Мишле позволяет Лютеру самому рассказывать свою историю, насколько это возможно, и сравнивает ее с «Исповедью» Августина и Руссо, которые она объединяет. «У святого Августина, — говорит он (I, 6), — страсть, природа, человеческая индивидуальность проявлялись лишь для того, чтобы стать бессмертными по Божьей благодати. Это история духовного кризиса, возрождения, *Vita nuova*. Святой постеснялся бы сильнее раскрывать перед нами ту другую жизнь, которую он покинул. У Руссо же все наоборот: речь идет уже не о благодати; природа правит всем, она побеждает, она выставляется напоказ; иногда это даже вызывает отвращение. А Лютер представил нам не равновесие между благодатью и природой, но их самую отчаянную схватку. Другим людям тоже приходилось переживать борьбу с чувственностью, искушения и сомнения. Паскаль явно с этим сталкивался. Он подавил эти чувства и от этого умер. А Лютер ничего не скрывал, он не смог сдержаться. Он погрузился в себя, чтобы изучить глубокую рану нашей природы. И может быть, это единственный человек, который смог как следует изучить эту ужасную анатомию».

вания, с 64 иллюстрациями, 3^d ed., 1883. Англ. перев. издан небольшим тиражом, анонимный переводчик, с санкции автора, Lond. and N. Y., 1883; другой перевод — Morris, Philad., 1883; см. также ст. Кестлина *Luther* в Herzog, 2^d ed., vol. IX; его *Festschrift*, 1883, в нескольких изданиях, перев. Eliz. P. Weir: *Martin Luther the Reformer*, London, 1883; и его полемический трактат: *Luther und Janssen, der Deutsche Reformator und ein ultramontaner Historiker*, Halle, 3^d ed., 1883; V. HASAK (КАТОЛИК, Regensb., 1881); REIN (Leipz., 1883, англ. перев. Behringer, N. Y., 1883); ROGGE, (Leipz., 1883); *PLITT и PETERSEN (Leipzig, 1883); *MAX LENZ (2nd ed., Berlin, 1883); P. KUHN (*Luther, sa vie et son oeuvre*, Paris, 3 vols.); C. BURK (4th ed., Stuttg., 1884); *Th. KOLDE (*M. Luther*, Gotha, 1884, 2 vols.); J. A. FROUDE (*Luther, a Short Biography*, Lond. and N. Y., 1883); JOHN RAE (*M. Luth.*, Lond., 1884); PAUL MARTIN, т. е. М. RADE из Шенбаха (*Dr. M. Luther's Leben*, etc., Neusalza, 1885-87, 3 vols.); PETER BAYNE: *M. Luth.: his Life and Times* (Lond. and N. Y., 1887, 2 vols.).

О жене Лютера и его личной жизни: W. BESTE: *Die Gesch. Catherina's von Bora*. Halle, 1843 (131 стр.). G. HOFMANN: *Katharina von Bora, oder M. L. als Gatte, und Vater*. Leipzig, 1846. JOHN G. MORRIS: *Life of Cath. von Bora*, Baltimore, 1856. MOR. MEURER: *Katherina Luther geborne von Bora*. Dresden, 1854; 2^d ed., Leipzig, 1873.

III. БОГОСЛОВИЕ ЛЮТЕРА

W. BESTE: *Dr. M. Luther's Glaubenslehre*. Halle, 1845 (286 стр.). THEODOS. HARNACK (старший): *L.'s Theologie*, Bd. I. Erlang., 1862, Bd. II, 1886. *JUL. KOESTLIN: *L.'s Theologie*. Stuttg., 1863, 2^d ed., 1883, 2 vols. Его же: *Luther's Lehre von der Kirche*, 1853, новое издание, Gotha, 1868. CH. H. WEISSE; *Die Christologie Luthers*, Leipz., 1852 (253 стр.). LUTHARDT: *Die Ethik Luthers*, Leipz., 1867, 2^d ed., 1875. LOMMATZSCH: *Luther's Lehre von ethisch-relig. Standpunkt aus*, Berlin, 1879). H. C. MOENCKEBERG: *Luther's Lehre von der Kirche*. Hamburg, 1870. HERING: *Die Mystik Luther's*. Leipz., 1879. KATTENBUSCH: *Luther's Stellung z. den ökumenischen Symbolen*. Giessen, 1883.

IV. ЛЮТЕР КАК ПЕРЕВОДЧИК БИБЛИИ

G. W. PANZER: *Entwurf einer vollständigen Gesch. der deutschen Bibelübers.* Dr. M. Luther's von 1517 — 1581. Nürnberg, 1783. H. SCHOTT: *Gesch. der teutschen Bibelübers.* Dr. M. Luther's. Leipz., 1835. BINDSEIL: *Verzeichniss der Original-Ausgaben der Luther. Uebersetzung der Bibel*. Halle, 1841. MOENCKEBERG и FROMMANN: *Vorschläge zur Revision von M. L.'s Bibelübers.* Halle, 1861-62. THEOD. SCHOTT: *Martin Luther und die deutsche Bibel*. Stuttgart, 1883. E. RIEHM (профессор в Халле, один из авторов пересм. перев. Библии Лютера): *Luther als Bibelübersetzer*. Gotta. 1884. См. также *Probibibel* 1883 (официальное пересмотренное издание перевода Лютера), а также многочисленные памфлеты за и против него.

V. ЛЮТЕР КАК ПРОПОВЕДНИК

E. JONAS: *Die Kanzelberedtsamkeit Luther's*. Berlin, 1852 (515 стр.). Лучшее издание его проповедей — G. SCHLOSSER: *Dr. Martin Luther's Evangelien-Predigten auf alle Sonn- und Festtage des Kirchenjahres aus seiner Haus- und Kirchenpostille*, Frankfurt a. M., 1883; 4th ed., 1885.

VI. ЛЮТЕР КАК ПОЭТ И МУЗЫКАНТ

A. J. RAMBACH: *Luther's Verdienst um den Kirchengesang*. Hamburg, 1813. AUG. GEBAUER: *Martin Luther und seine Zeitgenossen als Kirchenliederdichter*. Leipzig, 1828 (212 стр.). C. VON WINTERFELD: *Dr. M. Luth. deutsche geistliche Lieder nebst den während seines Lebens dazu gebräuchlichen Stimmweisen*. Leipzig, 1840 (132 стр., 4vo). B. PICK: *Luther as a Hymnist*, Philad., 1875; *Ein feste Burg* (на 21 языке), Chicago, 1883. BACON и ALLEN: *The Hymns of Martin Luther with his original Tunes*. на нем. и англ., N. Y., 1883. ДОКТОР DANNEIL: *Luther's Geistliche Lieder nach seinen drei Gesangbüchern* von 1524, 1529, 1545. Frankfurt a. M., 1883. E. ACHELIS: *Die Entstehungszeit v. Luther's geistl. Liedern*. Marburg, 1884.

VII. ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЛЮТЕРА

JOHN G. MORRIS: *Quaint Sayings and Doings concerning Luther*. Philadelphia, 1857. TUZSCHMANN: *Luther in Worms*. Darmstadt, 1860. KOEHLER: *Luther's Reisen*. Eisenach, 1872. W. J. MANN и С. P. KRAUTH: *The Great Reformation and the Ninety-five Theses*. Philad., 1873. ZITZLAFF. *L. auf der Koburg*. Wittenberg, 1882. KOLDE. *L. auf dem Reichstag zu Worms*. Halle, 1883. GLOCK: *Grundriss der Pädagogik Luther's*. Karlsruhe, 1883.

VIII. РЕЧИ 1883 И 1884 г.

Festschriften zur 400 jährigen Jubelfeier der Geburt Dr. Martin Luther's, herausgegeben vom königl. Prediger-Seminar in Wittenberg. Wittenberg, 1883. (Обращения докторов SCHMIEDER, RIETSCHEL и других). P. KLEINERT: *L. im Verhältniss zur Wissenschaft* (академическое выступление). Berlin, 1883 (35 стр.). Ed. REUSS: *Akad. Festrede zur Lutherfeier.* Strassburg, 1883. Th. BRIEGER: *Neue Mittheilungen über Luther in Worms.* Marburg, 1883, и *Luther und sein Werk.* Marb., 1883. Ad. HARNACK: *M. Luther in seiner Bedeutung für die Gesch. der Wissenschaft und der Bildung.* Giessen, 1883 (30 стр.). *Vid Upsala Universitets Luthersfest, den 10 Nov., 1883,* вместе с речью К. H. GEZ. VON SCHEELE (профессор богословия в Упсале, назначен епископом Висби в Готландии, 1885). Upsala, 1883. G. N. BONWETSCH: *Unser Reformator Martin Luther.* Dorpat, 1883. APPENZELLER, RUETSCHI, OETTLI и другие: *Die Lutherfeier in Bern.* Bern, 1883. Проф. SALMOND (из Абердина): *Martin Luther.* Edinburgh, 1883. J. M. LINDSAY: *M. Luther,* 9th ed. «Encyclop. Brit.», vol. XV (1883), 71-84. JEAN MONOD: *Luther j'usqu'en 1520.* Montauban, 1883. J. B. BITTINGER: *M. Luth.* Cleveland, 1883. E. J. WOLF и другие: *Addresses on the Reformation.* Gettysburg, 1884. *Luther Document* (No. XVII) Американского евангельского альянса, с обращениями преподобных докторов Wm. M. TAYLOR и PHILLIPS BROOKS. N. Y., 1883. *Symposiac on Luther,* семь речей семи профессоров Богословской семинарии Союза, Нью-Йорк, 19 ноября 1883 г. Jos. A. SEISS: *Luther and the Reformation* (выразительная памятная речь, произнесенная в Филадельфии и Нью-Йорке). Philad., 1884. S. M. DEUTSCH: *Luther's These vom Jahr 1519 über die päpstliche Gewalt.* Berlin, 1884. H. CREMER: *Reformation und Wissenschaft.* Gotha, 1883.

IX. НАПАДКИ КАТОЛИКОВ

Празднства в честь Лютера породили не только бесконечное количество протестантских прославлений, но и множество католических осуждений Лютера и Реформации. Наиболее талантливые труды подобного рода: JANSSEN (трактаты в защиту его знаменитой «Истории Германии», о которых мы говорили в §15), G. G. EVERS, бывший лютеранский пастор (*Katholisch oder protestantisch?* Hildesheim, 4th ed., 1883; *Martin Luther's Anfänge,* Osnabrück, 3^d ed., 1884; *Martin Luther,* Mainz, 1883 sqq., в нескольких томах), WESTERMAYER (*Luther's Werk im Jahr 1883*), GERMANUS, HERRMANN, ROETTSCHEER, DASBACH, ROEM, LEOGAST и т. д. См. «Historisch-politische Blätter», Мюнхен, и «Germania», Берлин, 1883 и 1884 (главные католические издания в Германии), и протестантский обзор этих произведений, WILH. WALTHER: *Luther in neusten römischen Gericht.* Halle, 1884 (166 стр.).

§18. Юность и воспитание Лютера

Чтобы понять дух и историю немецкой Реформации, мы должны сначала рассмотреть личную историю монаха, который потряс мир до оснований из своего уединенного кабинета в Виттенберге и заставил папу и императора трепетать от силы своего слова.

Все реформаторы, как апостолы и евангелисты, были людьми скромного происхождения, и это доказывает, что Божий Дух, действующий через Свои избранные орудия, сильнее армий и флотов. Но они были наделены исключительными талантами и энергией, подготовлены Провидением к этому делу. Им помогало также благоприятное стечение обстоятельств, без которого они не смогли бы закончить свой труд. Они сделали Реформацию, а Реформация создала их.

Лютер — первый из всех реформаторов. Он так тесно связан с немецкой Реформацией, что они просто не имеют значения друг без друга. Его собственная история — это история формирования церкви, которая по справедливости носит его имя и является воплощением и продолжением его гения. Ни один другой реформатор не дал своего имени церкви, которую преобразил, и не оказывал такого влияния на ее историю. Мы не станем здесь обсуждать плюсы и минусы этой характерной особенности лютеранства, а только отметим сам факт.

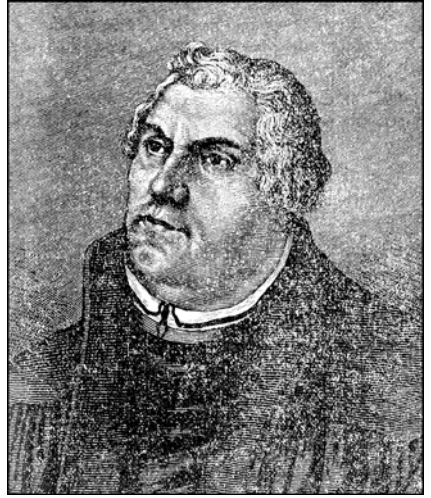
Мартин Лютер родился 10 ноября 1483 г., за час до полуночи, в Эйслебене, в Прусской Саксонии, и умер там же 18 февраля 1546 г.¹¹⁵

На следующий день он был крещен и получил имя святого, праздник которого приходился на тот день.

Его родители перебрались в город недавно¹¹⁶ из родной Мёры, близ Эйзенаха в Тюрингии, где Бонифаций впервые проповедовал германцам Евангелие. Через шесть месяцев после рождения Лютера они осели в Мансфельде, столице богатого шахтерского района в горах Гарца, который делит с тюрингскими лесами почетное звание родины Лютера. Эти очень бедные, но честные, работающие и благочестивые люди происходили из необразованных низших слоев общества.

Лютер никогда не стыдился своего скромного сельского происхождения. Он с гордостью говорил Меланхтону: «Я — сын крестьянина; мой отец, дед, все мои предки были настоящими крестьянами»¹¹⁷. Его матери приходилось носить хворост из леса на спине. Отец и мать, как он говорит, «стерли мясо до костей, работая», чтобы вырастить семерых детей (у его было три младших брата и три сестры). Позже его отец, став шахтером, приобрел кое-какое имущество и оставил после смерти 1250 гульденов (гульден в ту пору стоил около 16 марок, или 4 доллара)¹¹⁸.

Юность Лютера была трудной, без светлых воспоминаний. Воспитывали его строго. Когда он стащил какой-то маленький орех, мать била его до крови. Отец однажды высек его так жестоко, что он убежал и какое-то время злился¹¹⁹; но

ЛЮТЕР. (С портрета Кранаха в городской церкви Веймара.)

¹¹⁵ Имя его писали по-разному: *Luder, Ludher, Lutter, Luttherr, Luther*. Да и сам он использовал разные варианты написания. В своей первой книге, о псалмах покаяния (1517), он подписал предисловие *Martinus Luder*, но вскоре после этого стал пользоваться написанием *Luther*. В записях Эрфуртского университета он фигурирует как *Ludher*, в виттенбергских записках сначала — как *Luder* и *Lüder*. Он считал, что его имя происходит от *lauter*, «ясный», потом — от *Lothar*, что значит *laut (hlut)*, «знаменитый», по другим вариантам — *Leutherr*, т. е. *Herr der Leute*, «господин народа». См. *Erfurter Matrikel; Album Acad. Viteberg.*, и *Lib. Decanorum facultatis theol. Acad. Viteb.* ed. Förstemann; Walch, *L.'s Werke*, I, 46 sqq.; Jürgens I, 11-13; Кнааке, в «*Zeitschr. f. hist. Theol.*», 1872, p. 465; Köstlin, *Mart. Luther*, I. 21 (2^d ed., 1883). Дата рождения Лютера основана на свидетельстве его брата Якоба, а его мать помнила день и час, но не год. Melanchthon, *Vita Luth.*, 2; Köstlin, I. 25, 776.

¹¹⁶ История о том, что они ездили на ярмарку в Эйзенах, не может быть доказана.

¹¹⁷ *Ich bin eines Bauern Sohn; mein Vater, Grossvater, Ahnherr sind rechte Bauern gewest. Darauf ist mein Vater gen Mansfeld gezogen und ein Berghauer worden: daher bin ich.* Матезий мудро замечает по поводу скромного происхождения Лютера: *Wass gross soll werden, muss klein angehen; und wenn die Kinder zärtlich und herrlich erzogen werden, schadet es ihnen ihr Leben lang.*

¹¹⁸ Köstlin, I, 26; II, 498. В своей небольшой биографии (стр. 6-7, англ. изд.) Кестлин описывает Ганса и Маргариту Лютер. Лютер был поразительно похож на свою мать, которую Меланхтон называет скромной, богобоязненной и верующей женщиной. Ее девичья фамилия была Циглер (а не Линдемманн, как обычно пишут). Говорили, что отец Лютера бежал из Мёры, спасаясь от суда, когда убил некоего крестьянина в порыве гнева, но это предание основано только на свидетельстве J. Wicel (*Epist. libri quatuor*, Lips., 1537), который отошел от протестантизма. Кестлин не верит в эту историю (I, 24). Янссен сомневается в ней (II, 66).

¹¹⁹ *Table Talk* (Erl. Frkf. ed., LXI. 213): *Man soll die Kinder nicht zu hart stäupen; denn mein Vater stäupet mich einmal so sehr, dass ich ihn flohe und ward ihm gram, bis er mich wieder zu ihm gewöhnete.*

Лютер понимал, что намерения у них добрые, и относился к ним с любовью, хотя они и не умели, как он говорил, учитывать *ingenia* {таланты}, к которым следует приспособлять воспитание. Дома его приучали молиться Богу и святым, чтить церковь и священников. Ему рассказывали ужасные истории о дьяволе и ведьмах, которые затем всю жизнь увлекали его воображение.

В школе дисциплина также была суровой и палка занимала место доброго увещания. Он вспоминал, как однажды утром его наказывали не менее пятнадцати раз. Но у него остались и приятные воспоминания. Он узнал катехизис, то есть символ веры, молитву Господню, десять заповедей, несколько латинских и немецких гимнов. Он хранил в памяти мудрые народные пословицы и легендарные сведения о Дитрихе Бернском, Уленшпигеле и Маркольфе.

Начальное образование он получил в школах Мансфельда, Магдебурга и Эйзенаха. В четырнадцатилетнем возрасте ему уже пришлось зарабатывать на жизнь пением на улицах.

Фрау Урсула Котта, жена богатейшего торговца Эйзенаха, вошла в историю, проявив благосклонный интерес к бедному студенту. Она пригласила его к своему столу «за душевное пение и молитву» и с первого взгляда показалась ему женщиной образованной и утонченной. Она умерла в 1511 г., но он поддерживал знакомство с ее сыновьями и принимал одного из них, учившегося в Виттенберге. От нее он услышал слова: «Нет в этом мире вещи дороже, чем любовь женщины»¹²⁰.

Трудности юных лет Лютера и недостаток утонченного воспитания отразились на его произведениях и высказываниях. Они ограничили его влияние на высшие, образованные круги общества, но увеличили его популярность среди средних и низших классов. Он был человеком из народа и жил для народа. Он был абсолютно земным, но его дерзновенный взор был устремлен на небеса. Он был не граненым бриллиантом, а грубым куском гранита, пригодным для того, чтобы стать мощным фундаментом. Он заложил основу, тогда как другие построили здание.

§19. Лютер в Эрфуртском университете

В восемнадцать лет, в 1501 г., он поступил под именем *Martinus Ludher ex Mansfeld* в Эрфуртский университет, основанный веком ранее (1392) и ставший к тому моменту одним из лучших в Германии¹²¹. Отец уже был в состоянии помогать ему, так что он был свободен от материальных забот и сумел приобрести небольшую библиотеку.

Изучал он в основном схоластическую философию, а именно: логику, риторику, физику и метафизику. Его любимым преподавателям был Трутветтер, называемый *Doctor Erfordiensis*¹²². К тому моменту уже ушли в прошлое дни расцвета

¹²⁰ Он говорит в своих «Застольных речах»: *Darumb sagte meine Wirthin zu Eisenach recht, als ich daselbst in die Schule ging:*

Es ist kein lieber Ding auf Erden

Als Frauenlieb', wem sie mag werden.

См. *Works*, Erl. Frkf. ed., LXI, 212; Jürgens, I, 281 sqq.; Kolde, I, 36; Janssen, II, 67. Об отношениях Лютера с этой замечательной женщиной был написан поучительный религиозный роман — Eliz. Charles: *Chronicles of the Schönberg-Cotta Family. By two of themselves.* London and New York (M. W. Dodd), 1864. Дневник вымышлен.

¹²¹ См. описание в Jürgens, I, 351 sqq.; и Kampschulte, *Die Universität Erfurt in ihrem Verh. z. Humanismus u. Reformation*, Trier, 1358 (в двух частях). Университет был закрыт в 1816 г.

схоластики, когда почтенные соборы схоластической мысли, возведенные в XIII веке, поддерживали традиционную веру церкви. Их сменило время бесплодных споров о реализме и номинализме и о том, являются общие идеи (*universalia*) объективной реальностью или же они обладают только номинальным, субъективным существованием в человеческом разуме. Номинализм в ту пору преобладал.

С другой стороны, по всей Европе возрождались гуманитарные науки, открывшие новый путь для развития интеллектуальной культуры и свободы мысли. Первая греческая книга, набранная греческим шрифтом (грамматика), опубликованная в Германии, вышла в Эрфурте. Иоганн Крот Рубиан (Егер), который учился там с 1498 г. и стал ректором университета в 1520 — 1521 г., был одним из лидеров гуманизма, главным автором первой части знаменитой антимонашеской *Epistolae obscurorum virorum* (1515). Сначала он был близким другом Гуттена и Лютера. Он приветствовал Лютера на пути в Вормс (1521) как человека, который «первым за многие века осмелился бороться с римской распущенностью с помощью меча Писания». Позже Рубиан отпал от Реформации (1531) и яростно критиковал ее¹²³.

Лютер не пренебрегал изучением античных классиков, особенно Цицерона, Вергилия, Плавта и Ливия¹²⁴. Он достаточно хорошо овладел латынью, чтобы писать на ней ясно и выразительно, но не элегантно и утонченно. Знание греческого он приобрел позже, когда был профессором в Виттенберге. В плане классического образования он никогда не достигал высот Эразма и Меланхтона, Кальвина и Безы, но в плане оригинальности мыслей и владения родным языком ему не было равных. Он всегда отводил языку роль ножен для меча Духа.

С юности Лютер занимался не только литературой, но и музыкой. Он пел и довольно бегло играл на лютне. Он был не только богословом, но поэтом и музыкантом. Он ценил музыку как благородный Божий дар, лекарство от печали и дурных мыслей, действенное оружие против нападок дьявола. Его поэтический дар проявился в его классических гимнах. Он был остроумен и обладал прекрасным чувством юмора.

В моральном отношении он был безупречен. Никто не осмеливался чернить его репутацию, пока не начались богословские споры в связи с Реформацией. Он регулярно ходил на мессу и ежедневно молился, как образцовый католик. Он вел ученые изыскания под лозунгом: хорошая молитва — половина исследования. Он был ревностным поклонником Девы Марии.

На двадцатом году жизни, впервые увидев полную (латинскую) Библию в университетской библиотеке, он поразился и обрадовался, что она содержит намного больше того, что читали и объясняли в церквях¹²⁵. На глаза ему попала история Самуила и его матери, и он прочитал ее с удовольствием. Но систематически изучать Библию он начал только тогда, когда вступил в монастырь, и увидел он в ней не Бога любви и милосердия, а, скорее, Бога праведности и гнева. Лютера весьма беспокоило его личное спасение. Он предавался мрачным раз-

¹²² См. Kampschulte, l. c., I, 43 sqq., и G. Plitt, *Jodocus Truttvetter, der Lehrer Luthers*, 1876.

¹²³ Jürgens, I, 449; Kampschulte, *De Johanne Croto Rubiano*, 1862.

¹²⁴ O. G. Schmidt, *Luther's Bekanntschaft mit den alten Classikern*, 1883.

¹²⁵ *Da ich zwanzig Jahre alt war, hatte ich noch keine Bibel gesehen; ich meinte, es wären kein Evangelien und Episteln mehr, denn die in den Postillen sind* (*Werke*, Erl. ed., LX, 255). Отчасти он сам был в этом виноват, потому что несколько изданий латинской Вульгаты и немецкой Библии вышли еще до 1500 г.

мышлениям о своем греховном состоянии. Однажды он серьезно заболел и был охвачен отчаянием, но один старый священник утешил его, сказав: «Дорогой мой бакалавр, приободришься. Ты не умрешь от этой болезни. Бог сделает тебя великим человеком на утешение многим».

В 1502 г. Лютер стал бакалавром искусств, в 1505 — магистром искусств. Эту степень, которая соответствует в Германии современной степени доктора философии, вручали с большой торжественностью. «Каким величественным и великолепным, — говорит Лютер, — был тот момент, когда человек получал степень магистра и перед ним несли факелы! Я думаю, никакая мирская радость не сравнится с этой». Весь университет поражался его таланту и достижениям.

Следуя амбициозным желаниям своего отца, Лютер начал готовиться к карьере юриста, и отец подарил ему экземпляр *Corpus juris*. Но ему самому больше нравилось богословие, и Провидение открыло ему новую дорогу.

§20. Обращение Лютера

Летом 1505 г. Лютер вступил в августинский монастырь в Эрфурте и стал монахом — как он считал, на всю жизнь. Об обстоятельствах, которые привели к этому внезапному решению, мы узнаём из его фрагментарных высказываний, приукрашенных легендарным преданием.

Его потрясла безвременная смерть друга (позже друг будет назван Алексием), который был либо убит на дуэли¹²⁶, либо поражен молнией на глазах у Лютера. Вскоре после этого, 2 июля 1505 г., за две недели до принятия внезапного решения, его застигла сильная буря близ Эрфурта, когда он возвращался от родителей. Он был так напуган, что упал на землю и воскликнул, дрожа: «Помоги, возлюбленная святая Анна! Я стану монахом!» Его друг Крот Рубиан (который потом станет противником Реформации) проводит неуместное сравнение между этим событием и обращением апостола Павла по дороге в Дамаск¹²⁷. Однако Лютер был христианином и до того, как стал монахом.

16 июля он собрал своих друзей, которые напрасно пытались его отговорить, еще раз спел вместе с ними и попрощался. На следующий день они проводили его со слезами до ворот монастыря. Единственными книгами, которые он взял с собой, были латинские поэты Вергилий и Плавт.

Его отец чуть не сошел с ума, услышав такую новость. Сам Лютер говорил в более поздние годы, что принял монашеский обет из страха перед смертью и грядущим судом, но он никогда не сомневался, что именно такова была Божья воля: «Я никогда не думал о том, чтобы оставить монастырь. Я совершенно умер для мира, пока Бог не решил, что время настало».

Эта великая перемена не имела ничего общего с протестантизмом Лютера. Это был просто переход от светской жизни к религиозной — подобный переходу святого Бернара и тысяч католических монахов до и после Лютера. Он никогда не был неверующим и грешником. Он был благочестивым католиком с юных лет, но сейчас его переполнило ощущение суетности земного мира и чрезвычайной

¹²⁶ Mathesius: *da ihm ein guter Gesell erstochen ward.*

¹²⁷ В послании Рубиана к Лютеру из Болоньи, ноябрь 1519 г.: *Perge, ut coepisti, relinque exemplum posteris. Nam ista facis non sine numine divum. Ad haec respexit divina providentia, cum te redeuntem a parentibus coeleste fulmen veluti alterum Paulum ante oppidum Erfurdianum in terram prostravit, atque inter Augustiana septa compulit e nostro consortio* (Döllinger, I. 139).

важности спасения души, которая, согласно представлениям той эпохи, обретала наибольшую безопасность именно в монастырском затворничестве.

Позже Лютер пережил второе обращение — от монашеского и законнического благочестия средневекового католичества к евангельскому благочестию протестантизма, когда он пробудился к тому, чтобы познавать оправдание безвозмездной благодатью в своей жизни через одну только веру.

§21. Лютер как монах

Августинский монастырь в Эрфурте стал колыбелью лютеранской Реформации. Надо воздать должное монашеству. Оно, подобно закону Израиля, стало полноценной школой дисциплины и подготовкой к евангельской свободе. Эразм без охоты провел пять лет в монастыре, а после ухода оттуда высмеивал монашество, используя иронию и сарказм как оружие. Лютер же был монахом по выбору и убеждению, поэтому он более подходил для того, чтобы позже отвергнуть монашество, делая это на основании собственного опыта. Он последовал по стопам апостола Павла, который из образцового фарисея превратился в сильнейшего противника иудейского формализма.

Если когда-либо существовал хоть один искренний, честный, сознательный монах, то это был Мартин Лютер. Его единственным побуждением была забота о спасении. Ради этой высшей цели он пожертвовал славнейшими перспективами в жизни. Он был мертв для мира и хотел быть похороненным для людей, чтобы получить жизнь вечную. Будущие оппоненты, знавшие его в монастыре, не могли ни в чем его обвинить, кроме некоторой гордости и духа противоречия, да и сам он жаловался на искушение, побуждавшее его впадать в гнев и зависть¹²⁸.

Орден, в который он вступил, не случайно носил уважаемое имя величайшего латинского отца церкви, который, после апостола Павла, был для Лютера главным учителем богословия и веры. Но было бы ошибкой полагать, что данный орден поддерживал антипелагианские или евангельские взгляды северо-африканского отца церкви. Напротив, орден был сугубо католическим по учению, ревностно поклонялся Деве Марии и повиновался папскому престолу, который даровал ему много особых привилегий.

Святой Августин после своего обращения провел несколько недель с друзьями в уединенном затворничестве в сельской местности недалеко от Тагаста, а после своего избрания священником в Гиппоне в 391 г. создал нечто вроде монастыря в саду, где настроенные так же, как и он, братья и ученики вели аскетический образ жизни, молились, размышляли и усердно изучали Писание. Но в то же время Августин в полной мере исполнял общественные обязанности проповедника, пастыря и вождя в богословских спорах и церковных делах своего времени.

Его пример стал вдохновением и послужил авторитетом для нескольких монашеских организаций, возникших в XIII веке. Папа Александр IV (1256) дал им так называемый устав святого Августина. Это были нищенствующие монахи, как доминиканцы, францисканцы и кармелиты. Они уделяли большое внимание проповеди. В прочих отношениях августинцы немногим отличались от других монашеских орденов. В начале XVI века у них было более ста поселений в Германии.

¹²⁸ Köstlin, I, 88 sq., 780.

Августинская община в Саксонии была основана в 1493 г. С 1503 г. ее возглавлял Иоганн фон Штаупиц, генеральный викарий в Германии и друг Лютера. Монастырь в Эрфурте был самым крупным и самым важным после нюрнбергского. Тамошних монахов уважали за ревностное отношение к проповеди, к пастырской заботе и к богословским исследованиям. Жили августинцы на милостыню, которую собирали сами в городе и прилегающей местности. Желающие вступить в общину проходили годовой испытательный срок, в течение которого могли изменить свое решение. Потом они давали пожизненные обеты безбрачия, бедности и повиновения начальству.

Братья приветствовали Лютера гимнами радости и молитвами. Он облекся в белую шерстяную рубаху, в честь пречистой Девы, в черную рясу с капюшоном и перепоясался кожаным поясом. Он брался за самые бесславные дела, чтобы подавить свою гордость: подметал пол, просил хлеба на улицах, без ропота выполнял аскетические упражнения. Он произносил по двадцать пять раз *Pater noster* и *Ave Maria* во время каждого из семи установленных расписанием часов молитвы. Он был предан Святой Деве и даже верил, как все августинцы и францисканцы, в ее непорочное зачатие, то есть в ее незапятнанность первородным грехом — принимая учение, которое отрицали доминиканцы и которое сделалось догматом католической веры только в 1854 г. Он регулярно, не реже раза в неделю, исповедовался в грехах перед священником. Тогда же ему, согласно новому уставу, разработанному Штаупицем, был выдан полный текст латинской Библии для изучения.

В конце испытательного срока Лютер торжественно обещал до самой смерти жить в бедности и целомудрии, согласно уставу святого отца Августина, слушаться Всемогущего Бога, Деву Марию и приора монастыря. Он лег на землю, раскинув руки крестообразно, и его окропили святой водой. Его приветствовал невинный, только что крещенный ребенок, и ему выделили отдельную келью со столом, постелью и стулом¹²⁹.

Последующие два года он занимался благочестивыми упражнениями и богословскими исследованиями. Он прилежно читал Писание и поздних схоластов — особенно Габриэля Биля, которого знал наизусть, и Уильяма Оккама, которого ценил за тонкость даже больше, чем Фому Аквината и Дунса Скота, хотя и не сочувствовал его скептическим тенденциям. Он признавал авторитет Аристотеля, которого позже осуждал и отвергал как «проклятого язычника»¹³⁰. Он вызывал восхищение братьев своим умением спорить по схоластическим вопросам.

Но по части надежды на избавление от греха и искушений внутри монастырских стен его ждало скорбное разочарование. Он не обрел покоя и отдыха в своих благочестивых занятиях. Чем большего он достигал внешне, тем острее ощущал внутреннее бремя греха. Ему приходилось сражаться с искушениями гнева, зависти, ненависти и гордости. Он видел грех во всем, даже в малейших просчетах. В Писании он читал об ужасах Божьего суда. Он не верил в Бога как в примирившегося с ним Отца, Бога любви и милосердия, но дрожал перед Ним как перед Богом гнева, перед «огнем всепожирающим». Он не мог забыть о словах: «Я

¹²⁹ Келья и ее убранный были уничтожены во время пожара (7 марта 1872 г.). Впоследствии келья восстановили, а в монастыре сейчас находится сиротский приют (*Martinsstift*).

¹³⁰ *Der vermaladeite Heide Aristoteles*. Отношение Лютера к схоластике и великому греческому философу вновь изменилось, когда, для поддержки своей теории о присутствии Христа в евхаристии, ему пришлось прибегнуть к схоластическому разграничению между разными видами присутствия. См. Fr. Aug. Berthold Nitzsch, *Luther und Aristoteles*. Kiel, 1883.

Господь, Бог твой, Бог ревнитель». Его исповедник однажды сказал ему: «Ты безумец. Бог не гневается на тебя. Это ты гневаешься на Бога». После он вспомнил эти слова уже как «великие и славные», но в тот момент они не произвели на него впечатления. Он не мог указать на какое-либо конкретное прегрешение. Грех как всепроникающая сила и порочный принцип, грех как извращение природы, грех как состояние отчуждения от Бога и враждебности к Богу беспокоил его как кошмар и иногда доводил до отчаяния.

Он прошел через конфликт между законом Божьим и законом греха, о чем писал Павел (Рим. 7), слова которого заканчиваются возгласом: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» Он еще не научился добавлять: «Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим... нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, а по духу, потому что закон жизни духа во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти».

§22. Лютер и Штаупиц

- I. Мистические произведения Штаупица частично переизданы КНААКЕ (*Johannis Staupitii Opera*. Potsdam, 1867, vol. I). Его *Nachfolge Christi* был впервые опубликован в 1515 г.; его книга *Von der Liebe Gottes* (которую особенно ценил Лютер) — в 1518 г. Она была издана несколько раз; переиздание — Liesching, Stuttgart, 1862. Его последний труд, *Von dem heiligen rechten christlichen Glauben*, вышел после его смерти, в 1525 г., и направлен против учения Лютера об оправдании верой без дел. Его двадцать четыре послания опубликованы КОЛДЕ: *Die Deutsche Augustiner Congregation und Johann von Staupitz*. Gotha, 1879, p. 435 sqq.
- II. О Лютере и Штаупице: GRIMM: *De Joh. Staupitio ejusque in sacr. instaur. meritis*, в Ilgen, «*Zeitschrift für Hist. Theol.*», 1837 (VII, 74-79). ULLMANN: *Die Reformatoren vor der Reformation*, vol. II, 256-284 (очень хороший труд, см. здесь список более древней литературы). DÖLLINGER: *Die Reformation*, I, 153-155. KAHNIS: *Deutsche Reformat.*, I, 150 sqq. ALBR. RITSCHL: *Die Lehre v. der Rechtfertigung und Versöhnung*, 2^d ed., I, 124-129 (о богословии Штаупица). MALLET: в HERZOG², XIV, 648-653. PAUL ZELLER: *Staupitz. Seine relig. dogmat. Anschauungen und dogmengesch. Stellung*, в «Theol. Studien und Kritiken», 1879. LUDWIG KELLER: *Johann von Staupitz, und das Waldenserthum*, в «Historische Taschenbuch», ed. W. Maurenbrecher, Leipzig, 1885, p. 117-167; также его *Johann von Staupitz und die Anfänge der Reformation*, Leipzig, 1888. Доктор Келлер связывает Штаупица с вальденсами и анабаптистами, но без доказательств. КОЛДЕ: *Joh. von Staup. ein Waldenser und Wiedertäufer*, в BRIEGER, «*Zeitschrift für Kirchengesch.*», Gotha, 1885, p. 426-447. ДИБЕК-НОФФ: *Die Theol. des Joh. v. Staup.*, Leipzig., 1887.

Когда Лютер переживал умственную и нравственную агонию, его утешал один старый монах (учивший новичков). Он указал Лютеру на догмат о прощении грехов из Апостольского символа веры, на слова Павла о том, что грешник оправдан благодатью через веру, и на беглое замечание святого Бернара по той же теме (в проповеди на Песнь песней).

Его лучшим другом и самым мудрым советником был Иоганн фон Штаупиц, доктор богословия и генеральный викарий августинских монастырей в Германии. Штаупиц был свободомыслящим, щедрым представителем саксонской знати. Это был человек значительной библейской и схоластической учености и глубокого благочестия. Его повсюду уважали, и курфюрст Фридрих Саксонский поручал ему важные миссии. Штаупиц принадлежал к школе практического мистицизма или католического пиегизма, лучшими представителями которой были Таулер и Фома Кемпийский. Он больше заботился о внутренней духовной жизни, чем о внешних проявлениях и соблюдении обрядов, и верил в заслуги Христа больше, чем в собственные добрые дела, находя во Христе твердое осно-

вание утешения и мира. Любовь Божья и подражание Христу были ведущими помыслами его богословия и благочестия. В своей самой популярной книге, «О любви Божьей»¹³¹, он описывает эту любовь как саму сущность Бога, которая все делает достойным любви и должна побуждать нас любить Его прежде всего другого. Однако этой любви человек не может научиться ни от человека, ни от закона, который дает нам только знание о грехе, ни от буквы Писания, которая убивает, — а только от Святого Духа, Который являет Божью любовь во Христе нашим сердцам и наполняет их святым пламенем благодарности и освящения. «Закон, — говорит он, — указывает на болезнь, но не может исцелить ее. Но за буквой скрывается дух. Старый закон несет в себе Христа, Который дает нам благодать любить Бога прежде всего. Для тех, кто находит Духа и кто приведен ко Христу законом, Писание становится источником назидания и утешения. Иудеи видели, слышали и осязали Христа, но Он не присутствовал в их сердцах, поэтому они вдвойне виновны. Есть и те, кто несет Христа только на устах. Главное же — иметь Его в сердце. Познание христианской веры и любви к Богу — это дары чистой благодати, которые выше нашего искусства и способностей, выше наших дел и заслуг».

Штаупиц был духовным отцом Лютера и «первым сделал так, что свет Евангелия засиял во тьме его сердца»¹³². Штаупиц направил внимание Лютера от его собственных грехов к заслугам Христа, от закона к кресту, от дел к вере, от схоластики к изучению Писания, святого Августина и Таулера. Штаупиц говорил Лютеру, что подлинное покаяние — не в своевольно налагаемых на себя покаянии и наказаниях, а в изменении состояния сердца, и оно должно проистекать из мыслей о жертве Христа, в которой была явлена тайна вечной Божьей воли. Штаупиц также пророчески уверял его, что в будущем Бог обратит эти его испытания и искушения на пользу церкви¹³³.

Штаупиц убедил Лютера стать священником (1507) и привел его в Виттенберг. Он убедил Лютера получить степень доктора богословия и проповедовать. Штаупиц разбудил в Лютере противодействие папству¹³⁴ и защищал Лютера перед кардиналом Каетаном. В 1518 г. Шерль приветствовал Лютера как человека, который выведет израильский народ из плена.

Но когда Лютер порвал с Римом, а Рим — с Лютером, отношения со Штаупицем стали более прохладными. Штаупицу было дорого единство Католической церкви. Крайности Реформации пугали и отталкивали его. В письме от 1 апреля 1524 г.¹³⁵ он просит у Лютера прощения за долгое молчание и в завершение говорит: «Да поможет Христос нам *жить* в соответствии с Его Евангелием, кото-

¹³¹ Она была издана трижды между 1518 и 1520 г. См. Кнааке, I, 86 sq. Келлер говорит, что ее часто переиздавали анабаптисты, которых он считает наследниками средневековых вальденсов или «братьев».

¹³² *Per quem primum coepit Evangelii lux de tenebris splendescere in cordibus nostris*. Это пишет Лютер в своем послании к Штаупицу от 17 сентября 1518 г. (De Wette, II, 408 sq.), где обращается к нему как к *reverendus in Christo pater*, а себя называет *filius tuus Martinus Lutherus*.

¹³³ В утешительном послании к Иерониму Веллеру от 6 ноября 1530 г. (De Wette, IV, 187) Лютер говорит, что, одолаваемый в монастыре печалью и скорбью, он советовался со Штаупицем и открыл ему свои *horrendas et terrificas cogitationes*, на что тот ответил: *Nescis Martine, quam tibi illa tenatio sit utilis et necessaria. Non enim temere te sic exercet Deus, videbis, quod ad res magnas gerendas te ministro utetur*.

¹³⁴ Luther: *D. Staupitius me incitabat contra papam (al. papatum)*. В *Colloquia*, ed. Bindseil, III, 188.

¹³⁵ Впервые опубликовано в К. Krafft, *Briefe und Documente aus der Zeit der Reformation*, Elberfeld (1876), p. 54 sq.

рое сейчас звучит у нас в ушах и которое многие несут на устах; ибо я вижу, что бесчисленное множество лиц злоупотребляет Евангелием ради плотской свободы¹³⁶. Так как я был возвестителем святого евангельского учения, я надеюсь, что мои призывы имеют какое-то влияние на тебя». Проповеди, которые он читал в Зальцбурге после 1522 г., проникнуты тем же духом. В них он обращает слушателей к католической ортодоксии и послушанию¹³⁷. Его последняя книга, напечатанная после его смерти (1525) под заглавием «О святой истинной христианской вере», по сути, представляет собой протест против учения Лютера об оправдании *одной лишь* верой и призыв к практическому христианству, которое проявляется в добрых делах. Он противопоставляет два учения, говоря: «Безумцы говорят, что верующему во Христа не нужны дела; Истина говорит: тот, кто хочет быть Моим учеником, должен следовать за Мной; тот, кто следует за Мной, отрехись от себя и неси Мой крест день за днем; тот, кто любит Меня, соблюдай Мои заповеди... Злой дух предлагает плотским христианам учение о том, что человек оправдан без дел, и ссылается на Павла. Однако Павел исключает только дела закона, которые проистекают из страха и эгоизма, и при этом во всех своих посланиях называет необходимыми для спасения те дела, которые делаются из послушания Божьим заповедям в вере и любви. Христос исполнил закон, а безумцы хотят вообще упразднить закон; Павел хвалит закон как святой и благой, а безумцы насмеваются над законом и видят в нем одно лишь зло, потому что ходят по плоти и не думают о Духе»¹³⁸.

Штауниц не принял участия в конфликте, отказался от своего поста (1520), покинул орден с разрешения папы, стал аббатом бенедиктинского монастыря Св. Петра в Зальцбурге и умер 28 декабря 1524 г. в лоне Католической церкви, которую никогда не собирался покинуть¹³⁹. Штауниц был евангельским христианином, но не протестантом¹⁴⁰. Он мало беспокоился о романизме, еще меньше — о лютеранстве. Центром его помыслов было практическое христианство. Его отношения с Реформацией напоминают отношения Эразма с той лишь разницей, что он помог подготовить ей путь в области дисциплины и благочестия, а Эразм — в области учености и просвещения. Оба были мыслителями и представителями переходного периода. Они видели землю обетованную издали, но не вошли в нее.

¹³⁶ *Ad liberatum carnis video innumeros abuti evangelio.*

¹³⁷ Выдержки из этих проповедей были впервые опубликованы Кольде.

¹³⁸ Кнааке, *l. c.*, I, 130 sqq.; Keller, *Reform.*, 346 sq. Должно быть, это та самая книга, которую Линк послал Лютеру в 1525 г. и которую Лютер вернул с весьма неблагоприятным отзывом. Döllinger (*l. c.*, I, 155) полагает, что Лютер воспринял смерть Штауница как нечто вроде Божьего суда, в точности как позже он отнесся к смерти Цвингли.

¹³⁹ Тем не менее книги Штауница занесены в Индекс Тридентским собором (1563) и сожжены как еретические вместе со всей его перепиской по приказу его преемника, аббата монастыря Святого Петра Мартина, во дворе монастыря в Зальцбурге в 1584 г. См. Fr. Hein. Reusch (старокатолик), *Der Index der verbotenen Bücher*, Bd. I (Bonn, 1883), p. 279: *Staupitius ist in den Index gekommen, weil Cochlaeus bei dem Jahre 1517 ihn neben Luther als Gegner Tetzels erwähnt. Er ist in der I Classe geblieben bis auf diesen Tag, obschon man in Rom oder wenigstens in Trient, jedenfalls Benedict XIV wohl hätte wissen können, dass er als guter Katholik, als Abt von St. Peter zu Salzburg gestorben.* Это только одна из нескольких сотен ошибок в папском списке еретических книг.

¹⁴⁰ Или, как говорит об этом Лютер в своем послании к Штауницу от 9 февраля 1521 г., он колебался между Христом и папой: *Ich fürchte, ihr möchtet zwischen Christo und dem Papste in der Mitte schwaben, die ihr doch in heftigem Streit sehet.* В том же письме Лютер говорит, что Штауниц уже больше не проповедует благодать и крест (*ein solcher Gnaden- und Kreuzdiger*), как делал прежде.

§23. Победа веры, ведущей к оправданию

(См. также §7.)

Тайна могущества и влияния Лютера заключается в его героической *вере*. Она избавила его от хаоса и мучений аскетического самоумерщвления и самоосуждения, дала ему покой и мир, сделала свободным человеком во Христе, но при этом — послушным слугой Христа. Верой проникнуты все его произведения. Вера управляла его поступками, поддерживала его в борьбе, оставалась его щитом и якорем до самой смерти. Эта вера родилась в монастыре в Эрфурте, побудила его к общественной деятельности в Виттенберге и сделала его реформатором церкви.

С помощью Штаупица и старого монаха, но в особенности благодаря постоянному изучению посланий Павла он постепенно пришел к убеждению, что грешник оправдывается только верой, без дел закона. Он ощутил эту истину в своем сердце задолго до того, как понял все ее значение. Он обрел в ней тот покой совести, которого тщетно искал в монашеских упражнениях. Он размышлял день и ночь над значением «правды Божией» (Рим. 1:17) и думал, что «правда Божия» — справедливое наказание грешников, однако к концу своей жизни в монастыре он пришел к убеждению, что это правда, которую Бог безвозмездно дает во Христе тем, кто верит в Него. Человеку не приобрести правду посредством собственных упражнений и заслуг. Она полна и совершенна во Христе, и все, что грешнику надо сделать, — это принять ее у Него как безвозмездный дар. Оправдание — это судебное решение Бога, посредством которого Он освобождает грешника от вины и облачает его в праведность Христа при единственном условии личной веры, которая принимает и постигает Христа и проявляет свою жизненность и силу в добрых делах, как доброе дерево приносит добрые плоды. Ибо вера в системе Лютера — не просто умственное согласие с авторитетом церкви. Это сердечное доверие и полное подчинение человека Христу. Вера живет и движется во Христе как Его часть и постоянно исполняет Его волю и следует Его примеру. Только в связи с этим более глубоким пониманием веры может быть понято учение об оправдании. Вне связи с ним оно — губительное заблуждение.

Учение Павла об оправдании, изложенное в посланиях Римлянам и Галатам, никогда ранее не осмысливалось ясно и полно, даже Августином и Бернаром, которые путали оправдание с освящением¹⁴¹. Здесь коренится различие между католическим и протестантским представлением. В католической системе оправдание (*δικαίωσις*) — это постепенный процесс, обусловленный верой и добрыми делами, тогда как в протестантской системе это единократное деяние Бога, за которым следует освящение. Оправдание основано на заслугах Христа, обусловлено верой и проявляется в добрых делах¹⁴².

¹⁴¹ Лютер сам понимал, как далеко он отошел в этом учении от своего любимого Августина. Позже он скажет в «Застольных речах»: *Principio Augustinum vorabam, non legebam; aber da mir in Paulo die Thür aufging, dass ich wusste was justificatio fidei wär, ward es aus mit ihm* (Köstlin, I, 780). Однако если мы сведем учение об оправдании верой к более общему понятию спасения безвозмездной благодатью, то Августин так же ясно и решительно поддерживал его, и мы сказали бы, что это учение поддерживают все истинные христиане. Янссен (II, 71) говорит: «Среди всех книг, признанных и используемых [Католической] церковью, академических или популярных, нет ни одной, которая не содержала бы учения об оправдании *одним лишь Христом* (*die Lehre von der Rechtfertigung durch Christus allein*)». Но предмет спора между Римской церковью и Лютером касался *субъективного принятия* праведности Христа, которая есть *объективное основание* оправдания и спасения, в то время как вера — это *субъективное условие*.

Важность этого различия повлияла на Лютера как новое откровение. Эта мысль пролила свет на всю Библию и сделала ее для Лютера книгой жизни и утешения. Он почувствовал себя освобожденным от ужасного груза вины воздействием безвозмездной благодати. Из мрачной темницы самовольного покаяния он был выведен на дневной свет и свежий воздух искупительной Божьей любви. Оправдание разрушило цепи рабской подчиненности закону, наполнило его радостью и миром усыновления. Оно открыло для него сами небесные врата.

С этих пор и до конца жизни учение об оправдании одной лишь верой было для него сущностью и центром Евангелия, сердцем богословия, главной истиной христианства, краеугольным камнем церкви. Этим стандартом он поверял все прочие учения и ценность каждой из книг Библии. Отсюда его энтузиазм по отношению к Павлу и неприязнь к Иакову, которого он не мог примирить со своим любимым апостолом. Он уделял учению об оправдании одной лишь верой слишком большое внимание и иногда представлял его неосторожно, в выражениях, которые, казалось, оправдывали антиномистскую позицию. Но потом он исправлял себя, открыто осуждал антиномизм и настаивал на том, что добрые дела и святая жизнь являются обязательными проявлениями веры¹⁴³. Не следует забывать, что и Павла обвиняли в благосклонном отношении к антиномизму, на что тот отвечал с благочестивым ужасом: «Никак!»

Таким образом, монашеская и аскетическая жизнь Лютера была подготовительной школой его евангельской веры. Она выполнила роль Моисеева закона, который, дав людям знание о грехе и вине, подвел их, как наставник, ко Христу (Рим. 3:20; Гал. 3:24). Закон обвинил, осудил и убил Лютера, а Евангелие утешило, оправдало и воскресило. Он дрожал, как раб. Теперь он радовался, как сын в отчем доме. Суровость закона убила его для закона, чтобы он мог жить для Бога (Гал. 2:19).

Лютер прошел через те же переживания, что и Павел. Он понимал Павла лучше, чем кто-либо из средневековых схоластов или древних отцов церкви. Его комментарий на Послание к галатам остается одним из лучших, ибо он остро ощущает разницу между законом и Евангелием, между духовным рабством и духовной свободой.

Лютер пришел к этому убеждению, даже не представляя себе, насколько оно противоречит традиционному вероучению и благочестию церкви. Его новые идеи формировались постепенно. Параллельно он продолжал придерживаться прежних воззрений и привычек и несколько лет оставался искренним и преданным католиком. Только война с Тецелем и ее последствия вынудили его занять позицию реформатора и освободили от старых взглядов.

¹⁴² Современная экзегетика оправдала такой взгляд на *δικαίωσις* и *δικαίωσις*, согласно эллинистическому использованию слова, хотя этимологически этот глагол может значить «делать праведным», то есть «освящать», как другие глаголы на *οἶω* (например, *δηλώω*, *φαερόω*, *τιφλόω*, «делать явным», и т. д.). См. комментарии на Римлянам и Галатам.

¹⁴³ Самое смелое и дерзновенное заявление Лютера об оправдании присутствует в письме к Меланхтону (De Wette, II. 37) от 1 августа 1521 г., где он, выражая свое мнение на завет безбрачия, говорит: *Esto peccator et pecca fortiter, sed fortius fide (crede) et gaude in Christo, qui victor est peccati, mortis et mundi*. Но как аргумент против него и его учения эта фраза не может быть использована, потому что, во-первых, она обращена к Меланхтону, от которого не приходилось ждать злоупотребления ею, а во-вторых, она подразумевает невозможность, ибо *fortius crede* и заключительное *ora fortiter* нейтрализуют *fortiter pecca*. Конечно, апостол Павел никогда не написал бы подобной вещи. Он приводит типично антиномистский вывод: «Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать?» — в форме вопроса и резко отвечает на него: *μή γένοιτο* (Рим. 6:1). Такова разница между мудростью апостола и рвением реформатора.

§24. Рукоположение Лютера в священники

На второй год пребывания в монастыре, еще находясь в состоянии нерешительности, Лютер был рукоположен в священники и 2 мая 1507 г. провел свою первую мессу. Эта месса была великим событием в жизни священника. Торжественность жертвоприношения за живых и мертвых произвела на него такое впечатление, что он чуть не потерял сознание у алтаря.

Его отец с несколькими друзьями посетил тайнство и принес ему в подарок двадцать гульденов. Отец по-прежнему сердился на то, что сын дал монашеские обеты. «Разве не читали вы, что написано в Священном Писании? — сказал он братьям на празднике в честь молодого священника. — Надо чтить отца своего и мать свою». Когда же ему напомнили, что его сын был призван в монастырь гласом с небес, он ответил: «Дай Бог, чтобы это не был дух дьявола». Он окончательно примирился со своим сыном, лишь когда тот прославился и вступил в брак.

Лютер с целеустремленным рвением исполнял свои новые обязанности. Он читал мессу каждое утро и в течение недели молился двадцати одному святому, которых избрал себе в помощники, — трем святым в день.

Но вскоре он был призван к тому, чтобы оказать более масштабное влияние.

§25. Лютер в Риме

Интересным эпизодом в истории подготовки Лютера к Реформации стал его визит в Рим¹⁴⁴. Этот визит произвел на него сильное впечатление и сделал свое дело — не сразу, а через несколько лет, когда он, добрый католик, стал вспоминать, что видел и слышал в столице христианского мира.

Осенью 1510 г.¹⁴⁵ после переезда в Виттенберг, но до получения степени доктора богословия Лютер был послан в Рим в интересах ордена и по предложению Штаупица, который хотел провести дисциплинарную реформу и теснее сплотить августинские монастыри Германии, однако столкнулся с оппозицией.

В компании еще одного монаха и мирянина, как было заведено, он путешествовал пешком, от монастыря до монастыря, провел четыре недели в Риме в августинском монастыре Мария-дель-Пополо и вернулся в Виттенберг на следующую весну. Все путешествие, вероятно, заняло несколько месяцев. Это было самое длинное путешествие, какое он когда-либо совершал, и в то же время его личное паломничество к святыням апостолов, у которых он хотел исповедаться во всех грехах и обеспечить себе наиболее действенное прощение.

Неизвестно, достиг ли он цели своей поездки¹⁴⁶. Он не сообщает нам о своем маршруте, так что мы не знаем, проходил он через Швейцарию или через Тироль. Он не описывает ни величавые вершины Альп, ни просторы итальянских пейза-

¹⁴⁴ Высказывания Лютера о Риме и римском путешествии собраны в Walch ed., vol. XXII, 2372-2379; KÖHLER: *Luther's Reisen* (1872), p. 2-20; JÜRGENS, II, 266-358; KOESTLIN, I, 100-107; LENZ, 45-47; KOLBE, I, 73-79; также в Brieger, «Zeitschrift für Kirchengesch.», II, 460 sqq. См. также, с католической стороны, краткий рассказ — Janssen, II, 72. AUDIN посвящает путешествию в Рим третью главу (I, 52-65).

¹⁴⁵ Хронология точно не известна. Кестлин и Кольде считают, что это было в 1511 г., другие относят поездку в Рим к 1510 г. (Mathesius, Seckendorf, Jürgens, да и сам Лютер в своем трактате «Против папства как изобретения дьявола», Erl. ed., XXVI, 125, хотя однажды он называет 1511 г.).

¹⁴⁶ Кольде (I, 81) предполагает, что в Риме, касательно спора среди августинцев, было принято решение против Штаупица, который вскоре после 1512 г. покинул Виттенберг.

жей¹⁴⁷. Красоты природы не производили сколько-нибудь заметного впечатления на реформаторов, если вообще на кого-нибудь в то время производили, а в полной мере их начали ценить только в конце XVIII века¹⁴⁸. Цвингли и Кальвин жили на берегах швейцарских озер и постоянно созерцали швейцарские Альпы, но так ни разу не упомянули о них — они были поглощены богословием и религией.

В более поздних произведениях и в «Застольных речах» Лютер оставил несколько интересных свидетельств о своем путешествии. Он говорил о хорошем климате и плодородии Италии, о воздержании итальянцев в сравнении с невоздержанными немцами, а также об их хитрости, изощренности и гордости, с которыми они снисходили до «глупых немцев» и «немецких животных» как полуварваров. Он хвалил больницы и благотворительные учреждения Флоренции, но был весьма разочарован состоянием веры в Риме, который нашел совершенно не таким, каким ожидал найти.

Рим в тот момент был полон энтузиазма в связи с возрождением классической литературы и искусства и равнодушен к религии. Юлий II, занимавший престол святого Петра в 1503 — 1513 г., стремился расширить светские владения папства посредством бессовестной дипломатии и кровавых войн. Он основал Ватиканский музей, щедро поддерживал великих архитекторов и художников того времени, создававших бессмертные произведения искусства. Под руководством Браманте началось строительство нового собора Святого Петра с его колоссальным куполом. Микеланджело украшал Сикстинскую капеллу в Ватиканском дворце, изображая пророков, сивилл и страшный суд. Юный гений Рафаэль создал свою неподражаемую «Мадонну» с Младенцем на руках и превращал помещения Ватикана в галереи неувядающей красоты. Это были чудеса нового итальянского искусства, но немецкого монаха они интересовали так же мало, как храмы и статуи классических Афин — апостола Павла.

Когда Лютер увидел вечный город издали, он упал на землю, воздел к небу руки и воскликнул: «Приветствую тебя, святой Рим!»¹⁴⁹ Ты трижды свят благодаря пролитой здесь крови мучеников!» Он обошел стороной колоссальные руины Рима языческого и великолепные дворцы Рима христианского. Однако он посетил, «как безумный святой», все церкви, крипты и катакомбы, без малейшего сомнения веруя в вымышленные предания о реликвиях и чудесах мучеников¹⁵⁰. Он даже желал, чтобы его родители были мертвы, — тогда он мог бы вызволить их из чистилища, прочитав мессу в самом святом месте, ведь было же сказано: «Бла-

¹⁴⁷ Судя по рассказам, он проходил через Швабию и Баварию (Walch, XXII, 2359): *Wenn ich viel reisen sollte, wollte ich nirgends lieber, denn durch Schwaben und Baierland ziehen; denn sie sind freundlich und gutwillig, herbergen gerne, gehen Freunden und Wandersleuten entgegen, und thun den Leuten gülich, und gute Ausrichtung um ihr Geld.* Похоже, он видел также Швейцарию, о которой говорит (*ib.*, p. 2360): *Schweiz ist ein dürr und bergig Land, darum sind sie endlich und hurtig, müssen ihre Nahrung anderswo suchen.*

¹⁴⁸ Мы напрасно будем искать описания природы у древних классиков, однако несколько еврейских псалмов прославляют Творца через Его дела. Притчи нашего Господа показывают, что в природе мы можем найти множество духовных уроков. В христианской литературе первые заявления о красоте природы мы читаем в посланиях святого Василия, Григория Назианзина и Григория Нисского. См. эту «Историю», т. III, §164. Несравненные пейзажи Швейцарии впервые были по достоинству оценены и представлены миру Альбрехтом фон Халлером из Берна (поэма *Die Alpen*), Гете (*Schweizreise*) и Шиллером (*Wilhelm Tell*, где он рисует очаровательную картину озера Четырех кантонов, на котором, впрочем, никогда не был).

¹⁴⁹ *Salve, sancta Roma!*

¹⁵⁰ *Auch ich war ein so toller Heiliger, —* говорил он, *— lief durch alle Kirchen und Kluften, glaubte alles was daselbst erlogen und erstunken ist.*

женна та мать, сын которой проведет субботнюю мессу в Сан-Джованни-ди-Латерано». Он поднялся на коленях по двадцати восьми ступеням знаменитой Скала Санта¹⁵¹, желая получить индульгенцию, которая связывалась с этим аскетическим упражнением со времен папы Льва IV (850), однако при каждом шаге в ушах у него звучали, как протест, слова Писания: «Праведный верою жив будет» (Рим. 1:17)¹⁵².

Таким образом, на самом пике своей средневековой веры он уже сомневался в том, что она способна даровать мир его беспокойной совести. И это сомнение росло, когда он оглядывался вокруг себя. На него произвели благоприятное впечатление ведение дел и управление папским двором, но поразили неверие, легкомыслие и безнравственность клира. Казалось, деньги и любовь к роскоши вытеснили апостольскую бедность и самоотречение. При дворе папы Юлия II, только что вернувшегося из похода, в котором он лично руководил кровопролитной осадой города, Лютер наблюдал лишь мирское великолепие. Позже Лютер будет осуждать этого папу как кровожадного. Он услышал об ужасных преступлениях папы Александра VI и его семьи, о которых почти ничего не знали и с трудом верили в Германии — а римляне свободно говорили о них как о несомненных и совсем недавних фактах. Пока он читал одну мессу, римский священник успевал закончить семь. Его просили поторопиться (*passa, passa!*), чтобы «отправить Сына нашей Госпожи обратно к Ней домой». Он слышал, как священники, освящая дары причастия, говорят на латыни: «Хлеб ты есть, и хлебом ты останешься; вино ты есть, и вином ты останешься». Выражение «добрый христианин» (*buon Cristiano*) в устах римлян означало безумца. Лютеру говорили, что «если и существует ад, то Рим был построен как раз на его месте» и что текущее положение дел скоро обернется катастрофой.

У Лютера возникло впечатление, что «Рим, некогда бывший святейшим из городов, сейчас — худший из них». Он сравнивал его с Иерусалимом в описаниях пророков¹⁵³. Все эти скорбные впечатления не подорвали его веры в Римскую церковь и иерархию — просто ее представители оказались недостойными, подобно иудейской иерархии во времена Христа. Но позже эти его впечатления обрели новую силу, и он успокаивал ими свою совесть, когда нападал на папство как «институт дьявола»¹⁵⁴.

Впоследствии он часто заявлял, что не отказался бы от возможности увидеть Рим даже за сто тысяч флоринов — «потому что иначе мне бы казалось, что я несправедлив по отношению к папе, а сейчас я говорю о том, что лично видел». И через шесть лет после этого его посещения разразилась та самая война из-за папских индульгенций, на которые строился купол собора Святого Петра и которые окончательно убедили его отделиться от Рима.

В галерее Питти во Флоренции есть знаменитая картина Джорджоне, на которой изображен неизвестный монах с явно тевтонскими чертами лица и сверкающим взглядом, сидящий между двумя итальянцами, играющий на небольшом

¹⁵¹ Как утверждалось, её вывели из зала в Иерусалиме, где Понтий Пилат вершил свой суд.

¹⁵² Этот интересный эпизод мы пересказываем со слов его сына Павла, который слышал о нем от отца в 1544 г. Современные папы, Пий VII и Пий IX, обещали дополнительные индульгенции тем, кто ползком взберется на Скала Санта.

¹⁵³ *Es gehet uns wie den Propheten, die klagen auch über Jerusalem, und sagen: Die feine gläubige Stadt is zur Hure geworden. Denn aus dem Besten kommt allezeit das Aergste, wie die Exempel zeigen zu allen Zeiten* (Walch, XXII, 2378).

¹⁵⁴ Это было темой одного из его последних и наиболее оскорбительных трудов, *Wider das Papstthum zu Rom vom Teufel gestiftet* (март 1545).

органе и мечтательно глядящий в сторону. Недавно некие знатоки высказали мнение, что это портрет Лютера, сделанный во Флоренции за несколько месяцев до смерти Джорджоне в 1511 г. В таком отождествлении можно усомниться, но сходство поразительное¹⁵⁵.

§26. Виттенбергский университет

GROHMANN: *Annalen der Universität zu Wittenberg*, 1802, 2 vols. MÜLLER: *Die Wittenberger Universität und Facultätsstudien v. Jahr 1508*. Halle, 1867. K. SCHMIDT: *Wittenberg unter Kurfürst Friedrich dem Weisen*. Erlangen, 1877. JUERGENS: II, 151 sqq., 182 sqq. (очень подробный труд). KOESTLIN, I, 90 sqq. KOLDE: *Friedrich der Weise und die Anfänge der Reformation*, Erlangen, 1881; его же *Leben Luther's*, 1884, I, 67 sqq.

В 1502 г. Фридрих III по прозвищу Мудрый (1463 — 1525), курфюрст Саксонии, отличавшийся среди князей XVI века умом, мудростью, благочестием и защищавший Реформацию, основал на свои ограниченные средства новый университет в Виттенберге, под покровительством Девы Марии и святого Августина. Богословский факультет университета носил имя апостола Павла, в честь его обращения в Дамаске проводилась месса и произносилась проповедь в присутствии ректора и сената.

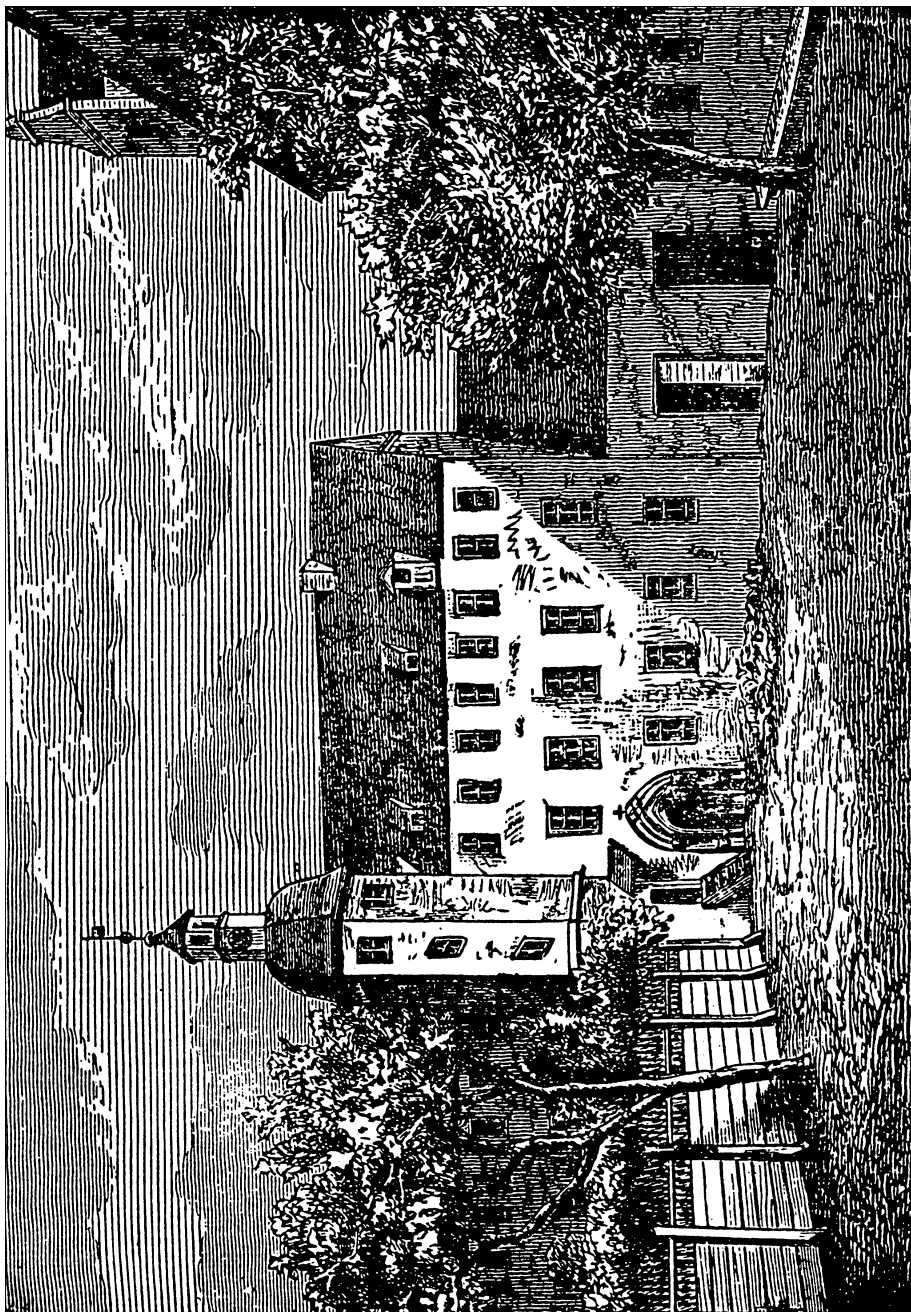
Фридрих был верующим католиком, ревностным собирателем реликвий. Он верил в папские индульгенции и совершал паломничества в Святую Землю, но в то же время покровительствовал свободным наукам, защищал самого Лютера и новое богословие Виттенбергского университета, который называл своим детищем и которому, насколько мог, оказывал милости. Незадолго до смерти он заявил о своем признании евангельской веры, приняв причастие под обоими видами от Шпалатина, своего капеллана, советника и биографа, посредника между ним и Лютером. Он не был женат и не оставил законного наследника. Преемниками Фридриха стали его брат Иоганн Твердый (1525 — 1532) и его племянник Иоганн Фридрих Великодушный (1532 — 1547), оба убежденные протестанты, но последний лишился сана курфюрста и части своих владений, побежденный своим кузеном Морицем, герцогом Саксонским, в битве при Мюльберге (1547). Последники Морица были главными защитниками лютеранства в Германии, пока Август I (1694 — 1733) не продал веру своих предков за королевскую корону Польши, став католиком.

Виттенберг¹⁵⁶ был бедным и плохо построенным городом примерно с тремя тысячами жителей. Расположенный на унылой, бесплодной песчаной равнине на берегах Эльбы, он знаменит исключительно благодаря тому, что стал колыбелью богословия Реформации. Лютер говорит, что город находился на самом краю цивилизации¹⁵⁷, в нескольких шагах от варварства, а его жителям недоставало культуры, вежливости и доброты. Иногда у него возникало сильное искушение уехать отсюда. Меланхтон, попав на эту бесплодную равнину, жаловался, что не может найти в Виттенберге приличной пищи. Миконий, друг Лютера, описывает дома как «маленькие, старые, уродливые, невысокие, деревянные». Даже замок курфюрста был весьма непривлекательным строением. Курфюрст засмеялся, когда

¹⁵⁵ См. «Revista Christiana», Firenze, 1883, p. 422.

¹⁵⁶ Вероятно, Вейссенберг, от белых песчаных холмов на Эльбе (так считает Jürgens, II, 190). Изначально в этой области жили славяне (венды), но потом они были изгнаны саксонцами или ассимилировали с ними. Город существует с XII века.

¹⁵⁷ *In termino civilitatis*.

ДОМ ЛЮТЕРА (прежний августинский монастырь) до недавней реставрации.
В доме находится музей Лютера.

доктор Поллих предложил ему основать новый университет именно в этом городе. Однако Виттенберг был одной из двух его резиденций (второй был Торгау). Там высилась новая замковая церковь, достаточно богатая, в которой совершалось по десять тысяч месс в год, и августинский монастырь, способный дать определенное количество учителей, что уменьшало расходы на содержание учебного заведения.

Университет открылся 18 октября 1502 г. Организацию доверили доктору Поллиху, первому ректору, которого называли *lux mundi* из-за его великой учености и который сопровождал курфюрста во время паломничества в Иерусалим (1493), а также Штаупицу, первому декану богословского факультета, который сразу же подумал о своем друге Лютере как о подходящем преподавателе богословия.

У Виттенберга были мощные соперники по-соседству — более древние и богатые университеты Эрфурта и Лейпцига, но вскоре он затмил их своим новым богословием. Главными профессорами были члены августинского ордена, большинство — из Тюбингена и Эрфурта. Студентов было четыреста шестнадцать в первый семестр. В 1505 г. их количество сократилось до пятидесяти пяти, отчасти из-за чумы, в 1507 г. оно снова стало расти, а когда Лютер и Меланхтон находились в расцвете своей славы, там собирались тысячи студентов из всех стран Европы. Иногда за гостеприимным столом Меланхтона говорили на одиннадцати разных языках.

§27. Лютер как профессор до 1517 г.

Штаупиц срочно вызвал Лютера в Виттенберг из августинского монастыря в Эрфурте, чтобы преподавать в университете. Лютер прибыл в Виттенберг в октябре 1508 г., снова был отозван в Эрфурт осенью 1509 г., совершил путешествие в Рим по делам ордена (1510), вернулся в Виттенберг (1511) и оставался там почти до самой смерти (1546).

Лютер жил в монастыре даже после того, как вступил в брак. Его простой кабинет, спальню и лекционный зал можно увидеть в «Доме Лютера». Простота кабинета составляет впечатляющий контраст с величием его дела. Лютер и Меланхтон в своих скромных жилищах оказывали большее влияние на мир, чем папы и короли того времени, жившие в великолепных дворцах.

Лютер занимал одновременно три должности — субприора, проповедника и профессора. Он проповедовал как в своем монастыре, так и в городской церкви, иногда каждый день, иногда по три раза в день, а во время великого поста 1517 г. — по два раза в день. Его содержал монастырь. Как профессор, он не взимал платы со студентов, получая лишь жалование в сто гульденов, которое после его вступления в брак было повышено курфюрстом Иоганном до двухсот гульденов¹⁵⁸.

Сначала он читал лекции по схоластическому богословию, объяснял диалектику Аристотеля и физику, но вскоре получил три степени, бакалавра, лиценциата и доктора богословия (18 и 19 октября 1512 г.), после чего смог посвятить себя исключительно священной науке, которая больше соответствовала его пристрастиям. Штаупиц хотел, чтобы он получил эти научные степени¹⁵⁹, а кур-

¹⁵⁸ *Wäre es nicht geschehen, — говорит Лютер, — so hatte ich nach meiner Verheirathung mir vorgenommen, für Honorar zu lesen. Aber da mir Gott zuvorkam, so habe ich mein Leben lang kein Exemplar [он имеет в виду свои произведения] verkauft noch gelesen um Lohn, will auch den Ruhm, will's Gott, mit mir ins Grab nehmen* (Jürgens, II, 248 sq.).

¹⁵⁹ Лютер вспоминал о грушевом дереве, под которым Штаупиц опроверг его возражения о трудах и ответственности, связанных с докторской степенью. Он считал, что слаб и не способен вынести такие испытания, но Штаупиц шутливо отвечал, предсказывая уготованные ему вели-

фюрст, на которого произвела благоприятное впечатление одна из его проповедей, предложил внести плату (пятьдесят гульденов) за получение докторской степени¹⁶⁰. Позже, в трудные моменты, Лютер часто утешал себя мыслью о своей докторской степени и о торжественной клятве в меру отпущенных сил защищать Священное Писание от всех заблуждений¹⁶¹. Сожжение папской буллы Лютер оправдывал таким же образом, однако клятва при рукоположении и вступлении в должность доктора богословия предполагала также повиновение Римской церкви (*ecclesiae Romanae obedientiam*) и защиту ее от всех осуждаемых ею ересей¹⁶².

В 1512 г. началась по-настоящему академическая деятельность Лютера, которая продолжалась до 1546 г., сначала в полном согласии с Римской церковью, а потом в открытой оппозиции к ней.

В том, что касается специальных знаний, Лютер был очень хорошо подготовлен с точки зрения достижений того века, но очень слабо — с точки зрения современных требований.

Хотя он был доктором богословия, в течение нескольких лет он почти исключительно опирался на латинский перевод Писания. Очень немногие профессора знали греческий, еще меньшее количество — еврейский. Лютер приобрел поверхностные знания о еврейском в Эрфурте из *Rudimenta Hebraica* Рейхлина¹⁶³. Греческий он изучил в Виттенберге (но мы не знаем точно когда), в основном по книгам и от коллег, Иоганна Ланге и Меланхтона. Еще 18 февраля 1518 г. он спрашивал у «грека» Ланге, чем *ἀνάθημα* отличается от *ἀνάθεμα*, и признавался, что не умеет писать греческие буквы¹⁶⁴. Геркулесов труд по переводу Библии вынудил его ближе познакомиться с языками оригинала, хотя в совершенстве он ими так и не овладел. Как ученый, он продолжал уступать Рейхлину, Эразму и Меланхтону, но как гений он превосходил их, а в плане владения родным немецким языком ему не нашлось равных в Германии. Более того, он всегда умело использовал свои знания и находил веские аргументы в спорах. Он старательно предавался исследованиям, часто забывая о еде и сне.

кие дела: *In Gottes Namen! Unser Herr Gott hat grosse Geschäfte; Er bedarf droben auch kluger Leute; wenn Ihr nun sterbet, so müsset Ihr dort sein Rathgeber sein.*

¹⁶⁰ См. К. Ф. Th. Schneider, *Luther's Promotion zum Doctor und Melanchthon's zum Baccalaureus der Theologie*, Neuwied, 1860 (38 стр.). Автор приводит латинскую проповедь Лютера о богословии на текст: «Я дам вам уста и премудрость» (Лк. 21:15). За бакалавриат Лютер не платил. В заметках декана упоминается этот факт: *Adhuc non satisfecit facultati*, а Лютер позже написал на полях: *Nec faciet, quia tunc pauper et sub obedientia nihil habuit* (Schneider, p. 6).

¹⁶¹ См. его высказывания о важности докторской степени в Mathesius (I и XV) и Jürgens (II, 405-408). Юргенс идентифицирует (p. 424 sqq.) и комментирует непоследовательность Лютера, который в такой форме опирался на человеческие авторитеты и слишком ценил свой официальный титул. Каждый шаг его общественной карьеры сопровождался угрызениями совести, с которыми ему приходилось бороться по мере возможностей.

¹⁶² Кестлин говорит (англ. перев. краткой биографии, p. 65): «В Виттенберге, в отличие от других университетов, не требовалось послушания папе». Однако послушание папе уже предполагалось требованием послушания Римской церкви. Хартию университету дал император Максимилиан, однако курфюрст заручился и папской санкцией (см. Jürgens, II, 207).

¹⁶³ Эта книга, опубликованная в Форцгейме (1506) на средства автора, является первой еврейской грамматикой, написанной христианином. Она открыла путь для изучения еврейского языка в Германии. Так что Рейхлин был прав, когда назвал ее непреходящим памятником, *monumentum aere perennius*.

¹⁶⁴ De Wette, I. 34: *Petimus a te, Graece, ut controversiam nostram dissolvas, quae sit distantia inter anathema per epsilon, et anathema per η... Nescio figuras literarum pingere*. В своих «Застольных речах» он говорит: *Ich kann weder griechisch noch hebräisch; ich will aber dennoch einem Griechen und Hebräer ziemlich begegnen*. О его лингвистических изысканиях и успехах см. Jürgens, I. 470 sqq.; II. 428 sqq.

Лютер начал свой богословский путь с Давида и Павла, которые стали столпами его богословия. Псалмы и послания Римлянам и Галатам оставались его любимыми книгами. Его академические труды как комментатора охватывают период более тридцати трех лет (1513 — 1546), а его труды как реформатора — только двадцать девять (1517 — 1546). Он начал с Псалтири (1513) и закончил книгой Бытия (17 ноября 1545 г.), за три месяца до смерти.

Его первые лекции по Псалтири сохранились и недавно были опубликованы на основании рукописи из Вольфенбюттеля¹⁶⁵. С экзегетической точки зрения они бесполезны, но в богословском отношении важны как первая попытка Лютера обнаружить в псалмах глубокое духовное значение. За основу он взял текст Псалтири Иеронима¹⁶⁶; немногочисленные еврейские этимологии взяты из Иеронима, Августина (который не знал еврейского) и из «Лексикона» Рейхлина. Он следовал средневековому методу толкования, в котором выделялось четыре различных смысла текста, и пренебрегал грамматическим и историческим толкованием. В результате Иерусалим буквально, или исторически, означал город в Палестине, аллегорически — благо, тропологически — добродетель, анагогически — награду. Вавилон буквально означал город или Вавилонскую империю, аллегорически — зло, тропологически — порок, анагогически — наказание. Точно так же одно слово могло иметь четыре положительных или четыре отрицательных значения, в зависимости от того, понималось оно буквально или фигурально.

Лютер иллюстрирует эту четырехчастную схему экзегетики с помощью следующей таблицы (Weimar ed., III. 11):

LITERA OCCIDENS

MONS ZION	<i>hystorice</i> <i>terra Canaan</i>
	<i>allegorice Synagoga</i> <i>vel persona eminens</i> <i>in eadem</i>
	<i>tropologice Justitia</i> <i>pharisaica et legalis</i>
	<i>anagogice Gloria futura</i> <i>secundum carnem</i>

SPIRITUS VIVIFICANS *de corpore*

MONS ZION	<i>hystorice populus in Zion existens</i> <i>Babylonico Ecclesiastico</i>
	<i>Allegorice</i> <i>doctor</i> <i>Ecclesia</i> <i>Episcopus</i> <i>vel quilibit</i> <i>eminens</i>
	<i>Tropologice Justitia fidei vel alia excellen...</i>
	<i>Anagogice gloria eterna in celis.</i>

Econtra VALLIS CEDRON per oppositum.

Иногда он различал шесть значений. Он подчеркивал пророческий характер псалмов и везде находил упоминания о Христе и Его деяниях¹⁶⁷. Он не симпатизировал методу Николая Лиранского, который пытался понять Псалтирь через время, в которое она создавалась. Лютер научился ценить этот метод позже¹⁶⁸. Он

¹⁶⁵ Он напечатал латинский текст псалмов и написал между строк и на полях свои примечания, очень мелко и крайне неразборчиво. Кестлин приводит факсимиле страницы в *Luther's Leben*, p. 72 (англ. изд., p. 64). Текст в целом был очень точно воспроизведен Каверау в третьем томе веймарского издания (1885).

¹⁶⁶ Бесчисленные ссылки на *Hebraeus* следует воспринимать как отсылки не к оригиналу, а к *Psalterium juxta Hebraeos* Иеронима. Поль де Лагард издал ее в Лейпциге в 1874 г.

¹⁶⁷ Этот метод толкования псалмов, полный вымыслов, аллегорий и переносных значений, приверженцы которого выискивали в тексте всевозможные благочестивые и назидательные истины, до сих пор популярен даже в некоторых протестантских церквях, особенно в англиканской. См., например, Neale and Littledale, *Commentary on the Psalms from primitive and mediaeval writers*. London, 4th ed., 1884, 4 vols. Знаменитый баптистский проповедник Сперджен написал комментарий к псалмам в семи томах, который также полон аллегорических толкований, но взятых в основном из более поздних протестантских и пуританских источников.

¹⁶⁸ Поэтому говорят: *Si Lyra non lyrasset, Lutherus non saltasset*.

шел по стопам Августина (*Glossa ordinaria*), но в первую очередь — следуя *Quincuplex Psalterium* Фабера из Этапля (Париж, 1508 и 1513). Он превзошел себя в более поздних комментариях к псалмам¹⁶⁹. Он постепенно освобождался от традиционного толкования и приближался к единственному здоровому и безопасному методу грамматико-исторического толкования Писания на основании естественного значения слов, окружения автора и аналогии его учения, рассматриваемого в свете Писания в целом. Он никогда не отказывался полностью от схоластического и аллегорического метода использования экзегетики в догматических целях и для поклонения, но отвел ему подчиненное место. «Аллегии, — говорил он, — могут быть используемы для обучения невежественного простого народа, которому нужно сообщать одну и ту же истину в разных формах». Он поверял Писание своим любимым учением об оправдании верой и потому с пренебрежением относился к таким важным книгам, как Послание Иакова и Апокалипсис. Однако он уделял слишком много внимания букве, когда этого требовали его догматические убеждения, — как в случае с евхаристией.

От Псалтири он перешел к посланиям Павла. Здесь у него возникла возможность изложить свои представления о грехе и благодати, о разнице между буквой и духом, законом и Евангелием, и ответить на практический вопрос: как грешник может быть оправдан перед Святым Богом и получить прощение и мир? Сначала он читал лекции по Римлянам и говорил о разнице между праведностью в вере и праведностью в делах. Он никогда не издавал труда по Римлянам, кроме предисловия, в котором мастерски изложено, что такое вера. Лекции по Галатам он начал читать 27 октября 1516 г. и повторял неоднократно. Они впервые вышли на латыни в сентябре 1519 г., а потом, в пересмотренном издании 1523 г., с предисловием Меланхтона¹⁷⁰. Это его самые популярные и полезные комментарии. Они часто переиздавались на разных языках. Они оказали большое влияние на Джона Буньяна. Их главная ценность в том, что они помогают живо воспринять центральную идею послания, а именно, евангельскую свободу во Христе, которую он возрождал и применял в духе Павла. Лютер всегда превозносил это антииудейское послание и называл его своей возлюбленной или женой¹⁷¹.

Эти экзегетические лекции произвели сильное впечатление. Они были сугубо евангельскими, но не антикатолическими. Они затрагивали не только ум, но сердце и совесть. В них живое богословие из плоти и крови вытеснило скелет схоластического богословия. Они читались с энергией и убежденностью и были основаны на непосредственном личном опыте. Гений лектора сиял в его глубоких темных глазах, взгляд которых поражал всякого, кто его видел. «Этот монах, говорил доктор Поллих, свершит революцию в схоластическом учении». В январе 1517 г. Кристофер Шерль рекомендовал Лютера доктору Экку (который потом станет его оппонентом) как «богослова, который с удивительной гениальностью растолковал послания Тарсянина». А позже Меланхтон выразил общее суждение, когда сказал, что благодаря Лютеру Христос и апостолы снова вышли на свет из мрачной и грязной темницы.

¹⁶⁹ Изд. Bertheau, в четвертом томе веймарского издания (1886).

¹⁷⁰ См. первое издание в веймарском издании его трудов (vol. II, 436-618). Этот комментарий 1519 г. следует отличать от более объемного труда 1535 г. с тем же заглавием, но основанном на других лекциях.

¹⁷¹ В декабре 1531 г.: *Epistola ad Galatas ist meine Epistola, der ich mich vertraut habe, meine Kethe von Bora* (Weimar ed., II. 437). Меланхтон назвал комментарий Лютера нитью Ариадны в лабиринте толкований Нового Завета.

§28. Лютер и мистицизм. *Theologia Germanica*

В 1516 г. Лютер прочел проповеди Таулера, мистика и проповедника пробуждения из Страсбурга (умершего в 1361 г.), и открыл для себя замечательную книгу под названием «Немецкое богословие». Он приписывал ее Таулеру, но на самом деле она была создана позже священником и сторожем в *Deutsch-Herrn Haus* во Франкфурте, членом организации под названием «Друзья Бога». Она напоминает знаменитый труд Фомы Кемпийского, так как в ней христианское благочестие представлено как скромное подражание жизни Христа на земле, но автор продвигается дальше, почти заходя за грань пантеизма, когда учит в самых категорических выражениях отказу от собственной воли и поглощению души Богом. Он не полемизирует, но его крайнее внимание к внутренней вере резко контрастирует с преобладавшей тогда религиозной практикой — механической и монотонной чередой внешних поступков и обрядов.

Лютер опубликовал часть этой книги на основании некачественной рукописи в декабре 1516 г., а потом, в 1518 г., — на основании полной копии, с кратким предисловием собственного сочинения¹⁷². Он хвалит эту книгу как богатую и драгоценную в плане божественной мудрости, хотя она бедна и неприкрашена в плане словесных формулировок и мудрости человеческой. Он ставит ее на следующее место после Библии и святого Августина в том, что касается учения о Боге, Христе, человеке и обо всех вещах, и говорит в заключение, что «немецкие богословы — без сомнения, лучшие».

Существуют разные виды мистицизма: ортодоксальный и еретический, спекулятивный и практический¹⁷³. Лютер соприкоснулся с практическим и католическим типом мистицизма благодаря Штаупицу и произведениям святого Августина, святого Бернара и Таулера. Они сделали его благочестие более глубоким и духовным и оказали неизгладимое влияние на его богословие. В лютеранской церкви, как и в католической, всегда находилось место для мистических тенденций, но чистая мистика не удовлетворяла Лютера, особенно после начала Реформации. Она была слишком пассивна, сентиментальна, избегала конфликтов. Это было скорее богословие чувства, чем действия. Лютер был прирожденным борцом и в битвах становился все сильнее и сильнее. Его богословие — библейское. В нем присутствуют те мистические элементы, которые содержит в себе сама Библия¹⁷⁴.

§29. Псалмы покаяния. Канун Реформации

Первый оригинальный труд, опубликованный Лютером, представлял собой объяснение семи псалмов покаяния на немецком языке (1517)¹⁷⁵. Это было под-

¹⁷² Оба предисловия есть в веймарском издании его трудов (I. 153 и 378 sq.). Сама книга издавалась много раз. Лучшее издание — Franz Pfeiffer, *Theologia deutsch*, Stuttgart, 1851, 3rd ed. 1855. Существует английский перевод: Susanna Winkworth, *Theologia Germanica*, с дополнениями каноника Кингсли и шеваля Бунсена (London, 1854, новое издание, 1874; репринт, Andover, 1846). Несколько характерных мистических терминов, таких как *Entwertung*, *Gelassenheit*, *Vergottung*, с трудом поддаются переводу.

¹⁷³ Ed. von Hartmann пессимистично заявляет (*Die Philos. des Unbewussten*, Berlin, 1869, p. 276): *Die Mystik ist eine Schlingpflanze, die an jedem Stabe emporwuchert und sich mit den extremsten Gegensätzen gleichgüt abzufinden weiss*.

¹⁷⁴ См. Hermann Hering, *Die Mystik Luthers im Zusammenhange seiner Theologie und in ihrem Verh. zur älteren Mystik*. Leipzig, 1879. Он выделяет три периода в отношении Лютера к мистицизму: 1) *Romanisch-mystische Periode*; 2) *Germanisch-mystische Periode*; 3) конфликт с ложным мистицизмом Мюнцера, Карлштадта, пророков из Цвиккау и Швенкфельда.

ходящее введение к реформаторским «Тезисам», возвещавшим подлинно евангельское покаяние. В этом объяснении он излагает учения о грехе, благодати и утешении Евангелия языком, понятным простому народу. Лютер впервые выступил в роли популярного автора, и этот труд получил широкое хождение.

Лютер вступил в зрелый возраст. Он был светилом нового университета и пользовался славой по всей Германии. Но он не был одинок. У него были ценные друзья и сотрудники, такие как доктор Венцеслав Линк, приор монастыря, и Иоганн Ланге, редкий знаток греческого. Карлштадт, его старший коллега, также в то время полностью ему сочувствовал. Николай фон Амсдорф, ровесник Лютера, был одним из его самых верных сторонников, но оказывал больше влияния как проповедник, нежели как преподаватель. Кристоф Шерль, профессор юриспруденции, также был близок к Лютеру. Не должны мы забывать и о Георге Шпалатине, который не принадлежал к университету, но обладал большим влиянием на него как капеллан и секретарь курфюрста Фридриха; он был дружественным посредником между Фридрихом и Лютером. Самую действенную помощь в 1518 г. реформатор получал от Меланхтона¹⁷⁶.

Таким образом, действующие силы Реформации были полностью подготовлены. Основы схоластического богословия были подорваны, евангельское богословие господствовало в Виттенберге. Важным совпадением стало первое издание греческого Нового Завета, выпущенное Эразмом в 1516 г., за год до начала Реформации¹⁷⁷.

Лютер пока не собирался реформировать католичество, а тем более отделяться от него. Его жизнь и благочестие уходили корнями в историческую церковь. Он считал себя добрым католиком еще в 1517 г., и был им. Он продолжал преданно молиться Деве Марии с кафедры. Он не сомневался в том, что святые на небесах ходатайствуют о грешниках на земле. Он проводил мессу с полной верой в повторение крестной жертвы и в чудо пресуществления. Он считал гуситов «грешными еретиками», которые откололись от церкви и папства, надежно предохраняющих от раскола.

Но по воле Провидения он, совершенно невинным образом и сам того не желая, стал реформатором. Ряд событий вел его по этому пути шаг за шагом, и он пошел дальше, чем намеревался изначально. Если бы он предвидел свое отделение от церкви, он содрогнулся бы от ужаса. Он был таким же сыном своего века, как и его отцом, и времена изменили его до того, как он изменил время. Так

¹⁷⁵ Weimar ed., vol. I. 154-220. Латинский экземпляр появился уже в 1513 г. и хранится в библиотеке Вольфенбюттеля; опубл. проф. Э. Рихмом из Галле (*Initium theologiae Lutheri. S. exempla scholiorum quibus D. Lutherus Psalterium interpretari coepit. Part. I. Septem Psalmis paenitentiales. Textum originale nunc primum de Lutheri autographo exprimendum curavit. Halle, 1874*). Заключительные лекции Лютера (1516) также существуют в виде рукописи в Дрездене. Они были опубликованы в J. C. Seidemann: *Doctoris M. Lutheri scholae ineditae de Psalmis annis 1513 — 1516*. Dresden, 1876, 2 vols.

¹⁷⁶ О коллегах Лютера в ранний период см. в Jürgens, II. 217-235.

¹⁷⁷ Лютер воспользовался этим переводом, но ему не нравились произведения Эразма. Уже 1 марта 1517 г. он писал Иоганну Ланге: «Я читаю сейчас нашего Эразма, но день ото дня он нравится мне все меньше. Хорошо, что он постоянно и самым ученым образом критикует монахов и священников, обвиняя их в укоренившемся пассивном невежестве, но я боюсь, что он недостаточно говорит о Христе и благодати Божьей, о которой знает очень мало. Он больше думает о человеческом, чем о божественном... Тот, кто хорошо знает греческий и еврейский, еще не является добрым христианином. Блаженный Иероним с его пятью языками не сравнится с Августином, который знал только один, хотя Эразм думает иначе» (*Briefe*, ed. De Wette, I. 52).

всегда случается в отношениях людей с Провидением: чтобы человек стал вождем ближних, требуется, чтобы он сам был ведом Божьей рукой.

ПРИМЕЧАНИЯ

Труды Лютера, написанные до 95 тезисов (репринт в веймарском издании, I. 1-238, III, IV) таковы: «Комментарий к псалмам»; ряд проповедей; *Tractatus de his, qui ad ecclesias confugiunt* (исследование о праве на убежище; впервые напечатан в 1517 г. анонимно, потом под именем Лютера, 1520, в Ландсгуте; подлинность вызывает сомнения); *Sermo praescriptus praeposito in Litzka*, 1512 (проповедь на латинском для друга, провоста Георга Маскова из Лейпцау в Бранденбурге); несколько «Латинских проповедей», 1514 — 1517; *Quaestio de viribus et voluntate hominis sine gratia disputata*, 1516; предисловие к первому изданию «Немецкого богословия», 1516; «Семь псалмов покаяния», 1517; *Disputatio contra scholasticam theologiam*, 1517. Последний труд представляет собой 97 тезисов против философии Аристотеля, о котором Лютер говорил, что считал бы его дьяволом, если бы он не обладал плотью. Эти тезисы были опубликованы в сентябре 1517 г., а в октябре последовали 95 тезисов против торговли индульгенциями.

Ранние послания Лютера, с 22 апреля 1507 г. по 31 октября 1517 г., адресованы Брауну (викарию Эйзенаха), Шпалатину (капеллану курфюрста Фридриха), Лору (приору августинского монастыря в Эрфурте), Иоганну Ланге, Шерлю и другим. Они напечатаны на латинском в Löscher, *Reformations-Acta*, vol. I, 795-846; De Wette, *Luther's Briefe*, I. 1-64; нем. перев. — в Walch, vol. XXI. Последнее из этих посланий, написанных до Реформации, адресовано архиепископу Альбрехту Майнцскому и датировано днем публикации тезисов, 31 октября 1517 г. (De Wette, I. 67-70). Послания начинаются с имени Иисуса.

ГЛАВА III

**НЕМЕЦКАЯ РЕФОРМАЦИЯ
ОТ ПУБЛИКАЦИИ
ТЕЗИСОВ ЛЮТЕРА
ДО ВОРМССКОГО РЕЙХСТАГА.
1517 — 1521**

§30. Торговля индульгенциями

Купол собора Св. Петра — это одновременно и слава, и позор папского Рима. Он вознесся над костями галилейского рыбака за счет торговли индульгенциями, которая нарушила единство западного христианского мира. Строительство этого великолепного сооружения началось в 1506 г. при папе Юлии II и закончилось в 1626 г. Оно стоило сорок шесть миллионов скуди, а его ежегодное содержание обходится в тридцать тысяч скуди (долларов)¹⁷⁸.

Иисус начал Свое общественное служение с того, что выгнал торговцев из двора храма, а Реформация началась с протеста против торговли индульгенциями, которая оскверняла и подрывала христианскую веру.

Путаное и громоздкое учение об индульгенциях возникло в средневековой Римской церкви. Греческие и латинские отцы церкви ничего о нем не знали. Оно было разработано средневековыми схоластами и санкционировано Тридентским собором 4 декабря 1563 г., но без конкретного определения и с явным предостережением против злоупотреблений и порочной наживы¹⁷⁹.

На языке римского законодательства *indulgentia* означает амнистию или отмену наказания. На церковной латыни *indulgentia* — это отпущение наказания за грех (не самого греха) во времени (не в вечности), при условии покаяния и уплаты денег на церковные нужды или на какую-либо благотворительную цель. Индульгенция может быть дарована епископом или архиепископом внутри его епархии, в то время как папа может даровать индульгенцию всем католикам. Практика индульгенций выросла из обычая северных и западных варваров заменять наказание за преступление денежным штрафом. Церковь поддержала этот обычай, чтобы избежать кровопролития, но была неправа, применив его к *рели-*

¹⁷⁸ О соборе Св. Петра см. в археологических и исторических трудах о Риме, особенно в *Heinr. von Geymüller, Die Entwürfe für Sanct Peter in Rom*, Wien (на нем. и фр.); также см. *Charles de Lorbac, Saint-Pierre de Rome, illustré de plus de 130 gravures sur bois*, Rome, 1879 (pp. 310).

¹⁷⁹ Собор признал mimoходом, что большая часть злоупотреблений связана именно с такой наживой (*unde plurima in Christiano populo abusuum causa fluxit*), а потому постановил, чтобы она была целиком упразднена, *omnino abolendus esse* (*Schaff, Creeds of Christendom*, II. 205 sq.). Это неоспоримый пример воздействия Реформации на Римскую церковь.

жизненным преступлениям. Тот, кто прикасается к деньгам, оскверняется, и чем меньше общего с деньгами имеет религия, тем лучше. Первые случаи такого денежного возмещения имели место в Англии при архиепископе Теодоре Кентерберийском (ум. в 690). Практика быстро распространилась по континенту. Папы использовали ее во время и после крестовых походов в целях укрепления своей власти. Схоласты оправдывали индульгенции и разработали соответствующую теорию, особенно Фома Аквинат, тесно увязавший индульгенции с учением о таинстве покаяния и об отпущении грехов священником¹⁸⁰.

Таинство покаяния включает в себя три элемента: раскаяние сердца, устную исповедь (перед священником) и добрые дела, такие как молитва, пост, милостыня, паломничества, которые, как предполагалось, обладали искупительным действием. Бог прощает лишь вечное наказание за грех, и только Он может сделать это. Однако грешнику приходится сталкиваться с наказанием либо в этой жизни, либо в чистилище, а эти наказания уже могут быть отменены церковью или священством, особенно папой, как законным главой церкви. Существуют также сверхдолжные заслуги Христа и святых, за которые полагается избыточная награда. Они представляют собой богатую сокровищницу, из которой папа, как казначей, может брать индульгенции и продавать их за деньги. Эта папская власть отпускать грехи распространяется даже на души покойных в чистилище, страдания которых могут быть существенным образом сокращены. Так учили схоласты.

После периода крестовых походов дарование индульгенций выродилось в регулярную торговлю и стало источником обогащения для церкви и монахов. Значительная часть доходов поступала в папскую казну. Бонифаций VIII выпустил первую буллу об индульгенции «святого года» для всех, кто посетит собор Святого Петра в Риме (1300). Эта индульгенция была ограничена только находящимися в Риме и повторена лишь через сто лет, но позже таких индульгенций стало больше и они стали масштабнее в том, что касается места и времени действия.

Сама возможность купить за деньги освобождение от наказания и от мук чистилища казалась вполне уместной невежественному и суеверному народу, но была отвратительна для трезвого морального чувства. Задолго до Лютера она вызывала негодующий протест у здравомыслящих людей, таких как Виклиф в Англии, Гус в Богемии, Иоганн фон Везель в Германии, Иоганн Вессель в Голландии, Томас Виттенбах в Швейцарии, — но без значительных последствий.

Латеранский собор 1517 г. позволил папе собрать десятину от всей церковной собственности христианского мира на войну с турками, но перевес голосов в пользу этой меры был незначительным — в два или три голоса, причем меньшинство приводило в свою защиту довод, что такая война в ближайшее время вообще не планируется. Вымогательства римской курии стали невыносимым бременем для христианского мира и в конечном итоге вызвали резкий протест, вследствие которого папство утратило свои лучшие владения.

§31. Лютер и Тецель

- I. О споре по поводу индульгенций вообще: ЛЮТЕР, *Труды*, WALCH ed., XV. 3-462; Weim. ed. I. 229-324. LÖSCHER: *Reformations-Acta*. Leipzig, 1720. Vol. I, 355-539. J. KAPP: *Schauplatz des Tetzelschen Ablass-krams*. Leipzig, 1720. JÜRGENS: *Luther*, Bd. III. KAHNIS: *Die d. Ref.*, I. 18 1 sqq. KÖSTLIN, I. 153 sqq. KOLBE, I. 126 sqq. С римско-католической стороны —

¹⁸⁰ Фома Аквинат, *Summa Theol.*, pars III, quaest. LXXXIV, *De Sacramento Poenitentiae*; и в дополнении к третьей части, Quaest. XXV-XXVII, *De Indulgentia*. См. также список литературы в т. IV, §87.

JANSSEN: *Geschichte*, etc., II. 64 sqq.; 77 sqq.; и *An meine Kritiker*, Freiburg-i.-B., 1883, pp. 66-81. Об изданиях «Тезисов» см. КНААКЕ в Weimar ed., I. 229 sqq.

EDW. ВРАТКЕ: *Luther's 95 Thesen und ihre dogmengesch. Voraussetzungen*. Göttingen, 1884 (стр. 333). Обзор схоластического учения об индульгенциях от Бонавентуры и Фомы Аквината до Приериаса и Каетана. Разъясняются «Тезисы» Лютера и приводится список книг на данную тему. А. W. ДИЕСКНОФФ (из Росток): *Der Ablassstreit. Dogmengeschichtlich dargestellt*. Gotha, 1886 (стр. 260).

II. О Тецеле в частности: 1) Протестантские биографии и трактаты. Во всех отражена весьма неблагоприятная точка зрения. а) Более древние труды. G. НЕХТ: *Vita Joh. Tetzeli*. Wittenberg, 1717. ЯС. VOGEL: *Leben des päpstlichen Gnadenpredigers und Ablasskrämers Tetzel*. Leipzig, 1717, 2^d ed., 1727. б) Современные труды: F. G. HOFMANN: *Lebensbeschreibung des Ablasspredigers Tetzel*. Leipzig, 1844. Dr. КАЙСЕР: *Geschichtsquellen über Den Ablasspred. Tetzel Kritisch Beleuchtet*. Annaberg, 1877 (стр. 20). Dr. FERD. KÖRNER: *Tetzel, der Ablassprediger*, etc. Frankenberg-i.-S., 1880 (стр. 153; в основном против Грене). См. также ВРАТКЕ и ДИЕСКНОФФ (упоминаются выше).

2) Римско-католические оправдания Тецеля. VAL. GRÖNE (доктор богословия): *Tetzel und Luther, oder Lebensgesch. und Rechtfertigung des Ablasspredigers und Inquisitors Dr. Joh. Tetzel aus dem Predigerorden*. Soest und Olpe, 1853, 2^d ed. 1860 (стр. 237). E. KOLBE: *P. Joh. Tetzel. Ein Lebensbild dem kathol. Volke gewidmet*. Steyl, 1882 (стр. 98, основано на Грене). K. W. HERMANN: *Joh. Tetzel, der päpstl. Ablassprediger*. Frankf.-a.-M., 2te Aufl. 1883 (стр. 152). JANSSEN: *An meine Kritiker*, p. 73 sq. G. A. MEIJER, Ord. Praed. (доминиканец): *Johann Tetzel. Aflaatprediker en inquisiteur. Eene geschiedkundige studie*. Utrecht, 1885 (стр. 150). Спокойное и умеренное оправдание Тецеля, с допущением (p. 137), что последнее слово в этом споре еще не сказано и что мы должны ждать завершения *Regesta* Льва X и других публикаций подлинных документов, которые сейчас издаются на основании ватиканских архивов под руководством Льва XIII. Но основные факты уже установлены.

Перестройка собора Святого Петра в Риме стала предложением для периодического выпуска индульгенций властью папы. Юлий II и Лев X, два самых мирских, жадных и экстравагантных папы, торгуя индульгенциями, беззастенчиво собирали средства на собор, а иногда и ради собственного превосходства. Оба выпустили несколько булл в этих целях¹⁸¹.

Испания, Англия и Франция игнорировали эти буллы или сопротивлялись им по соображениям экономии, отказываясь платить налоги Риму. Но Германия, под правлением слабого Максимилиана, уступила папским требованиям.

Лев разделил Германию на три области и в 1515 г. поручил торговлю индульгенциями в одной из них Альбрехту, архиепископу Майнца и Магдебурга, брату курфюрста Бранденбургского¹⁸².

Этот прелат, хотя на тот момент ему было всего двадцать пять лет (родился 28 июня 1490 г., умер 24 сентября 1545 г.), стоял во главе немецкого клира и был канцлером Германской империи. Он получил сан кардинала в 1518 г. Подобно своему господину из Рима, он был любителем либеральных наук и дворцового великолепия, мыслил по-мирски и не был пригоден к душепопечительству. Он мечтал о славе немецкого Мецената. Сам Альбрехт не имел богословского образования, но призвал к своему двору ученых, художников, поэтов, вольных мыслителей. Он наделял подарками и субсидиями Эразма и Ульриха фон Гуттена. «Альбрехт страстно любил музыку, — говорит ультрамонтанский историк, — и приглашал музыкантов из Италии, чтобы придать великолепию своим пирам, в которых часто принимали участие дамы. Изысканные ковры, роскошные зеркала украшали его залы и комнаты. Дорогие блюда и вина наполняли его стол. На

¹⁸¹ См. папские документы в Pallavicini, Löscher (I. 369-383) и Walch, *L's Werke*, XV. 313 sqq. См. также Gieseler, IV. 21 sq. (New York ed.); Hergenröther, *Regesta Leonis X* (1884 sqq.).

¹⁸² J. May: *Der Kurfürst Albrecht II von Mainz*, München, 1875, 2 vols.

публике он появлялся с большим великолепием. В телохранителях у него было сто пятьдесят вооруженных рыцарей. Многочисленные придворные в роскошных нарядах сопровождали его в поездках. Он был окружен пажами, которые вели себя в его присутствии с изысканной учтивостью». Но тот же самый католический историк упрекает светский двор папы Льва X, который подавал пример обмирщения и роскоши немецким прелатам¹⁸³.

Альбрехт был весьма обязан богатому банку Фуггеров из Аугсбурга, у которого он одолжил тридцать тысяч флоринов золотом, чтобы уплатить папе за паллий. С согласия папы он мог уплатить половину этой суммы из средств, собранных от продажи индульгенций. Агенты торгового дома стояли за проповедниками индульгенций и собирали свою долю в уплату займа.

Архиепископ поручил сбор средств Иоганну Тецелю (Диезу) из ордена доминиканцев, а тот, в свою очередь, нанимал уже подчинявшихся ему агентов.

Тецель родился между 1450 и 1460 г. в Лейпциге и начал свою карьеру проповедника индульгенций в 1501 г. Он прославился как популярный оратор и успешный торговец индульгенциями. Он был приором доминиканского монастыря, доктором философии и папским инквизитором (*haereticae pravitatis inquisitor*). В конце 1517 г. он получил в университете Франкфурта-на-Одере степень лиценциата богословия, а в январе 1518 г. — доктора богословия, защитив в двух опровержениях Лютера учение об индульгенциях¹⁸⁴. Он умер в Лейпциге во время публичного спора между Эком и Лютером в июле 1519 г. Протестантские авторы обычно представляют Тецеля как невежественного, крикливого, вспыльчивого и безнравственного шарлатана, который не стыдился хвастаться, что спас с помощью своих индульгенций больше душ от чистилища, чем апостол Павел с помощью его проповедей¹⁸⁵. С другой стороны, католические историки защищают Тецеля как образованного и ревностного служителя церкви. В любом случае, его пресловутая роль была ограничена вполне конкретными обстоятельствами, и нашу оценку его характера явно не стоит класть в основание рассуждений о

¹⁸³ Janssen, II. 60, 64: *Das Hofwesen so mancher geistlichen Fürsten Deutschlands, insbesondere das des Erzbischofs Albrecht von Mainz, stand in schreiendem Widerspruch mit dem eines kirchlichen Würdeträgers, aber der weltliche Feste entsprach noch weniger der Bestimmung eines Oberhauptes Deutschland ging die destrümiscen Hofes voraus, und erstere wäre olme diese kaum möglich gewesen*. Он цитирует (II. 76) Эмсера и кардинала Садолета, которые выступают против злоупотреблений индульгенциями в правление Льва X. Кардинал Гергенротер в предисловии-посвящении к *Regesta Leonis X* (Fasc., I, p. ix), защищая папу от обвинения в равнодушии к религии, осуждает накопление церковных бенефициев в руках одних и тех же лиц — как в случае с Альбрехтом, и множество злоупотреблений, из этого вытекающих.

¹⁸⁴ Löscher (I. 505-523) приводит обе диссертации, первая из которых состоит из 106, а вторая — из 50 тезисов, и называет их *Proben von den stinkenden Schäden des Papstthums*. Однако автором диссертаций он называет Конрада Вимпину, профессора богословия из Франкфурта-на-Одере, который позже опубликовал эти труды под своим именем без упоминания о Тецеле в своих *Anacephalaisis Sectarum errorum*, etc., 1528 (Löscher, I. 506, II. 7). Гизелер, Кестлин и Кнаак того же мнения. Грене и Гергенротер называют автором Тецеля.

¹⁸⁵ Матезий, Миконий и Лютер (*Wider Hans Wurst*, 1541, Erl. ed., XXVI. 51) приписывают ему также богохульственную похвальбу, будто его индульгенции могли бы дать прощение даже от плотского соития с Богоматерью (*wenn einer gleich die heil. Jungfrau Maria, Gottes Mutter, hätte geschwächt und geschwängert*). Лютер упоминает о таком чудовищном высказывании в Thes. 75 и называет его безумным. Но Тецель отрицал это обвинение как хулу в своем *Disp.*, I. 99-101 (*Subcommissariis ac praedicatoribus veniarum IMPONERE, ut si quis per impossibile Dei genetricem semper virginem violasset... ODIO AGITARI AC FARTRUM SUORUM SANGUINEM SITIRE*), см. также его послание к Мильтицу от 31 января 1518 г. См. Köstlin, I. 160, 785, против Кернера и Кахниса. Кайзер также (I. c., p. 15) считает это обвинение ложным, хотя и приходит к выводу, что Тецель был *ein unverschämter und sittenloser Ablassprediger* (p. 20).

достоинствах Реформации. Мы можем судить о нем только на основании его опубликованных проповедей и антитезисов, выдвигавшихся им против Лютера. Но в них преподано стандартное схоластическое учение об индульгенциях, основанное на преувеличенном представлении о папской власти, и Тецель вовсе не игнорирует необходимость покаяния как условия отпущения грехов¹⁸⁶. Но, вероятно, Тецель не подчеркивал этого момента на практике и делал неосторожные заявления, которые оказывали опасное влияние. В плане личного характера он явно не был безупречен, если мы поверим такому свидетелю, как папский нунций Карл фон Мильтиц, прекрасно информированный и обвинявший Тецеля в жадности, нечестности и прелюбодеянии¹⁸⁷.

Тецель с большой помпезностью и шумом разъезжал по Германии, с беззастенчивым напором и великим красноречием рекламируя папские индульгенции перед толпами народа, который стекался к нему отовсюду. Его принимали как вестника небес. Священники, монахи, городские власти, мужчины и женщины, старики и молодежь устраивали торжественные процессии с песнями, знаменами и свечами под звон колоколов, чтобы встретить его и его товарищей-монахов и сопроводить их в церковь. Там папскую буллу на бархатной подушечке клали на высокий алтарь. Перед ней ставили красный крест с шелковым знаменем, на котором был изображен герб папы, а под крестом помещался большой железный сундук для сбора денег от продажи индульгенций. Такие сундуки до сих пор сохранились во многих местах. Проповедники ежедневно проповедами, гимнами и процессиями восхваляли папскую буллу, убеждая народ приобретать индульгенции для себя и в то же время не пренебрегать заботой о покойных родственниках и друзьях, чтобы и их души могли освободиться от страданий чистилища сразу же, «как только в сундуке раздастся звон монеты»¹⁸⁸.

Простые люди с радостью принимали редкое предложение спастись от наказания, не разграничивая вину и наказание за грех. После проповеди они подходили к сундуку с горящими свечами в руках, исповедовались в грехах, платили деньги и получали индульгенции, которые бережно хранили как пропуск на небеса. Но умные и благочестивые души были поражены подобным зрелищем. Они спрашивали, неужели Бог любит деньги больше, чем справедливость, и почему папа, имеющий в распоряжении всю безграничную сокровищницу избыточных заслуг, не опустошил сразу всё чистилище для перестройки собора Святого Петра или не построил его на собственные средства.

¹⁸⁶ В тезисах 55 и 56 своего первого «Диспута» (1517) он говорит, что душа, после того как очищена (*anima purgata, ist eine Seele gereinigt*), беспрепятственно устремляется из чистилища в присутствие Бога и что было бы *зablуждением* полагать, будто этого не может произойти до уплаты денег торговцу индульгенциями. См. латинский текст в Löscher, I. 509.

¹⁸⁷ *Auch hatte er zwei Kinder*. Послание Мильтица приводится в Löscher, III. 20; Walch, XV. 862; Kayser, I. c., 4-5. Защитники Тецеля стараются опровергнуть это свидетельство, обвиняя папского нунция в невоздержанности по части алкоголя, однако пьяницы, подобно детям и безумцам, обычно говорят правду, и когда Мильтиц писал это послание, он был трезв. Кроме того, у нас есть независимое свидетельство Лютера, который говорит в своей книге против герцога Генриха Бرونсвикского (*Wider Hans Wurst*, p. 50), что в 1517 г. Тецель был приговорен императором Максимилианом к утоплению в Инне, в Иннсбруке («надо полагать, не за его великую добродетель»), но его спас герцог Фридрих. Позже об этом событии вспоминали во время споров о «Тезисах», и Тецель признал истинность данного факта.

¹⁸⁸

*Sobald der Pfennig im Kasten klinget,
Die Seel' aus dem Fegfeuer springt.*

Матезий и Иоганн Гесс, два свидетеля того времени, приписывают это высказывание (с значительными изменениями) самому Тецелю. Лютер использует его в тезисах 27 и 28, а также в своей книге *Wider Hans Wurst* (Erl. ed., XXVI. 51).

Тецель приблизился к владениям курфюрста Саксонии, который сам усердно поклонялся реликвиям и верил в индульгенции, но не впустил торговцев спасением на свою территорию, боясь, что его подданные потратят слишком много средств. Поэтому Тецель организовал торговлю на границе Саксонии, в Ютербоге, в нескольких часах пути от Виттенберга¹⁸⁹.

Именно его тамошняя деятельность и вызвала протест реформатора, который уже летом 1516 г. произнес проповедь, предостерегая от веры в индульгенции. Своим отвращением к римской системе в целом Лютер навлек на себя недовольство курфюрста, хотя у того и были сомнения по поводу некоторых важных вопросов, связанных с Римом.

Лютер рассматривал отпущение грехов как безвозмездный дар благодати, который принимается с живой верой. Его понимание было диаметрально противоположно покупке освобождения за деньги. Так возник непримиримый конфликт принципов. И Лютер не смог молчать, когда торговля прощением развернулась на границе его земли. Как проповедник, пастырь и профессор, он решил, что обязан протестовать против подобных эксцессов. Промолчать значило бы предать свое богословие и совесть.

Возможно, ревность между августинским орденом, к которому принадлежал Лютер, и доминиканским орденом, к которому принадлежал Тецель, сыграла здесь свою роль, но роль эта, вне всякого сомнения, была второстепенной. Гора может родить смешную мышь, но никакая мышь не родит гору. Спор с Тецелем (имя которого даже не упоминается в «Тезисах» Лютера) был чистой случайностью, а не причиной Реформации. Это была искра, от которой взрывается шахта. Рано или поздно Реформация совершилась бы, даже если бы Тецеля никогда не существовало. И Реформация действительно распространилась на разные страны без какой-либо связи с торговлей индульгенциями, за исключением немецкой Швейцарии, где роль Тецеля сыграл Бернардин Самсон, но уже после того, как Цвингли начал свои реформы.

§32. *Девяносто пять тезисов.* 31 октября 1517 г.

См. список литературы в §31.

После серьезных размышлений, не советуясь ни с кем из коллег и друзей, но следуя непреодолимому импульсу, Лютер совершил поступок, имевший самые непредвиденные последствия. Его можно сравнить с ударом топора, которым святой Бонифаций, за семьсот лет до того, срубил священный дуб и определил падение немецкого язычества. Лютер пожелал разобраться в животрепещущем вопросе об индульгенциях, который сам он, по его собственному признанию, недостаточно полно понимал в то время и который был тесно связан со спокойствием совести и с вечным спасением. Причем Лютер выбрал упорядоченный и привычный ему способ академического диспута.

Соответственно, в памятный день 31 октября 1517 г., который с тех пор стали отмечать в протестантской Германии как день рождения Реформации, в двенадцать часов он прикрепил (либо сам, либо с помощью кого-то другого) к дверям замковой церкви в Виттенберге девяносто пять латинских тезисов на тему индульгенций с предложением устроить научный диспут. В то же время он оповестил о данном факте архиепископа Альбрехта Майнцского и епископа Иеронима

¹⁸⁹ Ютербог — прусский город, около семи тысяч жителей, на железнодорожном пути из Берлина в Виттенберг. В Николаевской церкви Ютербога еще хранится сундук Тецеля для индульгенций.

Скульптура, к епархии которого принадлежал Виттенберг. Он выбрал канун дня Всех Святых (1 ноября), потому что это был один из самых популярных праздников, привлекавших профессоров, студентов и народ со всей округи в церковь, полную драгоценных реликвий¹⁹⁰.

Никто не принял вызов, и диспута не было. Профессура и студенты Виттенберга были единодушны по этому вопросу. Однако сценой, на которой диспут все-таки состоялся, стала сама история. Тезисы скопировали, перевели и напечатали. За несколько недель они, как на ангельских крыльях, разлетелись по всей Германии и Европе¹⁹¹.

Быстрому распространению реформаторской литературы способствовала полная свобода печати. Еще не существовало цензуры, авторских прав, книготорговли (в современном понимании этого слова) и газет. Торговцы, студенты и друзья носили книги из дома в дом. Народные массы не умели читать, но внимательно слушали чтецов. Проблемы Реформации были в основном практическими, ими интересовались все слои общества, а Лютер умело излагал самые возвышенные предметы самым популярным стилем.

Тезисы озаглавлены: «Диспут о прояснении действенности индульгенций». Они звучат очень непривычно для современного слуха и являются скорее католическими, чем протестантскими. В тезисах нет протеста ни против папы, ни против Римской церкви, ни против какого-либо ее учения. Они даже не против индульгенций, а только против злоупотребления ими. В тезисах явно осуждаются те, кто выступает против индульгенций (тезис 71), и говорится, что папа предпочел бы совсем разрушить собор Святого Петра, чем видеть его построенным на плоти и крови своей паствы (тезис 50). Тезисы предполагают веру в чистилище. В них нигде не упоминается Цецель, ничего не говорится о вере и оправдании, которые уже составляли центр богословия и благочестия Лютера. Автор желал быть сдержанным и совершенно не собирался вызывать раскол в матери-церкви. Когда тезисы были изданы в его собрании сочинений (1545), он

¹⁹⁰ Деревянные двери *Schlosskirche* сгорели в 1760 г. и заменены в 1858 г. металлическими, на которых был воспроизведен оригинальный латинский текст «Тезисов». Новые двери — это дар короля Фридриха Вильгельма IV, который полностью симпатизировал евангельской Реформации. Над дверями, на золотом фоне, помещено распятие, у ног Распятого — Лютер и Меланхтон (работа профессора фон Клёбера). Внутри церкви находятся могилы Лютера и Меланхтона, а также курфюрстов Фридриха Мудрого и Иоганна Твердого. *Schlosskirche* находилась в весьма плачевном состоянии и перестраивалась, когда я в последний раз посещал ее в июле 1886 г. Ее не следует путать со *Stadtkirche* Виттенберга, где Лютер часто проповедовал и где в 1522 г. впервые было преподано причастие под обоими видами.

¹⁹¹ Кнаак (Weim. ed., I. 230) полагает, что «Тезисы», которые были прикреплены к двери, были написаны либо самим Лютером, либо кем-то другим от руки и что вскоре после этого Лютер напечатал несколько копий для личного пользования (ибо Агрикола, который был в то время в Виттенберге, говорит об экземпляре тезисов, *напечатанном* на половине листа), однако недобросовестные печатники стали делать копии без его согласия. Юргенс говорит (III. 480), что в 1517 г. в Виттенберге вышло их два издания, в полный лист, и что в Берлинской библиотеке есть два экземпляра второго издания. «Тезисы» были написаны в два столбца, в четырех разделах; первые три раздела содержали по двадцать пять тезисов каждый, четвертый — двадцать. Немецкий перевод тезисов сделал Юст Ионас. Латинский текст есть во всех изданиях трудов Лютера, у Лёшера и в Ranke, *Deutsche Geschichte* (6th ed., vol. VI, 83-89, — дословно скопировано с оригинала, который хранится в Королевской библиотеке в Берлине). Полуавторизованный немецкий перевод Юста Ионаса приведен в Löscher, *Walch* (vol. XVIII), O. v. Gerlach (vol. I) и, с комментарием, в Jürgens (*Luther*, III. 484 sqq.). Английский перевод есть в Wace and Buchheim, *Principles of the Reformation*, London, 1883, p. 6 sqq. Я сравнил этот перевод с латинским оригиналом у Ранке и в веймарском издании и поместил его в конце этого раздела с некоторыми видоизменениями, добавлениями и примечаниями.

написал в предисловии: «Я позволяю оставить их, чтобы показать, как я был слаб, как колебался умственно, когда начал это дело. Я был тогда монахом и сумасшедшим папистом (*papista insanissimus*) и был настолько погружен в папские догмы, что без колебаний убил бы всякого, кто отказывается повиноваться папе».

Но в конечном итоге тезисы содержат живой зародыш нового богословия. Их форма католическая, но дух и задача — протестантские. Мы должны читать между строк и дополнять отрицания тезисов утверждениями предыдущих и последующих книг Лютера, особенно его *Resolutiones*, в которой он отвечает на возражения и много говорит о вере и оправдании. Тезисы представляют собой переход из сумеречной тьмы на свет. В них видна мощная работа искреннего ума и совести, всерьез занятых проблемами греха, покаяния и прощения, борющихся за освобождение от уз традиции. Их вполне можно было бы назвать «Диспутом, опровергающим домысел о папских индульгенциях и превозносящим полную и безвозмездную благодать Евангелия Христа». В них личный опыт оправдания верой и непосредственное общение со Христом и Евангелием противопоставлены внешней системе церковного и священнического посредничества и человеческих заслуг. Папские оппоненты предугадали логический результат тезисов гораздо лучше, чем Лютер, и приняли их за попытку подорвать сами устои папства. Необратимый процесс Реформации скоро уничтожил индульгенции как не соответствующее Писанию средневековое человеческое предание¹⁹².

В первом тезисе определено ключевое понятие: «Наш Господь и Учитель, говоря: “Покайтесь”¹⁹³, хотел, чтобы покаянием была вся жизнь верующих»¹⁹⁴. Соответствующее греческое существительное означает изменение состояния ума (*μετάνοια*) и предполагает как отказ от греха в искреннем сокрушении и печали, так и обращение к Богу с сердечной верой. Во втором тезисе Лютер различает подлинное покаяние и покаяние как таинство (из исповеди и отпущения, даруемого священником). Он воспринимает покаяние как внутреннее состояние и умственную дисциплину, а не как ряд внешних поступков, хотя он явно говорит в третьем тезисе, что покаяние должно проявиться в разнообразных умерщвлениях плоти. Покаяние — это постоянный конфликт верующего духа с греховной плотью, ежедневное пробуждение сердца. Пока остается грех, существует и потребность в покаянии. Папа не может отпущать грехи. Он может только объяв-

¹⁹² Юргенс (III. 481) сравнивает тезисы со вспышками молнии, вдруг появляющейся из-за туч. Гундесгаген (в Piper, «Evangel. Kalender», 1859, p. 157) говорит: «Несмотря на границы, в которых Лютер держался в тот раз, тезисы во многих отношениях отражают Лютера более позднего времени — искренность и честность его души, его ревностную верность практическому христианству, самозабвенную преданность истинам Писания, понимание религиозных нужд народа, здоровое осмысление злоупотреблений и развращенности в церкви, глубокое, но либеральное благочестие». Мнение Ранке о тезисах выражено кратко, но емко и весомо: *Wenn man diese Sätze liest, sieht man, welch ein künner, grossartiger und fester Geist in Luther arbeitet. Die Gedanken sprühen ihm hervor, wie unter dem Hammerschlag die Funken (Deutsche Gesch., vol. I, p. 210)*.

¹⁹³ Лютер приводит перевод *μετανοείτε, poenitentiam agite*, «сотворите покаяние», из Вульгаты, что подкрепляет римско-католическое представление о том, будто покаяние заключается в определенных внешних действиях. Он впервые узнал об истинном значении греческого слова *μετάνοια* год спустя от Меланхтона, и это стало для него откровением.

¹⁹⁴ *Dominus et magister noster Jesus Christus dicendo ‘Poenitentiam agite’, etc. [Мф. 4:17], omnem vitam fidelium poenitentiam esse voluit*. Характерным контрастом представляется, что Тецель начинает свой пятидесятый встречный тезис с прославления папы как верховного главы церкви: *Docendi sunt Christiani, ex quo in Ecclesia potestas Papae est suprema et a solo Deo instituta, quod a nullo puro homine, nec a toto simul mundo potest restringi aut ampliari, sed a solo Deo*.

леть о Божьем прощении, и он может отменить только то наказание, которому подвергает он сам или каноники (тезисы 5 и 6). Прощение же сопровождается подлинным покаянием. Оно может быть обретено лишь в заслуге Христа. Отсюда проистекает еще один важный тезис (62): «Подлинное сокровище церкви — это святое Евангелие славы и благодати Божьей». Так выглядел отказ от средневекового представления об избыточных заслугах и наградах, которыми якобы распоряжается папа на благо живых и мертвых.

Итак, мы видим, что в этом манифесте говорится, с одной стороны, о человеческой греховности, которая требует пожизненного покаяния, а с другой — о полной и безвозмездной благодати Бога во Христе, которая может быть принята только с живой верой. По сути, здесь излагается евангельское учение об оправдании верой (хотя оно точно не сформулировано), и тезисы разрушают всю схоластическую теорию и практику индульгенций. Критикуя злоупотребление индульгенциями, Лютер, сам того не желая, остановил реку средневекового католичества. Провозгласив более глубокое понятие покаяния в вере и указав на благодать Христа как подлинный и единственный источник спасения грешника, он определил принципы евангельского протестантизма и высек искру огня, пламя которого тут же заполыхало гораздо сильнее, чем он ожидал.

ДЕВЯНОСТО ПЯТЬ ТЕЗИСОВ ДИСПУТ ДОКТОРА МАРТИНА ЛЮТЕРА О ПОКАЯНИИ И ИНДУЛЬГЕНЦИЯХ

С желанием и намерением прояснить истину в Виттенберге состоится диспут по следующим положениям под руководством достопочтенного отца Мартина Лютера, монаха ордена святого Августина, магистра искусств и священного богословия и университетского профессора этой науки в упомянутом городе¹⁹⁵. И он просит, чтобы те, кто не сможет присутствовать и обсудить эту тему с ним устно, сделали это письменно, через послания. Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

1. Наш Господь и Учитель Иисус Христос, говоря: «Покайтесь» [дословно: «Сотворите покаяние», *poenitentiam agite*], и т. д., — хотел, чтобы покаянием [*poenitentiam*] была вся жизнь верующих¹⁹⁶.

2. Это слово, *poenitentia*, нельзя понимать как относящееся к таинству покаяния, то есть к исповеданию и отпущению греха, которое совершается в ходе служения священников.

3. И здесь имеется в виду не только внутреннее покаяние. Более того, такое внутреннее покаяние — ничто, если оно внешне не ведет к разнообразным видам умерщвления плоти [*varias carnis mortificationes*].

4. Такое наказание [*poena*] продолжается до тех пор, пока существует ненависть к себе — то есть внутреннее покаяние [*poenitentia vera intus*]; а именно, до нашего вступления в царство небесное.

5. Папа не имеет ни намерения, ни власти отменять наказания, кроме тех, которые он назначил собственной властью или властью каноников¹⁹⁷.

¹⁹⁵ В немецком переводе здесь добавляется имя Тецеля (*wider Bruder Johann Tetzel, Prediger Ordens*), но в латинском тексте его нет.

¹⁹⁶ Первые четыре тезиса направлены против схоластического представления о таинстве покаяния, в котором акцент ставился на отдельных внешних действиях. Лютер же ставит акцент на *внутреннем* изменении, которое должно проявляться *во всей жизни*. Пока существует грех, существует и потребность в покаянии. Святой Августин и святой Бернар провели последние дни жизни в глубоком покаянии и размышлениях о покаянных псалмах. Лютер сохранил текст Вульгаты, не зная о подлинном значении греческого оригинала (*μετανοια* — это изменение состояния ума, обращение). В тезисах он колеблется между католическим и евангельским взглядом на покаяние.

¹⁹⁷ Этот тезис сводит смысл индульгенций к простой отмене церковных наказаний, действующих только в этой жизни. Он исключает возможность влияния индульгенций на чистилище. См. также тезис 8.

6. Папа не имеет власти освобождать от вины, он может только объявлять и подтверждать, что она отпущена Богом; а освободить от вины он может, только когда сам налагает ее законным образом; и в этом случае вина явно остается, если таковым правом пренебрегают.

7. Бог отпускает человеку вину, только когда человек, смирившийся во всем, подчиняется власти замещающего Его священника [*sacerdoti suo vicario*].

8. Каноны покаяния могут быть применены только к живым, тогда как к покойным наложение любого бремени неприменимо.

9. И потому Святой Дух, действующий в папе, благостно делает в его декретах исключение для случаев, когда человек находится на смертном одре или в отчаянных обстоятельствах.

10. Неразумно и неправильно ведут себя те священники, которые, в случае с умирающими, откладывают каноническое покаяние до чистилища.

11. Плевелы, продлевающие каноническое покаяние до покаяния в чистилище, похоже, были посеяны, пока епископы спали.

12. Раньше каноническое наказание исполнялось не после, а до отпущения грехов, служа испытанием раскаяния на подлинность.

13. Умиравший несет полную наказания своей смертью, после которой он уже мертв для канонических законов и правомерно освобождается от их действия.

14. Если умирающий имеет недостаточно здравомыслия или благочестия, он неизбежно испытывает великий страх, и чем больше этот недостаток, тем больше страх.

15. Не говоря уже о другом, этот страх и ужас достаточен сам по себе, чтобы воссоздать муки чистилища, так как он очень близок к ужасу отчаяния.

16. Ад, чистилище и небеса предположительно различаются между собой как отчаяние, близость к отчаянию и упокоение рассудка [*serenitas*].

17. С душами в чистилище, похоже, происходит так: по мере того как ужас в них ослабевает, возрастает их благодать.

18. Ни разумные доводы, ни Писание не подтверждают, что такие души лишены заслуг или возможности возрастать в благодати.

19. Не доказано, что они, по крайней мере, все до единой, уверены в своем блаженстве и сознают его, тогда как мы можем быть в нем совершенно уверены.

20. Следовательно, папа, когда говорит о полном отпущении всех наказаний, имеет в виду не все их, но только те, которые он назначает сам.

21. Таким образом, заблуждаются те проповедники индульгенций, которые говорят, будто папскими индульгенциями человек освобождается и спасается от всякого наказания.

22. И, фактически, папа не освобождает от наказания души в чистилище, ведь каноническое наказание они должны были понести в этой жизни.

23. Если кому-либо и может быть даровано полное прощение всех грехов, нет сомнений, что это будет только с самыми совершенными, то есть с очень немногими.

24. А потому подавляющая часть людей обманывается, когда выслушивает это высокомерное обещание освободить от наказания всех без разбора.

25. Властью, которой папа обладает над чистилищем вообще, в равной мере наделен каждый епископ в своей епархии и каждый священник в своем приходе.

26. [Приводится по латинскому тексту I.] Папа поступает самым праведным образом, когда предоставляет прощение душам не отпущением грехов по своей власти над ключами (которая в данном случае не действует), а путем ходатайства [*per modum suffragii*].

27. Проповедуют человеческое те, кто говорит, будто душа вылетает из чистилища сразу же, как только в сундуке раздастся звон монеты [*ut jactus nummus in cistam tinnierit*].

28. Однако несомненно то, что со звоном денег, упавших в сундук, возрастают жадность и алчность, тогда как ходатайство церкви достигает цели исключительно по Божьей воле.

29. Кто знает, все ли души в чистилище желают быстрее покинуть его, если принять во внимание истории о святых Северине и Пасхалии¹⁹⁸?

30. Ни один человек не может быть уверен в достоверности собственного раскаяния, а тем более в том, что он получил полное отпущение грехов.

31. Редко истинно кающееся те, и столь же редок тот, кто покупает индульгенции истинным образом — точнее даже, это наиредчайший случай.

32. Тот, кто верит, что письмом об отпущении грехов ему обеспечено спасение, проклят вместе со своими учителями.

33. Мы должны особо избегать тех, кто называет эти папские отпущения грехов бесценным даром Бога, посредством которого человек примиряется с Богом.

¹⁹⁸ Говорили, что эти святые предпочли страдать в чистилище дольше, чем нужно было для их спасения, чтобы удостоиться высшей степени созерцания Бога.

34. Ибо благодать таких отпущений касается лишь таинства наказаний, налагаемых человеком.

35. Не возмещают христианского учения те, кто говорит, будто покаяние не обязательно при выкупе души из чистилища или при покупке разрешения на исповедь.

36. Каждый христианин, который испытывает искреннее раскаяние, имеет право на полное освобождение от страданий и вины даже без писем об отпущении.

37. Каждый истинный христианин, живой или мертвый, имеет долю всех благ Христа и церкви, данную ему Богом, даже без писем об отпущении.

38. Но отпущением, которое дает папа, не следует пренебрегать, ибо оно, как я уже говорил, есть провозглашение отпущения грехов Богом.

39. Даже самым ученым богословам не удается одновременно провозгласить и широту отпущений, и потребность подлинного покаяния.

40. Подлинное покаяние тянется к наказанию и любит его, тогда как щедрость папских отпущений ослабляет эту тягу, заставляя ненавидеть наказание или, по крайней мере, потворствует такому отношению.

41. Об апостольском отпущении грехов следует объявлять осторожно, не склоняя людей к ложному выводу, будто оно выше дел милосердия.

42. Христиан следует учить, что папа даже близко не уравнивает покупку отпущения грехов с делами милосердия.

43. Христиан следует учить, что подающий нищему или одалживающий нуждающемуся поступает лучше, чем если бы он покупал отпущение.

44. Ведь в делах милосердия возрастает милость, и человек становится лучше; вследствие же отпущений греха он не становится лучше, а становится более свободным от наказания.

45. Христиан следует учить, что тот, кто видит нуждающегося, но, проходя мимо него, тратит деньги на отпущение грехов, покупает себе не индульгенцию от папы, а Божий гнев.

46. Христиан следует учить, что, если у них нет избыточного богатства, они должны сохранять необходимые средства для пользы своей семьи, а не растрачивать их на отпущения грехов.

47. Христиан следует учить, что, хотя они вольны покупать отпущение грехов, им не дано заповеди делать это.

48. Христиан следует учить, что папа, даря отпущения, больше нуждается и больше желает искренних молитв, нежели немедленной уплаты денег.

49. Христиан следует учить, что папское отпущение полезно, если они не уповают исключительно на него, но очень вредно, если из-за него они утрачивают страх Божий.

50. [Латинский текст XXV]. Христиан следует учить, что, если бы папа знал о вымогательствах проповедников отпущения, он предпочел бы, чтобы базилика Св. Петра была сожжена дотла, нежели выстроена на коже, плоти и костях его пасомых.

51. [I.] Христиан следует учить, что при необходимости папа был бы готов продать базилику Св. Петра и отдать свои средства множеству тех, у кого проповедники отпущения изымают деньги.

52. Напрасна надежда на спасение через письмо отпущения, даже если бы продающий — пускай даже сам папа — отдал бы в залог за них собственную душу.

53. Враги Христа и папы те, кто ради проповеди папских отпущений препятствует проповеди слова Божьего в других церквях.

54. Слово Божьему наносится вред, когда в одной и той же проповеди папскому отпущению уделяется больше или столько же внимания, сколько словам Бога [*verbis evangelicis*].

55. Папа непреложно считает, что если такое менее важное событие [*quod minimum est*], как предоставление папских отпущений, отмечается одним колокольным звоном, одной процессией и одной церемонией, то Евангелие, важность которого крайне велика [*quod maximum est*], следует проповедовать с сотней церемоний.

56. Сокровища церкви, которыми папа пользуется, предоставляя индульгенции, недостаточно часто упоминаются и недостаточно хорошо известны среди народа Христа¹⁹⁹.

57. Понятно, что это, в любом случае, не мирские сокровища, ибо множество проповедников с умножением своих проповедей не расточают, а собирают их.

58. Это и не заслуги Христа и святых; ибо таковые, независимо от папы, всегда содействуют к благодати во внутреннем человеке и к принятию креста, смерти и ада человеком внешним.

59. Святой Лаврентий сказал, что сокровище церкви — это ее нищие, но он говорил в соответствии с употреблением этого слова в свою эпоху.

60. Не будет опрометчивостью утверждать, что этим сокровищем являются ключи церкви, которые мы получаем через заслуги Христа.

¹⁹⁹ Этот и следующие тезисы подрывают теоретическую основу индульгенций, а именно, схоластический вымысел про сверхдолжные заслуги святых, находящиеся в распоряжении папы.

61. Однако совершенно ясно, что у папы достаточно власти для того, чтобы освободить от наказания и решать только во вверенных ему вопросах.

62. Подлинное же сокровище церкви — это святое Евангелие славы и благодати Божьей [*Verus thesaurus ecclesiae est sacrosantum Evangelium gloriae et gratiae Dei*].

63. Однако это сокровище удостоивается ненависти [*merito odiosissimus; der allerfeindseligste und verhassteste*], ибо оно первых делает последними.

64. А сокровище индульгенций, наоборот, удостоивается одобрения, потому что оно последних делает первыми.

65. То есть сокровища Евангелия — это сети, которые с древних времен вылавливали человек из власти богатств.

66. А сокровища индульгенций — это сети, которыми ныне вылавливают богатства из людей.

67. Проповедники преподносят индульгенции как величайшую благодать, но индульгенции можно назвать величайшей благодатью лишь в деле наживы [*denn es grossen Gewinnst und Geniess trägt*].

68. А на самом деле они — наименьшая благодать в сравнении с благодатью Бога и милостью Креста.

69. Епископы и священники должны принимать посланников апостольского отпущения со всяким почтением.

70. Но еще больше они обязаны смотреть во все глаза и слушать во все уши, чтобы эти люди вместо папского наказа не начинали проповедовать свои собственные домыслы.

71. Тому, кто говорит против истины апостольского отпущения, да будет анафема и проклятие [*sit anathema et maledictus; der sei ein Fluch und vermaladeiet*].

72. А тот, кто, с другой стороны, выступает против пустых и неразумных речей проповедников отпущения, да будет благословен.

73. Папа справедливо обрушивает гнев [лат. *fulminat*; нем. *mit Ungnade und dem Bann schlägt*] на тех, кто пользуется любыми ухищрениями, чтобы помешать распространению отпущения;

74. Но он еще более склонен порицать тех, кто, под предлогом отпущения, использует ухищрения во вред святой милости и истине.

75. [XXV.] Было бы безумием полагать, что папские отпущения способны отпустить грех даже человеку, который — хотя это и невозможно — надругался над Матерью Бога.

76. [I.] Мы утверждаем, напротив, что папские отпущения [*veniae papales*] не могут освободить даже от малейших прощаемых грехов в том, что касается вины [*quoad culpam*].

77. Говорит же, что даже святой Петр, если бы он сегодня был папой, не мог бы даровать большей благодати {чем индульгенции}, — хула на святого Петра и на папу.

78. Напротив, мы утверждаем, что у него, равно как и у любого другого папы, есть более великие блага, а именно: Евангелие, милости, дары, исцеления и т. д. (1 Кор. 12:9).

79. Говорить, что распятие, возносимое папской рукой, обладает равной властью с крестом Христовым, — богохульство.

80. А епископам, священникам и богословам, которые позволяют вести такие разговоры среди народа, предстоит ответить за это.

81. Такая свобода в проповеди отпущения приводит к тому, что даже ученым людям непросто защитить честь папы от хулы или, по меньшей мере, от уличающих вопросов мирян.

82. Например: Раз уж папа освобождает бесконечное множество душ ради пагубнейшей вещи, денег, которые тратятся на возведение базилики — дело пустейшее, так почему он не освободит чистилище от всех находящихся там по одной лишь святой милости и ради высшей потребности душ? Ведь именно такова вернейшая причина сделать это.

83. И еще: Почему продолжают совершаться погребальные мессы и мессы в годовщину усопших и почему папа не вернет или не позволит забрать средства, отданные на эту цель, ведь нет смысла молиться за тех, кто уже искуплен?

84. И еще: В чем состоит эта новая милость Бога и папы, если они позволяют нечестивцу и Божьему врагу за деньги покупать благочестие души и угодение Богу, но не искупают ту же самую благочестивую и ценную душу по чистой милости ради ее собственной потребности?

85. И еще: Почему каноны покаяния, давно заброшенные и сами себя похоронившие, вновь оживают и действуют, когда дело доходит до распространения индульгенций за деньги?

86. И еще: Почему папа, у которого сегодня больше богатств, чем у самого богатого богача, не построит базилику Св. Петра на собственные средства, а строит ее на средства бедных верующих?

87. И еще: Что папа продает в качестве отпущения тем, кто, в совершенстве покайся, и без денег уже имеет полное отпущение грехов и спасение?

88. И еще: Что благого прибавится к церкви, если папа, вместо нынешнего единократного, будет предоставлять каждому верующему прощение и отпущение по сто раз в день?

89. Если папа помышляет о спасении душ отпущениями, а не о деньгах, почему же он тогда отменяет прежние письма и декреты отпущения, ведь они в равной мере действительны?

90. Подавлять эти сомнения и доводы мирян одной лишь силой, не прибегая к разумным доказательствам, — значит подвергать церковь и папу насмешкам врагов и огорчать христиан.

91. Если бы отпущения грехов проповедовались по разумению и духу, какими мыслит папа, то все эти вопросы были бы с легкостью решены, однако такого не происходит.

92. Долой тех пророков, которые говорят народу Христа: «Мир, мир», — но мира нет.

93. Благословенны все те пророки, которые говорят народу Христа: «Крест, крест», — но креста нет.

94. Христиан необходимо призывать к следованию за их Главой, Христом, через боль, смерть и ад;

95. [Лат. текст XX.] и к готовности войти на небеса скорее через множество скорбей, нежели через безмятежность покоя [*per securitatem pacis*].

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, Мартин Лютер, доктор, из монашеского ордена в Виттенберге, желаю публично заявить, что мною были выдвинуты определенные утверждения против так называемых «папских индульгенций». Хотя до настоящего времени ни наша знаменитая и прославленная школа, ни какая-либо другая гражданская или церковная власть меня не осуждала, существуют, как я слышал, некие опрометчивые и дерзкие люди, которые осмеливаются объявлять меня еретиком так, будто бы этот вопрос уже был тщательно рассмотрен и обсужден. Что же касается меня, то я, как часто делал прежде, так и теперь призываю всех людей, по вере Христовой, либо указать мне лучший путь, если Бог открыл такой путь кому-то, либо подчинить свое мнение суду Бога и церкви. Ибо я не настолько опрометчив, чтобы считать, будто мое мнение следует предпочитать мнению остальных людей, и не настолько неразумен, чтобы подменять Слово Бога домыслами человеческого разума.

§33. Спор о тезисах. 1518

LUTHER, *Sermon vom Ablass und Gnade*, напечатано в феврале 1518 г. (Weimar ed., I. 239-246; на лат. 317-324); *Kurze Erklärung der Zehn Gebote*, 1518 (I. 248-256, на лат. под заглавием *Instructio pro Confessione peccatorum*, p. 257-265); *Asterisci adversus Obeliscos Eckii*, March, 1518 (I. 278-316); *Freiheit des Sermons päpstlichen Ablass und Gnade belangend*, июнь 1518, против Тецеля (I. 380-393); *Resolutiones disputationum de indulgentiarum virtute*, август 1518, посвящено папе (I. 522-628). Послания ЛЮТЕРА архиепископу Альбрехту, Шпалатину и другим в De Wette, I. 67 sqq.

TETZEL, *Anti-Theses*, 2 серии, одна из 106, другая из 50 сентенций, обе напечатаны в LÖSCHER, *Ref. Acta*, I. 505-514, 518-523. Еск: *Obelisci*, *ibid.* III. 333.

Подробно о споре см. в JÜRGENS (III. 479 sqq.), KÖSTLIN (I. 175 sqq.), KOLDE (I. 126 sqq.), BRATKE и DIECKHOFF, цит. в §31.

Тезисы Лютера стали трактатом на все времена. Они прозвучали как трубный глас Реформации. Они были с восторгом приняты либеральными учеными и врагами монашеского обскурантизма, немецкими патриотами, жаждавшими освобождения от итальянских поборов, и тысячами простых христиан, уповавших на посланца Провидения, который выразил бы их негодование против укоренившихся злоупотреблений и их желание чистой, духовной веры, соответствующей Писанию. «Вот! — воскликнул доктор Флек, — Наконец пришел человек, который совершит это дело!» Рейхлин возблагодарил Бога, сказав: «Монахи нашли человека, который предоставит им полную занятость, и теперь они с радостью позволят мне мирно провести старость»²⁰⁰.

²⁰⁰ Пророческий сон курфюрста, о котором так часто рассказывают, — вымысел. Кестлин опровергает его подлинность (I. 786 sq.). Накануне того дня, когда Лютер вывесил тезисы, курфюрсту Фридриху якобы приснилось, что Бог послал ему монаха, истинного сына апостола Павла, и что этот монах написал нечто на двери замковой церкви Виттенберга пером, которое достало до Рима, пронзило голову и уши льва (Льва) и сотрясло тиару папы. Мерль д'Обинье подробно описывает этот сон, который «в основном правдив, хотя некоторые разумные сомнения и существуют». Он ссылается на оригинальную рукопись, созданную под диктовку Шпалатина, из архивов Веймара, которая была опубликована в 1817 г. Однако эта рукопись, по

С другой стороны, тезисы подверглись решительным нападкам и критике со стороны епископской и церковной иерархии, монашеских орденов, особенно доминиканцев, и университетов — фактически, всех сторонников схоластического богословия и традиционной ортодоксии. Сам Лютер, бывший тогда бедным и изможденным монахом, сначала был напуган неожиданным эффектом своего поступка. Многие его друзья тоже испугались. Один из них сказал ему: «Ты говоришь правду, добрый брат, но ты ничего не добьешься. Ступай же в свою келью и скажи: “Бог да смилуется надо мной!”»²⁰¹.

Главными авторами, выступившими против Лютера, были Тецель из Лейпцига, Конрад Вимпина из Франкфурта-на-Одере и, самый ученый и грозный из них, Иоганн Экк из Ингольштадта, который сначала был другом Лютера, а теперь стал его непримиримым врагом. Эти оппоненты были представителями трех университетов и схоластического богословия «ангелического доктора» святого Фомы Аквината, царившего над умами того времени. Но эти люди лишь повредили своему делу в глазах общественности, так как их защита оказалась слабой. Они не смогли подкрепить учение и практику индугенций аргументами ни из Слова Божьего, ни даже из трудов греческих и латинских отцов церкви, так что им пришлось опираться исключительно на авторитет папы. Они говорили даже о папской непогрешимости, хотя в Римской церкви этот вопрос оставался открытым до Ватиканского декрета 1870 г.

Лютер вел себя смело. При всей его слабости за ним была сила. Он понимал, что начал свое дело во имя Бога и во славу Божию, и был готов пожертвовать жизнью ради защиты искренних убеждений. Он утешался советом Гамалиила. Несколько его посланий этого периода подписано: *Martinus Eleutherios* (Вольноотпущенный), но к этому добавлено: *vielmehr Knecht* (а скорее, Раб). Он ощущал себя свободным от людей, но рабом Христа. Когда его друг Шурф сказал ему: «Они этого не потерпят», — он ответил: «А что, если им придется?» Лютер возражал всем своим оппонентам прямо или опосредованно, на лагьни или на немецком, с кафедры церкви или университета и через печать. Уже стало формироваться его потрясающее полемическое влияние, которое особенно проявилось в его немецких произведениях. Он отличался здравомыслием, остроумием, владел иронией и умел браниться. К сожалению, он часто прибегал к вульгарным и грубым выражениям, которые даже в тот полуварварский век оскорбляли людей, обладавших тактом и вкусом, и подавали дурной пример его последователям, которые вели ожесточенные богословские споры внутри лютеранской церкви²⁰².

свидетельству доктора Буркхардта, библиотекаря, является лишь копией XVIII века. Никаких упоминаний об этом сне мы не находим вплоть до 1591 г. Шпалатин в своих собственных произведениях и посланиях к Лютеру и Меланхтону нигде о нем не говорит.

²⁰¹ Альберт Кранц из Гамбурга, ум. 7 декабря 1517 г. (Köstlin, I. 177).

²⁰² Он сказал о Тецеле, что тот обращается с Библией *wie die Sau mit dem Habersack* (как свинья с мешком муки); об ученом кардинале Каетане — что тот разбирается в духовном богословии «как осел в игре на арфе»; Альвельда, профессора богословия из Лейпцига, он называл «ослом из ослов», а доктора Экка — *Dreck*, за что тот в ответ прозвал его *luteus, lutra* и т. п. Такая резкость была в обычаях того времени, но Лютер был грубейшим из грубых, равно как и сильнейшим из сильных. Если проводить аналогию со сторожевым псом, то он больше лаял, чем кусал, и за его оскорбительными выражениями и сложным нравом скрывалось доброе и великодушное сердце. Его самые яростные произведения направлены против Эмсера (*Au den Emserschen Steinbock*), короля Генриха VIII, герцога Генриха Бронсвикского (*Wider Hans Wurst*); сюда же следует отнести его последнюю атаку на папство как «учрежденное дьяволом» (1545), о которой Доллингер говорит (*Luther*, p. 48), что она была написана *im Zustande der Erhitzung durch berausende Getränke*.

В ходе спора Лютеру пришлось вступить в конфликт с папской властью, на которой в конечном итоге покоилась и теория, и сама торговля индульгенциями. Дискуссия вылилась в спор о том, непогрешима и окончательна ли власть папы или же она подлежит исправлению авторитетом Писания и общецерковными соборами²⁰³. Лютер был сторонником последнего мнения, но заявлял, что он не еретик и не учит ничему, что противоречило бы Писанию, древним отцам церкви, вселенским соборам и указам пап. Он надеялся на благосклонное отношение к себе Льва X, которого он лично уважал. Он даже осмелился посвятить папе свои *Resolutiones*, защиту «Тезисов» (30 мая 1518 г.), с кратким посланием, в котором он обещал слушаться папы как самого гласа Христова²⁰⁴.

Такое anomальное и противоречивое положение не могло продолжаться долго.

В разгар этого спора, в апреле 1518 г., Лютер был послан делегатом на собрание монахов-августинцев в Гейдельберг и получил там возможность отстоять в публичных дебатах сорок выводов или «богословских парадоксов» из апостола Павла и святого Августина о природной греховности, порабощении воли, возрождающей благодати, вере и добрых делах. Он отстаивал *theologia crucis*, а не *theologia gloriae*, и сравнивал закон с Евангелием. «Закон говорит: “Делай это!” — и никогда не делает. Евангелие говорит: “Поверь во Христа”, — и все сделано». Последние двенадцать парадоксов были направлены против философии Аристотеля²⁰⁵.

Он получил значительный отклик и посеял семена Реформации в Пфальце. Среди его юных слушателей были Буцер и Бренций, которые позже станут выдающимися деятелями Реформации, один — в Страсбурге и в Англии, другой — в герцогстве (нынешнем королевстве) Вюртемберг.

§34. Вмешательство Рима. Лютер и Приериас. 1518

R. P. Silvestri Prieratis ordinis praedicatorum et s. theol. professoris celeberrimi, s. palatii apostolici magistri, in praesumptuosas Martini Lutheri conclusiones de potestate papae dialogus. В LÖSCHER, II. 13-39. КНААКЕ (*Werke*, I. 644) относит первое издание ко второй половине июня 1518 г., но более вероятна дата декабрь 1517 г., приведенная в LÖSCHER (II. 12) и эрлангенском издании. Он упоминает пять отдельных изданий, два из которых были опубликованы Лютером без примечаний; позже он выпустил издание со своим опровержением.

Ad Dialogum Silvestri Prierati de potestate papae responsio. В LÖSCHER, II. 3; Weim. ed., I, 647-686, II. 48-56. Нем. перев. — в WALCH, XVIII. 120-200.

²⁰³ {Здесь и далее английское слово *general* применительно к соборам переводится как *вселенский* или *общецерковный*, которые, в сущности, одинаковы по значению, однако *вселенский* в христианской литературе обычно используется более узко и обозначает лишь первые семь общецерковных соборов, тогда как Католическая церковь использует его широко, применительно ко всем своим общим соборам, причисляя их ко вселенским. В буквальном же смысле ни один общецерковный собор на земле не может быть назван вселенским, поскольку все они ограничены в своем представительстве рамками времени и не могут выносить суждения от имени предшествующих или последующих поколений христиан. Вселенскими их можно называть лишь в той мере, в которой они опираются в своих решениях на Писание, и прежде всего на Слово Христа, которое как раз и обладает вселенским авторитетом, распространяющимся на любое время и место существования Его церкви на земле. — Ю. Ц.}

²⁰⁴ *Beatissime Pater*, — говорит он в посвящении, — *prostratum me pedibus tuae Beatitudinis offero cum omnibus, quae sum et habeo. Vivifica, occide, voca, revoca, approba, reproba, ut placuerit: vocem tuam vocem Christi in te praesidentis et loquentis agnoscam. Si mortem merui, mori non recusabo. Domini enim est terra et plenitudo ejus, qui est benedictus in saecula, Amen, qui et te servet in aeternum. Amen. Anno MDXVIII* (*Works*, Weimar ed., I. 529; также в De Wette, *Briefe*, I. 119-122).

²⁰⁵ Weim. ed., I. 350-376. См. также Köstlin, I. 185 sq.

Папа Лев X был склонен игнорировать виттенбергское движение как презренную монашескую свару, но, когда ситуация начала становиться опасной, он попытался обезвредить немецкого монаха, применив свою власть. Говорят, что сначала он сказал: «Брат Мартин — человек редкого гения, а эти волнения — всего лишь ссора, затеянная монахами, которые ему завидуют»; но потом заявил: «Этот немец написал тезисы в пьяном виде. Когда он протрезвеет, он передумает».

Через три месяца после появления тезисов папа послал генерального викария августинского ордена успокоить неугомонного монаха. В марте 1518 г. он посчитал нужным назначить комиссию для расследования дела под руководством учебного доминиканца Сильвестра Мадзолини, по месту своего рождения именуемого Приерио или Приериас (также Приерас), мажордома папского дворца и профессора богословия.

Приериас пришел к выводу, что Лютер — невежественный богохульник и архиеретик, и поспешно написал на латыни диалог против его тезисов, надеясь сокрушить его с помощью схоластических тонкостей и веса папского авторитета (июнь 1518 г.). Приериас отождествлял папу с Римской церковью, а Римскую церковь — с церковью вселенской, осуждая любое отклонение как ересь. О тезисах Лютера он сказал, что они кусают, как дворовая шавка.

Лютер перепечатал «Диалог» с ответом, в котором называл Приериаса «надменно-высокомерной, чисто итальянской и фомистской личностью» (август 1518 г.).

Приериас ответил в своей *Replica* (ноябрь 1518 г.). Лютер также перепечатал ее, с кратким предисловием, и отправил назад вместе с советом, чтобы Приериас больше не выставлял себя на посмешище и не писал книг.

Их спор только усугубил разногласия.

Тем временем судьба Лютера была уже решена. Римская иерархия не могла больше терпеть такого опасного человека, как иудейская иерархия не могла терпеть Христа и Его апостолов. 7 августа 1518 г. Лютера призвали явиться в Рим в течение шестидесяти дней и отречься от своей ереси. 23 числа того же месяца папа потребовал от курфюрста Фридриха Мудрого, чтобы тот выдал «порожденные дьявола» папскому легату.

Но курфюрст, один из самых могущественных и уважаемых князей Германии, не хотел приносить в жертву светоч своего любимого университета и назначил мирные переговоры с папским легатом на рейхстаге в Аугсбурге, гарантировав Лютеру доброе обращение и благополучный возврат домой.

§35. Лютер и Каетан. Октябрь 1518 г.

Описание переговоров в Аугсбурге было напечатано Лютером в декабре 1518 г. Оно есть в Löschner, II. 435-492; 527-551; в Walsh, XV. 636 sqq.; в веймарском издании, II. 1-40. Послания Лютера см. в De Wette, I. 147-167. См. также Kahnis, I. 215-235; Köstlin, I. 204-238 (и его более краткую биографию, в англ. перев., р. 108).

Лютер отправился в Аугсбург в смиренном одеянии, пешком, пока болезнь не вынудила его, уже недалеко от города, взять повозку. Его сопровождали молодой монах и ученик Леонард Байер, а также его друг Линк. Он прибыл 7 октября 1518 г. и был благосклонно принят доктором Конрадом Пейтингером и двумя советниками курфюрста, которые порекомендовали ему вести себя осторожно и соблюдать принятые правила этикета. Все были взволнованы появлением человека, который, подобно второму Герострату, разжег такое пламя.

11 октября Лютер получил охранную грамоту, а на следующий день предстал перед папским легатом кардиналом Каетаном (Томмазо де Вио из Гаэты), который представлял папу на германском рейхстаге и должен был добиться там согласия на введение большого налога для войны против турок.

Каетан был, как и Приериас, доминиканцем, ревностным фомистом, человеком весьма ученым и морально последовательным, но упрямым и любившим помпезности. Он написал классический комментарий к *Summa* Фомы Аквината (который часто издают в приложении к «Сумме»), но в последние годы жизни, до самой смерти в 1534 г. — возможно, вследствие общения с Лютером, — он целиком посвятил себя изучению Писания и советовал это своим друзьям. С помощью знатоков еврейского и греческого он трудился над исправлением Вульгаты и созданием более точного перевода, выступал за либеральное мнение Иеронима по вопросам критики и канона и за более здоровое грамматическое толкование против аллегорических выдумок, не отказываясь, впрочем, от католического принципа предания.

Сколь велик был контраст между итальянским кардиналом и немецким монахом — хитрым дипломатом и искренним ученым, защитником средневековой схоластики и сторонником современного библейского богословия, представителем церковной власти и возвестителем личной свободы!

Они встречались трижды (12, 13, 14 октября). Каетан отнесся к Лютеру со снисходительной вежливостью и уверил его в своей дружбе²⁰⁶. Тем не менее он потребовал отречения от заблуждений и абсолютного подчинения папе. Лютер решительно отказался и заявил, что не будет делать ничего против совести; что следует повиноваться Богу, а не человеку; что на его стороне Писание; что апостол Павел один раз упрекнул в неправильном поведении даже Петра (Гал. 2:11), а нынешний преемник Петра уж тем более не является непогрешимым. Однако Лютер просил кардинала ходатайствовать перед Львом X, чтобы тот не осуждал его поспешно. Каетан пригрозил Лютеру отлучением, так как у него на руках уже был папский мандат, и отпустил его со словами: «Отрекись или больше не приходи ко мне». Каетан призвал Штаупица всеми силами уговорить Лютера и сказал, что не желает больше спорить с этим «немецким животным, у которого бездонный взгляд и в голове множество странных теорий»²⁰⁷.

В сложившихся обстоятельствах Лютеру пришлось покинуть Аугсбург ночью 20 октября — при помощи друзей, которые его сопровождали, через калитку в городской стене, верхом на норовистой кляче, без брюк, сапог и шпор. За один

²⁰⁶ На Лютера он сначала произвел благоприятное впечатление, и Лютер написал к Карлштадту 14 октября (De Wette, I. 161): «Кардинал постоянно называет меня своим дорогим сыном и уверяет Штаупица, что у меня нет лучшего друга, чем он... Меня бы приветствовали здесь как самого дорогого гостя, если бы я произнес единственное слово: *Revoco*. Но я не стану еретиком, отказавшись от мнения, которое сделало меня христианином. Я предпочел бы умереть, быть сожженным, изгнанным, проклятым». Позже Лютер писал о Каетане уже в ином тоне — например, в посланиях к курфюрсту Фридриху от 19 ноября (I. 175 sqq.) и Штаупицу от 13 декабря (De Wette, I. 194).

²⁰⁷ *Ego noto amplius cum hac bestia loqui. Habet enim profundos oculos et mirabiles speculationes in capite suo.* Об этом характерном высказывании сообщает не Лютер, а Миконий (*Hist. Ref.*, p. 73). См. также Löscher, II. 477. Антипатия между немцами и итальянцами часто проявлялась в отношениях Германии с Римом и жива по сей день. Монсеньор Эудженио Чеккони, архиепископ Флоренции, в своем трактате *Martino Lutero* (Firenze, 1883) говорит: «Лютер не любил итальянцев, и итальянцы никогда не испытывали ни уважения, ни любви к этому человеку. Наш народ сразу же составил свое мнение о нем исходя из своих природных критериев». Чеккони назвал безумным предложение отпраздновать во Флоренции четырехсотлетие Лютера.

день, не останавливаясь, он доехал до города Монгейм²⁰⁸ и в полном изнеможении упал на солому в стойле²⁰⁹.

Он добрался до Виттенберга в хорошем настроении. Это было через год после обнародования девяноста пяти тезисов. Затем он выпустил сообщение о беседе с Каетаном, в котором объяснял свое поведение. Он написал также (19 ноября) длинное и очень красноречивое письмо к курфюрсту, изобличая нечестность Каетана, который представил ситуацию в неверном свете и потребовал у курфюрста доставить Лютера в Рим или изгнать его из Саксонии.

Перед тем как покинуть Аугсбург, Лютер оставил обращение от Каетана к папе и обращение «от плохо информированного папы к папе для его лучшей информированности» (*a papa male informato ad papam melius informatum*). Вскоре после этого, 28 ноября, он формально и торжественно апеллировал против папского решения к общецерковному собору, тем самым предвосхитив папский приговор отлучения. Он каждый день ждал, что Рим проклянет его, и готовился к изгнанию или другому наказанию²¹⁰. Его уже терзала мысль о том, что папа может оказаться антихристом, о котором говорит апостол Павел во Втором послании к фессалоникийцам, и он просил своего друга Линка (11 декабря) высказать мнение на эту тему²¹¹. В конце концов он утратил веру в общецерковные соборы и опирался уже только на Писание и совесть. Курфюрст, через Шпалатина, призвал его к умеренности, но Лютер заявил: «Чем больше свирепствуют римские власти, чем больше они прибегают к силе, тем меньше я их боюсь и тем свободнее чувствую себя в борьбе с римскими змеями. Я готов ко всему и жду Божьего суда».

§36. Лютер и Мильтиц. Январь 1519 г.

LÖSCHER, II. 552-569; III. 6-21, 820-847. LUTHER, *Werke*, WALCH, XV. 308 sqq.; Weimar ed., II. 66 sqq. Послания в DE WETTE: I. 207 sqq., 233 sqq.

JOH. K. SEIDEMANN: *Karl Von Miltitz... Eine chronol. Untersuchung*. Dresden, 1844 (стр. 37). Сопровождающие разделы в MARHEINEKE, KAHNIS (I. 235 sqq.), KÖSTLIN (I. 238 sqq., 281 sqq.).

Перед тем как утвердить финальное решение, папа предпринял еще одну попытку заставить Лютера замолчать и отречься от своей ереси. Иногда дипломатия вмешивается в естественный ход развития принципов и неумолимую логику событий, но лишь на краткое время. Обычно она приводит к компромиссам, которые не удовлетворяют ни одну из сторон, и потом от этих компромиссов отказываются. А принципам необходимо время, чтобы окончательно сформироваться.

Папа Лев послал своего нунция и камердинера Карла фон Мильтица, саксонца благородного происхождения, приятного и вежливого в обращении²¹², к кур-

²⁰⁸ В Баварии; не Маннгейм, как пишет Кахнис (I. 228).

²⁰⁹ *Dr. Staupitz*, — говорит Лютер в своих «Застольных речах», — *hatte mir ein Pferd verschafft und gab mir den Rath, einen alten Ausreuter zu nehmen, der die Wege wüsste, und half mir Langemantel (Rathsherr) des Nachts durch eis klein Pförtlein der Stadt. Da eilte ich ohne Hosen, Stiefel, Sporn, und Schwert, und kam bis gen Wittenberg. Den ersten Tag ritt ich acht Meilen und wie ich des Abends in die Herberge kam, war ich so müde, stieg, im Stalle ab, konnte nicht stehen, fiel stracks in die Streu.*

²¹⁰ Послания к Шпалатину, 25 ноября и 2 декабря (De Wette, I. 188 sqq.).

²¹¹ *Mittam ad te nugas meas, ut videas, an recte divinem Antichristum illum verum juxta Paulum in Romana curia regnare: pejorem Turcis esse hodie, puto me demonstrare posse* (De Wette, I. 193).

²¹² Его обвиняли в пристрастии к спиртному и говорили, что в 1529 г. он вывалился из лодки, пересекая Рейн или Майн близ Майнца в состоянии опьянения (см. Seidemann, *l. c.*, p. 33 sqq.).

фюрсту Фридриху с редким подарком — золотой розой, и велел ему провести переговоры с Лютером. Также Мильтиц вез с собой ряд рекомендаций, адресованных высшим гражданским и церковным чинам.

По пути Мильтиц обнаружил, что многие симпатизируют Лютеру и что симпатии к нему все растут. Он понял, что из четырех немцев три — на стороне Лютера, особенно на севере. Он слышал неблагоприятные отзывы о Тецеле и призвал его к себе, но Тецель побоялся отправиться в путешествие и умер несколько месяцев спустя (7 августа 1519 г.), возможно, вследствие суровой отповеди со стороны папского легата. Лютер написал своему оппоненту утешительное письмо, которое не сохранилось. Сколь бы несдержанным ни был Лютер в плане личных оскорблений, в душе он не был ни коварным, ни мстительным²¹³.

Мильтиц беседовал с Лютером в доме Шпалатина в Альтенбурге 6 января 1519 г. Он был чрезвычайно вежлив и дружелюбен, выражал сожаление по поводу скандального спора о тезисах, во многом обвиняя бедного Тецеля. Со всем своим даром убеждения, со слезами он уговаривал Лютера не нарушать единства святой католической церкви.

Они согласились, что проблему следует улаживать немецкому епископу, не обращаясь в Рим, а обе стороны тем временем должны хранить молчание. Лютер обещал попросить прощения у папы и предостеречь народ от греха нарушения единства святой матери-церкви. Договорившись, они совместно отужинали и на прощание поцеловались. Должно быть, Мильтиц очень гордился таким достижением церковной дипломатии.

Лютер выполнил свои обещания, хотя это и может показаться несовместимым с его искренними убеждениями и последующим поведением. Но мы должны помнить о глубинных конфликтах, происходивших в его сознании, о громадной ответственности его предприятия, о критическом характере ситуации. Он на какое-то время остановился, задумался и ужаснулся намерению отделиться от церкви своих отцов, которая была так тесно связана с его религиозной жизнью и всей историей христианского мира в течение полутора тысяч лет. Лютеру предстояло проложить новый путь, по которому так легко было идти другим. И здесь мы можем только восхититься его осмотрительности.

В послании к папе от 3 марта 1519 г. он проявляет величайшее личное смирение и отрицает желание повредить Римской церкви, которая обладает всей полнотой власти на небесах и на земле и *выше которой только Иисус Христос, Господь всего*. Однако при этом Лютер не захотел отречься от своих личных убеждений.

В обращении к народу он допустил, что индульгенции имеют ценность, но только как возмещение «удовлетворения» со стороны грешника, и призвал держаться, несмотря на допущенные ошибки и грехи, за святую Римскую церковь, в которой пролили кровь апостолы Петр, Павел, множество пап и мучеников.

Одновременно Лютер продолжал тщательно изучать историю и не обнаружил ни одного упоминания о папстве и о его чрезвычайных притязаниях в первые столетия до Никейского собора. Он открыл, что папские декреталии и Констанцинов дар — вымысел. Он писал Шпалатину 13 марта 1519 г.: «Папа настолько греховно искажает и распинает в своих декреталиях Христа, то есть саму истину, что я не знаю, кто он такой, сам антихрист или его апостол»²¹⁴.

²¹³ Он великодушно отзывается о Тецеле в послании к Шпалатину от 12 февраля 1519 г. (De Wette, I. 223): *Doleo Tezelium et salutem suam in eam necessitatem venisse... multo mallet, si posset, servari cum honore, etc.*

²¹⁴ De Wette, I. 239.

§37. Лейпцигский спор. 27 июня — 15 июля 1519 г.

- I. LÖSCHER, III. 203-819. LUTHER, *Works*, WALCH, XV. 954 sqq.; Weim. ed., II. 153-435 (см. литературные заметки — Кнааке, p. 156). Послания Лютера к Шпалатину и курфюрсту в DE WETTE, I. 284-324.
- II. JOH. K. SEIDEMANN: *Die Leipziger Disputation im Jahre 1519*. Dresden and Leipzig, 1843 (стр. 161). С важными документами (стр. 93 sqq.). Лучшая книга на эту тему. Монографии о Карлштадте, JÄGER (Stuttgart, 1856), об Экке, WIEDEMANN (Regensburg, 1865), соответствующие разделы в MARHEINEKE, KAHNIS (I. 251-285), KÖSTLIN, KOLBE и в общих историях Реформации. Весьма хорош рассказ в RANKE (I. 277-285). С католической стороны см. JANSSEN, II. 83-88 (неполный).

Соглашение между Мильтицем и Лютером привело лишь к краткому перемирию. Реформация была так необходима в ту эпоху, что дипломатия церковных политиков не могла надолго подавить ее. Даже если перемены стопорились в одном месте, они начинались в другом — Реформация уже началась в Швейцарии независимо от Германии. Лютер уже не управлял собственной судьбой. Он был инструментом высшей силы. «Человек предполагает, а Бог располагает».

И прежде чем немецкий епископ смог остановить дискуссию, она вновь возобновилась, причем с сохранением обещаний обеими сторонами²¹⁵, — и в большом зале замка Плейссенбург в Лейпциге, с разрешения герцога Георга Саксонского, состоялся диспут между Экком, Карлштадтом и Лютером по вопросам высшей власти папы, свободы воли, добрых дел, чистилища и индульгенций. Это была одна из великих интеллектуальных баталий. Она продолжалась почти три недели и привлекла к себе всеобщее внимание в ту глубоко религиозную и богословскую эпоху, ведь речь шла о жизненно важных учениях спасения. Споры велись на латыни, но Лютер иногда переходил на немецкий, на котором изъяснялся более выразительно.

Диспут начался с торжественной мессы, процессии, проповеди Петра Моселлана *De ratione disputandi* и пения *Veni, Creator Spiritus*. Закончился он хвалебной речью лейпцигского профессора Иоганна Ланге и пением *Te Deum*.

Вступительным актом был диспут между Экком и Карлштадтом о свободе человеческой воли, которую первый защищал, а второй отрицал. Следующий, более важный акт начался 4 июля, между Экком и Лютером, обсуждавшими в основном тему папства.

Доктор Экк (Иоганн Майр), профессор богословия из Ингольштадта в Баварии, был защитником католичества, человеком очень образованным, с прекрасной памятью, диалектическими навыками, умелым оратором, со звучным голосом. При этом он был слишком самоуверен, высокомерен и хвастлив. Он был больше похож на мясника или воина, чем на богослова. Многие считали его шарлатаном и выражали презрение к его дерзости и тщеславию, награждая прозвищами *Keck* (нахал) и *Geck* (хлыщ), которые начали использоваться во время этого диспута²¹⁶.

Карлштадт (Андреас фон Боденштейн), нетерпеливый и неуравновешенный друг и коллега Лютера, не пользовался успехом в спорах²¹⁷. У него была плохая

²¹⁵ Главным организатором диспута был Экк (а не Лютер, как пытается доказать Янссен). Зайдеман, который приводит полный и достоверный рассказ о предварительной переписке, говорит (p. 21): *Es ist entschieden, dass Eck die Disputation antrug, und zwar zunächst nur mit Karlstadt. Aber auch Luther's Absehen war auf Disputation gerichtet.*

²¹⁶ Экк жаловался на это двадцать лет спустя (см. Seidemann, p. 80).

²¹⁷ Лютер называет его *infelicissimus disputator*.

память, он постоянно заглядывал в заметки, стеснялся и путался. Экку нетрудно было победить его. Печальным предзнаменованием стало то, что при въезде в Лейпциг его карета перевернулась и он свалился в грязь.

Лютер уступал Экку по широте исторического кругозора и в беглости владения латынью, но превосходил его знанием Библии, независимостью суждений, оригинальностью и глубиной мысли, и на его стороне был закон прогресса. Экк опирался на отцов церкви, а Лютер возвращался к первоотцам христианства. От потока церковной истории он обратился к источнику Слова Божьего, но при этом, уходя в основания апостольской эпохи, он с надеждой смотрел в будущее. Бледный и изможденный, он был, тем не менее, радостным. Он надел маленькое серебряное колечко и держал в руках букет цветов. Петр Моселлан, известный латинист, председательствовавший на диспуте, так описывает его внешность в то время²¹⁸:

Лютер среднего роста, он худощав. Заботы и труды так истощили его, что можно пересчитать все кости²¹⁹. Он находится в самом расцвете сил. Голос у него ясен и мелодичен. Его ученость и знание Писания потрясающи. Он мгновенно находит нужные отрывки. Греческий и еврейский он понимает достаточно хорошо, чтобы высказывать свое мнение о толкованиях. По части беседы он владеет множеством тем, у него целый лес (*silva ingens*) мыслей и слов. Он вежлив и умен. В нем нет ничего стоического, никакой надменности. Он умеет приспосабливаться к разным людям и ситуациям. В общении он жив и обходителен. Он всегда свеж, радостен, непринужден, сохраняет приятное выражение лица, чем бы ни угрожали ему противники, и трудно поверить, что Небеса доверили ему столь великое предприятие²²⁰. Однако большинство упрекает его за недостаток умеренности в полемике, поскольку он менее осторожен и более резок, чем подобает богослову и реформатору.

Самым интересным вопросом диспута стал вопрос о власти папы и о непогрешимости церкви. Экк утверждал, что папа — преемник Петра, наместник Христа, и его права — от Бога. Лютер утверждал, что претендовать на подобное противоречит Писанию, обычаям древней церкви, Никейскому собору, самому священному из всех соборов, и что притязания эти основаны на одних только надуманных указах римских понтификов.

Однако в ходе спора Лютер переменял мнение о власти соборов, тем самым повредив своему делу в глазах слушателей. Экк обвинил его в том, что он следует гуситской ереси, и сначала он действительно отвергал взгляды Гуса и все схизматические тенденции, но после здравого размышления заявил, что Гус придерживался отдельных истин Писания, так что собор в Констанце несправедливо осудил его и приговорил к сожжению. Лютер заявил, что вселенский собор может заблуждаться, равно как и папа, и не имеет права навязывать догматы веры, о которых ничего не говорится в Писании. Когда герцог Георг, упорный защитник католического символа веры, услышал, что Лютер с симпатией отзывался о богемской ереси, он покачал головой, уперся руками в бока и воскликнул так, что его слышали по всему залу: «Чума на него!»²²¹

С этого момента наметилась связь Лютера с богемскими братьями.

Лютер завершил свою речь словами: «Мне жаль, что ученый доктор скользит по поверхности Писания, как водомерка по воде, — и даже более того, он, похо-

²¹⁸ В послании к Юлию Пфлугу, молодому представителю саксонской знати. Моселлан описывает также Карлштадта, Экка и весь диспут. См. Löscher, III. 242-251 (особенно p. 247); Walch, XV. 1422; Seidemann, 51, 56. Я нашел это описание также в приложении к *Vita Lutheri* Меланхтона, Göttingen, 1741, pp. 32-44.

²¹⁹ *Ut omnia pene ossa liceat dinumerare*. Но позже Лютер стал более коренастым и плотным.

²²⁰ *Ut haud facile credas, hominem tam ardua sine numine Divum moliri*.

²²¹ *Das walt' die Sucht!*

же, бежит от него, как дьявол от креста! При всем уважении к отцам церкви я предпочитаю авторитет Писания, которое рекомендую читать тем, кто будет решать наш спор».

Как часто бывает, сразу обе партии считали себя победившими. Экк удостоился почестей и милости от герцога Георга. После своего «триумфа» он попытался погубить Лютера и получить сан кардинала, но его при этом строго критиковали и высмеивали, особенно Вилибальд Пиркгеймер, знаменитый гуманист и аристократ из Нюрнберга, в язвительной сатире «Отполированный угол»²²². Богословские факультеты Кельна, Лувена, а позже (1521) и Парижа осудили реформатора.

Сам Лютер был весьма недоволен и считал этот диспут напрасной тратой времени, но он произвел сильное впечатление на молодежь, и многие студенты ушли из Лейпцига в Виттенберг. В конечном же итоге Лютер получил больше выгоды от диспута и последующих споров, чем его оппоненты.

Важность этих богословских баталий заключается в том, что они знаменуют дальнейший выход Лютера из папской системы. Здесь он впервые отрицал божественные права и происхождение папства, а также непогрешимость вселенского собора. С этих пор он опирался только на божественное Писание, свое частное суждение и свою веру в Бога, Который через Духа Святого направляет течение истории к славному завершению, невзирая на нагромождения человеческих заблуждений. Корабль Реформации отдал швартовы. Теперь ему предстояло сражаться с ветрами и волнами открытого моря.

С этого момента Лютер отправился в революционный крестовый поход против Римской Католической церкви и возглавлял его, пока анархические разногласия внутри его собственной партии не вынудили его вернуться к консервативной и даже реакционной позиции.

Прежде чем мы продолжим говорить о развитии Реформации, мы должны познакомиться с Меланхтоном, который сопровождал Лютера на Лейпцигский диспут в качестве зрителя, давал ему и Карлштадту отдельные советы²²³, а позже поддерживал его как верный соратник и друг.

§38. Филипп Меланхтон. Литература

Лучшее собрание трудов по Меланхтону хранится в Королевской библиотеке Берлина, где я и составлял этот список (в июле 1886 г.). В связи с трехсотлетием Меланхтона в 1860 г. и сооружением памятника ему в Виттенберге появилось большое количество памфлетов и статей в периодической печати.

I. Труды Меланхтона. Первое издание вышло в Базеле, 1541, 5 vols. fol.; другое выпустил PEUSER (его зять), Wittenberg, 1562-64, 4 vols. fol.; переизд. в 1601. Собрание трудов на немецком — Кётне. Leipzig, 1829-30, 6 vols. *Лучшее издание *Opera omnia* (в «Corpus Reformatorum») — BRETSCHNEIDER и BINDSEIL. Halle, 1834-60, 28 vols. 4'. Самые важные тома для истории церкви — это i-xi и xxi-xxviii. Последний том (вторая часть) содержит *Annales Vitae* (pp. 1-143) и весьма обширный указатель (145-378).

Добавим к ним: *Epistolae, Judicia, Consilia, Testimonia*, etc., ed. H. E. BINDSEIL. Halle, 1874, 8°. Дополнение к «Corpus Reform.». См. также BINDSEIL, *Bibliotheca Melanthoniana*. Halis, 1868, pp. 28. CARL KRAUSE: *Melanthoniana, Regesten und Briefe über die Beziehungen Philipp Mel. zu Anhalt und dessen Fürsten*. Zerbst, 1885, pp. 185.

²²² *Der algehobelte Eck*. Книга впервые вышла анонимно на латыни (*Eccius dedolatus*) в Эрфурте в марте 1520 г. Гаген в своем *Der Geist der Reformation* (Erlangen, 1843, I, p. 60 sqq.) хорошо излагает содержание этой остроумной книги. Лютер послал ее Шпалатину 2 марта 1520 г. (De Wette, I. 426), но выразил свое недовольство «способом нападения на Экка». Он предпочитал открытую атаку «укусам из-за забора».

²²³ Это разгневало Экка, который воскликнул: *Tace tu, Philippe, ac tua studia cura, ne me perturba*.

- II. Биографии Меланхтона. Рассказ виттенбергских профессоров о его последних днях: *Brevis narratio exponens quo fine vitam in terris suam clausit D. Phil. Mel. conscripta a professoribus academiae Vitebergensis, qui omnibus quae exponuntur interfuerunt*. Viteb., 1560, 4°. То же самое на немецком. Погребальная речь — HEERBRAND: *Oratio in obitum Mel. habita in Academia Tubingensi die decima quinta Maji*. Vitebergae, 1560. *JOACHIM CAMERARIUS: *Vita Mel.*, Lips., 1566; другие издания, одно с примечаниями. Штробеля (Halle, 1777); одно с предисловием Неандера, в *Vitae quatuor Reformatorum* (Berlin, 1841).
- STROBEL: *Melanchthoniana*. Altdorf, 1771: *Die Ehre Mel. gerettet*, 1773; и другие труды. А. Н. NIEMEYER: *Phil. Mel. als Praeceptor Germaniae*. Halle, 1817. FR. AUG. COX: *Life of Mel., comprising an account of the Reform.* Lond., 1815, 2^d ed. 1817. G. L. FR. DELBRÜCK: *Ph. Mel. der Glaubenslehrer*. Bonn, 1826. HEYD: *Mel. und Tübingen, 1512-18*. Tüb., 1839. *FR. GALLE: *Characteristik Melanchth. als Theol. und Entw. seines Lehrbegr.* Halle, 1840. *FR. MATTHES: *Ph. Mel. Sein Leben u. Wirken aus den Quellen*. Altenb., 1841. 2^d ed. 1846. LEDDERHOSE: *Phil. Mel. nach seinem äusseren u. inneren Leben dargestellt*. Heidelberg, 1847 (англ. перев. — д-р KROTEL. Phila., 1855). Его же: *Das Leben des Phil. Mel. für das Volk*. Barmen, 1858. *MOR. MEURER: *Phil. Mel.'s Leben*. Leipzig u. Dresden, 1860. 2^d ed. 1869. HEPPE: *Phil. Mel. der Lehrer Deutschlands*. Marburg, 1860. *CARL SCHMIDT: *Philipp Melanchthons Leben und ausgewählte Schriften*. Elberfeld, 1861 (в «Reformatoren der Luth. Kirche»). *HERRLINGER: *Die Theologie Mel.'s in ihrer geschichtl. Entwicklung*. Gotha, 1879.
- III. Краткие очерки, NEANDER, в Piper, «Evang.-Kalender», 1851. NITZSCH, в «Deutsche Zeitschrift für christl. Wissenschaft», 1855. IS. AUG. DORNER: *Zum dreihundertjährigen Gedächtniss des Todes Melanchthons*, 1860. VOLBEDING: *Mel. wie er liebte und lebte* (Leipz., 1860). KAHNIS: *Rede zum Gedächtniss Mel.'s* (Leipz., 1860). WOHLFAHRT: *Phil. Mel.* (Leipzig, 1860). W. THILO: *Mel. im Dienste der heil. Schrift* (Berlin, 1860). PAUL PRESSSEL: *Phil. Mel. Ein evang. Lebensbild* (Stuttg., 1860). *Festreden zur Erinnerung an den 300 jährigen Todestag Phil. Mel.'s und bei der Grundsteinlegung zu dessen Denkmal zu Wittenberg, herausgeg.* von LOMMATZCH (Wittenb., 1860). HENKE: *Das Verhältniss Luthers und Mel. zu einander* (Marburg, 1860), и *Memoria B. Phil. Mel.* (Marburg, 1860). AD. PLANCK: *Mel. Praeceptor Germ.* (Nördlingen, 1860). TOLLIN: *Ph. Mel. und Mich. Servet. Eine Quellenstudie* (Berlin, 1876). LANDERER: *Mel.*, в HERZOG¹ и HERZOG², ix. 471-525, пересм. HERRLINGER. THIERSCH: *Mel.* (Augsburg, 1877, New York, Am. Tract Soc., 1880). LUTHARDT: *Melanchthon's Arbeiten im Gebiete der Moral* (Leipz., 1884). WAGENMANN: *Ph. Mel.* (в «Allgem. Deutsche Biographie»). PAULSEN в «Gesch. des gelehrten Unterrichts» (Leipz., 1885, pp. 34 sqq.). SCHAFF в *St. Augustin, Melanchthon, Neander* (New York and London, 1886, pp. 107-127).
- IV. О *Loci* Меланхтона см. STROBEL: *Literärgesch. von Ph. Mel.'s locis theologicis*. Altdorf and Nürnberg, 1776. ПЛИТТ: *Melanchthons Loci in ihrer Urgestalt*. Erlangen, 1864.

§39. Учеба Меланхтона

25 августа 1518 г., через десять месяцев после обнаружения тезисов Лютера — когда он больше всего нуждался в ученом помощнике и за два года до папского отлучения, — в Виттенберг прибыл скромный, но одаренный молодой человек, профессор философии и греческой литературы, которому суждено было стать вторым по величине вождем лютеранской Реформации и «Учителем Германии»²²⁴.

Филипп Меланхтон²²⁵, или Мелантон²²⁵, родился в честной и благочестивой семье в Бреттене, в Пфальце, 16 февраля 1497 г., через четырнадцать лет после

²²⁴ *Praeceptor Germaniae*. Лютер был *Reformator Germaniae*. Это самый краткий способ обозначить разницу между ними.

²²⁵ Он сам писал свое имя как *Melanchthon* (от *μελαν* и *χθών*), но после 1531 г. стал предпочитать второй вариант ради краткости и благозвучия. Бретшнейдер и Биндсейл выбрали второй, тогда как первый более распространен и передает этимологию. Его настоящее имя — *Schwarzerd*, то есть «чернозём», но Рейхлин, которому Меланхтон приходился внучатым племянником, изменил его на греческое соответствие по литературной моде того времени. См. Förstermann, *Die Schwarzerde, oder Zusammenstellung der Nachrichten über Melanchthon's Geschlecht*, в «Theol. Studien und Kritiken», 1830, p. 119 sqq. Доктор Ф. Штраус полагает, что настоящее имя Меланхтона — не *Schwarzerd*, а *Schwarzert* или *Schwarzer*, т.е. «черный», и не имеет ничего общего с землей, как многие родственные имена, происходящие от названий цветов:

Лютера, за двадцать лет до Кальвина. В богословии, как и в плане возраста, он был посредником между этими двумя личностями. Его отец был умелым оружейником и работал на курфюрста Филиппа и императора Максимилиана I. Его мать была племянницей прославленного знатока еврейского языка, Рейхлина, который подарил ему Библию и руководил его обучением в Пфюрцгейме, Гейдельберге и Тюбингене.

Меланхтон был одним из тех редких ученых, которые быстро созрели, но продолжали продуктивно и неустанно трудиться до старости. Он владел всеми отраслями знания, особенно классической филологией, и получил степень магистра искусств в Тюбингене 25 января 1514 г. в возрасте всего семнадцати лет. Он писал и говорил на греческом и латыни лучше, чем на родном немецком, и сочинял стихи на этих языках. Его общественная карьера началась в Тюбингенском университете. Он читал лекции по античной литературе, издавал комедии Теренция (1516), переводил Арата и Плутарха (1518). Он собирался издать исправленный текст Аристотеля, которого «искажали, варварски переводили и превратили в нечто гораздо более туманное, чем пророчества Сивиллы», но так и не осуществил этот проект. В 1518 г. он выпустил греческую грамматику, которая выдержала много изданий.

Эразм, первый ученый своей эпохи и лучший судья о литературных заслугах, предвидел будущую известность этого многообещающего юноши и выразил в 1516 г. свое восхищение им, говоря о его знании классиков, навыке изложения, чистоте и изяществе стиля, редкой учености и начитанности, нежности и утонченности²²⁶. Меланхтон восславил Эразма в стихах на греческом (сентябрь 1516 г.) и никогда не забывал о его выдающихся достижениях в области классических и библейских знаний. Современный католический историк, несмотря на вероучительные возражения, называет Меланхтона «самым блестящим явлением из школы Эразма, во многих отношениях равным своему учителю Эразму, а в других — превзошедшим его. Богатые знания, изысканная классическая культура, легкость слога, гибкость изложения, риторическая емкость и импровизация, неустанное трудолюбие — это редкое сочетание даров сделало его способным стать литературным главой мощного движения»²²⁷.

Меланхтон включил богословие в сферу своих широчайших энциклопедических интересов, но не собирался становиться священником. Сухая схоластика, преобладавшая тогда в Тюбингене, вызывала у него отвращение. Он пришел к своей богословской позиции спокойно и постепенно, без яростных перемен и борьбы,

Weissert, Grunert, Gelbert (*Gesammelte Schriften*, ed. Zeller, vol. ii, 337, и Ulrich v. Hutten, p. 18), однако Рейхлин всяко должен был лучше разбираться в этом вопросе.

²²⁶ В его «Комментарии на Фессалоникийцев» (*Annotat. in N. Test.*, Basel, 1515, p. 555): *At Deum immortalem, quam non spes de se praebet admonet etiam adolescens ac pene puer Philippus ille Melanchthon, utraque literatura pene ex aequo suscipiendus [ne suscipiendus]! Quod inventionis acumen! Quae sermonis puritas [et elegantia]! Quanta reconditarum rerum memoria! Quam varia lectio! Quam verecundiae regiaeque prorsus indolis festiuitas!* Эразм датирует предисловие к этим «Аннотациям» 1515 г., но они были опубликованы только в 1516 г. вместе с первым изданием его греческого Нового Завета. Во втором издании «Аннотаций» (Базель, 1520), в издании 1522 г. и в т. 7 его *Opera* (Bas., 1540) похвала в адрес Меланхтона опущена. (Я изучил эти разные издания в Королевской библиотеке Берлина в июле 1886 г., чтобы проверить противоречивые неточные заявления историков). В послании к Меланхтону от 22 апреля 1519 г. Эразм не проявляет большого сочувствия к его делу, но по-прежнему выражает свое восхищение им и надежду, что он оправдает упования, которые Германия возлагает на его гений и благочестие («Corp. Ref.», I, 76 sq.; см. также послание Меланхтона к Эразму, *ibid.* fol., 59 sq.).

²²⁷ Д-р Доллингер (*Die Reformation*, 1846, vol. i, 349).

Меланхтон (с портрета Дюрера).

которые довелось испытать Лютеру. Его опыт был скорее опытом Иоанна, чем Павла. Он получил благочестивое воспитание дома. Ему доставляли наслаждение публичное поклонение, жития святых, а особенно — тщательное изучение Библии, которую он брал с собой даже на прогулку. Он прекрасно видел злоупотребления в церкви и необходимость реформы. Его классическое образование и близость с Рейхлином, благородным защитником еврейской учености от монашеского невежества и мракобесия, предрасположили его к евангельскому движению, которое развернулось в Виттенберге за несколько месяцев до того, как он покинул Тюбинген.

Слава Меланхтона распространилась так быстро, что его пригласили в университеты Ингольштадта, Лейпцига и Виттенберга. Он решил поехать в Виттенберг в качестве преподавателя греческого со скромным жалованием сто гульденов. Эту сумму удвоили в 1526 г., но Лютер и курфюрст с трудом уговорили Меланхтона принять такое повышение²²⁸.

Рейхлин весьма рекомендовал его курфюрсту Фридриху. «Я не знаю среди немцев человека, — писал он, — который превосходил бы магистра Филиппа Шварцерда, кроме Эразма Роттердамского, который голландец и превосходит нас всех в знании латыни»²²⁹. Рейхлин пророчески относил к своему племяннику обещание, которое Бог дал Аврааму (Быт. 12:1-3)²³⁰.

Так пожилой ученый оказал великую услугу делу Реформации, но когда возникла угроза раскола в церкви, Рейхлин отстранился, подобно Эразму и Штаупицу. Он боялся, что его сочтут еретиком. Он перебрался из Штутгарта в Ингольштадт в 1519 г. и в течение какого-то времени жил в доме доктора Экка. Он даже попытался переманить Меланхтона из Виттенберга в Ингольштадт, но безуспешно. Он взял обратно свое обещание оставить Меланхтону ценную библиотеку и завещал ее своему родному городу Пфюрцгейму. Чума заставила Рейхлина покинуть Баварию и вернуться в Вюртемберг. Он преподавал греческую и еврейскую грамматику в Тюбингене в 1521 г. и умер в Штутгарте, в лоне Римской церкви, 30 июня 1522 г.²³¹

²²⁸ *Luth. ad Principem Electorem*, Feb. 9, 1526: *Es hat E. K. F. G. in der Ordnung der Universität befehlen lassen M. Philippsen 200 fl. jährlich zu geben. Nun beschwert sich der Mensch, solches zu nehmen; denn weil er nicht vermag so steif und täglich in der Schrift zu lesen, möcht er's nicht mit gutem Gewissen nehmen*, etc.

²²⁹ В послании к Фридриху, на немецком, 25 июля 1518 г. (см. «Corp. Reform.», I. 33).

²³⁰ Он писал ему из Штутгарта 24 июля 1518 г. (*ibid.*, I. 32): *Egredere de terra tua... et magnificabo nomen tuum, erisque benedictus. Haec Genesis xii. Ita mihi praesagit animus, ita spero futurum de te, mi Philippe, meum opus et meum solatium*.

²³¹ Geiger, *Joh. Reuchlin, sein Leben und seine Werke*, Leipz., 1871; Horowitz, *Zur Biographie und Correspondenz J. Reuchlin's*, Wien, 1877; Strauss, *Ulrich v. Hutten*, bk. I, chap. 7 (p. 132 sqq., 4th ed.); Klüpfel, в Herzog², xii. 715-724.

§40. Ранняя деятельность Меланхтона

Хотя Меланхтону был только двадцать один год, он сразу же завоевал уважение и восхищение всех своих коллег и слушателей в Виттенберге. Он был невысокого роста, внешне не производил сильного впечатления, был неуверенным и робким. Но его высокий и благородный лоб, ясные голубые глаза, полные огня, печать интеллекта на лице, вежливость и скромность поведения свидетельствовали о внутренней красоте и силе. В его учении никто не сомневался. Его нравственность и религиозность были неоспоримы. Его приветственная речь, которую он произнес через четыре дня после прибытия (29 августа), об «Усовершенствовании обучения молодежи»²³², развеяла все опасения: она содержала его академическую программу и открыла новую эпоху в истории либерального обучения в Германии. Он хотел привести молодежь к истокам знания и посредством тщательного изучения языков дать ей ключ к правильному пониманию Писания, чтобы она могла стать живым орудием во Христе и насладиться плодами Его небесной мудрости. Он изучал богословие и преподавал его не только для умственного обогащения, но также, и в основном, для распространения добродетели и благочестия²³³.

Сначала он посвятил себя филологическим изысканиям и сделал больше, чем кто-либо из его современников, возрождая изучение греческого языка ради распространения библейской учености и дела Реформации. Он называл языки библейского оригинала пеленами младенца Христа. Лютер сравнивал их с ножнами меча Духа. Меланхтон был знатоком древних языков, тогда как Лютер мастерски владел немецким. Первый, сотрудничая с Лютером, обеспечивал точность немецкой Библии, а второй — силу выражения и поэтическую красоту языка.

В 1519 г. Меланхтон получил степень бакалавра богословия. От степени доктора он скромно отказался. С этого времени он был членом богословского факультета и читал богословские лекции, особенно по экзегетике. Он преподавал также, два или три часа в день, разные предметы, в том числе этику, логику, греческую и еврейскую грамматику. Он давал толкования на Гомера, Платона, Плутарха, Тита, Матфея, на Послание к римлянам и Псалтирь. Позже он посвятил себя исключительно богословию. Он не был рукоположен и никогда не выходил на церковную кафедру, но, для иностранных студентов, которые не знали немецкого, каждое воскресенье он читал в своей лекционной комнате латинские проповеди по евангелиям. Он сразу же стал и продолжал оставаться самым популярным проповедником Виттенберга. Он написал устав университета, который считался образцовым. Его совету и примеру следовали другие деятели системы высшего образования в Германии.

Его слава привлекала учеников со всех концов христианского мира, в том числе князей, графов и баронов. Его лекционная комната была переполнена. Иногда за его скромным, но гостеприимным столом говорили на одиннадцати языках. Его приглашали в Тюбинген, Нюрнберг и Гейдельберг, а также в Данию, Францию и Англию, но он предпочитал оставаться в Виттенберге до самой смерти.

По настоятельному увещанию Лютера, который желал удержать его при себе и заботился о его здоровье и утешении, он женился в августе 1520 г. на Катарине Крапп, достойной дочери бургомистра Виттенберга, которая преданно

²³² *De Corrigendis Adolescentium Studiis*, в «Corpus Reformatorum», XI. 15 sqq. См. Schmidt, *l. c.* 29 sq.

²³³ Он писал своему другу Камерарию 22 января 1525 г. («Corp. Ref.», I. 722): *Ego mihi ita conscius sum, non aliam ob causam unquam θεολογηκένας, nisi ut vitam emendarem.*

делила с ним все радости и испытания (обета безбрачия он не принимал, так что его браку ничто не мешало). Она родила ему четверых детей, и часто его видели качающим колыбель одной рукой и держащим книгу в другой. Он имел обыкновение трижды в день читать своей семье Апостольский символ веры. Он ценил свою жену больше, чем самого себя. Она умерла в 1557 г., когда он поехал в Вормс. Узнав печальную новость в Гейдельберге, он взглянул на небеса и воскликнул: «Прощай! Я скоро последую за тобой!»

Самое интересное здание тихого старинного городка Виттенберга на берегу Эльбы (конечно же, после дома Лютера с музеем Лютера) — это дом Меланхтона на Коллеген-штрассе. Это трехэтажное строение, принадлежащее прусскому правительству. Король Фридрих Вильгельм IV выкупил его у прежнего владельца. Кабинет Меланхтона находится на первом этаже. Там он и умер. За домом есть маленький сад, который прилегает к саду Лютера. Здесь, в тени дерева, два реформатора часто обменивались мнениями о волнующих событиях той эпохи и ободряли друг друга в своей великой борьбе. На стене дома написано по-немецки: «Здесь жил, учил и умер Филипп МЕЛАНХТОН».

§41. Лютер и Меланхтон

P. SCHAFF: *Luther und Melanchthon*, в его «Der Deutsche Kirchenfreund», Mercersburg, Pa., vol. III (1850), pp. 58-64. E. L. HENKE: *Das Verhältniss Luthers und Melanchthons zu einander. Festrede am 19 April*, 1860. Marburg (28 стр.). См. также DÖLLINGER: *Die Reformation*, vol. I, 349 sqq.

В великие творческие эпохи церкви Бог сводит вместе прирожденных лидеров для помощи друг другу и утешения²³⁴. В период Реформации XVI века Лютер и Меланхтон сотрудничали в Германии, Цвингли и Эколампадий, Фарель, Вире, Кальвин и Беза — в Швейцарии, Кранмер, Латимер и Ридли — в Англии, Нокс и Мелвил — в Шотландии. Они обладали разными дарованиями, но действовали в одном духе и ради одной цели. В период методистского пробуждения XVIII века мы наблюдаем сотрудничество двух братьев Весли и Уайтфилда, а в период англо-католического движения XIX века — союз Пьюзи, Ньюмена и Кебла.

Сразу же после прибытия в саксонский университет на Эльбе Меланхтон стал близким другом Лютера, его самым полезным и влиятельным соратником. Он относился к своему старшему коллеге с сыновней почитательностью, вдохновлялся и исполнялся (иногда вопреки здравому смыслу) пылким гением протестантского Илии. Лютер же считал его превосходящим себя в учености и не стеснялся смиренно сидеть у его ног. Он посещал его экзегетические лекции и опубликовал их, без желания и ведома автора, на благо церкви. Меланхтон заявил в апреле 1520 г., что «предпочел бы умереть, чем разлучиться с Лютером», а в ноябре того же года сказал: «Благополучие Мартина для меня дороже собственной жизни». Лютера потрясла первая лекция Меланхтона. Он восхищался его познаниями, ценил его характер и с великим энтузиазмом отзывался о нем в конфиденциальных письмах к Шпалатину, Рейхлину, Ланге, Шерлю и другим, восхваляя исключительную ученость и благочестие Меланхтона²³⁵.

²³⁴

*Wo sich das strenge mit dem Zarten,
Wo Starkes sich und Mildes paarten,
Da giebt es einen guten Klang.* (Шиллер)

²³⁵ Lutherus ad Reuchlinum, Dec. 14, 1518: *Philippus noster Melanchthon, homo admirabilis, imo pene nihil habens, quod non supra hominem sit, familiarissimus tamen et amicissimus mihi.* Бил-

Дружба этих двух великих и благочестивых людей — одна из самых прекрасных страниц религиозной драмы XVI века. Она была основана на взаимном уважении и сердечной немецкой привязанности, но в первую очередь на осознании той миссии, которую возложило на них обоих Провидение. Хотя иногда, в более поздние годы, их дружба и омрачалась незначительными вероучительными разногласиями и периодически — неуместными шутками²³⁶, она продолжалась до конца. Они вместе трудились на благо одного дела, а теперь покоятся бок о бок в церкви виттенбергского замка, к дверям которой Лютер прикрепил манифест Реформации.

Меланхтон вышел из Южной Германии, Лютер — из Северной. Один происходил из благополучного среднего класса горожан и ремесленников, другой — из грубого и упрямого крестьянства. Меланхтон был спокойным и образованным, Лютер перенес много трудностей и жестоких моральных конфликтов. Первый пришел к протестантизму через классические исследования, второй через монашеский аскетизм. Первый был создан для того, чтобы быть профессором, второй — чтобы возглавить победоносную армию.

Лютер прекрасно видел эту разницу темпераментов и характера и говорил о ней. Его благородство проявилось, в частности, в том, что разница эта не мешала ему уважать младшего друга и коллегу и восхищаться им. «Я предпочитаю книги магистра Филиппа своим собственным», — писал он в 1529 г.²³⁷ «Я грубый, шумный, несдержанный и вообще воинственный. Я рожден для того, чтобы сражаться с бесчисленными чудовищами и бесами. Я должен убирать с дороги бревна и камни, косить сорняки и тернии, вырубать чащобу. А магистр Филипп приходит нежно и кротко, радостно сеет и поливает в соответствии с дарованиями, которыми Бог щедро наделил его».

Из них двоих Лютер был намного сильнее. Он отличался от Меланхтона, как горный поток отличается от спокойного равнинного течения, или как яростная буря от нежного ветерка, или, если использовать пример Писания, как пылкий Павел от созерцательного Иоанна. Лютер был воином, Меланхтон — мирным человеком. Произведения Лютера пахнут порохом. Его слово — это битва. Он обрушивает на оппонентов град доводов, красноречия, страсти и оскорблений. Меланхтон был умеренным и любезным. Ему часто приходилось сдерживать неумеренный пыл своего коллеги. Однажды, когда Лютер в гневе был подобен буре, Меланхтон успокоил его строкой:

*Vince animos iramque tuam qui caetera vincis*²³⁸.

Лютер был творческим гением, первопроходцем новых дорог, а Меланхтон — вдумчивым ученым, неустанным и трудолюбивым. Первый был человеком масс, со здравым смыслом, народным красноречием, природным остроумием, неподражаемым чувством юмора, бестрепетной смелостью и чистосердечной прямоотой.

ликану он писал в 1523 г. (De Wette, II. 407): *Den Philippus achte ich nicht anders als mich selbst, ausgenommen in Hinsicht auf seine Gelehrsamkeit und die Unbescholtenheit seines Lebens, wodurch er mich, dass ich nicht blos sage, übertrifft*. В свойственном ему юмористическом духе Лютер однажды так пригласил Меланхтона на ужин (18 октября 1518 г.): *Philippo Melanchthoni, Schwarzerd, Graeco, Latino, Hebraeo, Germano, nunquam Barbaro*. Свидетельства Лютера о Меланхтоне собраны в первом и последнем томах «Согр. Reform.» (особенно xxviii^b, 9-10).

²³⁶ В одном из посланий Меланхтон намекает также на женское влияние (*γυναικοκρατία*) как одну из второстепенных причин разногласий («Согр. Ref.», III. 398).

²³⁷ В предисловии к «Комментарии на Колоссян» Меланхтона.

²³⁸ {«Обуздай свой пыл, которым обуздываешь все остальное».

Другой был спокойным, уравновешенным, систематическим мыслителем, человеком порядка, метода и вкуса, который склонял на сторону Реформации образованные круги. Меланхтон является основателем протестантского богословия и автором Аугсбургского исповедания, главного символа веры лютеранской церкви. Он представлял дело евангельского христианства на всех богословских конференциях, споря с римско-католической партией в Аугсбурге, Шпейере, Вормсе, Франкфурте, Ратисбоне, когда присутствие Лютера только подлило бы масла в огонь и усугубило разногласия. Лютер был неуступчивым и бескомпромиссным борцом с католичеством и цвинглианством, а Меланхтон всегда был готов к компромиссу и миру, насколько этого позволяли его искренние убеждения, и от души старался восстановить нарушенное единство церкви. Он даже хотел, как видно из его квалифицированных примечаний к Шмалькальденским артикулам, признать за папой определенную власть (*jure humano*), если тот допустит свободную проповедь Евангелия. Но папство и евангельская свобода не могут прийти к согласию.

Лютер был самым дерзким, героическим и властным, Меланхтон — самым кротким, благочестивым и совестливым из реформаторов. Меланхтон был чувствительным и впечатлительным, хотя хорошо умел контролировать свои эмоции. Ему недоставало смелости. Он более остро и болезненно, чем кто бы то ни было, ощущал великую ответственность религиозного движения, в котором участвовал. Он был готов пойти на любые жертвы, только чтобы устранить путаницу и расколы, сопровождавшие это движение²³⁹. Иногда он, действительно, был слишком робок и слаб, но, делая уступки противникам и идя на компромиссы ради мира и единства, он всегда руководствовался чистыми и искренними побуждениями.

Провидение свело вместе двух виттенбергских реформаторов, чтобы они подерживали и дополняли друг друга и объединили свои таланты и силы для продвижения немецкой Реформации, которая имела бы совершенной иной характер, если бы ею руководил любой из них в одиночку.

Без Лютера Реформация не увлекла бы простой народ, без Меланхтона она никогда не имела бы успеха среди ученых Германии. Без Лютера Меланхтон стал бы вторым Эразмом, хотя и с сильным интересом к религии, и Реформация привела бы к возникновению либеральной богословской школы, а не к рождению новой церкви. Но хотя поразительные и блестящие деяния героического Лютера затмевают более скромные и незаметные труды и заслуги Меланхтона, последние также были по-своему полезны и необходимы. «Тихое дуновение» часто оказывалось на пользу протестантизму там, где землетрясение и гром только производили бурю и вызывали страх.

Лютер более велик как реформатор, а Меланхтон — как христианский ученый. В нем гуманистическая культура находилась в редкой гармонии с библейским богословием и благочестием. В этом плане он превзошел всех современников, даже Эразма и Рейхлина. Кроме того, он был связующим звеном между спорящими церквями, предтечей христианского союза и кафоличности, которые установятся в конечном итоге, когда прекратятся все споры и раздоры. К нему относится заповедь блаженства: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

²³⁹ *Der Schmerz der Kirchenspaltung ist tief durch seine schuldlose Seele gegangen* (Hase, *Kirchengesch.*, 11th ed. (1886), p. 372).

В круг друзей Лютера и Меланхтона входили и другие достойные и примечательные жители Виттенберга: художник Лукас Кранах, который посвятил свое искусство служению Реформации; Юст Ионас, который приехал в Виттенберг в 1521 г. в качестве профессора и провоста замковой церкви, перевел несколько трудов Лютера и Меланхтона на немецкий и сопровождал Лютера в Вормс (1521) и во время последнего путешествия в Эйслебен (1546); Иоганн Бугенгаген, называемый доктором Помераном, который прибыл в Виттенберг из Померании в 1521 г. как профессор и проповедник, оказал реформатором самую действенную помощь в переводе Библии и начал Реформацию в нескольких городах Северной Германии и в Дании.

§42. Ульрих фон Гуттен и Лютер

BÖCKING, ULRICH HUTTENI *equitis Germani Opera*. Lips., 1859 — 1861. 5 томов, с тремя дополнениями, 1864 — 1870. DAVIE, FRIEDRICH STRAUSS (автор *Leben Jesu*): *Gespräche von Ulrich von Hutten, übersetzt und erläutert*, Leipz., 1860, и его биография *Ulrich von Hutten*, 4th ed., Bonn, 1878 (стр. 567). Мастерский и подлинно духовный труд. См. также K. HAGEN, *Deutschlands liter. und Rel. Verh. in Reformationszeitalter*, II. 47-60; RANKE, *D. Gesch.* I. 289-294; JANSSEN, II. 53 sqq. WERCKSHAGEN: *Luther u. Hutten*, 1888.

В лице Меланхтона, главы христианского и богословского крыла гуманистов, Лютер приобрел постоянного и бесценного союзника, но временную помощь и утешение он получал также от языческого и политического крыла гуманистов и их самого одаренного вождя Ульриха фон Гуттена.

Этот рыцарь от литературы и немецкий патриот происходил из древнего, но обедневшего знатного рода Франконии. Он родился 21 апреля 1488 г. и в начале жизни, как и Эразм, был монахом против воли. На шестнадцатом году жизни он бежал из Фульды, изучал гуманитарные науки в университетах Эрфурта, Кельна и Франкфурта-на-Одере, закон — в Павии и Болонье, много путешествовал, переписывался с наиболее выдающимися литераторами, был увенчан как поэт императором Максимилианом в Аугсбурге (1517) и пользовался влиянием при дворе архиепископа Альбрехта Майнцского (1517 — 1520), который отвечал за продажу индульгенций в Германии.

Он принял активное участие в борьбе Рейхлина с обскурантизмом доминиканцев в Кельне²⁴⁰. После своего друга Крота из Эрфурта он был главным автором «Писем темных людей» (*Epistolae obscurorum virorum*), варварской насмешки над варварством, в которой невежество, глупость, фанатизм и вульгарность монахов изобличаются в вымышленных посланиях на монашеском искаженном латинском языке с таким успехом, что монахи сами сначала воспринимали эти послания как подлинные и купили немало экземпляров для распространения²⁴¹. Он решительно критиковал злоупотребления и развращенность церкви в латинских и немецких памфлетах, в стихах и прозе, используя всю свою ученость,

²⁴⁰ Поэма *Triumphus Carnionis* (κάπνιος — это Рейхлин) написана в 1514 г., но опубликована только в 1518 г. под псевдонимом Элевтер Бизен (*Works*, III. 413-447; Strauss, *U. v. H.*, 155 sq.).

²⁴¹ Впервые опубликованы в 1515 г. в Гагенау; в 1517 — в Базеле; лучшее издание — Böcking, в *Opera* Гуттена, Suppl. i. Lips. (1864); см. также комментарий в Suppl. ii (1869); прекрасный критический анализ — Strauss, *l. c.*, 165 sqq. Он сравнивает это произведение с «Дон-Кихотом». Первая книга «Писем» в основном составлена Кротом, вторая — Гуттенем. Комическое впечатление создается в основном за счет варварской латыни и теряется при переводе. Но существует хороший немецкий перевод — Wilhelm Binder, *Briefe von Dunkelmännern*, Stuttgart, 1876. Переводчик пишет, что знаком с двадцатью семью латинскими изданиями этой книги, но не знает ни одного ее перевода.

здравый смысл, остроумие и сатиру. Он был, после Лютера, самым дерзким и результативным из полемических авторов того периода, и его называли немецким Демосфеном за его филиппику против Рима. Латинским он владел лучше Лютера, а немецким — намного хуже. В плане остроумия и насмешливости он напоминает Лукиана, но иногда похож на Вольтера и Гейне. Он страстно любил немецкую свободу и независимость. Это было главной причиной, по которой он нападал на Рим. Он рубил дерево тирании под корень. Его девиз был: *Iacta est alea. Ich hab's gewagt*²⁴².

В 1518 г. он переиздал трактат Лаврентия Валлы о Константиновом даре с обескураживающим посвящением папе Льву X и избличил на немецкой почве гигантский обман, положенный в основание светской власти папства над всей христианской Европой. Но его главным и самым яростным манифестом против Рима был диалог под названием «Vadiscus, или Римская троица», который он опубликовал в апреле 1520 г., за несколько месяцев до появления лютеровского «Обращения к христианскому дворянству немецкого народа» (июль) и «Вавилонского пленения церкви» (октябрь). Здесь он на основании личных наблюдений триадами группирует то, что в изобилии встречается в Риме, то, чего недостает в Риме, то, что запрещено в Риме, то, что привозят домой из Рима, и т. д. Он вкладывает эти слова в уста римского консула Вадиска и обыгрывает их. Вот несколько примеров²⁴³:

Три приносят могущество Риму: авторитет папы, кости святых и торговля индульгенциями.

Три встречаются в Риме без счета: блудницы, священники и книжники.

Три избилуют в Риме: древности, яд и руины.

Три изгнаны из Рима: простота, воздержание и благочестие (или в другом месте: бедность, древний порядок и проповедь истины).

Три выставляются в Риме на торги: Христос, церковные бенефиции и женщины.

Три желанны в Риме для всех: короткие мессы, полновесное золото и роскошная жизнь.

Три отвратительны римскому слуху: общецерковные соборы, реформация клира и прозрение немцев.

Три более всего неуютны римлянам: единство князей, рост образованности среди народа и разоблачение римских обманов.

Три ценятся в Риме больше всего: красивые женщины, породистые лошади и папские буллы.

Три распространены в Риме повсеместно: излишества плоти, великолепие одежды и гордость сердца.

Трех в Риме всегда не хватает: денег на епископский паллий, ежемесячного дохода от вакантных бенефициев и ежегодного дохода от них²⁴⁴.

Три прославляются в Риме больше всего, но встречаются реже всего: верность, вера и невинность.

Три вызывают смех в Риме: пример древних, папство Петра и страшный суд.

²⁴² «Жребий брошен. Я решился» (аллюзия на восклицание Цезаря, когда тот перешел Рубикон и двинулся на Рим).

²⁴³ Strauss, *U. v. H.*, p. 285 sqq., 289; и его перевод, в *Hutten's Gespr.*, p. 94 sqq., 114 sqq. Я опустил текст собеседника. Вадиск — это друг Гуттена Крот из Эрфурта (он был также другом Лютера); Эрнгольд — его друг Арнольд Глаубергер, с которым он был в Риме.

²⁴⁴ Указание на право папы назначать лиц на все церковные должности, которые становятся вакантными в длинные месяцы (январь, март, май и т. д.), и получать аннаты, т. е. доход за первый год с каждого прихода, оцениваемого более двадцати четырех дукатов в год. Лютер в своем «Обращении к немецкому дворянству» называет папскую жадность откровенным грабежом.

Три перестали существовать в Риме: чистая совесть, преданность и верность клятве.

Три нужны в Риме, чтобы выиграть суд: деньги, рекомендательные письма и ложь.

Три паломники обычно привозят из Рима: запятнанную совесть, больной желудок и пустой кошелек.

Три мешают Германии стать мудрее: глупость князей, упадок знаний и суеверие народа.

Три могут поставить Рим на верный путь: решимость князей, нетерпение народа и армия турок у его ворот.

Благодаря емкой и выразительной форме диалог приобрел популярность и влияние. Даже Лютер подражал ему, когда в своем «Вавилонском пленении» говорил о трех стенах и трех жезлах папистов. Гуттен называет римский двор прибежищем скверны и говорит, что на протяжении веков на римском престоле не было истинного преемника Петра, а были лишь преемники и подражатели Симона-волхва, Нерона, Домициана и Гелиогабала.

Чтобы бороться с этим злом, он советовал не упразднить папство, но лишить его финансовой поддержки Германии, сократить количество клириков и разрешить им вступать в брак. Эти меры привели бы, как минимум, к сокращению роскоши и разврата.

Характерная особенность церкви того периода: Гуттен был близок к первому прелату Германии, несмотря на свои яростные нападки на Рим, и получал от него жалование, а позже — пенсию. И Гуттен славил Альбрехта до небес за то, что тот поддерживал либеральные науки. Гуттен плохо разбирался в вероучительных разногласиях и не заботился о них. Его политика состояла в сражении против большого папы в Риме с помощью малого папы в Германии и в призывах к немецким императорам, князьям и знати сокрушить унизительное ярмо иноземной тирании. Возможно, Альбрехт мечтал стать примасом независимой католической церкви Германии.

К сожалению, Гуттену недоставало моральной чистоты, глубины и веса. Он был искренним, смелым и дерзким, но полным самомнения, неуёмным искателем приключений и спорщиком. Он умел разрушать, но не умел строить. На двадцатом году жизни он заразился позорной болезнью, которая губила его физически и использовалась римскими оппонентами для того, чтобы уничтожить его морально. Он в течение десяти лет невероятно страдал от этой болезни и разнообразных бесполезных лекарств, вылечился, потом болезнь опять вернулась, однако он сохранял присутствие духа и энергию²⁴⁵.

Гуттен приветствовал виттенбергское движение, хотя сначала видел в нем лишь «ссору между двумя темпераментными монахами, которые кричат друг на друга», и выражал надежду, «что они друг друга сожрут». После лейпцигского диспута он (сначала через Меланхтона) предложил Лютеру в помощь свое перо и свой меч, а от имени своего благородного друга, рыцаря Франца фон Зикингена, — безопасное убежище в Эбернбурге близ Кройцнаха, где нашли гостеприим-

²⁴⁵ Он сам очень откровенно говорит о своей *Morbus Gallicus* или *Malum Franciae* и ее ужасных последствиях, не пытаясь оправдаться. Штраус подробно обсуждает эту тему, полагая, что Гуттен был сам виноват, но сочувствует его страданиям и восхищается его стойкостью. *Er hatte*, — говорит он (*U. v. H.*, p. 241), — *den Jugendfehler, dessen wir ihn schuldig achten, in einem Grade zu büßen, welcher selbst des unerbittlichsten Sittenrichters Strenge in Mitleid verwandeln muss... Man weiss nicht was schrecklicher ist, die Beschreibung die uns Hutten von seinem Zustande, oder die er uns von den Quälereien macht, welche von unverständigen Aerzten als Curen über ihn verhängt wurden.*

ный кров Мартин Буцер, Иоганн Эколампадий и другие бежавшие из монастырей и симпатизировавшие реформам. Он послал ему свои книги с примечаниями, чтобы тот мог напечатать их.

Но Лютер был осторожен. Он интересовался литературой и политикой, но в меру того, что позволяла его богословская и религиозная позиция. Он уважал Рейхлина, Эразма, Крота, Муциана, Пиркгеймера, Гуттена и других гуманистов за ученость и способность противостоять монашеству и священникам. Он полностью разделял их патриотическое негодование против римской тирании, но им недоставало моральной искренности, религиозной глубины, того энтузиазма по отношению к чистому Евангелию, который был его главной страстью. Он думал о реформе, они — о просвещении. Ему не нравилась фривольная сатира *Epistolae obscurorum virorum*. Он называл это произведение глупым, а автора — *Hans Wurst* (Ганс Колбаса). Обскурантизм и тайные пороки монашества скорее приводили его в негодование, чем веселили, хотя он обладал таким же замечательным чувством юмора, как Крот и Гуттен. Кроме того, он считал неправильным прибегать к физической силе в духовной войне и уповал на силу Слова Божьего, основавшего церковь и способного эту церковь преобразить. Его послания к Гуттену не сохранились, но он писал Шпалатину (16 января 1521 г.): «Ты видишь, чего хочет Гуттен. Я бы не хотел, чтобы Евангелие защищали насилием и убийством. Я писал ему об этом. Мир был покорён Словом. Церковь стоит Словом. И Словом она будет возрождена. Антихрист появился без насилия, и он будет сокрушен без насилия, Словом».

Гуттен был нетерпелив. Он способствовал наступлению кризиса. Зикинген атаковал архиепископа и курфюрста Трира, чтобы провести реформацию в его землях, но потерпел поражение и умер от ран в руках своих врагов 7 мая 1522 г. Месяц спустя все его замки были захвачены и в большинстве своем сожжены князьями-союзниками. Два его сына были изгнаны, а третий попал в плен. Лютер воспринял это несчастье как Божий суд и лишь утвердился в своем нежелании использовать силу²⁴⁶.

Гуттен, нищий и больной изгнанник, бежал из Германии в Базель, надеясь на гостеприимство Эразма, своего бывшего друга и поклонника, но этот осторожный ученый холодно отказал ему, за что Гуттен в горечи отомстил, беспощадно его критикуя. Потом он отправился в Цюрих, где к нему с добротой и великодушием отнесся Цвингли, который снабдил его книгами и деньгами, послал на горячие источники в Пффефферс, а потом — в уединенное место на острове Уфнау, на Цюрихском озере, для лечения. Вскоре Гуттен умер там от своей неизлечимой болезни — в августе 1523 г., в самом расцвете лет (ему исполнилось тридцать пять лет и четыре месяца). После себя он оставил лишь перо, меч и урок: «Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф» (Зах. 4:6).

Вместе с Гуттеном и Зикингеном погибла надежда на политическое возрождение Германии с помощью Реформации и физической силы. Крестьянам, которые устроили восстание два года спустя, тем более не удалось добиться того, чего не добились рыцари. Но, несмотря на неудачу физического оружия, Реформация добилась успеха с помощью оружия духовного.

²⁴⁶ E. Münch, *Fr. v. Sickingen*. Stuttgart, 1827 sqq. 3 vols. Strauss, *l. c.*, p. 488. Ullmann, *Franz v. Sickingen*, Leipzig, 1872.

§43. Крестовый поход Лютера против папства. 1520

После диспута в Лейпциге Лютер утратил всякую надежду на реформы, исходящие из Рима, который готовил буллу об отлучении.

Начинается его период бури и натиска²⁴⁷, кульминацией которого стало сожжение папской буллы и протест на Вормском рейхстаге.

После жестокой внутренней борьбы Лютер пришел к убеждению, что папство, каким оно было в его дни, — антихристианская власть, главный источник и причина злоупотреблений в церкви. Приериас, Экк, Эмсер и Альвельд отстаивали самые экстравагантные притязания папства с большой ученостью, но при этом не отделяли факты и вымысел. Из книги Лаврентия Валлы, напечатанной Ульрихом фон Гуттенем, Лютер узнал о том, что Константинов дар (когда этот император якобы даровал папе Сильвестру и его преемникам светскую власть не только над Латеранским дворцом, но и над Римом, Италией и Западом) — ничем не подтвержденная выдумка темного Средневековья. Он увидел «дьявольскую ложь» канонического права и Лжеисидоровых декреталий. «Должно быть, язва, посланная Богом, — говорит он в «Обращении к немецкому дворянству», — ослепила многих, чтобы принимать такую ложь, ибо сама по себе она столь неуклюжа и несообразна, что даже закоренелый пьяница соврал бы более умело». Честные католические историки более позднего периода с помощью неопровержимых доводов разоблачили эту фальсификацию.

Лютер воспринимал церковь не только как папство. Он понимал христианство более широко, включая сюда восточных христиан и даже таких людей, как Гус, сожженный общецерковным собором за учения, взятые у апостола Павла и святого Августина. Вместо того чтобы, подобно католикам, ограничивать церковь внешним, видимым сообществом с папой во главе, он воспринимал ее как духовное общение всех верующих, подчиненное одному лишь Христу. Негодование и ненависть к римскому угнетению и разврату накапливались внутри него. «Я почти не сомневаюсь, — писал он Шпалатину 23 февраля 1520 г., — что папа — антихрист». В том же году, 11 октября, он даже написал Льву X, что папский сан подходит лишь таким предателям, как отверженный Богом Иуда Искариот²⁴⁸.

Новые убеждения Лютера были весьма укреплены Меланхтоном, который посредством независимых и рассудительных исследований пришел к такому же выводу. В споре с Экком в августе 1519 г. Меланхтон выдвинул имевший великие последствия принцип: Писание есть высшее правило веры, и мы должны не объяснять Писание с помощью отцов церкви, а объяснять и проверять отцов церкви с помощью Писания. Он обнаружил, что даже Амвросий, Иероним и Августин часто ошибались в своих толкованиях. Немногим позже (в сентябре 1519 г.) он выдвинул такое же обвинение против соборов, говоря, что христианину-католику следует верить только в то, что сказано в Писании. Он выражал сомнения в пресуществлении и в теории мессы в целом. Его вера в высшую

²⁴⁷ *Sturm- und Drangperiode* — выразительная немецкая фраза.

²⁴⁸ Посреди латинского текста, обращенного к Шпалатину (начало июня 1520 г., De Wette, I. 453), Лютер выплескивает свой гнев против папства в таких немецких словах: *Ich meine, sie sind zu Rom alle toll, thöricht, wüthend, unsinnig, Narren, Stock, Stein, Hölle, und Teufel geworden*. В том же послании он упоминает о своем намерении издать книгу *ad Carolum et totius Germaniae nobilitatem adversus Romanae curiae tyrannidem et nequitiam*.

ценность Писания, и особенно посланий Павла, все укреплялась. Она делала его сильнее и смелее в борьбе со средневековым преданием.

Итак, подкрепленный ученостью Меланхтона, ободренный патриотическим рвением Гуттена и Зикингена, подстрекаемый яростью врагов и движимый словоно бы ощущением предвечного, Лютер атаковал папскую власть, видя в нем оплот самого сатаны. Он не таил зла против кого-то лично, но пылал негодованием против системы и часто бывал несдержан²⁴⁹. Он ощущал вдохновение пророка и обладал смелостью мученика, готовый в любой момент умереть за свои убеждения.

С июля по октябрь 1520 г. он выпустил один за другим три своих самых действенных реформаторских труда: «Обращение к христианскому дворянству немецкого народа», «Вавилонское пленение церкви» и «О свободе христианина»²⁵⁰. Первые два — боевые кличи, сильнейший удар, который человеческое перо когда-либо наносило системе папства. Третий же — мирный. Он сияет, как радуга на фоне грозowych туч. Таков поразительный контраст. Лютер был самым консервативным из радикалов и самым радикальным из консерваторов. Он обладал всей яростью революционного оратора и в то же время благочестивым духом мистика-созерцателя.

XVI век был веком практической сотериологии — он пытался определить отношения между Богом и человеком, привести верующего к непосредственному общению со Христом и обеспечить ему личные блага евангельского спасения. То, что раньше считалось исключительной привилегией священников, теперь стало общей привилегией каждого христианина, но для такой перемены необходимо было сокрушить стены, которые разделяли клир и мирян и мешали прихожанам приблизиться к Богу. Наиболее эффективно это сделал Лютер в своих антипапских произведениях. Отношения человека с ближними основаны на отношениях человека и Бога, и эта социологическая проблема ставит перед нынешним XIX веком одну из самых великих задач.

§44. «Обращение к христианскому дворянству немецкого народа»

An den christlichen Adel deutscher Nation: von des christlichen Standes Besserung. В WALCH, X. 296 sqq.; Erl. ed., XXI. 274-360; Weimar ed., VI. 404. KÖSTLIN (в его краткой биографии Лютера, р. 197, New York ed.) приводит факсимиле титульной страницы второго издания. Доктор Карл Венрат из Бонна опубликовал его отдельно, со вступлением и примечаниями, в четвертом номере «Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte». Halle, 1886 (114 стр.).

«Время молчать прошло. Настало время говорить». С этих слов (основанных на Ек. 3:7), во вступительном обращении к Амсдорфу, Лютер начинает свой труд, адресованный «его Наисветлейшему и Могущественному Императорскому Величеству и христианскому дворянству немецкого народа по поводу реформации церковных владений». Предисловие датировано кануном дня святого Иоанна Крестителя (23 июня) 1520 г. Книга была спешно закончена 20 июля²⁵¹. До 18

²⁴⁹ См. примечательный отрывок в его послании к Конраду Пелликану, январь или февраль 1521 г. (De Wette, I. 555): *Recte mones modestiae me: sentio et ipse, sed compos mei non sum; rapior nescio quo spiritu, cum nemini me male velle conscius sim: verum urgent etiam illi furiosissime, ut Satanam non satis observem.*

²⁵⁰ L. Lemme: *Die drei grossen Reformationsschriften Luthers vom Jahre 1520.* Gotha, 1875, 2^a ed., 1884. Wace and Buchheim: *First Principles of the Reformation.* London, 1883.

²⁵¹ Об этой дате он сообщает Венцеславу Линку: *Editur noster libellus in Papam de reformanda*

августа было напечатано не менее четырех тысяч экземпляров (поразительный для того времени тираж!), и сразу же возникла потребность в новом издании, при том что репринты книги быстро появились в Лейпциге и Страсбурге.

Эта книга — волнующий призыв к немецкому дворянству, которое, в лице Гуттена и Зикингена, недавно предлагало Лютеру вооруженную помощь. Автор призывает дворян взяться за насущные преобразования в церкви, но не военной силой, а законными средствами, в страхе Божьем и уповая на силу Бога. Епископы и клир не выполняют свои обязанности, а потому миряне сами должны начать борьбу за чистоту и свободу церкви.

Лютер беспощадно изобличил тиранию папы, правление которого, как сказал он, «так же не похоже на правление апостолов, как Люцифер на Христа, ад на небеса, ночь на день, — и тем не менее папа называет себя наместником Христа и преемником Петра».

Книга поделена на три части.

1. В первой части Лютер сокрушает то, что называет тремя стенами Иерихона, воздвигнутыми папством для защиты от Реформации. А именно: отстранение мирян от управления, притязание на исключительное право толковать Писание и на исключительное право созывать собор.

По поводу первого он, выступая против клира, ясно и категорически выдвигает фундаментальный протестантский принцип всеобщего священства всех крещеных христиан. Он выступает против разделения церкви на два сословия: духовное, состоящее из папы, епископов, священников и монахов; и мирское, состоящее из князей, землевладельцев, ремесленников и крестьян. Существует только одно Тело, и Христос — его Глава. К духовному сословию принадлежат все христиане. Крещение, Евангелие и вера — они, и только они делают христиан духовным народом²⁵². Мы становимся священством посредством крещения. Мы — царственное священство, цари и священники перед Богом (1 Пет. 2:9; Отк. 5:10). Таким образом, разница между клиром и мирянами состоит в должностях и функциях, а не в различии сословий.

Лютер представляет здесь священника как служителя общины. В более поздний период, столкнувшись с результатами демократических излишеств и с неготовностью большинства общин того времени к народной форме управления, он стал уделять большее внимание служению как учрежденному Христом. Идея всеобщего священства неизбежно вела к освобождению мирян от власти священников и к их вовлечению в дела церкви, но следует признать, что в нынешних протестантских государственных церквях воплощение такого подхода далеко от совершенства. Эта идея устраняла разделение между более возвышенной моралью клира и монашества и более приземленной моралью мирян. Она освящала естественные отношения, обязанности и добродетели. Она приравнивала семейную жизнь к безбрачию в плане достоинства. Она способствовала общему просвещению и обостряла чувство индивидуальной ответственности перед церковью. Но из этого же источника проистекает неправомерное вмешательство королей, князей и городских властей в дела церкви и унижительная зависимость многих протестантских учреждений от светской власти. Власть королей и власть священства — две противоположные крайности. Они обе противоречат духу христи-

ecclesia vernaculus, ad universam nobilitatem Germaniae, qui summe offensurus est Ro mam... Vale, et ora pro me (De Wette, I. 470).

²⁵² *Was aus der Taufe gekrochen ist, das mag sich rühmen, dass es schon Priester, Bischof, und Papst geweiht sei.*

анства. Лютер и особенно Меланхтон в более поздние годы горько жаловались на злоупотребления городских советов, узурпировавших права епископов, и на жадность князей, которые присваивали себе церковную собственность.

Принцип всеобщего священства мирян нашел свое политическое и гражданское соответствие в американском принципе общего правления народа, выраженном в Декларации независимости: «Все люди рождаются свободными и равными».

2. Во второй части Лютер критикует мирскую помпезность папы и кардиналов, их ненасытную жадность и вымогательства, совершаемые под вымышленными предложениями.

3. В третьей части он переходит к практическим переменам. Он говорит о срочной необходимости реформ, формулируя свои предложения в двадцати семи статьях. Проводить реформы должны либо городские власти, либо общецерковный собор служителей и мирян.

Он советует упразднить аннаты, мирскую роскошь, идолопоклонническое почитание папы (например, целование его ноги) и его светскую власть вообще, чтобы папа был только духовным правителем, который не имеет власти над императором и правомочен лишь помазать его на царство и короновать, как епископ коронует короля, а Самуил короновал Саула и Давида.

Лютер решительно требует упразднить принудительное безбрачие священников, которое не способствует целомудрию, а мешает ему, и является причиной неописуемых бед. Священникам должно быть разрешено вступать в брак в соответствии с их призванием и чувством долга.

Мессы об усопших следует отменить, потому что они превратились в насмешку над служением и в способ изымания денег, а потому возбуждают Божий гнев.

Шествия, праздники в честь святых и большую часть общественных праздников, кроме воскресенья, тоже надо упразднить, потому что святые дни осквернены пьянством, азартными играми и праздностью.

Количество монастырей следует сократить и превратить их в школы, куда люди смогут приходить и уходить, не принимая обетов.

Наказания канонического права надо частично отменить, в первую очередь интердикт, препятствующий возведению Слова Божьего и богослужениям, ведь это более великий грех, чем убить одновременно двадцать пап.

Посты должны быть добровольными, а не принудительными. Сами римляне насмеяются над постами, а людям, живущим в других странах, они отправляют масло, которым не стали бы даже смазывать свою обувь, — и тут же предлагают за деньги купить у них право есть это масло в любое время. Апостол же говорит, что Евангелие дает нам свободу в вопросах поста (1 Кор. 10:25 и далее).

Лютер запретил бы также просить милостыню в христианском мире. Каждый город сам должен содержать своих нищих и не впускать к себе посторонних, будь то паломники или нищенствующие монахи. Неправильно, если одни работают, а другие бездельничают, и если кто-то бедствует, чтобы кто-то другой мог жить хорошо. Но «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10).

Он советует сократить количество священников и запретить одному человеку держать в руках несколько должностей. «Что же касается братств, то пусть они будут похоронены и упразднены вместе с индульгенциями, отпущениями грехов, распределением должностей, мессами и тому подобным».

Он советует (ст. 24) воздать богемцам по справедливости и помириться с ними, ибо Гус и Иероним Пражский были сожжены несправедливо, вопреки тому,

что папа и император обещали им охранные грамоты. Еретиков следует побеждать книгами, а не огнем, в противном случае «палачей следует признать самыми учеными докторами в мире и отказаться от всякого обучения».

В ст. 25 Лютер призывает к здравомысленной реформе университетов, которые превратились в «школы греческой моды», «языческих манер» (2 Мак. 4:12,13) и «полны распущенности». Он несправедливо строг к Аристотелю, которого называет «мертвым, слепым, проклятым, гордым мошенником и языческим учителем». Его логику, риторику и поэтику еще можно разрешить, но его физика, метафизика, этика и книга «О душе» (которая учит, что душа умирает вместе с телом) должны быть запрещены. Вместо них следует изучать языки, математику, историю и особенно Священное Писание. «Нет ничего более дьявольского и злостного, — говорит он, — чем неререформированный университет». Он отменил бы и каноническое право, в котором «нет ничего благого, кроме имени», и которое не полезнее «макулатуры».

Он не щадит национальные пороки. Он справедливо упрекает соотечественников за экстравагантности одежды, ростовщичество, а особенно — за невоздержанность в еде и питье, вследствие которой, говорит он, «о нас, немцах, идет дурная слава в других странах; это наш особый порок, ставший таким распространенным и настолько преобладающим, что проповеди ничего не могут тут сделать». (Его частый протест против *Saufteufel* немцев, как он называет их любовь к спиртному, до сих пор актуален. В плане воздержания народы Южной Европы идут намного впереди народов севера).

В заключение он выражает надежду, что будет осужден на земле. «Больше всего я беспокоюсь и боюсь, что дело мое не будет осуждено людьми; тогда я буду точно знать, что оно не угодно Богу. Поэтому пусть делают свое дело папа, епископ, священник, монах или доктор. Пусть они гонят истину, ибо они всегда этим занимались. Пусть Бог дарует нам всем христианское понимание, а христианскому дворянству немецкого народа — подлинную духовную смелость, чтобы мы сделали все возможное для нашей несчастной церкви. Аминь».

Эта книга была горящей головней, брошенной в покои папской церкви. Она предвосхитила ответ на папскую буллу и подготовила к нему общественное мнение. Она до глубины души задела немцев на их родном языке, зазвучавшем с такой силой, с какой он не звучал никогда раньше. Им сразу вспоминались многочисленные огорчения, связанные с давним противостоянием Риму. Но некоторые близкие друзья Лютера не приняли эту книгу. Они осуждали ее язвительную суровость или сожалели о ней²⁵³. Штаупиц пытался помешать ее публикации, а вскоре после этого (23 августа 1520 г.) отказался от своего поста генерального викария августинцев и удалился в Зальцбург, считая, что не должен вступать в этот конфликт. Иоганн Ланге назвал книгу «ужасным и яростным призывом к бунту». Некоторые боялись, что она приведет к религиозной войне. Меланхтон не мог одобрить насилие, но и не осмеливался возражать новому Илию. Лютер ссылался на пример Павла и пророков: чтобы тебя услышали, необходимо сокрушить сопротивление. Он был уверен, что движим не жаждой славы, денег или удовольствий и не намеревается подстрекать к бунту или войне. Он хотел только расчистить путь для свободного общецерковного собора. Можно сказать, он стал предтечей магистра Филиппа в сражении с Ахавом и пророками Ваала по примеру Или (3 Цар. 18)²⁵⁴.

²⁵³ *Omnes ferme [fere] in me damnant mordacitatem*, — пишет он Линку 19 августа 1520 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Нижеприведенные отрывки позволяют составить представление о полемике Лютера против папы в этой замечательной книге.

С обычаем целовать папе ноги следует покончить. Это нехристианский или, точнее, антихристианский пример — чтобы несчастному грешнику целовали ноги те, кто в сто раз лучше его. Если это делается из уважения к власти папы, то почему он не поступает так с другими из уважения к их святости? Сравните Христа и папу. Христос омыл ноги ученикам и вытер их, а ученики никогда не омывали Ему ноги. Папа же, делая вид, что он выше Христа, извращает Его пример и считает, что для нас великая милость, если он позволяет нам целовать свои ноги. Даже если бы кто-то пожелал так сделать, ему, наоборот, следовало бы изо всех сил предотвратить это, как апостол Павел и Варнава говорили: “Мы — подобные вам человеки” (Деян. 14:14) — не позволяя, чтобы жители Листры поклонялись им как богам. Но наши льстецы довели ситуацию до такого предела, что воздвигли для нас идола, так что люди не почитают Бога с таким страхом и не относятся к Нему с таким уважением, как к папе. Отсутствие страха Божия они могут терпеть, но не потерпят, чтобы слава папы уменьшилась хотя бы на полволоса. Так вот, если бы они были христианами и ставили честь Бога выше своей собственной, то папа никогда не пожелал бы, чтобы честь Бога принижалась, а его собственная возвышалась; и он никому не позволил бы поклоняться себе, не видя, что Божья честь ставится выше, чем его собственная.

Сюда же относится и другое отвратительное проявление гордости. Папа не удовлетворяется ездой верхом или в карете. Даже если он здоров и силен, люди с неслышанной помпезностью несут его на руках, как идола. Я спрашиваю вас, как эта Люциферова гордость согласуется с примером Христа, Который ходил пешком, как и все Его апостолы? Папа называет себя главой всех тех, чья обязанность — презирать мирскую роскошь и бежать от нее (здесь я имею в виду всех христиан), но были ли хоть один король, который жил бы с таким мирским великолепием, как папа? Эта проблема должна занимать нас не сама по себе, а для того, чтобы мы призадумались и устрашились гнева Божьего, если мы потворствуем такой гордости и не выказываем своего недовольства. Достаточно того, что сам папа безумен и глуп. Зачем еще и нам одобрять и поддерживать его?

Перечислив злоупотребления, санкционированные папой, его каноническим правом и поддерживаемые им с помощью узурпированной им власти, Лютер обращается к нему с такими страстными словами:

Слышишь ли ты, о папа! не самый святой, но самый грешный? Бог низвергнет твой престол с небес и бросит в адскую пропасть! Кто дал тебе право возвышать себя над Богом? нарушать и отменять то, что Он велел? учить христиан, особенно немцев, которые благородны от природы и которых все историки хвалят за прямоту и правдивость, быть лживыми, неверными, клятвопреступниками, предателями и злодеями? Бог велел оставаться верным и держать слово даже с врагами; а ты осмеливаешься отменять Его заповедь, заявляя в своих еретических, антихристианских декреталиях, что ты имеешь на это право; твоими устами и пером сатана лжет, как не лгал никогда раньше, он учит тебя исказить и извращать Писание по твоей собственной воле. О Господь Христос! воззри на это, пусть придет день Твоего суда и да уничтожишь Ты дявольского лжеца из Рима. Посмотри на того, о ком апостол Павел говорил (2 Фес. 2:3,4), что он поставит себя выше Тебя и воссядет в Твоей церкви, притворяясь Богом, — на человека греха и сына погибели... Папа попирает ногой Божьи заповеди и возвышает свои собственные, и если уж он — не антихрист, то кто вообще может быть антихристом?

Янссен (II. 100) называет лютеровское «Обращение к дворянству немецкого народа» *das eigentliche Kriegsmantel der Lutherisch-Huttenischen Revolutionspartei, и ein Signal zum gewaltsamen Angriff*. Но в этой книге нигде нет призыва к войне. В послании же к Линку Лютер явно говорит: *nec hoc a me agitur, ut seditionem moveam, sed ut concilio generali libertatem asseram* (De Wette, I. 479). Янссен цитирует (стр. 103) очень едкий отрывок из комментариев Лютера к книге Приериаса, которую он перепечатавал (*De juridica et irrefragabili veritate Romanae Ecclesiae Pontificis*), и где выражено пожелание, чтобы император, короли и князья кровавым образом покончили с

²⁵⁴ См. его послания к Иоганну Ланге (18 августа 1520 г.) и Венцеславу Линку (19 августа) в De Wette, I. 477-479.

папой, кардиналами и всей кликой римского Содома. Но этот отдельный категорический отрывок может быть опровергнут с помощью неоднократных выступлений Лютера против физической войны. Лютер был спровоцирован на такие слова дивными заявлениями Приериаса, папского мажордома, утверждавшего, что папа — непогрешимый судья во всех спорах, духовный глава, глава всех светских князей, глава церкви и вселенной (*caput totius orbis universi*). Против такого богохульства Лютер выступает со словами: *Mihi vero videtur, si sic pergat furor Romanistarum, nullum reliquum esse remedium, quam ut imperator, reges et principes vi et armis accincti aggrediantur has pestes orbis terrarum, remque non jam verbis, sed ferro decernant... Si fures furca, si latrones gladio, si haereticos igne plectimus, cur non magis hos magistros perditionis, hos cardinales, hos papas et totam istam romanae Sodomae colluviem, quae ecclesiam Dei sine fine corrumpit, omnibus armis impetimus, et manus nostras in sanguine eorum lavamus? tanquam a communi et omnium periculosissimo incendio nos nostrosque liberaturi* (Erl. ed., *Opera Latina*, II. 107). И здесь Лютер имеет в виду национальное сопротивление под руководством императора и законных правителей.

§45. «Вавилонское пленение церкви». Октябрь 1520 г.

De Captivitate Babylonica Ecclesiae Praeludium D. Martini Lutheri. Wittenb., 1520. Erl. ed. *Opera Lat.*, vol. V, 13-118; нем. перев. (*Von der Babylonischen Gefängnis*, etc.) неизвестно-го автора, 1520, репринт в WALCH, XIX. 5-153 и в O. V. GERLACH, IV. 65-199; латинский оригинал вновь в Weimar ed., vol. V. Англ. перев. БУСНHEIM, в *First Principles of the Reformation* (London, 1883), pp. 141-245.

В конце «Обращения к дворянству» Лютер заявляет: «У меня есть еще одна песня про Рим. Если ее хотя услышать, я спою ее, причем изо всех сил. Понимаешь ли ты, друг мой Рим, о чем я?»

Новой песней, вторым боевым кличем, стала книга «Вавилонское пленение церкви», опубликованная в начале октября 1520 г.²⁵⁵ Лютер называет ее «прелюдией», как будто настоящая битва только должна была начаться. Книга была задумана для ученых и клира, и потому написана на латыни. Это полемический богословский труд с далеко идущими последствиями, подсекающий один из корней римской власти и ориентированный на новый тип христианской жизни и поклонения. Лютер атакует систему таинств Римской церкви, с помощью которой та сопровождает и контролирует жизнь христианина от колыбели до могилы, подчиняя все важные поступки и события власти священника. Эту систему он представляет как пленение, а Рим — как современный Вавилон. Однако он далек от того, чтобы недооценивать значение и пользу таинств. В том, что касается учения о крещении и евхаристии, он больше согласен с католиками, чем с Цвингли.

Сначала Лютер благодарит своих римских оппонентов за то, что они просветили его богословски. «Два года назад, — говорит он, — я писал об индульгенциях, но еще с суеверным уважением относился к римской тирании. Сейчас я узнал с милостивой помощью Приериаса и монахов, что индульгенция — это всего лишь коварные изобретения римских льстецов. Позже Эрк и Эмсер растолковали мне всё о власти папы. Я отрицал божественные права, но продолжал признавать права человеческие, а прочитав те сверхтонкие рассуждения этих хлыщей в защиту их идола, я убедился, что папство — это Вавилонское царство, власть могучего зверолова Нимрода. И теперь ученый профессор из Лейпцига выступает против меня по вопросу о таинстве под обоими видами и собирается совершить еще более впечатляющее чудо²⁵⁶ — убедить, будто ни Христос, ни апостолы не велели и не завещали мирянам принимать оба элемента этого таинства».

²⁵⁵ 3 октября 1520 г. Лютер писал Шпалатину: *Liber de captivitate Ecclesiae sabbato exhibit, et ad te mittetur* (De Wette, I. 491).

1. Сначала Лютер рассматривает таинство *святого причастия* и выступает против трех заблуждений как тройного плена, а именно: лишения мирян чаши, учения о пресуществлении и таинства мессы.

а) Что касается *лишения мирян чаши*, то он опровергает неуклюжие доводы Альвельда и доказывает на основании повествований Матфея, Марка, Луки и Павла, что *всё* таинство было задумано как для клира, так и для мирян, в соответствии с заповедью: «Пейте *все*». Каждый автор ставит акцент на всеобщности именно чаши, а не хлеба, словно Сам Дух внушил им предвидение о (богемском) расколе. Кровь Христа была пролита за всех в отпущение грехов. И если у мирян есть сама вещь, так зачем же отказывать им в ее символе, который значит гораздо меньше, чем эта вещь? Церковь не имеет права отнимать у мирян чашу, как и хлеб. В данном отношении в качестве раскольников и еретиков выступают католики, а не богемцы и не греки, которые следуют явленному учению Слова Божьего. «Я прихожу, таким образом, к выводу, что лишать мирян причастия под обоими видами — это нечестивое действие и тирания, на которую нет власти даже у ангелов, не говоря уже о власти папы или собора... Таинство принадлежит не священникам, но всем; священники — не господа, но слуги; их обязанность — давать оба вида причастия тем, кто его ищет, и тогда, когда они его ищут... Так как епископ Рима перестал быть епископом и превратился в тирана, я не боюсь его указов, ибо я знаю, что ни он, ни вселенский собор не имеют власти учреждать новые догматы веры».

б) Учение о *пресуществлении* — это более мягкий вид пленения, и с ним еще можно примириться, принимая другой, более естественный взгляд на реальное присутствие, согласно которому дары остаются неизменными. Хорошо известно, что Лютер до конца жизни твердо верил в реальное присутствие и в принятие внутрь истинных тела и крови Христовых как достойными, так и недостойными причащающимися (разумеется, с противоположным эффектом). Он отрицал чудесное преобразование сущности даров, но утверждал, что тело и кровь Христа сосуществуют с хлебом и вином в их виде, причём то и другое реально, но только одно невидимо, а другое видимо²⁵⁷. В этой книге Лютер терпимо относится к обоим теориям, но сам предпочитает вторую. «Христиане вольны без опасности для своего спасения представлять, думать или верить любым из этих двух способов, так как оба они не являются обязательным артикулом веры...». «Я не стану слушать и даже рассказывать о тех, кто будет кричать, что такое учение — виклефитство, гуситство, ересь и противоречит решениям церкви». В Писании не говорится о пресуществлении даров. Павел называет их настоящим хлебом и настоящим вином, столь же реальными, как и чаша. Более того, Христос говорит (в переносном смысле): «Сия чаша есть Новый Завет в Моей крови», — имея в виду, что Его кровь содержится в чаше. Пресуществление — схоластическая выдумка XII века в духе Аристотеля²⁵⁸. «Разве Христос не силен был сосредоточить Свое тело и в сущности хлеба, а не только в его свойствах? Огонь и железо,

²⁵⁶ Он имеет в виду *Tractatus de communione sub utraque specie quantum ad laicos* Альвельда, 1520. Его имя он не упоминает из пренебрежения.

²⁵⁷ Этот взгляд обычно называют *восуществлением* (консубстанциацией), однако лютеране возражают против понимания данного термина как *импанации*, то есть локального взаимопроникновения, смешения и ограниченности. Они говорят о присутствии вездесущего тела без ограничения местом.

²⁵⁸ В строгом смысле это не соответствует исторической правде. Пресуществлению явно учил Пасхазий Радберт в IX веке, хотя ему и возражал Ратрамн. См. том IV этой истории, §124 и далее.

две разные сущности, так смешиваются в раскаленном железе, что каждая есть часть — это и огонь, и железо одновременно. Так почему же славное тело Христа не могло подобным образом проникнуть в сущность хлеба?» Простые люди не понимают разницы между сущностью и качествами, не спорят о ней, но «просто верят, что тело и кровь Христа воистину содержатся в дарах». Так и боговоплощение не потребовало пресуществления человеческой природы и нам не требуется доказывать того, что сущность Бога скрывалась под качествами человека, «но каждая из природ осталась неповрежденной, и мы воистину можем сказать: этот человек — Бог, и этот Бог — человек».

в) *Жертвоприношение мессы*, то есть принесение Богу в жертву самого тела и крови Христовых из рук священника, когда он произносит слова учреждения. Иначе говоря, это фактическое воспроизведение искупительной жертвы Креста, но только бескровное. Данный обряд составляет самую суть римско-католического (и греко-православного) поклонения. Лютер критикует его как третье пленение, самое нечестивое из всех. Он чувствует, как трудно и, может быть, даже невозможно решить задачу, предполагающую переворот в совместном поклонении. «В наши дни, — говорит он, — в церкви нет веры более общепризнанной, которая укоренилась бы в сознании прочнее, чем вера в то, что месса есть доброе дело и жертвоприношение. И это злоупотребление породило безмерный поток других злоупотреблений, так что в результате была утрачена вера в само это божественное таинство и оно превратилось в предмет торговли, корыстолюбия, выгодных сделок, на которые опирается материальное содержание священников и монахов». Лютер вспоминает о простоте первоначальной вечери Господней, которая была благодарным воспоминанием об искупительной смерти Христа, с сопутствующим ему благословением, а именно, с прощением грехов, принимаемым в вере. Сущность этого таинства — обетование и вера. Это дар Бога человеку, а не дар человека Богу. Его, как и крещение, надо принимать, а не отдавать. Католики же превратили его в доброе дело человека, которое, как они воображают, угодно Богу одним только своим совершением (*opus operatum*). Они окружили его таким количеством молитв, символов, одеяний, жестов и церемоний, что за ними теряется изначальный смысл. «Они превращают Бога из благого дарителя в принимающего наши дары. И как печально такое отсутствие благочестия!» Лютер доказывает на примере древней церкви, что жертва евхаристии, судя по ее названию, изначально была благодарственным принесением даров на нужды бедным. Подлинная жертва, которую мы должны приносить Богу, — это наша благодарность, наше имущество и вся наша жизнь. Он возражает также против использования латыни в мессе и требует богослужений на народном языке.

2. Таинство крещения. Лютер благодарит Бога за то, что это таинство осталось нетронутым и не подверглось «безумным и нечестивым ужасам жадности и суеверия». Он, по сути, соглашается с римским учением и считает крещение средством рождения свыше, в то время как Цвингли и Кальвин считали его лишь символом и печатью предшествующего возрождения и вхождения в церковь. Лютер даже настаивает на нем больше, чем католики, и возражает против преобладавшего взгляда святого Иеронима, что покаяние — это вторая доска для спасающихся от кораблекрушения. Вместо того чтобы уповать на отпущение грехов священником, лучше вернуться к отпущению грехов, обеспеченному при крещении. «Когда мы отказываемся от своих грехов и каемся, мы лишь возвращаемся к тому результату, который уже получили при крещении верой, от которой отпали. Мы возвращаемся к обещанию, которое было дано нами тогда, но которое

мы оставили, согрешив. Ибо однажды данное обещание остается истинным. И Истина готова протянуть нам руку и принять нас, когда мы возвращаемся».

Что касается *способа* крещения, то здесь, как и везде, Лютер предпочитает погружение, до сих пор преобладающее в Англии и в некоторых регионах на континенте. По поводу погружения не спорили ни католики с протестантами, ни протестанты и анабаптисты. В вопросе же крещения *детей* анабаптисты расходились со всеми. «Крещение, — говорит он, — это то самое погружение в воду, от которого происходит его название. Потому что по-гречески *крестить* значит “погружать”, а крещение — это “погружение”». «Крещение означает две вещи: смерть и воскресение, то есть полное и окончательное оправдание. Когда служитель окунает ребенка в воду, это означает смерть; когда он извлекает его из воды, это означает жизнь. Так объясняет крещение Павел (Рим. 6:4)... Я пожелал бы, чтобы крестящиеся полностью погружались в воду, в соответствии со значением слова и смыслом таинства; я не думаю, что это обязательно, но было бы хорошо, если бы столь полная и совершенная вещь, как крещение, символически выражалась столь же полно и совершенно».

Кажется, взгляды Лютера на рождение свыше при крещении противоречат его главному учению об оправдании одной только верой. Он говорит: «Не крещение оправдывает человека или идет ему на пользу, но вера в то слово обетования, которое крещение дополняет, ибо этой верой оправдывается и обеспечивается смысл крещения. Ведь вера есть утопление ветхого человека и возникновение человека нового». Но как это относится к крещению младенцев, которые не могут обладать верой в полном смысле этого слова, хотя, без сомнения, обладают способностью к вере? Здесь Лютер говорит о заместительной вере родителей или церкви. Но он предполагает также, что вера рождается в детях через крещение на основании их религиозной восприимчивости.

3. Наконец, Лютер критикует традиционное *количество* таинств. Он допускает «только два таинства в церкви Божьей, крещение и причастие, потому что лишь в них мы получаем божественно учрежденный символ и обетование отпущения грехов». До некоторой степени он допускает также таинство покаяния как способ и средство возвращения к крещению.

Оставшиеся из семи римских таинств: конфирмацию, брак, рукоположение и елеосвящение, — он отвергает, потому что о них ничего не сказано в Писании и Христос их не заповедал.

Брак существовал от начала мира. Он есть у всего человечества. Зачем тогда называть его таинством? Павел называет его «тайной», но не таинством, как переведено в Вульгате (Еф. 5:32). И апостол, скорее, использует здесь разновидность аллегии, говоря о союзе Христа и Церкви, отражением которого является брак. А папа ограничил это общечеловеческое установление, основанное на духовном родстве и законе, строгими запретами. Он запретил брак клирикам и претендует на право расторгать законные браки даже против воли одной из сторон. «Узрите же, глядя на пример брака, до какого несчастного и безнадежного состояния путаницы, претканий, ограничений и неустроенности дошла вся церковная жизнь из-за губительного и нечестивого человеческого предания! Надежды на избавление нет, если мы не покончим со всеми человеческими законами, не вернем обратно Евангелие свободы и не станем судить обо всем и управлять всем только согласно ему».

Лютер завершает труд словами: «Я слышал, против меня готовятся новые буллы и папские проклятия, призывающие меня покаяться, а иначе я буду при-

знан еретиком. Если так, то я хотел бы добавить эту маленькую книжку к причинам моего ожидаемого покаяния, чтобы у тирании не было повода пожаловаться на беспредметность ее усердствований. И вскоре я опубликую, с помощью Христовой, такое отречение, какого римский престол никогда не видел и не слышал, и без всякого недостатка подтвержу свое повиновение имени Господа нашего Иисуса Христа.²⁵⁹ Аминь.²⁶⁰

§46. Христианская свобода.
Последнее письмо Лютера к папе.
Октябрь 1520 г.

Von der Freiheit eines Christenmenschen, Wittenberg, 1520 (часто переиздавалось отдельно, а также в сборниках трудов Лютера). См. WALCH, XIX. 1206 sqq.; Erl. ed., XXVII. 173-200 (по первому изданию); Gerlach ed., V. 5-46. Лат. изд., *De Libertate Christiana*, было закончено немного позже, в нем есть кое-какие добавления; см. Erl. ed. *Opera Lat.*, IV. 206-255. Письмо Лютера к папе на латыни и на немецком также есть в DE WETTE, I. 497-515. Англ. перев. трактата и письма — в BUCHHEIM, *l. c.*, 95-137.

Хотя Рим уже осудил Лютера, папский легат Мильтиц еще надеялся на мирное решение проблемы. Он взял с Лютера обещание написать папе. В последний раз он переговорил с ним и Меланхтоном в Лихтенберге (нынешний Лихтенбург, в районе Торгау), в монастыре Св. Антония, 11 октября 1520 г., через несколько дней после того, как Лютер увидел буллу об отлучении. Было решено, что Лютер напишет книгу и письмо на латыни и на немецком Льву X, уверив его, что никогда не хотел критиковать его лично и что во всех неприятностях виноват доктор Экк. Книгу предполагалось подготовить за двенадцать дней, но датировать 6 сентября, чтобы не возникло впечатления, будто причиной написания стала папская булла.

Так появились два самых замечательных творения Лютера — его маленькая книжка «О христианской свободе» и послание Льву X.

Прекрасный трактат «О христианской свободе» — жемчужина произведений Лютера. Он разительно контрастирует с его полемическими трактатами против Рима, призванными сокрушить тиранию папства. Однако он является утверждающим дополнением к ним и почти так же необходим для понимания позиции Лютера. Выступая против тирании папства, Лютер был далек от того, чтобы пропагандировать противоположную крайность — вседозволенность. Трактат проникнут духом Послания к галатам, которое протестует против обеих крайностей. Он показывает, в чем заключается подлинная свобода. Лютер возвещает евангельскую свободу, свободу *во* Христе, а не *от* Христа, и предлагает примирение исключительно на ее основании. Он популярно излагает здесь суть жизни христианина. Он не полемизирует и пишет в духе практического мистицизма, который связывает его со Штаупицем и Таулером.

Основная идея такова. Христианин — господин над всем и по благодати своей веры не подчиняется никому. Но он — слуга всех и подчиняется каждому по

²⁵⁹ Возможно, он имеет в виду сожжение папской буллы, а не приложение к своей дальнейшей книге против Амвросия Катарина, где он пытается доказать, что папа — это антихрист, предсказанный в Дан. 8:23-25 (этого второго варианта придерживается О. фон Герлах).

²⁶⁰

*Hostis Herodes impie,
Christum venire quid times?
Non arripit mortalia
Qui regna dat coelestia.*

благодати любви. Из веры и любви составляется христианин. Вера связывает его с Богом, а любовь — с ближними. Идея взята у апостола Павла, который говорит: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести» (1 Кор. 9:19) — и: «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви» (Рим. 13:8). Так жил Христос — Который был Господом всего сущего, но родился от женщины и жил по закону, чтобы искупить всех, кто подчинен закону (Гал. 4:4). И Христос одновременно принял облик Бога и облик раба (Флп. 2:6-7). Жизнь христианина — это подражание жизни Христа (любимая идея средневековых мистиков).

Человек освобождается верой, которая единственная оправдывает, но вера проявляется в любви и добрых делах. Человек должен быть благим, чтобы иметь возможность делать добрые дела, и добрые дела исходят от благого человека, как и говорит Христос: «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Мф. 7:18). Не плод держит на себе дерево, и не дерево созревает на плоте, а дерево приносит плод, и плод вырастает на дереве. Так же происходит и с ремеслами. Не хороший или плохой дом делает хорошего или плохого строителя, а хороший или плохой строитель строит хороший или плохой дом. Так происходит и с человеческими делами. Каков сам человек, верующий или неверующий, таковы его дела. Они благи, если совершаются в вере, и дурны, если совершаются в неверии. Вера, делающая человека верующим, делает добрыми и его дела, но дела не делают человека верующим и не оправдывают его. Мы не отвергаем дела, нет. Мы хвалим за них и учим им в высшей степени. И мы осуждаем не дела сами по себе, а извращенное представление о них, когда люди ищут в них оправдание. «Из веры вытекает любовь и радость в Господе, а из любви — участливый, щедрый, свободный дух, готовый добровольно послужить ближнему, не думая ни о благодарности или неблагодарности, ни о похвале или обвинении, ни о выгоде или потере. Он не стремится сделать людей обязанными ему, он не различает друзей и врагов, не смотрит на благодарность и неблагодарность, но свободно и охотно распространяет себя и свои блага независимо от того, что получает в ответ, — неблагодарность или признательность. Так поступает и Отец наш, Который изобильно и безвозмездно наделяет людей различными благами, солнце Которого восходит над праведными и неправедными. Так поступает и ребенок, пребывающий в одной лишь чистой радости, которой и наслаждается через Христа в Боге, Подателе столь великих даров...»

«Кто же может постичь богатства и славу христианской жизни? Она может всё, имеет всё и не нуждается ни в чем. Она господствует над грехом, смертью и адом, и в то же время она послушна и полезна в служении всем. Но увы! в наше время она неведома миру. Ее не проповедуют, к ней не стремятся, ведь мы забыли даже собственное имя — почему мы христиане и почему нас называют христианами. Конечно, нас называют так из-за Христа, Который не отсутствует, а пребывает среди нас, если мы верим в Него. И каждый из нас — Христос для другого, когда мы поступаем с ближним так, как Христос поступает с нами. Но нынешнее, человеческое учение велит нам искать одних только заслуг, наград и достоинств, которые *уже* нам принадлежат. Мы превратили Христа в законодателя еще более сурового, чем Моисей...»

«Мы приходим, таким образом, к выводу, что христианин живет не в себе и не для себя, но во Христе и для своего ближнего, иначе он — не христианин. Он живет во Христе — верой, для ближнего — любовью. Верой он возвышается над собой и устремляется к Богу, любовью же он нисходит к ближнему, оставаясь в

Боге и Его любви. Христос говорит: “Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому” (Ин. 1:51)».

В латинском тексте Лютер добавляет несколько превосходных замечаний о тех, кто неправильно понимает и искажает понятие духовной свободы, превращая ее в оправдание своей плотской распущенности и презрительного отношения к церемониям, преданиям и человеческим законам вообще. Апостол Павел учит нас путем умеренности, осуждает крайности и говорит: «Кто ест, не уничижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его» (Рим. 14:3). Мы должны противиться упрямым и зашоренным сторонникам церемоний, как Павел сопротивлялся иудействующим, которые заставляли Тита сделать обрезание. Но мы должны щадить слабых, которые еще не способны постичь свободу веры. Мы должны сражаться с волками, но делать это ради овец и без вреда для них.

Этот манифест миротворчества должен быть одобрен каждым истинным христианином, будь он католик или протестант. Трактат проникнут духом подлинного ученика апостола Павла. Он исполнен героической веры и детской простоты. Он стоит в ряду лучших книг Лютера и возвышается над яростными спорами века, в который был создан, обращая читателей к объективной истине и миру веры во Христа²⁶¹.

Лютер послал эту книгу папе Льву X, который был слишком мирским по духу человеком, чтобы оценить ее, и сопроводил очень необычным и недипломатичным, но сильным в полемическом отношении посланием, которое, если бы папа прочел его, должно было вызвать у него смешанные чувства негодования и отвращения. В своем первом послании к папе (1518) Лютер простирался у его ног как послушный сын наместника Христова. Во втором (1519) он по-прежнему обращается к папе как смиренный подданный, но отказывается отречься от своих сознательных убеждений. А в третьем и последнем обращается к папе как к равному, с большим уважением отзывается о его личном характере (даже с большим, нежели папа заслуживал), но в самых строгих выражениях осуждает римскую курию, сравнивая папу с агнцем среди волков и с Даниилом в львином рву. Папы, говорит он, — это самые настоящие заместители Христа по той простой причине, что Христа в Риме нет²⁶². Мильтиц и августинцы, которые просили Лютера написать Льву апологию католичества, вынуждены были жестоко разочароваться. Это письмо уничтожило всякую надежду на примирение, если таковая еще оставалась.

После нескольких комплиментов в адрес Льва и заверения, что никогда неуважительно не отзывался лично о нем, Лютер говорит далее:

Римская церковь, бывшая самой святой из всех церквей, стала безбожным приютом разбойников, самым постыдным из публичных домов, самим царством греха, смерти и ада. Даже если бы пришел антихрист, он ничего не смог бы добавить к ее греховности.

²⁶¹ *Die Schrift von der Freiheit eines Christenmenschen ist ein tief-religiöser Traktat... Sie ist ein ruhiges, positives Zeugnis der Wahrheit, vor welcher die Waffen und Bande der Finsternis von selbst zu nichte werden müssen. Sie zeigt uns den tiefsten Grund des christlichen Bewusstseins und Lebens in einer edlen, seligen Ruhe und Sicherheit, welche die über ihm hingehenden Wogen und Stürme des Kampfes nicht zu erschüttern vermögen. Sie zeigt zugleich, wie fest Luther selbst auf diesem Grunde stand, indem er eben im Höhepunkt des Kampfgedränges sie zu verfassen fähig war* (Köstlin, *Mart. Luth.*, vol. I, 395 sq.). Весьма показательно то, что Янссен, который однобоким образом представляет два других реформаторских труда Лютера, полностью умалчивает о трактате «Христианская свобода». Кардинал Гергенротер также игнорирует его.

²⁶² *Ein Statthalter ist in Abwesenheit seines Herrn ein Statthalter.*

А тем временем ты, Лев, сидишь, как агнец среди волков, как Даниил среди львов, как Иезекииль среди скорпионов. Как ты один можешь выступить против этого чудовищного зла? Призови к себе трех или четырех самых лучших и ученых кардиналов. Но и они что могут сделать против такого количества? Вы все погибли бы от яда до того, как смогли бы принять решение. С римской курией все кончено. Божий гнев обрушится на нее. Она ненавидит соборы, боится реформ, не может контролировать свои безумные беззакония. Она унаследовала приговор, вынесенный ее предшественнику, о котором сказано: “Врачевали мы Вавилон, но не исцелился; оставьте его”. Твоя обязанность и обязанность кардиналов — найти средство от этого зла. Но эта подагра не слушается рук врача, колесница не повинуется возничему. Обуреваемый этими чувствами, я всегда печалился о том, что ты, почтеннейший Лев, достойный лучшей эпохи, вынужден был стать понтификом в таких условиях. Ибо римский двор недостойн тебя и подобных тебе. Он достоин одного только сатаны, который на самом деле более влиятелен в этом Вавилоне, чем ты.

О если бы ты, отказавшись от той славы, которую навязали тебе твои злейшие враги, жил на жалованье честного священника или на родительское наследство! А в римской славе нет ничего славного, разве что слава Искариотов, сынов погибели. Ибо что происходит при твоём дворе, Лев? Чем более грешен и отвратителен человек, тем с большей выгодой он может использовать твоё имя и власть, чтобы губить имущество и души людей, умножать преступления, угнетать веру и истину и всю церковь Божью! О Лев, поистине самый несчастный и восседающий на самом опасном престоле! Я говорю тебе правду, потому что желаю тебе добра, ибо если Бернар чувствовал сострадание к своей Анастасии в то время, когда римский престол хотя и был весьма развращен, но все же правил более успешно, чем сейчас, то разве у нас, через триста лет, мало причин жаловаться при всей этой добавившейся развращенности и пагубе?

Разве не правда, что под обширными небесам нет ничего более развращенного, более губительного, более ненавистного, чем римский двор? В плане скверны он намного превосходит турок, так что двор, который прежде был небесными вратами, сейчас воистину похож на разверзшуюся пасть ада. Его ждет Божий гнев, и приговор не может быть отменен, а нам, грешникам, осталось только одно — призвать и спасти тех немногих, кого мы можем, от этой римской бездны.

Пойми, отец мой Лев, с какой целью и руководствуясь какими принципами я набросился на это гнездо чумы. Я далек от того, чтобы гневаться лично на тебя. Я даже надеялся заслужить твоё расположение и умножить твоё благополучие, деятельно и решительно атакуя твою тюрьму — нет, твой ад. Ибо все, что способен изобрести разум в борьбе с беспорядком этого нечестивого двора, будет выгодно для тебя, для твоего благополучия и для многих других людей рядом с тобой. Тот, кто наносит вред этому двору, делает твою работу, и тот, кто всеми путями отвращается от него, прославляет Христа. Другими словами, христиане — это те, кто не в Риме...

Наконец, чтобы не приближаться к твоему Святейшеству с пустыми руками, я несу с собой эту маленькую книжку²⁶³, посвященную тебе, как благое предзнаменование мира и надежды. Из нее ты поймешь, чем я предпочел бы заниматься для большей пользы, если бы мне было позволено и если бы до сих пор мне позволяли твои нечестивые лстецы. Если говорить о размере, это маленькая книжка, однако в ней, если я не ошибаюсь, вкратце, с должным пониманием, раскрывается весь смысл христианской жизни. В нищете своей я не имею для тебя другого подарка, да и тебя больше всего обогатят духовные дары. С представлением себя к твоему Святейшеству, которое да хранит вовеки Господь Иисус. Аминь.

ВИТТЕНБЕРГ, 6 сентября 1520 г.

§47. Булла об отлучении. 15 июня 1520 г.

Булла *Exurge, Domine* в *Bullarium Romanum*, ed. кардинал СОСQUELINES, tom. III, pars III (ab anno 1431 ad 1521), pp. 487-493, и в RAYNALDUS (продолжение Барония): *Annal. Eccl.*, ad ann. 1520, no. 51 (tom XX, fol. 303-306). Райнальд называет Лютера *apostatam nefandissimum* и берет буллу у Кохлея, который, помимо Экка и Улемберга (отступник-протестант), считается главным авторитетом благодаря своему ограниченному и искаженному

²⁶³ *De Libertate Christiana*.

рассказу о немецкой Реформации. Экземпляр оригинального издания буллы есть в библиотеке Астора в Нью-Йорке (см. примечания).

U. v. HUTTEN опубликовал буллу с язвительными глоссами: *Bulla Decimi Leonis contra errores Lutheri et sequacium*, или *Die glossirte Bulle* (в Hutten, *Opera*, ed. Böcking, V. 301-333; в Erl. ed., *Op. Lat.* Лютера, IV. 261-304; также на немецком в WALCH, XV. 1691 sqq.; см. также STRAUSS: *U. v. Hutten*, p. 338 sqq.). Глоссы, более мелким шрифтом, вставлены в текст или приведены на полях. LUTHER: *Von den neuen Eckischen Bullen und Lügen* (сентябрь 1520); *Adv. execrabilem Antichristi bullam* (ноябрь 1520); *Wider die Bullen des Endchrists* (ноябрь 1520; та же книга, что и предыдущий труд на латыни, но более острая и сильная); *Warum des Papsts und seiner Jünger Bücher verbrannt sind* (лат. и нем., декабрь 1520); все в WALCH, XV, fol., 1674-1917; Erl. ed., XXIV. 14-164, и *Op. Lat.*, V. 132-238; 251-271. Послания Лютера к Шпалатину и другим о булле отлучения в De Wette, I. 518-532.

RANKE: I. 294-301. MERLE D'AUBIGNÉ, bk. VI, ch. III, sqq. HAGENBACH, III. 100-102. KAHNIS: I. 306-341. KÖSTLIN: I. 379-382. KOLDE: I. 280 sqq. JANSSEN: II. 108 sqq.

После лейпцигского диспута доктор Экк отправился в Рим и всеми силами пытался добиться осуждения Лютера и его последователей²⁶⁴. Ему помогли кардиналы Кампеджи и Каетан, Приериас и Алеандер. Каетан был болен, но велел носить себя на носилках на заседания консистории. Со значительными трудностями булла об отлучении была составлена в мае, потом в нее было внесено несколько поправок, и завершена она была 15 июня 1520 г.²⁶⁵

Прошло почти три года с момента публикации девяноста пяти тезисов. Тем временем Лютер со все большей яростью нападал на самые основы Римской церкви, осуждал папство как антихристианскую тиранию и осмелился призвать папу на общецерковный собор вопреки решениям Пия II и Юлия II, которые объявили подобные деяния ересью. Непосредственно перед тем, как буллу начали распространять, Лютер пошел еще дальше в своем «Обращении к немецкому дворянству» и в книге «Вавилонское пленение», сделав примирение невозможным. Альтернативой у него осталось лишь абсолютное подчинение, пойти на которое он не мог. Рим же мог примириться с лютеранством, только перестав быть Римом. Но папа откладывал окончательное решение из соображений политики и осторожности, особенно ожидая избрания нового немецкого императора и сдерживаясь под влиянием курфюрста Фридриха, которому предлагали императорскую корону, но он отказался.

Булла об отлучении — это ответ папы на тезисы Лютера. Папа осуждает в ней дело протестантской Реформации в целом. В этом заключается историческое значение буллы. Это последняя булла, обращенная к латинскому христианскому миру как к единому целому, и первая булла, к которой отказалась прислушаться значительная часть латинского мира. Булла была задумана для того, чтобы сжечь на костре Лютера и его соратников, но вышло так, что Лютер сжег ее. Это тщательно подготовленный документ, написанный характерным для курии тя-

²⁶⁴ Как сказал Лютер, поднимать против него «адскую бездну» (*Abgrund der Hölle*). Экк, похоже, действовал также в интересах банковской фирмы Фуггеров из Аугсбурга, которая занималась торговыми сделками между Германией и Италией, в том числе продажей индульгенций. См. Ranke, I. 297.

²⁶⁵ Ранке (I. 298) датирует буллу 16 июня; Уолш (XV. 1691) — 24 июня; большинство историков (Гизелер, Кахнис, Кестлин, Ленц, Янссен, Гергенротер и т. д.) — 15 июня. И верно последнее, потому что в самой булле указана дата «MDXX xvii kal. Julii», а согласно римскому методу обратного отсчета, включающему день отсчета и прибавляющему два дня к количеству дней предыдущего месяца, получается как раз 15 июня. Ранке, вероятно, исходил из того, что июнь в Юлианском календаре насчитывает 29 дней. Янссен упоминает об очерке Друффеля про дату буллы в «Sitzungsberichte der Bayer Academie» (1880, p. 572), но он не называет число.

желым, напыщенным и утомительным слогом. Он проникнут духом папской иерархии. В нем перемешаны священническое высокомерие, радение за истину, тревога из-за еретической скверны и раскола, отеческая печаль и суровость. Папа выступает так, будто он — непосредственное воплощение истины, непогрешимый судья во всех вопросах веры, распределяющий вечную награду и наказание.

Он начинает со слов из Пс. 73:22: «Восстань, Боже, защити дело Твое, вспомни вседневное поношение Твое от безумного; не забудь крика врагов Твоих; шум восстающих против Тебя непрестанно поднимается». Папа призывает святого Петра, святого Павла и всех прочих святых помочь в борьбе против «лесного вепря» и «полевого зверя», которые губят виноградник Господень, опустошают и уничтожают его (Пс. 79:14). Он выражает глубокую скорбь из-за богемской и других ересей, распространившихся в среде благородного немецкого народа, который получил империю от папы и пролил столько драгоценной крови в борьбе с ересью. Далее папа осуждает сорок одно положение из книг Лютера как еретические или, по меньшей мере, скандальные и оскорбительные для благочестивого слуха и приговаривает все книги Лютера к сожжению. Среди перечисленных папой заблуждений — те, что касаются системы таинств и иерархии, особенно власти папы и (Римской) церкви. Отрицание свободы воли (*liberum arbitrium*) после грехопадения также осуждается, хотя этому ясно учил святой Августин. А основополагающее учение Лютера об оправдании верой, наоборот, явно не упоминается. Фразы Лютера вырваны из контекста и представлены как чистое отрицание католического учения. Утверждения реформатора либо не упоминаются, либо искажаются.

Папа заявляет, что лично к Лютеру относится с отеческой любовью и терпением, вновь уговаривает его, милостью Божьей и кровью Христовой, покаяться и отречься от своих взглядов в течение шестидесяти дней после обнародования буллы в епархиях Бранденбурга, Мейсена и Мерсебурга и обещает принять его милостиво, как блудного сына. Если же Лютер не покается, то он и его соратники, как усохшие ветви, будут отсечены от лозы Христовой и наказаны как упорствующие еретики. А попросту говоря, они будут сожжены, ибо в булле явно осуждается позиция Лютера, который выступает против сожжения еретиков как «противного воле Святого Духа». Все князья, городские власти и граждане должны будут под страхом отлучения и с обещанием награды способствовать поимке Лютера и его последователей и передаче пойманных еретиков апостольскому престолу. Областям, укрывающим Лютера или его последователей, грозил интердикт. Христианам запрещалось читать, печатать или распространять какую-либо из его книг, которые велено было сжигать.

Из этого документа мы видим, в каком состоянии интеллектуального рабства находился бы в настоящее время христианский мир, если бы папской власти удалось сокрушить Реформацию. Трудно даже представить, скольким мы обязаны Мартину Лютеру в плане свободы и прогресса.

Распространение и претворение буллы в жизнь было доверено двум итальянским прелатам, Алеандеру и Караччоли, а также доктору Экку. Этот личный враг Лютера, который особенно активно добивался принятия буллы, вернулся обратно с триумфом, в сане папского нунция, и даже был наделен исключительным правом внести в буллу имена нескольких последователей Лютера, среди которых он выделил Карлштадта и Дольцига из Виттенберга, Адельмана из Аугсбурга, Эграна из Цвиккау и гуманистов Пиркгеймера и Шпенглера из Нюрнберга. Выбрав Экку, самого непопулярного человека в Германии, папа, по призна-

нию римских историков, совершил большую ошибку и даже придал импульс движению Реформации²⁶⁶.

Булла была опубликована и без особых трудностей претворена в жизнь в Майнце, Кельне и Лувене — книги Лютера были сожжены с санкции нового императора. Но в Северной Германии, где, собственно, и разворачивался конфликт, она встретила осознанное сопротивление и потерпела поражение. Экк опубликовал и обнародовал буллу в Ингольштадте, в Мейсене (21 сентября), в Мерсбурге (25 сентября) и в Бранденбурге (29 сентября). Но в Лейпциге, где годом раньше Экк одержал в публичных дебатах тешившую его победу над Лютером, студенты начали оскорблять его (сто пятьдесят студентов прибыло из Виттенберга), и ему пришлось укрыться в монастыре. Буллу срывали и рвали на кусочки²⁶⁷. Еще хуже дела пошли в Эрфурте, где над Экком смеялись и его представили как второго Гохстратена в сатире *Eccius dedolatus* (напечатанной в Эрфурте в марте 1520 г.). Богословский факультет отказался публиковать буллу. Студенты бросили ее напечатанные копии в реку, говоря: «Если это пузырь (*bulle*), так пускай поплаывает»²⁶⁸.

Экк послал буллу ректору университета Виттенберга 3 октября 1520 г. с просьбой запретить преподавание осужденных положений Лютера и угрожая тем, что в случае неповиновения папа отберет у университета все привилегии и свободы. Профессора и советники курфюрста отказались от исполнения буллы по разным причинам.

Курфюрст Фридрих был на пути в Аахен, чтобы присутствовать на коронации Карла V, но задержался в Кельне из-за подагры. Там он получил буллу от Алендера после мессы 4 ноября. Его высокопарно призывали исполнить ее и наказать Лютера или отправить его в Рим, но он осмотрительно воздержался от обещаний и стал спрашивать совета у Эразма в присутствии Шпалатина. В ответ знаменитый ученый выразил такое мнение: преступление Лютера состоит в том, что он затронул тиару папы и брюхо монахов²⁶⁹; после разговора Эразм написал также Шпалатину, что папская булла оскорбила всех честных людей своей жестоко-

²⁶⁶ Паллавичини и Муратори упрекают Льва в том, что тот дал поручение Экку. Янссен говорит (II. 109): *Es war ein trauriger Missgriff, dass mit der Verkündigung und Vollstreckung der Bulle in mehreren deutschen Dioecesen Luther's Gegner Johann Eck beauftragt wurde*. Раньше того же мнения придерживался Кампшюльте (*Die Universität Erfurt in ihrem Verh. zu dem Humanismus und der Reformation*, Trier, 1858-60, Th. II, p. 36), хотя он полностью оправдывал папскую буллу как необходимую для Римской церкви и охарактеризовал ее тон как сравнительно мягкий, если учитывать *radicale Umsturzgedanken* Лютера и агрессивности его речи. Оден и архиепископ Спалдинг защищают папу.

²⁶⁷ Об этом пишет Мильтиц Фабиану фон Фейлишу 2 октября 1520 г. (Walch, XV. 1872). Лютер сообщал Шпалатину 3 октября 1520 г. (De Wette, I. 492) о плохом приеме и опасности, угрожавшей Экку в Лейпциге, и выразил надежду, что Экку удастся спастись, но что его происки не увенчаются успехом.

²⁶⁸ *Bulle est, in aqua natet*. Об этом рассказывает Лютер в письме к Греффендорфу от 20 октября (De Wette, I. 520) и в письме к Шпалатину от 4 ноября (I. 522 sq.). Кампшюльте (*l. c.*, II. 37 sqq.) подробно рассказывает о проблемах Экка в Эрфурте на основании редкого печатного плаката, *Intimatio Erphurdiana pro Martino Luthero* (сохраненного Ридерером и цитируемого также в Gieseler, III. I. 81, Germ. ed., или в IV. 53, Anglo-Am. ed.), призывающего всех студентов богословского факультета «руками и ногами» сопротивляться злым фарисеям и хулителям Лютера, желающим изгнать его из церкви и свергнуть в ад. Лютер же не упоминает о столь странном поведении факультета, которое вряд ли возможно, потому что преподаватели на нем были верными католиками.

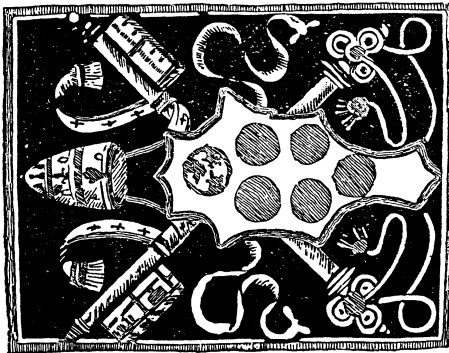
²⁶⁹ *Lutherus peccavit in duobus, nempe quod tetigit coronam Pontificis et ventres monachorum* (Spalatin, *Annal.* 28 sq.).

LEO Episcopus Ser-
uus Seruus Dei/ Ad
Perpetuam rei memoriam •
Exurge dñe & iudica causas
tuam/ memor esto imprope-
riorum tuorum/ eorum que
ab insipientibus sunt rota
die / Inclina aurem tuam ad
preces nostras/ quoniam sur-
rexit uulpes querentes de-
torcular calcasit solus/ & ascē-
surus ad patrem/ eius curam/ regimen / & administra-
tionem Petro tanquā capiti/ et tuo Vicario/ eiusque suc-
cessoribus instar triumphantis Ecclesie commisit/ exter-
minare nūctur eam. A per de silua/ & singularis fetus de-
pascit eam. Exurge Petre/ & pro pastorali cura prefata ti-
bi/ Cur preterit Adiunxit ad mandata/ in cōde in causas
sanctę Romanę Ecclesię/ Matris omnium ecclesiarum/
ac fidei Magistre/ quam tu/ subente Deo/ tuo sanguine
consecrasti/ contra quam scut tu premonere dignatus
es/ insurgunt Magistri mendaces intrudentes/ scias
perditionis sibi celestem interitum superducentes/ quoque
lingua ignis est/ tibi. Scutum malum/ plena ueneno mor-
tifero/ qui Zelus/ amarum habentes/ & contentionē
in cordibus suis/ gloriantur/ & mendaces sunt aduersus
ueritatem. Exurge tu quoque/ quem Paulus/ & qui eam
tua doctrina/ ac pari martyrio illuminasti/ atque illustra-
sti. Jam enī surgit nouus Porphyrus/ qui sicut ille olim
sanctos Apostolos iniuste memordit, ita hic sanctos
Pontifices predecessores nostros cōtra tuam doctrinā

moliri uineam/ cuius tu Torcular calcasit solus/ & ascē-
surus ad patrem/ eius curam/ regimen / & administra-
tionem Petro tanquā capiti/ et tuo Vicario/ eiusque suc-
cessoribus instar triumphantis Ecclesie commisit/ exter-
minare nūctur eam. A per de silua/ & singularis fetus de-
pascit eam. Exurge Petre/ & pro pastorali cura prefata ti-
bi/ Cur preterit Adiunxit ad mandata/ in cōde in causas
sanctę Romanę Ecclesię/ Matris omnium ecclesiarum/
ac fidei Magistre/ quam tu/ subente Deo/ tuo sanguine
consecrasti/ contra quam scut tu premonere dignatus
es/ insurgunt Magistri mendaces intrudentes/ scias
perditionis sibi celestem interitum superducentes/ quoque
lingua ignis est/ tibi. Scutum malum/ plena ueneno mor-
tifero/ qui Zelus/ amarum habentes/ & contentionē
in cordibus suis/ gloriantur/ & mendaces sunt aduersus
ueritatem. Exurge tu quoque/ quem Paulus/ & qui eam
tua doctrina/ ac pari martyrio illuminasti/ atque illustra-
sti. Jam enī surgit nouus Porphyrus/ qui sicut ille olim
sanctos Apostolos iniuste memordit, ita hic sanctos
Pontifices predecessores nostros cōtra tuam doctrinā

Bulla contra errores
Martini Lutheri
7 sequacium.

стью и что она недостойна кроткого наместника Христа²⁷¹. Таким образом, курфюрст укрепился в своем благосклонном отношении к Лютеру. Он послал Шпалатина в Виттенберг, откуда часть студентов ушла из-за буллы, однако в Виттенберге Шпалатин обнаружил, что у Меланхтона около шестисот, а у Лютера — четыреста учеников, и церковь полна народа, когда Лютер проповедует. Несколько недель спустя папская булла была сожжена.

ПРИМЕЧАНИЯ БУЛЛА ОБ ОТЛУЧЕНИИ

Так как я не нашел этой буллы ни в одной из протестантских или римско-католических историй церкви, с которыми сверялся (за исключением «Анналов» Райнальда), я привожу ее здесь на основании оригинального экземпляра из библиотеки Астора, Нью-Йорк (вероятно, единственного экземпляра на всем американском континенте), вместе с факсимиле титульного листа и первой страницы. Всего в булле двадцать страниц, в четверть листа. Текст напечатан слитно, как в древних рукописях. Я поделил его на абзацы, дал заголовки и отметил места, где Коклин и Райнальд отступают от оригинала.

BULLA CONTRA ERRORES MARTINI LUTHERI ET SEQUACIUM

Leo Episcopus Servus Servorum Dei²⁷².
Ad perpetuam rei memoriam.

[Проо́мий. Папа призывает в помощники Бога, святого Петра и святого Павла, а также всех святых против новых врагов церкви.]

Exurge, Domine, et judica causam tuam, memor esto improperiorum tuorum, eorum, quae ab insipientibus fiunt totâ die; inclina aurem tuam ad preces nostras, quoniam surrexerunt vulpes quaerentes demoliri vineam, cujus tu torcular calcasti solus, et ascensus ad Patrem ejus curam, regimen et administrationem Petro tanquam capiti et tuo vicario, ejusque successoribus instar triumphantis Ecclesiae commisisti: exterminate nititur eam aper de silva, et singularis ferus depasci [tur] eam. Exurge, Petre, et pro pastoralis cura praefata tibi (ut praefertur) divinitus demandata, intende in causam sanctae Romanae Ecclesiae, Matris omnium ecclesiarum, se fidei magistrae, quam tu, jubente Deo, tuo sanguine consecrasti, contra quam, sicut tu praemonere dignatus es, insurgunt magistri mendaces introducentes sectas perditionis, sibi celerem interitum superducentes²⁷³, quorum lingua ignis est, inquietum malum, plena veneno mortifero, qui zelum amarum habentes et contentiones in cordibus suis, gloriantur, et mendaces sunt adversus veritatem. Exurge tu quoque, quaesumus, Paule, qui eam tuâ doctrinâ et pari martyrio illuminasti atque illustrasti. Jam enim surgit novus Porphyrius; quia sicut ille olim sanctos Apostolos injuste momordit, ita hic sanctos Pontifices praedecessores nostros contra tuam doctrinam eos non obsecrando, sed increpando, mordere, lacerare, ac ubi causae suae²⁷⁴ diffidit, ad convicia accedere non veretur, more haereticorum, quorum (ut inquit Hieronymus) ultimum presidium est, ut cum conspiciant causas suas damnatum iri, incipiant virus serpentis linguâ diffundere; et cum se victos conspiciant, ad contumelias prosilire. Nam licet haereses esse ad exercitationem fidelium in dixeris oportere, eas tamen, ne incrementum accipiant, neve vulpeculae coalescant, in ipso ortu, te intercedente et adjuvante, extingui necesse est.

Exurgat denique²⁷⁵, omnis Sanctorum, ac reliqua universalis Ecclesia, cujus vera sacrarum literarum interpretatione posthabita, quidam, quorum mentem pater mendacii excaecavit, ex veteri haereticorum instituto, apud semetipsos sapientes, scripturas easdem aliter quam Spiritus sanctus flagitet, proprio dumtaxat sensu ambitionis, auroque popularis causâ, teste Apostolo, interpretantur, immo vero torquent et adulterant, ita ut juxta Hieronymum jam non sit evangelium Christi, sed hominis, aut quod pejus

²⁷¹ *Bullae saevitia probos omnes offendit, ut indigna mitissimo Christi vicario.* Позже Эразм взял обратно свои *Axiomata pro causa Lutheri*, которые послал Шпалатину. Однако они были напечатаны (Erl. ed., *Op. Lat.*, vol. V, 238-242). Примерно в то же время он посоветовал императору доверить решение дела Лютера беспристрастным судьям от разных народов или общецерковному собору (см. Gieseler, IV. 53 sq., Am. ed.).

²⁷² Райнальд опускает заголовок.

²⁷³ Райнальд: *superinducentes*.

²⁷⁴ Коклин опускает *suae*.

²⁷⁵ Райнальд опускает *denique*.

est, diaboli. Exurgat, inquam, praefata Ecclesia sancta Dei, et una cum beatissimis Apostolis praefatis²⁷⁶ apud Deum omnipotentem intercedat, ut purgatis ovium suarum erroribus, eliminatisque a fidelium finibus haeresibus universis Ecclesiae suae sanctae pacem et unitatem conservare dignetur.

[Заблуждения греков и богемцев, возрожденные Лютером и его последователями.]

Dudum siquidem²⁷⁷ quod prae animi angustia et moerore exprimere vix possumus, fide dignorum relatu ac famâ publicâ referente ad nostrum pervenit auditum, immo vero, proh dolor! oculis nostris vidimus ac legimus, multos et varios errores quosdam videlicet jam per Concilia ac Praedecessorum nostrorum constitutiones damnatos, haeresim etiam Graecorum et Bohemicam expresse continentes: alios vero respective, vel haeticos, vel falsos, vel scandalosos, vel piarum aurium offensivos, vel simplicium mentium seductivos, a falsis fidei cultoribus, qui per superbam curiositatem mundi gloriam cupientes, contra Apostoli doctrinam plus sapere volunt, quam oporteat; quorum garrulitas (ut inquit Hieronymus) sine scripturarum auctoritate non haberet fidem, nisi viderentur perversam doctrinam etiam divinis testimoniis, male tamen interpretatis, roborare: a quorum oculis Dei timor recessit, humani generis hoste suggerente, noviter suscitatos, et nuper apud quosdam leviores in inclyta natione Germanica seminatos.

[Немцы, получившие империю от папы, в прежние времена ревностно боролись с ересью, а теперь порождают самые опасные заблуждения.]

Quod eo magis dolemus ibi²⁷⁸ evenisse, quod eandem nationem et nos et Praedecessores nostri in visceribus semper gesserimus caritatis. Nam post translatum ex Grecis a Romana Ecclesia in eosdem Germanos imperium, iidem Praedecessores nostri et nos ejusdem Ecclesiae advocates defensoresque ex eis semper accepimus; quos quidem Germanos, Catholicae veritatis vere germanos, constat haeresum [haeresium] acerrimos oppugnatores²⁷⁹ semper fuisse: cujus rei testes sunt laudabiles illae constitutiones Germanorum Imperatorum pro libertate Ecclesiae, proque expellendis exterminandisque ex omni Germania haeticis, sub gravissimis poenis, etiam amissionis terrarum et dominiorum, contra receptatores vel non expellentes olim editae, et nostris Praedecessoribus confirmatae, quae si hodie servarentur, et nos et ipsi utique hae molestiâ careremus. Testis est in Concilio Constantiensi Hussitarum ac Wiccleffistarum, necnon Hieronymi Pragensis damnata ac punita perfidia. Testis est totiens contra Bohemos Germanorum sanguis effusus. Testis denique est praedictorum errorum, seu multorum ex eis per Coloniensem et Lovaniensem Universitates, utpote agri dominici piissimas religiosissimasque cultrices, non minus docta quam vera ac sancta confutatio, reprobatio, et damnatio. Multa quoque alia allegare possemus, quae, ne historiam texere videamur, praetermittenda censuimus.

Pro pastorals igitur officii, divină gratiâ, nobis injuncti cura, quam gerimus, praedictorum errorum virus pestiferum ulterius tolerare seu dissimulare sine Christianae, religionis nota, atque orthodoxae fidei injuria nullo modo possumus. Eorum autem errorum aliquos praesentibus duximus inferendos, quorum tenor sequitur, et est talis: —

[Сорок одно еретическое положение, взятое из произведений Лютера.]

I. Haeretica sententia est, sed usitata, Sacramenta novae legis justificantem gratiam illis dare, qui non ponunt obicem.

II. In puero post baptismum negare remanens peccatum, est Paulum et Christum simul conculcare.

III. Fomes peccati, etiam si nullum adsit actuale peccatum, moratur exeuntem a corpore animam ab ingressu coeli.

IV. Imperfecta caritas morituri fert secum necessario magnum timorem, qui se solo satis est facere poenam purgatorii, et impedit introitum regni.

V. Tres esse partes poenitentiae, contritionem, confessionem, et satisfactionem, non est fundatum in sacra scriptura, nec in antiquis sanctis Christianis doctoribus.

VI. Contritio, quae paratus per discussionem, collectionem²⁸⁰, et detesttionem peccatorum, qua quis recogitat annos suos in amaritudine animae suae, ponderando peccatorum gravitatem, multitudinem, foeditatem, amissionem aeternae beatitudinis, ac aeternae damnationis acquisitionem, haec contritio facit hypocritam, immo magis peccatorem.

VII. Verissimum est proverbium, et omnium doctrina de contritionibus hucusque data praestantius, de cetero non facere, summa poenitentia, optima poenitentia, nova vita.

VIII. Nullo modo praesumas confiteri peccata venialia, sed nec omnia mortalia, quia impossibile est, ut omnia mortalia cognoscas: unde in primitiva Ecclesia solum manifesta mortalia confitebantur.

²⁷⁶ Райнальд опускает *praefatis*.

²⁷⁷ У Райнальда опущено.

²⁷⁸ У Райнальда опущено.

²⁷⁹ Райнальд: *propugnatores*.

²⁸⁰ Коклин пишет *collationem* несмотря на то, что в оригинале ясно написано *collectionem*.

IX. Dum volumus omnia pure confiteri, nihil aliud facimus, quam quod misericordiae Dei nihil volumus relinquere ignoscendum.

X. Peccata non sunt illi remissa, nisi remittente sacerdote credat sibi remitti; immo peccatum maneret nisi remissum crederet; non enim sufficit remissio peccati et gratiae donatio, sed oportet etiam credere esse remissum.

XI. Nullo modo confidas absolvi propter tuam contritionem, sed propter verbum Christi: «Quodcumque solveris», etc. Sic, inquam, confide, si sacerdotis obtinueris absolutionem, et crede fortiter te absolutum; et absolutus vere eris²⁸¹, quidquid sit de contritione.

XII. Si per impossibile confessus non esset contritus, aut sacerdos non serio, sed joco absolveret, si tamen credat se absolutum, verissime est absolutus.

XIII. In sacramento poenitentiae se remissione culpae non plus facit Papa aut episcopus, quam infimus sacerdos; immo ubi non est sacerdos, aequè tantum quilibet Christianus, etiam si mulier, aut puer esset.

XIV. Nullus debet sacerdote respondere, se esse contritum, nec²⁸² sacerdos requirere.

XV. Magnus est error eorum, qui ad sacramenta Eucharistiae accedunt huic innixi, quod sint confessi, quod non sint sibi consciu alicujus peccati mortalis; quod praemisissent orationes suas et praeparatoria; omnes illi ad²⁸³ iudicium sibi manducant et bibunt; sed si credant et confidant se gratiam ibi consecuturos, haec sola fides facit eos puros et dignos.

XVI. Consultum videtur, quod Ecclesia in communi concilio²⁸⁴ statueret, laicos sub utraque specie communicandos; nec Bohemi communicantes sub utraque specie²⁸⁵ sunt haeretici, sed schismatici.

XVII. Thesauri Ecclesiae, unde Papa dat indulgentias, non sunt merita Christi et sanctorum.

XVIII. Indulgentiae sunt piaefraudes fidelium, et remissiones bonorum onerum, et sunt de numero eorum, quae licent, et non de numero eorum, quae expediunt.

XIX. Indulgentiae his, qui veraciter eas consequuntur, non valent ad remissionem poenae pro peccatis actualibus debitae ad divinam justitiam.

XX. Seducuntur credentes indulgentias esse salutare, et ad fructum spiritus utiles.

XXI. Indulgentiae necessariae sunt solum publicis criminibus, et proprie conceduntur duris solummodo et impatientibus.

XXII. Sex generibus hominum indulgentiae nec sunt necessariae, nec utiles; videlicet mortuis seu morituris, infirmis, legitime impeditis, his qui non commiserunt crimina, his qui crimina commiserunt, sed non publica, his qui meliora operantur.

XXIII. Excommunicationes sunt tantum externae poenae, nec privant hominem communibus spiritualibus Ecclesiae orationibus.

XXIV. Docendi sunt Christiani plus diligere excommunicationem quam timere.

XXV. Romanus Pontifex, Petri successor, non est Christi vicarius super omnes mundi ecclesias ab ipso Christo in beato Petro institutus.

XXVI. Verbum Christi ad Petrum: «Quodcumque solveris super terram», etc., extenditur duntaxat ad ligata ab ipso Petro.

XXVII. Certum est in manu Ecclesiae aut Papae prorsus non esse statuere articulos fidei, immo nec leges morum, seu bonorum operum.

XXVIII. Si Papa cum magna parte Ecclesiae sic vel sic sentiret, nec etiam erraret, adhuc non est peccatum aut haeresis contrarium sentire, praesertim in re non necessaria ad salutem, donec fuerit per Concilium universale alterum reprobatum, alterum approbatum.

XXIX. Via nobis facta est enarrandi auctoritatem Conciliorum, et libere contradicendi eorum gestis, et iudicandi eorum decreta, et confidenter confitendi quidquid verum videtur, sive probatum fuerit, sive reprobatum a quocunque concilio.

XXX. Aliqui articuli Joannis Husz condemnati in concilio Constantiensi sunt Christianissimi, verissimi et evangelici, quos non universalis Ecclesia posset damnare.

XXXI. In omni opere bono Justus peccat.

XXXII. Opus bonum optime factum veniale est peccatum.

XXXIII. Haereticos comburi est contra voluntatem Spiritus²⁸⁶.

XXXIV. Praeliari adversus Turcas est repugnare Deo visitanti iniquitates nostras per illos.

XXXV. Nemo est certus se non semper peccare mortaliter propter occultissimum superbae vitium.

²⁸¹ Коклин: *et absolutum vere esse*. Райнальд здесь прав, судя по оригиналу.

²⁸² Коклин: *sed*.

²⁸³ Райнальд опускает *ad*.

²⁸⁴ Райнальд опускает *concilio*.

²⁸⁵ Райнальд опускает *specie*.

²⁸⁶ Это косвенное одобрение сожжения еретиков. Рим до сих пор официально не осудил сожжение.

XXXVI. Liberum arbitrium post peccatum est res de solo titulo, et dum facit quod in se est, peccat mortaliter.

XXXVII. Purgatorium non potest probari ex sacra scriptura, quae sit in canone.

XXXVIII. Animae in purgatorio non sunt securae de earum salute, saltem omnes; nec probatum est ullis aut rationibus aut scripturis, ipsas esse extra statum merendi, aut²⁸⁷ agenda caritatis.

XXXIX. Animae in purgatorio peccant sine intermissione, quamdiu quaerunt requiem, et horrent poenas.

XL. Animae ex purgatorio liberatae suffragiis viventium minus beantur, quam si per se satisfecissent.

XLI. Praelati ecclesiastica et principes seculares non malefacerent si omnes saccos mendicitatis²⁸⁸ delerent.

[Эти положения осуждаются как еретические, скандальные, оскорбительные и противоречащие католической истине.]

Qui quidem errores respective quam sint pestiferi, quam perniciosi, quam scandalosi, quam piarum et simplicium mentium seductivi, quam denique sint contra omnem charitatem, ac sanctae Romanae Ecclesiae matris omnium fidelium et magistrae fidei reverentiam atque nervum ecclesiasticae disciplinae, obedientiam scilicet, quae fons est et origo omnium virtutum, sine qua facile unusquisque infidelis esse convincitur, nemo sanae mentis ignorat. Nos igitur in praemissis, utpote gravissimis, propensius (ut decet) procedere, necnon hujusmodi pesti morboque canceroso, ne in agro Dominico tanquam vepris nociva ulterius serpat, viam praeccludere cupientes, habita super praedictis erroribus, et eorum singulis diligenti trutinazione, discussione, ac districto examine, maturaque deliberatione, omnibusque rite pensatis ac saepius ventilatis cum venerabilibus fratribus nostris sanctae Romanae Ecclesiae Cardinalibus, ac regularium ordinum Prioribus, seu ministris generalibus, pluribusque aliis sacrae theologiae, necnon utriusque juris professoribus sive magistris, et quidem peritissimis, reperimus eosdem errores respective (ut praefertur) aut articulos non esse catholicos, nec tanquam tales esse dogmatizandos, sed contra Ecclesivae Catholicae doctrinam sive traditionem, atque ab ea veram divinarum scripturarum receptam interpretationem, cujus auctoritati ita acquiescendum censuit Augustinus, ut dixerit, se Evangelio non fuisse crediturum, nisi Ecclesiae Catholicae intervenisset auctoritas. Nam ex eisdem erroribus, vel eorum aliquo, vel aliquibus, palam sequitur, eandem Ecclesiam, quae Spiritu sancto regitur, errare, et semper errasse. Quod est utique contra illud, quod Christus discipulis suis in ascensione sua (ut in sancto Evangelio Matthaei legitur) promisit dicens: «Ego vobiscum sum usque ad consummationem saeculi»; necnon contra Sanctorum Patrum determinationes, Conciliorum quoque et summorum Pontificum expressas ordinationes seu canones, quibus non obtemperasse omnium haeresum et schismatum, teste Cypriano, fomes et causa semper fuit.

De eorundem itaque venerabilium fratrum nostrorum consilio et assensu, se omnium et singulorum praedictorum maturâ deliberatione praedicta, auctoritate omnipotentis Dei, et beatorum Apostolorum Petri et Pauli, et nostra, praefatos omnes et singulos articulos seu errores, tanquam (ut praemittitur) respective haereticos, aut scandalosos, aut falsos, aut piarum aurium offensivos, vel simplicium mentium seductivos, et veritate Catholicae obviantes, damnamus, reprobamus, ac omnino rejicimus, ac pro damnatis, reprobatis, et rejectis ab omnibus utriusque sexûs Christi fidelibus haberi debere, harum serie decernimus et declaramus²⁸⁹.

[Запрет на защиту и распространение этих заблуждений.]

Inhíbentes in virtute sanctae obedientiae ac sub majoris excommunicationis latae sententiae, necnon quoad Ecclesiasticas et Regulares personas, Episcopatum omnium, etiam Patriarchatum, Metropolitanarum et aliarum Cathedralium Ecclesiarum, Monasteriorum quoque et Prioratum etiam Conventualium et quarumcunque²⁹⁰ dignitatum aut Beneficiorum Ecclesiasticorum, Saecularium aut quorum vis Ordinum Regularium, privationis et inhabilitatis ad illa, et alia in posterum obtinenda. Quo vero ad Conventus, Capitula seu domos, aut pia loca saecularium, vel regularium, etiam Mendicantium, necnon Universitatis etiam studiorum generalium quorumcunque privilegiorum indultorum a Sede Apostolica, vel ejus Legatis, aut alias quomodolibet habitorum, vel obtentorum, cujuscumque tenoris existant: necnon nominis et potestatis studium generale tenendi, legendi, ac interpretandi quasvis scientias et facultates et inhabilitatis ad illa et alia in posterum obtinenda: Praedicationis quoque officii ac amissionis studii generalis et omnium privilegiorum ejusdem. Quo vero ad saeculares ejusdem excommunicationis, necnon amissionis cujuscumque emphyteosis, seu quorumcunque feudorum, tam a Romana Ecclesia, quam alias quomodolibet obtentorum, ac etiam inhabilitatis ad illa et alia in posterum obtinenda. Necnon

²⁸⁷ Коклин пишет *nec* вместо *aut*. У Райнальда здесь все правильно.

²⁸⁸ Райнальд: *medicitatis* (опечатка).

²⁸⁹ Райнальд (fol. 305) опускает здесь все уточнения о наказаниях вплоть до следующего раздела, который начинается со слова *Insuper*.

²⁹⁰ В оригинале написано *quorumcunq*. (о вместо а).

quo ad omnes et singulos superius nominatos, inhibitionis Ecclesiasticae sepulturae inhabilitatisque ad omnes et singulos actus legitimos, infamiae ac diffidationis et criminis laesae majestatis, et haereticorum et fautorum eorundem in jure expressis poenis, eo ipso et absque ulteriori declaratione per omnes et singulos supradictos, si (quod absit) contrafecerint, incurrendis. A quibus vigore cujuscumque facultatis et clausularum etiam in confessionalibus quibusvis personis, sub quibusvis verborum formis contentarum, nisi a Romano Pontifice vel alio ab eo ad id in specie facultatem habente, praeterquam in mortis articulo constitute, absolvi nequeant. Omnibus et singulis utriusque sexus Christifidelibus, tam Laicis quam Clericis, Saecularibus et quorumvis Ordinum Regularibus, et aliis quibuscumque personis cujuscumque status, gradus, vel conditionis existant, et quarumque ecclesiastica vel mundana praefulgeant dignitate, etiam S. R. E. Cardinalibus, Patriarchis, Primatibus, Archiepiscopis, Episcopis, Patriarchalium, Metropolitanarum et aliam Cathedralium, Collegiatarum ac inferiorum ecclesiarum Praelatis, Clericis aliisque personis Ecclesiasticis, Saecularibus et quorumvis Ordinum etiam Mendicantium regularibus, Abbatibus, Prioribus vel Ministris generalibus vel particularibus, Fratribus, seu Religiosis, exemptis et non exemptis: Studiorum quoque Universitatibus Saecularibus et quorumvis Ordinum etiam Mendicantium regularibus, necnon Regibus, Imperatori, Electoribus, Principibus, Ducibus, Marchionibus, Comitibus, Baronibus, Capitaneis, Conductoribus, Domicellis, omnibusque Officialibus, Judicibus, Notariis Ecclesiasticis et Saecularibus, Communitatibus, Universitatibus, Potentatibus, Civitatibus, Castris, Terris et locis, seu eorum vel earum civibus, habitatoribus et incolis, ac quibusvis aliis personis Ecclesiasticis, vel Regularibus (ut praefertur) per universum orbem, ubicumque, praesertim in Alemania existentibus, vel pro tempore futures, ne praefatos errores, aut eorum aliquos, perversamque doctrinam hujusmodi asserere, affirmare, defendere, praedicare, aut illi quomodolibet, publice vel occulte, quovis quaesito ingenio vel colore, tacite vel expresse favere praesumant.

[Произведения Лютера запрещены и должны быть сожжены.]

Insuper quia errores praefati, et plures alii continentur in libellis seu scriptis Martini Luther, dictos libellos, et omnia dicti Martini scripta, seu praedicationes in Latino, vel quocumque alio idiomate reperiantur, in quibus dicti errores, seu eorum aliquis continentur, similiter damnamus, reprobamus, atque omnino rejicimus, et pro damnatis, reprobatis, ac rejectis (ut praefertur) haberi volumus, mandantes in virtute sanctae obedientiae et sub poenis praedictis eo ipso incurrendis, omnibus et singulis utriusque sexus Christifidelibus superius nominatis, ne hujusmodi scripta, libellos, praedicationes, seu schedulas, vel in eis contenta capitula, errores, aut articulos supradictos continentia legere, asserere, praedicare, laudare, imprimere, publicare, sive defendere per se vel alium, seu alios directe vel indirecte, tacite vel expresse, publice vel occulte, aut in domibus suis sive aliis publicis vel privatis locis tenere quoquo modo praesumant; quinimmo illa statim harum publicationem ubicumque fuerint, per ordinaries et alios supradictos diligenter quaesita, publice et solemniter in praesentia cleri et populi sub omnibus et singulis supradictis poenis comburant.

[Мартина Лютера часто предупреждали с отеческим милосердием, чтобы он отказался от своих заблуждений и прибыл в Рим. Ему была обещана охранная грамота.]

Quod vero ad ipsum Martinum attinet, (bone Deus) quid praetermisimus, quid non fecimus, quid paternae charitatis omisimus, ut eum ab hujusmodi erroribus revocarem? Postquam enim ipsum citavimus, mitius cum eo procedere volentes, illum invitavimus, atque tam per diversos tractatus cum legato nostro habitos, quam per literas nostras hortati fuimus, ut a praedictis erroribus discederet, aut oblato etiam salvo conductu et pecuniâ ad iter necessariâ, sine metu seu timore aliquo quem perfecta charitas foras mittere debuit, veniret, ac Salvatoris nostri Apostolique Pauli exemplo, non occulto, sed palam et in facie loqueretur. Quod si fecisset, pro certe (ut arbitramur) ad cor reversus errores suos cognovisset, nec in Romana curia, quam tantopere vanis malevolorum rumoribus plusquam oportuit tribuendo vituperat, tot reperisset errata; docuissemusque cum luce clarius, sanctos Romanos Pontifices, quos praeter omnem modestiam injuriose lacerat, in suis canonibus, seu constitutionibus, quas mordere nititur, nunquam errasse; quia juxta prophetam, nec in Galahad resina, nec medicus deest. Sed obaudivit semper, et praedicta citatione omnibus et singulis supradictis spretis venire contempsit, ac usque in praesentem diem contumax, atque animo indurate censuras ultra annum sustinuit: et quod deterius est, addens mala malis, de citatione hujusmodi notitiam habens, in vocem temerariae appellationis prorupit ad futurum concilium contra constitutionem Pii Secundi ac Julii Secundi, praedecessorum nostrorum, qua cavetur, taliter appellantes haereticorum poenâ plectendos (frustra etiam Consilii auxilium imploravit, qui illi se non credere palam profitetur); ita ut contra ipsum tanquam de fide notorie suspectum, immo vere haereticum absque ulteriori citatione vel mora ad condemnationem et damnationem ejus tanquam haereticus, ac ad omnium et singularum superscriptarum poenarum et censurarum severitatem procedere possemus.

[Лютера снова призывают покаяться. Ему обещано, что его примут как блудного сына.]

Nihilominus de eorundem fratrum nostrorum consilio, omnipotentis Dei imitantes clementiam, qui non vult mortem peccatoris, sed magis ut convertatur et vivat, omnium injuriarum hactenus nobis et Apostolicæ sedi illatarum obliti, omni qua possumus pietate uti decrevimus, et quantum in nobis est,

agere, ut propositâ mansuetudinis viâ ad cor revertatur, et a praedictis recedat erroribus, ut ipsum tanquam filium illum prodigum ad gremium Ecclesiae revertentem benigne recipiamus. Ipsum igitur Martinum et quoscumque ei adhaerentes, ejusque receptatores et fautores per viscera misericordiae Dei nostri, et per aspersionem sanguinis Domini nostri Jesu Christi, quo et per quem humani generis redemptio, et sanctae matris Ecclesiae aedificatio facta est, ex tote corde hortamur et obsecramus, ut ipsius Ecclesiae pacem, unitatem et veritatem, pro qua ipse Salvator tam instanter oravit ad Patrem, turbare desistant, et a praedictis, tam perniciosis erroribus prorsus absteineant, inventuri apud nos si effectualiter paruerint, et paruisse per legitima documenta nos certificaverint, paternae charitatis affectum, et apertum mansuetudinis et clementiae fontem.

[Лютер освобождается от функций служителя. Ему дается шестьдесят дней с момента обновления буллы, чтобы покаяться.]

Inhibentes nihilominus eidem Martino ex nunc, ut interim ab omni praedicatione seu praedicationis officio omnino desistat. Alioquin in ipsum Martinum si forte justitiae et virtutis amor a peccato non retrahat, indulgentiaeque spes ad poenitentiam non reducat, poenarum terror coërceat disciplinae: eundem Martinum ejusque adhaerentes complices, fautores, et receptatores tenore praesentium requirimus, et monemus in virtute sanctae obedientiae, sub praedictis omnibus et singulis poenis eo ipso incurrendis districte praecipiendo mandamus, quatenus infra sexaginta dies, quorum viginti pro primo, viginti pro secundo, et reliquos viginti dies pro tertio et peremptorio termino assignamus ab affixione praesentium in locis infrascriptis immediate sequentes numerandos, ipse Martinus, complices, fautores, adhaerentes, et receptatores praedicti a praefatis erroribus, eorumque praedicatione, ac publications, et assertione, defensione quoque et librorum seu scripturarum editione super eisdem, sive eorum aliquo omnino desistant, librosque ac scripturas omnes et singulas praefatos errores seu eorum aliquos quomodolibet continentes comburant, vel comburi faciant. Ipse etiam Martinus errores et assertiones hujusmodi omnino revocet, ac de revocatione hujusmodi per publica documenta in forma juris valida in manibus duorum Praelatorum consignata ad nos infra alios similes sexaginta dies transmittenda, vel per ipsummet (si ad nos venire voluerit, quod magis placeret) cum praefato plenissimo salvo conductu, quem ex nunc concedimus deferenda, nos certiores efficiat, ut de ejus vera obedientia nullus dubitationis scrupulus valeat remanere.

[Если Лютер и его последователи не покаются в течение шестидесяти дней, они будут отлучены и с ними поступят согласно закону.]

Alias si (quod absit) Martinus praefatus, complices, fautores, adhaerentes et receptatores praedicti secus egerint, seu proemissa omnia et singula infra terminum praedictum cum effectu non adimpleverint, Apostoli imitantes doctrinam, qui haereticum hominem post primam et secundam correctionem vitandum docuit, ex nunc prout ex tunc, et e converso eundem Martinum, complices, adhaerentes, fautores et receptatores praefatos et eorum quemlibet tanquam aridos palmites in Christo non manentes, sed doctrinam contrariam, Catholicae fidei inimicam, sive scandalosam seu damnatam, in non modicam offensam divinae majestatis, ac universalis Ecclesiae, et fidei Catholicae detrimentum et scandalum dogmatizantes, claves quoque Ecclesiae vilipendentes, notorios et pertinaces haereticos eâdem auctoritate fuisse et esse declarantes, eosdem ut tales harum serie condemnamus, et eos pro talibus haberi ab omnibus utriusque sexus Christi fidelibus supradictis volumus et mandamus. Eosque omnes et singulos omnibus supradictis et aliis contra tales a jure inflictis poenis praesentium tenore subjicimus, et eisdem irretitos fuisse et esse decernimus et declaramus.

[Всем католикам запрещается читать, печатать или распространять книги Лютера и его последователей. Эти книги должны быть сожжены.]

Inhibemus praeterea sub omnibus et singulis praemissis poenis eo ipso incurrendis, omnibus et singulis Christi fidelibus superius nominatis, ne scripta, etiam praefatos errores non continentia, ab eodem Martino quomodolibet condita vel edita, aut condenda vel edenda, seu eorum aliqua tanquam ab homine orthodoxae fidei inimico, atque ideo vehementer suspecta, et ut ejus memoria omnino deleatur de Christifidelium consortio, legere, asserere, praedicare, laudare, imprimere, publicare, sive defendere, per se vel alium seu alios, directe vel indirecte, tacite vel expresse, publice vel occulte, seu in domibus suis, sive aliis locis publicis vel privatis tenere quoquomodo praesumant, quinimmo illa comburant, ut praefatur²⁹¹.

[Христианам запрещено, после этого отлучения, общаться с Лютером и его последователями или предоставлять им кров, под страхом интердикта, а городские власти должны задерживать их и отправить в Рим.]

Monemus insuper omnes et singulos Christifideles supradictos, sub eadem excommunicationis latae sententiae poena, ut haereticos praedictos declaratos et condemnatos, mandatis nostris non obtemperantes, post lapsum termini supradicti evitent et quantum in eis est, evitari faciant, nec cum eisdem, vel eorum aliquo commercium aut aliquam conversationem seu communionem habeant, nec eis necessaria ministrent.

²⁹¹ Дальнейшее содержание буллы Райнальд приводит в сокращении.

Ad majorem praeterea dicti Martini suorumque complicum, fautorum et adhaerentium ac receptatorum praedictorum, sic post lapsum termini praedicti declaratorum haereticorum et condemnatorum confusione universis et singulis utriusque sexus Christifidelibus Patriarchis, Archiepiscopis, Episcopis, Patriarchalium, Metropolitanarum, et aliarum cathedralium, collegiatarum ac inferiorum ecclesiarum Praelatis, Capitulis, aliisque personis ecclesiastica, saecularibus et quorumvis Ordinum etiam Mendicantium (praesertim ejus congregationis cujus dictus Martinus est professus, et in qua degere vel morari dicitur) regularibus exemptis et non exemptis, necnon universis et singulis principibus, quacumque ecclesiastica vel mundana fulgentibus dignitate Regibus, Imperatoribus²⁹² Electoribus, Ducibus, Marchionibus, Comitibus, Baronibus, Capitaneis, Conductoribus, Domicellis, Communitatibus, Universitatibus, Potentatibus, Civitatibus, Terris, Castris et locis, seu eorum habitatoribus, civibus et incolis omnibusque aliis et singulis supradictis per universum Orbem, praesertim in eadem Alemania constitutis mandamus, quatenus sub praedictis omnibus et singulis poenis, ipsi vel eorum quilibet, praefatum Martinum, complices, adhaerentes, receptantes et fautores personaliter capiant et captos ad nostram instantiam reatineant et ad nos mittant: reportaturi pro tam bono opere a nobis et Sede Apostolica remunerationem, praemiumque condignum vel saltem eos et eorum quemlibet, de Metropolitanis, Cathedralibus, Collegiatis, et aliis ecclesiis, domibus, Monasteriis, Conventibus, Civitatibus, Dominiis, Universitatibus, Communitatibus, Castris, Terris, ac locis respective, tam clerici et regulares quam laici omnes et singuli supradicti omnino expellant.

[Областям, которые приютят Лютера и его последователей, угрожает интердикт.]

Civitates vero, Domina, Terras, Castra, Villas, comitatus, fortificia, Oppida et loca quaecumque ubilibet consistentia earum et eorum respective Metropolitanas, Cathedrales, Collegiatis et alias ecclesias, Monasteria, Prioratus, Domus, Conventus et loca religiosa vel pia cujuscunque ordinis (tit praefertur) ad quae praefatum Martinum vel aliquem ex praedictis declinare contigerit, quamdiu ibi permanserint et triduo post recessum, ecclesiastico subjicimus interdicto.

[Распоряжения по поводу распространения и исполнения буллы.]

Et ut praemissa omnibus innotescant, mandamus insuper universis Patriarchis, Archiepiscopis, Episcopis, Patriarchalium, Metropolitanarum et aliarum cathedralium ac collegiatarum ecclesiarum Praelatis, Capitulis aliisque personis ecclesiasticis, saecularibus et quorumvis Ordinum supradictorum regularibus, fratribus religiosis, monachis exemptis et non exemptis supradictis, ubilibet, praesertim in Alemania constitutis quatenus ipsi vel eorum quilibet sub similiis censuris et poenis co ipso incurrendis, Martinum omnesque et singulos supradictos qui elapso teremo hujusmodi mandatis seu monitis nostris non paruerint, in eorum ecclesiis, dominicis et aliis festivis diebus, dum inibi major populi multitudo ad divina convenierit, declaratos haereticos et condemnatos publice nuncient faciantque et mandent ab aliis nunciari et ab omnibus evitari. Necnon omnibus Christifidelibus ut eos evitent, pari modo sub praedictis censuris et poenis. Et praesentes literas vel earum transumptum sub forma infrascripta factum in eorum ecclesiis, monasteriis, domibus, conventibus et aliis locis legi, publicare atque affigi faciant. Excommunicamus quoque et anathematizamus omnes et singulos cujuscumque status, gradis, conditionis, praeminentiae, dignitatis aut excellentiae fuerint qui quo minus praesentes literae vel earum transumpta, copiae seu exemplaria in suis terris et dominiis legi, affigi et publicare possint, fecerint vel quoquomodo procuraverint per se vel alium seu alios, publice vel occulte, directe vel indirecte, tacite vel expresse.

Postremo quia difficile foret praesentes literas ad singula quaeque loca deferri in quibus necessarium foret, volumus et apostolica auctoritate decernimus, quod earum transumptis manu publici notarii confectis et subscriptis, vel in alma Urbe impressis et sigillo alicujus ecclesiastici Praelati munitis ubique stetur et plena fides adhibeatur, prout originalibus literis staretur, si forent exhibitae vel ostensae.

Et ne praefatus Martinus omnesque alii supradicti, quos praesentes literae quomodolibet concernunt, ignorantiam earundem literarum et in eis contentorum omnium et singulorum praetendere valeant, literas ipsas in Basilicas Principis Apostolorum et Cancellariae Apostolicae, necnon Cathedralium ecclesiarum Brandeburgen., Misnen. et Morspergen. [Мерсебург] valvis affigi et publicari debere²⁹³ volumus, decernentes, quod earundem literarum publicatio sic facta, supradictum Martinum omnesque alios et singulos praenominatos, quos literae hujusmodi quomodolibet concernunt, perinde arcent, ac si literae ipsae die affixionis et publicationis hujusmodi eis personaliter lectae et intimatae forent, cum non sit verisimile, quod ea quae tam patenter fiunt debeant apud eos incognita remanere.

Non obstantibus constitutionibus et ordinationibus apostolicis, seu si supradictis omnibus et singulis vel eorum alicui aut quibusvis aliis a Sede Apostolica praedicta, vel ab ea potestatem habentibus sub quavis forma, etiam confessionali et cum quibusvis etiam fortissimis clausulis, aut ex quavis causa, seu grandi consideratione, indultum vel concessum existat, quod interdici, suspendi, vel excommunicari non

²⁹² Коклин: *Imperatori*, но тогда после *Imperatori* должна быть запятая. Имеются в виду семь курфюрстов императора.

²⁹³ Коклин опускает *debere*.

possint per literas Apostolicas, non facientes plenam et expressam ac de verbo ad verbum, non autem per clausulas generates id importantes, de indulto hujusmodi mentionem, ejusdem indulti tenores, causas²⁹⁴ et formas perinde ac si de verbo ad verbum insererentur, ita ut omnino tollatur, praesentibus pro expressis habentes.

Nulli ergo omnino hominum liceat hanc paginam nostrae damnationis, reprobationis, rejectionis, decreti, declarationis, inhibitionis, voluntatis, mandati, hortationis, obsecrationis, requisitionis, monitionis, assignationis, concessionis, condemnationis, subjectionis, excommunicationis, et anathematizationis infringere, vel ei ausu temerario contraire. Si quis autem hoc attentare praesumpserit, indignationem Omnipotentis Dei ac Beatorum Petri et Pauli Apostolorum ejus se noverit incursurum.

Dat. Romae apud S. Petrum anno incarnationis Dominicae Milesimo Quingentesimo Vigesimo. XVII. Kls. Julii. Pontificatus Nostri Anno Octavo.

Visa. R. Milanensis.

Albergatus.

Impressum Romae per Iacobum Mazochium
De Mandato S. D. N. Papae²⁹⁵.

§48. Лютер сжигает папскую буллу
и навсегда рвет отношения с Римом.
10 декабря 1520 г.

Литературу см. в §47.

Лютер был готов к булле об отлучении. Он находил в ней лишь богохульственное высокомерие и лицемерное благочестие. Сначала он сделал вид, что воспринимает ее как подделку Экка²⁹⁶. Затем он написал трактат на латыни и на немецком «Против буллы антихриста»²⁹⁷, где назвал ее «проклятой, высокомерной, дьявольской буллой», рассмотрел несколько обвинений в ереси и обратил их против папы, который является еретиком по меркам Священного Писания. Гуттен высмеял буллу с литературной и патриотической точки зрения, делая саркастические замечания и задавая вопросы. Лютер критиковал ее содержание с гневом и негодованием, гранича с неистовством. Он считал, что настали последние времена, времена антихриста. Он даже заявил, что никто из признавших буллу не будет спасен²⁹⁸.

Из уважения к своим друзьям он повторил неудачную попытку апеллировать к общецерковному собору против папы (17 ноября 1520 г.), которую предпринимал уже два года назад (28 ноября 1518 г.). В обращении он осудил папу как закоренелого еретика, антихриста, утаивающего Писание, богохульника, который презирает Святую Церковь и праведный собор²⁹⁹.

В то же время он совершил символическое действие, которое отрезало пути к отступлению. Папа велел сжечь книги Лютера, хорошие и плохие, без ограниче-

²⁹⁴ Коклин: *clausulas*. Приемлемое исправление.

²⁹⁵ Коклин и Райнальд опускают подписи.

²⁹⁶ *Ich höre auch sagen, Dr. Eck habe eine Bulle mit sich von Rom wider mich gebracht, die ihm so ähnlich sei, dass sie wohl möchte auch Dr. Eck heissen, so voll Lügen und Irrthum sie sein soll; und er gebe vor, den Leuten das Maul zu schmieren, sie sollen glauben, es sei des Papsts Werk, so es sein Lügenspiel ist. Ich lasse es geschehen, muss des Spiels in Gottes Namen warten; wer weiss, was göttlicher Rath beschlossen hat (Von den neuen Eckischen Bullen und Lügen).*

²⁹⁷ *Widder die Bullen des Endchrists*, Weimar ed., vol. VI, 613-629.

²⁹⁸ Он писал к Шпалатину 4 ноября (в De Wette, I. 522): *Impossibile est salvos fieri, qui huic bullae aut faverunt, aut non repugnaverunt*. Своим студентам он сказал 11 декабря: *Nisi toto corde dissentistis a regno papali, non potestis assequi vestrarum animarum salutem*.

²⁹⁹ Walch, XV. 1909 sqq. Erl. ed., XXIV. 28-35; *Op. Lat.*, V. 119-131. Обращение было напечатано на латыни и на немецком.

ний, и в некоторых местах их действительно жгли, в Кельне даже в присутствии императора. Их должны были сжечь и в Лейпциге. А Лютер захотел показать, что он тоже может жечь книги, что было древним обычаем (Деян. 19:19) и довольно простым делом. Он ответил огнем на огонь, проклятием на проклятие. Он не проводил разграничений между правдивыми и ошибочными папскими книгами, подобно тому как папа велел уничтожить и его вполне невинные произведения. И он публично заявил о своих намерениях.

10 декабря 1520 г. в девять часов утра в присутствии большого количества преподавателей и студентов он торжественно сжег буллу об отлучении вместе с папскими декреталями, каноническим правом и несколькими произведениями Эка и Эмсера со словами (по мотивам речи Иисуса Навина об осуждении уличенного в воровстве Ахана, Нав. 7:25): «За то, что ты [папа] обеспокоил Святого, вечный огонь обеспокоит тебя»³⁰⁰.

Место, на котором это произошло, у Эльстерских ворот Виттенберга, показывают до сих пор. Там стоит древний дуб, окруженный железной решеткой³⁰¹.

У костра, разожженного одним из магистров университета, находилось несколько сотен студентов. Некоторые из них пели *Te Deum*, другие — похоронные плачи по папским законам. Затем они устроили в городе шутовское шествие, собрали груды схоластических и римских книг, вернулись к месту сожжения и бросили их в огонь.

Лютер вместе с Меланхтоном, Карлштадтом и другими докторами и магистрами вернулись домой сразу после сожжения. Сначала он сомневался и молился о просвещении, но после того, как дело было сделано, он стал еще радостнее, чем обычно. Свое отлучение он воспринимал как освобождение от уз папства и монашества. В тот же день он спокойно сообщил об этом событии Шпалатину как об одной из новостей³⁰². На следующий день он предостерег студентов в своем лекционном зале против римского антихриста и сказал им, что настало время сжечь папский престол вместе со всеми его учителями и мерзостями³⁰³. Он публично объявил о своем поступке в трактате на латыни и немецком («Почему книги папы и его учеников были сожжены доктором Мартином Лютером»). Он объяснял, что его обязанность как крещеного христианина, принесшего клятву доктора богословия и проповедника, — искоренять все антихристианские учения. Он цитирует тридцать связанных с прославлением папства артикулов и заблужде-

³⁰⁰ Слово «Святой» относится ко Христу, как в Мк. 1:24; Деян. 2:27; а не к Лютеру, как думали некоторые из невежества или коварства. Лютер говорил на латыни: *Quia tu conturbasti Sanctum Domini, ideoque te conturbet ignis aeternus*. В Вульгате этот текст из Нав. 7:25 переводится так: *Quia turbasti nos, exturbet te Dominus in die hac*. В Пересмотренном английском переводе стих звучит так: «Почему ты навредил нам? Господь навредит тебе в этот день. И весь Израиль закидал его камнями, и сжег их [евр. אֲבָרָם] огнем после того, как закидал их камнями».

³⁰¹ На табличке написано: *Dr. Martin Luther verbrannte an dieser Stätte am 10 Dec. 1520 päpstliche Bannbulle*.

³⁰² *Anno MDXX, decima Decembris, hora nona, exusti sunt Wittembergae ad orientalem portam, juxta S. Crucem, omnes libri Papae: Decretum, Decretales, Sext. Clement. Extravagant., et Bulla novissima Leonis X: item summa Angelica* [казуистический труд Ангела Карлетти де Клавазио, или Кьявассо, ум. в 1495] *Chrysoprasus [De praedestinatione centuriae sex, 1514] Eccii, et alia iusdem auctoris, Emseri, et quaedam alia, quo adjecta per alios sunt: ut videant incendiarii Papistae, non esse magnarum virium libros exurere, quos confutare non possunt. Haec erunt nova* (De Wette, I. 532). Дальнейшие подробности о сожжении буллы и поведении студентов мы узнаём из рассказа анонимного ученика Лютера: *Excursionis antichristianarum decretalium Acta*, в Erl. ed., *Op. Lat.*, V. 250-256.

³⁰³ Ranke, i. 307; Köstlin, i. 407; Kolde, i. 290.

ний из папских законов, которые заслуживают сожжения. Все каноническое право он называет «мерзостью запустения» (Мф. 24:15) и антихристианским (2 Фес. 2:4), а его общий смысл формулирует так: «папа есть Бог земле, выше всего земного и небесного, духовного и светского; всё принадлежит папе, и никто не осмеливается спросить его: что ты делаешь?». Одновременно с этим трактатом Лютер выпустил труд в защиту собственных положений, которые были осуждены папой, и основывался при этом на фундаменте Божьего откровения в Писании.

Когда истекло сто двадцать дней благодати, предоставленных Лютеру согласно булле, Лев X пошел на крайние меры и 3 января 1521 г. объявил анафему реформатору и его последователям, а также интердикт всем областям, которые будут их укрывать. Но Лютер уже лишил новую буллу силы.

Сожжение папской буллы было самым смелым и значимым поступком Лютера. Само по себе оно действительно могло бы показаться лишь актом фанатизма и безумия, *brutum fulmen*. Но этому событию предшествовали и за ним следовали подвиги веры, низвержение ветхой церкви и созидание новой. Лютер отверг величайшую власть на земле, перед которой с почтением и трепетом склонялись императоры, короли, князья и все народы Европы. Сожжение буллы было огненным знаком абсолютного и полного отделения от Рима. Оно уничтожило власть будущих папских булл над половиной западного христианского мира. Оно освободило Лютера и весь протестантский мир от той силы, которая из полноценной школы воспитания юных народов превратилась в страшную и невыносимую тиранию над разумом и совестью человека.

Лютер разрабатывал свое богословие на глазах у народа. Кальвин же, в более поздний период, предстал перед народом уже полностью созревшим, как Минерва из головы Юпитера. «Я один из тех, — говорит Лютер, — к числу которых относил себя святой Августин и кто постепенно развивался, создавая труды и обучая. Я не из тех, кто сразу поднимается к совершенству из ничего».

Он называл папу святейшим и адчайшим отцом христианского мира. В 1517 г. он начал действовать как преданный сторонник папы и монах, свято веря в Римскую церковь и в ее богоданного главу, и возражал лишь против некоторых злоупотреблений; в 1519 г., во время лейпцигского спора, он отрицал божественную власть папства, а вскоре после этого — и его человеческую власть. Год спустя он уже был полностью убежден, что папство — это антихристианская власть, предсказанная в Писании, и что от папства следует отказаться ради спасения человека.

Нет сомнений, что на всех этих этапах он был совершенно искренним, честным и поступал осознанно.

Лютер с непоколебимой твердостью обосновался на позициях, занятых им 10 декабря 1520 г. Он ни разу не сожалел об этом. Он сжег за собой мосты. Теперь он уже не мог вернуться в Рим, даже если бы захотел. До конца своей жизни он считал Римского папу подлинным антихристом и относился к нему соответственно, ожидая, что скоро папа будет сокрушен духовной силой в момент второго пришествия Христа. В Шмалькальдене в 1537 г. он молился о том, чтобы Бог исполнил всех протестантов ненавистью к папе. Одну из последних и самых яростных своих книг он обратил «Против папства в Риме, основанного дьяволом» (Виттенберг, 1545)³⁰⁴. Лютер называет Павла III «адчайшим отцом» и обра-

³⁰⁴ *Wider das Papstthum zu Rom, tom Teufel gestiftet* (Erl. ed., XXVI. 108-228). На грубом оттиске титульной страницы папа изображен с ослиными ушами. Он направляется в челюсти ада, в то время как бесы подталкивают его и насмеваются над ним. Лютер называет папу (стр. 228) *Papstesel mit langen Eselsohren und verdammtem Lügenmaul*. Книга была написана в связи с

щается к нему «ваше адчайшее величество», а не «ваше святейшество». В конце он обещает написать книгу еще лучше и молится о том, чтобы в случае его смерти Бог возвысил другого, «в тысячу раз более строгого; ибо сатанинское папство — это последнее зло на земле, худшее из всего, что могли измыслить все бесы со всей их властью. Да поможет нам Бог. Аминь». Он писал это не под действием горячительных напитков или безумия, как предполагают римские историки, но здраво и искренне. На смертном одре, как сообщает его врач Ратцебургер, он предсказал близкую смерть папства:

Pestis eram vivus, moriens tua mors ero Papa.

С точки зрения той эпохи, Лютер рассматривал папу и турка как «двух главных врагов Христа и Его церкви»³⁰⁵. Для того чтобы правильно оценивать взгляды Лютера на папство, следует помнить, что они формировались в разгар споров, и к тому же не забывать о его пылком темпераменте. Его прямолинейность в этом вопросе имеет не больше веса, чем его не менее резкие суждения об Аристотеле и Фоме Аквинате.

§49. Реформация и папство

Здесь будет уместно прервать рассказ о событиях и порассуждать о том, насколько верно или неверно отношение Лютера и Реформации к папству.

Реформаторы придерживались мнения, что папство — антихристианское установление, и в некоторых протестантских вероисповеданиях такой взгляд провозглашается официально. Это, конечно, не значит, что каждый отдельный папа был антихристом (Лютер с уважением отзывался о Льве X) или что все папство как таковое было антихристианским. Меланхтон, по крайней мере, говорил о возможности существования христианского папства, или общего надзора над церковью для сохранения порядка и единства³⁰⁶.

Протестанты отвергли папство как институт, существовавший в то время, когда он находился в открытой и смертельной оппозиции к воспринимаемой ими истине Евангелия Христова и ее свободной проповеди. Их теория не обязательно отрицает возможность либеральной и справедливой оценки папства до и после Реформации.

двумя высокомерными посланиями папы Павла III императору Карлу V с упреками в том, что император на рейхстаге в Шпейере (1544) счел возможным оставить протестантов в покое до созыва общецерковного собора, и с напоминаниями ему об ужасном конце тех, кто осмеливается нарушать права священников. Король Фердинанд, брат императора, внимательно прочитал книгу Лютера и сказал: *Wenn die bösen Worte heraus wären, so hätte der Luther nicht übel geschrieben*. Но немало искренних друзей Лютера считали, что он принес этой книгой своему делу больше вреда, чем пользы.

³⁰⁵ Это мнение воплотилось в гимне, который начинается со слов:

*Erhalt uns, Herr, bei deinem Wort
Und steur' des Papst's und Türken Mord.*

Он есть в Klug (*Gesangbuch*, Wittenberg, 1543) под заглавием *Ein Kinderlied zu singen, wider die zween Ertzfeinde Christi und seiner heiligen Kirchen, den Papst und Türken*. Эта строка, как и знаменитый 80-й вопрос Гейдельбергского катехизиса, в котором папская месса осуждается как «проклятое идолопоклонство», создавала много проблем в землях со смешанным вероисповеданием и иногда запрещалась римско-католическими городскими советами. В современных немецких сборниках гимнов упоминание о папе и о турке мудро заменяется словами «все враги» или «враги Христа».

³⁰⁶ См. его приложение к Шмалькальденским статьям, 1537: *De autoritate et primatu Papae*.

В этом отношении в среде протестантских историков с развитием экзегетики и знаний по истории церкви произошли великие перемены.

1. Пророческие тексты Писания, на которые обычно ссылались реформаторы и ранние протестантские богословы для подтверждения своей теории о папстве, следует понимать в соответствии с окружением и условиями, в которых находились авторы и их непосредственные читатели. Конечно, это не исключает применения данных событий и тенденций к далекому будущему, так как история развивается и исполнение пророчеств продолжается, однако толкование должно соответствовать изначальному замыслу автора и естественному смыслу текста. Сейчас мало кто из комментаторов считает, что папа Римский — это «малый рог» из Даниила, подразумевавшего, скорее всего, Антиоха Епифана (7:8,20,21), или апокалиптический зверь из бездны (Отк. 13:1) и «мать блудницам» (17:5) — которая, очевидно, ассоциировалась с гонениями в языческом Риме Нерона и его преемников.

Апостол Иоанн — единственный библейский автор, использующий термин «антихрист»³⁰⁷. Но Иоанн понимает под антихристом в первую очередь гностическую ересь своего времени, которая отрицала воплощение Христа. Именно это отрицание он представляет как характерный признак антихриста, который уже находится в мире. Иоанн говорит о многих *антихристах*, вышедших из христианских церквей Малой Азии. Папа же никогда не отрицал воплощения Христа, да и не мог бы сделать это, не перестав быть папой.

Вполне законно использовать термины «антихрист» и «антихристианский» в широком смысле — для обозначения лиц и тенденций, которые противостоят Христу и Его учению, однако у нас нет права ограничивать их смысл исключительно папой и Римской церковью. «Многие придут под именем Моим, и будут говорить: “Я Христос”, и многих прельстят» (Мф. 24:4,11,23,24).

Предсказание апостола Павла о великом отступничестве и о человеке греха, сыне погибели, противящемся и превозносящемся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божьем сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога»³⁰⁸, — больше, чем какое-либо другое место, похоже на описание папства с его поразительными притязаниями на всеобщую и непогрешимую власть над Божьей церковью. Но такое применение становится более чем сомнительным, когда мы вспоминаем, что апостол характеризует это антихристианское отступничество как «тайну беззакония», которая *уже* действует в его время, хотя ее и сдерживает некая не упоминаемая им сила³⁰⁹. Папства в то время еще не существовало, и основной грех папства — это не свобода беззакония, а прямая ее противоположность.

Если мы станем искать в Писании авторитетное мнение о грехах и заблуждениях папства, нам следует опираться на выступление нашего Господа против предания старцев, которым, по сути, вытесняется слово Божье; а также на послания Павла Галатам и Римлянам, где он отстаивает христианскую свободу, выступая против рабства закона, и излагает великие учения о грехе и благодати, забы-

³⁰⁷ 1 Ин. 2:18,22; 4:3; 2 Ин. 1:7.

³⁰⁸ 2 Фес. 2:3-7. Этот отрывок цитируется в Вестминстерском исповедании против папы (гл. xxv, 6).

³⁰⁹ Ἐν τῷ γὰρ μυστήριον ἤδη ἐνεργεῖται τῆς ἀνομίας· μόνον ὁ κατέχων αὐτὸ ἕως ἐκ μέσου γένηται. Римское правительство первоначально (до гонений Нерона в 64 г.) защищало христианство и, в частности, самого апостола Павла, который ссылался на свое римское гражданство в Филиппах, перед сотником в Иерусалиме и перед Фестом в Кесарии.

тые папским Римом и возрожденные Реформацией; и также на протест апостола Петра против иерархического высокомерия и гордости.

Ранняя церковь повсеместно ждала, что антихрист в высшем смысле этого слова, как воплощение антихристианского принципа, как лже-Христос из ада, «обманщик мира» (именно так он назван в недавно обнаруженном «Учении апостолов»³¹⁰), явится непосредственно перед вторым пришествием Христа и собьет с истинного пути многих христиан. Реформаторы же считали антихристом папу и ждали его скорого уничтожения, однако опыт более чем трехсот пятидесяти лет доказывает, что в этом пункте они ошибались и что окончательный антихрист придет только в будущем.

2. Что касается истории церкви, то она во времена Реформации была еще неизведанной областью, но сама Реформация пробудила дух исследования и независимого, беспристрастного поиска. Документальные источники средних веков стали доступны в крупном масштабе лишь недавно в таких сборниках, как *Monumenta Germaniae*. «Ключи Петра, — говорит доктор Перц, протестант, издатель *Monumenta*, — это по-прежнему ключи средних веков». Великие протестантские историки, церковные и светские (достаточно упомянуть Неандера и Ранке), придерживаются более либерального взгляда на папство³¹¹.

После падения древней Римской империи папство, даже со всеми его злоупотреблениями и пороками, послужило обязательной и полноценной школой воспитания для варварских народов Западной и Северной Европы. Оно вывело их из состояния дикого язычества и привело на тот уровень христианской цивилизованности, который был достигнут ко временам Реформации. Оно сдерживало деспотизм грубой силы. Оно сохраняло внешнее единство церкви. Оно способствовало общению между народами. Оно защищало святость брака от похоти князей. Оно ограничило рабство. Оно смягчило нравы. Оно вдохновляло на великие предприятия. Оно помогало распространению христианства. Оно поощряло развитие образования и мирных наук.

И сейчас миссия папства еще не окончена. Похоже, оно до сих пор нужно некоторым народам, особенно находящимся в менее цивилизованном состоянии. Папство по сей день остается не заброшенной развалиной, а впечатляющей пирамидой, цельной от подножия до вершины. Римская церковь, как раненый великан, поднялась после борьбы с Реформацией, упразднила на Тридентском соборе некоторые из худших злоупотреблений, вернула себе значительную часть утраченных территорий Европы, добавила к своим владениям половину американ-

³¹⁰ Глава 16:4, *κοσμοπλάνας*. Весьма значимый термин, в котором объединено несколько признаков антихриста из Иоанна (2 Ин. 1:7, *ὁ πλάνας καὶ ἀντίχριστος*, Отк. 12:9, *ὁ πλανῶν τὴν οἰκομένην*) и из посланий Павла (поскольку в «Дидахе» явление обманщика мира связывается с ростом беззакония, *ἀνομία*, как и во 2 Фес. 2:7). См. мою монографию о «Дидахе», стр. 77 и 214 и далее.

³¹¹ См. в первую очередь классический труд Ранке *Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten* (8th edition, Leipzig, 1885, 3 vols.). Первое издание появилось в 1834-36 г. Ранке нашел достойного преемника в лице английского ученого доктора Т. Крейтона (преподавателя истории церкви в Кембридже), автора не менее беспристрастного труда *History of the Papacy during the Period of the Reformation*, который начинается с великого раскола 1378 г. (London and Boston, 1882 sqq., пока 4 тома). Но тот же период истории папства сейчас с великой ученостью и талантом описан с современной римской точки зрения доктором Людвигом Пастором (преподавателем истории церкви в Иннсбруке) в его *Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters*, первый том которой вышел во Freiburg-i.-B. (1886) и которая продолжается от 1305 г. до избрания Пия II. Автор обещает выпустить шесть томов. У него есть преимущество: он пользуется папскими архивами с разрешения папы Льва XIII.

ского континента и дополнила свою систему учения и управления постановлениями Ватиканского собора. Папа утратил свою светскую власть из-за коренных преобразований 1870 г., но его духовное влияние, похоже, все усиливается после 1878 г., когда на престол Льва X был призван Лев XIII. Пожилой итальянский священник сосредоточил в руках Ватикана контроль над сознанием двухсот миллионов человек — то есть половины номинальных христиан — и управляет ими, претендуя на непогрешимость в вопросах веры и обязанностей. Не случайно величайший государственный деятель XIX века и основатель протестантской империи Бисмарк, в начале своей *Kulturkampf* объявивший, что никогда не отправится в Каноссу (1872), посчитал уместным после десяти лет конфликта согласиться с существенным изменением антипапских Майских законов 1873 г., не меняя, однако, своих религиозных убеждений и не жертвуя независимостью государства. Он даже оказал папе особую честь, избрав его арбитром в международном споре между Германией и Испанией (1885)³¹². Но, возможно, еще более примечательно, что Лев XIII в ответ послал князю Бисмарку, политическому Лютеру Германии, орден Христа, который раньше никогда не давали протестанту, и поддержал его в политической кампании 1887 г.

3. Как мы можем оправдать Реформацию, учитывая прошлую историю и нынешнюю жизненность папства?

Здесь самый назидательный пример, помогающий прийти к ответу, — это история иудаизма, которая стала прообразом христианской истории. Иерархия левитов, на вершине которой стоял первосвященник, была учреждена Богом и была обязательна для сохранения теократии. Однако то, что Бог задумал как благословение, превратилось в проклятие по вине человека: Каиафа, потомок Аарона, осудил Мессию как лжепророка и богохульника, а синагога изгнала и прокляла пророков Христа.

То, что произошло в прошлой диспенсации, в более крупном масштабе повторилось в истории христианства. Антихристианский элемент сопровождал папство с самого начала, и его кульминацией стала развращенность во времена Реформации. Чем больше усиливалась власть папства в учении и на практике, тем больше была опасность и искушение злоупотреблений. Один из лучших пап, Григорий Великий, протестовал против титула «вселенского епископа», находя в этом сочетании проявление антихристианского высокомерия. Греческая церковь задолго до Реформации обвинила епископа Рима в антихристианской узурпации церковного первенства, и она выражает этот протест по сей день. Немало пап, таких как Сергей III, Иоанн XII, Бенедикт IX, Иоанн XXIII и Александр VI, были виновны в самых мрачных преступлениях порочной человеческой природы, однако все они называли себя преемниками Петра и наместниками Христа. Как можно оправдывать папские крестовые походы против альбигойцев и вальденсов, ужасы инквизиции, радость папы по поводу бойни в Варфоломеевскую ночь и все те кровавые преследования невинных людей, преступление которых заключалось лишь в том, что они были против тирании Рима и не соглашались с его преданием? Либеральные и гуманные католики должны испытывать отвращение по отношению к попытке возродить тюрьмы и костры для борьбы с ересью и расколом. Однако Римская церковь официально никогда не отказывалась от принципа гонений, который был положен в основание ее практики. Напротив,

³¹² Александр VI одним росчерком пера, поделил Америку между Испанией и Португалией; Лев XIII в 1886 г. выделил Испании ничего не значащие Каролинские острова в Тихом океане, тогда как Германии разрешил свободную торговлю.

папа Григорий XVI назвал безумием (*deliramentum*) свободу совести и поклонения, а Пий IX в своем *Syllabus* 1864 г. осудил свободу совести в числе прочих пагубных и опасных заблуждений современности. Что доброго мы можем сказать о папском расколе XV века, когда два или три папы-соперника подвергали проклятию отлучения весь христианский мир? Что мы можем сказать о предельном обмирщении папства непосредственно перед Реформацией, о его поглощенности политическими интригами, войнами, планами возвышения, о его жадности, о его бесстыдной торговле индульгенциями и обо всех тех злоупотреблениях властью, которые вызвали сто одну претензию (*gravamina*) со стороны немецкого народа? Как можно поддерживать буллу об отлучении Лютера, если она угрожает сожжением ему и его книгам, отказывая в христианском утешении всем домам и общинам, которые осмелятся приютить его или кого-то из его последователей? Чтобы считать эту буллу христианской, мы должны закрыть глаза на ясное учение Христа в евангелиях.

Даже если Римский епископ — действительно, как он утверждает, законный наследник Петра, это не спасает его от суда истории. Время от времени в духовном Петре оживал и возрождался плотской Симон. Тот самый ученик, которого Христос почтил званием Скалы и на основании исповеди которого Он обещал построить Свою Церковь, уже вскоре был назван сатаной за то, что хотел отговорить своего Учителя от крестных мучений. Христос упрекнул Петра, когда тот поднял меч на Малха. И Петр, хвалившийся своей верностью, отрекся от своего Господа и Спасителя. Павел упрекал Петра в Антиохии, когда тот фактически отрицал права обращенных язычников и исключал их из церкви. А согласно преданию самой Римской церкви, князь апостолов был непоследователен даже накануне мученичества, когда он подкупил тюремщика и бежал, чтобы спасти свою жизнь, но Господь явился ему с крестом на том месте, где была сооружена мемориальная часовня *Domine quo vadis*. И нам остается спросить, сможет ли когда-нибудь папа пойти по стопам Петра до конца, выразив, как и Петр, горькое раскаяние в содеянном отречении от Христа?

Если апостольская церковь символически предвосхищает всю историю христианства, то в столкновении между Петром и Павлом мы можем увидеть предвосхищение антагонизма между римским католичеством и протестантизмом. Реформация была бунтом против рабства закона и утверждением евангельской свободы. Она возобновила протест Павла против Петра и имела успех. Она обеспечила свободу в религии, а вследствие этого — интеллектуальную, политическую и гражданскую свободу. Она сделала Слово Божье, обучение ему и его утешение доступными для всех. В этом победа и оправдание Реформации. Сравните протестантскую Германию при Вильгельме I с римско-католической Германией при Максимилиане I, Англию при королеве Виктории с Англией при Генрихе VII, кальвинистскую Шотландию и лютеранскую Скандинавию XIX века с римской Шотландией и Скандинавией XV века. Посмотрите на возникновение и рост свободной Голландии и свободной Америки. Сравните Англию с Испанией в наши дни, Пруссию с Австрией, Голландию с Португалией, Соединенные Штаты и Канаду с более древними Мексикой, Перу или Бразилией. Обратите внимание, сколько создано протестантской литературы по всем областям образования, наук и искусств, какое бесчисленное множество протестантских церквей, школ, колледжей, университетов, благотворительных учреждений и миссий рассыпано по всему миру. Без сомнения, Реформация в состоянии выдержать проверку критерием Христа: «По плодам их узнаете их».

ПРИМЕЧАНИЯ

Вот мнения представительных протестантских историков, которые не могут быть обвинены в пристрастности или склонности к католицизму.

«Каким бы ни было наше мнение о папах прежних времен, — говорит Леопольд фон Ранке, который был добрым лютеранином (*Die römischen Päpste*, I. 29), — папы всегда преследовали великие цели: заботились об угнетенной религии, боролись с язычеством, распространяли христианство среди северных народов, созидали независимую иерархическую власть. Человеческое достоинство побуждает желать и достигать чего-либо великого, и папы всегда поддерживали эту тенденцию».

В последнем томе своего великого труда, опубликованном после его смерти (*Weltgeschichte*, Siebenter Theil, Leipzig, 1886, pp. 311-313), Ранке дает оценку вполне типичному папе Григорию VII. Приводим сжатый перевод:

Иерархическая система Григория основана на попытке сделать власть клира основой всего человеческого существования. Этим объясняются два принципа, характерные для его системы: заповедь о celibate священников и запрет на инвеституру со стороны мирян. Посредством первого низший клир был превращен в корпорацию, свободную от личных отношений с человеческим обществом. Посредством второго высший клир был освобожден от влияния светской власти. Великий иерарх хорошо продумал свою позицию: он шел навстречу потребностям времени, в которое клирики считались, так сказать, существами высшего порядка. Все сказанное папой было достойным, последовательным и влиятельным. Он от природы обладал талантом решения мирских проблем. Петр Дамиани, вероятно, имел в виду именно это, когда однажды назвал папу «его святейством сатаной»... В речах Григория нет важных учений. Практически все сказанное им было известно раньше. Но он создал систему, и в искренности его намерений никто не может сомневаться. Его предсмертные слова: «Я возлюбил правду... а потому умираю в изгнании», — отражают его истинные убеждения, но мы не должны забывать, что он до последнего вздоха отстаивал именно иерархическую справедливость.

В тринадцатой главе, под заглавием «Каносса», Ранке выражает свое мнение о конфликте между Григорием VII и Генрихом IV, то есть между иерархической и светской властью.

Адольф Гарнак, выдающийся историк нынешнего поколения, в своей памятной речи *Martin Luther* (Giessen, 1883, p. 7) называет «идею папства величайшей и самой человеческой из идей (*die grösste und humanste Idee*), порожденных Средневековьем».

Делая обзор «Истории пап» Ранке, лорд Маколей, протестант шотландского происхождения, восхваляет Римскую церковь как древнейшую и самую уважаемую силу христианского мира, которая, скорее всего, переживет все прочие правительства и церкви: «Она была велика и уважаема до того, как саксонцы осели в Британии, до того, как франки перешли Рейн, когда греческое красноречие еще процветало в Антиохии и когда в храмах Мекки еще поклонялись идолам. Возможно, она будет существовать и оставаться сильной даже тогда, когда какой-нибудь путешественник из Новой Зеландии остановится посреди запустения, окружающего свод Лондонского моста, чтобы зарисовать руины собора Св. Павла»³¹³.

Здесь мы не должны забывать и о более позднем свидетельстве (в первой главе «Истории Англии»), где этот красноречивый историк дополняет и проясняет свою похвалу:

С того момента, когда варвары вторглись в Восточную империю, и до эпохи гуманистического Возрождения влияние Римской церкви в целом благоприятствовало развитию науки, цивилизации и управления. Но в последние триста лет она стала препятствовать развитию человеческого сознания. По всему христианскому миру прогресс в области образования, свободы, благосостояния и искусства происходил вопреки ей и был обратно пропорционален ее влиянию. Самые красивые и плодородные области Европы под ее властью погрязли в нищете, политическом рабстве и интеллектуальном застое, в то время как протестантские страны, раньше известные своим бесплодием и варварством, благодаря умениям и трудолюбию их жителей превратились в сады и породили длинную череду героев и государственных деятелей, философов и поэтов. Любой, кто знает, что представляют собой Италия и Шотландия и какими они были четыреста лет назад, может сравнить нынешнюю страну, окружающую Рим, со страной, окружающей Эдинбург, и составить мнение

³¹³ Впервые опубликовано в *Edinburgh Review*, October 1840. Этот отрывок часто цитируют католики (например, архиепископ Спалдинг в своей *History of the Prot. Ref.*, p. 217 sqq.), но при этом они не хотят замечать другой отрывок Маколея, из «Истории Англии».

о воздействии папской власти. Испания, которая некогда была первой среди монархий, пала очень низко, а Голландия, несмотря на неблагоприятные природные условия, достигла такого положения, какого не достигала ни одна из столь малых стран. Это тоже может послужить для нас уроком. Тот, кто в Германии въезжает из римско-католического в протестантское княжество, в Швейцарии — из римско-католического в протестантский кантон, а в Ирландии — из римско-католического в протестантское графство, — обнаруживает, что он попал из низшего уровня цивилизации в высший. По другую сторону Атлантики действует тот же закон. Протестанты Соединенных Штатов оставили далеко позади католиков Мексики, Перу и Бразилии. Католики Южной Канады остаются праздными, в то время как весь протестантский континент вокруг них активно действует. Французов по праву считают великим народом за их энергию и интеллект, хотя эти качества и применялись ими для достижения неверных целей. Но это видимое исключение при должном рассмотрении лишь подтверждает правило, ибо ни в одной стране, которая считается католической, Римская Католическая церковь на протяжении нескольких поколений не имела так мало влияния, как во Франции.

Трудно сказать, чему обязана больше Англия — римской католической религии или Реформации. В том, что касается слияния народов и упразднения крепостничества, она в основном обязана влиянию, которое в средние века оказывало на мирян священство. Но в том, что касается политической и интеллектуальной свободы, а также всех благословений, которые политическая и интеллектуальная свобода влекут за собой, она в основном обязана великому восстанию мирян против священства.

§50. Карл V

ЛИТЕРАТУРА

- Большая часть трудов о Карле V — это истории его времени, где он является центральной фигурой. Много нового материала было обнаружено в архивах Брюсселя и Симанкаса. Испанские историки неумеренно хвалят его, а французские несправедливо обвиняют. Беспристрастные шотландец Робертсон, американец Прескотт и немец Панке.
- I. JOHN SLEIDAN (ум. в 1556): *De Statu Religionis et Reipublicae Carlo V Caesare Commentarii*, Argentor., 1555 fol. (лучшее издание — Am Ende, Frf.-a.-M., 1785). LUDW. V. SECKENDORF: *Com. Hist. et Apol. de Lutheranism sive de Reformatione Religionis*, Leipzig, 1694. Доходит до 1546 г. — Английские *Calendars of State-Papers*, — *Spanish* (опубликовано хранителем судебного архива). — DE THOU: *Historia sui Temporis* (начиная со смерти Франциска I). — Истории Испании, MARIANA (Madrid, 1817-22, 20 vols. 8vo); ZURITA (Çaragoça, 1669 — 1710, 6 vols. fol.); FERRERAS (фр. перев., Amsterdam, 1751, 10 vols. 4to); SALAZAR DE MENDOZA (Madrid, 1770-71, 3 vols. fol.); MODESTO LAFUENTE (vols. XI-XII, 1853), etc.
- II. Биографии. Карл диктовал фрагменты автобиографии своему секретарю Вильгельму ван Мале, когда они плыли по Рейну из Кельна в Майнц в июне 1550 г., а позже в Аугсбурге, в тени садов Фуггера. Автобиография эта была на немецком или французском, но потом была утеряна. Барон Кервин де Леттенхове, член Королевской академии Берлина, в 1861 г. нашел в Национальной библиотеке Парижа ее португальский перевод и опубликовал перевод этого текста на французский со вступлением под заглавием *Commentaires de Charles-Quint* (Brussels, 1862). АНГЛ. перев. — LEONARD FRANCIS SIMPSON: *The Autobiography of the Emperor Charles V.*, London, 1862 (161 и xviii pp.). Это рассказ о путешествиях и экспедициях императора (*Summario das Viages e Jornadas*) с 1516 по 1548 г. Он говорит о мирских событиях, но иногда упоминает и о своем враждебном отношении к протестантам, которых обвиняет в ереси, упрямстве и высокомерии, а также к папе Павлу III, которого он ненавидел за гордость, притворство и нарушение обещаний. См. вступление Леттенхове (пер. Симпсона) и резкую критику Панке (vol. vi, 75 sqq.).
- ALFONSO ULLOA: *Vita di Carlo V*, Venet., 1560. SANDOVAL: *Historia de la Vida y Hechos del Emperador Carlos Quinto*, Valladolid, 1606 (Pampelona, 1618; Antwerp, 1681, 2 vols.). SEPULVEDA (которого император выбрал своим биографом): *De Rebus Gestis Caroli V Imperatoris*, Madrid, 1780 (и другие издания). G. LETI: *Vita del Imperatore Carlo V*, 1700, 4 vols. A. DE MUSICA (в Menckenius, *Scriptores Rerum Germanicarum*, vol. I, Leipzig, 1728). WILLIAM ROBERTSON (ум. в 1793): *The History of the Reign of the Emperor Charles V*, London, 1769, 3 vols.; 6th ed., 1787, 4 vols.; новое издание его сочинений, London, 1840, 8 vols. (vols. III,

IV, V); лучшее издание — Phila. (Lippincott), 1857, 3 vols., с ценным дополнением, автор W. H. PRESCOTT, о жизни императора после отречения, на основании архивов Симанкаса (III, 327-510). HERMANN BAUMGARTEN: *Geschichte Karls V*, Stuttgart, 1885 sqq. (4 vols.; основано преимущественно на английских хрониках и рукописных дневниках венецианского историка Марино Сануто).

- III. Документы и трактаты о конкретных периодах его истории. G. CAMPOSI: *Carlo V in Modena* (в *Archivio Storico Italiano*, Florence, 1842-53, 25 vols., App.). D. G. VAN MALE: *Lettres sur la vie intérieure de l'Empereur Charles-Quint*, Brussels, 1843. K. LANZ: *Correspondenz des Kaisers Karl V aus dem kaiserlichen Archiv und der Bibliothèque de Burgogne in Brussel*, Leipzig, 1844-46, 3 vols.; *Staatspapiere zur Geschichte des Kaisers Karl V*, Stuttgart, 1845; *Actenstücke und Briefe zur Geschichte Karls V*, Wien, 1853-57. G. HEINE: *Briefe an Kaiser Karl V, geschrieben von seinem Beichtvater (Garcia de Loaysa) in den Jahren 1530-32*, Berlin, 1848 (на основании архивов Симанкаса). W. MAXWELL STIRLING: *The Cloister-Life of Charles V*, London, 1852. F. A. A. MIGNET: *Charles-Quint; son abdication, son séjour et sa mort au monastère de Yuste*, Paris, 1854; *Rivalité de François I et de Charles-Quint*, 1875, 2 vols. AMÉDÉE PICHOT: *Charles-Quint, Chronique de sa vie intérieure et de sa vie politique, de son abdication et de sa retraite dans le cloître de Yuste*, Paris, 1854. GACHART (хранитель бельгийских архивов): *Retraite et mort de Charles-Quint au monastère de Yuste* (оригинальные документы из Симанкаса), Brussels, 1854-55, 2 vols.; *Correspondance de Charles-Quint et de Adrien VI*, Brussels, 1859. HENNE: *Histoire du règne de Charles V en Belgique*, Brussels, 1858 sqq., 10 vols. TH. JUSTE: *Les Pays-bas sous Charles V*, 1861. GIUSEPPE DE LEVA: *Storia documentata di Carlo V in correlazione all' Italia*, Venice, 1863. RÖSLER: *Die Kaiserwahl Karls V*, Wien, 1868. W. MAURENBRECHER: *Karl V und die deutschen Protestanten, 1545 — 1555*, Düsseldorf, 1865; *Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit*, Leipzig, 1874, pp. 99-133. A. V. DRUFFEL: *Kaiser Karl V und die röm. Curie 1544 — 1546*. 3 Abth. München, 1877 sqq.
- IV. См. также RANKE: *Deutsche Geschichte*, I. 240 sqq., 311 sqq.; и о позднем периоде истории Карла в vols. II, III, IV, V, VI. JANSSEN: *Geschichte des deutschen Volkes*, II. 131 sqq., и vol. III. WEBER: *Allgemeine Weltgeschichte*, vol. X (1880), 1 sqq. PRESCOTT, *Philip II*, bk. I, chaps. 1 и 9 (vol. I. 1-26; 296-359). MOTLEY, *Rise of the Dutch Republic*, vol. I, Introduction.

Прежде чем перейти к Вормсскому рейхстагу, мы должны познакомиться с Карлом V. После Мартина Лютера он был самым выдающимся и влиятельным деятелем того времени. История его правления — это история Европы на протяжении более трети века (1520 — 1556).

В разгар ранних конфликтов Реформации император Максимилиан I умер в Вельсе 12 января 1519 г. Он носил германскую корону двадцать шесть лет, и его называли «последним рыцарем». Вместе с ним в прошлое ушли средние века, и над Европой забрезжила новая, современная эра.

Это был критический период для империи. Религия Мухаммеда угрожала христианству, а протестантизм — католичеству. Турки с востока дошли до стен Вены, как за семьсот лет до того. Арабы пересекли Пиренеи и напали на христианскую Европу с Запада. Внутри континента неотвратимо распространялась Реформация, которая потрясала основы Римской церкви. Крайне остро ощущалась потребность в гении, который мог бы спасти и христианство, и Реформацию, сохранив в то же время и единство империи, и единство церкви. Это была трудная, даже невозможная задача.

Императорская корона естественным образом перешла к внуку Максимилиана, молодому королю Испании, который стал самым могущественным монархом со времен Карла Великого. Он был наследником четырех королевских домов, объединенных рядом брачных союзов.

Ни один принц не получал более богатого наследства и не вступал в общественную жизнь, более обремененный обязательствами, чем Карл V. В его венах смешалась испанская, бургундская и немецкая кровь, а в его характере — лучшие и худшие качества знатных предков. Он родился в самом начале богатого

событиями века (24 февраля 1500 г.) в Генте, во Фландрии, и воспитывался под надзором лорда Шиевра и Адриана Утрехтского — профессора богословия, который отличался строгой доминиканской ортодоксией и благочестием и, благодаря влиянию Карла, стал преемником Льва X на папском престоле. Его отец, Филипп I, был единственным сыном Максимилиана и Марии Бургундской (дочери Карла Смелого) и вошел в историю испанских правителей как Филипп Красивый (*Filipe el Hermoso*) — фривольный, болезненный и бесполезный. Матерью Филиппа была Иоанна Безумная (*Juana la Loca*), вторая дочь Фердинанда и Изабеллы, знаменитая своей трагической судьбой, своим безумием, долгим заключением и нездоровой привязанностью к мертвому телу неверного мужа, к которому при жизни она относилась то со страстной любовью, то со свирепой ревностью. После смерти своей матери (26 ноября 1504 г.) она формально стала королевой Испании и влачила тягостное существование семьдесят шесть лет (ум. 11 апреля 1555 г.)³¹⁴.

Карл унаследовал хитрость Фердинанда, благочестие Изабеллы и меланхолический темперамент своей матери, который довел ее до безумия, а его побудил сменить императорский трон на монашескую келью. Тот же самый темперамент в его сыне Филиппе II проявился в виде мрачного фанатизма — он вел жизнь деспота и монаха в своей келье-дворце Эскориале. Английская гонительница королева Мария, внучка Изабеллы и жена Филиппа Испанского, также была склонна к меланхолии.

От предков Карл унаследовал империю, в границах которой солнце никогда не заходило. После смерти его отца (25 сентября 1506 г.) он стал, по праву наследования, правителем Бургундии и Нидерландов; после смерти Фердинанда (23 января 1516 г.) унаследовал корону Испании вместе с ее итальянскими владениями (Неаполем, Сицилией, Сардинией) и недавно приобретенными американскими территориями (к которым позже добавились покоренные Мексика и Перу); после смерти Максимилиана он получил наследство дома Габсбургов, а вскоре после того — и Германскую империю. В 1530 г. папа короновал его королем Ломбардии и императором римлян.

Он и Франциск I ожесточенно спорили из-за короны Германии. Обе стороны прибегали к разнообразным дипломатическим уловкам и потратили на выборы громадные суммы денег. Подробности борьбы показывают, что нравственность политиков в то время пребывала в упадке. Папа Лев сначала поддерживал короля Франциска, соперника за власть над Австрией и Бургундией, но чуждого обычаям Германии и не знавшего ее языка. Семь курфюрстов, собравшихся во

³¹⁴ Об ее скорбном существовании рассказывают историки того времени Гомес, Петр Мученик, Сурита и Сандоваль (из которого черпает свое непоследовательное повествование Прескотт (*Ferdinand and Isabella*, III. 94, 170 sqq., 212 sqq., 260 sqq.); более полно она представлена в документах из Симанкаса и Брюсселя. Несколько современных историков умело рассказали о ней со ссылкой на недоказанную гипотезу Бергенрота, будто она никогда не была безумна, но ее подозревали в ереси и пытали (?), и она подверглась жестокому обращению со стороны Карла. Однако ее проблемы начались задолго до Реформации, а меланхолический склад ума она унаследовала от своей бабушки. Она приняла елеосвящение из рук священника, а ее последними словами были: «Иисус Распятый, избавь меня». См. Gustav Bergenroth (немецкий ученый, который тогда жил в Лондоне), *Letters, Despatches, and State Papers relating to the negotiations between England and Spain preserved in the archives of Simancas and elsewhere*. Suppl. to vol. I and II, London, 1868; Gachard, *Jeanne la Folle*, Bruxelles, 1869; и *Jeanne la Folle et Charles V*, в *Bulletin of the Brussels Academy*, 1870 и 1872; Rösler, *Johanna die Wahnsinnige, Königin von Castilien*, Wien, 1870, Maurenbrecher, *Johanna die Wahnsinnige*, в его «Studien und Skizzen zur Gesch. der Reformationszeit». Leipzig, 1874, pp. 75-98.

Франкфурте, предложили пост самому мудрому из их числа, Фридриху Саксонскому, но тот скромно и разумно отказался от позолоченного бремени, сплетенного из терний. Он защищал бы дело Реформации, но был слишком слаб и стар для управления империей, которой угрожала опасность снаружи и изнутри³¹⁵. Фридрих предложил Карла, и это самоотречение протестантского князя решило исход выборов 28 июня 1520 г. Когда испанские посланники предложили ему большую награду за такое великодушие, он сразу же отказался сам и заявил, что уволит всякого из своих слуг, кто возьмет взятку.

Карл был коронован с необычайным великолепием 23 октября в Аахене (Эксла-Шапеле), где был похоронен основатель Германской империи. Он поклялся защищать католическую веру, Римскую церковь и ее главу, папу.

Новому императору было всего двадцать лет, и признаков величия в нем не наблюдалось. *Nondum* («еще нет») — таков был девиз, выбранный им для своего щита на турнире в Вальядолиде за два года до коронации. Позже он поменял его на *Plus Ultra*. Он был хорошим наездником и умелым воином, мог скрестить копьё с любым из рыцарей и сражался с быками на арене. При этом он был слаб здоровьем, бледен, с безбородым и меланхоличным лицом, не интересовался общественными делами. Он не испытывал симпатии к немецкому народу и не знал немецкого языка. Но когда он принял в свои руки бразды правления, в нем начал формироваться редкий талант к политическому и военному руководству. Он отрастил бороду и ознакомился с большинством наречий, на которых разговаривали его подданные. Сам он обычно говорил и писал по-французски или по-испански.

Карл V как император

Он не был воистину велик, но был необыкновенным человеком. Среди германских императоров он, наверно, занимает место сразу после Карла Великого и Оттона I.

В нем сочетались эгоистичный консерватизм дома Габсбургов, религиозный пыл испанца и воинственный дух герцогов Бургундии. Он был хитрейшим из князей Европы и неустанно трудился. Обычно он спал не больше четырех часов в сутки. Он медленно принимал решения, но неизбежно претворял их в жизнь, не стесняясь в выборе средств. Он много думал и мало говорил; выслушивал советы и следовал собственным соображениям. Он был достаточно мудр, чтобы выбрать самых способных людей в свой кабинет министров, для командования армией и флотом и на дипломатическую службу. Он был хорошим воином и мог вынести любые трудности и лишения, кроме поста. Он был первым из трех великих военачальников той эпохи (вторым был герцог Альба, а третьим — коннетабль Анн Монморанси).

Ненасытные амбиции вовлекли его в несколько войн с Францией, в которых он обычно одерживал победу над своим смелым, но менее осторожным соперником Франциском I. Это была борьба за господство в Италии и на европейских соборах. Он дважды шел на Париж³¹⁶.

³¹⁵ Мартен (*Histoire de France*, VII. 496) говорит: «Курфюрст Фридрих не обладал ни упорством, ни гением, необходимыми для выполнения такой роли».

³¹⁶ Мартен, со своей французской точки зрения, называет ссору Франциска I и Карла V «борьбой французского народа против чудовищной державы, которая возникла из-за неестественных союзов феодального наследства и стремилась поработить европейские нации» (*Hist. de France*, VIII. 2).

Он участвовал примерно в сорока походах, сухопутных и морских, в то время, когда не существовало еще ни железных дорог, ни пароходов. Казалось, он вездесущ в своих обширных владениях. Его величайшей услугой христианскому миру была победа над армией Сулеймана Великолепного, которого он вынудил отступить в Константинополь (1532), и вызволение им двадцати тысяч христиан, рабов и пленников, из рук африканских разбойников (1535), которые, под началом злополучного Барбароссы, наводили ужас на Средиземноморские берега. Эти подвиги принесли ему высшую власть над Европой.

Но он пренебрегал внутренними делами Германии, доверив их в основном своему брату Фердинанду. Немцев он называл «сонными, пьяными и неспособными к интригам». Он более уютно чувствовал себя в богатых Нидерландах, которые приносили ему большую часть доходов. А основанием для его монархии была Испания, и о ней он заботился в первую очередь. В его правление Америка начала играть в истории Европы роль золотого и серебряного прииска.

Он стремился к абсолютной монархии с единообразием веры, но это было невозможно: Франция ограничивала его политические, а Германия — церковные амбиции.

Его характер

В плане личностных качеств он превосходил Франциска I, Генриха VIII и большинство современных ему князей, но никоим образом не был свободен от порока. Ему не хватало тех достоинств, которые делают правителя любимым для подданных³¹⁷. Под его холодной и флегматичной внешностью скрывались пылкие страсти. Он был расчетливым, мстительным, немилосердным и никогда не прощал обид. К Франциску I и немецким протестантским князьям во время Шмалькальденской войны он относился с безжалостной суровостью. Он был жадным, скупым, но при этом отличался обжорством. Он любил разнообразные неудобоваримые деликатесы — анчоусы, лягушачьи лапки, угрей — и пил в большом количестве ледяное пиво и рейнское вино. Он не желал прислушиваться к частым упрекам врачей и исповедников и предпочитал умереть от несварения и подагры, лишь бы не сдерживать свои аппетиты. За один присест он съедал по двадцать блюд. В своей автобиографии он упоминает четырнадцатый приступ подагры, который «продолжался до весны 1548 г.»³¹⁸.

Он разбирался в музыке и живописи. Был у него и определенный литературный талант. Его автобиография написана или продиктована в простом и объективном стиле Цезаря. Она заканчивается рассказом о поражении протестантской лиги (1548), но суха и холодна. В ней нет великих идей и благородных чувств.

Он женился на своей кузине, донне Изабелле Португальской, в Севилье (1526) и жил с ней в счастливом браке до ее смерти в 1539 г., однако во время частых отлучек из Испании, где она всегда оставалась, а также до брака с ней и после ее смерти он вступал в кратковременные незаконные связи³¹⁹. У него было по мень-

³¹⁷ Мотли (I. 118) называет его «человеком бесчувственным и не умеющим плакать». Но на самом деле он плакал, когда умерла его любимая сестра Элеонора (Prescott, I. 324).

³¹⁸ Англ. перев., р. 157.

³¹⁹ Мотли (I. 123) говорит на основании свидетельства венецианского посла Бадоваро: «Он предавался вульгарной и беспорядочной невоздержанности». На основании слов того же свидетеля Мотли говорит о Филиппе II: «Он был весьма развратен. Его главным развлечением было выходить по ночам переодетым, чтобы предаваться вульгарным и беспорядочным излишествам в вертепах порока» (I. 145).

шей мере два внебрачных ребенка, знаменитая Маргарита, герцогиня Пармы, и дон Хуан Австрийский, герой Лепанто (1547 — 1578), который похоронен рядом с ним в Эскориале.

Карла часто рисовал великий мастер кисти Тициан, вызывавший его крайнее восхищение. Карл был среднего роста, широкоплечий, с впалой грудью, выступающим лбом, орлиным носом, бледным, серьезным и печальным лицом. Его голубые пронизывающие глаза, светлые, почти рыжие волосы и светлая кожа выдавали его немецкое происхождение, а выступающая вперед нижняя челюсть и полные, отвисшие губы были характерны для всех Габсбургов. В остальном он выглядел как испанец и был испанцем в душе.

Неустанные труды и заботы, обжорство и подагра подорвали его здоровье. В пятьдесят лет он выглядел старше своего возраста, и его носили на носилках, как беспомощного калеку. Несмотря на множество побед и успехов, в конце жизни он был несчастным и разочарованным человеком, но искал и нашел утешение в религии своих отцов.

§51. Церковная политика Карла V

Церковная политика Карла была римско-католической, но не ультрамонтанской. Он сдержал клятву, данную при коронации. Все его предки поддерживали традиционную веру. Он был окружен церковными деятелями и монахами. Он был проникнут испанским типом благочестия, благороднейшей и чистейшей представительницей которого была его бабушка. Изабелла Католичка, величайшая из испанских правительниц, «королева королей земных»³²⁰, победила мавров, покровительствовала открытию Америки, изгнала иудеев и учредила инквизицию — все во славу Девы Марии и католической веры³²¹. По словам Гонсало из Овьедо, настоящий испанец верит, что «порох для неверных — это ладан для Господа». Для него, как и для его мавританского антипода, всякое убеждение измеряется степенью нетерпимости к любому несогласию, а гонения — это свидетельство веры. Сожжение еретиков стало на земле инквизиции святым праздником, «актом веры»³²², и эти ужасные зрелища в правление Филиппа II были так же популярны, как бои быков, которые до сих пор процветают в Испании и свидетельствуют о кровожадности ее населения.

Карл ежедневно слушал мессу, по воскресеньям и праздникам ходил на проповедь, исповедовался и причащался четырежды в год, а иногда его видели в полночь молящимся в его палатке, на коленях перед распятием. Он не представлял себе иной веры, кроме римско-католической, и не утруждал себя изучением богословских вопросов.

³²⁰ Так пишет Шекспир, восхваляя ее «пленительность», «святую кротость», «величие женское» и «властность покорства» {«Генрих VIII», перевод В. Томашевского}.

³²¹ Характерна надпись на могиле Фердинанда и Изабеллы в Королевской часовне в соборе Гранады: *Mahometice secte prostratores et heretice pervicacie extinctores Ferdinandus Aragonum et Helisabetha Castelle vir et uxor unanimes Catholici appellati Marmores clauduntur hoc tumulo*. Изыщное надгробие изготовлено из алебаstra. На нем изображены лежащие фигуры католических правителей в полный рост. Их лица обладают портретным сходством. Фердинанд — с подвязкой, Изабелла — с крестом Сантьяго. Углы украшены изображениями четырех учителей церкви, стороны — двенадцатью апостолами. Там же погребен прах их несчастной дочери Иоанны и ее недостойного мужа. Я не видел памятника более целомудренного и благородного в своей простоте (разве что памятник Фридриху Вильгельму III и королеве Луизе в Шарлоттенбурге), и ни один из них так не наводит на размышления об истории.

³²² *Actus fidei; auto-de-fé* на испанском; *auto-da-fé* на португальском, *аумодафе*.

Он полностью одобрил папскую буллу против Лютера и велел исполнять ее по всей территории Нидерландов. Удалившись в Иусте, он выразил сожаление, что сдержал свое обещание об охранной грамоте, а иначе говоря — что не сжег еретика в Вормсе, как Сигизмунд сжег Гуса в Констанце. Он никогда не симпатизировал либеральным тенденциям своего века и считал протестантизм бунтом против церкви и государства. Он сокрушил бы его, если бы мог, но протестантизм был слишком силен, да и Карлу нужна была поддержка протестантов в войнах против Франции и против турок. В Нидерландах он начал ужасные гонения, которые продолжил его более фанатичный сын Филипп II, но они вызвали восстание народа и привели к установлению Голландской республики³²³. Он подчинил себе лютеранскую лигу в Шмалькальденской войне. Бледный как смерть, но уповающий на Бога, он ринулся в самую гущу схватки в Мюльберге и принял решающую победу 1547 г. со словами: «Я пришел, увидел, и Бог победил»³²⁴. Но расцвет его власти оказался началом ее упадка. Тот же самый саксонский курфюрст, Мориц, что помогал ему в борьбе с протестантскими князьями, выступил против него в 1552 г. и впервые обеспечил, договором в Пассау, некоторую степень терпимости по отношению к лютеранам в Германии.

Однако, хотя Карл был строгим католиком с начала жизни и до конца, он вовсе не был слепым и раболепным папистом. Как и его предшественники на германском троне, он сохранял достоинство и права государства, борясь с притязаниями церковной иерархии. Он ненавидел французскую или нейтральную политику папского двора. Его войска даже заняли Рим и пленили Климента VII, который заключил союз с Франциском I против него (1527). Карл ссорился с папой Павлом III, который, в свою очередь, протестовал против его терпимости или колебаний по отношению к протестантам Германии. Карл говорит в своей автобиографии³²⁵, что «посланники папы и некоторые церковные деятели неустанно пытались побудить его выступить против протестантов (*tomar armas contra os protestantes*), но он «колебался по причине масштаба и трудности такого предприятия».

Кроме того, Карл стремился провести ограниченную реформу церковной дисциплины на основе католического учения и папской иерархии. Он постоянно призывал к созыву общецерковного собора, выступал против папских промедлений и увещевал протестантов и католиков подчиниться его окончательному решению. Об Аугсбургском рейхстаге, прошедшем в 1530 г., он сказал, что «про-

³²³ Мотли (*Dutch Republic*, I. 80) говорит: «Тысячи и десятки тысяч добродетельных и порядочных людей, которым не нравились ни анабаптисты, ни римский разврат, были хладнокровно перебиты в Нидерландах во время кровавого правления Карла. В 1533 г. королева Мария Венгерская, сестра императора, писала своему брату, что “по ее мнению, все ерегики, каются они или нет, должны преследоваться с такой суровостью, чтобы заблуждение сразу же было уничтожено. Главное — не опустошить полностью провинции”. Поставив это гуманное ограничение, “христианская вдова” бодро занялась превращением страны в скотобойню. В 1535 г. в Брюсселе вышел императорский указ, осуждающий всех еретиков на смерть. Покаявшиеся мужчины должны были погибнуть от меча, женщины — похоронены живьем, а упорствующие обоих полов — сожжены. Этот и подобные указы оставались законом страны в течение двадцати лет и жестоко насаждались».

³²⁴ *Vine, y vi, y Dios vencio*. Но это вряд ли можно было назвать сражением. Ranke (vol. IV, 377): *Es war keine Schlacht, sondern ein Ansprengen auf der einen, ein Auseinanderstieben auf der anderen Seite; in einem Augenblicke war alles vollendet*. Он говорит об императоре (p. 376): *Wie ein einbalsamirter Leichnam, wie ein Gespenst rückte er gegen sie [die Protestanten] an*.

³²⁵ Гл. VI, в переводе Симпсона (p. 91 sq.).

сил Его Святейшество созвать и собрать общецерковный собор как самое важное и необходимое средство против того, что происходит в Германии, и против заблуждений, которые проповедаются по всему христианскому миру»³²⁶. Это также вполне соответствовало испанской традиции. Изабелла Католичка и кардинал Хименес пытались провести реформу клира и монашества в Испании³²⁷. Эта римско-католическая реформа была проведена Тридентским собором, но на поверку она оказалась папской контрреформацией, оружием против протестантизма в руках испанского ордена иезуитов.

Император и реформатор

Карл и Лютер видели друг друга лишь однажды, на Вормском рейхстаге. Императору не понравился монах, который осмелился противопоставить свое частное мнение и совесть проверенному временем вероучению христианского мира, и заявил, что никогда не станет еретиком. Но Лютер написал ему почтительное послание с благодарностью за охранную грамоту³²⁸.

Двадцать лет спустя, после победы над Иоганном Фридрихом Саксонским в Мюльберге на Эльбе (24 апреля 1547 г.), Карл был на могиле Лютера в замковой церкви Виттенберга, и кровожадный герцог Альба посоветовал ему выкопать, сжечь останки архиеретика и развеять пепел по ветру. Карл отказался, произнес благородные слова: «Я воюю с живыми, а не с мертвыми». Это был тот максимум, на который он мог приблизиться к религиозной терпимости, однако достоверность этого интересного эпизода до конца не установлена³²⁹.

В течение двадцати шести лет император и реформатор стояли во главе Германии, один в качестве политического, другой в качестве религиозного руководителя. Они стремились к достижению противоположных целей: один хотел сохранить старое, другой — создать новый порядок вещей. Первый распоряжался оружием и казной обширной империи, у второго не было ничего, кроме веры и пера, однако он оказал более серьезное и длительное влияние на свою и последующие эпохи. Лютер умер мирно в своем родном городе, уповав на заслугу Христа и вверив свою душу Богу, Который искупил его. Десять лет спустя Карл окончил свои дни, будучи монахом в Испании, с горящей свечой в правой руке, а левой прижимая к губам распятие, в то время как архиепископ Толедо пел псалом *De Profundis*. Последним словом умирающего императора было: «Иисус».

³²⁶ *Autobiography*, p. 19. На стр. 79 он жалуется на Климента VII и Павла III, поскольку те нарушили обещание созвать такой собор. Он не скрывал своей ненависти к Павлу III.

³²⁷ См. Maurenbrecher, *Die Kirchenreformation in Spanien*, в его «Studien und Skizzen.», pp. 1-40, и его *Geschichte der katholischen Reformation* (Nördlingen, 1880), vol. I, pp. 37-55. Мауренбрехер показывает здесь, что в XVI веке существовало два реформаторских течения, одно из которых происходило из Испании и возглавлялось Карлом V, стремившимся возродить средневековую церковь в ее чистоте и славе, а другое родилось в Германии, и возглавлял его Лютер, который стремился освободить человеческий разум от власти Рима и созидать церковь на внутренней вере отдельного человека.

³²⁸ 28 апреля 1521 г., в De Wette, I. 589-594.

³²⁹ В своей автобиографии (гл. X, 151 sqq.) Карл говорит об осаде и капитуляции Виттенберга, но не упоминает ни о визите на могилу Лютера, ни вообще его имени. Я тщетно искал упоминаний об этом факте у Слейдана и Линднера (в его объемном приложении к Зекендорфу, с 1546 по 1555 г.). Ранке не говорит о нем, хотя его глава об истории Карла очень подробна (vol. IV, 378 sqq.).

§52. Отречение Карла и его жизнь в затворничестве

Отречение Карла и его последующая жизнь в затворничестве представляет значительный интерес для церковной и всеобщей истории, и здесь мы коротко расскажем об этом.

В 305 г. последний из императоров, гонителей христианства, рожденный рабом и достигший власти благодаря военным достижениям, добровольно отказался от трона кесарей и удалился на оставшиеся восемь лет своей жизни в родную Салону, в Далмации, выращивать капусту. В 1555 г. (25 октября) Карл V, рожденный наследником трех королевств, но уставший от политики, дипломатии и войны, сраженный предательством Морица, мучимый подагрой, отрекся от своей короны, чтобы жить и умереть смиренным монахом.

Отречение Карла состоялось в королевском дворце в Брюсселе, в зале, где за сорок лет до того он был объявлен совершеннолетним и вступил в правление Брабантом. Он был одет в траур, так как скорбел по своей несчастной матери, и на нем было только одно украшение — великолепное ожерелье ордена Золотого руна. Он выглядел серьезным, торжественным, бледным и сломленным. В зал он вошел, опираясь на посох, который держал в одной руке, а с другой стороны его поддерживал Вильгельм Оранский. За ним шел Филипп II, его сын и наследник, невысокий, худощавый, робкий, но роскошно одетый (и здесь мы на мгновение вспомним о двух юных принцах, которые позже будут вовлечены в смертельный конфликт за освобождение Нидерландов от ига испанской тирании и фанатизма)³³⁰.

Император поднялся с трона, правой рукой опираясь на плечо принца Оранского — который в будущем станет самым заклятым врагом его дома, — и, держа в другой руке бумагу, произнес на французском прощальную речь для членов королевской семьи, знати Нидерландов, рыцарей Золотого руна, королевских советников и сановников. Он уверил их, что выполнял свои обязанности так хорошо, как только мог, помня о своей дорогой родине, а в особенности — об интересах христианства, защищая его от неверных и еретиков. Он не избегал трудов, но теперь тяжелая болезнь лишила его сил, необходимых для правительственных забот, и только по этой причине он и отказывается от скипетра, о чем давно мечтал. Он призвал слушателей прежде всего хранить чистоту веры. Он совершил много ошибок, но только из-за невежества, и просил прощения у всех, кому причинил вред.

Затем он отказался от короны Нидерландов в пользу своего сына Филиппа и дал ему наказ: «Бойся Бога, живи праведно, соблюдай законы, прежде всего заботься об интересах религии».

Измощенный, бледный как труп, он снова сел, под плач и всхлипывания собравшихся³³¹.

16 января 1556 г. он подписал указы о передаче Филиппу власти над Кастилией и Арагоном, с подчиненными им областями. В последнюю очередь он отре-

³³⁰ *Ein Moment voll Schicksal und Zukunft!* — говорит Панке (V. 295). — *Da war der mächtige Kaiser, der bisher die grossen Angelegenheiten der Welt verwaltet hatte; von denen, die ihm zunächst standen, beinahe der Generation, die ihn umgab, nahm er Abschied. Neben ihm erschienen die Männer, denen die Zukunft gehörte, Philipp II und der Prinz von Oranien, in denen sich die beiden entgegengesetzten Directionen repräsentirten, die fortan um Weltherrschaft kämpfen sollten.*

³³¹ Sandoval, II. 597 sqq.; Gachart, *Analectes belgiques*, 87; Prescott, *Philip the Second*, I. 10 sqq.; Ranke, V. 293 sqq. Прескотт называет это отречение одной из самых примечательных сцен в истории.

кся от короны Германии, в пользу своего брата Фердинанда, но, так как в этой стране дела ведутся медленно, отречение было окончательно подписано только 28 февраля 1558 г. на рейхстаге во Франкфурте³³².

Отбытие в Иусте

17 сентября Карл отплыл из гавани Флушинга в Испанию, сопровождаемый флотом из пятидесяти шести кораблей, двумя своими сестрами (Марией, бывшей королевой Венгрии, регентшей Нидерландов, и Элеонорой, вдовой короля Франции Франциска) и сто пятьюдесятью избранными представителями императорского двора.

После утомительного путешествия по морю и суше он прибыл 3 февраля 1557 г. в монастырь Св. Иеронима в Иусте, который заранее выбрал в качестве места своего уединения.

Правители и представители испанской знати нередко принимали решение отказаться от мирского великолепия и уйти в монастырь. В богатых монастырях Монсеррата и Поблета (ныне в развалинах) создавались специальные условия для королей и князей. Карл подумывал об этом еще при жизни императрицы Изабеллы. Они договорились провести остаток своих дней в соседних монастырях и быть похороненными под одним алтарем. В 1542 г. Карл объявил о своем намерении Франческо Борджиа, но события вынудили его совершить еще одну тщетную попытку восстановить Священную Римскую империю во всей полноте ее власти. Теперь его дело было сделано и он жаждал отдыха. Им руководило также желание искупить грехи блуда, совершенные после смерти жены³³³.

Иусте находится в горной провинции Эстремадура, примерно в 8 лигах от Пласенсии и в 50 — от Вальядолида (который тогда был столицей Испании), в хорошо орошенной долине с целебным климатом. Такое расположение вполне соответствовало желаниям императора³³⁴.

Здесь Карл жил до самой смерти, около восемнадцати месяцев, являя превосходный пример древнего изречения: *Sic transit gloria mundi* (так проходит слава мира).

Его жизнь в монастыре

Есть нечто грандиозное и романтическое, но одновременно печальное и торжественное в добровольном уходе в монастырь монарха, скипетр которого простер свою неограниченную власть над двумя полушариями земли и играл ведущую роль в величайших движениях того полного событиями века. А ожидавшее его сочетание невинных сельских развлечений с благочестивыми упражнениями придает этому решению дополнительное идилическое очарование.

³³² О переговорах между Фердинандом и немецким рейхстагом подробно рассказывает Ranke, V, 297 sqq.

³³³ Он жалел, что, из внимания к чувствам сына, не женился повторно (Ranke, V. 297).

³³⁴ Нередко это место по ошибке называют монастырем Св. Иуста (даже Робертсон в Book XII, Eng. ed., III. 294; Amer. ed., III. 226, etc.; а в недавнее время — Stoughton, *Spanish Reformers*, Lond., 1883, p. 168). Но Иусте — не имя святого, а название небольшой реки. Монастырь же был основан в 1404 г. и называется *El monasterio de San Geronimo de Yuste*. Он находится на пути из Мадрида в Лиссабон, но добраться до него трудно. Он был разграблен и почти разрушен французскими солдатами под командованием Сульты в 1809 г. Спальню Карла и разросшееся дерево грецкого ореха, под которым он любил сидеть и размышлять, показывают там до сих пор. Сейчас Иусте находится во владении герцога Монпансье. См. описания в трудах Стирлинга, Минье и Прескотта, упомянутых выше, а также описание Форда в Murray, *Handbook of Spain*, I. 294 (6th ed.).

Жизнь Карла в монастыре рассказывает о его личном характере и вере еще больше, чем его общественная жизнь. Раньше историки представляли ее как уединение философски настроенного верующего, мертвого для мира и поглощенного подготовкой к ужасному судному дню³³⁵, однако подлинные документы из Симанкаса, обнародованные после 1844 г., исправляют и дополняют это мнение.

Он жил не в монастыре с монахами, а в отдельном доме, в восемь комнат, построенном для него за три года до приезда. Дом был окружен садами, где росли ароматические растения, цветы, апельсины, лимоны и смоквы. Сады были окружены высокими стенами, чтобы туда не заходили посторонние. Из окна своей спальни он видел происходящее в часовне и мог слушать музыку и молитвы монахов, когда не был способен сам прийти на богослужение. Он оставил себе около пятидесяти слуг, в основном фламандцев, в том числе мажордома (он был испанцем), хранителя гардероба, хранителя драгоценностей, личных слуг, секретарей, врача, исповедника, двух часовщиков, ответственного за раздачу милостыни, а также поваров, кондитеров, пекарей, пивоваров, лесников и пр.³³⁶ Некоторые из этих слуг жили в соседнем селении и предпочли бы веселое общество Брюсселя скучному и однообразному уединению. У него были балдахины, турецкие ковры, бархатные кресла, шесть подушек и подставка для его страдающих от подагры ног, двадцать пять комплектов гобеленов, шестнадцать мантий из шелка и бархата, подбитых горностаем или гагачьим пухом, двенадцать портьер из тончайшей черной ткани, четверо больших часов тонкой работы и много карманных часов. Серебряная утварь для стола и кухни весила почти 400 кг. Стены его комнаты были украшены избранными картинами, девять из которых были созданы Тицианом (в том числе четыре портрета самого Карла и один — императрицы). У него была также небольшая библиотека, в основном из религиозных книг³³⁷.

Он проводил дни в своих садах, куда его выносили на носилках. Он сделал, с помощью опытного ремесленника, маленькую ручную мельницу для помола зерна, а также игрушечных солдатиков и часы и безуспешно пытался добиться, чтобы пара часов шла совершенно одинаково. Свежий горный воздух и упражнения укрепили его здоровье, и он никогда не чувствовал себя лучше, чем в 1557 г.

Он продолжал живо интересоваться общественными делам и событиями своего времени. Он с радостью приветствовал победу в Сен-Кантене, был не вполне доволен заключением мира с папой (с которым сам обошелся бы более сурово), сожалел об утрате Кале, тревожился из-за приближения турецкого флота к Испании и распространения лютеранской ереси. Он регулярно получал донесения и принимал гонцов. Сын постоянно советовался с ним, и он многим помогал ему в

³³⁵ Сандоваль, Страда и самый усердный его историк, доктор Робертсон, который говорит: «Там, в одиночестве и молчании, он похоронил свое величие и свои амбиции вместе с теми проектами, которые в течение почти полувека волновали и будоражили Европу, распространяясь на все ее королевства, устрешенные его оружием и подчинившиеся его власти». Сепульведа, посетивший Карла в его уединении, похоже, был единственным историком того периода, который знал, сколь большим оставался его интерес к общественным делам, что полностью подтверждают документы.

³³⁶ *Aus den Legaten seines Testamentes lernt man die Mitglieder derselben kennen, — eine ganze Anzahl Kammerdiener, besondere Diener für die Fruchtkammer, Obstkammer, Lichtbeschliesserei, Aufbewahrung der Kleider, der Juwelen, meist Niederländer, jedoch unter einem spanischen Haushofmeister, Louis Quixada. Der Leibarzt und eine Apotheke fehlten nicht* (Ranke, V. 305). В приписке к завещанию Карла, составленной за несколько дней до смерти, уточняются имена и обязанности этих слуг. Сандоваль и Гашар приводят их список, Гашар более точно (в основном по части орфографии фламандских имен).

³³⁷ Утварь и убранство перечисляются поштучно, см. Sterling, Pichot и Prescott, I. 302 sqq.

новом конфликте с Францией и особенно в финансовых вопросах. Его навещали две его сестры — вдовствующие королевы Венгрии и Франции, сопровождавшие его в Испанию, — и знать близлежащих районов. Он постоянно переписывался со своей дочерью Иоанной, регентшей Кастилии, и ее сестрой, регентшей Португалии.

Согласно строгому кастильскому этикету, он продолжал обедать один, и обычно в столовой присутствовали его врач, секретарь и исповедник, которые рассказывали ему что-нибудь из истории или других интересовавших его областей знания. Лишь однажды он снизошел до того, чтобы разделить скудную трапезу с монахами. Даже в эти последние годы он не мог сдерживать своего аппетита и лакомясь каплунами со специями, солеными колбасами и пирогами с угрем, хотя желудок у него работал плохо и причинял ему много страданий.

Грех обжорства он пытался искупить самобичеванием и с такой суровостью предавался ему во время великого поста, что плеть была красна от его крови. Филипп сохранил это драгоценное напоминание о благочестии своего отца и завещал его своему сыну³³⁸.

С самого начала своего уединения, и особенно на второй год, Карл исполнял религиозные обязанности сознательно и скрупулезно, насколько позволяло ему состояние здоровья. Он посещал мессу в часовне, молился, слушал проповеди, читал труды отцов церкви (Иеронима, Августина, Бернара), Псалтирь и послания Павла. Он был сторонником строгой дисциплины среди монахов и повелел наказывать сотней ударов плетью всякую женщину, которая приблизится к воротам на расстояние двух выстрелов из лука. Он с удовольствием принимал у себя Франческо Борджиа, герцога Гандии, который лишился блестящего положения ради членства в общине иезуитов, и говорил ему, что он мудро поступил, отказавшись от мирского. Он желал, чтобы в молитвах о нем упоминали просто его имя, данное при крещении, так как он больше не император и не король. Каждый четверг был для него праздником *Corpus Christi*.

Он неоднократно поминал своих усопших родителей, жену и сестру.

Согласно достоверному свидетельству современников, он, предчувствуя смерть, устроил свои собственные похороны у громадного постамента, сооруженного в темной часовне. С горящей свечой в руках он, вместе со своими домашними и монахами, пел молитвы об усопшем, который одинок на пути в мир иной, и завершил мрачную церемонию, вручив свечу священнику в знак того, что предает свой дух в руки Того, Кто вдохнул его. Позже рассказывали, что император сам лег в гроб, и торжественная процессия поднесла его к алтарю³³⁹.

³³⁸ Prescott, *l. c.*, I. 311.

³³⁹ Робертсон и многие другие рассказывают эту историю в более позднем, приукрашенном варианте. В бумагах из Симанкаса и частных письмах императорского мажордома (Кихады) и врача ничего об этом не говорится, а потому Томас Гонсалес, Минье (1854 и 1857) и Мауренбрехер («*Studien und Skizzen.*», 1874, p. 132, note) отвергают историю в целом как монашеский вымысел. Но мы в основном опираемся на свидетельство монаха из Иусте, присутствовавшего на церемонии и запомнившего то сильное впечатление, которое она произвела. Факт церемонии подтверждает и Сандоваль, который писал непосредственно из Иусте. Более полный рассказ есть у Сигенсы, приора Эскориала, в общей истории ордена святого Иеронима (1605); также у Страды, который писал поколение спустя и согласно которому император упал в обморок на пол. Стирлинг, Пишо, Юсте, Гашар (1855), Прескотт (*Phil. II*, vol. I, 327 sqq.) и Ранке (vol. V, 309 sq.) принимают факт, как о нем, в более простой форме, рассказывают ранние свидетели. Все это вполне соответствует характеру Карла, ибо, как замечает Прескотт (p. 332), «в крови королей Кастилии содержалась примесь безумия».

Это пристрастие к похоронным церемониям показывает, что его благочестие было нездоровым. Мы сразу вспоминаем о ненормальной преданности его матери мертвому телу мужа, которое она повсюду возила с собой.

Нетерпимость Карла

Не стоит удивляться тому, что фанатизм Карла к концу жизни усилился. Он не был в достаточной степени философом, чтобы, как домысливает доктор Робертсон, учиться терпимости тогда, когда не смог заставить пару часов идти одинаково. Напротив, он сожалел о своей вынужденной терпимости к Лютеру и немецким протестантам, которые нарушили его планы пятью годами ранее. И теперь они казались ему еще более ненавистными, чем тогда.

К его изумлению, те же самые еретические мнения появились в Вальядолиде и Севилье, при самом дворе и вокруг трона Испании. Августин Касалья³⁴⁰, который сопровождал его как капеллан в Шмалькальденской войне и проповедовал для него в Иусте, склонился на сторону лютеран. Карл почувствовал, что Испания в опасности, и неоднократно призывал прибегнуть к самым решительным мерам, чтобы искоренить ересь огнем и мечом. «Скажи великому инквизитору от меня, — писал он своей дочери Иоанне, регентше, 3 мая 1558 г., — чтобы он был на посту и под корень срубил зло, пока оно не распространилось дальше. Я надеюсь, ты ревностно накажешь виновных, со всей строгостью, которой требует их преступление». В последнем приложении к завещанию он велит своему сыну Филиппу поддерживать святую инквизицию как лучшее средство для подавления ереси в его владениях. «Итак, — заключает он, — получи мое благословение, и да делает Господь успешными все твои начинания»³⁴¹.

И Филипп II, который унаследовал все пороки, но ни одну из добродетелей своего отца, выполнил волю умирающего. Он начал ужасные гонения и уничтожил все следы евангельского протестантизма в Испании, превратив эту прекрасную страну в кладбище, окруженное мрачными соборами и обезображенное аренами для боя быков.

Его смерть

Состояние здоровья императора ухудшилось из-за нового приступа подагры и небывалой летней жары, от которой скончались несколько его фламандских слуг. Он умер 21 сентября 1558 г., оставаясь непоколебимым католиком. Несколько духовных и светских друзей окружали его смертное ложе. Он исповедовался в своих грехах с глубокой печалью, неоднократно молился о единстве церкви, принял, стоя на коленях в постели, святое причастие и елеосвящение, выразил свою надежду на распятого Искупителя. Архиепископ Толедо, Бартоломе де Карранса, прочел сто двадцать девятый псалом и, с распятием в руках, объявил: «Воззри на Того, Кто в ответе за всех. Нет больше греха, все прощено». Другой из проповедников молился за умирающего святым — святому Матфею, в день которого он родился, и святому Матфию, в день которого он собирался покинуть этот мир.

«Таким образом, — говорит Минье, — два учения, разделившие мир в век Карла V, еще раз предстали перед ним в смертный час».

³⁴⁰ Обычно называемый доктором Касалья (см. о нем в Stoughton, *The Spanish Reformers*, p. 204 sq.).

³⁴¹ Gachard, II. 461. Ranke, V. 308. Prescott, I. 325 sq.

Интересен факт, что тот самый архиепископ, который принимал деятельное участие в гонениях на английских протестантов при королеве Марии и дал последнее, воистину евангельское утешение умирающему императору, стал жертвой гонений, и именно эти слова утешения императорского исповедника использовались как основание для обвинения его в ереси на суде испанской инквизиции. Бартоломе де Карранса семь лет пробыл в тюрьме в Испании, потом его отправили в Рим, посадили в темницу замка Св. Ангела и после долгих проволочек признали виновным, так как в его произведениях обнаружили шестнадцать лютеранских положений. Он был лишен епископского сана, приговорен к пятилетнему заключению в монастыре его ордена и умер через шестнадцать дней после суда в монастыре Сопра Минерва, 2 мая 1576 г., «объявляя о своей невинности со слезами на глазах, однако со странной непоследовательностью признавая, что приговор справедлив»³⁴².

Меньше чем через два месяца после смерти императора, 17 ноября 1558 г., умерла королева Мария, его двоюродная сестра и жена его сына. Ее похоронили в Вестминстерском аббатстве. С ней римская иерархия потерпела крах, и протестантская вера после пяти лет кровавых преследований окончательно обосновалась на престоле и в церкви Англии. В виду такого совпадения мы вполне можем воскликнуть вместе с Ранке: «Насколько же замыслы Божественного Провидения превозносятся над мыслями и намерениями человека!»³⁴³

Его могила

Из Иусте останки некогда могущественного императора в 1574 г. были перевезены в последнее место его упокоения, к алтарю собора в Эскориале. Это мрачное строение в засушливом горном регионе, примерно в 50 км к северу от Мадрида, было построено по его приказу как королевская усыпальница (между 1563 и 1584 г.). Там есть дворец, монастырь, собор и гробница (называемая Пантеоном). Филипп II «Эскореалец» (*el Escorialense*) провел там четырнадцать лет, будучи полукоролем-полумонахом, и хвалился, что правил Старым и Новым Светом у подножья горы с ворохом бумаг в руке. Он умер после продолжительных и жестоких страданий 13 сентября 1598 г. в темной маленькой комнате, выходящей на алтарь церкви.

Отец и сын представлены золочеными бронзовыми статуями, друг напротив друга, колена преклоненными, глядящими в сторону главного алтаря; Карл V — с его женой Изабеллой, дочерью Марией, сестрами Элеонорой и Марией; Филипп II — с тремя его женами и слабоумным и несчастным сыном, доном Карлосом.

Эскориал, как и сама Испания, — это лишь тень прошлого, где обитает дух его основателя, захороненного там вместе с его мрачным характером³⁴⁴.

³⁴²О долгом суде над ним рассказывается в Prescott, *Philip the Second*, I. 337, 437 sqq., и в Stoughton, *The Spanish Reformers*, pp. 185 sqq.

³⁴³*Deutsche Gesch.*, vol. V, 311.

³⁴⁴Богатейшие сокровища монастыря были разграблены французскими завоевателями в 1808 г. и карлистами в 1837 г. Некоторые из лучших картин были перевезены в музей Мадрида. Сохранилась внушительная библиотека монастыря. Книги богато переплетены, но их позолоченные корешки повернуты внутрь. Преподобный Фриц Флиднер, активный и талантливый протестантский проповедник из Мадрида, с которым я посетил Эскориал в мае 1886 г., купил там развалины дома с садом, построенного и какое-то время занимаемого Филиппом II (пока дворец-монастырь еще возводился), и создал сиротский приют, в котором ежедневно читают Писание и поют евангельские гимны на испанском языке.

§53. Вормский рейхстаг

- I. Источники. *Acta et res gestae D. M. Luth. in Comitii Principum Wormatae*. Anno 1521, 4°. *Acta Lutheri in Comitii Wormatae ed. Pollicarius*, Vith., 1546. Эти и другие документы той эпохи воспроизведены в йенском издании *Opera* Лютера (1557), vol. II; в WALCH, нем. изд., vols. XV, 2018-2325, и XXII, 2026 sqq.; и в эрлангенско-франкфуртском издании *Opera Lat.*, vol. VI (1872); *Vermischte deutsche Schriften*, vol. XII (или *Sämmtl. Werke*, vol. LXIV, pub. 1855), pp. 366-383. FÖRSTEMANN: *Neues Urkundenbuch*, 1842, vol. I. Послания Лютера к Шпалатину, Куспиниану, Лукасу Кранаху, Карлу V и т. д. см. в DE WETTE, I. 586 sqq. SPALATIN: *Ann.* Шпалатин также, согласно Кестлину, является авторов памфлета той эпохи: *Etliche wunderliche fleissige Handlung in D. M. Luther's Sachen durch geistliche und weltliche Fürsten des Reich's*; но Бригер (в своем *Zeitschrift für Kirchengesch.*, Gotha, 1886, p. 482 sqq.) приписывает его Рудольфу фон Вацдорфу.
- С римско-католической стороны: СОСНЛАУС (который присутствовал в Вормсе); PALLAVICINI (который опирался на послания Алеандера); и особенно письма и донесения АЛЕАНДЕРА, опубликованные в сочинении: JOHANN FRIEDRICH: *Der Reichstag zu Worms im Jahr 1521. Nach den Briefen des päpstlichen Nuntius Hieronymus Aleander* («Abhandlungen der Bayer. Akad.», vol. XI, München, 1870). PIETRO BALAN (католик): *Monumenta Reform. Lutheranae ex tabulariis S. Sedis secretis*. 1521 — 1525 Ratisb. Fasc., I, 1883. Содержит донесения Алеандера из папских архивов и является одним из первых плодов либеральной политики Льва XIII, открывшего доступ к литературным сокровищам Ватикана. ТЕОД. BRIEGER (профессор церковной истории в Лейпциге): *Aleander und Luther, 1521. Die vervollständigten Aleander-Depeschen nebst Untersuchungen über den Wormser Reichstag*. 1 Abth. Gotha, 1884 (315 стр.). Приводит донесения Алеандера на итальянском и латыни на основании рукописи из Тридентской библиотеки, дополняет и отчасти исправляет, в плане хронологии, издание Балана.
- II. Специальные трактаты. BOYE: *Luther zu Worms*. Halle, 1817, 1824. ZIMMER: *Luther zu Worms*. Heidelb. 1521. TUZSCHMANN: *Luther in Worms*. Darmstadt, 1860. SOLDAN: *Der Reichstag zu Worms*. Worms, 1863. STEITZ: *Die Melancthon- und Luther-Herbergen zu Frankfurt-a.-M.* Frankf., 1861. Содержит сообщения франкфуртского делегата Фюрстенберга и другие документы. HENNES (католик): *M. Luther's Aufenthalt in Worms*. Mainz, 1868. WALTZ: *Der Wormser Reichstag und seine Beziehungen zur reformator. Bewegung*, в «Forschungen zur deutschen Gesch.», Göttingen, 1868, VIII, pp. 21-44. DAN. SCHENKEL: *Luther in Worms*. Elberfeld, 1870. JUL. KÖSTLIN: *Luther's Rede in Worms am 18 April, 1521*. Halle, 1874 (лучший рассказ о знаменитом заявлении Лютера). MAURENBRECHER: *Der Wormser Reichstag von 1521*, в его «Studien und Skizzen zur Gesch. der Reform. Zeit», Leipzig, 1874 (pp. 241-275); также в его *Gesch. der kathol. Reformation*, Nördlingen, 1880, vol. I, pp. 181-201. KARL JANSSEN (не путать с католиком Янссеном): *Aleander am Reichstage zu Worms, 1521*. Kiel, 1883 (72 стр.). Исправляет текст посланий Алеандера, приведенный у Фридриха. TH. KOLDE: *Luther und der Reichstag zu Worms*. 2^e ed., Halle, 1883. BRIEGER: *Neue Mittheilungen über L. in Worms*. К юбилею Лютера, Marburg, 1883 (критика на *Monumenta* Балана). KALKOFF, нем. перев. донесений Алеандера (Halle, 1886). ELTER: *Luther u. der Wormser Reichstag*. Bonn, 1886.
- III. RANKE, I. 311-343. GIESELER, IV. 56-58 (Am. ed.). MERLE D'AUB., bk. VII, chs. I — XI. HAGENBACH, III. 103-109. G. P. FISHER, pp. 108-111. KÖSTLIN, chs. XVII и XVIII (I. 411-466). KOLDE, I. 325 sqq. JANSSEN (католик), II. 131-166. G. WEBER: *Das Zeitalter der Reformation* (vol. X его *Weltgeschichte*), Leipzig, 1886, pp. 162-178. BAUMGARTEN: *Gesch. Karls V.* Leipzig, 1885, vol. I, 379-460.

Вормс был свободным имперским городом на левом берегу Рейна (ныне на территории великого герцогства Гессенского)³⁴⁵. В немецкой поэзии он славится как место действия «Песни о Нибелунгах», которая начинается с рассказа о

³⁴⁵ Вормс находится в 26 милях (42 км) на юг-юго-восток от Майнца (древнего Могунциакума, столицы рейнского Гессена с 1815 г.). Сейчас в нем живет более 20.000 человек, примерно половина которых протестанты, но в начале XVII века его население составляло 70.000 человек. Он был почти разрушен при Людовике XIV (1683). По-соседству с ним производит знаменитое немецкое вино *Liebfrauenmilch* (H. Boos, *Urkundenbuch der Stadt Worms*, Berlin, 1886).

короле Гюнтере Вормсском и его сестре Кримхильде, поражавшей мир своей статью и красотой. В церковной истории он известен также благодаря Вормсскому конкордату, положившему конец долгому спору между императором и папой об инвеституре (23 сентября 1122 г.). Но больше всего этот город прославился благодаря героическому выступлению Лютера в поддержку Слова Божьего и прав совести, вследствие чего рейхстаг 1521 г. стал одним из самых важных немецких рейхстагов в истории, и на тот момент религиозные проблемы привлекли всеобщее внимание, затмив проблемы политические и финансовые. После этого события в Вормсе проводилось две конференции протестантских и римско-католических руководителей с целью прекращения раскола Реформации, одна — в 1541 г., другая — в 1557 г., но цели они не добились. В 1868 г. (25 июня) в Вормсе воздвигли великолепный памятник Лютеру и его соратникам, работы Ритшеля. Открытие памятника народ воспринял с великим энтузиазмом³⁴⁶.

Итак, 28 января 1521 г. Карл V открыл свой первый Вормсский рейхстаг. В самом начале рейхстага папа, в новом бреве, призвал императора подписать указ, придающий силу закона булле от 3 января, согласно которой Лютер окончательно отлучался от церкви, а его книги осуждались на сожжение. Папа призывал императора доказать, что ему дорого единство церкви. Бог наделил его высшей властью на земле, чтобы он использовал ее против еретиков, которые хуже неверных³⁴⁷. А в чистый четверг, 28 марта, папа выпустил ужасную буллу, *In Coena Domini*, которую ежегодно читают в Риме и в которой, наряду с прочими еретиками, осуждался Мартин Лютер и все его сторонники. Это было третье или четвертое отлучение, но оно не дало ощутимых результатов³⁴⁸.

Папу талантливо представляли два итальянских легата, которые позже были сделаны кардиналами, — Марино Карачоли (1459 — 1538) в политических вопросах и Иероним Алеандер (1480 — 1542) по делам церкви. Алеандер был в то время библиотекарем Ватикана и был известен как знаток греческого. Он читал в Париже лекции перед двумя тысячами слушателей всех слоев общества. Он был в дружеских отношениях с Эразмом, но когда Эразм проявил симпатию к Реформации, Алеандер осудил его как основоположника лютеранской ереси. Алеандер был преданным папистом и умелым дипломатом. Религиозные потребности его не были велики. Во время Вормсского рейхстага, в страстную неделю, он едва находил время «на то, чтобы заняться Христом и своей совестью». Его единственной задачей было поддержать власть папы и уничтожить новую ересь. В посланиях он называет Лютера безумцем, псом, аспидом, невежей. Он повсюду призывал сжигать все его книги³⁴⁹. Он доказывал, убеждал, обещал, угрожал, шпионил и подкупал. Он жаловался, что не получил достаточно средств от жад-

³⁴⁶ См. описание праздника во Friedrich Eich, *Gedenklblätter*, Worms, 1868; см. также его книгу о споре по поводу места проведения рейхстага, *In welchem Locale stand Luther zu Worms vor Kaiser und Reich?* Leipzig, 1863. Он выступает за *Bishopshof* (против *Rathhaus*).

³⁴⁷ *Multo deteriores haereticos*. Новая папская булла об осуждении, вместе с бреве к императору, достигла Вормса 10 февраля. Алеандер обратился к рейхстагу три дня спустя, в пепельную среду (Ranke, I. 329; Köstlin, I. 422 sq.).

³⁴⁸ Лютер опубликовал эту буллу со своими едкими, оскорбительными и пренебрежительными комментариями под заглавием *Die Bulla vom Abendfressen des allerheiligsten, Herrn, des Papsts* (в Walch, XV. 2127 sqq.). Мерль д'Обинье приводит типичные выдержки из нее (bk. VII, ch. 5).

³⁴⁹ Янссен, который весьма его хвалит, замечает (II. 144): *Um der Häresie Einhalt zu thun, hielt Aleander die Verbrennung der lutherischen Bücher für ein überaus geeignetes Mittel*. Однако я не понимаю, почему он говорит (p. 142), будто Алеандер гордился тем, что он «немец». Алеандер родился в Италии, ненавидел немцев и умер в Риме.

ных римских политиканов. Он день и ночь неусыпно трудился над императором, его исповедником и членами совета для достижения цели. Он играл на их страхе перед народным бунтом и напоминал о случае с богемцами, худшими и самыми беспокойными из еретиков. Он не поколебался произнести ужасную угрозу: «Если вы, немцы, которые меньше всего платите в папскую казну, откажетесь подчиняться власти папы, мы позаботимся о том, чтобы вы перебили друг друга и захлебнулись в собственной крови». 13 февраля он обратился к рейхстагу с речью, которая продолжалась три часа, и заявил, что для полного осуждения Лютера нет нужды выслушивать этого еретика, и император вместе с представителями сословий должны лишь выполнить требования папской буллы.

Император колебался между своими религиозными порывами (которые явно были римско-католическими, хотя и со склонностью к проведению религиозных реформ с помощью собора) и политическими соображениями (которые требовали осторожности и терпимости). Он уже научился притворяться, что было жизненно необходимо для правителя в те дни. Ему надо было уважать желания сословий, и он не мог действовать без их согласия. Мнения в обществе разделились, и он мог воспользоваться недовольством против Рима в своих собственных интересах. Он был разгневан тем, что Лев выступил за избрание Франциска и старался ограничить власть испанской инквизиции, однако ему необходима была поддержка папы в намечающейся войне с Францией, и папа пошел ему навстречу, отменив свои меры, касавшиеся инквизиции. При этом он был благодарен курфюрсту Фридриху и написал ему 28 ноября 1520 г., чтобы тот привез Лютера в Вормс и ученые люди могли послушать его. Курфюрст же отклонил предложение, боясь смертельных последствий. 17 декабря император посоветовал ему держать Лютера в Виттенберге, так как он осужден Римом.

Сначала император был склонен к строгим мерам и набросал черновик указа, согласно которому булла об отлучении должна была иметь силу закона по всей Германии. Однако сословия противились. Сыграли здесь роль и другие обстоятельства. Тогда он постарался, косвенно и частным образом, пойти на компромисс через своего исповедника, Иоанна Глапио, монаха-францисканца, который симпатизировал реформам и уважал талант и рвение Лютера. За несколько бесед с доктором Брюком (Понтаном), канцлером курфюрста Фридриха, он убедил его в своем благоволении и предложил уговорить Лютера отказаться от неприемлемой книги о вавилонском пленении — ведь в таком случае другие его труды, в которых так много хорошего, смогут принести плоды для церкви, а Лютер сможет вместе с императором трудиться на благо истинной (то есть испанской) реформы, выступающей против церковных злоупотреблений. Мы не имеем права сомневаться в его искренности, как не сомневаемся в искренности Адриана VI, учителя Карла, настроенного похожим образом. Но курфюрст не стал слушать это предложение и отказал Глапио в частной аудиенции. Его беседа с Гуттенем и Зикингеном в Эбернбурге также не увенчалась успехом³⁵⁰.

Сословия частично симпатизировали Реформации — не из доктринальных и религиозных, а из политических и патриотических соображений. Они повторили сто одну *gravamina* против тирании и вымогательств римского престола³⁵¹ (их

³⁵⁰ См. содержание бесед Брюка с Глапио в Förstemann, I, pp. 53, 54. Эразм и Гуттен считали его хитрым лицемером, который хотел погубить Лютера. Штраус соглашается с этим в *Ulrich von Hutten*, p. 405. Но Мауренбрехер (*Studien, etc.*, pp. 258 sqq., и *Gesch. der kath. Ref.*, I. 187 sqq.) полагает, что Глапио представлял императорскую программу реформ. Янссен (II, 153 sq.), похоже, склоняется к такому же мнению.

претензии похожи на обвинения Лютера в «Обращении к немецкому дворянству») и выступили против осуждения Лютера без слушания. Даже заклятый враг Лютера, герцог Георг Саксонский, заявил, что церковь больше всего страдает от безнравственности клира и что всеобщая реформа необходима, и лучше всего она может быть проведена общецерковным собором.

Во время рейхстага Ульрих фон Гуттен старался, как только мог, защищать Лютера от папы. Он жил в Эбернбурге, в нескольких лигах от Вормса, со своим другом, доблестным Францем Зикингеном. Он с презрением и насмешкой отозвался о речи Алеандера и даже попытался силой захватить его и Караччоли³⁵². Но в то же время они с Зикингеном поддерживали и молодого императора, от которого ожидали великих дел, желая провести антипапскую революцию с его помощью. Гуттен призывал императора разогнать священников-советников, вести себя с достоинством, выслушать Лютера и сделать Германию свободной. Идея свободы витала в воздухе, и все умные люди жаждали нового, лучшего устройства общества³⁵³.

После речи 13 февраля Алеандеру небезопасно было ходить по улице. Он сообщал своему повелителю, что девять десятых всего немецкого народа воспринимают имя Лютера как боевой клич, а оставшаяся десятая часть восклицает: «Смерть римскому двору!» Кохлей, который был в Вормсе в качестве богослова-советника при архиепископе Трира, боялся восстания народа против клира.

Лютер был героем дня. Его называли новым Моисеем, вторым Павлом. В Вормсе распространяли его трактаты и изображения, на которых он был окружен ореолом славы³⁵⁴.

Наконец Карл решил, что будет более благоразумно не обращать внимания на требования папы. В официальном послании от 6 марта он призывал Лютера явиться на рейхстаг в течение двадцати одного дня и обещал ему гарантированную защиту империи. Курфюрст Фридрих, герцог Георг Саксонский и ландграф Гессенский также дали ему охранные грамоты для проезда по их территории³⁵⁵.

И тогда Алеандер решил сделать появление Лютера как можно менее значимым, предотвратив всяческие дискуссии с ним. Еретик должен был просто показаться, а в случае отказа подвергнуться отлучению.

§54. Путешествие Лютера в Вормс

Лютер, как только император призвал его, воспринял это как Божий зов и объявил о своей готовности ехать в Вормс, даже если заболит и несмотря на риск для жизни. Он не хотел удовлетворить какие-то свои нечестивые амбиции, а

³⁵¹ См. список в Walch, XV. 2058 sqq.

³⁵² Лютер в письме к Шпалатину (23 ноября 1520 г., в De Wette, I. 523) в порыве негодования высказывает желание, чтобы Гуттен *задержал* (*utinam — INTERCEPISSET*) легатов, а не *убивал*, как представляют его слова католики (Janssen, II. 104, 143). См. Köstlin, I. 411, и примечание, p. 797.

³⁵³ См. донесения Алеандера в Brieger, *l. c.*, I. pp. 119 sqq.; Strauss, *Ulrich von Hutten*, 4th ed., pp. 395 sqq.; Ullmann, *Franz von Sickingen* (Leipzig, 1872).

³⁵⁴ Алеандер сообщает (13 апреля), что Лютера изображали со Святым Духом, витающим над его головой (*el spirito santo sopra it capo, come to depingono*). Brieger, I. 139.

³⁵⁵ Охранные грамоты напечатаны в Walch, XV, 2122-2127, и Förstemann, *Neues Urkundenbuch*, I, 61 sq. В императорском письме, подписанном Альбертом, курфюрстом, архиепископом Майнца и канцлером империи, Лютер назван «досточтимым, возлюбленным, благочестивым» (*Eh-rsamer, Geliebter, Andächtiger*; в латинской копии — *Honorabilis, Dilecte, Devote*), к великой досаде католиков.

желал свидетельствовать об истине. Он прекрасно знал о трагической судьбе, постигшей Гуса в Констанце, несмотря на охранную грамоту, но вера внушала ему бесстрашие. «Вы можете ожидать от меня всего, — писал он Шпалатину, — кроме страха или отречения. Я не убегу и тем более не отрекюсь. Да укрепит меня Господь Иисус»³⁵⁶.

Он на какое-то время разделял надежду Гуттена и Зикингена на то, что молодой император будет по меньшей мере справедлив к нему и возобновит древний конфликт Германии с Римом, но его ждало разочарование.

На переговорах в Вормсе он постоянно выступал и писал, чередуя молитвы и споры. Часто он читал проповеди дважды в день, писал комментарии на Книгу Бытия, Псалтирь и *Magnificat* (последний он закончил в марте), опубликовал первую часть своей *Postil* (проповеди на евангелия и послания), защиту своих положений, осужденных Римом, а также яростные полемические книги против Иеронима Эмсера, Амвросия Катарина и других оппонентов-папистов.

Эмсер, ученый католик, секретарь герцога Георга Саксонского, впервые выступил против Лютера после лейпцигского диспута, на котором присутствовал. Последовал ожесточенный спор, причем обе стороны забыли о достоинстве и милосердии. Лютер называл Эмсера «лейпцигским козлом» (из-за герба его рода), а Эмсер Лютера — «виттенбергским козерогом». Книга Лютера *Antwort auf das überchristliche, überggeistliche, und überkünstliche Buch Bock Emser's* вышла в марте 1521 г. В ней он защищает идею всеобщего священства верующих³⁵⁷. Позже Эмсер строго раскритиковал перевод Библии Лютера, а вскоре после его смерти выпустил свой собственный перевод Нового Завета (1527).

Амвросий Катарин³⁵⁸, выдающийся доминиканец из Рима, выступил против Лютера в конце декабря 1520 г. Лютер в ответе на латыни постарался доказать на основании Дан. 8:25 и далее; 2 Фес. 2:3 и далее; 2 Тим. 4:3 и далее; 2 Пет. 2:1 и далее; а также по Посланию Иуды, что папа — это антихрист, предсказанный в Писании, и папство будет уничтожено Самим Христом в момент второго пришествия, которое он считал близким.

Поразительно, что в разгар богословских страстей и споров он мог писать свои комментарии и проповеди, исполненные веры и практического утешения. Он жил по Писанию, и его сердце руководилось Писанием. В этом был секрет его силы и успеха.

2 апреля Лютер покинул Виттенберг в сопровождении своего друга и коллеги Амсдорфа, датского студента Петера Свавена и монаха-августинца Иоганна Пенценштейнера. Таким образом, в группу входили преподаватели, студенты и монашество. Они ехали в открытой фермерской телеге, предоставленной городским советом. Перед ними верхом ехал императорский глашатай. Меланхтон хотел сопровождать своего друга, но он был нужен в Виттенберге. Лютер сказал ему перед отъездом: «Если я не вернусь и мои враги убьют меня, заклиная тебя, дорогой брат, и дальше учить истине. Делай мое дело в мое отсутствие. У тебя это

³⁵⁶ Письмо от 21 декабря 1520 г. (De Wette, I, 534, 536): *Ego vero, si vocatus fuero, quantum per me stabit, vel aegrotus advehar, si sanus venire non possem. Neque enim dubitari fas est, a Domino me vocari, si Caesar vocat... Omnia de me praesumas praeter fugam et palinodiam: fuger e ipse nolo, recantare multo minus. Ita me confortet Dominus Jesus.*

³⁵⁷ О споре с Эмсером см. в Erl. Frkf. ed., vol. XXVII.

³⁵⁸ Его настоящее имя было Ланселот Полити. См. Lämmer, *Vortridentinische Theologie*, p. 21, и Burkhardt, *Luther's Briefwechsel*, p. 38. Лютер называет его *insulsus et stolidus Thomista* в письме к Шпалатину от 7 марта 1521 г. (De Wette, I. 570).

получится лучше, чем у меня. Если ты останешься, пускай со мной делают что угодно. В твоём лице у Господа есть более ученый защитник».

В Веймаре к ним присоединился Юст Ионас. В то время он был преподавателем и каноником в Эрфурте. В июне того же года он перебрался в Виттенберг в качестве учителя церковного права и провоста и стал одним из ближайших друзей и соратников Лютера. Он сопровождал его во время последнего путешествия в Эйсleben и оставил описание его жизни в монастыре. Он перевел несколько трудов Лютера и Меланхтона.

Путешествие в Вормс напоминало триумфальное шествие, хотя и было омрачено предостережениями друзей и угрозами врагов. В Лейпциге городские власти встретили Лютера как почетного гостя, хотя у него были враги в университете. В Тюрингии народ устремлялся посмотреть на человека, который осмелился пренебречь мнением папы и всего мира.

В Эрфурте, где Лютер изучал закон и три года провел в монашеской келье, его приветствовали с энтузиазмом и отнеслись как к «герою Евангелия». Навстречу вышла большая процессия профессоров и студентов его *alma mater*, которую возглавляли его друг Крот, ректор, и Эобан, поэт-латинист. Все стремились взглянуть на процессию. Улицы, стены, крыши были усыпаны людьми, которые чуть не поклонялись Лютеру как святому чудотворцу. Городской совет устроил для него пир и засыпал его почестями. Он жил в августинском монастыре вместе со своим другом Ланге. В воскресенье 7 апреля он произнес проповедь о своем любимом учении — о спасении верой в Иисуса Христа и о невыносимой тирании папства. Эобан, слышавший его, рассказывает, что он растопил сердца слушателей, как летнее солнце топит снега, и что ни Демосфен, ни Цицерон, ни Павел не воспринимались их слушателями с большим волнением, чем народ на берегах Геры слушал Лютера³⁵⁹.

Во время проповеди треск на церковной галерее, полной народа, напугал слушателей, которые устремились к выходу, но Лютер устранил панику, подняв руку и уверив всех, что это лишь коварные происки дьявола³⁶⁰.

В Готе и Эйзенахе Лютер также проповедовал большому стечению народа. В Эйзенахе он заболел и ему сделали кровопускание, но сердечное средство и хороший сон помогли ему достаточно, чтобы на следующий день он продолжил путь. Болезнь он объяснял происками дьявола, выздоровление — Божьей помощью. На постоянных дворах он обычно брал в руки лютню и укреплял свои силы музыкой.

Во Франкфурт он прибыл в воскресенье 14 апреля совершенно изможденный. В понедельник он посетил высшую школу Вильгельма Нессе, благословил детей и призвал их «усердно читать Писание и исследовать истину». Он также познакомился с благородным семейством фон Гольцхаузен, которое приняло активное участие в последующем распространении Реформации в этом городе³⁶¹.

³⁵⁹ Подробное описание приема в Эрфурте, с выдержками из речи Крота и поэм Эобана, есть у профессора Кампшulte (либеральный католический историк) в его ценной монографии *Die Universität Erfurt*, vol. II, 95-100. «Казалось, — говорит он, — что в этот момент народ делал все возможное, чтобы убедить Лютера в его призвании. Восхваления, выслушанные им со 2 по 16 апреля, без сомнения, наполнили его той уверенностью, которую он проявил в решающий час. Нигде его не принимали с большим размахом, чем в Эрфурте».

³⁶⁰ *Seid still*, — сказал он, — *liebes Volk, es ist der Teufel, der richtet so eine Spiegelfechterei an; seid still, es hat keine Noth*. Некоторые из неумеренных поклонников Лютера называют эту победу над воображаемым дьяволом его первым чудом. Второе чудо, по их мнению, он совершил в Готе, где дьявол прибег в церкви к схожей уловке и тоже вынужден был удалиться.

³⁶¹ О его кратком пребывании во Франкфурте и об отношениях с семейством Гольцхаузен был

По мере продвижения опасность возрастала, а вместе с ней — смелость Лютера. До того как он покинул Виттенберг, император выпустил указ, согласно которому все его книги должны быть изъяты и их продажа запрещалась³⁶². Глашатай проинформировал его об этом только в Веймаре и спросил: «Герр доктор, поедете ли вы дальше?» Лютер ответил: «Да». Указ был развешен по всем городам. Шпалатин, знавший об этой критической ситуации, предупредил Лютера, послав к нему особого гонца, и от имени курфюрста, своего покровителя, призвал не ездить в Вормс, чтобы его не постигла судьба Гуса³⁶³.

Лютер утешал своих робеющих друзей словами: хотя Гус был сожжен, истину не сожгли и Христос по-прежнему жив. Он писал Шпалатину из Франкфурта, что чувствует себя неуютно после того, как покинул Эйзенах и узнал об императорском указе, но поедет в Вормс, невзирая на врата ада и поднебесных духов злобы³⁶⁴. День спустя он отправил ему из Оппенгейма (между Майнцем и Вормсом) письмо со знаменитыми словами: «Я отправлюсь в Вормс, хотя бесов там не меньше, чем черепицы на крышах»³⁶⁵.

За несколько дней до смерти в Эйслебене он так описывал свои чувства в тот критический период: «Я был бесстрашен, я ничего не боялся. Бог может сделать человека отчаянно смелым. Я не знаю, могу ли я быть таким же радостным сейчас»³⁶⁶. Матезий говорит о его смелости: «Когда дело правое, то сердце, расширяясь, дает смелость и силы благовестникам и воинам».

Через Мартина Буцера Зикинген сам пригласил Лютера в свой замок Эбернбург, где он был бы в полной безопасности, под защитой друзей. Глапио одобрил этот план и пожелал лично переговорить с Лютером о возможном компромиссе и о плане умеренных реформ. Однако Лютера невозможно было сбить с истинного пути. Он заявил, что, если исповедник императора хочет его видеть, пусть отправляется в Вормс.

Лютер прибыл в Вормс утром во вторник, 16 апреля 1521 г., в десять часов, незадолго до дневной трапезы, в открытой телеге вместе со своими виттенберг-

---

написан интересный исторический роман: *Haman von Holzhausen. Eine Frankfurter Patriziergeschichte nach Fainilienpapieren erzählt von M. K. [Maria Krummacher]*. Bielefeld and Leipzig, 1885. См. особенно гл. XX, pp. 253 sqq.

³⁶² Указ датирован 10 марта. См. Burkhardt, *Luther's Briefwechsel* (1866), p. 38, где упоминается рукопись Шпалатина. Зайдеман датирует письмо 2 марта. Ранке в шестом издании (1881, I. 333) говорит, что указ был обнародован 27 марта — вывешен на двери церкви в Вормсе. Лютер говорит о нем в своем эйслебенском сообщении и называет указ уловкой архиепископа Майнца, намеревавшегося не пускать его в Вормс и подстрекавшего пренебречь приказом императора (*Works*, Erl. Frankf. ed., LXIV. 367).

³⁶³ Несмотря на опасность, Янссен полагает (II. 158), что Лютеру не нужно было «особой смелости», чтобы приехать в Вормс.

³⁶⁴ 14 апреля (De Wette, I. 587): *Christus vivit, et intrabimus WORMATIAM INVITIS OMNIBUS PORTIS INFERNI ET POTENTATIBUS AERIS* (Еф. 2:2).

³⁶⁵ Шпалатин якобы сообщил об этом так: *Dass er mir Spalatino aus Oppenheim gen Worms schrieb: Er wollte gen Worms wenn gleich so viel Teufel darinnen wären als immer Ziegel da wären* (Walch, XV. 2174). Через год, в письме к курфюрсту Фридриху от 5 марта 1522 г. (De Wette, II. 139), Лютер пишет эту фразу в другой формулировке: *Er [дьявол] sah mein Herz wohl, da ich zu Worms einkam, dass, wenn ich hätte gewusst, dass so viel Teufel auf mich gehalten hätten, als Ziegel auf den Dächern sind, wäre ich dennoch mitten unter sie gesprungen mit Freuden*. Своим друзьям в Эйслебене в 1546 г. (Erl. Frankf. ed., vol. LXIV, p. 368) он сказал: *Ich entbot ihm [Шпалатин] wieder: «Wenn so viel Teufel zu Worms wären als Ziegel auf den Dächern, noch [doch] wollt ich hinein»*.

³⁶⁶ *Ibid*: *Denn ich war unerschrocken, fürchtete mich nichts; Gott kann einen wohl so toll machen. Ich weiss nicht, ob ich jetzt auch so freudig wäre*.

скими товарищами, с императорским глашатаем во главе процессии и кавалькады всадников. Он был одет по-монашески³⁶⁷. Стражник на башне собора объявил о процессии, дунув в горн, и тысячи людей собрались посмотреть на еретика³⁶⁸.

Выходя из повозки, Лютер сказал: «Бог будет со мной».

Папский легат сообщил об этом факте в Рим и добавил, что у Лютера был демонический взгляд³⁶⁹. Кардинал Каетан также был поражен в Аугсбурге таинственным огнем, горевшим в «бездонном взгляде» немецкого монаха, и его «странными теориями».

Лютер поселился в обители иоаннитов вместе с двумя советниками курфюрста. Он принимал посетителей до поздней ночи³⁷⁰.

Город был взволнован и полон ожиданий.

§55. Свидетельство Лютера перед рейхстагом.

17 и 18 апреля 1521 г.

См. литературу в §53.

На следующий день после прибытия, в четыре часа дня, императорский маршал Ульрих фон Паппенгейм и глашатай Каспар Штурм провели Лютера окольными путями, минуя наполненные народом улицы, в зал во дворце епископа, где собирался рейхстаг и где жили император и его брат Фердинанд. Его приняли около шести. Этот бедный монах с грубыми манерами, истинный герой и исповедник, с огнем гения и энтузиазмом во взгляде, с выражением предельной искренности и осмысленности на лице, предстал перед самым блестящим собранием, какое когда-либо видел: молодой император, шесть курфюрстов (в том числе его собственный правитель), папские легаты, архиепископы, епископы, герцоги, маркграфы, князья, графы, депутаты имперских городов, послы иностранных держав, множество сановников разных рангов. Другими словами, там были представлены высшие эшелоны церковной и государственной власти³⁷¹. Несколько тысяч зрителей собрались внутри здания, вокруг него и на улицах, с волнением ожидая исхода дела.

Доктор Иоганн фон Экк³⁷², как представитель архиепископа Трира, задал ему, от имени императора, два вопроса на латыни и немецком: по-первых, признает ли он книги, выложенные перед ним на скамье (около двадцати пяти штук) своими; во-вторых, собирается ли он отречься от них. Доктор Шурф, коллега и

³⁶⁷ См. написанный Кранахом портрет Лютера того года в его краткой биографии: Köstlin, p. 237 (Scribner ed.). Его вид сильно отличается от тех, к которым мы привыкли.

³⁶⁸ *Nun fuhr ich, — говорит Лютер (LXIV. 368), — auf einem offenen Wäglein in meiner Kappen zu Worms ein. Da kamen alle Leute auf die Gassen und wollten den Mönch D. Martinum sehen.*

³⁶⁹ Аляндер к вице-канцлеру Медичи, из Вормса, 16 апреля: *Esso Luther in descensu currus versis huc et illuc demoniacis oculis disse: «Deus erit pro me»* (Brieger, I. 143).

³⁷⁰ Аляндер в том же письме пишет: «*Tutto il mondo* приходили к Лютеру после обеда».

³⁷¹ Walch (XV. 2225-2231) перечисляет более двухсот присутствовавших в это время участников рейхстага.

³⁷² Не следует путать его с более известным доктором Экком из Ингольштадта. Аляндер, живший с ним на одном этаже, называет его *homo literatissimo* и *orthodoxo*, который немало поспособствовал выполнению папских намерений в Трире (Brieger, I. 146). В донесении от 29 апреля он просит у римского престола награды для Экка (*Al official de Treveri un qualche presente sarebbe util, etc.*, p. 174). Фроуде в своем *Luther* (pp. 32, 33, 35) путает Экка из Трира с Экком из Ингольштадта, Аляндера с Каетаном и допускает еще несколько ошибок, которые делают менее ценным его живое описание событий в Вормсе.

защитник Лютера, стоявший рядом с ним, потребовал зачитать заглавия этих книг³⁷³. Это было сделано. Среди них было несколько безобидных, таких как разъяснение молитвы Господней и псалмов.

Лютер был явно ошеломлен, оказавшись перед столь высокопоставленным собранием. Он не был готов к осуждению без рассмотрения дела и говорил тихо, почти неслышно. Многим показалось, что он пал духом. Он признал на обоих языках авторство книг, но в том, что касается отречения, смиренно попросил дать ему время на размышления, так как речь идет о спасении его души и об истине Слова Божьего, которая важнее всего остального на небе и на земле.

Мы должны уважать его за эту разумную просьбу, которая вызвана не недостатком смелости, но глубоким чувством ответственности.

Император, после короткого совещания, «милостиво» дал ему отсрочку в один день.

Алеандер сообщил в тот же день в Рим, что «безумный» еретик вошел в собрание со смехом и покинул его в унынии и даже среди симпатизирующих ему некоторые посчитали его безумным, а другие — одержимым; и хотя многие смотрят на него как на святого, исполненного Святым Духом, его репутация, в любом случае, сильно пострадала³⁷⁴.

Дошлый итальянец поторопился. В тот же вечер Лютер собрался с силами и написал другу: «Я не откажусь ни от йоты, да поможет мне Христос»³⁷⁵.

В четверг, 18 апреля, Лютер во второй и последний раз предстал перед рейхстагом.

Это был величайший день в его жизни. Никогда он не казался более героическим и возвышенным. Никогда он не представлял принципов, которые имели бы большее значение для христианского мира.

Рассказывают, что, когда он шел на собрание, старый воин Георг фон Фрундсберг похлопал его по плечу и сказал: «Мой бедный монах, мой бедный монах, тебе придется выдержать такое противостояние, какого ни я, ни мои товарищи по оружию не выдерживали даже в самых жарких битвах. Если ты уверен в справедливости своего дела, иди вперед во имя Божье и храни смелость: Бог не оставит тебя»³⁷⁶.

Ему опять пришлось прождать два часа вне зала собрания, среди большой толпы, но выглядел он более жизнерадостным и уверенным, чем накануне. Он укрепил свой дух молитвой и размышлением и был готов рисковать жизнью ради убеждений и Божьей истины. Когда его впустили внутрь, уже зажгли факелы.

Доктор Экк, опять на латыни и на немецком, упрекнул его за то, что он просил отсрочки, и задал второй вопрос в несколько иной форме: «Будешь ли ты

³⁷³ *Legantur tituli librorum*, — выкрикнул он.

³⁷⁴ Послание к вице-канцлеру Медичи, Вормс, 17 апреля 1521 г. (в Briege, *l. c.*, p. 147): *El pazzo era entrato ridendo et coram Cesare girava il capo continuamente quà et là, alto e basso; poi net partir non pareva così allegro. Qui molti di quelli et [=etiam] che lo favoreggiavano, poi che l'hanno visto, l'hanno existimado chi pazzo, chi demoniaco, molti altri santo et pieno di spiritu santo; tutta volta ha perso in ogni modo molta reputatione della opinione prima.*

³⁷⁵ 17 апреля, к Иоганну Куспиниану, императорскому советнику (см. De Wette, I. 587 sq.).

³⁷⁶ *Mönchlein, Mönchlein, du gehst jetzt einen Gang, dergleichen ich und mancher Oberster auch in unserer allererstesten Schlachtordnung nicht gethan haben*, и т. д. Об этом рассказывают Матезий (который относит этот эпизод ко второму дню слушания, а не к первому, как это делают Кестлин и другие), Шпангенберг и Зекендорф (Leipzig ed., 1694, vol. I, 156, на латыни и немецком).

защищать все книги, которые признал своими, или отречешься от каких-то из них?»

Лютер в ответ произнес продуманную, серьезную речь скромно и твердо, и голос его был слышен всему залу³⁷⁷.

Извинившись за то, что он не знаком с придворным манерами, так как воспитывался в монастырской простоте, он продолжил, сказав, что его книги поделены на три класса³⁷⁸: 1) Книги, в которых просто изложены евангельские истины, исповедуемые и его друзьями, и его врагами. От них он не может отказаться. 2) Книги против разврата и злоупотреблений папства, являющихся преступлением против совести и тиранящих немецкий народ. И от них он тоже не может отречься, не поощряя зло и тиранию. 3) Книги против его оппонентов-папистов. Он признал, что в них он был более резок, чем подобает, но и от них он не может отказаться, ведь иначе он окажет помощь и содействие своим врагам, которые победят и сделают положение дел еще хуже. В защите своих книг он может лишь повторить слова Христа: «Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» Если его оппоненты на основании пророческих и евангельских Писаний смогут убедить его, что он заблуждается, он отречется от своих книг и первым бросит их в огонь. Он завершил речь предостережением, обращенным к молодому императору: не начинать правление с осуждения Слова Божьего — и напомнил о суде над фараоном, над царем Вавилона и над нечестивыми царями Израиля.

Его попросили повторить свою речь на латыни³⁷⁹, и он сделал это не менее твердо, возведя взгляд к небесам.

Князя коротко посоветались. Эрк, от имени императора, резко упрекнул Лютера в том, что он избегает прямого ответа. Бесполезно, сказал он, спорить с ним о взглядах, которые не новы, но которым уже учили Гус, Виклиф и другие еретики, вполне справедливо осужденные собором в Констанце перед папой, императором и собравшимися отцами. Он потребовал дать полный и прямой ответ, «без нападок».

Наступил решающий момент.

Лютер ответил, что будет говорить «без нападок и не огрызаясь»³⁸⁰. Опираясь на свои внутренние убеждения, сформировавшиеся при изучении Слова Божьего, он сделал на обоих языках то памятное заявление, которое знаменует начало новой эпохи в истории религиозной свободы:

³⁷⁷ *Respondit Doctor Martinus et ipse latine et germanice, quanquam suppliciter, non clamose, ac modeste, non tamen sine Christiana animositate et constantia* (Acta, etc., Op. Lat., VI. 9). Он начал с положенных титулов: *Allerdurchlauchtigster, grossmächtigster Kaiser, Durchlauchtige Churfürsten, gnädigste und gnädige Herren!* И эти льстивые титулы используются в Германии по сей день, как будто бы король или император сильнее Всемогущего Бога!

³⁷⁸ В Эйслебене он кратко назвал эти три класса *Lehrbücher, Zankbücher* и *Disputationes*.

³⁷⁹ Сам Лютер говорит об этом (в эйслебенском рассказе о событиях в Вормсе, Erl. Frkf. ed., vol. LXIV, 370): *Dieweil ich redete, begehrten sie von mir, ich sollt es noch einmal wiederholen mit lateinischen Worten... Ich wiederholte alle meine Worte lateinisch. Das gefiel Herzog Friedrich, dem Churfürsten überaus wohl.* Шпалатин подтверждает это в *Epitome Actorum Lutheri*, etc.: *Dixit primo germanice, deinde latine.* В других сообщениях говорится, что латинская речь прозвучала первой, — например, в *Acta Luth.* (Erl. Frkf. ed., Op. Lat., VI. 9: *respondit D. Martinus et ipse latine et germanice*). Кестлин опирается на последнее сообщение (I. 445, 451), не обращая внимания на свидетельство Лютера, который должен был знать о событиях лучше.

³⁸⁰ В немецком тексте: *ein unstüssige und unbeissige Antwort* (vol. LXIV, 382); фраза «без рогов и зубов» явно возникла как продолжение последнего предостережения.

Если меня не опровергнут и не убедят на основании свидетельства Писания или ясных доводов (поскольку я не верю ни папе, ни соборам по отдельности из-за того, что они часто заблуждались и противоречили сами себе), то я буду подчиняться лишь Священному Писанию, которое я цитировал, и совесть моя будет руководствоваться Словом Божиим. Я не могу и не хочу отречься, потому что ненадежно и опасно поступать против совести³⁸¹.

До этого момента все отчеты четко изложены и согласуются между собой. По поводу дальнейших событий свидетельства разнятся, но они уже не так важны.

Доктор Экк переговорил с Лютером, протестуя против его заявления о том, что соборы могут заблуждаться и заблуждались. «Ты не можешь это доказать», — сказал он. Лютер повторил свое заявление и пообещал доказать его. Под давлением и под действием угроз, среди возбуждения и смятения слушателей, он произнес на немецком языке те заключительные слова, которые запечатлелись в памяти людей: «На том стою [и не могу поступить иначе]. Да поможет мне Бог! Аминь»³⁸².

Эта фраза (хотя мы не можем доказать, что она действительно была произнесена именно так) отражает состояние Лютера в тот момент — силу его убеждения и мольбу о Божьей помощи, на которую Бог ответил. Это параллель знаменитых, хотя и менее доказанных, слов Галилея: «И все-таки она вертится» (*E pur si muove*).

Император не желал больше ничего слушать и резко прервал заседание рейхстага в восемь часов, среди всеобщего волнения.

Придя домой, Лютер поднял руки и радостно воскликнул: «Я прошел это испытание!» Шпалатину, в присутствии других, он сказал: «Если бы у меня была тысяча голов, я предпочел бы, чтобы мне отрубили их одну за другой, но не отрекся бы».

Впечатление, произведенное им на слушателей, было разным и зависело от позиции и национальности. Одни восхищались его энтузиазмом, верой и силой убеждения, тогда как другим его поведение представлялось фанатизмом и еретическим упорством.

Император, недостаточно хорошо знакомый с немецким образом мысли и языком³⁸³, заявил после первого слушания: «Этот человек никогда не превратит

³⁸¹ Мы приводим также немецкий и латинский тексты. *Weil denn Eure Kaiserliche Majestät und Eure Gnaden eine schlichte Antwort begehren, so will ich eine Antwort ohne Hörner und Zähne geben diesermassen: «Es sei denn, dass ich durch Zeugnisse der Schrift oder durch helle Gründe überwunden werde — denn ich glaube weder dem Papst, noch den Konzilien allein, dieweil am Tag liegt, dass sie öfters geirrt und sich selbst widersprochen haben, — so bin ich überwunden durch die von mir angeführten heiligen Schriften, und mein Gewissen ist gefangen in Gottes Wort; widerrufen kann ich nichts und will ich nichts, dieweil wider das Gewissen zu handeln unsicher und gefährlich ist»* (см. Köstlin, I. 452). В более древних сообщениях используются немного другие выражения. В некоторых есть *scheinbarliche und merkliche Ursachen* вместо *helle Gründe*, а в конце: *dieweil wider das Gewissen zu handeln beschwerlich und unheilsam, auch gefährlich ist* (*Werke*, Erl. Frkf. ed., vol. LXIV. 382).

Латинский текст приведен в *Acta Lutheri Wormatiae habita* следующим образом: *Hic Lutherus: Quando ergo serenissima Majestas vestra Dominationesque vestrae simplex responsum petunt, dabo illud, neque cornutum, neque dentatum, in hunc modum: «Nisi convictus fuero testimoniis Scripturarum, aut ratione evidente (nam neque Papae, neque Conciliis solis credo, cum constet eos errasse saepius, et sibi ipsi contradixisse), victus sum Scripturis a me adductis captaque est conscientia in verbis Dei; revocare neque possum neque volo quidquam, cum contra conscientiam agere neque tutum sit, neque integrum* (*Opera Lat.*, Frankf. ed., vol. VI, 13 sq.).

³⁸² *Hier steh' ich. [Ich kann nicht anders.] Gott helfe mir! Amen.* Слова, заключенные в скобки, отсутствуют в первоисточниках. См. критические замечания в конце данного раздела.

³⁸³ Он был немного знаком лишь с *Platt-Deutsch* Нидерландов. Со своими немецкими подданными он всегда общался на латыни или на французском либо через своего брата Фердинанда.

меня в еретика». И он усомнился в авторстве знаменитых книг, приписываемых Лютеру³⁸⁴. На втором слушании его ужаснуло пренебрежение к общецерковным соборам, как будто немецкий монах мог быть мудрее, чем вся Католическая церковь. Испанцы и итальянцы были, без сомнения, такого же мнения. Им должна была показаться отталкивающей неказистая внешность и отсутствие утонченных манер Лютера. Некоторые испанцы провожали его свистом, когда он выходил. Папские легаты сообщали, что он взмахнул руками, как делают немецкие солдаты, радующиеся удачному удару, и представляли его как вульгарного простака, который любит хорошее вино³⁸⁵. Они славили императора как истинного христианина и католического князя, который на следующий день уверил их в своем намерении относиться к Лютеру как к еретiku. Венецианский посол, в остальном беспристрастный, решил, что Лютер разочаровал ожидания и не проявил ни великой учености, ни сдержанности, ни безупречности в образе жизни³⁸⁶.

Впечатление немецких делегатов было иным. Когда Лютер в изнеможении покинул дворец епископа, старый герцог Эрик из Брюнсвика послал ему серебряную кружку с пивом из Эймбака, из которой сначала отпил сам, чтобы его ни в чем не подозревали. Лютер сказал: «Как герцог Эрик вспомнил обо мне сегодня, так пусть вспомнит о нем Господь Иисус в его последний день». Герцог говорил об этом эпизоде на смертном одре и утешался словами Евангелия: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей». Курфюрст Фридрих в тот же вечер сказал Шпалатину, что доволен Лютером: «Как прекрасно отец Мартин говорил на латыни и на немецком перед императором и сословиями! Он был достаточно смел, если не сказать слишком смел»³⁸⁷. Осторожный курфюрст был бы более доволен, если бы Лютер вел себя умереннее и не критиковал соборы. Знатные персоны приглашали его к себе до поздней ночи и приветствовали. Среди них был молодой ландграф Филипп Гессенский, который позже поддержал дело Реформации с большим рвением и энергией, хотя и нанес ему немало вреда своим двоеженством. После фривольной шутки, за которую Лютер с улыбкой его упрекнул, он пожелал, чтобы Бог благословил его³⁸⁸.

³⁸⁴ Алендер (l. c., p. 170): *Cesar palam dixit et sepissime postea repetiit, che mai credera che l'habbia composto detti libri*. Смесь латыни и итальянского характерна для донесений Алендера. Он был склонен приписывать авторство большей части книг Лютера Меланхтону, которого называл обладавшим *un bellissimo, ma malignissimo ingegno* (p. 172).

³⁸⁵ Алендер и Караччоли к вице-канцлеру Медичи, 19 апреля 1921 г. (Brieger, I. 153): *Martino uscito fuori della sala Cesarea alzò la mano in alto more militum Germanorum, quando exultano di un bel colpo di giostra*. В послании от 27 апреля (l. c., p. 166) они называют Лютера *il venerabile ribaldo* («известным мошенником»), который перед отъездом в присутствии многих людей выпил *molte tazze di malvasia, della qual ne u forte amoroso* («много кубков мальвазии, которую он очень любит»). Обвинение в невоздержанности повторяется в донесении от 29 апреля (p. 170): *la ebrietà, alla quale detto Luther u deditissimo* («пьянство, которому очень любит предаваться вышеупомянутый Лютер»). Нет сомнений в том, что Лютер пил пиво и вино, как было принято в ту эпоху, но то, что он не отличался умеренностью в плане еды и питья, — клевета его врагов. Меланхтон, который знал его лучше, свидетельствует о его умеренности. См. ниже, в разделе о личной жизни Лютера.

³⁸⁶ Contarenus ad Matthaeum Dandalum, цит. в Ranke, I. 336.

³⁸⁷ Walch, XV. 2246.

³⁸⁸ Беседа, о которой рассказывает Лютер (Walch, XV. 2247; Erlangen-Frankfurt edition, LXIV. 373), характерна для этого князя и предвещает его будущее поведение. *Der Landgraf von Hessen kam zu Worms erstlich zu mir. Er war aber noch nicht auf meiner Seiten, und kam in Hof geritten, ging zu mir in mein Gemach, wollte mich sehen. Er war aber noch sehr jung, sprach: Lieber Herr Doctor, wie geht's? Da antwortete ich: Gnädiger Herr, ich hoff, essoll gut werden. Da sagte*

Больше всего симпатизировали Лютеру люди, не присутствовавшие на рейхстаге, — простой народ, патриоты знатного происхождения, ученые из школы Эразма, либералы. Когда он возвращался с рейхстага к себе, в толпе кто-то воскликнул: «Благословенно чрево, которое взрастило такого сына!» Тонстал, английский посол, писал из Вормса, что «немцы повсюду так привязаны к Лютеру, что сотни тысяч людей готовы пожертвовать жизнью, лишь бы он не пострадал от папской власти»³⁸⁹. В императорских покоях была найдена бумага со словами: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок!» (Ек. 10:16)³⁹⁰. Листовка на городской ратуше угрожала восстанием четырехсот немецких рыцарей, под началом которых будет восемь тысяч воинов, но буря улеглась. Гуттен и Зикинген находились на службе у императора. «Гуттен только лает, но не кусается», — говорили в Вормсе.

На рейхстаге победила папская партия. Ничего другого и не следовало ожидать, если историческая преемственность Латинской церкви и Священной Римской империи должна была сохраниться. Если бы Лютер доверил решение своего дела общецерковному собору, к которому сам он часто взывал на ранних этапах конфликта, то результат был бы иным и могла бы быть проведена умеренная реформа средневековой церкви под руководством папы — но не более того. Отрицая непогрешимость собора, Лютер открыто провозгласил себя еретиком и выступил против сложившегося мнения об общецерковных соборах, которые, начиная с первого Никейского в 325 г., считались местом окончательного решения богословских споров. Непогрешимость папы была еще открытым вопросом и оставалась таковым до 1870 г., тогда как непогрешимость общецерковного собора в то время была общепризнанной. Протест против нее мог быть оправдан только замыслом Провидения и реальным успехом.

С помощью Лютера Провидению угодно было подготовить путь для независимых церковных организаций и для развития новых типов христианства на основе слова Божьего и свободы мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

О СЛОВАХ ЛЮТЕРА «НА ТОМ СТОЮ» И Т. Д.

Эти слова Лютера приводятся снова и снова не только в научно-популярных книгах, но и в ученых историях без всякого сомнения в их подлинности. Они высечены на памятнике в Вормсе.

Однако сам факт их произнесения был подвергнут тщательному исследованию саксонским архивариусом доктором Ч. А. Х. Буркхардтом (автором ученого труда *Luther's Briefwechsel, Ueber die Glaubwürdigkeit der Antwort Luthers: «Hie steh' ich, ich kann nicht anders, Gott helff mir. Amen»*, в *Theol. Studien und Kritiken*, 1869, III, pp. 517-531. Буркхардт отвергает все слова, кроме трех последних (а не *все вообще*, как неточно сообщает Янссен в своей «Истории», II, 165, note). Его поддерживают Даниил Шенкель (1870) и В. Мауренбрехер (*Gesch. d. kath. Reform.*, 1880, I, 398). Последний даже называет эти слова «неуместными и недостойными», слишком театральными, с чем мы не согласны.

С другой стороны, профессор Кестлин, биограф Лютера, отстаивает подлинность всей фразы в своей пасхальной программе *Luther's Rede in Worms* (Halle, 1874), см. также его примечания в «*Studien und Kritiken*» (1882, p. 551 sq.) и его *Martin Luther* (I, 453; note, p. 800 sq., 2 изд., 1883). Его вывод был принят Ранке в шестом издании «Истории Германии» (I, 336) и Менкебергом (пасто-

er: Ich höre, Herr Doctor, ihr lehret, wenn ein Mann alt wird und seiner Frauen nicht mehr Ehepflicht leisten kann, dass dann die Frau mag einen anderen Mann nehmen, und lachte, denn die Hofrätthe hatten's ihm eingeblasen. Ich aber lachte auch und sagte: Ach nein, gnädiger Herr, Euer Fürstlich Gnad sollt nicht also reden. Aber er ging balde wieder von mir hinweg, gab mir die Hand und sagte: Habt ihr Recht, Herr Doctor, so helfe euch Gott.

³⁸⁹ Fiddes, *Life of Wolsey*, цит. в Ranke, I, 337, note.

³⁹⁰ Ранке (I, 337) говорит: *in den kaiserlichen Gemächern*. Другие сообщают, что эта надпись была вывешена в общественных местах Вормса.

ром церкви Св. Николая в Гамбурге), который приводит новые доказательства в очерке *Die Glaubwürdigkeit des Lutherwortes in Worms* («Studien und Kritiken», 1876, no. II, pp. 295-306).

Факты таковы. В собственных заметках Лютера на латыни, которые он подготовил, вероятно, в Вормсе для Шпалатина, нет такой фразы, а есть только слова: «Да поможет мне Бог». Молитва же, которую он вслух произнес в своей комнате вечером перед вторым появлением на рейхстаге и о которой существуют отдельные свидетельства, заканчивалась словами: *Gott helfe mir, Amen!* (Walch, X. 1721; Erl.-Frkf. ed., LXIV. 289 sq.). Шпалатин в своих (неполных) заметках о постановлениях рейхстага, сохранившихся в Веймаре (*Gesamtarchiv, Reichstagsacten*, 1521), и в своих «Анналах» (ed. Cyprian, p. 41), также упоминает только слова: *Gott helfe mir, Amen!* С этим соглашается оригинальное издание *Acta Lutheri Wormatiae habita*, вышедшее сразу после рейхстага (репринт есть во франкфуртском издании *Opera Lat.*, vol. VI, p. 14, см. вторую сноску).

Но в других рассказах того времени присутствует вся фраза, хотя и с разным порядком слов. См. сравнительные таблицы в Burkhardt, *l. c.*, pp. 525-529. В немецком отчете (репринт в Erl.-Frkf. ed., vol. LXIV, p. 383) последние слова Лютера, отвечающего Экку, переданы так: *Gott kumm mir zu Hilf! Amen. Da bin ich*. Слова *Da bin ich* («вот я») есть и в другом источнике. Матезий приводит полную фразу как произнесенную Лютером в 1540 г. В одном немецком печатном издании того периода и в листовке из библиотеки Гейдельбергского университета (по свидетельству Кестлина) эти слова появляются в таком порядке: *Ich kann nicht anders; hier steh' ich; Gott helfe mir*. В первом издании латинских трудов Лютера, которое вышло в 1546 г., слова стоят в том порядке, который принят сегодня: *Hier steh' ich*, и т. д. В этом виде они и стали общеизвестными.

Кестлин приходит к выводу, что проблема связана только с порядком слов и с тем, были они произнесены в конце его основного заявления или же вскоре после завершения рейхстага. Я склонен к последнему мнению, которое соответствует немецкому рассказу той эпохи, цитируемому выше. Кольде в своей монографии о Лютере в Вормсе (p. 60) в основном соглашается с Кестлином и говорит: *Wir wissen nicht mehr, in welchem Zusammenhang diese Worte gesprochen worden sind, auch können sie vielleicht etwas anders gelautet haben; bei der herrschenden Unruhe hat der eine Berichterstatter den Ausspruch so, der andere ihn so verstanden; sicherlich drückten sie zu gleicher Zeit seine felsenfeste Überzeugung von der Wahrheit seines in sich gewissen Glaubens aus, wie das Bewusstsein, dass hier nur Gott helfen könne*.

§56. Размышления о свидетельстве Лютера в Вормсе

Свидетельство Лютера перед рейхстагом — событие всемирной исторической важности и далеко идущих последствий. С него начался конфликт мнений, который до сих пор существует в цивилизованном мире. Лютер выступил как бесстрашный защитник превосходства Слова Божьего над человеческим преданием и свободы совести — над тиранией авторитета.

За эту свободу ему должны быть благодарны все евангельские христиане, насыщающиеся плодами его смелости. Его отречение, как и его мученическая смерть, не положили бы конец Реформации, но замедлили бы ее развитие и на неопределенный срок продлили бы тиранию папства.

Когда предание начинает препятствовать свободе, когда авторитет вырождается в тиранию, само благословение превращается в проклятие, а истории угрожают застой и смерть³⁹¹. В такие редкие моменты Провидение выдвигает первопроходцев прогресса, которые обладают достаточной интеллектуальной и мо-

³⁹¹ Иногда дьявол говорит правду. Так, Мефистофель в «Фаусте» Гете оправдывает нежелание студента изучать юриспруденцию и говорит с коварными намерениями:

...Седого кодекса графа
Как груз наследственной болезни.
Иной закон из рода в род
От деда переходит к внуку.
Он благом был, но в свой черед
Стал из благоденья мукой.
Вся суть в естественных правах.
А их и втаптывают в прах.

{«Фауст», в переводе Б.Пастернака.}

ральной смелостью, чтобы, рискуя собственной жизнью, сломать ограничения и открыть новые пути для развития истории. Мы должны иметь это в виду, чтобы правильно понять решительную позицию Лютера в столь кризисный момент истории.

Совесть — это голос Бога в человеке. Она — самое священное из всего, чем человек обладает. Никакой силе не позволено стоять между даром и дарителем. Даже заблуждающуюся совесть следует уважать и не принуждать ее ни к чему. Свобода совести теоретически и практически поддерживалась христианами до-никейской эпохи перед лицом гонений со стороны иудеев и язычников, но ее начали подавлять, когда церковь объединилась с государством при Константине Великом, а при его наследниках были утверждены суровые законы против всякого отклонения от принятого символа веры ортодоксальной имперской церкви. Эти законы от римлян перешли Германской империи. Они действовали в полную силу по всей Европе в то время, когда Лютер выступил со своим протестом. У несогласных не было вообще никаких прав, которые католикам предписывалось бы уважать. Даже священная клятва, данная еретiku, могла быть нарушена без греха, и император Сигизмунд нарушил такую клятву в отношении Гуса³⁹².

Этой тирании был положен конец благодаря неукротимой смелости Лютера.

Свободой совести, конечно, можно злоупотреблять, как и любой другой свободой, и она может выродиться в ересь и распущенность. Индивидуальная совесть и частное суждение нередко заблуждаются, и они, конечно же, более склонны заблуждаться, чем синод или собор, выражающий общую мудрость многих людей. Сам Лютер вовсе не отрицал этого. Он готов был выслушать исправления и наставления, основанные на Писании и на ясных доводах. Он охотно принимал все доктринальные решения первых четырех вселенских соборов и с глубочайшим уважением относился к Апостольскому символу веры, на котором основан его катехизис. Но он протестовал против собора в Констанце, осудившего мнения Гуса, которые, как он считал, не противоречили Писанию. Римская церковь сама должна признать, что соборы способны ошибаться, если она настаивает на папской непогрешимости, ибо более чем один вселенский собор осудил папу Гонория как еретика, и даже сами папы подтверждали это осуждение своего предшественника. А две противоречащих между собой непогрешимости исключают друг друга³⁹³.

Лютер опирался не только на свою совесть, но прежде всего на Писание, которое изучал самым тщательным образом. Его совесть, говорил он, опирается на слово Бога, которое не может ошибаться. Его, и только его, он признавал непогрешимым. Если бы он отрекся от своих взглядов, он совершил бы тяжкий грех.

Один человек, на стороне которого истина, сильнее, чем заблуждающееся большинство, и в конечном итоге он побеждает. Христос был прав, когда высту-

³⁹² Доктор (епископ) Гефеле подробно обсуждает этот случай с римско-католической точки зрения в своей *Conciliengeschichte*, vol. VII (1869), pp. 218 sqq. Он оправдывает Сигизмунда и собор в Констанце на том основании, что *salvus conductus* якобы защищает лишь от незаконного насилия и не действует против справедливого постановления суда и против заслуженного наказания, а охранная грамота для возвращения Гуса в Богемию продолжала бы действовать лишь в случае отречения последнего. Но такое условие не оговаривается в охранной грамоте (приведенной в Hefele, p. 221), где Гусу дается право беспрепятственно прибыть в Констанц, находиться там и *вернуться (transire, morari et redire libere)*. Сигизмунд открыто обещал ему *ut salvus ad Bohemiam redirem* (p. 226), причем это обещание Сигизмунда, как раз наоборот, потеряло бы смысл, если бы Гус отрекся от своих взглядов.

³⁹³ См. эту «Историю церкви», т. IV, §113, а также *Creeeds of Christendom*, vol. I, 169 sqq.

пал против всей иудейской иерархии, против Ирода и Пилата, которые приговорили Его к смерти на кресте. Апостол Павел был прав, когда боролся с иудаизмом и язычеством, *unus versus mundum*. Святой Афанасий, «отец ортодоксии», был прав, сражаясь с господствовавшим в его времена арианством. Галилео Галилей был прав, противопостав инквизиции и распространенному в тот век представлению о неподвижности земли. Доллингер был прав, когда возразил Ватиканскому собору «как христианин, богослов, историк и гражданин», не согласившись с новой догмой о непогрешимости папы³⁹⁴.

Вердикт истории засвидетельствовал, что Лютер был прав, когда отказался каяться, и что он исполнял волю Провидения, когда заявлял о высшем авторитете Слова Божьего и о свободе совести.

§57. Частные беседы с Лютером. Поведение императора

Наутро после выступления Лютера император, собственной рукой по-французски, написал к сословиям обращение — нечто вроде личного вероисповедания. Он сообщал, что, в соответствии со своим долгом преемника наихристианнейших императоров Германии и католических королей Испании, которые всегда были верны Римской церкви, он, отправив Лютера домой с охранной грамотой, теперь будет относиться к нему как к упорствующему и избалованному еретiku и всеми силами отстаивать веру своих предков и соборов, особенно собора в Констанце³⁹⁵.

Некоторых депутатов испугало это решение, а католики ликовали. Но, учитывая общественное мнение, рейхстаг посчитал нужным провести частные переговоры в надежде на мирное решение спора и на то, что Лютер возьмет обратно или хотя бы более умеренно сформулирует свои слова о несогласии с общецерковными соборами. И несмотря на протест Алеандера, император уступил.

Переговоры в основном вел в своей резиденции Ричард фон Грейффенклау, курфюрст и архиепископ Трира. Он был великодушным и умеренным церковным деятелем, так что курфюрст Фридрих и барон Мильтиц пожелали поручить ему решение спора. Курфюрст Бранденбурга, герцог Георг Саксонский, доктор Вегус (канцлер маркграфа Баденского), доктор Экк из Трира, декан Кохлей из Франкфурта³⁹⁶ и депутаты Страсбурга и Аугсбурга также принимали участие во встречах.

³⁹⁴Заявление Доллингера от 28 марта 1871 г., за которое он был отлучен 17 апреля 1871 г., несмотря на его выдающиеся заслуги перед Римской Католической церковью и на то, что он являлся ее самым ученым историком. Эта ситуация напоминает выступление Лютера в Вормсе (см. Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 195 sqq.).

³⁹⁵Walch, XV. 2235-2237.

³⁹⁶Иоганн Кохлей (настоящее имя его было Добенек; он родился в 1479 г. в Вендельштейне во Франконии, умер в Бреслау, 1552) сначала был, как гуманист, поклонником Лютера, но незадолго до Вормского рейхстага перешел на другую сторону и стал одним из самых ожесточенных его литературных оппонентов. Он приехал в Вормс без приглашения и пожелал вызвать Лютера на публичный диспут. Архиепископ Трира советовался с ним по богословским вопросам, а Алеандер пользовался его услугами в качестве шпиона. Алеандер платил ему десять гульденов *per sue spese* (см. донесение от 29 апреля в Brieger, I. 175). Кохлей, в основном полемизируя против реформаторов, написал около 190 книг, которые по большей части забыты. Лютер относился к нему с откровенным презрением и обычно называл его «Doctor Rotzlöffel», а также «Kochlöffel» (см. *Works*, Erl. ed., XXXI. 270 sq., 276 sq., 302 sq.; LXII. 74, 78. Otto, *Johann Cochlaeus, der Humanist*, Breslau, 1874; Felician Gess, *Johannes Cochlaeus, der Gegner Luthers*, Oppeln, 1886, IV, 62 стр.).

Эти люди были не менее искренни, чем Лютер, но отстаивали точку зрения средневековой церкви и не могли оценить значимость его отхода от проторенного пути. Архиепископ был очень добр и милостив с Лютером, что признавал и сам реформатор. Он просто требовал, чтобы тот, в христианском смирении, отказался от своих возражений против решений собора в Констанце, оставил право решения императору и рейхстагу и пообещал признать окончательный вердикт будущего собора, не определенный предыдущим решением папы. Собор ведь вполне мог вновь заявить о превосходстве своего мнения над мнением папы, как это делали реформаторские соборы XV века.

Но Лютер совершенно обоснованно не верил в последствия такого подчинения и оставался непоколебим как скала. Он настаивал на том, что авторитет Слова Божьего выше авторитета соборов и что он имеет право судить в соответствии со своей совестью³⁹⁷. Наконец он заявил, что, если его не убедят на основании Писания или «ясных и очевидных доводов», он не уступит, что бы с ним ни делали, поскольку он согласен в данном вопросе с Гамалиилом, который говорил: «Если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его» (Деян. 5:38,39)³⁹⁸.

25 апреля он попросил архиепископа получить у императора разрешение вернуться домой. По дороге к себе он нанес пастырский визит одному немецкому рыцарю и сказал: «Завтра я уезжаю».

Через три часа после этой последней беседы император послал Лютеру охранную грамоту на двадцать один день, но запретил писать или проповедовать по пути. Лютер поблагодарил императора и заявил, что его единственная задача — провести реформу церкви на основании Писания и что он готов пострадать за императора и империю, только бы ему было позволено исповедовать и учить Слову Божьему. Это были последние слова, с которыми он обратился к посланцам императора. Они пожали друг другу руки и простились, чтобы никогда больше не встречаться в этом мире.

К чести Карла следует отметить, что, несмотря на призывы поступить иначе, в том числе со стороны его бывшего учителя и исповедника кардинала Адриана, который хотел, чтобы Лютер был выдан папе для справедливого наказания, император уважал вечный принцип истины и чести больше, чем злополучное мнение, будто в отношениях с еретиками можно не держать свое слово. Он не последовал примеру своего предшественника Сигизмунда, который нарушил обещание об охранной грамоте, данное Гусу, и велел сечь его после осуждения на соборе в Констанце³⁹⁹. Охрана Лютера — единственная услуга, оказанная Карлом

³⁹⁷ *Gnädiger Herr*, — сказал он архиепископу Трира, — *ich kann alles leiden, aber die heilige Schrift kann ich nicht übergeben*. И еще: *Lieber will ich Kopf und Leben verlieren, als das klare Wort Gottes verlassen*.

³⁹⁸ См. рассказ об этих бесполезных переговорах в Walch, XV. 2237-2347, 2292-2319; Cochlaeus, *Com. de Actis Lutheri*, и его же *Colloquium cum Luthero Wormatiae habitum*; сообщение Иеронима Вегуса опубликовано Зайдеманом в «*Zeitschrift für histor. Theol.*», 1851, p. 80 sqq.; отчет Алеандера в Brieger, I. 157-160. Как говорит Ранке (I. 332), возникает даже искушение пожелать, чтобы Лютер отказался от своего замечания о соборах и удовлетворился критикой папства, в чем его поддерживал народ; но затем он добавляет, что дух Лютера пострадал бы, если бы тот руководствовался какими-либо иными соображениями, кроме религиозных (*Der ewig freie Geist bewegt sich in seinen eigenen Bahnen*).

³⁹⁹ Гизелер и Ранке утверждают (I. 341), что собор официально санкционировал такое решение, заявив о Гусе: *Nec aliqua sibi [ei] fides aut promissio de jure naturali, divino vel humano fuerit in praejudicium catholicae fidei observanda* (Von der Hardt, *Conc. Const.*, IV. 521; Mansi, *Concil.*, XXVII. 791). Гефеле (*Conciliengeschichte*, VII. 227 sq.) обвиняет Гизелера в грехе против собора

Реформации, и лучший его поступок с моральной точки зрения⁴⁰⁰. К сожалению, он умалил свое достоинство позже, в Иусте, когда раскаивался в таком решении⁴⁰¹. Ему не предоставилось другой возможности сокрушить еретика. Когда он оказался в Виттенберге в 1547 г., Лютер был уже мертв, а Реформация так глубоко укоренилась, что кратковременная победа над несколькими протестантскими князьями не могла ее остановить.

Интересно познакомиться с рассуждениями Алеандера о намерениях Лютера сразу после его отъезда. Он сообщал в Рим 29 апреля 1521 г., что еретик будет искать убежища у гуситов в Богемии и сделает четыре «зверских поступка» (*cose bestiali*): 1. Напишет лживые *Acta Wormaciensia*, в которых будет подстрекать народ к бунту. 2. Упразднит исповедь. 3. Будет отрицать реальное присутствие Христа в таинстве. 4. Будет отрицать Божественность Христа⁴⁰².

Лютер не сделал ничего из вышеперечисленного, кроме второго, да и то лишь отчасти. Намереваясь помешать отъезду Лютера в Богемию, Рим сделал все, чтобы перехватить его на пути.

§58. Объявление вне закона. 8 (26) мая 1521 г.

После отъезда Лютера (26 апреля) его враги чувствовали себя победителями. Фридрих Саксонский писал 4 мая: «Дела Мартина плохи. Его будут преследовать. Не только Анна и Каиафа, но и Пилат с Иродом против него». Алеандер сообщал в Рим 5 мая, что Лютер из-за своих дурных привычек, своего упрямства и своих «зверских» речей против соборов оттолкнул от себя народ, но многие по-прежнему следуют за ним из нежелания слушаться папу и из стремления завладеть церковной собственностью.

Император поручил Алеандеру составить на латыни указ против Лютера⁴⁰³. Указ был составлен 8 мая и датирован этим числом (но подписан он был только 26 мая). В тот же день император заключил союз с папой против Франции. Они обещали друг другу «иметь одних и тех же друзей и врагов» и помогать друг другу в защите и нападении.

и против самой истины и утверждает, что это постановление, присутствующее только в венском Codex Dorgianus, было лишь предложено одним из участников, но не принято собором. Однако нет сомнений в том, что в постановлении девятнадцатого заседания, 23 сентября 1415 г., говорится: хотя охранная грамота и должна соблюдаться тем, кто ее выдает, в меру прав этого человека, она не защищает еретика от наказания, если он отказывается покаяться. Остается фактом то, что Гусу не позволили вернуться домой и сожгли вследствие осуждения его собором и во время его заседания, 6 июля 1415 г. Эней Сильвий (будущий папа Пий II) свидетельствует о Гусе и об Иерониме Пражском: *Nemo philosophorum tam forti animo mortem pertulisse traditur quam isti incendium*. Пророчество Гуса, о котором гласит предание: «Сейчас вы сжигаете гуся (*anser*: “Гус” переводится с богемского как “гусь”), но из моего пепла возрастет лебедь (*cygnus*, Лютер), которого вы не сможете сжечь», — на самом деле не было произнесено. Оно появилось во времена Лютера как *vaticinium post eventum*.

⁴⁰⁰ Ранке говорит (vol. V, 308): *Es ist die universalhistorisch grösste Handlung Karls V, dass er damals das gegebene Wort höher stellte als die kirchliche Satzung*.

⁴⁰¹ См. выше, §52.

⁴⁰² Brieger, I. 169 sqq. В подтверждение последнего пункта Алеандер говорит, что «негодий-лютеранин» Мартин Буцер (он называет его Пуцер) уже впал в дьявольскую арианскую ересь, о чем ему сообщил исповедник императора Глапио, говоривший с Буцером и Зикингеном.

⁴⁰³ Алеандер докладывает 5 мая: *Poi me fù commesso per Cesar et el Consilio* (императорские советники), *che io stesso facesse el decreto, con quelle più justificationi si potesse, acciochè il popolo se contentasse*.

Указ придерживали, пока курфюрст Фридрих и курфюрст Пфальца, а также большинство остальных участников рейхстага не разъехались по домам. Указ не обсуждали на рейхстаге. За него не голосовали. Его не подписывал канцлер. Он вышел неожиданно⁴⁰⁴. На Троицу 26 мая Алеандер пришел в церковь с латинской и немецкой копиями документа и призвал императора подписать «своей благочестивой рукой» их обе после мессы. Император сказал по-французски: «Теперь вы будете довольны». «Да, — отвечал легат также по-французски, — но еще больше будет доволен святой престол и весь христианский мир, который будет благодарить Бога за столь благого, святого и благочестивого императора»⁴⁰⁵.

Указ не такой длинный, но такой же напыщенный, патетичный, нетерпимый, яростный и жестокий, как папская булла об отлучении⁴⁰⁶. Он придавал папской булле юридическую силу в границах Германской империи. Лютер осуждается в нем как дьявол в монашеском платье, собравший воедино множество древних и новых ересей. Он подвергается анафеме и осуждению⁴⁰⁷. Указ велит сжигать его книги, запрещает их печатать, публиковать и продавать, укрывать и кормить Лютера лично и его последователей. Городские власти должны схватить его, где бы ни нашли, и передать императору, чтобы тот поступил с ним согласно закону о еретиках. В то же время книгопечатание в империи было подвергнуто строгому надзору⁴⁰⁸.

Это был последний случай, когда средневековый союз светской империи с папством проявился в столь официальной форме и когда немецкий император исполнял предписания Римского епископа. На *gravamina* народа никто не обратил внимания. И Гуттен сказал: «Мне стыдно за свою родину»⁴⁰⁹.

Так церковь и государство объявили Лютера вне закона. Его осудили папа, император, университеты. Человеческое общество отказалось от него, и ему грозила ужасная смерть.

Но Провидение и будущее были на стороне Лютера. Вердикт рейхстага не был вердиктом народа, и императорский указ, как и папская булла, остался пустым звуком для большей части Германии ввиду многих сопутствующих обстоятельств, как-то: скорый отъезд императора через Нидерланды в Испанию на подавление опасного восстания, последующие войны императора с Франциском в Италии, победоносное продвижение турок в Венгрии, защита Лютера курфюрстом Фридрихом и быстрое распространение протестантских учений.

⁴⁰⁴ *Das Edict*, — говорит Панке (i. 342), — *ward den Ständen nicht in ihrer Versammlung vorgelegt; keiner neuen Deliberation ward es unterworfen; unerwartet, in der kaiserlichen Behausung bekamen sie Kunde davon, nachdem man nichts versäumt, um sie guenstig zu stimmen; die Billigung desselben, die nicht einmal formell genannt werden kann, ward ihnen durch eine Art von Ueber-raschung abgewonnen.*

⁴⁰⁵ Донесение от 26 мая (Brieger, I. 224). Указ был напечатан в следующий четверг, 30 мая, а в пятницу император покинул Вормс.

⁴⁰⁶ Сам Алеандер называет его более ужасным, чем любой из предыдущих указов (*cosi horribile quanto mai altro editto*), 27 июня 1521 г. (Brieger, I. 241). Панке пишет (I. 343): *Es war so scharf, so entschieden wie möglich.*

⁴⁰⁷ *Die Acht und Aberacht*. *Acht* — гражданское соответствие церковного отлучения; его жертва объявляется вне закона. *Aberacht*, или *Oberacht*, следует, если *Acht* не дает результатов. По-немецки он определяется как *die völlige Fried- und Rechtslos- oder Vogelfrei-Erklärung*. Императорский *Acht* называется *Reichsacht*.

⁴⁰⁸ См. полный текст указа в Walch, XV. 2264-2280. Официальный текст был опубликован на латыни и немецком и переведен на язык голландских и французских владений Карла. Сам Алеандер, как он сообщает, готовил перевод на французский.

⁴⁰⁹ Письмо к Пиркгеймеру, 1 мая 1521 г.: *Me pudere incipit patriae* (Opera II. 59).

Империя была не централизованной монархией, а свободной конфедерацией из семи крупных курфюршества, большого количества малых княжеств и свободных городов, у каждого из которых была своя церковная организация. Любовь к личной независимости среди соперничавших государств и городов была сильнее, чем любовь к национальному единству, а потому трудно было применить решение рейхстага к несогласному меньшинству, и не только к меньшинству, а даже к отдельным упорствующим лицам. Попытка добиться исполнения указа с помощью военной силы в Саксонском курфюршестве или в свободных городах разожгла бы пламя гражданской войны, чем ни один мудрый и умеренный правитель не стал бы рисковать без крайней нужды.

Карл был искренним католиком, но вместе с тем и проникательным государственным деятелем, преследовавшим политические интересы. Даже курфюрст Альбрехт Майнцский, насколько мог, мешал исполнению буллы и указа в епархиях Майнца, Магдебурга и Гальберштадта. Он не подписал этот документ как канцлер империи⁴¹⁰. Капитон, его капеллан и личный советник, отзывался о нем в послании к Цвингли 4 августа 1521 г. как о распространителе «Евангелия», который не позволит, чтобы на Лютера напали с кафедры. И это был прелат, которому папа доверил торговлю индульгенциями! Вот какие изменения произошли в общественном сознании за недолгие четыре года.

В конечном итоге решение религиозной проблемы в каждом из государств сильно зависело от религиозных предпочтений и личного характера городских властей. Саксония, Гессен, Бранденбург, большая часть Северной Германии, а также Пфальц, Вюртемберг, Нюрнберг, Франкфурт, Страсбург и Ульм приняли протестантизм в целом или частично. Южная и Западная Германия, особенно Бавария и Австрия, остались преимущественно римско-католическими. Но понадобилась долгая и кровавая борьба, чтобы протестантизм приобрел равные юридические права с католичеством, и папа до сих пор протестует против Вестфальского договора, обеспечившего эти права.

§59. Общественное мнение. Народная литература

К. HAGEN: *Der Geist der Reformation und seine Gegensätze*. Erlangen, 1843. Bd. I. 158 sqq. JANSSEN (II. 181-197) приводит выдержки из революционных памфлетов, презрительно отзываясь о Реформации.

Одним из самых мощных факторов, помешавших исполнению императорского указа и способствовавших триумфу Реформации, была обильная, хотя и недолговечная литература, появившаяся между 1521 и 1524 г. и выполнявшая в тот период народных волнений функции современной периодической прессы. Указ, вышедший в Вормсе, запретил печатать что-либо без высочайшего разрешения, тем не менее Германию наводнили книги, памфлеты и листовки в поддержку как истинной, так и ложной свободы. Они формировали общественное мнение, которое препятствовало исполнению указа.

Лютер начал литературную кампанию с девяноста пяти тезисов. Он был самым оригинальным, плодовитым и успешным полемистом и памфлетистом своего времени. Он обладал изрядным гением, ученостью, смелостью, красноречием, остроумием, чувством юмора, ироничностью и насмешливостью и, несмотря

⁴¹⁰ Janssen, II. 208 sq.: *Albrecht musste sich beugen vor Luther, der Primus vor dem excommunicirten Mönch, welcher ihm mit Enthuellungen drohte.*

на слабое здоровье, был поразительно работоспособен. Он мог сформулировать самые серьезные мысли самым ясным и выразительным языком и всегда использовал множество сочных и ярких эпитетов⁴¹¹. А его оппоненты просто вынуждены были подражать его немецкой речи, чтобы достигать сознания масс и производить на них впечатление. Лютер был сердечным человеком, но при этом обладал неистовым темпераментом, которым пользовался как оружием для воздействия на народ. Он считал себя призванным к грубому труду: «убирать с пути пни и камни, выдирать плевелы и тернии, корчевать чащу». Он находил поддержку и утешение в суровых высказываниях пророков. Он сам говорил, что обладает духом Илии, в котором сочетается буря, землетрясение и огонь, сокрушающий горы и раскалывающий их на части. Лютер прекрасно понимал вкусы и потребности своих соотечественников, для которых сила была предпочтительнее изящества, а дубина — кинжала. Иностранцы, которые знали только его произведения на латыни, не могли понять причину его влияния.

Римские историки, критически отзывающиеся о его полемике, склонны забывать о жестокой суровости папской буллы, о вормсском указе и об осуждении со стороны университетов⁴¹².

Его перу усердно помогал карандаш его друга Лукаса Кранаха, придворного художника Фридриха Мудрого.

Меланхтон не обладал популярными талантами, но свои способности ученого использовал для написания латинской апологии Лютера «против злобного указа парижских богословствующих»⁴¹³. Сорбонна с самым знаменитым на тот момент богословским факультетом, в дни реформаторских соборов выступившим на стороне преобразований, последовала примеру университетов Лувена и Кельна и 15 апреля 1521 г., во время заседаний Вормсского рейхстага, осудила Лютера как архиеретика, возродившего и усугубившего богохульственные заблуждения манихеев, гуситов, бегардов, катаров, вальденсов, евионитов, ариан и прочих еретиков, которых надо уничтожить огнем, а не опровергать доводами⁴¹⁴. Экк сразу же перевел решение факультета на немецкий. Меланхтон осмелился обвинить парижский факультет в отступничестве от Христа к Аристотелю и от библейского богословия — к схоластической софистике. Лютер перевел апологию Меланхтона на немецкий в Вартбурге и, считая ее слишком мягкой, добавил к ней несколько штрихов своим «крестьянским топором»⁴¹⁵.

⁴¹¹ *Kraftwörter*, как называют их немцы.

⁴¹² Янссен говорит (II, 181, 193): *Den Ton für die ganze damalige polemische Literatur gab Luther an, wie durch seine früheren Schriften, so auch durch die neuen, welche er von der Wartburg aus in die Welt schickte*. Далее он цитирует ряд случаев, когда гнев Лютера проявлялся наиболее грубо, и упоминает его презрительное отношение к некоторым книгам Нового Завета (антилегоменах, по Евсевию), которое, впрочем, не разделяет лютеранская церковь. Замечания эти более чем уравновешиваются глубоким почтением и повиновением Лютера писаниям, не вызывающим сомнений (омологуменах). См. §6.

⁴¹³ *Adversus furiosum Parisiensium theologastrorum Decretum pro Luthero Apologia*, 1521. В «Corpus Reformat.», vol. I, 398-416. Копия оригинального издания есть в Королевской библиотеке Берлина. Выдержка приводится в Carl Schmidt, *Philipp Melancthon*, pp. 55 sqq.

⁴¹⁴ *Determinatio Theologorum Parisiensium super Doctrina Lutheriana*. «Corp. Reform.», I, 366-388.

⁴¹⁵ *Mein lieber Philipp*, — говорит он, — *hat ihnen [den groben Pariser Eseln] wohl meisterlich geantwortet, hat sie aber doch zu sanft angerührt und mit dem leichten Hobel überlaufen; ich sehe wohl, ich muss mit der Bauernaxt über die groben Blöcke kommen*. В то же время вышла анонимная сатира против парижских богословов в стиле *Epistolae Obscurorum Virorum* (см. Schmidt, l. c., p. 58).

Ульрих фон Гуттен был почти равен Лютеру в плане литературных талантов, красноречия, остроумия и сарказма, да и в плане смелости, и помогал ему из Эбернбурга, как мог, во время испытания в Вормсе. Однако его влияние было слабее из-за недостатка принципов. Он уже опубликовал и высмеял папскую буллу об отлучении. Теперь он критиковал вормский указ и оскорбительно отзывался о его авторах, папских легатах, и поддерживавших их епископах⁴¹⁶. Легатам он сообщал, сколь неразумно с такой несдержанностью и яростью выступать против Лютера вопреки духу времени и что час отмщения скоро настанет; что немцы вовсе не так равнодушны и слепы, как им кажется; что молодой император скоро поймет истинное положение дел. Он с негодованием напомнил Алеандру о его недостойном высказывании (Лютеру сообщил о нем Шпалатин), что если немцы сбросят папское иго, то Рим изыщет возможность посеять среди них раздоры, чтобы они сами уничтожили друг друга. Он упрекал архиепископов и высший клир в том, что те прибегают к силе, а не к убеждению, борются с Лютером властью светских городских советов, а не словами Христа. Он сообщал им, что они не настоящие священники; что они купили свои места; что они нарушают законы нравственности; что они плотские, мирские, жадные; что они не способны или стыдятся проповедовать Евангелие, так как оно осуждает их поведение, а когда Бог выдвигает проповедника, подобного Лютеру, то они стараются подавить его. Но предел терпению настал. И он восклицает: «Долой, нечистые свиньи, долой от чистого источника! Долой, подлые торгаши, от святилица! Не прикасайтесь к алтарю своими нечистыми руками! Какое право вы имеете тратить благочестивые пожертвования отцов на роскошь, блуд и пустую помпезность, в то время как много честных и верующих людей голодают? Настал предел терпения. Разве вы не ощущаете дуновение свободы, разве не видите, что люди, недовольные нынешним положением вещей, требуют улучшения? Возможно, мы с Лютером погибнем от ваших рук, но что из того? Найдутся и другие Лютеры и Гуттены, которые возьмут верх, начав новую, более непримиримую реформуацию».

Однако ко второму изданию он добавил нечто вроде апологетического послания, обращенного к Альбрехту, главе немецких архиепископов, своему бывшему другу и покровителю, где уверял Альбрехта в своей постоянной дружбе и выражал сожаление по поводу того, что тот перестал поддерживать дело прогресса и свободы.

В ином духе действовал Ганс Сакс, благочестивый поэт-башмачник из Нюрнберга⁴¹⁷, который написал много недолговечных сочинений в прозе и стихах в поддержку Лютера и Евангелия. Он встретился с Лютером в Аугсбурге в 1518 г., до 1522 г. собрал сорок книг в его поддержку, а в 1523 г. опубликовал поэму в семьсот строк под заглавием *Die Wittenbergisch Nachtigall, Die man jetzt hört überall*, которая заканчивалась словами: *Christus amator, Papa peccator*. За ней последовало четыре полемических диалога в прозе.

⁴¹⁶ *In Hieron. Aleandrum, et Marinum Caracciolum Oratores Leonis X apud Vormaciam Invectivae singulae. — In Cardinales, episcopos et Sacerdotes, Lutherum Vormaciae oppugnantes, Invectiva. — Ad Carolum Imp. pro Luthero exhortatoria* (см. Strauss, *Ulrich v. Hutten*, pp. 397 sqq.).

⁴¹⁷ Его поэзию можно охарактеризовать хорошо известным стихом (которого, однако, нет в его трудах):

*Hans Sachs war ein Schuh-
Macher und Poet dazu.*

Новое издание его стихотворений выходит в Штутгарте с 1870 г. Каульбах пространно повествует о нем в своем труде о Реформации.

Среди самых популярных памфлетистов с протестантской стороны были фермер по прозвищу «Карстганс», трудившийся в районе Рейна между Страсбургом и Базелем, и его подражатель «Нейкарстганс». Многие памфлеты были анонимными или подписывались псевдонимами.

Существенно важно то, что Реформацию защищало столько мирян. Все великие немецкие классики последующего периода (Клопшток, Лессинг, Гердер, Гете, Шиллер, Уланд, Рюкерт), как и философы (Лейбниц, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Герbart, Лотце), по крайней мере, номинально, — протестанты, и они не смогли бы вырасти на папской почве.

Новизна и свежесть этой новой народной литературы, возникшей благодаря Реформации, а особенно после вормсского указа, сделала ее еще более эффективной. Народ жаждал интеллектуальной и духовной пищи, и его аппетит рос вместе с предложением.

Полемические произведения этого периода обычно краткие, острые, обращенные к здравому смыслу масс. В них много сильных доводов, грубого остроумия и резких оскорблений. Они отстаивают свободу борьбой против гнета, защищают мирян от произвола священства и монашества. Любимой формой был диалог, в котором крестьянин или труженик побеждал служителя церкви.

Дьявол часто упоминается как союзник папы — иногда как его слуга, иногда как господин. Очень часто папа противопоставлен Христу как Его противоположность. Один из полемистов говорит, что папа провозгласил ужасную буллу об осуждении Лютера и всех еретиков в памятный день учреждения святого причастия, тем самым превратив Божью милость в человеческий гнев, братскую любовь в ненависть и гонения, а само это благословение в проклятие.

В произведениях часто упоминается апостол Петр. Он стоит у небесных врат, проверяя, достойны ли туда войти священники, монахи и папы, и в большинстве случаев решает, что недостойны. Вот образец такого рассказа: толстый пьяный монах стучит в ворота и сердится, что его не сразу впускают. Петр велит ему сначала протрезвиться и смеется над его нелепым одеянием. Затем он задает ему вопросы. Монах перечисляет все свои посты, умерщвления плоти и благочестивые упражнения. Тогда Петр велит разрезать ему живот, и наружу вываливаются цыплята, дичь, рыба, омлеты, вино и прочее содержимое, разоблачая лицемера, которого отправляют в ад.

В памфлете под заглавием «Страсти доктора Мартина Лютера» проводится не совсем уместная параллель между отношением рейхстага к Лютеру и распятием Христа. Въезд Лютера в Вормс уподобляется въезду Христа в Иерусалим, рейхстаг — синедриону, архиепископ Альбрехт — Каиафе, папские легаты — фарисеям, курфюрст Саксонии — Петру, Экк и Кохлей — лжесвидетелям, архиепископ Трира — Пилату, немецкий народ — жене Пилата. Книги и изображения Лютера бросают в огонь, но изображение его не горит, и присутствующие восклицают: «Он воистину христианин!»

Такая же война разворачивалась и в немецкой Швейцарии. Поэт и художник Николас Мануил (ум. в 1530) в карнавальном пьесе, представленной в Берне в 1522 г., сначала изобразил, как иерархи исповедуются друг за другом в своих грехах и выражают сожаление, что теперь народ может выступить против них и остановить их. Затем миряне разных классов критикуют священников, изобличают их пороки и опровергают их софистику. Наконец, Петр и Павел поддерживают мирян и обвиняют клир в том, что он явно противоречит учению Христа и апостолов⁴¹⁸.

Эти памфлеты и прочие актуальные труды иллюстрировались грубыми гравюрами и карикатурами на критикуемых лиц, которые весьма усиливали влияние этих трудов на народ. Папы, кардиналы и епископы представлены в облачении священников, но с лицами волков или лисиц, окруженные гусями, которые читают *Paternoster* или *Ave Maria*. В «Страстях Христа и антихриста» двадцать шесть иллюстраций работы Лукаса Кранаха-старшего или представителей его школы. Контраст между Христом и Его предполагаемым заместителем представлен в параллельных картинах: на одной Христос отказывается от власти над миром — на другой папа отказывается открыть ворота императору (в Каноссе); на одной на Христа надет терновый венец — на другой папа увенчан короной из золота и драгоценных камней; на одной Христос оmyвает ноги ученикам — на другой короли и императоры целуют папе палец на ноге; на одной Христос проповедует Благоую Весть нищим — на другой папа гуляет со своими кардиналами на роскошном пиру; на одной Христос изгоняет торговцев — на другой папа восседает в храме Божьем; на одной Христос смиренно въезжает в Иерусалим на осле — на другой папа и его кардиналы на горячих жеребцах въезжают в ад⁴¹⁹.

Полемическая литература Римско-католической церкви намного уступала протестантской в плане талантливости и плодovitости. Самым популярным и успешным автором с римской стороны был францисканский монах и признанный поэт Томас Мурнер. Он был родом из Эльзаса, жил в Страсбурге, потом в Люцерне и умер в Гейдельберге (1537). Сначала в своем *Narrenbeschwörung* (1512) и других трудах он безжалостно критиковал пороки всех слоев общества, в том числе клира и монахов, и поддерживал Рейхлина в его споре с доминиканцами, но в 1520 г. выступил против Лютера и критиковал его дело в сатирических стихах *Vom grossen lutherischen Narren wie ihn Doctor Murner beschworen hat* (1522)⁴²⁰.

⁴¹⁸ См. Grüneisen, *Nicolaus Manuels Leben und Werke* (1837), pp. 339-392.

⁴¹⁹ *Passional Christi und Antichristi, mit Luther's Nachrede*, 1521, Frkf. ed., LXIII, 240-248. Лютер сопроводил картинки текстом.

⁴²⁰ Недавно их издал Н. Kurz (Zürich, 1848). Янссен активно использует это стихотворение (II. 123-128, 190, 415, 416). Мурнер так описывает нападения протестантов на таинства:

*Die Mess, die sol nim gelten
Im Leben noch im Tod.
Die Sacrament sie schelten,
Die seien uns nit Not.
Fünf hont sie gar vernichtet,
Die andern lon sie ston,
Dermassen zugerichtet,
Dass sie auch bald zergon.*

Про учение Лютера о всеобщем священстве мирян у него сказано:

*Wir sein all Pfaffen worden,
Beid Weiber und die Man,
Wiewol wir hant kein Orden
Kein Weihe gnomen an.*

ГЛАВА IV

НЕМЕЦКАЯ РЕФОРМАЦИЯ ОТ ВОРМСКОГО РЕЙХСТАГА ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ. 1521 — 1525

§60. Новый этап в истории Реформации

Выступление в Вормсе было кульминацией протеста Лютера против папства. С отрицанием было покончено. Тирания папства в западном христианском мире была сломлена, сознание освобождено, открылась возможность восстановления церкви на фундаменте Нового Завета. То, что он писал против Рима после этого, было лишь повторением и подтверждением сказанного ранее.

По возвращении в Виттенберг перед ним стояла более сложная задача: осуществить позитивную реформу веры и дисциплины, поклонения и обряда. Революция — это лишь разрушение и расчистка. Реформация — это конструктивный и утверждающий процесс. Она устраняет злоупотребления и преступления, но сохраняет основание и возводит на нем новое строение.

В этой домоустроительной работе Лютер был консерватором и защитником церкви в той же степени, в какой он был радикалом и критиком при обращении с врагами извне. Связующим звеном между двумя периодами была его вера во Христа и вечно живое слово Бога, с которого он начал и которым закончил свою общественную деятельность.

Сейчас он уже протестовал против злоупотребления свободой в собственном лагере. Проводилось неизбежное отсеивание. Среди его друзей и последователей царили смятение и разногласия. Многие вышли за границы мудрости и умеренности. Другие, напуганные крайностями, вернулись в лоно матери-церкви. Весь немецкий народ выбирал между старой и новой религией и в церковном отношении остается разделенным по сей день, а политическое объединение и воссоздание немецкой империи под протестантским главой вместо бывшего римско-католического императора может рассматриваться как отдаленное следствие Реформации, без которой такого просто не могло бы произойти. Примечательно, что этому великому событию 1870 года предшествовал Ватиканский собор и декрет о папской непогрешимости, а за ним последовало свержение светской власти папы и политическое объединение Италии со столицей в Риме.

Перед тем как начать новый этап своего служения, Лютер в течение недолгого времени отдыхал — как он говорил, на «Патмосе» (Отк. 1:9) и в «пустыне». Это самая романтическая глава в его полной событиями жизни, тогда как противостояние в Вормсе — самая героическая.

§61. Лютер в Вартбурге. 1521 — 1522

- I. Послания ЛЮТЕРА, с 28 апреля 1521 г. по 7 марта 1522 г., в DE WETTE, vol. I, 5; II, 1-141. Очень подробные и характерные. WALCH, XV. 2324-2402.
- II. C. KÖHLER: *Luther auf der Wartburg*. Eisenach, 1798. A. WITZSCHELL: *Luthers Aufenthalt auf der Wartburg*. Wien, 1876. J. G. MORRIS: *Luther at Wartburg and Coburg*. Philadelphia, 1882.
- III. MARHEINEKE, chap. X (I. 276 sqq.). MERLE D'AUBIGNÉ, bk. IX, chs. I and II. HAGENBACH, III. 105 sqq. FISHER, p. 112. KÖSTLIN, I. 468-535.

Лютер покинул Вормс после десяти дней пребывания там, 26 апреля 1521 г., в десять часов утра, тихо, в той же компании, в какой въехал в город посреди всеобщего волнения и упований. Его друг Шурф поехал с ним. Императорский глашатай присоединился к ним в Оппенгейме, чтобы не привлекать внимания.

В послании к своему другу Кранаху, отправленному из Франкфурта 28 апреля, Лютер так подводит итоги рейхстага: «Ты написал эти книги? Да. Ты рассказываешься в этом? Нет. Тогда убирайся отсюда! О слепые немцы, мы ведем себя как дети, позволяя романистам себя дурачить!»⁴²¹ В том же послании он прощается с виттенбергскими друзьями и намекает, что на время скроется, хотя и не знает, где именно. Он говорит, что предпочел бы умереть от руки тиранов, особенно «свирепого герцога Георга», но только не пренебречь советом добрых людей. «Вскоре вы не увидите меня, и опять вскоре увидите меня (Ин. 16:16). Я надеюсь, что будет так. Но прежде всего да свершится Божья воля, на небе и на земле».

Во Фридберге он отпустил глашатая, дав ему письмо на латыни к императору и на немецком — к сословиям. Императора он поблагодарил за охранную грамоту и еще раз обосновал позицию, которую защищал в Вормсе. Лютер не мог верить в решение одного человека или многих людей, когда речь шла о слове Бога и о вечных интересах, но по-прежнему был готов покаяться, если его опровергнут на основании Писания⁴²².

В Герсфельде аббат Кратон гостеприимно пригласил его в бенедиктинский монастырь и попросил проповедовать. Лютер сделал это, несмотря на запрет императора, повинувшись Богу, а не человеку. «Я никогда не соглашался, — заявил он, — замалчивать слово Божье. Это не в моей власти»⁴²³. Он проповедовал и в Эйзенахе, но приходской священник протестовал против этого. Несколько спутников оставили его там и направились в Готу и Виттенберг.

Из Эйзенаха он, вместе с Амсдорфом и Пеценштейнером, поехал в Мёру повидать родственников. Ночь он провел у своего дяди Хайнца, а в воскресное утро проповедовал. Потом он возобновил путешествие на Альтенштейн и Вальтерсхаузен в сопровождении нескольких родственников. Но 4 мая из леса на них внезапно напала группа вооруженных всадников. Они остановили повозку, ругаясь и проклиная, вытащили оттуда Лютера, усадили верхом и быстро увезли. В полночь его уже доставили в Вартбург, где он стал государственным пленником капитана фон Берлепша, коменданта замка.

Все это было мудро задумано в Вормсе курфюрстом Фридрихом, которого Алеандер называет «саксонским лисом». Фридрих колебался между привычкой к старой вере и тягой к новой. Он не мог быть уверен в безопасности Лютера

⁴²¹ De Wette, I. 588.

⁴²² De Wette, I. 589, 600.

⁴²³ См. его послание к Шпалатину от 14 мая в De Wette, II. 6.

после тех трех недель, в течение которых действовала охранная грамота императора. Он не хотел слушаться императора, но, с другой стороны, не желал принести в жертву реформатора, своего подданного и гордость своего университета. Поэтому он решил на какое-то время удалить Лютера из поля зрения общественности. Меланхтон правильно говорит о Фридрихе: «Он не был одним из тех, кто душит перемены в зародыше. Он слушался воли Божьей. Он читал публиковавшиеся труды и не позволял никакой силе сокрушить то, что он считал истинным».

Замысел держался в строгой тайне. Несколько месяцев даже Иоанн, брат курфюрста, не знал о месте нахождения Лютера и думал, что тот находится в одном из замков Зикингена. Ходили самые противоречивые слухи, и им верили толпы народа, собиравшиеся в общественных местах, чтобы послушать последние новости. Одни говорили, что Лютер мертв, другие — что он в тюрьме и с ним жестоко обращаются. Альбрехт Дюрер, знаменитый художник, который в то время находился в Антверпене и уважал Лютера как «человека, просвещенного Святым Духом и исповедующего истинную христианскую веру», написал в своем дневнике на Пятидесятницу 1521 г. молитву о том, чтобы Бог возвысил вместо него другого и исполнил его Святым Духом для исцеления ран церкви.

Вартбург — величественный замок на холме над Эйзенахом, в самой красивой части Тюрингского леса. Он хранит воспоминания о средневековой поэзии и о благочестии периода Реформации. Он был резиденцией ландграфов Тюрингии в 1073 — 1440 г. Здесь самые знаменитые миннезингеры Вальтер фон дер Фогельвейде и Вольфрам фон Эшенбах услаждали двор Германа I (1190 — 1217). Здесь святая Елизавета (1207 — 1231), жена ландграфа Людвига, развивала свои исключительные добродетели кротости и милосердия и занималась теми аскетическими упражнениями умерщвления плоти, которые навязывал ей ее бессердечный варвар-исповедник Конрад Марбургский. Но самые интересные реликвии прошлого — это *Lutherstube* и прилегающий к нему *Reformationszimmer*. Простое убранство небольшого помещения, где жил реформатор, сохранилось до сих пор: стол, стул, кровать, маленький книжный шкаф, кружка для питья и рыцарские доспехи Юнкера Георга — под этим именем он скрывался. Знаменитой чернильницы нет, да и история о ней вымышлена⁴²⁴. В Вартбурге немецкие студенты отмечали в октябре 1817 г. трехсотлетие Реформации. В Вартбурге доктор Мерль д'Обинье из Женевы вдохновился написание своей красноречивой истории Реформации, которая получила, по крайней мере, в переводе на английский язык, более широкое распространение, чем любая другая книга об истории церкви. В Вартбурге периодически собирается Эйзенахская конференция представителей разных лютеранских организаций Германии для конструктивного обсуждения вопросов, которые интересуют всех, — например, пересмотра Библии Лютера. Замок был прекрасно реставрирован и украшен в средневековом стиле в 1847 г.

Лютер провел в таком романтическом уединении почти одиннадцать месяцев, перемежая отдых и работу, здоровье и болезнь, дерзновение и уныние. Если принять во внимание, что здесь он перевел Новый Завет, это был самый полезный год в его жизни. Лютер подробно описывал свое времяпрепровождение в

⁴²⁴ В мое последнее посещение, 31 июля 1886 г., я видел только царапины и вмятины на стене, на которой раньше показывали чернильное пятно. «Ни один из старых свидетелей, — говорит Кестлин (I. 472 sq.), — ничего не знает о чернильном пятне на стене; вероятно, эта история возникла из-за пятна иного происхождения». Землер видел такое чернильное пятно в Кобурге. Однако факт, лежащий в основе легенды, достоверен.

посланиях к виттенбергским друзьям, особенно Шпалатину и Меланхтону. Их доставляли тайными гонцами, как отправленные с «Патмоса», или «из пустыни» в «области поднебесной», или из «области птиц».

Окружавшие знали Лютера как рыцаря Георга и относились к нему соответственно. Монашескую одежду он сменил на платье благородного человека, отстриг волосы и бороду, носил кольчугу, меч, золотую цепь, вынужденно подражал придворным манерам. Ему прислуживали два паж, которые дважды в день носили ему в комнату еду. Еда была гораздо лучше той, к которой он привык как монах, в результате чего у него возникли проблемы с пищеварением и бессонница. Он наслаждался пением птиц, которые «сладко славили Бога день и ночь изо всех сил». Он ходил на прогулки с сопровождающим. Иногда он брал с собой книгу, но ему напоминали, что рыцарь — это не ученый. По пути он разговаривал со священниками и монахами о делах церкви и о неизвестном местонахождении Лютера, пока его не просили продолжать путь. Он принимал участие в охоте, но среди охотников и животных думал о богословии. «Мы поймали несколько зайцев и куропаток, — пишет он, — достойное занятие для праздных людей!» Силки и собаки напоминали ему об уловках дьявола, который гоняет и преследует несчастные человеческие души. Он спрятал зайца, за которым гонялись, но собаки разорвали его на части. Это навело его на мысль о гневе дьявола и папы, желающих уничтожить тех, кого он хотел спасти. Он думал, что лучше было бы охотиться на медведей и волков.

Он много раз лично встречался с дьяволом, существование которого было для него столь же несомненно, как и его собственное. Не раз он бросал в него чернильницей — не в буквальном, но в духовном смысле. Его жесточайшим ударом по главному врагу был перевод Нового Завета. Его собственные сомнения, плотские искушения, дурные мысли, а также опасности, угрожавшие ему самому и его делу из-за врагов, представлялись ему в облике князя тьмы. По ночам он слышал производимый дьяволом шум из сундука, из мешка с орехами, с лестницы, «как будто там перекачивали сотню бочонков». Однажды он видел дьявола в виде большого черного пса, лежащего на его постели, и выбросил тварь из окна, а пес не издал ни звука и исчез⁴²⁵. Иногда он прибегал к шуткам. Дьявол, говорил он, тяжелее всего переносит, когда его презирают и над ним смеются⁴²⁶.

В том, что касалось бесов, призраков, ведьм и колдунов, Лютер был воспитан в духе средневекового суеверия. Его воображение облакало эти идеи в конкретные, осязаемые формы. Дьявол был для него личным воплощением всего зла и

⁴²⁵ В «Фаусте» Гете Мефистофель появляется в облике пуделя, *canis infernus*, и изгоняется крестным знаменем:

*Bist du, Geselle,
Ein Flüchtling der Hölle?
So sieh diess Zeichen,
Dem sie sich beugen
Die schwarzen Schaaren.*

*{Ты выходец бездны,
Пряатель любезный?
Вот что без утайки открой.
Вот символ святой,
И в дрожь тебя кинет,
Так страшен он вашей всей шайке клятой.*

(Перевод Б. Пастернака).

⁴²⁶ *Verachtung kann der stolze hoffärtige Geist nicht leiden (Tischreden., LX. 75, Erl.-Frkf. ed.).*

коварства в мире и потому часто фигурирует в его богословии и в описаниях религиозного опыта⁴²⁷. Дьявол — непосредственный антипод Бога, главный враг Христа и людей. Как Бог есть чистая любовь, так дьявол есть чистый эгоизм, ненависть и зависть. Он наделен великими интеллектуальными дарами, так как плохие люди часто превосходят хороших в пронизательности и понимании. Изначально он был архангелом, но, движимый гордостью и завистью к Сыну Божьему, воплощение и спасительные деяния Которого предвидел, взбунтовался против Него. Он командует организованной армией падших ангелов и грешников, которые постоянно воюют с Богом и добрыми ангелами. Он — бог этого мира и умеет им править. Он обладает властью над природой, повелевает громами и молниями, градом и землетрясением, мухами и клопами. Он — обезьяна Бога. Он может подражать Христу и наиболее опасен в облике ангела света. Он особенно активен там, где проповедуют Слово Божье. Он горд и высокомерен, хотя может казаться смиренным. Он — лжец и убийца с самого начала. Он разбирается в тысяче искусств. Он ненавидит людей, потому что они — творения Бога. Он всегда среди них, старается повредить им и обольстить их. Он разжигает ссоры и вражду. Он — создатель всяческой ереси и гонений. Он изобрел папство как противовес истинному Божьему царству. Он навлекает на людей испытания, болезнь и смерть. Он искушает их, побуждая нарушить десять заповедей, усомниться в Слове Божьем и богохульствовать. Он толкает на неверие и отчаяние. Он ненавидит брак, веселье и музыку. Он не выносит пение, особенно «духовные песни»⁴²⁸. Он удерживает человеческую волю в плену и ездит на ней, как на осле. Он может цитировать Писание, но только тогда, когда это служит его целям. Христианин должен знать, что дьявол ближе к нему, чем его собственная рубашка и даже чем его собственная кожа. Лютер сообщает, что часто спорил с дьяволом по ночам о состоянии своей души столь увлеченно, что тяжело дышал и дрожал. Однажды дьявол сказал, что Лютер большой грешник. «Я давно об этом знаю, — отвечал он, — скажи мне что-нибудь новое. Христос взял мои грехи на Себя и давно простил их мне. Теперь можешь скрежетать зубами». Иногда Лютер отвечал обвинением на обвинение и в насмешку просил: «Святой сатана, помолись обо мне» или «Врач, исцели себя сам». Дьявол принимает разные обличья, появляется в образе пса, свиньи, козла, пламени, звезды или человека с рогами. Он шумный и беспокойный⁴²⁹. Он стоит за всяким колдовством и проделками духов. Он крадет маленьких детей и подменяет их другими, у которых нет души. Они мучают своих родителей и умирают во младенчестве⁴³⁰. Многие средневеко-

⁴²⁷ В алфавитном указателе к эрлангенско-франкфуртскому изданию немецких трудов Лютера ссылки на слово *Teufel* заполняют не менее десяти страниц мелким шрифтом (vol. LXVII, 243-253). Его «застольная речь» о дьяволе занимает около 150 страниц в vols. LIX — LX. Поучительно и интересно прочесть ее всю. Мишле посвящает этой теме целую главу (pp. 219-234). Систематизированный обзор см. в Köstlin, *Luther's Theologie*, vol. II, 313 sq.; 351 sqq.

⁴²⁸ *Der Teufel ist ein trauriger Geist*, — говорит он в «Застольных речах» (LX. 60), — *und macht traurige Leute; darum kann er Fröhlichkeit nicht leiden. Daher kommt's auch, dass er von der Musica aufs Weiteste fleuget; er bleibt nicht, wenn man singt, sonderlich geistliche Lieder. Also linderte David mit seiner Harfen dem Saul seine Anfechtung, da ihn der Teufel plagte.*

⁴²⁹ *Ein Polter- und Rumpel-Geist.*

⁴³⁰ *Solche Wechselbälge [или Wechselkinder, «подменыши»] und Kielkröpfe supponit Satan in locum verorum filiorum, und plaget die Leute damit. Denn diese Gewalt hat der Satan, dass er die Kinder auswechselt und einem für sein Kind einen Teufel in die Wiegen legt* (Erl. ed., LX. 41).

вые чудеса Римско-католической церкви Лютер был склонен объяснять вмешательством сатаны. Он верил в *daemones incubos et succubos*.

Но в конечном итоге дьявол не имеет реальной власти над верующими. Он ненавидит молитву, бежит от креста и от Слова Божьего как от огня. Если вы не можете изгнать его текстами Священного Писания, лучший способ борьбы с ним — насмешка. Одна благочестивая монахиня напугала дьявола, просто сказав: *Christiana sum* {«Я христианка»}. Христос победил дьявола и в конечном итоге бросит его в адский огонь, поэтому Лютер поет в своем боевом гимне:

*Пусть князь всех зол обычно мрачен —
Не повредит он нам, не может:
Погибель уготована ему,
И слово малое убьет его.*

Иногда Лютер впадал в тяжелую депрессию. Он писал Меланхтону 13 июля, одолеваемый несварением, которое заставляет воспринимать все вокруг в мрачных красках: «Вы слишком превозносите меня и впадаете в серьезное заблуждение, слишком веря в меня, как если бы дело Бога без меня было невозможно. Столь высокое мнение обо мне смущает и терзает меня, когда я ощущаю себя бесчувственным, ожесточенным, погрязшим в праздности! Я редко молюсь и не скорблю о Божьей церкви. Моя непокоренная плоть жжет меня огнем пожирающим. И я, который должен быть проникнут духом, уничтожаем плотью, роскошью, слабостью, праздностью, сном. Может быть, Бог отвернулся от меня, потому что ты больше обо мне не молишься? Ты должен занять мое место, ты, более одаренный Богом и более угодный Ему. Прошла неделя с тех пор, как я прикасался пером к бумаге, молился или учился. Меня одолевают плотские заботы и другие искушения. Если положение дел не улучшится, я поеду в Эрфурт открыто. Там ты встретишься со мной, или я с тобой, потому что я должен проконсультироваться у врачей или хирургов. Может быть, Господь так беспокоит меня, как раз чтобы я вышел из этой пустыни на люди»⁴³¹.

Но, жалуясь на болезнь, депрессию и происки злых духов, он проявлял живой интерес к событиям времени и жаждал снова вступить в противоборство. Он продолжал писать письма, книги и памфлеты и отправлять их в мир. Его литературная деятельность в эти несколько месяцев просто потрясает. Она составляет странный контраст с его повторяющимися жалобами на праздное пребывание на Патмосе и словами о том, что он предпочел бы гореть на службе у Бога, чем загнивать здесь.

В Вартбурге у него было немного книг. Он очень усердно изучал греческое и еврейское Писание⁴³². Новости он узнавал из писем виттенбергских друзей, труды же писал исключительно за счет своего гения.

Он продолжил свой великий латинский комментарий на Псалтирь, особенно тщательно рассматривая псалом 21 со ссылкой на распятие. Он написал также отдельные разъяснения к псалмам 67 и 36. Он закончил книгу о *Magnificat* Святой Девы, где выражает полную веру в ее непорочность и даже в ее непорочное зачатие. Он выступил против устной исповеди, которая использовалась теперь для борьбы с чтением протестантских книг, и посвятил этот трактат Зикингену (1 июня). Он начал цикл проповедей по Евангелиям и посланиям для цер-

⁴³¹ De Wette, II. 21 sq.

⁴³² *Bibliam Graecam et Hebraicam lego* (Шпалатину, 14 мая — De Wette, II. 6).

ковного года (*Kirchenpostille*), которые позже были закончены его друзьями и стали одной из популярных религиозных книг в Германии. Однажды он назвал эту книгу лучшей из всех, что написал, и сказал, что она нравится даже папистам⁴³³. Он ответил на латыни Латому, лувенскому богослову. Он, на латыни и на немецком, критиковал учение о мессе, которое составляет самый центр римско-католического богослужения, и монашеские обеты, основу монашеской системы. Книгу против обетов он посвятил своему отцу, который возражал против его пострижения в монахи.

Он нанес также существенный удар кардиналу Альбрехту Майнцскому, который выставил в Галле на обозрение паломников собрание из почти девяти тысяч чудотворных реликвий (в числе которых была манна из пустыни, неопалимая купина Моисея, кувшины со свадьбы в Кане). За посещение этой выставки и за милосердный вклад в казну церкви была обещана индульгенция. Лютер, не обращая внимания на тот факт, что его собственный благочестивый курфюрст устроил такую же выставку в Виттенберге всего за несколько лет до того, выступил с яростным протестом против «идола индульгенций» (октябрь 1521). Шпалатин и курфюрст были против его публикации, но он писал Шпалатину: «Я не смирюсь с этим. Я предпочитаю потерять тебя, и самого князя, и всех людей. Если я выступил против папы, почему я буду уступать его служителю?» В то же время он обратился с резким письмом к архиепископу (1 декабря) и напомнил ему, что он должен был бы уже понять: индульгенции — это обыкновенное мошенничество и обман. Лютер еще жив. И епископы, прежде чем наказывать женатых священников, должны сначала прогнать собственных наложниц. Он угрожал выпустить книгу против идола из Галле. Архиепископ подчинился и выступил со смиренной апологией в письме от 21 декабря, которая показывает, какое влияние над ним приобрел Лютер⁴³⁴.

§62. Перевод Библии

- I. MARTIN LUTHER: *Bibelübersetzung nach der letzten Original-Ausgabe, kritisch bearbeitet von H. E. BINDSEIL und H. A. NIEMEYER*. Halle, 1845-55, 7 vols. 8'. Новый Завет — vols. 6 — 7. Критический репринт последнего издания Лютера (1545). Нимейер умер после публикации первого тома. См. также *Probibibel* (пересм. перев. Лютера), Halle, 1883. LUTHER, *Sendbrief vom Dolmetschen und Fürbitte der Heiligen* (с посланием к Венцеславу Линку, 12 сентября 1530 г.), в WALCH, XXI. 310 sqq., и Erl. Frkf. ed., vol. LXV. 102-123. (He в сборнике De Wette, по причине его полемического характера). Защита его перевода от нападок католиков. MATHESIUS, в тринадцатой проповеди о жизни Лютера.
- II. О достоинствах и истории перевода Лютера. Лучшие труды — PALM (1772), PANZER (*Vollständ. Gesch. der deutschen Bibelübers. Luthers*, Nürnberg. 1783, 2^e ed. 1791), WEIDEMANN (1834), H. SCHOTT (1835), BINDSEIL (1847), HOPF (1847), MÖNCKEBERG (1855 и 1861), KARL FROMMANN (1862), DORNER (1868), W. GRIMM (1874 и 1884), DÜSTERDIECK (1882), KLEINERT (1883), TH. SCHOTT (1883) и введение к *Probibibel* (1883). См. литературу в §17.

⁴³³ См. предисловие к изданию Сент-Луи, Walch, XI (1882), p. 1 sqq., и Köstlin, I. 486-489.

⁴³⁴ Оба послания есть в Walch, XIX. 656 sqq.; письмо Лютера также есть в De Wette, II. 112-115. См. Köstlin, I. 485 sq. Распространенное мнение о том, что Альбрехт возобновил торговлю индульгенциями в Галле, представляется по меньшей мере сомнительным. Альбрехт Волтерс отрицает его в своей пасхальной речи *Hat Cardinal Albrecht von Mainz im J. 1521 den Tetzelschen Ablasshandel erneuert?* (Bonn, 1877, p. 24). Он приходит к выводу: *Somit war der 'Abgott,' welchen Luther bekämpfte, nicht die Erneuerung des Tetzelschen Ablasshandels, sondern die Wiederaufrichtung der in Sachsen theils erloschenen, theils erlöschenden alten Ablasslehre, welche der Cardinal durch Ausstellung seiner mit Ablass begnadigten Reliquien zur Hebung des neuen Stifts und in der Stiftskirche zu Halle im Jahr 1521 versucht hat.*

III. О долготеровской немецкой Библии и об отношении Лютера к ней. Ed. REUSS: *Die deutsche Historienbibel vor der Erfindung des Bücherdrucks*. Jena, 1855. Jos. KENREIN (католик): *Zur Geschichte der deutschen Bibelübersetzung vor Luther*. Stuttgart, 1851. O. F. FRITZSCHE в Herzog, 2^d ed., Bd. III (1876), pp. 543 sqq. Dr. W. KRAFFT: *Die deutsche Bibel vor Luther, sein Verhältniss zu derselben und seine Verdienste um die deutsche Bibelübersetzung*. Bonn, 1883 (25 стр. 4°). Также см. недавние обсуждения предполагаемого вальденского происхождения долготеровского немецкого перевода (1885 — 1887) — KELLER, HAUPT, JOSTES, RACHEL, KAWERAU, KOLDE, K. MÜLLER.

Прекраснейшим плодом пребывания Лютера в Вартбурге и самым важным и полезным произведением всей его жизни является перевод Нового Завета, в котором он донес учение и пример Христа и апостолов до сознания и сердца немцев через изложение близким к жизни языком. Евангелие вновь стало народным. Библия превратилась в народную книгу, которая использовалась в церкви, в школе и дома. Даже если бы Лютер не совершил ничего больше, он оставался бы одним из величайших благодетелей немецкоязычного населения⁴³⁵.

За его переводом последовали протестантские переводы на других языках, в первую очередь на французском, голландском и английском. Библия перестала быть иностранной книгой на непонятном языке. Она стала родной, а потому более понятной и дорогой для простого народа. Теперь Реформация опиралась уже не на труды реформаторов, а на книгу Божью, которую каждый мог читать сам, ежедневно руководствуясь ею в своей духовной жизни. Неоценимая благодать открытия Библии, предоставленная всем, без позволения и посредничества папы или священника, знаменует громадный шаг вперед в истории церкви и не может быть утрачена.

Более ранние переводы

Лютер был не первым, но величайшим из переводчиков Библии на немецкий, и он так же тесно связан с историей немецкой Библии, как Иероним — с историей латинской Вульгаты. Более древние переводы благодаря ему отошли в тень и перестали использоваться, а последующие переводчики не превзошли его и даже не сравнялись с ним. Есть более точные переводы для ученых (например, Де Ветте и Вейцсакера), но никто не сравнится с Лютером в плане влияния на народ и активности применения перевода.

⁴³⁵ Стоит процитировать свидетельство великого философа Гегеля. Он говорит в своей *Philosophie der Geschichte* (р. 503): «Лютер отверг авторитет церкви, поставив на его место Библию в восприятии Человеческого Духа. Чрезвычайную важность имеет тот факт, что Библия стала основой христианской церкви: с тех пор каждый имеет право излекать из нее наставления для себя и приводить свою совесть в соответствие с нею. Мы наблюдаем большие перемены в принципах, которыми руководствуется религиозная жизнь человека: вся система предания, формировавшая остоу церкви, перестала считаться безраздельно достоверной, и авторитет предания был подвергнут сомнению. Перевод Библии, выполненный Лютером, имел неизмеримую ценность для немецкого народа. Лютер предоставил стране Народную Книгу, которой не мог похвалиться ни один другой народ христианского мира. Хотя и существовало большое количество менее значительных произведений в виде молитвенников, не было общепризнанной классической книги для народного наставления. Однако даже в наше время продолжает подниматься вопрос, правомерно ли вообще давать Библию в руки народа, — хотя некоторые неудобства, связанные с этим, более чем успешно уравниваются неоценимыми благами, проистекающими отсюда: повествования, внешняя форма которых неудобоварима для сердца и разума, оказываются доступными для восприятия религиозному чувству, которое, твердо держась за основание истины, легко побеждает любые подобные трудности». Фроуде (*Luther*, р. 42) называет лютеровский перевод Библии «величайшим из даров, которые он мог предложить Германии».

В темные века введение христианства принесло варварам цивилизацию, и уже тогда были переведены те части Писания, которые были необходимы для церковного поклонения.

Готский епископ Вульфилла, или Вёльфлейн (Волчонок), в IV веке перевел почти всю Библию с греческого на готский язык. Это древнейший памятник германской литературы и фундамент сравнительной германской филологии⁴³⁶.

В XIV веке неизвестные ученые подготовили новый перевод всей Библии на средневерхненемецкий диалект. Они раболепно следовали латинской Вульгате. Этот перевод можно уподобить английскому переводу Виклифа (1380), также сделанному с Вульгаты, поскольку языки оригинала были тогда почти неизвестны в Европе. Недавно был напечатан Новый Завет в этом переводе, с рукописи из премонстрантского монастыря в Тепле, Богемия⁴³⁷. Еще одна копия хранится в библиотеке колледжа во Фрейберге, Саксония⁴³⁸. Оба относятся к XIV веку и почти дословно совпадают с первой печатной немецкой Библией, но содержат, помимо Нового Завета, апокрифическое послание апостола Павла к лаодикийцам — бессмысленное собрание фраз из подлинных произведений апостола⁴³⁹.

После изобретения книгопечатания и до Реформации эта средневековая немецкая Библия печаталась чаще, чем любая другая, за исключением латинской Вульгаты⁴⁴⁰. Не менее семнадцати или восемнадцати изданий вышло между 1462 и 1522 г. в Страсбурге, Аугсбурге, Нюрнберге, Кельне, Любеке и Гальберштадте (четырнадцать на верхне-, три или четыре — на нижненемецком диалекте). Основная их часть издана в виде большого фолианта, в двух томах, и иллюстрирована гравюрами. В изданиях представлен один и тот же перевод (или, скорее, два варианта, верхненемецкий и нижненемецкий), с диалектическими изменениями и приспособлениями к вариантам рукописей Вульгаты, которые были весьма

⁴³⁶ Вульфиллу неоднократно печатали на основании сохранившихся фрагментарных рукописей из Упсалы (Codex Argenteus, названный так по серебряному переплету), Вольфенбюттеля и Милана: Н. С. von Gabelenz and J. Loebe (1836), Massmann (1857), Bernhardt (1875), Stamm (1878), Uppström (1854 — 1868, самое точное издание), R. Müller и H. Hoespe (1881), W. W. Skeat (1882). См. также Jos. Bosworth, *The Gothic and Anglo-Saxon Gospels in Parallel Columns with the Versions of Wycliffe and Tyndale*, London, 2^d ed., 1874 (с факсимиле Codex Argenteus).

⁴³⁷ P. Philipp Klimesch (библиотекарь монастыря), *Der Codex Teplensis, enthaltend «Die Schrift des neuen Zezeuges». Aelteste deutsche Handschrift, welche den im 15 Jahrh. gedruckten deutschen Bibeln zu Grunde gelegen.* Augsburg and München, 1881 — 1884, 3 parts. Кодекс содержит также гомилии святого Августина и святого Златоуста и семь артикулов веры. Последнее особенно побудило Келлера и Гаупта приписывать его создание вальденсам. Но эти Addenda не являются антикатолическими. В лучшем случае они доказывают, что некий вальденс или богемец владел данной конкретной копией, но не обязательно был автором перевода. См. примечания ниже.

⁴³⁸ См. д-р M. Rachel: *Ueber die Freiburger Bibelhandschrift, nebst Beiträgen zur Gesch. der vorlutherischen Bibelübersetzung*, Freiberg, 1886 (31 стр.).

⁴³⁹ Это апокрифическое послание было также включено в альбигойский (романский) перевод XIII века, в богемский перевод и в древние английские Библии в двух независимых переводах XIV и XV века, но не в Библию Виклифа. См. Forshall and Maddan, *Wycliffite Versions of the Bible* (1850), IV. 438 sq.; Anger, *Ueber den Laodicenerbrief* (Leipzig, 1843); Lightfoot, *Com. on Ep. to the Colossians* (London, 1875), p. 363 sq. С другой стороны, то же псевдопавловское послание встречается во многих рукописях и в ранних изданиях Вульгаты, а также в немецких переводах Экка и Диттенбергера. Поэтому мы не можем говорить о его присутствии как о доводе за или против вальденской гипотезы Келлера.

⁴⁴⁰ Между 1450 и 1500 г. вышло девяносто семь изданий Вульгаты: 28 в Италии (почти все в Венеции), 16 в Германии, 10 в Базеле, 9 во Франции. См. Fritzsche in Herzog², vol. VIII, 450.

разнообразны до пересмотренной версии Климента (1592). Переводчики и авторы пересмотренных вариантов неизвестны.

Распространенность этого перевода, сколь бы несовершенным он ни был, доказывает, что немецкий народ жаждал чистого Божьего слова и прокладывал путь для Реформации. Это встревожило иерархию. Архиепископ Бертольд Майнцский, в прочих отношениях ученый и просвещенный прелат, ввел 4 января 1486 г. запрет в своей епархии на все неавторизованные издания священных и ученых книг, особенно немецкой Библии, объясняя это тем, что на немецком языке невозможно правильно передать глубокий смысл греческих и латинских трудов и что миряне и женщины не обязаны понимать Библию. Даже Гейлер из Кайзерсберга, который резко критиковал безумства мира и злоупотребления в церкви, считал «грехом печатать Библию на немецком».

Помимо всей Библии, существовали многочисленные немецкие переводы Евангелий и Посланий (*Plenaria*), а также Псалтири, все сделанные по Вульгате⁴⁴¹.

Лютер не мог не знать этого средневекового перевода. Он вдумчиво пользовался им, равно как и древними немецкими и латинскими гимнами. Без его помощи Лютер вряд ли смог бы перевести свой Новый Завет за краткий срок в три месяца⁴⁴². Но этот факт несколько не умаляет его заслуг. Его перевод был сделан с оригинального еврейского и греческого текста и во всех отношениях превосходил древний перевод, который совершенно перестал использоваться. Это был исключительно новый труд.

Способности Лютера

Лютер обладал редким сочетанием дарований, необходимых для переводчика Библии. Он знал языки оригинала, превосходно владел разговорным немецким, верил в явленное Слово Божье, с энтузиазмом относился к благовестию и был помазан Духом Святым. Хороший перевод должен быть точным и свободным, верным и выразительным, читаться как оригинальный труд. В случае перевода Лютера так и есть. Кроме того, сам Лютер приобрел уже такую известность и авторитет, что его перевод сразу же привлек всеобщее внимание.

Греческий и еврейский он знал не блестяще, но достаточно, чтобы составить независимое суждение⁴⁴³. Там, где ему не хватало учености, этот недостаток возмещали его интуиция и помощь Меланхтона. В плане владения немецким языком у него не было соперников. Он творил, придавал форму верхненемецкому языку своего времени. Официальные обороты правительственных речей он соче-

⁴⁴¹ В королевской библиотеке Мюнхена есть 21 рукопись немецких переводов евангелий и посланий. Евангелия печатались около 25 раз до 1518 г.; Псалтирь — около 13 раз до 1513 г. См. также, помимо этого, труды Панцера, Керейна, Келлера, Гаупта, которые упоминаются выше, а также Alzog, *Die deutschen Plenarien im 15 und zu Anfang des 16 Jahrh.*, Freiburg-i-B., 1874.

⁴⁴² Раньше многие не обращали внимания или отрицали то, что Лютер использовал более древний немецкий перевод, но этот факт был доказан профессором Крафтом из Бонна (1883). Он добавляет, причем весьма справедливо (*l. c.*, p. 19): *Es gereicht Luther zum grössten Verdienst, dass er auf den griechischen Grundtext zurückgegangen, den deutschen Wortschatz zunächst im N. T. wesentlich berichtigt, dann aber auch mit seiner Genialität bedeutend vermehrt hat.* См. примечания ниже.

⁴⁴³ *Ich kann, — пишет он в своем Tischreden, — weder griechisch noch ebraeisch, ich will aber dennoch einem Ebraeuer und Griechen ziemlich begegnen. Aber die Sprachen machen für sich selbst keinen Theologen, sondern sind nur eine Hülfe. Denn soll einer von einem Dinge reden, so muss er die Sache [Sprache?] zuvor wissen und verstehen.* Erl.-Frkf. ed., vol. LXII. 313.

тал с речью простого народа. По его собственному признанию, он слушал, как говорит его мать дома, дети на улице, мужчины и женщины на рынке, мясник и прочие торговцы в своих лавках, и «заглядывал им в рот», стараясь уловить наиболее естественные выражения. Его поэтический и музыкальный талант помогли ему воспроизвести ритм и мелодику, параллелизм и симметрию еврейской поэзии и прозы. Его главными дарованиями была интуитивная пронизательность и духовное сопереживание содержанию Библии.

Хороший перевод, говорил он, требует «воистину преданного, верного, усердного, христианского, образованного, опытного и умудренного сердца».

Выполнение перевода

Лютер постепенно готовился к этому труду. Впервые он нашел полный экземпляр латинской Библии — к своему великому удовольствию — в университетской библиотеке Эрфурта и сделал ее главным предметом изучения. Из нее он черпал свое богословие и духовную пищу. День за днем он, будучи профессором Виттенберга, читал по ней лекции и проповеди. Он выучил языки оригинала, чтобы лучше понимать ее. Ему нравилось называть себя «доктором Священного Писания».

Первой пробой пера Лютера как переводчика был перевод семи псалмов покаяния, опубликованный в марте 1517 г., за шесть месяцев до начала Реформации. Последовали и другие части Ветхого и Нового Завета: десять заповедей, молитва Господня, молитва царя Манассии, *Magnificat* Марии и т. д. — с популярными комментариями. Друзья, особенно Меланхтон, призывали его к тому же, к чему склоняла его собственная совесть, — перевести всю Библию.

Он начал перевод Нового Завета в ноябре или декабре 1521 г. и завершил его уже в марте, до того как покинул Вартбург. Он тщательно пересмотрел перевод по возвращении в Виттенберг, при активном содействии Меланхтона, который гораздо лучше знал греческий. Со Штурцем из Эрфурта проводились консультации по поводу мер и весов. Шпалатин уточнил в сокровищнице курфюрста названия драгоценных камней Нового Иерусалима (Отк. 21). Затем перевод прошел через три печатных станка и вышел уже 21 сентября 1522 г., но без имени автора⁴⁴⁴.

В декабре понадобилось выпустить второе издание, со многими исправлениями и улучшениями⁴⁴⁵.

⁴⁴⁴ Под заглавием *Das Neue Testament Deutsch., Wittemberg*, с гравюрами Лукаса Кранаха, по одной в начале каждой книги и 21 в Апокалипсисе. Деление на главы, которое ввел Гуго из Сен-Каро, было взято из латинской Библии, а вместе с ним было частично позаимствовано деление на абзацы. Деления на стихи тогда еще не существовало (впервые его ввел Роберт Стефан в своем издании латинского перевода, 1548 г., и в издании греческого Нового Завета, 1551 г.). Порядок посланий изменен, и это изменение было сохранено во всех последующих изданиях. На полях добавлены параллельные места и глоссы. В издании было много опечаток, весьма курьезная — в Гал. 5:6: *Die Liebe, die durch den Glauben thaetig ist*, вместо *Der Glaube, der durch die Liebe thätig ist* («любовь, действующая верой» вместо «вера, действующая любовью»). Экземпляр этого редкого издания, без полностраничных иллюстраций к Апокалипсису, но с вышеупомянутой опечаткой, есть в библиотеке Семинарии Союза, Нью-Йорк. Он содержит знаменитое предисловие с выпадами против *rechte stroern Epistel* апостола Иакова, которые позже были опущены или видоизменены.

⁴⁴⁵ Были изменены и иллюстрации. Тройная папская тиара вавилонской блудницы в Отк. 17 была заменена на простую корону.

Лютер тут же приступил к более сложной задаче — переводу Ветхого Завета и публиковал его частями по мере готовности. Пятикнижие вышло в 1523 г., Псалтирь — в 1524.

В процессе работы он основал *Collegium Biblicum*, или «Библейскую коллегию», в которую входили его соратники Меланхтон, Бугенгаген (Поммер), Круцигер, Юст Ионас и Аврогалл. Они собирались раз в неделю у него дома, за несколько часов до ужина. Присутствовал также диакон Георг Рёер (Рорарий), первый священник, рукоположенный Лютером; иногда допускались и ученые со стороны; за советами обращались и к иудейским раввинам. Каждый из членов общества вносил в дело определенный вклад в соответствии со своими индивидуальными знаниями и подготовкой. Меланхтон приносил с собой греческую Библию, Круцигер — еврейскую и халдейскую, Бугенгаген — Вульгату, остальные — древних комментаторов. У Лютера всегда был с собой латинский и немецкий перевод, помимо еврейского. Иногда они по четыре дня трудились над тремя строками из Книги Иова, а бывало, что две, три или даже четыре недели тратили на одно слово. Не сохранилось записей об обсуждениях в этой славной коллегии, но Матезий говорит, что там «произносились невероятно прекрасные и назидательные речи».

Наконец, вся Библия, включая апокрифы как «книги, не равные Священному Писанию, но полезные и пригодные для чтения», была завершена в 1534 г. и напечатана со множеством гравюр.

За это время Новый Завет выдержал уже шестнадцать или семнадцать изданий и более пятидесяти репринтов⁴⁴⁶.

Лютер жаловался на множество ошибок в этих безответственных изданиях.

Он непрерывно улучшал свой перевод — исправлял ошибки, менял невыведенную или неунифицированную орфографию, правил окончания, очищал текст от непонятных и жаргонных слов, делал его в целом более соразмерным и мелодичным.

Он подготовил пять оригинальных изданий, или пересмотров, всей своей Библии. Последнее вышло в 1545 г., за год до его смерти⁴⁴⁷. На нем и основаны все критические издания, что вполне справедливо⁴⁴⁸.

Издание 1546 г. было подготовлено другом Лютера Рёером. Там много изменений, которые он приписывал самому Лютеру. Некоторые из них действительно являются улучшениями, например: *Die Liebe höret nimmer auf* вместо *Die Liebe wird nicht müde* (1 Кор. 13:8). Обвинение в том, что эти изменения были сделаны в интересах филиппистов (меланхтониан), представляются беспочвенными.

⁴⁴⁶ Fritzsche (l. c., p. 549): *Vom N. T. sind von 1522 — 1533 ziemlich sicher 16 original Ausgaben nachgewiesen... Die Nachdrucke belaufen sich auf ungefähr 54, wobei Augsburg mit 14, Strassburg mit 13, und Basel mit 12 vertreten ist.*

⁴⁴⁷ Под заглавием *Biblia, das ist die gantze Heilige Schrift, Deutsch. Auff neu zugericht. D. Mart. Luther. Wittemberg. Durch Hans Lufft, M. D. XLV*, фолиант со многочисленными иллюстрациями. Копия есть в библиотеке Канштейна, *Bibelanstalt*, в Галле. В Богословской семинарии Союза в Нью-Йорке есть экземпляр издания 1535 г. под заглавием: *Biblia das ist die gantze Heilige |Schrift Deutsch. |Mart. Luth. |Wittemberg. |Begnadet mit Kür- |fürstlicher zu Sachsen |freiheit. |Gedruckt durch Hans Lufft. |M. D. XXXV*. Поля украшены орнаментом. Далее следует *imprimatur* курфюрста Фридриха Саксонского, предисловие Лютера к Ветхому Завету и довольно грубоватое изображение Бога, земли и рая с Адамом и Евой среди деревьев и животных.

⁴⁴⁸ С величайшим тщанием оно было переиздано Bindseil & Niemeyer. См. список литературы в начале этого параграфа.

Издания и пересмотренные издания

Судьба печатного текста Библии Лютера была похожа на судьбу письменного текста древней Италы и Вульгаты Иеронима. Он прошел через бесчисленные улучшения и псевдоулучшения. Орфография и грамматика были модернизированы, устаревшие слова удалены, текст поделен на стихи (впервые — в гейдельбергском репринте 1568 г.), добавлена поддельная фраза о трех свидетелях в 1 Иоанна 5:7 (впервые во франкфуртском издании 1574 г.), Третья и Четвертая книги Ездры и Третья Маккавейская присоединены к апокрифам. Были сделаны и другие изменения, нужные и ненужные, хорошие и плохие. Курфюрст Август Саксонский пытался контролировать текст в интересах строгой лютеранской ортодоксии и велел подготовить стандартное издание (1581), но вне Саксонии на него не обращали внимания.

Постепенно стало использоваться не менее одиннадцати или двенадцати исправленных изданий. Одни базировались на издании 1545 г., другие — на издании 1546 г. Самое тщательное из них создано Библейским институтом Канштейна, основанным благочестивым аристократом Карлом Гильдебрандом фон Канштейном (1667 — 1719) при сиротском приюте Франке в Галле. Оно приобрело широчайшее распространение и стало *textus receptus* немецкой Библии.

Так как изучение Библии в наш век ведется все более и более активно, желание создать самый выверенный пересмотренный вариант перевода Лютера ощущается все сильнее. Пересмотренные переводы со многими улучшениями были подготовлены Иоганном Фридрихом фон Мейером, франкфуртским аристократом (1772 — 1849), и доктором Рудольфом Штиром (1800 — 1862), но большим влиянием на массы не пользовались.

В конце концов в 1863 г. Союзом руководителей немецких церквей был выпущен официальный консервативный пересмотренный вариант Библии Лютера с явным намерением изъять из использования все предыдущие варианты⁴⁴⁹.

Успех

Немецкая Библия Лютера принималась с большим энтузиазмом и оказала самую действенную помощь Реформации. Герцог Георг Саксонский, герцог Вильгельм Баварский и великий герцог Фердинанд Австрийский строго запретили ее продажу в своих владениях, но не могли остановить этот поток. Ганс Луфт из Виттенберга напечатал и продал за сорок лет (между 1534 и 1574 г.) около ста тысяч экземпляров этой Библии — громадное количество для той эпохи, — и миллионы людей прочитали ее. Количество переизданий не поддается учету.

Кохлей, защитник католицизма, сделал переводу величайший комплимент, сказав: «Благодаря печатникам Новый Завет Лютера так умножился и распространился, что даже портные и башмачники, даже женщины и невежественные люди, которые приняли новое лютеранское Евангелие и могут хоть немного читать по-немецки, изучают его с величайшей жадностью как источник всякой истины. Некоторые выучивают его наизусть и хранят в своем сердце. За несколько месяцев такие люди посчитали себя столь учеными, что не стесняются спорить о

⁴⁴⁹ См. примечание в конце параграфа.

вере и Евангелии не только с мирянами-католиками, но даже со священниками, монахами и докторами богословия»⁴⁵⁰.

Романисты были вынуждены защищаться, выпуская альтернативные переводы. Их подготовили Эмсер (1527), Диттенбергер (1534) и Экк (1537). Переводы сопровождалась комментариями. В ряде мест они более правильны, иногда по-рабски копируют Вульгату, напыщенны и тяжеловесны, но нередко подражают слогу самого Лютера, так что он вполне мог сказать: «Паписты воруют мой немецкий язык, который слабо знали раньше, и не благодарят меня за это, а используют его как оружие против меня». Эти переводы давно перестали употребляться даже в Римской церкви, в то время как перевод Лютера до сих пор жив⁴⁵¹.

ПРИМЕЧАНИЕ

ДОЛЮТЕРОВСКИЕ БИБЛИИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Согласно последним исследованиям, существовало четырнадцать печатных изданий всей Библии на средневерхненемецком диалекте и три на нижненемецком. Панцер уже знал четырнадцать из них (см. его *Gesch. der nürnbergischen Ausgaben der Bibel*, Nürnberg, 1778, p. 74).

Первые четыре, большие фолианты, вышли без даты и места издания, но, вероятно, были напечатаны: 1. В Страсбурге Генрихом Эггештейном около или до 1466 г. (так называемая, хотя и неверно, *Mainzer Bibel*, 1462). 2. В Страсбурге Иоганном Ментелином, 1466 (?). 3. В Аугсбурге Иодоком Фланцманном или Тайнером, 1470 (?). 4. В Нюрнберге Сенсеншмидтом и Фриссером, в 2 томах, 408 и 104 листа., 1470 — 1473 (?). На других указано место, а начиная с седьмого и год издания, как-то: 5. Аугсбург, Гюнтер Зайнер, 2 тома, вероятно, между 1473 и 1475. 6. Аугсбург, он же, датировано 1477 г. (но Стивенс говорит, что 1475). 7. Третье аугсбургское издание, Гюнтер Зайнер или Антон Сорг, 1477, 2 тома, 321 и 332 листа, фолио, набор в 2 колонки; первая немецкая Библия с указанием даты. 8. Четвертое аугсбургское издание, А. Сорг, 1480, фолио. 9. Нюрнберг, Антон Кобургер (также пишется как Кюбергер), 1483. 10. Страсбург, Иоганн Грюнинген, 1485. 11 и 12. Пятое и шестое аугсбургские издания, малый фолио, Ганс Шенсперген, 1487 и 1490. 13. Седьмое аугсбургское издание, Ганс Отмар, малый фолио. 14. Восьмое аугсбургское издание, Сильван Отмар, 1518, малый фолио.

Нидерландские Библии печатались: 1. В Кельне, большим фолио, в две колонки, вероятно, 1480. Неизвестный издатель упоминает предыдущие издания и внесенные им улучшения. Стивенс (nos. 653 и 654) говорит о двух экземплярах Ветхого Завета на голландском, напечатанных в Дельфе, 1477, в 2 томах. 2. В Любеке, 1491 (не 1494), в 2 томах, фолио, с большими иллюстрациями. 3. В Гальберштадте, 1522.

См. Kehrein (*l. c.*), Krafft (*l. c.*, pp. 4, 5) и Henry Stevens, *The Bibles in the Caxton Exhibition*, London, 1878. Стивенс приводит полные заглавия с описаниями, pp. 45 sqq., nos. 620 sqq.

Некоторые из этих Библий, в том числе Библия Кобургера, кельнская и гальберштадтская, есть в Богословской семинарии Союза, Нью-Йорк. Я исследовал их. Они украшены гравюрами, начинаются с изображения Бога, сотворяющего мир и создающего Еву из ребра Адама в раю. В некоторых из них есть предисловие Иеронима (*De omnibus divinae historiae libris, Ep. ad Paulinum*), в самой древней — с примечанием: *Da hebet an die epistel des heiligen priesters sant Jeronimi zu Paulinum von allen gottlichen büchern der hystory. Das erst capitel.*

Доктор Крафт доказал то, что Лютер использовал более ранний перевод, приведя несколько примеров (pp. 13-18). Вот пример из Нагорной проповеди (Мф. 5:21-27):

⁴⁵⁰ *De Actis et Scriptis M. Lutheri ad Ann. 1522.* Гизелер (IV. 65 sq.) цитирует весь отрывок на латыни.

⁴⁵¹ Последнее издание Библии доктора Экка появилось в 1558 г. в Ингольштадте, Бавария.

Библия №9, 1483

Habt ir gehört, das gesaget ist den alten. Du solt nit tödten, wellicher aber tödtet. der wird schuldig des gerichtts. Aber ich sag euch, daz ein yeglicher der do zürnet seinem bruder. der wirt schuldig des gerichtts. Der aber spricht zu seinem bruder. racha. der wirt schuldig des rats. Und der do spricht. tor. der wirt schuldig des hellischen fewrs. Darum ob du opfferst dein gab zu dem attar. und do wirst gedenkend. daz dein bruder ettwas hat wider dich, lasz do dein gab vor dem altar und gee zum ersten und versüne dich mit deinem bruder und denn kum und opffer dein gab. Bis gehellig deinem widerwertigen schyer. die weyl du mit im bist him weg. das dich villeycht der widersacher nit antwurt den Richter. und der richter dich antwurt dem diener und werdest gelegt in den kercker. Fürwar ich sag dir. du geest nit aus von dannen. und das du vergelttest den letzten quadranten.

Я хотел бы добавить к этому два места, в которых наиболее очевидно просматривается превосходство перевода Лютера.

Быт. 1:1-3

Библия Кобургера,
Нюрнбергская, 1483

In dem anfang hat got beschaffen hymel und erden. aber dye erde was eytel und leere. und die vinsternus warn auff dem antlitz des abgrundts. vnd der geist gots swebet oder ward getragen auff den wassern. Uñ got der sprach. Es werde dz liecht. Un das liecht ist worden.

НОВЫЙ ЗАВЕТ ЛЮТЕРА, 1522

Ihr habt gehortt, das zu den alten gesagt ist, du sollt nit todten, wer aber todtet, der soll des gerichtts schuldig seyn. Ich aber sage euch, wer mit seynem bruder zurnit, der ist des gerichtts schuldig, wer aber zu seynem bruder sagt, Racha, der ist des rads schuldig, wer aber sagt, du narr, der ist des hellischen fewers schuldig.

Darumb wen du deyn gabe auff den altar opfferst, un wirst alda eyngedenken, das deyn bruder ettwas widder dich hab, so las alda fur dem altar deyn gabe, unnd gehe zuvor hyn, unnd versune dich mitt deynem bruder, unnd als denn kom unnd opffer deyn gabe.

Sey willfertigt deynem widersacher, bald, dieweyl du noch mit yhm auff dem wege bist, auff das dich der widdersacher nit der mal eyns ubirantworte dem richter, uñ d. richter ubirantworte dich dem diener, uñ werddest yñ den kercker geworffen, warlich ich sage dyr, du wirst nit von dannen erauze komen, bis du auch den letzten heller bezealest.

Библия Лютера,
издание 1535 г.

Im anfang schuff Gott himel und erden. Und die erde war wüst und leer, und es war finster auff der tieffe, und der Geist Gottes schwebet auff dem wasser.

Un Gott sprach. Es werde liecht. Und es ward liecht.

1 Кор. 13:1,2

СТРАСБУРГСКАЯ БИБЛИЯ, 1485

Ob ich rede inn der zungen der engel vnd der menschen; aber habe ich der lieb nit, ich bin gemacht alls ein glockenspeyss lautend oder alls ein schell klingend. Vnd ob ich hab die weissagung und erkenn all heimlichkeit vnd alle kunst, und ob ich hab alten glauben, also das ich übertrag die berg, habe ich aber der lieb nit, ich bin nichts.

НОВЫЙ ЗАВЕТ ЛЮТЕРА, 1522

Wenn ich mit menschen und mit engelzungen redet und hette die⁴⁵² liebe nit⁴⁵³, so wäre ich ein tönend ertz oder ein klingende schell⁴⁵⁴. Und wenn ich weissagen kündt, vnnd wüste alle geheimnuss und alle erkanntnüss, vnd hette alten glauben, also das ich berg versetzete, und hett der liebe nicht, so were ich nichts.

Точное происхождение средневековой немецкой Библии до сих пор неизвестно. Доктор Людвиг Келлер из Мюнстера первым предположил в своей *Die Reformation und die älteren Reformparteien* (Leipzig, 1885, pp. 257-260), что она была создана вальденсами (у которых был и романский перевод). Он попытался доказать эту гипотезу в *Die Waldenser und die deutschen Bibelübersetzungen* (Leipzig, 1886, 189 стр.). Доктор Герман Гаупт из Вюрцбурга придерживается того же мнения в *Die deutsche Bibelübersetzung der mittelalterlichen Waldenser in dem Codex Teplensis und der ersten gedruckten Bibel nachgewiesen* (Würzburg, 1885, 64 стр.). Он отстаивает эту точку зрения против Июстеса в своей *Der waldensische Ursprung des Codex Teplensis und der vor-lutherischen deutschen Bibeldrucke* (Würzburg,

⁴⁵² Издание 1535: *der*.

⁴⁵³ Издание 1535: *nicht*.

⁴⁵⁴ Более поздние издания: *eine... schelle*.

1886). С другой стороны, доктор Франц Иостес, римско-католический ученый, отрицает вальденское и отстаивает католическое происхождение этого перевода в двух памфлетах: *Die Waldenser und die vorlutherische Bibelübersetzung* (Münster, 1885, 44 стр.) и *Die Tepler Bibelübersetzung. Eine zweite Kritik* (Münster, 1886, 43 стр.). Тот же автор обещает написать полную историю католических переводов немецкой Библии. Вопрос обсуждался в периодических изданиях и журналах, например, Kawerau в *Luthardt*, «*Theol. Literaturblatt*», Leipzig, 1885 и 1886 (Nos. 32-34), Schaff в нью-йоркском «*Independent*», Oct. 8, 1885, и «*Presbyterian Review*», April, 1887, pp. 355 sqq.; Kolde, в «*Göttinger Gelehrte Anzeigen*», 1887, no. I; Müller в «*Studien und Kritiken*», 1887, no. III; Bornemann, в «*Jahrb. f. Prot. Theol.*», 1888, 67-101.

Доводы с пользу вальденского происхождения основаны на неких добавлениях к Codex Teplensis и предполагаемых отклонениях от текста Вульгаты, но эти добавления не являются антикатолическими, и их нет в родственной фрейбургской рукописи. Изменения в тексте также не могут быть объяснены сектантскими причинами. В средние века существовало больше вариантов текста Вульгаты, чем вариантов текста Италы во времена Иеронима, и авторизованного текста не было до появления пересмотренного издания Климента в 1592 г. Единственный приемлемый довод, который доктор Келлер выдвигает в своей второй публикации (pp. 80 sqq.), строится на том, что Эмсер в его «*Аннотациях к Новому Завету*» (1523) обвиняет Лютера за использование для перевода Нового Завета *Wickleffisch oder hussisch exemplar*. Однако это обвинение касается копий латинской Вульгаты, и в тех примерах, которые цитирует Келлер, Лютер не следует Codex Teplensis.

Враждебное отношение пап и соборов к распространению переводов Библии на народные языки предполагает существование таких переводов и не могло помешать их появлению, что видно из многочисленных немецких изданий. Голландские, французские и итальянские переводы также встречаются среди древнейших печатных изданий (см. Stevens, nos. 687 и 688, p. 59 sq.). Итальянское издание, которое выставлялось в Лондоне в 1877 г., озаглавлено: *La Biblia en lingua Volgare (per Nicolo di Mallermi)*. Venetia: per Joan. Rosso Vercellese, 1487, fol. Испанская Библия Бонифация Феррера была напечатана в Валенсии в 1478 г. (см. Reuss, *Gesch. der heil. Schr. N. T.*, II, 207, 5th ed.).

Библия — общее достояние и самое священное сокровище всех христианских церквей. Книгопечатание было изобретено в католические времена, и его история идет рука об руку с историей Библии. Генри Стивенс говорит (*The Bibles in the Caxton Exhibition*, p. 25): «Светская история Священного Писания — это священная история книгопечатания. Библия была первой напечатанной книгой и будет последней напечатанной книгой. Между 1450 и 1877 г., за четыре с четвертью века, по истории печатания Библии, как ни по какой другой книге, мы можем проследить развитие искусства книгопечатания. Библейская библиография доказывает, что по меньшей мере в первые сорок лет Библия печаталась чаще, чем все остальные книги, вместе взятые, а качество, стиль и разнообразие этих изданий не уступало их количеству».

§63. Критическая оценка перевода Лютера

Перевод Библии Лютера — чудесный памятник гения, учености и благочестия. Он может считаться богодухновенным в производном смысле. От начала и до конца он выполнен с любовью и энтузиазмом. Издатели и печатники зарабатывали на этом переводе состояния, тогда как Лютер никогда не просил и не получал даже медяка за величайший труд своей жизни⁴⁵⁵.

Оценивать эту работу мы должны исходя из состояния той эпохи. Перевод с языков оригинала на немецкий был титаническим трудом, если принять во внимание отсутствие хороших грамматик, словарей и симфоний, несовершенное состояние знания греческого и еврейского языков и неразвитость немецкого языка XVI века. Лютер писал к Амсдорфу 13 января 1522 г., что предпринятая задача превышает его способности, что теперь он понимает, почему никто раньше не пытался сделать это от своего собственного имени, и что он не замахнулся бы на перевод Ветхого Завета, если бы ему не помогали друзья⁴⁵⁶. В особенности трудно

⁴⁵⁵ Он вполне имел право сказать: *Ich habe meine Ehre nicht gemeint, auch keinen Heller dafür genomen, sondern habe es zu Ehren gethan den lieben Christen und zu Ehren einem, der droben sitzt.*

⁴⁵⁶ *Interim Biblia transferam, quanquam onus susceperim supra vires. Video nunc, quid sit in interpretari, et cur hactenus a nullo sit attentatum, qui proficeretur nomen suum.* (Это предполагает, что

было заставить говорить на варварском немецком языке Иова и пророков⁴⁵⁷. Он в шутку замечал, что его переводческие ошибки возмутили бы Иова гораздо больше, чем длинные речи «жалких утешителей».

В отношении текста не было никакой ясности. Текстологической критики как науки еще не существовало, и никто не собирал и не сличал рукописи, древние переводы и цитаты из отцов церкви. Лютеру приходилось пользоваться первыми печатными изданиями. У него не было доступа к рукописям, самые важные из которых даже не были еще обнаружены и не были доступны до середины XIX века. Библейская география и археология только зарождались. Многие имена и выражения оставались непонятными.

Ввиду этих трудностей мы не должны удивляться, что в переводе Лютера есть много ошибок, неточностей и непоследовательностей. Особенно много их в Иове и у пророков, но с ними даже у лучших знатоков еврейского языка в наше время возникает много проблем по части понимания текста и передачи смысла. Английский перевод 1611 г. был основан на труде трех поколений переводчиков и редакторов, поэтому он более точен, и притом не менее выразителен.

Текст оригинала

Основой перевода Ветхого Завета Лютера был масоретский текст, опубликованный Герсоном Бен Моше в Брешии в 1494 г.⁴⁵⁸. Он также пользовался Септуагинтой, Вульгатой Иеронима⁴⁵⁹ (хотя Иероним ему не нравился своим подражательством), латинскими переводами доминиканца Санктеса Паньини из Лукки (1527) и францисканца Себастьяна Мюнстера (1534), *Glossa ordinaria* (любимым экзегетическим руководством Валафрида Страбона, IX века) и текстом Николая Лиранского (ум. в 1340), главы средневековых комментаторов, который, помимо отцов церкви, консультировался и с иудейскими раввинами⁴⁶⁰.

Перевод Нового Завета был основан на втором издании Эразма, опубликованном в Базеле, Швейцария, в 1519 г.⁴⁶¹ Его первое издание греческого Нового

он был знаком с более древними, анонимными, переводами на немецкий). *Vetus Testamentum non potero attingere, nisi vobis praesentibus et cooperantibus.*

⁴⁵⁷ *Ach Gott! wie ein gross und verdriesslich Werk ist es, die hebräischen Schreiber zu zwingen deutsch zu reden; wie sträuben sie sich und wollen ihre hebräische Art gar nicht verlassen und dem groben Deutschen nachfolgen, gleich als wenn eine Nachtigall... sollte ihre liebliche Melodei verlassen und dem Kukuk nachsingen* (Walch, XVI. 508). См. также его письмо к Шпалатину о трудностях перевода Иова от 23 февраля 1524 г. в De Wette, II. 486.

⁴⁵⁸ Лютеровский экземпляр еврейской Библии хранится в Королевской библиотеке Берлина. *Editio princeps* всей еврейской Библии появилось в 1488 г. (Soncino: Abraham ben Chayin de' Tintori). Его копия есть у доктора Гинзбурга в Англии (см. Stevens, *l. c.*, p. 60). Отдельные фрагменты печатались и раньше.

⁴⁵⁹ Лионским изданием 1519 г. и базельским изданием 1509 г., которыми сейчас владеет Бранденбургский музей в Берлине (Grimm, *Gesch. d. luther. Bibelübers.*, p. 8, note).

⁴⁶⁰ Лиранский получил титул *Doctor planus et utilis* благодаря своим *Postillae perpetuae in V. et N. Test.* (впервые опубликованы в Риме, 1472, в 5 томах, потом в Венеции, 1540). Его влияние на Лютера описано в известных строках: *Si Lyra non lyrasset, Lutherus non saltasset* («если бы Лира не играл, Лютер бы не плясал»).

⁴⁶¹ На греческом и латыни, 2 тома, фолио. Первая часть содержит предисловие, посвящение папе Льву X и *Ratio seu Compendium verae Theologiae per Erasmus Roterodamum* (120 стр.); вторая — греческий текст с латинским переводом в параллельной колонке и кратким введением к некоторым книгам (565 стр.). В конце приводится латинское послание Фробения, издателя, датированное «Nonis Febr. Anno M. D. XIX». Экземпляр доступен в Богословской семинарии Союза, Нью-Йорк. — Есть мнение, что Лютер пользовался репринтом Эразма в издании Гербея, 1521, но доктор Реусс из Страсбурга, обладатель величайшей коллекции и великий

Завета появилось в 1516 г., за год до начала Реформации. Текст был взят из нескольких средневековых рукописей⁴⁶². Второе издание, гораздо более правильное, чем первое (*multo diligentius recognitum, emendatum* и т. д.), к сожалению, содержит большее количество типографских опечаток⁴⁶³. Он заложил основы *Textus Receptus*, зрелую форму которому придали Р. Стивен в «королевском издании» 1550 г. (основе английского *Textus Receptus*), и братья Эльзевиры в своих изданиях 1624 и 1633 г. (основе континентально-европейского *Textus Receptus*). Этот текст держал первенство, пока Ляхман не ввел принцип приоритета более древнего текста (1831).

Лютер не следовал раболепно за греческим текстом или Эразмом и во многих местах опирался на латинскую Вульгату, которая основана на более древнем источнике. Он опустил также, даже в последнем издании, знаменитую вставку о небесных свидетелях в 1 Ин. 5:7, которую Эразм поместил в свое третье издание (1522) вопреки здравому смыслу⁴⁶⁴.

Немецкий текст

Немецкий язык делился на столько диалектов, сколько племен и государств было в Германии, и ни один из них не был положен в основание литературного единства. Саксонцы и баварцы, ганноверцы и швабы с трудом понимали друг друга. Каждый автор писал на диалекте своей области, как Цвингли на своем *Schwyzerdütsch*. «Я пока не читал ни книги, ни послания, — говорит Лютер в предисловии к своему переводу Пятикнижия (1523), — где правильно обращались бы с немецким языком. Кажется, никто не заботится об этом. Каждый проповедник думает, что имеет право изменять его как заблагорассудится и изобретать новые слова». Ученые предпочитали писать на латыни, а когда пытались пользоваться родным языком (как иногда делали Рейхлин и Меланхтон), им явно недоставало естественности и красоты стиля.

Лютер произвел гармонию из хаоса и сделал современный ему верхненемецкий диалект общепринятым литературным языком. Он взял за основу саксонский диалект, который использовался при саксонском дворе и в дипломатических переговорах между императором и сословиями, но был бюрократичным, неуклюжим, тяжеловесным, напыщенным, невыразительным и негибким⁴⁶⁵. Он

знанок греческого Нового Завета, отрицает это (*Gesch. der h. Schriften des N. T.*, 5th ed., II. 211, note).

⁴⁶²См. Schaff, *Companion to the Greek Testament*, etc., New York, 3^d ed., 1888, pp. 229 sqq., и факсимиле издания Эразма, р. 532 sq. Английский перевод Тиндейла также был основан на Эразме.

⁴⁶³О. фон Гебхардт в своем *Novum Test. Graece et Germanice* (preface, p. xvi) говорит о втором издании Эразма: *Die Zahl der Druckfehler ist so gross, dass ein vollständiges Verzeichniss derselben Seiten füllen würde*. См. также Scrivener, *Introd. to the Criticism of the N. T.*, 3^d ed. (1883), p. 432 sq.

⁴⁶⁴Она впервые появилась во франкфуртском издании Библии Лютера, 1574. В пересмотренной Библии Лютера 1883 г. этот фрагмент, как ни странно, сохраняется, но набран мелким шрифтом и в скобках с примечанием, что он отсутствовал в изданиях Лютера. *Probibibel* лишь в нескольких местах отходит от текста Эразма, которому следовал Лютер, а именно: Деян. 12:25; Евр. 10:34; 1 Ин. 2:23; Отк. 11:2. В этом отношении немецкий пересмотренный вариант намного отстает от англо-американского 1881 г., где *Textus Receptus* исправляется примерно в пяти тысячах случаев.

⁴⁶⁵Он говорит в своем *Tischreden* (Erl. ed., vol. lxii, 313): *Ich habe keine gewisse, sonderliche eigene Sprache im Deutschen* [т. е. никакого специального диалекта], *sondern brauche der gemeinen deutschen Sprache, dass mich Oberländer und Niederländer verstehen mögen. Ich rede nach der*

сделал его более народным, приспособил к религиозно-богословской сфере, обогатил выражениями немецких мистиков, летописцев и поэтов. Он окрылил его и сделал понятным простым людям из всех областей Германии.

Лютер приспособлялся к восприятию немцев, нередко жертвуя точностью. Он больше заботился о смысле, чем о форме. Еврейский сикль он превратил в *Silberling*⁴⁶⁶, греческую драхму и римский динарий — в немецкий *Groschen*, кодрант — в *Heller*, еврейские меры — в *Scheffel*, *Malter*, *Tonne*, *Centner*, римского сотника — в *Hauptmann*. Он даже обозначил словом *undeutsch* (букв. «не немец») варвара в 1 Кор. 14:11. Еще большие вольности он допускал в апокрифах, чтобы читать их было проще и приятнее⁴⁶⁷. Он использовал народные аллитерации, такие как *Geld und Gut*, *Land und Leute*, *Rath und That*, *Stecken und Stab*, *Dornen und Disteln*, *matt und müde*, *gäng und gäbe*. Он избегал иностранных терминов, которые потоком устремились в страну с возрождением знаний, особенно в области имен собственных (Меланхтон вместо Шварцерда, Аурифабер вместо Гольдшмида, Эколампадий вместо Гаусшейна, Камерарий вместо Камермейстера). Он обогатил словарь такими прекрасными словами, как *holdselig*, *Gottseligkeit*.

Эразм Альбер, современник Лютера, называл его немецким Цицероном, который реформировал не только религию, но и немецкий язык.

Перевод Лютера — это фразеологически эквивалентное переложение Библии в духе самой Библии. В нем немецкий язык предстает во всем своем богатстве, силе и красоте. Это первое классическое произведение на немецком языке, подобно тому как Перевод короля Иакова — первое классическое произведение в Англии. Оно предвосхитило золотой век немецкой литературы, представителями которого были Клопшток, Лессинг, Гердер, Гете, Шиллер, — все протестанты, так или иначе обязанные своим стилем Библии Лютера. Высший авторитет германской филологии признал, что библейский язык Лютера лег в основу нового верхненемецкого диалекта в силу чистоты и влияния и стал общеупотребительным протестантским наречием по причине той его свободы, которая покоряла даже римско-католических авторов⁴⁶⁸.

sächsischen Canzelei, welcher nachfolgen alle Fürsten und Könige in Deutschland. Alle Beichstädte, Fürstenhöfe schreiben nach der sächsischen und unseres Fürsten Canzelei, darumb istz auch die gemeinste deutsche Sprache. Kaiser Maximilian und Kurfürst Friedrich, Herzog zu Sachsen, etc., haben im römischen Reich die deutschen Sprachen [диалекты] also in eine gewisse Sprache gezogen. Раньше дипломатическим языком Германии была латынь. Людовик Баварский ввел немецкий в 1330 г. Саксонский как дипломатический язык был введен курфюрстом Эрнстом, отцом курфюрста Фридриха (см. Wilibald Grimm, *Gesch. der luth. Bibelübersetzung*, Jena, 1884, p. 24 sqq.).

⁴⁶⁶ То же самое слово (*silverling*, «сребренник») один раз встречается и в английском переводе, Ис. 7:23, и было сохранено в Пересмотренном переводе 1885 г. Немецкая *Probibibel* сохраняет его в этом и других местах, таких как Быт. 20:16; Суд. 9:4 и т. д.

⁴⁶⁷ Grimm, *Luther's Uebersetzung der Apocryphen*, в «*Studien und Kritiken*», 1883, pp. 376-400. Grimm утверждает, что книга Сираха в изложении Лютера — это никакой не перевод, а свободная и удачная компиляция греческого и латинского текстов.

⁴⁶⁸ *Luther's Sprache*, — говорит Якоб Grimm, в предисловии к своей «Немецкой грамматике», — *muss ihrer edeln, fast wunderbaren Reinheit, auch ihres gewaltigen Einflusses halber für Kern und Grundlage der neuhochdeutschen Sprachniedersetzung gehalten werden, wovon bis auf den heutigen Tag nur sehr unbedeutend, meistens zum Schaden der Kraft und des Ausdrucks, abgewichen worden ist. Man darf das Neuhochdeutsche in der That als den protestantischen Dialekt bezeichnen, dessen freiheitathmende Natur längst schon, ihnen unbewusst, Dichter und Schriftsteller des katholischen Glaubens überwältigte. Unsere Sprache ist nach dem unaufhaltsamen Laufe der Dinge in Lautverhältnissen und Formen gesunken; was aber ihren Geist und Leib genährt, verjüngt, was endlich Blüten neuer Poesie getrieben hat, verdanken wir keinem mehr als Luthern.* См. также

Протестантский дух перевода Лютера

Доктор Эмсер, один из самых ученых оппонентов Реформации, нашел в Новом Завете Лютера несколько сот языковых ошибок и еретических фальсификаций⁴⁶⁹. (Многие из этих недочетов были тихо исправлены в более поздних изданиях.) Он опубликовал по приказу герцога Георга Саксонского новый перевод (1527) с целью исправления ошибок «Лютера и других еретиков»⁴⁷⁰.

Обвинение в том, что Лютер приспособлял перевод к своим богословским взглядам, стало традиционным в Римской церкви. Его вновь и вновь повторяют полемисты и историки⁴⁷¹.

Те же самые возражения выдвигались против Авторизованного английского перевода⁴⁷².

Wetzel, *Die Sprache Luthers in seiner Bibel*, Stuttgart, 1850. Heinrich Rückert, *Geschichte der neu-hochdeutschen Schriftsprache*, II, 15-175. Opitz, *Ueber die Sprache Luthers*, Halle, 1869. Dietz, *Wörterbuch zu Luther's deutschen Schriften*, Leipzig, 1870 sqq. Lehmann, *Luthers Sprache in seiner Uebersetzung des N. T.*, Halle, 1873.

⁴⁶⁹ *Annotationes des hochgel. und christl. doctors Hieronymi Emsers über Luthers new Testament*, 1523. У меня перед глазами издание Freiburg-i.-B., 1535 (140 стр.). Эмсер обвиняет Лютера в 1000 грамматических и 1400 еретических ошибках. Он подозревает (р. 14), что Лютер пользовался *ein sonderlich Wickleffisch oder Hussisch Exemplar*. Он не говорит, имеет он в виду латинскую Вульгату или какой-то древний немецкий перевод. Он находит (р. 17) четыре ошибки в переводе молитвы Господней: 1. Лютер превратил *Vater unser* в *Unser Vater* («Отче наш» в «Наш Отец») вопреки тысячекратному немецкому обычаю (однако в своем Кратком катехизисе Лютер сохранил старый вариант, и лютеране по сей день его придерживаются). 2. Он опустил *der du bist*. 3. Он заменил *panis supersubstantialis (überselbständig Brot!)* на *panis quotidianus (täglich Brot)* («неземной» хлеб на «ежедневный», «насущный» хлеб). 4. Он добавил славословие, которого нет в Вульгате. (А в наши дни одним из главных возражений против Английского пересмотренного перевода Библии является *отсутствие* в ней славословия).

⁴⁷⁰ *Das gantz New Testament: So durch den Hochgelerten L. Hieronymum Emser seligen verteuschet, unter des Durchlauchten Hochgebornen Fürsten und Herren Georgen Herzogen zu Sachsen, etc., ausgegangen ist*. Leipzig, 1528. Первое издание вышло до смерти Эмсера, умершего 8 ноября 1527 г. Я нашел в Семинарии Союза четыре экземпляра этого Нового Завета ин-октаво, изданные в Кельне, 1528 (355 стр.), Лейпциге, 1529 (416 стр.), Фрейбурге, 1535 (406 стр.), Кельне, 1568 (879 стр.), и экземпляр издания ин-фолио, Кельн, 1529 (227 стр.), — все иллюстрированные и с осуждениями лютеровского текста на полях. На последней странице перечислены и исправляются 607 заблуждений Лютера. В кельнском издании 1529 г. на титульной странице сказано, что Лютер произвольно изменил текст по *гуситской* копии (*wie Martinus Luther dem rechten Text, dem huschischen Exemplar nach, seins gefallens ab und zugethan und verendert hab*). Большинство изданий содержит предисловие герцога Георга Саксонского, в котором он обвиняет Лютера в бунте против всех церковных и светских властей и отождествляет его со зверем из тринадцатой главы Апокалипсиса (*dass sein Mund wol genannt werden mag der Mund der Bestie von welcher Johannes schreibt in seiner Offenbarung am dreizehnten*).

⁴⁷¹ Доктор Доллингер в своей *Reformation*, vol. III, 139 sqq., 156 sqq., подробно доказывает это мнение, а в своем *Luther, eine Skizze* (Freiburg-i.-B., 1851, p. 26) он называет перевод Лютера *ein Meisterstück in sprachlicher Hinsicht, aber seinem Lehrbegriffe gemäss eingerichtet, und daher in vielen Stellen absichtlich unrichtig und sinnentstellend*. Кардинал Гергенротер пишет (*Lehrbuch der allg. Kirchengesch.*, vol. III, 40, 3rd ed., 1886): *Die ganze Uebersetzung war ganz nach Luthers System zugerichtet, auf Verbreitung seiner Rechtfertigungslehre berechnet, oft durch willkührliche Entstellungen und Einschaltungen seinen Lehren angepasst*.

⁴⁷² Католиками в древние и в недавние времена, например: Ward, *Errata of the Protestant Bible*, Dublin, 1810. Тренч рассматривает основные возражения в своей книге *Authorized Version and Revision*, pp. 165 sqq. (Harper ed., 1873). Главные места, против которых выступают католики, — это Евр. 13:4 (где «Брак почитен для всех» в английском переводе стоит на месте католического «Брак да будет почитаем у всех»); 1 Кор. 11:27 («и» вместо «или»); Гал. 5:6 («вера, которая действует любовью»; хотя это правильно, если учесть главное значение *ἐνεργεῖσθαι*, и соответствует *operatur* в Вульгате в противовес римскому пассивному выражению, «совершаемая любовью», согласно учению о *fides formata*); а также их возмущает, что

В обоих случаях обвинения в чем-то обоснованны, но не более, чем встречные обвинения, которые могут быть выдвинуты против римско-католических переводов.

Самый важный пример догматического влияния перевода Лютера — это знаменитая интерполяция слова *только* в Рим. 3:28 (*allein durch den Glauben*), с помощью которого он намеревался закрепить свое учение об оправдании одной лишь верой, — на том основании, что немецкое выражение требовало такой вставки ради ясности⁴⁷³. Но тем самым он фактически заставил Павла *буквально* противоречить Иакову, который говорит (2:24), что «человек оправдывается делами, а не верою *только*» (*nicht durch den Glauben allein*). Хорошо известно, что Лютер считал невозможным согласовать между собой взгляды двух апостолов по этому вопросу и называл Послание Иакова «соломенным», так как оно не обладало евангельским характером (*keine evangelische Art*).

Как результат, он настаивал на такой вставке, несмотря на все протесты против нее. То, что он приводит в свою защиту, весьма характерно. «Если ваш папист, — говорит он⁴⁷⁴, — устраивает столько пустого шума вокруг слова *sola, allein*, скажите ему сразу же: доктор Мартин Лютер настаивает на нем и говорит: папист и осел — одно и то же; *sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas*. Ибо мы хотим быть не учениками и последователями папистов, но их учителями и судьями». Дальше он насмехается над папистами, подражая языку апостола Павла, спорившего с иудействующими оппонентами (2 Кор. 11:22 и далее): «Они доктора? Я тоже. Они ученые? Я тоже. Они проповедники? Я тоже. Они богословы? Я тоже. Они полемисты? Я тоже. Они философы? Я тоже. Они пишут книги? Я тоже. Я мог бы хвалиться еще: я могу объяснять псалмы и пророков — они не могут. Я могу переводить — они не могут... Поэтому слово *allein* останется в моем Новом Завете, и пускай все паписты-ослы (*Papstesel*) ярятся и безумствуют, им не удастся убрать его»⁴⁷⁵.

Протестантский и антиримский характер Нового Завета Лютера очевиден из его предисловий, его разделения книг на главные и менее важные, его нападок на традиционный порядок книг и его неблагоприятных суждений о посланиях Иакова, Евреям и об Откровении⁴⁷⁶. Он еще более прямолинеен в своих замечках на полях — особенно к посланиям Павла, где он постоянно подчеркивает разницу между законом и Евангелием и учение об оправдании одной только верой, а

слово *είδωλον* переводится как *образ*, а не как *идол*. Английский перевод также обвиняли в кальвинистском отклонении из-за связи с греческим текстом Безы и латинских примечаний.

⁴⁷³ Но он опустил *allein* в Гал. 2:16, где оно так же было бы оправданно и где в долютеровской Библии написано: *nur durch den Glauben*. Сколь бы это ни было верно по сути и смыслу, такая вставка не должна присутствовать в тексте, если считать его переводом (см. Мейера о Рим. 3:28, пятое издание, и Вейсса, шестое издание, 1881, а также мои комментарии к Ланге по Римлянам, р. 136).

⁴⁷⁴ В *Sendbrief vom Dolmetschen*, Erl.-Frkf. ed., vol. LXV, p. 107 sqq. Труд был опубликован в сентябре 1530 г. с особой ссылкой на Эмсера, который не назван по имени, но упоминается как «писака из Дрездена» (*der dresdener Sudler*).

⁴⁷⁵ Авторы пересмотренной *Probibel* сохранили *allein* в Рим. 3:28, *nur* — в Рим. 4:15 и неправильный перевод в Рим. 3:25,26 — поразительное доказательство того, сколь громадное влияние Лютер оказывает даже на самых сознательных критических исследователей Германии. Даже доктор Гримм, лексикограф (*l. c.*, р. 48), несправедливо упрекает Мейера и Штира за то, что они опустили слово *allein*. У меня есть древняя копия Нового Завета Лютера без титульной страницы, где слово *allein* напечатано более крупным шрифтом, а на полях есть отметка с указанием на него.

⁴⁷⁶ Предисловия собраны в седьмом томе Библии Лютера, изд. Биндсейла, а также в 63 томе эрлангенского издания трудов Лютера. Самое важное из его предисловий — к Римлянам, а больше всего возражений вызывает предисловие к Посланию Иакова.

также к Апокалипсису, где он находит упоминания о папстве в образах зверя из бездны (гл. 13) и вавилонской блудницы (гл. 17)⁴⁷⁷. Антипапское толкование Апокалипсиса в течение долгого времени было традиционным в протестантских комментариях.

С другой стороны, римско-католические переводчики не менее свободно пользовались примечаниями и иллюстрациями для продвижения идей и обычаев своей церкви. Новый Завет Эмсера полон антилютеранских глосс. В Рим. 3:28 он на полях протестует против лютеровского *allein* и говорит: «Павел, говоря: “независимо от дел закона”, имел в виду не то, что человек спасается одной только верой без добрых дел, а лишь то, что он спасается без дел закона, то есть без физического обрезания и без прочих иудейских церемоний». То есть здесь Эмсер сводит смысл слова «закон» к обрядовому закону, а смысл слова «дела» — к делам иудеев, тогда как лучшие современные комментаторы считают, что Павел имеет в виду закон *вообще*, моральный и обрядовый, и *все* дела, рекомендуемые законом. Однако даже в той же самой главе, да и во всем Послании к римлянам, Эмсер дословно копирует перевод Лютера, целые стихи и разделы, а там, где он отступает от перевода Лютера, это обычно не идет на пользу тексту.

То же самое можно сказать и о двух других немецких католических Библиях эпохи Реформации. Они очень близко следуют за Лютером, в пределах Вульгаты, но оскорбляют его в примечаниях. Доктор Диттенбергер добавляет свои комментарии мелким шрифтом в конце глав. Он соглашается с толкованием Рим. 3:28, которое дано у Эмсера⁴⁷⁸. В немецкой Библии доктора Экка мало примечаний, но присутствует крайне антипротестантское предисловие⁴⁷⁹.

Справедливости ради мы должны признать сектантские несовершенства библейских переводов, которые отчасти объяснялись недостатком знаний, а отчасти — предубеждениями. Перевод представляет собой толкование. Абсолютная точность здесь невозможна⁴⁸⁰. Иудей переведет Ветхий Завет не так, как христианин, потому что они смотрят на него с разных точек зрения. Один смотрит в прошлое, другой — в будущее. Иудей не может понять Ветхий Завет, пока не станет христианином и не будет воспринимать его как пророчество и прообраз христианства. Ни одна синагога не станет пользоваться христианским переводом, и ни одна церковь — иудейским. Так и Новый Завет переводится по-разному учеными Греческой, Латинской и протестантских церквей. Даже если они

⁴⁷⁷ Он добавляет на полях в гл. 17: *Hie zeigt er die römische Kirche in ihrer Gestalt und Wesen, die verdammt soll werden*. Его друг Крапах на иллюстрации к первому изданию, а также к изданию 1535 г. изобразил блудницу верхом на драконе и с тиарой на голове.

⁴⁷⁸ *Biblia beider Alt und Newen Testamenten, fleissig, treulich vn Christlich nach alter inn Christlicher Kirchen gehabter Translation, mit Ausslegung etlicher dunckeler ort und besserung vieler verrückter wort und sprüch... Durch D. Johan Dietenberger, new verdeutscht. Gott zu ewiger ehre und wolfarth seiner heil. Christlichen Kirchen* (Meunz, 1534, fol.). Приводится по экземпляру в Семинарии Союза (библиотека Ван Эсса), хорошо изданному, с иллюстрациями.

⁴⁷⁹ Передо мной лежат три из многочисленных изданий Библии Экка, 1537, 1550 и 1558 г.; она озаглавлена *Bibel Alt und New Testament, nach dem Text in der heiligen Kirchen gebraucht, durch Doctor Johan Ecken, mit fleiss, auf hochdeutsch verdolmetscht, etc.* Книги напечатаны в Ингольштадте, в них одинаковое количество страниц (1035), отличается только дата издания. В приложении содержится молитва Манассии, Третья Маккавейская книга и поддельное послание Павла к лаодикийцам.

⁴⁸⁰ Есть итальянская поговорка о том, что переводчики — это самые настоящие предатели (*Traduttori traditori*). Иероним говорит, что *versiones* — это *eversiones* {переводы выворачивают текст наизнанку}. Тренч утверждает, что любой перевод предполагает «неизбежную потерю информации в силу самого характера задачи, отношений между языками, отсутствия точных соответствий между ними, разных принципов их строения».

передают мысль теми же словами, дух остается разным. Эти переводы проникнуты разной атмосферой. Римско-католический перевод должен быть близок латинской Вульгате, которую Тридентский собор считает столь же авторитетной, как оригинальный текст⁴⁸¹. Протестантский перевод основан только на тексте оригинала и проникнут духом свободы от ограничений предания. Римская церковь никогда не станет пользоваться переводом Лютера или Библией короля Иакова, в противном случае она поставила бы под удар свой символ веры. И немецкие протестанты не будут пользоваться переводами Эмсера и Экка, а английские — Дуэйским переводом. Католик должен стать евангельским христианином, чтобы полностью оценить свободный дух Евангелия, явленный в Новом Завете.

Но в области перевода наблюдается постепенный прогресс, который идет рука об руку с развитием понимания Библии. Вульгата Иеронима совершеннее, чем Итала, и в плане точности, и в плане латинского языка. Протестантские переводы XVI века совершеннее Вульгаты в плане духа и выразительности. Пересмотренные переводы XIX века лучше переводов XVI века в плане филологической и исторической точности и последовательности. Будущее поколение еще ближе подойдет к оригинальному тексту в его чистоте и целостности. Если Святой Божий Дух вознесет церковь на более высокий уровень веры и любви и сольет антагонистичные человеческие символы веры в единый символ веры Христа, тогда, и только тогда, мы можем ожидать появления совершенных переводов Божьего Слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕСМОТРЕННЫЙ ПЕРЕВОД БИБЛИИ ЛЮТЕРА И АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ПЕРЕСМОТРЕННЫЙ ПЕРЕВОД АВТОРИЗОВАННОЙ АНГЛИЙСКОЙ БИБЛИИ

После длительных споров и обсуждений в 1863 г. официальный пересмотренный вариант перевода Лютера был представлен Эйзенахской немецкой евангельской церковной конференцией и опубликован под заглавием: *Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments nach der deutschen Uebersetzung D. Martin Luthers* (Halle, Buchhandlung des Waisenhauses, 1883). Его называют *Probibibel*. Пересмотренный вариант Нового Завета был опубликован на несколько лет раньше и напечатан доктором О. фон Геххардтом вместе с греческим текстом в его *Novum Testamentum Graece et Germanice*, Leipzig, 1881.

Пересмотренный вариант готовился очень тщательно, но в ультраконсервативном духе. Его выполняли выдающиеся исследователи Библии, назначенные церковными властями немецких земель. Одиннадцать человек занимались Новым Заветом (Nitzsch, Twesten, Beyschlag, Riehm, Ahlfeld, Brückner, Meyer, Niemann, Fronmüller, Schröder, Köstlin), более двадцати — Ветхим Заветом, в том числе некоторые из тех, кто пересматривал Новый Завет (Tholuck, Schlottmann, Riehm, Dillmann, Kleinert, Delitzsch, Bertheau, Düsterdieck, Kamphausen, Baur, Ahlfeld, Thenius, Kübel, Kapff, Schröder, Diestel, Grimm, Kühn, Hoffmann, Clausen, Grill). Дорнер, Менкеберг и Карл Фромман принимали активное участие в этом процессе как консультанты, последний (выдающийся германист и специалист по Лютеру, но с весьма архаичными вкусами) — по вопросам лингвистики.

⁴⁸¹ Отсюда жесткий буквализм и обилие латинизмов в переводе Реймского Нового Завета (первые издан в 1582 г. в Реймсе, второе издание в 1600 г., третье в Дуэ {Реймско-Дуэйское издание}, в 1621 г.) — таких как *supersubstantial bread* вместо «хлеба насущного» (Иероним переводит как *supersubstantialis* {«сверхсущностный»} трудно передаваемое *ἐπιούσιος* в молитве Господней, но сохраняет *quotidianus* в Евангелии Луки), *transmigration*, *impudicity*, *coinquinations*, *postulations*, *agnition*, *cogitation*, *prepuce*, *pasche*, *exinanite*, *contristate*, *domesticals*, *exemplars*, *coelestials* и т. д. Некоторые из этих слов и оборотов были молчаливо удалены в современных изданиях. В примечаниях более древних изданий встречается множество проклятий в адрес еретиков.

Этот труд строго критиковали другие школы, утверждая, что авторы изменили либо слишком много, либо слишком мало. Окончательное решение должна была принять Эйзенахская конференция 1886 г. История пересмотренного издания излагается в предисловии и введении к *Probibibel*, а также в Grimm, *Geschichte der luth. Bibelübersetzung*, Jena, 1884, pp. 48-76.

Англо-американский пересмотренный вариант Авторизованного английского перевода 1611 г. начал готовиться по решению собора в Кентербери. Он выполнялся в течение пятнадцати лет, между 1870 и 1885 г., двумя комитетами, один из которых заседал в Англии, а другой — в Соединенных Штатах. Каждый комитет делился на две группы, одна из которых занималась Ветхим Заветом, а другая Новым, и состоял из представителей разных протестантских деноминаций. Доктор Дорнер во время посещения Америки в 1873 г. хотел организовать регулярное сотрудничество между двумя движениями по пересмотру переводов, но эту инициативу сочли непрактичной, так что отношения между комитетами ограничивались частной перепиской.

Оба пересмотренных издания, и немецкоязычное, и англоязычное, похожи по духу и цели. Улучшения, в них внесенные, во многом родственны. Оба предназначены для того, чтобы заменить прежний вариант перевода Библии в общественном и частном использовании, и в обоих случаях конечный успех зависит от мнения церквей, для которых они подготовлены. Оба варианта прошли через одинаковое чистилище враждебной критики со стороны и консервативных, и прогрессивных кругов. Они знаменуют огромный прогресс в изучении Библии, и тот великий труд, который был проделан при их выполнении, никогда не будет забыт. Разница между пересмотренными вариантами обусловлена различием между двумя переводами, на которых они основаны, и их связями с обществом.

Авторизованные немецкий и английский переводы — в равной мере выразительные, классические и народные, но немецкий перевод отличается личным характером, он неотделим от громадного влияния Лютера, которое не позволяет вносить в него радикальные изменения. Английский перевод — безличный. Его создавали три поколения исследователей Библии, от Тиндейла до сорока семи авторов Перевода короля Иакова, и это обстоятельство благоприятствует последующим улучшениям в том же духе. В Германии, где богословие развивалось как наука для избранных, пересмотренным переводом интересуются в основном ученые. Кроме того, здесь надо учесть, что немецкие ученые, независимые и смелые в теории, весьма консервативны и робки в практических вопросах. В Англии и Америке, где богословие тесно связано с жизнью церкви, пересмотренный перевод привлек внимание мирян, которые широко пользуются плодами богословского прогресса.

Поэтому англо-американский пересмотренный вариант сделан более тщательно и полно. Он воплощает в себе результаты новейших критических и экзегетических исследований. Он задействует реконструкцию оригинального текста, тогда как в немецком пересмотренном переводе эта сфера остается почти нетронутой, как будто все труды критиков со времен Бенгеля и Гризбаха до Ллахмана и Тишendorфа (не говоря уже о не менее важных трудах английских ученых, от Милла и Бентли до Весткотта и Хорта) были напрасны.

Что касается перевода, то в английском пересмотренном издании не только удалены вводящие в заблуждение ошибки, но и исправлены гораздо более многочисленные неточности и непоследовательности в мелочах, грамматических и лексических. В немецком же пересмотренном варианте исправлены только те места, где перевод вызывающе неверен. В немецком пересмотренном переводе Нового Завета только двести изменений, тогда как в англо-американском — тридцать шесть тысяч. Пересмотренный немецкий Новый Завет широко распространяется, тогда как *Probibibel*, включающая в себя оба Завета, напечатана лишь в количестве пять тысяч экземпляров, которые «Канштейн Бибеланштайт» продала в Галле (я узнал это от доктора Кранмера в июле 1886 г.). Пересмотренный английский Новый Завет был заказан в количестве миллиона экземпляров издательством Оксфордского университета еще до публикации, и меньше чем за год было продано три миллиона экземпляров (1881). Текст был передан по телеграфу из Нью-Йорка в Чикаго, опережая прибытие книги. В Соединенных Штатах вышло более тридцати переизданий. Пересмотренный Ветхий Завет вызвал меньше интереса, но десятки тысяч экземпляров были проданы уже в день публикации (1885), и он был переиздан в Америке несколько раз. В любом случае, Библия — самая популярная в мире книга. Ее влияние неуклонно растет, особенно среди англоязычных народов. (Подробности об английском Пересмотренном переводе см. в Schaff, *Companion to the Greek Testament and the English Version*, New York, 3^d ed., 1888, pp. 404 sqq., а также в перечисленной там литературе, pp. 371 sqq.).

§64. Богословие Меланхтона

См. список литературы в §38. Двадцать первый том «*Corpus Reformatorum*» (1106 стр. fol.) посвящен разным изданиям *Loci Theologici* Меланхтона. Там есть библиография (fol. 59 sqq.; 561 sqq.), а также более древние выдержки из неопубликованных рукописей. См. также CARL SCHMIDT, *Phil. Mel.*, pp. 64-75; об изменениях, внесенных Меланхтоном в учение, — SCHAFF, *Creeds of Christendom*, vol. 1. 261 sqq.

Пока Лютер переводил Новый Завет в Вартбурге, Меланхтон готовил первую систему протестантского богословия в Виттенберге. Оба черпали из одного источника и стремились к одной цели, но разными путями. Лютер проводил Реформацию среди народа, на немецком языке, тогда как Меланхтон в своих латинских трудах методически придавал ей форму, понятную для ученых. Первый работал в каменоломне и высекал грубые гранитные глыбы, а второй возводил из этого гранита здания, в которых можно было жить. Лютер проявил скромность и уважение к своему другу, когда сказал, что превосходит его «в риторическом отношении», в то время как Меланхтон — «лучший логик и лучше рассуждает».

Меланхтон завершил свои «Общие места», или основные мысли богословия (*Loci Communes* или *Loci Theologici*), в апреле 1521 г. и выслал гранки Лютеру в Вартбург. Книга вышла в том же году⁴⁸².

Эта книга знаменует начало новой эпохи в истории богословия. Она выросла из экзегетических лекций по Посланию к римлянам — великой хартии вольностей евангельской системы. В ней излагаются основные учения о грехе и благодати, о покаянии и спасении. Она понятна, свежа, полностью соответствует Библии и практична. Ее основная задача — показать, что человек не может спастись делами закона или собственными заслугами, но спасается только безвозмездной благодатью Бога во Христе, о которой и пишет Евангелие. Книга раскрывает живую душу веры и представляет разительный контраст сухим мощам выродившейся схоластики с ее бесконечными тезисами, антитезисами, определениями, разделами и пунктами.

Первое издание было написано в интересах практического христианства, а не научного богословия. В нем не так уж много вопросов, и они недостаточно детально освещены. Оно ограничивается антропологией и сотериологией. В нем кратко упоминаются метафизические учения о Троице и воплощении как трансцендентные тайны, которые следует чтить, а не копать в них. В нем содержится полемика против романистов ввиду недавнего осуждения Лютера Сорбонной. Там есть также несколько резких и крайних мнений, от которых автор позже отказался. В целом это было незрелое произведение, хотя и оно замечательно, если мы примем во внимание возраст его автора, которому было тогда всего лишь двадцать четыре года.

Сначала Меланхтон разделял антипатию Лютера к схоластическому богословию, но он научился отличать чистую и правомерную схоластику от пустого формализма, а живую философию Аристотеля от ее мощей, которым поклонялись как идолу в университетах того времени. Он особенно признавал ценность этики Аристотеля, написал к ней комментарий (1529) и внес важный оригинальный вклад в развитие христианской этики в своей *Philosophiae Moralis Epitome* (1535)⁴⁸³.

В последующих изданиях, куда Меланхтон внес изменения, *Loci* превратились в широкую, зрелую и соразмерную систему, изложенную спокойным, ясным, полным достоинства языком, свободную от полемики против Сорбонны и

⁴⁸² Под заглавием *Loci communes rerum theologicarum seu hypotyposes theologicae*, Wittenberg, 1521. Биндсейл относит публикацию к декабрю. У меня есть экземпляр лейпцигского издания MDLIX, 858 страниц без указателя, под заглавием: *Loci Praecipui Theologici. Nunc denuo cura et diligentia summa recogniti, multisque in locis copiose illustrati, cum appendice disputationis de conjugio*, etc.

⁴⁸³ См. этические труды в vol. XVI его *Opera*, в «Corp. Reform.», а также об их достоинствах — в Wuttke, *Handbuch der christl. Sittenlehre*, 3^e ed. (1874), I. 148 sqq.

от презрительных выпадов в адрес схоластов и отцов церкви. В двадцати четырех главах автор осветил все привычные темы, от Бога и сотворения до телесного воскресения. Заключительная глава была посвящена христианской свободе. Меланхтон использовал схоластические методы и даже осмелился, выступая против антитринитариев, привести новое спекулятивное доказательство в пользу существования Святой Троицы, основанное на психологических аналогиях. Он всегда опирался на Писание, но иногда цитировал и отцов церкви, чтобы указать на их предполагаемое или реальное согласие с евангельским учением.

Богословие Меланхтона, как и Лютера, формировалось постепенно, в ходе споров, тогда как «Наставления» Кальвина вышли из его головы уже полностью оформленными, как Минерва из головы Юпитера.

Loci подготовили путь для Аугсбургского исповедания (1530), в котором Меланхтон придал основным учениям официальную форму и авторитет символа веры для лютеранской церкви. Но на этом он не остановился и сделал несколько изменений, которые мы должны предвосхитить, чтобы правильно оценить этот труд.

Издания его богословского учебника делятся на три периода: с 1521 по 1535 г., с 1535 по 1544 г. и с 1544 по 1559 г. Издание 1535 г. (посвященное королю Генриху VIII Английскому и переведенное на немецкий язык Юстом Ионасом) представляло собой тщательный пересмотр труда. Это и последующие издания содержат, помимо добавлений материала и улучшений стиля, важные изменения в освещении предопределения и свободы воли, реального присутствия Христа в причастии и оправдания верой. Меланхтон отказался от детерминизма спасения в пользу синергизма, от телесного присутствия Христа в евхаристии в пользу реального духовного присутствия и от крайних представлений об оправдании одной лишь верой, «солифицианизма», в пользу необходимости добрых дел. В первом и третьем вопросе он стал ближе к римско-католической системе, во втором — к кальвинизму.

Эти изменения стали следствием постоянного изучения им Библии и отцов церкви, а также личного общения с католическими и реформатскими богословами в Аугсбурге и на собраниях Франкфурта, Гагенау, Вормса и Ратисбона. Он объясняет такую перемену прояснением непонятных моментов, смягчением крайних взглядов и более здравым рассуждением⁴⁸⁴.

1. Сначала он отрицал, вместе с Лютером и Августином, всяческую свободу человеческой воли в духовных вопросах⁴⁸⁵. Он даже придерживался стоического учения о детерминистской неизбежности всех поступков, как хороших, так и плохих, — то есть не только обращения Павла, но и прелюбодеяния Давида и предательства Иуды⁴⁸⁶.

Но после более внимательного рассмотрения темы, отчасти под влиянием Эразма, он отказался от своего стоического фанатизма как опасного заблуждения, несовместимого с христианством и моралью. Вместо этого он стал учить

⁴⁸⁴ См. его послания к его другу Камерарию: от 2 сентября 1535 г. («Corp. Ref.», II. 936) и от 24 декабря 1535 г. (*ib.*, II. 1027): *Ego nunc in meis Locis multa mitigavi... In Locis meis videor habere deuteras frontidas*. Его письма полны греческих слов и классических реминисценций.

⁴⁸⁵ *Loc. Theol.*, 1521. А. 7: *Quandoquidem omnia quae eveniunt, necessario juxta divinam praedestinationem eveniunt, nulla est voluntatis nostrae libertas*. Он ссылается на Рим. 9 и 11 и на Мф. 10:29.

⁴⁸⁶ В своем *Com. in Ep. ad Roman.*, 1524, cap. 8, он пишет: *Itaque sit haec certa sententia, a Deo fieri omnia tam bona quam mala... Constat Deum omnia facere non permissive sed potenter, — ita ut sit ejus proprium opus Judae proditio, sicut Pauli vocatio*. Лютер опубликовал этот комментарий без ведома Меланхтона, с шутивным посвящением ему.

сотрудничеству Божьей и человеческой воли в вопросе обращения. Тем самым он предвосхитил арминиаство и приблизился к древнему полупелагианству, но приписывал при этом инициативу Божьей благодати. «Бог, — говорил он в 1535 г., — не причина греха, и Он не желает греха. Воля дьявола и человека — вот причина греха». Человеческая природа развращена в основном, но не полностью и не безнадежно. Без помощи Святого Духа она не может породить такие духовные чувства, как страх Божий, любовь к Богу и истинное повиновение, но она может принять или отвергнуть Божью благодать. Бог идет впереди, зовет нас, побуждает и поддерживает, но мы должны идти за Ним и не сопротивляться. Три вещи необходимы для спасения: слово Бога, Святой Дух и воля человека. Меланхтон цитирует греческих отцов церкви, которые уделяют большое внимание человеческой свободе, и соглашается со словами Златоуста: «Бог ведет за Собой волю».

Он предполагает именно такой синергический взгляд в восемнадцатой статье измененного Аугсбургского исповедания и в немецком издании «Апологии вероисповедания», но он продолжал отрицать заслугу добрых дел, а на собрании в Вормсе в 1557 г. отказался осудить учение о порабощенности человеческой воли, потому что Лютер придерживался его всецело. И он был готов терпимо относиться к такому богословскому мнению, хотя сам не принимал его.

2. Что касается вечери Господней, то сначала он принимал взгляды Лютера, полагая, что так считала древняя церковь, но его разубедил Эколампаций, доказавший (1530), что отцы церкви придерживались разных мнений и что Августин не говорил о пережевывании Христа (*manducatio oralis*). После 1534 г. Меланхтон практически самостоятельно отказался от представлений об «оральной мандукации»⁴⁸⁷, хотя не осуждал и не исключал возможности иного взгляда, предполагающего телесное присутствие Христа, пережевывание Его тела и глотание Его крови. Он ставил акцент на *реально* осуществляющемся, но *духовном* присутствии Христа и причащении Христом.

Он изменил десятую статью Аугсбургского исповедания в 1540 г. и сделал ее приемлемой для реформатских богословов, опустив антицвинглианскую фразу, но он никогда не принимал теорию Цвингли о причастии как просто о воспоминании. Его более поздняя евхаристическая теория близка к теории Кальвина, а по вопросам предопределения и свободы воли он не соглашался с ним. Кальвин, написавший предисловие к французскому переводу *Loci Theologici*, в частной переписке выражал удивление тем, что такой великий богослов отвергает содержащееся в Писании учение о вечном предопределении, однако они до конца оставались близкими друзьями, что доказывает: богословские разногласия не мешают религиозному согласию и братскому общению.

3. Меланхтон никогда не отказывался от учения об оправдании верой, но в последние годы жизни, выступая против антиномистских крайностей, он стал заострять внимание на необходимости добрых дел веры — понимая их не как условие спасения и не как способ приобретения заслуг, но как неизбежное доказательство следования Божьей воле.

Эти вероучительные изменения привели к ожесточенным спорам после смерти Лютера и в конечном итоге были отвергнуты в Формуле согласия (1577), но были вновь возрождены в более поздний период. Сам Лютер никогда не принимал их, но никогда и не выступал против них открыто.

⁴⁸⁷ {От лат. *manducatio*, «пережевывание»}.

Loci Меланхтона с самого начала были приняты очень благосклонно. В Виттенберге при жизни автора выходило издание за изданием. Последнее выпущенное лично им издание относится к 1559 г. Кроме того, печаталось много репринтов — в Базеле, Гагенау, Страсбурге, Франкфурте, Лейпциге, Галле, и много изданий вышло после его смерти.

Лютер крайне ценил этот труд и даже говорил, что он достоин занять место в церковном каноне⁴⁸⁸. Он полагал, что его перевод Библии и *Loci* Меланхтона — лучшее достижение в богословии, которое способно заменить почти что все остальные книги⁴⁸⁹.

Loci стали учебником лютеранского богословия в университетах и заняли место «Сентенций» Петра Ломбардского. Штригель и Хемниц написали к ним комментарии. Леонгард Гуттер также следовал им, пока не опубликовал более ортодоксальный компендиум (1610), отодвинувший их на задний план и даже приведший к тому, что они не использовались в течение XVII века.

Богословский учебник Меланхтона оказал громадное содействие Реформации. Католики почувствовали его силу. Эмсер назвал его новым Кораном и чуждой. Выступая против Меланхтона, они с Экком написали *Loci Catholici*⁴⁹⁰.

Loci Меланхтона были лучшим богословским трудом лютеранской церкви в XVI веке. «Наставления» Кальвина (1536) равны им по свежести и пылу, но превосходят по полноте, логическому порядку, философской хватке и классической обработке.

Примечательно, что самая первая и самая великая среди богословских систем Реформации исходили от двух богословов-мирян, которые никогда не были рукоположены людьми, но при этом получили помазание свыше⁴⁹¹. Так и двенадцать апостолов получили крещение не от Христа водой, а от Святого Духа в день Пятидесятницы.

§65. Протестантский радикализм. Волнения в Эрфурте

I. Послания Лютера с мая 1521 г. по март 1522 г. к Меланхтону, Линку, Ланге, Шпалатину и др. (в De Wette, vol. II).

II. F. W. KAMPSCHULTE: *Die Universität Erfurt in ihrem Verh. zu dem Humanismus und der Reformation*. Trier, 1858. Вторая часть, chs. III — IV, pp. 106 sqq.

⁴⁸⁸ *Invictus libellus non solum immortalitate, sed quoque canone ecclesiastico dignus*. В начале *De Servo Arbitrio* (1525), против Эразма.

⁴⁸⁹ Он говорит в своем *Tischreden* (Erl. ed., LIX. 278 sq.): *Wer itzt ein Theologus will werden, der hat grosse Vortheil. Denn erstlich hat er die Bibel, die ist nu so klar, dam er sie kann lesen ohne alle Hinderung. Darnach lese er darzu die locos communes Philippi; die lese er fleissig und wohl, also dass er sie gar im Kopfe habe. Wenn er die zwei Stücke hat, so ist er ein Theologus, dem weder der Teufel noch kein Ketzer etwas abbrechen kann, und ihm stehet die ganze Theologia offen, da die summa religionis oder die ganze Theologia so fein bei einander ist, als in den locis communibus. Leset alle Patres und Sententiaros, so ist es doch Alles nichts dagegen. Non est melior liber post scripturam sanctam, quam ipsius loci communes. Philippus ist enger gespannt denn ich; ille pugnat et docet; ich bin mehr ein Rhetoricus oder ein Wäscher [Deutscher?]*.

⁴⁹⁰ *Loci Communes adversus Lutheranos* Экка (Landshut, 1525) выдержали много изданий.

⁴⁹¹ Меланхтон был просто профессором, сначала греческого языка, затем богословия, а Кальвина отец отправил учиться на клирика, и он получил тонзуру, но о его рукоположении у нас нет сведений.

III. Биографии Андреаса Боденштейна фон Карлштадта: FÜSSLIN (1776), JÄGER (Stuttgart, 1856), ERBKAM (в HERZOGII, VII. 523 sqq.).

IV. GIESELER, IV. 61-65 (Am. ed.). MARHEINEKE, chs. X — XI (I. 303 sqq.). MERLE D'AUB., bk. IX, chs. 6-8. KÖSTLIN, bk. IV, chs. 3-4 (I. 494 sqq.). RANKE, II. 7-26. JANSSEN, II. 204-227.

Когда Лютер и Меланхтон закладывали прочный фундамент евангельской церкви и евангельского богословия, их труду ощутимо препятствовало непомерное рвение соратников, превращавшее Реформацию в революцию. Даже самое благое начинание можно испортить, если перестараться. Свобода — это обоюдоострый меч. Им можно злоупотреблять, а можно использовать его на благо. На всяком поле с пшеницей растут плевелы, и иногда они душат пшеницу. Но и разрушение принесло пользу Реформации, ведь чтобы построить новое здание, иногда бывает необходимо снести старые лачуги.

В первые пять лет Реформация была битвой на словах, а не на деле. Она сеяла семена новых установлений по всей Германии, но там оставались и старые формы и обычаи. Новое вино еще не разорвало старые мехи. Протестантская душа дремала в католическом теле. Апостолы после Пятидесятницы продолжали ходить в храм и синагоги, соблюдали обрезание, субботу и другие обычаи отцов, надеялись на обращение всего Израиля, пока иудейская иерархия не изгнала их. Так и протестанты оставались во внешнем общении с матерью-церковью, посещали латинские мессы, кланялись пресуществленным дарам на алтаре, читали *Ave Maria*, поклонялись святым, образам и распятиям, совершали паломничества к святыням, соблюдали праздники римского календаря и выполняли семь таинств, которые сопровождали их на всем жизненном пути от колыбели до могилы. Епископы по-прежнему руководили своими епархиями. Неженатые священники и диаконы выполняли все церковные обязанности. Монастыри были по-прежнему полны монахов и монахинь, которые занимались своими ежедневными молитвами и аскетическими упражнениями. Внешне все выглядело как прежде, но внутри происходили радикальные перемены.

Так обстояли дела даже в Саксонии и Виттенберге, колыбели нового порядка вещей. Сам Лютер сначала не ждал никаких внешних перемен. Он трудился и надеялся на реформу веры и учения внутри Католической церкви, под руководством епископов, без раскола. Но затем власти изгнали его, и он постепенно пришел к пониманию того, что должен построить нечто новое на новом основании, заложенном им в его произведениях и в переводе Нового Завета.

Негативная сторона этих перемен, в первую очередь упразднение мессы и монашества, была осуществлена радикалами из числа его учеников, которые отличались скорее рвением, чем сдержанностью, и понимали свободу как вседозволенность.

Пока Лютер находился в Вартбурге, его последователи были подобны школьникам вне школы, солдатам без командира. Некоторые из них думали, что он остановился на полпути и они должны завершить начатое им. Они взяли дело разрушения и перестройки в свои относительно неумелые и неспособные руки. Порядок сменился путаницей. Реформации грозил провал.

Первые волнения начались в Эрфурте в июне 1521 г., вскоре после триумфального проезда Лютера через этот город на пути в Вормс. За неумеренные приветствия, обращенные к реформатору, двух молодых священников отлучили от церкви. Это решение вызвало взрыв негодования. Тысяча двести студентов, рабочего люда и присоединившихся к ним разбойников стали нападать на жили-

ща священников и за несколько дней разрушили шестьдесят домов. Священники спаслись бегством⁴⁹².

Городские власти отнеслись к происшествию спокойно, как будто были на стороне бунтовщиков. Летом подобные сцены насилия повторялись. Монахи, в первую очередь августинцы, забывали о своих обетах, оставляли монастыри, снимали с себя монашеские одежды и либо начинали, как большинство, самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, либо становились бременем для окружающих, либо жили проповедью новой веры.

Лютер увидел в этих событиях происки сатаны, который позорит Евангелие и провоцирует к осуждению перемене⁴⁹³. Он боялся, что многие покинули монастыри по той же причине, по которой вступили туда, а именно — из чревоугодия и из любви к плотской свободе⁴⁹⁴.

Во время этих волнений Крот, восторженный поклонник Лютера, отказался от поста ректора университета, покинул Эрфурт, а позже вернулся в лоно матери-церкви. Крестьянская война 1525 г. была еще одним ударом. Эобан, латинский поэт, приветствовавший Лютера по прибытии, принял приглашение в Нюрнберг. Известные люди покинули город или разочаровались в происходящем и умерли в нищете.

Именно тогда начался упадок университета, бывшего ранее процветающим центром гуманистических и патриотических надежд. Былую славу он себе так и не вернул.

§66. Революция в Виттенберге. Карлштадт и новые пророки

См. литературу в §65.

В Виттенберге тот же самый дух насилия проявился под руководством старшего коллеги Лютера, Андреаса Карлштадта, известного нам своей неудачей на лейпцигском диспуте. Этот человек отличался оригинальностью, ученостью, красноречием, рвением и смелостью, но был эксцентричен, склонен к крайностям, недостаточно вдумчив, неуравновешен, беспокоен и амбициозен.

Сначала он учил богословию средневековых схоластов, но под влиянием Лютера стал строгим августинцем и решительно отрицал свободу человеческой воли.

Он написал первый критический труд о каноне Писания и предвосхитил современную библейскую критику. Он изучил исторические свидетельства, разделил книги на три категории по важности, отнеся агиографические книги Ветхого Завета и семь антилегоменов Нового к третьей категории, и выразил сомнения в том, что Моисей был автором Пятикнижия. Его возражения против антилегоменов были основаны не на догматическом фундаменте, как у Лютера, а на отсутствии исторических свидетельств. Его возражение против традиционного канона было традиционным по своим обоснованиям: доникейское предание он противопоставлял посленикейскому. Однако его книга о каноне была несовершенной и незрелой, и о ней скоро забыли⁴⁹⁵.

⁴⁹² Kampschulte (*l. c.*, II. 117 sqq.) подробно рассказывает об этом *Pfaffenstum* и его последствиях.

⁴⁹³ См. его послания к Меланхтону и Шпалатину в *De Wette*, II. 7 sq., 31. Последнему он писал: *Erfordia Satanas suis studiis nobis insidiatus est, ut nostros mala fama inureret, sed nihil proficiet: non sunt nostri, qui haec faciunt.*

⁴⁹⁴ Письмо к Ланге от 28 марта 1522 г. в *De Wette*, II. 175.

⁴⁹⁵ *Libellus de Canonicis Scripturis*, Wittenb., 1520; также на немецком: *Welche Bücher heilig und biblisch sind*. См. также Weiss, *Einleitung in's N. T.* (1886), p. 109, и Reuss, *Histoire du Canon* (1863), 357 sqq. (*Hunter's translation*, p. 336 sq.).

Он изобрел несколько курьезных и неприемлемых толкований Писания — например, слов учреждения вечери Господней. Он отнес слово «сие» не к хлебу, а к телу Христову, в результате чего слова Христа стали значить: «Сие {с указанием на Себя} есть тело Мое ломимое, а вот это {принимаемый хлеб} творите в Мое воспоминание». Однако он обнаружил свое мнение только в 1524 г., а позже поддерживал Цвингли.

Карлштадт проповедовал и писал во время отсутствия Лютера, выступая против целибата, монашеских обетов и мессы. На Рождество 1521 г. он исключил из богослужения те части канона мессы, против которых больше всего возражал, например вознесение гостии, а также причащал все собрание и хлебом, и вином. Он объявил также, что готов отказаться от ношения одежды священника и прочих церемоний. Два дня спустя он был помолвлен с девушкой из благородной, но бедной семьи в присутствии выдающихся профессоров университета, а 20 января 1522 г. женился. Он неумеренно разрекламировал этот поступок, пригласив на свадьбу весь университет и городской совет и написав книгу в свое оправдание.

Но он был не первым священником, отказавшимся от безбрачия. До него, в 1521 г., это сделали Бартоломей Бернгарди из Фельдкирхена, выпускник Виттенберга и недавно избранный *Probst* Кемберга, а также два других, менее известных священника. Юст Ионас последовал их примеру и женился 10 февраля 1522 г., чтобы избавиться от нечестивых искушений (1 Кор. 7:12). Лютер одобрил браки, хотя на тот момент не собирался жениться.

Карлштадт пошел еще дальше. Он утверждал: что человек, не имеющий жены и детей, не должен становиться священником (так он объяснял слово *должен* в 1 Тим. 3:2); что греховно причащаться без чаши; и что монашеский обет безбрачия не обязателен, по меньшей мере, до шестидесяти лет, так как целомудрие — это безвозмездный дар Бога, над которым человек не властен. По сути, он вводил новый закон вместо старого, нарушая принцип евангельской свободы и любви.

Карлштадт осуждал также картины и образы как идолов, явно запрещенных второй заповедью и подлежащих сожжению, а не накапливанию в доме Божьем. Он призвал городской совет убрать изображения из приходской церкви, но народ предвосхитил законное выполнение его слов — сорвал их, разбил на куски и сжег. Карлштадт выступал против постов и призывал людей есть в постные дни мясо и яйца. Карлштадт выступал против всяких титулов и любого сана, потому что Христос — наш единственный Господин (Мф. 23:8). Он презрительно отзывался о богословии и обо всей человеческой учености, потому что Бог явил истину младенцам (Мф. 11:25). Он советовал студентам заняться земледелием и зарабатывать на хлеб в поте лица (Быт. 3:19). Он отказался от одеяний священника и профессора, одевался как простой горожанин, потом — как крестьянин и велел называть себя братом Андреем. Он дошел до грани коммунистического обобществления. Он также возражал против крещения младенцев. Он заблудился в непролазных дебрях мистики и спиритуализма, пытаясь опереться, как пророки из Цвиккау, на индивидуальное откровение.

В начале ноября 1521 г. тридцать из сорока монахов покинули августинский монастырь в Виттенберге довольно беспорядочным образом. Один пожелал стать столяром и жениться. Августинцы провели в Виттенберге совещание в январе 1522 г. и единодушно решили, по совету Лютера, позволить монахам покидать монастырь или оставаться в нем, но в любом случае им предписывалось вести общественно полезную жизнь, занимаясь умственным или физическим трудом.

Самым известным из этих бывших монахов стал Габриэль Цвиллинг, или Дидим, который проповедовал в приходской церкви в отсутствие Лютера, и некоторые чтили его как второго Лютера. Он яростно критиковал мессу, поклонение дарам и всю монашескую систему как ставящие под угрозу спасение.

В период Рождества 1521 г. революционное движение поддержали два фанатика из Цвиккау — Николай Шторх, суконщик, и Маркус Фома Штюбнер⁴⁹⁶. Последний ранее учился с Меланхтоном и был гостеприимно им принят. Несколько недель спустя в Виттенберг ненадолго прибыл Томас Мюнцер, энтузиаст-милленарий и оратор-демагог, сыгравший важную роль в Крестьянской войне. Он посеял религиозное возбуждение среди ткачей Цвиккау в Саксонии, на богемской границе, — возможно, в некоторой связи с гуситами или богемскими братьями — и организовал боевой отряд провозвестников новой диспенсации, избрав двенадцать апостолов и семьдесят два ученика. Но тут вмешались городские власти, и вождям движения пришлось покинуть город.

Эти так называемые пророки из Цвиккау были единоклещны с Карлштадтом, сочетая внутренний мистицизм с практическим радикализмом. Они хвалились своими видениями, снами и непосредственным общением с Богом и архангелом Гавриилом, пренебрегали письменным Словом и регулярными богослужениями, отвергали крещение младенцев и предсказывали крушение существующего порядка вещей и близость демократического тысячелетнего царства.

Мы можем сравнить Карлштадта и пророков из Цвиккау с «Людьми Пятой монархии» в период Английской республики, которые также были энтузиастами-милленариями и пытались, в противовес Кромвелю, учредить «Царство Иисуса», или Пятое царство Даниила.

Положение Виттенберга было критическим. Городские власти не имели единства и были беспомощны. Амсдорф держался в стороне. Меланхтон был смущен, к тому же слишком скромнен и робок, чтобы стать руководителем. Он не верил в видения и сны, но не мог разумно ответить на возражения против крещения младенцев, которое пророки объявляли бессмысленным, ибо чужая вера родителей или крестных не может спасти ребенка. Лютер справился с трудностью, предположив, что Святой Дух внушает веру ребенку.

Попросили вмешаться курфюрста, но он, как мирянин, не осмелился решать богословские и церковные проблемы. Он предпочитал предоставить ситуации развиваться самой и верил, что всем руководит Божье провидение. Он усвоил совет Гамалиила, приносящий пользу на подготовительных и экспериментальных этапах любого нового движения. Сила курфюрста проявилась в мудрой, осторожной, мирной дипломатии. Но самым полезным видом осторожности стало все-таки дерзновение. И единственным человеком, способным сдерживать разгул революции и спасти корабль Реформации, был Лютер.

§67. Лютер возвращается в Виттенберг

WALCH, XV. 2374-2403. DE WETTE, II. 137 sqq.

Лютер знал обо всех этих волнениях. Он видел, что перемены необходимы, но сожалел, когда реформы проводились в духе насилия и без подготовки общественного мнения, а также опасался скоропалительности радикалов, на которую те

⁴⁹⁶ Маркус (Маркс) Фома и Штюбнер — не два разных человека, но один и тот же. См. Köstlin, note, vol. I, 804 sq.

были готовы постоянно. Латинская месса как жертвоприношение, с вознесением святых даров, институт монашества, поклонение святым, образам и реликвиям, процессии и паломничества, большое количество суеверных церемоний — все это было несовместимо с протестантским учением. Поклонение рано или поздно следовало проводить на разговорном языке; жертвоприношение мессы должно было смениться причащением в воспоминание; мирянам надо было возвратить чашу, а клиру — право вступать в брак. Лютер готов был пойти на такие изменения. Что касается одежды священников, распятий и внешних церемоний, тут ему было все равно. Он не возражал и против использования картин, если те не будут объектами поклонения. Он утверждал право христианина на свободу в подобных вопросах, причем такую, которая не принуждала бы человека занять ту или иную сторону. Что же до так называемых откровений новых пророков, то он пренебрегал ими и считал, что богодухновенный пророк должен либо быть назван таковым церковными властями, либо подтвердить свою избранность чудесами.

Сначала, в декабре 1521 г., он прибыл в Виттенберг тайно и провел там три дня. Он жил в доме Амсдорфа и не осмеливался показываться ни в монастыре, ни на улице.

Когда волнения усилились, он посчитал долгом открыто заявить о своем присутствии. Увидев из Вартбурга, что горит его собственный дом, он поспешил тушить пожар. Курфюрст боялся за его безопасность, так как вормсский указ был еще в силе и приближался Нюрнбергский рейхстаг. Он велел Лютеру оставаться в убежище. Лютер всю жизнь был сторонником строгого повиновения гражданским властям в сфере их влияния, но на этот раз он отверг соображения осторожности и повиновался высшему закону Бога и своей совести. Ответ Лютера курфюрсту (с которым он никогда не встречался лично) — благородное свидетельство его возвышенной веры в руководящее всем Божье провидение. Письмо датировано пепельной средой (5 марта 1522 г.) и написано в Борне, к югу от Лейпцига. Приведем основное содержание письма⁴⁹⁷.

Благодать и мир от Бога нашего Отца и Господа нашего Иисуса Христа и мое самое смиренное служение.

Наиславнейший и высокороднейший курфюрст, милостивейший господин! Я получил письмо и предупреждение Вашей Курфюршеской Милости в пятницу вечером [26 февраля], до моего отъезда [1 марта]. Я совершенно уверен в том, что Ваша Курфюршеская Милость руководствуется лучшими намерениями. Я тоже желаю поступить как лучше, но дело не в этом... Если бы я не был уверен, что на нашей стороне чистое Евангелие, я бы пришел в отчаяние... Ваша Милость знает, а если нет, я сообщаю Вам, что у меня есть Евангелие не от людей, но с небес от Господа нашего Иисуса Христа... Я пишу это, чтобы сообщить Вам: я на пути в Виттенберг, под более высокопоставленной защитой, чем защита курфюрста; у меня нет намерения просить Вашу Милость о поддержке. Наоборот, я даже полагаю, что могу предложить Вашему Высочеству лучшую защиту, чем Ваше Высочество может предложить мне. Если бы я полагал, что должен уповать на курфюрста, я вообще бы не поехал. Меч здесь бессилен. Должен действовать один лишь Бог, без вмешательства людей. Тот, у кого больше веры, и будет самым могущественным защитником. Так как я чувствую, что вера Вашей Милости еще слаба, я не могу признать Вас тем человеком, кто защитит и спасет меня. Ваша Курфюршеская Милость спрашивает меня, что я буду делать в сложившихся обстоятельствах. И я отвечаю, со всей покорностью: вообще ничего, только уповать на Бога... Если у Вашей Милости есть вера, Вы увидите славу Божию; если же Вы не верите, Вы никогда не видели ее. Возлюбим же Бога и прославим Его веки. Аминь.

⁴⁹⁷ В De Wette, II. 137-141. Де Ветте называет это письмо *ein bewunderungswürdiges Denkmal des hohen Glaubensmüthes, von welchem Luther erfüllt war*.

Когда курфюрст попросил назвать причины возвращения, Лютер указал в послании от 7 марта из Виттенберга⁴⁹⁸ три причины: срочная письменная просьба от виттенбергской церкви, смятение среди паствы и желание предотвратить надвигающиеся беспорядки. «Моя вторая причина, — писал он, — в том, что в мое отсутствие сатана вошел в мой овин и устроил там бесчинства, которые я не могу устранить письменно, а только личным присутствием и живым словом. Моя совесть не позволяет мне дольше медлить. Я был вынужден пренебречь не только недовольством Вашего Высочества, но и гневом всего мира. Это моя паства, стадо, вверенное мне Богом. Это мои дети во Христе. Я не мог колебаться ни мгновения. Я готов принять смерть за них и с радостью в Божьей благодати умру за них, как велит Христос (Ин. 10:12)».

Лютер без страха проехал через территорию своего заклятого врага, герцога Георга Саксонского, который призывал курфюрста принять суровые меры против него и виттенбержцев. Он сообщил курфюрсту, что проедет через Лейпциг, как на пути в Вормс, даже если девять дней без перерыва будет идти дождь из герцогов Георгов, еще более свирепых, чем их оригинал в Дрездене.

Лютер благополучно прибыл в Виттенберг вечером в четверг 6 марта, полный веры и надежды, готовый противостать своим ложным друзьям.

В пути, 3 или 4 марта, у него была интересная беседа с двумя швейцарскими студентами Кесслером и Шпенглером в таверне «Черный медведь» в Йене. О ней рассказывает один из них, Иоганн Кесслер из Сен-Галлена, позже ставший реформатором в этом городе⁴⁹⁹. Беседа составляет благоприятный контраст последующим отношениям Лютера со швейцарцами, особенно с Цвингли, которые были омрачены предубеждениями и отягощены нетерпимостью. Это исключительно частный эпизод, никак не влияющий на развитие событий, но он выдает характерную особенность этого замечательного человека, который даже в критические и серьезные моменты не утрачивал чувства юмора. Мы встречаем то же самое сочетание качеств, кажущихся несовместимыми, в Кобурге, когда он наблюдал за ходом Аугсбургского рейхстага и писал ребячливое письмо своему маленькому Гансу. Такой невинный юмор подобен солнечному свету, пробивающемуся сквозь тучи.

Итак, два швейцарца, учившиеся в Базеле, были привлечены славой Лютера и Меланхтона и шли пешком в Виттенберг, чтобы послушать их. Они прибыли в Йену после ужасной бури, уставшие и насквозь промокшие, и скромно сидели на скамье у дверей в гостиную, когда увидели рыцаря, сидящего за столом с мечом в руке и еврейской Псалтирью перед ним. Лютер узнал швейцарцев по диалекту, на котором они говорили, пригласил их за свой стол и предложил выпить. Он спросил, живет ли Эразм по-прежнему в Базеле, что он делает и что жители Швейцарии думают о Мартине Лютере. Студенты ответили, что некоторые восхваляют его до небес как великого реформатора, а другие, особенно священники, осуждают его как невыносимого еретика. Во время обеда в помещение зашли два торговца, и один достал из кармана проповеди Лютера о евангелиях и посланиях, говоря, что автор должен быть либо ангелом небесным, либо бесом из ада. Во

⁴⁹⁸ De Wette, II. 141-144.

⁴⁹⁹ Опубликовал Bernet, *Joh. Kessler genannt Athenarius*, St. Gallen, 1826, и более полно — E. Götzinger in Kessler, *Sabbata*, St. Gallen, 1866 и 1868, 2 parts. См. хороший рассказ в Hagenbach, *Ref. Gesch.*, pp. 141 sqq. В гостинице *Schwarze Bär* в Йене, где я останавливался на несколько дней в июле 1886 г., до сих пор показывают «Lutherstube», с подобием лютеровской Библии, о которой повествует Кесслер.

время обеда Лютер устроил студентам редкое пиршество ума и души. Пораженные студенты начали подозревать, что загадочный рыцарь — это Ульрих фон Гуттен, когда Лютер, повернувшись к хозяину, заметил с улыбкой: «Вот, я стал гвоздем сегодняшнего вечера: эти швейцарцы думают, что я Гуттен; ты принимаешь меня за Лютера. Следующий подумает, что я Маркольф». Он посоветовал своим юным друзьям поучиться языкам Библии у Меланхтона, оплатил их счет, предложил им сначала кружку пива, потом — стакан вина, так как швейцарцы не пили пиво, пожал им руки и попросил напомнить о нем доктору Иерониму Шурфу, их соотечественнику, в Виттенберге. Когда они пожелали узнать имя передающего привет, он ответил: «Просто скажите, что ожидаемый прийти передает ему привет, и он все поймет».

Когда через несколько дней студенты пришли в Виттенберг и отправились к доктору Шурфу с приветом от «ожидаемого», они были приятно удивлены, встретив у него Лютера вместе с Меланхтоном, Юстом Ионасом и Амсдорфом. Лютер сердечно приветствовал их и представил Меланхтону, о котором говорил им в Йене.

Тот же студент оставил описание внешности Лютера. Лютер уже был не худым и изможденным монахом, как во время лейпцигского диспута за три года до того⁵⁰⁰, а, по словам Кесслера, «несколько плотным, но стройным, скорее наклоняющимся назад, чем сутулым, с лицом, обращенным к небесам, с темными бровями и темными глубоко посаженными глазами, мерцающими и сияющими, как звезды, так что трудно было смотреть на них в упор»⁵⁰¹. Эти глубоко посаженные темные глаза, полные необычного огня, поразили кардинала Каетана в Аугсбурге и кардинала Алеандера в Вормсе как демонические. Такое же впечатление они произвели на Иоанна Дантиска (впоследствии ставшего епископом Кульма и Эрмланда), который, возвращаясь из Испании в Польшу в 1523 г., видел Лютера в Виттенберге. Он сообщает, что «глаза у него были пронзительные и вспыхивали, как молния, что иногда бывает у бесноватых», — и добавляет, что «его черты подобны его книгам», а «речь яростна и полна насмешек». Но друзья отзывались о Лютере иначе. Еще один студент, Альберт Буррер, который видел его после возвращения из Вартбурга, хвалит его кроткое, доброе выражение лица, его приятный звучный голос, обворожительное поведение, благочестие его слов и поступков, силу его красноречия, которое трогало всех слушателей и порождало желание слушать его снова и снова⁵⁰².

§68. Лютер восстанавливает порядок в Виттенберге. Конец истории Карлштадта

I. *Восемь проповедей* Лютера, произнесенных с воскресенья 7 марта (*Invocavit*) по следующее воскресенье (*Reminiscere*) после его возвращения в Виттенберг. Древнейшие издания, немного расходящиеся по объему, появились в 1523 г. Altenb. ed., II. 99 sqq.; WALSH, XV. 2423 sqq.; XX. 1-101; Erl. ed., XXVIII. 202-285 (оба с рецензиями). Лютер, послания к Шпалатину, курфюрсту и другим, март 1522 г., в DE WETTE, II. 144 sqq.

II. Из современных историков можно консультироваться с MARHEINEKE, MERLE D'AUBIGNÉ, RANKE, HAGENBACH и KÖSTLIN (I. 537-549).

⁵⁰⁰ См. описание П. Моселлана (p. 180).

⁵⁰¹ *Mit tiefen, schwarzen Augen und Braunen blinzend und zwitterlnd wie ein Stern, dass die nit wohl mögen angesehen werden.*

⁵⁰² Köstlin, I. 536, 805.

В воскресенье по прибытии Лютер поднялся на свою прежнюю кафедру и вновь предстал перед собранием горожан и студентов. Виттенберг был маленьким городком, однако то, что он сказал и сделал там, равно как и то, что позже Кальвин совершил в Женеве, было историческим фактом, важным для всего мира, и на тот момент гораздо более важным, чем энциклика из Рима.

Протестантизм достиг критической точки своего существования: Лютер или Карлштадт, реформация или революция, письменное Слово или иллюзорное вдохновение, порядок или хаос — вот какой выбор предстояло сделать. Лютер был в самом возвышенном и благородном настроении. Он был полон веры в свое дело и милосердия к оппонентам. Он был силен и мягок, и на его стороне была полнота успеха. Никогда ни до, ни позже он не проявлял такой умеренности и терпения.

Он произнес восемь проповедей за восемь дней, увлекая слушателей за собой. Эти проповеди — образцы действенного народного красноречия, одни из лучших его проповедей. Он рассматривал ситуацию с точки зрения пастыря, тактично и с практической мудростью. Он воздерживался от грубых личных выпадов, портящих многие из его полемических трудов. Ни одного недоброго слова, ни одного неприятного намека не сорвалось с его губ. Простым, ясным, впечатляющим, соответствующим Писанию языком он опровергал заблуждения, не называя заблуждающихся. Позитивное утверждение истины в любви — лучшее опровержение заблуждения⁵⁰³.

Основные темы этих восьми выступлений таковы: христианская свобода и христианская любовь; свобода от тирании радикализма, который принуждает совесть выходить за грани, подобно тому как тирания папства вынуждает не выходить за его границы; милосердие к слабым, которых следует воспитывать как детей и обращаться с ними нежно, чтобы они не оступились и не упали. Вера не имеет смысла без любви. Ни один человек не имеет права принуждать своего брата в вопросах, в которых они должны быть свободными; и среди таких вопросов — брак, жизнь в монастырях, частная исповедь, пост и употребление пищи, изображения в церквях. Злоупотребления, которые противоречат слову Божьему, например, частные мессы, следует упразднить, но делать это следует упорядоченно и по решению соответствующих властей. Действовать надо через Слово Божье и моральное убеждение. Павел проповедовал против афинских идолов, не прикасаясь к ним, однако они пали вследствие его проповеди.

Summa summarum, — говорил Лютер, обобщенно излагая свою позицию, — я буду проповедовать, говорить, писать, но никого не стану принуждать, ибо вера должна быть добровольной. Берите пример с меня. Я выступил против папы, индульгенций и папистов, но без насилия и беспорядков. Я только уговаривал, проповедовал и провозглашал Слово Божье, и ничего более. Однако пока я спал или пил виттенбергское пиво с моим Филиппом Меланхтоном и Амсдорфом, Слово Бога наносило папству больший урон, чем когда-либо нанес какой-либо князь или император. Я ничего не делал. Слово сделало всё. Если бы я прибег к силе, то вся Германия утонула бы в крови. Да, я мог бы разжечь конфликт в Вормсе, так что даже император не чувствовал бы себя в безопасности. Но что бы из этого получилось? Разруха, запустение тела и отчаяние души. Поэтому я оставался спокоен и позволял Слову распространяться по миру. Знаете ли вы, что думает дьявол, когда видит, как люди прибегают к насилию, чтобы распространять Евангелие? Он сидит со сложенными руками у адского огня и говорит с хитрым взглядом и ужасной ухмылкой: «Ах, какие молодцы эти безумцы, что играют в мою игру! Пусть продолжают. А я пожну их плоды. Мне это нравится». Но когда он видит, что Слово распространяется и сражается само, он вздрагивает и трясется от страха. Слово всемогуще. Оно пленяет сердца⁵⁰⁴.

⁵⁰³ ἀλλήθευεν ἐν ἀγάπῃ (Еф. 4:15).

Редко красноречие одерживало столь полную и почетную победу. Это было красноречие не страсти и насилия, а мудрости и любви. Легче разбудить в человеке дикого зверя, чем укротить его. Меланхтон и преподаватели, городской совет и мирные граждане были в восторге. Доктор Шурф писал к курфюрсту после шестой проповеди: «О какую радость вызвало у нас появление доктора Мартина! Его слова, Божьей милостью, каждый день возвращают сбитых с толку людей на путь истины. Ясно как солнце, что в нем пребывает Дух Божий и что его приход в Виттенберг был угоден Провидению».

Большинство старых обычаев было восстановлено, по крайней мере временно, до тех пор, пока народ не приготовится к переменам. Сам Лютер вернулся в монастырь, соблюдал посты и надел клобук, но отказался от него два года спустя, когда курфюрст прислал ему новый костюм. Но та часть мессы, в которой говорится о бескровном повторении жертвоприношения и о чудесном преображении даров, не была восстановлена, и в большинстве церквей совершалось причастие под обоими видами. Вскоре оно стало совершаться повсеместно. Сам курфюрст незадолго до смерти (5 мая 1525 г.) принял чашу.

Дидим открыто признал ошибку и объявил, что Лютер проповедовал как ангел⁵⁰⁵. Однако пророки из Цвиккау навсегда покинули Виттенберг, ругая реформатора как нового папу и врага духовной веры. Мюнцер разжег Крестьянскую войну и встретил свою трагическую судьбу⁵⁰⁶.

Карлштадт подчинился безропотно, но неохотно. Он был разочарован, несчастен и замышлял отомстить Лютеру. Ранке описывает его как «одного из тех людей, нередких среди немцев, которые от рождения склонны мрачно отвергать все устои и защищать то, что отвергают другие, не обладая при этом ясностью взглядов и здравыми убеждениями». Карлштадт какое-то время снова читал лекции в университете, но в 1523 г. поселился в поместье неподалеку, чтобы жить в качестве «соседа Андрея» с простыми крестьянами, не отказываясь, однако, от профессорского жалования. Он более полно, чем когда-либо, посвятил себя мистическим размышлениям и воображаемым вдохновениям. Он вел тайную переписку с Мюнцером, хотя никогда полностью не одобрял его политического движения. В Йене он учредил типографию и напечатал ряд религиозных книг под именем «нового мирянина», а не доктора богословия. Он призвал паству Орламунде избрать себя пастырем без разрешения академического сената Виттенберга, обладавшего правом назначения, и ввел там новшества в поклонение, устранив алтари и образы. В 1524 г. он открыто выдвинул свою новую теорию о вечере Господней в противовес Лютеру, вследствие чего разгорелся неудачный спор об евхаристии, ставший серьезной помехой для мира и согласия среди реформаторов. Карлштадт также симпатизировал анабаптистам⁵⁰⁷. Лютер долго терпел его,

⁵⁰⁴ Erl. ed., XXVIII. 219 и 260 (вторая проповедь). Упоминание о распивании *Wittenbergisch Bier mit meinem Philippo und Amsdorf* (р. 260) опущено в более кратком издании, где вместо этого написано: *wenn ich bin guter Dinge gewesen* (р. 219).

⁵⁰⁵ Лютер благосклонно отзывался о нем и рекомендовал его в Альтенбург в качестве пастыря. См. его письма в De Wette, II. 170, 183, 184.

⁵⁰⁶ Он опубликовал в Нюрнберге (1524) труд в свою защиту (*Wider das geistlose sanftlebende Fleisch zu Wittenberg*) и называл Лютера «архиязычником», «архимерзавцем», «виттенбергским папой», «вавилонской блудницей», «змеем», «василиском» и т. д.

⁵⁰⁷ Тем не менее в 1526 г. он пригласил Лютера, его жену, Меланхтона и Юста Ионаса быть крестными его новорожденного сына в селение Шегрен близ Виттенберга. После возвращения из изгнания он жил очень скромно, едва зарабатывая себе на жизнь торговлей пирогами и пивом.

а потом объявил неисправимым⁵⁰⁸. С его согласия Карлштадт был выслан из Саксонии (1524), но потом ему позволили вернуться при условии раскаяния и молчания (1525). Затем ему грозило новое изгнание, но он успел бежать (1528). Он скитался по Германии в нищете, примкнул к последователям Цвингли, отказался от некоторых своих экстравагантных мнений, стал более здравомыслящим и нашел убежище сначала в Цюрихе, в качестве пастыря, потом в Базеле, где преподавал богословие (1534 — 1541). Там же, во время чумы, завершился его беспокойный жизненный путь.

§69. Нюрнбергские рейхстаги, 1522 — 1524. Адриан VI

- I. WALCH, XV. 2504 sqq. RANKE, vol. II, pp. 27-46, 70-100, 244-262. J. JANSSEN, vol. II, 256 sqq., 315 sqq. KÖSTLIN, I. 622 sqq.
- II. Об Адриане VI. GACHARD: *Correspondance de Charles Quint et d'Adrian VI*, Brux., 1859. MORING: *Vita Adriani VI*, 1536. BURMANN: *Hadrianus VI, sive Analecta Historica de Hadr. VI*. Trajecti 1727 (в том числе Моринг). RANKE: *Die röm. Päpste in den letzten vier Jarhh.*, I, 59-64 (8th ed. 1885). С. HÖFLER (католик): *Wahl und Thronbesteigung des letzten deutschen Papstes, Adrian VI*. Wien, 1872; *Der deutsche Kaiser und der letzte deutsche Papst, Carl V und Adrian VI*. Wien, 1876. FR. NIPPOLD: *Die Reformbestrebungen Papst Hadrian VI, und die Ursachen ihres Scheiterns*. Leipzig, 1875. H. BAUER: *Hadrian VI*. Heidelb., 1876. MAURENBRECHER: *Gesch. der kathol. Reformation*, I. 202-225. Nördlingen, 1880. См. также литературу о Карле V, §50.

Теперь мы обратим внимание на политическую ситуацию и отношение немецкого рейхстага к церковным проблемам.

Растущая симпатия немецкого народа к Реформации и политические волнения делали выполнение папской буллы и вормского указа против Лютера все более и более невозможными. Император был в Испании. Его целиком занимали подавление восстания, завоевание Мексики Кортесом и война с Францией. Германии угрожало вторжение турок, которые захватили Белград и большую часть Венгрии. Беды, нависшие над народом, были более важной проблемой, чем распространение протестантизма.

Важные перемены произошли в Риме. Лев X умер 1 декабря 1521 г., и неожиданно на его место был избран отсутствовавший Адриан VI (1459 — 1523) — возможно, благодаря его косвенному влиянию на императора, его бывшего ученика. Кардиналы сами не понимали, как сделали такое, и надеялись, что он откажется от поста.

Моральная искренность и монашеское благочестие Адриана составляли поразительный контраст с распущенностью и обмирщенностью его предшественников. Он был голландцем, родился в Утрехте, был профессором богословия в Лувене, потом администратором и инквизитором в Испании, отличался безупречным характером⁵⁰⁹. Он открыто отрицал папскую непогрешимость, но в прочих отношениях был ортодоксальным доминиканцем и выступал против реформа-

⁵⁰⁸ Его труды против Карлштадта см. в Walch, X, XV, XX, и в Erl. ed., LXIV. 384-408. Его книга *Wider die himmlischen Propheten* (1525) в основном направлена против Карлштадта. В «Застольных речах» (Erl. ed., LXI. 91) он называет Карлштадта и Мюнцера дьяволами во плоти.

⁵⁰⁹ Ранке (*Päpste*, I. 60): *Adrian war von durchaus unbescholtenem Ruf: rechtschaffen, fromm, thätig; sehr ernsthaft, man sah ihn nie anders als leise mit den Lippen lächeln; aber voll wohlwollender, reiner Absichten: ein wahrer Geistlicher. Welch ein Gegensatz, als er nun dort einzog, wo Leo so prächig und verschwenderisch Hof gehalten! Es existirt ein Brief von ihm, in welchem er sagt: er möchte lieber in seiner Propstei zu Löwen Gott dienen als Papst sein.* Паллавичино называет его «превосходным церковным деятелем, но посредственным понтификом».

ции учения. Он, как и другие лувенские профессора, осуждал Лютера и советовал Карлу принять строгие меры против него в Вормсе. В Рим он вошел босой и без помпезностей. Каждый день на рассвете он читал мессу, ел простую пищу, спал на кушетке и жил как монах. Он ввел строгую экономию при папском дворе и решительно выступил против злоупотреблений. Он пытался обрести влияние на Эразма и Цвингли. Но он повсюду столкнулся с оппозицией.

При таких обстоятельствах собрался рейхстаг в Нюрнберге (23 марта 1522 г. и еще раз 17 ноября), под председательством Фердинанда, брата императора. Для предотвращения вторжения турок устраивались шествия, читались молитвы, был введен налог, но армия не собиралась.

Адриан потребовал исполнения вормсского указа и сравнил Лютера с Мухаммедом, но его требование было ослаблено поразительной исповедью: он честно признал развращенность римского двора, диктующую скорейшие радикальные моральные реформы его главы и членов. Никогда раньше курия не делала такого признания.

«Мы знаем, — писал Адриан в инструкции своему легату Франческо Кьерегати, — что уже в течение какого-то времени много скверны, злоупотреблений церковными делами и нарушений прав совершается у Священного Престола и что всё искажено. От главы скверна перешла к членам, от папы к прелатам. Мы все согрешили; никто не делает добрых дел, никто». Адриан считал протестантизм справедливым наказанием за грехи прелатов. Он обещал сделать все, что в его силах, чтобы устранить зло, — начиная с самой курии, в которой оно возникло⁵¹⁰.

Император также выступал за дисциплинарную реформу, хотя и выражал недовольство Адрианом, поскольку тот не поддержал его в войне против Франции и в его замыслах по захвату церковного имущества.

Попытка провести моральную реформу церкви, не затрагивая догматов, уже предпринималась великими соборами XV века, но она не увенчалась успехом. Адриану не симпатизировали в Риме, и правил он слишком недолго, чтобы осуществить свои замыслы (9 января 1522 г. — 14 сентября 1523 г.). Ходили слухи, что его отравили, но доказательств этому нет. Рим ликовал. Преемник Адриана Климент VII (1523 — 1534) продолжил политический курс своего кузена Льва X.

На рейхстаге жаловались на курфюрста Фридриха, который терпел Лютера в Виттенберге, позволял причастие под обоими видами, браки священников и уход из монастыря, но его влияние было слишком сильно, чтобы можно было предпринять какие-то действия. Рассказ о прекращении радикального движения в Виттенберге произвел благоприятное впечатление. Лютеранские книги свободно печатали и продавали в Нюрнберге. Озиандер открыто проповедовал против римского антихриста.

Рейхстаг в ответе папе (составленном 8 февраля и опубликованном в качестве эдикта 6 марта 1523 г.) отказывался исполнять вормсский указ и требовал созыва свободного общецерковного собора в Германии в течение года. Тем временем Лютер должен был хранить молчание, а проповедники — довольствоваться проповедью Евангелия в соответствии с произведениями, одобренными христианской церковью. Были повторены сто *gravamina* немецкого народа.

⁵¹⁰ *Ut primum curia haec, unde forte omne hoc malum processit, reformetur*. См. инструкцию в Raynaldus, *ad ann. 1522*, том. XI, 363. Лютер опубликовал ее с саркастическими комментариями. Паллавичино обвиняет Адриана в преувеличении и недостатке сдержанности, которая, по его мнению, «часто бывает для общего блага важнее, чем личная святость». См. Negenröther, III. 43.

Этот эдикт был компромиссным и не решал церковных проблем, однако он отвращал от Реформации непосредственную опасность и потому был благоприятным изменением в сравнении с вормским указом. Он стал началом политического освобождения Германии от контроля папства. Лютер был доволен им, за исключением запрета на проповеди и сочинение трудов, которого он не послушался.

Но влияние эдикта было ослаблено рядом событий, случившихся вскоре после его принятия.

На новом рейхстаге в Нюрнберге, в январе 1524 г., где хитрого папу Климента VII представлял кардинал Кампеджи, было принято решение выполнить вормский указ, хотя и с добавлением-уступкой: «насколько это возможно».

Прислушавшись к настоятельному призыву папского нунция, великий герцог Фердинанд Австрийский и герцоги Вильгельм и Людвик Баварские вместе с двенадцатью епископами Южной Германии создали в Ратисбоне 6 июля 1524 г. лигу для защиты католической веры от преобразований Реформации (допуская, однако, упразднение некоторых вопиющих злоупотреблений без изменения в вероучении)⁵¹¹. Император также принял участие в процессе, выпустив строгий указ (27 июля 1524 г.). Его влияние оказалось зловещим. В ответ на действия проимской лиги в июне 1526 г. в Торгау была образована протестантская лига Филиппа Гессенского и Иоганна Саксонского — хотя и против воли виттенбергских реформаторов, которые боялись, что союз политики с религией принесет больше вреда, чем пользы, и уповали на силу Слова Божьего, а не плотского оружия.

В результате немецкий народ разделился на два противостоящих друг другу лагеря. Этот злополучный раскол привел к политическому ослаблению империи и ужасным бедствиям Шмалькальденской и Тридцатилетней войн. В 1525 г. разразилась Крестьянская война, придавшая новую силу реакции, но лишь на краткое время.

§70. Лютер и Генрих VIII

HENRICUS VIII: *Adsertio VII Sacram. adv. Luth.* Lond. 1521. Нем. перев. Frick, 1522, в WALCH, XIX, 158 sqq. LUTHERUS: *Contra Henricum Regem.* 1522. Также вольное переложение на немецком, сделанное самим Лютером. Его послание к Генриху от 1 сентября 1525 г. *Auf des Königs in England Lästerschrift M. Luther's Antwort.* 1527. Позже также и на латыни. См. документы в WALCH, XIX. 153-521; Erl. ed., XXVIII. 343 sqq.; XXX. 1-14. См. также письма Лютера от 4 февраля и 11 марта 1527 г. в DE WETTE, III. 161 и 163.

Хотя Лютер категорически выступал против ультрапротестантизма в церкви и государстве, он не собирался уступать романистам ни в чем. Это видно из двух его очень личных споров, которые происходили во время данных волнений: с Генрихом VIII о таинствах и с Эразмом о предопределении и свободе воли. В обоих случаях Лютер забывал о достойных восхищения уроках умеренности, которые преподавал с кафедры в Виттенберге. Он вновь пустил в ход дубину Геркулеса.

Генрих VIII Английский призвал Карла V силой уничтожить лютеранскую ересь и написал в 1521 г. (вероятно, с помощью своего капеллана Эдуарда Ли) схоластический труд в защиту семи таинств против «Вавилонского пленения» Лютера. Он посвятил эту книгу папе Льву X. К реформатору он отнесся с крайним презрением, как к богохульнику и прислужнику сатаны. Он использовал древнее оружие церковного авторитета в борьбе со свободой. Он придерживался

⁵¹¹ См. подробности в Ranke, II, 108 sqq., и в Janssen, II, 336 sqq.

догмы о пресуществлении даже после того, как порвал с Римом. Папа Климент VII заявил, что его книга была написана с помощью Святого Духа и обещал отпущение грехов всем, кто прочитает ее. В то же время он польстил тщеславному королю, удостоив его титула «защитника веры», который уже присвоил ему Лев⁵¹².

Протестантские преемники Генриха сохранили этот титул по сей день, хотя и вкладывают в него совсем другой смысл. Британские правители защищают Епископальную церковь Англии и Пресвитерианскую церковь Шотландии, и в обоих этих отношениях являются противниками Римской церкви.

Лютер обратился к королю с нотацией (на латыни и на немецком), какую редко читают коронованным особам. Он назвал его «королем Генрихом, по Божьей немилости (или гневу) королем Англии», и обрушил на него самые оскорбительные эпитеты⁵¹³. По ходу дела он оскорблял и других князей — например, когда заявлял, что «король Генрих доказывает истинность поговорки о том, что нет дураков больше, чем короли и князья». Такой стиль полемики нельзя оправдать ни грубостью века, ни раздражительным характером. Он больше повредил Лютеру, чем Генриху. Лучшие друзья Лютера сожалели об этом, но позже Лютер даже превзошел этот труд в несдержанности, если такое вообще возможно, — в яростных и грубых нападках на герцога Генриха Брюнсвикского⁵¹⁴.

Когда же возникла надежда переманить Генриха VIII на сторону Реформации, Лютер поступил еще хуже, проявив странную непоследовательность. В смиреннейшем письме от 1 сентября 1525 г. он взял обратно (не свое учение, но) все личные оскорбления, попросил прощения и предложил публично прославлять его имя. Генрих отказался от предложения с королевской гордостью и презрением и заявил, что теперь так же сильно презирает Лютера за трусость, как раньше ненавидел за ересь. Он также обвинил Лютера в том, что тот изнасиловал монахиню, принесшую обет перед Богом, и побуждал других монахов нарушить обеты, обрекая их на вечную погибель. Эмсер опубликовал немецкий перевод письма Лютера и ответа короля (которые передал ему герцог Георг Саксонский), сопроводив публикацию новыми поношениями и хулой (1527). Все романисты посчитали, что этот спор, как и похожая переписка с герцогом Георгом, опорочил дело Реформации.

Лютер вернулся к прежнему саркастическому тону, но это было напрасное усилие, не улучшившее ситуации. Он подозревал, что ответ был написан Эразмом, у которого «в одном пальце больше талантов, чем у короля во всем его организме». Лютер подчеркивал, что не предлагал отказаться ни от одного из своих учений. «Я говорю: нет, нет, нет, пока я дышу, как бы это ни оскорбляло короля, императора, князя или дьявола... Короче говоря, мое учение — главное, чем я хвалюсь, не только вопреки всем князьям и королям, но и вопреки всем

⁵¹² Паллавичино и Гергенротер (III. 41) показывают, что Лев даровал ему этот титул буллой от 11 октября 1521 г., а Климент подтвердил его в булле от 5 марта 1523 г.

⁵¹³ Особенно в немецком варианте ответа, где Генрих назван не только *gekronter Esel* (коронованным ослом) и *elender Narr* (несчастным глушцом), но и *verruchter Schurke, unverschämter Lügner, Gotteslästerer*, и т. д. «Я говорю перед всем миром, что король Англии — лжец, а не джентльмен (*ein Unbiedermann*)». Лютер осмелел его титул «защитник веры» и говорил, что в таком защитнике могут нуждаться паписты, которые отрицают Христа, а вот «истинная церковь презирает людей-покровителей и поет *Dominus mihi adjutor* (Пс. 9:11) и *Nolite confidere in principibus* (Пс. 117:8,9)». В заключение он извиняется за свою несдержанность, ведь ему пришлось иметь дело с *unvernünftigen wilden Ungeheuern*. Кардинал Гергенротер (*Kirchengesch.*, III. 41, 3^e, 1886) говорит: *Luther antwortete in der gemeinsten und boshaftesten Weise, die Grobheit zur Classicität ausbildend.*

⁵¹⁴ *Wider Hanswurst*, 1541.

бесам. Я знаю, что моя жизнь и личность достаточно греховны, здесь нечем хвалиться; я — несчастный грешник, и пусть мои враги будут святыми или ангелами. Я одновременно и горд, и кроток, как апостол Павел (Флп. 2:3)».

В декабре того же года, в который была написана первая книга против короля Генриха, Лютер начал свой важный трактат «О светской власти и насколько надо ей повиноваться». Здесь он защищает божественное право и авторитет городских властей, а также провозглашает обязанность смиренного повиновения на основании Мф. 5:39 и Рим. 13:1, но только в *мирских* делах. Запрещая использовать плотскую силу, он без колебаний говорил даже собственному князю всю правду совершенно открыто. Он отстаивал свободу слова и печати в полной мере, на благо Реформации и для предотвращения политической революции. Реформация возвысила государство в ущерб свободе церкви, католичество же принижало государство до положения послушного приспешника иерархии.

Одно зло не оправдывает другое. Но те римско-католические историки, которые уделяют слишком большое внимание такому унижительному поведению реформатора, выступая против его дела, должны помнить, что кардинал Пул, которого они славят как одного из величайших и чистейших людей той эпохи, в своей книге о единстве церкви оскорблял короля Генриха не менее яростно и даже более сурово, хотя тот был его королем и благодетелем и не дал ему никакого личного повода. Лютер же писал в свою защиту и, при всем своем пылком темпераменте, был человеком добрым и великодушным.

Меланхтон сожалел об этой свирепой атаке на короля Генриха. Когда король начал благосклонно относиться к Реформации, он посвятил ему пересмотренное издание своего богословского труда *Loci* (1535). Его дважды приглашали в Англию, но он не поехал туда⁵¹⁵.

§71. Эразм

I. ERASMUS: *Opera omnia*, ed. *Beatus Rhenanus*, Basil, 1540-41; 8 vols. fol.; лучшее издание — *Clericus* (Le Clerk), Lugd. Bat., 1703-06; 10 tom. in 11 vols. fol. Существует несколько английских переводов его *Enchiridion*, *Encomium*, *Adagia*, *Colloquia* и менее крупных трактатов. Его самые важные богословские труды — издания греческого Нового Завета (1516, 1519, 1522, 1527, 1535, не говоря уже о более чем тридцати репринтах), его комментарии и переложения, его *Enchiridion Militis Christiani*, его издания Лаврентия Валлы, Иеронима, Августина, Амвросия, Оригена и других отцов церкви. Его *Moriae Encomium*, или «Похвала Глупости» (написанная в 1509 г.), часто издавалась. Его послания очень важны для понимания литературной истории того века. Его самая популярная книга — *Colloquies*, «Разговоры запросто», содержащая остроумнейшие изобличения безумств и злоупотреблений монашества, постов, паломничеств и т. д. Англ. перев. — N. Bailey, Lond. 1724; новое издание, с примечаниями, — преп. E. Johnson, 1878, 2 vols. После 1514 г. все труды Эразма были изданы его другом Иоганном Фробеном из Базеля.

См. также ADALB. HORAWITZ: *Erasmus v. Rotterdam und Martinus Lipsius*, Wien, 1882; *Erasmiana*, Wien, 1882-85 (репринт с *Sitzungsberichte* Императорской Венской Академии; содержит выдержки из переписки Эразма, найденной в одном из кодексов Лувена и в Codex Rehdigeranus, 254 письма из городской библиотеки в Бреслау, основанной Редигером). HORAWITZ и HARTFELDER: *Briefwechsel des Beatus Rhenanus*, Leipzig, 1886.

II. Биографии Эразма, написанные им самим и Беатом Ренаном, vol. I, ed. Clericus; PIERRE BAYLE, в его «Dictionnaire» (1696); KNIGHT, Camb., 1726; JORTIN, Lond., 1748, 2 vols.; 1808, 3 vols. (в основном содержание писем Эразма с критическими комментариями); BURIGNY, Paris, 1757, 2 vols.; HENKE, Halle, 1782, 2 vols.; HESS, Zürich, 1789, 2 vols.; BUTLER, London, 1825; AD. MÜLLER, Hamburg, 1828 (*Leben des E. v. Rotterdam... Eine*

⁵¹⁵ Он писал в марте: *Ego jam alteris literis in Angliam vocor* (Op., II. 708).

gekrönte Preisschrift; см. также превосходный обзор — ULLMANN в «Studien und Kritiken», 1829, no. 1); GLASIUS (прекрасный очерк на голландском), Hague, 1850; STICHART (*Er. v. Rotterd., seine Stellung zur Kirche und zu den Kirchl. Bewegungen seiner Zeit*), Leipz., 1870; DURAND DE LAUR (*Erasmе, précurseur et initiateur de l'esprit moderne*), Par., 1873, 2 vols.; R. B. DRUMMOND (*Erasmus, his Life and Character*), Lond., 1873, 2 vols.; G. FEUGÈRE (*Er., étude sur sa vie et ses ouvrages*), Par., 1874; PENNINGTON, Lond., 1875; MILMAN (в *Savonarola, Erasmus, and other Essays*), Lond., 1870; NISARD, *Rénaissance et réforme*, Paris, 1877. — Также WOKER: *De Erasmi Rotterodami studiis irenicis*. Paderborn, 1872. W. VISCHER: *Erasmiana. Programm zur Rectoratsfeier der Univers. Basel*. Basel, 1876. «Erasmus» в Ersch and Gruber, vol. XXXVI (автор ERHARD); в «Allg. Deutsche Biogr.», VI. 160-180 (автор KÄMMEL); в HERZOG¹, IV. 114-121 (автор HAGENBACH) и в HERZOG², IV. 278-290 (автор R. STÄHELIN); в «Encycl. Brit.», 9th ed., VIII. 512-518. SCHLOTTMANN: *Erasmus redivivus*, Hal. 1883. См. также литературу в §72.

Ссора между королем Генрихом и Лютером привела к гораздо более серьезно-му противоречию и открытому разрыву между Эразмом и Реформацией. В результате гуманизм отделился от протестантизма.

Заслуги Эразма

Дезидерий Эразм Роттердамский⁵¹⁶ (1466 — 1536) был князем ученых в начале XVI века. Он обладал врожденным талантом, классическими и библейскими знаниями, остроумием и утонченным вкусом. Это был самый образованный человек того времени. Схоластическая Европа восхищалась им вся, от Германии до Италии и Испании, от Англии до Венгрии. Видимое единство Католической церкви и простота распространения идей через ученые труды одного человека отчасти объясняют его уникальное положение. Никто ни до, ни после него не приобретал такого неоспоримого авторитета в области литературы. Такой авторитет невозможен в наше время, когда выдающихся ученых намного больше, а церковь разделена на враждующие лагеря⁵¹⁷.

Эразм сияет в первом ряду гуманистов и предтеч Реформации на границе между Средневековьем и современностью. Его великой миссией было возрождение духа классической и христианской древности и превращение его в преобразующую силу внутри церкви. Он расчистил путь для строительства, требовавшего более сильных рук, чем его собственные. Он не обладал талантом творца и организатора. Первый период его жизни, до 1524 г., был прогрессивным и реформаторским, а второй, до смерти (1536), — консервативным и реакционным.

Он сделал больше, чем кто-либо из его современников, для подготовки Реформации, развивая изучение классики, Библии, отцов церкви и сатирически изобличая церковные злоупотребления, монашеское невежество и фанатизм. Но он остановился на полпути и, после колебаний, открыто объявил войну Лютеру, вредя тем самым и собственной репутации, и успеху движения среди ученых.

⁵¹⁶ Его двойное имя — перевод на латынь и греческий имени его отца, *Gerard (Roger)*, или *Gerhard*, = *Gernhaber*, или *Liebhaver*, т.е. *Возлюбленный*. На средневековой латыни это *Desiderius*, на греческом — *Erasmus*, а правильное — *Erasmusius*, от *Ἐράσμιος*, *любезный, приятный, милый*. Он обнаружил эту ошибку, когда выучил греческий язык, и тогда дал своему крестному, сыну печатника Фробена, уже правильное имя, *Йоганн Эразмий (Erasmios)*. Посвящая ему исправленное издание своих *Colloquies* (1524), он назвал эту книгу «Ἐράσμιος», радость муз, которые созерцают священное». Столь же ошибочно и добавление *Roterodamus*. Правильно — *Roterodamensis*. Но обе эти ошибки сделал не он.

⁵¹⁷ Драммонд (II. 337) называет Эразма «величайшим светочем своего века, величайшим ученым всех времен». Однако его ученость была ограничена литературой только на греческом и латинском языке.

Эразм был реформатором, который выступал против реформ и стал союзником Рима. В результате он утратил уважение и доверие обеих сторон. Для его репутации было бы лучше, если бы он умер в 1516 г., сразу после выхода греческого Нового Завета, за год до начала Реформации. Чтобы воздать ему должное, мы вынуждены заглянуть в прошлое. Люди переходного периода, такие как Штаупиц, Рейхлин и Эразм, не менее необходимы, чем смелые вожди новых движений. Они принадлежат к тому классу, высочайшим представителем которого был Иоанн Креститель. Протестанты не должны забывать, сколь многим они обязаны первому издателю греческого Нового Завета, который дал Лютеру и Тиндейлу возможность делать свои переводы Слова Жизни с оригинала и вести людей к подлинному источнику всего, что есть самого ценного и постоянного в Реформации. Его издание было подготовлено с поспешностью, еще до того, как родилось искусство критики текста, но оно предвосхитило публикацию громоздкой Комплютенской полиглотты и стало основой для популярного повсеместно признанного текста. Его экзегетические мнения до сих пор привлекают внимание комментаторов, причем вполне справедливо. Ему мы обязаны также первыми учеными изданиями отцов церкви, особенно Иеронима, которому он больше всего симпатизировал. Эти издания стали оружием реформаторов в споре с романистами, которые всегда ссылались на отцов церкви Никейской эпохи, а не апостольского периода.

Эразм был близок к Рейхлину и Ульриху фон Гуттену, но был более великим и влиятельным человеком, чем они. Все они ненавидели монашество и мракобесие. Рейхлин возродил знание еврейского языка, Эразм — греческого, что было крайне важно для изучения Библии. Рейхлин послал в Виттенберг своего племянника Меланхтона, но умер добрым католиком. Гуттен стал радикальным ультрареформатором. Он поссорился с Эразмом, отказавшимся от него, когда он больше всего нуждался в друге, и погиб в немилости. Эразм пережил обоих и выступал против протестантизма.

Однако его нельзя обвинять в отступничестве и даже непоследовательности. Он никогда не был протестантом и не собирался им быть. Раскол и разделение не входили в его планы. От начала и до конца он трудился на благо реформ в церкви, которые должны были проводиться под властью папы, а не без него. Но новое вино разорвало старые мехи. Реформа, которую он привел в действие, пошла дальше, чем он, а он остался позади. Однако в некоторых своих мнениях он опережал эпоху, предвосхитив более современный этап развития протестантизма. Он был предтечей не только Реформации, но и рационализма.

История жизни

Эразм был внебрачным сыном голландского священника Герарда и Маргариты, дочери врача, — их последним, но не единственным ребенком⁵¹⁸. Он родился в Роттердаме 27 октября в 1466 или 1467 г.⁵¹⁹ Начальное образование он получил в кафедральной школе в Утрехте и в процветавшей классической академии в

⁵¹⁸ Его отец был рукоположен священником после рождения Эразма — ибо он говорит, что жил с Маргаритой *spe conjugii*, а рукоположен был в Риме, получив от родителей, которые были против его брака, ложное известие о смерти своей возлюбленной Маргариты.

⁵¹⁹ Сам он пишет в автобиографическом очерке: *Natus Roterodami vigilia Simonis et Judæ circa annum 67, supra millesimum quadringentesimum*. Его друг и биограф Беат Ренан не знал года его рождения. В его эпитафии в Базеле указан 1466 г., в надписи на статуе в Роттердаме — 1467, а историки указывают разные даты, от 1464 до 1469 г. Хронологические проблемы обсуждают Бэйл, Бюриньи, Мюллер и Драммонд (I. 3 sq.).

Девентере, где начали проявляться его блестящие способности, особенно великолепная память. Книги были его величайшей радостью. Уже в двенадцать лет он знал наизусть Горация и Теренция.

После смерти матери солдаты ограбили его, лишив наследства, и он против воли был отправлен в монастырь Герцогенбуш, из которого потом перешел в другой, в Штейне (Емаусе), близ Гауды, в нескольких милях от Роттердама.

Он провел в монастыре пять несчастливых лет (1486 — 1491) и проникся крайним отвращением к монашеству. Ульрих фон Гуттен прошел через похожие испытания, и с тем же негативным результатом. Для Лютера же монашество было добровольным выбором и стало колыбелью новой жизни в вере. Эразм находил утешение в изучении классиков, которыми занимался сам по себе, следуя зову природы. К этому периоду относится ряд его сочинений в поэзии и прозе, оды ко Христу и святой Деве, протесты против презирающих красноречие и очерк о презрении к миру, в котором он изобличает развращенность мира и пороки монахов.

От этой жизни в заточении Эразма избавил в 1491 г. епископ Камбрея, его экономный покровитель, и в 1492 г. он был рукоположен священником. Он так и оставался в этом сане и не вступал в брак, но своего прихода у него никогда не было.

Затем он полностью посвятил себя наукам в университетах Парижа и Орлеана. Его любимыми авторами были Цицерон, Теренций, Плутарх и Лукиан среди классиков, Иероним среди отцов церкви и Лаврентий Валла среди комментаторов. Позже он вел жизнь независимого литератора без определенных обязанностей, зарабатывал на жизнь уроками, потом его содержали богатые друзья⁵²⁰. Во времена нищеты он просил о помощи в посланиях, в которых смирение смешивалось с высокомерием. Когда он стал известен, он начал получать щедрые подарки и пенсии от прелатов и князей и оставил после смерти семь тысяч дукатов. Титул советника короля Испании (Карла V) приносил ему после 1516 г. ежегодный доход в четыреста гульденов. Менее значительные пенсии выплачивались нерегулярно, а иногда и вовсе не выплачивались, поскольку в ту эпоху проблемы с деньгами возникали чаще, чем сейчас. Авторы редко получали гонорары или долю прибыли от издателей и печатников, а жили на добровольные дары от покровителей учености и от лиц, которым они посвящали свои труды. Но Фробен, главный издатель Эразма, был очень щедр с ним. Эразм много путешествовал, как и святой Иероним, и был лично знаком с самыми известными деятелями, церковными и государственными.

Он нанес два важных визита в Англию, сначала по приглашению своего благодарного и щедрого ученика лорда Монтджоя, между 1498 и 1500 г., и второй — в 1510 г. Там он сблизился с единомышленниками: сэром Томасом Мором, деканом Колетом, архиепископом Уорхемом, кардиналом Уолси, епископом Фишером, — и был представлен королю Генриху VII и принцу Генриху (который позже станет Генрихом VIII). Колет говорил ему, что богословы должны вернуться от схоластики к Писанию, от сухих догм к практической мудрости⁵²¹. Поэтому он уделял большое внимание греческому языку в Оксфорде, но все-таки не добился в нем таких успехов, как в латыни. Во время второго посещения он был назначен профессором богословия колледжа Леди Маргариты и преподавал греческий язык в Кембридже. Его комнату в Квинз-колледже до сих

⁵²⁰ Он сам называет себя (в автобиографическом очерке) *dignitatum ac divitiarum perpetuus contemptor*.

⁵²¹ J. H. Lupton: *A Life of John Colet, D. D., Dean of St. Paul's and Founder of St. Paul's School*. London, 1887.

пор показывают туристам. Студентов у него было немного, невелик был и его доход. «Однако, — писал он другу в Лондон, — я делаю все, что могу, чтобы распространять здравую ученость». Он хвалил Англию, где к нему были так добры, но жаловался на плохое пиво и плохое вино, а также на то, что его ограбили в Дувре — на таможене отобрали все деньги, ссылаясь на закон, согласно которому из страны можно было вывозить лишь небольшую сумму.

Между двумя визитами в Англию он провел три года в Италии (1506 — 1509), омывшись там в источнике Возрождения. Он получил степень доктора богословия в Турине и пробыл какое-то время в Венеции, Падуе, Болонье и Риме. Он издавал классиков Греции и Рима, с выборочными переводами, и работал в типографии Мануция Альда в Венеции. Он проникся духом древности и чувствовал себя там как дома. Венецию он называет самым великолепным городом мира. Но прекрасные пейзажи Италии и величие Альп, похоже, произвели на него не большее впечатление, чем на Лютера. Во всяком случае, он ничего не говорит о них.

Вернувшись из последней поездки в Англию, он по очереди жил в Брюсселе, Антверпене и Лувене (1515 — 1521). Он часто посещал Базель, а в 1521 г. постоянно поселился в этом древнем городе республиканской Швейцарии на границе с Францией и Германией. Здесь он провел несколько лет в качестве редактора и советчика своего друга Иоганна Фробена, типография которого стала одной из первых в Европе. Базель оставался нейтральным до 1529 г., когда туда пришла Реформация. Этот город соответствовал положению Эразма и его вкусам. Ему нравился климат и общество. Епископ и городские власти Базеля относились к нему с величайшим уважением. Университет был тогда в расцвете славы. Эразм не преподавал публично, но наслаждался общением с Виттенбахом, Капитоном, Глареаном, Пелликаном, Амербахом. «Я здесь, — писал он другу, — нахожусь в наилучшем окружении многих и очень известных ученых. Все знают латынь и греческий, а большинство и еврейский. Один преуспевает в области истории, другой — богословия; один — знаток математики, другой — древностей, третий — юриспруденции. Ты знаешь, как редко можно встретить такое сообщество. По крайней мере, я никогда раньше такого не встречал. Помимо этих литературных преимуществ, какая доброта, гостеприимство и согласие царят повсюду! Можно поклясться, что здесь у всех одно сердце и одна душа».

Благодаря своей славе Эразм вел обширную переписку. Его послания и книги широко распространялись. «Похвала Глупости» выдержала семь изданий за несколько месяцев и при его жизни издавалась двадцать семь раз. Некий книготорговец в Париже выпустил двадцать четыре тысячи экземпляров его «Разговоров запросто». Поездки Эразма превращались в триумфальные шествия. В крупных городах его встречали депутации с приветственными речами. К нему относились как к князю. Ученые, епископы, кардиналы, короли и папы воздавали ему почести, дарили подарки и выделяли пенсии. Кардинал Сиона предложил ему прекрасное содержание и щедрую сумму в пятьсот дукатов ежегодно, если он согласится жить с ним в Риме. Его весьма уважали папы Юлий II и Лев X, которые поощряли либеральную ученость. Первый освободил его от монашеских обетов, а второй пригласил в Рим и был готов дать все, что угодно, если он согласится остаться. Адриан VI спрашивал его совета по поводу отношения к лютеранской ереси (1523). Климент VII в ответ на письмо подарил ему двести флоринов. Павел III предложил ему сан кардинала в награду за критику Лютера (1536), но Эразм отказался, сославшись на преклонный возраст.

Гуманисты прославляли его громче всех и чуть ли не поклонялись ему. Эобан Гессе, князь латинских поэтов того времени, называл его «божественным созданием» и совершил пешее паломничество из Эрфурта в Голландию, чтобы увидеть его лично. Юст Ионас сделал то же самое. Цвингли навещал его в Базеле, а перед сном читал отрывки из его произведений. Получить от него письмо считалось удачей, личная встреча с ним была событием. Даже менее тщеславный человек, чем Эразм, не смог бы избежать отрицательных последствий такого почитания, но отчасти их нейтрализовали своими нападками его враги, многочисленные и беспощадные. Среди них были Стуника и Карранса из Испании, Эдуард Ли из Англии, князь Карпи, кардинал Алеандер, лидеры школ схоластического богословия из Лувена и Парижа и целая толпа невежественных монахов.

Конец его жизни был омрачен смертью его дорогого и доброго друга Иоганна Фробена (1527), память которого он благородно почтил в одном из своих посланий, но еще больше его беспокоили успехи Реформации в непосредственной близости от него. Оптимизм, характерный для него в юности и зрелом возрасте, уступил место мрачному, недовольному пессимизму. Лютеранская трагедия, говорил он, причиняла ему больше неудобств, чем камень, от которого он страдал. «Моя несчастная судьба такова, что старость моя пришлась на дурное время, когда повсюду преобладают ссоры и мятежи». «Это новое евангелие, — пишет он в другом письме, — порождает новый тип людей, таких несдержанных, критичных и злословящих, таких лживых и подхалимствующих, что они не соглашались ни друг с другом, ни с кем-либо еще, всех оскорбляют и обольщают. Они непомерные безумцы и спорщики, и они так неприятны мне, что, если бы я знал город, в котором был бы свободен от них, я без колебаний перебрался бы туда». Его последние письма полны схожих жалоб. Ему тяжело было видеть триумф протестантизма в Базеле, одержанный благодаря трудам Эколампация, его бывшего друга и союзника. Приятно отметить, и это говорит в его пользу, что его последняя беседа с реформатором была дружеской и сердечной. Городские власти не беспокоили его, тем не менее он, пускай и неохотно, но перебрался в исповедовавший католичество город Фрейбург в Бадене (1529), пожелав Базелю всяческих благословений, не омрачаемых присутствием таких печальных жителей, как он⁵²². Он купил во Фрейбурге дом, прожил там шесть лет, и к нему относились к величайшим уважением, но он не чувствовал себя счастливым и уступил просьбе королевы-регентши Нидерландов, которая призывала его вернуться на родину.

По пути в Голландию в августе 1535 г. он остановился в Базеле, в доме Иеронима Фробена, и помог издавать Оригена. Это был его последний труд. Он заболел и умер на семидесятом году жизни, 12 июля 1536 г., от своих старых болезней, камня и подагры, к которым прибавилась дизентерия. Он до конца оставался в сознании и сохранил чувство юмора. Когда три его друга, Амербах, Фробен и Эпископий, посетили его на смертном одре, он напомнил им про трех утешителей Иова и в шутку спросил, будут ли они рвать на себе одежду и посыпать пеплом головы. Он умер без священника и церковных обрядов (как говорится на искаженной монашеской латыни — *sine crux, sine lux, sine Deus*), но с упованием на милосердие Христа. Его последние слова, которые он повторял вновь и вновь,

⁵²² Уезжая, он продиктовал своему другу Амербаху следующие строки:

*Jam Basilea vale! qua non urbs altera multis
Annis exhibuit gratius hospitium.
Hinc precor omnia laeta tibi, simul illud, Erasmo
Hospes uti ne unquam tristior adveniat.*

были: «О Иисус, смилуйся; Господи, избавь меня; Господи, положи конец этому; Господи, смилуйся надо мною!»⁵²³

В своем завещании, от 12 февраля 1536 г., он оставлял ценное имущество Фробену, Ренану и другим друзьям, а остальное отдавал на стариков, бедных и обучение многообещающих молодых людей⁵²⁴. На похоронах присутствовали выдающиеся представители с обеих сторон противоборствовавших духовных партий. Он похоронен в протестантской церкви в Базеле, где чтут его память.

Эразм был невысок, но пропорционально сложен. Он был хрупок, обладал раздражительным характером; у него была светлая кожа, светлые волосы, морщинистый лоб, голубые глаза и приятный голос. Лицо хранило выражение задумчивости и спокойного знания⁵²⁵. Вел он себя достойно и изящно. «Его манеры и речь, — говорит Беат Ренан, — были воспитанными, любезными и даже очаровательными».

Он говорил и писал на латыни — всеобщем языке ученых средневековой Европы. Ею он владел как живым языком, с легкостью, изяществом и выразительностью, хотя и без классической правильности. Его стиль был стилем Цицерона, но с привнесением церковной лексики Иеронима. В своем диалоге *Ciceronianus*, о лучшем способе говорить (1528), он высмеивает тех педантичных полуязычников, в основном итальянцев, которые поклонялись и подражали Цицерону и избегали христианских тем или заимствовали имена и названия из языческой мифологии. Но он очень уважал Цицерона и надеялся, что «тот ныне мирно почивает на небесах». Он не знал ни немецкого, ни английского, ни итальянского языка, и далеко не в совершенстве владел французским и даже своим родным голландским.

Он был нервным и чувствительным, дрожал от малейшего сквозняка. Он не выносил железных немецких печек и требовал открытых каминов. Вино он мог пить только бургундское. Он ненавидел невоздержанность. В дни поста он не мог есть рыбу — его тошнило от одного ее запаха. Он говорил, что сердце у него католическое, а желудок лютеранский. Он никогда не пользовался очками — ни днем, ни при свечах, и многие удивлялись, как он не ослеп от своих занятий. Ходил он твердо и прямо, без трости. Его любимым физическим упражнением была верховая езда⁵²⁶. Обычно он путешествовал верхом, со слугой, и все его пожитки, в том числе рубашка, льняной ночной колпак и молитвенник, находились в сумке, привязанной к седлу. Он содрогался от одного упоминания о смерти, честно признавался, что не рожден быть мучеником и в час испытания у него возникло бы искушение отречься по примеру Петра. Он любил детей и был милостив к нищим.

⁵²³ *O Jesu, misericordia; Domine, libera me; Domine, fac finem; Domine, miserere mei*; и на немецком или голландском: *Lieber God (Gott)!* — Беат Ренан в *Vita Er.*

⁵²⁴ Drummond (II. 338-340) приводит этот документ полностью.

⁵²⁵ См. интересное описание его лица у Лаватера в его *Physiognomik*, цит. в Ad. Müller, p. 108, и Hagenbach, *K. Gesch.*, III. 50. Существует несколько его портретов: Матсиса (1517), Дюрера (1523) и, лучший, Гольбейна, который не раз рисовал его в Базеле.

⁵²⁶ Благодаря архиепископа Уорхема Кентерберийского за подаренную лошадь, он шуточно описывает животное: «Я получил лошадь, которая не прекрасна, но все-таки хороша, ибо она свободна от всех смертных грехов, кроме обжорства и лени. А кроме того, ее украшают все добродетели хорошего исповедника, поскольку она благочестива, сдержанна, скромна, смиренна, трезва, целомудренна и спокойна, не кусается и не лягается». Полидору Виргилу, который послал ему деньги на лошадь, он отвечал: «Не откажусь получить что-нибудь и на всадника» (*Dedisti quo PARETUR equus, utinam dare possis quo REPARETUR eques*). — Op. III. 934).

Богословская позиция

Эразм был, как большинство немецких и английских гуманистов, искренним и просвещенным христианином, и в этом отношении он отличался от фривольных неверующих гуманистов Франции и Италии. Когда князь Альберт Пий Карпийский, бывший в фаворе при папском дворе, обвинил его в насмехательстве над святынями, он ответил: «Вы скорее найдете насмехающихся над святынями среди людей своего положения в своем знаменитом Риме, чем среди нас. Я не стал бы сидеть за одним столом с такими людьми». Он посвятил свой блестящий ум и классические знания служению религии. Он чтит Библию как божественное откровение и ревностно содействовал ее изучению. Он предвосхитил Лютера в плане почитания Слова Божьего как истинного источника богословия и благочестия. Эколампадий признавался, что научился у Эразма *nihil in sacris scripturis praeter Christum quaerendum*.

Он прекрасно видел злоупотребления в церкви и старался провести в ней мирную реформу. Он хотел вернуть богословие от неплодотворных рассуждений и заумных тонкостей схоластики к простоте Писания, к заботе о внутреннем, духовном благочестии. Он высмеивал нелепые и надуманные дискуссии схоластов, размышлявших, мог ли Бог принять облик женщины, осла, огурца или кремня; знала ли Дева Мария языки; и будем ли мы есть и пить после воскресения. Он изобличал пороки и глупость, невежество и суеверия монахов и клириков. Он не щадил даже папство. «Я не хочу, — писал он в 1523 г., — упразднить высшую власть римского престола, но я хотел бы, чтобы его назидание способствовало распространению веры в Евангелие, ибо в течение нескольких последних веков папство на своем примере учило тому, что явно противоположно учениям Христа».

В то же время он недостаточно глубоко понимал учения о грехе и благодати и не мог найти действенный путь борьбы со злом, на которое жаловался. Пользуясь опасным оружием насмешки и сатиры, которое он перенял у Лукиана, иногда он ступал на грань богохульства. Кроме того, он явно был скептиком и в наш век, вероятно, стал бы умеренным рационалистом.

Критические способности позволяли ему видеть противоречия в вопросах об авторстве и об условиях написания книг Библии. Из своего греческого Нового Завета он исключил дописку о трех свидетелях (1 Ин. 5:7) и вставил ее только в третье издание (1522), хотя и неохотно, так как скоропалительно пообещал сделать это, если найдется хоть одна греческая рукопись, содержащая данный фрагмент⁵²⁷. Он сомневался в подлинности перикопы о прелюбодеянии (Ин. 8:1-11), хотя сохранил ее в тексте. Он спорил с ортодоксальной пунктуацией в Рим. 9:5. Он считал, что Послание к евреям написал не Павел, и сомневался, что автором Апокалипсиса был Иоанн. Он считал евангелие Марка сокращенным вариантом Матфея. Он допускал, что апостолы могли что-то забывать и быть неправыми. Он отрицал, что в аду существуют какие-то другие наказания, кроме «постоянной умственной тоски, которая сопровождает привычный грех». Отвечая городскому совету Базеля, желавшему узнать его мнение о книге Эколампадия с его фигу-

⁵²⁷ ...*Ne cui sit ansa calumniandi. Tametsi suspicor codicem illum ad nostros esse correctum (Opera, VI. 1080). Codex Montfortianus (ныне находящийся в Дублине), вероятно, был написан в 1519 — 1522 г., и спорный отрывок был вставлен туда с намерением повредить репутации Эразма. См. J. R. Harris, *The Origin of the Leicester Codex of the N. Test.*, London and Cambridge, 1887, p. 46 sqq.*

ральным толкованием вечери Господней⁵²⁹, он назвал ее ученой, красноречивой, хорошо написанной и благочестивой, но противоречащей общему верованию церкви, от которого опасно отходить. Есть веские причины полагать, что он сомневался в пресуществлении. Его также подозревали в арианстве, так как он формулировал учение Писания о Троице следующим образом: «Отца очень часто называют Богом, Сына иногда, а Святого Духа никогда», и добавлял: «Многие отцы церкви поклонялись Сыну с величайшим благочестием, но не желали использовать слово *homoousion*, которого нет нигде в Священном Писании»⁵³⁰. Он смягчил учение о наследственном грехе и отстаивал человеческую свободу в своих примечаниях к Римлянам. Он подчеркивал моральную, а не вероучительную сторону христианства. Апостольский символ веры он считал достаточным и желал допустить в его рамках свободу богословских мнений. Архиепископу Альбрехту Майнцскому он советовал: «Сократите количество догм до минимума, и вы не повредите этим христианству. Пусть каждый верит в то, во что ему угодно верить, тогда религия станет жизненной и вы сможете справиться со злоупотреблениями, на которые справедливо жалуется мир».

Он был высокого мнения о нравственности и благочестии благородных язычников, таких как Сократ, Цицерон и Плутарх. «Писание, — утверждает он в своих «Разговорах запросто», — является высшим авторитетом, но я считаю, что произведения древних язычников и поэтов также весьма чисты, святы и божественны, и я верю, что Бог руководил их сердцами. Возможно, дух Христа более широко распространен, чем мы предполагаем, и среди святых появится много людей, которые отсутствуют у нас в святцах»⁵³¹. Далее, процитировав Цицерона и Сократа, он говорит: «Я нередко испытываю почти что непреодолимое искушение воскликнуть: “Святой Сократ, молись о нас!”».

Те же самые либеральные чувства мы встречаем у древних греческих отцов церкви (Иустина Мученика, Климента Александрийского, Оригена) и у Цвингли.

Фанатичные католики ненавидели Эразма и боялись его, а либералы восхищались им и славили его. «Он снес яйцо, которое высидел Лютер», — говорили католики⁵³². Они называли его *Errasmus*, намекая на его заблуждения, *Arasmus*, так как он раскапывал старые истины и традиции, а также *Erasinus*, считая, что его труды могли быть написаны только ослом⁵³³. Они даже называли его бегемотом и антихристом. Сорбонна осудила тридцать семь положений из его трудов в 1527 г. В Испании жгли его книги, а Рим поместил их в Индекс через много лет после его смерти.

Вот последнее слово Эразма о его врагах-папистах, которые сравнивали его с Лютером и желали гибели обоим: «В будущем я намерен пренебрегать ими и считаю, что так надо было поступать всегда. Нет никакого удовольствия в том, чтобы прислушиваться к лягушачьему кваканью. Пусть они, упрямо попирающие и Божий, и человеческий закон, твердят: “Должно повиноваться больше Богу, нежели человеку». Да, так говорили апостолы, в устах которых подобное еще было

⁵²⁹ *De genuina verborum Domini: Hoc est corpus meum, etc., juxta vetustissimos auctores ex positione liber* (Basil., 1525).

⁵³⁰ См. предисловие к его изданию книги св. Илария о Троице, вышедшей в Базеле в 1523 г.

⁵³¹ *Fortasse latius se fundit spiritus Christi quam nos interpretamur, et multi sunt in con sortio sanctorum qui non sunt apud nos in catalogo* (Coll., в беседе *Convivium Religiosum*).

⁵³² Эразм сам намекает на это высказывание: *Ego peperii ovum, Lutherus exclusit* (Op., III. 840), — но добавляет: *Egoposui ovum gallinaceum, Lutherus exclusit pullum longe dissimillimum*.

⁵³³ {Лат. *error*, «ошибка», *arator*, «пахарь», *asinus*, «осёл».

уместно. Вот только Бог в этих двух случаях разный. Апостолы говорили про Творца неба и земли, а *их* Бог — их желудок. И я говорю им: прощайте»⁵³⁴.

Труды

Литературный плод Эразма можно поделить на три класса:

I. Изданные им труды других авторов. Их количество свидетельствует о замечательном трудолюбии и предприимчивости Эразма.

Он публиковал латинских классиков, Цицерона, Теренция, Сенеку, Ливия, Плиния, а также греческих классиков с латинскими переводами — Еврипида, Ксенофонта, Демосфена, Плутарха, Лукиана.

Он издавал труды главных отцов церкви (некоторых впервые, по рукописям), а именно: Иеронима (1516 — 1518; ed. ii, 1526; ed. iii — через год после его смерти), Киприана (1520), Афанасия (в латинском переводе, 1522), Илария (1523), Ириней (на латыни, 1526, ed. princeps, с большим количеством недостатков), Амвросия (1527), Августина (1529), Епифания (1529), комментарий Златоуста на Матфея (1530), Василия (на греческом, 1532; он называл его «христианским Демосфеном»), Оригена (на латыни, 1536). Он написал к ним предисловия и посвящения.

Он опубликовал «Аннотации» Лаврентия Валлы к Новому Завету (1505 и 1526), копию которых случайно нашел на полках старой библиотеки.

Самый важный из изданных им трудов — греческий Новый Завет с латинским переводом⁵³⁵.

II. Оригинальные труды на общелитературные темы.

Его «Пословицы» (*Adagia*), начатые в Оксфорде, посвящены лорду Монтджоу, впервые изданы в Париже в 1500 г. и весьма расширены в последующих изданиях⁵³⁶. Это антология греческих и латинских поговорок, пословиц и сентенций (общим числом 4151) — нечто вроде словаря и сборника известных изречений со множеством ученых примеров, анекдотов, исторических и биографических очерков, нападок на монахов, священников и королей, около десяти тысяч цитат из греческих поэтов, дословно переведенных на латынь с сохранением оригинального размера.

«Похвала Глупости» (*Encomium Moriae*)⁵³⁷ была написана во время путешествия из Италии в Англию и закончена в доме близкого друга автора, сэра Томаса Мора (имя которого с греческого переводилось бы как «глупец»). Она была задумана как *jeu d'esprit*, игра духа по образцу его любимого Лукиана. Глупость в книге персонифицирована и представлена как богиня с ироническим восхвалением ее заслуг. Косвенным образом Эразм высмеивает вызванные ею извращения в разных классах общества. В книге много иронических, остроумных, юмо-

⁵³⁴ *Des. Erasmi Epistola ad quosdam impudentissimos Graculos* (галки). Op. IX. Pars II (или vol. X), p. 1745; Drummond, II. 265 sq.

⁵³⁵ См. критические вступления к Новому Завету; Scrivener, *Introd. to the Criticism of the N. T.*, 3^d ed., pp. 429-434; Schaff, *Companion to the Greek Test.*, 3^d ed., pp. 229-232; и Drummond, I. 308 sqq.

⁵³⁶ Последнее лежит передо мной — *Adagiorum Chiliades... ex officina Frobenia, 1536*, — это 1087 страниц ин-фолио с алфавитным указателем изречений. Смотри второй том лейденского издания. Выдержки см. в Drummond, I, ch. X.

⁵³⁷ *Μωρίασ Ἐγκώμιον, id est Stultitiae Laus*, впервые вышла в 1510 или 1511 г. Op. IV. 405-507. Хорошее издание *Encomium* и *Colloquia* выпустил Таушниц (Лейпциг, 1829). Драммонд (I. 184 sqq.) делает хороший обзор содержания книги.

ристических мест, пронизательных наблюдений за людьми и вещами. Отражена и жизненная философия автора. Мудрый человек — самый несчастный из людей. Так было с Сократом, который добился только всеобщих насмешек. Глупец же — счастливейший из людей. Он не боится ни смерти, ни ада, ни мук совести, говорит всегда правду и необходим величайшим монархам, которые не могут даже отужинать без него. В заключение Эразм, весьма непочтительно, цитирует Писание, подтверждая цитатами свое мнение о глупости. Папа Лев X прочел книгу от начала до конца, и она ему понравилась. Гольбейн проиллюстрировал ее юмористическими картинками, которые сохранились в Базеле.

В столь же популярных «Разговорах запросто» (*Colloquia Familiaria*), начатых в 1519 г. и дополненных в многочисленных изданиях, Эразм ставил перед собой задачу воспитать лучших ученых и лучших людей, как он говорит в посвящении, адресованном Иоганну Эразмию Фробену (сыну его друга и издателя)⁵³⁸. Он дает наставления по поводу бесед на латыни, описывает хорошие и дурные манеры своего времени, высказывает свое мнение по ряду интересных вопросов: вежливое приветствие, поспешные обеты, жизнь воина, схоластические исследования, светские праздники, ухаживание за девушками, возражения дев против брака, кающиеся девы, беспокойные жены, кораблекрушения, богатые попрошайки, алхимики и т. д. «Разговоры», после «Похвалы глупости», — самый показательный труд Эразма. Здесь столь же много тонкого юмора, едкой иронии, язвительной сатиры. Автор воздаст должное Цицерону, называя его *sanctum illud pectus afflatum coelesti numine*. В той же беседе встречаются знаменитые слова, о которых мы уже упоминали: *Sancte Socrates, ora pro nobis*. Автор демонстрирует симпатию к Рейхлину в диалоге *Apotheosis Reuchlini Capnionis*, где описывает видение, в котором гонимого знатока еврейского языка (умершего 22 июня 1522 г.) на небесах приветствует святой Иероним, после чего его, без согласия папы, причисляют к лику святых. Однако при жизни Рейхлина Эразм сохранял нейтралитет и не вмешивался в доминиканские споры о его ортодоксии. Он очень строго по отношению к «грубым откормленным монахам» и довольно оскорбительно живописует их похабства, слишком отвратительные по нынешним меркам⁵³⁹. Эразм выступает против войны, которую ненавидит даже сильнее, чем монашество. Описывая беспечного, экстравагантного, разнузданного, больного, бедного и проклятого солдата, он немилосердно мстит Ульриху фон Гуттену уже после его печальной смерти. В диалоге «Неравный брак» он рисует его в самых мрачных красках как пропащего *roué*. Он дает любопытное описание немецкого

⁵³⁸ Труд, вышедший в 1518 г. под тем же названием, с предисловием Ренана, был отвергнут Эразмом, за исключением нескольких разделов, которые он более за чем двадцать лет до того продиктовал одному парижскому ученику для развлечения. Он сравнил этот труд с ослом в львиной шкуре. *Colloquia* напечатаны в *Opera*, I. 624-908. У меня есть издание *cum notis selectis variorum accurante Corn. Schrevelio* (Lugd., Bat.). Перевод Бэйли (Лондон, 1724, переизд. 1878) воспроизводит на разговорном английском языке латинские идиомы и пословицы оригинала.

⁵³⁹ В диалоге *Virgo μόσγάμος* девица Катарина решила стать монахиней, и ее поклонник Евбул говорит, что у нее больше шансов сохранить целомудрие дома, ведь монахи никоим образом не «евнухи» и не останавливаются ни перед чем, чтобы буквально оправдать свое имя «отцов» (*Patres vocantur, ac frequenter efficiunt, ut hoc nomen vere competat in ipsos*). Он говорит ей также, что «далеко не все из тех, кто носит покрывало, — девы, ведь многие в наши дни разделяют особую привилегию Девы Марии и считаются девами даже после рождения ребенка». Девушка признает, что доводы ее поклонника убедительны, но отказывается его слушаться. В последующей беседе, под заглавием *Virgo poenitens*, она признает мудрость совета, когда уже слишком поздно. Пробыв в монастыре двенадцать дней, она уговаривает мать и отца забрать ее домой, если они хотят спасти ей жизнь.

постоялого двора, которое заставляет нас воздать хвалу благам современной цивилизации. Номера, говорит он, не содержат ничего, кроме постелей, и они не чище остального заведения и прилегающей к нему конюшни. *Ichthyophagia* («Рыбобоедство») — диалог между мясником и торговцем рыбой. В нем изобличается фарисейская привычка замечать соломинку в чужом глазу, не замечать бревна в своем и возлагать тяжкие бремена на других. «Да питаются одним чесноком те, кто навязал нам эти рыбные дни!» «Да умрут от голода те, кто заставляет поститься свободных людей!» Форма диалога позволяла автору избежать обвинений в ереси, так как он не мог отвечать за мнения вымышленных персонажей. Кроме того, говорил он, его задачей было научить латыни, а не богословию. Однако Сорбонна осудила его «Разговоры», а инквизиция отнесла их к запрещенным книгам первого разряда.

Многочисленные послания Эразма и к Эразму проливают свет на состояние литературы и церковной истории того времени и позволяют нам как нельзя лучше познакомиться с ним лично. Он переписывался с королями и князьями, папами и кардиналами, учеными со всех концов Европы. Он сообщает, что иногда писал по сорок писем в день⁵⁴⁰.

III. Богословские труды. Издание греческого Нового Завета с новым латинским переводом и краткими комментариями, а также его независимые переложения — самый важный вклад Эразма в экзегетику. Они выдержали много изданий. В переложениях кратко объясняются трудные места и текст переложения вместе с примечаниями составляют единое целое, в результате чего автор становится своим собственным толкователем⁵⁴¹. Этот труд оказался как нельзя более кстати для зарождающейся библеистики того времени и облегчил распространение Нового Завета, о котором автор так красноречиво отзывался. Эразм не проникает в глубину смысла Писания, но на поверхности Слово стало понятнее, освещенное лунным светом его филологических знаний и изысканного образования. Его переложения охватывают весь Новый Завет, за исключением Апокалипсиса, и составляют седьмой том издания Леклерка. Английский перевод, в двух томах ин-фолио, готическим шрифтом, был издан в Лондоне в 1551 г. Распоряжением властей его следовало распространить по всем приходским церквям Англии.

Его «Метод истинного богословия» (*Ratio verae Theologiae*)⁵⁴² вышел в предисловии к первому изданию греческого Нового Завета. Позже он был расширен и напечатан отдельно, посвященный кардиналу и архиепископу Альбрехту Майнцскому (1519). Предисловие было полно жалоб на греховные времена отчаянных споров, которые, по мнению автора, вредили делу любви и мирному развитию учености и практического благочестия. Он утверждал, что для изучения Писания прежде всего необходимо знание греческого, латыни и еврейского, но

⁵⁴⁰ *Epistolae*, Froben ed., 1540, tom. III fol. (1213 pp.), с предисловием издателя, Фрейбург, 1529; Le Clerk ed., tom. III, pars I и II. Существует также хороший сборник писем Эразма, Меланхтона, Томаса Мора и Людовика Вивеса (London, 1642, 2 vols. fol., 2146 и 116 pages), с хорошим портретом Эразма (экземпляр доступен в Семинарии Союза). Недавние дополнения были сделаны Горавием (*Erasmiana*, 1883 sqq.). Жортен и Драммонд приводят много отрывков из его посланий.

⁵⁴¹ Эразм хорошо говорит об этом в предисловии-посвящении *ad Card. Grimanum*, перед посланиями Павла: *hiantia committere, abrupta mollire, confusa digerere, evoluta evolvere, nodosa explicare, obscuris lucem addere, hebraismum romana civitate donare... et ita temperare παράφρασιν* *ne fiat παράφρόνησις, h. e. sic aliter dicere ut non dicas alia.*

⁵⁴² *Opera*, vol. V, 57 sqq.

при этом не следует пренебрегать также поэзией и хорошей литературой, ведь Христос излагает Свое учение в форме поэтических притчей и апостол Павел цитирует не Аристотеля, а поэтов.

*Enchiridion Militis Christiani*⁵⁴³ впервые опубликован в Лувене в 1501 или 1503 г.⁵⁴⁴ и переведен на несколько языков. Это трактат по практическому благочестию христианина в борьбе с дьяволом и стихийными страстями. Автор находит оружие в Писании, у отцов церкви, греческих и римских философов и показывает, что цель человеческих усилий — Христос, а путь ко Христу — это вера со множеством добрых дел. В более позднем издании он дополняет свою аргументацию резким противопоставлением схоластического богословия простому и практичному учению Христа и апостолов. Книга была осуждена Сорбонной как еретическая.

В трактате «Об исповедальне» (1524) он перечисляет преимущества и опасности этого установления, которое может оказаться средством распространения порока в случае с молодыми и неопытными кающимися. В целом по его трактату создается впечатление, что от исповедальни больше вреда, чем пользы.

В трактате «О языке» (1525) он красноречиво описывает роль этого органа человеческого тела и злоупотребление им, со множеством примеров и анекдотов. После публикации он написал друзьям: «Эразм, расставшийся со своим языком, отныне будет нем».

Год спустя появилась книга «Об установлении христианского брака» (1526), посвященная королеве Екатерине Английской. Там излагаются взгляды неженатых мужчин на выбор спутницы жизни, приводятся обязанности родителей и наставления детям. Автор справедливо обвиняет Тертуллиана и Иеронима (хотя он мог бы перечислить здесь вообще всех отцов церкви) в чрезмерных похвалах в адрес безбрачия и выражает сомнения по поводу того, что бракосочетание — это таинство.

Одним из последних его трудов был катехизис по апостольскому символу веры, Десяти заповедям и молитве Господней, который он посвятил отцу несчастной Анны Болейн. Этому же представителю знати он посвятил краткий труд о подготовке к смерти.

§72. Эразм и Реформация

I. ERASMUS: *De Libero Arbitrio diatribae* (1524), в *Opera ed. Lugd.* IX. Pars I, 1215 sqq., в WALCH, XVIII. *Hyperaspistae diatribae libri duo contra Servum Arbitr. M. Lutheri*, 2 parts (1526 и 1527), в *Opera* IX. Pars II, 1249 sqq., и в WALCH, XVIII.

LUTHER: *De Servo Arbitrio ad Erasmum Roterodamum*, Wittembergae, 1525. На последней странице первого издания, которое лежит передо мной, стоит дата: *Mense Decembri, Anno MDXXV*. На немецком в WALCH, XVIII, Erl. ed. *Opera Lat.*, VII. 113 sqq. Письма Лютера к Эразму и об Эразме см. в WALCH, XVIII, и в DE WETTE, I, pp. 39, 52, 87, 247; II. 49; III. 427; IV, 497.

II. SCHLEBUS: *Erasmus und Luther*, в «*Zeitschr. f. Hist. Theol.*», 1845. DÖLLINGER в его *Die Reformation*, 1846, vol. 1, pp. 1-20. KERKER: *Er. u. sein Theol. Standpunkt*, в «*Theol. Quartalschrift*», 1859. D. F. STRAUSS: *Ulrich von Hutten*, 4th ed. Bonn, 1878, pp. 448-484, 511-514, и *passim*. ПЛИТ: *Erasmus in s. Stellung zur Reformation*, Leipzig., в «*Zeitschrift f.*

⁵⁴³ Обычно переводится как «Руководство христианского воина», но *ἐγχυριδιον* значит также «кинжал», да и сам автор поясняет это слово так: *Enchiridion, hoc est, pugniunculum* {кинжалчик, ножик} (*Op.*, V. 1-65). Считается, что первый английский перевод (1533) принадлежит перу Уильяма Тиндейла, переводчика Нового Завета. Другой, с примечаниями, лежащий передо мной, сделан Филиппом Вайаттом Краутером, эсквайром (Лондон, 1816), под заглавием «Христианское руководство» и т. д.

⁵⁴⁴ Об этой спорной дате см. Drummond, I. 122.

Hist. Theol.», 1866, no. III. RUD. STÄHELIN: *Eras. Stellung z. Reformation*, Basel, 1873 (35 стр.; см. также его статью в HERZOG², упоминается в §71). FROUDE: *Times of Erasmus and Luther*. Три лекции, прочитанные в Ньюкасле, 1867 (в первой серии его «Short Studies on Great Subjects», New York ed., 1873, pp. 37-127) — блестяще, но неточно, и ничего не говорится про спор о свободе воли. DRUMMOND: *Erasmus, etc.*, 1873, vol. II, chs. xiii-xv. E. WALTER: *Erasmus und Melancthon*, Bernburg, 1879. A. GILLY: *Erasmus de Rotterd., sa situation en face de l'église et de la libre pensée*, Arras, 1879. См. также KATTENBUSCH: *Luther's Lehre vom unfreien Willen*, Göttingen, 1875, и KÖSTLIN: *Luther's Theologie*, vol. II. 32-55.

Эразм был на восемнадцать лет старше Лютера и находился в расцвете славы, когда реформатор начал свою деятельность. Он отличался от Лютера, как Иероним от Августина или Евсевий от Афанасия. Эразм по сути был ученым, а Лютер — реформатором. Эразм посвятил себя литературе, Лютер — религии. Эразм думал о просвещении, Лютер — о переустройстве. Эразм обращался к разуму образованных людей, Лютер — к сердцу народа. Эразм трудился во имя свободы мысли, Лютер — во имя свободы совести. Оба были монахами, Эразм — против воли, Лютер — по добровольному выбору и из благочестивых побуждений. Оба ненавидели монашество и выступали против него, но первый — из-за невежества и фанатизма монахов, а второй — из-за веры монахов в собственную праведность и из-за создаваемых ими препятствий на пути к истинному оправданию и миру. Эразм следовал советам мирской мудрости, Лютер — священным принципам и убеждениям. Эразм был готов, как он сам говорил, пожертвовать «частью истины ради мира в церкви» и личного спокойствия, а Лютер был готов в любой момент умереть за Евангелие. Эразм был соглашателем и служил своему времени, а Лютер был во всех отношениях моральным героем.

Лютер писал (1536): *Res et verba Philippus; verba sine re Erasmus; res sine verbis Lutherus; nec res nec verba Carolostadius* {«В делах и словах — Филипп, в словах без дел — Эразм, в делах без слов — Лютер, без дел и без слов — Карлштадт»}. Но сам Лютер был мастером не только слова, но и дела, и слово с делом у него не расходились. Меланхтон же был усовершенствованным Эразмом, выступившим на стороне евангельской истины.

Нетрудно увидеть, насколько далеко столь разные люди могли пройти вместе и где и когда они должны были расстаться. Пока Реформация существовала внутри церкви, Эразм симпатизировал ей. Но когда Лютер, который первоначально тоже совсем не собирался покидать Католическую церковь, сжег папскую буллу и декреталии, а вместе с ними — мосты за собой, Эразм отступил и начал опасаться, что лекарство хуже болезни. Сама его образованность и нерешительность оказались его слабыми сторонами, тогда как недостаток образования и решимость Лютера стали его силой. Когда идет война, нейтралитет невозможен. Мы должны примкнуть либо к одной армии, либо к другой. Эразм был за единство и мир. Он боялся раскола церкви как величайшего бедствия, но он не переставал осуждать злоупотребления в ней. То, что он не мог примкнуть к Реформации, было скорее его несчастьем, чем его ошибкой. Мы должны верить его словам о том, что совесть не позволяет ему выступить на лютеранской стороне. Но одновременно он думал о своем личном комфорте и о литературном превосходстве, а также стремился сохранить дружбу своих покровителей из церковной иерархии и королевских особ. Он желал быть зрителем, а не действующим лицом «лютеранской трагедии».

Эразм приветствовал юного Меланхтона, с энтузиазмом восхваляя его ранний гений и ученость, и продолжал уважать его даже после своего разрыва с Люте-

ром. Он вел дружескую переписку с Цвингли, который почитал его как князя всех гуманистов. Эколампадий помогал ему, и он с похвалой, хотя и уклончиво, отзывался о его книге про евхаристию. Ему нравились нападки Лютера на индульгенции и монашество, и он писал Цвингли, что учил почти всему, чему учит Лютер, только без его грубости и парадоксов⁵⁴⁵. В ответном письме из Лувена 30 мая 1519 г. он вежливо, но осторожно и снисходительно принимает комплименты и дружбу Лютера, но советует ему умерить тон и подражать апостолу Павлу, который упразднил закон посредством аллегорического истолкования. В то же время Эразм честно признает, что не читал книг Лютера, кроме отрывков комментария на Псалтирь⁵⁴⁶, и что считает своим долгом хранить нейтралитет, чтобы сделать больше для возрождения литературы. В заключение он выражает желание: «Да ниспосылает Господь Иисус тебе ежедневно все больше Своего Духа во имя Его славы и всеобщего блага»⁵⁴⁷.

До этого момента он возражал не столько против взглядов Лютера, сколько против его манер: плебейская неистовость и грубость оскорбляли его изысканный вкус. Но между ними была и более глубинная разница. Он не мог оценить важнейшего учения об оправдании *одной лишь* верой и возмущался, когда отрицали свободу воли и человеческую заслугу. Он придерживался католического взгляда на эти вопросы. Он желал реформы дисциплины, а не реформирования веры и церкви и мало интересовался догматическими спорами.

Его постепенное отчуждение можно проследить в следующих отрывках из его писем.

Альбрехту, кардиналу-архиепископу Майнца, он писал из Лувена 1 ноября 1519 г.:

Позвольте мне сказать, что я никогда не имел ничего общего с делом Рейхлина или с делом Лютера. Я никогда не интересовался каббалой или Талмудом. Эти яростные споры между Рейхлином и партией Гохстратена были мне чрезвычайно неприятны. Лютер мне совершенно не знаком, и у меня не было времени прочесть его книги, я лишь просмотрел несколько страниц. Если он хорошо написал их, за это не стоит хвалить меня; а если нет, было бы несправедливо требовать у меня отчета... Лютер написал мне в весьма христианском тоне, как я полагаю; и я ответил, посоветовав ему между прочим не выступать против римского понтифика, не поощрять дух гордости и нетерпимости, но проповедовать Евангелие от чистого сердца... Я не обвиняю Лютера и не защищаю его, я ему не судья; я не буду судить его сердце — потому что это всегда чрезвычайно трудно, — и тем более не стану осуждать. Однако, даже если бы я стал защищать его как доброго человека — потому что даже его враги признают, что он таков; как человека, представшего перед судом, — что позволено даже судьям, принесшим клятву; как гонимого — что лишь соответствовало бы требованиям человечности, — в чем могли бы меня обвинить, когда я не вмешивался в его дело? Короче говоря, я считаю своим долгом христианина поддерживать Лютера в этом смысле, чтобы, если он невиновен, я не способствовал бы тому, чтобы злодеи сокрушили его; если же он заблуждается, я предпочел бы видеть его исправившимся, а не уничтоженным — тогда я действовал бы в соответствии с

⁵⁴⁵ *Videor mihi fere omnia docuisse quae docet Lutherus, nisi quod non tam atrociter, quodque abstinui a quibusdam aenigmatibus et paradoxis.* В Zwingli, *Opera*, ed. Schuler and Schulthess, vol. VII, 310.

⁵⁴⁶ После буллы об отлучении для того, чтобы читать книги еретика, требовалось специальное разрешение. В письме к Бомбасию от 23 сентября 1521 г. Эразм говорит, что просил Иеронима Алеандера о таком разрешении, но ему было отказано, если он не получит явного дозволения лично от папы (Drummond, II. 85 sq.).

⁵⁴⁷ Эразм, *Epist.* 427. См. первое письмо Лютера (28 марта 1519 г.) и ответ Эразма (30 мая), а также второе письмо Лютера (апрель 1524) и ответ Эразма (5 мая), на латыни — в *Epist.*, на немецком — в Walch, vol. XVIII, 1944 sqq., и в приложении к Müller, *Erasmus*, pp. 385-395. Два письма Лютера к Эразму приводятся также на латыни в De Wette, I. 247-249, II. 498-501.

примером Христа, Который, как свидетельствует пророк, трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит.

Папе Льву X из Лувена 13 сентября 1520 г. (через три месяца после отлучения Лютера, 15 июня):

Я не знаком с Лютером и даже не читал его книг, разве что десять или двадцать страниц, и лишь отрывочно. Судя по тому, что я видел, я счел, что он вполне способен толковать Писание в манере отцов церкви — а такой труд очень нужен в наше время, когда мы так увлекаемся мелочами в ущерб действительно важным вопросам. Соответственно, я поддерживал его хорошие, а не плохие качества, или, скорее, я поддерживал славу Христову в нем. Я одним из первых предвидел опасность, которую влечет за собой насилие, а насилие я ненавижу больше всего на свете. Я, действительно, даже угрожал печатнику Иоганну Фробену, чтобы он не публиковал книги Лютера. Я часто и усердно писал своим друзьям, прося их, чтобы они уговорили этого человека быть по-христиански кротким в своих произведениях и не тревожить мира церкви. Когда он сам написал мне два года назад, я с любовью сообщил ему, чего он должен избегать, и я хотел бы, чтобы он последовал моему совету. Мне говорили, что Ваше Святейшество видело это письмо. Вероятно, его показали, чтобы повредить мне, хотя оно скорее должно было бы склонить Ваше Святейшество в мою пользу.

5 декабря 1520 г., за пять дней до сожжения папской буллы, курфюрст Фридрих Саксонский спросил у Эразма во время их встречи в Кельне, каково его мнение о Лютере. Эразм колебался и не отвечал. Когда же курфюрст стал настаивать, стоя прямо перед ним и глядя ему в лицо, он дал свой знаменитый ответ:

Лютер совершил два греха: он затронул тиару папы и брюхо монахов⁵⁴⁸.

Курфюрст засмеялся. И он вспомнил это выражение незадолго до смерти. Вернувшись к себе, Эразм написал несколько фраз о Лютере, где отзывался о нем весьма благосклонно. Он не одобрил «немилосердную буллу папы». Рукопись была послана Шпалатину, но тайно, из страха, что ее увидит Алеандер; тем не менее ее опубликовали.

Из письма к другу (Людовику Беру) в Базель из Лувена от 14 мая 1521 г.:

Ожесточение лютеран и глупость некоторых людей, проявляющих больше ревности, нежели мудрости, в стремлении бороться с нынешними злоупотреблениями, привели к такому положению вещей, что я не предвижу иного исхода, кроме ниспровержения всего мира. Какой злой дух занес на землю это отравленное семя? Когда я был в Кельне, я старался сделать все, чтобы Лютер был послушен, а папа милосерден, и некоторые из правителей одобрили мои советы. Но увы! Сожжение декреталий, «Вавилонское пленение» и заявления Лютера, намного более категоричные, чем они должны быть, сделали ситуацию безвыходной... Нам, дорогой Бер, остается только молиться, чтобы Христос, великий в благости и власти, обратил всё на благо. Только Он может сделать это.

В том же месяце, во время заседания Вормсского рейхстага, он писал Николасу Эверарду из Мехлина (1521):

Если бы Лютер был более умеренным в своих сочинениях, даже если бы он писал свободно, он был бы более уважаем и сделал бы больше блага для мира; но судьба распорядилась иначе. Я удивляюсь только тому, что он еще жив... Говорят, что уже готов указ гораздо более суровый, чем папская булла⁵⁴⁹, но из страха или по каким-то другим причинам его не предают гласности. Я удивлен, что папа для решения таких проблем действует через агентов, многие из которых — неграмотные люди, и все — упрямые и высокомерные. Ничто не превосходит гордости и несдержанности кардинала Каетана, Карла Мильгица, Марина, Алеандера. Они все действуют по принципу молодого короля, который сказал: «Мой мизинец толще, чем чресла моего отца». Что касается Алеандера, то он — совершенный маньяк, нехороший и неразумный человек.

⁵⁴⁸ См. §47.

⁵⁴⁹ Указ был принят 26 мая 1521 г., но датирован 8 мая (см. §58).

После Вормского рейхстага произошло несколько событий, которые, казалось бы, подтверждали худшие опасения Эразма, связанные с Реформацией, и настраивали его против ее вождей, а именно: беспорядки Карлштадта в Виттенберге (1521), оскорбление Лютером Генриха VIII (1522) и насильственные выступления его бывшего друга и почитателя Ульриха фон Гуттена (1523)⁵⁵⁰.

Тем не менее Эразм советовал папе Адриану VI избегать грубых мер, мягко относиться к заблуждающимся, прощать ошибки, бороться со злоупотреблениями и созвать общецерковный собор умеренно настроенных людей. Папа не обратил внимания на этот совет.

Глареан (Лорити) из Базеля очень верно описал Эразма в послании к Цвингли от 20 января 1523 г.: «Эразм — старый человек, он хочет покоя. Все партии хотели бы иметь его на своей стороне, но он не хочет принадлежать ни к одной из них, и ни одна партия не способна привлечь его. Он знает, кого избегать, но не знает, к кому примкнуть». Однако Глареан добавлял, что Эразм исповедует Христа в своих произведениях и что никогда не слышал от него ни единого нехристианского слова⁵⁵¹.

§73. Спор о свободе воли. 1524 — 1527

См. литературу в §73.

Некоторое время Эразм колебался, но потом обнаружил, что избежать конфликта невозможно. Провоцируемый Гуттеном и побуждаемый королем Генрихом и английскими друзьями, он объявил войну Лютеру и порвал с Реформацией. Сделал он это неохотно. Он чувствовал, что не сможет удовлетворить ожидания ни одной из сторон, к тому же сугубо богословские диспуты были не его специализацией. Он начал критиковать учение Лютера о полной греховности человека.

Вот основное догматическое разногласие между ними: Эразм был поклонником Сократа, Цицерона и Иеронима, а Лютер — смиренным учеником апостола Павла и Августина. Эразму не хватало глубокого религиозного опыта, приобретенного Лютером в монастыре. Он симпатизировал антропологии греческих отцов церкви и полупелагианской школы.

В сентябре 1524 г. Эразм выпустил свой труд «Свобода воли». Это защита свободы как обязательного условия моральной ответственности, без которой не было бы смысла в предписаниях, покаянии и награде. В основном он придерживается древней полупелагианской теории, но в более мягкой форме и скорее негативно, чем позитивно — ибо он желал избежать обвинения в ереси. Он говорит, что Бог обладает максимумом славы, а человек — минимумом. «Я одобряю, — пишет он, — тех, кто приписывает некую заслугу свободной воле, но уповает в основном на благодать». Мы должны стараться действовать добродетельно.

⁵⁵⁰ Эразм отрекся от несчастного беглеца Гуттена, который, как дикий зверь, набросился на него в своем *Expostulatio cum Erasmo*, вышедшем в Страсбурге в июле 1523 г. Эразм писал Пиркгеймеру: *Emoriar si crediturus eram, in univ ersis Germanis esse tantum inhumanitatis, impudentiae, vanitatis, virulentiae quantum habet unus libellus Hutteni*. Он ответил в *Spongia Erasmi adversus Adspergines Ulrici Hutteni*, Basel, 1523 (*Opera*, vol. IX, pars II, 1631-73). Лютер писал: «Я недоволен нападением Гуттена, но еще меньше доволен ответом Эразма». *Expostulatio* и *Spongia* были также переведены на немецкий. См. об этом ожесточенном личном споре в Strauss, *Ulrich von Hutten*, pp. 448-484; и Drummond, II. 120 sqq.

⁵⁵¹ *Opera Zw.*, VII. 263.

тельно по собственной воле, но эта воля ничего не может без Божьей благодати. Он указывал Лютеру на то, что Христос призывает Иерусалим к покаянию (Мф. 23:37), и на то, что Богу угодно, чтобы никто не погиб, но чтобы все спаслись (Иез. 33:11; 1 Тим. 2:4; 2 Пет. 3:9). Он обращается к Лютеру уважительно, но обвиняет его в попытке сменить одну крайность на другую.

Лютер ценил заслуги Эразма и честно признавал его превосходство как автора⁵⁵². Но он знал слабую сторону Эразма и уже в 1516 г. выражал опасение, что тот весьма плохо разбирается в Божьей благодати⁵⁵³. В произведениях Эразма он обнаруживал больше опровержений ошибок, чем доказательств истины, больше любви к миру, чем любви ко кресту. Лютеру было отвратительно то, как Эразм исподволь закрадывается в душу своими сомнениями. 20 июня 1523 г. он писал Эколампадию⁵⁵⁴: «Да укрепит тебя Господь, когда ты будешь толковать Исаию [в Базельском университете], даже если Эразму, как я понял, это не нравится... Он сделал то, для чего был предназначен: он ввел древние языки вместо вредных схоластических исследований. Вероятно, он умрет, как Моисей в земле Моав. Он не ведет к лучшим исследованиям, которые учат благочестию. Я предпочел бы, чтобы он вообще воздержался от объяснения и переложения Писания, потому что он не годится для этой работы... Он сделал достаточно для избличения зла, но открыть добро и ввести в землю обетованную — это, по моему мнению, не его задача». В письме к Эразму от апреля 1524 г., за несколько месяцев до открытого разрыва, он предлагал оставить друг друга в покое и выражал сожаление по поводу его служения папистам и недостатка смелости, обращаясь в манере, которая не могла не ранить щепетильного ученого⁵⁵⁵.

Лютер о рабстве человеческой воли

Лютер ждал целый год, прежде чем выпустил свой ответ о рабстве воли (декабрь 1525 г.). Это одна из его самых сильных и глубоких книг. Она полна великих идей и шокирующих преувеличений, выходящих на грань манихейства и фатализма⁵⁵⁶. Он благодарит Эразма за то, что тот сразу обратился к сути спора, не беспокоя его мелочами «вроде папства, чистилища, индульгенций и прочей ерунды». Он говорит, что Божье предзнание и предопределение неразрывно связаны, и все события обязательны, так как Бог всемогущ, и у творения не может быть свободы⁵⁵⁷. Он изображает человеческую волю как мула или осла, который идет вперед, только если его подгоняют; подгоняет же его либо дьявол,

⁵⁵² Он написал ему очень уважительное письмо 28 марта 1519 г., благодаря за великие услуги делу литературы и поздравляя его с тем, что его оскорбляют враги истины и света. Даже в своей книге против Эразма (*De Servo Arbitrio*) он говорит в начале: *Viribus eloquentiae et ingenio me longissime superas*. И ближе к концу: *Fateor, tu magnus es et multis iisque nobilissimis dotibus a Deo ornatus... ingenio, eruditione, facundia usque ad miraculum. Ego vero nihil habeo et sum, nisi quod Christianum esse me glorier* (*Op. Lat.*, VII. 367, Erl. Fref. ed.).

⁵⁵³ См. его письма к Ланге и Шпалатину в *De Wette*, I. 39 sq., 52; 87 sq. К Ланге он писал: *Ich fürchte, Erasmus breitet Christum und die Gnade Gottes nicht genug aus, von der er gar wenig weiss. Das Menschliche gilt mehr bei ihm als das Göttliche*.

⁵⁵⁴ *De Wette*, II, p. 352 sqq.

⁵⁵⁵ *De Wette*, II. 498 sq. Эразм ответил 5 мая 1524 г.

⁵⁵⁶ Кестлин (I. 773) говорит, что ни один из трудов Лютера не превосходит этого «в плане энергичности и остроты». Но Доллингер и Янссен (II. 379) утверждают, что Лютер опирался скорее на Коран, чем на Новый Завет.

⁵⁵⁷ *Ipsa ratione teste nullum potest esse liberum arbitrium in homine vel angelo aut ulla creatura* (*Op. Lat.*, VII. 366).

когда природа греховна, либо Бог, в состоянии благодати. Осел не выбирает себе хозяина; Бог и дьявол соревнуются за владение им. Призывы к покаянию и святой жизни в Писании следует воспринимать не серьезно, а с иронией. Бог словно говорит человеку: попробуй покаяться и делать добро, и скоро ты поймешь, что не способен на это. Он обращается с человеком, как мать с маленьким ребенком, когда она призывает ребенка пойти, чтобы тот мог дотянуться до нее рукой и опереться на нее. Бог говорит с нами так лишь для того, чтобы убедить нас в нашей беспомощности, и мы действительно беспомощны, если не просим Его о помощи. Сатана сказал: «Вы свободны в поступках», Моисей же сказал: «Действуйте», — чтобы раньше сатаны убедить нас в нашей неспособности к действию.

В этой же книге Лютер проводит разграничение между Словом Божиим и Самим Богом, или между явленной волей Бога, в которой спасение предлагается всем, и скрытой или тайной волей, согласно которой спасутся лишь некоторые, а остальные будут осуждены на заслуженную погибель. Так он отвечает на доводы Эразма о том, что Бог желает не смерти, а спасения грешника, основанные на таких местах, как Иез. 18:23; 33:11; 1 Тим. 2:4 (они касаются только *явленной воли*)⁵⁵⁸. Однако такое разграничение приводит к возникновению внутреннего противоречия в Боге, что невозможно и неприемлемо.

Если не принимать в расчет своеобразную форму излагаемых заявлений и примеров, взгляды Лютера по сути совпадают со взглядами святого Августина, которому Эразм, при всем уважении к этому великому человеку, приписывает такое заявление: «Бог совершает в нас добро и зло, награждает за Свои добрые дела в нас и наказывает за Свои злые дела в нас». Против позитивной стороны этого заявления трудно возразить: Бог творит добро и награждает за него. Но негативная — это камень преткновения. Как может справедливый Бог приказывать нам идти, если мы хромы, да еще и наказывать за то, что мы не идем? Эта теория, конечно же, предполагает отступничество и осуждение всего человечества на основании неосознанного или безличного предсуществования и соучастия в грехе и вине Адама.

Все реформаторы изначально были августинианцами, то есть верили в полную греховность человеческой природы и абсолютное господство Божьей благодати. Они, подобно апостолу Павлу и святому Августину, прошли через ужасный конфликт с грехом и научились чувствовать в своем сердце то, что обычные христиане исповедовали на словах, — что они справедливо осуждены и спасены только заслугой Христа. Это были люди с богатым опытом, убежденные в собственной греховности и Божьей милости: если другие погибают в неверии, это происходит не потому, что они хуже, а из-за неизменности воли Бога, Который одним дает, а у других отбирает дар спасительной веры. Эти защитники свободы учили рабству воли во всем, что касается духовной праведности. Они основывали свою моральную силу исключительно на благодати. Они боялись Бога, и больше никого. Их страх перед Богом делал их бесстрашными перед людьми. То же самое можно сказать о французских гугенотах и английских пуританах. Лютер сформулировал данную теорию в более категорических терминах, чем Августин или даже Кальвин. Он никогда не отказывался от этих слов — хотя такое часто

⁵⁵⁸ *Multa facit Deus quae verbo suo non ostendit nobis, multa quoque vult, quae verbo suo non ostendit sese velle. Sic non vult mortem peccatoris, verbo scilicet, vult autem illam voluntate illa imperscrutabili* (vol. VII, p. 222, Erl. ed. *Op. Lat.*). Схоласты также различали *voluntas signi* и *voluntas beneplaciti*.

говорят, — но даже через двенадцать лет называл свою книгу против Эразма одной из лучших⁵⁵⁹. Меланхтон, без сомнения, отчасти под влиянием этого спора, отказался от своих ранних взглядов на предопределение как от стоического заблуждения (1535) и стал склоняться к синергизму. Лютер допускал эту перемену взглядов, хотя сам свои взгляды не изменил, и воздерживался от дальнейших дискуссий на тему. В Формуле согласия в самых сильных выражениях утверждалось учение Лютера о рабстве человеческой воли, но его учение о предопределении было смягчено. Он занял среднюю позицию между августианинством и полупелагианством, или синергизмом⁵⁶⁰. Подобным же образом, Римская Католическая церковь, сохранившая величайшее уважение к святому Августину и поддерживающая его антропологию, никогда не соглашалась с его взглядами на полную греховность и безусловное предопределение, но косвенным образом осудила их в теории янсенистов⁵⁶¹.

Окончательное отчуждение

Спор между Эразмом и Лютером привел к тому, что обе стороны забыли о благодати своего дела и о собственном достоинстве. Эразм написал язвительный ответ под заглавием *Hyperaspistes*, где представил взгляды Лютера на предопределение как ведущие к фаталистическим и безнравственным последствиям. Он написал также письмо с жалобами к курфюрсту Иоганну. Ужасы Крестьянской войны укрепили его в этом мнении. Он отдалился от Меланхтона и Юста Ионаса. Он перестал переписываться с Цвингли и чуть ли не радовался его смерти⁵⁶². Он говорил о Реформации как о трагедии или как о комедии, которая всегда заканчивается свадьбой. Он считал ее общественным бедствием, которое губит искусство и литературу и насаждает анархию в церкви⁵⁶³.

Его позвали на Аугсбургский рейхстаг (1530) в качестве советника императора, но он отказался, потому что болел и чувствовал себя неспособным удовлетворить ожидания той или иной партии. Однако он написал кардиналу Кампеджи, епископу Аугсбурга и другим друзьям, чтобы они выступали против решения

⁵⁵⁹ В 1537 г. он писал Капитону: *Nullum agnosco meum justum librum nisi forte De Servo Arbitrio et Catechismum* (De Wette, V. 70). В Шмалькальденских артикулах он опять отрицал свободу воли как схоластическое заблуждение; в своем последнем труде, комментарии на Книгу Бытия (6:6 и гл. 26), он вновь говорил о разнице между тайной и явленной волей Бога, которые мы не способны согласовать, но по этой причине безопаснее придерживаться явленной воли и воздерживаться от теорий о непознаваемых тайнах воли скрытой (*Melius et tutius est consistere ad praesepe Christi hominis; plurimum enim periculi in eo est, si in illos labyrinthos divinitatis te involvas*). О Быт. 6:6, Erl. ed., *Exeg. Opera*, II. 170.

⁵⁶⁰ *Form. Conc.*, art. II, и XI. См. Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 313 sq.

⁵⁶¹ *Ibid.*, I. 102 sqq. Среди осужденных положений янсениста Кенеля (Quesnel) есть такие: «Благодать Христа необходима для всякого доброго дела; без нее не может быть сделано ничего». «Воля человека, до обращения посредством предварающей благодати, способна только на зло и не способна на добро».

⁵⁶² Узнав о ней в 1531 г., он написал одному другу: «Хорошо, что два их вождя погибли, — Цвингли на поле боя, а Эколампадий вскоре после него от лихорадки и абсцесса» (*Op.*, III. 1422).

⁵⁶³ Он описывает мрачную картину деморализующих последствий Реформации в письме к Гельденхауэру (1526, *Opera*, X, 1578 — 1580, полностью цитируется на латыни и на немецком в Döllinger, *Die Reformation*, I. 13-15). Страсбургские проповедники Капитон, Буцер и Гедион пытались опровергнуть обвинения в 1530 г. Эразм снова взялся за обвинения, доказывая, что нигде не наблюдалось роскошеств и прелюбодеяний больше, чем среди новоявленных евангельских христиан, и в подтверждение упоминал Лютера, Меланхтона и Эколампадия. В некоторых его последних письмах, обнаруженных и напечатанных Горавицем (*Erasmiana*, 1885, no. IV, p. 44 sqq.), есть похожие жалобы.

вероучительных вопросов с помощью меча. Он полагал, что средство борьбы со злом в церкви, — взаимная терпимость и исправление злоупотреблений. Но к его голосу не прислушались. Спор разгорался. Время компромиссов и полумер миновало. Последние годы жизни он посвятил в основном переизданиям Нового Завета и трудов отцов церкви.

Лютер отрекся от Эразма и называл его тщеславнейшим созданием в мире, закоренелым эпикурейцем, насмешником, современным Лукианом, злобной гадюхой, втершимся в ряды христиан безбожником, врагом всякой веры⁵⁶⁴. Мы с радостью возвращаемся от этих грубых несправедливостей к более ранней оценке, выраженной в его письме к Эразму еще в апреле 1524 г.: «Весь мир должен подтвердить, что вы с успехом развиваете ту литературу, с помощью которой мы по-настоящему понимаем Писание. Этот дар Божий великолепно и чудесно проявился в вас, обязывая нас воздать благодарность».

§74. Вилибальд Пиркгеймер

BILIBALDI PIRKHEIMERI *Opera politica, historica, philologica, et epistolica*, ed. M. Goldast, Francf., 1610, fol. С портретом А. Дюрера. Его *Encomium Podagrae* был переведен на английский — W. Est, *The Praise of the Gout, or the Gout's Apology, a paradox both pleasant and profitable* (Lond., 1617).

LAMPE: *Zum Andenken W. P.'s*. Nürnberg, 1828. KARL HAGEN: *Deutschlands literarische und relig. Verhältnisse im Ref. Zeitalter. Mit besonderer Rücksicht auf Wilibald Pirkheimer*. Erlangen, vol. I, 1841, pp. 188 sqq., 261 sqq., 2^d ed. 1868. DÖLLINGER: *Reformation*, vol. I, 161-174. D. F. STRAUSS: *Ulrich von Hutten*, 4th ed., Bonn, 1878, pp. 118 sq.; 227-235; 514-518. LOCHNER: *Lebensläufe berühmter und verdienter Nürnberger*, Nürnberg, 1861. RUD. HAGEN: *W. P. in seinem Verhältniss zum Humanismus und zur Reformation*, Nürnberg, 1882. LIC. P. DREWS: *Wilibald Pirkheimer's Stellung zur Reformation*, Leipzig, 1887 (138 стр.).

Примерно в это время, после Крестьянской войны, самые выдающиеся из гуманистов отошли от Реформации и вслед за Эразмом вернулись в лоно материцеркви, с недовольством к новой религией, но и в недостаточном полном примирении со старой. В конечном итоге они умерли с разбитыми сердцами. И в этом плане возмущение Эразма было вполне обоснованным: прогресс либеральной учености был временно задержан прогрессом Реформации. Богословие одержало победу над классической культурой. Яростные споры о догме вытеснили сатирическое изобличение невежественных монахов. Но литературные утраты компенсировались религиозными достижениями. Лютер считал, что истина важнее красноречия, вера важнее учености, а в Божьем безумии больше мудрости, чем в мудрости человеческой⁵⁶⁵.

Среди учеников, друзей и поклонников Эразма, которых Реформация сначала привлекла, а потом оттолкнула, были Вилибальд Пиркгеймер, Крот Рубиан, Муциан Руф, Ульрих Засий, Вит Амербах, Георг Вицель, Якоб Штраус, Иоганн Вильде-науэр (Эгран), Иоганн Ганер, Генрих Лорити Глареан и Теобальд Билликан⁵⁶⁶.

⁵⁶⁴ В письме к Линку от 7 марта 1539 г. (в De Wette, III. 426 sq.) он называет Эразма *ἄθεον*, *Lucianumque, Epicurum*, а в письме к своему сыну Иоганну (1533; De Wette, IV. 497) говорит: *Erasmus, hostis omnium religionum et inimicus singularis Christi, Epicuri Luciani que perfectum exemplar et idea*. См. его суждения в *Tischreden*, LXI. 93-113 (Erl. ed.).

⁵⁶⁵ См. его письмо к Каспару Бёрнеру, профессору литературы в Лейпциге, от 28 мая 1522 г. в De Wette, II. 199-201. Это письмо было предназначено также для Эразма и напечатано под заглавием *Judicium D. M. Lutheri de Erasmo Rotodamo. Epistola ad amicum 1522*. Он говорит, что не хочет провоцировать Эразма, но и не боится его нападков.

⁵⁶⁶ Доллингер подробно, с римско-католической точки зрения, рассказывает об этих ученых в

Вилибальд Пиркгеймер (1470 — 1530), самый выдающийся и влиятельный из них, был родом из древнего богатого и благородного семейства в Нюрнберге. Он получил либеральное военное и дипломатическое образование. Несколько лет он провел в Италии (1490 — 1497) и стал одним из лидеров Возрождения. Он занимал также высокое общественное положение как сенатор Нюрнберга и императорский советник. Ему поручали важные дипломатические миссии, и он исполнял их весьма талантливо. Он не обладал неповторимым гением, но был самым ученым и самым красноречивым мирянином Германии. Он был знаком с филологией, юриспруденцией, географией, астрономией, музыкой, живописью, ботаникой, всеми научными открытиями своего времени. Он собрал редкую библиотеку книг и рукописей и коллекцию монет, которую свободно могли смотреть посетители. Он переводил труды Ксенофонта, Платона, Плутарха, Евклида, Птолемея, Лукиана, Григория Назианзина и Нила на латынь⁵⁶⁷. Его называли «нюрнбергским Ксенофонтом» благодаря его рассказу о бесславной швейцарской кампании (1499), в которой он принимал участие в качестве офицера⁵⁶⁸. Он вел активную переписку с ведущими гуманистами, особенно с Рейхлином, Ульрихом фон Гуттенем и Эразмом, а также с реформаторами — Меланктоном, Цвингли, Эколампанием и Лютером. Он был немецким Меценатом, аристократом впечатляющей и волевой наружности, воспитанным, с обворожительными манерами, по-княжески щедрым⁵⁶⁹. Он постоянно приглашал к своему гостеприимному столу приезжавших знаменитостей. Нюрнберг тогда был первым немецким городом в политическом, промышленном и торговом отношении. Пиркгеймер сделал его также центром литературы и просвещения. В Венеции говорили: «Все немецкие города слепы, кроме Нюрнберга, у которого есть один глаз».

Пиркгеймер приветствовал начало Реформации с энтузиазмом патриота и литератора, пригласил Лютера в свой дом, когда тот в изнеможении возвращался из Аугсбурга в 1518 г., распространял его книги и, вместе со своими друзьями Альбрехтом Дюрером и Лазарем Шпенглером, готовил путь для победы новых идей в своем родном городе. Он написал апологию Рейхлина во время его спора с доминиканцами, возможно, внес вклад в создание «Писем темных людей» и высмеивал доктора Экка в сатирическом диалоге, вышедшем под псевдонимом после лейпцигского спора⁵⁷⁰. Экк жестоко отомстил ему, когда опубликовал папскую буллу об отлучении: он включил Пиркгеймера в число последователей Лютера

первом томе своего труда *Reformation (Regensburg, 1846)*. У Неандера есть интересная университетская программа о Вицеле: *Commentatio de Georgio Vicelio* (Berlin, 1840). Штраус делает замечания о некоторых из них с рационалистической точки зрения в своем *Ulrich von Hutten*.

⁵⁶⁷ О его литературных трудах см. Karl Hagen, *l. c.*, I. 280 sqq.

⁵⁶⁸ В его рассказе есть такой эпизод о смелой и умной швейцарке. Когда имперские солдаты спросили ее: «Что делают швейцарцы на своем посту?» — она отвечала: «Ждут вашего нападения». — «Сколько их?» — «Достаточно много, чтобы прогнать вас». — «Но сколько именно?» — «Вы могли бы пересчитать их во время предыдущего боя, но не смогли, потому что бежали в страхе». — «А чем они питаются?» — «Едят и пьют». Солдаты засмеялись, но один из них достал свой меч, намереваясь убить ее. «Ты и правда храбрец, — сказала она, — если хочешь запугать безоружную девушку! Попробуй напасть хотя бы на самого молодого солдата, чтобы он ответил тебе делами, а не словами» (см. Münch, *W. P.'s Schweizerkrieg und Ehrenhandel*. Basel, 1826. Drews, *l. c.*, p. 10).

⁵⁶⁹ К сожалению, в моральном отношении он не был безупречен. Он овдовел в 1504 г. и жил в незаконной связи со своей служанкой, которая родила ему сына, когда ему было уже за пятьдесят. Кристоф Шёрль писал: «Если бы Меланхтон знал Пиркгеймера лучше, он не хвалил бы его так. У него дурная репутация» (см. K. Hagen, *l. c.*, I. 347, и Drews, *l. c.*, 14 sq.).

⁵⁷⁰ *Eccius dedolatus (Der abgehobelte Eck)*. Auctore Ioanne Francisco Cottalambegio, Poëta Laureato.

и обратился к нему через городские власти Нюрнберга. Лютер в ответ сжег папскую буллу, тогда как Пиркгеймер вышел из затруднительного положения посредством уклончивой дипломатии и в конечном итоге выпросил себе прощение.

Такое поведение характерно для гуманистов. Они не хотели рвать с церковными властями и не обладали смелостью мучеников. Они боролись с существовавшими злоупотреблениями оружием насмешки и сатиры, а не серьезных доводов и морального негодования. Они не симпатизировали богословию и благочестию реформаторов, поэтому остались позади, когда реформаторы по зову совести порвали со старой церковью и были изгнаны из нее, как апостолы из синагоги.

В послании к Эразму от 1 сентября 1524 г. Пиркгеймер говорит о Лютере еще благосклонно, хотя и сожалеет о его крайностях, и оплакивает разрыв между ними как величайшее бедствие, вредящее делу здоровой учености. Но вскоре после спора о свободе воли, под влиянием Эразма, он написал очень резкую книгу о своем бывшем друге Эколампадии, в защиту осуществления (до веры в пресуществление он не дошел)⁵⁷¹.

Разногласия среди протестантов, анабаптистские волнения, Крестьянская война, поведение Озиандера, болезнь и семейные проблемы усилили его отчуждение от Реформации и омрачили последние годы его жизни. Он сильно страдал от камня и подагры, из-за чего вынужден был оставаться дома. Ежедневно находившийся при нем Дюрер (который, однако, не соглашался с ним во взглядах на евхаристию и склонялся к швейцарской точке зрения) умер в 1528 г. Две его сестры и две дочери вступили в монастырь Св. Клары в Нюрнберге. Его сестра Каритас, прославившаяся благодаря своей переписке с Эразмом и другими светилами на греческом и на латыни, была аббатисой. Монастырь сильно страдал от волнений Реформации и Крестьянской войны. Когда ему грозило упразднение, Пиркгеймер обратился к протестантским городским властям с красноречивой и трогательной просьбой от имени монахинь и последовательно опровергал выдвигавшиеся против них обвинения. К монастырю отнеслись терпимо. Он просуществовал до 1590 г.

В последних письмах Пиркгеймера, как и в письмах Эразма, видно недовольство временем. Он жалуется на упадок литературы и нравственности, говоря, что евангельские клирики виновны в тех же грехах, в которых раньше он обвинял римских клириков и монахов. Он писал к Засию (1527), выдающемуся профессору юриспруденции из Фрейбурга, который также находился на перепутье между Римом и Виттенбергом: «Я надеялся на духовную свободу, но вместо нее мы получили плотскую распущенность, и все стало хуже, чем прежде». Засий был такого же мнения⁵⁷², да и протестанты Нюрнберга признавали, что евангелием свободы многие злоупотребляют⁵⁷³. В написанном за год до смерти письме к своему другу Лейбу, приору Ребдорфа, Пиркгеймер отказывается от всякого обще-

⁵⁷¹ *Bilibaldi Birckheimheri de vera Christi carne et vero ejus sanguine, ad Ioan. Oecolampadium responsio*. Norembergae, 1526. *Bilibaldi Pirckheymeri de vera Christi carne, etc., reponsio secunda*. 1527. Я привожу заголовки с их непоследовательным написанием по оригинальным экземплярам из Богословской Семинарии Союза. Пиркгеймер называет Эколампадия (греческий вариант его фамилии *Hausschein*, «домашний светильник») «*Soccolampadius*» (*Blindschein*, «скрытый светильник»), и говорит о нем достаточно грубо. Дрюз (pp. 89-110) подробно рассказывает об этом бесплодном споре.

⁵⁷² См. Döllinger, *Die Reform.*, i. 174-182.

⁵⁷³ Ганс Сакс (в своем *Gespräch eines evang. Christen mit einem katholischen*, Nürnberg, 1524) предостерегает жителей Нюрнберга против крайностей: невоздержанности, нечестия, немилосердия, — впадая в которые они позорят лютеранское учение. Döllinger (*l. c.*, I. 174 sqq.) приводит свидетельства Конрада Викнера и Лазаря Шпенглера, выдающихся протестантов Нюрнберга, и их современников из других районов Германии на ту же тему.

ния с Лютером и выражает мнение, что реформатор либо безумен, либо одержим нечистым духом⁵⁷⁴. Но, с другой стороны, он оставался в хороших отношениях с Меланхтоном и принимал его по пути на Аугсбургский рейхстаг в 1530 г.

Его кажущаяся непоследовательность связана с изменением времени, а не убеждений. Как и Эразм, он оставался гуманистом, который надеялся на реформы за счет возрождения литературы, а не богословия и религии, поэтому приветствовал начало лютеранского движения, но оплакивал его развитие⁵⁷⁵.

Сломленный болезнью, огорчениями и разочарованиями, он умер в год принятия Аугсбургского вероисповедания, 22 декабря 1530 г., молясь о процветании своей родины и о мире в церкви. Он оставил неоконченное издание «Географии» Птолемея, которое Эразм опубликовал с предисловием. Незадолго до его смерти Эразм написал ему печальное письмо о Реформации в Базеле и о своем желании покинуть этот город.

Пиркгеймер не оказал большого влияния. Труды его устарели. Но как один из наиболее выдающихся гуманистов и связующее звено между средневековой и современной эпохой он занимает свое место в истории Реформации.

§75. Крестьянская война. 1523 — 1525

- I. LUTHER: *Ermahnung zum Frieden auf die zwölf Artikel der Bauernschaft in Schwaben* (1525); *Wider die mörderischen und räuberischen Rotten der Bauern* (1525); *Ein Sendbrief von dem harten Büchlein wider die Bauern* (1525). WALCH, vols. XVI и XXI, Erl. ed., XXIV. 257-318. MELANCTHON: *Historic Thomae Münzers* (1525), в WALCH, XVI. 204 sqq. COCHLÆUS (католик), в его трудах против Лютера.
- II. Истории Крестьянской войны. SARTORIUS (*Geschichte des deutschen Bauernkriegs*, Berlin, 1795); WACHSMUTH (Leipzig, 1834); OECHSLE (Heilbronn, 1830 anti 1844); BENSEN (Erlangen, 1840); ZIMMERMANN (Stuttgart, 1841, 2nd ed. 1856, 3 Vols.); JÖRG (Freiburg, 1851); SCHREIBER (Freiburg, 1863-66, 3 vols.); STERN (Leipzig, 1868); BAUMANN (Tübingen, 1876-78); L. FRIES, ed. Schäffler and Henner (Würzburg, 1876, 1877); HARTFELDER (Stuttgart, 1884).
- III. Монографии о Томасе Мюнцере. STROBEL (*Leben, Schriften und Lehren Thomae Müntzers*, Nürnberg and Altdorf, 1795); GEBSER (1831); STREIF (1835); SEIDEMANN (Dresden, 1842); LEO (1856); ERVKAM (в HERZOG², vol. X, 365 sqq.).
- IV. RANKE: II. 124-150. JANSSEN: II. 393-582. HÄUSSER: ch. VII. WEBER: *Weltgesch.*, vol. X, 229-273 (2nd ed., 1886).

Церковный радикализм в Виттенберге был прелюдией к более опасному политическому и социальному радикализму, вовлекшему большую часть Германии в смятение и кровопролитие. Оба движения возникли из-за вопиющих злоупотреб-

⁵⁷⁴ Доллингер (I. p. 533 sq.) приводит это письмо на латыни и немецком и делает из него вывод, что Пиркгеймер умер в лоне Католической церкви.

⁵⁷⁵ Так думает и Дреус, его недавний биограф, который пишет (I. c., p. 123): *Pirkheimer ist jeder Zeit Humanist geblieben... In der Theorie war er ein Anhänger der neuen, gewaltigen Bewegung; aber als dieselbe anfang praktisch zu werden, erschrak er vor den Gährungen, die unvermeidlich waren. Der Humanist sah die schönen Wissenschaften bedroht; der Patrizier erschrak vor der Übermacht des Volkes; der Staatsmann erzitterte, als er den Bruch mit den alten Verhältnissen als eine Notwendigkeit fühlte. Nur ein religiös fest gegründeter Glaube war im Stande, über diesen Kämpfen den Sieg und den Frieden zu sehen. Daran aber fehlte es gerade Pirkheimer; alles theologische Interesse vermag dieses persönliche religiöse Leben nicht zu ersetzen. Wohl besass er ein lebendiges Rechtsgefühl, einen ethischen Idealismus, aber es fehlte ihm die Kraft, im eignen Leben denselben zu verwirklichen. Ihm war das Leben ein heiteres Spiel, solange die Tage sonnenhell waren; als sie sich umdüsterten, wollten sich die Wolken weder hinwegschetzen, noch hinwegschmähen lassen. Ein religiös, sittlicher Charakter war Pirkheimer nicht, 'Vivitur ingenio, caetera mortis erunt,' diese Worte hat er unter sein von Dürer gezeichnetes Bild (1524) gesetzt. Sie enthalten das Glaubensbekenntnis Pirkheimers, das Geheimnis seines Lebens.*

лений, оба получили сильный толчок со стороны Реформации и претендовали на то, чтобы довести ее принципы до их логического завершения, но оба были ультрара- и псевдопротестантскими, фанатичными и революционными.

Карлштадт и Мюнцер — связующие звенья между двумя движениями, особенно последний. Карлштадт никогда не заходил так далеко, как Мюнцер, и потом раскаялся. Их изгнание из Саксонии привело к распространению их влияния на Среднюю и Южную Германию⁵⁷⁶.

Условия жизни крестьян

Немецкие крестьяне были вьючной скотиной общества. Их жизнь была не лучше, чем жизнь рабов. Они трудились каждый день, в том числе по воскресеньям, и не получали никакой награды. Они были обременены поборами, законными и незаконными. Когда после открытия Америки в жизнь знати еще обильнее вошли богатство, роскошества и удовольствия, положение крестьян ухудшилось. Рыцари и знать эксплуатировали их еще более жестоко, чем прежде, чтобы увеличить свои доходы и иметь больше средств для развлечений.

Крестьяне создали для своей защиты тайные лиги, такие как сырные братья (Käsebröder) в Нидерландах и башмачники⁵⁷⁷ в Южной Германии. Эти лиги выполняли те же функции, что современные профсоюзы.

Задолго до Реформации в разных районах Германии случались революционные выступления (в 1476, 1492, 1493, 1502, 1513 и особенно в 1514 г.) против беззакония и тирании герцога Ульриха Вюртембергского, но эти бунты подавлялись грубой силой и заканчивались неудачно⁵⁷⁸.

В Англии восстание крестьян и простолюдинов под предводительством Уота Тайлера и Джона Болла разгорелось в 1381 г. в связи с неверным пониманием учений Виклифа.

Реформация, выступив против тирании папы, провозгласив высший авторитет Библии, христианскую свободу и всеобщее священство мирян, придала бунтам новый импульс и новое направление. Странствующие проповедники и трактаты на злобу дня подогрели недовольство. Крестьяне принимали духовную свободу за плотскую распущенность. Они ссылались на Библию и на доктора Лютера для оправдания своих беззаконий. Они искали демократический элемент в Новом Завете и обращали его против угнетения со стороны римской иерархии и феодальной аристократии. Они отождествляли свое дело с возрождением чистого христианства.

Томас Мюнцер

Томас Мюнцер, один из пророков Цвиккау и красноречивый демагог, был апостолом и странствующим проповедником социальной революции, предтечей современного социализма, коммунизма и анархизма. Его взгляды представляли

⁵⁷⁶ Ранке (II. 126): *Dass Münzer und Karlstadt, und zwar nicht ohne Zuthun Luthers, endlich aus Sachsen entfernt wurden, trug zur Ausbreitung und Verstärkung dieser Bewegung ungemein bei. Sie wandten sich beide nach Oberdeutschland.* Ранке преувеличивает влияние ложного учения Карлштадта о вечере Господней, которое было обнародовано им после изгнания.

⁵⁷⁷ *Bundschuh*, от названия обуви, которую носили крестьяне, в сравнении с туфлями более высоких слоев общества.

⁵⁷⁸ О связи ранних крестьянских бунтов с движением подготовки к Реформации см. очерк Ульмана о Гансе Бегейме из Никласхаузена в его *Reformatoren vor der Reformation*, vol. I, 419-446.

собой замечательное сочетание несочетаемого — радикализма и мистицизма. Он родился в Штольберге, в горах Гарца (1590), изучал богословие в Лейпциге, принял некоторые из учений Реформации и проповедовал их в главной церкви в Цвиккау, но довел их до крайности и был смещен.

После провала революции в Виттенберге, в которой Мюнцер принимал участие, он служил пастором в Альтштадте (1523) и пытался реализовать свои дерзкие идеи, открыто выступая против Лютера, которого ненавидел больше, чем папу. Лютер критиковал в своих трудах «сатану из Альтштадта». Мюнцер был отстранен от служения, но продолжал устраивать беспорядки в Мюльхаузене, свободном городе Тюрингии, в Нюрнберге, Базеле и затем опять в Мюльхаузене (1525).

Он был врагом существующего общественного порядка и представлял себя богодухновенным пророком новой диспенсации, схожей с коммунистическим тысячелетним царством, — в которой не будет ни священников, ни князей, ни знати, ни частной собственности, но будет полное демократическое равенство. Он воспламенял людей гневными разглагольствованиями с кафедры и призывал их в печатных трактатах к открытому бунту против духовных и светских правителей. Он подписывался «Мюнцер с молотом» или «с мечом Гедеона». Он советовал убивать всех нечестивых. Они не имеют права на жизнь. Христос принес на землю меч, а на мир. «Не смотрите, — говорил он, — на скорбь нечестивых. Пусть меч ваш не отвращается от кровопролития. Бейте по наковальне Нимрода [по князьям]. Сокрушите его крепость, потому что настало ваше время».

Программа крестьян

В начале восстания швабские крестьяне выпустили программу требований, нечто вроде политического и религиозного символа веры, состоящего из двенадцати статей⁵⁷⁹.

Крестьяне утверждали, что их требования не противоречат нормам христианства как религии справедливости, мира и милосердия, и вот на что они претендовали. 1. Право самим избирать себе пастырей (с этим соглашался Цвингли, но не Лютер). 2. Свобода от малой десятины (большую десятину на зерно они были готовы платить). 3. Упразднение крепостничества, так как все люди искуплены кровью Христовой (но они обещали слушаться избранных правителей, предопределенных Богом, во всем, что разумно и по-христиански). 4. Свободу охоты и рыбной ловли. 5. Возможность добывать хворост в лесах. 6. Ограничения на принудительный труд. 7. Оплату сверхурочного труда, не предусмотренного договором. 8. Сокращение ренты. 9. Отмену произвола в наказаниях. 10. Возвращение общинам пастбищ и полей, у них отнятых. 11. Отмену права вассальной зависимости (*heriot*), по которому имущество умершего переходило феодалу, а вдовы и сироты лишались наследства. 12. Эти требования должны были согласовываться с Писанием, а если окажется, что они не соответствуют Писанию, то крестьяне были готовы отказаться от них.

Эти требования умеренны и разумны, особенно те, которые касаются освобождения от феодального гнета и права выбирать себе пастыря. Большинство из них позже было удовлетворено. Если бы они были удовлетворены в 1524 г., возможно, Германия не пострадала бы от кровопролития и наступил бы век ее про-

⁵⁷⁹ Они приведены на немецком языке у Уолша, Штробеля, Охсла, Гизелера, Вебера. Автор неизвестен. Их приписывали Кристофу Шаппелеру, швейцарцу, проповеднику в Меммингене, но также и Хёглину из Линдау, Гюбмайеру и Мюнцеру. См. примечание в Ranke, II. 135.

цветания. Но правители и крестьяне не видели того, что в их интересах, и прислушивались к своим страстям, а не к голосу разума. Крестьяне не держались твердо за свою программу. Они раскололись на партии и прибегли к грубому насилию, выступая против своих господ. Появилась новая программа, направленная на демократическую реформу церкви и государства в Германии. Если бы Карл V не был увлечен делами за рубежом, он воспользовался бы волнениями для объединения и укрепления Германии в интересах императорского деспотизма и романизма, но это стало бы еще большим бедствием, чем раскол Германии.

Ход восстания

Восстание разразилось летом 1524 г. в Швабии, в верховьях Дуная и Рейна, вдоль швейцарской границы, но не на швейцарской стороне, где крестьяне были свободны. В 1525 г. оно постепенно распространилось на всю юго-западную и центральную Германию. Бунтовщики рушили дворцы епископов, замки знати, жгли монастыри и библиотеки, творили другие бесчинства. Эразм писал Полидору Виргилу из Базеля осенью 1525 г.: «Каждый день кровавые столкновения между знатью и крестьянами случаются так близко с нами, что мы слышим выстрелы и чуть ли не стоны раненых». В другом письме он говорит: «Каждый день крестьян сажают в темницы, пытаются, вешают, обезглавливают или сжигают».

Сначала восстание шло успешно. Князья, знать и города сдавались крестьянам. Если бы средний класс, главные сторонники протестантского учения, выступили на стороне крестьян, они стали бы непобедимыми.

Но вождь Реформации использовал весь свой авторитет, чтобы выступить против революции.

Лютер советует подавить восстание

Судьба крестьянства зависела от Лютера. Он сам был из крестьянской семьи и поначалу симпатизировал восставшим, выступая за облегчение их положения. Но он всегда был против силовых методов, разве что со стороны властей, которым Бог вручил меч для наказания преступников. Он считал, что революция сама по себе зло и противоречит Божьей воле, что она — худший враг Реформации и усугубляет проблемы. Он верил во всемогущество проповеди, наставления и морального убеждения. В словесных битвах он позволял себе все, но на этом и останавливался. При всей своей героической отваге воина духовной Божьей армии он с кротостью монаха подчинялся гражданским властям.

На двенадцать статей швабских крестьян он ответил призывом к миру (май 1525 г.). Он признавал, что большая часть требований справедлива. Он упрекал князей и знать, особенно епископов, за угнетение бедных и враждебное отношение к Евангелию и призывал их выполнить некоторые из просьб, чтобы по всей Германии не распространилась неугасимая вражда. Но он также отговаривал крестьян от революции и напоминал им об обязанности слушаться правителей (Рим. 13:1) и о словах: «Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52). Он советовал обеим сторонам доверить решение спора третьейскому суду, но было слишком поздно. Его никто не слушал.

Когда мрачная туча войны нависла над всей Германией, затмевая чистый свет Реформации, Лютер обмакнул в кровь свое перо и разразился яростным манифестом «против хищных и кровожадных крестьян». Он обвинял их в том, что они помогают дьяволу, хотя и говорят, что служат Евангелию⁵⁸⁰. Он призывал город-

ские власти «атаковать, убивать и душиТЬ» их, как бешеных псов. Тот, кто погибает, защищая правительство, умирает смертью блаженного. Он — истинный мученик в глазах Бога. Благочестивый христианин должен быть готов умереть тысячу раз, но не уступить требованиям крестьян⁵⁸¹.

Лютер был столь категоричен, что ему пришлось оправдываться за свои слова в открытом послании к канцлеру Мансфельда (июнь или июль 1525 г.). Но он не отказался от своей позиции. «Моя маленькая книжка, — говорил он, — останется, даже если целый мир будет попираТЬ ее ногами». Он повторил наиболее оскорбительные места, даже в более сильных выражениях, и заявил, что бесполезно уговаривать бунтовщиков. С ними надо разбираться с помощью кулака и меча⁵⁸².

Поведение Лютера может показаться жестоким всякому, кто сочувствует нищим крестьянам, но было бы несправедливо считать его приспособленцем и говорить, что он руководствовался эгоистическими соображениями. Он был искренне убежден, что в светских вопросах надо повиноваться властям и что крестьянский бунт угрожает делу Реформации.

Подавление восстания

Пришедшие в отчаяние князья (и протестанты, и католики) последовали совету реформатора, объединившись в борьбе против общего врага. Крестьяне, плохо вооруженные, без талантливых вождей, разобщенные, терпели поражение в столкновениях с войсками ландграфа Филиппа Гессенского, герцога Генриха Брунсвикского, курфюрста Иоганна, герцогов Георга и Иоганна Саксонских. После решающей битвы при Франкенхаузене 25 мая 1525 г. на поле боя и на улицах города осталось лежать пять тысяч мертвых тел. Триста человек были обезглавлены перед зданием суда. Мюнцер бежал, но был схвачен, его пытали и казнили. Крестьяне Южной Германии, в Эльзасе и Лотарингии, также потерпели поражение в борьбе с императорскими войсками и силами курфюрстов Пфальца и Трира. Вожди предали их. В замке Цабери, в Эльзасе, погибло восемнадцать тысяч крестьян (17 мая). В Тироле и Зальцбурге восстание продолжалось дольше и было прекращено с помощью третейского суда.

Количество жертв войны превысило сто тысяч⁵⁸³. Выжившие бунтовщики были обезглавлены или искалечены. Их вдовы и сироты остались нищими. Более

⁵⁸⁰ *Kurzum, eitel Teufelswerk treiben sie, und insonderheit ists der Erzteufel, der zu Mühlhausen regiert [Münzer], und nichts denn Raub, Mord, Blutvergiessen anricht, wie denn Christus von ihm sagt, Joh. 8:44, dass er sei ein Mörder von Anbeginn.* Erl. ed., XXIV. 288.

⁵⁸¹ *Darum, lieben Herren, löset hie, rettet hie, erbarmet euch der armen Leute* [т. е. не крестьяне, а бедные люди, ими обманутые]; *steche, schlage, wüрге hie wer da kann. Bleibst du darüber todt: wohl dir, seliglicheren Tod kannst du nimmermehr überkommen. Denn du stirbst im Gehorsam göttlichs Worts und Befehls, Rom. 13:1... So bitte ich nun, fliche von den Bauern wer da kann, als vom Teufel selbst* (*Ibid.*, xxiv. 294). В своем пояснительном трактате (р. 307) он повторяет эти слова в более категоричной форме: *Der halsstarrigen, verstockten, verblendeten Bauern erbarme sich nur niemand, sondern haue, steche, wüрге, schlage drein, als unter die tollen Hunde, wer da kann und wie er kann. Und das alles, auf dass man sich derjenigen erbarme, die durch solche Bauern verderbt, verjagt und verführt werden, dass man Fried und Sicherheit erhalte.*

⁵⁸² *Ibid.*, 298, 303, 307. См. предыдущее примечание.

⁵⁸³ Епископ Георг из Шпейера писал, что количество жертв составило сто пятьдесят тысяч. Причем сюда не включены те, кто был взят в плен, обезглавлен, повешен или искалечен. Палач из района Вюрцбурга хвалился, что казнил мечом триста пятьдесят человек за один месяц. Маркграф Георг Бранденбургский вынужден был напоминать своему брату Казимиру, что, если он не пощадит кого-то из крестьян, у них не будет средств к существованию (Janssen, II. 563).

тысячи замков и монастырей лежали в руинах, сотни селений были сожжены дотла, скот был убит, сельскохозяйственные орудия уничтожены, целые области превратились в пустыню. «Никогда, — говорил Лютер в конце войны, — Германия не выглядела так печально, как сейчас»⁵⁸⁴.

Крестьянская война закончилась неудачей, а победа князей обратилась в бесславную месть. Реакция сделала положение крестьян еще хуже, чем прежде. Лишь немногие из господ оказались милостивыми и проявили снисхождение. Большинство последовало девизу Ровоама: «Отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (3 Цар. 12:14). Проблемы остались нерешенными, перспектива их исправления отодвинулась на неопределенный срок.

Делу Реформации был нанесен непоправимый ущерб, и католики, даже Эразм, упрекали ее во всех ужасах бунта. Раскол среди народа усугубился. Потерпевшее провал крестьянство католических областей было вынуждено вернуться в лоно древней церкви. Мирные граждане утратили интерес к политике и общественным реформам, а к любым попыткам провести их относились с подозрением. Лютер раз и навсегда решил, что он против революции и за пассивное подчинение гражданским правителям, которые с радостью приняли его позицию. Он вновь и вновь ссылался на Рим. 13:1, как папы ссылались на Мф. 16:18, будто в этих стихах заключалось все учение Писания о послушании властям. Меланхтон и Буцер полностью соглашались с Лютером в этом вопросе. Лютеранская церковь с тех пор была строго консервативна в политике и равнодушна к развитию гражданских свобод. Только в XIX веке в Германии и России было упразднено крепостное право, а в Америке рабовладение.

Подавление крестьянского восстания положило конец деструктивным тенденциям Реформации и стало началом созидания новой церкви на руинах старой.

---

⁵⁸⁴ Письмо от 16 августа 1525 г. к Брисману (De Wette, III. 22): *Rusticorum res quievit ubique, caesis ad centum millia, tot orphanis factis, reliquis vero in vita sic spoliatis, ut Germania facies miserior nunquam fuerit. Ita saeviunt victores, ut impleant suas iniquitates.*

ГЛАВА V

**ВНУТРЕННЕЕ РАЗВИТИЕ
РЕФОРМАЦИИ
ОТ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ
ДО АУГСБУРГСКОГО РЕЙХСТАГА.
1525 — 1530**

§76. Три курфюрста

G. SPALATIN: *Friedrich d. Weise, Lebensgeschichte*, ed. Neudecker and Preller, Jena, 1851. TUTZSCHMANN: *Fr. d. W.*, Grimma, 1848. RANKE, vol. II. KOLDE: *Friedrich der Weise und die Anfänge der Reformation*, Erlangen, 1881. KÖSTLIN в *Studien u. Kritiken*, 1882, p. 700, (vers. Kolde). См. также §26 и 61.

Незадолго до завершения Крестьянской войны Фридрих III по прозвищу Мудрый, курфюрст Саксонии, умер так же мирно, как жил, на шестьдесят третьем году жизни (1486 — 5 мая 1525 г.). Его последние часы в замке Лохау составляют разительный контраст с разворачивавшимися неподалеку неистовыми и кровавыми сценами. Он надеялся, что простолюдины не победят, но признавал, что они имеют право протестовать против жестокого обращения. «Дорогие дети, — сказал он своим слугам, — если я обидел кого-то из вас, я прошу прощения во имя Бога; мы, князья, часто поступаем плохо по отношению к бедному народу». Незадолго до смерти он принял причастие под обоими видами. Это был единственный явно протестантский поступок в его жизни. Его тело было перевезено в Виттенберг и похоронено в церкви замка, где Лютер прибил свои девяносто пять тезисов. Меланхтон произнес проповедь на латыни, Лютер написал письма с соболезнованиями брату и племяннику покойного, которые стали наследниками, и хвалил мудрость Фридриха, его доброту к подданным, любовь к справедливости и ненависть ко лжи. Алеандер, папский легат в Вормсе, называл Фридриха «старым саксонским лисом», но в истории за Фридрихом закрепилось прозвище Мудрый. Он заботился о Германской империи после смерти Максимилиана, скромно отказался от императорской короны, выступил за избрание короля Карла Испанского и единственный из курфюрстов не торговал своим правом голоса.

Фридрих был преданным католиком, верил в реликвии и индульгенции, но в то же время любил справедливость, был почитателем Лютера и весьма заботился о своем университете. Он спас немецкую Реформацию, спасши реформатора, но не порвал открыто с Католической церковью. Он никогда не встречался с Лютером, только видел его издали на Вормском рейхстаге, и общался с ним в основ-

ном через своего капеллана и секретаря Шпалатина. Его осторожность была лучшей политикой на тот момент.

Наследником Фридриха стал его брат Иоганн Твердый (1525 — 1532). Он был менее осторожен и пользовался меньшим влиянием в политике, но был более решительным сторонником Реформации. Он был слишком тучен и взбирался на лошадь с помощью специального подъемника. Иногда он засыпал во время проповедей Лютера, но поддерживал его, не опасаясь за последствия. Его девизом были слова: «Слово Божье пребудет вовек». Они были вышиты на его гербах и ливреях⁵⁸⁵. Он первым подписал бессмертный протест в Шпейере в 1529 г. и Аугсбургское вероисповедание в 1530 г.

Его сын и наследник Иоганн Фридрих Великодушный (1532 — 1554) пережил Лютера. Он основал университет в Йене, потерпел ужасное поражение в Мюльберге (24 апреля 1547 г.), но был готов утратить курфюршество и половину владений, лишь бы не отказываться от евангельской веры, в которой был воспитан. В делах он коренным образом отличался от курфюрста Августа Сильного Саксонского, продавшего лютеранскую веру своих предков за корону Польши (1697) и оскорбившего представителей обеих вер своей распущенной жизнью.

Лютер оставил характерные замечания о каждом из трех правителей. О Фридрихе, которого он видел только на расстоянии, Лютер сказал: «Он был мудрым, умным, способным и хорошим человеком, он ненавидел показуху и лицемерие. Он никогда не был женат⁵⁸⁶. Его жизнь была чиста и скромна. Его девиз *Tantum quantum possim* свидетельствовал о его здравомыслии... Он был хорошим распорядителем и экономом. Он терпеливо слушал своих советчиков, прикрыв глаза, и обращал внимание на каждое из мнений. Потом он делал свои выводы. Такой князь — благословение Божье». Об Иоганне Твердом он сказал: «Ему прислуживали шесть пажей. Они читали ему Библию по шесть часов каждый день. Он часто спал, но при пробуждении всегда вспоминал какой-нибудь благочестивый стих. Во время проповеди он делал заметки в записной книжке. Он хорошо управлял церковными и светскими делами. Император отзывался о нем только хорошо. Он был крепкого сложения и умирал тяжело. Ревел, как лев». Иоганна Фридриха он назвал «слишком снисходительным при всей его ненависти к нечестивому и распущенному поведению. Вы никогда не услышите от него богохульного или постыдного слова. Он целомудренный муж и любит свою жену — что редкая добродетель среди королей и князей. У него один недостаток: он слишком много ест и пьет, но при этом он усердно трудится, и даже если пьет, всегда читает Библию или какую-нибудь хорошую книгу перед сном»⁵⁸⁷.

Эти три саксонских курфюрста — образец князей лютеранской Реформации, которая многим обязана их защите. Филипп Гессенский был более умным, блестящим, либеральным и дерзким, чем любой из них, но двоеженство мешало ему оказывать такое же влияние. Он более склонялся на сторону кальвинистов и поддерживал хорошие отношения с Цвингли. Самым благочестивым из князей Германии XVI века был Фридрих III по прозвищу Благочестивый, курфюрст Пфальца (1559 — 1576), который утвердил Гейдельбергский катехизис.

Протестантские правители были верховными епископами в своих владениях. Они не проповедовали, не отправляли таинства, но выполняли епископские

⁵⁸⁵ «V. D. M. I. Æ.» = *Verbum Dei manet in aeternum*.

⁵⁸⁶ Хотя оставил после себя двух внебрачных сыновей.

⁵⁸⁷ Выдержки из *Tischreden*, Erl. ed., vol. LXI, 379, 380, 385, 387, 389, 393, 394.

функции в руководстве церковью и пользовались правом проводить реформы церкви (*ius reformationis*) в своих владениях, где они провозглашали первенство определенной конфессии в качестве государственной религии и исключали остальные или же относились к ним с терпимостью. На это право они претендовали на основании решения Шпейерского рейхстага 1526 г., которое было подтверждено Аугсбургским мирным договором 1555 г. и Вестфальским мирным договором 1648 г. Реформаторы считали этот светский «епископат» временным явлением, к которому они были вынуждены прибегнуть из-за враждебного отношения со стороны епископов, верных папе. Они оправдывали его примером Иосии и других благочестивых царей Израиля, которые уничтожали идолопоклонство и восстанавливали чистоту поклонения Яхве. Они принимали защиту и поддержку князей, жертвуя свободой и независимостью церкви, которая стала смиренной служанкой государства. Меланхтон жаловался на это. Из-за жадности князей и запущенности делопроизводства он желал возвращения прежних епископов и даже был готов подчиниться власти папы, если тот позволит свободно благовествовать. В Скандинавии и Англии епископальная иерархия сохранилась или была заменена новой, а церковь обладала большей властью и влиянием на правительство.

§77. Брак Лютера. 1525

- I. ЛЮТЕР, послания от мая и июня 1525 г. о его браке, в сборнике De Wette, в конце второго и начале третьего томов. Его взгляды на обязанности супругов изложены в нескольких проповедях, например, в *Predigt vom Ehestand*, 1525 (Erl. ed., xvi, 165 sqq.), и в его комментарии на 1 Кор. 7 (Wittenberg, 1523), а также на латыни (1525; Erl. ed., xix, 1-69). Ему не хотелось, чтобы эта глава использовалась как *Schanddeckel der falsch-berühten Keuschheit*. Его мнение о Катарине см. в Walch, XXIV. 150. О браке и женщинах — в Bindseil, *Colloquia*, II. 332-336. Послание от Юста Ионаса к Шпалатину (14 июня 1525 г.), и от Меланхтона к Камерарию (16 июня).
- II. Биографии Катаринины фон Бора: WALCH (1752), BESTE (1843), HOFMANN (1845), MEURER (1854). UHLHORN: *K. v. B.*, в *Herzog*², vol. II. 564-567. KÖSTLIN: *Leben Luthers*, I. 766-772; II. 488 sqq., 605 sqq.; его краткая биография, Am. ed. (Scribner's), pp. 325-335, и 535 sqq. BEYSCHLAG: *Luther's Hausstand in seiner reform. Bedeutung*. Barmen, 1888.
- III. BURK: *Spiegel edler Pfarrfrauen*. Stuttgart, 3^d ed. 1885. W. BAUR (главный управляющий прусской Рейнской провинции): *Das deutsche evangelische Pfarrhaus, seine Gründung, seine Entfaltung und sein Bestand*. Bremen, 1877, 3^d ed. 1884.

Посреди волнений и ужасов Крестьянской войны, посреди опасностей, грозивших лично ему, и посреди ожидания близкого конца света Лютер удивил своих друзей и возбудил своих врагов, неожиданно обвенчавшись с бедной беглой монахиней. Он писал своему другу Линку: «Внезапно, когда я был занят совсем другими мыслями, Господь побудил меня вступить в брак».

Это произошло весьма характерным образом, свойственным не святому и не грешнику, но именно Лютеру. Женившись, он намеревался доставить удовольствие отцу, подразнить папу и победить дьявола. Но более глубоко залегал и более серьезный, благородный мотив — желание освободить древнюю Божию заповедь от римской тирании и своим собственным примером оправдать супружеское право других служителей. Если смотреть на произошедшее с такой стороны, то брак Лютера — общественное событие с далеко идущими последствиями. На этом прецеденте основана семейная жизнь всех евангельских служителей.

Лютер уже давно был убежден, что обет безбрачия не соответствует Писанию и противоестественен. Он считал, что Бог сотворил человека для семейной жизни.

ни, а те, кто против нее, должны либо стыдиться того, что они люди, либо считать себя мудрее Бога. Он не возражал против брака Карлштадта, Юста Ионаса, Бугенгагена и других священников и монахов. Теперь ему было больше сорока лет. Прошло восемь лет с тех пор, как он начал спор с Римом, написав девяносто пять тезисов. Хотя он был страстным человеком, он строго соблюдал свои обеты монаха и священника. Враги обвиняли его в том, что он пьет пиво, играет на лютне, ведет мирской образ жизни, но никогда не ставили под сомнение его целомудрие, пока он не вступил в брак. Еще 30 ноября 1524 г. он писал Шпалатину: «Как мне сейчас кажется, я никогда не женюсь. Не могу сказать, чтобы я был бесчувственным в плотском или половом отношении (ибо я не из дерева и не из камня), но разум мой противится браку, так как я ежедневно ожидаю, что буду казнен как еретик»⁵⁸⁸. Но 10 апреля 1525 г. он писал тому же другу: «Почему ты не женишься? Я нахожу столько причин, по которым другим следовало бы жениться, что скоро сам склонюсь к такому решению, хотя враги мои никогда не перестанут осуждать брак, а наши маленькие мудрецы (*sapientuli*) — высмеивать его ежедневно»⁵⁸⁹. Он устал от затворничества. Монастырь был почти пуст, его ресурсы истощились. Постель Лютера, как сообщает нам Меланхтон, не убиралась месяцами и пропахла потом. Он питался очень просто, работал до изнеможения. Он чувствовал, что ему нужен помощник.

В апреле 1523 г. девять монахинь из монастыря Нимпч возле Гриммы бежали в Виттенберг и обратились к Лютеру с просьбой о защите и помощи. Среди них была Катарина фон Бора⁵⁹⁰, девушка благородного происхождения, но бедная, на пятнадцать лет моложе Лютера⁵⁹¹, не отличавшаяся ни красотой, ни образованностью, но здоровая, сильная, искренняя, умная, великодушная. Глядя на портреты доктора Лютера и его супруги, сделанные в их медовый месяц, мы должны помнить, что они были написаны Кранахом, а не Рафаэлем или Тицианом⁵⁹².

Катарина была привязана к бывшему студенту Виттенберга родом из Нюрнберга и чуть ли не помолвлена с ним, но он, к ее величайшему горю, передумал и женился на богатой (1523). После этого Лютер попытался устроить ее брак с доктором Глацем из Орламюнде (который позже был смещен), но она отказалась и намекнула Амсдорфу, что была бы не прочь выйти за него или за самого реформатора. Амсдорф остался холостым. Лютер сначала боялся ее гордости, но потом поменял отношение. 4 мая 1525 г. он писал доктору Рюгелю (советнику графа Альбрехта из Мансфельда и кардинала Альбрехта из Майнца), что собирается «взять Кати в жены, пока он жив, назло дьяволу»⁵⁹³. Он ни о чем не рассказывал друзьям, считая неразумным много распространяться о столь деликатном вопросе. «Человек, — говорил он, — должен спрашивать совета у Бога, молиться и поступать соответственно».

⁵⁸⁸ De Wette, II. 570.

⁵⁸⁹ *Ibid.*, II. 643.

⁵⁹⁰ Ее имя также пишут как Боре или Борен.

⁵⁹¹ Она родилась 29 января 1499 г. и жила в монастыре с 1509 г.

⁵⁹² Эразм в письме от 1525 г. с чужих слов называет Катарину поразительной красавицей: *Lutherus duxit uxorem, puellam mire venustam, ex clara familia Bornae, sed ut narrat indotatam, quae ante annos complures vestalis esse desiderat*. Мишле (*Life of Luther*, ch. V), вероятно, был сбит с толку этим письмом, так как называет ее «девушкой чрезвычайной красоты».

⁵⁹³ De Wette, II. 655. 2 июня 1525 г. в открытом письме он советовал кардиналу-архиепископу и курфюрсту Альбрехту Майнцскому жениться и секуляризовать архиепископство (*Ibid.*, p. 673).

ЛЮТЕР.
С портрета Кранаха, 1525. Виттенберг.

КАТАРИНА ФОН БОРА.
С портрета Кранаха, ок. 1525. Берлин.

Вечером 13 июня, во вторник после воскресенья Троицы, он пригласил Бугенгагена, Юста Ионаса, Лукаса Кранаха с женой и профессора юриспруденции Апеля (бывшего декана собора в Бамберге, который сам женился на монахине) к себе домой и в их присутствии сочетался браком с Катариной фон Бора во имя Святой Троицы. Бугенгаген провел церемонию, как было принято. На следующее утро Лютер принимал своих друзей за завтраком. Юст Ионас сообщил о бракосочетании Шпалатину через специального гонца. Он был растроган до слез и видел в этом событии чудесную руку Божью⁵⁹⁴.

27 июня Лютер отпраздновал свадьбу более широко, однако скромно, устроив пир и пригласив своего отца, мать и менее близких друзей, чтобы «скрепить и подтвердить» союз и «произнести благословения»⁵⁹⁵. Он с особым удовлетворением упоминал, что теперь выполнил свои обязательства перед отцом, который хотел, чтобы он женился. Университет подарил ему дорогой серебряный сосуд (сейчас им владеет университет Грейфсвальда) с надписью: «Почтенный университет курфюршеского города Виттенберга преподносит сей свадебный дар доктору Мартину Лютеру и его жене Кете фон Бора». Городской совет прислал пару бочонков эймбекского пива, немного хорошего вина и двадцать серебряных гульденов. Весьма примечательно, что архиепископ Альбрехт послал Катарине через Рюгеля приданое в двадцать золотых гульденов. Лютер отказался взять эти деньги, но позволил Катарине оставить их себе⁵⁹⁶. Сохранилось несколько обручальных колец, подлинность которых сомнительна, особенно того, на котором изображен распятый Спаситель и написано: «D. Martino Luthero Catharina v. Boren, 13 Jun. 1525». В 1817 г. было изготовлено несколько копий этого кольца. Лютер и его супруга жили в старом августинском монастыре, который теперь пустовал. Он продолжал свои исследова-

⁵⁹⁴ *Lutherus noster duxit Catharinam de Bora. Heri adfui rei et vidi sponsum in thalamo jacentem.* [Недостойный немецкий обычай того времени; см. Köstlin, II. 767.] *Non potui me continere, adstans huic spectaculo, quin illachrymarem, nescio quo affectu animum percellente — mirabilis Deus in consiliis et operibus suis.*

⁵⁹⁵ См. его приглашительные письма в De Wette, III. 1, 2, 9, 10, 11, 12, 13.

⁵⁹⁶ *Ibid.*, III. 103, 104. *Tischreden*, IV. 308. Köstlin, I. 772.

ния и в конце того же года выпустил яростную книгу против Эразма, который удивлялся, что семейная жизнь не смягчила нрав Лютера.

В связи с этим событием Лютера много ругали и ходило много сплетен. Его враги говорили, что он и раньше нарушал обет целомудрия, и предсказывали, что вскоре, согласно популярному преданию, бывший монах и бывшая монахиня произведут на свет антихриста. Эразм выступал против этой хулы и замечал, что, если бы это предание было правдой, на свете уже давно родилось бы много тысяч антихристов⁵⁹⁷. Меланхтон (который был приглашен на пир 27 июня, но не на церемонию 13-го), в написанном по-гречески послании к другу Камерарию (16 июня) выражал опасение, что Лютер, хотя брак ему и на благо, поступил легкомысленно и проявил слабость, которая помешает ему оказывать влияние на Германию именно тогда, когда страна наиболее в нем нуждается⁵⁹⁸.

Самому Лютеру сначала было неуютно и беспокойно в его новой роли, но скоро он привык к ней. Он писал Шпалатину 16 июня: «Я воистину стал таким низменным и презренным, что все ангелы будут смеяться, а все бесы заплачут»⁵⁹⁹. Год спустя (11 августа 1526 г.) он писал Штифелю: «Катарина, дорогое мое ребро, посылает тебе привет и благодарит за письмо. Она, благодарение Богу, кротка, послушна, покорна во всем превыше моих ожиданий. Я не обменял бы своей нищеты на все богатство Креза»⁶⁰⁰. Он часто проповедовал о трудностях и обязательствах супругов искренне и эффективно — на основании личного опыта, с благочестивой благодарностью за те святые отношения, которые Бог учредил в раю и которые Христос почтил Своим первым чудом. Он называет брак Божьим даром, а семейную жизнь — сладчайшей и самой целомудренной, превосходящей всякое безбрачие, потому что иначе она была бы настоящим адом.

§78. Семейная жизнь Лютера

Лютер и Катарина подходили друг другу. Они счастливо прожили вместе двадцать один год, деля повседневные трудности и радости. Их семейная жизнь была весьма показательной, полной добродушия, невинного юмора, сердечной привязанности, грубоватой простоты и отличалась явно немецким характером. Она не похожа на жизнь современной христианской семьи, а некоторые из высказываний Лютера об отношениях между полами могут показаться грубыми, но нам следует помнить о грубости того века и о крестьянском происхождении реформатора. Мы ни в чем не можем упрекнуть его: дома он был кроток как агнец и подобен ребенку среди других детей.

«После Слова Божьего, — говорил Лютер на основании личного опыта, — нет более драгоценного сокровища, чем святой брак. Высочайший Божий дар на

⁵⁹⁷ В письме к Франциску Сильвию (1526): *De conjugio Lutheri certum est, de partu maturo sponsae vanus erat rumor, nunc tamen gravida esse dicitur. Si vera est vulgi fabula Antichristum nasciturum ex monacho et monacha quemadmodum isti jactitant, quot Antichristorum millia jam olim habet mundus? At ego sperabam fore, ut Lutherum uxor redderet magis cicurem. Verum ille praeter omnem expectationem emisit librum in me summa quidem cura elaboratum, sed adeo virulentum, ut hactenus in neminem scripserit hostilius.*

⁵⁹⁸ Это письмо было опубликовано в оригинале, на греческом, В. Мейером в отчетах Мюнхенской академии наук 4 ноября 1876 г. (pp. 601-604). В *Corp. Reform.*, I. 753., его текст изменен. Меланхтон называет Лютера весьма беспечным человеком (*ἀνὴρ ὡς μάλιστα εὐχερής*), но выражает надежду, что он станет серьезнее (*σεμιώτερος*).

⁵⁹⁹ De Wette, III. 3.

⁶⁰⁰ *Ibid.*, III. 125.

земле — это благочестивая, радостная, богобоязненная, заботящаяся о доме жене, с которой можно жить мирно, которой можно доверить свое имущество, тело и жизнь».

Лютер нежно любил жену и шутливо называл ее в своих письмах «моя сердечная возлюбленная, милая хозяйюшка, руками и ногами несущая служение любви, Катарина, госпожа Лютер, госпожа докторша, госпожа Цульсдорфа⁶⁰¹, госпожа свиного рынка⁶⁰², и проч.». Она была доброй немецкой *Hausfrau*, заботившейся о нуждах своего мужа и детей. Она утешала его в болезни и здравии, помогала принимать гостей. Она была волевой женщиной и умела настоять на своем. Иногда Лютер называет ее «госпожой Кати», а себя — ее «покорным слугой». «Кати, — говорил он ей, — у тебя есть благочестивый муж, который любит тебя; ты — императрица». Однажды в 1535 г. он пообещал ей пятьдесят гульденов, если она прочтет всю Библию, и впоследствии, как он говорил другу, «она стала очень серьезно относиться к этому занятию». Она не могла понять, почему Бог велел Аврааму совершить такую жестокость, как убийство собственного ребенка, но Лютер объяснил ей, что Бог Сам принес в жертву Своего единственного Сына, и напомнил о воскресении мертвых. Кати и Меланхтону адресованы его последние письма (пять ей, три Меланхтону) из Эйслебена, незадолго до смерти. Он сообщает ей о своем путешествии, питании и условиях жизни, жалуется на полсотни иудеев, находящихся под защитой вдовствующей графини Мансфельда, передает привет магистру Филиппу (Меланхтону) и успокаивает ее опасения по поводу своего состояния здоровья.

Прочти, пожалуйста, дорогая Кати, Евангелие от Иоанна и малый катехизис...

Ты беспокоишься о своем Боге, как будто Он не Всемогущий и не способен сотворить десять докторов Мартинов Лютеров вместо одного, который может утонуть в Заале, упасть замертво у камина или на птичьем дворе Вольфа. Оставь меня в покое со своими заботами. У меня есть Защитник, Который лучше тебя и всех ангелов. Он, мой Защитник, лежит в яслях и на груди у Девы, но Он же восседает одесную Бога, Отца Всемогущего. Поэтому не беспокойся. Аминь⁶⁰³.

В своем завещании (1542), написанном через семнадцать лет после заключения брака, Лютер называет Катарину «благочестивой, верной и преданной женой, полной любви и нежной заботы о нем». Но иногда его угнетали домашние проблемы, и однажды он сказал, что не женился бы во второй раз даже на королеве. Впрочем такое настроение быстро проходило. «О как прекрасно течет время, когда муж и жена мирно сидят за столом! Хотя иногда у них случаются перебранки, они не должны помнить об этом. Справляйтесь с такими трудностями». «Мы должны быть терпеливы к женщине, даже если иногда она резка и рассержена. Она руководит домашним хозяйством, а слуги иногда стоят того, чтобы их поругали». Больше всего он чтит женщину как мать. «Все мужчины, — говорил он, — зачаты, рождены и вскормлены женщинами. Женщины производят на свет драгоценных малышей, дорогих наследников. Этой чести вполне достаточно, чтобы искупить все женские слабости».

У Лютера было шесть детей: три дочери, две из которых умерли молодыми, и три сына, Ганс (Иоанн), Мартин и Павел. Ни один из них не унаследовал его гения. Павел стал достаточно известен как врач курфюрста и умер в Дрездене (1593). Сыновья сопровождали отца во время его последнего путешествия в Эйс-

⁶⁰¹ По названию его небольшой фермы.

⁶⁰² *Saumärkterin*. Они жили рядом со свиным рынком.

⁶⁰³ 7 февраля 1546 г., в De Wette, V. 787.

лебен⁶⁰⁴. Тетка его жены, Магдалина фон Бора, которая была монахиней и старшей сестрой в том же монастыре, жила с его семьей, его дети относились к ней как к бабушке. В доме, расположенном на территории бывшего монастыря на берегах Эльбы, жили также две племянницы-сироты, секретарь и несколько студентов-квартирантов. Гостиную, спальню Лютера и лекционный зал до сих пор показывают в Lutherhaus.

День начинался с индивидуальной молитвы, усердной и пылкой, после чего Лютер читал своей семье десять заповедей, апостольский символ веры, молитву Господню и один из псалмов. Он ложился спать в девять вечера, но рано вставал и много работал в течение дня. О его личных молитвах рассказывает один из его соратников, Вейт Дитрих, который писал Меланхтону в период Аугсбургского рейхстага (1530), когда Лютер был в Кобурге, ощущая всю серьезность того великого кризиса:

Не проходит ни дня без того, чтобы он не уделял три часа молитве. Он также много занимается. Однажды я слышал, как он молится. Благой Боже! Какой великий дух, какая великая вера слышались в его словах! С каким почтением он просил, говоря с Богом, с какой надеждой и верой обращался к Нему как к Отцу и Другу! «Я знаю, — говорил он, — что Ты — наш Отец и Бог. Поэтому я уверен, что Ты уничтожишь гонителей Своих детей. Если Ты не делаешь этого, то наша опасность — это и Твоя опасность. Ты творишь Свои дела, а мы участвуем в них по неизбежности, поэтому защити нас»... Я стоял поодаль и слышал, как он, ясным голосом, молился примерно в таких выражениях. Разум мой воспылал необыкновенно, когда он говорил с Богом столь по-дружески, столь весело, столь почтительно.

Лютер отмечал праздники, особенно Рождество, с детской радостью. Одна из наиболее знакомых сцен, иллюстрирующих жизнь христианской семьи в Германии, — Лютер со своими детьми у рождественского дерева, поющий рождественский гимн собственного сочинения⁶⁰⁵.

Многое о его чувствах рассказывает очаровательное письмо, которое он написал старшему сыну, четырехлетнему Гансу, из Кобурга в период заседаний Аугсбургского рейхстага в памятный 1530 год⁶⁰⁶:

Благодать и мир во Христе, мой дорогой мальчик. Я рад узнать, что ты хорошо учишься и усердно молишься. Продолжай в том же духе, мой дорогой мальчик, и, когда я приеду домой, я привезу тебе прекрасный подарок. Я знаю чудесный сад, восхитительный сад, где радостные дети в золотых одеждах собирают дивные яблоки и груши, черешни и сливы, поют, прыгают под деревьями, и они счастливы. Они катаются на маленьких лошадаках с золотыми уздечками и серебряными седлами. Я спросил у хозяина сада, кто эти дети. Он ответил: «Это дети, которым нравится молиться и учиться и которые хорошо себя ведут». Тогда я сказал ему: «Добрый человек, у меня тоже есть сын, которого зовут Ганс Лютер. Может ли он прийти в твой сад отведать эти вкусные яблоки и груши, покататься на чудесных маленьких лошадаках и поиграть с этими детьми?» Человек сказал: «Если он любит молиться и учиться, если он благочестив, то он может прийти в этот сад, и Липп⁶⁰⁷, и Иост⁶⁰⁸ тоже могут приходить. Если они придут все вместе, я дам им трубы, и барабаны, и лютни, и скрипки, и они будут танцевать и стрелять из маленьких луков».

⁶⁰⁴ Nobbe, *Stammbaum der Familie des Dr. M. Luther*, Grimma, 1846.

⁶⁰⁵ Рождественский гимн *Vom Himmel hoch da komm ich her* был написан Лютером для детей в 1535 г. Он сократил его в 1543 г.: *Vom Himmel kam der Engel Schaar*.

⁶⁰⁶ De Wette, IV. 41 sq. См. также *Luther's Brief an sein Söhnlein Hänsigen*, с гравюрами и оригинальными рисунками Людвиг Рихтера, Лейпциг, 1883. Фроуде называет это письмо «самым милым из всех, что когда-либо отец писал ребенку» (*Luther*, p. 53).

⁶⁰⁷ Филипп, сын Меланхтона.

⁶⁰⁸ Иодок, сын Юста Ионаса.

Потом он показал мне ровную лужайку в саду, приготовленную для танцев, и там были золотые трубы, барабаны и луки. Но было еще рано, дети еще не обедали, поэтому я не мог ждать, когда начнутся танцы. Так что я сказал: «Дорогой господин, я пойду домой и напишу обо всем этом моему маленькому сыну, но у него есть тетя Лене⁶⁰⁹, которую он должен взять с собой». И этот человек ответил: «Конечно, иди и напиши письмо».

Так что, дорогой малыш Ганс, учись и молись прилежно и скажи Липпу и Иосту, чтобы они поступали так же. Тогда вы все окажетесь вместе в этом саду. А сейчас я вверяю тебя в руки Всемогущего Бога. Передай тете Лене, что я люблю ее, и поцелуй ее за меня. Год 1530-й.

Твой любящий отец,
МАРТИН ЛЮТЕР

Лютер был глубоко опечален, когда умерла его любимая дочь Лена (Магдалина) — благочестивая, кроткая и нежная девочка четырнадцати лет с большими вдохновенными глазами, подававшая надежды⁶¹⁰. «Я очень люблю ее, — молился он, — но, дорогой Боже, если есть Твоя святая воля на то, чтобы забрать ее отсюда, я с радостью оставляю ее с Тобой». Ей он сказал: «Лена, дорогая, доченька моя, ты хочешь остаться здесь со своим отцом, но готова ли ты пойти к другому своему Отцу?» — «Да, дорогой отец, — отвечала она, — если на то воля Божья». Когда она умирала, он стоял на коленях возле ее постели, плакал и молился о ее искуплении. Когда она лежала в гробу, он воскликнул: «Ах, дорогая Лена, ты воскреснешь и будешь сиять, как звезда, — нет, как солнце. Я счастлив духом, но скорблю плотью». Он писал своему другу Юсту Ионасу: «Ты слышал, что мое дражайшее дитя родилось свыше в вечном царстве Божьем. Мы должны радоваться ее уходу, ибо она взята из этого мира, от плоти и дьявола, но природная любовь сильна, поэтому мы не можем не тосковать в сердце, не переживать из-за ее смерти». На могиле он велел написать следующие строки:

*Здесь покоюсь я, Лена, дочь Лютера,
Сплю на своем маленьком ложе со всеми блаженными.
Я была рождена в грехе и преступлении;
Я погибла бы навеки,
Но я жива, и все хорошо:
Ты, Христос, спас меня Своей кровью.*

Лютер был прост, вел упорядоченный и сдержанный образ жизни. Все, что противоречит этому, — хула его врагов. Ему часто приписывают знаменитые слова: «Тот, кто не любит жену, вино и песню, проводит дураком всю жизнь»⁶¹¹, — но их нет в его произведениях, как нет их и в сочинениях его современников. Похоже, они были придуманы в прошлом веке на основании какого-то средневекового высказывания⁶¹². Он пил пиво⁶¹³ и вино, как было принято в тот век в его стране, но ненави-

⁶⁰⁹ Тетя жены Лютера, Магдалина.

⁶¹⁰ Erl. ed., vol. LXV, 237, на латыни и немецком. Лена умерла 20 сентября 1542 г. См. ее портрет работы Кранаха в краткой биографии Кестлина (p. 545).

⁶¹¹ *Wer nicht liebt Weib, Wein und Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Leben lang.*

⁶¹² Впервые в нынешней форме эти слова встречаются в *Wandsbecker Bote*, 1775, no. 75, p. 300, потом — в 1777 г. в *Musen Almanach* И. Х. Восса (поэта, переводчика Гомера), который, возможно, был их автором и приписал их Лютеру. Гердер приводит их в своем *Volklied*, 1778, I. 12. Зайдеман (в Schnorr, «Archiv», vol. VIII, 1879, p. 440) доказал, что эти слова в своей основе явно долютеровские. Он цитирует в чем-то аналогичное высказывание из «Застольных речей» Лютера, ser. IV, в котором, однако, немцев упрекают в пьянстве: *Wie wollt ihr jetzt anders einen Deutschen vorthun denn EBRIETATE, praesertim talem qui non diligit MUSICAM et MULIERES?* См. Köstlin, II. 678 sq. Другое похожее высказывание было найдено Л. Шульце в *Reformatorium viae clericorum*, 1494: *Absque Venere et mero rite laetabitur nemo.*

дел невоздержанность и справедливо жаловался на немецкого «беса пьянства» (*Saufteufel*)⁶¹⁴. Меланхтон, который сопровождал его каждодневно, часто удивлялся (он писал об этом после смерти Лютера), как человек такого мощного телосложения мог жить, столь скудно питаясь. Иногда он видел, как Лютер постился по четыре дня, если был здоров, и нередко за целый день довольствовался сельдью и куском хлеба. Он предпочитал «чистую, добрую, простую и домашнюю пищу». Иногда он принимал в подарок дичь от курфюрста и делился ею с друзьями.

Он был мощного телосложения, но сильно страдал от камня, головной боли, приступов головокружения и обмороков, особенно в роковой 1527 год, когда был на краю могилы. Он обращался к врачам, хотя в те дни они были весьма равнодушны к состоянию больных, и называл их «Божьими штопальщиками» (*Flicker*) наших тел», но предпочитал простые средства и говорил: «Мое лучшее лекарство — слова Иоанна 3: “Так возлюбил Бог мир”». Он был слишком беден, чтобы иметь лошадь и карету, но у него было место для игры в кегли. Ему нравилось метать шар первым, и он от души смеялся, когда не попадал в цель. Потом он напоминал своим младшим друзьям, что, стараясь свалить все кегли одновременно, они рискуют не попасть ни по одной из них. Он предостерегал Меланхтона против переутомления во время занятий, делая ему напоминания, что мы должны служить Богу не только трудясь, но и отдыхая, ведь именно за этим Он и дал нам четвертую заповедь, учредив субботу.

Лютер был щедр и гостеприимен. За его столом всегда сидели гости. Он был чрезвычайно милостив к нищим, пока вымогательства не сделали его мудрее и осторожнее⁶¹⁵. К нему приходила бесконечная череда посетителей: богословов, студентов, князей, знатных лиц и дам, желавших увидеть великого человека, попросить у него совета и утешения. На всех производили благоприятное впечатление его искренность, мужественность и обаяние. Иногда он погружался в глубокие мысли и хранил за столом молчание, как монах, а иногда разговаривал, серьезно или шутя, но всегда интересно, обо всем на свете. Его гости называли эти речи «приправой к еде» и старательно записывали даже самые банальные замечания. Однажды он назначил награду за самое краткое благословение. Бунгенгаген предложил на нижненемецком:

*Dit und dat,
Trocken und nat
Gesegne Gott.*

Лютер усовершенствовал это на латыни:

*Dominus Jesus
Sit potus et esus.*

Но приз выиграл Меланхтон, сказавший:

Benedictus benedicat.

⁶¹³ Ему нравилось пиво из Эйμβека и Наумбурга. В одном из последних писем (7 февраля 1546 г.) к жене из Эйслебена, где графы Мансфельда принимали его по-королевски, есть такие строки: «Мы живем здесь очень хорошо, городской совет выдает мне к каждому обеду пинту рейнского вина, которое очень вкусное. Иногда я пью его со своими друзьями. Вино этой страны очень хорошо, и наумбургское пиво также весьма хорошо, хотя, как мне кажется, от его пены у меня в груди мокрота. Дьявол испортил пиво пеной, а вино осадком. Но здесь вино чистое, такое производит эта страна» (De Wette, V. 788).

⁶¹⁴ Он произнес несколько сильных проповедей против невоздержанности и хвалил итальянцев и турок за трезвость. См. *Colloquia*, ed. Bindseil, I. 195 sqq.

⁶¹⁵ Он писал Иустису Мению 24 августа 1535 г. (De Wette, IV. 624), что часто бывал обманут *per fictas Nonnas et generosas meretrices*.

Благодаря записям Вейта Дитриха, Лаутербаха и Матезия, которые издавались часто, хотя и не очень качественно, у нас есть самые замечательные из «застольных речей», когда-либо публиковавшихся⁶¹⁶. Многие высказывания Лютера весьма необычны. Лицам утонченным они могут показаться странными, грубыми или вульгарными, но они не предназначались для публикации. Здесь следует сделать скидку на человеческую слабость, грубость эпохи и недостаточную утонченность самого Лютера, и тогда мы согласимся с одним из его наиболее точных биографов: «Во всех словах и делах Лютер постоянно руководствовался самыми возвышенными принципами, самыми возвышенными соображениями о морали и религиозной истине, причем делал это просто и прямо, как ему было свойственно, без помпезности и нарочитости»⁶¹⁷.

После обедая он пел со своими друзьями и детьми церковные и светские песни, гимны на немецком и на латыни. Он любил поэзию, музыку, живопись и вообще изящные искусства. В этом отношении он был впереди тех реформаторов-пуритан, которые не обладали чувством прекрасного и изгоняли искусство из церкви. Музыка он ставил на следующее место после богословия. Он ценил ее как самое эффективное средство против меланхолии и дьявольских искушений. «Музыка, — говорил он, — улаживает, освежает и укрепляет сердце». Он играл на лютне, благозвучно пел и сочинял мелодии к своим гимнам, из которых особенно выделяется бессмертный *Ein feste Burg* — классическое отражение его героической веры в Бога и триумф Евангелия (см. §82). Он не утратил любви к Вергилию и Цицерону, которую обрел в Эрфурте, будучи студентом. Ему нравились легенды, сказки и поговорки. Он получил бы удовольствие от «Сказок матушки Гусыни» и от «Семейных сказок» братьев Гримм. Он перевел несколько басен Эзопа и написал предисловие к их изданию, которое вышло после его смерти.

Он наслаждался красотами природы, любил деревья и цветы, занимался садоводством, с изумлением следил за работой пчел, с удовольствием слушал пение птиц, чувствовал себя помолодевшим с возвращением весны и славил мудрость и благость Божьей природы. Глядя на розу, он сказал: «Если бы человек смог сотворить одну лишь розу, мы вверили бы ему империю, но Бог безвозмездно дает нам эти прекрасные дары, и мы воспринимаем их, как должное. Мы готовы восхищаться всем бесполезным, лишь бы только оно было редкостью. Драгоценнейшие из вещей мы не ценим, если они распространены». «Малые цветы свидетельствуют о мудрости и могуществе Бога. Художники не могут воспроизвести их цвет, а парфюмеры — аромат; зеленые и желтые, малиновые, синие и пурпурные, они растут из земли, а мы попираем ногами лилии, как будто мы — стадо коров». Он любил освежающий дождь. «Бог посылает дождь, — говорил он, — который дает нам сотни тысяч гюльденов, пшеницу, рис, ячмень, овес, вино, капусту, траву, молоко». О детях он сказал: «Они говорят и действуют от души. Они верят в Бога без споров и верят в иную жизнь, кроме этой. У них мало ума, но у них есть вера, и они мудрее таких старых дураков, как мы. Как же Аврааму было тяжело, когда Бог велел ему убить Исаака! Без сомнения, он скрыл это от

⁶¹⁶ См. изд. Walch, St. Louis, vol. XXII, намного улучшенное Hoppe, 1887.

⁶¹⁷ Köstlin, краткая биография, N. Y. ed., p. 554, Ger. ed., p. 592. Но в полном труде, vol. II, 519, он делает справедливое уточнение: *Derbe, plumpe, unserm Ohre anstössige Worte kommen in Luther's Reden wie in seinen Schriften, ja einigemal sogar in seinen Predigten vor. Seine Art war in der That keine feine; sie steht aber auch so noch bedeutend über dem Ton, der damals durchschnittlich in weltlichen und geistlichen Kreisen, bei Bürgern, hohen Herren und Kirchenfürsten herrschte, und jene ungünstigen Eindrücke müssen der edeln Kraft, dem Salz und Mark gegenüber, die seine Gespräche und Schriften durchdringen, auch für uns weit zurücktreten.*

Сарры. Если бы Бог отдал мне такой приказ, я бы с Ним поспорил. Но Бог отдал Своего единственного Сына на смерть ради нас».

Он разделял распространенные в его веке суеверия. Он верил в колдовство и в бессонные ночи часто лично встречался с дьяволом⁶¹⁸. Ему не хотелось принимать новую астрономическую систему Коперника, потому что «Иисус Навин остановил солнце, а не землю». Он считал кометы, которые называл «блуждающими звездами», знаками Божьего гнева или творением дьявола. Меланхтон и Цвингли придерживались такого же мнения о кометах. До недавнего времени практически все верили, что кометы, метеоры и затмения — знамения от гневного Бога, желающего устрашить грешный мир и призвать его к покаянию⁶¹⁹. С другой стороны, Лютер сомневался в точности астрологических подсчетов. «Мне не хватает терпения для этого», — сказал он Меланхтону, когда тот говорил с ним о гороскопе Цицерона. «Исав и Иаков родились от одного отца и матери в одно и то же время под одними и теми же планетами, но их природа была совершенно разной. Попробуй убедить меня в том, что астрология — настоящая наука! Я был монахом и расстраивал своего отца. Я ухватил католического папу за волосы, а он — меня; я женился на беглой монашке, и у нас родились дети. Кто видел это в звездах? Кто это предсказал? Астрономия хороша, астрология — это чушь. Пример Исава и Иакова опровергает ее».

Лютер мало заботился о домашнем хозяйстве, вверив его в руки жены, которая была разумной и экономной. Он называет себя небрежным, забывчивым и невежественным хозяином, но очень хвалит свою «госпожу Кати». Он довольствовался немногим и называл экономию лучшим капиталовложением. Все реформаторы были бедны и на удивление свободны от скупости. Они руководствовались более возвышенными соображениями и презирали мирскую тщету.

Доходы Лютера были очень малы даже по меркам того времени. Они составляют поразительный контраст с королевским великолепием и роскошью, в которой жили епископы и кардиналы. Его максимальный годовой доход профессора составлял триста гульденов. Сначала доход равнялся ста гульденам, а после вступления Лютера в брак курфюрст Иоганн удвоил его. Курфюрст Иоганн Фридрих добавил ему еще сотню. Гульден равняется примерно шестнадцати маркам или шиллингам (четыре доллара) в наше время. Он не получал ни платы от студентов, ни жалования проповедника от городской церкви, но ему регулярно подвозили хворост и зерно, а иногда курфюрст присылал ему хорошую одежду, вино, дичь или серебряный кубок, с приветствием. Друзья и почитатели дарили ему кольца, цепи и другие ценные предметы, стоимость которых на 1542 г. он оценил в тысячу гульденов. В последние годы жизни (начиная с 1541) он, наряду с Бугенгагеном, Меланхтоном и Юстом Ионасом, получал ежегодную почетную пенсию в пятьдесят гульденов от короля Дании, который желал выразить таким образом свою благодарность лютеранской Реформации, а еще ранее (1539) послал Лютеру особый дар в сто гульденов через Бугенгагена. От отца, который оставил тысячу двести пятьдесят гульденов, Лютер унаследовал двести пятьдесят гульденов. Издатели предлагали ему (как он сообщает в 1539 г.) по четыреста гульденов ежегодно за право свободно распоряжаться его рукописями, но он отказался «делать деньги на Божьем даре». Если бы ему платили авторские гонорары по

⁶¹⁸ См. выше, §61.

⁶¹⁹ См. любопытный трактат Andrew D. White, *A History of the Doctrine of Comets*, в «Papers of the American Historical Association», N. Y., 1887, vol. II, 16.

современным правилам, одного дохода от немецкого перевода Библии хватило бы на то, чтобы скопить приличное состояние. В 1540 г. он купил у шурина небольшую ферму Цульсдорф, между Лейпцигом и Борной, за шестьсот десять гульденов и поселился там с семьей. Его жена развела небольшой садик с плодовыми деревьями, среди которых были даже шелковица и смоквы. Она растила хмель и варила пиво для домашних нужд, как было принято в то время. У нее был также небольшой рыбный пруд. Ей нравилось работать. Лютер помогал ей ухаживать за садом и ловить рыбу. В 1541 г. он приобрел для своей жены небольшой дом рядом с монастырем⁶²⁰. Все свое состояние, стоимостью около девяти тысяч гульденов, он завещал жене, желая, чтобы «она не была на иждивении детей, но чтобы дети зависели от нее, чтобы они читали и слушались ее, как заповедал Бог».

Овдовевшая жена пережила Лютера на семь лет. Она страдала от бедности и огорчений. Курфюрст, графы Мансфельда и король Дании помогали ей финансово, но неудачная Шмалькальденская война (1547) потревожила ее покой и вынудила покинуть Виттенберг. После войны она туда вернулась. Меланхтон и Бугенгаген делали для нее все, что могли. Когда в 1552 г. в Виттенберге разразилась чума и университет переместился в Торгау, она последовала за ним вместе с детьми, но по пути выпала из телеги, упала в канаву, простудилась и вскоре умерла. Это случилось 20 декабря 1552 г. в Торгау. Ее последняя молитва была за ее детей и лютеранскую церковь.

Скажем несколько слов о внешности Лютера. В молодости, как мы уже говорили, он выглядел аскетичным монахом, был бледным, осунувшимся и изможденным⁶²¹, но в дальнейшем стал крепким и внушительным. Эта перемена знаменует его переход от мрачности закона к радости Евангелия. Он был среднего роста, с большой головой и широкой грудью, со смелым и открытым лицом, без тени притворства, пухлыми губами, короткими вьющимися волосами и необыкновенно сверкающим и пронизывающим взглядом. Враги усматривали в его глазах дьявольский огонь. Его внешность производила впечатление искренности, твердости, смелости и веры в Бога. Он похож на героя веры, который с Библией в руке бросает вызов миру, плоти и дьяволу. Он твердо стоял на земле, и его было невозможно столкнуть — «на том стою и не могу иначе». Голос у него был негромким, но ясным и звучным. Он аккуратно одевался, вел себя скромно и достойно. В 1524 г. он сменил монашеское платье на одеяние священника, подарок курфюрста. Ему не нравилось, что студенты встают, когда он входит в аудиторию. «Мне хотелось бы, — говорил он, — чтобы Филипп отказался от этого старого обычая. Это проявление уважения ко мне всегда вынуждало меня повторить еще несколько молитв, чтобы я не превозносился. Если бы я осмелился, я бы ушел, не прочитав лекции».

Та же самая кротость побуждала его протестовать, когда последователи использовали его имя в названии церкви, но они упорствовали. «Я умоляю вас, — говорил он, — оставьте мое имя в покое и называйте себя не лютеранами, а христианами. Кто такой Лютер? Мое учение не принадлежит мне. Я ни за кого не был распят. Апостол Павел хотел, чтобы верующие называли себя последователями не Павла, не Петра, а Христа. Подобаает ли мне, несчастному мешку пыли и пепла, давать свое имя детям Христа? Перестаньте, мои дорогие друзья, цепляться за эти названия

⁶²⁰ О *Vermögensumstände* Лютера см. Seidemann, *Luther's Grundbesitz*, 1860. Köstlin, II. 498 sqq., и его ссылки, p. 678.

⁶²¹ См. описание Моселлана, §37, и гравюру Кранаха (1520) в Köstlin, p. 120 (Scribner ed.).

группировок — долой их все! Пусть паписты носят имя своей партии. Им мало имени и учения Иисуса Христа, они хотят быть еще и папистами. Пусть они остаются со своим папой, как будто он — их господин. Я же никому не господин и не желаю быть господином. Я и мои последователи должны довольствоваться только учением Христа, Который наш единственный Господь».

§79. *Размышления о семейной жизни священников*

Реформаторы первыми подают нам благородный пример семейной жизни священников в христианской церкви. Это новая и важная глава в истории цивилизации.

Они опирались на естественное право, основанное на заповеди Божьей. Священники и первосвященники иудейской теократии, вплоть до отца Иоанна Крестителя, как и патриархи, Моисей и некоторые из пророков, жили в браке. Князь апостолов, которого католики считают первым папой, был женат, и жена странствовала с ним в миссионерских путешествиях⁶²². Павел говорил, что имеет такое же право жениться, как и «прочие апостолы, и братья Господни, и Кифа», но отказывается по личным причинам. Из пастырских посланий мы можем сделать вывод, что брак был правилом для епископов и диаконов апостольской эпохи. Следовательно, было бы произволом лишать служителей Евангелия этого естественного права, учрежденного Богом, Который сотворил человеческое естество.

Но начиная со II века стало преобладать мнение, и оно до сих пор преобладает в Католической церкви, которой управляет неженатый священник, — будто брак несовместим с саном священника и недопустим после рукоположения. Этот взгляд основан на разграничении низшей и высшей морали, а также соответствующих заслуг и наград, низшей — для мирян или простого народа, высшей — для священников и монахов, духовной знати. Все отцы церкви, греки и латиняне, даже те, что сами были женаты (как Тертуллиан, Григорий Нисский, Синезий), единодушно славили безбрачие как обладающее большей заслугой в сравнении с браком, и величайшие из них славили безбрачие особенно рьяно, как святой Иероним. Тем не менее матери Григория Назианзина, Златоуста и Августина — это ярчайшие примеры верующих женщин древней церкви. Нонна, Анфуса и Моника принесли церкви больше пользы, родив ей духовных светил, чем любая из монахинь.

Этот безбрачный аскетизм отличает отцов церкви от реформаторов, а Католическую церковь от евангельских. Англиканство при всем его уважении к отцам церкви в этом плане настолько же далеко от них, как и прочие протестантские общины.

Восточная церковь, в том числе русская, остановилась на полпути в этом аскетическом отказе от божественного права. Православие одобряет и даже поощряет брак низшего клира (до рукоположения), но запрещает его епископам, рассматривая наставления Павла в 1 Тим. 3:2,12 (см. также 5:9) как уступку слабости плоти и запрет на *повторный* брак. Латинская церковь, воспринявшая совет Павла в 1 Кор. 7:7,32,33 как «совет совершенства», указывающий на лучший путь, уже в IV веке стала навязывать полное воздержание от брака всем священникам, клеймя брак священника как греховное сожитительство. Папа Сириций выпустил первый запрет на брак священников (385). Его преемники поддерживали его, но только при Григории VII этот запрет стал насаждаться со всей строгостью. Это делалось в интересах иерархической власти и нанесло невероят-

⁶²² Несмотря на факт, на который апостол Павел указывает в 1 Кор. 9:5 (относящийся к 57 году), доктор Спалдинг (в своей *Hist. of the Prot. Reformation*, I. 177, 8th ed. 1875) уверяет нас, будто жена Петра, «вероятно, умерла еще до того, как он стал апостолом».

ный вред целомудрию священства. Римская католическая система «возвысила» брак, сделав его одним из семи таинств, но поставила безбрачие выше брака и объявила его недостойным для священника, тем самым принизив брак так, словно он содержит в себе нечто нечестивое. Согласно гностической и манихейской теории, которую Павел осуждал как бесовское учение (1 Тим. 4:1-3), брак — это уступка греховной материи, и он совершенно запрещался.

Учитывая такое состояние общественного мнения и устоявшиеся традиции латинского христианского мира, мы не должны удивляться тому, сколь большим соблазном для критиков оказалось вступление реформаторов в брак. Их обвиняли в том, что чувственные страсти — одна из главных причин их бунта против папства. Эразм использовал этот аргумент против них, хотя прекрасно знал, что Лютер и Эколампаций были протестантами уже за несколько лет до того, как стали подумывать о браке. Брак священников был следствием, а не причиной Реформации, точно так же как возражение против целибата не было ни первым, ни основным возражением против папской системы⁶²³.

С первого взгляда может показаться, что реформаторам было бы лучше соблюдать свои торжественные обеты, как поступали епископы-янсенисты в XVII веке и вожди старокаатоликов в XIX⁶²⁴. Но их задачей было показать на собственном примере, а не только на словах новый тип христианской нравственности, восстановить и возродить семейную жизнь, обеспечить чистоту, мир и счастье множества домов.

Мы вовсе не собираемся недооценивать добровольное безбрачие, на которое вдохновляет любовь к Богу. Тайнственные слова нашего Господа в Мф. 19:12, а также совет и пример Павла (1 Кор. 7:7,40) не позволяют нам так поступать. Мы охотно восхищаемся самоотречением и преданностью мучеников, священников, миссионеров, монахов, монахинь и сестер милосердия, которые всё отдавали Христу и ближним. Среди протестантов также было немало благородных мужчин и женщин, которые, не принимая обетов, не ища дополнительной заслуги и не претендуя на нее, отказались от права на брак из самых искренних побужде-

⁶²³ Архиепископ Спалдинг в своей *History of the Reformation* (I. 176), следуя примеру недобросовестных католических спорщиков, так воспроизводит шутку Эразма: «Брак почти во всех случаях выступал как кульминация той драмы, в которой выражалась жажда реформ». В качестве доказательства он приводит *Travels of an Irish Gentleman in Search of a Religion*, гл. XLVI, Мура, «где великий ирландский поэт подробно рассматривает эту тему на основании авторитетных источников и остроумно отзывается о брачных излишествах реформаторов». Я просмотрел эту главу (впервые) и обнаружил, что в ней много неоправданной хулы и злословия в адрес реформаторов, которых ирландский поэт называет не только «фанатиками», но также «ужасными лицемерами» и «рабами самого вульгарного суеверия» (p. 246, Philad. ed., 1833). Он же приводит поразительную информацию (p. 248): протестанты якобы спорили по поводу евхаристии и разделились на многочисленные фракции, такие как «Panarii, Accidentarii, Corporarii, Arrabonarii, Tropistae, Metamorphistae, Iscariotistae, Schwenkenfeldians, etc., etc., etc.», и якобы «некий автор времен Беллармина насчитал не менее двухсот разных мнений о словах: “Сие есть тело Мое”!» Мур явно был гораздо лучше знаком с историей лорда Байрона, чем с историей церкви.

⁶²⁴ Епископы-старокаатолики Рейнкенс и Герцог, доктор Доллингер, Фридрих, Ройш и Ланген оставались холостыми после своего отлучения в 1870 г., но отец Луасон-Иасинт, который придерживался схожих позиций тридентского или, скорее, галликанского романизма в противовес романизму ватиканскому, последовал примеру реформаторов и вступил в брак с вдовой-американкой, которую обратил в католичество своими красноречивыми проповедями в Нотр-Даме еще до того, как она ему приглянулась. Их поженил декан Стенли в Вестминстерском аббатстве. Сообщают, что папа Пий IX, когда ему доложили об этом и попросили отлучить от церкви бывшего монаха, остроумно ответил: «Совершенно необязательно. Он уже сам себя наказал». Вот как папа относился к благословенному состоянию брака!

ний⁶²⁵. Однако по Божьей заповеди, которая была дана в тот момент, когда человек еще оставался невинным, и была подтверждена Христом на свадьбе в Кане, брак является нормой для всех людей, мирян и служителей. Ибо служители — те же люди, и они не перестают быть людьми, когда становятся служителями.

Реформация изменила моральный идеал, возвысила семейную и общественную жизнь. Средневековый идеал благочестия — это бегство от греховного мира, а современный идеал — его преобразование. Образцовый святой Католической церкви — это монах, далекий от удовольствий и обязанностей общества, предвосхищающий ангельскую жизнь на небесах, где не женятся и не выходят замуж. Образцовый святой евангельской церкви — это свободный христианин и полезный гражданин общества, который демонстрирует свое благочестие, исполняя общественные и семейные обязанности, и стремится освятить устроения человеческой природы. Первый старается победить мир, убегая от его искушений, но в конечном итоге не может убежать от плоти, мира и дьявола в собственном сердце. Второй побеждает мир, преобразуя его. Первый воздерживается от брачного пира, а второй посещает его и превращает воду в вино. Первый избегает женщины как искушения, а второй относится к ней с расположением сердца и отражает в своем браке святой союз Христа с Его Церковью. Первый стремится достичь целомудрия через воздержание, а второй проявляет его в своей семье. Первый отказывается от всякого земного имущества, а второй пользуется им на благо ближним. Первый ждет счастья небесного, а второй уже счастлив на земле, делая счастливыми других. Ежедневные обязанности и испытания семейной и общественной жизни — это более достойная школа моральной дисциплины, нежели монашеское безбрачие и нищета. Добродетели и милосердие женщины служат необходимым дополнением к добродетелям мужчины и формируют его характер. Исключения есть, но они только подтверждают правило.

Надо понимать, что ревностная и скорая первая попытка перехода от рабства к свободе сопровождалась определенными крайностями, но эти крайности — ничто в сравнении с тайными «скелетами в шкафу» (*chronique scandaleuse*), умножающимися вследствие принудительного безбрачия. Семейная жизнь стала более утонченной в последующее время, но реформаторы порвали цепь папской тирании и на практике доказали, что высочайшее и святейшее призвание возможно сочетать с выполнением обязанностей мужа и отца. Хотя им не были свойственны современные протестантские представления о достоинстве и правах женщины, они считали, что жена вполне может быть соратником христианского пастыря, и среди этих соратников встречались чистейшие, утонченнейшие и полезнейшие женщины на свете. Общественное положение женщины — подлинный показатель уровня христианской цивилизованности.

Меланхтон первым из реформаторов вступил в брак, но, будучи мирянином, он не нарушил обета священника или монаха. Он женился по настоянию друзей на Катарине Крапп, дочери бургомистра Виттенберга, в ноябре 1526 г. и жил со своей простой, благочестивой, преданной и добродушной женой до ее смерти в 1557 г. Современники наблюдали, как он качал колыбель во время чтения книги⁶²⁶.

⁶²⁵ Мы можем упомянуть праведного архиепископа Лейтона, доктора Сэмюэля Хопкинса, миссионера Цейсберга, доктора Уильяма Августа Мюленберга (основателя госпиталя Св. Луки в Нью-Йорке и Сент-Джонленда, исполнителя гимна «I would not live away»), образцового пастора Людвиг Гармса из Германсбурга, историка Неандера и его сестру, сестер милосердия и диаконис Кайзерсверта и других подобных учреждений.

⁶²⁶ C. Schmidt, *Philipp Melancthon*, pp. 47 sqq., 617, 710 sqq.

Кальвин также был свободен от обетов, но из всех реформаторов он был самым суровым и склонным к воздержанию. Он женился на Иделетте де Бурен, вдове служителя-анабаптиста из Голландии, которую обратил в детокрещенческую веру. Он прожил с ней почти девять лет, имел трех детей, которые умерли во младенчестве, а после ее смерти оставался вдовцом. Он говорил, что женская красота, которая производит на него впечатление, — это кротость, чистота, скромность, терпение и преданность интересам мужа. Все эти качества он ценил в своей жене⁶²⁷.

Цвингли, к сожалению, нарушил свой обет в Эйнсидельне, будучи еще священником и получая пенсию от папы. Позже он женился на достойной вдове патриция с тремя детьми, Анне Рейнгард фон Кнонау, которая родила ему двух сыновей и двух дочерей и пережила его трагическую смерть на поле боя, находя, подобно ему, единственное утешение в Господе Иисусе и Слове Божьем⁶²⁸.

Людвиг Целларий (Келлер), Эколампадий (реформатор из Базеля), Вольфганг Капитон (реформатор из Страсбурга) и его более выдающийся друг Мартин Буцер (вдoveц, не отказывавшийся от намерения сочетаться браком) были счастливо женаты на Виллибрандиде Розенблатт, дочери рыцаря, адъютанта императора Максимилиана I. Она сопровождала Буцера в Кембридж, а после его смерти вернулась в Базель и пережила четырех мужей! (Умерла 1 ноября 1564 г.)⁶²⁹ Видимо, она обладала особой привлекательностью для реформаторов. Эколампадий считал, что она слишком молода для него (ему было сорок пять), но ценил ее как «добрую христианку», «свободную от юношеской фривольности». Она родила ему троих детей: Евсевия, Алитею и Ирену⁶³⁰. По поводу этого брака Эразм писал одному из друзей (21 марта 1528 г.): «Эколампадий недавно женился. Его невеста — симпатичная девушка [она была вдовой]. Полагаю, он собирается заняться умерщвлением своей плоти. Некоторые говорят о лютеранстве как о трагедии, но мне оно кажется скорее комедией, потому что у них дело всегда заканчивается свадьбой»⁶³¹.

Архиепископ Кранмер предстает перед нами в неблагоприятном свете. Его первая жена, «Черная Иоанна», умерла при родах до его рукоположения. Уже в 1532 г., до того как Генрих VIII сделал его примасом Кентерберийским (август 1532), он женился на племяннице лютеранского проповедника Озиандера из Нюрнберга и скрыл этот факт, обнаружение которого помешало бы его возвышению. Папские буллы о подтверждении назначения датированы февралем и мартом 1533 г., а посвящение в сан состоялось 30 марта 1533 г. На следующий год

⁶²⁷ Stähelin, *Johannes Calvin*, vol. I, 272 sqq.

⁶²⁸ R. Christoffel, *Huldreich Zwingli*, pp. 336-339, 413. Злословные преувеличения Янсена были развеяны Эбрардом, Устери и Швейцером.

⁶²⁹ Эту дату приводит Hagenbach (*Oekolampad*, p. 108, note), ссылаясь на *Reformations-Almanach*, 1821.

⁶³⁰ Herzog, *Leben Joh. Oekolampadius*, vol. II, 70 sqq.; Hagenbach, *Joh. Oekolampad und Oswald Myconius*, p. 107. Гагенбах говорит, что в именах его детей запечатлены качества, на которых держалась его семья: благочестие, правда и мир.

⁶³¹ В письме к Адриану Аривулу: *Nuper Oecolampadius duxit uxorem, puellam non inelegantem. Vult opinor affligere carnem. Quidam appellant Lutheranam tragaediam, mihi videtur esse comedia. Semper enim in nuptias exeunt tumultus*. Позже он просил извинения у Эколампадия и писал, что не собирался насмеяться над ним. См. его письмо к Эколампадию в Drummond, *Erasmus*, II. 319. Архиепископ Спалдинг (*l.c.* I. 176) так повторяет эту шутку: «Похоже, евангельский свет пролился на Эколампадия из глаз той самой прекрасной юной дамы, на которой, нарушая торжественные обеты перед небесами, он женился — намереваясь, как остроумно замечает Эразм, заняться умерщвлением своей плоти». Он ничего не говорит об извинениях Эразма перед своим другом и коллегой.

он тайно привез свою жену в Англию, но отослал ее в 1539 г., когда оказалось необходимо исполнять кровавые законы Генриха VIII, в том числе запрещающие брак священников. Он не возражал против разводов и повторных браков своего короля и господина. Однако при всей слабости характера и услужливости Кранмер не мог не быть весьма верующим человеком, если это он перевел англиканскую литургию (а издал ее точно он), которая использовалась многими поколениями и используется по сей день⁶³².

Джон Нокс, этот шотландский Лютер, будучи уже пятидесятилетним вдовцом, осмелился жениться (март 1563-64 г.) на шестнадцатилетней шотландке Маргарите Стюарт, из королевского рода, к великому негодованию королевы Марии, которая была «крайне возмущена» его дерзостью. Как утверждали паписты, он добился этого с помощью колдовства, чтобы его наследники, с дьявольской помощью, завладели тронот Шотландии. Жена родила ему троих дочерей, а через два года после его смерти (1572) вышла замуж за вдовца Эндрю Кера⁶³³.

Самая прискорбная брачная история периода Реформации — согласие Лютера, Меланхтона и Буцера на печально известное двоеженство ландграфа Филиппа Гессенского. Это пятно на их репутации, которому нет оправдания. Когда тайное стало явным (1540), Меланхтон так страдал от угрызений совести и стыда, что тяжело заболел в Веймаре. Лютер, который был более стойким и находил утешение в своем учении об оправдании одной только верой, молитвами спас его от смерти.

Чтобы дать этой ситуации справедливую оценку, мы должны не только помнить о долгих веках безбрачия священников со всеми сопутствующими опасностями и грехами, но и видеть будущее — то множество семейств священников, появившееся благодаря Реформации и без труда выдерживающее самую строгую проверку на благочестие.

Безбрачие священников и монашеские обеты лишали церковь возможности извлекать пользу от служения многих людей, которые могли бы стать ее светилами. С другой стороны, Иуст Мёзер в 1750 г. подсчитал, что уже через два века после Реформации от десяти до пятнадцати миллионов человек были обязаны своим появлением на свет именно упразднению клерикального безбрачия⁶³⁴. Но гораздо важнее этого количественного прироста населения тот факт, что необыкновенно много выдающихся ученых и полезных для церкви и государства людей вышли именно из семей священников⁶³⁵.

⁶³²Styrye, *Memorials of Cranmer* (bk. I, chs. 1, 4, 19; bk. III, chs. 8 и 38); Hook, *Lives of the Archbishops of Canterbury* (vols. VI и VII); Hardwick, *History of the Reformation*, ed. W. Stubbs (1873), p. 179; статья *Cranmer* в Leslie Stephen, «*Dictionary of National Biogr.*», vol. XIII.

⁶³³McCrie, *Life of John Knox*, Philad. ed., pp. 269 и 477 (append. note ННН); Dav. Laing, предисловие к шестому тому его издания *Works of John Knox*, pp. LXV sqq.

⁶³⁴Об этом факте упоминает Ранке.

⁶³⁵Среди выдающихся детей священников можно упомянуть ботаника Линнея, химика Берцелиуса, правоведа Пуфендорфа, философа Шеллинга, ориенталиста Буксторфа, математика Эйлера, естествоиспытателя Агассиса, филологов-классиков Эдуарда и Оттфрида Мюллеров, историков Иоганна фон Мюллера, Шпиттлера, Геерена, Моммзена, Банкрофта, государственных деятелей Генриха Клея, сенатора Эварта и двух президентов Соединенных Штатов, Артура и Кливленда, поэтов Чарльза Весли, Геллерта, Виланда, Лессинга, братьев Шлегелей, Жана Поля, Эмануила Гейбеля, Эмерсона (а также поэтесс — Мету Гейссер, Елизабет Прентисс, миссис Стоув), проповедников Джона Весли, Монода, Круммахера, Сперджена, Г. У. Бичера, Р. С. Сторрса; богословов Джонатана Эдвардса, Шлейермахера, Хенгстенберга, Ницша, Юлиуса Мюллера, Дорнера, декана Стенли, провидца Сведенборга, не считая уже множества выдающихся и полезных служителей церкви, юристов и врачей во всех протестантских странах.

В семье протестантского пастора, живущего среди своей паствы в качестве отца, друга и утешителя, есть поэтическое и религиозное очарование. Он учит семейным добродетелям и привязанностям на собственном примере, который говорит громче, чем слова. Красоту таких отношений часто воспевали светские поэты. Все знают «Векфильдского священника» Оливера Голдсмита, где с очаровательной простотой и беззлобным юмором описаны испытания и терпение, семейные, общественные и профессиональные добродетели сельского пастора. Произведение начинается с характерных слов: «Я всегда считал, что честный человек, который женат и содержит большую семью, приносит больше пользы, чем тот, кто остается холостым и лишь говорит о деторождении. А потому не прошло и года после моего посвящения в сан, как я выбрал себе жену, причем по тем же меркам, по которым и она подбирала себе свадебную фату, — не за красивый блеск, а за те качества, которые мне подходят». Гердер прочел книгу этого английского классика четыре раза и рекомендовал ее своей невесте как одну из лучших на любом из языков. Гете, который сам ощутил очарование пасторского дома в дни своей чистой и сильной любви к Фредерике из Зесенгейма, хвалил «Векфильдского священника» как «один из лучших романов, причем абсолютно нравственных, христианских в истинном смысле слова». Он говорил: «Жизнь протестантского сельского пастора — это, возможно, самая прекрасная тема современной идиллии. Он предстает перед нами как Мелхиседек, священником и царем в одном лице. По сфере занятий и положению сельский пастор близок самым невинным существам на земле, земледельцам. Он является отцом, хозяином дома и отождествляет себя со своей паствой. На этом чистом и прекрасном земном основании зиждется его высшее призвание — вести людей к жизни, заботиться об их духовном воспитании, благословлять, назидать, укреплять, утешать их во все моменты жизни и, если нынешнего утешения недостаточно, ободрять их, внушая уверенную надежду на более счастливое будущее»⁶³⁶. В своей идиллии «Герман и Доротея» он представляет священника как украшение общины и ее благодетеля. К чести этого величайшего и образованнейшего из современных поэтов следует сказать, что он, как Шекспир и Шиллер, никогда не относился к занятию священника с пренебрежением.

В своей «Покинутой деревне»⁶³⁷ Голдсмит также описывает сельского проповедника:

*Души его высокие заслуги
Ему любовь снискали всей округи.
Он был богат, хоть составлял доход
Всего лишь только сорок фунтов в год..
Его души высокой тороватость
Сияла в храме, укрепляя святость.
Святую истину речей его
Всегда увенчивало торжество:
Шутов глумливых дерзостный оскал
Он словом в благочестье обращал.*⁶³⁸

⁶³⁶ Из десятой книги его *Wahrheit und Dichtung*. Гердер обратил внимание на «Векфильдского священника», когда учился в Страсбурге, и читал его вслух в немецком переводе. В той же книге Гете замечательно описывает свой визит в приход Зесенгейм.

⁶³⁷ {Перевод А. Парина / Голдсмит. Избранное. М., Художественная литература, 1978.}

⁶³⁸ А Уильям Вордсворт, брат англиканского священника и дядя двух епископов, описывает характер протестантского пастора в своих «Церковных сонетах» с более возвышенной и духовной точки зрения:

Влияние католического падре или русского попа основано прежде всего на официальном статусе его сана, даже если этого человека и будут презирать за его пороки. Протестантский же служитель зависит от своих личных заслуг, и факт его уважаемого и почетного положения и влияния во всех протестантских странах как христианина, благородного человека, мужа и отца, — лучшее доказательство того, как мудро поступили реформаторы, упразднив безбрачие священников.

§80. Реформа церковного поклонения

- I. LUTHER: *Deutsches Taufbüchlein*, 1523; *Ordnung des Gottesdienstes in der Gemeinde*, 1523; *Vom Gräuel der Stillmesse*, 1524; *Deutsche Messe und Ordnung des Gottesdienstes*, 1526; *Das Taufbüchlein verdeutscht, aufs neue zugerichtet*, 1526. В *Walch*, X; в Erl. ed., XXII. 151 sqq. См. также Аугсбургское исповедание, pars II, art. 3 (*De missa*); апологию Аугсбургского исповедания, art. XXIV (*De missa*); лютеранские литургии или *Kirchenagenden* (также *Kirchenordnungen*) XVI века, собранные в DANIEL: *Codex Liturgicus Ecclesiae Lutheranae*, Lips., 1848 (tom. II ero Cod. Lit.), и HÖFLING: *Liturgisches Urkundenbuch* (ed. G. Thomasius and Theodos. Harnack), Leipz., 1854.
- II. TH. KLIFFOTH: *Die ursprüngliche Gottesdienstordnung in den deutschen Kirchen luth. Reformation, ihre Destruction und Reformation*, Rostock, 1847. GRÜNEISEN: *Die evang. Gottesdienstordnung in den oberdeutschen Landen*, Stuttgart, 1856. GOTTSCHICK: *Luthers Anschauungen vom christl. Gottesdienst und seine thatsächliche Reform desselben*, Freiburg i. B., 1887.

Реформа учения вела к преобразованию богослужения, и особенно на основании таких мест Писания, как: «Бог есть дух⁶³⁹, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4:24) и «Все должно быть благопристойно и чинно» (1 Кор. 14:40). Протестантизм нацелен на разумное или духовное служение⁶⁴⁰, в отличие от служения механического и чисто формального. Оно воздействует на сердце через разум и через наставление, а не через органы чувств и

*A genial hearth, a hospitable board,
And a refined rusticity, belong
To the neat mansion, where, his flock among,
The learned Pastor dwells, their watchful lord.
Though meek and patient as a sheathed sword
Though pride's least lurking thought appear a wrong
To human kind; though peace be on his tongue,
Gentleness in his heart — can earth afford
Such genuine state, pre-eminence so free,
As when, arrayed in Christ's authority,
He from the pulpit lifts his awful hand;
Conjures, implores, and labors all he can
For re-submitting to divine command
The stubborn spirit of rebellious man!*

{Подлинное тепло, гостеприимный стол, изысканная простота встречают вас в чистом домике, в котором среди своей паствы живет ученый пастырь, ее бдительный господин. Хотя он кроток и терпелив, как покоящийся в ножнах меч, хотя малейший проблеск гордости в нем самом кажется ему оскорблением человечества, хотя у него на устах мир, а в его сердце смирение, — но даже при всей этой искренности и свободе, какая только возможна на земле, он внушает ужас, когда, облеченный властью Христа, вздымает свою длань на кафедре, увещевает, умоляет, делает все, что может, чтобы вновь подчинить Божьей воле упрямый дух бунтующего человека!}

⁶³⁹ Т. е. только дух, и ничего, кроме духа, согласно греческому: πνεῦμα (эмфатически поставлено в начале) ὁ Θεός, в противопоставление всем материалистическим концепциям и пространственной ограниченности. Ср. с похожими выражениями: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8), «Бог есть свет» (1 Ин. 1:5), где в английском языке недопустим ни определенный, ни неопределенный артикль.

⁶⁴⁰ λογικὴ λατρεία, Рим. 12:1; ср. с «духовными жертвами» (πνευματικαὶ θυσίαι), 1 Пет. 2:5.

обряды. Верующий вступает в непосредственное общение с Богом во Христе через Слово Божье и молитву без человеческих посредников.

Реформаторы первым делом очистили святилище от грубых злоупотреблений и суеверий и изгнали менял из храма. Они ненавидели идолопоклонство, которое проникло в церковь в более изощренном обличье, чем прежде. Они отменили торговлю индульгенциями, поклонение святым, образам и реликвиям, шествия и паломничества, частные мессы и мессы за души из чистилища⁶⁴¹. Они отвергли пять из семи таинств (оставив крещение и евхаристию), учение о пресуществлении, приношение Жертвы священником, поклонение гостии, лишение мирян чаши и употребление мертвого языка на общем поклонении. Они также сократили количество церемоний и формальностей во время богослужения.

Упразднение старого привело к появлению нового. За разрушением последовал более важный и трудный этап — преобразований. Это было восстановление изначального поклонения, насколько о нем можно судить по Новому Завету, — более усердное чтение Писания и проповедь основных истин Евангелия, возрождение вечера Господней в ее первоначальной простоте, причастие под обоими видами и перевод латинской службы на язык прихожан, чтобы она стала понятной народу и полезной. Конечно, пока новый порядок поклонения не установился окончательно, было много неудачных экспериментов и нововведений.

Согласно протестантским принципам, единообразию поклонения не нужно и даже нежелательно. Новый Завет не предписывает никакой определенной формы богослужения, кроме молитвы Господней, слов учреждения вечера Господней и формулы крещения.

Протестантский порядок поклонения сильно отличается от римского, который одинаков повсюду. Лютеранская церковь — консервативная и литургическая. Она сохранила те традиционные моменты, которые не противоречат евангельскому учению, в то время как реформатские церкви цвинглианского и кальвинистского типа нацелены на максимальную простоту и духовность поклонения по так называемому апостольскому образцу. Некоторые реформаторы пошли настолько далеко, что отвергли все гимны и виды молитв, которых нет в Библии, но придали больше внимания Псалтири, проповеди и спонтанной молитве. Англиканская церковь составляет исключение среди реформатских общин. Она даже более консервативна, чем лютеранская. Ее литургия на самом изысканном английском языке воспроизводит латинское богослужение, и литургию эту чтут и любят до сих пор в епископальных церквях. Там подчиняют проповедь поклонению, а свободную молитву — ее формальным образцам.

Лютер начал реформу церковного поклонения в 1523 г., но осторожно, вопреки радикализму Карлштадта, который в период пребывания Лютера в Вартбурге поспешно упразднил мессу, уничтожил алтари и изображения. Лютер сохранил термин «месса», который стал обозначать совместное богослужение вообще и в первую очередь евхаристию. Он попытался сохранить подлинно христианские элементы старого обычая и воспроизвести их на общепонятном языке на пользу народу. Его склонность к порядку в церкви подкреплялась его любовью к поэзии

⁶⁴¹ *Missae de sanctis, missae votivae, missae pro defunctis*. Меланхтон в апологии Аугсбургского исповедания, art. XXIV, говорит: «Тот факт, что мы проводим только совместные или общие мессы, не может быть оскорбительным для Католической церкви. Ибо и в Греческих церквях сегодня не проводят частных месс, но только общую мессу, в день Господень и по праздникам». Мессы об усопших, которые начали проводиться при папе Григории I, предполагают, разумеется, веру в чистилище. Они были одним из вопиющих злоупотреблений церкви.

и музыке. Он не возражал даже против использования латыни в воскресном богослужении и выразил непрактичное желание, чтобы в Пятидесятницу месса велась на немецком, латыни, греческом и еврейском⁶⁴². В то же время он желал, чтобы подлинно верующие христиане молились и более личным образом, с принятием святого причастия (что соответствовало бы *missa fidelium* Никейской церкви, в отличие от *missa catechumenorum*), но считал исполнение этого желания невозможным в то время из-за недостатка подходящих людей, ибо «мы, немцы, — говорил он, — дикий, грубый, неотесанный народ, с которым сделать что-либо можно только путем принуждения».

Так что он позаботился лишь о церковной воскресной службе. Он сохранил обычный порядок, Евангелия и Послания, краткие молитвы, *Te Deum*, *Gloria in excelsis*, *Benedictus*, символ веры, респонсории, коленопреклонение при причастии, даже возношение гостии и потира (от которого позже отказался, но оно до сих пор принято в лютеранских церквях Скандинавии), хотя и без поклонения им. Он опустил тот канон мессы, который касается принесения жертвы священником и который начиная с VI века составлял центр римской мессы как бесплотное повторение распятия и чудесное пресуществление даров⁶⁴³. Он уже раньше отверг этот «ужасный канон», как он его называет, в своем «Вавилонском пленении» и в специальном трактате, написанном в Вартбурге. Он снова и снова критиковал его как одно из основных заблуждений папской системы. Он действительно верил в реальное присутствие Христа в дарах, но только без схоластических представлений о пресуществлении и без священнического принесения жертвы.

Он уделял большое внимание проповеди, что было еще одним отступлением от прежнего обычая. Он устраивал в воскресенье три богослужения, каждое с проповедью: рано утром, в основном для слуг; мессу в девять или десять часов; и в полдень — проповедь по тексту из Ветхого Завета. По понедельникам и вторникам утром он учил десяти заповедям, символу веры и молитве Господней, по средам — Евангелию от Матфея, по субботам — Евангелию от Иоанна, по четвергам объяснял Послания. Учащиеся в школе мальчики каждый день должны были читать несколько псалмов на латыни, а потом одну или более глав из Нового Завета на латыни и немецком.

Лютер ввел новый порядок с одобрения курфюрста в октябре 1525 г. и обновил его в начале 1526 г.⁶⁴⁴ Основная воскресная служба включала в себя немецкий гимн или псалом, *Kyrie Eleison* и *Gloria in Excelsis* (*Allein Gott in der Höh sei Ehr*), краткую коллекту и Послание дня, гимн, Евангелие дня, которое пел слугитель, Никейский символ веры, который собрание повторяло хором, проповедь по Евангелию, молитву Господню, назидание, святое причастие (слова

⁶⁴² *Wenn ichs vermöchte*, — пишет он в трактате о немецкой мессе в январе 1526 г., — *und die griechische und ebräische Sprache wäre uns so gemein als die lateinischen und hätte so vielfeiner Musica und Gesangs als die lateinische hat, so sollte man einen Sonntag um den andern in alten vier Sprachen, deutsch, lateinisch, griechisch und ebräisch, Messe halten, singen, und lesen*. Такие служения на разных языках никогда не практиковались, разве что римской конгрегацией Пропаянды. Меланхтон (*Apol. Conf. Aug.*, art. XXIV) отстаивает использование латинских гимнов наряду с немецкими при церковном поклонении.

⁶⁴³ *Canon missae* (*Te igitur*, etc.) включает в себя пять или шесть молитв об освящении и жертвоприношении тела Христова. Он начинается с ходатайства за папу и всех правоверных католиков. Янсен говорит (III. 64): *In der Messe liess Luther den Canon, den Kern und das Wesen der katholischen Messe, fort*, — и несправедливо добавляет: *Das Volk jedoch sollte dieses nicht wissen*. Как будто Лютер был обманщиком!

⁶⁴⁴ *Deutsche Messe und Ordnung des Gottesdiensts*, с нотами тех частей богослужения, которые следовало петь.

учреждения пел служитель, посредством чего и освящались дары), пение *Sanc-tus* (Ис. 6:1-4, переведено Лютером на немецкий), *Benedictus*, *Agnus Dei* (Ин. 1:29) или же *O Lamm Gottes unschuldig* на немецком (перевод Деция), после чего следовала раздача милостыни, сбор пожертвований и благословение. Новый порядок был по сути тем же, что и старый, только отсутствовал *canon missae*, или принесение в жертву тела Христа, и все было переведено на немецкий язык.

Меланхтон говорит в Аугсбургском исповедании 1530 г.⁶⁴⁵: «Наши церкви несправедливо обвиняют в том, что мы упразднили мессу, но месса сохраняется у нас и проводится с великим уважением. Мы сохранили почти все обряды, но только то, что поется на латыни, мы поем на немецком, в разных местах богослужения, для назидания народа. Ибо обряды нужны нам лишь для того, чтобы наставлять необученных».

Лютер считал церемонии, использование одеяний священников, свечи на алтаре, поведение служителя при молитве делами второстепенными, которые можно сохранять, а можно и упразднить. Пересмотрев служение при крещении (1526), он отменил использование соли, слюны и елея, но сохранил формулу экзорцизма в сокращенном виде. Он также сохранил публичную исповедь и отпущение грехов и рекомендовал исповедоваться в грехах частным образом перед служителем⁶⁴⁶.

Лютеранские церкви Северной Германии и Скандинавии приняли виттенбергский порядок, с разными видоизменениями, а лютеранские церкви Южной Германии (Вюртемберга, Бадена, Пфальца, Эльзаса) переняли более простое швейцарское богослужение.

Лютеранский порядок поклонения претерпел несколько радикальных перемен в XVIII веке под влиянием рационализма. Дух поклонения ослабел. Ежедневное причастие было упразднено. Проповедь выродилась в бессодержательное морализаторство. Были введены новые литургии и молитвенники с различными «улучшениями». Но в недавнее время, начиная с трехсотлетия Реформации (1817), мы наблюдаем постепенное пробуждение литургического духа в разных районах Германии с восстановлением многих драгоценных обычаев прошлых веков. Однако в лютеранстве не существует единообразной литургии, подобной «Книге общего богослужения» у англикан. У каждой государственной лютеранской церкви своя собственная литургия и свой сборник духовных песен.

§81. Особенности евангельского поклонения

Если рассматривать тему церковного поклонения более широко, мы сможем выделить следующие характерные особенности евангельского богослужения в сравнении с Латинской и Греческой церквями.

1. Выдающаяся роль, которая придается проповеди, или объяснению и приращению Слова Божьего. Проповедь стала главной частью богослужения, а в том, что касается значения, заняла место мессы. Чтение проповедей было вверено попечению епископов, но они, к сожалению, пренебрегали этой задачей. Даже сейчас в римско-католических странах проповеди обычно читают только в пери-

⁶⁴⁵ Part II, art. III. См. также его «Apology of the Conf.», art. XXIV, *De missa*.

⁶⁴⁶ Аугсбургское исповедание, часть II, ст. IV, гласит: «Исповедь не отменена в наших церквях. Потому что причащаться телом нашего Господа могут только те, кто уже был выслушан и получил отпущение грехов... Людей учат, что они должны ценить отпущение, ибо оно — глас Божий и провозглашается по Его воле».

од великого поста. Католическое богослужение является самодостаточным и без проповеди. Месса проводится на мертвом языке, и народ является скорее зрителем, чем слушателем. Престол католического священника — алтарь, тогда как престол протестантского проповедника и пастора — кафедра. Реформаторы в теории и на практике уделяли большое внимание проповеди и слушанию Евангелия как акту поклонения.

Лютер подал пример по части чтения проповедей. Он был неустанным и воистину народным проповедником⁶⁴⁷. Он выступал на кафедре городской церкви по очереди с Бугенгагеном, ее пастором, по воскресеньям и в будние дни, иногда по два раза в день. Даже в последние дни своей жизни он прочел четыре проповеди с кафедры Эйслебена, несмотря на физическую немощь и боль⁶⁴⁸. Его самые популярные проповеди посвящены евангелиям и посланиям. Они собраны в *Kirchenpostille*, который он завершил в 1525 и 1527 г. Другой популярный сборник — его *Hauspostille*. Это проповеди, которые он произнес дома. Они записаны Вейтом Дитрихом и Рёером и опубликованы в 1544 и 1559 г. Он проповедовал без записей, но после размышлений, под действием вдохновения.

Лютер был «сыном громовым», подобного которому Германия не слышала ни до, ни после него. Он обладал всеми дарованиями народного трибуна. Меланхтон сказал: «Есть толкователи, есть философы, есть ораторы, а Лютер — это все они вместе взятые». Боссиэ хвалит его «живое и порывистое красноречие, которое восхищало и захватывало слушателей». Лютер не следовал строгому методу. Обычно он читал текст, объяснял его и говорил о возможном применении истины. Его темой были Христос и Евангелие. Он жил Библией, действовал согласно ей и умел применять ее в повседневной жизни своей эпохи. Он всегда говорил с большим убеждением и авторитетным видом. Он обладал удивительной способностью улавливать самые глубокие мысли самым понятным и выразительным языком, доступным простому народу. Он всегда попадал в цель. Он был дерзким и смелым, не щадил ни дьявола, ни папу, ни сакраментариев. Однако его полемические excursus не всегда отличаются хорошим вкусом и безупречным духом.

Выступая, он не обращал внимания на ученых, а зывал к простому народу, женщинам, детям и слугам. «Да будут прокляты те проповедники, — говорил он, — которые в церкви говорят о высоких и трудных для понимания вещах». Он никогда не был скучным или напыщенным. Когда он заканчивал говорить, присутствовавшие все еще были готовы слушать его, а в результате им хотелось прийти на его проповедь снова. Он упрекал Бугенгагена за то, что его проповеди длинны и люди на это часто жаловались. Свою гомилетическую мудрость он сформулировал в виде трех правил:

*Начинай бодро, говори смело, а заканчивай быстро*⁶⁴⁹.

Месса и проповедь — главные средства наставления, первая — в Греческой и Римской, вторая — в протестантских церквях. Месса символически, изо дня в день, напоминает о жертве Христа за грехи мира, а проповедь показывает живого Христа Евангелия, вдохновляя на святую жизнь и смерть. И то и другое может

⁶⁴⁷ Проповеди Лютера заполняют 16 томов в эрлангенском издании его сочинений.

⁶⁴⁸ Они были поспешно записаны и впервые опубликованы его другом Аурифабером (Erl. ed., XVI. 209 sqq.).

⁶⁴⁹ *Tritt frisch auf; Mach's Maul auf; Hör' bald auf*. См. E. Jonas, *Die Kanzelberedtsamkeit Luthers*, Berlin, 1852; Beste, *Die bedeutendsten Kanzelredner der älteren luth. Kirche*, 1856 (pp. 30-36); G. Garnier, *Sur la predication de Luther*, Montauban, 1876; Thomas S. Hastings, *Luther as a Preacher*, в «Luther Symposium» профессоров Богословской Семинарии Союза, Нью-Йорк, 1883.

выродиться, стать механическим и формальным, но христианство переживет все мертвые мессы и сухие проповеди. Его сила проявляется даже в самых слабых орудиях.

Так как проповедь представляет собой интеллектуальное и духовное занятие, она требует гораздо большей образованности, чем чтение мессы по книге. Сравнивая протестантских служителей с римскими или греческими, мы сразу же заметим эту разницу.

2. С проповедью тесно связано внимание к катехетическому обучению. О нем мы поговорим в специальном разделе.

3. Вечеря Господня была восстановлена в своем первоначальном виде как воспоминание об искупительной смерти Христа и причастие верующих ко Христу. В протестантской системе причастие — это таинство, оно требует присутствия общины, тогда как в римской системе это прежде всего жертвоприношение, и священник может совершить его в одиночку. Удаление чаши от мирян — признак завышенной оценки клира и заниженной оценки мирян. Возвращение мирянам чаши не только соответствует первоначальному обычаю, но и является обязательным в силу учения о всеобщем священстве верующих.

Лютер сохранил ежедневное причастие в конце регулярного богослужения в день Господень. В реформатских церквях оно стало проводиться реже, но более торжественно.

4. Богослужение стало более народным, когда латинский язык в молитве и пении был заменен на общепотребительный — и эта перемена имела громадные последствия.

5. Количество церковных праздников было сильно сокращено. Остались лишь те из них, что отмечались в воспоминание о великих фактах нашего спасения, а именно: воплощения (Рождество), искупления (вербное воскресенье, страстная пятница и Пасха) и сошествия Святого Духа (Вознесение и Пятидесятница), с завершающим этот цикл праздником Святой Троицы. Они составляют ядро христианского года, своего рода календарный символ веры для прихожан. Лютеранская церковь сохранила также (по крайней мере, в некоторых местах) праздники в честь Девы Марии, апостолов и евангелистов, день всех святых, но они постепенно перестали отмечаться.

Лютер считал, что церковные праздники и даже еженедельно отмечаемую субботу следует в принципе упразднить. Он сохранял их только из-за требований церковного поклонения и из-за слабости мирян⁶⁵⁰. Святым не нужны законы и церемонии. Для них каждый момент свят, и у них каждый день — это день отдыха и добрых дел. «Хотя, — говорил он, — все дни свободны и равны, однако полезно и хорошо, даже необходимо выделять один день как святой, будь то суббота, воскресенье или какой-нибудь другой день, ибо Бог правит миром упорядоченно и мирно. Поэтому Он шесть дней выделяет для труда, а седьмой для покоя, чтобы люди могли укрепить силы отдыхом и послушать Слово Божье»⁶⁵¹.

С этим по сути соглашались все реформаторы, в том числе Кальвин и Нокс, только последний уделял меньше внимания ежегодным праздникам и больше — еженедельным. Англо-американская теория дня Господня, основанная на сохраняющейся обязанности исполнять четвертую заповедь, составляет часть мораль-

⁶⁵⁰ *Propter necessitatem Verbi Dei et propter infirmos.*

⁶⁵¹ О взглядах Лютера на воскресенье см. объяснение третьей (четвертой) заповеди в его катехизисах, а также Köstlin, *Luthers Theologie*, II. 82 sqq.

ного закона и должна соблюдаться с христианской свободой в свете знания о воскресении Христа. Эти представления были разработаны пуританами в конце XVI века, и впервые символически санкционированы Вестминстерскими уставами в 1647 г. но они стали плотью и кровью всех англоязычных христиан к великому благу для совместного поклонения и частной молитвы⁶⁵².

§82. Евангельские гимны и сборники

- I. «Wittenberg Enchiridion», 1524. «Erfurt Enchiridion», 1524. Walter, «Gesangbuch», с предисловием Лютера, 1524. Klug, «Gesangbuch», изд. Лютером, 1529, etc. Babst, «Gesangbuch», 1545, 5th ed. 1553. Spangenberg, «Cantiones ecclesiasticae», 1545. См. точные заглавия в Wackernagel, *Bibliographie*, etc.
- II. C. V. WINTERFELD: *Luther's geistl. Lieder nebst Stimmweisen*. Leipz. 1840. PH. WACKERNAGEL: *Luther's geistl. Lieder u. Singweisen*. Stuttgart, 1848. Другие издания гимнов Лютера: STIP, 1854; SCHNEIDER, 1856; DREHER, 1857. В. ПИСК: *Luther as a Hymnist*. Philad., 1875. EMIL FROMMEL: *Luther's Lieder und Sprüche. Der singende Luther im Kranze seiner dichtenden und bildenden Zeitgenossen*. Berlin, 1883. (юбилейное издание с иллюстрациями Дюрера и Крахаха). L. W. BACON and N. H. ALLEN: *The Hymns of Luther set to their original melodies, with an English Version*. New York, 1883. E. ACHELIS: *Die Entstehungszeit v. Luther's geistl. Liedern*. Marburg, 1884. DANNEIL: *Luther's geistl. Lieder nach seinen drei Gesangbüchern von 1524, 1529, 1545*. Frankf.-a-M., 1885.
- III. AUG. H. HOFFMANN VON FALLERSLEBEN: *Geschichte des deutschen Kirchenlieds his auf Luther's Zeit*. Breslau, 1832; 3rd ed., Hannover, 1861. F. A. CUNZ: *Gesch. des deutschen Kirchenlieds*. Leipz. 1855, 2 parts. JULIUS MÜTZELL: *Geistliche Lieder der evangelischen Kirche aus dem 16ten Jahrh. nach den ältesten Drucken*. Berlin, 1855, 3 vols. (Тот же труд, в более поздней публикации, под заглавием *Geistl. Lieder der ev. K. aus dem 17ten und Anfang des 18ten Jahrh.* Braunschweig, 1858.) K. MÜLLENHOFF and W. SCHERER: *Denkmäler deutscher Poesie und Prosa aus dem 8ten his 12ten Jahrh.* Berlin, 1864.
- *EDUARD EMIL KOCH (ум. в 1871): *Geschichte des Kirchenlieds der christlichen, insbesondere der deutschen evangelischen Kirche*. Третье изд., дополнил и расширил RICHARD LAUXMANN. Stuttgart, 1866-1876, 8 vols. (Первое изд. вышло в 1847; второе — в 1852 и 1853, 4 тома). Очень полезная книга о немецких гимнах.
- *PHILIPP WACKERNAGEL (ум. в 1877): *Das deutsche Kirchenlied von Luther his N. Hermann und A. Blaurer*. Stuttgart, 1842, 2 vols. Его же: *Bibliographie zur Geschichte des deutschen Kirchenliedes im 16ten Jahrhundert*. Frankf.-a-M., 1855. *Его же: *Das deutsche Kirchenlied von der ältesten Zeit his zu Anfang des XVII Jahrhunderts*. Leipzig, 1864-77, 5 vols. (его главный труд, заверченный двумя его сыновьями). Монументальный труд, требовавший громадного трудолюбия и невероятно точный — из тех, о которых говорят, что «педантичность — это добродетель». Первый том содержит гимны на латыни, начиная со стр. 365-884 — дополнения к библиографии. Второй и последующие тома посвящены немецким гимнам, в том числе средневековым (т. II).
- *A. F. W. FISCHER: *Kirchenlieder-Lexicon. Hymnologisch-literarische Nachweisungen über 4,500 der wichtigsten und verbreitetsten Kirchenlieder aller Zeiten*. Gotha, 1878, 1879, 2 vols. K. SEVERIN MEISTER and WILHELM BÄUMKER (католики): *Das katholische deutsche Kirchenlied in seinen Singweisen von den frühesten Zeiten his gegen Ende des 17ten Jahrh.* Freiburg-i.-B., 1862, автор второго тома Bäumker, 1883. В основном посвящен музыке.
- О гимнах реформатских церквей Швейцарии и Франции в XVI веке: *Les Psaumes mis en rime française par Clément Marot et Theodore de Bèze. Mis en musique quatre parties par Claude Goudimel*. Genève, 1565. Содержит 150 псалмов, песнь Симеона, стихотворное переложение десяти заповедей и 150 мелодий, многие из которых основаны на светских мотивах, проникших в лютеранскую церковь. Есть прекрасные современные издания: O. DOUEN: *Clément Marot et le Psautier Huguenot*. Paris, 1878 и 1879, 2 vols. WEBER: *Geschichte des Kirchengesangs in der deutschen reformirten Schweiz seit der Reformation*. Zürich, 1876.

⁶⁵²Об истории соблюдения воскресенья см. Hesse, *Sunday: its Origin, History, etc.* (Oxford, 1860); Gilfillan, *The Sabbath* (Edinb. 1861); и очерк этого автора *Christian Sabbath* в «Christ and Christianity» (New York and London, 1885, pp. 213-291).

О гимнах богемских и моравских братьев см. последний труд WACKERNAGEL, III. 229-350 (nos. 255-417), и КОСЧ, I. с., II. 114-132.

См. также сборники гимнов и их обсуждение в RAMBACH, BUNSEN, KNAPP, DANIEL, J. P. LANGE, STIER, STIP, GEFFKEN, VILMAR, etc. Также SCHAFF, очерк «German Hymnology» и другие соответствующие статьи в выходящем «Dictionary of Hymnology», ред. J. JULIAN, должен выйти у Дж. Мюррея в Лондоне и Скрибнера в Нью-Йорке, 1889. Это будет лучший труд на английском языке о происхождении и истории христианских гимнов всех веков и народов.

Самый ценный вклад немецкого протестантизма в христианское поклонение — богатая сокровищница гимнов. Лютер задал тон, и лютеранская церковь последовала его примеру, дав миру множество авторов. Реформатские церкви сначала создавали метрические переложения псалмов на подходящие мелодии, а потом стали творить и новые христианские гимны.

Гимн в строгом смысле слова, как популярная религиозная лирика или лирическое стихотворение, восхваляющее Бога или Христа и предназначенное для пения во время совместного богослужения, родился в Германии, созрел в период Реформации и связан с представлениями о всеобщем священстве верующих. Латинская церковь подготовила путь и создала несколько великих гимнов, которые никогда не умрут, — таких как *Dies Irae*, *Stabat mater* и *Jesu dulcis memoria*. Но эти и другие латинские гимны и секвенции св. Илария, св. Амвросия, Фортуната, Ноткера, св. Бернара, св. Фомы Аквината, Фомы Челанского, Джакомо де Бенедетти, Адама Сен-Викторского и т. д. пели священники и хор, а простому народу они были понятны не более, чем латинская Псалтирь и латинская месса⁶⁵³. В церковном поклонении господствовала латынь, что способствовало единству церкви и облегчало литературное общение, но в то же время препятствовало возникновению гимнов на народных языках. Тем не менее благодаря свойственной немцам любви к поэзии и песне появилось большое количество священных песен, стихотворных переводов псалмов и латинских гимнов. Как Библии существовали на немецком языке еще до перевода Лютера, так и гимны на немецком существовали до его времени, но их использование было ограничено, а позже их вытеснили более совершенные произведения евангельской церкви. Филипп Вакернагель (самый ученый немецкий специалист по гимнам, вдохновенный почитатель Лютера) во втором томе своего крупного сборника приводит 1448 немецких гимнов и секвенций, от Отфрида Вейсенбургского до Ганса Сакса включительно, то есть с 868 по 1518 г. Гимны на народном языке создавались не только в Германии. Святой Франциск Ассизский сочинил *Cantico del Sol*, Якопоне из Тоди (автор *Stabat mater*) — страстные хвалебные оды, которые «трепещут подобно языкам пламени» и предназначены для братских и домашних молитв⁶⁵⁴.

Немецкие гимны до Реформации

Чтобы правильно оценить немецкие протестантские гимны, мы должны сделать краткий обзор средневековых немецких гимнов.

Первые пробы тевтонской церковной поэзии — это библейский эпос. Главный из тевтонцев, воспевавших Христа, — англо-саксонский монах Кэдмон из Уитби (бывший свинопас), который около 680 г. вдохновенно воспроизвел {общепринятым на то время} аллитерационным стихом библейскую историю сотворения и

⁶⁵³ О греческой и латинской гимнологии и литературе см. Schaff, *Church History*, т. 3, §113 — 116; т. 4, §94 — 96 {тж. т. 5, §133}.

⁶⁵⁴ См. Ozanam, *Les poètes Franciscains en Italie au 13me siècle*. Paris, 1852.

искупления. История эта стала близка воображению и сердцу Древней Англии⁶⁵⁵. Поэма Кэдмона, вероятно, привезенная в Германию Бонифацием и другими английскими миссионерами, в IX веке вдохновила на похожее сочинение неизвестного саксонского (вестфальского) монаха. Он составил поэтическое согласование евангелий, или жизни Христа, под заглавием «Гелианд» (точнее, *Heiland*, то есть «Целитель», «Спаситель»)⁶⁵⁶. Примерно в то же время (ок. 870) Отфрид из Вейсенбурга в Эльзасе, монах-бенедиктинец, обучавшийся в Фульде и Сен-Галлене, изложил евангельскую историю в стихах на алеманском диалекте. В его сочинении 1500 стихов, поделенных на строфы, каждая из которых состояла из четырех строк с конечной рифмой⁶⁵⁷. {Конечная рифма, заимствованная из латинской поэзии, была нововведением Отфрида.}

В среде варварских народов Запада эти три дидактических эпоса был первыми библиями для мирян на разговорном языке⁶⁵⁸.

Церковная лирическая поэзия и музыка начались с *Kyrie Eleison* и *Christe Eleison*, которые перешли из Греческой церкви в Латинскую в качестве отзывов народа на происходящее при богослужении, особенно по торжественным праздникам, и были расширены до объема кратких стихотворений, называемых (по припеву) *Kirleisen*, или *Leisen*, а также *Leichen*. Эти расширенные мольбы о милосердии — первые образцы немецких гимнов, которые пел народ. Древнейший из них относится к IX веку и называется *Leich vom heiligen Petrus*, в трех куплетах, первый из которых в переводе звучит так:

*Наш Господь наделил власть святого Петра,
Чтобы он хранил людей, уповающих на Него.
Господь, смилуйся над нами!
Христос, смилуйся над нами!*⁶⁵⁹

Один из лучших и наиболее популярных образцов таких *Leisen*, но созданный гораздо позже, — это пасхальный гимн:

*Christ is erstanden
von der marter alle,
des sul [sollen] wir alle fro sein,
Christ sol unser trost sein.
Kyrie leyson*⁶⁶⁰.

⁶⁵⁵ Bouterweck, *Caedmon's des Angelsachsen biblische Dichtungen*, Elberfeld, 1849-54. Bosanquet, *The Fall of Man, or Paradise Lost of Caedmon*, стихотворный перевод с англо-саксонского, London, 1860.

⁶⁵⁶ E. Sievers, *Der Heliand und die angelsächsische Genesis*. Halle, 1875.

⁶⁵⁷ Флаций впервые издал Отфрида, *Evangelienbuch (Evangeliorum liber)*, Bas. 1571. Более поздние издания: Graff, *Krist*, Königsberg, 1831; и Kelle, *Otfrid's Evang.-buch*, Regensb. 1856 и 1859, 2 vols. Отрывки есть в Wackernagel, *D. Kirchenlied* (большой труд), vol. ii. 3-21. Перевод на современный немецкий — G. Rapp, Gotha, 1858.

⁶⁵⁸ См. Hammerich, *Aelteste christliche Epik der Angelsachsen, Deutschen und Nordländer*. Пер. с датск. — Michelsen, 1874.

⁶⁵⁹ Wackernagel (II. 22) опубликовал гимн целиком по рукописи из Мюнхена.

⁶⁶⁰ Wackernagel (II. 43 sq.) приводит несколько вариантов. Позже они были существенно расширены. В мюнхенской рукописи XV века немецкий стих соседствует с латинским:

*Christus surrexit,
mala nostra textit,
et quos hic dilexit
hos ad coelum vexit
Kyrie leyson.*

Покаянные псалмы на народном языке пели бичующиеся (*Geisslergesellschaften*), которые в середине XIV века, в период длительного голода и ужасной чумы («черной смерти», 1348), устраивали торжественные шествия с факелами, крестами и знаменами по всей Германии и другим странам, призывая людей покаяться и подготовиться к грядущему суду⁶⁶¹.

Некоторые из лучших гимнов на латыни, такие как *Te Deum*, *Gloria in excelsis*, *Pange lingua*, *Veni Creator Spiritus*, *Ave Maria*, *Stabat mater*, *Lauda, Sion, Salvatorem*, *Jesu dulcis memoria* св. Бернара и *Salve caput cruentatum* неоднократно переводились задолго до Реформации. Иногда слова оригинала интересным образом перемежались народными словами, как в рождественском гимне:

*In dulci júbilo
Nun singet und seit fro!
Unsres Herzens Wonne
Leit in praesepio
Und leuchtet wie die Sonne
In matris gremio
Alpha es et O.*⁶⁶²

Монах-бенедиктинец Иоганн из Зальцбурга сделал ряд переводов с латыни по просьбе своего архиепископа Пильгрима в 1366 г. и получил в награду приход⁶⁶³.

Миннезингеры XIII века, среди которых самыми выдающимися были Готфрид Страсбургский и Вальтер фон дер Фогельвейде, воспевали любовь, смешивая земное и небесное, плотское и духовное, по образцу Песни песней. Дева Мария для них была образцом чистой, идеальной женственности. Вальтер считал, что невозможно найти эпитеты, которые были бы достойны ее.

Мистическая школа Таулера в XIV веке создала несколько гимнов, проникнутых светлой любовью к Богу. Таулер был автором христианской поэмы *Uns kommt ein Schiff geladen* и гимнов о любви к Богу, один из которых начинается словами:

*Ich muss die Creaturen fliehen
Und suchen Herzensinnigkeit,
Soll ich den Geist zu Gotte ziehen,
Auf dass er bleib in Reinigkeit*⁶⁶⁴.

Мейстерзингеры XV века, как и миннезингеры, создали много гимнов в честь девы Марии. Один из них начинается так:

*Maria zart von edler Art
Ein Ros ohn alle Dornen.*

От Средневековья до нас также дошло несколько превосходных мелодий, светских и религиозных⁶⁶⁵.

В немецких гимнах средних веков, как и в латинских, часто прославляются святые и Мария. Марии даже приписываются божественные качества. Ее практически ставят на место Христа или Святого Духа в качестве источника всякой

⁶⁶¹ См. примеры в Koch, I. 194 sq., и в Wackernagel, II. 333 sqq.

⁶⁶² Несколько вариантов есть в Wackernagel, II. 483-486.

⁶⁶³ Wackernagel (II. 409 sqq.) приводит сорок три его гимна по нескольким рукописям из библиотек Мюнхена и Вены.

⁶⁶⁴ Wackernagel, II. 302 sqq.; Koch, I. 191.

⁶⁶⁵ Meister and Bäumer (*Katholische deutsche Kirchenlied in seinen Singweisen*) приводят собрание таких католических мотивов, отчасти на основании неопубликованных рукописей. Однако они признают великую заслугу протестантов, выступивших первопроходцами при составлении сборников средневековой церковной поэзии и музыки, особенно Винтерфельда и Вакернелла.

благодати. Самый патетический из латинских гимнов, *Stabat mater dolorosa*, в котором необычно сильно описаны страдания Марии у креста и выражено страстное желание сопереживать ей, испорчен духом поклонения Марии и потому не может использоваться в евангельском поклонении без некоторых сокращений или изменений. Великий и благой Бонавентура, который написал гимн о страстях, *Recordare sanctae crucis*, использовал всю Псалтирь для поклонения Деве — *Psalterium B. Mariae*, или «Псалтирь Марии», поменяв по всему тексту этой библейской книги имя Господа на ее имя. Его «Псалтирь» была переведена на немецкий язык и неоднократно издавалась⁶⁶⁶. «Во все века от Отфрида до Лютера, — пишет Вакернагель⁶⁶⁷, — мы встречаемся с идолопоклонническим культом Девы Марии. Существуют гимны, учащие, что она вечно существовала с Богом до сотворения мира, что все было сотворено в ней и для нее и что Бог отдыхал вместе с ней в седьмой день»⁶⁶⁸.

Средневековые гимны славят Марию как царицу небесную, «Вечную Женственность», которая незаметно влечет человека на небеса⁶⁶⁹. Эти гимны стали музыкальной аналогией Сикстинской Мадонны с Христом-младенцем на руках.

Немецкие гимны периода Реформации

Евангельская церковь заменила поклонение деве-матери поклонением Христу как нашему единственному Посреднику и Ходатаю. Она воспроизвела и улучшила древние гимны на латыни и на народном языке, а также их мелодии, и создала большое количество новых. Она ввела общецерковное пение вместо пения священников и хора. Гимн стал, после немецкой Библии и немецкой проповеди, самым мощным миссионерским средством в распространении евангельского учения о грехе и искуплении и сопровождал Реформацию в ее триумфальном шествии. Гимны, напечатанные в виде листовок, распространялись повсюду. Их пели дома, в школах, в церквях и на улицах. Многие из них сохранились по сей день и до сих пор вдохновляют благочестивых верующих.

Лютеру принадлежит исключительная заслуга: он дал немецкому народу Библию, катехизис и сборник гимнов на его родном языке и в такой форме, которая затмила и вытеснила все предыдущие. Теперь Бог мог непосредственно обращаться к людям через Свое Слово, а люди могли непосредственно обращаться к Нему в своих песнях. Лютер был и музыкантом. Он сочинил мелодии к некоторым из своих гимнов⁶⁷⁰. Он был Амвросием немецкой церковной поэзии и музы-

⁶⁶⁶ Wackernagel (*Biblogr.*, p. 454 sqq.) приводит выдержки из издания, вышедшего в Нюрнберге в 1521 г.

⁶⁶⁷ II, p. xiii; см. также nos. 222, 226, 728, 870, 876.

⁶⁶⁸ Один из любимых гимнов в честь Марии начинается так:
*Dich, Frau vom Himmel, ruf ich an,
In diesen grossen Nöthen mein.*

Wackernagel (II. 799 sqq.) приводит несколько вариантов этого гимна. Его пели на Рождество Марии и по другим случаям. Ганс Сакс позже изменил слова на *Christum vom Himmel ruf ich an*.

⁶⁶⁹ Я, конечно же, намекаю на мистическое завершение второй части «Фауста» Гете, *Das Ewig-Weibliche zieht uns hinan*:

*Здесь — заповеданность
Истины всей.
Вечная женственность
Тянет нас к ней.* {Перевод Б. Пастернака.}

⁶⁷⁰ Согласно Коху (I. 470), Лютер является бесспорным автором мотивов *Ein feste Burg* и *Jesaja dem Propheten das geschah*, а также, вероятно, еще шести гимнов. Мелодии других лютеранских гимнов более древние. Их происхождение трудно установить.

ки. Он написал тридцать семь гимнов⁶⁷¹. Большая их часть (тридцать один) относится к периоду после 1524 г., первый — к 1523 г. (вскоре после завершения перевода Нового Завета), а последние два — к 1543 г. (за три года до смерти автора). Самый оригинальный и широко известный — мы сказали бы, наиболее точно отражающий характер самого Лютера и Реформации, — это героический, боевой и победный гимн Реформации, который часто переводили на другие языки и который звучит во всех немецкоязычных странах в торжественные дни: *Ein' feste Burg ist unser Gott* («Твердыня наша — вечный Бог»)⁶⁷².

Это впечатляющее стихотворение основано на сорок пятом псалме (*Deus noster refugium et virtus*), задающем его тон. Оно было создано в период великой скорби и побеждающей веры, в бедственный 1527 г. (не в 1521, не в 1529 и не в 1530), и впервые напечатано в 1528 г.⁶⁷³

Сам Лютер был достаточно консервативен и использовал все имеющиеся в распоряжении средства на благо совместного поклонения и личной молитвы. Большая часть его гимнов и мелодий основана на древних, отчасти латинских, отчасти немецких, а некоторые вдохновлены еврейскими псалмами. Сюда, помимо *Ein feste Burg* (Пс. 45), относятся:

Aus tiefer Noth schrei ich zu dir (1523).
(«Из глубины взываю к Тебе, Господи», Пс. 129).

Ach Gott, vom Himmel sieh darein (1523).
(«Снаси, Господи, ибо не стало праведного», Пс. 11).

На второй главе Евангелия от Луки, выступающей в роли евангелия для детей, основаны его рождественские песни, проникнутые истинно детским духом:

Vom Himmel hoch da komm ich her (1535).
(Я сошел с небес на землю.)

И

Vom Himmel kam der Engel Schaar (1543).
(С небес нисходит ангельская рать.)

⁶⁷¹ Wackernagel (III. 1-31) приводит пятьдесят четыре, включая варианты и произведения, которые не могут быть названы гимнами, — такие как восхваления *Frau Musica* и *Wider Herzog Heinrich von Braunschweig*.

⁶⁷² См. §125. Перевод Карлайла (*A safe stronghold our God is still*) остается одним из лучших, потому что сохраняет грубую силу и воинственное звучание оригинала. Гейне называл этот гимн «Марсельезой» Реформации, хотя он так же сильно отличается от «Марсельезы», как немецкая Реформация от безбожной Французской революции.

⁶⁷³ Гимн датируется 1529 г. в антологии Joseph Klug, *Gesangbuch* (и тем же годом в сборнике гимнов Аугсбурга). Тем же годом его датируют Вакернагель (III. 20), Кох, а также Кестлин в первом издании своей полной биографии М. Лютера (1875, vol. II, 127), понимая его как протест против Шпейерского рейхстага, состоявшегося в этом году. Но после обнаружения более древнего печатного издания, по-видимому, относящегося к февралю 1528 г., Кестлин изменил мнение в пользу 1527 г., года чумы и жесточайших духовных и физических испытаний для Лютера. Он говорит (*l. c.*, II. 182, 2nd and 3rd ed.): *Aus jener schwersten Zeit, welche Luther bis Ende des Jahres 1527 durchzumachen hatte, ist wohl das gewaltigste seiner Lieder, das «Ein feste Burg ist unser Gott», hervorgegangen*. Шнейдер (1856) первым указал дату 1 ноября 1527 г. как день создания гимна по внутренним причинам, а Кнаак (1881) добавил к его доводам несколько новых. Глубочайшая скорбь часто сопровождается наиболее возвышенной верой. Иустин Кернер написал в своем гимне:

*Poesie ist tiefes Schmerzen,
Und es kommt das schönste Lied
Nur aus einem Menschenherzen,
Das ein tiefes Leid durchglüht.*

Другие представляют собой вольные переложения латинских гимнов — либо непосредственно с оригинала, либо на основании более древнего немецкого перевода, например:

Herr Gott, dich loben wir (1543).
(*Te Deum laudamus.*)

Komm, Gott, Schöpfer, heiliger Geist (1524).
(*Veni, Creator Spiritus.*)

Nun komm, der Heiden Heiland (1524).
(*Veni, Redemptor gentium.*)

Gelobet seist du, Jesus Christ (1524).
(*Grates nunc omnes reddamus.*)

Mitten wir im Leben sind (1524).
(*Media vita in morte sumus.*)

Nun bitten wir den heiligen Geist (1524).
(*Мы молимся Святому Духу.*)

Christ lag in Todesbanden (1524).
(*Он лежал в оковах смерти.*)
(*Surrexit Christus hodie.*)⁶⁷⁴

К гимнам, которые создал сам Лютер, относятся:

Nun freut euch, lieben Christen g'mein (1523).
(*Радуйся, радуйся, дорогая паства Христова.*)

Бунсен называет этот гимн «первым (?) гласом немецких церковных гимнов, который, как вспышка молнии, озарил все немецкие земли, восхваляя вечное искупление человечества и Евангелие свободы».

*Erhalt uns Herr bei deinem Wort,
Und steur des Papsts und Türken Mord* (1541).

Этот гимн направлен против папы и Турка как главных врагов Христа и церкви во времена Лютера⁶⁷⁵.

Проникновенная песнь о двух евангельских мучениках из Брюсселя (1523), *Ein neues Lied wir heben an*, хронологически является первым музыкальным произведением Лютера, но это не гимн в строгом смысле слова. Тем не менее она производит невероятно сильное впечатление, особенно десятый куплет:

*Die Asche will nicht lassen ab,
Sie stäubt in alten Landen,
Hie hilft kein Bach, Loch, Grub noch Grab,
Sie macht den Feind zu Schanden.
Die er im Leben durch den Mord,*

⁶⁷⁴ Поразителен третий куплет этого гимна о воскресении:

*Es war ein wunderlicher Krieg,
Da Tod und Leben rungen:
Das Leben das behielt den Sieg,
Es hat den Tod verschlungen.
Die Schrift hat verkündet das,
Wie da ein Tod den andern frass,
Ein Spott aus dem Tod ist worden.
Hallelujah!*

(Это была удивительная схватка, и в ней сражались Жизнь и Смерть, но Жизнь победила своего врага. Смерть осмеяна и уничтожена. В точности как говорится в Писании, Христос смертью Смерть поправил.)

⁶⁷⁵ Вторая строка, весьма оскорбительная для папистов, в самых последних сборниках заменена на *Und steure alter Feinde Mord*.

*Zu schweigen hat gedrungen
Die muss er todt an altem Ort
Mit aller Stimm und Zungen
Gar fröhlich lassen singen*⁶⁷⁶.

*(Их прах не покоится и не лежит в земле,
Но развеян тут и там,
Он презирает потоки, темницы, молнии и могилу,
К стыду и страху их врагов.
И те, кого тиран мог принудить к молчанию,
Пока они были живы,
Умершие будут петь свои песни
На всех наречиях и языках,
И песни эти зазвучат по всему миру.)*

Для гимнов Лютера, как и для гимнов св. Амвросия, характерны простота и выразительность, а также народный стиль. Но, в отличие от гимнов св. Амвросия и средних веков, они проникнуты смелым, уверенным, радостным духом оправдывающей веры, которая является живым сердцем богословия и благочестия Лютера.

Гимны Лютера сразу же стали использоваться в церкви и школах. С их помощью Реформация проникла в сердца людей. Ганс Сакс из Нюрнберга приветствовал Лютера как виттенбергского соловья⁶⁷⁷. О том, с каким уважением относились к нему современники, можно заключить из слов Кириака Шпангенберга, также автора гимнов, который пишет в предисловии к своей *Cithara Lutheri* (1569): «Из всех певцов со времен апостолов Лютер — лучший. В его гимнах нет ни одного праздного или бесполезного слова. Рифмы просты и добротны, слова точны и уместны, смысл ясен и понятен, мелодия приятна и душевна, и все это *in summa* столь редко и величественно, столь полно благочестия и силы, столь радостно и утешительно, что вы не найдете даже равного ему, а не то что лучшего».

К моменту смерти Лютера (1546) насчитывалось уже не менее сорока семи лютеранских сборников гимнов и песенников. Первый немецкий евангельский сборник гимнов, так называемый «Виттенбергский энхиридион», был напечатан в 1524 г. и содержал восемь гимнов, четыре — Лютера, три — Сперата, один — неизвестного автора. «Эрфуртский энхиридион», того же года, содержал двадцать пять гимнов, восемнадцать из которых принадлежали перу Лютера. Сборник Вальтера, также 1524 г., включал в себя тридцать два немецких и пять латинских гимнов, с предисловием Лютера. В *Gesangbuch*, изданной Клугом и подготовленной Лютером в Виттенберге в 1529 г., было пятьдесят гимнов (двадцать восемь из них — Лютера). В сборнике Бабста 1545 г. (напечатанном в Лейпциге) — восемьдесят девять, а в его пятом издании 1553 г. — сто тридцать один гимн⁶⁷⁸.

Этот быстрый рост количества гимнов и сборников продолжался после смерти Лютера. Мы только упомянем имена главных авторов гимнов, которые были вдохновлены его примером.

Юст Ионас (1493 — 1555), друг и соратник Лютера, написал

Wo Gott, der Herr, nicht bei uns hält (Пс. 123).
(Если б не был с нами Бог.)

⁶⁷⁶ См. текст целиком в Wackernagel, III, 3, 4. Томас Фуллер говорит, что речка Свифт, в которую был брошен пепел Виклифа (1428), «понесла его в Эйвон, Эйвон — в Северн, Северн — в ближайшие моря, а оттуда он попал в океан, и судьба праха Виклифа символизирует судьбу его учения, которое теперь распространено по всему миру».

⁶⁷⁷ *Die wittenbergisch Nachtigall,
Die man jetzt höret überall.*

⁶⁷⁸ См. Koch, I, 246 sqq., и Wackernagel, *Bibliographie*, p. 66 sqq.

Пауль Эберт (1511 — 1569), верный помощник Меланхтона и преподаватель еврейского языка в Виттенберге, написал

Wenn wir in höchsten Nöthen sein.
(Когда в отчаянной нужде...)

и

Herr Jesu Christ, wahr'r Mensch und Gott.
(Господь Иисус Христос, воистину и Бог, и человек.)

Буркхард Вальдис из Гессена (1486 — 1551) переложил на стихи Псалтирь.

Эразм Альбер (ум. в Мекленбурге, 1553) написал двадцать гимнов, которые Гердер и Гервин считают чуть не равными гимнам Лютера.

Лазарь Шпенглер из Нюрнберга (1449 — 1534) написал примерно в 1522 г. гимн о грехе и искуплении, который вскоре стал очень популярен, хотя является скорее дидактическим, чем поэтическим:

Durch Adam's Fall ist ganz verderbt.

Ганс Сакс (1494 — 1576), поэт-башмачник из Нюрнберга, был самым плодовитым из «мейстерзингеров» этого периода. Он написал и несколько духовных гимнов, но только один из них используется до сих пор:

Warum betrübst du dich, mein Herz?
(Зачем ты тоскуешь, сердце мое?)

Вейт Дитрих, пастор церкви Св. Себальда в Нюрнберге (ум. в 1549), написал

Bedenk, o Mensch, die grosse Gnad.
(Помни, человек, чудесную благодать.)

Маркграф Альбрехт Бранденбургский (ум. в 1557) написал

Was mein Gott will, gescheh allzeit.
(Воля Твоя, мой Боже, исполняется всегда.)

Павел Сперат, его придворный капеллан в Кенигсберге (ум. в 1551), обогатил первый немецкий сборник гимнов (1524) тремя произведениями, лучшее из которых —

Es ist das Heil uns kommen her.
(Вот спасенье к нам пришло.)

Однако это скорее дидактическое, чем лирическое творение. В нем рифмованными строками изложено учение об оправдании верой.

А этот гимн Шнезинга впервые был опубликован в 1545 г. и используется по сей день:

Allein zu dir, Herr Jesu Christ.
(Тебе одному, Господь Иисус Христос)

Матезий, ученик и биограф Лютера, пастор Иоахимштала в Богемии (1504 — 1565), написал несколько гимнов. Николай Герман, его кантор и друг (ум. в 1561), стал автором 176 гимнов, в основном для детей. Он сочинял и популярные мелодии. Николай Деций, сначала монах, а потом евангельский пастор в Штеттине (ум. в 1541), воспроизвел содержание *Gloria in excelsis* в своем известном гимне *Allein Gott in der Höh sei Ehr* (1526), а евхаристический *Agnus Dei* — в своем *O Lamm Gottes unschuldig* (1531). Он также сочинял музыку.

Немецкие гимны периода Реформации обогатились и гимнами богемских братьев. Двое из них, Михаил Вейссе (ум. в 1542) и Иоганн Горн, делали вольные переводы. Вейссе был немцем, но вступил в братство, которое отправило его

делегатом к Лютеру в 1522 г. Лютер сначала благосклонно относился к ним, пока они не приняли реформатское учение о таинствах. Один из самых известных богемских гимнов — пасхальный *Christus ist erstanden* (1531).

Мы не можем детально отследить процесс становления немецких гимнов. Он шел непрерывным потоком с XVI века до нашего времени, и в нем немецкое благочестие предстает перед нами облеченным в воскресные одежды поэзии. Немецкие гимны — богатейшие из всех⁶⁷⁹.

Количество немецких гимнов достигает чуть ли не ста тысяч. Декан Георг Людвиг фон Гарденберг из Гальберштадта в 1786 г. подготовил указатель первых строк 72.733 гимнов (в пяти томах, хранится в библиотеке Гальберштадта). Этот список уже в то время не был полным, а с тех пор количество гимнов существенно увеличилось. Около десяти тысяч гимнов стали более или менее популярны и вошли в разные сборники. Фишер⁶⁸⁰ приводит первые строки примерно пяти тысяч лучших из них, и многие из этих гимнов отсутствуют у фон Гарденберга.

Мы вполне могли бы назвать почти тысячу этих гимнов классическими и бессмертными. Многие из них существуют только на немецком языке.

В эту сокровищницу немецких гимнов внесли вклад сотни мужчин и женщин всех сословий и родов деятельности: богословы и пасторы, князья и княгини, генералы и государственные деятели, врачи и юристы, торговцы и путешественники, труженики и лица, не состоящие на службе. Все они принесли жертву на алтарь поклонения. Большинство немецких авторов гимнов — лютеране. Остальные принадлежат к Немецкой Реформатской церкви (как Неандер и Терстеген), моравскому братству (Цинцендорф и Грегор) или Объединенной Евангельской церкви. Многие из этих гимнов, обладающие наибольшей убедительностью и вдохновенностью, сильнее всего исполнены веры и богатые утешением, родились среди конфликтов и бурь Реформации или ужасного опустошения и невероятной нищеты Тридцатилетней войны. Другие относятся к периоду пробуждения, пиетизма Шпенера и моравского братства Цинцендорфа и отражают искреннее стремление к святости, пыл первой любви, нежное наслаждение души, общающейся со своим небесным Женихом. Немало гимнов возникло в холодное и прозаическое время Просвещения и рационализма — подобно цветам, что вырастают из сухой земли, или альпийским розам на снежных полях. А есть гимны, которые провозглашают в живых и радостных тонах расцвет возрождающей веры в стране, где родилась Реформация. Эти гимны составляют книгу наставлений и поэтический символ веры немецкого протестантизма, священную цепь, соединяющую разные периоды его существования, вечный памятник его борьбе и победе, его печалям и радостям, отражение его важнейшего опыта и красноречивое свидетельство в пользу всепобеждающей и неодолимой животворящей силы евангельской христианской веры.

Сокровища немецких гимнов были заимствованы и церквями других стран. Немецкие гимны вошли в шведские, норвежские, датские, французские, голландские, современные английские и американские сборники.

Джон Весли первым из английских богословов оценил их по достоинству. Его брат Чарльз создал громадное количество оригинальных гимнов, а Джон написал вольные переводы нескольких гимнов Пауля Герхарда, Терстегена и Цинцендор-

⁶⁷⁹ Характерно, что Янссен в своем обширном ультрамонтанском труде не говорит ни слова про гимны Лютера и его последователей, обогатившие совместное поклонение и христианское благочестие.

⁶⁸⁰ *Kirchenlieder-Lexicon*, 1878.

фа. Английский сборник гимнов моравских братьев, пересмотренный Монтгомери, содержит около тысячи сокращенных переводов с немецкого (сокращения обычно не искажают смысла). В последнее время мы наблюдаем, как несколько талантливых поэтов, мужчин и женщин, состязаются друг с другом, переводя немецкие гимны. Среди главных переводчиков на английский мы упомянем мисс Френсис Элизабет Кокс⁶⁸¹, Артура Тозера Расселла⁶⁸², Ричарда Мэсси⁶⁸³, мисс Кэтрин Уинкуорт⁶⁸⁴, миссис Эрику Файндлейтер и ее сестру мисс Джейн Бортуик из Свободной Церкви Шотландии, которые скромно скрывают свои имена под аббревиатурой *H. L. L.* («Гимны земли Лютера») ⁶⁸⁵, Джеймса У. Александра⁶⁸⁶, Генри Миллса⁶⁸⁷, Джона Келли⁶⁸⁸, не говоря уже о многих других, создавших замечательные переводы одного или более гимнов для церковных и частных сборников⁶⁸⁹.

Английские и американские гимны стали возникать гораздо позже, чем немецкие, но по количеству занимают уже второе место. Они постоянно обогащаются за счет переводов с греческого, латинского и немецкого языков, а также за счет создания новых произведений. Возможно, в конечном итоге они выйдут на первое место, опередив немецкие.

⁶⁸¹ *Sacred Hymns from the German*, London, 1841, новое издание с немецким текстом — 1865.

⁶⁸² *Psalms and Hymns, partly original, partly selected, for the use of the Church of England*, Cambridge, 1851. Многие гимны переведены с немецкого. Как переводчик, он внес большой вклад в подготовку издания Ernest Bunsen, *Hymns for Public Worship and Private Devotion*, London, 1848.

⁶⁸³ *Luther's Spiritual Songs*, London, 1854; *Lyra Domestica*, переводы по Spitta, *Psalter and Harp*, London, 1860; второе изд. — 1864.

⁶⁸⁴ *Lyra Germanica*, первая и вторая серии, Lond. and N. Y., 1855 и 1858, несколько изданий. Также прекрасный сборник *Chorale Book for England*, London, 1863, где присутствует много гимнов из *Lyra Germanica*, отчасти переделанных, а также семьдесят два других перевода этой дамы и древние мелодии под редакцией Беннета и Гольдшмидта. Несколько переводов мисс Уинкуорт, особенно из Пауля Герхарда, вошли в церковные сборники гимнов. См. Theo. Kübler, *Historical Notices to the Lyra Germanica* (посвящено мисс Уинкуорт), London, 1865.

⁶⁸⁵ *Hymns from the Land of Luther, translated from the German by H. L. L.*, Edinburgh and New York, in 4 parts, 1854; 5th ed., Edinb. 1884 (тираж 15 тысяч), расширено на основании *Alpine Lyrics* миссис Метты Хойссер. Переводы мисс Бортуик передают скорее дух, чем букву оригинала. Некоторые из них стали широко известны благодаря церковным сборникам и отдельным сборникам, например: ехаристический гимн Франка *Schmücke dich, Oliebe Seele — Soul, arise, dispel thy sadness; Ich bin ein Gast auf Erden* Герхарда — *A pilgrim and a stranger, I journey here below; Gott ruft noch Терстегена — God calling yet; Mein Jesu, wie Du willst, So lass mich allzeit wollen* Шмолька — *My Jesus, as Thou wilt; Jesu, geh voran* Цинцендорфа — *Jesus, still lead on; Was macht ihr, dass ihr weinet* Спитты — *What mean ye by this wailing, ergo же «Ангел терпения» (Es zieht ein stiller Engel — A gentle angel walketh throughout this world of woe); Was kein Auge hat gesehen* Ланге — *What no human eye hath seen; Noch ein wenig Schweiss und Thränen* миссис Хойссер — *A few more conflicts, toils and tears; O Jesu Christ, mein Leben ee же — O Christ, my Life, my Saviour*. Кроме того, она перевела другую религиозную лирику, которая не была задумана как гимны. Мисс Бортуик выпустила также *Lyra Christiana, a Treasury of Sacred Poetry, edited by H. L. L.* (Edinb., 1888), где есть несколько немецких стихотворений, но в основном сборник основан на английских источниках.

⁶⁸⁶ Служитель-пресвитерианин из Нью-Йорка, ум. в 1859. Он выполнил лучший перевод *O Haupt voll Blut und Wunden* Герхарда (*O sacred Head, now wounded*) и нескольких других знаменитых гимнов, немецких и латинских. Его переводы были впервые опубликованы в *Schaff, Kirchenfreund*, 1849-51 (с оригиналами), затем — в «*Mercersburg Review*», 1869, pp. 304 sqq., 414 sqq., после чего вошли во многие американские сборники гимнов.

⁶⁸⁷ *Horae Germanicae*, Auburn and New York, 1845, 2^d ed. 1856. Миллс был профессором библейской критики в Пресвитерианской Богословской семинарии в Оверни, Нью-Йорк, и умер в 1867 г.

⁶⁸⁸ *Paul Gerhardt's Spiritual Songs*, London, 1867.

⁶⁸⁹ Например, *Schaff, Christ in Song*, New York, 1868, и London, 1870. В своем немецком сборнике гимнов (Philad., 1859, пересм. и расшир. изд., 1874) я перечислил английские переводы, которые мне известны.

§83. Образовательные школы

LUTHER: *An die Rathsherren aller Städte deutschen Landes, dass sie christliche Schulen aufrichten und halten sollen*. Wittenberg, 1524. В том же году книга вышла на латинском (*De constituendis scholis*), с предисловием Меланхтона, вероятного переводчика, в Гагенау. В WALCH, x. 533; в Erlangen. ed., xxii. 168-199.

Церковь и школа идут рука об руку. Иудейская синагога была школой. Каждая христианская церковь — это школа благочестия и добродетели для молодых и старых. Средневековая церковь несла цивилизацию варварам и обучала их, основывала монастырские и кафедральные школы, а также великие университеты Парижа (1209), Болоньи, Падуи, Оксфорда, Кембриджа, Сент-Эндрюса, Глазго, Саламанки, Алькалы, Толедо, Праги (1348), Вены (1365), Гейдельберга (1386), Кельна (1388), Эрфурта (1393), Лейпцига (1409), Базеля (1460), Ингольштадта (1472), Тюбингена (1477), Виттенберга (1502) и т. д. Но образование в средние века было аристократическим. Его получали только клирики и очень немногие миряне из высших слоев общества. Простой народ был невежественным и суеверным, не умел ни читать, ни писать. Даже знатные люди подписывались крестиком. Книг было мало, и стоили они дорого. Изобретение книгопечатания подготовило путь для народного образования. Реформация впервые стала пользоваться печатью в широком масштабе и весьма способствовала развитию общеобразовательных школ. Гений протестантизма способствует всеобщему распространению знаний. Он возвышает мирян, освобождает частное суждение и стимулирует рост личной ответственности. Каждый человек должен жить в духе христианской свободы и управлять своей жизнью.

Лютер впервые затронул эту тему в своем «Обращении к немецкому дворянству» (1520). В 1524 г. он написал специальную книгу, в которой призывал власти всех городов Германии усовершенствовать свои школы или учреждать новые, для мальчиков и девочек, тем более что ревностное отношение к монашеству ослабело и монахи начали покидать монастыри. Лютер мудро советовал направить для этой цели часть средств церквей и монастырей, вместо того чтобы тратить их на светские нужды или на жадных князей и знать. Он уделяет большое внимание изучению языков и умело опровергает все возражения. Приведем несколько отрывков, чтобы вы получили более полное представление об этой очень полезной небольшой книге на столь важную тему.

Благодать и мир от Бога, нашего Отца, и Господа Иисуса Христа... Хотя я теперь отлучен на три года и должен был бы хранить молчание, если бы боялся людей больше, чем Бога... я буду говорить, пока я жив, пока праведность Христа не воссияет в Его славе... Я прошу вас всех, мои дорогие господа и друзья, ради Бога, позаботьтесь о бедной молодежи и тем самым помогите всем нам. Год за годом столько денег тратится на вооружение, дороги, плотины и бесчисленное количество подобных вещей, так почему бы не потратить средства на обучение бедной молодежи?... Сейчас Слово Божье слышно в Германии как никогда. Но если мы не проявим благодарности за это, мы рискуем снова оказаться во тьме, причем еще худшей.

Дорогие немцы, покупайте, пока рынок рядом. Собирайте урожай, пока светит солнце и погода хороша. Пользуйтесь благодатью Божьей и Его словом, пока они под рукой. Ибо вы должны знать, что Божья благодать и слово — как кратковременный ливень. Они не возвращаются туда, где уже были. Когда-то у иудеев была благодать, но то, что ушло, ушло (*hin ist hin*), и теперь у них ничего нет. Апостол Павел принес благодать в Грецию, но то, что ушло, ушло, и теперь греки подчинены Турку. У Рима и Италии тоже была благодать, но ушедшее не вернется, и теперь у них папа. И мы, немцы, не должны думать, что получили благодать навсегда. Если мы будем неблагодарны и с пренебрежением к ней отнесемся, она не задержится здесь. Так что хватайте ее и держите, кто как может.

Грех и позор, что нас надо уговаривать давать образование нашим же детям, когда сама природа и даже пример небес призывает нас так поступать... Вы скажете: пусть об этом заботятся родители, это дело не для советников и властей. Но если родители пренебрегают своими обязанностями? Большинство родителей не способны на это, потому что они сами ничему не научились и не могут обучать своих детей. У других нет времени. А есть еще сироты. Слава города — не в его казне, крепких стенах и красивых домах, а в воспитанных, образованных и умелых горожанах. Древний Рим учил своих сыновей латыни, греческому и всем изящным искусствам...

Мы признаем, говорите вы, что школы должны быть, но какая польза от изучения латыни, греческого, еврейского и прочих свободных искусств? Разве не изучаем мы на немецком языке Библию и Божье Слово, которых достаточно для спасения? Я отвечаю вам: да, я, конечно же, знаю об этом! Но вместе с тем я знаю, что мы, немцы, навсегда останемся грубыми дикими животными, как называют нас соседние народы, и мы заслуживаем такого прозвища. И я удивляюсь, почему вы никогда не спрашиваете: зачем нам шелка, вина, специи и другие иноземные товары, ведь у нас есть вино, зерно, шерсть, хлопок, древесина и камень в Германии, причем они есть у нас в изобилии не только для поддержания жизни, но и для отделки и украшения? Искусства и языки не принесут нам никакого вреда. Напротив, это великое украшение, благо, честь и преимущество как для понимания Священного Писания, так и для управления гражданскими делами. Но мы склонны пренебрегать ими, тогда как иноземными товарами, которые нам не нужны, не полезны, и более того, которые нас разоряют, мы совсем не хотим пренебрегать! Так разве немцы не заслуживают того, чтобы нас называли неразумными животными?..

Если мы любим Евангелие, давайте изучать языки. Бог дал нам Писание на двух языках — Ветхий Завет на еврейском и Новый Завет на греческом. И потому мы должны чтить эти языки больше всех прочих... Давайте же помнить, что мы не сможем сохранить Евангелие без знания языков. Языки — это ножны, в которых покоится меч Духа. Это сундук, в котором лежит сокровище. Это сосуды, содержащие напиток. Это погреб, где запасается пища. Как показывает само Евангелие, это корзины для хранения хлебов, рыбы и остатков еды. Если мы, заблудясь, забудем о языках (а Бог запрещает это!), мы не только утратим Евангелие, мы не сможем говорить и писать правильно ни на латыни, ни на немецком...

Я веряю всех вас Божьей благодати. Да смягчит Он и да воспламенит ваши сердца, чтобы они искренне приняли участие в бедных, несчастных, забытых молодых людях и с Божьей помощью наставили их, помогли им жить счастливо и по-христиански на немецкой земле телом и душой во всей полноте и с избытком во славу и честь Бога Отца через Иисуса Христа, нашего Спасителя. Аминь.

К совету Лютера прислушались. Протестантские народы опережают римско-католические в плане образования. В Германии и Швейцарии вы вряд ли встретите протестантского ребенка, который не умел бы читать, в то время как в некоторых папских странах даже сегодня большинство населения неграмотно⁶⁹⁰.

§84. Реформа церковного управления и дисциплины

AEMIL LUDW. RICHTER: *Die evangel. Kirchenordnungen des 16 Jahrh.*, Weimar, 1846, 2 vols. Его же: *Gesch. der evang. Kirchenverfassung in Deutschland*. Leipzig, 1851. Его же: *Lehrbuch des kath. und evang. Kirchenrechts*, Leipzig, 5th ed., 1858. J. W. F. HÖFLING: *Grundsätze der evang.-lutherischen Kirchenverfassung*. Erlangen, 3rd ed., 1853. STAHL: *Die Kirchenverfassung nach Recht und Lehre der Protestanten*. Erlangen, 1862. MEJER: *Grundl. des luth. Kirchenregiments*, Rostock, 1864. E. FRIEDBERG: *Lehrbuch des kath. u. evang. Kirchenrechts*, Leipzig, 1884.

⁶⁹⁰ Согласно официальной переписи, в Испании (некогда самой богатой и гордой монархии Европы) в 1877 г. шестьдесят процентов взрослого населения не умело читать. Сравните это с нынешней статистикой образования в Пруссии, которая в XVI веке была бедным полуварварским княжеством. А контраст между Северной и Южной Америкой в плане народного образования еще более разителен.

Папская монархия и видимое единство западного христианского мира были уничтожены, когда Лютер сжег папскую буллу и каноническое право. Епископы отказались возглавить новое движение. Последовали беспорядок и смятение. Необходимо было реформировать управление церковью и дисциплину в ней. В этой ситуации представление о церкви как невидимом единстве всех верующих не помогало. Невидимое не подлежит управлению. Вопрос был в том, что делать с видимой церковью, существовавшей в Саксонии и других протестантских странах, — как превратить хаос в порядок. Пришлось обратиться к знатокам права, но нельзя было пренебрегать и личным знакомством с мудростью законотворчества и вековым опытом. Лютер вернулся к изучению канонического права, хотя это мало что ему дало⁶⁹¹. Он ненавидел право за его связь с папством и вступил в конфликт со знатоками права, даже со своим коллегой профессором Шурфом, сопровождавшим его на Вормсский рейхстаг в качестве верного друга и советника, но не соглашавшимся в вопросе о брачных законах. Лютер оскорблял знатоков права даже с кафедры, называя их сообщниками папы и дьявола⁶⁹². Он не был защитником дисциплины и организатором, как Жан Кальвин, Джон Нокс или Джон Весли, и оставил свою церковь в менее удовлетворительном состоянии, чем реформатские церкви Швейцарии и Шотландии. Он жаловался, что у него нет подходящих людей для достижения цели, но делал все, что было возможно в тех обстоятельствах, и сожалел, что не может сделать больше.

Существовало четыре варианта ведения евангельской церковной политики.

1. Сохранить епископскую иерархию, устранив папство, или создать новую. Так было сделано в лютеранской церкви Скандинавии и в Церкви Англии, но там установилась теснейшая связь церкви с государством и подчинение ему. В Скандинавии апостольская преемственность была нарушена, тогда как в Англии она сохранилась, возглавляемая Кранмером как архиепископом Кентерберийским, затем прервалась при королеве Марии и была восстановлена при королеве Елизавете.

Если бы немецкие епископы приняли Реформацию, они, без сомнения, сохранили бы власть в Германии и естественным образом возглавили бы организацию новой церкви. Меланхтон выступал за епископат и даже за человеческое (не божественное) право папства на власть, при условии евангельской свободы. Однако враждебность иерархии сделала это невозможным в Германии⁶⁹³. Он, особенно в поздние годы, склонялся в пользу исторического устройства церкви как установления больше, чем Лютер, который не помышлял о сохранении епископатов. Однако он учил, что изначально епископы и пресвитеры были равны (ссылаясь на Пастырские послания и Иеронима), и утверждал, что если епископ отвергает Евангелие и отказывается давать рукоположение евангельским проповедникам, то право рукоположения принадлежит церкви и пасторам.

⁶⁹¹ Послание к Шпалатину от 30 марта 1529 г. (De Wette, III. 433): *Jura papistica legere incipimus et inspicere*.

⁶⁹² A. Kohler, *Luther und die Juristen*, Gotha, 1873; Köstlin, *M. Luth.*, II. 476 sqq., 580 sq. В своих «Застольных речах» (Erl. ed., LXII, 214 sqq.) Лютер много критикует правоведов и говорит, что лишь немногие из них спасутся (*Ein frommer Jurist ist ein seltsames Thier*).

⁶⁹³ *Apol. Conf. Aug.*, art. XIV (Müller, p. 205): *Nos summa voluntate cupere conservare politiam ecclesiasticam et gradus in ecclesia, factos etiam humana auctoritate*. Он подписал Шмалькальденские статьи (1537), где было положение в пользу ограниченной папской власти.

2. Заменить епископов-клириков епископами-мирянами — иначе говоря, доверить управление церковью городским властям, которые будут назначать служителей, суперинтендентов и церковных советников в качестве исполнительных лиц.

Так было сделано в лютеранских церквях Германии. Суперинтенденты исполняли обязанности епископов, но не выделялись как отдельный чин, причем не было теории епископской или апостольской преемственности. Лютеранская церковь придерживается пресвитерианского учения о равенстве служителей⁶⁹⁴, но организация лютеранских церквей в течение ряда лет считалась временной, и примирение с епископами было тогда еще возможно, а потому князей называли *Notchbischöfe*.

3. Организовать пресвитерианское управление на основании равенства служителей, мирян-старейшин из числа паствы и диаконов, а также представительского синодального руководства со строгой дисциплиной и разграничением между номинальными и причащающимися членами. Такая попытка была предпринята в Гессене на Гомбергском синоде (1526) Ламбертом (учеником Цвингли и Лютера), возобновлена Кальвином в Женеве и заимствована реформатскими церквями Франции, Голландии, Шотландии и пресвитерианскими церквями Северной Америки. Лютер скорее отговаривал от этого плана в письме к Филиппу Гессенскому, но в 1540 г. он выразил желание, вместе с Юстом Ионасом, Бугенгагеном и Меланхтоном, ввести христианскую дисциплину с помощью старейшин (*seniores*) в каждой общине. В некоторых конституциях лютеранских церквей из общины верующих исключаются прелюбодеи, пьяницы и богохульники.

4. Независимая конгрегация, то есть организация самоуправляемых общин истинных верующих людей, свободно общающихся друг с другом. Однажды Лютер предложил подобный вариант, но вскоре отказался от этой идеи, не испробовав ее на практике. Отдельные попытки предпринимались при королеве Елизавете и были успешно осуществлены в XVII веке индепендентами в Англии и конгрегационалистами в Новой Англии.

Последние два способа — сугубо протестантские. Они соответствуют принципу всеобщего священства верующих, но предполагают более действенную способность мирян к самоуправлению, чем в случае епископального руководства.

Все эти формы управления допускают союз с государством (как в Европе) или отделение от него (как в Америке). Единство церкви и государства было традиционным со времен Константина и Карла Великого. За него выступали все реформаторы. Они не думали об отделении, даже сделали две эти силы ближе друг к другу, увеличив влияние государства на церковь. Лютер лишь однажды упомянул о возможности разделения как о частном случае (мы даже сказали бы, как о пророческой мечте), но вскоре отказался от него как от невозможного.

Лютер, в соответствии со своим уникальным личным опытом, сделал учение об оправдании основной истиной христианства. Он верил, что проповедь этого учения сама по себе произведет все необходимые изменения в поклонении и дисциплине, но злоупотребление евангельской свободой научило его необходимости дисциплины, и он выступил против антиномизма. Его жалобы на плохие времена усиливались по мере того, как он становился старше и немощнее телом.

⁶⁹⁴ См. приложение к Шмалькальденским статьям, обладающим авторитетом символа веры, о власти папы (Müller ed., p. 341): *Quum jure divino non sint diversi gradus episcopi et pastoris manifestum est ordinationem a pastore in sua ecclesia factam jure divino ratam esse. Itaque cum episcopi ordinarii fiunt hostes ecclesiae aut nolunt impartire ordinationem, ecclesiae retinent ius suum.*

Ему казалось, что мир становится хуже и хуже, что скоро наступит последний суд. Аморальность горожан и студентов Виттенберга была так отвратительна для него, что в 1544 г. он грозился покинуть город, но уступил университету и магистрату, которые уговаривали его остаться⁶⁹⁵.

Немецкая Реформация не способствовала развитию самоуправления народа и церкви. Она ввергла церковь в руки государства, и с тех пор церковь в Германии так и не смогла освободиться от этой зависимости. Князья, знать и городские советы охотно извлекали выгоды из ситуации, но не желали исполнять свои новые обязанности священников, а простой народ оставался таким же пассивным, как раньше. Он не имел права голоса при выборе пастыря и не участвовал в управлении делами общины. Лютеранский князь занял место епископа или папы, лютеранский пастор (*Pfarrherr*) — место католического священника, но только подчинялся он не епископу, а своему светскому владыке⁶⁹⁶.

§85. Расширение представлений о церкви. Августин, Виклиф, Гус, Лютер

KÖSTLIN: *Luthers Lehre von der Kirche*. Stuttgart, 1853. См. также его *Luthers Theologie in ihrer geschichtl. Entwicklung*, II. 534 sqq.; и *Martin Luther*, bk. VI, ch. iii (II. 23 sqq.). ЖОН. ГОТТСНИК: *Hus', Luther's und Zwingli's Lehre von der Kirche*, в BRIEGER, *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. Bd. VIII, Gotha, 1886, pp. 345 sqq., 543 sqq. (Очень подробный труд, но автору следовало вернуться к Виклифу и Августину. Гус только вторил Виклифу).

См. также, по теме в целом: MÜNCHMEYER: *Das Dogma von der sichtbaren und unsichtbaren Kirche*, 1854. RITSCHL: *Ueber die Begriffe sichtbare und unsichtbare Kirche*, в «*Studien und Kritiken*», 1859. JUL. MÜLLER: *Die unsichtbare Kirche*, в его *Dogmatische Abhandlungen*. Bremen, 1870, pp. 278-403 (смелая защита идеи о невидимой церкви против Рота, Мюнхмайера и других авторов, считающих термин *невидимый* неприменимым к церкви. См. особенно Rothe, *Anfänge der christl. Kirche*, 1837, vol. I, 99 sqq.). ALFRED KRAUSS: *Das protestantische Dogma von der unsichtbaren Kirche*, Gotha, 1876. SEEBERG: *Der Begriff der christlichen Kirche*, part I, 1885. JAMES S. CANDLISH: *The Kingdom of God*. Edinburgh, 1884.

Отделение от Рима вело к более духовному и более либеральному представлению о церкви и к разграничению между единой всеобщей церковью избранных детей Божьих всех веков и народов с единственным главой Христом и разными видимыми церковными организациями всех номинальных христиан. Мы должны проследить, как постепенно развивалось это разграничение.

Новозаветный термин *ἐκκλησία* («собрание людей», «сообщество») использовался в двух значениях (применительно к религии). 1. В общем смысле — совокупность всех верующих христиан (так говорил Господь, Мф. 16:18). 2. В частном смысле — поместное сообщество христиан (так тоже говорил Господь, Мф.

⁶⁹⁵ См. его письма к Юсту Ионасу, Лаутербаху, Линку, Пробсту и другим в De Wette, vol. V. Лаутербаху он писал 10 ноября 1541 г. (V. 407): *Ego paene de Germania desperavi, postquam recepit inter parietes veros illos Turkas seu veros illos diabolos, avaritiam, usuram, tyrannidem, discordiam et totam illam Lernam perfidiae, malitiae, et nequitiae, in nobilitate, in aulis, in curiis, in oppidis, in villis, super haec autem contentum verbi et ingratitude inauditam*. Ионе он писал 7 марта 1543 г. (V. 548), что немецкая знать и князья хуже турок, что они порабащают Германию и притесняют народ. Ему же 18 июня 1543 г. (V. 570) он пишет о безнравственности Виттенберга, о равнодушии городских властей и делает вывод: *Es ist ein verdriesslich Ding um die Welt*. Он считал, что конец света близок (письмо к Пробсту от 5 декабря 1544 г., vol. V, 703).

⁶⁹⁶ Friedberg (*Kirchenrecht*, p. 57) справедливо говорит: *Die Reformation hat schliesslich wohl Pfarrensprengel geschaffen, aber keine Gemeinden*. Это можно сказать и о современных лютеранских церквях Северной Германии, но в Вестфалии, на Рейне, и в Америке конгрегационная жизнь более или менее развита — отчасти благодаря контакту с реформатскими церквями.

18:17). Мы используем тот же термин «церковь» (происходящий от греч. *κυριακόν*, то есть «принадлежащие Господу») в двух дополнительных значениях: исповедание (например, Греческая, Католическая, англиканская, лютеранская церковь) и церковное здание. Слово *ἐκκλησία* только дважды встречается в евангелиях (у Матфея), но очень часто — в Деяниях и Посланиях. Термины же «царство Божье» и «царство небесное» очень часты в евангелиях, но редки в других книгах. В этом суть разницы. Царство Божье предшествует учреждению церкви и переживает ее. Царство пришло, постоянно приходит и придет в славе. Оно включает в себя правление Бога и всю религиозную и моральную активность человека. Видимая церковь — это подготовительная школа для царства. Во многих случаях эти термины оказываются взаимозаменяемыми, но мы не всегда можем заменить слово «церковь» на слово «царство»: например, во фразе «ибо их есть Царство небесное» (Мф. 5:3; Мк. 10:14); или: «да придет Царство Твое» (Мф. 6:10); или: «не придет Царствие Божие приметным образом... Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 16:20,21); или: «наследовать Царство» (Мф. 25:34; 1 Кор. 6:10; 15:30; Гал. 5:21); или: «Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14:17). Разница между номинальным и реальным, или внешним и внутренним членством в церкви видна из слов нашего Господа: «Много званых, а мало избранных» (Мф. 22:14), и из слов Павла, когда он говорит об обрезании плотском и обрезании сердца (Рим. 2:28,29). Здесь в зародыше содержится учение о видимой и невидимой церкви.

Апостольский и Никейский символы веры включают Святую Католическую церковь и общение святых в догматы веры⁶⁹⁷, не ограничивая их греческой, латинской или какой-нибудь другой национальностью или временем. *Католический* значит «всеобщий». Это понятие охватывает все человечество. Оно указывает на способности и задачу церкви, но всеобщность эта достигается со временем и станет полной лишь тогда, когда весь мир признает Христа⁶⁹⁸.

Средневековые схоласты выделяли три этапа развития Католической церкви, в зависимости от ее местонахождения: воинствующая церковь на земле (*ecclesia militans*), церковь усопших, или «спящая» церковь в чистилище (*ecclesia dormiens*), и победившая церковь на небесах (*ecclesia triumphans*). Эту классификацию сохранили Виклиф, Гус и другие предтечи протестантизма, но реформаторы отказались от представлений о церкви в чистилище и от возможности молиться за усопших и включили всех благочестивых усопших в ряды победившей церкви.

Что касается воинствующей церкви на земле, то Августин проводил важное разграничение между «истинным телом Христовым» (*corpus Christi verum*) и «смешанным телом Христовым» (*corpus Christi mixtum* или *simulatum*). Он заменяет этими понятиями менее приемлемое определение «двухчастного тела Хри-

⁶⁹⁷ Но не в том строгом и более глубоком смысле, в каком догматами (спасающей) веры являются Отец, Сын и Святой Дух; поэтому предлог *εις*, *в*, опущен перед словом *ecclesiam* и последующих статей, по крайней мере в латинских формах (в греческом Никейском символе веры есть *εις*).

⁶⁹⁸ Термин «католический» (*καθολικός*, от *κατά* и *ὅλος*, «целый», «полный», «общий») отсутствует в Новом Завете (слова *ἐπιστολαὶ καθολικαὶ* или просто *καθολικαὶ* в посланиях Иакова, Петра, Иоанна и Иуды не являются частью апостольского текста, но добавлены переписчиками). Впервые этот термин использовался как эпитет церкви Игнатием Антиохийским, энтузиастом епископской власти и мученичества (*Ad Smyrn.*, с. 8), а также автором «Мученичества Поликарпа» (у Евсевия, Н. Е., IV. 14). Он применялся также к вере, преданию, народу и стал эквивалентом термина «христианский», как противопоставляемый иудейскому, идолопоклонническому, еретическому и схизматическому.

стова» (*corpus Domini bipartitum*), которому учил Тихоний, грамматик-донатист (ссылаясь на Песн. 1:5). Эти два тела в этом мире внешне соприкасаются, подобно хорошей и плохой рыбе в одном неводе, но в конечном итоге они будут разделены⁶⁹⁹. К истинной или чистой церкви относятся все избранные, причем именно те, кто предназначен для нее, независимо от того, вошли они уже в Католическую церковь или пока находятся вне ее. «Многие, — говорит Августин, — находящиеся, на первый взгляд, вовне и называемые еретиками лучше многих добрых католиков, ибо мы видим их такими, какие они сегодня, но мы не знаем, какими они станут завтра. Для Бога же, Который всегда знает будущее, они уже такие, какими станут потом»⁷⁰⁰. Лицемеры же, с другой стороны, находятся в церкви, но не принадлежат к ней.

Однако следует добавить, что Августин ограничивал истинную церковь на земле пределами видимой правоверной католической церкви своего времени и исключал всех еретиков: манихеев, пелагиан, ариан и т. д., — а также и раскольников: донатистов и т. д., — пока они остаются вне церковного сообщества. Объясняя статью о «святой церкви» в своем варианте символа веры (где опущен эпитет «католическая» и дополнение об «общении святых»), он говорит, что речь, без сомнения, идет о католической церкви, и добавляет: «И еретики, и раскольники называют свои общины церквями, но еретики, придерживаясь ложных мнений о Боге, наносят вред самой вере; раскольники же, с другой стороны, порывая с церковью, отрекаются от братского милосердия, даже если верят в то же, что и мы. А потому еретики не принадлежат к католической церкви, которая любит Бога, и раскольники не принадлежат к ней, потому что она любит ближнего и всегда готова простить его грехи»⁷⁰¹. Хорошо известно, что этот великий и добрый человек даже отстаивал принцип насильственного обращения раскольников на основании ложного толкования Лк. 14:23, понимая этот стих как призыв: «Убеди придти».

В девятом веке видимая католическая церковь разделилась на две соперничающие католические церкви: патриаршескую церковь Востока и папскую церковь Запада. Первая отрицала притязания папства на всеобщую власть и главенство, видя в них антихристианскую узурпацию, а вторая отождествляла католическую церковь с владениями папства и осуждала Греческую церковь как раскольников. С тех пор для западного христианского мира Святая Католическая церковь стала означать Святую Римскую церковь.

Тирания и коррупция папства вызвали решительные протесты Виклифа, который возродил августиновское различие между истинной и смешанной церковью, но придал ему антиримский и антипапский уклон (чего Августин не делал). Виклиф определил истинную церковь как сообщество предопределенных или избранных людей, которые в конечном итоге спасутся⁷⁰². Никто не может стать

⁶⁹⁹ *De Doctr. Christ.*, III. 32 (в Schaff, «Nicene and Post-Nicene Library», *Works of St. Augustine*, vol. II, 509).

⁷⁰⁰ *De Bapt. contra Donat.*, IV. 5. Более полное изложение его учения о церкви см. в его трудах о донатистах и в Reuter, *Augustin. Studien* (1887).

⁷⁰¹ *De Fide et Symbolo*, с. 10 (в Schaff ed., III. 331).

⁷⁰² *Tractatus de Ecclesia*, с. I: *congregatio omnium praeordinatorum... Illa est sponsa Christi... Jerusalem mater nostra, templum Domini, regnum coelorum et civitas regni magni*. Далее он цитирует Августина, которого упоминает в этой книге чаще, чем всех остальных отцов церкви, вместе взятых. Этот важный трактат был в недавнее время впервые опубликован на основании трех рукописей из Вены и Праги «Виклифским обществом»; редактировал его доктор Иоганн Лозерт (профессор истории Черновицкого университета), London (Trübner & Co.), 1886,

членом этой церкви, если не предопределен Богом, и это предопределение является вечным основанием церкви и определяет ее членство. Тот, кто отвергнут от вечности (*praescitus*, «предузнан», в отличие от *praedestinatus*, «предопределен»), не может стать членом этой церкви. Человек может быть в ней, но не принадлежать к ней. Как в человеческом теле много такого, что не является его частью, так и в церкви могут быть лицемеры, которые потом будут удалены. Есть только одна всеобщая церковь, вне которой нет спасения. Единственный глава церкви — Христос, ибо церковь с двумя головами была бы чудовищем. Апостолы объявляли себя слугами этого Главы. Папа — только глава части воинствующей церкви, да и то лишь в случае, если живет в соответствии с заповедями Христа. Такое представление о церкви исключает из нее всех лицемеров и нерадивых членов, даже если они — епископы или папы, и включает всех истинных христиан, будь они католики, раскольники или еретики. Это совпадает с протестантским представлением о невидимой церкви. Но Виклиф и Гус отрицали несомненность спасения, которой позже учили кальвинисты, и в этом соглашались с католиками. Они говорили, что человек может быть уверен в своем текущем пребывании в благодати, но его окончательное спасение зависит от устояния, в котором невозможно быть уверенным до самого конца.

Взгляды Виклифа на видимую церковь буквально перенял богемский реформатор Гус. Его богословие опиралось на богословие английского реформатора сильнее, нежели считалось ранее⁷⁰³.

От Гуса идея перешла к Лютеру, Цвингли и Кальвину, которые также отрицали право папства на исключительную католичность и расширяли пределы церкви, так что она объединяла всех истинно верующих во Христа. Но они проводили более ясное разграничение между видимой и невидимой церковью, или, скорее, между единственной подлинной невидимой церковью и разными смешанными видимыми церквями⁷⁰⁴. Невидимая церковь пребывает внутри видимой как душа в теле или зерно в колосе. Это не утопическая мечта и не платоническое благо, но нечто реальное и историческое. Термин «невидимый» был выбран потому, что действие Святого Духа — внутреннее и незримое и никто при этой жизни не может быть полностью уверен, что принадлежит к числу избранных, в то время как принадлежность к видимой церкви явствует из крещения и исповедания.

В связи с этим разграничением возник ряд важных вопросов. Некоторые выдающиеся современные протестантские богословы возражают против термина «невидимая церковь» как содержащего в себе противоречие, ибо церковь по сути своей — видимый институт, однако они допускают лежащую в основе термина истину о невидимом духовном общении верующих, рассеянных по миру⁷⁰⁵. По-

600 pp. Тот же взгляд на церковь отражен и в других книгах Виклифа, о чем справедливо замечает доктор Лехлер в своей работе *Joh. von Wiclif*, Leipzig, 1873, vol. I, 541 sqq.

⁷⁰³ Их близкое родство недавно доказал Joh. Loserth, *Hus und Wiclif; zur Genesis der hussitischen Lehre* (Prag and Leipzig, 1884). Оно особенно заметно при сравнении трактатов Виклифа и Гуса *De Ecclesia*. Книга Виклифа не оказала большого влияния в Англии, но стала известна в Богемии в 1407 г. или еще раньше, а ее воспроизведение Гусом вызвало сенсацию. Организация, идеи и доводы одинаковы в обеих книгах, причем нередко они выражаются одинаковых словах. См. введение Лозерта к *De Ecclesia* Виклифа.

⁷⁰⁴ Лютер первым использовал термин «невидимая». Цвингли первым добавил термин «видимая» в своей *Expositio christianae fidei* (1531): *Credimus et unam sanctam esse catholicam, h. e. universalem ecclesiam. Eam autem esse aut visibilem aut invisibilem*. Цвингли единственный среди реформаторов включал избранных язычников в невидимую церковь. Самое четкое изложение протестантского учения о невидимой и видимой церкви содержится в Вестминстерском исповедании, гл. xxv (Schaff, *Creeds of Christendom*, III. 657).

скольку протестантизм впоследствии поделился на ряд деноминаций и отдельных организаций, также стало развиваться и представление о церкви. Мы должны признать существование ряда видимых церквей: Греческой, Латинской, лютеранской, реформатской, англиканской, более недавних христианских деноминаций, признающих Христа своим Главой, а Его учение и пример — законом веры, обязательным к исполнению. Вывод о деноминациях как исповеданиях применительно к разным церквям появился лишь в недавнее время, но в конечном итоге это либо расширение представлений о единственной церкви, либо сужение понятия всеобщей церкви, основанное на двояком использовании слова *ecclesia* в Писании. Понятие деноминации занимает место между католическим и поместным. Единая невидимая церковь присутствует во всех видимых деноминациях и конгрегациях в той мере, в которой там присутствует истинная христианская вера. Следует также различать церковь и царство Божье, которое является понятием духовным и более емким, чем даже невидимая католическая церковь, хотя оно очень тесно с нею связано и обычно отождествляется. Но мы не станем здесь предвосхищать современные споры. Реформаторы прежде всего старались определить свои отношения с Римской церковью в том виде, в котором она существовала тогда, и примирить понятие подлинной католической церкви, которым они не могли и не хотели жертвовать, со злоупотреблениями папства с одной стороны и со своим отделением от него с другой.

Лютер получил копию трактата Гуса *De Ecclesia* из Праги в 1519 г.⁷⁰⁶ Он защищал богемского мученика на диспуте в Лейпциге и осмелился утверждать, что Гус был несправедливо осужден собором в Констанце за верность учениям, почерпнутым из Августина и апостола Павла. Среди защищавшихся им учений было определение всеобщей церкви как совокупности избранных (*universitas predestinatorum*).

Лютер развил идею по-своему и модифицировал ее, применив к видимой церкви. Он отталкивался от положения символа веры «верую в святую католическую церковь», но объединял эту статью с «общением святых» как определением католической церкви⁷⁰⁷. Он объяснял общение (*Gemeinschaft*) как сообщество или конгрегацию (*Gemeinde*) святых. Он также заменил в своем катехизисе слово «католический» на «христианский», чтобы включить сюда всех верующих во

⁷⁰⁵ Rothe (*Anfänge der christl. Kirche*, I, p. 101) говорит, что моральный и духовный союз и общение всех верующих во Христа, или общение святых, реальны в высшем смысле слова (*ist nach unsrer innigsten Ueberzeugung eine im höchsten Sinne reale*), но их нельзя назвать церковью. Он полагает, что в царстве Божьем, которое он отождествляет с идеальным состоянием, церковь окончательно отделится и очистится.

⁷⁰⁶ 3 октября 1519 г. он сообщал Штаупицу, что получил из Праги письма от двух священников, *una cum libello Joannis Hus* (De Wette, I. 341). Издание *Tractatus de Ecclesia* вышло в Майнце и Гагенау в 1520 г.

⁷⁰⁷ Об этом объединении можно спорить. Святая Католическая Церковь, скорее, соответствует церкви видимой, а общение святых — церкви невидимой. Общение святых предполагает то внутреннее и духовное общение истинных верующих на земле и на небесах, которое основано на их союзе со Христом. Это их общение с Богом Отцом, Сыном и Духом (см. 1 Ин. 1:3; 1 Кор. 1:9; Флп. 2:1) и друг с другом. Оно не прерывается после смерти, но распространяется и на святых на небе. Очень важная мысль. Статья символа веры об общении святых, *communio sanctorum* (как и эпитет *catholica*), — более позднее добавление. Оно попало в символы веры не ранее V века. См. Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 22, II. 52. Древнейшие комментаторы понимали общение святых как нашу связь со святыми на небесах. А согласно катехизису Тридентского собора, общение святых означает «причащение духовных благословений», особенно таинств, используемых в Католической церкви. Более емкое и удовлетворительное объяснение приводится в Pearson, *Creed*, art. IX, и в Вестминстерском исповедании, гл. XXVI.

Христа, а потому термин «католический» в Германии стал (или остался) идентичен словам «римско-католический» или «папский»⁷⁰⁸. В английских протестантских церквях слово «католический» совершенно справедливо закрепилось в своем исконном значении «всеобщий», «вселенский», не допускающем сектантских ограничений. Романисты не имеют права на исключительное использование этого звания. Они слишком проникнуты сектантством, чтобы быть истинными католиками⁷⁰⁹.

Лютер утверждал, что святая церковь в ее отношениях с Богом есть догмат веры, недоступный взору, а следовательно, невидимый⁷¹⁰. Но как существующая среди людей, истинная церковь видима, и ее можно узнать по правильной проповеди Евангелия или по чистоте учения, а также по правильному отправлению таинств (т. е. крещения и вечери Господней). Существует два основных признака чистой церкви. На первом Лютер настаивал, выступая против романистов, на втором — выступая против так называемых «энтузиастов» (*Schwarmgeister*) и «сакраментариев» (в смысле «антисакраментариев», то есть тех, кто *против* таинств).

Его теория приобрела силу символа веры благодаря Аугсбургскому исповеданию, где церковь определяется как «конгрегация святых, в которой правильно преподается Евангелие и правильно отправляются таинства»⁷¹¹. Формы церковного поклонения и дисциплина, обряды и церемонии второстепенны или не важны — они обусловлены человеческой традицией, которая может меняться время от времени. Церковь не имеет права навязывать то, о чем не сказано в Слове Божьем. В таких вещах каждый сам — свой собственный папа и своя церковь. Лютеранское вероисповедание всегда придавало большую — мы даже сказали бы, слишком большую — важность единству учения и малую, слишком малую, — дисциплине. Тем не менее ни в одной евангельской деноминации нет такого разнообразия богословских мнений — от строгой ортодоксии Формулы согласия до разнородных проявлений рационализма.

Здесь следует задаться вопросом, насколько же Лютер признавал власть папства как составляющую истинно католической церкви. Он не рассматривал папу в свете истории и права как законного главу Римской церкви, но всю жизнь сражался с ним как с врагом Евангелия и подлинным антихристом, а с папством — как с отступничеством. Иначе он не смог бы оправдать свое отделение от Римской церкви, сожжение папской буллы и книг закона. Он занял по отношению к папе и его церкви примерно такое же положение, как апостолы — по отношению к Каиафе и его синагоге. Однако, хотя это может показаться непос-

⁷⁰⁸ Немецкая поговорка *Das ist um katholisch zu werden* («от этого можно и католиком стать») описывает положение вещей, от которого можно впасть в отчаяние или сойти с ума.

⁷⁰⁹ {Тем не менее эти значения в английском языке различаются: *catholic* в значении «римско-католический» пишется с прописной буквы, а в значении «вселенский» — со строчной. Русская церковь в желании отгородиться от католиков применяет слово «кафолический», но и здесь можно говорить о сектантских тенденциях, пытающихся поставить на место непогрешимости папы непогрешимость отдельной церкви. — Ю.Ц.}

⁷¹⁰ Во втором комментарии на Галатов (Erl. ed., III. 38): *Recte igitur fatemur in symbolo, nos CREDERE ecclesiam sanctam. Est enim INVISIBILIS, habitans in Spiritu, in loco inaccessiblei, ideo non potest VIDERI ejus sanctitas.*

⁷¹¹ Art. VII: *Est autem ecclesia congregatio sanctorum* [Germ. ed., *Versammlung aller Gläubigen*], *in qua evangelium recte [rein] docetur, et recte [laut des Evangelii] administrantur sacramenta.* См. также *Apol. Conf.*, art. VII, VIII. По сути то же определение дано в англиканской ст. XIX. Однако в таком случае к церкви не относятся квакеры, которые отвергают внешние таинства, но, без сомнения, веруют во Христа. Кальвинистские исповедания (например, *Conf. Belgica*, art. XXIX) добавляют к этим двум условиям третье — дисциплину наказания за грех.

ледовательностью, он никогда не сомневался в подлинности рукоположений Римской церкви. Он сам был крещен, конфирмован и рукоположен в ней и никогда не пытался принять повторное крещение или рукоположение. Миллионы протестантов XVI века были того же мнения, за единственным исключением анабаптистов, которые выступали против крещения младенцев, отчасти на том основании, что оно — изобретение папы-антихриста и потому недействительно.

Ни Лютер, ни кто-либо из реформаторов и духовно проницательных протестантов не сомневался, что в Римско-католической церкви, несмотря на все ее ошибки и злоупотребления, было и есть много истинных христиан — как существовало много подлинно верующих израильтян даже в самые мрачные периоды иудейской теократии. В споре с анабаптистами (1528) Лютер делает поразительное заявление: «Мы признаем, что и во владениях папы есть подлинное и полноценное христианство, и оттуда оно пришло к нам. Мы признаем, что папство имеет подлинное Писание, подлинное крещение, подлинное алтарное таинство, подлинны ключи к отпущению грехов, подлинное служение, подлинный катехизис, десять заповедей, статьи символа веры, молитву Господню... Я говорю, что во владениях папы существует подлинная христианская вера, более того, там элита христианства со многими благочестивыми и великими святыми»⁷¹².

В качестве доказательства Лютер, как ни странно, прибегает к тому же самому отрывку из Павла, 2 Фес. 2:3,4, из которого он сам и другие реформаторы черпали основные доводы, доказывая, что папа Римский — это антихрист, «человек греха» и «сын погибели». Павел представляет антихриста как восседающего «в храме Божьем», то есть в истинной церкви, а не в синагоге сатаны. И если папа — антихрист, то, значит, он и должен находиться именно среди христиан, править ими и тиранить их⁷¹³. Меланхтон, который в прочих отношениях весьма уважал папу и Римскую церковь, неоднократно высказывал то же самое мнение⁷¹⁴. Лютер подошел ближе к правильной позиции, когда сказал, что Римскую церковь можно называть «святой», но лишь в качестве синекдохи, обозначая целое через его часть (*ex parte*), с тем же самым ограничением, с каким Павел

⁷¹² *Ich sage, dass unter dem Papst die rechte Christenheit ist, ja der rechte Ausbund der Christenheit, und viel frommer, grosser Heiligen. (Von der Wiedertaufe, Erl. ed. XXVI. 257 sq.).* Католик Мелер не преминул процитировать этот фрагмент в своем *Symbolik*, p. 422 sq. Он говорит, что представление Лютера о церкви (p. 424) не ложно, а только односторонне (*nicht falsch, obgleich einseitig*). По сути, Мелер допускает протестантское различие между видимой и невидимой церковью, но утверждает, что для католиков видимая церковь — это основание невидимой, а для протестантов — наоборот.

⁷¹³ *Ibid.* p. 258. Комментаторы давно уже отказались от такого толкования. Сколь бы широким ни было понимание данного места, Павел явно имел в виду не тирана, а «тайну беззакония», которая была в действии уже в его время (ἡδὴ ἐνεργεῖται, ст. 7), то есть задолго до существования папства и даже до того, как в Риме появился епископ (даже если таковым и был Петр). Более того, «беззаконие» (ἀνομία) — не характеристика папства, а совсем противоположное ему. Если Павел вообще хоть где-то ссылается на Рим, то, скорее, говоря о нем как об «удерживающей» силе (τὸ κατέχον) в ст. 6-7 (см. также Рим. 13:1). Термин «антихрист» есть только в посланиях Иоанна, причем апостол говорит там о существовании *многих* антихристов в его время. В более широком плане антихристианским является все, что противится духу и цели Христа в любой церкви и в любом веке.

⁷¹⁴ В своем *Judicium de Jure reformandi*, 1525 («Corp. Ref.» I. 767): «Написано, что антихрист будет обладать великой властью в последние времена, и Павел говорит, что антихрист восседает в храме Божьем, то есть в церкви, и будет править там». И вновь, в «Апологии Аугсбургского исповедания» (1530), ст. VII и VIII (Müller ed., p. 152): *Paulus praedicat futurum, ut Antichristus sedeat in templo Dei, hoc est, in ECCLESIA dominetur et gerat officia.*

называл галатийских христиан «церковью», несмотря на их отход от истинного Евангелия⁷¹⁶.

В Лютере самая смелая независимость сочеталась с уважением к исторической вере. Он опирается на неразрывность традиции церкви, выступая против цвинглианцев и поддерживая реальное евхаристическое присутствие Христа в письме к Альбрехту, маркграфу Бранденбургскому и герцогу Прусскому (апрель 1532 г., после смерти Цвингли): «Свидетельства всей святой христианской церкви (даже если бы не было других доказательств) было бы достаточно, чтобы мы держались этого догмата и не слушали сектантов, которые против него. Ибо опасно и ужасно (*gefährlich und erschrecklich*) слушать что-то или верить чему-то вопреки единодушному свидетельству, вере и учению всей святой христианской церкви, которого придерживаются вот уже более полутора тысяч лет во всем мире... Отрицать такое свидетельство значит осуждать не только святую христианскую церковь как проклятую и еретическую, но даже самого Христа со всеми апостолами и пророками, которые учредили догмат: “Верую во святую христианскую церковь”, о чем торжественно говорил Христос, когда обещал: “Я с вами во все дни до скончания века” (Мф. 28:20), — и апостол Павел, когда говорил: “Церковь Бога живого... столп и утверждение истины” (1 Тим. 3:15)»⁷¹⁷.

Даже автор, выступающий в споре на стороне Рима, не смог бы воздать преданию больше почтения, чем делает Лютер в этом отрывке. Но то же самое предание, по крайней мере с VI по XVI век, решительно поддерживает веру в пресуществление и в жертвоприношение мессы, которые Лютер отвергал. А если применить ту же самую проверку к его любимому учению об оправдании одной лишь верой, то окажется трудно найти его подтверждение у отцов церкви или в схоластическом предании, где нет разницы между оправданием и освящением, где больше внимания уделяется добрым делам, чем вере. Сам Лютер понимал, что в данном вопросе даже Августин — не на его стороне. Его учение может быть оправдано только как новое толкование апостола Павла, не учитывающее предыдущие объяснения.

Кальвин, если нам будет позволено предвосхитить здесь его взгляды, изложенные в первых главах четвертой книги его «Наставлений в христианской вере», так же четко различал видимую и невидимую церковь⁷¹⁸, а в видимой церкви проводил грань между истинной евангельской и ложной папской, на которую он нападает так же безжалостно, как Лютер. Однако Кальвин допускает и то, что римская община (несмотря на антихристианский характер папства и по той самой причине, что антихрист восседает «в храме Божьем») остается церковью, с Писанием и действительными христианскими обрядами⁷¹⁹. Подобным же образом

⁷¹⁶ *Com. in Ep. ad Gal.* (Erl. ed., 1. 40 sq.): *Paulus vocat ecclesia Galatiae per synecdochen... Sie et nos hodie vocamus ecclesiam romanam sanctam et omnes episcopatus sanctos, etiamsi si nt subversi et episcopi et ministri eorum impii. Deus enim regnat in medio inimicorum suorum; item, Antichristus sedet in templo Dei, et Satan adest in medio filiorum Dei — Manet in romana urbe quamquam Sodoma et Gomorra pejore baptismus, sacramentum, vox et textus evangelii, sacra scriptura, ministeria, nomen Christi, nomen Dei.*

⁷¹⁷ De Wette, *Briefe*, IV. 354.

⁷¹⁸ Lib. IV, c. i, §4 и 7. Он самым красноречивым образом говорит об *ecclesia visibilis* как о матери, в чреве которой мы зачаты для того, чтобы вступить в духовную жизнь.

⁷¹⁹ Lib. IV, c. ii, §12: *Antichristum in templo Dei sessurum praedixerunt Daniel et Paulus* (Дан. 9:27; 2 Фес. 2:4): *illius scelerati et abominandi regni ducem et antesignanum, apud nos facimus Romanum Pontificem. Quod sedes ejus in templo Dei collocatur, ita innuitur, tale fore ejus regnum quod nec Christi nec ecclesiae nomen aboleat. Hinc igitur patet nos minime negare, quin sub eju s quoque tyrannide ecclesiae maneant: sed quas sacrilega impietate profanarit, quas immani dominatione*

иудейская синагога, подчиненная Каиафе, сохраняла закон и пророков, обряды и церемонии теократии.

Вестминстерское исповедание исходит из той же теории и подкрепляет ее сомнительными толкованиями на 2 Фес. 2:3 и далее и на Отк. 13:1-8⁷²⁰.

Притязания Римской церкви опираются на более широкую и прочную основу, чем папство, которое есть лишь форма ее управления. Папская иерархия часто была столь же развращенной, как и иудейская, и некоторые папы были грешниками, как Каиафа⁷²¹, но этот факт не уничтожает притязаний и не обесценивает обрядов Римской церкви, которая со времен апостолов и до Реформации отождествлялась с западным христианством и остается по сей день крупнейшей видимой церковью мира. Отрицать ее церковный характер — значит пренебрегать историей и сводить на нет обетование Христа (Мф. 16:18; 28:20).

ПРИМЕЧАНИЯ ВЗГЛЯДЫ ЛЮТЕРА НА ОТЦОВ ЦЕРКВИ

WALCH, XXII. 2050-2065. ERLANGEN ed. LXII. 97 sqq. (*Tischreden*). BINDSEIL: *Mart. Lutheri Colloquia* (1863), 3 vols.

В этой связи интересно найти в произведениях и «Застольных речах» Лютера характерные суждения об отцах церкви, труды которых стали общеизвестны и изучались по изданиям Эразма.

Лютер не считал, что когда-либо в прошлом существовал золотой век девственной чистоты церкви. Он знал, что даже среди апостолов был Иуда и что заблуждения и злоупотребления наблюдались в галатийской, коринфской и прочих общинах, как видно из упреков, предостережений и увещаний в посланиях Нового Завета. Он не помышлял о возможности совершенства и в послепостольскую эпоху. Его мнение об абсолютном превосходстве Слова Божьего над всеми словами людей, даже лучших и самых святых, позволяло ему критически и здраво оценивать произведения отцов церкви и схоластов. Кроме того, он понимал разницу между патристическим и протестантским богословием. Континентальные реформаторы в целом гораздо меньше опирались на отцов церкви, чем англиканские.

«Отцы церкви, — говорит Лютер, — написали много благочестивого и полезного (*multa pia et salutaria*), но их следует читать внимательно и проверять Писанием». «Дорогие отцы церкви жили лучше, чем писали, а мы пишем лучше, чем живем» (*Melius vixerunt quam scripserunt; nos Deo juvante melius scribimus quam vivimus*. Bindseil, l. c., III. 140; Erl. ed., LXII. 103). Он ценил их произведения намного меньше, чем Писание, и чем больше он изучал то и другое, тем большее впечатление производила на него обнаруживавшаяся разница (Erl. ed., LXII. 107). Совершить реформу церкви на основании трудов ее отцов невозможно. Это может быть сделано только на основании Слова Божьего (XXV. 231). Отцы были плохими толкователями, отчасти из-за незнания еврейского и греческого языка (XXII. 185). Все отцы церкви заблуждались в вере, но их следует уважать за их христианское свидетельство (*propter testimonium fidei omnes sunt venerandi*, Erl. ed. LXII. 98).

afflixerit, quas malis et exitialibus doctrinis, ceu venenatis potionibus, corrupe rit, et propemodum enecarit, in quibus semisepultus lateat Christus, obrutum Evangelium, profligata pietas, cultus Dei fere abolitus: in quibus denique omnia sic sint conturbata, ut Babylonis potius quam civitatis Dei sanctae facies illic appareat. См. также IV, 7, §25; и комментарий Кальвина на 2 Фес. 2:3.

⁷²⁰ XXV. 6: «Папа Римский... есть тот антихрист, человек греха и погибели, что превозносится в церкви против Христа и всего, что от Бога». Однако есть американские богословы, которые делают из этого отрывка совершенно противоположный вывод, а именно, что Римская церковь — вообще не церковь и все ее обряды не имеют силы. Попытка санкционировать этот вывод была предпринята на Генеральной ассамблее пресвитерианской церкви в Цинциннати в 1885 г., но не удалась. В Вестминстерском исповедании Римская церковь не называется антихристианской. Антихристом назван только папа, который точно так же не является Римской церковью, как президент Генеральной ассамблеи не является всей Генеральной ассамблеей, президент Соединенных Штатов не является всем американским народом, а русский царь — всей Россией. Правительство — только одна из составных частей жизни народа или церкви.

⁷²¹ Данте помещает их в ад, и Мелер говорит: «Ад поглотил их всех».

Из всех отцов церкви Лютер больше всего учился у Августина. Его он очень сильно уважал и цитировал чаще, чем всех остальных отцов, вместе взятых. Лютер считает Августина одним из четырех столпов церкви (по поводу прав Амвросия, Иеронима и Григория на это звание у него были сомнения), лучшим из комментаторов, покровителем богословов. *Latina nostra ecclesia nullum habuit praestantiorum doctorem quam Augustinum* (Bindseil, I. 456). «Он нравился и нравится мне больше, чем все прочие учителя. Он был великим учителем и достоин всяческой хвалы» (III. 147). Пелагиане побудили его к написанию лучших его книг, в которых он говорит о свободе воли, вере и первородном грехе. Он первым провел разграничение между первородным и фактическим грехом. У него, единственного среди отцов церкви, были правильные взгляды на брак. Паписты искажают его знаменитые слова: «Я не поверил бы в Евангелие, если бы Католическая церковь не побуждала меня к этому», — ведь эти слова были направлены против манихеев, и говорил он их в следующем смысле: вы — еретики, и я вам не верю; я на стороне церкви, невесты Христовой, которая не может ошибаться (Erl. ed., XXX. 394 sq.). Августин сделал больше, чем все епископы и папы (XXXI. 358 sq.) и чем все соборы (XXV. 341). Если бы он жил в наше время, он был бы на нашей стороне, а Иероним осудил бы нас (Bindseil, III. 149). Но при всей своей симпатии к Августину Лютер не нашел у него ничего про *sola fide*. Августин, говорит он, иногда ошибался, и ему нельзя верить во всем. «Хотя он был благ и свят, ему недоставало истинной веры, как и всем остальным отцам». «Когда я начал понимать Павла, я перестал слушать Августина» (*do war es aus mit ihm*, Erl. ed., LXII. 119).

На второе место после Августина Лютер, похоже, ставил Иларию за его труд о Троице. *Hilarius*, — пишет он, — *inter omnes patres luctator fuit strenuissimus adversus haereticos, cui neque Augustinus conferri potest* (Bindseil, III. 138). Амвросия он называет «благочестивым, богобоязненным и смелым человеком» и упоминает о его отважном противостоянии императору Феодосию. Но шесть книг Амвросия о Бытии весьма скудны, а его гимны не так уж и важны, хотя его (?) *Rex Christe, factor omnium — optimus hymnus*. Лютер хвалит стихи Пруденция. Тертуллиан, которого Лютер однажды назвал древнейшим отцов (хотя он жил после 200 г.), был *durus et superstitiosus*. О Киприане Лютер отзывался благосклонно. Касательно Иеронима он вынужден был признать, что тот — величайший и непрезойденный переводчик Библии (Erl. ed. LXII. 462), однако Лютер терпеть не мог склонности Иеронима к монашеству и писал: «Его не следовало бы причислять к учителям церкви, ибо он был еретиком, хотя, я полагаю, спасся, веруя во Христа. Ни к одному из отцов церкви я не отношусь так враждебно. Иероним пишет только о посте, девственности и тому подобном» (LXII. 119 sq.). Его терзали плотские искушения, и из-за его любви к Евстахию возник скандал. Он неблагочестиво отзывался о браке. Его комментарии к Матфею, Галатам и Титу весьма скудны. Лютер не уважал и папу Григория I. Григорий был автором басни о чистилище и о мессах за усопших, он плохо знал Христа и Евангелие и был слишком суверен. Дьявол обманывал его и заставлял верить в явления духов чистилища. «Его проповеди не стоят ни гроша» (Erl. ed., LI. 482; LII. 187; LX. 189, 405; III. 98 sq.; Bindseil, III. 140, 228). Но Лютер хвалит, даже чрезмерно, его гимн *Rex Christe*, который ошибочно приписывает Амвросию (Bindseil, III. 149; см. также Daniel, *Thesaurus Hymnol.*, vol. I, 180 sq.).

С греческими отцами церкви Лютер был знаком хуже. Он едва упоминает об Игнатии, Иринее, Оригене, Евсевии и Епифании. Он хвалит Афанасия как величайшего учителя Восточной церкви, хотя тот и не отличался ничем особенным (*obwohl er nicht sonderliches war*). Лютер не мог согласиться с благосклонным суждением Меланхтона о Василии Великом. Он полагал, что Григорий Назианзин, красноречивый защитник Божественности Христа в период распространения арианской ереси, ничего не стоит (*Nazianzenus est nihil*. Bindseil, III. 152). Он хорошо отзывался о комментариях Феодорита к посланиям Павла, но неразумно пренебрегает Златоустом, замечательным проповедником и комментатором, и описывает его как большого красноречивого, многословного и пустого, и даже абсурдно сравнивает его с Карлштадтом! «Он болтлив, поэтому нравится Эразму, который равнодушен к вере и думает только о нравственности. Я читал его прекрасный отрывок о первосвященнике из Послания к евреям, но он столько пустословит о достоинстве священников, что я увяз в его рассуждениях» (Bindseil, III. 136; Erl. ed. LXII. 102).

Из средневековых богословов Лютер больше всего ценил Николая Лиранского как самого полезного комментатора. Он хвалит св. Бернара, который в проповедях «превосходит всех других учителей, даже Августина». Он ценит Петра Ломбардского, «мастера сентенций», и называет его *homo diligentissimus et excellentissimi ingenii*, хотя он и задавал много бесполезных вопросов (Bindseil, III. 151; Erl. ed. LXII. 114). Он называет Оккама, которого усердно изучал, *summus dialecticus* (Bindseil, III. 138, 270). Но в целом он терпеть не мог схоластов и их учителя, «проклятого язычника Аристотеля», хотя учился у него и его комментаторов искусству логического рассуждения и допускал, что тот был *optimus dialectus*. Даже Фому Аквината, «ангелического доктора», которого по справедливости высоко ценили лютеранские схоласты XVII века, он осуждал как болтуна (*loquacissimus*), который подчиняет Библию Аристотелю (Bindseil, III. 270, 286) и книги которого являются источником всех ересей и губительны для Евангелия (*der Brunn und Grundsuppe aller Ketzerei, Irrthums*

und Verleugnung des Evangeliums. Erl. ed. XXIV. 240). Конечно же, он говорил это по предубеждению и в запальчивости. Отношение Лютера к Августину наиболее правильно, потому что он лучше всего был знаком с ним, и Августин больше ему нравился.

Меланхтон и Эколампадий знали больше и отличались более кротким нравом, а потому их мнение об отцах церкви и о бесценном вкладе отцов в развитие церковной литературы в целом было более благосклонным и последовательным.

§86. Изменение отношения к служению.
Отход от епископской преемственности.
Лютер рукополагает диакона
и посвящает епископа

Реформаторы единодушно отрицали возможность принесения жертв в священническом служении (допуская ее разве что в духовном плане), а следовательно, отвергали и буквальные представления о церковном алтаре и жертве. Нет священника и нет жертвы. Христианский священник — это пресвитер⁷²², а пресвитер — то же, что и старейшина. Это слово не означало *sacerdos* в Новом Завете, как и у древнейших церковных авторов, вплоть до Тертуллиана и Киприана⁷²³. Более того, в Писании слова «пресвитер» и «епископ» обозначают одну и ту же должность (как и в Послании Климента Римского, и в недавно обнаруженном «Учении двенадцати апостолов»)⁷²⁴. Этот факт (с которым соглашались Иероним, Златоуст и соглашаются лучшие из современных историков) стал основанием для рукоположения пресвитеров в тех лютеранских и реформатских церквях, где была упразднена власть епископов⁷²⁵.

Ступенчатую иерархию реформаторы заменили на равенство служителей. Вместо особого священства, которое приносило в жертву тело и кровь Христа, у них было закреплено всеобщее священство верующих, которое приносило жертву молитвы и восхваления за единственную Жертву, принесенную раз и навсегда. Лютер считал, что священство мирян основано на крещении как помазании Святого Духа и включении в церковь. «Если у мирянина есть Писание, то он должен верить Писанию больше, чем папе или собору, не имеющим Писания»⁷²⁶.

Тем не менее он утверждал в противовес демократическому радикализму Карлштадта и фанатичному спиритуализму пророков из Цвиккау, что служение необходимо для порядка и удовлетворения потребности церкви, и признавал его божественное происхождение. Каждый, кто учит публично, должен быть призван Богом через церковь — или доказать свое призвание, совершая чудеса. Так в Аугсбургском исповедании говорится, что «ни один человек не должен публично учить в церкви или отправлять таинства, не будучи призванным, как подобает»⁷²⁷.

Но что такое «быть призванным, как подобает»? Сначала Лютер, когда писал богемским братьям (1523), склонялся к независимости христианской конгрега-

⁷²² Мильтон, который был недоволен пресвитерианами и жаждал независимости, говорил: «Пресвитер — это развешенный священник».

⁷²³ Единственное исключение — упоминание о христианских пророках как о «первосвященниках» (*ἀρχιερείς*) в *Didaché* (ch. XIII, 3), но оно, вероятно, является образным. См. Schaff, *The Oldest Church Manual*, p. 206 sq.

⁷²⁴ См. Schaff, *l. c.* p. 74 sq., 211.

⁷²⁵ См. отрывок из приложения к Шмалькальденским статьям Лютера, цит. выше, §84, подстроичное примечание.

⁷²⁶ См. §44 и «Апологию Аугсбургского исповедания» Меланхтона, ст. XIII и XXIV.

⁷²⁷ Ст. XIV.

ции и отстаивал ее право призывать, избирать и смещать своих служителей⁷²⁸. Он, конечно же, имел в виду общину истинно верующих, а не смешанную группу всех, кто называет себя христианами. Он допускал, что в случаях необходимости, не определенных законом, любой одаренный человек может молиться и петь, учить и проповедовать. Он ссылается на общину Коринфа, а также на Стефана, Филиппа и Аполлоса, которые проповедовали без поручения от апостолов. В критической ситуации каждый может оказаться полезен для спасения города, но в обычной ситуации никто не должен учить, если не призван и не избран собранием. Даже Павел не избирал старейшин без согласия народа. Епископы нашего времени — не епископы, а идолы. Они пренебрегают проповедью, своей главной обязанностью, поручая ее капелланам и монахам. Они освящают колокола, алтари и церкви, а это занятие они придумали себе сами, и оно не является христианским и епископским. Они — епископы-младенцы⁷²⁹.

Но общин истинных христиан, способных к самоуправлению, в Германии в то время не было, и они не могут существовать в государственной церкви, в которой быть членом церкви и гражданином государства — одно и то же. Лютер отказался от этой демократической идеи после Крестьянской войны и призвал правительство защищаться от крайностей народной воли.

В первые годы Реформации в общинах несли служение бывшие католические священники и монахи, но кто должен был рукополагать новых проповедников, воспитанных в Виттенберге? Епископы Саксонии (Наумбург-Цейца, Мейсена и Мерсебурга) остались верны своему господину в Риме, а другой рукополагающей силы, согласно закону, не существовало. Лютер мог бы опереться на преемников двух прусских епископов: Георга фон Поленца, епископа Самландии, и Эрхарда фон Квейса, епископа Помезании, — которые приняли Реформацию и позже уступили свои епископские права герцогу Альбрехту как *summus episcopus* (1525)⁷³⁰. Но Лютер не желал выходить за пределы Саксонии и ненавидел всю иерархию пап и епископов как человеческое изобретение и духовную тиранию. Он поздравил епископа Самландии с тем, что тот, чудом благодати, вырвался из пасти сатаны. Но все остальные епископы, как безумные, ополчились против возрождающей Благой Вести, хотя он надеялся, что среди них найдутся и робкие Никодимы⁷³¹.

При таком своем отношении и убежденности, что Бог predeterminedил его для реформы церкви, Лютер без колебаний взял епископские прерогативы в свои руки. До конца жизни он вел себя как неофициальный и уполномоченный в силу

⁷²⁸ В обращении *De instituendis ministris* к властям и народу Праги и в трактате *Dass eine christliche Versammlung oder Gemeinde Recht und Macht habe, alle Lehrer zu urtheilen und Lehrer zu berufen, ein- und abzusetzen* (Erl. ed., XXII. 140 sqq.; Walch, X. 1795 sqq.).

⁷²⁹ *Es sind verkehrt, verblendete Larven, und rechte Kinderbischöffe*. Последние слова его немецкого трактата, обращенного к богемцам. Erl. ed., XXII. 151.

⁷³⁰ Обращение и реформаторские попытки архиепископа Германа Кельнского относятся к гораздо более позднему периоду, 1543.

⁷³¹ В предисловии к комментарию на Второзаконие, который Лютер посвятил епископу Самландии, 1525 (Erl. ed., *Opera Latina*, XIII. 6): *Non enim te laudamus, sed insigne illud miraculum gratiae Dei extollimus, quam in te valere, regnare et triumphare videmus et audimus cum gaudio ut... te unicum et solum inter omnes episcopi orbis elegerit Dominus et liberaverit ex ore Satanae quod dilatavit sicut infernum et devorat omnes. Nihil enim videmus in ceteris episcopis (quamquam esse inter eos sperem aliquot Nicodemus) nisi quod subversis caesare et regibus ac principibus fremunt et insaniunt contra resurgens vel potius oriens evangelion, ut denuo impleant illud Psalmi secundi, etc.* См. также его письмо к Шпалатину от 1 февраля 1524 г. и Брисману от 4 июля 1524 г. в De Wette, II. 474 и 525 sqq.

чрезвычайной ситуации епископ, выполнявший функции папы *in partibus Protestantium*. С ним советовались князья, городские власти, богословы и самые разные лица.

Он подал первый пример рукоположения пресвитера, возложив руки на своего секретаря Георга Рёрера (Рорария) и сделав его диаконом Виттенберга 14 мая 1525 г. (Рёрер известен по своей помощи при подготовке перевода Библии и первого издания трудов Лютера. Он умер, будучи библиотекарем университета Йены, в 1557 г.) Меланхтон оправдал это рукоположение на том основании, что епископы пренебрегали своими обязанностями⁷³².

Лютер осмелился даже посвятить служителя в сан епископа, или суперинтендента. Джон Весли поступит так же через двести пятьдесят лет в интересах своих последователей в Соединенных Штатах. Когда опустело место епископа Наумбурга, капитул, поддерживаемый римско-католическим меньшинством знати и народа, законным порядком выбрал Юлиа фон Пфлуга, одного из наиболее способных, искренних и податливых противников Реформации. Этот выбор не устроил протестантов. Курфюрст Иоганн Фридрих, действуя незаконным образом, конфисковал имущество епархии и назначил другого епископа, Николая фон Амсдорфа, самого преданного друга Лютера, который был холост и из знатной семьи и на тот момент был суперинтендентом Магдебурга. Посвящение состоялось 20 июня 1542 г. в соборе Наумбурга в присутствии курфюрста, протестантского клира и собрания примерно в пять тысяч человек. Лютер произнес проповедь и совершил посвящение с тремя помощниками (Медлером, Шпалатином и Штейном) и аббатом посредством возложения рук и молитвы⁷³³. Этот дерзкий поступок вызвал много шума и негодования. Лютеру пришлось защищаться, по просьбе курфюрста⁷³⁴. Он в самых решительных выражениях выступил против папства и епископов, стараясь высмеять своих противников и вызвать презрение к ним. Он даже хвалится тем, что сотворил епископа без помазания, масла и ладана. Он пишет: «Я не могу покаяться в столь великом и ужасном грехе и не жду, что мне его отпустят». Среди причин, по которым Лютер отказался от избрания католического епископа, он указывает, что Бог в первых трех заповедях Своим громогласным судом навеки осудил капитул Наумбурга вместе с папой, кардиналами и всей их тиранией за нарушение заповедей об идолопоклонстве и о поклонении ложным богам. Христианам запрещается под страхом вечного проклятия слушать и терпеть идолопоклонников. Христиане должны бежать от лжепророка, проповедника или епископа и считать папского епископа вообще не епископом, а волком, бесом⁷³⁵. «Что делает адский отец в своей адской церкви? Разве он не смещает всех епископов, аббатов, священников, которых

⁷³² *Corp. Ref.*, I. 765. См. также Seckendorf, *Hist. Lutheranismi*, vol. II. 29.

⁷³³ См. рассказ о посвящении в Seckendorf, III. 391 sqq.; Köstlin, II. 561 sqq.; Janssen, III. 483-492. Янссен описывает скорбные подробности: насилие, интриги и грабежи, сопровождавшие протестантизацию и секуляризацию трех саксонских епископатов.

⁷³⁴ *Exempel, einen rechten christlichen Bischof zu weihen, 1542*. Erl. ed., XXVI. 77-108; Walch, XVII. 122. Он начинает с характерной фразы: *Wir armen Ketzer haben abermal eine grosse Sünde begangen wider die höllische unchristliche Kirche des allerhöllischen Vaters, des Papstes, dass wir einen Bischof im Stift Naumburg ordinirt und eingeweiht haben, ohne allen Chresem [Chrisma, Salböl], auch ohne Butter, Schmalz, Speck, Teer, Schmeer, Weihrauch, Kohlen und was derselben grossen Heiligkeit mehr ist: dazu wider ihren Willen; doch nicht ohne ihr Wissen*. См. также его письмо к Якобу Пробсту от 26 марта 1546 г. (De Wette, V. 451), где он называет это посвящение *audax facinus et plenissimum odio, invidia at indignatione*.

⁷³⁵ *...Gezwungen durch Gottes Gebot, sich von ihm zu sondern, und ihn für keinen Bischof, sondern für einen Wolf, ja für einen Teufel zu halten* (Erl. ed., p. 80).

считает еретиками и отступниками от своего идолопоклонства?.. О да, он даже вмешивается в мирское и местное управление, смещает императоров, королей, князей, разводит мужей с женами, расторгает браки, освобождает от повиновения, обязанностей и клятв из-за одного только непослушания своим дерзким дьявольским декреталям и проклятым буллам». Но, как поет святая Дева в своем *Magnificat*, Господь «явил силу мышцы Своей, рассеял надменных помышлениями сердца их, низложил сильных с престолов и вознес смиренных» (Лк. 1:51,52); а апостол Петр пишет: *Deus superbis resistit* (1 Пет. 5:5). Любой гордый и высокомерный человек, будь он папа, император, король, князь, аристократ, горожанин или крестьянин, будет унижен и встретит печальный конец. Капитул Наумбурга избрал бы епископа, который из повиновения папе вынужден был бы преследовать Евангелие, «поклоняться дьяволу» и позволять папе, архиепископу Майнцскому и их прислужникам править и губить людей в их удовольствие. Паписты играли в свою игру более двадцати лет. Пора их остановить. А Тот, Кто правит на небесах и в наших сердцах, превращает мудрых в глупцов и «уловляет мудрых в лукавстве их» (1 Кор. 3:19).

В таком духе и в таких выражениях написан этот апологетический трактат. За ним последовала еще более яростная критика папства как «дьявольского избрения» (1545).

Амсдорф был вынужден принять капитул и управлять народом по воле курфюрста, но утратил свое епископство в ходе Шмалькальденской войны (1547), затем, в ожесточенных богословских спорах, последовавших за ней, занял лидирующую позицию среди сторонников ультралютеранства и умер в Эйзенахе в 1565 г. на восемьдесят втором году жизни. Его эфемерное епископство фактически было, конечно же, суперинтендантством.

Несколько друзей и учеников Лютера были назначены суперинтендантами: Лаутербах — в Пирне (ум. в 1569); Гейденрейх, или Гейдерих, — в Торгау (ум. в 1572); от него, как и от Матезия, Дитриха, Веллера и других, до нас дошли «приправы к пище» (*condimenta mensae*), как они называли застольные речи.

Таких суперинтендентов назначал князь в качестве *summus episcopus* своей территории, а община не имела права даже выбирать своих собственных пастырей⁷³⁶.

В городах епископская власть оказалась в руках городских советов, которые и назначали суперинтендентов.

Дальнейшее развитие епископальной, территориальной и коллегиальной системы лютеранской церкви лежит за пределами нашего повествования.

§87. Отношения церкви и государства

В январе 1523 г. Лютер опубликовал примечательную книгу о городских властях, посвященную князю Иоганну, в которой он доказывал на основании Рим. 13:1 и 1 Пет. 2:13, что все обязаны подчиняться гражданской власти, а на основании Деян. 5:29 — что Бога надо слушаться больше, нежели людей⁷³⁷. Из слов Христа в Мф. 22:21, где дается весьма мудрый ответ на сложный вопрос, он сделал вывод о разнице между светской и духовной властью и упрекал папу с

⁷³⁶ *Die Gemeinde*, — пишет Фридберг (l. c., p. 61), — *tritt bei dieser Organisation ganz zurück. Sie ist der «Pöbel», der unter der Zucht des Wortes und der Polizei des Kirchenregimentes steht — Eine Mitwirkung an der Handhabung der Kirchenzucht findet sich nur in den Kirchenordnungen, wo reformirte Einflüsse bemerkbar sind.*

⁷³⁷ *Von weltlicher Obrigkeit, wie weit man ihr Gehorsam schuldig sei.* (Erl. ed. XXII. 59-105).

епископами за то, что они вмешиваются в светские дела, а князей и знать — за то, что они вмешиваются в дела духовные. Его слова звучат почти как пророческое предвосхищение американского разделения церкви и государства:

Бог предназначил детям Адама два правительства: правление Бога через Христа и правление мира через гражданские власти. У каждого из них есть свои собственные законы и права. Законы мирского царства распространяются только на тело, имущество и внешние дела на земле. А душой править может только Бог, и никому другому это не дозволено⁷³⁸. Следовательно, если мирское правительство осмеливается устанавливать законы для души, оно посягает на права Бога и тем самым лишь оболещает и развращает душу. Мы хотим, чтобы это было понятно и чтобы наши аристократы, князья и епископы видели: они неразумны, если принуждают народ с помощью своих законов и повелений верить в то или это⁷³⁹... В вопросах, которые связаны со спасением души, следует учиться только через Слово Божье и принимать только его... Никто не может вместо меня сойти в ад или подняться на небеса, и точно так же никто не может уверовать или не верить вместо меня; никто не может отвернуть или затворить для меня небеса или ад, и точно так же никто не может принудить меня верить или не верить... Вера — добровольное дело, к ней нельзя принудить. Это деяние Бога в духе. Как следствие, появилась поговорка, которая есть и у Августина: «веру невозможно и нельзя навязывать»⁷⁴⁰.

Здесь речь идет о принципе религиозной свободы, который изначально был провозглашен Христом и разъяснен апостолами, а потом подтвержден доникейскими отцами церкви вопреки тирании преследовавшего их Рима. Но этот же самый принцип религиозной свободы крайне часто нарушается ныне Римом христианским, стремящимся создать мирскую империю, а также протестантскими церквями и князьями в борьбе с романистами и анабаптистами. Лютер не щадил и светских правителей, хотя эта его книга посвящена брату курфюрста.

«От начала существования мира мудрые князья были редкостью, не говоря уж о благочестивых. Большинство из них — величайшие безумцы и глупцы на земле⁷⁴¹. Поэтому мы должны ждать от них худшего и не ждать блага, особенно в божественных вещах, влияющих на благополучие души. Они — Божьи палачи, и гнев Божий использует их для наказания злодеев и для поддержания внешнего мира».

Лютер ссылается на Ис. 3:4 («И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними») и на Ос. 13:11 («И Я дал тебе царя во гневе Моём, и отнял в негодовании Моём»). «Этот мир слишком скверен, — добавляет Лютер, — он недостоин того, чтобы иметь много мудрых и благочестивых князей».

⁷³⁸ В Вестминстерском вероисповедании, гл. XX. 2, сказано: «Один только Бог может быть Господином совести».

⁷³⁹ *L. c.*, p. 82: *Das weltlich Regiment hat Gesetze, die sich nicht weiter strecken, denn über Leib und Gut, und was äusserlich ist auf Erden. Denn über die Seele kann und will Gott niemand lassen regieren, denn sich selbst alleine. Darumb wo weltlich Gewalt sich vermisset, der Seelen Gesetze zu geben, da greift sie Gott in sein Regiment, und verführet und verderbet nur die Seelen. Das wollen wir so klar machen, dass mans greifen solle, auf dass unsere Junkern, die Fürsten und Bischöfe sehen, was sie für Narren sind, wenn sie die Leut mit ihren Gesetzen und Geboten zwingen wollen, sonst oder so zu glauben.*

⁷⁴⁰ *Zum Glauben kann und soll man niemand zwingen.* Что касается святого Августина, то впоследствии он переменял свои взгляды на этот вопрос, и то же самое сделал впоследствии Лютер. Выступая против манихеев, Августин был терпим (он сам был манихеем в течение девяти лет). А когда он выступал против донатистов, он уже не был терпимым. В первом случае он говорил: *Credere non potest homo nisi volens*, а во втором он неправильно истолковывал слова: *Compelle intrare ut impleatur domus mea* (Лк. 14:23), представляя их как оправдание принудительного обращения («Сделай так, чтобы они пришли»). См. выше, §11.

⁷⁴¹ *Die grössten Narren oder die ärgsten Buben auf Erden* (p. 89).

На возражение о том, что светские власти предоставляют внешнюю защиту и не позволяют еретикам оболыщать народ, Лютер отвечает:

Это дело епископов, а не князей, ибо ересь нельзя искоренить силой. Для этого нужен другой подход. Эта битва ведется не на мечах. Здесь должно сражаться Слово Божье. Если этого не происходит, мирская власть ничего не может сделать, даже если утопит весь мир в крови. Ересь — вещь духовная. Ее нельзя изрубить на куски железом, выжечь огнем или утопить в воде⁷⁴². Но Слово Божье уничтожает ее, как говорит Павел: «Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом» (2 Кор. 10:4,5).

Объясняя Первое послание Петра, в том же году (1523), Лютер так комментирует призыв «бояться Бога и чтить царя»⁷⁴³:

Когда гражданские власти вмешиваются в духовные вопросы совести, которыми должен управлять один только Бог, то мы вообще не должны им повиноваться, а должны отказаться от такого руководства. Гражданское правительство руководит только внешними и временными делами... Если бы император или князь спросил меня о моей вере, то я бы ответил ему не потому, что он велит, а потому, что я обязан исповедовать свою веру перед каждым. Но если он пойдет дальше и станет приказывать мне верить в то или это, я скажу: «Господин, занимайся своими светскими делами. У тебя нет права вмешиваться в правление Бога, а потому я не буду тебе повиноваться».

Похожих взглядов на разделение церкви и государства придерживались анабаптисты, меннониты, английский епископ-мученик Хупер и индипендент Роберт Браун, но на практике они осуществились гораздо позже⁷⁴⁴.

Сам Лютер впоследствии изменил свое мнение по данному вопросу — в какой-то степени из-за волнений и ересей, которые возникали вокруг него, угрожая беспорядком и анархией. Победа над крестьянами существенно усилила власть князей. Лютеранские реформаторы доверили им дело реорганизации церкви, тем самым введя нечто вроде папства кесарей, то есть такой союз церкви и государства, при котором глава государства является и верховным правителем церкви. Это было прямо противоположно иерархическому принципу Римской Католической церкви, которая пытается править государством. Меланхтон оправдывал эту перемену в основном нежеланием папы и епископов исполнять свои обязанности. Он говорит: если бы Христос и апостолы ждали, пока Анна и Каиафа разрешат проповедовать Евангелие, то они напрасно бы потратили время⁷⁴⁵.

Сотрудничество князей и городских властей помогло укреплению протестантской церкви, но привело к подчинению юристам и политикам, которые, за отдельными достойными уважения исключениями, знали еще меньше и правили церковью еще хуже, чем епископы. В более поздних трудах реформаторы часто горько жаловались на жадность князей и знати, которые изымали имущество церквей и монастырей и тратили церковные средства на себя, а не на школы и благотворительность. Римские историки используют данный факт для критики Реформации, но эти грабежи протестантских князей весьма незначительны в сравнении с крупномасштабными конфискациями церковного имущества римско-католическими державами, такими как Франция, Испания и Италия, в прошлом и этом веке.

⁷⁴² *Ketzerei ist ein geistlich Ding, das kann man mit keinem Eisen hauen, mit keinem Feuer verbrennen, mit keinem Wasser ertränken.*

⁷⁴³ Erl. ed., vol. LI, p. 419 sq.

⁷⁴⁴ См. §12, примечание.

⁷⁴⁵ *Judicium de jure reformandi* (1525), в *Corp. Reform.*, I. 763 sqq.

Союз церкви и государства несет на себе вину за гонения на папистов, еретиков и иудеев. Все реформаторы оправдывали гонения, вплоть до смещения и ссылки, а некоторые — вплоть до казни, как в случае с Серветом⁷⁴⁶.

Современное развитие принципа терпимости и религиозной свободы идет рука об руку с расторгжением союза между церковью и государством.

§88. Посещение церквей в Саксонии

MELANCTHON: *Articuli de quibus egerunt per visitatores in regione Saxoniae*. Wittenb., 1527.

Репринт — в *Corpus Reform.*, vol. XXVI (1858), 9-28. То же на немецком с предисловием ЛЮТЕРА: *Unterricht der Visitatoren an die Pfarrherrn im Kurfürstenthum zu Sachsen*. Wittenb., 1628. В WALCH, X. 1902, и в *Corp. Reform.*, XXVI. 29-40. Также LUTHER, *Letters to Elector John*, 1525 — 1527, в DE WETTE, vol. III. 38 sqq.

BURKHARDT: *Gesch. der sächsischen Kirchen- und Schulvisitationen von 1524-45*. Leipzig, 1879. KÖSTLIN: *M. L.*, II. 23-49.

Для борьбы с церковными злоупотреблениями, ради проведения реформы учения, поклонения и дисциплины, а также с целью учреждения христианских школ по всему Саксонскому курфюршеству Лютер предложил ввести посещения всех церквей. Посещения входили в обязанность епископов. Но так как в Саксонии не было епископа, который поддерживал бы Реформацию, Лютер неоднократно призывал курфюрста Иоганна, ставшего наследником своего брата Фридриха, ввести епископское посещение церквей на своей территории, поделив ее на три или четыре области, каждую из которых должны были объезжать два представителя знати или властей⁷⁴⁷. Он обрисовал в весьма сильных выражениях плачевное состояние церкви: страха Божьего и дисциплины больше нет, простой народ перестал уважать проповедников, не вносит пожертвований, и проповедники голодают, а после того, как тирания папы была упразднена, всякий поступает так, как ему вздумается. Скоро вообще не останется ни церквей, ни школ, ни учеников, если власти не восстановят порядок и не позаботятся хотя бы о молодежи, оставив стариков на произвол судьбы⁷⁴⁸.

Это был опасный шаг, вступление на грань нового папства — папства кесарей, правления государства над священством. Но казалось, что в тех обстоятельствах это была единственно доступная помощь, и, без сомнения, она оказалась полезна. Лютер свято верил в богобоязненного курфюрста, который не злоупотребит введенной ему властью.

И курфюрст после длительной отсрочки решил ввести посещения в июле 1527 г. на полузаконном основании, со ссылкой на Шпейерский рейхстаг, который за год до того временно приостановил, но никоим образом не отменил действие Вормского эдикта. Он велел Меланхтону подготовить «формулировку учения и описание обрядов» в качестве руководства для посещающих. Меланхтон на латыни и, более подробно, на немецком языке изложил евангельское учение о вере и обязанностях, и это изложение можно считать черновиком Аугсбургского исповедания. Он рассматривает в семнадцати статьях вопросы о вере, кресте

⁷⁴⁶ См. §12.

⁷⁴⁷ См. его письма от 31 октября 1525 г., 30 ноября 1525 г., 22 ноября 1526 г., 5 февраля 1527 г., 12 октября 1527 г.

⁷⁴⁸ *Wollen die Alten ja nicht, mögen sie immer zum Teufel hinfahren. Aber wo die Jugend versäümet und unerzogen bleibt, da ist die Schuld der Obrigkeit* (De Wette, III. 136). В том же письме он говорит, что народ живет *wie die Säue: da ist keine Furcht Gottes, noch Zucht mehr, weit des Papstes Bann ist abgegangen, und thut jedermann was er nur will.*

(страстях), молитве, плодах Духа, городских властях, страхе Божьем, праведности, суде, таинствах (крещении, вечере Господней и исповеди), значении евхаристии, покаянии, браке, запретных случаях, человеческом предании, христианской свободе, свободе воли и законе. Порядок не очень логичен, в немецкой редакции он немного отличается. Труд был закончен в декабре 1527 г.

Лютер написал популярное предисловие и примечания к немецкому изданию, раскрыв тему. Он показал, как важны посещения церквей, на примере апостолов и обязанностей епископов, ибо епископ, как видно из значения самого слова, — это блюститель, присматривающий за порядком в церкви, а архиепископ — это блюститель над всеми епископами. Но епископы стали мирскими лордами и пренебрегают своими духовными обязанностями. Сейчас, когда истинное Евангелие вернулось или только начало возвращаться, нам нужны настоящие епископы. Так как ни у кого нет соответствующей власти или Божьего призвания, мы попросили курфюрста, как дарованного Богом правителя (Рим. 13), воспользоваться своей властью ради защиты и распространения Евангелия. Хотя он не призван учить, он может восстановить мир и порядок, как сделал император Константин, когда созвал Никейский собор для разрешения арианского спора⁷⁴⁹.

Меланхтон мудро воздержался от полемики. Он советовал проповедникам критиковать грех и порок, но оставить в покое папу с епископами. Лютеру не нравилась такая умеренность, и он добавил на полях: «Но они будут яростно осуждать папство и его сторонников, ибо оно осуждено Богом; ибо папство есть правление антихриста, и, подстрекаемое дьяволом, оно ужасно преследует христианскую церковь и Слово Божье»⁷⁵⁰.

Курфюрст поручил посещения Лютеру, Меланхтону, Юсту Ионасу, Шпалатину и Миконию, а также нескольким известным мирянам. Посещения были проведены в 1528 — 1529 г. Обнаружилось, что церкви пребывают в самом плачевном состоянии, унаследованном от времен папства и усугубленном злоупотреблениями свободой Реформации. Пасторы и народ освободились от ограничений, церкви и школы лежали в руинах, служители были нищими, невежественными, равнодушными и деморализованными. Некоторые содержали таверны, сами пили и вели скандальный образ жизни. Народ, конечно, был не лучше. «Крестьяне, — писал Лютер Шпалатину, — ничему не учатся, ничего не знают и злоупотребляют своей свободой. Они перестали молиться, исповедоваться, причащаться — словно они вообще неверующие. Как они презирали папство, теперь они презирают нас. А правление папских епископов вообще ужасно наблюдать»⁷⁵¹.

Необходима была сильная рука закона, и порядок был отчасти восстановлен. Имущество церквей и монастырей пошло на нужды приходов и школ, а также на стипендии для студентов богословия (1531). Назначение служителей стало обязанностью курфюрста. Посещения повторялись время от времени под присмот-

⁷⁴⁹ *Denn obwol S. K. F. Gnaden zu lehren und geistlich regieren nicht befohlen ist, so sind sie doch schuldig, als weltliche Obrigkeit, darob zu halten, dass nicht Zwietracht, Rotten und Aufruhr sich unter den Unterthanen erheben, wie auch der Kaiser Constantinus die Bischöfe gen Nicaea fordert, etc. (Corp. Ref., XXVI. fol. 46).*

⁷⁵⁰ См. примечание полностью, *l. c.*, fol. 85.

⁷⁵¹ Письмо от февраля 1529 г. в De Wette, III. 424. См. также предисловия к его катехизисам. Для ультрамонтанской истории Янсена характерно, что, активно цитируя жалобы Лютера на печальное состояние саксонских церквей и объясняя такой упадок действием его учения об оправдании одной лишь верой (vol. III, 67-69), он совершенно забывает о катехизисах Лютера, которые были средством от этих зол.

ром регулярных суперинтендентов и консисторий, которые объединились в высшие церковные советы под руководством правителей как архиепископов.

Было учреждено территориальное государственно-церковное управление, и порядок восстановился в Саксонии, Гессене, Брауншвейге-Люнебурге, Мекленбурге, Восточной Фрисландии, Силезии и в других протестантских государствах Германии.

§89. Катехизисы Лютера. 1529

- I. Критические издания катехизисов Лютера в его «Сочинениях», Erl. ed., vol. XXI (содержит два катехизиса и несколько других катехетических произведений); MÖNCKEBERG (Hamburg, 1851, 2nd ed. 1868); SCHNEIDER (Berlin, 1853, репринт стандартного издания 1531 г. с критическим предисловием); THEODOS. HARNACK (Stuttgart, 1856; репринт двух изданий, 1529 и 1539 г., там же таблица текстовых расхождений до 1842 г.); ZEZSCHWITZ (Leipz., 1881); CALINICH (Leipz., 1882). См. заглавия в SCHAFF: *Creeds of Christendom*, I. 245. Катехизисы также напечатаны в символах веры лютеранской церкви и в разделе «Малый катехизис», с переводом на английский, в SCHAFF, *Creeds, etc.*, vol. III, 74-92. Текст в Книге согласия неточен, и его нужно сравнивать с текстом в перечисленных выше книгах.
- II. Об истории и значении катехизисов Лютера: KÖCHER, AUGUSTI, VEESENMEYER, ZEZSCHWITZ и другие, цитируются в SCHAFF, *l. c.*, 245. Также KÖSTLIN: *M. L.*, bk. VI, ch. IV (II. 50-65).

Катехизисы Лютера являются богатейшим плодом посещения саксонских церквей. Они были задуманы как средство от зол невежества и неверия и стали символическими стандартами учения и обязанностей, постоянным средством наставления в лютеранской церкви. Малый катехизис, самый лучший, носит на себе отпечаток религиозного гения Лютера. После перевода Библии это — самый полезный и долгосрочный его труд. Его продолжают использовать на катехетических занятиях и уроках воскресной школы повсюду, где есть лютеране. Лютер излагает здесь тайны небесного царства так, чтобы они были понятны детям, и сам становится ребенком среди детей, учащимся, а не только учителем, и говорит: «Я — учитель и проповедник, но я подобен ребенку, которого учат катехизису. По утрам я читаю и слово за словом повторяю десять заповедей, положения символа веры и молитву Господню и с радостью остаюсь ребенком, учащим катехизис». Это маленькая, но великая книга, в которой столько же мыслей, сколько и слов, и каждое слово поражает в самое сердце и запоминается. Она обращена непосредственно к сердцу и может быть превращена в молитву. Великий историк Леопольд фон Ранке сказал: «Эта книга ребячлива и глубока, понятна и неизреченна, проста и возвышенна. Счастлив тот, чья душа питается ею и придерживается ее! У него в любой момент есть нетленное утешение. Под ее тонкой оболочкой таится зерно истины, которого хватит и мудрейшим из мудрых»⁷⁵².

Катехетическое обучение верующих существовало в христианской церкви с самого начала (по образцу иудейской синагоги). Если обращенные были взрослыми, то оно предшествовало крещению, а если крестили детей, то оно следовало за крещением и кульминацией его была конфирмация и первое причастие. Древнейшая богословская школа, где преподавали Климент и великий Ориген, возникла в силу необходимости катехетического обучения. Учили в первую очередь символу веры (Никейскому в Греческой церкви, Апостольскому — в Латинской) — то есть во что верить; молитве Господней (*Pater noster*) — то есть как молиться; и десяти заповедям — то есть как жить. Сюда иногда добавлялись

⁷⁵² К этому и другим свидетельствам можно добавить слова Кестлина, II. 63: *Der Kleine Katechismus steht in erster Reihe unter den Schriften des Reformators.*

особые сведения о таинствах, Афанасьевский символ веры, *Te Deum, Gloria in excelsis, Ave Maria*, стихи Писания, списки грехов и добродетелей. Катехетические лекции Кирилла были стандартным учебником в Греческой церкви. Августин написал, по просьбе одного диакона, знаменитую книгу о катехетическом обучении (*De catechizandis rudibus*) и краткое объяснение символа веры и молитвы Господней (*Enchiridion*), предназначенное для учителей и показывающее нам, какие знания считались необходимыми для наставления христиан в V веке. В средние века монахи Керон (720) и Ноткер (912), оба из Сен-Галлена, Отфрид Вейссенбургский (870) и другие авторы создавали простейшие катехетические учебники. Катехизис Отфрида содержит: 1) молитву Господню с объяснением; 2) список смертных грехов; 3) Апостольский символ веры; 4) Афанасьевский символ веры; 5) *Gloria*. Антипапские секты альбигойцев, вальденсов и богемских братьев уделяли особое внимание катехетическому обучению.

Первые протестантские катехизисы были подготовлены Лоницером (1523), Меланхтоном (1524), Бренцием (1527), Альтгамером, Лахманом (1528), а позже — Урбаном Регием (Ригером)⁷⁵³. Лютер призывал своих друзей и коллег, Юста Ионаса и Агриколу, написать катехизис для Саксонии (1525)⁷⁵⁴, но, увидев во время посещения церквей, сколь велико невежество народа, он сам взялся за это дело и закончил катехизис в 1529 г. Он и до этого уже публиковал разъяснения десяти заповедей, символа веры и молитвы Господней для народа (1520)⁷⁵⁵.

Он написал два катехизиса, оба на немецком языке. Большой катехизис — это непрерывное разъяснение, не поделенное на вопросы и ответы. Кроме того, этот катехизис со временем так разросся, что стал непригоден для обучения молодежи, для которого изначально был задуман. А потому вскоре после этого (в июле 1529 г.) Лютер написал краткий, или малый катехизис, получивший название *Enchiridion*. Это был зрелый плод его более обширного труда, предназначенный для практического использования. Такие же отношения существуют между Большим и Малым катехизисами Вестминстерской ассамблеи.

Лютер со свойственным ему консервативным инстинктом сохранил три основные части катехизиса: десять заповедей, символ веры и молитву Господню. Первые он назвал учением всех учений; второй — историей всех историй; третью — величайшей из всех молитв. К этим трем разделам он добавил, по католической традиции и по примеру Богемского катехизиса, наставление о таинствах крещения и вечери Господней, в двух отдельных разделах, так что всего их получилось пять. Он сохранил древнегерманское обращение *Vater unser (Pater noster)* в молитве Господней и перевод «избавь нас от зла (*a malo*), тогда как в его Библии первое изменено на *Unser Vater* (Мф. 6:9), а в своем Большом катехизисе он переводит греческое слово как *злой*, то есть дьявол (*ὁ πονηρός*), наш главный враг. Однако на практике эти два различия стали отождествляться с лютеранским и немецким реформатским вариантами молитвы Господней⁷⁵⁶.

В более поздние издания Малого катехизиса (после 1564 г.) была добавлена шестая часть, об «Исповеди и отпущении грехов», или о «Власти над ключами».

⁷⁵³ Hartmann, *Aelteste Katechetische Denkmale*, Stuttgart, 1844.

⁷⁵⁴ Юст Ионас, вероятно, является автором *Laienbiblia*, 1525 (перепечатана Шнейдером в 1853), на которой, скорее всего, основан катехизис Кранмера (1548). См. Schaff, *Creeds*, I. 655, note 2.

⁷⁵⁵ Erl. ed., vol. XXII, 1-32. См. также его *Taufbüchlein verdeutscht*, 1523, перепечатано в 1526 (?), *ibid.*, XXII. 157 sqq., 290 sqq.

⁷⁵⁶ Если немецких фермеров в Пенсильвании спросить, в чем разница между лютеранами и реформатами, в ответ вы услышите: «Одни молятся *Vater unser*, а другие — *Unser Vater*».

Ее включают либо как часть V, между главами о крещении и вечере Господней, либо как часть VI, либо как приложение. Точное авторство расширенного варианта (или вариантов, потому что они могут быть разными) с вопросами типа: «Что такое власть над ключами?» и т. п., не установлено, однако сама его суть (то есть вопросы о частной исповеди или исповеди вслух, обращенной к служителю, и об отпущении служителем грехов, как они приводятся в «Конкордии») восходит к самому Лютеру и впервые излагается в третьем издании 1531 г. как вступление к пятой части, о вечере Господней. Лютер много писал о частной исповеди и об отпущении грехов, тогда как кальвинисты отвергают частную исповедь, считая ее вредным изобретением папистов, и сохраняют только общую исповедь. «Подлинное отпущение грехов, — говорит Лютер, — или власть над ключами, описанная в Евангелии Христа, дает утешение и поддержку против греха и грешной совести. Исповедь и отпущение грехов в церкви никоим образом нельзя упразднить. Их следует сохранить, особенно ради тех, чья совесть слаба и робка, а также ради необученной молодежи, чтобы они могли исследовать свою душу и получать наставление в христианском учении. Но перечисление грехов должно быть свободным. Каждый перечисляет или не перечисляет их, как ему угодно»⁷⁵⁷. Практика частной исповеди в каких-то ответвлениях лютеранской церкви по-прежнему сохраняется, а в других она, наоборот, совершенно исчезла.

Английская церковь придерживается похожего взгляда на эту проблему. «Книга общего богослужения» содержит, помимо двух форм публичной исповеди и отпущения грехов, форму частной исповеди и отпущения грехов. В литургии епископальной церкви Соединенных Штатов последняя опущена.

Помимо этих доктринальных разделов Малый катехизис, как он был издан Лютером в 1531 г. (отчасти и в первом издании, 1529), содержит три приложения молитвенного или литургического характера: 1) ряд коротких семейных молитв; 2) перечень обязанностей (*Haustafel*) членов христианской семьи, состоящий из отрывков Писания; 3) учебник для супругов (*Traubüchlin*) и 4) учебник по крещению (*Taufbüchlin*).

Первые два приложения были сохранены в «Конкордии», а третье и четвертое, как литургические и обрядовые, были опущены по причине больших различий между разными церквями в том, что касалось свадебного обряда и экзорцизма при крещении.

Малый катехизис был переведен с оригинального немецкого на латынь (Зауэрманом) и многие другие языки, даже на греческий, еврейский и сирийский. Лютеранские авторы утверждают, что ни одна книга, за исключением Библии, не получала более широкого распространения. Через тридцать семь лет после ее появления на свет Матезий утверждал, что разошлось более ста тысяч экземпляров. Вскоре она стала использоваться в общеобразовательных школах, в церквях и семьях. Она стала символической книгой, своего рода «Библией мирянина» для немецкого народа.

С точки зрения реформатских церквей, катехизис Лютера при всех его достоинствах имеет серьезные недостатки. В нем текст десяти заповедей приведен в сокращенной форме, с неправильным разделением Латинской церкви, в котором вторая заповедь вообще опущена, а десятая поделена на две, чтобы заповедей было десять. В нем есть только три вопроса и ответа по символу веры: о сотворении, искуплении и освящении. В нем уделяется слишком большое внимание

⁷⁵⁷ *Articuli Smalcald.* P. III, cap. 8.

тайнствам, которым посвящены три больших раздела, а частная исповедь и отпущение грехов возвышаются почти что до положения третьего таинства. В нем нет наставлений касательно Библии как богодухновенного повествования с Божьим откровением и правила веры и поведения. Обычно при катехетическом обучении эти недостатки восполняются с помощью ряда вступительных и дополнительных вопросов и ответов.

§90. Типичные протестантские катехизисы

В этой связи мы хотим предвосхитить события и провести краткое сравнение между самыми влиятельными учебниками популярного религиозного наставления, которые обязаны своим происхождением Реформации и стали установлениями, сохранившими свое влияние и полезность по сей день.

Это Малый катехизис Лютера (1529), Гейдельбергский катехизис (1563), Англиканский катехизис (1549, расширенное издание 1604 г., пересм. изд. 1661 г.) и Краткий Вестминстерский катехизис (1647). Первый — стандартный катехизис лютеранской церкви; второй — немецкой и голландской реформатской церквей, а также еще некоторых реформатских церквей (в Богемии и Венгрии); третий — епископальной церкви Англии и ее дочерних отделений в Британских колониях и Соединенных Штатах; четвертый — пресвитерианских церквей Шотландии, Англии и Америки. Они следуют за представителями этих церквей по всем миссиям в языческих странах и были переведены на многие языки.

По сути они соглашаются в основополагающих доктринах католической и евангельской веры. Они учат положениям Апостольского символа веры, десяти заповедям и молитве Господней, то есть всему, что необходимо, чтобы человек уверовал и спасся. В этом они демонстрируют согласие между основными ответвлениями протестантского христианского мира.

Но они и отличаются друг от друга, отражая особый дух и дары этих церквей. Лютеранский катехизис — самый простой, гениальный и «детский»; Гейдельбергский — самый полный, богатый и зрелый; Англиканский — самый краткий и самый «церковный», хотя достаточно скудный; Вестминстерский — самый ясный, точный и логичный. Первые три говорят с учащимся от имени члена церкви, который отвечает на вопросы с точки зрения своего настоящего и будущего опыта. Вестминстерский катехизис безличен. В нем ответы даются в виде богословского определения. Первые два проникнуты сердечностью и откровенностью, характерными для германского благочестия, а другие два отражают более здоровый и практичный тип английского и шотландского благочестия. Лютеранский и Англиканский катехизисы начинаются с десяти заповедей и рассматривают закон как подготовку в обучении, ведущем ко Христу. Другие два катехизиса начинаются с объяснения догматов веры, а от веры переходят к закону как к правилу христианской жизни, которая в Гейдельбергском катехизисе представлена как акт благодарности за полученное спасение (следуя порядку Послания к римлянам: от греха — к искуплению, от искупления — к святой жизни в благодарности). Лютер следует римскому делению десяти заповедей и сокращает их. В других вариантах отражено более точное деление у иудеев и в Греческой церкви, с полным текстом. Лютеранский и Англиканский катехизисы уделяют тайнствам отдельное место наряду с заповедями, символом веры и молитвой Господней. В Гейдельбергском и Вестминстерском катехизисах их описание вставлено в объяснение догматов веры. Первый учит возрождению при креще-

нии, а Лютер — также и реальному телесному присутствию Христа в причастии, частной исповеди и отпущению грехов. Последний катехизис учит кальвинистской теории таинств и игнорирует частную исповедь и отпущение грехов. В англиканских Тридцати девяти статьях также излагается реформатский взгляд на вечерю Господню. Вестминстерский катехизис отходит от католической традиции, помещая Апостольский символ веры в приложение и заменяя исторический порядок откровения новой логической схемой. Во всех остальных катехизисах символ веры становится основой разъяснения доктрины⁷⁵⁸.

Разница между этими книгами видна из начальных вопросов и ответов, которые мы приводим далее в параллельных столбцах.

КАТЕХИЗИС
ЛЮТЕРА

ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ
КАТЕХИЗИС

АНГЛИКАНСКИЙ
КАТЕХИЗИС

ВЕСТМИНСТЕРСКИЙ
КАТЕХИЗИС

Заповедь первая

Да не будет у тебя других богов, кроме Меня.

Что это значит?

Мы должны превыше всего бояться, любить Бога и уповать на Него во всем.

Заповедь вторая

Не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно.

Что это значит? Мы

должны бояться Бога и любить Его так, чтобы не проклонять, не клясться, не колдовать, не лгать и не обманывать именем Его, но призывать Его имя во всякой нужде, молиться Ему, благодарить и прославлять Его.

Заповедь третья
[четвертая]

Помни день субботний, чтобы святить его.

Что это значит?

Мы должны бояться и любить Бога так, чтобы не пренебрегать проповедью и Словом Божиим, но свято чтить его, охотно слушать и познавать.

Что для тебя единственное утешение в жизни и смерти?

То, что я, телом и душой, в жизни и в смерти принадлежу не себе, но моему верному Спасителю Иисусу Христу, Который Своей драгоценной кровью полностью искупил все мои грехи и избавил меня от власти дьявола. Он так хранит меня, что без воли моего Отца небесного ни один волос не упадет с моей головы; что все содействует моему спасению. Через Своего Святого Духа Он убеждает меня в том, что я буду жить вечно, помогает мне от всего сердца желать ее и с готовностью жить в Нем.

Что необходимо тебе знать, чтобы ты в этом утешении мог жить и умереть счастливо?

Три вещи: во-первых, как велик мой грех и мое несчастье. Во-вторых, что я искуплен от всех своих грехов и несчастья. В-третьих, что я должен благодарить Бога за это искупление.

Как тебя зовут?

Н. или М.

Кто дал тебе это имя?

Мои крестные отцы и крестные матери* при моем крещении, посредством которого я стал частью Христа, дитем Бога и наследником царства небесного.

Что сделали для тебя тогда твои крестные отцы и крестные матери (крестные)?

Они обещали и поклонились в трех вещах от моего имени. Во-первых, что я отрекусь от дьявола и от всех его дел, от напыщенности и суеты грешного мира и от грешных похотей плоти. Во-вторых, что я буду верить во все догматы христианской веры. И в-третьих, что я буду жить по святой Божьей воле и заповедям и ходить в Боге во все дни своей жизни.

*В американском Епископальном молитвеннике просто «мои крестные».

Какова главная задача человека?

Главная задача человека — прославлять Бога и наслаждаться Им вечно.

Какое руководство дал нам Бог, чтобы мы могли прославлять Его и наслаждаться Им?

Слово Божье, которое содержится в Писании, Ветхом и Новом Завете, — вот единственное руководство, наставляющее нас, чтобы мы могли прославлять Его и наслаждаться Им.

Чему учит нас Писание?

Писание учит нас тому, какие у нас должны быть представления о Боге и чего Бог требует от человека.

Что есть Бог?

Бог есть Дух, безграничный, вечный и неизменный в Своем бытии, мудрости, силе, святости, справедливости, благодати и истине.

⁷⁵⁸ Более полное сравнение см. в Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 543 sqq.

ГЛАВА VI

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА В ГЕРМАНИИ И ГОНЕНИЯ НА НЕГО ДО 1530 г.

§91. Причины и значение прогресса

Реформация распространилась по Германии спонтанно и неотвратимо, как случается с великими историческими переменами, которые коренятся глубоко в потребностях и нуждах церкви. Единственными формами пропаганды Лютера были слово и перо, но он пользовался ими, не жалея времени и сил. «Не надо было ничего организовывать, — пишет Ранке, — и ни о чем договариваться, устраивать какие бы то ни было миссии. Как первый солнечный луч заставляет прорасти зерно на вспаханном поле, так и новые убеждения, подпитываемые всем, что люди чувствовали и слышали, проявлялись при первой же возможности везде, где говорили на немецком языке»⁷⁵⁹.

Главными причинами распространения лютеранства были общее недовольство папской тиранией и коррупцией, жажда света, свободы и спокойствия совести, жажда чистого Божьего слова. Основными орудиями стали немецкая Библия, которая изрекала Божьи наставления авторитетно и осмысленно и побеждала человеческую власть папы, немецкие гимны, которые обращались к сердцу людей с утешительным учением благодати, и произведения Лютера, где все насущные вопросы обсуждались умело и в свете обширных знаний, которые укрепляли веру друзей и сокрушали противостояние врагов. Сила и плодovitость его полемического гения поразительны. Они не имеют себе равных в среде отцов церкви, схоластов и современных богословов. Он был абсолютным монархом в царстве немецкого богословия и религии. Евангелие было его щитом и оружием, и он всегда был уверен в победе⁷⁶⁰.

То, что Лютер сделал для народа, Меланхтон в своей кроткой и умеренной манере совершил для схоластов. Совместными силами они вполне могли противостоять всей учености, умениям и материальным ресурсам защитников Рима.

⁷⁵⁹ *Deutsche Geschichte*, etc., vol. II, 46 (6th ed.).

⁷⁶⁰ *Selbstherrschender, gewaltiger ist wohl nie ein Schriftsteller aufgetreten, in keiner Nation der Welt. Auch dürfte kein anderer zu nennen sein, der die vollkommenste Verständlichkeit und Popularität, gesunden, treuherzigen Menschenverstand mit so vielechem Geist, Schwung und Genius vereinigt hätte. Er gab der Literatur den Charakter den sie seitdem behalten, der Forschung, des Tiefsinns, der Polemik* (Ranke, II. 56). *Fesselnder, ergreifender und packender hat kein Deutscher geschrieben. Dabei beherrschte er seine Muttersprache mit solcher Gewalt, dass er sie zur Schriftsprache zu erheben vermochte* (Fr. Kapp, *Geschichte des deutschen Buchhandels*, vol. I, p. 407).

Столь масштабного распространения новых идей и принципов не наблюдалось со времени возникновения христианства. Никакая власть папы или императора, никакие соборы и сеймы не могли его остановить. Сами препятствия способствовали прогрессу. Если бы император и его брат выступили на стороне нового движения, то вся Германия могла бы стать номинально лютеранской. Но было лучше, чтобы протестантизм победил оппозицию за счет своей интеллектуальной и моральной силы. Протестантский Константин или Карл Великий мог бы расширить Реформацию территориально, но тогда он поставил бы под угрозу ее чистоту.

Светские и эгоистичные мотивы и страсти примешивались к чистому энтузиазму благовестия. Иногда для подавления старой и насаждения новой веры использовались насилие, интриги и несправедливость⁷⁶¹. Но человеческий грех и несовершенство проявляются во всех великих исторических движениях. Когда Бог где-то строит церковь, дьявол норовит выстроить рядом часовню. Дьявол силен, а Бог всемогущ. Он побеждает гнев и преодолевает хитрость Своего главного врага. Только сила истины и убеждения могли сломить тиранию папства, которое столько веков управляло церковью, заявляя о своем исключительном праве на ключи от царства небесного. Было бы оскорблением для разума и веры отрицать, что Бог управляет всем и всем руководит в истории мира и церкви.

§92. Книгопечатание и Реформация

Искусство книгопечатания, которое по воле Провидения подготовило мир к Реформации, стало одним из мощнейших рычагов развития протестантизма и современной культуры.

До Реформации книги были, по большей части, объемными и дорогими фолиантами (ин-фолио) и ин-кварто на латыни, предназначенными для ограниченного пользования. Редкость полных экземпляров Библии видна из того факта, что в библиотеках эти экземпляры приковывали цепью к полке во избежание кражи, а с началом книгопечатания маленькие книжки и листовки стали распространяться на общенародном языке для миллионов людей.

Статистика книготорговли XVI века показывает, что после Лютера в этой области наблюдалось невероятное развитие. В 1513 г. в Германии появилось на свет только 90 печатных изданий; в 1514 г. — 106; в 1515 г. — 145; в 1516 г. — 105; в 1517 г. — 81. В основном это были небольшие религиозные трактаты, листовки, официальные объявления, медицинские рецепты, рассказы и сатирические обличения злоупотреблений клира и монахов. В 1518 г. их количество возросло до 146; в 1519 — до 252; в 1520 — до 571; в 1521 — до 523; в 1522 — до 677; в 1512 — до 944. Таким образом, общее количество печатных изданий за пять лет, предшествовавших Реформации, составляло лишь 527, а за шесть лет после начала Реформации — 3113⁷⁶².

Эти труды распространялись по более чем пятидесяти разным городам Германии. Из всех изданий, напечатанных между 1518 и 1523 г., не менее шестисот

⁷⁶¹ Янссен, по нашему мнению, ставит акцент в основном на низменных побуждениях и ничего не говорит о более возвышенных духовных мотивах и задачах, а потому в неверном свете представляет Реформацию и ее деятелей.

⁷⁶² Эти цифры и некоторые факты, упомянутые в данном параграфе, я взял из назидательного труда Friedrich Kapp, *Geschichte des deutschen Buchhandels* (опубликован в серии «Börsenverein der deutschen Buchhändler», Leipzig, 1886), vol. I, 407 sq. Статистика Ранке (II. 56) взята из Panzer, *Annalen der älteren deutschen Literatur* (1788 и 1802); исследование Веллера, Кучинского и Каппа более свежие и полные.

появилось в Виттенберге, другие в основном в Нюрнберге, Лейпциге, Кельне, Страсбурге, Гагенау, Аугсбурге, Базеле, Гальберштадте и Магдебурге. Лютер ввел в Северной Германии книготорговлю и превратил свой маленький Виттенберг в один из основных книжных рынков. Виттенберг успешно соперничал с соседним Лейпцигом, пока тот оставался католическим. В 1523 г. более четырех пятых всех опубликованных книг были созданы сторонниками Реформации и только двадцать могли быть названы явно римско-католическими. Эразм, который до сих пор был бесспорным монархом в области литературы, жаловался, что люди читают и покупают только книги Лютера. Он уговаривал Фробена больше их не печатать. «Здесь в Базеле, — писал он королю Генриху VIII, — никто не осмеливается писать что-либо против Лютера, а против папы можно выступать сколько угодно». Проримские авторы, как мы узнаем от Кохлея и Вицеля, не могли найти издателя и печатались разве что за свой счет. Лейпцигские католические издатели жаловались, что их книги не продаются.

Когда появился немецкий Новый Завет Лютера, он придал сильнейший импульс развитию книготорговли. Пять тысяч экземпляров первого издания, вышедшего 22 сентября 1522 г., были напечатаны и проданы до декабря того же года, хотя стоил Новый Завет недешево, полтора гульдена за экземпляр (около 25 марок по нынешнему курсу). Ганс Луфт напечатал сто тысяч экземпляров на своем станке в Виттенберге. Адам Петри в Базеле выпустил семь изданий между 1522 и 1525 г.; Томас Вольф из того же города — пять изданий между 1523 и 1525 г. Герцог Георг велел вернуть все экземпляры обратно, но возвращены были лишь немногие. Этот драгоценный маленький томик, содержащий высшую в мире мудрость, со скоростью молнии проникал в замки королей, покои князей, монастыри, кабинеты священников, дома горожан и хижины крестьян. Ремесленники, крестьяне и женщины носили Новый Завет в кармане и смели спорить со священниками и докторами богословия о Евангелии⁷⁶³.

Авторских прав в то время не существовало, поэтому труды реформаторов перепечатывались в Нюрнберге, Аугсбурге, Страсбурге, Базеле. Переиздание считалось правомерным и почетным занятием. Лютер жаловался не на сам факт перепечатывания, а на неаккуратный и недобросовестный характер многих переизданий своих книг, в которых было столько ошибок, что сам он с трудом узнавал собственный текст⁷⁶⁴. Иногда печатники воровали у него рукописи и публиковали их в другом городе. Цензура ему не мешала. Разве что иногда, когда он нападал на князей, он получал от курфюрста мягкие предупреждения. Гонорара за книги он не брал и удовлетворялся каким-то количеством бесплатных экземпляров для своих друзей. Обычно авторы жили на профессорское жалование и считали ниже своего достоинства получать проценты от продаж, но получали подарки в виде бесплатных экземпляров и других предметов от издателей — или от богатых покровителей в обмен на посвящения, которые изначально были, как и сейчас, просто выражением уважения и благодарности, а потом, особенно в XVII веке, стали использоваться в эгоистичных целях⁷⁶⁵. Наличными авторам вплоть до XVIII века платили редко и

⁷⁶³ На это жалуется Кохлей (р. 350). Лютер называл его *Kochlöffel* и *Rotzlöffel* (*cochlear* = «ложка»).

⁷⁶⁴ Он называл таких печатников ворами и разбойниками с большой дороги, а их труд — *Bubenstück, den gemeinen Mann zu betrügen* (сентябрь 1525).

⁷⁶⁵ Капп (I. 318) упоминает, что курфюрсты Саксонии за 1571 — 1670 г. удостоились не менее ста девяноста двух «смирнейших» (*alleruntherthänigste*) посвящений от разных авторов, а городские власти Цюриха в 1670 — 1685 г. — тридцати восьми.

очень мало. Немногие могли зарабатывать на жизнь написанием книг. Справедливости ради здесь следует добавить, что и немногие издатели богатели за счет своего ремесла, потому что книгопечатание было сопряжено с большим риском и затратами (*Habent sua fata libelli*).

В то время как прогрессивная Реформация способствовала распространению книгопечатания, консервативная реакция постепенно создала систему ограничений, которая, под названием цензуры и руководством цензоров, взяла в свои руки управление книгопечатанием с правом препятствовать публикации и продаже книг, памфлетов и газет, враждебных царившим религиозным, моральным или политическим чувствам⁷⁶⁶. Крестьянская война, которая была разожжена книгами подстрекателей и угрожала ниспровержением общественного порядка, усилила реакционные тенденции как протестантского, так и римско-католического правительств.

Сожжение вредных книг руководством церкви или государства поистине столь же старо, как и сама книготорговля. Труд Протагора, где автор сомневался в существовании греческих богов, был сожжен на костре в Афинах примерно через двадцать лет после смерти Перикла. Император Август официально преследовал и сжигал публикации, содержавшие хулу (*libelli famosi*). Христианские императоры выступали против языческих, еретических и склоняющих к неверию книг. Константин Великий, поддерживаемый Никейским собором, выпустил эдикт против трудов Порфирия и Ария, Аркадий — против книг евномиян (398), Феодосий — против книг несториан (435). Юстиниан велел уничтожать разные вредные труды и запрещал их переиздание под страхом отсечения правой руки (536). Вселенский синод 680 г. в Константинополе сжег книги, которые осудил — в том числе послания папы Гонория, монофелита.

Папский Рим унаследовал эту практику и усовершенствовал ее. Лев I велел сжечь большое количество манихейских книг (446). Папы претендовали на право и обязанность надзирать за религиозной и моральной литературой христианского мира. В XIII веке они передали это право университетам, но обязанностей в этом плане у последних было немного, пока издание книг не облегчилось изобретением книгопечатания. Собор в Констанце осудил труды Виклифа и Гуса и велел епископам сжечь все их копии, какие удастся найти (1415).

После изобретения книгопечатания (ок. 1450 г.) была ужесточена цензура по указу, принятому в том самом городе, где жил и умер изобретатель, Иоганн Гуттенберг (1400 — 1467). Возникла также превентивная политика книжной цензуры, которая до сих пор существует в некоторых деспотических странах Европы. Бертольд, архиепископ Майнца, возглавил кампанию по ограничению печати. 10 января 1486 г. он запретил продажу неавторизованных переводов греческих и латинских трудов на немецкий под предлогом недостаточной выразительности немецкого языка, а на самом деле сделал это ради борьбы с немецкой Библией. В том же году папа Иннокентий VIII выпустил буллу против печатания греховных книг. Печально известный папа Александр VI запретил в 1498 г. под страхом отлучения печатание и чтение еретических книг. В булле от 1 июня 1501 г., направленной в основном против Германии, он подчинял все литературные публикации надзору и цензуре епископов и требовал от четырех архиепископов — Кельна, Майнца, Трира и Магдебурга — и их подчиненных

⁷⁶⁶ Об истории книжной цензуры (*Büchercensur*) и гонений на прессу см. девятую и десятую главы в Карп, I. 522 sqq.

тщательно изучать все рукописи перед тем, как давать позволение печатать их. Он велел также изучить уже напечатанные книги и сжечь их, если там содержатся вещи, противоречащие католической религии. Эта булла составляет основу всех последующих запретов и ограничений печати папскими, императорскими и прочими властями⁷⁶⁷.

Лев X, которого больше интересовало языческое искусство, чем христианская литература, пошел еще дальше и запретил в булле от 3 марта 1515 г. публикацию любой книги в Риме без штампа *magister sacri palatii* (книжного цензора), а в других местах и епархиях — без штампа епископа или инквизитора⁷⁶⁸. Нарушителей следовало наказывать: их книги надо было конфисковать и публично сжечь, а сами они должны были заплатить штраф в сто дукатов и подлежали отлучению от церкви. Архиепископ и курфюрст Альбрехт Майнцский был первым и, похоже, единственным немецким князем, одобрившим эту буллу в своей обширной епархии указом от 17 мая 1517 г. за несколько месяцев до начала Реформации. В папской булле об отлучении от 15 июня 1520 г. было велено сжечь «все книги Лютера»⁷⁶⁹, но Лютер посмеялся над этой буллой и в ответ 10 декабря 1520 г. сжег ее саму вместе со всеми папскими декреталями.

Таким образом, вместе со свободой совести родилась и свобода печати, но ей пришлось пройти через суровое испытание даже в протестантских странах, и римские власти постоянно ограничивали ее, насколько были в состоянии. Римская империя посредством Вормского эдикта стала союзником папы в борьбе со свободой мысли и прессы и продолжала оставаться таковым, пока не умерла в преклонном возрасте в 1806 г.⁷⁷⁰ К счастью, слабость империи и потребность в централизации мешали претворять в жизнь запрет на протестантские книги, за исключением строго папистских земель, таких как Бавария и Австрия. Но, к сожалению, сам протестанты, которые настаивали на предельной свободе печати в противовес папистам, отказывали в ней друг другу: лютеране — реформатам, те и другие — анабаптистам, швенкфельдианам и социнианам⁷⁷¹. Протестантским князьям было угодно контролировать книгоиздание, чтобы защититься от папства, от обвинений в краже церковной собственности и от других нападок. Курфюрст Иоганн Фридрих был таким же узколобым и нетерпимым, как и герцог Георг на противоположной стороне. Но эти мелкие ограничения были лишь каплей в сравнении с радикальной и систематической кампанией папистов против свободы печати. Король Фердинанд Австрийский 24 июля 1528 г. велел утопить всех печатников и продавцов сектантских книг и сжечь сами книги. Масштабное сожжение протестантских книг, в том

⁷⁶⁷Этой буллы нет в *Bullarium*, но ее можно прочесть в Raynaldus *ad a.* 1501, no. 36, Zaccaria, и в Reusch (I. 54), а частично также в Karr (*l. c.*, p. 530).

⁷⁶⁸Булла *Inter sollicitudines* была обнародована на V Латеранском соборе (Labbe, XIV. 257, и Reusch, I. 55 sq.).

⁷⁶⁹Булла *Exurge, Domine* приведена нами полностью ранее.

⁷⁷⁰Karr (*l. c.*, p. 536 sqq.) показывает, что именно Вормский эдикт, составленный папским легатом Алеандром, является началом немецкой книжной цензуры, а не указ Нюрнбергского сейма 1524 г., как обычно считают (*Wie Rom*, — пишет он (539), — *die Wiege der Büchercensur für die ganze Welt, so ist Worms ihre Geburtsstätte für Deutschland*). Однако ограничение прав прессы, как мы уже видели, началось в Германии еще в 1486 г. при курфюрсте Бертольде Майнцском.

⁷⁷¹*Derselbe Luther*, — пишет Капп (p. 552), — *welcher das Papstthum für noch lange nicht genug zerscholten, zerschrieben, zersungen, zerdichtet und zermalet hielt, rief schon 1525 die Censur für seinen nunmehrigen Standpunkt zur Hilfe*. Речь идет о его попытке добиться запрета на труды Карлштадта в Саксонии.

числе Библий, было любимой и очень эффективной мерой иезуитской реакции, которая началась примерно в середине XVI века и которой способствовали политические раздоры и внутренние войны между протестантами. Папа Павел IV выпустил в 1557 и 1559 г. первый официальный *Index Librorum prohibitorum*, Пий IV в 1564 г. — его расширенное издание, обычно известное как *Index Tridentinus*, так как он был выпущен по указанию Тридентского собора. «Индекс» содержит список всех книг, запрещенных Римом, — хороших, плохих и нейтральных. Этот список вырастал в объеме (1590, 1596, 1607, 1664, 1758, 1819 г. и т. д.), но его авторитет падал, пока он не стал, подобно булле против кометы, анахронизмом и *brutum fulmen*⁷⁷².

§93. Протестантизм в Саксонии

H. G. HASSE: *Meissnisch-Albertinisch-Sächsische Kirchengesch.* Leipzig. 1847, 2 parts. FR. SEIFERT: *Die Reformation in Leipzig*, Leipzig., 1881. G. LECHLER: *Die Vorgeschichte der Reform. Leipzigs*, 1885. См. также ссылки в KÖSTLIN, II. 426 и 672.

Курфюршеская Саксония была первым завоеванием Реформации. Виттенберг был центром всего движения. Лютер — главнокомандующим, а Меланхтон, Юст Ионас, Бугенгаген — его помощниками. Постепенное распространение лютеранства в этой стране совпадает с началом Реформации, и о нем мы уже говорили.

В тесной связи с курфюршеством находилось герцогство Саксонское, и о нем тоже можно здесь упомянуть, хотя оно последовало за Реформацией намного позже. К герцогству относились такие важные города, как Дрезден (ныне резиденция саксонских правителей) и Лейпциг с его знаменитым университетом. Герцог Георг силой сдерживал Реформацию на протяжении своего долгого правления с 1500 по 1539 г. Он ненавидел папское вымогательство и требовал реформы дисциплины с помощью собора, но не симпатизировал и Лютеру. Георг невзлюбил его за диспут в Лейпциге, запретил его Библию, способствовал изданию альтернативного Нового Завета Эмсера, выгнал из страны всех лютеран и внимательно следил за книготорговцами⁷⁷³. Он, насколько мог, исполнял Вормский эдикт и только порадовался бы сожжению Лютера, который, в свою очередь, безжалостно оскорблял его в своих произведениях, называя рабом папы и дьявола, хотя и молился о его обращении⁷⁷⁴.

Георг позаботился о сохранении римского католичества в своих владениях, но его сыновья умерли один за другим. Его брат и наследник Генрих Благочестивый был лютеранином (как и его жена). Хотя он был стар и слаб, он ввел Реформацию, узаконив посещения по виттенбергскому образцу и с виттенбергской помощью. Курфюрст Саксонии, Лютер, Меланхтон, Юст Ионас и Крүцигер присутствовали на инаугурационных торжествах в Лейпциге в мае 1539 г. Лютер произ-

⁷⁷² Fr. Heinrich Reusch (старокатолик, профессор в Бонне): *Der Index der verbotenen Bücher*, Bonn, 1883-85, 2 vols. Из более древних трудов упомянем: Fr. Zaccaria, *Storia polemica delle proibizioni de' libri*, Rom., 1777; и Jos. Mendham, *The Literary Policy of the Church of Rome exhibited in an account of her damnatory Catalogues or indexes, both prohibitory and expurgatory*, London, 1826, 3^d ed. 1844.

⁷⁷³ Один из них, Иоганн Геррготт, был казнен в Лейпциге в 1527 г. (не в 1524) за то, что продавал лютеранские книги или, точнее, сочувствовал Крестьянской войне и поддерживал учение аграрного социализма. См. A. Kirchhoff, *Johann Herrgott, Buchführer von Nürnberg, und sein tragisches Ende*, 1527, и Карп, *l. c.*, I. 438 sq., 594.

⁷⁷⁴ После смерти Георга Лютер сказал: «Я предпочел бы, чтобы он жил и обратился, а теперь он попал в вечный огонь [!], если верить Евангелию» (Köstlin, II. 424).

нес проповедь на Пятидесятницу перед громадной толпой жителей этого города, в котором за двадцать лет до того диспутировал с Экком и навлек на себя гнев герцога Георга. Но он вовсе не был доволен новым положением вещей и горько жаловался на тайное коварство полупапистского клира, а также на высокомерное и жадное поведение знати и придворных.

Однако перемены были всеобщими и постоянными. Лейпциг стал городом, где обосновался главный лютеранский университет, центром протестантской книжной торговли и остается им по сей день. Иоахим Камерарий (Каммермейстер), близкий друг Меланхтона, переписывавшийся с ним, был здесь профессором в 1541 — 1546 г., трудился на благо университета, распространял классическую ученость и евангельское благочестие.

Мы вкратце упомянем о последующих переменах. Мориц, сын и наследник Генриха, был хитрым политиком, мастером притворства и двойным предателем, который из эгоистичных побуждений сначала погубил, а потом спас дело Реформации. Он исповедовал лютеранство, но предал своих союзников, помогая императору в Шмалькальденской войне, чтобы добиться курфюршеского сана для своего кузена (1547). Несколькими годами спустя он предал императора (1552), подготовив путь для договора в Пассау и Аугсбургского мира, обеспечившего лютеранам временную передышку (1555).

Его наследники Август I (его брат, 1553 — 1586), Христиан I (1586 — 1591) и Христиан II (1591 — 1611) были нетерпимыми лютеранами. Они подавляли криптокальвинизм и любые другие символы веры. Фридрих Август I (1694 — 1733) продал веру своих предков за польскую корону. С тех пор правители Саксонии — католики, в то время как народ остался лютеранским, но постепенно они стали более либеральными, чем их предки. Свобода поклонения была предоставлена там Римской церкви в 1807 г., немецкой реформатской церкви — в 1818 г., другим общинам — в недавнее время (после 1866).

§94. Реформация в Нюрнберге

ПРИЕМ: *Geschichte von Nürnberg*, 1874. F. ROTH: *Die Einführung der Reformation in Nürnberg*, 1517-28, Würzburg, 1885 (pp. 271).

Имперские города (*Reichsstädte*) старой Германской империи, такие как Нюрнберг, Аугсбург, Франкфурт, Страсбург, пользовались большей степенью свободы, чем прочие. Они обладали властью над прилегающей территорией, конституционным правлением, имели свои места и право голосования в рейхстаге (*Reichstag*). Это были центры образования, богатства и влияния, вот почему Реформация начала быстро распространяться именно в них, хотя и не без волнений и оппозиции.

Нюрнберг, самый живописный из средневековых городов Германии, был в то время столицей немецкой торговли, политики, литературы и искусства. Там жило целое созвездие выдающихся людей, большинство которых симпатизировало Эразму и Лютеру. Пиркгеймер, меценат Нюрнберга (1475 — 1530), подготовил путь Реформации, хотя потом отошел от нее, подобно его другу Эразму и другим гуманистам⁷⁷⁵. Альбрехт Дюрер, знаменитый художник (1471 — 1528), восхищался героизмом Лютера в Вормсе и оплакивал его предполагаемую смерть, когда тот пропал из поля зрения, но во время спора о евхаристии принял сторону Цвингли. Ганс Сакс (1494 — 1576), мейстерзингер и башмачник, приветствовал

⁷⁷⁵ См. §74.

виттенбергского «соловья» (1523). Венцеслав Линк, монах-августинец, близкий друг Лютера, который состоял с ним в переписке, был послан Штаупицем в 1518 г. из Виттенберга в августинский монастырь в Нюрнберге и способствовал продвижению дела своими популярными евангельскими проповедями. Проповедники двух великолепных церквей, Св. Себальда и Св. Лоренца, последовали за движением. Месса была упразднена в 1524 г. Самыми эффективными распространителями Реформации, помимо Линка, были Шпенглер, мирянин, и Озиандер, проповедник Св. Лоренца.

Лазарь Шпенглер (1479 — 1534), секретарь магистрата, поклонник Штаупица, написал апологию Лютера (1519) и популярный гимн об оправдании верой (*Durch Adam's Fall ist ganz verderbt*), а также помог основать евангельский колледж и оставил в своем завещании вероисповедание, которое Лютер опубликовал в 1535 г. с предисловием. Иоахим Камерарий по рекомендации Меланхтона был вызван в новый колледж в 1526 г. в качестве преподавателя истории и греческой литературы и оставался там до 1535 г., когда его пригласили в Тюбингенский университет, а потом (1541) в Лейпциг.

Андреас Озиандер (1498 — 1552), талантливый и образованный, но упрямый и склонный к ссорам богослов, проповедовал в Св. Лоренце против римского антихриста начиная с 1522 г., столь же яростно сражался со сторонниками Цвингли, в 1525 г. женился, принимал участие в марбургском совещании (1529) и в шмалькальденской встрече (1537). Он издал механически составленное согласование евангелий (1537) по просьбе архиепископа Кранмера, который был женат на его племяннице (1532). Покинул Нюрнберг в 1549 г. и стал профессором богословия в только что основанном университете Кенигсберга. Там он вступил в яростный богословский спор с виттенбергскими богословами по поводу своего мистического учения об эффективном и прогрессивном оправдании посредством пребывания Христа в верующем (1551).

В Нюрнберге в период Реформации состоялось несколько рейхстагов. Там было заключено перемирие между протестантами и католиками в 1532 г.

§95. Реформация в Страсбурге. Мартин Буцер

Жон. В. ВАУМ: *Capito und Butzer*, Elberfeld, 1860 (отчасти на основании рукописей; см. полный хронологический список трудов Буцера, стр. 577-611). В. КРАФФТ: статья «Butzer» в Herzog, *Encykl.* 2, vol. III, 35-46 (сокращенный вариант в Schaff-Herzog). Тим. В. РÖHRICH: *Gesch. der Reformation in Elsass und besonders in Strassburg*, Strassb. 1830-32, 3 vols. А. ERICHSON: *L'Église française de Strasbourg au seizième siècle d'après des monuments inédits*. Strasb. 1885. МАХ LENZ: *Briefwechsel Landgraf Philipps mit Bucer*, Leipzig, 1880 и 1887, 2 vols. Ад. ВАУМ: *Magistrat und Reformation in Strassburg*. Strassb. 1887 (212 стр.).

Столица Эльзаса Страсбург, который славится своим готическим собором, университетом и библиотеками, задолго до Реформации был местом мистического пробуждения под руководством проповедника Таулера и «друзей Бога». Это был сугубо немецкий город, пока Людовик XIV не включил его в состав Франции (1681). Он был отвоеван Германией в 1870 г. {И принадлежал ей до 1918 года.}

Реформация в Страсбурге началась в 1523 г. Целл, Буцер, Капитон (Кепфель), Гедион (Гейль), а несколько лет и Кальвин (с 1538 по 1541) работали здесь с великим успехом. Городские власти упразднили мессу (1528) и поддержали дело протестантов под руководством Якоба Штурма, просвещенного патриота, который представлял город во всех важных встречах на месте, на рейхстагах и

на конференциях с католиками до самой смерти (1553). Штурм стал инициатором создания христианского колледжа, в котором преподавались классические знания и возвращалось евангельское благочестие. Его однофамилец Иоганн Штурм, выдающийся педагог, был вызван из Парижа, чтобы возглавить этот колледж (1537), со временем превратившийся в академию, а потом и в университет. Оба они были умеренными во взглядах, соглашались с Капитоном и Буцером⁷⁷⁶. Церковь Страсбурга весьма пострадала от Крестьянской войны, анабаптистов, а еще больше — от печально известного спора о таинствах.

Главным реформатором Страсбурга был Мартин Буцер (1491 — 1552)⁷⁷⁷. Он был родом из Эльзаса, монах-доминиканец, рукоположенный священник. Лютер произвел на него сильное впечатление во время диспута в Гейдельберге (1518). Буцер получил у папы освобождение от монашеских обетов (1521), покинул Римскую церковь, нашел убежище в замке Франца Зикингенского, женился на монахине и принял приглашение в Страсбург в 1523 г.

Здесь он трудился в качестве служителя двадцать пять лет, руководя многими важными движениями, связанными с Реформацией. Он присутствовал на встрече в Марбурге (1529), написал вместе с Капитоном *Confessio Tetrapolitana* (1530), был инициатором искусственного и недолгого перемирия между Лютером и Цвингли, сформулированного в «Виттенбергской конкордии» (1536), одобрял, к сожалению, двоеженство Филиппа Гессенского и вместе с Меланхтоном принял активное участие в неудачных реформах архиепископа Германа из Кельна (1542). Серьезные политические неприятности и сопротивление полупапистам сделали его пребывание в Страсбурге сначала опасным, а в конце концов невозможным. Ему предлагали убежище Меланхтон в Виттенберге, Миконий в Базеле и Кальвин в Женеве, но он вместе со своим более молодым коллегой Фагием предпочел принять приглашение Кранмера и уехать в Англию (1549). Он помогал Кранмеру в его реформах, был весьма ценим архиепископом и королем Эдуардом VI и закончил свое поприще профессором богословия в Кембридже. Его останки эксгумированы во время правления Марии Кровавой (1556), но память о нем восстановлена королевой Елизаветой (1560).

Буцер в истории этого века выступает как третий по величине (после Лютера и Меланхтона) реформатор Германии, ученый богослов, дипломат и особенно сторонник объединения и мира между лютеранами и цвинглианцами. Он также стал связующим звеном между Германией и Англией и оказал влияние на формирование английских стандартов учения и поклонения. Его девиз был: «Мы верим во Христа, а не в церковь»⁷⁷⁸.

Буцер оказал влияние на церковь Страсбурга, которая занимала промежуточное положение между Виттенбергом и Цюрихом и предоставляла убежище Кальвину и беглым реформаторам Франции. На какое-то время в ней победило строгое лютеранство, но мирное католичество возродилось в практическом пие-тизме Шпенера, который также был эльзасцем. В недавнее время страбургские профессора под руководством доктора Реусса выступили посредниками между протестантским богословием Германии и Франции, общаясь на обоих языках, и подготовили лучшее издание трудов Жана Кальвина.

⁷⁷⁶ О Якобе Штурме см. в монографии Н. Baumgarten, Strassburg. 1876. Об Иоганне Штурме (который умер в 1589 г. на семьдесят втором году жизни) есть несколько биографических трудов: С. Schmidt (на французском, 1855), Rieth (1864), Kückelhahn (1872) и Zaar (1872).

⁷⁷⁷ Butzer на немецком, Vucerus на латыни.

⁷⁷⁸ *Wir sind Christgläubig, nicht kirchgläubig.*

§96. Реформация в Северной Германии

В Магдебурге в 1522 г. учение Лютера проповедовал Мельхиор Мириш, августинский приор, который учился в Виттенберге. Городской магистрат освободился от власти архиепископа Альбрехта, пригласил Лютера проповедовать в 1524 г. и призвал его друга Николая фон Амсдорфа, который стал суперинтендентом и провел необходимые изменения. Во время проблем с интеримом город был оплотом протестантской партии, возглавляемой Флацием, и был подвергнут имперской анафеме (1548). Во время Тридцатилетней войны Тильи сжег город (1631), но потом его восстановили⁷⁷⁹.

В Магдебурге появилась на свет первая протестантская история церкви (1559 — 1574), в тринадцати томах ин-фолио, изданная Флацием, под заглавием «Магдебургские центурии» — издание, потребовавшее колоссальных трудов, но использующее историю, чтобы оправдать разделение и борьбу с папством. Противоположная сторона ответила «Анналами» Барония.

Бреслау и Силезия вступили на путь Реформации в основном благодаря Иоганну Гессу, который учился в Виттенберге (1519), был другом Лютера и Меланхтона. Он провел в Бреслау успешный диспут в защиту протестантского учения (1524)⁷⁸⁰.

Каспар Швенкфельд фон Оссиг (1490 — 1561), знатный человек на службе герцога Фридриха II Лигницкого, был одним из первых распространителей Реформации в Силезии, но отошел от Лютера в период спора о евхаристии (1524). У него были своеобразные взгляды на таинства, подобные взглядам квакеров. Он учил также, что плоть Христа обожествилась. Он основал новую секту, которую в Германии преследовали, но она сохранилась среди швенкфельдиан в Восточной Пенсильвании⁷⁸¹.

Среди лидеров протестантизма в Бреслау в более поздний период следует упомянуть Кратона фон Краффтгейма (ум. в 1585), который учился в Виттенберге шесть лет, в доме Лютера, и стал известным врачом императора Максимилиана II. Его младший друг Захария Урсин (ум. в 1583) — один из двух авторов Гейдельбергского катехизиса. Кратон принадлежал к школе Меланхтона, отличавшейся от строгого лютеранства, характерного для Формулы согласия⁷⁸².

В городах Ганзейской лиги Реформация распространилась достаточно рано. Бремен принял протестантизм в ноябре 1522 г. после призыва Генриха Моллера (более известного как Генрих фон Цютфен, 1468 — 1524) войти в приход Ансгария, а потом — в результате служения еще двух протестантских проповедников. Моллер учился в Виттенберге (1515) и получил степень в 1521 г. у Меланхтона. Он был приором августинского монастыря в Дорте, проповедовал там и в Антверпене учения Реформации, но ему пришлось бежать оттуда, спасая свою жизнь.

⁷⁷⁹ Seckendorf, I. 246. Wolter, *Gesch. der Stadt Magdeburg* (1845); Hoffmann, *Chronik der Stadt Magdeb.* (1850, 3 vols.); Rathmann, *Gesch. Magdeb.*; Preger, *Matth. Flacius Illyricus und seine Zeit* (Erlangen, 1859 — 1861).

⁷⁸⁰ Об этом диспуте Лютер сообщал Шпалатину 11 мая 1524 г. (De Wette, II. 511): *Vratislaviae disputatio Joannis Hess processit feliciter, frustra resistentibus tot legatis regum et technis episcopi.*

⁷⁸¹ Профессор Гартранфт, доктор богословия из Хартфорда, Коннектикут, потомок пенсильванских швенкфельдиан, исследовал швенкфельдианскую литературу в Бреслау и подготовил ее к публикации (1887).

⁷⁸² Кестлин, биография Гесса в «*Zeitschrift des schlesischen Geschichtsvereins*», vol. VI, Gilet, *Crato von Crafftheim und seine Freunde*, Frankfurt-a.-M., 1860, 2 parts. Весьма ученый труд. К Урсину мы вернемся, когда будем говорить о Реформации в Пфальце.

Он принял приглашение проповедовать в Дитмаре, но столкнулся с оппозицией и был сожжен пьяной толпой фанатиков, подстрекаемых монахами. Лютер выпустил рассказ о его смерти и посвятил его всем христианам Бремена, с толкованием на вторую часть девятого псалма. Он радовался возвращению духа мученичества, который, как он говорил, «ужасен в глазах мира, но драгоценен в глазах Бога»⁷⁸³.

В 1527 г. во всех церквях Бремена служили протестантские пастыри. Позже церкви были поделены между лютеранской и реформатской конфессиями. Монастыри были превращены в школы и больницы. Гамбург, который вместе с Бременом является одним из главных городов Северной Германии и центром морской торговли, последовал примеру Бремена в 1523 г. Пять лет спустя доктор Бугенгаген, по прозвищу Померан (1485 — 1558), был вызван из Виттенберга, чтобы присматривать за переменами. Этот реформатор, верный друг Лютера и пастор, обладал особым даром руководителя и был главным организатором лютеранских церквей в Северной Германии и Дании. С этой целью он трудился в городах Брауншвейг (1528), Гамбург (1529), Любек (1530 — 1532), в своей родной Померании (1534) и в Дании, где провел почти пять лет (1537 — 1542). Его церковные конституции были образцовыми⁷⁸⁴.

Любек, богатый торговый город и столица Ганзейской лиги, изгнал первых лютеранских проповедников, но потом вернул их и упразднил священников в 1529 г. Бугенгаген завершил этот процесс.

В Брауншвейге — Люнебурге герцог Эрнст Исповедник поддержал новое учение в 1527 г. и вверил его распространение Урбану Регию, которого встретил на Аугсбургском рейхстаге (1530).

Регий⁷⁸⁵ (1489 — 1541) принадлежит ко второй волне реформаторов. Он был сыном священника с Констанцкого озера, обучался в Линдау, во Фрейбурге (в доме Засия) и в Ингольштадте у доктора Эка, был рукоположен священником в Констанце (1519). Он присоединился к гуманистам, переписывался с Эразмом, Фабером и Цвингли, стал имперским оратором и придворным поэтом, хотя его поэзия неуклюжа и неоригинальна. В Базеле он получил степень доктора богословия. Городские власти пригласили его в Аугсбург, и он был проповедником в соборе с 1523 по 1530 г. Потом он перешел из католичества в лютеранство, из лютеранства — в цвинглианство, а затем опять в умеренное лютеранство. Больше всего он симпатизировал Буцеру и позже трудился над составлением «Виттенбергской конкордии». Когда император запретил протестантские проповеди (16 июня 1530), его карьера в Аугсбурге закончилась, хотя он оставался там до 26 августа и много общался с Буцером и Меланхтоном.

Затем началась его самая важная и длительная деятельность в качестве генерал-суперинтендента Люнебурга. Он принял активное участие в распространении Реформации в Целле, Ганновере, Миндене, Сесте, Лемго и других местах, но

⁷⁸³ *Vom Bruder Heinrich in Ditmar verbrannt*, Wittenberg, 1525, Erl. ed., XXVI. 313-337; Walch, XXI. 94 sqq. Cp. Paul Crocius, *Das grosse Martyrbuch*, Bremen, 1682. Klaus Harms, *Heinrich von Zütphen*, в Piper, «Evang. Kalender», 1852.

⁷⁸⁴ Опубликованы в Richter, *Die evang. Kirchenordnungen*, vol. I. C. Bertheau, *Bugenhagen's Kirchenordnung für die Stadt Hamburg vom J. 1529*, 1885. L. Hänselmann, *B.'s Kirchenordnung f. d. Stadt Braunschweig*, 1885. Frantz, *Die evangelische Kirchenverfassung in den deutschen Städten des 16 Jahrh.*, Halle, 1876. Vogt, *Johannes Bugenhagen Pomeranus*, Elberfeld, 1867. В 1885 г., когда отмечалось четырьмястами лет со дня рождения Бугенгагена, было создано несколько популярных трудов о его жизни: Knauth, Petrich, Zitzlaff и Hering (1888). См. также O. Vogt, *Bugenhagen's Briefwechsel*, Stettin, 1888.

⁷⁸⁵ Сам он писал свое имя как Rhegius (Rieger по-немецки), а не Regius (König).

моральное состояние жителей этих мест он описывает как неудовлетворительное. Он посетил совещание в Гагенау и умер вскоре после возвращения оттуда, 27 мая 1541 г.

Он написал два катехизиса и несколько книг для духовного назидания. В начале своей деятельности он был напыщенным, непостоянным и непоследовательным. Ему не хватало оригинальности, но он умел использовать и популяризировать новые идеи других. Лютер так пишет о нем: «Регий ненавидел не только папскую скверну, но и всякое раскольничество. Он искренне любил чистое слово и передавал его с усердием и преданностью, что прекрасно видно из его произведений»⁷⁸⁶.

Герцоги Мекленбурга, Генрих и Альбрехт, в 1521 г. попросили у Лютера «евангелистов», и Лютер послал им двух монахов-августинцев. Генрих поддерживал Реформацию, но очень осторожно. Университет Росток, основанный в 1419 г., стал в более поздний период школой строгой лютеранской ортодоксии.

§97. Протестантизм в Аугсбурге и Южной Германии

Аугсбург (первое упоминание о котором как о римской колонии *Augusta Vin-delicorum* относится к двенадцатому году до Р. Х.) в средние века был имперским городом (с 1276), столицей епархии, центром торговли Северной Европы со Средиземноморьем и Востоком, деловым центром богатых торговцев и банкиров (Фуггеров и Велсеров). Город часто фигурирует в ранней истории Реформации. Он дал имя стандартному исповеданию лютеранской церкви в 1530 г. и мирному договору в 1555 г.⁷⁸⁷ Лютер был там в 1518 г. на встрече с кардиналом Кастаном и жил с братом-кармелитом Фрошем, который остался ему верен. Пейтингер, епископ (Кристоф фон Штадион) и два каноника (Адельман) поддержали реформы — по крайней мере, в то время. Урбан Регий проповедовал там с 1523 по 1530 г. и оказал на горожан большое влияние. Он причащал, вместе с Фрошем, чашей на Рождество 1524 г. Оба они женились в 1526 г.

Но цвинглианцы, под руководством Михаэля Келлера, постепенно завладели умами выдающихся горожан. Цвингли воспользовался ситуацией, написав свое знаменитое послание к Альберу 16 ноября 1524 г., в котором он полностью развивает свою теорию. Даже Регий, который до того выступал против Карлштадта и Цвингли, стал цвинглианцем, хотя и на краткое время.

Вожди анабаптистов, Губмайер, Денк, Гетпер и Гут, также появились в Аугсбурге и собрали общину в тысячу сто членов. Там они провели свой общий синод в 1527 г. Они крестили посредством погружения в воду. Регий настраивал против них городские власти. Их руководители были посажены в тюрьму, некоторые казнены⁷⁸⁸.

Сумятица и раздоры в рядах протестантов были на руку римской партии. Люди не знали, во что верить. Городские власти колебались. Моральное состояние города, как его описывают Регий, Мускул и другие проповедники, оставляло желать лучшего. Оно было хуже, чем при папистах. Во время Аугсбургского

⁷⁸⁶ Rhegius, *Opera latine edita*, Norimb., 1561; *Deutsche Bücher und Schriften*, Nürnberg, 1562, Frankfurt., 1577. Döllinger, *Die Reform.* II. 58 sqq. Uhlhorn, *Urbanus Rhegius*, Elberfeld, 1862, и его очерк в Herzog², XIII. 147-155.

⁷⁸⁷ Friedrich Roth, *Augsburgs Reformationsgeschichte*, 1517-1527. München, 1881.

⁷⁸⁸ См. описание общины «апостольских братьев», как называли себя анабаптисты, в Ludwig Keller, *Ein Apostel der Wiedertäufer* (имеется в виду Ганс Денк), Leipzig, 1882, ch. VI. 94-119.

рейхстага 1530 г. император запретил все протестантские проповеди на публике, а городские власти не возразили и изгнали проповедников. Но Аугсбургское вероисповедание оказало на город сильное воздействие.

Южно-немецкие города Констанц, Мемминген, Линдау, подобно Аугсбургу, попали под влияние и Цвингли, и Лютера и объединились со Страсбургом в Тетраполитанском исповедании, которое Буцер и Капитон в большой спешке подготовили во время Аугсбургского рейхстага как документ объединения между двумя ответвлениями протестантизма. Он не был одобрен рейхстагом, и его, как и вероисповедание Цвингли, даже не позволили прочитать, но Буцер придерживался его до конца.

Самым важным и длительным достижением Реформации в Южной Германии было обращение герцогства (ныне королевства) Вюртемберг при герцоге Ульрихе трудами Бренция, Блаурера и Шнепфа после 1534 г. Тюбингенский университет (основанный в 1477 г.) стал одним из самых плодотворных мест преподавания протестантского богословия во всех его проявлениях, от строжайшей ортодоксии до самой радикальной критики⁷⁸⁹.

§98. Реформация в Гессене, синод в Гомберге. Филипп Гессенский и Ламберт Авиньонский

- I. LAMBERTUS AVENIONENSIS: *Paradoxa quae Fr. L. A. apud sanctam Hessorum Synodum Hombergi congregatam pro Ecclesiarum Reformatione e Dei Verbo disputanda et definienda proposuit*, Erphordiae, 1527 (репринт в *Sculteti Annales*, p. 68; *Hardt, Hist. Lit. Ref.* V. 98; отрывок в *Henke, N. Kirchengesch.*, I. 101 sqq.). N. L. РИХТЕР: *Die Kirchenordnungen des 16ten Jahrh.*, Weimar, 1846, vol. I. 56-69 (Гомбергская конституция). С. А. СРЕДНЕР: *Philipp des Grossmüthigen hessische Kirchenreformations-Ordnung. Aus schriftlichen Quellen herausgegeben, übersezt, und mit Rücksicht auf die Gegenwart bevorwortet*, Giessen, 1852 (123 стр.).
- II. F. W. HASSENCAMP: *Hessische Kirchengesch. seit dem Zeitalter der Reformation*, Marburg, 1852, 1855. W. КОЛБЕ: *Die Einführung der Reformation in Marburg*, Marburg, 1871. Н. Л. J. НЕРРЕ: *Kirchengesch. beider Hessen*, Marburg, 1876. (Он написал еще несколько трудов по церковной истории Гессена и Реформации вообще, в поддержку Меланхтона и реформатской церкви). Е. Л. НЕНКЕ: *Neuere Kirchengesch.* (ed. Gass, Halle, 1874), I. 98-109. МЕЙЕР: *Homberger Synode*, в *Herzog²*, VI. 268 sqq. КÖSTLIN: *M. L.*, II. 48 sqq.
- III. Труды о Филиппе Гессенском: ROMMEL (*Philipp der Grossmüthige, Landgraf von Hessen*, Giessen, 1830, 3 vols.), WILLE (*Philipp der Grossmüthige und die Restitution Herzog Ulrichs von Würtemberg, Tübingen*, 1882). MAX LENZ: *Zwingli und Landgraf Philip*, в *Brieger, «Zeitschrift für Kirchengeschichte»*, 1879; также *Briefwechsel Landgraf Philipps mit Bucer*, Leipz., 1880, vol. 2^a, 1887 (хорошо освещена политическая и церковная история Германии с 1541 по 1547 г.). Историю Филиппа рассказывает также RANKE (*Geschichte*, vols. I-VI) и JANSSEN (*Geschichte*, vol. III). Против Янсена выступает G. BOSSERT: *Württemberg und Ianssen*, Halle, 1884, 2 parts.
- IV. Биографии Ламберта Авиньонского: BAUM (Strassb., 1840), HASSENCAMP (Elberfeld, 1860), RUFFET (Paris, 1873), и очерк — WAGEMANN, в *Herzog²*, VIII. 371 sqq. (1881). Произведения Ламберта Авиньонского, в основном тезисы и комментарии, немногочисленны, их никогда не издавали сборником. Его послания (некоторые с просьбами о помощи, обращенные к курфюрсту Саксонскому и Шпалатину) опубликованы в HERMINJARD, *Correspondance des Réformateurs*, vol. I. 112, 114, 118, 123, 131, 138, 142, 144, 146, 328, 344, 347, 371; vol. II. 239. Лютер упоминает о нем в нескольких посланиях к Шпалатину (см. ниже).

Гессен, в Центральной Германии, был обращен в христианство святым Бонифацием в VIII веке и подчинен юрисдикции архиепископа Майнца. В XVI веке там было пятьдесят монастырей и более тысячи монахов и монахинь.

⁷⁸⁹ Römer, *Kirchliche Geschichte Württembergs*, Stuttg., 1848. Keim, *Schwäbische Reformationsgeschichte*. Tübingen, 1855. Schneider, *Württemb. Reformationsgesch.* Stuttgart, 1887.

Гессен стал, после Саксонии, основной ареной ранней истории Реформации. Ее главным покровителем среди князей, после курфюрста Иоганна, стал Филипп, ландграф Гессенский по прозвищу Великодушный (1504 — 1567). Он играет важную роль в политической истории Германии с 1525 г., когда он помог подавить Крестьянскую войну, до 1547 г., когда ему нанес поражение император в Шмалькальденской войне и держал его в плену пять лет (1547 — 1552). Последние годы его жизни были спокойными и мирными. Его дух был сломлен неудачами и отрицательным результатом политических комбинаций.

Филипп связан с Реформацией двумя разными способами, и трудно решить, была эта связь полезна или вредна. Он познакомился с Лютером на Вормском рейхстаге (1521) и просил Меланхтона, с которым встретился в Гейдельберге, наставить его (1524). В 1525 г. он заявил, что скорее погибнет, утратит свою страну и народ, чем отойдет от Божьего Слова, и призвал служителей проповедовать его во всей чистоте⁷⁹⁰. Филипп открыто поддержал Реформацию в 1526 г., оставался ей верен в убеждениях и политике, но не в моральном облике. Он смело и отважно защищал ее, причем его богословские познания были на редкость хороши для князя. К доктринальным противоречиям он относился либерально, пытался примирить спорщиков, в чем опережал преобладавшую тогда узость мышления. Он поставил перед Марбургским совещанием благородную задачу объединить протестантские силы Германии и Швейцарии в борьбе с общим врагом (1529). Вернув Вюртемберг герцогу Ульриху после блестящей победы при Лауфене, он открыл путь для распространения Реформации в этой стране (1534). Но, с другой стороны, он часто ставил под удар дело протестантизма по причине своей поспешности, а больше всего этому делу и ему самому повредила его распущенность, кульминацией которой стал откровенный скандал из-за его двоеженства (1540). Он во многих отношениях похож на Генриха VIII Английского⁷⁹¹.

Ландграф был первым князем, воспользовавшимся уступкой Шпейерского рейхстага 27 августа 1526 г. и превратившим ее в юридическое разрешение допустить реформаторов на свою территорию. С этой целью он созвал синод в небольшом гессенском городке под названием Гомберг⁷⁹². На нем присутствовали клир, знать и представители городов, и состоялся он 20-22 октября 1526 г. Сам ландграф тоже был там, и его канцлер Фейге председательствовал на заседаниях. Этот синод примечателен тем, что на нем был выдвинут проект демократического церковного управления и дисциплины, не воплотившийся в то время в жизнь, но оказавшийся плодотворным для будущих эпох и других стран. Он родился в

⁷⁹⁰ Ranke, II. 121.

⁷⁹¹ См. §55 и 79; Seckendorf, *Excursus on the bigamy*, III. 277-281; Ranke, IV. 186 sqq.; Köstlin, *Vk. VIII*, ch. 1. (II. 533 sqq.); Janssen, III. 57, 439 sqq. Эта тема относится к другому периоду, но здесь можно сделать несколько замечаний по данному поводу. Филипп был очень страстным мужчиной. В крайне молодом возрасте он женился на дочери герцога Георга Саксонского. Так как она была непривлекательна и не удовлетворяла его, он предавался плотским страстям без разбора, чем повредил своему здоровью, а потому совесть не позволяла ему принимать причастие чаще, чем раз в пятнадцать лет (с 1525 по 1540), как он сам признавался в послании к Лютеру от 5 апреля 1540 г. (Lenz, *Briefwechsel Philipp's mit Bucer*, I. 361, и Ranke, IV. 186, note). Если бы Маргарита фон дер Сале, которой он увлекся, согласилась стать его любовницей, он не стал бы двоеженцем. Худшим в этом постыдном деле стало молчаливое согласие реформаторов, которое позволило романтистам упрекать их. См. у Янсена. Но протестантизм не виноват в грехах Филиппа Гессенского, как и католичество не виновато в грехах Людовика XIV.

⁷⁹² В Кургессене (который в 1866 г. был аннексирован Пруссией). Гомберг не следует путать с более известным курортом Гомбург близ Франкфурта-на-Майне.

результате диспута, проводившегося в Цюрихе, в связи с учреждением цвинглианской Реформации.

Ведущим деятелем синода был Франциск Ламберт из Авиньона (1487 — 1530), первый французский монах, обращенный в протестантизм, и один из реформаторов второй волны. Прежде он был выдающимся и знаменитым странствующим проповедником-францисканцем с юга Франции, но суровые аскетические упражнения не приносили ему покоя. Познакомившись с некоторыми трактатами Лютера в переводе на французский, он воспользовался поручением монастыря доставить послания главе ордена в Германии и покинул свою родную страну, чтобы никогда больше туда не возвращаться. В жажде просвещения он проехал на муле через Женеvu, Берн, Цюрих, Базель и Эйзенах до Виттенберга. Наполовину его обратил Цвингли в ходе публичного диспута (июль 1522), а окончательно — Лютер в Виттенберге, куда он прибыл в январе 1523 г. Лютер, который часто бывал обманут недостойными бывшими священниками и монахами, сначала не доверял ему, но потом убедился в его искренности и помогал ему⁷⁹³. По его просьбе Ламберт читал экзегетические лекции в университете, переводил трактаты реформаторов на французский и итальянский языки, выпустил книгу в защиту своего ухода из монастыря (февраль 1523 г.) и комментариев на устав миноритов, к которому Лютер написал предисловие (март 1523 г.). Ламберт выступал за превращение монастырей в школы. Он женился на саксонке (15 июля 1523 г.), опередив в этом великого реформатора, и жил с нею счастливо, но в отчаянной бедности, вынуждавшей просить о помощи. Он провел в Виттенберге больше года, а затем, не видя возможности найти там постоянное пристанище из-за незнания немецкого языка, вопреки советам Лютера и Меланхтона, вдруг отбыл в Метц по приглашению нескольких тайных сторонников Реформации (24 марта 1524 г.). Он обратился с посланием к королю Франции, рекомендуя ему Реформацию и требуя публичного диспута, но клир не согласился на это, и городские власти посоветовали ему покинуть Метц. Тогда он направился в Страсбург (апрель 1524 г.), был тепло принят Буцером и получил от городских властей гражданство. Он опубликовал практические комментарии к Песни песней и малым пророкам, книгу против Эразма о свободе воли и нечто вроде догматического сборника⁷⁹⁴. Его весьма хвалили перед ландграфом, который взял его к себе на службу вскоре после Шпейерского рейхстага (1526), и так он стал одним из реформаторов Гессена.

Ламберт, по просьбе ландграфа, подготовил для синода в Гомберге 158 тезисов (*Paradoxa*) как основу реформы учения, поклонения и дисциплины. Он отстаивал их с энергией и страстным красноречием в длинной речи на латинском языке⁷⁹⁵. Адам Крафт выступал на немецком языке и в более умеренном тоне.

⁷⁹³ Он упоминает его под именем Иоганна Серрана в посланиях к Шпалатину от 20 и 26 декабря 1522 г. и от 12 и 23 января 1523 г. (в De Wette, II. 263, 272, 299, 302). В последнем письме, после личного знакомства, он говорит: *Adest Johannes ille Serranus, vero nomine Franciscus Lambertus... De integritate viri nulla est dubitatio: testes sunt apud nos, qui illum et in Francia et in Basilea audierunt... Mihi per omnia placet vir, et satis spectatus mihi est... ut dignus sit quem in exilio paululum feramus et juvemus*. Далее он просит Шпалатина попросить на поддержку Ламберта двадцать или тридцать гульденов у курфюрста. В послании от 25 февраля 1523 г. (De Wette, II. 308) он повторяет эту просьбу о поддержке изгнанника во Христе. Последнюю такую просьбу он изложил 14 августа 1524 г. (II. 387).

⁷⁹⁴ *Farrago omnium fere rerum theologicarum*. Он был переведен на английский в 1536 г. Эта книга и его *De Fidelium vocatione in Regnum Christi* отражают те взгляды, которые он отстаивал в Гомберге.

⁷⁹⁵ Газе говорит (р. 387): *Die Mönche und Prälaten verstummten vor der glühenden Beredtsamkeit des landflüchtigen Minoriten*. Но ему возражал Фербер, глава марбургских францисканцев,

Его основные идеи были таковы. Все, что искажено, должно быть подвергнуто реформе на основании Слова Божьего. Слово Бога — единственное правило веры и жизни. Все истинные христиане — священники, и они образуют церковь. Они обладают правом самоуправления, могут вводить дисциплинарные меры, согласно Матфея 18:15-18, и исключать лиц, которые оскорбляют Бога безнравственностью или ложным учением. Епископы (то есть пасторы) избираются и содержатся общиной, диаконы помогают им в повседневных делах. Правление церкви в целом — это синод, который должен собираться ежегодно. В него входят пасторы и представители мирян из всех приходов. Исполнительным органом, действующим между заседаниями синода, является комиссия из тринадцать человек. Три человека, назначаемые сначала князем, а потом синодом, должны посещать каждую церковь не реже раза в год, опрашивая, рукополагая и утверждая кандидатов. Папистов и еретиков не следует терпеть, их надо изгонять из страны. В Марбурге надо учредить школу для подготовки служителей.

Неизвестно, сам Ламберт был автором этих взглядов или же он почерпнул их из францисканских, вальденских, цвинглианских или лютеранских источников. Последнее наиболее вероятно. Лютер в своих ранних произведениях (1523) выражал явно похожие взгляды на управление церковью и служение. Они естественным образом вытекают из его учения о всеобщем священстве верующих⁷⁹⁶.

На основании этих принципов комиссия синода за три дня подготовила церковную конституцию, автором которой, без сомнений, в основном был сам Ламберт. Это некое сочетание конгрегационализма и пресвитерианства. Ее ведущие особенности — самоуправление конгрегации, власть синода и строгая дисциплина. Наставления по поклонению основаны на *Deutsche Messe* Лютера, 1526⁷⁹⁷.

Эта конституция, за исключением нескольких незначительных черт, осталась только на бумаге. Ландграфу она понравилась, но Лютер, с которым тот посоветовался, рекомендовал отложить ее исполнение. Он не возражал против принципов, но думал, что время и люди еще не созрели и что законы, опережающие общественное мнение, редко приносят успех⁷⁹⁸. Лютер получил горький урок в результате Крестьянской войны и посещения церковей Саксонии. Сам Ламберт в своих последних жаловался на преобладавшую развращенность и злоупотребления евангельской свободой⁷⁹⁹ — веская причина для того, чтобы насаждать стро-

---

который назвал его «беглым монахом» и отказал синоду в юридической компетентности. Ламберт, в свою очередь, назвал оппонента защитником антихриста и богохульником и воскликнул: *Expellatur ex provincia!* — что Фербер неправильно понял как *Occidatur bestia!* Позже он признавался, что вышел из себя (Hassencamp, *Fr. Lambert*, p. 39 sq., и Hencke, *l. c.* I. 103 sq.).

⁷⁹⁶ См. выше, §84 и 86. Ритчль и Мейер утверждают, что Ламберт позаимствовал свой идеал церкви у собственного ордена миноритов.

⁷⁹⁷ Латинский оригинал конституции утрачен, но сохранились две копии, по которым были сделаны печатные издания Шминке, Рихтера и Креднера. Янсен (III. 54) называет ее, не вполне справедливо, *ein vollständig ausgebildetes, rein demokratisches Presbyterialsystem*.

⁷⁹⁸ Письмо к ландграфу в понедельник после богоявления 1527 г. (Erl. ed., vol. LVI, 170 sq.). Он не хотел давать ответ из страха, что неодобрение может быть воспринято как ревность или соперничество со стороны Виттенберга. Он не упоминает о Ламберте, но предостерегает от поспешности. *Fürschreiben und Nachthun ist weit von einander* (теория и практика — разные вещи). Кестлин (II. 50) пишет: *Gegen die Principien des Entwurfs an sich wandte Luther nichts ein. Der Grund, weshalb er ihn ablehnte, war das Bedürfniss allmählicher Entwicklung im Gegensatz zur plötzlichen gesetzlichen Durchführung umfassender Ideen, für welche die Gegenwart nicht vorbereitet sei.*

⁷⁹⁹ См. его письмо к Миконию в Hassencamp, *Lamb. v. A.*, p. 50 sq., и Döllinger, *Die Reform*. II. 18 sq. Последний цитирует латинский вариант (по Strieder, *Hessische Gelehrtenesch.* VII. 386): *Dolens et gemens vivo, quod paucissimos videam recte uti evangelii libertate, et quod caritas ferme*

гую дисциплину, которая должна была исходить от князя. Но самоуправление становится возможно не сразу, а после испытательного периода. Никто ведь не может научиться плавать сразу, как только входит в воду.

Ландграф встал во главе церкви и реформировал ее по саксонскому образцу. Он упразднил мессу и каноническое право, конфисковал имущество монастырей, основал больницы и школы, организовал посещения церквей и назначил шесть суперинтендентов (1531).

Сочетание лютеранских и реформатских элементов в гессенской Реформации объясняет конфессиональную сложность и запутанность ее последующей истории, а также нынешнее положение протестантской церкви в Гессене, на главенствующее положение в которой претендуют обе деноминации⁸⁰⁰.

Лучшей услугой ландграфа делу образования и религии было основание Марбургского университета, который открылся 1 июля 1527 г. В нем было сто четыре студента. Он стал второй колыбелью протестантского служения после Виттенберга и до сих пор остается важным учебным заведением. Первыми преподавателями богословия в нем были Франциск Ламберт, Адам Крафт, Эрхард Шнепф и Герман Буш.

Теперь Ламберт, который был скитальцем и жил в бедности, имел определенную должность и достойный заработок. Он читал лекции о своих любимых книгах, Песни песней, пророках и Апокалипсисе, но слушателей у него было мало. Он не был популярен среди своих немецких коллег и чувствовал себя несчастным. Он посетил совещание о евхаристии в Марбурге в октябре 1529 г. в качестве зрителя, начал разделять взгляды Цвингли и защищал их в своем последнем труде⁸⁰¹. В результате его положение должно было стать еще более неопределенным. Он хотел найти «какой-нибудь маленький городок в Швейцарии, где он мог бы учить людей тому, что узнал от Господа»⁸⁰², но это его желание не исполнилось. Он умер, вместе с женой и дочерью, от чумы 18 апреля 1530 г. Он был оригинален, но эксцентричен и непостоянен, обладал пылким темпераментом. Рвение и риторика довели у него над мудростью и смирением. Его главная заслуга состоит в защите принципа церковного самоуправления и дисциплины. В его произведениях много интересных мыслей, их стиль — ясный, точный, живой и непосредственный, чего и следовало ожидать от француза⁸⁰³.

---

nulla sit, sed plena sint omnia obtreactionibus mendaciis, maledicentia, invidia. В письме к Буцеру Ламберт заявляет: *Horreo mores populi hujus ita ut putem me frustra in eis laborare.* Herminjard (II. 242) добавляет в примечании отрывок из послания одного студента из Цюриха, Рудольфа Вальтера, который писал Буллингеру из Марбурга 17 июня 1540 г. (в год, когда ландграф взял себе вторую жену): *Mores [huius regionis] omnium corruptissimi. Nullum in hac Germania parte inter Papistas et Evangelicae doctrinae professores discrimen cernas, si morum et vitae censuram instituas.*

⁸⁰⁰ Доктор Вилмар из Марбурга (изначально из реформатской церкви) попытался доказать, что гессенцы были лютеранами, но ему это не удалось. Его коллега доктор Гепше с не меньшей ученостью пытался доказать обратное. Существует немецкая поговорка о «слепых гессенцах» — по крайней мере, так можно назвать те двадцать тысяч несчастных солдат, которые позволили своему презренному тирану (Фридриху II, обращенному Римской церковью, ум. в 1785) продать себя, подобно стаду, за двадцать один миллион талеров королю Англии в качестве пушечного мяса для американских колоний. Отсюда пошла презрительность к «гессенцам» в Америке, которая весьма несправедлива по отношению к ни в чем не повинным жителям этой области и их потомкам.

⁸⁰¹ *De Symbolo Foederis*, etc., опубликован в Страсбурге после его смерти (1530). В предисловии он пишет: *Volo ut mundus sciat me sententiam circa Coenam Domini demutasse.* Herminjard, II. 240.

⁸⁰² Послание к Буцеру от 14 марта 1530 г., *ib.*, II. 242.

Ламберт, похоже, оказал влияние на Шотландию, где применяются принципы церковного управления, похожие на его, по образцу реформатской церкви Женевы. Среди его учеников был Патрик Гамильтон, первомученик шотландской Реформации, который был сожжен в Сент-Эндрюсе 29 февраля 1528 г.⁸⁰⁴ Согласно общепринятому мнению, Уильям Тиндейл, создавший первый перевод Библии на английский язык, также учился в то время в Марбурге. На титульной странице или в выходных сведениях нескольких из его трактатов написано: «Ганс Луфт в Марборо [Марбурге], страна Гессен»⁸⁰⁵.

§99. Реформация в Пруссии. Герцог Альбрехт и епископ Георг фон Поленц

- I. Послания Лютера к Альбрехту с 26 мая 1525 г. по 2 мая 1545 г. (17, см. список в Erl. ed. LVI. 248), к Брисману и Георгу фон Поленцу в сборниках Wette и Enders. J. VOIGT: *Briefwechsel der berühmtesten Gelehrten des Zeitalters der Reformation mit Herzog Albrecht von Preussen*, Königsb., 1841.
- II. НАРТКОСН: *Preussische Kirchenhistorie*, Königsberg, 1686. ARNOLDT: *Preussische Kirchengeschichte*, Königsberg, 1769. ВОСК: *Leben Albrechts des Aelteren*, Königsb. 1750. RHESA: *De primis sacrorum reformatoribus in Prussia*, Königsberg, 1823 — 1830 (семь университетских программ, содержащих биографии Брисмана, Сперата, Полиандера, Георга фон Поленца и Аманды). GEBSER: *Der Dom zu Königsberg*, 1835. ERDMANN: *Preussen, Ordensstaat*, в Herzog¹, XII. 117-165 (1860; опущено во втором издании). PASTOR (католик): *Neue Quellenberichte über den Reformator Albrecht von Brandenburg*, Mainz, 1876 (в «Katholik», LVI. February and March). С. А. HASE: *Herzog Albrecht von Preussen und sein Hofprediger. Eine königsberger Tragödie aus dem Zeitalter der Reformation*, Leipzig, 1879. RINDFLEISCH: *Herzog Albrecht von Hohenzollern, der letzte Hochmeister, und die Reformation in Preussen*, Danzig, 1880. Р. ТШНАСКЕРТ (профессор из Кенигсберга): *Georg von Polentz, Bischof von Samland*, Leipzig, 1888 (в «Kirchengeschichtl. Studien», Brieger, Tschackert, etc., pp. 145-194).
- III. Общие истории Пруссии: STENZEL, DROYSEN, VOIGT (большой труд, 1827-39, 9 vols.; сжатое издание 1850, 3 vols.), COSEL, HAHN, PIERSON (4th ed. 1881, 2 vols.), RANKE (*Zwölf Bücher preussischer Gesch.* 1874), FÖRSTER, etc. Историю тевтонского ордена см. в WATTERICH: *Die Gründung des deutschen Ordensstaates in Preussen*, Leipzig, 1857; JOHN. VOIGT: *Geschichte des deutschen Ritterordens*, Berlin, 1859, 2 vols.
- IV. RANKE: Vol. II, 326 sqq. JANSSEN: III. 70-77.

Еще большее значение, чем обращение Гессена и даже Саксонии в протестантизм, имела евангелизация Пруссии, которая из полуварварского герцогства на берегах Балтики превратилась в великое цивилизованное королевство, тянущееся от границ России до берегов Рейна, и теперь, в связи с новой Германской империей, является ведущей протестантской державой на Европейском континенте⁸⁰⁶.

⁸⁰³ Доктор Доллингер (II. 18) использует его жалобы на развращенность общества как свидетельство против Реформации, но благосклонно отзываясь о его трудах.

⁸⁰⁴ Его имя включено в «университетский альбом» 1527 г. вместе с именами двух других шотландцев, Джона Гамильтона и Гильберта Уинрама. См. Jul. Caesar, *Catalogus Studiorum scholae Marpurgensis*, Marb., 1875, p. 2. См. также Lorimer, *Patrick Hamilton*, Edinb., 1857, и подробный очерк профессора Митчелла из Сент-Эндрюса в Schiff-Herzog, «Encycl.», II. 935 sqq.

⁸⁰⁵ Факт пребывания Тиндейла в Марбурге без веских причин оспаривался Момбертом в предисловии к его факсимильному изданию *Tyndale's Pentateuch*, New York, 1884 (р. XXIX). Он утверждает, что *Marborow* — вымышленное название, означающее Виттенберг. Имени Тиндейла нет в университетских списках, но, возможно, он и не поступал в университет. Ганс Луфт был известным печатником лютеровской Библии в Виттенберге (Саксония), но, возможно, у него были печатни и «в стране Гессен».

⁸⁰⁶ *Bei weitem die merkwürdigste und durchgreifendste Veränderung fand in Preussen statt.* Ranke, II. 326. Янссен видит в Реформации Пруссии только изменения к худшему. Лучшее опровер-

Старая Пруссия⁸⁰⁷ была колонией тевтонских рыцарей (*Deutschorden*), одного из трех воинствующих религиозных орденов, возникших в период крестовых походов для защиты Святой земли и паломников. Военный и монашеский их устав был таким же, как у тамплиеров и иоаннитов (*Johannitae*), но все члены этого ордена были немцами. Они весьма отличились в последних крестовых походах, и их рыцарская кровь до сих пор течет в венах старой прусской знати. Они носили белые мантии с черным крестом, обрамленным в серебро, а как знак особой милости — императорского орла на латах, который от них перешел к королевскому дому Пруссии. После падения Иерусалима они перенесли свой центр в Венецию, потом — в Мариенбург и Кенигсберг (столицу, в которой коронуют монархов Пруссии). Император Фридрих II и папа Иннокентий III даровали им все земли, какие они смогут завоевать у язычников на восточной границе Германии, а их гроссмейстеры стали князьями Римской империи. Герцог Польши пригласил их защищать границы своей страны от прусских язычников (1240). Завоевание было завершено в 1283 г. Рыцари обратили пруссов в христианство, а точнее, романизировали и германизировали их, как Карл Великий поступил с саксами, а Оттон I — с вендами. Местное язычество было подчинено, но не обращено и продолжало существовать под видимостью христианства. Говорят, что при рыцарях в Пруссии жило два миллиона человек и было более пятидесяти городов, которые вели активную торговлю через Ганзейскую лигу. Основными городами были Мариенбург, Кенигсберг, Торн, Данциг и Кульм. Но к простым людям там относились как к рабам.

Примерно через два века правление рыцарей пришло в упадок, их могущество ослабело из-за внутренних несогласий и вражды с Польшей. В 1466 г. Казимир IV вынудил их, подписав Торнский мир, уступить Польше Западную Пруссию с ее богатейшими городами, а Восточная Пруссия стала леном этого королевства. По сути, это было крахом политической власти ордена. Несовместимость военного и монашеского образов жизни становилась все более очевидна. Папа Адриан VI призвал Альбрехта вернуть орден к бывшей монашеской чистоте и достоинству, но это было невозможно. Орден изжил себя⁸⁰⁸.

Лютер, сознававший это, провел реформу другого вида. Он воспользовался возможностью и 28 марта 1523 г. публично призвал рыцарей отказаться от ложного монашеского целомудрия, которым так часто пренебрегали, и жить в подлинной чистоте брака согласно заповедям, данным Богом в раю (Быт. 2:18), которые древнее и мудрее, чем слова пап и соборов. «Ваш орден, — заявлял он, — воистину необыкновенен: он и светский, и духовный одновременно. Он обращается с мечом против неверных, однако живет в безбрачии, бедности и послушании, как и все остальные монахи. Это не согласуется между собой, если

жение его мнения — это последующая история и нынешнее состояние Пруссии. Историю прошлого следует читать в свете будущего. «По плодам их узнаете их».

⁸⁰⁷ Собственно Пруссия — это область Прусского королевства, она состоит из Восточной, или Герцогской Пруссии, и Западной, или Королевской Пруссии. Ее общая площадь составляет 24.114 квадратных миль, население — около трех с половиной миллионов. Восточная Пруссия была объединена с Бранденбургом курфюрстом Иоганном Сигизмундом (1618). Западная Пруссия была отобрана у Польши Фридрихом Великим при первом разделе (1772).

⁸⁰⁸ *Der deutsche Orden*, — пишет Ranke (II. 334), — *und seine Herrschaft in Preussen war ohne Zweifel das eigenthümlichste Product des hierarchischritterlichen Geistes der letzten Jahrhunderte in der deutschen Nation; er hatte eine grossartige Weltwirkung ausgeübt und ein unermessliches Verdienst um die Ausbreitung des deutschen Namens erworben; aber seine Zeit war vorüber.*

исходить из разума и каждодневного опыта. Поэтому от ордена нет пользы ни Богу, ни миру»⁸⁰⁹.

Летом того же года он, по желанию Альбрехта, послал в Пруссию первого из протестантских проповедников, своего друга доктора Иоганна Брисмана (1488 — 1549), благочестивого, ученого и исполнительного богослова, который прибыл в Кенигсберг 27 сентября 1523 г. и трудился там как проповедник в Домском соборе и как преемник епископа Георга фон Поленца до самой смерти, за исключением четырех лет, которые он провел как проповедник в Риге (1527 — 1531)⁸¹⁰. Позже он послал двух других одаренных проповедников, известных своими евангельскими гимнами, а именно, Павла Сперата (ум. в 1551) и Иоганна Полиандера (Граумана, ум. в 1541), которые оказались очень полезны. Третий, Аманд, вызвал беспорядки своим радикализмом, в чем напоминал Карлштадта, а потому был удален из Кенигсберга.

С помощью этих богословов и проповедников герцог Альбрехт и епископ Георг фон Поленц осуществили радикальные перемены в Пруссии и подготовили ее к великому будущему. Эта религиозная реформа предшествовала политическим переменам.

Альбрехт, маркграф Бранденбурга — Ансбаха, последний гроссмейстер рыцарей тевтонского ордена и первый герцог Пруссии, родился в Ансбахе 16 мая 1490 г. Он должен был стать священником. Его приняли в орден и избрали гроссмейстером в 1511 г. Он въехал в Кенигсберг 22 ноября 1512 г. Его попытки сделать Пруссию независимой и отказаться от повиновения королю Польши волекли его в разрушительную войну, которая продолжалась до 1521 г., когда было заключено перемирие на четыре года. Он присутствовал, как один из князей империи, на Нюрнбергском рейхстаге в 1522 и 1523 г. и искал защиты от Польши, но тщетно. В то время он прилежно слушал проповеди Андреаса Озиандера и принял учение Реформации. Он называл Озиандера своим «духовным отцом во Христе, через которого Бог сначала спас его из мрака папства, а потом привел к истинному божественному знанию». Во время посещения Берлина он лично встретился с Лютером и Меланхтоном и спрашивал у них совета (сентябрь 1523 г.). Лютер, при одобрении Меланхтона, сказал: «Верь в Бога, а не в империю; отбрось бессмысленный устав своего ордена и положи конец этому чудовищу-гермафродиту, которое и не религиозное, и не светское. Упраздни нечестивое целомудрие монашества. Возьми себе жену и учреди законное светское правление». (В то же время Лютер рекомендовал ему Павла Сперата в помощники. Позже Сперат стал епископом Помезании.) Князь улыбнулся, но ничего не ответил⁸¹¹. Он колебался между повиновением папе и своей совестью. Его явные и тайные указания епископу Самландии были противоречивы. Его брат, маркграф Георг Бранденбургский, уже давал ему тот же совет, что и Лютер, и в конечном итоге Альбрехт последовал ему.

Тем временем евангельское учение уже распространилось по Пруссии и облегчило будущие политические изменения, подорвав монашеский устав ордена.

⁸⁰⁹ *An die Herren deutsches Ordens, dass sie falsche Keuschheit meiden und zur rechten ehelichen Keuschheit greifen, Ermahnung* (Wittenberg, den 28 März, 1523. Erl. ed. XXIX. 16-33. Walch, XIX. 2157 sqq.).

⁸¹⁰ Он издал несколько проповедей. Отрывки есть в Seckendorf, I. 272. См. ст. «Briesmann», автор Erdmann, в Herzog², II. 629-631, со списком литературы.

⁸¹¹ Письмо к Иоганну Брисману от 4 июля 1524 г. в De Wette, II. 526 sq.

Два епископа Пруссии, в отличие от их собратьев в Германии, поддержали движение: Георг фон Поленц из Самландии и Эрхард фон Квейс из Помезании. Поленц возглавил процесс. Лютер был приятно удивлен и выразил свою радость по поводу того, что хотя бы один из епископов осмелился исповедовать безвозмездное Евангелие Христа⁸¹². Он посвятил Поленцу свой комментарий ко Второзаконию, с поздравительным письмом, полным благодарностей за быстрое распространение Евангелия от Пруссии до далекого севера (1525)⁸¹³. Епископ не ответил и, похоже, относился к личности Лютера с осторожной сдержанностью, хотя и позволял свободно распространять его учения⁸¹⁴.

Эрхард фон Квейс отказался от папства в публичной проповеди (1524) и отдал свое мирское имущество и власть герцогу (1527), чтобы лучше выполнять духовные обязанности евангельского епископа.

Георг фон Поленц был канцлером и главным советником Альбрехта в этом деле преобразований (мы сказали бы, его Бисмарком, но только в меньшем масштабе). Он был примерно на пять лет старше Лютера и пережил его на четыре года. Он происходил из древнего аристократического рода Мейсенов из Саксонии, изучал закон в Италии и был какое-то время секретарем при дворе папы Юлия II. Потом он служил в армии под началом Максимилиана I. Он познакомился с маркграфом Альбрехтом в Падуе в 1509 г. и вступил в тевтонский орден. В 1519 г. он стал епископом и был посвящен епископами соседних Эрмландии и Помезании в Домском соборе Кенигсберга. Предписание римской курии об уплате налога в 1488 дукатов до сих пор хранится в архивах этого города. В первые годы его служения шла война с Польшей, для которой ему приходилось давать людей и средства. Когда герцога не было в Германии, фон Поленц замещал его.

В сентябре 1523 г. он встретился с доктором Брисманом и через него познакомился с библейскими языками, с основами богословия, которое никогда раньше не изучал, и с учением Лютера. В январе 1524 г. он издал указ проводить крещение на языке народа и рекомендовал клиру внимательно читать Библию, а также труды Лютера, особенно его книгу о христианской свободе. Это стало началом Реформации в Пруссии. До нас дошли три его проповеди, и все три — в поддержку изменений: на Рождество 1523 г., на Пасху и Пятидесятницу 1524 г. В них он вторит Брисману, заявляя: «Согласно воле Божьей, я буду держаться Слова Божьего и Евангелия, даже если утрачу тело и жизнь, имущество и честь и все, что у меня есть». Он пренебрег властью папы Климента VII, который поручил своему легату Кампеджи 1 декабря 1524 г. назвать епископа бунтовщиком и богохульником и убедить его покаяться — или сместить его.

⁸¹² «В конце концов, — писал он Шпалатину 1 февраля 1524 г., — даже один из епископов прославил имя Христа и стал провозглашать Евангелие в Пруссии, а именно, епископ Самландии, вдохновленный и наставленный Иоганном Брисманом, посланным мною, так что Пруссия тоже начинает прощаться с царством сатаны» (De Wette, II. 474).

⁸¹³ Erl. ed., *Op. Lat.* XIII. Письмо датировано апрелем 1525 г. Оно есть также в De Wette, II. 647-651. В этом письме мы находим примечательный пассаж (р. 649): *Vide mirabilia, ad Prusiam pleno cursu plenisque telis currit Evangelion*. См. цитату в §86, подстрочное примечание.

⁸¹⁴ Профессор Шакерт, лучший из биографов, говорит (*l. c.*, р. 187): «Переписка епископа Георга фон Поленца, насколько нам известно, не содержит ни единого упоминания и даже намека на письмо Лютера. Даже имя Лютера после реформаторского указа 1524 г. упоминается в ней только один раз, в постскриптуме к посланию Павлу Сперату от 22 августа 1535 г.». В этом письме он просил своего коллегу, епископа Сперата из Помезании, дать нескольким знатым студентам из Латвии рекомендательные письма к Лютеру и Меланхтону (*litteris tuis Martino et Philippo commendes*). См. письмо, *l. c.*, р. 191.

В мае 1525 г. он отдал светскую часть своей епископской власти герцогу, так как христианину и епископу не подобает обладать мирской властью. Через несколько дней он женился — 8 июня 1525 г., за пять дней до свадьбы Лютера. На следующий год герцог последовал его примеру и пригласил Лютера на свадьбу (июнь 1526 г.). Этот двойной брак был отменой монашеского безбрачия. В 1546 г. Георг фон Поленц отдал свой пост епископа Брисману. Он умер в мире 28 апреля 1550 г. в возрасте семидесяти двух лет и был похоронен в соборе Кенигсберга. Это был первый протестантский епископ и канцлер первого прусского Гогенцоллерна, стоявший рядом с ним на рубеже двух эпох с Библией в руках и мыслью о будущем.

Альбрехт, по совету Лютера, превратил государство рыцарей в наследственное герцогство. Король Польши протестовал. 10 апреля 1525 г. в Кракове Альбрехт торжественно вступил в права правителя Пруссии, лена Польши. Вскоре после этого ему были оказаны почести Кенигсбергским рейхстагом. Евангельские проповедники приветствовали его под звон колоколов. Император подверг его анафеме, но это ни к чему не привело. Большая часть рыцарей получила богатые владения и женилась, а остальные эмигрировали в Германию. Альбрехт формально ввел Реформацию 6 июля 1525 г., создал лютеранскую конституцию и литургию. Посты были упразднены, количество священных праздников сокращено, обряды изменились, монастыри были превращены в больницы, поклонение велось на народном языке. Католические и сектантские проповеди были запрещены. Альбрехт взял в свои руки всю церковную власть и стал верховным епископом Пруссии. Два католических епископа, Георг и Квейс, были подчинены ему. Их преемники были уже просто суперинтендентами. Однако он понимал, что светскому правителю не годится быть епископом, и принял эту роль только из необходимости обеспечить порядок⁸¹⁵. В 1544 г. он основал Кенигсбергский университет, третий протестантский университет (после Виттенберга и Марбурга)⁸¹⁶. Он вызвал доктора Озиандера из Нюрнберга, чтобы тот возглавил богословскую кафедру (1549), но этот богослов-полемист своими диссертациями о праве и Евангелии и со своей доктриной оправдания вскоре превратил Пруссию в сцену яростных и неприятных богословских баталий⁸¹⁷.

Правление Альбрехта было не очень благополучным. Его беспокоили волнения переходного периода, происходившие внутри государства или приходившие извне. Он неоднократно говорил, что предпочел бы пасти овец, чем быть правителем. У него было много долгов. Семеро детей от его первой жены, дочери короля Дании, умерли в юности, кроме дочери, Анны Софии, которая вышла за герцога Мекленбурга (1555). Его благочестивая и верная жена умерла в 1547 г. В 1550 г. он женился на принцессе Брауншвейгской. Его первая дочь от нее родилась слепой. Его пережил только один сын, Альбрехт Фридрих, проведший свою жизнь в меланхолии. Но Альбрехт оставался верен евангельской вере и умер 20 марта 1568 г. со словами псалма 30:6 на устах: «В Твою руку предаю дух мой; Ты избавлял меня, Господи, Боже истины». Доказательством его благочестия были молитвы, размышления и заве-

⁸¹⁵ *Coacti sumus*, — говорил он, — *alienum officium, i. e., episcopate in nos sumere, ut omnia ordine, et decenter fierent* (Предисловие к *Articuli ceremoniarum*, обнаруженному на общем соборе в Кенигсберге 12 мая 1530 г.).

⁸¹⁶ Arnoldt, *Historie der königsberger Universität*, 1746.

⁸¹⁷ См. выше, окончание §94. Зять Озиандера Функе, капеллан и исповедник Альбрехта, продолжил эти споры, но в конце концов был обезглавлен вместе с двумя своими союзниками в 1566 г. как *Ruhestörer, Landesverräther und Beförderer der osiandrischen Ketzerei*.

щание сыну, который стал его наследником и умер, сам не оставив наследников мужского пола, в 1618 г.

Последующая история

Здесь мы считаем уместным немного поговорить о последующей истории Пруссии, чтобы объяснить текущее состояние протестантской церкви в Прусском королевстве.

Герцогство Пруссия в 1618 г. досталось Иоганну Сигизмунду, электору Бранденбурга (1608 — 1619), зятю второго прусского герцога (Альбрехта Фридриха) и потомку Фридриха Гогенцоллерна, который стал маркграфом Бранденбурга, приобретя это право в 1415 г. Так завершилось объединение Пруссии и Бранденбурга.

Но Пруссия продолжала подчиняться Польше до 1656 г., когда Фридрих Вильгельм, «Великий курфюрст», вернул ей независимость, захватив Варшаву. Он был первым, кто привел Пруссию к величию. Его правнук, Фридрих II, был вторым. После разрушительной Тридцатилетней войны он воссоединил разрозненные провинции в единое целое и правил долго и успешно (1640 — 1688). Он был самым просвещенным и самым либеральным среди немецких правителей той эпохи. Он защищал независимость Германии от французских агрессоров. Он женился на Луизе Генриетте, принцессе Оранской, кальвинистке по вере, которая написала популярный гимн о воскресении, *Jesus, meine Zuversicht*⁸¹⁸. Он обеспечил терпимое отношение к реформатским церквям посредством Вестфальского договора. Он предоставил убежище более чем двадцати тысячам французских гугенотов, которые, как и их потомки, сыграли важную роль в формировании прусской нации и реформатской церкви. Его сын Фридрих стал первым королем Пруссии и был коронован в Кенигсберге 18 января 1701 г. Он основал университет в Галле (1693), который впоследствии поглотил Виттенбергский университет (1815) и стал занимать важное место в истории немецкого богословия как колыбель сначала пиегизма, потом рационализма, а затем (после назначения Толука, 1827) и евангельского пробуждения.

При Иоганне Сигизмунде начались важные конфессиональные изменения, заложившие основания для политики объединения, которую проводили его преемники. Он ввел реформатский или кальвинистский элемент (который искоренили в Саксонии) при дворе и в берлинской церкви и придал Гейдельбергскому катехизису положение, главенствующее по сравнению с Аугсбургским исповеданием. Его внук, «Великий курфюрст», укрепил реформатский элемент посредством своего брака с принцессой из Голландии, которая жила в своей вере и пригласила в страну колонию французских гугенотов, покинувших родину из-за религиозных преследований. Поэтому вполне естественно, что реформатские правители лютеранской страны были склонны объединить две конфессии, что и случилось в этом веке⁸¹⁹.

Мы видели, что Старая Пруссия была обращена в лютеранство под непосредственным влиянием виттенбергских богословов, с которыми Альбрехт постоянно переписывался. В Бранденбурге также был введен лютеранский тип протестантизма, после многих колебаний и споров, при Иоганне Георге (1571 — 1598). Формула согласия насаждалась. Все кальвинистическое учение было строго запрещено. Бранденбургский *Corpus Doctrinae* 1572 г. подчеркивает слова Лютера о том, что Цвингли — не христианин, а бранденбургский канцлер Дительмейер знаменит своей нехристианской молитвой: *Impleat nos Deus odio Calvinistarum!*

Но курфюрст Иоганн Сигизмунд, который после путешествий и личного общения с князьями и богословами-кальвинистами весьма уважал их христианское благочестие и вежливость, принял реформатскую веру в 1606 г. и открыто заявил о ней в феврале 1614 г., согласившись с четырьмя вселенскими символами (в том числе *Chalcedonense*) и *изменным* Аугсбургским исповеданием 1540 г., хотя и не навязывал своих верований подданным, а только запретил проповедникам осуж-

⁸¹⁸ Есть несколько переводов этого гимна на английский язык; один принадлежит мисс Уинкворт, «Иисус, мой Искупитель, жив». У этого гимна долгая и интересная история. См. А. F. W. Fischer, *Kirchenlieder-Lexicon*, I. 390-396.

⁸¹⁹ Более подробно об этом см. в Schaff, *Creeeds of Christendom*, I. 554 sqq. К приведенной там литературе следует добавить: Ranke, *Zwölf Bücher Preuss. Geschichte*, Leipzig., 1874, I. 185-192; Kawerau, в *Herzog*², XIV. 227-232; и Wangemann, *Joh. Sigismund und Paul Gerhard*, Berlin, 1884. Литература о прусском союзе относится к периоду истории после 1817, она очень обширна. Мы упомянем здесь Nitzsch, *Urkundenbuch der evangelischen Union*, Berlin, 1853; Jul. Müller, *Die evangel. Union, ihr Wesen und göttliches Recht*, Berlin, 1854; Brandes, *Geschichte der kirchlichen Politik des Hauses Brandenburg*, 1872-73, 2 vols.; Mücke, *Preussen's landeskirchliche Unionsentwicklung*, 1879; Wangemann, *Die preussische Union in ihrem Verhältniss zur Una Sancta*, Berlin, 1884.

дать кальвинистов с кафедры. В мае 1514 г. он создал собственное исповедание под названием «Сигизмундовского», или Бранденбургского (*Confessio Marchica*). Оно учит, как мы сказали бы, умеренному меланхтонианству и кальвинизму и отличается от лютеранской Формулы согласия в следующих моментах: оно отвергает евтихианство и вездесущие тела Христова, восшествие при вечере Господней, использование облаток вместо преломленного хлеба и экзорцизм при крещении. С другой стороны, оно учит кальвинистическому взгляду на духовное реальное присутствие Христа в причастии для верующих и безусловному избранию, но без безусловного осуждения. Оно явно гласит, что Бог искренне желает спасения *всех* людей и не является источником греха и осуждения.

Изменение взглядов Сигизмунда было следствием сознательного убеждения и не было продиктовано политическими мотивами. Народ и его собственная жена оставались лютеранами. Он не пользовался своей властью епископа и *ius reformandi*. Он не хотел совершать насилия над совестью людей, так как вера — безвозмездный Божий дар, и к ней нельзя принудить. Ни один человек не должен принуждать к вере другого человека. Таким образом, опережая свой век, он подавал благородный пример терпимости, которая стала традиционной политикой прусских правителей. Шпетистское движение Шпенера и Франке, которое поддержал богословский факультет Галле, уменьшило разногласия между конфессиями и укрепило единство. Моравское братство задолго до прусского союза, в небольшой общине, показало реальный пример единства верующих обоих исповеданий.

Фридрих Великий был неверующим. Он не симпатизировал ни шпетизму, ни моравским братьям, ни лютеранству, ни кальвинизму, но он решительно поддерживал политику религиозной терпимости, что отразилось в его знаменитом высказывании: в его королевстве каждый имеет право спасаться «по-своему». Терпимость равнодушия, которая преобладала в XVIII веке, сокрушила царство лицемерия и подготовила путь для более возвышенного и благородного принципа религиозной свободы.

Пробуждение религиозной жизни в начале XIX века было пробуждением христианства в целом, а не какой-то определенной конфессии или деноминации, так что на время объединились благочестивые лютеране, реформаты и даже католики. Оно сопровождалось новым этапом развития евангельского богословия, которое после Шлейермахера и Неандера ставило акцент на единомыслии, а не на разногласиях между протестантскими конфессиями, действуя в оппозиции рационализму и неверию. Так была подготовлена почва для новой попытки мирного сосуществования двух конфессий Реформации.

Король Фридрих Вильгельм III (1797 — 1840), сознательный и богобоязненный монарх, уроком для которого стали печальные перипетии судьбы и чудесное избавление Пруссии, ввел так называемый «евангельский союз» лютеранской и реформатской конфессий во время празднования трехсотлетия Реформации (27 сентября 1817 г.). Термин «евангельский», на который претендовали обе конфессии, приобрел новое значение. Союз (как было официально разъяснено в 1834 и 1852 г.) стремился объединить обе церкви под единым правлением и в едином поклонении, но упраздняя различий доктрины⁸²⁰. Речь шла о сохранении, а не о поглощении одной конфессии другой, и этим союз отличался от всех прочих планов объединения церковью Греческой и Латинской, протестантских и Католической, лютеранской и реформатской, которые были нацелены на доктринальное единообразие или, по крайней мере, на компромисс. Прусский союз не привел к созданию нового символа веры. Аугсбургское исповедание, катехизисы Лютера и Гейдельбергский катехизис продолжали использоваться, как и раньше, но предполагалось, что доктринальные разногласия не настолько важны, чтобы исключать христианское общение. Оппозиция исходила в основном от так называемых «старых лютеран», которые настаивали на «чистоте учения» как основе союза, исключая кальвинистские «ереси», и были оскорблены тем, что король ввел новую литургию (*Agende*, 1822). Но эта оппозиция замолчала, когда им было даровано право создать отдельную организацию с самоуправлением (1845). Прусский союз страдает от недостатков эрастианства, но не более, чем любая другая государственная церковь, или чем Реформация, когда она была введена в XVI веке светскими властями. Опыт показал, что умеренные лютеране и реформаты могут сосуществовать, причащаться у одного алтаря и сотрудничать на пути следования за своим общим Учителем. Этот опыт оказался весьма полезен. Объединенный протестантизм стал важным историческим фактом, фактором формирования современного богословия и церковной жизни Пруссии и других областей Германии, которые последовали ее примеру.

Два сына и наследника основателя Прусского союза, король Фридрих Вильгельм IV (1840 — 1858) и император Вильгельм I (1858 — 1888), преданно следовали этой теории и практике.

Фридрих Вильгельм IV был хорошо знаком с богословием и был выдающимся евангельским христианином. Он пожелал сделать церковь более независимой и для этого учредил *Oberkirchenrath* (1850, модифицирован в 1852), который, в связи с *Culturministerium*, должен управлять делами

⁸²⁰ *Cabinetsordre* от 18 февраля 1834 говорит: *Die Union bezweckt und bedeutet kein Aufgeben des bisherigen Glaubensbekenntnisses; auch ist die Autorität, welche die Bekenntnisschriften der beiden evangelischen Confessionen bisher gehabt, durch sie nicht aufgehoben worden.*

церкви от имени короля. А общий синод должен был выполнять законодательные функции. В его правление принципы религиозной свободы заметно развились и были воплощены в Прусской конституции 1850 г., которая, в статье XII, гарантирует свободу совести, частного и совместного поклонения всем религиозным организациям⁸²¹.

Вильгельм I с помощью Бисмарка и Мольтке возвысил Пруссию до ее нынешнего положения благодаря блестящему управлению, дипломатии и победам в войнах с Австрией (1866) и Францией (1870). По общему согласию немецких правителей и народа он стал первым наследным императором Объединенной Германии во главе с Пруссией. Он правил восемнадцать лет мудро, последовательно, справедливо, трудолюбиво, с редким благочестием и снискал всеобщее уважение и любовь немецкого народа и даже, мы сказали бы, всего цивилизованного мира, который оплакивал его кончину 9 марта 1888 г., на девяносто пятом году изобиловавшей событиями жизни. История никогда не видела более замечательного трио, чем император Вильгельм — воплотившийся в одном лице «железный канцлер», «воин-мыслитель» и человек, «боявшийся одного только Бога, и никого другого».

Новая Германская империя с протестантом во главе стала конечным результатом распространения Реформации в Пруссии и не была бы возможна без этого.

§100. Протестантские мученики

Ни одно великое дело в церкви или государстве, религии или науке не обходилось без жертв. Кровь — цена свободы. «Кровь мучеников — семя христианства». Гонения вырабатывают в человеческом характере героические качества и пассивные добродетели терпения и устояния перед лицом страданий. У протестантизма, как и у католичества, есть свои мученики. В Германии протестантизм стал постоянной официальной религией только после Тридцатилетней войны. Реформатские церкви Франции, Голландии, Англии и Шотландии прошли через горнило гонений. Подсчитано, что количество жертв испанской инквизиции превосходит число жертв языческого Рима, а испанцы за время своего правления только в Голландии казнили столько христиан, сколько в Римской империи — за первые три века существования церкви⁸²². Иудеи и язычники преследовали христиан, христиане преследовали иудеев и язычников, католики преследовали протестантов, протестанты преследовали католиков, и в каждом государстве в большей или меньшей мере преследовали несогласных и сектантов. Только в недавнее время люди оценили священное право свободы совести и была проведена четкая граница между церковью и государством, религиозными и гражданскими преступлениями, ересью и преступлением, духовными и светскими наказаниями.

Гонения на протестантов начались с Вормского рейхстага 1521 г. Карл V выпустил в этом городе первый из своих жестоких приказов об искоренении лютеранской ереси в его наследном владении, Нидерландах. В 1523 г. два монаха-августинца, Генрих Воз и Иоганн Эш, были публично сожжены как последователи Лютера на костре в Брюсселе. Когда костер развели, они повторяли Апостольский символ веры, пели *Te Deum laudamus* и молились среди огня: «Иисус, Сын Давида, помилуй нас!» Героическая смерть этих первоучеников протестантизма вдохновила Лютера на первое стихотворение, которое начинается словами *Ein neues Lied wir heben an*⁸²³.

Приор их монастыря Ламперт Торн был задушен в темнице. О мученичестве Генриха из Цютфена мы уже упоминали⁸²⁴. Адольф Кларенбах и Петер Флисте-

⁸²¹ См. Schaff, *Church and State in the United States*, New York, 1888, p. 97 sq.

⁸²² См. нашу *Историю*, т. II, §26.

⁸²³ См. выше, §82, и Ranke, II. 119.

⁸²⁴ §96.

ден приняли мученическую смерть на костре в Кельне с решимостью и радостью победителей 28 сентября 1529 г.⁸²⁵

Георг Винклер, проповедник из Галле, был вызван архиепископом Кельна в Ашаффенбург за то, что давал причастие из чаши. Потом его отпустили, но, когда он возвращался на родину, он был убит неизвестными в мае 1527 г.⁸²⁶

Герцог Георг Саксонский преследовал лютеран, не казня их, но сажая в тюрьмы и изгоняя. Иоганн Геррготт, странствующий распространитель литературы, был обезглавлен (1527) скорее за революционные политические взгляды, чем за продажу лютеранских книг⁸²⁷.

В Южной Германии Вормский эдикт насаждался более строго. В Австрии и Баварии многие были казнены огнем и мечом, многие — варварски искалечены. В Вене один горожанин, Каспар Таубер, 17 сентября 1524 г. был обезглавлен и сожжен за то, что отрицал чистилище и пресуществление⁸²⁸. В Зальцбурге один священник был обезглавлен тайно, без суда, по приказу архиепископа, за лютеранскую ересь⁸²⁹. Георг Вагнер, служитель из Мюнхена, был сожжен 8 февраля 1527 г. Леонард Казер (или Кайзер) разделил его участь 18 августа 1527 г. по приказу епископа Пассау. Лютер написал ему, когда он был в тюрьме, письмо с утешениями⁸³⁰.

У анабаптистов тоже были свои мученики, которые умирали с такой же героической верой. Гатцер был сожжен в Констанце, Гюбмайер в Вене. В Пассау тридцать человек погибли в тюрьме. В Зальцбурге некоторые были искалечены, другие обезглавлены, третьи утоплены, четвертые сожжены живьем⁸³¹. К сожалению, протестантские правительства относились к анабаптистам не лучше. Даже в Цюрихе несколько человек было утоплено в реке на глазах у Цвингли. Самое мрачное пятно на репутации протестантизма — это сожжение Сервета за ересь и богохульство в Женеве с одобрения Кальвина и всех живших в то время реформаторов, в том числе Меланхтона (1553). Ранее Сервет был осужден и сожжен символически римско-католическим судом во Франции. Сегодня подобная трагедия была бы невозможна. Человеческие страсти остались прежними, но представления и обстоятельства изменились.

⁸²⁵ См. их биографию в Piper, *Evang. Kalender*, VII. 408, и ст. «Klarenbach», автор С. Krafft, в Herzog², VIII. 20-33.

⁸²⁶ Лютер написал письмо с соболезнованиями христианам Галле после смерти их служителя (Walch, X. 2260). См. также его письмо от 28 апреля 1528 г. в De Wette, III. 305.

⁸²⁷ См. §93, примечание.

⁸²⁸ Ranke, II. 117 sq.

⁸²⁹ *Ibid.*, p. 117.

⁸³⁰ Письмо датировано 20 мая 1527 г., De Wette, III. 179 sq. Но, похоже, Казер был анабаптистом, о чем Лютер не знал. См. Cornelius, *Gesch. des Münsterschen Aufbruchs*, II. 56.

⁸³¹ Ranke, III. 369.

ГЛАВА VII

СПОРЫ О ТАИНСТВАХ

§101. *Священство и таинства*

КАТОЛИЧЕСКАЯ система христианства, как греческая, так и римская, связана с таинствами и священством. Спасительная благодать Христа передается людям через семь таинств, отправляемых рукоположенными священниками, которые принимают людей в церковь посредством крещения, сопровождают их на всех этапах жизни и подготавливают с помощью елеосвящения к миру иному. Священство, понимаемое в буквальном смысле слова, требует буквальной жертвы, и потому священник во время мессы изо дня в день повторяет жертвоприношение Христа на кресте. Действие мессы распространяется не только на живых, но и на души усопших в чистилище, сокращая их страдания, ускоряя их освобождение и прибытие на небеса.

Реформаторы отвергли систему священства и заменили ее всеобщим священством верующих, которые имеют непосредственный доступ ко Христу как своему единственному Ходатаю и Защитнику и приносят Ему духовную жертву в виде молитвы, восхваления и ходатайства. Они отвергли таинство мессы и теорию пресуществления и восстановили причастие мирян чашей. Они также поставили Слово Божье, как главное орудие благодати, выше таинств и сократили количество таинств. Они сохранили крещение и вечерю Господню, так как их учредил Христос для всеобщего и постоянного соблюдения.

Но дальше начинаются разногласия. Они обусловлены степенью отхода от системы таинств Римской церкви. Лютеранское вероисповедание, сказали бы мы, отошло от системы таинств наполовину, то есть сохранило от нее больше, чем реформатское (если не принимать в расчет англиканскую церковь)⁸³². В нем сохранилось учение о возрождении при крещении, вместе с обрядом экзорцизма, и телесное присутствие Христа в евхаристии. Аугсбургское вероисповедание объявляет таинства важным критерием церкви. В катехизисах Лютера им уделяется отдельное место наряду с заповедями, символом веры и молитвой Господней. К крещению и вечере Господней добавляется исповедь и отпущение грехов как третье таинство. В более поздний период конфирмация вернулась к положению почти что таинства, как дополнение к крещению детей.

Цвингли и Кальвин воспринимали таинства как символы и печать благодати, которая передается внутренне, через Святого Духа. Они утверждали, что все происходит по воле всевышнего Бога, и Дух, Который «дышит, где хочет» (Ин.

⁸³² Клаус Хармс, типичный лютеранин XIX века, выпустил в 1817 г. девяносто пять тезисов против рационализма в лютеранской церкви, один из которых гласил (цитирую по памяти): «Католическая церковь — это славная церковь. Она основана на таинствах. Реформатская церковь — это славная церковь. Она основана на Слове. Но еще более славна лютеранская церковь, ибо она основана и на Слове, и на таинствах».

3:8), независим. Бог может наделять Своими дарами, как Ему угодно. Но у нас есть определенные предписанные средства. Швейцарские реформаторы подчеркивали также необходимость веры — не только для того, чтобы таинство пошло впрок (с этим лютеране соглашались), но для самого принятия таинства. Недостойные принимают только внешний символ, но не то, что этот символ означает, а в результате само участие в таинстве приносит им только вред.

Анабаптисты пошли еще дальше и отвергли крещение младенцев, потому что при нем отсутствует вера со стороны крестящегося. Они были предшественниками квакеров, вообще отказавшихся от внешних таинств, однако сохранивших в вероучении духовный факт рождения свыше и общения со Христом (который выражается таинствами лишь ради того, чтобы отобразить его на уровне человеческих ощущений). Квакеры протестовали против формы, которая подменяет собой дух, и исторически доказали, что при необходимости дух может быть живым и без формы, в то время как форма без духа мертва.

Провидению было угодно, чтобы возникли разные теории о средствах действия благодати. Эти теории существуют не изолированно. Они проистекают из разных философских и богословских позиций и влияют на другие учения. Лютер был отчасти прав, когда говорил Цвингли в Марбурге: «Вы имеете другого духа». Лютер основывался на учении об оправдании верой, а Цвингли и Кальвин — на учении о высшей Божьей воле, или избрании в вечности. Лютер антропологически и сотериологически шел от человека к Богу, а Цвингли и Кальвин — богословски от Бога к человеку.

Кульминацией этих разногласий стало учение о присутствии Христа в евхаристии, которое вызвало самые ярые споры и до сих пор заставляет западных христианский мир делиться на противоборствующие лагеря. Евхаристические теории свидетельствуют о различии взглядов на взаимоотношения Бога и человека, сверхъестественного и природного, незримой благодати и зримых средств ее передачи. Римское учение о пресуществлении выросло из магического представления о сверхъестественном, которое поглощает и уничтожает природное и человеческое, оставляя от него только пустую форму. Лютеранское учение предполагает взаимопроникновение божественного и человеческого. Теория Цвингли о причастии как воспоминании сохраняет целостность и особенности божественного и человеческого, но разделяет и разграничивает их. Евхаристическая теория влияет на христологию, на отношения церкви и государства, а в некоторой степени — и на характер благочестия. В христологии лютеранство склоняется к евтихианству, а цвинглианство — к несторианству. Первое придерживается мистического, второе — практического типа благочестия.

Кальвин, который появился на общественной сцене на пять лет позже Цвингли и за десять лет до смерти Лютера, весьма умело отстаивал евхаристическую теорию, промежуточную между лютеровским реализмом и цвинглианским спиритуализмом, которая перешла к реформатским конфессиям. Лютеру пришлось разбираться с Цвингли, а с Кальвином он никогда не контактировал. В противном случае спор мог бы принять иную форму, но Лютер, в любом случае, сохранил бы свое мнение о реальном присутствии и отказался бы от символического истолкования слов учреждения.

С учением о евхаристии связано несколько менее значительных разночтений в обряде, таких как использование облаток и коленопреклоненное положение причащающихся. Лютеране оставили их по образцу Католической церкви. А реформатская церковь восстановила изначальное преломление хлеба и положе-

ние стоя или сидя. В некоторых лютеранских церквях сохранилось также возношение гостии. Сам Лютер заявил, что оно не имеет значения и упразднил его в Виттенберге в 1542 г.⁸³³

§102. Спор с анабаптистами. Лютер и Гюбмайер

LUTHER: *Von der Wiedertaufe, an zwei Pfarrherrn*. Wittenberg, 1528. В Walch, XXVII. 2643 sqq.; Erl. ed., XXVI. 254-294. JUSTUS MENIUS: *Der Wiedertäufer Lehre und Geheimniss*, с предисловием Лютера, 1530. В Erl. ed., LXIII. 290 sqq. MELANCTON: *Contra Anabaptistas Judicium*, «Corp. Reform.», I. 953 sqq.

С баптистской стороны существуют произведения ГЮБМАЙЕРА, или ГЮБМЕРА, как он себя называл. Они очень редки. Их следует собрать и вновь опубликовать. SALVARY, в «Mittheilungen aus dem Antiquariate», vol. I. Berlin, 1870, приводит полный их список. Самые важные — это *Von dem christlichen Tauf der Gläubigen* (1525); *Eine Stimme eines ganzen christlichen Lebens* (1525); *Von Ketzern und ihren Verbrennern*; *Schlussreden (Axiomata)*; *Ein Form des Nachtmals Christi*; *Von der Freiwilligkeit des Menschen* (чтобы показать, что Бог дает всем людям возможность стать Его детьми посредством свободного выбора); *Zwölf Artikel des christlichen Glaubens*, и т. д.

О Гюбмайере см.: SCHREIBER, в «Taschenbuch fuer Gesch. und Alterthum Sueddeutschlands», Freiburg, 1839-40. CUNITZ в Herzog, «Encykl.», 2^d ed., VI. 344. RANKE, II. 118, 126; III. 366, 369. JANSSEN, II. 387, 486.

Все реформаторы сохранили обычай крещения младенцев и выступали против повторного крещения (*Wiedertaufe*) как против ереси. В этом они соглашались с католиками и не соглашались с анабаптистами, или катабаптистами, как их называли, хотя сами они не принимали это название, ибо, по их мнению, крещение младенцев вовсе не являлось крещением.

Анабаптисты {букв. «перекрещенцы»}, или баптисты (в отличие от педобаптистов, или «детокрещенцев»), появились в Германии, Голландии и Швейцарии и организовались в независимые общины. Их вождям были Гюбмайер, Денк, Гетцер и Гребель. Они считали, что реформаторы остановились на полпути и не искоренили зло. Анабаптисты порвали с историческим преданием и создали новую церковь, в центр которой был поставлен принцип личного выбора. Их основное учение гласило, что крещение — дело личного выбора, а потому для него необходимо личное покаяние и личная вера во Христа. Они отвергли крещение младенцев как противоречащее Писанию изобретение. Они не находили упоминания о нем в Новом Завете, единственном авторитетном источнике в вопросах веры. Их жестоко преследовали как в протестантских, так и в римско-католических странах. Мы должны отличать собственно баптистов и менонитов от неугомонных революционеров, радикалов и фанатиков, таких как Карлштадт, Мюнцер и другие вожди мюнстерской трагедии.

О способе крещения в то время споров не велось. Реформаторы либо предпочитали погружение (Лютер), либо считали этот вопрос не имеющим значения (Кальвин).

Лютер, по сути, соглашался с римско-католическим учением о крещении. Его *Taufbüchlein 1523* — это перевод латинского текста службы крещения, с форму-

⁸³³ *Vom Anbeten des Sacraments des heil. Leichnams Christi* (1523), в обращении к богемцам (Erl. ed., XXVIII. 389, 404, 410); *Kurzes Bekenntniss vom heil. Sacrament* (1544), Erl. ed., XXXII. 420 sqq. В послании к Бухгольцеру в Берлин от 4 декабря 1539 г. (De Wette, V. 236) Лютер сообщает, что в Виттенберге отказались от возношения гостии, но речь, должно быть, идет только о замковой церкви, потому что в городской церкви оно продолжалось до 25 июня 1542 г., когда Бугенгаген упразднил его. См. Köstlin, II. 588, 683.

лой экзорцизма, крестным знаменем и погружением. Второе издание (1526) сокращено. В нем ничего не говорится о елее, соли и плевках⁸³⁴. Он нанес поражение Карлштадту, Мюнцеру и пророкам из Цвиккау, которые отвергали крещение младенцев, и переубедил даже Меланхтона. Саксония была очищена от анабаптистов, но в других районах Германии они продолжали существовать, поэтому несколько лет спустя ему пришлось написать книгу против Гюбмайера, который ссылался на его авторитетное мнение и приписывал ему подобные взгляды.

Валтасар Гюбмайер, или Гюбмер, родился близ Аугсбурга в 1480 г., учился у доктора Экка во Фрейбурге и Ингольштадте и получил степень доктора богословия. Он стал известным проповедником в соборе Регенсбурга и в 1519 г. призвал изгнать оттуда евреев, чья синагога была превращена в часовню Св. Марии. В 1522 г. он принял протестантизм и стал пастором в Вальдшуте на Рейне, на границе Швейцарии. Он посетил Эразма в Базеле и Цвингли в Цюрихе и помогал Цвингли в распространении Реформации. Австрийское правительство пригрозило ему насильственными мерами и потребовало выдать его. Он покинул Вальдшут и укрылся в монастыре Шаффхаузен, но потом вернулся. Он открыто заявил о своем несогласии с Цвингли и Эколампадием по вопросу крещения младенцев. Цвингли прав, говорил он, что считает крещение просто символом, но значение этого символа — обет веры и повиновения до самой смерти, а ребенок не может дать такой обет, то есть крещение ребенка не имеет смысла и недействительно. В крещении должна присутствовать вера, и при этом нельзя надеяться на то, что она когда-нибудь появится. Вместо крещения Гюбмайер ввел торжественное представление или освящение детей перед собранием. Он поддержал анабаптистов Цюриха и Томаса Мюнцера, который в окрестностях Вальдшута разжигал пламя Крестьянской войны. Считается, что он был одним из авторов Двенадцати крестьянских статей. Он повторно крестился в период Пасхи 1525 г. и крестил повторно многих своих сторонников. Он упразднил мессу и убрал из церкви алтарь, купель, изображения и кресты.

Поражение крестьян-бутовщиков вынудило Гюбмайера бежать в Цюрих (декабрь 1525). У него состоялся публичный диспут с Цвингли, который сам прежде склонялся к мнению, что лучше было бы откладывать крещение до сознательного возраста, хотя никогда и не осуждал крещения младенцев. Из-за давления и несогласий Гюбмайер вынужден был отказаться от своих взглядов и был смещен с небольшим выходным пособием. Он отправился в Никольсбург в Моравии, издал ряд книг на немецком языке, используя привезенный с собой из Швейцарии печатный станок, и организовал баптистов-«братьев» в конгрегации. Но, когда Моравия после смерти Людовика Венгерского попала в руки короля Фердинанда Австрийского, Гюбмайер был арестован вместе со своей женой, отвезен в Вену, обвинен в соучастии в Крестьянской войне и сожжен 10 марта 1528 г. Он принял смерть мужественно и спокойно, с благочестивой самоотверженностью. Его жена, поддерживавшая в нем веру, была утоплена в Дунае три дня спустя. Цвингли после ссоры с Гюбмайером неблагоприятно о нем отзывался. Вадриан из

⁸³⁴ См. выше, §45, а также два издания *Taufbüchlein* в Erl. ed., XXII. 157, 291. В обоих изданиях предписывается погружение (*Da nehme er das Kind und tauche es in die Taufe*), и ничего не говорится о других способах. Реформатская церковь возражала против экзорцизма как суеверия. Первая английская литургия Эдуарда VI (который был крещен посредством погружения) предписывает тройное погружение, вторая литургия 1552 г. — также, но здесь (впервые в Англии) разрешено заменять его обливанием, если ребенок слаб.

Сен-Галлена и Буллингер хвалят его за красноречие и ученость, но обвиняют в том, что для него был характерен беспокойный дух новатора. Он защищал принцип сознательной веры, веры как личного выбора, и умер как мученик религиозной свободы. Еретики, утверждал он, — это лишь те, кто в злобе выступает против Священного Писания. Их следует наставлять и убеждать. Обращать в веру силой — значит отрицать Христа, Который пришел, чтобы спасти, а не погубить нас.

За несколько месяцев до смерти Гюбмайера Лютер написал, довольно поспешно, трактат против анабаптистов (в январе или феврале 1528 г.) в форме послания к двум служителям с католической территории, имена которых не названы⁸³⁵. «Я достаточно хорошо знаю, — начинает он, — что Валтасар Гюбмер упоминает, наряду с прочими, мое имя в своей богохульной книге о повторном крещении, как будто бы я придерживался его неразумного мнения. Но меня утешает то, что ни друзья, ни враги не поверят в такую ложь, ибо мои проповеди достаточно доказывают мою веру в крещение младенцев». Лютер выразил свое несогласие с тем, что к анабаптистам относятся столь сурово и жестоко, и заявил, что им следует противостоять только Словом Божьим и доводами, а не огнем и мечом, за исключением тех случаев, когда они проповедают бунт и сопротивление гражданским властям⁸³⁶. В то же время он с неблагородным презрением относился к упорству их мучеников и сравнивал их с иудейскими мучениками при разрушении Иерусалима и с мучениками-донатистами⁸³⁷. По его мнению, паписты справедливо заслужили, чтобы такие дьявольские сектанты одолевали их в наказание за пренебрежение Евангелием. Далее он опровергает возражения против крещения младенцев.

1. *Крещение младенцев неправильно, потому что исходит от папы, который есть антихрист.* Но тогда мы должны отвергнуть Писание и само христианство, потому что они связаны с Римом. Христос нашел много злоупотреблений среди фарисеев, саддукеев и иудейского народа, но Он не отверг Ветхий Завет и велел Своим ученикам соблюдать его учение (Мф. 23:3). Здесь Лютер отдает поразительную дань Римской церкви и говорит: сам тот факт, что папа есть антихрист, проистекает из факта его тирании в храме Божьем, то есть в христианской церкви, а не вне ее⁸³⁸. Этим своим доводом анабаптисты ослабляют дело христианства и обманывают сами себя.

2. *Дети ничего не знают о своем крещении. Им приходится узнавать о нем позже от родителей или крестных.* Но и о своем естественном рождении и о многих других вещах мы узнаем только из свидетельства других людей.

3. *Дети не могут верить.* Лютер отрицал это. Он ссылался на слова Христа, говорившего, что детям принадлежат царство небесное (Мф. 19:14). Также он ссылался на пример Иоанна Крестителя, который уверовал в материнском чреве (Лк. 1:41). Богословы Реформации хотя и признают способность или зародыше-

⁸³⁵ В послании к Шпалатину от 5 февраля 1528 г. он называет этот трактат *epistolam tumultuarie scriptam*. Он упоминает его в нескольких других письмах того же года (III. 250, 253, 263).

⁸³⁶ Этот отрывок цитируется в §11.

⁸³⁷ Послание к Линку от 12 мая 1528 г. (De Wette, III. 311): *Constantiam Anabaptistarum morientium arbitror similem esse illi, qua Augustinus celebrat Donatistas et Iosephus Judaeos in vastata Jerusalem, et multa talia furorem esse Satanae non est dubium, praesertim ubi sic moriuntur cum blasphemia sacramenti. Sancti martyres, ut noster Leonardus Kaiser [лютеранин из Баварии, который был обезглавлен 18 августа 1527 г.] cum timore et humilitate magnaue animi erga hostes lenitatemoriuntur: illi vero quasi hostium taedio et indignatione pertinaciam suam augere, et sic mori videntur.*

⁸³⁸ См. выше, §85.

вую форму веры у младенцев, основывают их крещение на заместительной вере родителей и на благословении завета Авраама, которое распространяется на его потомство (Быт. 17:17). Лютер также упоминает об этом.

4. *Отсутствие заповеди крестить детей.* Но крещение детей входит в заповедь крестить все народы (Мф. 28:19). Анабаптистам следует доказать, что Библия запрещает крещение младенцев, если они хотят упразднить столь древнее и почетное установление всей христианской церкви.

5. Среди прочих доводов Лютер упоминает об аналогии с обрезанием, о том, как относился к детям Христос, и о примерах крещения целых семей — Деян. 2:39; 16:15,33; 1 Кор. 1:16.

Меланхтон цитирует также свидетельства Оригена, Киприана, Златоуста и Августина, чтобы подтвердить апостольское происхождение крещения младенцев.

§103. Спор о евхаристии

- I. Источники (1) лютеранские. LUTHER: *Wider die himmlischen Propheten*, Jan. 1525 (против Карлштадта и энтузиастов). *Dass die Worte, «Das ist mein Leib», noch fest stehen (wider die Schwarmgeister)*, 1527. *Grosses Bekenntniss vom Abendmahl, March*, 1528 (против Цвингли и Эколампадия). *Kurzes Bekenntniss rom heil. Sacrament*, 1544. Все эти трактаты есть в Erl. ed. vols. XXVI. 254; XXIX. 134, 348; XXX. 14, 151; XXXII. 396. WALCH, Vol. XX. 1-2955, приводит евхаристические произведения, за и против Лютера, вместе с их историей.
  - BUGENHAGEN: *Contra novum errorem de sacramento corporis et sanguinis Christi*. 1525. Также на немецком. В WALCH, XX. 641 sqq. BRENTZ and SCHNEPF: *Syngramma Suevicum super verbis coenae Dominicae «Hoc est corpus meum»*, etc., подписано четырнадцать швабскими проповедниками 21 октября 1525 г. Против Эколампадия, см. Walch, XX. 34, 667 sqq.
  - (2) С цвинглианской стороны. ZWINGLI: послание к преподобному Матфею Альберу, 16 ноября 1524 г.; *Commentarius de vera et falsa religione*, 1525; *Amica exegesis, id est, Expositio eucharistiae negotii ad M. Lutherum*, 1526; *Dass diese Worte Jesu Christi: «Das ist myn Lychnam», ewiglich den alten eynigen Sinn haben werden*, 1527; и еще несколько евхаристических трактатов. OECOLAMPADIUS: *De genuina verborum Domini: «Hoc est corpus meum», juxta vetustissimos auctores expositione*, Basel, 1525; *Antisyngramma ad ecclesiastas Suevos* (с двумя проповедями о таинстве), 1526. OECOLAMPADIUS and ZWINGLI: *Ueber Luther's Buch Bekenntniss genannt, zwo Antworten*, 1528. Смотри ZWINGLI: *Opera*, ed. Schuler and Schulthess, vol. II. Part II. 1-223; III. 145; 459 sqq.; 589 sqq.; 604 sqq. Также Walch, vol. XX. Отрывки в Usteri and Vögelin, *M. H. Zwingli's Sämmtl. Schriften im Auszuge*, vol. II. Part I, pp. 3-187.
  - II. Исторические труды о евхаристических спорах в период Реформации: LAVATER (*Historia Sacramentaria*, Tig. 1563); SELNECKER and CHEMNITZ (*Hist. des sacram. Streits*, Leipz., 1583, 1593); HOSPINIAN (*Hist. Sacramentaria*, Tig., 1603, 2 vols.); LÖSCHER (*Hist. Motuum*, in 3 parts, Leipz., 2nd ed., 1723); EBRARD (*Das Dogma vom heil. Abendmahl und seine Geschichte*, 2 vols., 1846); KAHNIS (1851); DIECKHOFF (1854); H. SCHMID (1873).
  - III. Соответствующие разделы общих историй церкви и историй Реформации, особенно SECKENDORF, GIESELER, BAUR, HAGENBACH, MERLE, FISHER. PLANCK, в своей *Geschichte des Protest. Lehrbegriffs* (Leipz., 2nd revised ed., 1792, vol. II, books V-VI), приводит очень полный и точный рассказ об евхаристическом споре, хотя и называет его *die unseligste alter Streitigkeiten* (II. 205).
  - IV. Труды по частным вопросам. DORNER: *Geschichte der protestant. Theologie* (Muenchen, 1867), pp. 296-329. JUL. MUELLER: *Vergleichung der Lehren Luther's und Calvin's ueber das heil. Abendmahl*, в его *Dogmatische Abhandlungen* (Bremen, 1870, pp. 404-467). KÖSTLIN: *Luther's Theologie*, II. 100 sqq., 511 sqq.; *Mart. Luther*, I. 715-725; II. 65-110 (*Luther und Zwingli*); 127 sqq.; 363-369. AUGUST BAUR: *Zwingli's Theologie* (Halle, 1885; второй том еще не вышел).
- Американские труды о евхаристическом споре. J. W. NEVIN (реформат, ум. в 1886): *The Mystical Presence*, Philadelphia, 1846; *Doctrine of the Reformed Church on the Lord's Supper*, в «The Mercersburg Review», 1850, pp. 421-549. Сн. HODGE (пресвитерианин, ум. в 1878): в «The Princeton Review» April, 1848; *Systematic Theology*, New York, 1873, vol. III, 626-677. С. P. KRAUTH (лютеранин, ум. в 1883): *The Conservative Reformation* (Philadelphia, 1872), p. 585 sqq. Н. J. VAN DYKE (кальвинист): *The Lord's Supper*, 2 ст. в «The

Presbyterian Review», New York, 1887, pp. 193, 472 sqq. J. W. RICHARD (лютеранин), в «Bibliotheca Sacra» (Oberlin, O.), Oct. 1887, p. 667 sqq., Jan. 1888, p. 110 sqq.

См. также список литературы в Schaff, *Church Hist.*, I. 471 sq., IV. 543 sq.

Если в вопросе о крещении младенцев все протестанты единым фронтом выступили против анабаптистов, то относительно способа и степени реального присутствия Христа в вечере Господней они не были согласны между собой.

Евхаристические споры XVI века — печальная и прискорбная картина проявления человеческих страстей и насилия. Они весьма повредили распространению Реформации, помешали действовать совместно, помогли врагам и порадовали их. Но со временем споры прекратились и была сформулирована истина, подобно тому как это случилось после яростных споров в древней церкви о Троице, о Христе и о прочих вопросах. Унизительно сознавать, что праздник единения и общения верующих со Христом и друг с другом, величайший акт поклонения, в момент которого человек максимально приближен к небесам, невольно стал поводом для ожесточенных распрей между братьями, исповедующими одну и ту же веру и одинаково преданными Христу и Евангелию. Личность Христа и Его вечера пробуждали в людях сильнейшую любовь — и сильнейшую ненависть. К счастью, практическая польза таинства зависит от Божьего обетования и от простой детской веры во Христа, а не от какой-либо ученой теории — равно как польза Писания не зависит от знания человеком греческого и еврейского языка.

Евхаристия дважды становилась предметом споров в средние века: сначала в IX веке, потом в XI. В обоих случаях речь шла о выборе между грубо реалистическим и духовным пониманием присутствия Христа — Его плоти и крови в таинстве и в дарах. В результате победило римское учение о пресуществлении, за которое выступил Пасхазий Радберт против Ратрамна, а Ланфранк — против Беренгара. В конечном итоге это учение и было санкционировано IV Латеранским собором в 1215 г. и Тридентским собором в 1551 г.⁸³⁹

Греческая и Латинская церкви по сути соглашались в учении о причастии и о мессе, но они не согласны только по поводу использования в обряде пресного или дрожжевого хлеба. Удаление чаши от мирян в Латинской церкви стало причиной кровавых гуситских войн.

Евхаристические споры протестантов приняли иную форму. И та, и другая сторона отвергали пресуществление. Речь шла не о том, превращаются ли чудесным образом хлеб и вино по своей сущности в плоть и кровь Христа. Речь шла, во-первых, о том, каким образом — телесно или только духовно (хотя при этом ничуть не менее реально) — Христос присутствует в природном веществе хлеба и вина; а во-вторых, о том, причащаются ли Христом все участники таинства, принимающие Его через рот, либо же только достойные, на основании своей веры.

Спор состоял из двух частей, в каждой из которой было несколько актов. Сначала он велся между Лютером и Цвингли, потом между лютеранами и филиппистами и кальвинистами. В конце концов теория Лютера победила в лютеранской, а теория Кальвина в реформатской церкви. Протестантские деноминации, которые возникли после Реформации в Англии и Америке, — индепенденты, баптисты, методисты и т. д. — приняли реформатскую точку зрения. Теория Лютера сохранилась в той церкви, которая носит его имя. Но поскольку меланхтоновский и умеренно лютеранский подход очень близки к кальвинистскому, то существуют и кальвинисты, особенно англикане, которые ближе к лютеран-

⁸³⁹ Schaff, *Church History*, vol. IV, 543-572; *Creeds of Christendom*, II 130-139.

скому взгляду, чем к цвинглианскому. Жестокий антагонизм XVI — XVII веков уступил с обеих сторон место более спокойному и милосердному отношению, и это настоящий прогресс.

Сначала мы изучим внешнюю историю спора, а потом представим разные теории с соответствующими доводами.

§104. *Позиция Лютера до спора*

В своем труде о «Вавилонском пленении церкви» (1520) Лютер осудил учение о мессе, пресуществлении и удалении чаши от мирян как оплоты папской тирании. Он никогда не отказывался от этой позиции. В том же труде он понятно излагает свое собственное мнение, которому научился у Пьера д'Альи, кардинала Камбрея⁸⁴⁰, в следующих словах:

Ранее, когда я изучал схоластическое богословие, кардинал Камбрея дал мне повод для размышлений, самым решительным образом доказывая в четвертой книге сентенций, что гораздо более правильно считать, без потребности обременять свою позицию излишним количеством недостоверных чудес, что на алтаре присутствуют настоящий хлеб и настоящее вино, а не только их качества, в то время как церковь решила обратное. Позже, когда я понял, что такое церковь, — в смысле церковь фомистская и аристотелевская, — я стал смелее, и теперь, отвергнув былые сомнения, я могу выразить свое мнение так: *это настоящий хлеб и настоящее вино, в которых реальная плоть и реальная кровь Христа присутствуют не в большей и не в меньшей, а в такой же мере, в какой реальные хлеб и вино присутствуют в своих проявляющихся качествах*⁸⁴¹... Почему Христос не может заключить Свою плоть и в сущности хлеба, а не только в его качествах? Огонь и железо, две разные сущности, смешиваются в раскаленном докрасна железе, так что всё оно — и железо, и огонь. Почему же тогда славная сущность тела Христа не может смешаться с сущностью хлеба?.. Я сильно рад, что, по крайней мере в среде простого народа, сохранилась простая вера в это таинство. Они не понимают и не спорят, когда речь идет о сущности и о качествах, а просто верят, что тело и кровь Христа воистину содержатся в дарах, предлагая обсуждать содержание хлеба и вина тем, кому больше нечем заняться.

В момент своего отхода от католичества он был бы очень рад, как признавался пятью годами позже, убедиться в том, что в вечере Господней нет ничего, кроме хлеба и вина. И его ветхий Адам продолжал склонять его к такому мнению, однако он не осмеливался сомневаться в буквальном значении слов учреждения⁸⁴². В своей книге о «Поклонении таинству» (1523), обращенной к вальденсам

⁸⁴⁰ Петрус де Аллиако (1350 — 1420) был одним из вождей движения за реформу дисциплины во время папского раскола и на соборах в Пизе и Констанце, учителем Жана Жерсона и Николая из Клеманжа. Он описывает свой взгляд на восуществление и пресуществление (напоминающий позицию Оккама) в *Quaestiones super libros Sententiarum* (Argent., 1490), lib. IV, qu. VI. См. Steitz, его научная статья о пресуществлении в Herzog² XV. 831; и Tschackert, *Peter von Ailli*, Gotha, 1877.

⁸⁴¹ *Esse verum panem verumque vinum, in quibus Christi vera caro verusque sanguis non aliter nec minus sit, quam illi sub accidentibus suis ponunt.*

⁸⁴² *Das bekenne ich, — писал он 15 декабря 1524 г. к христианам Страсбурга (De Wette, II. 577), — wo D. Carlstadt oder jemand anders vor fünf Jahren mich hätte mögen berichten, dass im Sacrament nichts denn Brot und Wein wäre, der hätte mir einen grossen Dienst gethan. Ich habe wohl so harte Anfechtungen da erlitten und mich gerungen und gewunden, dass ich gern heraus gewesen wäre, weil ich wohl sah, dass ich damit dem Papstthum hätte den grössten Puff können geben. Ich hab auch zween gehabt, die geschickter davon zu mir geschrieben haben denn D. Carlstadt, und nicht also die Worte gemartert nach eigenem Dünken. Aber ich bin gefangen, kann nicht heraus: der Text ist zu gewaltig da, und will sich mit Worten nicht lassen ans dem Sinn reissen.* Два человека, которых он имеет в виду, — это, по предположению Ульмана, Вессель (или Родий) и Гоний, которые послали Лютеру письмо вместе с книгами Весселя.

Богемии, он отвергает их символическую теорию, как и римское пресуществление, и настаивает на реальном сущностном присутствии плоти и крови Христа в дарах евхаристии. Но к вальденсам Богемии он относится очень по-доброму, несмотря на их предполагаемые заблуждения, и хвалит их за благочестие и дисциплину, которыми они превзошли немцев⁸⁴³.

Его убежденность в реальности присутствия Христа только крепла из-за личных нападок и извращенного толкования Карлштадта. Здесь он выступал за согласие с католиками более упорно, чем раньше выступал против них в тех вопросах, в которых с ними не соглашался. Он отошел от умеренного тона, в котором говорил с богемцами, и стал относиться к своим протестантским оппонентам не менее сурово, чем к папистам. Его особый взгляд на евхаристию стал главным, а может, и единственным серьезным доктринальным разногласием между двумя ответвлениями Реформации, и с тех пор они держались порознь.

§105. Лютер и Карлштадт

Первый внешний импульс, приведший к спору о евхаристии, поступил из Голландии летом 1522 г., когда Генрих Родий привез из Утрехта в Виттенберг сборник сочинений Иоганна Весселя, полученный им от выдающегося голландского юриста Корнелия Гония. Вессель, один из главных предвестников Реформации (ум. в 1489), предложил в трактате *De Coena* символически истолковывать слова учреждения, что, похоже, повлияло на мнения Эразма, Карлштадта и Цвингли⁸⁴⁴.

Но Лютер был так доволен из-за согласия по другим вопросам, что не обратил внимания на разницу мнений. Он славил Весселя как богослова, воистину обученного Богом, одаренного и с возвышенным умом. Он говорил, что настолько согласен с Весселем, что паписты могли бы обвинить его в заимствовании идей, если бы он знал произведения Весселя раньше⁸⁴⁵.

По-настоящему оживленный спор начал Карлштадт, старший коллега и бывший друг Лютера, доставивший ему массу неприятностей, вынудивший его защищаться и развивать консервативные и процерковнические элементы своего богословия⁸⁴⁶. Карлштадт сильно страдал от поражения, которое ему нанесли в 1522 г., и сначала тайно, а потом открыто противостоял Лютеру, считая его своим врагом и причиной всех своих неудач. С самого начала его личная обида

⁸⁴³ В Walch, XIX. 1593 sqq.; Erl. ed., XXVIII. 389 sqq. В начале он пишет: «Мы, немцы, верим, что Христос воистину во плоти и крови присутствует в таинстве, как Он был рожден от Марии и распят на святом кресте». Он отвергает символическое толкование, потому что оно может лишить другие отрывки их значения.

⁸⁴⁴ Ullmann, *Reformatoren vor der Reformation* (1842), vol. II, 560-583. Меланхтон считал, что спор был начат Эразмом. *Tota illa tragoedia περί δειπνου κυριακού ab ipso [Erasmus] nata videri potest*. Послание к Камерарию от 26 июля 1529 г. (*Corpus Ref.*, I. 1083). Цвингли в Марбурге сообщил ему, *se ex Erasmi scriptis primum hausisse opinionem suam de coena Domini* (послание к Аквиле от 12 октября 1529 г., IV. 970). Эразм очень благосклонно отзывался о книге Эколампадия о вечере Господней и принял бы его мнение, если бы оно не угрожало согласию в церкви: *Mihi non displiceret Oecolampadii sententia, nisi obstaret consensus ecclesiae* (послание к Пиркгеймеру, 6 июня 1526 г.).

⁸⁴⁵ Предисловие к *Farrago rerum, theolog.*, Wesselo autore, опубликованному в Виттенберге, 1521 или 1522 г., *Op.*, VII. 493 sqq. См. Ullmann, *l. c.*, p. 564 sq. Но в этом издании, однако, отсутствует трактат *De coena*, доказывающий, что Лютер не во всем соглашался с Весселем.

⁸⁴⁶ См. §66 и 68. Карлштадт — настоящий инициатор евхаристического спора, а не Лютер, как утверждали Госпиниан и Готтингер. Но главными действующими лицами спора стали Лютер и Цвингли. Взгляды Карлштадта забылись, когда появилась швейцарская точка зрения.

примешивалась к разногласиям во взглядах. Вероятно, Лютер был бы более сдержанным, если бы этих осложнений не было.

В 1524 г. Карлштадт выдвинул новое нелепое толкование слов об учреждении вечери (Мф. 26:26 и параллельные места). Он заявил, что греческое слово, которое переведено как «сие» (*τοῦτο*), не может относиться к хлебу, который в греческом языке мужского рода (*ἄρτος*), но должно относиться к телу Христа (*τὸ σῶμα*), на которое Спаситель указал, словно говоря: «Возьмите, ешьте! Вот [это тело] — Мое тело, [которое вскоре будет] преломлено за вас; вот [кровь] — Моя кровь, [которая вскоре будет] пролита за вас». В результате такого понимания речь превращается в тавтологию. В то же время Карлштадт выступил против крещения младенцев и называл свои грубые новшества плодом Божьего вдохновения⁸⁴⁷. После изгнания из Саксонии Карлштадт пропагандировал их, а также ругал Лютера как «двойного паписта» в нескольких публикациях, появившихся в Базеле и Страсбурге⁸⁴⁸. Он вызвал некоторый интерес у швейцарских реформаторов, которые сочувствовали его несчастьям и также выступали против теории телесного присутствия и возможности поедания тела Христа, но совершенно не соглашались с его экзегетикой, его мистицизмом и радикализмом. Капитон и Буцер, реформаторы из Страсбурга, склонялись к швейцарской точке зрения, но сожалели о разногласиях. Они послали диакона с трактатами Карлштадта к Лютеру, чтобы спросить совета.

В убедительном послании от 14 декабря 1524 г. Лютер призвал жителей Страсбурга держаться евангельского учения и предостерег от опасных экстравагантностей Карлштадта. В то же время он составил подробное опровержение взглядов Карлштадта в книге «Против небесных пророков» (декабрь 1524 г. и январь 1525 г., в двух частях). Она написана с большим умением и большой яростью. «Разгорается новая буря, — говорит он. — Доктор Андреас Карлштадт отпал от нас и стал нашим злейшим врагом». Лютер считал, что этот несчастный совершил непростительный грех⁸⁴⁹. Он ярко и красочно описывает дикий и туманный мистицизм и ложное законничество этих самозванных пророков и отстаивает реальное присутствие Христа в евхаристии. Он игнорирует доводы разума, который называет любовницей дьявола. Характерно, что с этого момента Лютер стал меньше ценить значение разума в богословии, хотя весьма свободно и эффективно пользуется им в той же самой книге⁸⁵⁰.

⁸⁴⁷ По этой причине Лютер называл Карлштадта и его последователей энтузиастами и фанатиками, *Schwarmgeister* или *Schwärmer*.

⁸⁴⁸ Его евхаристические трактаты, написанные на грубом и неудобоваримом немецком, опубликованы в Walch, XX. 138-158, 378-409, 2852-2929. См. также vol. XV, 2414-2502. В более ранних евхаристических трудах Карлштадт (1521) решительно отстаивает телесное присутствие Христа в евхаристии и даже поклонение хлебу и вину, потому что они и есть плоть и кровь Христа. Planck (*l. c.*, II. 210 sqq.) подробно описывает его более ранние и более поздние взгляды. См. также M. Göbel, *Carlstadt's Abendmahlslehre* в «Studien und Kritiken», 1842.

⁸⁴⁹ Послание к Брисману от 11 января 1525 г. в De Wette, II. 612.

⁸⁵⁰ Köstlin (*M. L.*, I. 726): *Luther's Widerwille gegen die menschliche Vernunft im Gebiete des Religiösen und Göttlichen wurde, seit er hier [в трудах Карлштадта] sie auftreten sah, noch stärker und heftiger als früher. Früher stellte er hin und wieder noch unbefangen die Berufung auf Schriftbeweise und auf helle, evidente, vernünftige Gründe nebeneinander, indem er durch die einen oder anderen widerlegt zu werden begehrte: so ja auch noch beim Wormser Reichstag; solchen Ausdrücken werden wir fortan nicht leicht mehr begegnen.* О взглядах Лютера на соотношение разума и веры см. выше, §9.

§106. Лютер и Цвингли

Теперь на поле битвы появились два более примечательных оппонента, которые посредством индивидуальных исследований добились гораздо более осмысленного толкования слов учреждения, чем Карлштадт, и подкрепляли свое мнение мощными экзегетическими и разумными аргументами. Цвингли, этот швейцарский Лютер, и Эколампаций, швейцарский Меланхтон, вывели спор на новый, более серьезный этап.

Цвингли узнал о возможности символического толкования (*est = significat*) от Эразма и Весселя через Гония, подобно тому как Лютер получил первое представление о телесном присутствии Христа в неизменяющихся дарах от Пьера д'Альи⁸⁵¹. Он сообщил о своем мнении в конфиденциальном письме на латинском языке от 16 ноября 1524 г. лютеранскому проповеднику Матфею Альберу из Ретлингена, оппоненту Карлштадта, и аргументировал его словами Христа в Ин. 6:63, как исключаящими плотское или материальное поглощение Его плоти и крови⁸⁵².

Несколько месяцев спустя (в марте 1525 г.) Цвингли открыто изложил свое мнение с теми же аргументами в «Комментарии об истинной и ложной вере»⁸⁵³. Это было через три месяца после того, как Лютер выпустил свою книгу против Карлштадта. Цвингли не упоминает Лютера ни в одном из этих двух произведений, но, очевидно, подразумевает именно его. О его взглядах он отзывается почти так же презрительно, как отзывался сам Лютер о взглядах Карлштадта.

В том же году Эколампаций, один из самых ученых и благочестивых людей своего времени, выпустил очень талантливый труд в защиту той же теории, но только он вставляет в оборот сказуемое и объясняет слова учреждения (подобно Тертуллиану), как *hoc est FIGURA corporis mei*. Однако он не ставит акцента на этой разнице, поскольку смысл остается прежним. Эколампаций писал с большой скромностью и умеренностью, а также с ученостью и пронизательностью. Сначала он указывал на свидетельство отцов церкви, особенно Августина, который говорит о духовном причащении Христом в вере. Эразм считал доводы Эколампация достаточно сильными, чтобы обольстить любого избранного⁸⁵⁴.

⁸⁵¹ Утверждение некоторых биографов Цвингли о том, что он уже в Гларе познакомился с произведениями Ратрамна и Виклифа, не доказано. Впервые Цвингли упоминает о своих взглядах в письме к своему учителю Виттенбаху 15 июня 1523 г., но по секрету (*Opera*, VII, 1. 297.). В марте 1525 г. Цвингли опубликовал в Цюрихе послание Гония, который объясняет, что *est* — это эквивалент *significat*, но Цвингли получил это послание в 1521 г. через двух ученых гостей, Родия и Сагара. См. Gieseler, III. 1, 192 sq., note 27 (Germ. ed.); и особенно Ullmann, I. c., II. 569 sq.

⁸⁵² *Opera*, III. 589. Walch приводит перевод на немецкий (XVII. 1881). Planck (II. 261 sqq.) цитирует все важные моменты этого письма.

⁸⁵³ *Opera*, III. 145. Раздел о вечере Господней появился также и в переводе на немецкий. Planck, II. 265 sqq.

⁸⁵⁴ *Ep. ad Budam Episc. Lingonensem*, 2 октября 1525 г. (*Op.*, III. 1, 892): *Exortum est novum dogma, in Eucharistia nihil esse praeter panem et vinum. Id ut sit difficillimum refellere, fecit Io. Oecolampadius qui tot testimoniis, tot argumentis eam opinionem communit, ut sedu ci posse viderantur etiam electi.* Planck (II. 274): *Dass Oecolampad in dieser Schrift die ausgebreitetste Gelehrsamkeit und den blendendsten oder treffendsten Scharfsinn zeigte, dies haben selbst seine parteyischsten Gegner niemals geläugnet; aber sie hätten wohl auch gestehen dürfen, dass er die anständigste Bescheidenheit, die würdigste Mässigung und gewiss auch die redlichste Wahrheitsliebe darin gezeigt habe.* Доктор Баур также в своей *Kirchengesch.* (IV. 90) очень благосклонно отзывается о книге Эколампация и приводит ее краткое содержание. Среди современных историков церкви Баур и Гизелер явно выдают свои симпатии к швейцарской стороне, так же как и Планк, хотя все они — немцы из лютеранских семей.

Лютеране без промедления ответили швейцарцам.

Бугенгаген, хороший пастор, но плохой богослов, опубликовал послание к Гессу из Бреслау против Цвингли⁸⁵⁵. Он заявляет, что если глагол-связку в словах учреждения надо понимать в переносном смысле, то его надо понимать так всегда; то есть, например, фразу «Петр есть человек» следует понимать как «Петр символизирует человека»⁸⁵⁶. Он также ссылается на 1 Кор. 11:27, где Павел говорит, что недостойные причащающиеся виновны перед плотью и кровью Христа, а не перед хлебом и вином. Цвингли легко мог опровергнуть слова такого оппонента⁸⁵⁷.

Несколько швабских проповедников под руководством Бренция из Галла ответили Эколампадию, который (сам будучи по рождению швабом) посвятил им свою книгу с просьбой изучить ее и написать на нее отзыв. Их *Syngramma Suevicum* гораздо сильнее, чем послание Бугенгагена. Они высказывают оригинальное мнение о том, что слово Христа имело силу превратить хлеб и вино в саму плоть и кровь Христа, подобно тому как слово Моисея придало медному змею целительную силу; и что слова Христа «Мир вам» наделяют миром, а слова «Да простятся тебе грехи» даруют прощение. Но, отрицая тот факт, что тело Христово преломляется руками и пережевывается с помощью зубов, они невольно приближаются к швейцарскому мнению о чисто духовном принятии причастия. Эколампаций доказал их непоследовательность в своей *Anti-syngramma* (1526)⁸⁵⁸. Пиркгеймер из Нюрнберга и Биллик из Нордлингена также писали против Эколампадия, но не добавили ничего нового.

Спор достиг апогея в 1527 и 1528 г., когда Цвингли и Лютер вступили в непосредственный конфликт. Цвингли опроверг мнение Лютера решительно, но с уважением (*fortiter in re, suaviter in modo*) в на книге на латинском языке под мирным заглавием «Дружеская экзегетика» и послал ее экземпляр Лютеру с письмом 1 апреля 1527 г.⁸⁵⁹ Лютер, почти в то же самое время (в начале 1527), но совершенно в ином тоне, выступил против Цвингли и Эколампадия с книгой на немецком языке под заглавием «Твердо держитесь слов Христа: “Сие есть тело Мое”. Против фанатиков (*Schwarmgeister*)»⁸⁶⁰. Он заявляет, что взгляды швей-

⁸⁵⁵ В немецком переводе — Walch, XX. 641.

⁸⁵⁶ Лютер уже пользовался этим неубедительным доводом в своем обращении к богемцам (1523), где он пишет (Erl. ed., XXVIII. 393 sq.): *Wo man Solchen Frevel an einem Ort zuliesse, dass man ohn Grund der Schrift möcht sagen, das Wörtlin 'Ist' heisst so viel als das Wörtlin 'Bedeut', so könnnt mans auch an keinem andern Ort wehren, und würde die ganze Schrift zunichte; sintemal keine Ursach wäre, warum solcher Frevel an einem Ort gülte, und nicht an alten Oertern. So möcht man denn sagen, dass Maria ist Jungfrau und Mutter Gottes, sei so viel gesagt, Maria bedeut eine Jungfrau und Gottes Mutter. Item, Christus ist Gott und Mensch, das ist, Christus bedeut Gott und Mensch. Item, Rom. 1:16, Das Evangelium ist Gottes Kraft, das ist, das Evangelium bedeut Gottes Kraft. Siehe, welch ein greulich Wesen wollt hieraus werden.*

⁸⁵⁷ Он сделал это в *Responsio ad Bugenagii Epistolam*, 1525. Opera, III. 604-614. На немецком — Walch, XX. 648.

⁸⁵⁸ Walch, XX. 667; Planck, II. 281-311. Кестлин и Дорнер говорят, что *Syngramma* — вещь, скорее, кальвинистическая, чем лютеранская.

⁸⁵⁹ Даже Лёшер признает, что в этой книге Цвингли отнесся к Лютеру с большим уважением. См. Planck, II. 470 sq.; Köstlin, II. 94 sqq.

⁸⁶⁰ Он сообщил Штифелю 1 января 1527 г. (De Wette, III. 148), что пишет книгу против *sacramentarii turbatores*. 21 марта 1527 г. (III. 165) он писал проповеднику Урсину, что закончил ее, и предостерегал его избегать *Zwingliana et Oecolampadia sententia* как самой чумы, ибо это *blasphemia in Christi verbum et fidem*. Этот труд был переведен на немецкий М. Юдексом. Заключительные отрывки, в которых автор упрекает Буцера в том, что тот сопровождал перевод *Kirchenpostille* Лютера и комментарий Бугенгагена на Псалтирь цвинглианскими примечани-

царцев исходят прямо от дьявола. «Разве не правда, — начинает он, — что дьявол изобретателен?»⁸⁶¹ Доказательство этого — уже то, как он правит этим миром с помощью телесных похотей, хитростей, грехов, убийства, пагубы и т. д., но особенно и превыше всего это видно в духовных и внешних вещах, которые бросают вызов Божьему достоинству и вредят нашей совести. Как же он все извращает, и искажает, и ставит всяческие препятствия на пути, чтобы помешать людям спастись и пребывать в христианской истине!» Далее Лютер проследживает уловки дьявола в первых искажениях Евангелия еретиками, папами и соборами вплоть до Карлштадта и цвинглианцев и упоминает дьявола на каждой странице. Такой стиль полемики характерен для его книг против сакраментариев и папистов. Все зло этого мира он считал исходящим от князя зла. Он верил в присутствие и власть дьявола ничуть не меньше, чем в вездесущие Бога и в вездесущие тела Христова.

Лютер подробно рассказывает о значении слов учреждения: «Сие есть тело Мое». Они должны восприниматься буквально, если не будет доказано обратное. Каждый отход от буквального значения — уловка сатаны, который в своих гордости и коварстве хочет лишить людей уважения к Слову Божьему и благам от таинства. Он много говорит о несогласии с ним оппонентов и возвращается к этой теме вновь и вновь, как будто само такое повторение является доводом против них. Карлштадт искажает смысл слова «сие» в священном тексте, Цвингли искажает смысл слова «есть», а Эколампадий — смысл слова «тело»⁸⁶²; остальные же терзают и уничтожают весь текст целиком. И все они уничтожают таинство. Он не допускает переносного значения даже в таких местах, как 1 Кор. 10:4; Ин. 15:1; Быт. 41:26; Исх. 12:11,12. Когда Павел пишет, что Христос — это камень, он имеет в виду воистину *духовный* камень. Когда Христос говорит, что Он есть лоза, Он имеет в виду настоящую *духовную* лозу. — Но что это, если не еще одна форма символического истолкования?

Большая часть книги посвящена доказательству вездесущия тела Христова. Лютер объясняет, что пребывание «одесную Бога» указывает на Его всемогущество. Но здесь уже он сам толкует текст символически. Он высмеивает детское представление (которое приписывает своим оппонентам, хотя они такого не говорили), будто Христос в буквальном смысле сидит, не сходя с места, на золотом престоле на небесах с золотым венцом на голове⁸⁶³. Он не отрицает реальность вознесения Христа, которое предполагает Его телесный уход с земли. В данном случае буквальное и фигуральное толкование странным образом переплетены. Но он, опираясь на слияние божественной и человеческой природ Христа в одной личности, весьма решительно настаивает на возможности реального присутст-

ями, опущен в виттенбергском издании трудов Лютера (1548). Амсдорф жаловался на это опущение, в котором некоторые считают виновным Меланхтона, а некоторые — Рёпера, корректора типографии Луфта. См. Walch, XX. 53, и Erl. ed., XXX. 15.

⁸⁶¹ *Ein Tausendkünstler*, «обманщик, способный на массу уловок».

⁸⁶² Он придумывает новые названия для трех этих группировок: *Tutisten*, *Tropisten*, *Deutisten* (Erl. ed. XXX. 336).

⁸⁶³ *Wie man den Kindern pflegt fürzubilden einen Gaukelhimmel, darin ein gülden Stuhl stehe und Christus neben dem Vater sitze in einer Chorkappen und gülden Krone, gleichwie es die Mäler malen. Denn wo sie nicht solche kindische, fleischliche Gedanken hätten von der rechten Hand Gottes, würden sie freilich sich nicht so lassen anfechten den Leib Christi im Abendmahl, oder sich bläün mit dem Spruch Augustini (welchem sie doch sonst nichts gläuben noch keinem andern), Christus muss an einem Ort leiblichsein, aber seine Wahrheit [Gottheit?] is allenthalben* (Erl. ed. XXX. 56).

вия. Однако он заблуждается, путая реальное с телесным. Он забывает о том, что духовное еще более реально, чем телесное, и что телесное — ничто без духовного.

Ницш и Кёстлин правы, когда говорят, что и Цвингли, и Лютер «приписывают прославленному телу Христа на небесах качества, о которых мы ничего не можем знать; один говорит о пространственном расположении этого тела на небесах, а другой — о его божественном вездесущии на земле»⁸⁶⁴. Мы добавили бы здесь, что представление реформаторов о расположении небес было несовместимо с системой Коперника. Теперь мы уже понимаем, что небеса могут быть очень близки к нам — они не только над нами, но и вокруг нас.

Цвингли ответил Лютеру без промедления в подробном трактате, также на немецком (но на швейцарском диалекте) и под похожим заглавием («Слова “Сие есть тело Мое” сохраняют свой прежний и единственно возможный смысл», и т. д.)⁸⁶⁵. Трактат адресован курфюрсту Иоганну Саксонскому и датирован 20 июня 1527 г. Цвингли шаг за шагом отвечает Лютеру на все его доводы, отстаивает символическое толкование слов учреждения на основании многих параллельных мест (Быт. 41:26; Исх. 12:11; Гал. 4:24; Мф. 11:14; 1 Кор. 10:4 и т. д.), а также обсуждает отношения между двумя природами Христа.

Он отказывается от возможности буквально понимать пребывание одесную Бога и говорит: «Мы давно знаем, что Божье могущество повсюду, что Он — само Бытие, что Он вездесущ. Мы знаем, что где Христос, там и Бог, и где Бог, там и Христос. Но мы разграничиваем две природы, личность Христа и тело Христа». Он обвиняет Лютера в том, что тот путает одно с другим. Качества безграничного Бога неприменимы к природе человека, разве что за счет подмены, которая в риторике называется *allaeosis*. Вездесущие тела Христова — это противоречие. Христос действительно повсюду, но Его тело не может быть повсюду, не перестав быть телом в буквальном смысле слова.

Эта книга Цвингли гораздо более резкая, чем его предыдущие произведения на данную тему. Он воздерживается от оскорблений и говорит, что все противоречия должно разрешить Слово Божье, а не оскорбительные термины, такие как «фанатик», «дьявол», «убийца», «еретик», «лицемер», которыми столь свободно пользуется Лютер⁸⁶⁶. Но и он со своими друзьями несправедливо обзывал лютеран «капернаитами», «пожирателями плоти», «кровопийцами», а используемый ими на причастии хлеб — «запечённым Богом»⁸⁶⁷. Кроме того, Цвингли пишет здесь провокационным тоном превосходства, который должен был задеть Лютера за живое. Посмотрите на первую фразу: «Мартину Лютеру Гульдрих Цвингли, с пожеланием благодати и мира Божьего в Иисусе Христе, живом Сыне Бога, Который ради нашего спасения принял смерть, а потом покинул сей мир в Своем теле и вознесся на небеса, где сидит одесную Бога, пока не вернется в последний

⁸⁶⁴ Köstlin, *M. Luther*, II, 96, 642; *Luthers Theologie*, II, 172 sqq.

⁸⁶⁵ *Werke*, vol. II, part II, 16-93. Позже трактат был переведен на латынь Гвалтером (*Opera Lat.* II, 374-416).

⁸⁶⁶ *Es wirt hie Gottes Wort Oberhand gwinnen, nit 'Schwärmer, Tüfel, Schalk, Ketzler, Mörder, Ufrührer, Glychsner [Gleissner] oder Hühler, trotz, potz, plotz, blitz, donder [Donner], Po, pu, pa, plump,' und derglychen Schelt-, Schmütz-, und Schänzelwort (Werke, II, part II, 29).*

⁸⁶⁷ *Fleischfresser, Blutsäufer, Anthropophagos, Capernaiten, brödern Gott, gebratener Gott.* Лютер с возмущением протестует против этих эпитетов в своем «Кратком вероисповедании»: *als wären wir solche tolle, unsinnige, rasende Leute, die Christum im Sacrament localiter hielten, und stückweise zerfrässen, wie der Wolf ein Schaaf, und Blut söffen, wie eine Kuh das Wasser.* И тут же платит оппонентам той же монетой, называя их *Brotfresser, Weinsäufer, Seelenfresser, Seelenmörder, eingeteufelt, durchteufelt, überteufelt* (Erl. ed., XXXII, 402-404).

день, по Его собственному слову, да познает он, что Иисус пребывает в наших сердцах верой (Еф. 3:17), а не путем принятия через рот, как можно было бы учить, если бы не было Слова Божьего». В конце он говорит, ссылаясь на критику Лютером Буцера: «Христос учит нас воздавать добром за зло. Антихрист — наоборот, и вы последовали за ним, оскорбив благочестивого и ученого Буцера, который перевел и распространял ваши книги... Дорогой Лютер, я смиренно прошу вас не быть таким злобным в этом вопросе. Если вы принадлежите Христу, то мы тоже. Нам подобает опираться на Слово Божье и владеть собой. Мы не должны выступать против Бога и прикрывать свои ошибки Его Словом. Да дарует вам Бог познание истины и себя, чтобы вы могли оставаться Лютером и не превращаться в *λοῦτρον*⁸⁶⁸. Истина восторжествует. Аминь».

Эколампадий также написал книгу в самозащиту⁸⁶⁹.

В марте 1528 г. Лютер выступил со своим *Большим «Исповеданием о вечере Господней»*, которое, как он считал, станет последним словом в этом споре⁸⁷⁰. Это его самый подробный трактат о евхаристии, сильный и глубокий, но полный гнева. Он опять начинает с дьявола и радуется тому, что вызвал его ярость, защищая святое таинство. Он сравнивает труды своих оппонентов с ядом гадушки. Он говорит, что не будет больше тратить бумагу, отвечая на их безумную ложь и чепуху, чтобы не злить дьявола еще сильнее. Да обратит их милостивый Бог и да избавит их от уз сатаны! Я ничего больше не могу сделать. После первого и второго увещевания от еретика следует отвращаться (Тит. 3:10). Однако далее он приступает к подробному опровержению этой теории дьявола и его фанатиков.

«Исповедание» делится на три части. Первая — опровержение взглядов Цвингли и Эколампадия, вторая — объяснение мест, в которых говорится о вечере Господней, и третья — формулировка догматов веры против старых и новых ересей.

Лютер уделяет много внимания защите вездесущия тела Христова, которую основывает на единстве двух природ. Он призывает на помощь схоластическое разграничение между тремя способами присутствия: пространственным, безусловным и избыточным⁸⁷¹. Он называет *allaeosis* Цвингли «маской дьявола». Он завершает труд словами: «Такова моя вера, вера всех истинных христиан, которой учит Святое Писание. Я прошу всех благочестивых свидетельствовать об этом и молиться обо мне, чтобы я стоял в вере до конца. Ибо — да не допустит такого Бог! — если я под действием искушения или перед лицом смерти буду

⁸⁶⁸ Помойную воду.

⁸⁶⁹ *Secunda, justa et aequa responsio ad Mart. Lutherum*. Эта книга упоминается у Госпиниана, но, должно быть, очень редка, так как ни Лёшер, ни Уолш, ни Планк не видели ее.

⁸⁷⁰ «Большим» оно было названо позже, чтобы отличать его от «малого» исповедания, опубликованного шестнадцать лет спустя (1544). Erl. ed. XXX. 151-373; Walch, XX. 11 18 sqq. В письме от 28 марта 1528 г. (De Wette, III. 296) он сообщает Линку, что послал копии своего «Исповедания» через Иоганна Гофманна в Нюрнберг, и со своим обычным презрением отзывается о сакраментариях. *Zwingel*, — пишет он, — *est tam rudis, ut asino queat comparari*.

⁸⁷¹ *Es sind dreierlei Weise an einem Ort zu sein, localiter oder circumscriptive, definitive, repletive*. Он объясняет это подробно (XXX. 207 sqq., Erl. ed.). Пространственное присутствие — это присутствие вина в бочонке, когда тело заполняет пространство. Безусловное присутствие непостижимо, как присутствие ангела или беса в доме или в человеке или как выход Христа из могилы и Его проход сквозь закрытую дверь. Избыточное присутствие — это сверхъестественное вездесущие Бога, который заполняет все пространство и ничем не ограничивается. Когда Христос ходил по земле, Он присутствовал локально. После воскресения Он явился ученикам безусловно и непостижимо. После вознесения одесную Бога Он находится повсюду в силу нерасторжимого единства Его человеческой и божественной природ.

говорить иначе, это следует посчитать лишь дьявольским наваждением⁸⁷². Итак да поможет мне Господь и Спаситель Иисус Христос, благословенный веками. Аминь».

Цвингли и Эколампаций написали два длинных ответа на «Исповедание» по просьбе страсбургских богословов, но не добавили в них ничего нового⁸⁷³.

Этот ожесточенный спор пришелся на очень трудный период жизни Лютера, когда он сильно страдал от физической болезни и депрессии, а в Виттенберге свирепствовала чума (1527), вызвавшая временный переезд университета в Йену. Лютер, несмотря на опасность, оставался в городе, избежал смерти и относительно восстановил силы, но прежняя радость, добродушие и доброжелательность к нему уже не вернулись.

§107. Марбургская встреча, 1520

- I. Рассказы современников. 1) Лютеранские. Упоминания Лютера о Марбургской встрече в Erl. ed. XXXII. 398, 403, 408; XXXVI. 320 sqq. (его доклад с кафедры); LIV. 286; 83, 107 sq., 153; LV. 88. Послания Лютера к его жене, Филиппу Гессенскому, Гербелю, Агриколе, Амсдорфу, Линку и Пробсту от октября 1529 г. и более позднего периода, в De Wette, III. 508 sqq; IV. 26 sq. Доклады Меланхтона, Ионаса, Бренция и Озиандера, в «Corpus Reform.», I. 1098, 1102 (Меланхтона на немецком); 1095 (Юста Ионаса), XXVI. 115; Seckendorf, II. 136; Walch, XVII. 2352-2379; Scultetus, *Annal. evang.*, p. 215 sqq.; Riederer, *Nachrichten*, etc., II. 109 sqq.
- 2) Реформатские (швейцарские и страсбургские) доклады Коллена, Цвингли, Эколампация собраны в Zwingli, *Opera*, ed. Schuler and Schulthess, vol. IV, 173-204, и Hospinian, *Hist. Sacram.*, II. 74 sqq., 123 sqq. Bullinger: *Reformationsgesch.*, II. 223 sqq. Доклады Буцера и Гедиона используются в Baum, *Capito und Butzer* (Elberf. 1860), p. 453 sqq., и Erichson (см. ниже). Рукопись путевых заметок Капитона в 1870 г. сгорела вместе с библиотекой протестантской семинарии Страсбурга, но профессор Баум успел сделать копию.
- II. Марбургские статьи в Walch, XVII. 2357 sqq.; Erl. ed., LXV. 88 sqq.; «Corp. Reform.», XXVI. 121-128; Н. НЕРРЕ: *Die 15 Marburger Artikel vom 3 Oct., 1529, nach dem wieder aufgefundenen Autographon der Reformatoren als Facsimile veröffentlicht*, Kassel, 1847, 2^d ed. 1854 (из архивов Касселя); другое издание — по рукописи из Цюриха, J. M. USTERI в «Studien und Kritiken», 1883, No. II, p. 400-413 (с факсимиле). Список более древних изданий см. в «Corp. Reform.», XXVI. 113-118.
- III. L. J. K. SCHMITT: *Das Religionsgespräch zu Marburg im J. 1529*, Marb. 1840. J. KRADOLFER: *Das Marb. Religionsgespräch im J. 1529*, Berlin, 1871. SCHIRRMACHER: *Briefe und Akten zur Geschichte des Religionsgesprächs zu Marburg 1529 und des Reichstags zu Augsburg 1530 nach der Handschrift des Aurifaber*, Gotha, 1876. M. LENZ: *Zwingli und Landgraf Philipp*, три статьи в Brieger, «Zeitschrift für K. Gesch.», 1879 (pp. 28, 220, 429). OSWALD SCHMIDT: в Herzog², IX. (1881), 270-275. A. ERICHSON: *Das Marburger Religionsgespräch i. J. 1529, nach ungedruckten strassburger Urkunden*, Strassb. 1880. (Основано на неопубликованном *Itinerarium ab Argentina Marpurgum super negotio Eucharistiae* Гедиона). FRANK H. FOSTER: *The Historical Significance of the Marburg Colloquy, and its Bearing upon the New Departure* (из Андовера), в «Bibliotheca Sacra», Oberlin, Ohio, April, 1887, p. 363-369.
- IV. См. также соответствующие разделы в HOSPINIAN, LÖSCHER (*Historia Motuum*, I. 143 sqq.), PLANCK (II. 515 sqq.), MARNEINEKE, HAGENBACH, ROMMEL (*Phil. der Grossmuethige*, I. 247 sqq., II. 219 sqq.), HASSENCAMP (*Hessische K. G.*, II.), MERLE D'AUBIGNÉ (bk. VIII, ch. VII.), EBRARD (*Das Dogma vom heil. Abendmahl*, II. 268 sqq.) и в биографиях Лютера, например, KÖSTLIN: *M. Luth.* II. 127 sqq. (краткая биография, E. V., p. 391 sqq.), и Цвингли, например, CHRISTOFFEL и MÖRIKOFER. См. также RANKE, III. 116 sqq.; JANSSEN, III. 149-154.

⁸⁷² Цвингли едко заметил, что Лютер заканчивает эту книгу упоминанием о дьяволе, с которого начал предыдущую книгу.

⁸⁷³ Ответ Цвингли на немецком языке напечатан в *Werke*, II, part II, 94-223; на латыни — в *Opera*, II. 416-521. Ответ Эколампация — в Walch, XX. 1725 sqq.

Евхаристический спор подорвал политическую власть протестантизма и укрепил римскую партию, которая одержала решающую победу на Шпейерском рейхстаге в апреле 1529 г.

В этой критической ситуации курфюрст Саксонии и ландграф Гессенский заключили в Шпейере «тайное соглашение» с городами Нюрнбергом, Ульмом, Страсбургом и Сен-Галленом, обещая друг другу защиту (22 апреля 1529 г.). Страсбург и Сен-Галлен были на стороне Цюриха в евхаристическом споре.

Летом ситуация стала еще более угрожающей. Император заключил мир с папой (29 июня) и с Францией (19 июля), обещав своим союзникам искоренить новую опасную ересь. Он отправился в Аугсбург, где должна была решиться судьба протестантизма. Но, хотя народы Европы старались освободиться от власти церкви и клира, религиозный элемент был более мощным — иерархический в Римской церкви и евангельский — в протестантской. И этот элемент взял верх над политическим. Таков характер XVI века: это был все еще век церкви и богословия.

Лютер и Меланхтон не хотели идти на союз с цвинглианцами. Им не хотелось жертвовать даже какой-то частицей своего символа веры ради политических привилегий. Они были уверены, что в конечном итоге истина победит и без мирской помощи. Их отношение к проблеме было недалековидным и неполитичным, но возвышенным с моральной точки зрения. В послании к курфюрсту Иоганну от 6 марта 1530 г. Лютер отрицал право сопротивления императору, даже если он неправ и выступает силой против Евангелия. «Согласно Писанию, — говорит он, — христианин не должен сопротивляться властям, правы они или нет, но призван страдать от насилия и несправедливости, а тем более со стороны властей»⁸⁷⁴.

Услышав о шпейерском соглашении, Лютер убеждал курфюрста отменить его. «Как можем мы объединяться с людьми, которые борются против Бога и Его таинств? Это путь гибели для тела и души». Меланхтон советовал своим друзьям в Нюрнберге не идти на союз, «чтобы никто не защищал нечестивое мнение Цвингли». И соглашение ни к чему не привело.

Филипп Гессенский держался особняком. Он с энтузиазмом отнесся к союзу, потому что отчасти симпатизировал цвинглианской теории и считал весь спор чисто словесным поединком. Он надеялся, что личная встреча вождей-богословов приведет к согласию.

Посоветовавшись с Меланхтоном лично в Шпейере, а с Цвингли — письменно, в послании, ландграф выслал реформаторам формальные приглашения явиться в Марбург и предложил им безопасный проезд по своей территории⁸⁷⁵.

Цвингли принял приглашение с радостью и надеялся на лучшее. Власти Цюриха были против его отъезда, но он решил рискнуть и пуститься в долгое путешествие по враждебной территории. Он выехал ночью 3 сентября, не дожидаясь охранной грамоты ландграфа и даже не сообщив жене, что едет куда-то дальше Базеля. В сопровождении единственного друга, профессора греческого языка Коллена, он благополучно достиг Базеля верхом и 6 сентября отплыл вместе с Эколампанием и несколькими торговцами по Рейну в Страсбург, куда они прибыли через тринадцать часов. Реформаторы поселились в доме Матфея Целла, проповедника собора. Им гостеприимно прислуживала его жена Катарина, которая готовила пищу, накрывала на стол и беседовала с ними о богословии так

⁸⁷⁴ De Wette, III. 560.

⁸⁷⁵ Приглашения есть в *Monumenta Hassiaca*, tom. III, и Neudecker, *Urkunden*, p. 95.

умно, что превосходила многих докторов. Она часто рассказывала в последующие годы с радостью и гордостью, сколь смиренно прислуживала этим выдающимся людям. Они оставались в Страсбурге одиннадцать дней, беседовали со служителями и магистратом. Цвингли проповедовал в воскресенье 12 сентября утром о нашем познании истины и о нашей обязанности повиноваться ей. Эколампаций проповедовал днем о новом творении во Христе и о вере, действующей любовью (Гал. 5:6). 19 сентября в шесть часов утра они отправились в путь вместе со страсбургскими делегатами — Буцером, Гедионом и Якобом Штурмом, уважаемым главой городского магистрата, под защитой пяти солдат. Верхом они ехали по холмам и долинам, по лесам и тайным тропам. На гессенской границе их встретило сорок всадников, и 27 сентября в четыре часа дня они прибыли в Марбург, где ландграф сердечно встретил их лично⁸⁷⁶. (Сегодня такое путешествие можно проделать за несколько часов.) В последующие дни они читали проповеди.

У Цвингли и Филиппа Гессенского были замыслы как богословские, так и политические. Цвингли, который был не только реформатором, но и политиком, строил в то время далеко идущие политические планы, действуя в интересах религии. Он нацелился на протестантский альянс между Цюрихом, Гессеном, Страсбургом, Францией, Венецией и Данией против Римской империи и дома Габсбургов. Он верил в сильное и воинствующее христианство, старался предупредить нападения врага и быть полностью готовым к нему. Пылкий и полный энтузиазма молодой ландграф поддерживал эти планы, которые вторили его амбициям, и обсуждал их с Цвингли, вероятно, уже в Марбурге, а потом в конфиденциальной переписке, пока катастрофа в Каппеле не положила конец и письмам, и планам⁸⁷⁷.

Виттенбержцы, как мы уже замечали, не имели ничего общего с политическими союзами, если это не был союз против иноземных врагов. Они были монархистами и империалистами, верными Карлу V, князю «благородной крови», как называл его Лютер. Они боялись, что союз со швейцарцами еще больше настроит его против Реформации и уничтожит надежду на примирение. В том же году Лютер написал два сильных труда (один из них был посвящен Филиппу Гессенскому) против турок, в которых, как христианин, гражданин и патриот, он призывал немецких князей помогать императору в защите родины от этих захватчиков, которых он считал Гогом и Магогом из пророчества и орудиями Божьего гнева для наказания развращенных христиан⁸⁷⁸. У него были и религиозные причины отказываться от союза. Он осуждал швейцарских богословов как опасных еретиков и не хотел вести с ними переговоры, разве что при условии абсо-

⁸⁷⁶ Гедион в своем путевом дневнике указывает 27-е как дату прибытия, и с этим соглашаются Баум, Эриксон и Кёстлин. Хотя обычно считается, что это было 29-е.

⁸⁷⁷ Сохранилось десять писем от ландграфа к Цвингли и три от Цвингли к ландграфу, к которым следует прибавить четыре письма от герцога Ульриха Вюртембергского к Цвингли. Они опубликованы в Kuchenbecker, *Monumenta Hassiaca*, в Neudecker, *Urkunden aus der Reformationzeit*, и в Zwingli, *Opera*, vol. VIII, а также объяснены Максом Ленцем в трех его статьях, которые упоминаются в списке литературы. Переписка началась во время Второго Шпейерского рейхстага, 22 апреля 1529 г. (дата первого послания Филиппа) и закончилась 30 сентября 1531 г. (дата последнего послания Филиппа), за одиннадцать дней до смерти Цвингли. В письмах ландграфа, до Марбургской встречи, говорится о религии, а после встречи — в основном о политике, и они строго конфиденциальны. Князь называет богослова «дорогой учитель Ульрих», «дорогой Цвингли» и т. п.

⁸⁷⁸ *Vom Kriege wider die Türken*, April 1529, и *Heerpredigt wider den Türken*, опубликованы в конце 1529 г., второе издание — в январе 1530 г. (Erl. ed., XXXI. 31 sqq., 80 sqq.).

лютного согласия с их стороны, чего невозможно было ждать от людей честных и сознательно убежденных.

Поэтому виттенбержцы приняли приглашение на встречу с недоверием и не хотели туда ехать. Лютер заявил, что любые переговоры бесполезны, потому что он не уступит оппонентам ни пяди богословской земли. Меланхтон даже предложил курфюрсту запретить им ехать туда. Причем они всерьез считали, что в качестве судей по вопросу реального присутствия Христа на причастии следует пригласить «уважаемых папистов»! Но курфюрст не хотел сердить ландграфа и велел реформаторам ехать. Когда они приблизились к гессенской границе, Лютер заявил, что он не пересечет ее без охранной грамоты от ландграфа (которая прибыла в должное время). Они приехали в Марбург в последний день сентября, через три дня после швейцарцев.

Как отличаются друг от друга эти три публичных появления Лютера! Во время лейпцигского диспута с Экком он боролся во мраке ради освобождения от уз папства. В Вормсе он предстал перед императором с непоколебимой смелостью, как героический свидетель свободы совести. А в Марбург он приехал неохотно, в разгар своих трудов, в плохом настроении, жестко придерживаясь своих убеждений, властный и непреклонный перед лицом швейцарских реформаторов, которые были такими же честными и искренними, как он, но более свободными и готовыми к примирению. В Лейпциге он протестовал как католик против непогрешимости папы и собора, в Вормсе — против папской тирании над Библией и частным суждением, а в Марбурге — как консерватор против собратьев-протестантов, поддерживая католическую веру в таинство⁸⁷⁹. Во всех случаях он был одинаково честен, тверд и непоколебим, верен своим словам в Вормсе: «На том стою и не могу иначе». Поведение двух сторон на этой встрече типично для двух конфессий, которые позже примерно так же относились друг к другу.

Приезжие остановились в гостинице, но потом были приглашены в замок и принимались ландграфом с княжеским гостеприимством.

Реформаторы встретились с лютеранами, но встреча была холодной. Лютер сказал доброе слово Эколампадию, но, увидев своего друга Буцера, который теперь был на стороне Цвингли, он пожал ему руку и сказал, с улыбкой грозя ему пальцем: «Негодный из тебя приятель!»⁸⁸⁰.

В романтическом старинном замке Марбурга, возвышающемся над городом и прекрасной и плодородной долиной Лан, в первые три дня октября и состоялась знаменитая встреча. Это был первый собор протестантов и первая попытка объединить их. Он привлек всеобщее внимание и обещал стать великим историческим событием⁸⁸¹. Эвриций Корд, профессор медицины из Марбурга, в поэме на латинском языке обратился к «проницательному Лютеру, мягкому Эколампадию, великодушному Цвингли, красноречивому Меланхтону, благочестивому Шнепфу, смелому Буцеру, чистосердечному Гедиону» и другим богословам, которые собрались в Марбурге с целью покончить с расколом. «Церковь, — пишет он, — со слезами падает к вашим ногам и молит вас, милостью Христовой, рассматривать вопрос, искренне желая блага верующим, и прийти к такому решению, чтобы мир мог сказать: оно исходит от Святого Духа». Трогательна молит-

⁸⁷⁹ Р. Рот даже называет Лютера старокатоликом, а не современным протестантом, хотя он и был величайшим из реформаторов и пророком (*Kirchengesch.* II. 334).

⁸⁸⁰ *Du bist ein Schalk und ein Nebler*. Меланхтон приветствовал Гедиона на латыни: «Рад вас видеть. Вы Гедион» (Baum, p. 459. Erichson, p. 16).

⁸⁸¹ *Die Versammlung*, — пишет Ranke (III. 122), — *hatte etwas Erhabenes, Weltbedeutendes*.

ва, с которой Цвингли открыл встречу: «О Господь и Отец всего сущего, молим Тебя, исполни нас Своим кротким Духом, изгони с обеих сторон тучи непонимания и страстей. Да закончится слепая яростная борьба! Да взойдет, о Христос, Твое солнце правды и да озарит нас! Увы, пока мы ссоримся, мы слишком часто забываем о святости, которой Ты ждешь от всех нас. Убереги нас от злоупотребления нашей властью и помоги использовать ее справедливо, ради распространения святости».

§108. Марбургская встреча: обсуждение и итоги

Работа началась в пятницу 1 октября с богослужения в замковой часовне. Цвингли произнес проповедь о Божьем провидении, из которой позже вырос его важный трактат *De Providentia*. Проповедь была предназначена скорее ученым, чем народу. Лютеру не понравилось, что с кафедры произносились еврейские, греческие и латинские слова. Лютер, Буцер и Озиандер произнесли утренние проповеди в последующие дни (Лютер посвятил проповедь своему любимому ученику об оправдании верой).

Сначала ландграф устроил частные беседы между львами и агнцами, то есть между Лютером и Эколампадием, а также между Цвингли и Меланхтоном. Две пары встретились после богослужения в отдельных помещениях и беседовали несколько часов. Витгенберские реформаторы расспросили швейцарцев про их взгляды на Троицу, первородный грех и крещение и в некоторой степени избавились от подозрения, что те придерживались неразумного мнения по этим вопросам. Меланхтон за несколько месяцев до встречи написал очень уважительное послание Эколампадию (8 апреля 1529 г.), в котором сожалел об *horribilis dissensio de coena Domini*, мешающем им насладиться дружбой как литераторам и христианам, и излагал свои собственные взгляды на евхаристию в очень умеренном тоне и очень четко: это общение со Христом в настоящем, а не воспоминание об отсутствующем Христе⁸⁸². В личном разговоре с Цвингли, против которого у него было сильное предубеждение, он, говорят, уступил в основных спорных вопросах, в частности — по буквальному толкованию слов «Сие есть тело Мое» и буквальному причащению учеников Христа Его телом, — но добавил, что Он подал им это тело «особым мистическим образом»⁸⁸³. Когда Цвингли настаивал на вознесении Христа как на доводе против Его локального присутствия, Меланхтон ответил: «Христос восшел выше всех небес, дабы наполнить всё» (Еф. 4:10). «Воистину так, — ответил Цвингли, — но наполнить всё силой и могуществом, а не Своим телом». Во время открытых дебатов в последующие дни Меланхтон молчал, хотя Лютер дважды просил его прийти на помощь, когда уставал⁸⁸⁴. Он сделал лишь несколько замечаний, однако на тот момент он был одного мнения с Лютером и всецело находился в его власти. Он также выступал против союза со швейцарцами и страсбургцами, которыми отчасти двигали политические мотивы, и хотел заручиться, по возможности, поддержкой Карла и Фердинанда⁸⁸⁵.

⁸⁸² «Corpus Reform.», I. 1048 sqq. Он говорит: *Vos absentia Christi corpus tanquam in tragoedia repraesentari contenditis. Ego de Christo video exstare promissiones: Ego vobiscum usque ad consummationem seculi, et similes, ubi nihil est opus divellere ab humanitate divinitatem; proinde de sentio, hoc sacramentum verae praesentiae testimonium esse quod cum ita sit, sentio in illa coena praesentis corporis κοινωνία esse*. Он не вдается в толкование слов учреждения.

⁸⁸³ Erichson, p. 20, по страсбургским сообщениям.

⁸⁸⁴ *Ich habe mich müde gewaschen*, — сказал Лютер.

Лютер, должно быть, отнесся к Эколампадию более сурово, потому что последний, выходя из комнаты, прошептал Цвингли: «Я опять попал в руки доктора Экка» (как во время собеседования в Бадене в 1526 г.).

Общее обсуждение состоялось в субботу, 2 октября, в большом зале (в каком именно, с точностью установить нельзя)⁸⁸⁶. Ландграф, в простой одежде, пришел вместе со своим двором в качестве слушателя, а не судьи и сидел за отдельным столом. Официальными участниками с лютеранской стороны были Лютер (одетый как придворный курфюрста) и Меланхтон, а кроме них Юст Ионас и Крүцигер из Виттенберга, Миконий из Готы, Озиандер из Нюрнберга, Стефан Агрикола из Аугсбурга, Бренций из Галла, в Швабии. Со стороны реформатов — Цвингли и Эколампадий, кроме них Буцер и Гедион из Страсбурга — все выдающиеся личности, ученые и благочестивые, в расцвете сил и способностей. Лютеру и Цвингли было по сорок шесть, Эколампадию — сорок семь, Буцеру — тридцать восемь, Гедиону — тридцать пять, Меланхтону — тридцать два, ландграфу — всего двадцать пять лет. Лютер, Меланхтон, Цвингли и Эколампадий, как главные участники диспута, сидели за отдельным столом лицом друг к другу.

Помимо этих богословов на встрече присутствовал ряд гостей, князей (в том числе ссыльный герцог Ульрих Вюртембергский), знати и ученых (среди которых был Ламберт Авиньонский). Цвингли говорит о двадцати четырех, а Бренций — о пятидесяти или шестидесяти слушателях. Несчастный Карлштадт, который в то время блуждал по Фрисландии и вынужден был продать свою еврейскую Библию, чтобы купить хлеба, просил о приглашении, но ему отказали. Многие другие хотели присутствовать на встрече, но и их постигла неудача⁸⁸⁷. Цвингли был за открытость обсуждения и за присутствие секретаря, но Лютер отказался и от одного, и от другого. Даже слушателям не разрешалось делать заметки. Цвингли, который сомневался, что немцы поймут его швейцарский диалект, пожелал, чтобы беседа велась на латыни, — в результате они с Лютером находились бы в равном положении. Но ради присутствовавших слушателей было все-таки решено использовать немецкий язык.

Иоганн Фейге, канцлер ландграфа, во вступительной речи призвал богословов искать только славы Христа, восстановления мира и единства церкви.

Дебаты были в основном экзегетическими, но никаких новых доводов приведено не было. Это было просто повторение предшествующего спора, только с меньшим пылом и большей вежливостью. Лютер настаивал на том, что слова учреждения следует понимать буквально: «Сие есть тело Мое»; швейцарцы — на словах Христа: «Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь».

Сначала Лютер встал и торжественно заявил, что не изменит своего мнения о реальном присутствии Христа в причастии, но будет держаться его до конца своих дней. Он призвал швейцарцев доказать отсутствие Христа, но заранее зая-

⁸⁸⁵ Буцер в письме к Блауреру в Констанц от 18 октября 1529 г. обвиняет Меланхтона особенно за его упорное нежелание брататься и считает его, еще больше, чем Лютера, ответственным за неудачный итог встречи, добавляя в качестве довода, что тот не хотел терять милость императора Карла и его брата Фердинанда (Baum, *l. c.*, p. 463; Erichson, p. 45).

⁸⁸⁶ *In interiore hypocausto ad cubiculum Principis*, — пишет Юст Ионас (Seckendorf, II. 140). Это был не *Rittersaal*, а приемная в новом восточном крыле замка, недалеко от спальни ландграфа. В замке было сделано много перестроек.

⁸⁸⁷ Юст Ионас сообщает («Corp. Ref.», I. 1097, и Seckendorf, II. 140): *A Francofordia confluerunt plerique, alii Rhenanis partibus, e Colonia, Argentina, Basilea, Helvetiis, etc., se d non sunt admissi in colloquium.*

вил, что не примет доводов, основанных на разуме и на геометрии. Для большей доходчивости он написал куском мела на столе крупными буквами слова учреждения, на которых собирался настаивать до конца: *Nos est corpus Meum*.

Эколампаций в ответ сказал, что воздержится от философских аргументов и обратится к Писанию. Он процитировал несколько мест, явно имеющих переносное значение, особенно Ин. 6:63, которое, по его мнению, давало ключ к пониманию слов учреждения и исключало их буквальное понимание. Он привел такой силлогизм: Христос не может противоречить Сам Себе. Он сказал: «Плоть ни пользует нимало», то есть отрицал пользу от поедания Его тела, а следовательно, Он не мог подразумевать, что на вечере Господней раздается Его физическое тело.

Лютер не принял второй довод и заявил, что Христос отвергал не поедание, а чисто материальное принятие, подобное тому, как мы едим мясо коровы или свиньи. Христос говорил о высшем духовном принятии, но совершающемся через рот. На возражение, что телесного поглощения не требуется, если есть поглощение духовное, он ответил: если Бог прикажет мне есть дикие яблоки или навоз, я буду делать это с уверенностью, что они пойдут мне на пользу. Здесь мы должны просто закрыть глаза.

Цвингли отвечал: Бог не просит нас есть дикие яблоки или делать что-либо бессмысленное. Мы не можем утверждать, что существуют два разных вида телесного поглощения. Христос использует одно и то же слово «есть», и понимать его можно либо в духовном, либо в телесном смысле. Вы признаете, что только духовное поглощение приносит утешение душе. Если это главное, давайте не ссориться по поводу другого. Затем он прочитал место из греческого Нового Завета, который скопировал собственноручно и которым пользовался двенадцать лет, Ин. 6:52: «Как Он может дать нам есть плоть Свою?» — и затем слова Христа в стихе 63.

Лютер попросил его прочитать текст на немецком или на латыни, а не на греческом. Когда Христос говорит: «Плоть не пользует нимало», — Он говорит не о Своей плоти, но о нашей.

Цвингли: Душа питается духом, а не плотью.

Лютер: Мы едим телесное ртом, а не душой. Если Богу будет угодно положить передо мной гнилые яблоки, я буду их есть.

Цвингли: Но тогда тело Христа становится телесной, а не духовной пищей.

Лютер: Вы придираетесь.

Цвингли: Нет, это вы противоречите себе.

Цвингли процитировал ряд мест, которые можно понимать только в переносном смысле, но Лютер все время указывал пальцем на слова учреждения, которые написал на столе. И он вообще отрицал, что Ин. 6 имеет отношение к вечере Господней.

В этот момент случился забавный, но характерный эпизод. «Простите, — сказал Цвингли, — но это место [Ин. 6:63] может свернуть вам шею». Лютер, поняв его буквально, отвечал: «Не хвалитесь. Вы в Гессене, а не в Швейцарии. В этой стране мы людям шеи не сворачиваем. Поберегите гордые и полные презрения речи до момента, когда вернетесь в свою Швейцарию»⁸⁸⁸.

⁸⁸⁸ Он прибавил: *Wo nicht, so will ich euch auch über die Schnauze fahren, dass es euch gereuen wird, dazu Ursach gegeben zu haben.*

Цвингли: В Швейцарии также царит строгость правосудия, и шеи мы тоже никому не сворачиваем без суда. Я лишь образно сказал, что вы проиграли этот спор.

Ландграф сказал Лютеру: «Вы не должны обижаться, он не сказал ничего особенного». Но накал страстей был так велик, что объявили перерыв.

Диспут возобновился после обеда, и речь зашла о христологии. Я верю, сказал Лютер, что Христос находится и на небесах, и в дарах таинства столь же реально, как Он присутствовал во чреве Девы. Мне не важно, что это против природы и рассудка, лишь бы не против веры.

Эколампадий: Вы отрицаете, что слова учреждения — это метафора, но вы не можете не признать, что там есть синекдоха. Ибо Христос не говорит: сие есть хлеб и тело Мое (на чем пытаетесь настаивать вы), — а просто говорит: сие есть тело Мое.

Лютер: Метафора допускает присутствие одного лишь символа, а синекдоха предполагает и саму вещь, как меч предполагает ножны, а пиво — бутылку.

Цвингли возразил: Христос вознесся на небеса, а следовательно, телесно Он не может быть на земле. Тело находится в определенном месте и не может быть в нескольких местах одновременно.

Лютер: Мне безразлична математика.

Спор становился все более жарким, но толку не было. Наконец, всех позвали ужинать.

На следующий день, в воскресенье 3 октября, спор возобновился.

Цвингли утверждал, что тело не может быть в нескольких местах одновременно. Лютер цитировал софистов (схоластов), говоря о присутствии разного рода. Вселенная — это тоже тело, однако она не находится в определенном месте.

Цвингли: Ах, вы вспомнили о софистах, доктор! Неужели так необходимо возвращаться к египетскому луку и мясу? Затем он процитировал Августина, который говорил: «Христос вездесущ как Бог, однако Его тело на небесах».

Лютер: Августин и Фульгенций на вашей стороне, но на нашей — все остальные отцы церкви. Августин был молод, когда написал то, что вы цитируете, и он изъясняется непонятно. Мы должны верить древним учителям лишь в той мере, в которой они не противоречат Слову Божьему.

Эколампадий: Мы также основываемся на Слове Божьем, а не на отцах церкви. Но мы ссылаемся на них, чтобы показать: наше учение не ново⁸⁸⁹.

Лютер (опять указав пальцем на слова на столе): Вот слово Писания, и вы нас от него не уведете. Других доказательств нам не надо.

Эколампадий: В таком случае продолжать диспут вообще нет смысла.

Канцлер призвал их прийти к какому-нибудь решению.

Лютер: Есть только один выход. Пусть наши противники поверят в то, во что верим мы.

Швейцарцы: Мы не можем.

Лютер: Тогда я оставляю вас на Божий суд и молюсь о том, чтобы Бог просветил вас.

Эколампадий: Мы будем делать то же самое. Вы нуждаетесь в просвещении не меньше, чем мы.

⁸⁸⁹ Лютер поспешно подготовил для ландграфа меморандум с цитатами из Илария, Амвросия, Златоуста, Киприана и Иринея, чтобы опровергнуть цитату из Августина. См. послания в De Wette, III. 508-511.

Здесь обе стороны смягчились. Лютер попросил прощения за резкие слова и сказал, что он все-таки человек из плоти и крови. Цвингли, со слезами на глазах, попросил Лютера простить ему его резкие слова и заверил, что нет людей на свете, с кем он так сильно желал бы дружить, как с виттенбержцами⁸⁹⁰.

Якоб Штурм и Буцер выступили от имени Страсбурга и отстаивали свою ортодоксию, которая была подвергнута сомнению. Ответ Лютера был холодным, и он не понравился аудитории. Он сказал страсбуржцам, как и швейцарцам: «Ваш дух не тот, что у нас»⁸⁹¹.

Беседа закончилась. В Марбурге, как и в других областях Германии, неожиданно разразилась эпидемия болезни, известной как «английский пот» (*sudor Anglicus*). Ее жертвы страдали от лихорадки, повышенного потоотделения, жажды, сильной боли и упадка сил. Многие погибли, что наполнило всех тревогой. Гостям не терпелось вернуться домой. То же самое происходило с отцами и на Тридентском соборе, когда курфюрст Мориц гнал императора через Тироль. И так же отцы Ватиканского собора спешили пересечь Альпы, когда Франция объявила войну Германии, и оставили принятие ватиканских постановлений на волю итальянских «непогрешенцев».

Но ландграф еще раз собрал всех вместе за своим столом вечером в субботу и объявил о чрезвычайной важности хоть какого-то взаимопонимания.

В понедельник утром он устроил еще одно частное собеседование между саксонскими и швейцарскими реформаторами. Они встретились на земле в последний раз. Со слезами на глазах Цвингли протянул Лютеру руку дружбы, но Лютер отказался пожать ее, снова сказав: «Ваш дух отличается от нашего». Цвингли же полагал, что разногласия во второстепенных вопросах при согласии в главных не мешают христианскому братству. «Давайте, — предложил он, — объявим о своем согласии во всем, в чем мы согласны. Что же касается остального, давайте помнить, что мы — братья. В церкви никогда не будет мира, если мы не сможем терпеть разногласий по второстепенным вопросам». Лютер считал телесное присутствие Христа на причастии важным вопросом и принимал терпимость Цвингли за равнодушие к вопросам веры. «Я поражен, — сказал он, — что вы готовы считать меня братом. Совершенно ясно, что вы сами не считаете свое учение важным». Меланхтон воспринял просьбу швейцарцев как странную непоследовательность⁸⁹². Виттенбержцы сказали швейцарцам: «Вы не принадлежите к обществу христианской церкви. Мы не можем считать вас братьями», — и выразили готовность отнестись к швейцарцам милосердно, руководствуясь заповедью об отношении к своим врагам.

Швейцарцы были готовы взорваться после такого оскорбления, но сдержались.

В тот же день Лютер написал следующее характерное письмо своей жене:

Благодать и мир во Христе. Дорогая Кэт, я хочу, чтобы ты знала, что наша дружеская беседа в Марбурге закончилась и что мы согласны почти во всех вопросах, кроме того, что партия наших оппонентов хочет использовать в вечеру Господней только хлеб и признает в ней духовное присутствие Христа. Ландграф хочет, чтобы

⁸⁹⁰ Лютер передает эти слова так: *Es sind keine Leut auf Erden, mit denen ich lieber wollt' eins seyn als mit den Wittenbergern*. На диалекте Цвингли они звучали: *Es werend kine Lüt uff Erden, mit denen ich lieber wollt' ins sin, denn mit den Wittenbergern*.

⁸⁹¹ *Ihr habt einen anderen Geist als wir*.

⁸⁹² Он писал Агриколе 12 октября 1529 г. («Corp. Ref.», I. 1108): *Magnopere contenderunt, ut a nobis fratres appellarentur. Vide eorum stultitia! Cum damnent nos, cupiunt tamen a nobis fratres haberi! Nos nolimus eis hac in re assentiri*.

мы пришли к согласию, а если нет, то признали друг друга братьями и членами Христа. Он очень ревностно стремится к этой цели. Но мы не хотим братства и членства, а только мира и доброй воли. Я полагаю, что завтра или послезавтра мы расстанемся и поедем в Шлейц, в Фотландии, куда велела нам ехать Его курфюршерская милость.

Скажи герру Поммеру [Бугенгагену], что лучшим доводом Цвингли был следующий: *corpus non potest esse sine loco: ergo Christi corpus non est in pane*. Лучшим доводом Эколампация был: *sacramentum est signum corporis Christi*. Я думаю, что Бог ослепил их глаза.

Я очень занят, да и гонец спешит отбыть. Пожелай всем доброй ночи и помолись о нас. Мы все живы, здоровы и живем по-княжески. Поцелуй за меня маленькую Лену и маленького Ганса (*Lensgen und Hänsgen*).

Твой покорный слуга,

М. Л.

Р. С. Иоганн Бренций, Андреас Озиандер, доктор Стефан [Агрикола] также находятся здесь.

Народ весь напуган эпидемией. Вчера заболело около пятидесяти человек и двое умерли⁸⁹³.

В конце концов Лютер уступил просьбе ландграфа и швейцарцев, уединился и написал общее вероисповедание на немецком языке. Оно состоит из пятнадцати статей, в которых сформулированы евангельские учения о Троице, личности Христа, Его смерти и воскресении, первородном грехе, оправдании верой, служении Святого Духа и таинствах.

Обе стороны согласились по поводу четырнадцати статей, а также по наиболее важной части пятнадцатой статьи, которая говорит о вечере Господней следующее:

Мы все верим по отношению к вечере нашего благословенного Господа Иисуса Христа, что она должна совершаться под обоими видами, согласно постановлению Христа; что посредством мессы христианин не может получить прощение для другого человека, живого или мертвого; что алтарное таинство — это таинство истинной плоти и истинной крови Иисуса Христа; и что духовное принятие Его плоти и крови необходимы для каждого истинного христианина. Что же касается использования таинства, мы согласны с тем, что оно было учреждено Всемогущим Богом, чтобы Святой Дух мог внушать слабым душам веру и милосердие.

Однако в настоящее время мы не соглашаемся в вопросе о том, представлены ли истинные плоть и кровь Христа в хлебе и вине телесно, хотя обе партии обещают с христианским милосердием относиться друг к другу, насколько позволит совесть; обе партии искренне молят Всемогущего Бога укрепить нас Духом Его в понимании истины. Аминь⁸⁹⁴.

Ландграф попросил включить в текст слова о том, что обе партии будут с христианским милосердием относиться друг к другу. Лютеране согласились на это только при условии, что будут добавлены слова: «насколько позволит совесть».

⁸⁹³ De Wette, III. 512 sq.

⁸⁹⁴ Я прибавлю сюда оригинал на древнемецком, из архивов Цюриха (как он опубликован Устери в 1883 г.): *Vom Sacrament des leibs und bluts Christi. Zum fünffzehennenden Gleuben unnd halten wir alle | vonn dem Nachmale ünners lieben herrn Jhesu Christi | das man bede gest allt nach Innsetzung Christi prauchen soll | das ouch die Messe nicht ein werck ist | do mit einer dem andren tod oder lebendig gnad erlangt. | Das auch das Sacrament desz Altars | sey ein Sacrament desz waren leibs unnd bluts | Jhesu Christi und die geistliche Niessung desselbigen leibs unnd bluts | einem Iden Christen fürnemlich vonn nöthen | deszgleichen der prauch desz Sacraments | wie das wort | von Gott dem allmechtigen gegeben | unnd geordennt sey | damit die schwachen Gewissen | zu gleuben | zubewegen | durch den heyligen Geist. Unnd wiewol aber wir unns | ob der war leyb unnd plut Christi | leiplich im prot unnd weinsey | diser Zeit nit vergleicht haben | so soll doch ein theyl gegen den andern Christliche lieb | so fern Idesz gewissen ymmer leiden kan | erzeigen | unnd bede theyl | Gott den Allmechtigen vleyssig bitten | das er unns durch seinen Geist den rechten verstandt bestetigen well. Amen.*

Статьи были зачитаны, рассмотрены и подписаны в тот же день Лютером, Меланхтоном, Озиандером, Агриколой, Бренцием с лютеранской стороны и Цвингли, Эколампадием, Буцером и Гедионом со стороны реформатов. На следующий день они были напечатаны и получили широкое распространение⁸⁹⁵.

Пятого октября днем гости пожали друг другу руки и разъехались. Это были дружеские, но не братские рукопожатия, и лютеране вели себя не особенно сердечно. Ландграф покинул Марбург в тот же день рано утром с чувством мучительного разочарования.

Лютер вернулся в Виттенберг через Шлейц, где у него была назначена встреча с курфюрстом Иоганном, и отредактировал Марбургские статьи так, чтобы адаптировать их к своему символу веры, тем самым ослабив единомыслие.

Обе партии считали себя победителями. Цвингли жаловался в письме к Вадияну на непреклонность и упрямство Лютера и полагал, что истина (то есть то, что он считал истиной) победила и что Лютер потерпел поражение перед всем миром после того, как объявил себя непобедимым. Он радовался этому соглашению, так как оно подрывало надежду папистов на то, что Лютер к ним вернется.

Лютер, с другой стороны, полагал, что швейцарцы сделали ему уступку, смирились и просили его дружбы. «Между нами нет братского единства, — сказал он с кафедры Виттенберга после возвращения из Марбурга, — но есть доброе дружеское согласие. Они просят у нас то, в чем нуждаются, и мы им поможем».

Почти все современники пишут, что встреча была более дружелюбной и уважительной, чем они ожидали судя по предшествовавшим спорам. Выступавшие называли друг друга *Liebster Herr*, *Euer Liebden*, воздерживались от оскорбительных слов. О дьяволе не упоминалось. Никого не обвиняли в ереси. Ни на кого не провозглашали анафему. Лютер обнаружил, что швейцарцы — не такие уж плохие люди, как ему казалось. Он даже пишет в письме к Буллингеру (1538), что Цвингли в Марбурге произвел на него впечатление «отличного человека» (*optimus vir*). Бренций, очевидец, сообщает, что Лютер и Цвингли казались братьями. Юст Ионас так описывает вождей Реформации во время встречи⁸⁹⁶: «Цвингли был простоват и немного высокомерен⁸⁹⁷. Эколампадий отличается поразительной доброжелательностью и милосердием⁸⁹⁸. Гедион не менее гуманен и щедр по духу, а Буцер хитер, как лиса⁸⁹⁹, которая умеет напустить вид пронизательности и осторожности. Они все, без сомнения, ученые люди и более серьезные оппоненты, чем паписты, а Цвингли, похоже, весьма подкован в области литературы в пику Минерве и музам». Он добавляет, что ландграф был весьма внимательным слушателем.

Миряне, присутствовавшие на встрече, похоже, были убеждены в правоте швейцарцев. Ландграф заявил, что теперь предпочитает верить простым словам Христа, а не изысканным изобретениям людей. Он хотел, чтобы Цвингли пере-

⁸⁹⁵ В Марбурге было подписано три копии (по сообщению Озиандера, который отвез одну из них в Нюрнберг. Долгое время считалось, что они утрачены, но потом две из них были найдены и напечатаны Гепе и Устери по текстам из архивов Касселя и Цюриха (см. список литературы). Они совпадают почти дословно, отличается только порядок подписей: в первом сначала идут лютеранские, во втором — реформатские имена. Незначительные разночтения обсуждаются в Usteri, *l. c.*

⁸⁹⁶ В письме на латинском языке к Рейффенштейну из Марбурга 4 октября 1529 г., в «Corp. Reform.», I, 109, и Seckendorf, vol. II, 140.

⁸⁹⁷ *In Zwinglio agreste quiddam est et arrogantulum.*

⁸⁹⁸ *Mira bonitas naturae et clementia.*

⁸⁹⁹ *Calliditas vulpina.*

ехал в Марбург и занялся церковным устройством Гессена. Незадолго до смерти он признался, что Цвингли в Марбурге убедил его в своей правоте. Но более важно обращение Ламберта Авиньонского, который до того был лютеранином, а теперь не смог не признать силу аргументов противоположной стороны. «Я твердо решил, — писал он другу вскоре после встречи, — не слушать слов людей и не позволять им влиять на меня, но быть подобным чистому листу, на котором Божий перст пишет Свои истины. Он запечатлел в моем сердце те учения, которые Цвингли вывел из Слова Божьего». Даже случившаяся позже перемена взглядов Меланхтона, который отказывался от братания со швейцарцами так же решительно, как Лютер, может быть объяснена теми впечатлениями, которые он получил в Марбурге.

Если бы вожди двух евангельских исповеданий могли встретиться на земле сегодня, они с радостью пожали бы руки, как братья; и скорее всего, они давно уже сделали это на небесах.

Встреча не привела к желаемому союзу, и раздоры, к сожалению, начались снова. Но она не была полной неудачей. Она подготовила путь для Аугсбургского исповедания, главного символа веры лютеранской церкви. Более того, она подтолкнула будущие поколения к установлению мира⁹⁰⁰. Она породила первую формулу согласия между двумя конфессиями в четырнадцать важных статьях и в самой важной части пятнадцатой, оставив спорным только вопрос телесного присутствия Христа и поедания Его тела при евхаристии. И хорошо, что такие вопросы остались. Если бы не было свободы во второстепенных вопросах, не был бы возможен и союз между разумными христианами. Благочестивые и святые люди могут расходиться во мнениях о реальном присутствии Христа, как и во многих других вопросах учения, управления и поклонения. Еще не пришло время Вселенской Евангельской церкви, но дух этого документа пережил споры и проявляется везде, где сердца и умы христиан поднимаются выше узких стен сектантства и фанатизма. Единообразие, даже если бы оно было возможно, нежелательно. Божьи пути всегда проходят через единство в разнообразии и разнообразие в единстве.

В период самых яростных догматических споров и ужасов Тридцатилетней войны пророческий голос шептал будущим поколениям девиз христианских миротворцев, к которому не прислушались в век нетерпимости и о котором забыли в век равнодушия, но который с новой силой зазвучал в век пробуждения и воссоединения: В ГЛАВНОМ ЕДИНСТВО, ВО ВТОРОСТЕПЕННОМ СВОБОДА И ВО ВСЕМ ЛЮБОВЬ.

ПРИМЕЧАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФРАЗЫ

IN NECESSARIIS UNITAS,

IN NON-NECESSARIIS (ИЛИ DUBIIS) LIBERTAS,

IN UTRISQUE (ИЛИ OMNIBUS) CARITAS

Этот знаменитый девиз христианских миротворцев, который я в тексте слегка видоизменил, обычно по ошибке приписывают святому Августину — вероучение которого не позволило бы подобной вольности, хотя в душе он, возможно, и одобрил бы ее. На самом деле эти слова появились намного позже. Впервые они прозвучали в Германии в 1627 и 1628 г. среди мирно настроенных богословов лютеранской и немецкой реформатской церкви и были охотно приняты умеренными богословами Англии.

⁹⁰⁰См. замечания Ranke, III. 124 sqq. Он видит значение встречи в том факте, что две партии, несмотря на богословские разногласия, исповедовали одну и ту же евангельскую веру.

В недавнее время возникла теория, что автором этих слов был Руперт Мелдений, богослов, ничем другим не знаменитый, автор замечательного трактата, в котором впервые встречается эта фраза. Он дал классическую формулировку мирных побуждений таких богословов, как Каллист из Гельмштадта, Давид Парей из Гейдельберга, Кроций из Марбурга, Иоганн Валентин Андреа из Вюртемберга, Иоганн Арнд из Целле, Георг Франк из Франкфурга-на-Одере, братья Бергий из Бранденбурга и неустанный странствующий проповедник христианского союза Иоганн Дури, а также Ричард Бакстер. Трактат Мелдения озаглавлен: *Paraenesis votiva pro Pace Ecclesiae ad Theologos Augustanae Confessionis, Auctore Ruperto Meldentio Theologo* (62 стр. ин-кварто без указания на дату и место публикации). Вероятно, он вышел в 1627 г. во Франкфурте-на-Одере, который в то время был центром умеренного богословия. Ч. Р. Джиллет (библиотекарь Богословской Семинарии Союза) сообщил мне, что оригинал, который он видел в Берлине, поступил из университета Франкфурга-на-Одере после его перевода в Бреслау.

Доктор Люке опубликовал этот трактат в 1850 г. репринтом в Pfeiffer, *Variorum Auvtorum Miscellanea Theologiae* (Leipzig, 1736, pp. 136-258) в качестве приложения к монографии на данную тему (pp. 87-145). Позже он сопоставил его с копией оригинального издания из Курфюршеской библиотеки в Касселе. Еще одна копия была обнаружена доктором Клозе в городской библиотеке Гамбурга (1858), третья — доктором Бригтсом и господином Джиллетом — в Королевской библиотеке Берлина (1887).

Автор трактата — ортодоксальный лютеранин, далекий от идеи церковного союза, но желающий, чтобы в церкви был мир и практическое евангельское благочестие, а не сухая и бесплодная схоластика, характерная для его эпохи. Он относится, по словам Люке («Stud. und Kritiken», 1851, p. 906) к числу «тех благородных, искренних и сердечных евангельских богословов, которые, подобно Иоганну Арнду, Валентину Андреа и другим, переживали из-за плачевного состояния своей родины, а особенно из-за внутреннего разлада в церкви своего времени, но также знали путь к спасению и миру и указывали на него». Очевидно, Мелдений был весьма образованным ученым, хорошо знакомым с еврейским, греческим, латинским языками и с противоборствовавшими богословскими течениями. В плане вкуса и стиля он превосходит многих авторов своей эпохи. Он осуждает фарисейское лицемерие, *φιλοδοξία*, *φιλαργία* и *υιλοεικία* богословов и призывает их прежде всего к смирению и любви. Когда мы слишком много спорим об истине, мы рискуем ее утратить. *Nimium altercando amittitur Veritas*. «Многие, — говорит он, — ссорятся по поводу телесного присутствия Христа в причастии, не имея Христа в своем сердце». Он не видит другого пути к согласию, кроме как объединение вокруг живого Христа, источника духовной жизни. Он говорит, что природа Бога — это любовь, и первая обязанность христиан — любить друг друга, и комментирует серафическую главу Павла о любви (1 Кор. 13). Он обсуждает разницу между *necessaria* и *non-necessaria*. Обязательные учения — это: 1) догматы веры, необходимые для спасения; 2) догматы, основанные на ясном свидетельстве Библии; 3) догматы, выработанные всей церковью на синодах и в символах веры; 4) догматы, которые все ортодоксальные богословы считают обязательными. Необязательные учения — это те, которые: 1) не содержатся в Библии; 2) не принадлежат к общему наследию веры; 3) не единодушно преподаются богословами; 4) в которых сомневаются отдельные выдающиеся богословы; 5) которые ничего не дают благочестию, милосердию и воспитанию. Он завершает труд защитой Иоганна Арнда (1555 — 1621), знаменитого автора «Истинного христианства», от нападок ортодоксальных фанатиков, с пылкой и трогательной молитвой о том, чтобы Христос пришел на помощь Своей терзаемой раздорами церкви (Отк. 22:17).

Наша сентенция находится во второй половине трактата (стр. 128 в издании Люке), упоминается мимоходом, в форме предположения:

Verbo dicam: Si nos servaremus IN NECESSARIIS UNITATEM, IN NON-NECESSARIIS LIBERTATEM, IN UTRISQUE CHARITATEM, optimo certe loco essent res nostrae.

Те же самые чувства, но в более краткой и увещательной форме, выражены в книге ГРЕГОРА ФРАНКА под названием *Consideratio theologica de gradibus necessitatis dogmatum Christianorum quibus fidei, spei et charitativa officia reguntur*, Francf. ad Oderam, 1628. Франк (1585 — 1651) был сначала лютеранином, потом реформатом и профессором во Франкфурте. Он различает три типа учений: 1) обязательные для спасения: ясно явленные в Библии истины; 2) выводы из того, что ясно говорится в Писании, с которыми согласны все ортодоксальные христиане; 3) специфические и противоречивые учения определенных исповеданий. Он заканчивает обсуждение призывом:

Summa est: Servemus IN NECESSARIIS UNITATEM, IN NON-NECESSARIIS LIBERTATEM, IN UTRISQUE CHARITATEM.

Он добавляет к этому: *Vincat veritas, vivat charitas, maneat libertas per Jesum Christum qui est veritas ipsa, charitas ipsa, libertas ipsa.*

Верто считает неясным, кто изобрел эту фразу, Мелдений или Франк, но проблема была решена благодаря четкому свидетельству Конрада Берга, который был коллегой Франка по университету между 1627 и 1628 г. и который приписывает фразу Мелдению.

Пять лет спустя, 15 ноября 1679 г., Ричард Бакстер, пуританский миротворец из Англии, употребляет эту фразу в предисловии к *The True and Only Way of Concord of All Christian Churches* (London, 1680) в несколько иной форме: «Я вновь повторяю вам древние слова миротворцев, которыми пренебрегают: *Si in necessariis sit [esset] unitas, in non necessariis libertas, in utriusque charitas, optimo certo loco essent res nostrae*».

Люке первым процитировал этот отрывок, но пропустил прямую ссылку Бакстера на Мелденция в том же трактате, стр. 25. Ее обнаружил доктор Бриггс и процитировал так:

«Даже если бы на эту тему не писали больше ничего, кроме написанного Рупертом Мелдением, которого цитирует Конрад Бергий, раскол закончился бы, если бы эти слова поняли и применили», и т. д. Далее следует наша фраза. Бакстер упоминает Мелденция и на предыдущей странице. Это подкрепляет мнение о том, что Мелдений был «миротворцем», ибо здесь нам указывают на свидетельство современника Мелденция. Самуил Веренфельс, выдающийся богослов-миротворец из Базеля, также упоминает Мелденция и Конрада Бергия вместе как богословов-миротворцев и *testes veritatis* и цитирует несколько мест из *Paraenesis votiva*.

Конрад Бергий (Берг), от которого Бакстер узнал эту фразу, был профессором университета во Франкфурте-на-Одере, а потом проповедником в Бремене. Он и его брат Иоганн Берг (1587 — 1658), придворный капеллан в Бранденбурге, были богословами-миротворцами немецкой реформатской церкви, умеренными кальвинистами. Иоганн Берг присутствовал на Лейпцигской встрече в марте 1631 г., где лютеране и реформаты на основании Аугсбургского исповедания 1540 г. согласились по всем пунктам учения, кроме телесного присутствия и поедания тела. Встреча опережала дух своей эпохи и не оказала на современников большого влияния. См. Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 558 sqq., и Niemeyer, *Collectio Confessionum in Ecclesiis Reformatis publicatarum*, p. LXXV, 653-668.

Доктор Бриггс исследовал труды Конрада Бергия и его единомышленников в Королевской библиотеке Берлина. Свой трактат *Praxis Catholica divini canonis contra quosvis haereses et schismata*, который вышел в Бремене в 1639 г., Бергий завершает классическими словами, принадлежащими *Rupertus Meldenius Theologus*, с кратким комментарием к ним. В этой форме их цитирует и Бакстер. Осенью 1627 г. Бергий произнес две речи во Франкфурте на тему христианского союза, которые согласуются с этой фразой и были изданы в 1628 г. с согласия богословского факультета. Позже они были включены в *Praxis Catholica*. Бергий был хорошо знаком с полемикой и трудами миротворцев своего времени, так что его утверждения об авторстве слов можно верить.

Но кем был Мелденций? Этот вопрос остается без ответа. Возможно, его имя происходит от названия небольшого селения Мелден на границе Богемии и Силезии. Его голоса не было слышно, и его имя было забыто в течение двух веков, но теперь к нему опять прислушиваются. Я подписываюсь под заключительными словами моего коллеги доктора Бриггса: «Подобно горному потоку, который на время исчезает под камнями, а потом вновь появляется по пути в долину, эти давно забытые мирные принципы вновь появились после двух веков забвения, когда наступила лучшая эпоха истории этого мира и живущие ныне могут воздать должное богословам-миротворцам, которые пришли на смену старым протестантам-полемистам и протестантам-схоластам».

О происхождении этой фразы впервые писал голландский богослов доктор Ван дер Хевен из Амстердама в 1847 г.; потом — доктор Люке из Геттингена, *Ueber das Alter, den Verfasser, die ursprüngliche Form und den wahren Sinn des kirchlichen Friedensspruchs 'In necessariis unitas'*, etc., Göttingen, 1850 (XXII, 146 стр.); с дополнительными замечаниями в «*Studien und Kritiken*», 1851, p. 905-938. Люке первым доказал авторство Мелденция. Следующие шаги были сделаны доктором Клозе в первом издании «*Theol. Encycl.*» Герцога, sub Meldenius, vol. IX (1858), p. 304 sq., и доктором Карлом Берто во втором издании Герцога, IX (1881), p. 528-530. Доктор Бриггс приводит дополнительную информацию в двух статьях в «*Prebyterian Review*», vol. VIII, New York, 1887, pp. 496-499, 743-746.

§109. Последнее нападение Лютера на сакраментариев. Отношения с Кальвином

Впереди был заключительный акт печально известного спора Лютера с его протестантскими оппонентами. Он еще более печален, так как Цвингли и Эколампадий к тому моменту были уже мертвы, но о нем обязательно необходимо рассказать, чтобы наше представление о великом реформаторе было полным.

Марбургская встреча на самом деле не примирила стороны и не способствовала решению спорного вопроса, но конфликт на время прекратился и был отодвинут на задний план другими событиями. Упорные попытки Буцера и Гедiona устроить примирение между Виттенбергом и Цюрихом умиротворили Лютера и

внушили ему надежду, что швейцарцы могут отречься от своей ереси, как он ее воспринимал. Но ему пришлось отказаться от этой надежды. Швейцарцы не приняли «Виттенбергской конкордии» 1536 г., потому что в вопросах о телесном присутствии и о поглощении тела Христа она была сугубо лютеранской.

За полтора года до смерти Лютер снова, к сожалению Меланхтона и прочих друзей, яростно набросился на сакраментариев в «Кратком вероисповедании о святом таинстве» (1544)⁹⁰¹. Его создание было связано со Швенкфельдом⁹⁰² и со слухом о том, что Лютер якобы изменил свое мнение, так как упразднил вознесение гостии⁹⁰³. Кроме того, Лютер узнал, что Девей, его бывший студент, живший у него в доме, от имени Лютера распространял учение сакраментариев в Венгрии⁹⁰⁴. Ему также не нравилась программа Реформации, которую Буцер и Меланхтон составили для епархии Кельна (1543), потому что в ней учение о евхаристии излагалось без специфически лютеранских черт, и он боялся, что такая программа будет на руку сакраментариям⁹⁰⁵. Эти провокации и огорчительные моменты вкупе с его болезнью и старостью усилили его раздражительность и сделали его нрав еще более язвительным. Это следует помнить при оценке его последнего документа о евхаристии. Он самый суровый из всех и образует параллель его последнему труду против папства, вышедшему в том же году и по свирепости превосходящему все, что он когда-либо писал против римского антихриста⁹⁰⁶.

В «Кратком исповедании» нет доводов, но только самое решительное повторение положений его веры в реальное присутствие и заявление о его полном и окончательном отходе от сакраментариев и их учения с некоторыми замечаниями о важности таинства. Стоя на краю могилы и думая о суде, он торжественно осуждает всех врагов таинств, где бы они ни находились⁹⁰⁷. «Пусть лучше меня

⁹⁰¹ Erl. ed., XXXII. 396-425; Walch, XX. 2195 sqq. См. письмо Лютера к венгерским служителям от 21 апреля 1544 г. (в De Wette, V. 644), где он объявляет о намерении добавить к своим многочисленным исповеданиям о реальном присутствии еще одно: *Cogor post tot confessiones meas adhuc unam facere, quam faciam propediem et novissimam*. Эрлангенский издатель говорит, что книга была опубликована только в 1545 г., но на титульном листе издания Ганса Лифта стоит дата «Am Ende: M. D. XLIII». Меланхтон писал Буллингеру о появлении этой книги в августе 1544 г.; Кальвин услышал о ней в ноябре 1544 г.

⁹⁰² Швенкфельд послал Лютеру несколько книг, в которых ссылался на его авторитетное мнение (1543). Лютер послал с гонцом ответ, в котором называл Швенкфельда «несмыслившим глупцом» и просил не упоминать его имени в книгах, которые «исторгнуты дьяволом». В кратком вероисповедании он всегда называет его Штенкфельдом («зловонным полем») и *ein verdampft Lügenmand*.

⁹⁰³ См. выше, §101, примечание.

⁹⁰⁴ Девей был основателем реформатской (кальвинистской) церкви Венгрии. См. Revecz в Herzog², III. 572 sqq.

⁹⁰⁵ *Summa*, — писал он канцлеру Брюку, который послал ему программу и отзыв о ней Амсдорфа, — *das Buch ist den Schwärmern nicht allein leidlich, sondern auch tröstlich, vielmehr für ihre Lehre als für unsere... und ist alles zu lang und gross Gewäsche, doch ich das Klappermaul, den Butzer, hier wohl spüre* (De Wette, V. 709; «Corp. Reform.», V. 113, 461).

⁹⁰⁶ См. выше, §48. Меланхтон назвал «Краткое исповедание» «самой ужасной книгой Лютера» (*atrocissimum Lutheri scriptum, in quo bellum perі действоу крѣпкоу instaurat*). Письмо к Буллингеру, 30 августа 1544 г., в «Corp. Ref.» v. 475. Он согласился с суждением Кальвина, который писал ему 28 июня 1545 г.: «Я признаю, что все мы должны быть очень благодарны Лютеру, и я бы с радостью признал его величайший авторитет, если бы только он умел сдерживать себя. Благой Боже! Какая же это радость для папистов и какой печальный пример мы подаем потомству!»

⁹⁰⁷ *Denn ich, —* говорит он после нескольких презрительных слов о Швенкфельде, — *als der ich nu auf der Gruben gehe, will diess Zeugniß und diesen Ruhm mit mir für meins lieben Herrn und Heilands Jesu Christi Richtstuhl bringen, dass ich die Schwärmer und Sacramentsfeinde, Carls-tadt, Zwingel, Oecolampad, Stenkefeld und ihre Jünger zu Zürich [Цюрих], und wo sie sind, mit*

разорвут на части, — заявляет он, — и сожгут тысячу раз, чем быть одного мнения и намерения со Штенкфельдом [Швенкфельдом], Цвингелем, Карлштадтом, Эколампадом и всеми прочими *Schwärmer* или терпеть их учение». Он обрушивается на них с оскорблениями и придумывает новые слова, которые не могут быть пристойно переведены. Он называет их еретиками, лицемерами, лжецами, богохульниками, убийцами душ, грешниками, осужденными на смерть, одержимыми дьяволом⁹⁰⁸. Он больше не молится за них и предоставляет их собственной судьбе. Когда-то он с некоторым уважением относился к Эколампадию⁹⁰⁹ и даже к Цвингли и искренне оплакивал его трагическую смерть⁹¹⁰. Но в этой последней книге он неоднократно называет смерть ужасным Божиим судом и сомневается в том, что Цвингли спасен⁹¹¹. Он был в ужасе от мнения Цвингли о спасении благочестивых язычников, о котором узнал из его последнего разъяснения христианской веры, адресованного королю Франции. «Если такие безбожные язычники, — говорит он, — как Сократ, Аристид и даже ужасный Нума, который ввел в Риме всякого рода идолопоклонство⁹¹² (как пишет святой Августин), спасены, то нам не нужен Бог, Христос, Евангелие, Писание, крещение, таинства и христианская вера». Он полагает, что Цвингли либо лицемерил, когда согласился подписать столько христианских статей в Марбурге, либо отпал от веры потом и стал хуже язычника, в десять раз хуже, чем если бы он был папистом.

Такое отношение Лютер сохранил до конца. Трудно сказать, кого он ненавидел сильнее, папистов или сакраментариев. Что касается реального присутствия, то в этом вопросе у него было больше разногласий с сакраментариями, а не с папистами. Однажды он заметил, что предпочел бы пить одну лишь кровь с папистами, чем одно лишь вино с цвинглианцами. За несколько дней до смерти он написал своему другу, пастору Пробсту из Бремена: «Блажен муж, который не ходит на совет *сакраментариев* и не стоит на пути *цвинглианцев*, и не сидит в собрании *цюрихцев*»⁹¹³. Так он превращает благословение первого псалма в проклятие в соответствии со своей привычкой проклинать папу и дьявола, молясь Богу. Лютер неоднократно упоминал об этой привычке, особенно при повторении молитвы Господней, и говорил, что это — одно из проявлений его благочестия⁹¹⁴.

ganzem Ernst verdampt und gemieden habe, nach seinem Befehl Tit. 3:10, Einen Ketzer sollt du meiden.

⁹⁰⁸ Он говорит, что все они без разбора *ein eingeteufelt, durchteufelt, überteufelt, lästerlich Herz und Lügenmaul* (l. c., p. 404).

⁹⁰⁹ Он писал в 1527 г.: *Dem Oecolampad hat Gott viel Gaben geschenkt für [vor] vielen andern, und mir ja herzlich für den Mann leid ist* (Erl. ed., XXX. 34).

⁹¹⁰ В ответе Буллингеру, преемнику Цвингли, 14 мая 1538 г. (De Wette, V. 112): *Libere enim dicam: Zwinglium, postquam Marpurgi mihi visus et auditus est, virum optimum esse judicavi, sicut et Oecolampadium, ita ut eorum casis me paene exanimaverit... non quod invidiam honori Zwinglii, de cuius morte tantum dolorem concepi, etc.*

⁹¹¹ То же сомнение он высказывал за двенадцать лет до того, но в более мягком тоне, в письме к герцогу Альбрехту Прусскому в апреле 1532 г. (De Wette, IV. 352 sq.): *Sind sie [Цвингли и его последователи, которые пали на поле боя в Каппеле] selig worden, wie dasselb Gott nicht unmöglich ist, einen Menschen in seinem letzten Ende, in einem Augenblick, zu bekehren, das gönnen und wünschen wir ihnen von Grund unsers Herzens: aber Märtyrer zu machen, da gehört mehr zu, denn schlecht selig werden.* В Кратком исповедании (стр. 411) он причисляет Цвингли и Эколампадия к «мученикам дьявола».

⁹¹² *Solche gottlose Heiden, Socrates, Aristides, ja der gräuliche Numa, der zu Rom alle Abgötterei erst gestiftet.*

⁹¹³ De Wette, V. 778. На немецком — в Walch, XVII. 2633. Следует помнить, что в этом письме, датированном 17 января 1546 г., он уничижительно характеризует себя самого как *senex, decrepitus, piger, fessus, frigidus, monoculus* и *infelicissimus omnium hominum*.

Не случайно в то же время, что и последнее выступление против сакраментариев, и в том же духе была сделана его последняя и самая яростная из нападок на Божий дар разума, которым он сам так часто и эффективно пользовался как своим лучшим оружием, не считая Слова Божьего. 17 января 1546 г. он в последний раз вышел на кафедру в Виттенберге и осудил разум как «проклятую блудницу дьявола»: «Фанатики и сакраментарии хвалятся ею, когда спрашивают: “Как может этот человек дать нам есть свою плоть?” Послушайте Сына Божьего, Который говорит: “Сие есть тело Мое”, — и сокрушите голову змеи своей пятой»⁹¹⁵.

Шесть дней спустя Лютер выехал из города, где нес служение, в свой родной город и мирно умер в Эйслебене 18 февраля 1546 г., не предав своей веры и вверив свою душу Богу и Искупителю.

С учетом этих последних высказываний мы вынуждены, как бы нам ни хотелось обратного, отказаться от истории о том, что перед смертью Лютер якобы сказал Меланхтону: «Дорогой Филипп, я признаю, что в вопросе о вечере Господней перестарался»⁹¹⁶; и что, когда его попросили исправить зло и восстановить в церкви мир, он ответил: «Я часто об этом думал, но тогда люди потеряют веру во все мое учение. Я верю это дело в руки Господа. После моей смерти делайте что хотите»⁹¹⁷.

⁹¹⁴ В книге, написанной в марте 1531 г. против неизвестного мирянина из Дрездена, который обвинил его в подстрекательстве немцев к открытому бунту против императора, он оправдывает это благочестивое проклятие как обязательное уравновешивающее дополнение к утверждающим просьбам молитвы Господней. *Ich kann nicht beten, — говорит он, — ich muss dabei fluchen. Soll ich sagen: ‘geheiligt werde dein Name,’ muss ich. dabei sagen: ‘Verflucht, verdammt, geschändet müsse werden der Papisten Namen, und aller, die deinen Namen lästern.’ Soll ich sagen: ‘Dein Reich komme,’ so muss ich dabei sagen: ‘Verflucht, verdammt, verstört müsse werden das Papstthum sammt allen Reichen auf Erden, die deinem Reiche zuwider sind. Soll ich sagen: ‘Dein Wille geschehe,’ so muss ich dabei sagen: ‘Verflucht, verdammt, geschändet und zu nichte müssen werden alle Gedanken und Anschläge der Papisten und aller die wider deinen Willen und Rath streben.’ Wahrlich, so bete ich alle Tage mündlich, und mit dem Herzen ohne Unterlass, und mit mir alle, die an Christum gläuben, und fühle auch wohl, dass es erhört wird. Denn man muss Gottes Wunder sehen, wie er diesen schrecklichen Reichstag [Аугсбургский рейхстаг 1530], und das unmässliche Dräuen und Wüthen der Papisten zu nichte macht, und auch ferner sie gründlich zu nichte machen wird. Dennoch behalte ich ein gut, freundlich, friedlich und christlich Herz gegen jedermann; das wissen auch meine grössten Feinde (Wider den Meuchler zu Dresden, Walsh, XVI. 2085; Erl. ed. XXV. 108).* Семь лет спустя он сделал похожее заявление в трактате о папской программе реформ: *Man soll nicht fluchen (das ist wahr); aber beten muss man, dass Gottes Name geheiligt und geehrt werde, des Papsts Name geschädet und verflucht werde, sammt seinem Gott, dem Teufel, dass Gottes Reich komme, des Antichrists Reich zu Grunde gehe. Solchen pater-nosterlichen Fluch mag man wohl beten, und soll ihn jeder Christ beten, weil die letzten Erzbösewichte am Ende der Welt, Papst, Cardinal, und Bischof so schändlich, böschlich, muthwillig unsern lieben Herrn und Gott lästern und dazu spotten* (Erl. ed., XXV. 151). Когда однажды его спросили, можно ли проклинать во время молитвы, Лютер ответил: «Да, ибо когда я молюсь: “Да святится имя Твое”, я проклинаю Эразма и всех еретиков, которые хулят Бога» (*Tischreden*, vol. LIX, 22). В Марбурге за обеденным столом он прибавил после этой просьбы, вслух, резким голосом и сжав руки: *Und dass unser Name für tausend Teufel verdammt werde* (Baum, *Capito u. Butzer*, p. 461).

⁹¹⁵ См. выше, §9. Köstlin, *Luthers Theologie*, II. 226, 290.

⁹¹⁶ *Der Sache vom Abendmahl ist viel zu viel gethan.*

⁹¹⁷ Гарденберг, реформатский служитель в Бремене (ум. в 1574), сообщает об этом разговоре, о котором ему якобы рассказал его друг Меланхтон. Но Меланхтон нигде о таком не упоминает. Штахлин (*John Calvin*, I. 228 sq.) верит в это, а Кестлин (*M. L.*, II. 627) не верит, считая, что здесь есть какое-то недопонимание. См. также: С. Bertheau, ст. «Hardenberg» в Herzog², V. 596 sq. См. Diestelmann, *Die letzte Unterredung Luthers mit Melancthon über den Abendmahlsstreit*, Göttingen, 1874; Кестлин о Дистельманне в «Studien und Kritiken», 1876, p. 385 sqq.; и Walte в «Jahrb. für prot. Theol.», 1883. Жаль, что мы не можем подтвердить правдивость этой истории, потому что именно такими *должны были бы быть* последние слова Лютера на данную тему.

Утешает, что Лютер никогда не сказал ни одного недоброго слова о Кальвине, который был на двадцать пять лет его младше. Он никогда его не видел, но читал некоторые из его книг и слышал о нем от Меланхтона. В послании к Буцеру от 14 октября 1539 г. он передает приветы Иоганну Штурму и Жану Кальвину, который жил в то время в Страсбурге, и добавляет, что с особым удовольствием читал их книги. Сюда относится и его мастерский ответ на письмо епископа Садолета (1539)⁹¹⁸. Меланхтон передавал Кальвину приветы от Лютера и Бугенгагена и сообщал ему, что он был «в великой милости у Лютера»⁹¹⁹, несмотря на разные мнения о реальном присутствии, и что Лютер надеялся на перемену мнения Кальвина к лучшему, но был готов и поучиться у такого человека⁹²⁰. Кальвин высказал свои взгляды на вечерю Господню в первом издании своих «Наставлений», которое вышло в 1536 г.⁹²¹, отчасти в ответе Садолету, который Лютер прочел «с удовольствием»⁹²², а более полно — в специальном трактате *De Coena Domini*, который был опубликован на французском языке в Страсбурге (1541), а затем на латыни (1545)⁹²³. Лютер должен был знать об этих взглядах. Говорят, что он видел экземпляр трактата Кальвина о евхаристии в книжном магазине в Виттенберге и после прочтения сказал: «Автор, без сомнения, ученый и благочестивый человек. Если бы Цвингли и Эколампадий с самого начала так себя вели, вероятно, такого спора не возникло бы»⁹²⁴.

Кальвин ответил на приветы Лютера через Меланхтона и послал ему два памфлета с письмом 21 января 1545 г., обращаясь к нему как ко «многочаждому отцу» и прося его разрешить сомнения нескольких обращенных французских беженцев. Он выразил желание «в течение нескольких часов наслаждаться счастьем его общества», но на земле это желание так и не исполнилось.

Меланхтон, боявшийся возобновления евхаристического спора, не осмелился доставить это письмо, единственное письмо от Кальвина к Лютеру, «потому что, — сказал он, — доктор Мартин подозрителен и не любит отвечать на такие вопросы, как те, что были к нему обращены»⁹²⁵.

⁹¹⁸ De Wette, V. 211: *Bene vale et salutabis Dr. Joannem Sturmium et Johannem Calvinum reverenter, quorum libellos cum singulari voluptate legi. Sadoleto optarem, ut crederet Deum esse creatorem hominum etiam extra Italiam.* Судя по последней фразе, он читал ответ Кальвина епископу Садолету. Говорят, что он сказал Круцигеру: «Это был замечательный ответ, и я рад, что Бог возвышает таких людей, которые нанесут папству последний удар и закончат войну с антихристом, начатую мною». Кальвин упоминает об этих приветях в своем *Secunda Defensio adv. Westphalum* (Opera, ed. Reuss, IX. 92).

⁹¹⁹ *Calvinus magnam gratiam iniit.*

⁹²⁰ Это письмо Меланхтона утрачено, но Кальвин упоминает о нем в послании к Фарелю, 1539 (Opera, X. 432). Вот слова Лютера: *Spero ipsum [Calvinum] olim de nobis melius sensurum, sed aequum est a bono ingenio nos aliquid ferre.*

⁹²¹ Ch. IV, p. 236 sqq. (*De Coena Domini*), Opera, I. 118 sqq.

⁹²² *Opera Calc.*, ed. Reuss, vol. V, 385-416. На листе 400 Кальвин отрицает *localis corporis Christ praesentia* в евхаристии, но утверждает *veram carnis et sanguinis communicationem quae fidelibus in coena exhibetur.*

⁹²³ Opera, V. 429-460.

⁹²⁴ Pezel, *Ausführliche Lehre vom Sacramentstreit*, Bremen, 1600, p. 137 sqq. См. Gieseler, vol. IV, 414 sq. (New York ed., в англ. переводе); Stähelin, *Joh. Calvin*, I. 227 (где полностью приводится рассказ Пецеля); Müller, *Dogmat. Abhandlungen*, p. 406; Köstlin, *M. L.*, II. 615, 687. В этой связи примечательно, что Лютер хорошо отзывался о швабской *Syngramma*, которая направлена против швейцарской теории, хотя и несовместима с теорией поедания, и тем самым наиболее близко подошел к кальвинистическому взгляду. См. Köstlin, *Luthers Theologie*, II. 147.

⁹²⁵ Opera, ed. Reuss, XII. 6 sq., 61 sq. *Letters*, ed. Constable, I. 416 sq.

Кальвин сожалел о «несдержанности природного нрава Лютера, который кипит по всякому поводу», а «иногда мечет молнии и против слуг Господа», но всегда ставил его выше Цвингли и призывал цюрихцев к умеренности. Услышав о последнем нападении Лютера, он написал благородное письмо Буллингеру 25 ноября 1544 г.⁹²⁶:

Я слышал, что Лютер разразился яростными оскорблениями не столько против вас, сколько против всех нас. В данном случае я не осмеливаюсь просить вас промолчать, потому что несправедливо так нападать на невиновных и лишать их возможности оправдаться; с другой стороны, надо подумать, будет ли мудро с их стороны оправдываться. Я хотел бы, чтобы вы в первую очередь помнили о том, сколь выдающимся человеком является Лютер, о его необыкновенных дарованиях, о той силе ума, о том решительном постоянстве и том великом навыке, той эффективности и мощи доктринальных заявлений, с которыми он до сих пор изо всех сил старался низвергнуть царство антихриста — и в то же время распространять повсюду учение о спасении. Часто я был готов сказать, что, даже если он объявит меня дьяволом, я не буду уважать его меньше и не перестану признавать его выдающимся служителем Бога...⁹²⁷ Поэтому я прошу вас прежде всего вспомнить, вместе с вашими коллегами, что вы имеете дело с самым выдающимся служителем Христа, перед которым все мы в великом долгу. Помимо этого, если вы будете ссориться, ничего хорошего из этого не выйдет, вы только дадите лишнюю возможность злодеям и поможете им повредить не столько нам самим, сколько благовестию. Если мы единодушно и в один голос проповедуем Христа, люди верят в то, что мы говорим; если же они будут видеть, как мы рвем друг друга на части, они осознают, что мы слабы, и смогут хулить нашу веру. Поэтому я хотел бы, чтобы вы думали обо всем этом, а не о том, какого ответа заслуживает Лютер в своем нетерпении, чтобы не случилось с вами того, о чем предупреждает Павел: угрызая и съедая друг друга, вы будете истреблены друг другом. Даже если Лютер спровоцировал нас, нам лучше отказаться от спора, чем усугублять раздор, который может привести к крушению церкви.

Таков был мудрейший христианский ответ из Женевы на гром из Виттенберга.

§110. Размышления об этике евхаристического спора

Догматика и этика, вера и поведение должны быть в гармонии, как учение и пример Христа, на которые они обязаны опираться. Но на практике они часто конфликтуют. История дает нам много примеров нечестивых защитников ортодоксии и благочестивых защитников гетеродоксии, нечестивых священников и святых еретиков. Ангелу Ефеса было велено остерегаться лжеапостолов, и его упрекали за то, что он оставил свою первую любовь; ангела Фиатире хвалили за добрые дела и упрекали за терпимость к заблуждениям. Одни люди ведут себя хуже, чем верят, а другие — лучше.

Мы не можем противопоставлять Лютера и Цвингли как ортодокса и еретика. По сути, они были согласны во всех основополагающих вопросах евангельской веры, что доказала Марбургская встреча. Разница в том, что для Лютера было характерно чуть больше католической ортодоксии и нетерпимости, а для Цвингли — чуть больше католического милосердия и свободы. Эта разница характеризует самих реформаторов и деноминации, представителями которых они являются.

Лютер считал себя выше Цвингли и ставил себе в заслугу то, что начал дело Реформации. Он полагал, что тем немногим, что швейцарцы знали о Евангелии, они были обязаны ему. Но на самом деле они были независимы от него, как Швейцарская республика от Германской империи, и знали Евангелие не хуже, чем он⁹²⁸.

⁹²⁶ *Letters*, I. 409 sq., *Opera*, XI. 774.

⁹²⁷ *Saepe dicere solitus sum: etiam si me diabolus vocaret, me tamen hoc illi honoris habiturum, ut insignem Dei servum agnoscam: qui tamen ut pollet eximiis virtutibus, ita magnis vitii s laboret.*

Но было бы весьма несправедливо объяснять поведение Лютера только упрямством и гордостью или другими эгоистичными мотивами. Он исходил из искренних убеждений. Он считал реальное присутствие фундаментальным догматом веры, неразрывно связанным с воплощением, с единством двух природ Христа и с мистическим единением верующих с Богочеловеком. Он боялся, что отрицание этого догмата приведет к отказу от таинств вообще — и от христианства в целом. Кроме того, он считал опасным и ужасным отход от того, с чем христианская церковь соглашалась в течение многих веков. Его благочестие коренилось в исторической католической вере. Ему очень тяжело было освободиться от папства. В ходе евхаристического спора участвовали все его католические инстинкты и ненависть к ереси. В своем рвении он не отдавал должного оппонентам и не ценил их мнение. Его чувства по сей день разделяет множество благочестивых и преданных лютеран, чья совесть запрещает им общаться с реформатами⁹²⁹. Мы можем жаловаться на узость их мышления, но должны уважать их убеждения, как уважаем убеждения превосходящих их количеством католиков, которые искренне верят в чудо пресуществления и в жертвоприношение мессы.

Помимо догматической позиции Лютера, мы должны принимать во внимание тот факт, что он не знал подлинного характера швейцарцев и их подлинного учения. До начала спора он практически ничего не слышал о швейцарской Реформации. Он даже не умел правильно писать имя Цвингли (он всегда называет его «Цвингель») и с трудом понимал его швейцарский диалект⁹³⁰. Он совершил большую ошибку, спутав Цвингли с Карлштадтом и фанатиками. Он обвинял его в том, что вечера Господня была превращена в простое принятие пищи, а хлеб и вино — в ничего не значащие символы. И хотя в Марбурге он обнаружил, что ошибается, он возвращается к своему заблуждению в последней книге, обвиняя

⁹²⁹ В своей книге *Dass die Worte Christi, etc.* (1527, Erl. ed., XXX. 11) он называет сакраментариев «своими нежными детьми, своими дорогими братьями, своими драгоценными друзьями» (*meine zarte Kinder, meine Brüderlein, meine gülden Freundlein*), которые ничего не знали бы о Христе и Евангелии, если бы Лютер не написал о них (*wo der Luther nicht zuvor hätte geschrieben*). Он сравнивал Карлштадта с Авессаломом и Иудой-предателем. К швейцарцам он относился не лучше: в послании к своему слепому почитателю Амсдорфу 14 апреля 1545 г. (De Wette, V. 728) он говорит, что они хранили молчание, в то время как он один противостоял гневу папства (*cum solus sudarem in sustinenda furia Papae*), а когда опасности больше не стало, они начали претендовать на звание победителей и пожалы плод его трудов (*tum eram-pabant triumphatores gloriosi. Sic, sic alius laborat, alius fruitur*). Доктор Доллингер (Luther, 1851, p. 29 sq.) считает, что горечь полемики Лютера против швейцарцев объясняется «ревностью и уязвленной гордостью», и называет его опровержение их доводов «очень слабым» и даже «нечестным» (*seine Polemik war, wie immer und gegen jedermann, in hohem Grade unehrlich*, p. 31). С этим обвинением в нечестности мы не можем согласиться.

⁹³⁰ Философ Штеффенс, который был далек от немилосердного фанатизма, всегда ездил из Берлина в Бреслау, чтобы причащаться с ортодоксальными старыми лютеранами. Епископ Мартенсен, один из величайших лютеранских богословов XIX века, только в случае крайней необходимости мог разделить причастие с кальвинистом, отрицающим то, что утверждал Лютер, и отстраняющимся от таинства реального присутствия (*Briefwechsel zwischen Martensen und Dorner*, Berlin, 1888, vol. I. 262 sq.). Потом он изменил свое мнение. Но я мог бы назвать выдающихся лютеранских богословов среди ныне здравствующих, которые не допустили бы даже такое исключение. В Америке лютеранская теория в основном уступила цвинглианской, пока ее не возродил немецкий синод в Миссури и она не нашла себе защитника в лице доктора Краута, который даже предложил всеобщему лютеранскому собору так называемое «Гальсбургское правило» (1875): «Лютеранские кафедры — только для лютеранских служителей, лютеранские алтари — только для лютеранских верующих».

⁹³¹ Латынь Цвингли лучше, чем его *Züridütsch*, на котором написаны его ответы на критику Лютера, также написанную по-немецки.

Цвингли также в лицемерии или отступничестве. Он считал его язычником и даже хуже язычника, как и Эразма.

Цвингли был здравомыслящим, сдержанным, сухим и спокойным (даже в своих радикальных отклонениях от линии Рима). Он был еще дальше от фанатизма, чем сам Лютер. Он был учеником классической и гуманистической школы Эразма. Он никогда не опирался так сильно на средневековую веру, и ему было гораздо проще, чем Лютеру, порвать со старой церковью. Это был человек разума, а не интуиции, не мистик, а, как мы сказали бы, рационалист. Однако он был верен Христу, верил в Слово Божье и в сверхъестественное так же твердо, как Лютер. Реформатские церкви до сих пор не менее чисты, верны, преданны и активны в христианском служении — и более склонны к рационализму, чем лютеране, отчасти по той самой причине, что они отводят разуму его законное место в догматических вопросах. Если Цвингли верил в спасение благочестивых язычников и некрещеных младенцев, это было не потому, что он сомневался в абсолютной необходимости спасительной благодати Христа, на которой он решительно настаивал, а просто потому, что для него благодать не ограничивалась рамками видимой церкви и обычными средствами наделения благодатью. В этом, как и в других моментах, он превосходил современные представления. Он не был так гениален, как Лютер, и мыслил и чувствовал не так глубоко, но он превосходил Лютера терпимостью, либеральностью и тактом. В этих качествах он опережал и эпоху в целом, а потому вызывает столько симпатий в современном мире.

Даже приняв во внимание серьезность религиозных убеждений Лютера и то, что он неправильно понимал своего оппонента, ничто не может оправдать дух и стиль, в которых Лютер вел полемику, особенно в последней книге против сакраментариев. Он вдохновлялся псалмами-проклятиями, а не Нагорной проповедью. Он говорил правду с ненавистью и гневом, а не с любовью.

В этом состоит изъян, присущий Реформации Лютера: в ней догматика ставилась выше этики, не хватало дисциплины и умения владеть собой. В том же году, когда Лютер написал свой самый яростный труд против сакраментариев, он серьезно подумывал о том, чтобы оставить Виттенберг, превратившийся в Содом. Таким, по его собственному свидетельству, был моральный упадок в самом центре его влияния⁹³¹. Требовалась вторая реформа и такие люди, как Арнд, Андреа, Шпенер и Франк, которые дополнили бы однобокую лютеранскую ортодоксию практическим благочестием. Кальвин, с другой стороны, после смерти оставил церковь Женевы в таком цветущем состоянии, что Джон Нокс объявил ее лучшей школой Христа со времен апостолов, а через шестьдесят лет Иоганн Валентин Андреа, один из благороднейших и чистейших лютеранских богословов XVII века, на основании личных наблюдений приводил ее лютеранской церкви в пример для подражания.

Полемика Лютера оказалась во вред лютеранской церкви. Он пробудил ту богословскую ярость, которая свирепствовала на протяжении жизни нескольких поколений и привела к преследованиям лучших людей, от Меланхтона до Шпенера. Его слепые последователи, спорившие друг с другом и с реформатами, подражали его ошибкам, но были лишены его гения и оригинальности. В своей

⁹³¹ В июле 1545 г. (De Wette, V. 732 sq.) он писал своей жене из Лейпцига, что не хочет возвращаться, что ей следует продать дом и перебраться «из этого Содома» в Цульсдорф. Он предпочел бы нищенствовать, чем страдать на старости лет, глядя на бесчинства в Виттенберге.

ревностной борьбе за так называемое «чистое учение» они забывали о долге вежливости и доброты, с которыми мы должны относиться даже к врагам⁹³².

Мы можем процитировать здесь взвешенное суждение доктора Дорнера, одного из самых способных и серьезных евангельских богословов Германии, который говорит в конфиденциальном послании к другу всей своей жизни епископу Мартенсену из Дании:

Я все больше и больше убеждаюсь, что величайший недостаток лютеранской церкви — неумение полностью оценить этическую сторону христианства. Это так часто видно из поведения защитников лютеранства! Им не хватает доброты и моральной культуры, которые помогают сочувственно отнестись к оппоненту. Оправдание верой заранее прикрывает все грехи, в том числе будущие, и оказывается всего лишь разновидностью индальгенции, тогда как лютеранское учение ведет, если посмотреть на сам его принцип, к более серьезной опоре на этику. Многие считают оправдание не началом процесса, а его целью. А потому мы нередко наблюдаем, как оправданный и ветхий человек стоят бок о бок, причем ветхий человек несколько не изменился. Лютеране, которые в своей литературной деятельности и общественном поведении ведут себя по примеру ветхого Адама, более строго относились бы к себе и боялись бы отпасть от благодати из-за такого поведения, если бы обладали более чуткой совестью и видели, чего в обязательном порядке требует принцип оправдания — тогда они бежали бы от такого поведения как от греха против совести. Учением об оправдании часто злоупотребляют, заставляя совесть замолчать, вместо того чтобы заставить ее пробудиться⁹³³.

Отношение Цвингли к Лютеру, если судить с этической точки зрения, было гораздо более благородным и христианским, хотя никоим образом не идеальным. Он также неправильно понимал и истолковывал Лютера, когда обвинял его в учении о *местном* присутствии и *плотском* поедании тела Христова. Он умел быть столь же суровым и знал, как отражать рапирой и кинжалом удары дубины и палицы виттенбергского реформатора. Но даже в пылу спора он никогда не забывал о великих заслугах Лютера и не раз отдал ему дань искреннего восхищения.

За тысячу лет, — говорит Цвингли, — не появлялось более мощного исследователя Святого Писания, чем Лютер. Никто не сравнится с ним в мужестве и непре-

⁹³² Эти защитники лютеранской ортодоксии были не просто *Lutherisch*, но и *verluthert, durchluthert* и *überluthert*. Они исполнили предсказание великого реформатора: *Adorabunt stercora mea*. Их девизы были:

*Gottes Wort und Luther's Lehr
Vergehet nun und nimmermehr*

и:

*Gottes Wort und Luther's Schrift
Sind des Papst's und Calvini Gift.*

Он полагали, что пример Лютера позволяет им ругаться как им вздумается и нарушать все законы вежливости и такта. Они называли реформатов «псами», а Бога, Которому поклоняется Кальвин, — «ревушим быком» (*Brüllochse*), «кровожадным Молохом» и «адским бегемотом». Они обвиняли реформатов в том, что те учат и поклоняются дьяволу (*den leibhaftigen Teufel*), а не живому Богу. Один из них доказал, что «проклятые еретики-кальвинисты имеют шестьсот шестьдесят шесть [число из Апокалипсиса!] общих качеств с турками». Другой написал книгу, чтобы заключить: цвинглианцы и кальвинисты — вовсе не христиане, а просто крещеные иудеи и мусульмане. *O sancta simplicitas!* О нетерпимости этих защитников лютеранской ортодоксии см. исторические труды Арнольда, Планка, Толука (*Der Geist der lutherischen Theologen Wittenbergs im 17ten Jahrh.*, 1852, p. 279 sqq.), а также пятый том Янсена.

⁹³³ *Die Rechtfertigungslehre wird vielfach zur Einschläferung statt zur Schärfung des Gewissens missbraucht.* См. письмо Дорнера от 14 мая 1871 г. в *Briefwechsel*, vol. II, 114. Дорнер и Мартенсен, оба магистры в христианской догматике и этике, оставили весьма назидательную и интересную дружескую переписку, продолжавшуюся более сорока лет. В ней затронуты все богословские и церковные проблемы того времени, и она не прекращалась даже во время серьезных шлезвиг-гольштейнских разногласий между Германией и Данией, которые в конце концов привели к открытой войне (1864). Эта переписка в богословии имеет такое же значение, как переписка Шиллера и Гете в области поэзии и искусства.

клонности, с которыми он атаковал папство. Но чье это дело? Бога или Лютера? Спросите самого Лютера, и он скажет, что Бога. Он основывает свое учение на Боге и на Его вечном Слове. Насколько я читал его труды (хотя нередко я намеренно воздерживался от этого), я находил, что они основаны на Писании. Его единственное слабое место в том, что он слишком уступает романистам в вопросе о таинствах и об исповеди перед священником и терпит изображения в церквях. Если он поспешен и резок в речах, то его слова все равно исходят от благочестивого и искреннего сердца, идут от пылкой любви к истине... Другие люди познавали истинную веру, но никто не осмеливался нападать на Голиафа в его великолепной броне. Один лишь Лютер, как истинный Давид, Божий помазанник, так умело метал камни, взятые из Божьего источника, что гигант упал на землю. Поэтому давайте радостно петь: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!» (1 Цар. 18:7). Он был Геркулесом, который убил римского вепря... Я всегда был благодарен своим учителям, но еще больше я благодарен этому замечательному человеку, которого никогда не смогу превзойти в чести и заслугах! Ни с кем на земле мне не хотелось бы согласиться больше, чем с виттенбергцами... Многие нашли истинную веру до того, как Лютер стал известен. Я узнал Евангелие из того же источника Писания и начал проповедовать его в 1516 г. (в Эйнсидельне). Тогда я усердно изучал и переписывал собственноручно греческие послания Павла⁹³⁴, но лишь потом услышал имя Лютера. Он проповедует Христа, как и я, слава Богу. И пусть не призывают меня от иного имени, чем от имени Христа, воинами Которого мы стали⁹³⁵.

Я мог бы прибавить здесь беспристрастное свидетельство доктора Кестлина, лучшего биографа Лютера (причем сам он лютеранин):

Цвингли умел держать себя в руках. Даже когда он в негодовании, когда он намеренно резок и язвитель, он избегает тона страстного возбуждения и выражается спокойным языком горожанина-гуманиста, тем самым доказывая свое превосходство над оппонентом. Так что подозрение Лютера, будто Цвингли сам не был уверен в своих взглядах и притворялся, неоправданно. Полемика Цвингли прямо противоположна той, что мы встречаем в книге Лютера «Таковы слова Христа» и т. д. Но есть и другой момент. Цвингли презрительно отзывался об авторах и о содержании *Syngramma*, которую Лютер одобрил, и явно намекает на гнев, презрение, ревность, дерзость и другие качества Лютера, плохо скрытые под маской храбрости, постоянства и т. д. То там, то здесь он называет доводы Лютера «ребяческими», «фантастическими» и т. д. Еще важнее, что мы не видим в его словах понимания глубинных богословских мотивов Лютера, как и у Лютера мы не наблюдаем понимания подобных мотивов Цвингли... Цвингли считает Лютера упрямым слепцом, а Лютер Цвингли — пособником дьявола⁹³⁶.

§111. Сравнение теорий о евхаристии. Лютер, Цвингли, Кальвин

Теперь мы представим ради ясности, хотя и рискуя повториться, три протестантские теории о реальном присутствии Христа в причастии, вместе с основными доводами.

В отрицательном плане Лютер, Цвингли и Кальвин единодушны, когда не принимают учения о пресуществлении, о жертвоприношении мессы и лишения мирян чаши. В утверждающем плане они едины в следующих важных моментах: в божественном установлении и в постоянной необходимости вечери Господней, в духовном присутствии Христа, в характере этого обряда как воспоминания об искупительной жертве Христа, в его важности как высшего акта покло-

⁹³⁴ Эта аккуратная рукопись до сих пор хранится в библиотеке Вассеркирхе в Цюрихе, где я изучал ее в августе 1886 г.

⁹³⁵ Я привожу здесь основные из нескольких отрывков, разбросанных по его полемическим произведениям и собранных в полезном издании Zwingli, *Sämmtliche Schriften*, Usteri and Vögelin, vol. II, part II, p. 571 sqq.

⁹³⁶ *Martin Luther*, II. 96 sq.

нения и общения со Христом и в особом благословении для всех тех, кто достойным образом принимает причастие.

Они расходятся в трех моментах: в способе присутствия Христа (телесном или духовном); в способе усвоения Его плоти и крови (плотском и по вере); и в степени воздействия обряда (на всех или только на верующих). Это, скорее, логические, чем религиозные разночтения. Вечеря Господня не создавалась для неверующих. Когда Павел говорил о «недостойном» принятии таинства (1 Кор. 11:27), он имел в виду не богословское и теоретическое неверие, а отсутствие этического достоинства, неподобающий дух и поведение.

I. ЛЮТЕРАНСКАЯ ТЕОРИЯ учит реальному и сущностному присутствию самой плоти и крови Христа — Который был рожден от Девы Марии и пострадал на кресте — *в, с и под* видом (*in, sub, cum*) даров хлеба и вина. Она учит поеданию обеих сущностей всеми причащающимися, как достойными и верующими, так и недостойными и неверующими, хотя и с противоположным эффектом. Одновременное сосуществование или присутствие двух сущностей — это не ограниченное местом вхождение одной сущности в другую (импанация) и не смешение, не слияние двух сущностей в одну. Оно не постоянно, но исчезает с окончанием таинства. Оно описывается как таинственное, сверхъестественное, непостижимое объединение⁹³⁷. Земные хлеб и вино остаются неизменными и сохраняют свою индивидуальность в том, что касается их сущности и силы, но при этом они становятся божественным средством, передающим человеку небесную сущность плоти и крови Христа. Они становятся таковыми не в силу освящения священником, как в случае с пресуществлением, но властью Бога и Его Слова. Принятие тела происходит через рот, но оно не капернаитское и отличается от поглощения обыкновенной пищи⁹³⁸. Смысл и задача вечера Господней — это в основном подтверждение прощения грехов для утешения верующего⁹³⁹.

⁹³⁷ Лютеранские богословы XVII века описывают реальное присутствие как *sacramentalis, vera et realis, substantiatis, mystica, supernaturalis, et incomprehensibilis*, и отличают его от *praesentia gloriosa, hypostatica, spiritualis, figurativa*, а также от *ἀπουσία* (отсутствие), *ἐνοουσία* (небытие), *συλλογία* (сосуществование в смысле сращения) и *μετουσία* (пресуществление).

⁹³⁸ *Formula Concordiae* (Epitome, art. VII, negativa 21) с негодованием отвергает представление о пережевывании даров как коварную хулу сакраментариев. Но Лютер в наставлении к Меланхтону от 17 декабря 1534 г. признает своим собственным мнением, от которого он не желает отказываться, такое: «Тело Христово раздается, поглощается, его кусают зубами» (*Und ist Summa das unsere Meinung, dass wahrhaftig in und mit dem Brod der Leib Christi gessen wird, also dass alles, was das Brod wirket und leidet, der Leib Christi wirke und leide, dass er ausgetheilt, gessen, und mit den Zähnen zubissen [zerbissen] werde*, De Wette, IV. 572). Смотри также его письмо к Юсту Ионасу от 16 декабря 1534 г., vol. IV, 569 sq. Дорнер полагает, что Лютер говорит здесь *per synecdochen*, однако такую возможность исключают слова: «Те страдания, которые переносит хлеб, переносит и тело Христово». Меланхтон отказался действовать по данной инструкции (см. его письмо к Камерарию от 10 января 1535 г. в «*Corp. Reform.*», II. 822) и примерно в это время изменил свое отношение к реальному присутствию. Он изменил мнение вследствие возобновления евхаристического спора и своего общения с Кальвином.

⁹³⁹ Обычно лютеранскую теорию определяют с помощью удобного слова *восуществление* (консубстанциация), но лютеранские богословы отвергают его как неверно передающее смысл. Цвинглианцы с их представлением о телесности не могли представить себе телесное присутствие без местного, а Лютер, который различал три вида присутствия и считал тело Христа вездесущим, мог. Схоластический термин *consubstantiatio* не так четко определен, как *transubstantiatio*, и он вполне может использоваться в разных смыслах: 1) смешение двух сущностей (которому никто никогда не учил); 2) включение одной сущности в другую (*impanatio*); 3) мистическое сосуществование двух сущностей в одном месте при сохранении целостности каждой из них. В первых двух смыслах этот термин неприменим к теории Лютера. Сочетание *in pane* может предполагать импанацию, но к нему добавляются уточнения: *sub* и *cum*. Доктор Штейц в ученой статье о пресуществлении (в Herzog¹, XVI. 347, во втором издании — XV.

Такова схоластическая формулировка учения, приведенная в Формуле согласия и у лютеранских богословов XVII века.

Вот как лютеранская церковь говорит о вечере Господней в своих вероисповеданиях.

АУГСБУРГСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ 1530 г.

Ст. X. О вечере Господней они учат, что [истинное] тело и кровь Христа⁹⁴⁰ действительно присутствуют [под видом хлеба и вина]⁹⁴¹, и они [таким образом]⁹⁴² передаются [и принимаются]⁹⁴³ теми, кто принимает⁹⁴⁴ вечерю Господню. И они не одобряют тех, кто учит иному⁹⁴⁵.

ИЗМЕНЕННОЕ АУГСБУРГСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ 1540 г.

По поводу вечери Господней они учат, что с хлебом и вином тем, кто вкушает вечерю Господню⁹⁴⁶, воистину представлены⁹⁴⁷ тело и кровь Христа.

ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКИЕ СТАТЬИ (ЛЮТЕРА), 1537 г.

По поводу алтарного таинства мы утверждаем, что хлеб и вино в вечере есть воистину тело и кровь Христа, и они предлагаются не только благочестивым, но и неблагочестивым христианам, а также принимаются и теми, и другими.

В тех же статьях Лютер осуждает пресуществление как «тонкости софистики» (*subtilitas sophistica*), а римскую мессу — как «величайшую и самую ужасную скверну» (*maxima et horrenda abominatio*). Pars III, Art. VI, Müller ed., pp. 301, 320.

829) приписывает лютеранской церкви третий взгляд на восуществление, а самому Лютеру — второй, а именно: *die sacramentliche Durchdringung der Brots substanz von der Substanz des Leibes*. Такой вывод вроде бы оправдан примером Лютера о наличии огня в раскаленном металле, однако огонь и металл при этом остаются разными сущностями. Но в любом случае Лютер решительно отрицал *местное* или *физическое* проникновение одного в другое. Лютеранские богословы в Америке очень не любят, когда им приписывают веру в восуществление.

⁹⁴⁰ В латинском тексте написано просто *corpus et sanguis Christi*; в немецком — *wahrer Leib und Blut Christi*.

⁹⁴¹ *Vere adsint et distribuantur*. В немецком тексте добавлено: *unter der Gestalt des Brots und Weins*. Разница между латинским и немецким текстами в оригинале указывает на некоторые колебания Меланхтона, если не на изменение его мнения, которое отразилось в пересмотренном вероисповедании.

⁹⁴² В немецком тексте: *da*.

⁹⁴³ В немецком тексте: *und genommen wird*.

⁹⁴⁴ *Vescentibus*. В немецком тексте нет эквивалента этого глагола.

⁹⁴⁵ *Et improbant secus docentes*. На немецком: *Derhalben wird auch die Gegenlehre verworfen*, «следовательно, другие учения отвергаются». Имеются в виду сакраментарии (цвинглианцы), но не кальвинисты, учение которых появилось шесть лет спустя, в 1536 г. Термин *improbant* вместо папского *damnant* и *anathema sit* указывает на прогресс в области терпимости. Цвинглианская точка зрения не осуждается как ересь, но просто не одобряется, как заблуждение. Формула согласия была в этом отношении шагом назад: там используются *repudiamus* и *damnamus*.

⁹⁴⁶ О неодобрении в адрес тех, кто учит иначе, ничего не говорится, и это сделано, без сомнения, совершенно преднамеренно — с учетом взглядов Кальвина, которые были обнародованы примерно в то же время и к которым склонялся сам Меланхтон.

⁹⁴⁷ *Cum pane et vino exhibeantur*, вместо *vere adsint et distribuantur*. Глагол *exhibit* не обязательно предполагает реальное *принятие* причастия неверующими, в то время как глагол *distribute* предполагает. Дорнер также отмечает эту разницу (*l. c.*, p. 324).

ФОРМУЛА СОГЛАСИЯ (1577).**КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ, СТАТЬЯ VII. УТВЕРЖДЕНИЕ**

I. Мы верим, учим и исповедуем, что в вечере Господней плоть и кровь Христа воистину и по сути присутствуют и что они действительно раздаются и принимаются вместе с хлебом и вином.

II. Мы верим, учим и исповедуем, что слова заповеди Христа не следует понимать иначе как буквально, как они звучат, так что хлеб не означает отсутствующее тело Христа, а вино — отсутствующую кровь Христа, но вследствие таинственного единения хлеб и вино воистину есть плоть и кровь Христовы.

III. Более того, что касается освящения, мы верим, учим и исповедуем, что никакие человеческие дела, никакие слова служителей церкви не приводят к появлению плоти и крови Христовых в вечере, но это совершается одной лишь всемогущей властью нашего Господа Иисуса Христа.

IV. Однако мы верим, учим и исповедуем, по единодушному согласию, что Христовы слова учреждения никоим образом нельзя забывать во время вечери Господней, но их следует публично повторять, как написано (1 Кор. 10:16): «Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой?» и т. д. И это благословение совершается вследствие произнесения слов Христа.

V. Итак, позиции, на которых мы стоим в споре с сакраментариями, следующие, и доктор Лютер изложил их в своем «Большом исповедании» о вечере Господней:

Первое наше основание — это догмат нашей христианской веры, а именно: Иисус Христос по природе и сущности есть истинный, совершенный Бог и человек в единстве личностей, неслиянных и нераздельных.

Во-вторых: Правая рука Бога находится повсюду; Христос в том, что касается Его человеческого природы, действительно и на самом деле находится одесную Бога, и в настоящее время управляет, как говорит Писание (Еф. 1:22), всем, что находится на небесах и на земле. По правую руку Бога нет больше ни одного человека и даже ангела, но там восседает только Сын Марии, способный совершить все то, о чем мы говорили.

В-третьих: Слово Божье не может лгать и обманывать.

В-четвертых: Бог знает, как быть в нескольких местах одновременно, и может это. Он не ограничен одним местом, что бы ни говорили философы.

VI. Мы верим, учим и исповедуем, что плоть и кровь Христа принимаются с хлебом и вином не только духовно через веру, но также устами, хотя не по-капернаитски, но духовным и небесным образом, посредством мистического единения. Ибо об этом ясно свидетельствуют слова Христа, в которых Он призывает нас принять, есть и пить, и апостолы делали это, как упоминает Писание (Мк. 14:23): «И пили из нее все». Павел пишет: «Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?»; то есть тот, кто ест этот хлеб, ест тело Христа.

С этим же единодушно соглашались главные из древних учителей церкви: Златоуст, Киприан, Лев I, Григорий, Амвросий, Августин.

VII. Мы верим, учим и исповедуем, что не только истинные верующие во Христа, которые достойно принимают вечерю Господню, но также и недостойные и неверующие принимают истинное тело и истинную кровь Христа, но они не получают от этого ни утешения, ни жизни. Причастие ведет их только к суду и осуждению, если они не обратятся и не покаются (1 Кор. 11:27,29).

Ибо если они не принимают Христа как Спасителя, они вынуждены, даже если им этого совсем не хочется, принять Его как строгого Судью. И Он истинно осуждает этих нераскаявшихся гостей, равно как истинно дает утешение и жизнь сердцам верующих и достойных.

VIII. Мы верим, учим и исповедуем, что есть только один вид недостойных — те, кто не верит. О них написано (Ин. 3:18): «Неверующий уже осужден». Этот суд ужесточается и становится более суровым, если недостойный принимает вечерю Господню (1 Кор. 11:29).

IX. Мы верим, учим и исповедуем, что ни один истинный верующий, пока он хранит живую веру, не может принимать вечерю Господню себе во вред, даже если вера его слаба. Ибо вечеря Господня была прежде всего учреждена для слабых в вере,

которые, однако, каются, чтобы из нее они получали подлинное утешение и укрепление их слабой веры (Мф. 9:12; 11:5,28).

Мы верим, учим и исповедуем, что достоинство принимающих небесную вечерю заключается только в святом повиновении и совершенной заслуге Христа. Они вменяются нам в подлинной вере и в какой-то степени становятся нашим достоинством, что подтверждается для нас в таинстве. Но достоинство никоим образом не зависит от наших добродетелей, нашей внутренней или внешней подготовки.

Три главных аргумента в пользу лютеранской теории — это буквальное понимание слов учреждения, вездесущие тела Христова и вера, преобладавшая в церкви до Реформации.

1. Что касается буквального толкования, на нем невозможно настаивать, и почти все современные экзегеты отказались от него как от не соответствующего контексту⁹⁴⁸.

2. Вездесущие тела Христова — это идея, в которой есть значительная доля правды, но это лишь догматическая гипотеза без веских обоснований из Писания, и ее трудно согласовать с фактом вознесения и с природой тела, если не сводить понятие тела к чисто потенциальному или динамическому присутствию, которое делает возможным для Христа использовать Свою богочеловеческую силу и влияние, где Ему угодно⁹⁴⁹.

Примеры Лютера — солнце, которое сияет повсюду, голос, который звучит в тысячах ушей и сердец, глаз, который одновременно видит разные предметы, — указывают на динамическое присутствие, с которым Кальвин полностью согласен.

⁹⁴⁸ Я упомяну среди комментаторов (на Мф. 26:26 и параллельные места) Де Ветте, Мейера, Вейсса (седьмое издание Мейера, стр. 504 и далее), Блика, Эвальда, Ван Остерзее, Алфолда, Морисона и др.; среди лютеранских и лютеранствующих богословов — Кахниса, Ю. Мюллера, Мартенсена, Дорнера. Библия, верная своему восточному происхождению и характеру, от Бытия до Откровения полна притчей, метафор и образных выражений. Глагол-связка *ἔστι*, «есть» (которого не могло быть в арамейском оригинале) — это просто логическая связка, и она может указывать как на буквальное, так и не переносное значение подлежащего и сказуемого; все зависит от контекста. Я могу сказать о портрете Лютера: «Это Лютер», т. е. «Это есть его изображение». Данный глагол имеет символический или аллегорический смысл во многих местах, таких как Мф. 13:38 и далее; Лк. 12:1; Ин. 10:6; 14:6; Гал. 4:24; Евр. 10:20; Отк. 1:20. Еще важнее, что даже в словах учреждения сам Лютер допускал наличие двойной метафоры, а именно: 1) синецдохи, когда вся вещь называется ее частью, *partis pro toto* (то есть он не мог не признать, что слова «Сие есть тело Мое» означают «Сие есть тело Мое и хлеб» — потому что только таким пониманием он избегал пресуществления, отрицающего, что хлеб по-прежнему сохраняет сущность хлеба; 2) а также синецдохи, когда содержание именуется по содержащей его емкости, *continentis pro contento* (то есть слова «Сия чаша есть новый завет в Моей крови» означают «Находящееся в этой чаше вино есть новый завет» и т. д.). Все действия Иисуса здесь символичны. В то время Христос был жив, Он говорил со Своими учениками, Его тело не было еще преломлено, кровь не была еще пролита, а потому Он не мог предлагать им Свое тело буквально. При такой мысли они содрогнулись бы от ужаса или, как минимум, выразили бы свое удивление. Кахнис, ортодоксальный лютеранин, пришел к выводу (1861), что «буквальное толкование слов учреждения невозможно и от него следует отказаться» (см. первое издание его *Luth. Dogmatik*, I. 616 sq.). Дорнер говорит (*Christl. Glaubenslehre*, II. 853): «Нет сомнений, что *ἔστι* следует понимать в переносном смысле, и этого никогда не следовало отрицать. Достаточно обратить внимание на притчи». Мартенсен, выдающийся датский лютеранин (*Christl. Dogmatik*, p. 491), соглашается с толкованием Цвингли и считает, что «здравый смысл имеет большее значение, чем обычно склонны считать лютеранские богословы».

⁹⁴⁹ Лютеранские богословы разделились, и одна их часть склоняется к идее *абсолютного* вездесущия (которое включает в себя слишком много и ведет к некой разновидности панхристизма или христопантеизма), а другая — к идее *относительного* вездесущия, или *multivolipraesentia* (которое ставится в зависимость от воли Христа). Формула согласия непоследовательна, и в ней выражены оба взгляда. См. Dorner, *History of Christology*, II. 710 sqq. (Germ. ed.), и Schaff, *Creeeds*, I. 322, 325 sq., 348.

3. Исторический довод также может доказывать слишком много, если мы не будем ограничиваться сущностью истины, лежащей в основе несовершенных человеческих теорий и формул. Ведь в ходе своей истории церковь долго верила и в пресуществление, и в жертвоприношение мессы, а не только в буквальность слов учреждения. Реальное присутствие Христа среди Его народа — это действительно драгоценная истина, от которой нельзя отказываться. Это сама жизнь церкви, утешение и воодушевление верующих изо дня в день. Он обещал постоянно присутствовать среди нас не только в Духе или Своим влиянием, но и как личность Богочеловека: «И се Я с вами во все дни». Невозможно абстрактно разделить божественное и человеческое в Богочеловеке. Он — Глава церкви, Его тела. Он наполняет все во всем. Церковь не может отказаться и от той важной истины, что Христос есть хлеб жизни, что Он питает, духовным и небесным образом, душу верующего, которая нуждается в Нем для жизни, как ветвь лозы — в лозе. Эту истину символизирует чудесное насыщение толпы, и о ней говорится в мистической речи из шестой главы Иоанна.

По этой части Лютер был прав, когда выступал против сакраментариев, хотя он и заблуждался в плане формулировок. Его взгляды мистичны, но глубоки, а взгляды Цвингли ясны, но поверхностны. Первый руководствуется религиозным чувством, второй — здравым пониманием и разумом.

II. ТЕОРИЯ ЦВИНГЛИ. Вечеря Господня — это торжественное воспоминание об искупительной смерти Христа, согласно Его собственной заповеди: «Сие творите в Мое воспоминание», и словам Павла: «Всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет»⁹⁵⁰. Цвингли подчеркивал этот изначальный характер установления как дара от Бога человеку, в отличие от римской мессы как жертвы, которую человек приносит Богу⁹⁵¹. Он сравнивает таинство с обручальным кольцом, которое скрепляет брачный союз между Христом и верующим. Он отрицает телесное присутствие, потому что Христос вознесся на небеса, а тело не может присутствовать одновременно во многих местах, и две сущности не могут одновременно быть в одном и том же месте. Но он допускал духовное присутствие, ибо Христос есть вечный Бог, Его смерть вечно плодотворна и действительна⁹⁵². Он отрицал телесное поглощение даров как капернаитское и бесполезное, но допускал духовное причащение к распятому телу и крови через веру. Христос — это одновременно «дар и пир» во время святого причастия.

Его последнее высказывание на тему евхаристии (в вероисповедании для короля Франциска I) звучит так:

Мы верим, что Христос воистину присутствует в вечере Господней; без такого присутствия не было бы причастия... Мы верим, что во время причастия поглощается истинное тело Христа, но не в плотском и вульгарном смысле, а мистическим духовным образом через верующее, набожное и благочестивое сердце⁹⁵³.

⁹⁵⁰ Цвингли называет это таинство *ein Wiedergedächtniss und Erneuern dessen, was einst geschehen und in Ewigkeit kräftig ist*. Его взгляды на вечерю Господню последовательно изложены Устери и Фогелином в *Zwingli, Sämtliche Schriften im Auszuge*, vol. II. 70-167.

⁹⁵¹ Дорнер (*Gesch. der protest. Theol.*, p. 300) пишет: *Das Charakteristische in allen Schriften Zwingli's vor 1524 ist sein Gegensatz gegen das heil. Abendmahl als Opfer und Messe*. Такого же мнения придерживается Эбард.

⁹⁵² Он говорил в Марбурге и в двух вероисповеданиях, адресованных Карлу I и Франциску I, о своей всецелой вере в Божественность Христа в том смысле, в каком она определена в Никейском и Афанасьевском символах веры. Дорнер говорит (*l. c.*, p. 302): *Dass Zwingli Christum gegenwärtig denkt, ist unleugbar; er sei bei diesem Mahle Wirth und Gastmahl (hospes et epulum)*.

⁹⁵³ *Christum credimus vere esse in coena, immo non esse Domini coenam nisi Christus adsit... Adserimus*

Этот отрывок так близок к кальвинистическому мнению, что трудно найти между ними отличия. Кальвин был несправедлив к Цвингли, когда однажды в конфиденциальном письме назвал его более раннее учение о евхаристии «позорным»⁹⁵⁴. Но в своих полемических трудах Цвингли слишком большое внимание уделяет отсутствию тела Христа, в то время как утверждающая сторона — Его духовное присутствие — подчеркнута им недостаточно. Без сомнений, вечеря Господня — это воспоминание об историческом Христе прошлого, но это также и живое общение с вечно живым Христом, Который одновременно находится и на небесах, и в Своей церкви на земле.

Теория Цвингли не была унаследована ни одной из ведущих реформатских конфессий, но ее приняли арминиане, социниане, унитарии и рационалисты. В течение какого-то времени она была весьма распространена во всех протестантских церквях, даже лютеранских. Касательно рационализма стоит добавить, что они отрицают то, во что Цвингли свято верил, — Божественность Христа, — тем самым лишая вечерю Господню ее глубинного смысла и силы.

III. ТЕОРИЯ КАЛЬВИНА. Кальвин был величайшим из богословов и лучшим автором среди реформаторов. Его «Наставления в христианской вере» имеют для реформатского богословия почти такое же значение, как «Сумма» Фомы Аквинского для Римской церкви. Он организовал идеи Реформации в ясную и емкую систему, которая отличается оригинальностью и глубиной мысли, убедительностью логики, мастерским изложением на латинском и французском языках⁹⁵⁵.

Его теория о вечере Господней — *via media* между Лютером и Цвингли. Он соединяет реализм одного с духовностью другого — сохраняет сущность того, за что сражался Лютер, но избегает сомнительных формулировок. Он опирается на толкование Цвингли. Он принимает символическое значение слов учреждения, отвергая телесное присутствие, поглощение через рот, возможность принятия тела неверующими и вездесущие тела Христова. Но в то же время он настаивает на реальном духовном присутствии и реальном духовном причастии телу и крови Христа через веру. В то время как Цвингли в основном отрицал, Кальвин подчеркивает утверждающую сторону. Рот принимает видимые знаки, хлеб и вино, а душа в то же время принимает в вере, и только в вере, то, что хлеб и вино символизируют и запечатлевают, то есть тело и кровь Христа, а с ними блага Его искупительной смерти и добродетель Его бессмертной жизни. Кальвин соединяет распятого Христа с прославленным Христом, приводя верующего в контакт со Христом во всей Его полноте. Он уделяет большое внимание посредничеству Святого Духа в отправлении таинства, о чем Лютер и Цвингли не говорили, но

---

igitur non sic carnaliter et crasse manducari corpus Christi in coena, ut isti perhibent, sed verum Christi corpus credimus in coena sacramentaliter et spiritualiter edi, a religiosa, fidei et sancta mente, quomodo et divus Chrysostomus sentit. Et haec est brevis summa nostrae, immo non nostrae, sed ipsius veritatis, sententia de hac controversia. Niemeyer, *Collectio Confess.*, pp. 71, 72.

⁹⁵⁴ Послание к Вире, сентябрь 1542 г.: *De scriptis Zwinglii sic sentire, ut sentis, tibi permitto. Neque enim omnia legi. Et fortassis sub finem vitae, retractavit ac correxit in melius quae temere initio exciderant. Sed in scriptis prioribus memini, quam profana sit de Sacramentis sententia* (*Opera*, XI. 438).

⁹⁵⁵ Анри Мартен (*Histoire de France*, том. VIII, 188 sq.) говорит, что «Наставления» Кальвина сделали религиозным кодексом Реформации во Франции и в большей части Европы и что это — «настоящая “Сумма” богословия, которая касается даже гражданского порядка общества, причем, в отличие от труда Фомы Аквината, речь идет не об установившейся системе, а о той, которую предстоит установить... Лютер привлекает, а Кальвин производит впечатление и удерживает... Воля и логика, таков Кальвин» (р. 185). Он называет его «первым из авторов в том, что касается длительности влияния его языка и стиля».

которое упоминается в древних литургиях в виде призвания Святого Духа. Именно Святой Дух сверхъестественным образом объединяет то, что пространственно разделено, и передает причащающимся верующим животворящую плоть Христа, прославленного на небесах⁹⁵⁶. Когда Кальвин требует от причащающегося подняться на небеса, чтобы там питаться Христом, он, конечно же, имеет в виду не реальное перемещение, а молитвенное *sursum corda* древних литургий, которое необходимо для любого акта поклонения и осуществляется силой Святого Духа.

Кальвин обсуждал тему евхаристии неоднократно и полно в своих «Наставлениях» и в отдельных трактатах. Я выбрал несколько мест из «Наставлений» (книга IV, гл. XVII, 10 и сл.), где изложены его основные мысли на данную тему:

10) Суть в том, что тело и кровь Христа питают наши души, как хлеб и вино поддерживают и питают нашу телесную жизнь. Ибо эти символы не были бы уместны, если бы наши души не находили питания во Христе. Такого не могло бы быть, если бы Христос воистину не был един с нами и не подкреплял нас принятием Своей плоти и Своей крови. Но, хотя кажется невероятным, что тело Христа, находящееся так далеко от нас пространственно, может стать для нас пищей, давайте вспомним, насколько тайная благодать Святого Духа превосходит все наши представления и сколь неразумно стараться измерить ее безмерность при наших слабых способностях. А потому давайте воспринимать в вере то, чего мы не можем постичь разумом, а именно: что Дух воистину объединяет вещи, разъединенные пространственно. Об этом священном причащении плоти и крови, через которое Христос наделяет нас Своей жизнью, свидетельствует и удостоверяет вечеря — не как пустой и бессмысленный символ, но как эффективное деяние Духа, посредством которого Он исполняет Свои обещания. И воистину то, что означают эти дары, Он являет и предлагает всем, кто сидит на духовном пиру, хотя во благо их принимают только верующие, усваивающие эту великую благодать с подлинной верой и сердечной благодарностью...

18) ...Телесно Христос удалился от нас, и Его тело вознеслось на небеса, где Он сидит одесную Отца, то есть правит во власти и могуществе, во славе Отца. Это царство не ограничено пространством и не сводится ни к каким определенным размерам. Христос может действовать везде, где пожелает, на земле и на небесах. Он может являть Свое присутствие и Свою власть, может всегда быть со Своим народом, вдыхать в него Свою собственную жизнь, жить в верующих, укреплять их, утверждать, давать им силы, хранить их, словно Он пребывает с ними телесно; наконец, Он может питать их Своим собственным телом, причастием, которое Он передает им. И именно таким образом тело и кровь Христа выступают в таинстве.

19) Присутствие Христа на вечере следует понимать так, чтобы не присоединять Его тело к сущности хлеба, и не заключать Его в хлебе, и не ограничивать Его каким-либо образом (потому что подобное явно лишило бы Его небесной славы); более того, в понимании этого присутствия мы не должны ни лишать Его свойственных Ему качеств, ни расчленять Его тело по разным местам, ни приписывать этому телу бесконечные размеры, размазывая по небесам и земле. Подобное явно противоречило бы Его истинной человеческой природе. Давайте не будем забывать о двух ограничениях. Во-первых, ничто не может умалить небесной славы Христа. А именно к этому привело бы ограничение Его тела тленными предметами земного мира или прибавление Его тела к какому-либо земному существу. Во-вторых, не следует приписывать Ему качества, не соответствующее Его человеческой природе. А имен-

⁹⁵⁶ Некоторые из сильнейших отрывков на эту тему встречаются в его трактатах против Вестфалия. Во «Второй защите» он говорит: *Christum corpore absentem doceo nihilominus non tantum divina sua virtute, quae ubique diffusa est, nobis adesse, sed etiam facere ut nobis vivi fica sit sua caso (Opera, IX, 76). Spiritus sui virtute Christus locorum distantiam superat ad vitam nobis e sua carne inspirandam* (p. 77). И в последнем увещании: *Haec nostrae doctrinae summa est, carnem Christi panem esse vivificum, quia dum fide in eam coalescimus, vere animas nostras alit et pascit. Hoc non nisi spiritualiter fieri docemus, quia hujus sacrae unitatis vinculum arcana est et incomprehensibilis Spiritus Sancti virtus* (p. 162). Хорошее изложение теории Кальвина, которое по сути совпадает с нашим, есть в Ebrard (*Abendmahl*, II. 550-570), Stähelin (*Calvin*, I. 222 sqq.) и Nevin (*Mystical Presence*).

но это происходит, когда мы называем Его безграничным либо находящимся в разных местах одновременно.

И когда отвергнуты такие нелепости, я могу охотно принять все, что помогает выразить истинное и реальное причащение телу и крови Господа, которые даются верующим в виде священных даров вечери при том условии, что они принимаются не только в воображении и разумом, но как реальная пища вечной жизни.

Теория Кальвина не была опровергнута Лютером, который знал ее. По сути она была подтверждена Меланктоном в 1540 г. и принята всеми ведущими реформатскими исповеданиями. Мы выбрали по несколько отрывков из одного из самых ранних и одного из самых поздних кальвинистских руководств.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ КАТЕХИЗИС (1563)

Вопрос 76. Что значит есть распятое тело и пить пролитую кровь Христа?

Ответ. Это значит не только принять с верой в сердце все страдания и смерть Христа и тем самым получить прощение грехов и жизнь вечную; это значит также все сильнее объединяться с Его священным телом через Святого Духа, Который пребывает во Христе и в нас, так что мы, находясь на земле, тем не менее, являемся плотью от Его плоти и костью от Его кости, живем и вечно подчиняемся единому Духу, как члены одного тела — одной душе.

Вопрос 78. Становятся ли хлеб и вино действительно плотью и кровью Христа?

Ответ. Нет. Как вода при крещении не превращается в кровь Христа и не смыкает грехи сама по себе, а является лишь божественным знаком и залогом прощения, так и в вечере Господней священный хлеб не становится самим телом Христа, хотя, согласно природе и обычаю таинства, он называется телом Христовым.

Вопрос 79. Почему тогда Христос называет хлеб Своим телом, а чашу Своей кровью, или новым заветом Своей крови, а апостол Павел говорит о причащении к телу и крови Христа?

Ответ. Христос говорит так не без причины, то есть не только для того, чтобы научить нас: как хлеб и вино поддерживают в нас эту земную жизнь, так Его распятое тело и пролитая кровь являются подлинной пищей и питьем наших душ в жизни вечной. Более того, посредством этого видимого знака и залога Он убеждает нас, что мы воистину причастны Его истинному телу и крови через действие Святого Духа, когда принимаем телесными устами святые дары в воспоминание о Нем, и что все Его страдания и послушание теперь принадлежат нам, как если бы мы сами пострадали и все сделали лично.

ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ (1647)

Глава XXIX, пункт VII.

Достойные причащающиеся, принимая видимые дары этого таинства, делают это также внутренне в вере, воистину и реально, однако не по-плотски и телесно, но духовно, принимают и питаются распятым Христом и всеми благами Его смерти: тело и кровь Христа, таким образом, не телесно и по-плотски присутствуют в, с или под видом хлеба и вина; однако они предстают вере причащающихся ничуть не менее реально, но только духовно, подобно тому как сами дары реально воспринимаются органами их чувств.

ПОЛНЫЙ ВЕСТМИНСТЕРСКИЙ КАТЕХИЗИС (1647)

Вопрос 170. Каким образом те, кто достойно причащаются на вечере Господней, питаются телом и кровью Христа?

Ответ. Поскольку тело и кровь Христа не присутствуют на вечере Господней в, с или под видом хлеба и вина телесно и по-плотски, а предстают вере причащающегося духовно, но при этом ничуть не менее истинно и реально, чем сами дары — органам его чувств, — то и те, кто достойно причащаются телом и кровью Христа, делают это не по-плотски и телесно, но духовно, однако столь же истинно и реально, так что они верой принимают и усваивают распятого Христа и все блага Его смерти.

ГЛАВА VIII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
МЕЖДУ 1526 И 1529 Г.§112. Первый Шпейерский рейхстаг и возникновение
территориальной системы. 1526

- I. Документы в WALCH, XVI. 243 sqq. *Neue Sammlung der Reichsabschiede*, II. 273-75. BUCHHOLTZ: *Ferdinand I*, Bd. III.
- II. RANKE, II. 249 sqq. JANSSEN, III. 39 sqq. J. NEY (служитель-протестант из Шпейера): *Analekten zur Gesch. des Reichstags zu Speier im J. 1526*, в Brieger, «*Zeitschrift für Kirchengesch.*», Gotha, 1885, p. 300 sqq., 1887, p. 300 sqq. (новые документы из архивов Карлсруэ и Вюрцбурга). WALTER FRIEDENSBURG: *Der Reichstag zu Speier, 1526, im Zusammenhang der polit. und Kirchl. Entwicklung Deutschlands im Reformationszeitalter*, Berlin, 1887 (xiv, 602 стр.). Более ранние обсуждения: VEESEMEIER и KLUCKHOHN (в «*Hist. Zeitschrift*», 1886). Фрейденсбург использовал много новых материалов из архивов Гамбурга и других городов. CHARLES G. ALBERT: *The Diet of Speyer, the Rise and Necessity of Protestantism*, в «*Luth. Quart. Review*» (Gettysburg, Penn.), January, 1888.

ТЕПЕРЬ мы должны коснуться политической ситуации, о которой отчасти уже говорили в предыдущих разделах.

По мере распространения протестантизма исполнение Вормского эдикта становилось все менее и менее строгим. Это стало очевидно на императорском Шпейерском рейхстаге, который состоялся летом 1526 г. под руководством великого герцога Фердинанда, действовавшего от имени императора⁹⁵⁷. Протестантские князья осмелились здесь впервые заявить о своей вере, и их поддержали делегаты из имперских городов, в которых Реформация добилась большого успеха. Угроза турецкого вторжения и ссора императора с папой способствовали распространению протестантизма, а римско-католическому большинству пришлось с этим мириться.

27 августа рейхстаг, с согласия Фердинанда, пришел к единодушному выводу: для решения церковного вопроса следует созвать общенациональный собор, а тем временем, в том что касается Вормского эдикта, «каждое государство будет жить и верить так, как считает нужным, держа ответ перед Богом и Его императорским Величеством»⁹⁵⁸.

⁹⁵⁷ Шпейер — старинный немецкий город на левом берегу Рейна, центр епископата. Там есть собор и гробницы восьми немецких королей. Это столица Баварского пфальцграфства. Там в 1529 г. родилось название «протестанты». См. ниже, §115.

⁹⁵⁸ *Demnach haben wir uns jetzt einmüthiglich verglichen und vereiniget, mittlerzeit des Concilii, oder aber Nationalversammlung, nichtsdestoweniger mit unsern Unterthanen, ein jeglicher in Sachen so das Edict durch kaiserl. Majestät auf dem Reichstag zu Worms gehalten, ausgegangen, belangen möchten, für sich also zu leben, zu regieren und zu halten, wie ein jeder solches gegen Gott und kaiserliche Majestät hoffet und vertraut zu verantworten.* См. *Reichsabschied* в Walch, XVI. 266, и в Gieseler, III. I. 223 (Germ. ed.; IV. 126 Am. ed.). Акты полностью опубликованы ныне Фриденсбургом.

Это важное решение не аннулировало Вормского эдикта и не стало постоянно действующим законом о свободе совести, который давал бы каждому участнику рейхстага право верить так, как ему хочется⁹⁵⁹. Это решение не было юридическим обоснованием территориального самоуправления и вообще не было законом. Это было всего лишь перемирие или временное прекращение действия Вормского эдикта до созыва собора, вписывавшееся в рамки повиновения католическому императору, который не собирался ни даровать протестантам религиозную свободу, ни даже терпеть их.

Но практическое действие решения 1526 г. оказалось более масштабным, чем планировалось. Оно весьма способствовало делу протестантизма, особенно по той причине, что собор, решение о котором принял рейхстаг и созыва которого сам император неоднократно требовал от папы, был отложен на двадцать лет. Тем временем князья-протестанты, особенно Филипп Гессенский на синоде в Гомберге (20 октября 1526 г.) и курфюрст Саксонский, истолковывали указ в соответствии со своими желаниями и наилучшим образом воспользовались временным правом независимости, несмотря на его ограничения и взгляды императора. Сам Лютер считал, что Шпейерский рейхстаг временно освободил его от обвинения в ереси⁹⁶⁰.

В любом случае, с этого времени был установлен территориальный суверенитет и начинается существование отдельных государственных церквей в Германии. Так как эта страна поделена на ряд суверенных государств, в ней существует столько же протестантских церковных организаций, сколько и протестантских государств — согласно принципу, что правитель территории является одновременно и правителем находящейся в ее границах церкви (*cujus regio, ejus religio* {чья власть, того и вера}).

С тех пор каждый протестантский суверен претендовал на так называемое *jus reformandi religionem* и решал церковные проблемы в соответствии с собственной верой и верой большинства своих подданных. Саксония, Гессен, Пруссия, Ангальт, Люнебург, Восточная Фрисландия, Шлезвиг-Гольштейн, Силезия и города Нюрнберг, Аугсбург, Франкфурт, Ульм, Страсбург, Бремен, Гамбург, Любек приняли Реформацию. Князья территорий и городские власти советовались с богословами и проповедниками, но у общин не было права голоса. Они даже не выбирали себе пастора, а пассивно подчинялись. Могущественный дом Австрии во главе с императором и герцогами Баварии придерживался старой веры и решительно выступал против независимости государств в выборе веры, поскольку

⁹⁵⁹ Однако именно так считает большинство протестантских историков, например, Куртц (II. 31, ed. 9th), который называет постановление *die reichsgesetzliche Legitimation der Territorialverfassung*, и Фишер (*Hist. of the Christ. Ch.*, p. 304): «Этот акт узаконил лютеранское движение». А мнение Янсена (III. 51) верно отражает действительность: *Der Speierer Abschied bildet keineswegs eine positive Rechtsgrundlage, wohl aber den Ausgangspunkt für die Ausbildung neuer Landeskirchen*. Клулгон, Фриденсбург и написавший отзыв на его труд Каверуа (в «Theol. Literaturzeitung», Dec. 3, 1887) приходят к такому же выводу.

⁹⁶⁰ Он упоминает об этом в полемическом трактате против герцога Георга Саксонского, 1529: *Auch so bin ich auf dem Reichstage zu Speir durch ein öffentlichs kaiserlichs Reichsdecret wiederumb befreiet, oder zum wenigsten befristet* [освобожден по крайней мере на время], *dass man mich nicht kann einen Ketzer schelten; weil daselbst beschlossen ist von Allen einträchtiglich, dass ein jeglicher solle und müge glauben, wie ers wisse gegen Gott und kaiserliche Majestät zu verantworten; und ich billig daraus als die Ungehorsamen dem Reich und Aufrührischen beklagen möcht alle die, so mich einen Ketzer schelten. Hat das Gebot zu Worms gegolten, da ich verdampt ward ohn Bewilligung der besten und höchsten Stände des Reichs: warumb sollt mir denn das Gebot zu Speir nicht auch gelten, welchs einträchtiglich durch alle Stände des Reichs beschlossen und angenommen ist* (Erl. ed., vol. VIII, p. 14).

это противоречило традициям империи и Римской Католической церкви, неприемлимой и верящей в свою исключительность.

Протестантские князья и богословы также были нетерпимы, хотя и в меньшей степени, и запрещали мессу и католичество везде, где обладали властью. Каждая из партий стремилась одержать победу и проявляла терпимость только по необходимости или из осторожности, когда несогласное меньшинство было достаточно сильным, чтобы настаивать на своих правах. Терпимость стала плодом яростной борьбы, и в конце концов обе партии были вынуждены прийти к ней как к *modus vivendi*. Протестантизм завоевал свое право на существование ценой ужасных жертв. Это право было даровано Аугсбургским мирным договором (1555) и окончательно подтверждено Вестфальским договором (1648) — в котором термин *терпимость* впервые употребляется по отношению к религии и который продолжает действовать по сей день, несмотря на протест папы. Та же самая политика терпимости была принята в Англии после падения династии Стюартов в 1688 г. по отношению ко всем ортодоксальным протестантам, но не к римским католикам, которые получили такое право лишь в 1829 г. В Германии терпимость сначала касалась только трех конфессий — римских католиков, лютеран и немецкой реформатской церкви — но постепенно распространилась и на другие религиозные сообщества, независимые от государственной поддержки и контроля.

ПРИМЕЧАНИЕ ТЕРПИМОСТЬ И СВОБОДА

Терпимость далека от религиозной свободы, но является шагом по направлению к ней. Терпимость — это уступка правительства, которая делается из необходимости, и уступка эта может быть отменена. Даже в деспотических России и Турции терпят: в первой — мусульман, во второй — христиан, потому что ничего другого не могут с этим сделать. Убить или изгнать всех несогласных было бы самоубийственной глупостью. Однако и там не допускается ни отхода от государственной религии, ни пропаганды того, что противоречит ее интересам.

Религиозная свобода — это нерушимое и неотчуждаемое право, которое принадлежит всем людям в рамках общественной морали и безопасности. Только Бог — Господь совести, и никакая земная власть не имеет права в это вмешиваться. Чтобы люди могли полностью насладиться религиозной свободой, церковь и государство должны существовать в мирном разделении. Они должны быть независимы друг от друга — сами управлять собой и поддерживать себя в своей определенной сфере. Государство обеспечивает соблюдение законности по отношению к церкви, а церковь обеспечивает государству моральную поддержку. Такова американская теория религиозной свободы, гарантированная Федеральной Конституцией 1787 г. Она не позволяет государству преследовать церковь, а церквям — преследовать друг друга, и ограничивает их влияние моральной и духовной областью. Американский принцип равенства религиозных конфессий *перед законом* был выдвинут Франкфуртским парламентом (1849) и победил в Новой Германской империи (1871), так что можно говорить о его постепенном распространении по всему цивилизованному миру (см. нашу книгу *Church and State in the United States*, N. Y., 1888).

§113. Император и папа. Разграбление Рима, 1527

Рассказы современников о разграблении Рима собраны в CARLO MILANESI: *Il Sacco di Roma del MDXXVII.*, Florence, 1867. ALFRED VON REUMONT: *Geschichte der Stadt Rom* (Berlin, 1870), vol. III, 194 sqq.; см. также список литературы, который он приводит на p. 846 sq. RANKE: bk. V (vol. III, I sqq.). JANSSEN: vol. III, 124 sqq.

Карл V не подписывал Шпейерский эдикт, но и не выступал против него. Незадолго до того он поссорился с Климентом VII, потому что этот папа освободил короля Франциска I от жестких условий мирного договора, навязанных ему после поражения при Павии 26 июня 1526 г., и встал во главе франко-итальян-

ской лиги против Австрии («Священная лига», Коньяк, 22 мая 1526 г.). Союз между императором и папой привел к появлению Вормского эдикта, который после разрыва их отношений был практически аннулирован на Шпейерском рейхстаге. Если бы император принял протестантское учение, он мог бы возглавить государственную церковь Германской империи, но инстинктивно он был настроен резко против протестантизма.

Его ссора с папой навлекла ужасное бедствие на вечный город. Испанские и немецкие войска императора, двадцать тысяч человек под командованием констебля Карла де Бурбона и старого воина Фрундсберга (оба — враги папы) подошли к Риму и взяли город 6 мая 1527 г. Бурбон, способный генерал, но предатель своей родной Франции, был сражен пулей из мушкета, когда карабкался по лестнице, и пал в момент своей победы. Папа укрылся в замке Св. Ангела. Солдаты, особенно испанцы, лишившиеся командира, превзошли древних варваров в своей зверской и изощренной жестокости, ярости и похоти. Восемь дней они грабили папскую казну, церкви, библиотеки и дворцы, растащив десять миллионов золотых монет. Они не пощадили даже могилу Св. Петра и тело Юлия II и с неопишуемой жестокостью отнесли к беспомощным священникам, монахам и монахиням. Немецкие солдаты ходил по улицам, одетые в облачения епископов и кардиналов, нарядили осла священником и в шутку провозгласили Лютера папой римским.

Никогда прежде Рим не был так унижен. Это разграбление было преступлением против цивилизации, гуманизма и религии, но в то же время оно стало ужасным Божьим судом над обмирщенным папством и громким призывом к покаянию⁹⁶¹.

Когда эта новость достигла Германии, многие радовались «падению Вавилона», но Меланхтон, бывший выше фанатизма, сказал в одной из своих лучших речей, обращенных к студентам Виттенберга: «Почему бы нам не оплакивать падение Рима, который является колыбелью всех народов? Я переживаю из-за этого бедствия не меньше, чем если бы оно случилось у меня на родине. Орды грабителей не думали ни о достоинстве города, ни о том вкладе, который он внес в развитие мировых законов, науки и искусства. Вот о чем нам следует скорбеть. Какими бы ни были грехи папы, Рим не должен был из-за этого страдать». Меланхтон не обвинял ни в чем императора и считал, что вся ответственность лежит на армии⁹⁶².

§114. Паника, связанная с войной, 1528

О *Packische Händel* см. в WALCH (XVI. 444), GIESELER (III. 1, 229), RANKE (III. 26), JANSSEN (III. 109), ROMMEL, и WILLE, монографии о Филиппе Гессенском; также St. ENSSES: *Geschichte der Packschen Händel*, Freiburg i. B., 1881.

Постановление рейхстага 1526 г. и ссора между императором и папой были весьма благоприятны для распространения Реформации, но их благотворное действие было отчасти нейтрализовано громадным обманом, из-за которого Германия оказалась на пороге гражданской войны.

⁹⁶¹ Ремон (l. c., III. 201) пишет: *Wüster und andauernder ist keine Stadt geplündert, sind keine Einwohner misshandelt worden als Rom und die Römer. Spanier wie Teutsche haben bei diesem grausen Werke gewetteifert, jene mit erfinderischer Unmenschlichkeit, diese mit wilder Barbarei. Kirchen, Klöster, Palläste, Wohnhäuser, Hütten wurden mit gleicher Beutelust ausgeleert und verwüstet, Männer, Frauen, Kinder mit gleicher Grausamkeit misshandelt.*

⁹⁶² «Corp. Ref.», XI. 130; C. Schmidt, *Phil. Melanchthon*, p. 135 sq.

Филипп Гессенский, пылкий, страстный, импульсивный и амбициозный правитель, покровитель протестантизма, был обманут беспринципным и жадным политиком Отто фон Паком, канцлером герцогства Саксонского, который убедил его, будто Фердинанд Австрийский, курфюрсты Майнца и Бранденбурга, герцоги Саксонии и Баварии и другие католические правители 15 мая 1527 г. заключили в Бреслау договор с целью уничтожения протестантизма. В Дрездене ему дали запечатанную копию поддельного документа, за которую он заплатил Паку тысячу гульденов. Филипп убедил курфюрста Иоганна Саксонского в подлинности документа и поспешно создал с ним ответную лигу (9 марта 1528 г.). Они заручились помощью других князей и стали готовиться к войне, собираясь предупредить наступление врага.

К счастью, они посоветовались с виттенбергскими реформаторами и, по их совету, не стали нападать первыми. Лютер считал, что паписты способны на все, но в принципе был против агрессии⁹⁶³. Меланхтон же заподозрил обман и был им весьма расстроен. Когда поддельный документ был обнаружен, князья-католики с негодованием отrekliсь от него. Герцог Георг разоблачил Пака как предателя⁹⁶⁴. Великий герцог Фердинанд заявил, что никогда не собирался создавать такую лигу.

Поспешность Филиппа поставила князей-протестантов в положение агрессоров и нарушителей общественного спокойствия, а все происшествие навлекло на них позор и повредило Реформации.

§115. Второй Шпейерский рейхстаг и протест 1529 г.

WALCH, XVI. 315 sqq. J. J. MÜLLER: *Historie von der evang. Stände Protestation und Appellation wider den Reichsabschied zu Speier, 1529*, Jena, 1705. TITTMANN: *Die Protestation der evang. Stände mit Hist. Erläuterungen*, Leipzig, 1829. A. JUNG: *Gesch. des Reichstags zu Speier, 1529*, Leipzig, 1830. J. NEY (протестантский пастор из Шпейера): *Geschichte des Reichstags zu Speier im Jahr 1529. Mit einem Anhang ungedruckter Akten und Briefe*, Hamburg, 1880. RANKE, III. 102-116. JANSSEN, III 130-146.

В такое тревожное время, в марте 1529 г., и был созван Второй Шпейерский рейхстаг для объединения против турок и предотвращения дальнейшего распространения протестантизма. Католики были сильны и надеялись на победу. Протестанты почувствовали, что «Христос вновь оказался в руках Каиафы и Пилата»⁹⁶⁵.

Рейхстаг нейтрализовал постановление предыдущего рейхстага (1526). Он практически осудил (хотя и не отменил) введенные им новшества и запретил под страхом императорской анафемы дальнейшие реформы до созыва собора, который, по обещанию императора и папы, должен был состояться в следующем году. Цвинглианцы и анабаптисты были исключены из списка терпимых исповеданий, причем анабаптистов вообще предлагалось казнить.

Лютеранские представители на рейхстаге, которые вполне обоснованно боялись, что запрет на дальнейшие реформы грозит смертью всему движению, выступили, от имени самих себя, своих подданных и всех, кто верит в Слово Божье или поверит в него в будущем, со знаменитым протестом 25 апреля 1529 г. против всех мер рейхстага, которые противны Слово Божьему, совести и решению

⁹⁶³См. его письма на эту тему в De Wette, III. 314 sqq.

⁹⁶⁴Пак бежал, но потом, по требованию герцога Георга (1536), был схвачен и обезглавлен в Нидерландах за подделку.

⁹⁶⁵Это слова Якоба Штурма, делегата из Страсбурга (середина марта).

рейхстага 1526 г. Они апеллировали к императору, общецерковному или общенемецкому собору и к беспристрастным христианским судьям⁹⁶⁶. Документ подписали курфюрст Иоганн Саксонский, маркграф Георг Бранденбургский, герцоги Эрнст и Франциск из Брауншвейга-Люнебурга, ландграф Филипп Гессенский, князь Вольфганг из Ангальта и представители четырнадцати имперских городов, в том числе Страсбурга и Сен-Галлена, где преобладало цвинглианство. Они собирались сопротивляться насилию со стороны большинства. Их девизом были слова курфюрста Иоганна Твердого: «Слово Божье да пребудет вовек». Эти люди заслужили звание исповедников евангельской веры и отстаивали свободу совести перед лицом суровой опасности⁹⁶⁷.

Шпейерский протест был возобновлением и продолжением протеста Лютера в Вормсе. Протест одного-единственного монаха стал теперь протестом князей и представителей ведущих городов империи, которые впервые выступили как организованная партия. Это был протест совести, опирающийся на Слово Божье и выступившей против тиранической власти.

Протестующих не поддержали. Император, который вскоре заключил мир с папой (29 июня 1529 г.) и с королем Франции (5 августа), отказался даже выслушать делегацию протестантских государств в Пьяченце (сентябрь) и какое-то время держал ее в заключении.

Из-за этой апелляции лютеране стали называться *протестантами*, и это вполне подобающее им имя, если мы вспомним про их отношение к Риму, сохранившееся по сей день. Церковь во все времена обязана протестовать против греха, заблуждения, коррупции, тирании и всякой скверны. Однако это определение, которое потом превратилось в название всех евангельских христиан, ущемерно по своей сути, поскольку протестантами можно назвать вообще всех, кто хоть в чем-то не соглашается с папством, во что бы они ни верили и до какой бы степени ни расходились во мнениях. Слово *протестанты* следует дополнять более важным и утверждающим термином *евангельские*. Евангелие Христа, изложенное в Новом Завете, которое Реформация вновь провозгласила во всей его первозданной чистоте и силе, — это основа исторического протестантизма. Именно Евангелие придает протестантизму ценность и постоянство. Протест в Шпейере был объективно основан на Слове Божьем, субъективно — на праве частного суждения и совести, исторически — на либеральном решении рейхстага 1526 г.⁹⁶⁸

К сожалению, моральная сила Шпейерского протеста была подорвана несогласиями среди тех, кто его подписал. Лютер и Меланхтон, на то время согласные

⁹⁶⁶ Великое *Instrumentum appellationis* приводится в Müller, Walch, Jung, а также, в сокращенном виде, в Gieseler (*l. c.*). Протест был законным образом оформлен в воскресенье 25 апреля (Ranke, III. 113). Подготовительные заседания были 19 и 22 апреля.

⁹⁶⁷ Янссен отрицает правомочность подобного протеста и считает, что с него и начался раскол среди немецкого народа. *Von dem Tage zu Speier an*, — пишет он, III. 144, — *beginnt die eigentliche Spaltung der deutschen Nation*. К счастью, Провидению было угодно прекратить этот раскол в 1870 г. без помощи папы, против его желания и воли.

⁹⁶⁸ Примечательно, что одно из наиболее консервативных ответвлений протестантской церкви, Протестантская Епископальная церковь Соединенных Штатов Америки, приняла этот термин как часть своего *официального* названия, когда после Войны за независимость стала самостоятельной организацией. Потом этот термин оказался неуместным из-за возобладавшего там церковнического духа. В последние годы предпринимались попытки избавиться от слова *протестантский* и заменить его на *католический*, *американский* или на еще какой-нибудь менее обязывающий эпитет, но безуспешно. Ответвление этой организации, созданное в 1873 г., приняло имя Реформатской Епископальной церкви.

друг с другом по вопросу евхаристии, были против политических и военных союзов, особенно с цвинглианцами, которых они ненавидели как еретиков⁹⁶⁹. Они были против силовых методов защиты. Филипп Гессенский, который политически — полностью, а богословски — отчасти симпатизировал швейцарцам и цвинглианцам, в октябре того же года провел встречу в Марбурге, надеясь прекратить раскол среди протестантов, но встреча не добилась своей основной задачи, и протестанты продолжили сражаться с Римом отдельными отрядами.

§116. *Примирение императора и папы. Коронация императора, 1529*

Император превзошел самого папу, выражая сожаления о разграблении святого города. Его разрыв с папой был чисто политическим и временным. Французские войска опять вошли в Ломбардию. Генрих VIII Английский симпатизировал Франциску и папе. Испанские советники Карла говорили ему, что торемное заключение наместника Христа не соответствует традиционной верности Испании святому престолу.

26 ноября 1527 г. император заключил с папой соглашение, освободил его из заточения и вернул ему светскую власть (отобрав несколько укреплений) в обмен на обещание заплатить солдатам и созвать собор для реформы церкви. В течение какого-то времени Климент не доверял императору и продолжал свою франко-итальянскую политику, но наконец они заключили мир (29 июня 1529 г.). Папа признал власть императора в Италии, против чего раньше возражал, а император гарантированно отписал папе светские владения при сохранении там императорских прав.

Они встретились лично в Болонье в ноябре того же года. Оба они были изопренными политиками и дипломатами и уладили свои светские дела как нельзя лучше. 24 февраля 1530 г. в Болонье Карл был коронован римским императором. Он — единственный император, коронованный не в соборе Св. Петра в Риме, и последний немецкий император, коронованный папой. На церемонии присутствовала в основном испанская и итальянская знать. Из семи немецких курфюрстов там был только один, Филипп из Пфальца. Деревянный переход, сооруженный между дворцом и церковью Сан-Петронио, сломался, но император не пострадал. Он был в облачении, богато украшенном драгоценными камнями. Его помазали елеем, Римский епископ вручил ему корону Карла Великого как светскому главе западного христианского мира, и он поклялся защищать папу и Римскую Католическую церковь вместе с их имуществом, достоинством и правами⁹⁷⁰.

⁹⁶⁹ В послании к курфюрсту Иоганну от 22 мая 1529 г. (De Wette, III. 455) Лютер пошел настолько далеко, что назвал цвинглианцев «дерзкими врагами Бога и Его Слова, которые сражаются с Богом и таинством».

⁹⁷⁰ Как же изменилась ситуация с тех пор! В том самом некогда папском городе, где папа короновал императора со всем великолепием католического церемониала, 11 — 13 июня 1888 г. праздновалось восьмисотлетие древнейшего в мире университета (*Bononia docet*). Празднование проходило в присутствии короля и королевы с безграничным энтузиазмом свободной и единой Италии, которая сбросила с себя иго мелких тиранов и решительно отвергла любые попытки восстановления светской власти папства. Итальянцы хотят зависеть от папы в вопросах веры, но не политики. Церковь и государство в Италии после 1870 г. существуют почти так же отдельно, как в Соединенных Штатах.

С этого события начался закат союзнических отношений Германской империи и папской теократии.

Германские курфюрсты жаловались, что их не пригласили на коронацию и что с ними не посоветовались по поводу договоров с итальянскими государствами. В связи с этим они выпустили формальный протест.

В начале мая 1530 г. император пересек Альпы по пути на Аугсбургский рейхстаг, который должен был решить судьбу протестантизма в Германии.

ГЛАВА IX

АУГСБУРГСКИЙ РЕЙХСТАГ И АУГСБУРГСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ. 1530 Г.

§117. Аугсбургский рейхстаг

- I. Источники. Собрание в WALCH, XVI. 747-2142. LUTHER, послания от 1530, в De Wette, vol. IV. MELANCTHON, послания в «Corpus Reformatorum», ed. Bretschneider and Bindseil, vol. II, и документы, относящиеся к Аугсбургскому вероисповеданию, в vol. XXVI. SPALATIN, *Annal.*, ed. Cyprian, 131-289. С римско-католической стороны: *Pro Religione Christiana Res Gestae in Comitibus Augustae Vindelicorum habitis, 1530*, репринт в Cyprian, *Historie der Augsb. Conf.* BRÜCK написал опровержение, которое опубликовано в FÖRSTEMANN, «Archiv für Ref. Gesch.», 1831. Собрание документов в FÖRSTEMANN: *Urkundenbuch zu der Gesch. des Reichstages zu Augsburg in J. 1530*. Halle, 1833, '35, 2 vols. Его же: *Neues Urkundenbuch*, Hamburg, 1842. SCHIRRMACHER: *Briefs und Acten zur Gesch. des Religionsgesprächs zu Marburg, 1529, und des Reichstages zu Augsburg, 1530, nach der Handschrift des Aurifaber*, Gotha, 1876.
- II. История Аугсбургского рейхстага и вероисповедания. Смотри список литературы в «Corp. Ref.» XXVI. 101-112. D. СНУТРЕУС (Kochhaffe): *Historie der Augsb. Conf.*, Rostock, 1576, Frcf. 1577, 1578, 1600. G. COELESTIN: *Hist. Comitiorum a. 1530 Augustae celebratorum*, Frcf. 1577, 4 vols. fol. E. SAL. CYPRIAN: *Hist. der Augsb. Conf.*, Gotha, 1730. CUR. A. SALIG: *Historie der Augsb. Conf. und derselben Apologie*, Halle, 1730-35, in 3 parts. WEBER: *Vollständige Gesch. der Augsb. Conf.*, Frcf. 1783-84, 2 vols. PLANCK: *Gesch. des protest. Lehrbegriff's* (Leipz. 1792), vol. III. I. 1-178. FICKENSCHER: *Gesch. des Reichstages zu Augsb. 1530*, Nürnberg. 1830. PFAFF: *Gesch. des Reichstages zu Augsburg, 1530*, Stuttg. 1830. Все специальные труды по Аугсбургскому вероисповеданию перечислены в §119.
- III. Соответствующие разделы общих историй церкви. SCHROECKH, MOSHEIM, GIESELER, etc.; в историях Реформации — MARHEINEKE, HAGENBACH, MERLE D'AUB., FISHER; в историях Германии — RANKE (протестант), vol. III. 162-215, JANSSEN (католик), vol. III. 165-211. Также в многочисленных жизнеописаниях Лютера (например, KÖSTLIN, Book VI, chs. XI. and XII, vol. II. 198 sqq.) и Меланхтона (например, C. SCHMIDT, 190-250).
- IV. Специальные вопросы. H. VIRK: *Melanchthon's Politische Stellung auf dem Reichstag zu Augsburg*, в Brieger, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1887, pp. 67, 293 sqq.

Положение протестантизма в 1530 г. было критическим. Шпейерский рейхстаг запретил дальнейшее распространение Реформации. Вормсский эдикт действовал в полную силу. Император помирился с папой и принял от него императорскую корону в Болонье. Протестанты ссорились между собой, и на встрече в Марбурге им не удалось объединиться против общего врага. В то же время всей империи угрожали чужеземные силы. Турки под началом Сулеймана Великолепного, который называл себя «господином всех правителей, раздающим короны монархам земли, тенью Бога над миром», достигли зенита военного могущества и в сентябре 1529 г. приблизились к воротам Вены. Они поклялись бородой Мухаммеда, что не успокоятся, пока молитвы пророка из Мекки не будут звучать с башни Св.

Стефана. Потом они были вынуждены отойти, потеряв восемьдесят тысяч человек, но, угрожая второй попыткой нападения, опустошили почти всю Венгрию.

При таких обстоятельствах 8 апреля 1530 г. начался Аугсбургский рейхстаг. Его задачей было решить религиозную проблему и подготовиться к войне против турок. В приглашении на рейхстаг, датированном 21 января 1530 г. и подписанном в Болонье, тщательно избегаются намеки, которые могли бы вызвать раздражение. В нем говорится об опасности иноземного вторжения и выражается надежда, что все будут сотрудничать ради восстановления единства Священной империи германского народа с единой истинной христианской верой и церковью.

Но такое сотрудничество вряд ли было возможно. Католическое большинство не собиралось мириться с протестантами и считало их, как и турок, врагами церкви и государства. А протестантское меньшинство собиралось защищаться от папистов и турок как врагов Евангелия. В глазах католиков Лютер был хуже Мухаммеда, а в глазах лютеран папа ничуть не лучше⁹⁷¹.

Император стоял на стороне папы и Вормского эдикта, но был более умеренным, чем его фанатичное окружение. Во время рейхстага он относился к лютеранам с вежливым вниманием, в то время как цвинглианцев отказался даже выслушать. Лютеране, со своей стороны, незаслуженно его хвалили и тешили себя ложными надеждами, а со швейцарцами и страсбургцами они не хотели иметь ничего общего, хотя и соглашались с ними в четырнадцати из пятнадцати догматов веры⁹⁷².

Саксонский курфюрст, получив приглашение на рейхстаг, по совету канцлера Брюка велел виттенбергским богословам составить вероисповедание, которое могло быть использовано в Аугсбурге, и хотел встретиться с ними в Торгау. Он отправился в путь 3 апреля, затем вместе со своим сыном, несколькими представителями знати, Лютером, Меланхтоном, Юстом Ионасом, Шпалатином и Агриколой несколько дней провел в Кобурге на саксонской границе, после чего они оставили там Лютера и въехали в Аугсбург 2 мая.

Император задержался в Тироле и прибыл только 15 июня. На следующий день он принял участие в празднике Тела Христова. Он участвовал в торжественном шествии в палящий зной с непокрытой головой в тяжелом пурпурном плаще и с зажженной свечой в руке. Протестантские князья уклонились от церемонии, которую считали идолопоклонством. Они также ослушались императора, запретившего евангельскую проповедь во время рейхстага. Маркграф Георг Бранденбургский заявил, что скорее потеряет голову, чем отречется от Бога. Император ответил: «Дорогой князь, никаких отрубленных голов»⁹⁷³. Он велел молчать проповедникам обеих сторон, за исключением тех, кого выберет лично он. Протестантские князья проводили богослужения в своих домах.

Рейхстаг открылся в понедельник 20 июня мессой, которую провел кардинал-архиепископ Майнца, и долгой проповедью архиепископа Пимпинелли из Росса-

⁹⁷¹ Их девизом было:

*Erhalt uns Herr bei Deinem Wort
Und steur' des Papis und Türken Mord*

⁹⁷² Лютер писал Гаусманну 6 июля 1530 г.: *Mirum est quam omnes ardeant amore et favore Caesaris* (в De Wette-Seidemann, VI. 116). Меланхтон неумеренно славил добродетели императора даже после рейхстага («Corp. Ref.», II. 430 sq., 361; Virek, l. c., 338 sq.).

⁹⁷³ *Lieber Fürst, nicht Kopf abhauen, nicht Kopf ab.* Андреас Озиандер услышал: *mehr Kopf abhauen*, как и пишет в письме к Лютеру от 21 июня 1530 г., добавляя: *neque enim recte Germanice aut Latine novit* (Krafft, *Briefe und Documente*, 67; Janssen, III. 166). Обычно Карл говорил по-французски, но заявлял, что готов пожертвовать всеми прочими языками, даже испанским или французским, и даже одним из своих государств, ради лучшего знания немецкого.

но, папского нунция при дворе Фердинанда. Он описал на изящной латыни тиранию турок, упрекнул немцев в вялости и раздорах и похвалил язычников-римлян и мусульман за их религиозное единство, послушание и верность прошлому. Несколько дней спустя (24 июня) папский нунций на рейхстаге Лаврентий Кампегий (Кампеджи) призвал немецкие государства не отходить от Святой Католической церкви, но последовать примеру других христианских королей и держав.

Император пожелал сначала разобраться с турецкой проблемой, но протестанты настаивали на первостепенной важности церковного вопроса. Поэтому он велел им подготовить свое вероисповедание в четыре дня и вручить ему в письменном виде. Он не хотел, чтобы вероисповедание зачитывали перед рейхстагом, но протестанты настаивали на этом. Тогда он разрешил чтение на латыни, но курфюрст Саксонский заявил о праве чтения на народном немецком языке. «Мы находимся на немецкой земле, — сказал он, — а потому я надеюсь, что Ваше Величество разрешит говорить по-немецки». Император уступил, но не позволил читать исповедание в городской ратуше, где собирался рейхстаг.

25 июня — в самый памятный день в истории лютеранства после 31 октября — было зачитано Аугсбургское исповедание. Громким и уверенным голосом доктор Бейер, вице-канцлер Саксонского курфюршества, прочел его на немецком языке перед рейхстагом, который собрался в часовне епископского дворца. Император, который плохо понимал по-немецки и еще хуже разбирался в богословии, скоро заснул⁹⁷⁴, но большинство слушало внимательно. Паписты были удивлены умеренным тоном вероисповедания. Им хотелось, чтобы оно было более полемическим и антикатолическим. Епископ Аугсбурга Кристоф фон Штадион, говорят, сказал в частной беседе, что это исповедание — чистая истина. Герцог Вильгельм Баварский упрекнул Экка за то, что тот неправильно представил ему позицию лютеран. Когда же Экк ответил, что опровергнет их не на основании Писания, а на основании отцов церкви, то герцог спросил: «Так, значит, получается, что вера лютеран соответствует Писанию, а наша, католическая, — нет?»

Доктор Брюк, саксонский канцлер, составивший предисловие и послесловие исповедания, вручил его императору на немецком и латыни. Император взял немецкую копию, а латинскую отдал на хранение курфюрсту Майнца. Латинская копия (написанная собственноручно Меланхтоном) хранилась в архивах Брюсселя и пропала в правление герцога Альбы. Немецкий оригинал, который был прочитан перед рейхстагом, был отправлен, вместе с постановлениями, на Тридентский собор и оттуда не возвращался. Но неавторизованные копии (шесть немецких и одна латинская) вскоре стали появляться в разных местах еще до окончания рейхстага. Сам Меланхтон напечатал исповедание на обоих языках в Виттенберге в 1531 г.

Оба документа были подписаны семью князьями, а именно: курфюрстом Иоганном Саксонским, ландграфом Филиппом Гессенским, маркграфом Георгом Бранденбургским, герцогом Эрнестом Люнебургским, герцогом Иоганном Фридрихом Саксонским, герцогом Франциском Люнебургским, князем Вольфгангом из Ангальта, а также двумя представителями свободных городов, Нюрнберга и Рейтлингена.

Чтобы подписать этот документ, требовалась определенная смелость, так как эти лица рисковали своими коронами. Когда Меланхтон предупредил курфюрста

⁹⁷⁴ Brentius: *cum confessio legeretur, obdormivit*. Император спал и 31 августа во время чтения папского опровержения.

Саксонии о возможных последствиях, тот благородно ответил: «Я буду поступать правильно, не заботясь о своем курфюршеском сане. Я буду исповедовать моего Господа, Которого ценю больше, чем любую земную власть».

Этот акт и свидетельство придают большое значение Аугсбургскому рейхстагу и навеки прославляют его исповедников. Лютер красноречиво выразил свою радость, когда писал Меланхтону 15 сентября 1530 г.⁹⁷⁵: «Вы исповедали Христа, вы предложили мир, вы не ослушались императора, вы претерпели оскорбления, вы выдержали их хулу и не ответили злом на зло. Короче, вы достойно сделали Божье дело, как подобает святым. Радуйтесь же в Господе и ликуйте, праведники. Вы уже достаточно скорбели в этом мире. Поднимите головы и посмотрите на небеса, ибо ваше искупление близко. Я канонизирую вас как верных членов тела Христова. Можно ли желать большей славы? Разве вы не послужили Христу верно и не показали себя достойными Его?»

Единственное пятно на репутации лютеранских исповедников в Аугсбурге — это их нетерпимость по отношению к реформатам, которая ослабила их. Четыре немецких города, которые склонялись к цвинглианским взглядам на вечерю Господню, хотели подписать вероисповедание, за исключением десятой статьи, в которой опровергалось их мнение, но им не разрешили это сделать и велели писать отдельное вероисповедание.

§118. Переговоры, перерыв, Нюрнбергский мир

Последующие переговоры рейхстага ни к чему не привели, в результате римско-католическая партия одержала полную, хотя и кратковременную победу.

Меланхтон в течение всего этого времени нервничал, колебался и был в унынии⁹⁷⁶. Перед прочтением исповедания ему казалось, что оно слишком мягкое и мирное, а после — что оно слишком строгое и полемическое. Он так сильно желал воссоединения и так боялся губительных последствий раскола, что считал возможным унизиться перед папским легатом Кампеджи, который посоветовал императору сокрушить протестантскую ересь огнем и мечом, подвергнуть Виттенберг анафеме и ввести в Германии испанскую инквизицию. Через две недели после прочтения исповедания Меланхтон стал убеждать легата, что лютеранское учение не отличается от учения Римской церкви и что лютеране готовы подчиниться ей, если она милосердно разрешит им сохранить несколько незначительных изменений в плане дисциплины и обрядов, от которых они не могут отказаться⁹⁷⁷. Чтобы примириться с властями, Меланхтон держался как можно дальше от цвинглианцев и страасбургцев. 8 июля он лично встретился с Кампеджи, а

⁹⁷⁵ De Wette, IV. 165.

⁹⁷⁶ Он проводил время *in lacrymis ac luctu*, был уставшим и изможденным. См. его письма и письма Юста Ионаса и Озиандера в «Corp. Ref.», II. 125 sq., 157, 163.

⁹⁷⁷ Он написал два письма Кампеджи, 6 июля, и два — его секретарю, 7 июля и 5 августа. См. «Corp. Reform.», II. 168-174, 240. В первом письме, после цитаты из Платона и нескольких льстивых слов, он делает такое поразительное признание (fol. 170): *Dogma nullum habemus diversum ab ecclesia Romana... Parati sumus obedire ecclesiae Romana, modo ut illa pro sua clementia, qua semper erga omnes gentes usa est, pauca quaedam vel dissimulet, vel relaxet quae jam mutare nequidem si velimus queamus... Ad haec Romani pontificis auctoritatem et universam politiam ecclesiasticam reverenter colimus, modo nos non abiciat Rom. pontifex... Nullam ob rem aliam plus odii sustinemus in Germania, quam quia ecclesiae Romanae dogmata summa constantia defendimus. Hanc fidem Christo et Romanae ecclesiae ad extremum spiritum, Deo volente, praestabimus. Levis quaedam dissimilitudo rituum est quae videtur obstare concordiae*. Похожие предложения он посылал Кампеджи 4 августа (fol. 246).

4 августа сделал ему несколько мирных предложений. Кардинал выразил удовлетворение этими уступками, но из осторожности воздерживался от ответа, ожидая вестей из Рима.

Все эти попытки ни к чему не привели. Рим желал лишь абсолютного подчинения.

Вскоре Меланхтон обнаружил, что папские богословы, особенно Экк, полны фарисейской гордости и коварства. Нюрнбержцы и Филипп Гессенский строго упрекали его за слабость. Некоторые даже обвинили его в измене евангельскому делу. Его поведение следует оценивать в свете того факта, что Римская церковь допускала некоторую свободу в спорных вопросах антропологии и сотериологии и формально осудила евангельские учения только несколько лет спустя, на Тридентском соборе. Да и само Аугсбургское исповедание признает этот факт, поскольку в нем, в завершение вероучительных догматов, говорится: «Таково наше учение, в котором нет ничего, что противоречило бы Писанию, *Католической и даже Римской церкви*, насколько известно о ней по произведениям ее отцов» {в используемом русскими лютеранами переводе Аугсбургского исповедания этот абзац передан так: «Все это является кратким обобщением нашего учения, в котором, как видно, ничто не противоречит Святым Писаниям и учениям Католической Церкви или же Римской церкви, согласно писаниям ее представителей»}. Меланхтона можно обвинить в моральной слабости и ошибочном суждении, но не в измене. Лютер остался верен своему бесценному другу, который был необходим для евангельского дела и сослужил великую службу в Аугсбурге. Он утешал его в посланиях из Кобурга⁹⁷⁸.

Лютеранское вероисповедание было передано для ответа, а точнее, для опровержения, комиссии из двадцати римских богословов, которые присутствовали на рейхстаге. Среди них были Экк, Фабер, Кохлей, Вимпина и Диттенбергер. Их ответ был готов 13 июля, но император не принял его по причине длины и язвительного тона. После пяти пересмотров текст был одобрен и публично зачитан 3 августа перед рейхстагом в той же самой часовне, в которой читали протестантское вероисповедание. Император назвал ответ «христианским и обдуманым». Он хотел передать копию протестантам при условии, что они будут использовать ее частным образом, но Меланхтон, по просьбе лютеранских князей, подготовил опровержение.

Император, который хотел мирного результата, организовал богословское собеседование между вождями двух партий. Экк, Вимпина и Кохлей представляли католиков, Меланхтон, Бренций и Шнепф — лютеран. Дискуссия началась 16 августа, но оказалась бесполезной. Малый комитет заседал с 24 по 29 августа, но также безрезультатно. Меланхтон, вопреки очевидному, продолжал надеяться на мирный исход и делал уступку за уступкой, чтобы примириться с епископами и императором, но римские богословы настаивали на признании непогрешимости церкви, постоянного принесения жертвы Христа и правомочности священства. Они не хотели отказываться даже от celibата священников и лишения мирян чаши, требовали восстановления власти епископов, церковного имущества и монастырей.

Лютер в письмах из Кобурга призывал колеблющихся богословов и князей стоять на своем. Он тоже был готов восстановить безобидные церемонии и даже соглашался на возвращение епископов, но только при условии, что Евангелие

⁹⁷⁸ См. письмо от 11 сентября 1530 г. в De Wette, IV. 163.

будет проповедоваться свободно. Он считал, что примирение в вопросах учения невозможно, если папа не откажется от своего папства⁹⁷⁹.

22 сентября император объявил о перерыве в работе рейхстага. После слушания, опровержения вероисповедания протестантов и бесплодных переговоров с ними он давал им срок до 15 апреля 1531 г. в качестве особой милости, а тем временем они не должны были вводить никаких новшеств и не должны были мешать католикам верить, поклоняться и помогать императору в подавлении анабаптистов и тех, кто пренебрегает святым таинством. Император обещал созвать через год собор для решения церковных проблем.

Подписавшие Аугсбургское исповедание города Франкфурт, Ульм, Швабский Галл, Страсбург, Мемминген, Констанц, Линдау были против перерыва. Лютеране протестовали, заявляя, что их вероисповедание не было опровергнуто, и выдвигали апологию Меланхтона, которая не была принята. Но они согласились с предложенным им сроком на раздумья.

На следующий день после объявления о перерыве курфюрст Саксонии вернулся домой вместе со своими богословами. Император попрощался с ним со словами: «Дядя, я такого от вас не ждал». Курфюрст, со слезами на глазах, ничего не ответил. Он пробыл какое-то время в Нюрнберге и Кобурге и прибыл в Торгау 9 октября. Ландграф Гессенский покинул Аугсбург недовольным за несколько недель до того (6 августа) без разрешения, тем самым заставив опасаться открытого бунта.

Лютер был весьма недоволен перерывом, который фактически стал подтверждением Вормского эдикта. Он заявил, что останавливать распространение Евангелия — значит заново распинать Господа; Аугсбургское исповедание должно оставаться чистым Словом Божиим до судного дня; мессу нельзя терпеть, как величайшую скверну; и лишать народ чаши также неправильно. Да отправится этот мир в ад, если он мешает распространению Евангелия и веры. Говорят, что, если не будет папы, то Германия погибнет. Это было бы ужасно, однако тут во всем виноваты паписты⁹⁸⁰. В начале 1531 г. он выпустил книгу против Аугсбургского эдикта, авторами которого он считал «главного злодея» папу Климента и Кампеджи, а не императора. Завершается книга пожеланием, чтобы «богохульное папство попало в ад, как пророчествует Иоанн в Откровении (14:8; 18:2; 22:20); и каждый христианин пусть скажет: аминь»⁹⁸¹. В том же году он предупреждал немцев, чтобы они готовились защищаться, хотя ему, как служителю, и не подобает подстрекать к войне⁹⁸².

Постановление рейхстага было наконец обнародовано 19 ноября, но его исполнение угрожало гражданской войной и победой турок. Император побоялся таких последствий и был в замешательстве. Только двое из светских князей, курфюрст Иоахим Бранденбургский и герцог Георг Саксонский, были готовы поддержать постановление в осуществлении строгих мер. Герцог Баварии был недоволен тем, что император пытался сделать своего брата Фердинанда римским королем. Архиепископы Майнца и Кельна и епископ Аугсбурга отчасти симпа-

⁹⁷⁹ *Summa, mihi in totum dispect tractatus de doctrinae concordia, ut quae plane sit impossibilis, nisi papa velit papatum suum aboleri* (письмо к Меланхтону от 26 августа, в De Wette, IV. 147).

⁹⁸⁰ См. его разъяснение глав 6 — 8 от Иоанна (1530 — 1532), Erl. ed., XLVIII. 342 sq.

⁹⁸¹ *Glossen auf das vermeintliche kaiserliche Edict*, в Walch, XVI. 2017 sqq.; Erl. ed., XXV. 51-88.

⁹⁸² *Warnung an seine lieben Deutschen*, Erl. ed. XXV. 1-51. Романисты воспринял это как подстрекательство к открытому бунту. Лютер защищался от этого обвинения в *Wider den Meuchler in Dresden*, 1531 (Erl. ed. 89-109).

тизировали протестантам⁹⁸³. Но император обещал папе бросить все свои силы на подавление ереси и был вынужден исполнять эдикт по истечении отсрочки, после 15 апреля 1531 г.

Поэтому лютеранские князья в декабре 1530 г. сформировали в Шмалькальдене оборонительный альянс, называемый Шмалькальденской лигой. Их непосредственной задачей было защитить себя от преследований императорского правосудия, стремившегося вернуть церкви ее собственность и восстановить власть епископов. Мнения разошлись по вопросу о том, должны ли союзники в случае необходимости выступить против императора с оружием в руках. Богословы были против, но знатоки закона победили, и курфюрст Саксонии призвал членов союза обороняться против любого агрессора, в том числе императора. На новой встрече в Шмалькальдене в марте 1531 г. срок действия лиги был ограничен шестью годами. В нее вошла курфюршеская Саксония, Гессен, Люнебург, Ангальт, Мансфельд и одиннадцать городов. В конечном итоге эти действия привели к Шмалькальденской войне, которая закончилась катастрофой для протестантских князей, особенно для курфюрста Саксонии и ландграфа Гессенского (1547).

Но пока что война была предотвращена заключением мира в Нюрнберге (1532). В апреле 1532 г. снова стал наступать султан Сулейман с армией в триста тысяч человек, и примирение оказалось политической и патриотической необходимостью. 17 апреля император созвал в Регенсбурге рейхстаг, который потом переехал в Нюрнберг, и там 23 июля 1532 г. было заключено временное перемирие и приняты меры по борьбе с турками, которые потерпели поражение на суше и на море и были вынуждены отступить. Император-победитель поехал в Италию и призвал папу созвать собор, но папа не был еще готов и искал повод отложить созыв на неопределенный срок⁹⁸⁴.

Иоганн Твердый умер в том же году от апоплексического удара (16 августа 1532 г.). Наследником стал его сын, Иоанн Фридрих Великодушный, который в Шмалькальденской войне утратил свой курфюршеский сан, но сохранил евангельскую веру.

§119. Аугсбургское исповедание

I. Издания Аугсбургского исповедания: лучшее критическое издание — в 26-м томе «Corpus Reformatorum», ed. ВРЕТСCHNEIDER und BINDSEIL (1858), 776 стр. Здесь приводятся *Invariata* и *Variata*, на латыни и на немецком, с критическими примечаниями, списком рукописей и ранних изданий и предшествующих документов — догматов посещения, Марбургских, Швабахских и Торгауских статьях.

Вероисповедание издавалось на латыни, на немецком или на обоих языках, оно вошло во все сборники лютеранских символов веры: RECHENBERG, WALCH, WEBER, HASE, MEYER, FRANCKE, MÜLLER.

Отдельные современные издания: TWESTEN, TITTMANN, WEBER, WIGGERS, FÖRSTEMANN, HARTER, etc.

⁹⁸³ Альбрехт принял от Меланхтона посвящение комментария на Римлян и послал ему чашу с тридцатью золотыми гульденами (1532). Он также послал жене Лютера подарок в двадцать гульденов, от которого Лютер отказался (Köstlin, II. 427; Janssen, III. 203). Герман Кельнский позже принял протестантизм и предпринял неудачную попытку провести реформы в своей епархии с помощью Буцера и Меланхтона.

⁹⁸⁴ Лютер в своей книге со свойственной ему иронией и сарказмом упрекал папу в том, сколь нерадиво он относится к созыву собора (*Von den Conciliis und Kirchen*, 1539, Erl. ed., XXV. 219-388).

Английский перевод с латинским текстом см. в SCHAFF, *Creeds*, III. 3-73; только на английском — в HENKEL, *Book of Concord*, 1854, и JACOBS, *Book of Concord*, Philad., 1882. Первый английский перевод сделал RICHARD TAVERNER, London, 1536; последний, на основании этого, — CHARLES P. KRAUTH. (См. В. М. SCHMUCKER: *English Translations of the Augsb. Conf.*, Philad., 1887, 34 pp.)

По поводу литературы см. также KÖLLNER: *Symbolik der Lutherischen Kirche*, Hamburg, 1837, pp. 150-152, с полной историей вероисповедания, pp. 153-396.

II. Истории и монографии: CHYTRAEUS, COELESTIN, CYPRIAN, SALIG, PFAFF, FICKENSCHER, FORSTEMANN, etc., цитируемые в §117. Недавние труды: KÖLLNER, 1837 (см. выше). RUDELBACH: *Die Augsb. Conf. nach den Quellen*, Dresden, 1841. G. PLITT: *Einleitung in die Augustana*, Erlangen, 1867-68, 2 Parts; *Die Apologie der Augustana*, Erl., 1873. W. J. MANN: *A Plea for the Augsburg Confession*, Philadelphia, 1856. STUCKENBERG: *The History of the Augsb. Confession*, Philad., 1869. ZÖCKLER: *Die Augsb. Conf.*, Frkf.-a.-M., 1870. VILMAR: *Die Augsb. Confession erklärt*, Gütersloh, 1870. Краткий рассказ в SCHAFF: *Creeds* (4th ed. 1884), I. 225-242. С римско-католической стороны см. JANSSEN, III. 165-211, и L. PASTOR: *Die kirchlichen Reunionsbestrebungen während der Regierung Karls V.*, Freiburg, 1879, 22 sqq.

III. По частным вопросам — об отношении Лютера к Аугсбургскому исповеданию см. в RÜCKERT, Jena, 1854; CALINICH, Leipz., 1861; КНААКЕ, Berlin, 1863. Сравнение Аугсбургского исповедания с Марбургскими, Швабахскими и Торгаускими статьями см. в Ed. ENGELHARDT, в «*Zeitschrift für Hist. Theol.*», 1865, pp. 515-529; также Th. BRIEGER в «*Kirchengesch. Studien*», Leipzig, 1888, pp. 265-320.

Аугсбургское исповедание — это первое и самое знаменитое из всех евангельских вероисповеданий. В нем ясно, полно и систематически излагаются основные догматы веры, за которые Лютер и его друзья сражались в течение тринадцати лет с того момента, как он выразил протест против торговли индульгенциями. Благодаря своим ценным особенностям и историческому значению Аугсбургское исповедание стало главным вероучительным стандартом лютеранской церкви, которая также носит имя «церкви Аугсбургского исповедания». Оно занимает такое положение по сей день, несмотря на богословские и церковные несогласия в рамках лютеранского сообщества. Оно стало основой для создания похожих исповедательных свидетельств веры и укрепило позиции Реформации по всему миру. Оно оказало заметное влияние на Тридцать девять догматов Английской церкви⁹⁸⁵. В конечной редакции своего автора, с неизбежными изменениями в десятой статье, оно часто принималось также реформатскими богословами и общинами. Однако оно никогда не задумывалось как непогрешимый и окончательный стандарт даже для лютеранской церкви, а тем более Меланхтоном, который исправлял его до последнего момента и даже после его принятия. Сначала его скромно называли «апологией» на манер христианских апологий доникейской эпохи, и оно было всего лишь бесстрастным оправданием лютеранской веры перед римско-католическим миром.

Это чисто апологетический труд, скорее мирный, чем полемический. По замыслу, он должен был скорее стать формулой согласия, а не несогласия. Его авторы хотели примирения с Римом, поэтому документ очень мягок по тону, четко придерживается исторической правды, и в нем нет ничего такого, что могло бы оскорбить католиков. В нем не говорится о важности Писания как единственного правила веры и жизни, умалчивается о сомнительных особенностях римской системы — таких, как индульгенции, чистилище и власть папы (которую Меланхтон был готов терпеть при условии, выполнение которого было невозможно). Короче говоря, это самый процерковный, самый католический,

⁹⁸⁵ Доказательства этого см. в Schaff, *Creeds of Christendom*, I. 624 sqq.

самый консервативный из протестантских символов веры. Примирения с Римом достичь не удалось, но документ этот укрепил союз между самими лютеранами.

Вероисповедание — зрелый плод, который рос постепенно. Оно основано преимущественно на трех предыдущих документах: на пятнадцати статьях МАРБУРГА (4 октября 1529), семнадцати ШВАБАХСКИХ статьях (модифицированный и расширенный Лютером вариант предыдущего документа, с добавлением его мнения о реальном присутствии Христа в евхаристии), которые были приняты лютеранскими князьями на собрании в Швабахе близ Нюрнберга 16 октября 1529 г., и на нескольких статьях из ТОРГАУ, против отдельных злоупотреблений Римской церкви (составлены Лютером, Меланхтоном, Юстом Ионасом и Бугенгагеном по приказу курфюрста в его резиденции в Торгау 20 марта 1530 г.⁹⁸⁶). Первые два документа предоставили материал для первой, утверждающей части Аугсбургского исповедания, а последний — для второй, полемической.

Меланхтон использовал этот материал вольно, но обработал его тщательно и качественно, с ученостью и умеренностью. Он начал готовить вероисповедание с помощью Лютера в Кобурге в апреле и закончил в Аугсбурге 24 июня. Он трудился над ним днем и ночью, так что Лютер предостерегал его от переутомления. «Я приказываю тебе, — писал он ему 12 мая, — и все твои соратники пусть тебя к этому побуждают: заботься, под страхом отлучения, о своем несчастном теле и не убивай себя ради воображаемого повиновения Богу. Мы служим Богу даже тогда, когда отдыхаем».

Что касается содержания документа, то главным его автором является Лютер, а Меланхтон — второстепенным. Что же до формы, метода, стиля и настроения — то все это принадлежит Меланхтону. Никто другой не смог бы создать такой труд. У Лютера он получился бы более агрессивным и полемическим, а потому и, в данном случае, менее эффективным. Лютер сам понимал, что его друг больше подходит для такого дела, и выражал полное удовлетворение его трудом. «Мне оно очень нравится, — писал он о вероисповедании, — и я не смог бы его изменить или улучшить; да мне и не подошло бы это делать, потому что я не могу писать так мягко и кротко»⁹⁸⁷. Он сделал бы десятую статью, о реальном присутствии, более категоричной, вставил бы *sola* в учение об оправдании верой, как сделал в своей немецкой Библии, отрицал бы чистилище и тиранию папства в списке злоупотреблений из второй части. Он изменил бы и весь тон труда, так что этот документ зазвучал бы как боевые фанфары.

Собственно Аугсбургское исповедание (если исключить предисловие и послесловие) состоит из двух частей: утверждающей, или догматической, и отрицающей, или мягко полемической, а точнее, апологетической. Первая посвящена в основном учениям, вторая — обрядам и установлениям. Порядок тем не строгий, хотя в этом плане наблюдается существенный прогресс по сравнению со Швабахскими и Торгаускими статьями. В рукописных копиях и более древних изданиях статьи только пронумерованы, а заглавия были добавлены позднее.

I. Первая часть содержит двадцать одну статью — начиная с триединства Бога и заканчивая поклонением святым. Здесь ясно, спокойно и емко описаны учения, которых придерживаются евангельские лютеране: 1) общие с Римской цер-

⁹⁸⁶ *Articuli Torgavienses* раньше путали с *Articuli Suobacences*, пока Ферстеманн не обнаружил первые в архивах Веймара (1833).

⁹⁸⁷ *Denn ich so sanft und leise nicht treten kann* (послание к курфюрсту Иоганну от 15 мая 1530 г., в De Wette, IV. 17). Он называет это исповедание, *Augustana, die Leisetreterin*, то есть вероисповеданием, «которое ступает тихо» (письмо к Юсту Ионасу от 21 июля 1530 г.).

ковью; 2) общие с августиновской школой этой церкви; 3) не совпадающие с учениям Рима и 4) отличные от учений цвинглианцев и анабаптистов.

1) В области богословия и христологии, то есть учений о единстве Бога, о Троице (ст. I) и о богочеловеческой Личности Христа (III), вероисповедание решительно подтверждает древнюю католическую веру, изложенную во вселенских символах веры, и осуждает (*damnat*) старые и новые формы унитаризма и арианства как ереси.

2) В области антропологии, то есть в догматах о грехопадении и первородном грехе (II), о рабстве природной воли и необходимости божественной благодати (XVIII), о причине и природе греха (XIX), вероисповедание по сути является августиновским, в противовес пелагианской и полупелагианской ереси. Донатисты также осуждаются (*damnant*, VIII) за то, что отрицают объективную добродетель служения и таинств, которые отстаивал Августин.

3) Общие евангельские взгляды, более или менее отличные от римских, представлены в догматах об оправдании верой (IV), о евангельском служении (V), о новом повиновении (VI), о церкви (VII, VIII), о покаянии (XII), о рукоположении (XIV), о церковных обрядах (XV), о гражданском управлении (XVI), о добрых делах (XIX), о поклонении святых и об исключительном посредничестве Христа (XX).

Эти положения сформулированы осторожно и умело, чтобы обезоружить оппонентов-папистов. Даже учение об оправдании верой (ст. IV), которое Лютер считал краеугольным камнем церкви, сформулировано кратко и мягко, без слова *sola*, на котором он так настаивал и против которого так возражали католики, обвинявшие Лютера в искажении смысла Писания, когда он вставлял его в Послание к римлянам (3:28)⁹⁸⁸.

4) Явно лютеранские взгляды — в основном перешедшие из преобладающей католической традиции и отличные от взглядов других протестантских церквей — содержатся в статьях о таинствах (IX, X, XIII), об исповеди и отпущении грехов (XI), о тысячелетнем царстве (XVII). В десятой статье ясно говорится о реальном телесном присутствии и причащении Христом в ходе евхаристии и выражается неодобрение (*improbant*) в адрес тех, кто учит иначе (цвинглианцев)⁹⁸⁹. Анабаптистов не только не одобряют, но и осуждают (*damnat*) как еретиков, причем трижды: за их взгляды на крещение и спасение младенцев (IX)⁹⁹⁰, за отношение к гражданским властям (XVI) и за миллениаристские взгляды вкупе с надеждой на окончательное всеобщее примирение (XVII).

⁹⁸⁸ В письме к Бренцию, май 1531 г. (*Corp. Ref.*, II. 502), Меланхтон замечает, что не мог более ясно высказаться по этому вопросу, *propter adversariorum calumnias*. В Апологии вероисповедания (ст. IV) он больше вдается в детали и говорит, что это учение — «главное положение христианской доктрины (*praecipuus locus doctrinae Christianae*) в данном споре» (Müller, *Symb. Bücher*, p. 87). Доллингер обвиняет Меланхтона в софистике за то, что он формулировал это учение по-разному (*Die Reformation*, III. 279 sq.). В пересмотренных изданиях Библии Лютера в Рим. 3:28 было сохранено вставленное им *allein*.

⁹⁸⁹ То, что под *secus docentes* (на немецком — *Gegenlehr*) понимаются именно цвинглианцы, можно вывести из документов предшествовавшей встречи в Марбурге и из поведения лютеран во время рейхстага вообще. Имя Цвингли не упоминается, вероятно, из уважения к его другу ландграфу Гессенскому, который подписал вероисповедание.

⁹⁹⁰ «Они осуждают анабаптистов, которые не допускают крещения детей и утверждают, что дети спасены без крещения». В издании 1540 г. после слов *sine baptismo* добавлено *et extra ecclesiam Christi*. В римском ответе полностью одобрялось осуждение анабаптистов; они названы там *hominum genus seditiosissimum, procul a finibus Romani imperii eliminandum* (*Corp. Reform.*, XXVII. 105).

Но эти антицвинглианские и антибаптистские догматы давно уже утратили свою силу в лютеранской церкви. Сам Меланхтон изменил формулировку десятой статьи в издании 1540 г., опустив слова о неодобрении. Проклятость некрещенных младенцев, умирающих во младенчестве, которая косвенным образом предполагается, когда мы осуждаем противоположный взгляд, — это пережиток варварской ортодоксии, и баптисты справедливо его отвергали, равно как Цвингли и Буллингер, которые в этом отношении опередили свою эпоху. Впервые официально против этого учения выступила Реформатская церковь Шотландии во Втором Шотландском исповедании (1581), которое среди заблуждений «римского антихриста» осуждает «его жестокое проклятие младенцев, которые умирают без таинства, и абсолютную необходимость крещения»⁹⁹¹.

Учение о втором пришествии и о тысячелетнем царстве (отвергнутое в ст. XVII), если мы не будем говорить о грезах радикального крыла анабаптистов, нашло приверженцев среди здоровых и ортодоксальных лютеран, особенно из школы Бенгеля, и должно считаться открытым вопросом.

В последней статье доктринальной части выражена уверенность в том, что лютеране не учат ничему, что противоречило бы Писанию, Католической или же Римской церкви, насколько известно о ней по произведениям ее отцов, и разногласия касаются только некоторых традиций и обрядов. Но Лютер понимал глубину различий шире, как и романисты. Только Меланхтон, жаждавший единства и мира, мог так заблуждаться. Но и он перестал обманывать себя еще до того, как покинул Аугсбург, и в Апологии вероисповедания выступает совершенно в ином тоне.

II. Во второй части исповедания, в семи статьях, осуждаются те злоупотребления Рима, которые считались наиболее возмутительными и которые были исправлены в лютеранских церквях, а именно: лишение мирян чаши (I), целибат клира (II), жертвоприношение мессы (III), обязательная исповедь перед священником (IV), обрядовые праздники и посты (V), монашеские обеты (VI) и светская власть епископов, мешающая духовности и чистоте церкви (VII). Этот последний догмат был, по сути, протестом против принципа эрастианства или цезаропапизма, и его закономерным следствием должно было стать разделение церкви и государства. «Церковные и гражданские власти, — говорится в исповедании, — не следует смешивать. Церковные власти должны проповедовать Евангелие и отправлять таинства. Не надо смешивать обязанности, путая церковь и царства мира сего», и т. д. Что касается светской власти, то она занимается только мирскими вопросами, а не Евангелием, и «защищает не умы, а тела и телесные предметы от нанесения им ущерба». Протестантские правители Германии не обратили внимания на этот протест. В той же самой статье говорится, что восстановление прав епископов возможно, если их власть будет чисто духовной и церковной. На это подписавшие также не обратили внимания — им не хотелось отказываться от своих епископских прав, на которые они претендовали и которыми пользовались с 1526 г. с согласия реформаторов.

Вероисповедание завершается словами: «Петр запрещает епископам господствовать и властвовать над церквями (1 Пет. 5:3). Мы не хотим отбирать у епископов власть, но просим лишь о том, чтобы они не препятствовали распространению чистого Евангелия и отказались от тех обычаев, которых нельзя придерживаться, не впадая в грех. Если же они не пойдут на это, то будут держать ответ перед Богом, потому что по своему собственному упрямству станут причиной

⁹⁹¹ Schaff, *Creeeds*, i. 687, iii. 482.

раздоров и раскола»⁹⁹². Таким образом, ответственность за раскол в Латинской церкви была возложена на Рим. Но даже если бы Рим и рейхстаг приняли Аугсбургское исповедание, раскол все равно произошел бы при дальнейшем распространении протестантизма, и никакие силы на земле, даже Лютер и Меланхтон, не смогли бы его предотвратить.

Стиль латинского текста таков, какого и следовало ожидать от Меланхтона, отличавшегося редкой классической культурой и хорошим вкусом, хотя порядок и расположение вопросов могли быть существенно улучшены.

Дипломатическое предисловие для императора, написанное юристом, канцлером Брюком, — неуклюжее, напыщенное, растянутое и очень скучное. В нем читателю представлена историческая ситуация. Краткое послесловие (эпилог) написано тем же автором. За ним следуют подписи семи князей и двух магистратов. В нескольких рукописях предисловие и послесловие опущены, как не относящиеся собственно к вероисповеданию.

Мы не можем здесь подробно обсуждать проблемы, связанные с текстом, и важные изменения исходного вероисповедания 1530 г. в измененном исповедании 1540 г., в которое автор внес некоторые улучшения, но которое имеет лишь полуофициальный характер и обладает меньшим весом в лютеранской церкви⁹⁹³.

§120. Римское опровержение и протестантская апология

- I. *Corpus Reformatorum* (MELANCHTHONIS Opera), ed. Bretschneider and Bindseil, vol. XXVII (1859), 646 columns, vol. XXVIII, 1-326. Здесь есть *Confutatio Confessionis Augustanae* и два издания *Apologia Conf. Aug.* Меланхтона, на латыни и на немецком, со вступлением и критическими примечаниями. Лучшее и наиболее полное издание. Есть несколько отдельных изданий «Апологии», также она включена во все издания лютеранских символов веры; см. список литературы в §119. Латинский текст *Confutatio* впервые опубликовал A. Fabricius Leodius в *Harmonia Confess. Augustanae*, 1573; немецкий — C. G. Müller, 1808, по копии с оригинала из архивов Майнца, которую предварительно изучил Вебер (*Krit. gesch. der Augsb. Conf.*, II. 439 sqq.).
- II. K. KIESER (католик). *Die Augsburger Confession und ihre Widerlegung*, Regensburg, 1845. HUGO LÄMMER: *Die vor-tridentinisch-katholische Theologie des Reformations-Zeitalters*, Berlin, 1858, pp. 33-46. Его же: *De Confessionis Augustanae Confutatione Pontificia*, в Neidner, «Zeitschrift für Hist. Theol.», 1858. (Ламмер, лютеранин, вскоре перешел в Католическую церковь, был рукоположен священником в 1859 г. и назначен *missionarius apostolicus*, 1861.) G. PLITT (лютеранин): *Die Apologie der Augustana geschichtlich erklärt*, Erlangen, 1873. SCHAFF: *Creeds*, etc., I. 243. История и литература по апологии обычно прилагается к истории и литературе по исповеданию, например, в J. G. WALCH, FEUERLIN-RIEDERER, KÖLLNER.

Римская «Католическая конфутация», или опровержение Аугсбургского исповедания, была подготовлена в Аугсбурге по приказу императора Карла самыми выдающимися католическими богословами Германии и злейшими оппонентами Лютера, в первую очередь докторами Экком, Фабером, Кохлеем, на латыни и на немецком⁹⁹⁴. Окончательная редакция, переведенная на немецкий, была публи-

⁹⁹² Это было пожелание Меланхтона (которое Кёльнер использует как девиз в своем *Symb. d. luth. Kirche*): *Utinam utinam possim non quidem dominationem confirmare, sed administrationem restituere episcoporum. Video enim, qualem habituri simus ecclesiam, dissoluta πολιτεία ecclesiastica*. Иногда в лютеранской церкви раздаются одинокие голоса, призывающие к восстановлению епископата, но это ни к чему не приводит. См. F. Haupt, *Episcopat der deutschen Reformation, oder Artikel 28 der Conf.*, Frankf., 1866; *Luther und der Episcopat*, 1866.

⁹⁹³ См. об этом в Schaff, *Creeds*, I. 237 sqq., и особенно Köllner, *Symbolik der luth. Kirche*, p. 236 sqq., 267 sqq.

⁹⁹⁴ Полное ее заглавие — *Catholica et quasi-extemporanea Responsio Pontificia seu Confutatio*

чно зачитана перед императором и рейхстагом в часовне епископского дворца 3 августа и была принята как выражение мнения большинства.

Этот документ составлен в том же порядке, что и Аугсбургское исповедание. В нем одобряются восемнадцать доктринальных статей первой части либо полностью, либо с какими-то ограничениями и уточнениями. Даже четвертая статья, об оправдании верой, избежала критики, а пелагианство было строго осуждено⁹⁹⁵. Десятая статья, о вечере Господней, также была одобрена, только лишь с уточнением, что следует говорить о присутствии всего Христа в каждом из даров⁹⁹⁶. Статья же VII, о церкви, была отвергнута⁹⁹⁷; то же самое произошло со статьёй XX о вере и добрых делах и со статьёй XXI, о поклонении святым⁹⁹⁸.

Вторая часть исповедания, о злоупотреблениях, была отвергнута целиком, но в конце признавалось, что злоупотребления есть, особенно среди клира, а провести реформу дисциплины ожидалось от общецерковного собора⁹⁹⁹.

Тон опровержения умеренный благодаря конкретному приказу императора, но никаких уступок в спорных вопросах не делается. Здесь много цитат из Библии и отцов церкви, перечисляемых без особого разбора. Что касается талантливости и стиля, то труд уступает работе Меланхтона. Римская церковь не была еще готова сражаться с протестантскими богословами.

Публикация опровержения, как и вероисповедания, была запрещена, и оно было напечатано только много лет спустя, но суть его содержания стала известна, потому что слушатели делали заметки, а с рукописей снимали копии.

Лютеранские представители на рейхстаге призвали Меланхтона сразу подготовить протестантское опровержение римского опровержения, и он представил первый набросок рейхстагу 22 сентября через канцлера Брюка, но документ не был принят к рассмотрению.

На следующий день Меланхтон покинул Аугсбург, сопровождая курфюрста Саксонского. В пути он начал переписывать Апологию¹⁰⁰⁰ и закончил ее в апреле 1531 г. уже в Виттенберге, в спокойной обстановке, пользуясь рукописной копией опровержения.

Апология Аугсбургского исповедания — это ученое оправдание данного документа. Она намного превосходит опровержение в плане богословского и литературного таланта. От апологетического исповедания она отличается полемичес-

Augustanae Confessionis. Первый ее вариант был многословным и язвительным (*verbosior et acrior*); второй, третий, четвертый и пятый — более краткими и мягкими.

⁹⁹⁵ В первом варианте, однако, были длинные нападки на *sola fide* Лютера.

⁹⁹⁶ *Decimus articulus in verbis nihil offendit si modo credant [principes, подписавшие вероисповедание лютеране] sub qualibet specie integrum Christum adesse.*

⁹⁹⁷ Поскольку церковь определяется как *congregatio sanctorum*, без включения *mali et peccatores*.

⁹⁹⁸ Так как в ней отрицались молитвы к святым. *Hic articulus confessionis toties damnatus penitus rejiciendus est et cum tota universali ecclesia reprobandus.*

⁹⁹⁹ *Quod autem de abusibus adstruxerunt, haud dubie norunt Principes omnes et status imperii, neque a Caes. Maestate, neque ullis a Principibus et christiano aliquo homine vel minimum abusum probari, sed optare tum Principes, tum status imperii, ut communi consilio ac consensu admittantur, ut, sublatis abusibus et emendatis, utriusque status excessus aut penitus aboleantur, aut in melius reformatur, ac tandem ecclesiasticus status multis modis labefactatus, ac christiana religio, quae in nonnullis refriguit et remissa est, ad pristinum decus et ornamentum restituatur et redintegretur. Qua in re Caes. Maestas, ut omnibus constat, hactenus plurimum et laboris et curae insumsit, et in reliquum ad hoc negotii omnem suam operam ac studium serio collocaturam benigne pollicetur (Corp. Ref., XXVII. 182 sq.).*

¹⁰⁰⁰ Он усердно трудился над нею в Альтенбурге даже в воскресенье, так что Лютер велел ему соблюдать четвертую заповедь.

ким и протестантским тоном. Она написана не менее ученым языком и с не меньшими способностями, но менее сдержанно и более смело. В ней даже используются резкие выражения в адрес оппонентов-папистов, которые названы лжецами и лицемерами (особенно в немецком издании). Это самый ученый из лютеранских символов веры, и он в семь раз объемнее, чем само вероисповедание, но именно по этой причине он не может быть использован как символ веры. В нем много устаревших доводов, ошибочных толкований и цитат из отцов церкви, но в свое время он весьма укрепил веру ученых в дело протестантизма. Его основная ценность — историческая. Это самое древнее и подлинное толкование Аугсбургского исповедания, сделанное самим его автором.

Хотя апология и не была подписана лютеранскими князьями в Аугсбурге, в 1532 г. на собрании в Швейнфурте она была признана сначала общим исповеданием, потом, в Шмалькальдене в 1537 г., подписана лютеранскими богословами, затем использовалась на религиозном собрании в Вормсе в 1540 г. и в конце концов стала основой для разных изданий вероисповедания, по меньшей мере — Книги согласия (1580).

Текст апологии, как и текст исповедания, прошел через разные редакции, которые использовались Боссюэ и другими романистами, чтобы доказать непостоянство протестантизма. Оригинальный набросок, сделанный в Аугсбурге, не является авторитетным, так как он основан на фрагментарных заметках Камерария и других лиц, слушавших опровержение 3 августа¹⁰⁰¹. Первое латинское издание было сильно расширено и улучшено. Немецкий перевод был подготовлен Юстом Ионасом с помощью Меланхтона, но весьма отличается от латинского¹⁰⁰². Оба текста были опубликованы вместе с Аугсбургским исповеданием в октябре 1531 г. В последующих изданиях как латинского оригинала, так и немецкого перевода также делались изменения, особенно в издании 1540 г. Поэтому существует *Apologia invariata* и *Apologia variata*, так же как *Confessio invariata* и *Confessio variata*. В Книге согласия были использованы тексты первого издания¹⁰⁰³.

§121. Исповедание четырех городов

I. Издания. Латинский текст был впервые напечатан в Страсбурге (Argentoratum) в сентябре 1531 г. (21 лист); затем — в *Corpus et Syntagma Confess.* (1612 и 1654); в AUGUSTI, *Corpus libr. symb.* (1827), p. 327 sqq.; также в NIEMEYER, *Collect. Confess.* (1840), p. 740-770; см. также Proleg., p. LXXXIII.

Немецкий текст впервые появился в Страсбурге в августе 1531 г. (вместе с апологией, 72 листа); потом снова, 1579, ed. JOHN STURM, но был запрещен магистратом, 1580; в Цвайбрюкене, 1604; в BECK, *Symbol. Bücher*, vol. I, p. 401 sq.; BÖCKEL, *Bekennniss-Schriften der evang. reform. Kirche* (1847), p. 363 sq.

II. GOTTL. WERNSDORFF: *Historia Confessionis Tetrapolitanae*, Wittenb. 1694, ed. IV. 1721. SCHELHORN: *Amaenitates Litter.*, tom. VI, Francf. 1727. J. H. FELS: *Dissert. de varia Confess. Tetrapolitanae fortuna praesertim in civitate Lindaviensi*, Götting., 1755. PLANCK: *Geschichte des protest. Lehrbegriffs*, vol. III, part I (2^d ed. 1796), pp. 68-94. J. W. RÖHRICH: *Geschichte der evangel. Kirche des Elsasses*. Strassburg, 1855, 3 vols. J. W. BAUM: *Capito und Butzer* (Elberf. 1860), p. 466 sqq., 595. SCHAFF: *Creeds*, I. 524-529.

¹⁰⁰¹ *Corp. Ref.*, XXVII. 267 sqq. Сам Меланхтон его не слышал.

¹⁰⁰² *Ibid.*, 379 sqq.; XXVIII. 1 sqq.

¹⁰⁰³ См. о разных изданиях *Corp. Ref.*, XXVI. 697 sqq., XXVII. 379 sqq.; латинский текст 1531 г. — p. 419 sqq.; немецкий перевод с изменениями второго издания (1533), третьего и четвертого изданий (1540), пятого издания (1550), шестого издания (1556) — в vol. XXVIII, 37-326.

Исповедание четырех городов (Тетраполитанское исповедание), также называемое Страсбургским или Швабским, — древнейшее вероисповедание реформатской церкви в Германии. В нем представлена вера четырех имперских городов: Страсбурга, Констанца, Меммингена и Линдау, которые в то время в плане учения о таинствах склонялись к Цвингли и швейцарцам, а не к Лютеру.

Оно было подготовлено в большой спешке во время заседания Аугсбургского рейхстага Буцером с помощью Капитона и Гедиона от имени этих четырех городов (отсюда его название), исключенных лютеранами из своего политического и богословского круга и из протестантской лиги. Эти города предпочли бы объединиться с лютеранами и подписать Аугсбургское вероисповедание, за исключением десятой статьи, о евхаристии, но им не позволили так сделать. Ландграф Филипп Гессенский, как дальновидный политик, был единственным, кто выступал за объединение протестантов против общего врага, но его усилия были тщетны.

Итак, после того как лютеране представили свое вероисповедание 25 июня, а Цвингли свое — 8 июля, четыре города вручили императору 11 июля и свой документ, на немецком и латыни. Исповедание было принято весьма неблагоприятно, и его не разрешили зачитать перед рейхстагом, тем не менее его опровержение, полное неверных толкований, было подготовлено Фабером, Экком и Кохлеем и зачитано 24 (или 17) октября. Страсбургским богословам даже не дали копии опровержения, но они тайно достали один экземпляр и ответили на него в «Оправдании и защите», которое появилось осенью 1531 г.

Вероисповедание четырех городов состоит из двадцати трех глав, не считая предисловия и заключения. В плане учения оно очень близко к лютеранскому вероисповеданию и проникнуто тем же духом умеренности, но оно более явно протестантское. Это становится видно сразу из первой главы (о предмете проповеди), где говорится, что с кафедры следует учить только тому, что содержится в Священном Писании или явно может быть выведено из него. (В лютеранском исповедании ничего не сказано о высшем авторитете Писания). Евангельское учение об оправдании сформулировано в третьей и четвертой главах более четко, чем у Меланхтона, а именно: мы оправдываемся не собственными делами, но исключительно благодатью Божьей и заслугами Христа через живую веру, которая деятельна в любви и производит добрые дела. Изображения отвергаются в главе XXII.

Учение о вечере Господней (глава XVIII) передано в сомнительных терминах, по сути соответствующих и лютеранской, и цвинглианской теории, что отражает тенденцию Буцера к объединению. Но в зародыше оно содержит кальвинистическое мнение. Здесь сказано, что в ходе таинства Христос предлагает Своим последователям — воистину теперь, как и в момент учреждения — Свою настоящую плоть и кровь как духовную пищу и питье, которыми питаются их души ради вечной жизни. В исповедании ничего не сказано о принятии через рот и об участии неверующих в таинстве, характерных для лютеранского взгляда. Буцер, который был на Марбургской встрече в 1529 г., позже с великим рвением старался прийти к вероучительному компромиссу между спорящими богословами, но безрезультатно.

Впоследствии исповедание четырех городов было вытеснено более ясными и логичными исповеданиями кальвинистического типа. Но четыре города все-таки подписали лютеранское исповедание, чтобы вступить в Шмалькальденскую лигу, хотя сам Буцер остался верен своему символу веры и подтвердил это в завещании (1548) и на смертном одре.

§122. Вероисповедание Цвингли, представленное императору Карлу

Ad Carolum Boni. Imperatorem, Germaniae comitia Augustae celebrantem Fidei HULDRYCHI ZWINGLI Ratio (Rechenschaft). Anno MDXXX. Mense Julio. Vincat veritas. В том же году в Цюрихе появился немецкий перевод, в 1543 — английский. Смотри Niemeyer, *Collect. Conf.*, p. XXVI, 16 sqq. BÖCKEL: *Bekennnisschriften der reform. Kirche*, p. 40. sqq. MÖRIKOFER: *U. Zwingli*, vol. II. p. 297 sqq. CHRISTOFFEL: *U. Z.*, vol. II. p. 237 sqq. SCHAFF: *Creeeds*, I. 366 sqq.

Цвингли воспользовался Аугсбургским рейхстагом, чтобы послать туда свое вероисповедание, обращенное к немецкому императору Карлу V, вскоре после того, как лютеранские князья представили ему свое. Оно датировано 3 июля 1530 г., написано в Цюрихе и было доставлено посланцем в Аугсбург 8-го числа того же месяца, но его постигла та же судьба, что и Исповедание четырех городов. К нему отнеслись презрительно и так и не представили рейхстагу. Доктор Экк за три дня написал опровержение, обвиняя Цвингли в том, что уже десять лет он искореняет среди швейцарского народа веру и религию и подстрекает людей к бунту против городских властей; что он причинил больше вреда, чем турки, татары и гунны; что он превратил церкви и монастыри, основанные Габсбургами (предками императора), в храмы Венеры и Вакха, а теперь осмеливается еще и представить императору столь дерзкое произведение.

Лютеране (за исключением Филиппа Гессенского) также были в негодовании. Они больше беспокоились о том, чтобы примириться с католиками, чем о союзе с цвинглианцами и анабаптистами. Особенно их оскорбило то, что швейцарский реформатор решительно выступил против телесного присутствия Христа в евхаристии и упомянул о них как о людях, которые «тоскуют о египетских котлах с мясом». Меланхтон назвал его безумцем.

Цвингли, у которого не было времени посоветоваться с союзниками, выпустил вероисповедание от своего собственного имени и заявил, что выносит его на суд всей церкви Христа, руководствующейся Словом Божьим и Святым Духом.

В первых разделах он подтверждает столь же ясно, как и лютеранское исповедание, а может быть, даже яснее, свою веру в учения о Троице и Личности Христа, изложенные в Никейском и Афанасьевском символах веры (которые конкретно названы). Он учит избранию по безвозмездной благодати, единственной и достаточной жертве Христа и оправданию верой без людей-посредников и дел-заслуг. Он различает внутреннюю, или невидимую, и внешнюю, или видимую, церковь. Первая — это собрание избранных верующих и их детей, невеста Христова; второе — это все номинальные христиане и их дети, что прекрасно описано в притче о десяти девах, пять из которых были неразумными. Слово «церковь» может также обозначать отдельную общину, например, церковь Рима, Аугсбурга, Лейдена. Истинная церковь никогда не заблуждается в вопросах веры. Чистилище он отвергает как нечестивую выдумку, которая сводит на нет заслуги Христа. В том, что касается первородного греха, спасения некрещенных младенцев и таинств, он отходит от традиционного богословия намного дальше, чем лютеране. Он пространно опровергает телесное присутствие Христа в евхаристии. С другой стороны, он протестует против того, чтобы его путали с анабаптистами, и отвергает их воззрения на крещение младенцев, на занятие гражданских должностей, на сон души и на всеобщее спасение.

Этот документ откровенен и смел, однако полон достоинства и учтивости, и завершается он словами: «Не препятствуйте, дети человеческие, распростране-

нию и росту Слова Божьего. Вы не можете запретить траве расти. Вы должны видеть, что это растение благословенно небесами. Думайте не о собственных желаниях, а о потребностях нашего века, в который Евангелие должно распространяться свободно. Отнеситесь к этим словам по-доброму и покажите своими делами, что вы — дети Божьи».

§123. Лютер в Кобургском замке

Послания Лютера из Кобурга с 18 апреля по 4 октября 1530 г. в De Wette, IV. 1-182. Послания Меланхтона к Лютеру из Аугсбурга, во втором томе «Corpus Reform.».

ZITZLAFF (архидиакон Виттенберга): *Luther auf der Koburg*, Wittenberg, 1882 (175 стр.).
KÖSTLIN, M. L., II. 198 sqq.

Во время Аугсбургского рейхстага, с апреля по октябрь 1530 г., Лютер был почетным пленником в замке курфюрста в Кобурге¹⁰⁰⁴. Из этой башни на границе Саксонии и Баварии он оказывал, с помощью своих писем, мощное влияние на Меланхтона и лютеранских исповедников на рейхстаге. Его пребывание там можно сопоставить с десятью месяцами пребывания в Вартбурге, и это — последняя романтическая глава в его изобиловавшей событиями жизни. Он был по-прежнему подвергнут анафеме со стороны папы и империи, поэтому в Аугсбурге появляться ему было небезопасно. Более того, у князя были основания бояться, что бескомпромиссность Лютера скорее помешает, чем будет способствовать делу примирения и согласия, но он пожелал держать его под рукой, чтобы спрашивать у него совета. Послание из Аугсбурга доходило до Кобурга примерно за четыре дня.

Лютер приехал в Кобург вместе с курфюрстом и виттенбергскими богословами 15 апреля 1530 г. Ночью 22-го его перевезли в укрепленный замок на холме и велели оставаться там в течение неопределенного срока. Причин ему не назвали, но он вполне мог о них догадаться. Первый день он любовался окрестностями и исследовал княжеские хоромы (*Fürstenbau*), в которых его поселили. Его гостиную до сих пор показывают в замке. «У меня громадные апартаменты с видом на всю крепость, и мне дали ключи от всех комнат». С ним был секретарь Вейт Дитрих, один из его любимых учеников, и его племянник Кириак Кауфман, молодой студент из Мансфельда. Лютер отрастил бороду, как он уже делал в Вартбурге. Его содержали за счет курфюрста, и он наслаждался этим отдыхом, насколько только мог (если принимать во внимание тяжесть его трудов и забот). Посетителей к нему приходило больше, чем ему хотелось бы. В замке жило около тридцати человек.

«Дражайший Филипп, — писал он Меланхтону 23 апреля, — мы наконец достигли нашего Синая, но мы превратим этот Синай в Сион, и здесь я построю три скинии — одну Псалтири, другую Пророкам и третью Эзопу... Это очень приятное место, очень подходящее для занятий; только твое отсутствие меня печалит. Все мое сердце и душа волнуются и воспаляются против турок и Мухаммеда, когда я вижу, как нестерпимо свирепствует дьявол. Поэтому я буду молиться, взывать к Богу и не успокоюсь, пока не пойму, что мой зов услышан на небесах. Хотя тебя еще больше печалит прискорбное положение нашей Гер-

¹⁰⁰⁴ Кобург, как и Гота, является резиденцией герцога, столицей герцогства Сакс-Кобург-Гота. Он находится в 185 милях (298 км) к юго-юго-западу от Берлина, почти посередине между Виттенбергом и Аугсбургом. Сейчас (1888) там живет около 16.000 человек. Замок стоит на горе, которая возвышается над городом. Часть его была превращена в тюрьму и колонию, но некоторые помещения сохранились в прежнем виде, особенно те, где жил Лютер. Там можно видеть его постель и письменный стол.

манской империи». Далее он описывает свое пребывание в «царстве птиц». В других письмах он с юмором говорит о криках ворон и галок в лесу и сравнивает их с воинством королей и знати, ученых и софистов, которые заседают в рейхстаге, сотрясают своими возгласами воздух и устраивают набеги на пшеничные и ячменные поля, надеясь совершить великие подвиги и одержать победу. Он слышал, как все эти софисты и паписты поднимают вокруг него шум с раннего утра. Ему отрадно было видеть, как доблестно эти храбрецы рейхстага беснуются и размахивают своими грамотами, но он надеялся, что уже вскоре из них получатся обыкновенные чучела. Он был рад услышать первого соловья, уже в апреле. С помощью этих невинных выдумок он пытался бороться с тревогой, которая его донимала. Именно отсюда он написал своему сыну Гансу то очаровательное письмо, в котором говорится про прекрасный сад, полный яблоч, груш и слив, про веселых детей на лошадках с золотыми уздечками и серебряными седлами и дается обещание, что Ганс и его товарищи по играм тоже попадут в этот сад, если будут молиться и учить уроки¹⁰⁰⁵.

Радость и печаль, жизнь и смерть тесно связаны в этом изменчивом мире. 5 июня Лютер получил печальное известие о благочестивой смерти своего отца, который скончался в Мансфельде 29 мая. Впервые узнав о его болезни, он писал ему из Виттенберга 15 февраля 1530 г.: «Для меня было бы великой радостью, если бы вы с матерью могли приехать к нам. Моя Кэт и все молятся об этом со слезам. Мы сделали бы все, чтобы вам было удобно». Узнав о его кончине, он сказал Дитриху: «Итак, мой отец тоже мертв», — взял свою Псалтирь и удалился в комнату. В тот же день он написал Меланхтону: все, что у него было и чем он был, он получил от Бога через своего возлюбленного отца.

Лютер сильно страдал от «жужжания и кружения» в своей голове, от склонности к обморокам, которая в течение нескольких недель мешала ему читать и писать. Он не знал, считать виновником своей болезни кобургское гостеприимство или своего старого врага. То же самое с ним случилось в Вартбурге. Дитрих полагал, что во всем виноват сатана, потому что Лютер был весьма осторожен в плане питания.

Тем не менее Лютер сделал очень много. Когда пришел его сундук с книгами, он снова взялся за перевод Библии, начатый в Вартбурге, надеясь закончить Пророков, и продиктовал Дитриху комментарий к первым двадцати пяти псалмам. Он также истолковал свой любимый псалом 117 и написал стих 17 на стене своей комнаты вместе с мелодией для пения:

Non moriar, sed vivam, et narrabo opera Domini.

Для отдыха и развлечения он перевел тринадцать басен Эзопа, адаптировав их для молодежи и простого народа, ибо в них «приятный вымысел помогает преподавать прекрасные уроки мудрости и мирной жизни среди дурных людей этого грешного мира». Он перевел их в самых простых выражениях, а мораль сформулировал с помощью подходящих немецких поговорок¹⁰⁰⁶.

Аугсбургский рейхстаг постоянно привлекал его внимание. Лютер был той силой, которая скрывалась за тенью престола. В мае он написал публичное «Увещевание к клиру, собравшемуся на рейхстаг», в котором напоминал об основных разногласиях, предостерегал против строгих мер, которые могут вызвать новый

¹⁰⁰⁵ См. выше, §78.

¹⁰⁰⁶ Рукопись перевода и адаптации этих басен недавно была обнаружена в Ватиканской библиотеке доктором Рейценштейном и опубликована, с интересным факсимиле, E. THIELE: *Luthers Fabeln nach seiner wiedergefundenen Handschrift*, etc. Halle (M. Niemeyer), 1888 (19 стр.).

бунт, и обещал, что романисты могут спокойно владеть своим мирским имуществом и саном, если только позволят свободно проповедовать Евангелие. Он опубликовал ряд трактатов против римских заблуждений и злоупотреблений.

Лютер поддерживал оживленную переписку с Меланхтоном, Юстом Ионасом, Шпалатином, Линком, Гаусманном, Бренцием, Агриколой, Веллером, канцлером Брюком, кардиналом Альбрехтом, курфюрстом Иоганном, ландграфом Филиппом и другими, не забывая о своей *liebe Kethe, Herr Frau Katherin Lutherin zu Wittenberg*. Письма он посылал «из края птиц» (*ex volucrum regno*), «с вороньего рейхстага» (*ex comitiis Monedularum seu Monedulanensibus*) или «из пустыни» (*ex eremo, aus der Einöde*). Меланхтон и курфюрст сообщали ему о том, как идут дела в Аугсбурге, спрашивали его совета по поводу всех важных шагов и переслали ему черновик вероисповедания. Он одобрил его, хотя хотел бы сделать его более резким. Он был против компромиссов в области учения и призывал исповедников стоять на вере в Евангелие, не боясь последствий.

Его героическая вера, движущая сила и слава его жизни сияют в этих посланиях поразительным светом. Чем сильнее была опасность, тем больше возрастала его смелость. Он посвящал лучшие часы дня молитве. Его гимн *Ein feste Burg ist unser Gott* был написан раньше¹⁰⁰⁷, но в нем выражается вся его бесстрашная вера в Бога в период этого значительного кризиса, во время, когда Меланхтон трепетал. «Если вопрос так велик, — писал Лютер ему (27 июня), — то не менее велик и Тот, Кто начал его и руководит им; ибо это не наше дело... “Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя. Никогда не даст Он поколебаться праведнику”. Неужели Он говорит это ветру или зверям?... Тебя мучает мирская мудрость, а не богословие. Да и что ты можешь совершить от себя лично со своими бесплодными заботами? Что еще может сделать дьявол, как не душить нас? Я заклинаю тебя, готового сражаться в других ситуациях: борись с собой как со своим самым большим врагом». В другом письме Лютер хорошо описывает разницу между собой и своим другом в том, что касается забот и искушений. «В частных делах я слабее, а ты сильнее, но в общественных делах все наоборот (если вообще можно назвать частной ту борьбу, которая идет между мной и сатаной): ибо ты не ценишь своей жизни, но трепещешь за общее дело; я же с легкостью и надеждой отношусь к последнему, зная, что точно делаю то, что справедливо и истинно, что это дело Христа и Самого Бога. Поэтому я остаюсь беспечным наблюдателем и не обращаю внимания на угрожающих и яростных папистов. Если мы падем, тогда и Христос, Сам Правитель мира, должен будет пасть вместе с нами. Я предпочитаю пасть вместе со Христом, нежели устоять вместе с императором. Поэтому я умоляю тебя, во имя Христа, не пренебрегать обещаниями и утешением от Бога, Который говорит: “Возложи на Господа заботы твои. Мужайтесь: Я победил мир”. Я знаю о слабости нашей веры, но тем более мы должны молиться: “Господь, укрепи нашу веру”».

В примечательном послании к канцлеру Брюку (5 августа) Лютер выражает свою уверенность в том, что Бог не может оставить и не оставит дело евангелистов, потому что это Его собственное дело. «Это Его учение, это Его Слово. Поэтому Он точно услышит наши молитвы. О да, Он уже приготовил Свою помощь, ибо Он говорит: “Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы она и забыла, то Я не забуду тебя”» (Ис. 49:15). В том же письме он пишет: «Я недавно видел два чуда: первое, когда, выглянув из

¹⁰⁰⁷ См. выше и далее, в последнем параграфе.

окна, увидел звезды небесные и прекрасный Божий свод, у которого нет столбов, — однако небеса не падали, и твердь держалась. Второе чудо: я увидел густые тучи, нависшие над нами, тяжелые и подобные великому озеру, и они ни на чем не держались — однако они не упали на нас, но, показав нам свой мрачный вид, прошли, и появилась сияющая радуга... Утешьте магистра Филиппа и всех остальных. Да утешит и да поддержит Христос нашего милостивого курфюрста. Слава Христу и благодарность веками. Аминь».

Урбан Регий, реформатор Брауншвейга-Люнебурга, на пути из Аугсбурга в Целле вызвал Лютера, в первый и последний раз, и провел с ним день в Кобурге. Это был «счастливейший день» в его жизни. Урбан Регий так описал сильное впечатление от этого дня в своем послании: «Я полагаю, что человек, который знает Лютера, не может его ненавидеть. Из его книг виден его гений, но если бы вы увидели его лицом к лицу и услышали, как он говорит о божественном в апостольском духе, вы сказали бы, что живая реальность превосходит его славу. Лютер слишком велик, чтобы всякие умники судили о нем. Я тоже писал книги, но в сравнении с ним я — всего лишь ученик. Он — избранное орудие Святого Духа. Он — богослов всего мира».

Буцер также нанес ему визит в Кобург (25 сентября) и попытался склонить его, по возможности, к более дружескому отношению к цвинглианцам и страсбургцам. Буцер преуспел в этом настолько, что надеялся на будущее примирение. Это было началом тех тщетных попыток, которые привели к созданию «Виттенбергской конкордии», но в конечном итоге потерпели поражение. У Буцера после этого визита появилась уверенность, что Лютер — человек «воистину богобоязненный и искренне стремящийся прославить Бога».

В этом не может быть никаких сомнений. Лютер боялся Бога, и ничего больше. Он стремился прославить Христа и не заботился о богатствах и удовольствиях этого мира. В Кобурге Лютер был в полном расцвете сил, в расцвете славы и влияния. Ему было сорок шесть лет. С созданием Аугсбургского исповедания его дело было практически завершено. Теперь его последователи были организованной церковью с вероисповеданием, с определенным поклонением и управлением, и они больше не зависели от его личных усилий. Он прожил и трудился еще пятнадцать лет, завершил свой перевод Библии, величайшее дело жизни, проповедовал, учил и писал, но его физические силы начали приходить в упадок. Он болел, часто жаловался на слабость и непригодность. Ему хотелось отдохнуть после своих титанических трудов. Некоторые из его последних поступков, такие как неудачное содействие двоеженцу Филиппу Гессенскому и яростные нападки на папистов и сакраментариев, подорвали его славу и напоминают нам о том, что даже величайшие и лучшие из людей несовершенны.

Итак, настало время дать оценку его общественному характеру и тем услугам, которые он оказал церкви и миру.

§124. Общественный характер Лютера и его положение в истории

В 1883 г. весь протестантский мир с энтузиазмом отмечал четыреста лет со дня рождения Лютера. Прозвучало множество речей и проповедей о его заслугах как человека и немца, мужа и отца, проповедника, автора катехизисов и гимнов, переводчика Библии и толкователя, реформатора и основателя церкви, защитника священных прав совести, родоначальника мощного движения за религиозную

и гражданскую свободу, которое прокатилось по всей Европе, пересекло Атлантику и достигло берегов Тихого океана. История его жизни рассказывалась в ученых и популярных биографиях на разных языках, разыгрывалась на сценах главных городов Германии¹⁰⁰⁸. Не только лютеране, но пресвитериане, конгрегационалисты, епископалы, методисты, баптисты, унитарии воздали дань Реформатору. В Академии музыки в Нью-Йорке не могли вместиться все, кто пришел на праздник в честь Лютера, организованный Евангельским альянсом от имени ведущих протестантских деноминаций Америки¹⁰⁰⁹.

Никогда о смертном человеке не звучало столько свидетельств. Празднования в честь Цвингли в 1884 г. носили похожий характер и также проходили в обоих полушариях, но, вероятно, мы не можем думать о них, не вспоминая о праздниках в честь Лютера.

В самом деле, духовное влияние, которое оказал и продолжает оказывать Лютер, можно сравнить только с влиянием авторов священных текстов. Влияние святого Августина было более масштабным. Оно распространилось как на Римскую Католическую церковь, так и на протестантские, но оно никогда не затрагивало сердца простых людей. Лютер — единственный из реформаторов, имя которого было принято (хотя и не без протестов с его стороны) той церковью, которую он основал. Он дал своему народу на его собственном языке три основополагающие для веры книги: Библию, сборник гимнов и катехизис. Даже своих немецких врагов он вынудил подражать своему слогу в стихах и прозе. Влияние его Библии на церковь, носящую его имя, так велико, что почти невозможно изменить ее текст и приспособить к современному языку и вкусу, хотя сам он продолжал пересматривать и улучшать перевод в течение всей своей жизни¹⁰¹⁰.

Лютер был немцем до мозга костей. В нем воплотились все недостатки и добродетели его народа¹⁰¹¹. Он — апостол протестантской Германии, как Бонифаций был апостолом Германии римско-католической, но он существенно превосходит Бонифация в плане гения и учености. Бонифаций, хоть и англосакс по рождению, был, скорее, римлянином, чем немцем, а Лютер был немецким христианином в оппозиции папскому Риму. Все школы лютеранских богословов

¹⁰⁰⁸ См. список литературы в §17. Мученик-император Фридрих III, как коронованный принц, представляющий своего уважаемого отца, императора Вильгельма I Германского, был ведущим участником торжеств в Виттенберге 12-14 сентября 1883 г., которым было придано всенародное значение. В ходе торжеств в честь Лютера было подготовлено несколько драматических сценариев о нем: Генцена (1883), Девриена (седьмое издание, 1888), Геррига (девятое издание, 1888) и Трюмпельмана (второе издание, 1888). См. G. A. Erdmann, *Die Lutherfestspiele*, Wittenberg, 1889.

¹⁰⁰⁹ Собрание Евангельского альянса США, в то время возглавляемого докторами Праймом и Шаффом (пресвитериане), было самым массовым и впечатляющим из праздников в честь Лютера в Америке. На нем выступили distinguished Джон Джей (епископальная церковь), доктор Филипп Брукс (епископальная церковь), доктор У. М. Тейлор (конгрегационалист), епископ Симпсон (методист), доктор Кротель (лютеранин), доктор Кросби (пресвитерианин). Музыкальное сопровождение звучало в исполнении Общества Нью-Йоркской оратории. Евангельский альянс призвал протестантские церкви Соединенных Штатов также отметить день рождения Лютера проповедями о Реформации.

¹⁰¹⁰ Так называемая *Probibibel* 1883 г., подготовленная группой талантливых ученых из всех земель Германии, является скромным и консервативным пересмотром, не учитывает текст Эразма и допускает бесчисленные неточности из уважения к памяти Лютера, но даже этот пересмотр строго ортодоксальные лютеране считают слишком вольным. То есть можно сказать, что популярность перевода Лютера даже мешает прогрессу.

¹⁰¹¹ См. красноречивое обращение Н. v. Treitschke, *Luther und die deutsche Nation*, Berlin, 1883 (29 стр.).

опираются на его авторитет: крайне ортодоксальные, которые еще более, чем Лютер, верны букве; умеренные или средние, которые верны лишь сути его учения; и рационалисты, которые отвергают его символ веры, но считают его глашатаем свободы частного суждения и несогласия с авторитетами¹⁰¹².

Реальная сила Лютера — в его немецких произведениях, которые способствовали формированию современного литературного немецкого языка и проникали в сердца людей. Его величайшее произведение — перевод, немецкая Библия. Итальянцы, испанцы и французы, которые были знакомы только с его латинскими трудами, весьма приблизительно представляли себе его влияние и не могли понять его секрет¹⁰¹³. Презрительные отзывы папы Льва, кардинала Каетана, Алендера и императора Карла отражают чувства их народов. Они вновь и вновь повторяются среди современных авторов латинских народов и римской веры.

Тем не менее влияние Мартина Лютера выходит за пределы его родины. Он принадлежит церкви и миру.

Собственная биография Лютера и история ранней немецкой Реформации изложены в его многочисленных письмах, которые он и не собирался публиковать. В них он, не стесняясь, открывает миру свою душу. Он был самым искренним и откровенным из людей, действовал импульсивно, не думая о последствиях своих поступков и не боясь их. Его недостатки, как и его достоинства, очевидны из его трудов на немецком. Характер писем настолько личный, что трудно найти равные им в данном отношении, разве что послания апостола Павла.

Лютер хорошо знал себя. В его самооценке объединялись понимание высокого призвания и ощущение личной недостойности. Возвращая изначальное Евангелие немецкому народу, он знал о своей пророческой и апостольской миссии, однако писал жене, чтобы та не беспокоилась о нем, ибо Бог может сотворить дюжину Лютеров в любой момент. В своем завещании (6 января 1542 г.) он называет себя «человеком, хорошо известным на небесах, на земле и в аду», но также «бедным, несчастным, недостойным грешником», которому «Бог, Отец всякой милости, доверил Евангелие Своего дорогого Сына и которого сделал учителем Своей истины, несмотря на папу, императора и дьявола». Этот характерный документ он подписывает как «Божий поверенный и свидетель Его Евангелия». Одними из его последних слов были: «Мы — нищие», — а в предисловии к первому сборнику своих трудов он выражает желание, чтобы все они погибли, а люди читали бы одно только Слово Божье.

Лютер был человеком из народа. Он вышел из сельской местности и прочно стоял на земле, но при этом смело и с верой смотрел в небеса, держа в руках вечное Евангелие. Он был плебеем, без капли знатной крови, и никогда не стыдился своего происхождения, но какой король, император или папа его эпохи мог сравниться с ним в плане интеллектуальной и моральной силы? Он был одарен поразительным гением и неукротимой энергией, пылким нравом и силь-

¹⁰¹² Профессор А. Гарнак (*Martin Luther*, Giessen, 1883, p. 4) хорошо говорит об этом: *Fast jede Partei unter uns hat ihren Luther und meint den wahren zu haben. Die Verehrung für Luther vereinigt mehr als die Hälfte unserer Nation und die Auffassung Luther's trennt sie. Von Luther's Namen lässt so leicht kein Deutscher. Ein unvergleichlicher Mann ist er Allen, ob man ihm nun aufpasst, um ihn anzugreifen, oder ob man ihn rühmt und hoch preist.* Мы могли бы сказать, что немцы поклоняются Лютеру, Фридриху Великому, Гете и Бисмарку. Из этих людей Лютер больше всех достоин похвалы — и меньше всех к ней стремился.

¹⁰¹³ Незнакомый с немецкими трудами Лютера, Халлам называет его полемические книги «написанными на плохой латыни», «скандальными» и «неприятными» (*Literature of Europe in the 15th, 16th, and 17th centuries*, II. 306, N. Y. ed.).

ными страстями, неопровержимым красноречием, природной смекалкой и беззлобным юмором, был абсолютно честен и бескорыстен, тверд в вере, ревностен в молитве, полностью предан Христу и Его Евангелию. Многие из его мудрых, остроумных и точных высказываний стали народными поговорками. Ни одного немецкого автора не упоминают и не цитируют так часто, как Лютера.

Как и все великие люди, он был человеком противоречивым и не скованным рамками логики. Он был гигантом на публике и ребенком в своей семье, смелым реформатором и консервативным хранителем церкви, славил разум как слугу религии и ругал его как наложницу дьявола, отстаивал свободу духа, но был рабом буквы, в конце своей жизни люто ненавидел папство, однако восхищался Католической церковью и сам был папой в собственной церкви¹⁰¹⁴.

Однако в этом кажущемся противоречии было свое единство. Лютер стремился к праведности дел и к миру совести как католический монах и был основателем учения о праведности по вере как евангельский реформатор. Идея праведности и стремление к ней — единственное связующее звено между иудеем Савлом и христианином Павлом. Здесь происходило то же самое, но в обратном порядке. Отделившись от папского католичества, Лютер остался верен католичеству христианскому. Он никогда не отказывался от своих церковных пристрастий, а только временно приглушил их, чтобы с новой силой провозгласить после того, как улеглись революционные крайности Реформации.

Его история естественным образом делится на три периода: римско-католический и монашеский, до 1517 г.; протестантский и прогрессивный, до 1525 г.; церковный, консервативный и реакционный, до 1546 г. Однако он никогда не отказывался от верности свободному Евангелию и от своей ненависти к папе как самому настоящему антихристу¹⁰¹⁵.

Величие Лютера — это не грандиозность изысканного произведения искусства, а альпийские вершины с их горными грядками, гранитными глыбами, морозным воздухом, чистыми ручьями и зеленым лугами. Его полемические книги подобны шторму или бурным потокам горных вод. Он знал о своем неукротимом нраве, но никогда не пытался сдерживать его. Его последние книги против папистов, цвинглианцев и иудеев — худшие в этом отношении. Они выходят за грани допустимого в богословской полемике. В его коротком трактате против католического герцога Брюнсвикского¹⁰¹⁶ слово «дьявол» встречается не менее

¹⁰¹⁴ См. замечательное описание Лютера в Hase, *Kirchengesch.* (11th ed., p. 400), а также в конце его *Prot. Polemik.* Католик Мелер (*Kirchengesch.*, III. 148) полагает, что из произведений Лютера можно извлечь «самую славную апологию Католической церкви». Гарнак (*l. c.*, p. 5) называет его «мудрецом без осторожности, государственным деятелем без политики, художником без искусства, человеком, свободным от мира, но находившимся посреди мира, чувственным, но чистым, несправедливым до упрямства (*rechthaberisch ungerecht*), но обеспокоенным своим делом, отрицающим авторитеты, но связанным ими, одновременно хулящим разум и освобождающим его».

¹⁰¹⁵ Интересную параллель в этом и других отношениях историк будущего смог бы провести между Лютером и Бисмарком, политическое влияние которого на Германию XIX века так же сильно, как церковное влияние Лютера в XVI веке. Бисмарк по происхождению был аристократом, но стал самым смелым либералом, а закончил карьеру как консерватор, хотя и уступал порывам своего гения. Он нанес поражение католическому Австрии и Франции и утверждал, что никогда не отправится в Каносу, однако встретил папу Льва XIII на полпути и отменил несправедливые «майские законы» в интересах патриотизма, не поступившись религиозными принципами. При всех своих заблуждениях он является величайшим государственным деятелем и дипломатом своего века, главным основателем протестантской Германской империи.

¹⁰¹⁶ Которого Лютер называет *Hanswurst*, «Ганс Колбаса».

ста сорока шести раз¹⁰¹⁸. Он не мог молиться, не проклиная, как он сам признавался¹⁰¹⁹. Свое мастерское владение искусством оскорбления он называл риторикой. «Не думай, — писал он Шпалатину, — что Евангелие можно распространять без шума, забот и волнения. Ты не можешь сделать перо из меча. А слово Божье есть меч. Это война, перевороты, волнения, разрушение, яд. Как говорит Амос, оно встречает детей Ефрема, как медведь на дороге, как львица в лесу»¹⁰²⁰. Мы признаем, что дубина и палица этого протестантского Геркулеса были необходимы для полуварварских немцев его времени. Провидение воспользовалось его несдержанным нравом как орудием для уничтожения величайшей духовной тирании, которую когда-либо видел мир. Но даже его лучшие друзья были шокированы и огорчены его грубыми выпадами против оппонентов и презрительными высказываниями о таких людях, как Эразм, Цвингли и Эколампаций, не говоря уже о противниках-католиках. Именно эта черта больше всего отличает его от апостолов и евангелистов.

Но при всех своих недостатках он — величайший из людей, рожденных Германией, и одна из величайших личностей в истории. Меланхтон, который прекрасно его знал и больше всех страдал от его несдержанности, называл его Илией протестантизма и сравнивал с апостолом Павлом¹⁰²¹. Действительно, в том, что касается религиозного опыта и богословской позиции, Лютер — при всех отличиях — напоминает апостола язычников больше, чем любой схоласт или отец церкви. Своим громоподобным голосом он пробудил церковь от сна, сломил иго папской тирании, вернул христианам свободу, вновь открыл источник святого Божьего Слова для народа и привел христиан ко Христу как их единственному Учителю.

В этом его главная заслуга и источник его вечной славы.

Августин, Лютер, Кальвин

После апостолов величайшее влияние на христианскую церковь оказали и продолжают оказывать через свои произведения такие лидеры богословской мысли, как Августин, Мартин Лютер и Жан Кальвин. Все они — ученики Павла, вдохновленные его учениями о грехе и благодати, проникнувшиеся идеей, что велик один лишь Бог, выделяющиеся чистотой характера, усердными трудами и всецелой преданностью делу Христа, их общего Господа и Спасителя. Однако они отличаются друг от друга настолько, насколько только могут отличаться африканец, немец и француз. После них я поставил бы англичанина Джона Весли, который, в том, что касается обращения душ ко Христу, был самым апостольским мужем из всех, что породила Великобритания.

Августин вызывает уважение и благодарность как у католиков, так и у протестантов. Из всех трех он был самым серьезным мыслителем и самым кротким по духу. Он был свободен от ожесточения и грубости даже в самой оживленной полемике, однако выступал за систему исключительности, которая оправдывала принуждение и гонения на еретиков и раскольников. Он отождествлял видимую Католическую церковь своего времени с царством Бога на земле и написал программу средневекового като-

¹⁰¹⁸ Так утверждает Доллингер (*Die Reform.*, III. 265, note), который провел подсчеты. Он добавляет, что в книге Лютера о соборах черти упоминаются пятнадцать раз на протяжении четырех строк.

¹⁰¹⁹ См. выше, §109, подстрочное примечание.

¹⁰²⁰ См. сравнение между Лютером и Меланхтоном, §41.

¹⁰²¹ Он так объявил своим студентам о смерти Лютера: *Ah! obiit auriga et currus Israel, qui rexit ecclesiam in hac ultima senecta mundi... Amemus igitur hujus viri memoriam.*

лицизма, хотя ничего не говорил о папстве и в ходе пелагианского спора протестовал против позиции одного папы, принимая решение другого.

Все трое были борцами, но боролись против разного врага и разным оружием. Августин сражался за Католическую церковь против еретических сект, за авторитет против ложной свободы, а Лютер и Кальвин — за евангельское несогласие с подавляющей властью Рима и за разумную свободу от тиранического авторитета. Лютер был самым яростным и грубым борцом из всех троих, но он один обладал тевтонским чувством юмора, которое всегда свидетельствует о доброте душевной, и язвил только из иронии и сарказма. Его лай был страшнее, чем его укусы. Он советовал утопить папу с кардиналами в Тибре, однако помог бы спасти им жизнь после смещения их с должности. Он протестовал против сожжения еретиков и написал утешительное письмо Тецелю, когда тот был при смерти.

Лютер и Кальвин многому научились от Августина и ценили его больше, чем любого другого человека-учителя после апостолов, но у них была другая миссия, и они заняли полемическую позицию по отношению к традиционной церкви. Августин защищал католическую ортодоксию от манихейской ереси и авторитет истины от свободы заблуждения, тогда как реформаторы шли от развращенности и тирании папства к свободе Евангелия. Августин ставил церковь выше Слова и учредил принцип католического предания, а реформаторы ставили Слово выше церкви и боролись за возможность понимать Писание через свободное исследование.

Лютер и Кальвин оказали влияние только на протестантский мир, и Римская церковь никогда не будет ценить их. Однако, вызвав реакцию, они вынудили папство провести моральную реформу, которая помогла Католической церкви вернуть себе силы и вступить в новый период завоеваний. Романизм более стоек и силен в протестантских, а не в папских странах, и он должен благодарить Реформацию хотя бы за это.

Из двух реформаторов Лютер более оригинален, силен, гениален и популярен. Кальвин — лучший богослов, он более логичен и систематичен. Кроме того, он был хорошим организатором и воспитателем. Авторитет Лютера управляет протестантскими церквями Германии и Скандинавии, а гений Кальвина придал форму конфессиям и конституциям реформатских церквей Швейцарии, Франции, Голландии и Великобритании. Кальвин оказал существенное влияние на развитие гражданской свободы и до сих пор формирует богословские мнения в пресвитерианских и конгрегационалистских церквях Шотландии и Северной Америки. Лютер вдохновляет своим гением и привлекает своей личностью, а Кальвин вызывает восхищение благодаря своему интеллекту и силе морального самоуправления, которая является залогом подлинной свободы церкви и государства.

Велики и постоянны заслуги всех трех, но ни Августин, ни Лютер, ни Кальвин не сказали последнего слова в истории христианского мира. И самое лучшее еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ МНЕНИЯ О ЛЮТЕРЕ

Как и всех великих людей, Лютера неумеренно восхваляли и столь же неумеренно критиковали.

Мы выбрали несколько беспристрастных и веских свидетельств четырех выдающихся авторов самого разного характера и положения: одного англиканского богослова, двух светских поэтов и одного католического историка.

1. Архиепископ Чарльз Джулиус Хэйр (1795 — 1855) написал лучший труд в защиту Лютера на английском языке. Впервые книга появилась в виде статьи в 222 страницы во втором томе его *The*

Mission of the Comforter, 1846 (3^d ed. 1876), а потом вышла отдельно, незадолго до смерти автора (второе издание — в 1855 г.).

Английские авторы критиковали Лютера на литературных, богословских и моральных основаниях. 1. За резкость и грубость полемики (Генри Галлем, историк). 2. За неразумные суждения в вопросе об оправдании и за пренебрежение церковным авторитетом (оксфордские трактариане и англи-католики). 3. За попустительство по отношению к двоеженству Филиппа Гессенского (они же и сэр Уильям Гамильтон).

Хэйр (обладатель крупнейшего собрания документов о Лютере и лучший знаток Лютера в Англии) обсудил, опроверг или свел до минимума такие обвинения. Он сделал это с большой ученостью, весьма способно и в самом христианском духе. Вот какими словами он завершает свою защиту:

«Некоторым читателям может показаться, что я писал, чрезмерно восхищаясь Лютером. Не было человека, чье сердце, душа и жизнь были бы так обнажены перед взором человечества. Открытый как небо, смелый и бесстрашный как буря, он высказывал все свои чувства, все свои мысли. Он не умел сдерживаться, и впечатление, которое он производил на своих слушателей и друзей, было таким, что им хотелось сохранить каждое слово, сходящее с его пера или его губ. Ни одного человека так строго не судили. Но, может быть, ни один человек и не оказывался в таких сложных обстоятельствах и не подвергался стольким разнообразным искушениям. И как он вышел из этого испытания? Силой веры, под охраной и заботой своего Небесного Учителя, он смог устоять в течение всей жизни, до сих пор стоит и будет стоять, держась любовью всех тех, кто его действительно знает».

II. Гете, величайший поэт и литературный гений Германии, в возрасте восьмидесяти двух лет, 11 марта 1832 г. (за несколько дней до смерти), отдал дань Лютеру и Реформации, как сообщает Экерманн в третьем, дополнительном томе «Бесед» об этом выдающемся человеке:

«Мы не оставляем себе, чем мы обязаны Лютеру и Реформации вообще. Мы освободились от уз духовной узости мышления. Наш культурный уровень повысился, и в результате мы смогли вернуться к истокам и постичь христианство в его чистоте. У нас опять есть смелость, чтобы твердо стоять на Божьей земле и чувствовать себя одаренными человеческой природой. Как бы ни развивалась культура мышления, как бы ни развивались естественные науки и человеческий разум, в моральном отношении никогда не будет ничего выше христианства, которое сияет для нас в евангелиях.

Чем лучше будем продвигаться в своем благородном развитии мы, протестанты, тем быстрее последуют за нами католики. Когда они окажутся вовлечены во всестороннее просвещение нашего времени, то им, хотя бы они этого или нет, придется идти дальше, пока они не достигнут той наивысшей точки, в которой может быть только единство».

III. Генрих Гейне — из еврейского рода, поэт, критик и юморист, франко-немецкий Вольтер, который с непочтительной дерзостью высмеивал самые святые вещи, но, в отличие от Вольтера, мог перейти от смеха к слезам и оценить величие Моисея и красоту Библии, — воздает Реформатору паразитическую дань:

«Лютер был не только величайшим, но и самым немецким из деятелей нашей истории. В его характере самым ярким образом отразились все добродетели и пороки немцев. Он обладал качествами, которые редко встречаются в одной личности и обычно считаются противоречивыми. Он был одновременно и мечтательным мистиком, и практичным человеком действия. Его мысли обладали не только крыльями, но и руками: он и говорил, и действовал. Он был не только устами, но и мечом своего века. Он был и хладнокровным схоластом, который цеплялся к словам, и до упоения богодухновенным пророком. Утомив свой разум за день догматическими рассуждениями, вечером он брал в руки флейту, смотрел на звезды и предавался поклонению в музыке. Тот самый человек, который ругался как сапожник, мог быть кротким, как нежная дева. Иногда он был подобен буре, которая вырывает с корнем дубы, а иногда мягок, как ветерок, целующий фиалки. Он был полон страха Божьего и всецело предан Святому Духу. Он готов был думать только о духовном, однако прекрасно знал, что такое земная слава, и ценил ее. Из его уст вышел знаменитый девиз: “Тот, кто не любит жену, вино и песню, проводит дураком всю жизнь”¹⁰²². Он был человеком в полном смысле слова — я сказал бы, абсолютным человеком, — в котором дух и материя не были разделены...

Честь и хвала Лютеру! Вечный почет этому дорогому человеку, которому мы обязаны возвращением самых ценных прав и теми благами, которыми пользуемся сегодня! Не подобает нам жаловаться на узость его взглядов. Карлик, стоящий на плечах великана, действительно видит дальше, чем сам великан, особенно если наденет очки. Но некоторых вещей не увидеть без возвышенных чувств, без гигантского сердца, которого у нас нет. Не подобает и строго осуждать его за ошибки: эти ошибки оказались для нас более полезны, чем добродетели тысяч других людей. Лоск Эразма, кротость Меланхтона никогда не дали бы нам столько, сколько дала божественная грубость брата Мартина. С императорского рейхстага, где Лютер подорвал авторитет папы и открыто провозгласил, “что его

¹⁰²² Это ошибка. См. §78.

учение может быть опровергнуто только на основании авторитета Библии или доводов разума», в Германии началась новая эпоха. Цепь, которой святой Бонифаций приковал Немецкую церковь к Риму, распалась... Благодаря Лютеру мы обрели величайшую свободу мысли, но этот Мартин Лютер дал нам не только свободу двигаться, но и средство движения, ибо духу он дал также и тело. Он сотворил слово для выражения мысли — создал немецкий язык. Он сделал это, переведя Библию. Божественный автор этой книги Сам выбрал его Своим переводчиком и дал ему чудесную способность перевести ее с мертвого языка, который был уже похоронен, на другой, который еще не родился. До сих пор не могу постичь, как Лютер пришел к этому языку, на который он перевел Библию... Эта древняя книга — вечный источник обновления немецкого языка» (*Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland*, 2nd ed. 1852, в Heine, *Sämmtl. Werke*, vol. III. 29 sqq.).

IV. И. Доллингер, самый ученый католический историк XIX века, в своих *Lectures on the Reunion of Christendom (Ueber die Wiedervereinigung der christlichen Kirchen*, Nördlingen, 1888, p. 53), делает вскользь следующее замечание о Лютере и Реформации:

«Могущество и сила Реформации лишь отчасти объяснялись личностью того человека, который был ее творцом и глашатаям в Германии. Однако всепоглощающее умственное величие и чудесная многосторонность Лютера (*überwältigende Geistesgrösse und wunderbare Vielseitigkeit*) сделали его героем своего века и своего народа. Никогда не было немца, который обладал бы таким интуитивным знанием своих соотечественников и был бы настолько охвачен, можно даже сказать, одержим национальным чувством, как этот августинский монах из Виттенберга. Он играл на разуме и духе немцев, как искусный музыкант играет на лире. Он дал немцам больше, чем кто-либо дал своему народу в христианские времена, — язык, Библию и церковные гимны. Все, что могли противопоставить ему его оппоненты, все, чем они ему отвечали, было пустым, бесцветным и слабым благодаря его увлекающему красноречию. Они заикались, а он говорил. Он один наложил неизгладимый отпечаток своего ума на немецкий язык и немецкий интеллект, и даже те из нас, кто не принимает его религиозные взгляды и считает его великим ересиархом и обольстителем народа, вынуждены, против своей воли, говорить его словами и думать его мыслями.

Однако еще более мощным, чем этот титан в мире ума, было желание немецкого народа избавиться от уз разращенной церковной системы. Если бы Лютера не было, Реформация все равно бы произошла и Германия не осталась бы католической».

Доктор Доллингер прочитал лекцию, из которой был взят этот фрагмент, в Мюнхенском музее в феврале 1872 г., уже после своего разрыва с ватиканскими папистами. Стенографическая запись выступления напечатана в *Köllner-Zeitung*, переведена на английский язык Оксенгемом (Лондон, 1872), а с английского — на французский мадам Иасинт-Луазон (*La réunion des églises*, Paris, 1880) и опубликована автором данной истории (1888).

Это свидетельство особенно важно в силу общепризнанной учености и способностей Доллингера как римско-католического историка и автора подробного труда против Реформации (1848, 3 тома), основанного преимущественно на свидетельствах современников. Доллингер прекрасно знаком с трудами реформаторов и подготовил биографический очерк о Лютере¹⁰²³, где сурово критикует его за мнения и поведение по отношению к Католической церкви, но отдает должное его интеллектуальному величию. Он пишет: «Если мы называем великим человека, который, наделенный могуществом и дарами, совершает великие дела и, как смелый законодатель в области разума, подчиняет миллионы людей своей системе, то этого сына крестьянина из Мёры следует причислить к великим, даже к величайшим людям. Истинно и то, что он был добрым другом, свободным от жадности и сребролюбия, готовым помогать другим» (стр. 51).

Доллингер был отлучен за выступление против Ватиканского декрета о непогрешимости папы (1870), но остается католиком и не мог бы стать протестантом, не отрекшись от своего труда о Реформации. Но сейчас он мог бы написать совсем другой труд и представить Реформацию как благословение, а не как бедствие для Германии, в свете событий, которые произошли после 1870 г. В одном из своих *Akademische Vorträge*, первый том которого я только что получил (Nördlingen, 1888, p. 76), он делает важное признание: много лет события в Германии 1517 — 1552 г. казались ему неразрешимой загадкой, поводом для скорби и печали, так как он видел только разделение церкви и раскол народа на враждебные лагеря. Но при более близком изучении истории Рима и Германии и в свете событий недавних лет он лучше понял историческую обстановку и стал придерживаться более радужного взгляда на обновленный и воссоединенный немецкий народ как на благородное орудие в руках Провидения. Таково расстояние, на которое он готов ныне отойти от своей прежней точки зрения.

¹⁰²³ *Luther, eine Skizze*, Freiburg-i.-B., 1851. У меня есть экземпляр с примечаниями, который мне любезно дал в Бонне (1886) старокатолический епископ Рейнкенс, ученик Доллингера. Текст есть в первом издании Wetzler and Welte, *Kirchen-Lexikon*, vol. VI, 651 spp.

§125. «Твердыня наша — вечный Бог»

Я завершаю этот том бессмертным гимном Лютера, в котором лучше всего отражаются его характер, секрет его силы, а также движущая сила Реформации¹⁰²⁴.

*Ein' feste Burg ist unser Gott,
Ein' gute Wehr und Waffen.
Er hilft uns frei aus aller Noth,
Die uns jetzt hat betroffen.
Der alt' böse Feind,
Mit Ernst er's jetzt meint;
Gross' Macht und viel List,
Sein grausam Rüstung ist,
Auf Erd' ist nicht sein's Gleichen.*

*Mit unsrer Macht ist nichts gethan,
Wir sind gar bald verloren:
Es streit' für uns der rechte Mann,
Den Gott hat selbst erkoren.
Fragst du, wer Der ist?
Er heisst Jesus Christ,
Der Herr Zebaoth,
Und ist kein andrer Gott;
Das Feld muss Er behalten.*

*Und wenn die Welt voll Teufel wär'
Und wollt uns gar verschlingen,
So fürchten wir uns nicht zu sehr,
Es soll uns doch gelingen.
Der Fürst dieser Welt,
Wie sau'r er sich stellt,
Thut er uns doch nichts;
Das macht, er ist gericht't;
Ein Wörtlein kann ihn fällen.*

*Das Wort sie sollen lassen stan¹⁰²⁵
Und kein'n Dank dazu haben.
Er ist bei uns wohl auf dem Plan¹⁰²⁶
Mit seinem Geist und Gaben.
Nehmen sie den Leib,
Gut, Ehr, Kind und Weib;
Lass fahren dahin,
Ie haben's kein'n Gewinn;
Das Reich muss uns doch bleiben.*

*Твердыня наша — вечный Бог.
Он — сила и защита.
Из бед Он выйти нам помог,
В Нем наша жизнь сокрыта.
Жестокий враг опять
Готов нас поражать,
Губить и ущемлять,
Везде уничтожать, —
Он в мире всех страшнее.*

*От века грозного врага
Мы победить не можем,
Его сразил небес Слуга,
Избранник, Агнец Божий.
Ты знаешь ли, Кто Он?
И чем Он облечен?
Спаситель наш, Бог сил,
Тьмы князя победил, —
Над всем Он Победитель!*

*Когда враги голодным львам
Нас кинут на съеденье,
Господень ангел будет там,
Он даст нам избавленье.
Лукавый разъярен,
Пылает гневом он,
Хоть гибелью грозит,
Суду сам подлежит, —
Падет пред Божьим Словом.*

*Господне Слово устоит,
Господь пребудет с нами.
Бог нас поддержит, укрепит
Духовными дарами.
Пусть нас лишат враги
Свободы и семьи —
Их на кривых путях
Ждут беды, смерть и мрак.
А царство Господа вовек.*

¹⁰²⁴ Английский перевод гимна был выполнен моим уважаемым другом, профессором Томасом Конрадом Потером, доктором богословия из Истона, Пенсильвания, несколько лет тому назад, но окончательно доработан в феврале 1888 г. Он почти равен переводу Томаса Карлайла в передаче грубой силы оригинала, однако превосходит его в ритмической точности. См. также §78, 82. {Русский перевод гимна существует в нескольких вариантах. Приводимый здесь текст составлен по изданиям: Сборник песен Армии Спасения (Библия для всех, Спб, 1994) и Сборник гимнов для общего церковного пения (Библия для всех, Спб, 2008).}

¹⁰²⁵ stehen.

¹⁰²⁶ Kampfplatz.

Указатель имен

- Аахен** 149, 170
Абердин 76
Августин 11, 21, 32, 40-42, 50, 55, 74, 81-82, 84, 86, 91, 95-98, 108, 114, 133, 160, 178, 213, 230-231, 246, 255, 259, 262, 264-265, 288, 315-317, 319, 322, 324-325, 329, 334, 369, 374, 386, 390, 394, 404, 427, 438, 441-442
Августин Касалья 179
Авиньон 352
Аврогалл 216
Агассис 292
Агрикола, Стефан 106, 334, 379, 384, 387-389, 419, 436
Адам Крафт 352
Адам Петри 340
Адам Сен-Викторский 301
Адельман 148, 349
Адольф Кларенбах 362
Адриан, кардинал 197
Адриан VI 15, 183, 242, 250, 262, 356
Адриан Аривул 291
Адриан Утрехтский 169
Аквила 372
Алеандер 63, 147-149, 181-182, 184, 188-189, 192, 196-199, 202, 206, 239, 251, 260-261, 275, 342, 439
Александр, Джеймс У. 310
Александр IV 81
Александр VI 12-13, 22, 90, 164, 341
Александр Македонский 9
Алфолд 405
Альба 43, 170, 174, 420
Альберт Буррер 239
Альберт Кранц 113
Альберт Пий Каринийский 253
Альбрехт Бранденбургский 46, 308
Альбрехт Волтерс 211
Альбрехт из Мансфельда 278
Альбрехт Майнцкий 14, 99, 102-103, 105, 112, 129, 131, 200, 211, 254, 257, 278, 342
Альбрехт фон Халлер 89
Альбрехт Фридрих 359-360, 394
Альвельд 113, 133, 139-140
Алькала 311
Альпы 89, 387, 417
Альтгамер 334
Альтенбург 69, 72, 118, 241, 430
Альтенштейн 206
Альтштадт 271
Аманд 355, 357
Амвросий Миланский 41, 133, 246, 255, 304, 324, 386, 404
Амвросий Катарин 143, 185
Амербах, Вит 22, 250-251, 266
Амсдорф, Николай фон 98, 134, 185, 206, 220, 236-237, 239-240, 278, 327-328, 347, 375, 379, 393, 397
Амстердам 392
Анастасия 146
Ангальт 411, 424
Андовер 379
Андреа, Иоганн Валентин 391, 399
Андреас фон Боденштейн 119, 233
Анн Монморанси 170
Анна Болейн 258
Анна Рейнгард фон Кнонау 291
Ансбах 357
Ансгари 347
Антверпен 207, 250, 347
Антиох Епифан 162
Антиохия 11, 166
Антон Сорг 218
Анфуса 288
Апель 279
Аполлос 30
Арат 123
Арий 341
Аристид 394
Аристотель 14, 27, 82, 93, 99, 114, 123, 137, 140, 161, 201, 229, 258, 324
Аркадий 341
Арид, Иоганн 391, 399
Арнольд 400
Арнольд Глаубергер 130
Артур 292
Арундель 19
Астор 147
Аугсбург (Аугуста Виנדеликорум) 5, 103, 115-117, 128-129, 147-148, 167, 173, 188, 196, 202, 213, 218, 230-231, 238-239, 265, 267, 269, 276-277, 282, 295, 297, 305, 320-321, 325, 331, 340, 344, 348-350, 360, 364, 367, 380, 384, 390, 392, 394, 403, 411-412, 417-426, 428-437
Аурифабер 72, 223, 298
Афанасий Великий 196, 255, 259, 324
Афины 89, 341
Ашафенбург 363
Ашер 36
Бабст 307
Бавария 89, 117, 119, 124, 200, 218, 342, 363, 368, 414, 423, 434
Баден 251, 297, 384
Бадоваро 171
Базель 13, 16, 19, 50-51, 121, 123, 129, 132, 203, 213, 232, 238, 242, 248, 250-254, 256, 261-262, 269, 271-272, 291, 311, 340, 346, 348, 352, 367, 373, 380, 392
Байер, Леонард 115
Байрон 289
Бакстер 58, 391-392
Балан 181
Балтимор 65
Бамберг 279
Банкрофт 292
Барбадос 58
Барбаросса 171
Бароний 146, 347
Бартоломе де Карранса 179-180, 251
Бартоломей Бернгард 235
Баум 379, 381
Баумгартен 71
Баур 17, 374
Беат Ренан 246, 248, 252
Беза 49-52, 55, 62, 66, 79, 126, 224
Бейер 420
Бек 72
Белград 242
Беллармин 14, 289
Бенгель 228, 428
Бенедикт IX 164
Бенедикт XIV 19
Беннет 310
Бенрат, Карл 134
Бентли 228
Бер 261
Берг, Конрад 391-392
Бергенрот 169
Бергий из Бранденбурга 391
Беренгар 370
Берлеши 206
Берн 50, 52, 89, 203, 352
Бернар 80, 83, 86, 97, 108, 146, 178, 301, 303, 324
Бернардин Самсон 105
Берто 391-392
Бертольд Майнцкий 19, 214, 341-342
Берцелиус 292
Биллик 375
Билликан, Теобальд 22, 126, 266
Биль, Габриэль 82
Биндсейл 122, 225, 229
Бисмарк 46, 164, 358, 362, 439-440
Бичер 292
Блаурер 350, 383
Блик 405
Богемия 12, 16, 19, 36, 63, 101, 198, 213, 308, 318, 336, 372, 392
Болонья 80, 129, 250, 311, 416, 418-419
Больсек 65-66
Бомбасий 260

- Бонавентура** 102, 304
Бонифаций 71, 77, 105, 302, 350, 438, 444
Бонифаций VIII 101
Бонифаций Феррер 220
Борна 237, 287
Бортуик, Джейн 310
Боссюэ 14, 43, 72, 74, 298, 431
Брабант 175
Бразилия 38, 165, 167
Браманте 89
Бранденбург 99, 148-149, 196, 200, 356-357, 360, 392, 414
Браун, Роберт 55, 99, 330
Брауншвейг 333, 348, 415, 437
Бремен 347-348, 392, 394-395, 411
Бренций из Галла 31, 114, 334, 350, 375, 379, 384, 388-389, 422, 427, 436
Бреслау 63, 196, 246, 347, 375, 391, 398, 414
Бреттен 122
Бретшнейдер 122
Брешия 221
Бриггс 391-392
Бригер из Лейпцига 64, 181
Брисман 274, 326, 355, 358-359, 373
Брукс, Филипп 438
Брюк 183, 393, 419, 429-430, 436
Брюссель 167, 169, 173, 250, 306, 362, 420
Бугенгаген 22, 73, 129, 216, 278-279, 284, 286-287, 298, 314, 343, 348, 366, 375, 388, 396, 426
Буксторф 292
Буллинггер 37, 50-51, 55, 353, 368, 389, 393-394, 397, 428
Бунсен 97, 306
Бушнян 58, 96
Бургундия 169
Буркхард Вальдис из Гессена 308
Буркхардт 112, 193
Бухгольцер 366
- Будер** 37, 47, 50, 65, 114, 132, 187, 198, 265, 274, 291-292, 345-346, 348, 350, 352-354, 373, 375, 378-379, 381-384, 387, 389, 392-393, 396, 424, 432, 437
Буш, Герман 354
Бэйл 65, 248
Бэйли 256
Бэрд 43
Бюриньи 248
Вадян 367, 389
Вадиск 130
Вакернагель, Филипп 301, 303-305
Валафрид Страбон 221
Валенсия 220
Валентин Гентилис 52
Вальдшут 367
Вальтер, Рудольф 307, 353
Вальтер фон дер Фогельвейде 207, 303
Вальтерхаузен 206
Вальядолид 170, 176, 179
Ван дер Хевен 392
Ван Остерзее 405
Ван Эсс 226
Вартбург 5, 201, 206-207, 210, 212, 215, 229, 233, 237, 239, 295-296, 434-435
Варфоломей 58
Варшава 360
Василий Великий 89, 255, 324
Вассеркирхе 401
Ватикан 70, 89, 181
Вебер 271, 429
Вегус 196
Везель, Иоганн фон 16, 101
Веймар 5, 72, 112, 186-187, 194, 292, 426
Вейсс 225, 405
Вейссенберг 91
Вейт Дитрих 282, 285, 298, 308, 434
Вейцсакер 212
Веллер 328, 339, 436
Велсеры 349
Вельс 168
Вёльфлейн 213
Венгрия 12, 36, 63, 176, 242, 247, 336, 393
- Вендельштейн** 196
Венеция 213, 250, 267, 356, 381
Венцеслав Линк 345
Вергилий 79-80, 285
Весли, Джон 126, 292, 309, 313, 327, 441
Весли, Чарльз 292, 309
Вессель, Иоганн 16, 101, 371-372, 374
Весткотт 228
Вестфалия 315
Виклиф 15-16, 19, 101, 190, 213, 270, 307, 315-318, 341, 374
Виланд 292
Виллибрандида Розенблатт 291
Вилмар 354
Вильгельм I 165, 361-362, 438
Вильгельм Баварский 217, 244, 420
Вильгельм ван Мале 167
Вильгельм Нессе 186
Вильгельм Оранский 175
Вильденауэр, Иоганн (Эгран) 22, 266
Вимпина, Конрад 103, 113, 422
Вингерфельд 303
Вирджиния 60-61
Вире 126, 407
Висби 76
Виттенбах, Томас 101, 250, 374
Виттенберг 5, 22, 26-27, 35, 46, 48, 72-73, 76, 78-79, 84, 86, 88, 91, 93-94, 98, 105-106, 108, 112, 117, 121-122, 124-126, 129, 148-149, 151, 159-160, 174, 183, 185-187, 198, 205-206, 211, 215, 217, 229, 232-241, 243-244, 248, 262, 268-269, 271, 275, 278-279, 287, 290, 307-308, 311, 315, 326-327, 340, 343, 345-348, 352-355, 359, 366, 372, 379, 384, 389, 392, 395-397, 399, 413, 420-421, 430, 434-435, 438, 444
Вицель, Георг (Георгий Вицелл) 22, 266, 340
Вольтер 28, 72, 130, 443
Вольф 281, 340
- Вольфганг из Ангальта** 415, 420
Вольфганг Капитон 291
Вольфганг Мускул 31, 349
Вольфенбюттель 72, 95, 97, 213
Вольфрам фон Эшенбах 207
Вормс 26, 79, 126, 128-129, 173, 181-190, 193-194, 196, 199-200, 202-203, 205-206, 230-231, 233, 238-240, 243, 275, 344, 382, 415, 431
Восс 283
Воэций 55
Вульфила 213
Вьенна 50
Вюртемберг 114, 124, 200, 297, 350-351, 391
Вюрцбург 219, 273, 410
Гаарлем 43
Габриэль Цвиллинг 236
Габсбурги 169-170
Гаген 121
Гагенау 50, 129, 230, 232, 311, 319, 340, 349
Гагенбах 291
Галилей 191, 196
Галлем, Генри 443
Гальберштадт 14, 200, 213, 218, 309, 340
Гамалиил 52, 113, 197, 236
Гамбург 48, 113, 348, 391, 410-411
Гамильтон, Джон 355
Гамильтон, Патрик 355
Гамильтон, Уильям 443
Гамс 65
Ганновер 348
Ганс Бегейм 270
Ганс Колбаса 132, 440
Ганс Мор 46
Ганс Отмар 218
Ганс Сакс 202, 268, 301, 304, 307-308, 344
Ганс Шенсперген 218
Гарденберг, Георг Людвиг фон 309, 395
Гармс, Людвиг 290
Гарнак, Адольф 166, 439-440
Гартгранфт 347
Гарц 77, 271

- Гатцер 363
 Гауда 249
 Гаупт 213-214, 219
 Гаусманн 419, 436
 Гаусшейн 223
 Гашар 177-178
 Гвалтер 377
 Гебхардт 222, 227
 Гегель 203, 212
 Геддион 265, 345, 379, 381-382, 384, 389, 392, 432
 Геерен 292
 Гейбель, Эмануил 292
 Гейдельберг 5, 114, 123, 125-126, 204, 311, 346, 351, 391
 Гейденрейх 328
 Гейлбронн 70
 Гейлер из Кайзерберга 13, 214
 Гейль 345
 Гейне 130, 305, 443
 Гейссер, Мета 292
 Гелиогабал 131
 Геллерт 292
 Гельденхауэр 265
 Генрих IV 54, 62, 65, 72, 166
 Генрих VII 165, 249
 Генрих VIII 24, 45, 53, 62, 74, 113, 171-172, 230, 244-245, 249, 262, 291-292, 340, 351, 416
 Генрих Благочестивый 343
 Генрих Брюнсвикский 45, 104, 113, 245, 273, 440
 Генрих Воз 362
 Генрих из Цюгфена 347, 362
 Генрих Эггштейн 218
 Гент 169
 Генцен 438
 Георг Бранденбургский 273, 357, 415, 419-420
 Георг Вагнер 363
 Георг Винклер 363
 Георг из Шпейера 273
 Георг Масков 99
 Георг Саксонский 45, 71, 119, 184-185, 196, 217, 224, 238, 245, 351, 363, 411, 423
 Георг фон Поленц 326, 355, 357-359
 Геппе 354, 389
 Гера 186
 Гербарт 203
 Гербель 221, 379
 Гервин 308
 Гергенротер 103, 145, 147, 224, 245
 Гердер 203, 223, 283, 293, 308
 Герлах 143
 Герман I 207
 Герман Кельнский 326, 346, 424
 Германсбург 290
 Герр 187
 Герриг 438
 Герсон Бен Моше 221
 Герсфельд 206
 Герхард, Иоганн 55
 Герхард, Пауль 309-310
 Герцогенбуш 249
 Гессен 70, 181, 200, 314, 333, 350-352, 354-355, 381, 385, 390, 411, 424
 Гете 34, 89, 194, 203, 208, 223, 293, 304, 400, 439, 443
 Геттинген 392
 Гетцер 349, 366
 Гефеле 195, 197
 Гиббон 43, 65
 Гизелер 64, 103, 147, 197, 218, 271, 374
 Гиллеспи, Джордж 54-55
 Гильдебранд 15
 Гинзбург 221
 Гиппон 81
 Глазго 311
 Глапио, Иоанн 183, 187, 198
 Глар 374
 Глареан 250, 262, 266
 Глац 278
 Глостер 55
 Гогенцоллерн 359
 Голдсмит, Оливер 293
 Голландия 12, 36, 52, 62, 101, 165, 360, 362, 366, 372
 Гольбейн 252, 256
 Гольдшмидт 223
 Гольдшмидт 310
 Гольцхаузен 186
 Гольштейн 411
 Гомберг 351-352, 411
 Гомбург 351
 Гомер 125, 283
 Гомес 169
 Гоний, Корнелий 371-372, 374
 Гонорий I 195, 341
 Гонорий III 24
 Гонсало из Овьедо 172
 Горавиц 257, 265
 Гораций 249
 Госпиниан 372, 378
 Гота 5, 69, 186, 206, 384, 434
 Готландия 76
 Готтингер 372
 Готфрид Страсбургский 303
 Гофманн, Иоганн 378
 Гохстратен 149, 260
 Гранада 172
 Грауман 357
 Гребель 366
 Грегор 309
 Грейфсвальд 279
 Грен 102
 Грёне 102-103
 Грегфендорф 149
 Греция 9, 250, 311
 Григорий I Великий 164, 295, 324, 404
 Григорий VII 65, 166, 288
 Григорий XIII 43
 Григорий XV 19
 Григорий XVI 44, 165
 Григорий Назианзин 89, 267, 288, 324
 Григорий Нисский 89, 288
 Гризбах 228
 Гримм 223, 225, 285
 Гримма 278
 Гроций, Гуго 43, 52
 Гуго из Сен-Каро 215
 Гудвин 56-57
 Гундесгаген 107
 Гус, Ян 15-16, 19, 101, 120, 133, 136, 173, 185, 187, 190, 195, 197, 315-316, 318-319, 341
 Густав Адольф Шведский 62
 Гут 349
 Гуттен, Ульрих фон 9, 15, 79, 102, 158, 183-185, 193, 199, 202, 239, 248-249, 256, 262, 267
 Гуттенберг, Иоганн 341
 Гюбмайер 271, 349, 363, 366-368
 Гюбмер (см. Гюбмайер) 366-368
 Гюнтер Вормсский 182
 Гюнтер Зайнер 218
 Давид Парей 391
 Далмация 175
 Дания 36, 48, 62, 348, 400
 Данте 323
 Дантон 65
 Даницг 356
 Дарлье 51
 Де Ветте 212, 237, 405
 Де Тоу 43
 Девей 393
 Девентер 249
 Девриен 438
 Декстер 54-55, 57
 Дельф 218
 Демосфен 130, 186, 255
 Денк 22, 349, 366
 Джакомо де Бенедетти 301
 Джей, Джон 438
 Джефферсон, Томас 61
 Джилиет 391
 Джоан Боучер (Джоан из Кента) 53
 Джон Болл 270
 Джордж ван Паре 53
 Джорджоне 90-91
 Джулиано Медичи 63
 Дидим 241
 Дистельманн 395
 Дительмейер 360
 Дитмар 348
 Дитрих Бернский 78, 328, 435
 Диттенбергер 213, 218, 226, 422

- Добенек 196
 Доллингер 6, 22, 66, 113, 123, 196, 224, 263, 266, 269, 289, 354, 397, 427, 441, 444
 Дольциг 148
 Домициан 131
 Донат 42
 Дорнер 227-228, 292, 375, 400, 402, 405-406
 Дорт 52, 62, 347
 Драммонд 247-248, 255, 257
 Дреус 269
 Дрезден 48, 72, 97, 225, 238, 281, 343, 394, 414
 Друффель 147
 Дрюз 268
 Дублин 253
 Дувр 250
 Дунай 272, 367
 Дунс Скот 82
 Дуэ 227
 Дю Пен 28
 Дюрер, Альбрехт 207, 252, 266-268, 300, 344
 Евклид 267
 Еврипид 255
 Евсевий 29, 33, 201, 259, 316, 324
 Евстахия 324
 Егер (см. Крот Рубиан) 79
 Екатерина Английская 258
 Епифаний 255, 324
 Женева 5, 23, 25, 28, 35, 49-52, 207, 240, 314, 346, 352, 355, 363, 397, 399
 Жерсон, Жан 371
 Жортен 257
 Заале 281
 Зайдман 119, 187, 197, 283
 Зальцбург 85, 137, 273, 363
 Засий, Ульрих 22, 266, 268, 348
 Заэрман 335
 Зекендорф 174, 189
 Землер 26, 207
 Зесенгейм 293
 Зикинген, Франц фон 131-132, 134-135, 183-185, 187, 193, 198, 207, 210, 346
 Златоуст 213, 231, 255, 288, 324-325, 369, 386, 404
 Иаков V Шотландский 14
 Иасинг-Луазон 444
 Иво Шартрский 44
 Игнатий Антиохийский 316, 324
 Игнатий Лойола 6, 70
 Иделетта де Бурен 291
 Иероним 19, 95, 98, 116, 133, 141, 178, 212, 217-218, 220-221, 226-227, 246, 248-249, 252, 255-256, 258-259, 262, 288, 313, 324-325
 Иероним Алеандер 182
 Иероним Вегус 197
 Иероним Веллер 84
 Иероним Пражский 19, 55, 136, 197
 Иероним Скульптер 105
 Иероним Шурф 239
 Иерусалим 11, 16, 95, 162, 356, 368
 Иларий 255, 324, 386
 Ингольштадт 113, 119, 124, 149, 188, 218, 226, 311, 348, 367
 Инна 104
 Иннокентий III 19, 43, 356
 Иннокентий VIII 341
 Иннсбрук 104, 163
 Иоанн XII 164
 Иоанн XXIII 164
 Иоанн Георг 360
 Иоанн Дангиск 239
 Иоанн Ласко 48
 Иоанна Безумная 169
 Иоахим Бранденбургский 423
 Иоахим Камерарий 344-345
 Иоахимшталь 308
 Иоганн Арнд 391
 Иоганн Берг 392
 Иоганн Брисман 357-358
 Иоганн ван Ольден Барневельдт 52
 Иоганн Ганер 266
 Иоганн Геррготт 343, 363
 Иоганн Гессе 104, 347, 375
 Иоганн Горн 308
 Иоганн Грюнинген 218
 Иоганн Дури 391
 Иоганн из Зальцбурга 303
 Иоганн Куспиниан 189
 Иоганн Майр 119
 Иоганн Менделин 218
 Иоганн Саксонский 244, 377, 414-415, 420
 Иоганн Серран 352
 Иоганн Сигизмунд 356, 360
 Иоганн Твердый 91, 106, 276, 415, 424
 Иоганн Фох Гох 16
 Иоганн Фридрих 91, 174, 276, 286, 327, 342, 420, 424
 Иоганн Эш 362
 Иодок Фланцманн 218
 Иостес 219-220
 Ириней 255, 324, 386
 Испания 6, 14, 25, 41, 63
 Иссель 43
 Истон 445
 Иуст Мёзер 292
 Иусте 173, 176, 178-180, 198
 Иустин Мученик 41, 254
 Иустис Мений 284
 Йена 5, 72, 238-239, 241, 276, 327, 379
 Йорк 14
 Каверау 70, 95, 411
 Кастан 84, 102, 113, 116-117, 147, 188, 239, 261, 349, 439
 Казимир IV 356
 Кайзерсверт 290
 Каллист из Гельмштадта 391
 Кальвин 5, 18, 20-21, 23, 28, 31-32, 35, 37, 40, 47-51, 55, 62-63, 65-66, 72, 74, 79, 89, 123, 126, 141, 160, 230-232, 240, 264, 291, 299, 313-314, 318, 322, 345-346, 363-366, 370, 393, 396-397, 399-402, 405, 407-409, 441-442
 Камбрей 249, 371
 Камерарий 125, 223, 230, 277, 280, 372, 402, 431
 Каммермейстер 223, 344
 Кампеджи (Кампегий), Лаврентий 147, 244, 265, 358, 420-421, 423
 Кампшульте 149, 186
 Каносса 164, 166, 204, 440
 Кант 203
 Канштейн, Карл Гильдебранд фон 216-217
 Капитон 200, 250, 265, 345-346, 350, 373, 379, 432
 Капп 339-340, 342
 Капшель 381, 394
 Караччоли, Марино 148, 182, 184, 192
 Каритас 268
 Карл I 54, 57, 62, 406
 Карл II 54, 58, 62
 Карл V 6, 62, 149, 160, 167-168, 170, 174-175, 179-182, 242, 244, 249, 272, 362, 381, 412, 433
 Карл Великий 40-41, 71, 168, 170, 314, 339, 356, 416
 Карл де Бурбон 413
 Карл Смелый 169
 Карлайл 305, 445
 Карлетти де Клавазио 159
 Карлсруэ 410
 Карлштадт 14, 26-27, 29, 97-98, 116, 119-121, 148, 159, 233-236, 240-242, 259, 262, 270, 278, 295, 324-325, 342, 349, 357, 366-367, 369, 372-374, 376, 384, 394, 397-398
 Каролинские острова 164
 Карпи 251
 Карраско 44
 Каспар Бёрнер 266
 Каспар Пойцер 48
 Каспар Таубер 363
 Кассель 379, 389, 391
 Катарина Крапп 125, 290
 Катарина фон Бора 277-279
 Каульбах 202
 Кахнис 18, 103, 117, 147, 405
 Квейс, Эрхард фон 326, 358-359
 Квинз-колледж 249
 Кебл 126
 Келлер 83-84, 213-214, 219-220, 291, 349
 Келли, Джон 310
 Келсо 14

- Кельн** 63, 121, 129, 149, 159, 167, 201, 213, 218, 224, 261, 311, 340-341, 363, 393, 423
Кемберг 235
Кембридж 35, 163, 249, 291, 311, 346
Кенель 265
Кенигсберг 73, 308, 345, 355-360
Кентерберн 228
Кепфель 345
Кервин Де Леттенхове 167
Керейн 214
Кернер 103, 305
Керон 334
Кесария 162
Кесслер 238-239
Кестлин 6, 22, 71, 75, 77, 88, 94-95, 103, 112, 147, 181, 189-190, 193-194, 207, 263, 283, 305, 333, 347, 353, 375, 395, 401
Кингсли 97
Киприан 255, 324-325, 369, 386, 404
Кириак Кауфман 434
Кирилл 334
Кихада 178
Клёбер 106
Клей, Генрих 292
Кливленд 292
Климент VII 63, 173-174, 243-245, 250, 358, 412
Климент VIII 19
Климент XI 19
Климент Александрийский 254
Климент Римский 325, 333
Клозе 391-392
Клопшток 203, 223
Клуг 307
Клукгон 411
Кнаак 72, 103, 106, 305
Кобург 5, 46, 207, 238, 282, 419, 422-423, 426, 434, 437
Кобургер, Антон 218
Коклин 151-154, 157-158
Кокс, Френсис Элизабет 310
Колдингем 14
Колет 249
Коллен 379-380
Колмен-стрит 56
Колридж, Сэмюэл Тейлор 51, 54
Колумбия 60
Кольде 85, 88, 194
Коннектикут 347
Конрад Бергий 392
Конрад Викнер 268
Конрад Марбургский 207
Конрад Пелликан 134
Константин Великий 41, 195, 314, 332, 341
Константинополь 171, 341
Констанц 13, 16, 55, 120, 173, 185, 190, 195-197, 319, 341, 348, 350, 363, 371, 383, 423, 432
Копенгаген 48
Коперник 286, 377
Коринф 326
Корьби 60
Кортес 242
Кох 304-305
Кохлей 146, 184, 196, 203, 217, 340, 422, 429, 432
Краков 359
Кранах-старший, Лукас 129, 181, 188, 201, 204, 206, 215, 226, 278-279, 283, 287, 300
Кранмер 37, 53, 63, 126, 228, 291-292, 313, 334, 345-346
Кратон, аббат 206, 347
Краут 398
Крафт 214, 218, 354
Крафтгейм, Кратон фон 347
Креднер 353
Крейтон 163
Кримхильда 182
Кристоф фон Штадион 349, 420
Кристоф Шапелер 271
Кройцнах 131
Кромвель 43, 57, 62, 236
Кросби 438
Крот Рубин 22, 79-80, 129-130, 132, 186, 234, 266
Кротель 438
Кроций из Марбурга 391
Круммахер 292
Круцигер 73, 216, 343, 384, 396
Ксенофонт 51, 255, 267
Кульм 239, 356
Кургессен 351
Куртц 411
Куспиниан 181
Кучинский 339
Кьявассо 159
Кэдмон из Уитби 301-302
Кёстлин 377, 381
Лаватер 252
Лаврентий, святой 110
Лаврентий Валла 130, 133, 246, 249, 255
Лазарь Шпенглер 148, 238, 267-268, 308, 345
Лактанций 41
Ламберт Авиньонский 314, 350, 352-355, 384, 390
Ламмер 429
Ламперт Торн 362
Ланге 21, 94, 98-99, 119, 126, 137, 186, 225, 232, 234, 263, 310
Ланген 289
Ландсгут 99
Ланселот Полити 185
Ланфранк 370
Ласко 48
Латвия 358
Латимер 51, 53, 126
Латом 211
Лауд 54, 62
Лаутербах 285, 315, 328
Лауфен 351
Лакхман 222, 228, 334
Лев I 341, 404
Лев IV 90
Лев X 12-13, 74, 102-103, 114-116, 130, 133, 143, 145, 160-161, 164, 169, 221, 242-244, 250, 256, 261, 342
Лев XIII 25, 42, 44, 63, 71, 102, 163-164, 181, 440
Лейб 268
Лейбниц 203
Лейден 433
Лейпциг 5, 72, 93, 95, 103, 113, 119-121, 124, 133, 135, 139, 149, 159, 181, 186, 224, 232, 237-238, 255, 266, 271, 282, 287, 307, 311, 319, 340, 343-345, 382, 399
Лейтон 290
Лейцкау 99
Леклерк 257
Лемго 348
Ленц 71, 147, 381
Леонард Казер 363
Леонгард Гуттер 232
Лепанто 172
Лессинг 25-26, 203, 223, 292
Лехлер 317
Лёшер 106, 375, 378
Ливий 79, 255
Лиммат 48
Линдау 271, 348, 350, 423, 432
Линдемманн 77
Линднер 174
Линк 45, 85, 98, 115, 117, 134, 137-138, 211, 232, 266, 277, 315, 345, 368, 378-379, 436
Линней 292
Лиссабон 176
Лихтенберг (Лихтенбург) 143
Лозерт, Иоганн 317-318
Ломбардия 169, 416
Лоницер 334
Лор 99
Лорити (Глареан) 262
Лотарингия 273
Лотце 203
Лохау 275
Лувен 121, 149, 201, 242, 246, 250-251, 258, 260-261
Луиза Генриетта Оранская 360
Лукиан 27, 130, 249, 253, 255, 266-267
Луфт, Ганс 217, 340, 355, 375, 393
Любек 48, 213, 218, 348, 411
Людвиг Рихтер 282
Людвиг Целларий 291
Людовик XIV 43, 62, 181, 345, 351
Людовик Баварский 222, 244

- Людовик Бер** 261
Людовик Венгерский 367
Людовик Вивес 257
Люке 391-392
Люнебург 333, 348, 411, 415, 424, 437
Магдалина фон Бора 282
Магдебург 14, 51, 78, 102, 200, 327, 340-341, 347
Маднай 44
Мадрид 44, 176, 180
Маймбург 69
Майн 117
Майнц 14, 70, 102, 117, 149, 167, 181, 187, 200, 319, 341, 350, 414, 419-420, 423, 429
Мак-Кри 56
Маколей 166
Максимлиан I 94, 102, 104, 123, 129, 165, 168-169, 275, 291, 358
Максимлиан II 347
Макэми, Фрэнсис 60
Мансфельд 77-78, 273, 281, 283, 287, 424, 434-435
Мануций Альд 250
Марбург (Марборо) 5, 28, 346, 353-355, 359, 365, 372, 380-382, 387, 389-390, 394, 398, 406, 416, 418, 426-427
Маргарита Стюарт 292
Маргарита фон дер Сале 351
Марленбург 356
Марин 261
Марино Сануто 168
Мария Бургундская 169
Мария Венгерская 173
Мария Кровавая 48, 346
Мария Шотландская 63
Марк Аврелий 40
Маркольф 78
Маркус Фома Штюбнер 236
Мартен, Анри 407
Мартенсен 398, 400, 405
Мартин Турский 41
Матаморас 44
Матезий 73, 77, 103-104, 187, 189, 194, 216, 285, 308, 328, 335
Матисс 252
Матфей Альбер 369, 374
Матфей Целл 380
Мауренбрехер 174, 178, 183, 193
Медичи 188-189, 192
Медлер 327
Мейер, Иоганн Фридрих фон 217, 225, 280, 353, 405
Мейсен 148-149, 326, 358
Мекленбург 308, 333, 349, 359
Мексика 25
Меланхтон 22, 26, 29-30, 35, 37, 47-48, 50-51, 63, 65, 69-70, 73, 77, 79, 87, 91, 93-94, 96, 98, 106-107, 112, 120-129, 131, 133-134, 136-137, 143, 151, 159, 161, 185-186, 192, 201, 207-208, 210, 214-216, 222-223, 228-234, 236, 238-241, 246, 248, 257, 259, 265, 267, 269, 274-275, 277-278, 280-282, 284, 286-287, 290, 292, 295-298, 308, 311, 313-314, 321, 324-325, 327, 330-332, 334, 338, 343-348, 350-352, 357-358, 363, 367, 369, 372, 374-375, 379-380, 382-384, 387, 389-390, 393, 395-396, 399, 402-403, 409, 413-415, 418-436, 441, 443
Мелвиль 126
Мелден 392
Мелдений, Руперт 391-392
Мелер 14, 321, 323, 440
Мелроуз 14
Мемминген 271, 350, 423, 432
Менкеберг 193, 227
Мёра 77, 206
Мерль д'Обинье 64-65, 112, 182, 207
Мерсебург 148-149, 326
Метц 352
Мехлин 261
Микеланджело 89
Миконий 91, 103, 116, 332, 346, 353, 384
Милан 213
Милл 228
Миллс, Генри 310
Мильтиц 103-104, 117-119, 143, 145, 149, 196, 261
Мильтон 43, 57-58, 325
Миנדен 348
Минье 176, 178-179
Мирабо 65
Мириш, Мельхиор 347
Миссури 398
Митчелл 355
Михаил Вейссе 308
Мишле 74, 209, 278
Могунцакум 181
Моллер, Генрих 347
Мольтке 362
Момберг 355
Моммзен 292
Монгейм 117
Моника 288
Монод 292
Монпансье 176
Монсеррат 176
Монтгомери 310
Монтджой 249, 255
Монтень 74
Мор, Томас 249, 255, 257
Моравия 63, 367
Моринг 242
Морисон 405
Мориц 52, 91, 173, 175, 344, 387
Могли 171, 173
Мур 289
Муратори 149
Мурнер, Томас 13, 204
Муциан Руф 132, 266
Мэриленд 60
Мэсси, Ричард 310
Мюленберг, Уильям Август 290
Мюллер, Иоганн фон 292
Мюллеры, Эдуард и Оттфрид 292
Мюллер, Юлиус 248, 292, 405
Мюльберг 91, 173-174, 276
Мюльхаузен 271
Мюнстер 219
Мюнхен 70, 72, 76, 214, 302-303, 363
Мюнхмайер 315
Мюнцер, Томас 97, 236, 241-242, 269-271, 273, 366-367
Мюрат 65
Мюррей 301
Най 57
Наумбург 283, 326-328
Неандер 64, 122, 163, 266, 290, 309, 361
Нерон 66, 131, 162
Нидерланды 16, 43
Никласхаузен 270
Николай Герман 308
Николай Деций 297, 308
Николай из Клеманжа 371
Николай Лиранский 95, 221, 324
Николай Шгорх 236
Николаас Крелл 48
Николаас Мануил 203
Николаас Эверард 261
Никольсбург 367
Нил 57, 267
Нимейер 211
Нимпч 278
Нимрод 139, 271
Ницш 292, 377
Нокс, Джон 40, 63, 66, 126, 292, 299, 313, 399
Нонна 288
Норвегия 36, 62
Нордлинген 375
Ноткер 301, 334
Нума 394
Ньюкасл 259
Ньюмен 126
Нюрнберг 121, 125, 148, 200, 202, 213, 218, 234, 241, 243-244, 267-268, 271, 278, 291, 304, 307-308, 340, 344-345, 359, 375, 378, 380, 384, 389, 411, 420, 423-424, 426
Оберрад 73
Оверни 310
Оден 65, 74, 149
Озиандер 243, 268, 291, 345, 357, 359, 379, 383-384, 388-389, 419, 421
Оккам, Уильям 82, 324, 371
Оксенгем 444

- Оксфорд** 5, 35, 53, 249, 255, 311
Опшенгейм 187, 206
Ориген 246, 251, 254-255, 324, 333, 369
Орламонде 241, 278
Орлеан 249
Отто фон Пак 414
Оттон I 170, 356
Отфрид Вейсенбургский 301-302, 304, 334
Оуэн 57
Охсл 271
Павел III 160, 167, 173-174, 250
Павел IV 343
Павел Сперат 307-308, 355, 357-358
Павия 129, 412
Падуа 250, 311, 358
Пак 414
Паллавичино 149, 242-243, 245
Панцер 214, 218
Париж 5, 43, 62, 121, 167, 170, 249-251, 255, 311, 346
Парма 172
Пассау 173, 344, 363
Пастор, Людвиг 163
Пасхазий Радберт 140, 370
Пасхалий 109
Пауль Эберт 308
Пейтингер, Конрад 115, 349
Пелликан 250
Пенн, Уильям 60
Пенсильвания 60, 334, 347, 445
Перикл 341
Перц 163
Петер Свавен 185
Петер Флистенден 362
Петр Вермилий 32
Петр Дамиани 166
Петр Ломбардский 232, 324
Петр Моселлан 119-120, 239, 287
Петр Мученик 50, 169
Петрус де Аллиако (см. Пьер д'Альби) 371
Пецель 396
Пеценштейнер, Иоганн 185, 206
Пиза 13, 16, 371
Пий II 147, 163, 197
Пий IV 15, 19, 343
Пий VII 90
Пий IX 20, 24-25, 44, 90, 165, 289
Пильгрим 303
Пимпинелли 419
Пиренеи 168
Пиркгеймер 22, 121, 132, 148, 199, 262, 266-269, 344, 372, 375
Пирна 328
Питти 90
Пишо 178
Плават 79-80
Планк 374, 378
Пласенсия 176
Платон 51, 125, 267, 421
Плейсенбург 119
Плиний 255
Плутарх 123, 125, 249, 254-255, 267
Поах, Андреас 73
Поблет 176
Познань 46
Полиандер 355, 357
Полидор Виргил 252, 272
Поликарп 316
Поллих 93, 96
Поль, Жан 292
Поль де Лагард 95
Польша 48, 63, 356-357, 359-360
Помезания 326, 357-358
Померан (Бунгенгаген) 129, 348
Померания 129, 348
Поммер 216, 388
Понтан 183
Порфирий 341
Потер, Томас Конрад 445
Поул 246
Прага 311, 317, 319, 326
Прайм 438
Прентисс, Елизабет 292
Прескотт 167, 169, 175-176, 178
Приериас 102, 115-116, 133, 138-139, 147
Пробст, Якоб 315, 327, 379, 394
Протагор 341
Пруденций 324
Пруссия 36, 46, 312, 356, 358-362, 411
Птолемей 267, 269
Пуфендорф 292
Пфальц 62, 114, 122, 199-200, 273, 276, 297, 347
Пфедферс 132
Пфорцгейм 123-124
Пьемонт 43
Пьер д'Альби (Петрус де Аллиако) 371, 374
Пьюзи 126
Пьяченца 415
Рабле 74
Райнальд 146, 151-154, 156, 158
Ранке, Леопольд фон 6, 43, 65, 70, 106-107, 147, 163, 166-167, 174-175, 178, 180, 187, 193, 197-199, 241-242, 270, 292, 333, 338-339
Расселл, Артур Тозер 310
Ратисбон 128, 230, 244
Ратрамн 140, 370, 374
Ратцебургер 161
Рафаэль 89, 278
Ребдорф 268
Регенсбург 367, 424
Редигер 246
Реймс 227
Рейн 117, 166-167, 181, 203, 272, 315, 355, 367, 380, 410
Рейнкенс 289, 444
Рейтлинген 420
Рейффенштейн 389
Рейхлин 14-16, 94-95, 112, 122-124, 126, 128-129, 132, 204, 222, 248, 256, 260, 267
Рейценштейн 435
Ремон 413
Ренан 252, 256
Рёерер, Георг 73, 216, 298, 327, 375
Ретлинген 374
Реусс 221, 346
Рига 357
Ригер 334
Ридерер 149
Ридли 53, 126
Ритчль 353
Ритшель 182
Рихм 97
Рихтер 353
Ричард фон Грейффенклау 196
Роберт Стефан 215
Робертсон 167, 176-179
Робеспьер 65
Род-Айленд 55
Родий 371-372, 374
Ройш 289
Рорарий 216, 327
Россано 420
Россия 412
Росток 48, 102, 349
Рот 315, 382, 407
Роттердам 248-249
Рудольф фон Вацдорф 181
Руссо 74
Рутерфорд, Сэмюэль 55
Рюгель 278-279
Рюкерт 203
Савонарола 15-16
Сагар 374
Садолет 103, 396
Саксония 22, 36, 47-48, 76, 82, 91, 200, 213, 343, 355, 367, 411, 424
Саламанка 311
Салем 53
Самландия 326, 357-358
Самуил Веренфельс 392
Сандоваль 169, 177-178
Санкт-Петербург 35
Санктес Паньини из Лукки 221
Сантьяго 172
Сарпи 28, 43
Сведенборг 292
Свифт 307
Себастьян Мюнстер 221
Северин 109
Северн 307

- Севиля 171, 179
 Сен-Галлен 368, 380
 Сенека 255
 Сенсеншмидт 218
 Сент-Эндрюс 14, 55, 311, 355
 Сепульведа 177
 Сервет 47-52, 331, 363
 Сергей III 164
 Сест 348
 Сигенса 178
 Сикст Сененсис 28
 Силезия 333, 347, 392, 411
 Сильван Отмар 218
 Сильвестр 133
 Сильвестр Мадзолини 115
 Симанкас 167-169, 177-178
 Симон Волхв 49-50
 Симпсон 57, 167, 173, 438
 Синезий 288
 Сиракузы 65
 Сирийский 288
 Скандинавия 12, 36, 48
 Скрибнер 301
 Слейдан 63, 174
 Сократ 51, 254, 256, 262, 394
 Сопра Минерва 180
 Сорбонна 201, 229, 254, 257-258
 Спалдинг 65-66, 149, 166, 288-289, 291
 Сперджен 95, 292
 Спитта 310
 Стенли 289, 292
 Стивен 222
 Стивенс 218, 220
 Стирлинг 176, 178
 Сторрс 292
 Стоув 292
 Страда 177-178
 Страсбург 13, 63, 65, 97, 114, 135, 196, 200, 203-204, 213, 218, 221, 232, 262, 291, 293, 340, 344-346, 350, 352, 354, 371, 373, 379-381, 384, 387, 396, 411, 414-415, 423, 431-432
 Стуника 251
 Стюарты 37, 54, 58
 Сулейман Великолепный 171, 418
 Султ 176
 Сурита 169
 Тагаст 81
 Тайнер 218
 Таулер 83-84, 97, 143, 303, 345
 Таушниц 255
 Тацит 71
 Тейлор, Джереми 54
 Тейлор, У. М. 438
 Теобальд Таммер 47
 Теодор Кентерберийский 101
 Тепль 213
 Теренций 123, 249, 255
 Терстеген 309-310
 Тертуллиан 41, 258, 288, 324-325, 374
 Тецель 87, 102-108, 112-113, 118, 442
 Тибр 442
 Тильи 347
 Тиндейл 19-20, 222, 228, 248, 258, 355
 Тироль 88, 273, 387, 419
 Тит 125
 Тихоний 317
 Тициан 172, 177, 278
 Тишendorf 228
 Толедо 174, 179, 311
 Толлин 47, 51
 Толук 360, 400
 Томас Гонсалес 178
 Томмазо де Вино из Газы 116
 Тонстал 193
 Торгау 93, 143, 244, 287, 328, 419, 423, 426
 Торн 356
 Трансильвания 63
 Тренч 224, 226
 Трир 70, 132, 184, 188, 196-197, 203, 273, 341
 Труттветтер 78
 Трюмпельман 438
 Тунстолл 20
 Турин 250
 Турция 412
 Тюбинген 93, 123-125, 311
 Тюрингия 77, 186, 207, 271
 Уайтфилд 126
 Уильямс, Роджер 53, 55, 60
 Уинкуорт, Кэтрин 310, 360
 Уинрам, Гильберт 355
 Улац 203
 Улемберг 146
 Уленшпигель 78
 Ульм 200, 380, 411, 423
 Ульман 270, 371
 Ульрих Вюртембергский 270, 350-351, 381, 384
 Ульрих фон Паппенгейм 188
 Уолси 14, 249
 Уолш 6, 147, 271, 378
 Уорхем Кентерберийский 249, 252
 Уот Тайлер 270
 Упсала 76, 213
 Урбан Регий 31, 334, 348-349, 437
 Урсин, Захария 347, 375
 Урсула Котта 78
 Устери 291, 388-389, 406
 Утрехт 64, 242, 248, 372
 Уфнау 132
 Фабер из Этапля 96, 348, 422, 429, 432
 Фабриан фон Фейлиш 149
 Фагий 346
 Файндлейтер, Эрика 310
 Фарель 49-50, 126, 396
 Фейге 351, 384
 Фельдкирхен 235
 Феодорит 324
 Феодосий 324, 341
 Фербер 352
 Фердинанд Австрийский 217, 244, 342, 367, 414
 Ферстемани 426
 Фест 162
 Филадельфия 56, 76
 Филипп I 169
 Филипп II 6, 43, 62, 169, 171-173, 175, 179-180
 Филипп Вайатт Краутер 258
 Филипп Гессенский 23, 192, 244, 273, 276, 292, 314, 346, 350-351, 379-381, 411, 413-416, 420, 422, 432-433, 437, 443
 Филипп Красивый 169
 Филипп Шварцерд 124, 223
 Фихте 203
 Фишер 309, 411
 Фландрия 169
 Флаций 31, 302, 347
 Флек 112
 Флиднер, Фриц 180
 Флоренция 44, 89-91, 116
 Флорета 63
 Флушинг 176
 Фогелин 406
 Фома Аквинат 40, 42, 44, 82, 101-102, 113, 116, 161, 301, 324, 407
 Фома Кемпийский 83, 97
 Фома Челанский 301
 Фортунат 301
 Фордгейм 94
 Фогландия 388
 Франк 22, 310, 361, 391, 399
 Франкенхаузен 273
 Франклин 61
 Франкония 129, 196
 Франкфурт 70, 72-73, 97, 128, 170, 176, 186-187, 200, 206, 230, 232, 344, 391, 411, 423
 Франциск I 167, 169-171, 173, 406, 412
 Франциск Ассизский 301
 Франциск Ламберт 352
 Франциск Люнебургский 420
 Франциск Сильвий 280
 Франческо Борджиа 176, 178
 Франческо Кьерегати 243
 Фрейберг 213
 Фрейбург 224, 251, 257, 268, 348, 367
 Фридберг 206
 Фридберг, Е. А. 328
 Фриденсбург 410-411
 Фридрих II 347, 354, 356, 360

- Фридрих III Мудрый** 69, 91, 106, 115, 201, 275-276, 438
- Фридрих Август I** 344
- Фридрих Великий** 47, 356, 361, 439
- Фридрих Вильгельм** 43, 360
- Фридрих Вильгельм III** 172, 361
- Фридрих Вильгельм IV** 106, 126, 361
- Фридрих Гогенцоллерн** 360
- Фридрих Саксонский** 83, 170, 198, 216, 261
- Фрисландия** 333, 384, 411
- Фрисснер** 218
- Фробен** 221, 246-247, 249-252, 256, 261, 340
- Фромман** 227
- Фроуде** 17, 39, 188, 212, 282
- Фрош** 349
- Фрундсберг, Георг фон** 189, 413
- Футгеры** 103, 147, 167, 349
- Фуллер, Томас** 307
- Фульгенций** 386
- Фульда** 129, 302
- Функе** 359
- Фюрстенберг** 181
- Хазе** 20
- Хайнц** 206
- Халлам** 439
- Халле** 5, 72-73, 75
- Хампель** 49
- Ханер** 22
- Хармс, Клаус** 364
- Хартфорд** 72, 347
- Хасак** 25
- Хёглин из Линдау** 271
- Хемниц** 31, 232
- Хенгстенберг** 292
- Хетцер** 22
- Хименес** 19, 174
- Хойссер, Мета** 310
- Хопкинс, Сэмюэль** 290
- дон Хуан Австрийский** 172
- Хупер** 55, 330
- Хэйр, Чарльз Джулиус** 442-443
- Цаберн** 273
- Цвайбрюкен** 431
- Цвиккау** 27, 73, 97, 148, 235-236, 271
- Цвингли** 5, 15, 18, 27-28, 31, 35-36, 45-46, 48-49, 62-65, 85, 89, 105, 126, 132, 139, 141, 200, 222, 231, 235, 238, 242-243, 251, 254, 260, 262, 265, 267, 271, 276, 286, 291, 314, 318, 322, 344-346, 348-350, 352, 354, 360, 363-365, 367, 369-370, 372, 374-390, 392, 394, 396-403, 405-407, 427-428, 432-433, 438, 441
- Цейсберг** 290
- Цейц** 326
- Целл** 345
- Целле** 348, 391, 437
- Циглер** 77
- Цинцендорф** 309-310
- Цинциннати** 323
- Цицерон** 79, 186, 223, 249, 252, 254-256, 262, 285-286
- Цульсдорф** 281, 287, 399
- Цюрих** 5, 35, 48-50, 70, 132, 242, 340, 346, 352-353, 363, 367, 374, 379-381, 388-389, 392-393, 401, 433
- Цюрихское озеро** 48
- Цютфен** 43
- Чикаго** 228
- Шакерг** 358
- Шарлоттенбург** 172
- Шафф** 438
- Шаффхаузен** 50, 367
- Швабах** 426
- Швабия** 89, 272, 384
- Швейнфурт** 431
- Швейцария** 12, 35-36, 46, 49, 51-52, 62, 70, 88-89, 101, 119, 126, 366
- Швейцер, Александр** 49, 71, 291
- Швенкфельд, Каспар фон Осиг** 22, 97, 347, 393-394
- Швеция** 36
- Шегрен** 241
- Шекспир** 54, 172, 293
- Шеллинг** 203, 292
- Шенбах** 75
- Шенкель, Даниил** 193
- Шерль** 84, 96, 98-99, 126
- Шневр** 169
- Шиллер** 89, 203, 223, 293, 400
- Шлегели** 292
- Шлезвиг** 411
- Шлейермахер** 292, 361
- Шлейц** 388-389
- Шмалькальден** 160, 424, 431
- Шминке** 353
- Шмольк** 310
- Шнезинг** 308
- Шнейдер** 305, 334
- Шнепф** 350, 354, 382, 422
- Шотландия** 12, 24, 28, 36-38, 40, 166, 336, 362, 428
- Шпалатин** 22, 27, 91, 98-99, 112, 117-119, 121, 126, 132-133, 139, 147, 149, 151, 158-159, 181, 184-185, 187, 190-192, 194, 202, 206, 208, 210-211, 215, 221, 232, 234, 239, 261, 263, 276-280, 313, 326-327, 332, 347, 350, 352, 358, 368, 419, 436, 441
- Шпангенберг, Кириак** 189, 307
- Шпейер** 128, 160, 276, 380, 410, 414-415
- Шпенер** 309, 346, 361, 399
- Шпиттлер** 292
- Штаупиц** 22, 82-86, 88, 93, 97, 116, 124, 137, 143, 248, 319, 345
- Штахлин** 395
- Штейц** 402
- Штеттин** 308
- Штеффенс** 398
- Штир, Рудольф** 217, 225
- Штифель** 280, 375
- Штольберг** 271
- Штраус, Фридрих** 122, 131, 183
- Штраус, Якоб** 266
- Штригель** 232
- Штробель** 271
- Штурм, Иоганн** 346, 396
- Штурм, Каспар** 188
- Штурм, Якоб** 345-346, 381, 387, 414
- Штурц** 215
- Штутгарт** 124, 202
- Шульце** 283
- Шёрль, Кристоф** 267
- Эбернбург** 131, 183-184, 187, 202
- Эбрард** 22, 71, 291, 406
- Эвальд** 405
- Эвартс** 292
- Эвриций Корд** 382
- Эгран (см. Вильденауэр)** 148, 266
- Эдвардс, Джонатан** 292
- Эдвардс, Томас** 54, 56
- Эдинбург** 5, 35, 166
- Эдуард IV** 62
- Эдуард VI** 53, 346, 367
- Эдуард Лн** 244, 251
- Эзоп** 285
- Эйвон** 307
- Эйзенач** 5, 77-78, 99, 186-187, 206-207, 328, 352
- Эйлер** 292
- Эймбек** 192, 283
- Эйнсидельн** 291, 401
- Эйслебен** 5, 46, 76, 129, 186-187, 190, 281, 283, 298, 395
- Экерманн** 443
- Экк** 96, 103, 113, 119-121, 124, 133, 139, 143, 146-149, 158-159, 188-191, 194, 196, 201, 203, 213, 218, 226-227, 232, 267, 344, 348, 367, 382, 384, 420, 422, 429, 432-433
- Эколампадий** 31, 50, 126, 132, 223, 231, 251, 253, 260, 263, 265, 267-268, 289, 291, 325, 367, 369, 372, 374-376, 378-386, 388-389, 392, 394, 396, 441
- Элевтер Бизен** 129
- Эльба** 37, 91, 126, 174, 282
- Эльзас** 50, 204, 273, 297, 302, 345-346
- Эмден** 48
- Эмерсон** 292
- Эмсер** 103, 113, 133, 139, 159, 185, 218, 220, 224-227, 232, 245, 343
- Эндрю Кер** 292
- Эней Сильвий** 197
- Эобан Гессе** 186, 234, 251
- Эпикур** 27
- Эпископий** 251

- Эразм Роттердамский** 14-16, 19, 22, 27-28, 71, 79, 81, 85, 94, 98, 102, 123-124, 128-129, 132, 149, 151, 182-183, 193, 221-222, 230, 232, 238, 243-269, 272, 274, 278, 280, 289, 291, 323-324, 340, 344, 348, 352, 367, 372, 374, 394, 399, 438, 441, 443
- Эразм Альбер** 223, 308
- Эраст, Томас** 24
- Эрик из Брюнсвика** 192
- Эрихсон** 381
- Эрланген** 72
- Эрмландия** 239, 358
- Эригольд** 130
- Эрнест Люнебургский** 420
- Эрнст Исповедник** 348
- Эрфурт** 5, 86, 93-94, 99, 121, 129-130, 149, 186, 210, 215, 233-234, 251, 285, 311
- Эскориал** 169, 172, 178, 180
- Эстремадура** 176
- Эудженио Чеккони** 116
- Юдекс, М.** 375
- Юлий II** 13, 22, 89-90, 100, 102, 147, 250, 358, 413
- Юлий Пфлуг** 120, 327
- Юнкер Георг** 207
- Юргенс** 94, 106-107
- Юст Ионас** 73, 106, 129, 186, 216, 230, 235, 239, 241, 251, 265, 278-279, 282-283, 286, 307, 314-315, 332, 334, 343, 379, 384, 389, 402, 419, 421, 426, 431, 436
- Юсте** 178
- Юстиниан** 41, 341
- Юта** 60
- Ютербог** 105
- Якопоне из Тоди** 301
- Ян** 28
- Ян Гус** 55
- Янссен** 6, 14, 22, 44, 66, 70-71, 77, 86, 119, 138, 145, 147, 149, 181-183, 187, 193, 201, 204, 263, 291, 296, 309, 327, 332, 339, 350-351, 353, 355, 400, 411, 415

Тематический указатель

- Codex Teplensis** 213, 219-220
- Epistolae obscurorum virorum** 79, 129, 132, 201
- In necessariis unitas** 390, 392
- Index librorum prohibitorum** 343
- Syllabus** 20, 25, 44, 165
- Theologia Germanica** 97
- августинианство** 265
- августинцы** 145, 234-235
- альбигойцы** 43, 164, 334
- анабаптисты** 27, 45, 48, 53-55, 64, 83-84, 142, 173, 241, 268, 291, 321, 329-330, 342, 346, 349, 363, 365-370, 414, 423, 427-428, 433
- англикане** 370
- аннаты** 130, 136
- антилегомены** 29, 31, 33, 201, 234
- антиномизм** 22, 87, 231, 314
- антисакраментарии** 320
- антиринитаризм** 51-52, 230
- антихрист** 117-118, 132-133, 138, 143, 145, 158-163, 185, 204, 243, 254, 280, 320-323, 332, 345, 352, 368, 378, 393, 396-397, 428, 440
- арианство** 42, 54, 198, 201, 317, 324, 332
- арминиаństwo** 52, 55, 62, 231, 407
- Аугсбургский мир** 62
- Афанасьевский символ веры** 41, 334
- баптисты** 37-38, 53, 55, 57-61, 95, 366-367, 370, 428, 438
- бегарды** 201
- безбрачие (целибат)** 13, 82, 87, 135-136, 166, 235, 258, 277, 280, 288-290, 292, 294, 356, 359, 422, 428
- бенефиции** 47, 54, 103, 130
- богемские братья** 120, 136, 140, 152, 183, 213, 236, 308, 325-326, 334, 366, 372, 375
- боговоплощение** 53, 141
- богодухновенность** 19-20, 29-30, 32-33
- бреве** 182
- «Вавилонское пленение церкви»** 130-131, 134, 139, 147, 244, 261, 296, 371
- вальденсы** 16, 43, 83-84, 164, 201, 213, 219, 334, 371-372
- Варфоломеевская ночь** 43, 58, 164
- вездесущие тела Христова** 36, 361, 376-378, 402, 405, 407
- вечера Господня** 36, 141, 231, 235, 241, 254, 270, 295, 299, 320, 332, 334-335, 337, 361, 364, 370-372, 374, 378, 385, 387-388, 395-396, 398, 401-404, 406-407, 409, 421, 430, 432
- «Виттенбергская конкордия»** 348, 393, 437
- всуществование** 140, 268, 361, 371, 402
- Вульгата** 19, 28, 79, 107-108, 116, 142, 159, 212-214, 216-218, 220-222, 224, 226-227
- галликане** 37
- гетеродоксия** 397
- Гомбергская конституция** 350
- гостия** 235, 295-296, 366, 393
- гуленоты** 23, 48, 59, 264, 360
- гуситы** 16, 98, 120, 198, 201, 224, 236, 370
- декреталии** 118, 261, 342
- деноминации** 13, 35-39, 58, 61-62, 228, 319-320, 354, 361, 370, 397, 438
- деноминационализм** 34
- детокрещенцы** 366
- «Дидахе»** 33, 163
- диспенсации** 164, 236, 271
- диссентеры** 35, 37, 62
- донатисты** 42, 55, 317, 329, 368, 427
- драгоннады** 43, 58
- евонины** 201
- евномиане** 341
- евтихианство** 361, 365
- елей** 23, 297, 367
- елеосвящение** 142
- епископалы** 438
- законничество** 373
- заместительная вера родителей** 369
- иезуиты** 19, 37, 63, 174, 178, 343
- импанация** 140, 402
- индепенденты** 37, 53, 55-57, 314, 330, 370
- индугленции** 11, 14-15, 90-91, 99-114, 118-119, 129-130, 136, 139, 147, 165, 200, 211, 240, 260, 263, 275, 295, 400, 425
- интерим** 347
- иоанниты** 188, 356
- исповедания**
- Аугсбургское 36, 62, 128, 230-231, 269, 276, 294-295, 297, 320-321, 325, 331, 350, 360-361, 364, 390, 392, 418, 420, 422-426, 429-432, 437
  - Бельгийское 32
  - Вестминстерское 32, 36, 38, 56, 162, 318-319, 323, 329
  - Второе Гельветическое 32
  - Второе Шотландское 428
  - Вюртембергское 36
  - Галликанское 32, 62
  - Тетраполитанское 350, 432
- Итала** 217, 220, 227
- иудействующие** 17
- капернаиты** 377, 402, 404
- карлисты** 180
- катабаптисты** 366
- катехетическое обучение** 299, 333-334, 336
- катехизисы** 27, 78, 195, 224, 258, 304, 319, 321, 332-333, 335, 437
- Англиканский 336
  - Богемский 334
  - Вестминстерский 334, 336-337
  - Гейдельбергский 161, 276, 336, 347, 360-361
  - Лютера 333, 335-336
  - Отфрида 334
  - Тридентского собора 319
- квакеры** 37, 53, 57-61, 320, 347, 365
- кинопечатание** 9, 19, 71, 199, 213, 220, 311, 339, 341
- ковенантеры** 58
- коллегиализм** 24
- коллекта** 296
- Комплутенская полиглотта** 248
- конгрегационалисты** 37-38, 55, 57, 60, 314, 353, 438
- Конкордия (Формула согласия)** 62, 335
- Константинов дар** 118, 130, 133
- консубстанциация** 140, 402
- контрреформация** 19, 174
- конфессии** 36, 277, 361
- конфессионализм** 34
- конфутация** 429
- Крестянская война** 25, 234, 236, 241, 244, 265-266, 268-269, 274-275, 277, 326, 341, 343, 346, 351, 353, 367
- крещение** 23, 26, 30, 36, 40, 50, 135, 139, 141-142, 178, 232, 235, 295, 297, 318, 320-321, 325, 332-337, 358, 361, 364, 366-369, 383, 394, 409, 427-428
- детей 142, 236, 364-370, 373, 433
- криптокальвинизм** 48, 344
- Ламбетские артикулы** 36
- Лжеисидоровы декреталии** 133
- либергинцы** 55
- либертины** 25, 51
- лолларды** 16
- Магдебургские центурии** 31
- мандукация** 231
- манихей** 32, 41, 201, 289, 317, 324, 329, 341, 442
- масоретская система огласовки** 33
- меланхтониане** 48, 216, 361
- меннониты** 55, 330
- методисты** 37-38, 64, 126, 370, 438
- милленаризм** 236, 427

- миннезингеры 207, 303
 минориты 352-353
 миротворцы 128, 390, 392
 мистицизм 71, 83, 97, 143, 235-236, 271, 373
 монофелиты 24, 341
 моравские братья 38, 301, 309-310, 361
 непогрешенцы 387
 непотизм 13
 несториане 341, 365
 «Обращение к дворянству немецкого народа» 134, 138-139
 омологумыны 201
 паллий 103, 130
 панхристизм 405
 педобаптиты 366
 пелагианство 21, 25, 317, 324, 427, 430
 перикопы 253
 пиетизм 83, 309, 346, 360-361
 полупелагианство 21, 27, 231, 262, 265, 427
 предопределение 36, 230-231, 244, 263, 265, 318
 предсуществование 264
 предузание 263
 предызвание 20
 прелатисты 57
 премонстранты 213
 пресвитериане 37-38, 53, 55-59, 61, 325, 353, 438
 пресуществование 11, 14, 26, 61, 98, 133, 140-141, 233, 245, 254, 268, 295-296, 322, 363-365, 370-372, 398, 401-403, 405-406
 присциллиане 41
 пророки из Цвиккау 236, 241, 270, 325, 367
 пуританство 23, 53-55, 57-59, 62, 95, 264, 285, 300, 392
 рационализм 24-28, 32-33, 248, 297, 309, 320, 360-361, 364, 399
 рейхстаги
 - Аугсбургский 6, 61, 173, 238, 265, 269, 282, 348, 350, 394, 417-419, 432
 - Вормский 39, 63, 133, 168, 174, 182, 261-262, 275, 313, 351, 362
 - Кенигсбергский 359
 - Нюрнбергский 15, 71, 237, 243, 357
 - Регенсбургский 424
 - Франкфуртский 176
 - Шпейерский 160, 277, 305, 331, 351-352, 380-381, 410-411, 414, 418
 респонсории 296
 Савойская декларация 57
 Савойская конференция 57
 сакраментарии 298, 320, 376, 378, 393-395, 397, 399, 402-404, 406, 437
 Сарумский служебник 36
 сверхдолжные заслуги 11, 101, 110
 сектантство 34
 Септуагинта 221
 Сикстинская капелла 89
 Силлабус 44
 симония 13
 синергизм 230-231, 265
 синоды
 - в Гомберге 314, 352, 411
 - в Дорте 52, 62
 соборы
 - в Базеле 16
 - в Бамберге 279
 - Ватиканский 10, 24, 164, 196, 205, 387
 - в Иерусалиме 11, 21
 - в Кентерберии 228
 - в Констанце 16, 55, 120, 190, 195-197, 319, 371
 - V Латеранский 101, 342, 370
 - в Никее 118, 332, 341
 - в Пизе 16, 371
 - в Тренто (Триденский) 10, 15, 20-21, 28, 65, 85, 100, 163, 174, 227, 319, 343, 370, 387, 420, 422
 солифицианизм 230
 сотериология 12, 134, 229, 365, 422
 социнианство 25, 28, 52-53, 55, 57, 342, 407
 спиритуализм 235, 325, 365
 старокаатолики 289, 382
 суперинтенденты 314, 327-328, 333, 347-348, 354, 359
 теутонский орден 355-358
 территориализм 24
 Торнский мир 356
 трактариане 443
 тритеисты 50
 ультрапотеранство 328
 ультрамонтанство 37, 70, 309, 332
 университеты
 - Виттенбергский 91, 149, 287, 360
 - Галле 360
 - Гейдельбергский 194
 - Грейфсвальдский 279
 - Ингольштадтский 124
 - Йенский 327, 379
 - Кенигсбергский 345, 359
 - Марбургский 354
 - Оксфордский 57, 228
 - Тюбингенский 123, 345, 350
 - Франкфуртский 103, 391
 - Черновицкий 317
 - Эрфуртский 76, 78, 93, 129
 унитаризм 26, 52-53, 58, 60, 407, 438
 устояние 362
 Утрехтский союз 62
 филипписты 48, 216, 370
 Формула согласия 18, 31, 48, 62, 231, 265, 320, 347, 360-361, 403, 405
 христология 365, 386, 427
 хриstopантеизм 405
 цвинглианцы 48, 128, 346, 348-349, 365, 371, 376, 380, 394, 400, 403, 414-416, 419, 421, 427, 433, 437, 440
 цезаропапизм 35, 428
 цензура 56, 106, 340-342
 швенкфельдиане 342, 347
 Шмалькальденская война 173
 Шмалькальденская лига 432
 эдикты
 - Аугсбургский 423
 - Вормский 331, 342-343, 363, 418
 - Нантский 62, 70
 - Шпейерский 412
 экзорцизм 297, 335, 361, 364, 367
 эрастианство 24, 35, 361, 428
 янсенисты 37, 265, 289

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1888 ГОДА	5
---	---

ГЛАВА I ОБЩИЙ ОБЗОР

§1. <i>Поворотный момент современной истории</i>	9
§2. <i>Протестантизм и романизм</i>	10
§3. <i>Необходимость Реформации</i>	13
§4. <i>Подготовка к Реформации</i>	15
§5. <i>Дух и цель Реформации</i>	17
§6. <i>Авторитет Писания</i>	18
§7. <i>Оправдание верой</i>	20
§8. <i>Священство мирян</i>	23
§9. <i>Реформация и рационализм</i>	24
§10. <i>Протестантизм и деноминационализм</i>	34
§11. <i>Протестантизм и религиозная свобода</i>	39
§12. <i>Религиозная нетерпимость и свобода в Англии и Америке</i>	52
§13. <i>Хронологические рамки</i>	61
§14. <i>Общая литература по Реформации</i>	63

ГЛАВА II ПОДГОТОВКА ЛЮТЕРА К РЕФОРМАЦИИ. 1483 — 1517

§15. <i>Литература по немецкой Реформации</i>	69
§16. <i>Германия и Реформация</i>	71
§17. <i>Литература о Лютере</i>	72
§18. <i>Юность и воспитание Лютера</i>	76
§19. <i>Лютер в Эрфуртском университете</i>	78
§20. <i>Обращение Лютера</i>	80
§21. <i>Лютер как монах</i>	81
§22. <i>Лютер и Штаулиц</i>	83
§23. <i>Победа веры, ведущей к оправданию</i>	86
§24. <i>Рукоположение Лютера в священники</i>	88
§25. <i>Лютер в Риме</i>	88
§26. <i>Виттенбергский университет</i>	91
§27. <i>Лютер как профессор до 1517 г.</i>	93
§28. <i>Лютер и мистицизм. Theologia Germanica</i>	97
§29. <i>Псалмы покаяния. Канун Реформации</i>	97

ГЛАВА III

**НЕМЕЦКАЯ РЕФОРМАЦИЯ ОТ ПУБЛИКАЦИИ
ТЕЗИСОВ ЛЮТЕРА ДО ВОРМСКОГО РЕЙХСТАГА.
1517 — 1521**

§30. <i>Торговля индульгенциями</i>	100
§31. <i>Лютер и Тецель</i>	101
§32. <i>Девяносто пять тезисов. 31 октября 1517 г.</i>	105
§33. <i>Спор о тезисах. 1518</i>	112
§34. <i>Вмешательство Рима. Лютер и Приериас. 1518 г.</i>	114
§35. <i>Лютер и Каетан. Октябрь 1518 г.</i>	115
§36. <i>Лютер и Мильтиц. Январь 1519 г.</i>	117
§37. <i>Лейпцигский спор. 27 июня — 15 июля 1519 г.</i>	119
§38. <i>Филипп Меланхтон. Литература</i>	121
§39. <i>Учеба Меланхтона</i>	122
§40. <i>Ранняя деятельность Меланхтона</i>	125
§41. <i>Лютер и Меланхтон</i>	126
§42. <i>Ульрих фон Гуттен и Лютер</i>	129
§43. <i>Крестовый поход Лютера против папства. 1520</i>	133
§44. <i>«Обращение к христианскому дворянству немецкого народа»</i>	134
§45. <i>«Вавилонское пленение церкви». Октябрь 1520 г.</i>	139
§46. <i>Христианская свобода. Последнее письмо Лютера к папе. Октябрь 1520 г.</i>	143
§47. <i>Буллы об отлучении. 15 июня 1520 г.</i>	146
§48. <i>Лютер сжигает папскую буллу и навсегда рвет отношения с Римом. 10 декабря 1520 г.</i>	158
§49. <i>Реформация и папство</i>	161
§50. <i>Карл V</i>	167
§51. <i>Церковная политика Карла V</i>	172
§52. <i>Отречение Карла и его жизнь в затворничестве</i>	175
§53. <i>Вормский рейхстаг</i>	181
§54. <i>Путешествие Лютера в Вормс</i>	184
§55. <i>Свидетельство Лютера перед рейхстагом. 17 и 18 апреля 1521 г.</i>	188
§56. <i>Размышления о свидетельстве Лютера в Вормсе</i>	194
§57. <i>Частные беседы с Лютером. Поведение императора</i>	196
§58. <i>Объявление вне закона. 8 (26) мая 1521 г.</i>	198
§59. <i>Общественное мнение. Народная литература</i>	200

ГЛАВА IV

**НЕМЕЦКАЯ РЕФОРМАЦИЯ ОТ ВОРМСКОГО
РЕЙХСТАГА ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ.
1521 — 1525**

§60. <i>Новый этап в истории Реформации</i>	205
§61. <i>Лютер в Вартбурге. 1521 — 1522</i>	206
§62. <i>Перевод Библии</i>	211
§63. <i>Критическая оценка перевода Лютера</i>	220

§64. <i>Богословие Меланхтона</i>	228
§65. <i>Протестантский радикализм. Волнения в Эрфурте</i> . . .	232
§66. <i>Революция в Виттенберге. Карлштадт и новые пророки</i> .	234
§67. <i>Лютер возвращается в Виттенберг</i>	236
§68. <i>Лютер восстанавливает порядок в Виттенберге. Конец истории Карлштадта</i>	239
§69. <i>Нюрнбергские рейхстаги, 1522 — 1524. Адриан VI</i>	242
§70. <i>Лютер и Генрих VIII</i>	244
§71. <i>Эразм</i>	246
§72. <i>Эразм и Реформация</i>	258
§73. <i>Спор о свободе воли. 1524 — 1527</i>	262
§74. <i>Вилибальд Пиркгеймер</i>	266
§75. <i>Крестьянская война. 1523 — 1525</i>	269

ГЛАВА V

ВНУТРЕННЕЕ РАЗВИТИЕ РЕФОРМАЦИИ ОТ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ДО АУГСБУРГСКОГО РЕЙХСТАГА. 1525 — 1530

§76. <i>Три курфюрста</i>	275
§77. <i>Брак Лютера. 1525</i>	277
§78. <i>Семейная жизнь Лютера</i>	280
§79. <i>Размышления о семейной жизни священников</i>	288
§80. <i>Реформа церковного поклонения</i>	294
§81. <i>Особенности евангельского поклонения</i>	297
§82. <i>Евангельские гимны и сборники</i>	300
§83. <i>Образовательные школы</i>	311
§84. <i>Реформа церковного управления и дисциплины</i>	312
§85. <i>Расширение представлений о церкви. Августин, Виклиф, Гус, Лютер</i>	315
§86. <i>Изменение отношения к служению. Отход от епископской преемственности. Лютер рукополагает диакона и посвящает епископа</i>	325
§87. <i>Отношения церкви и государства</i>	328
§88. <i>Посещение церквей в Саксонии</i>	331
§89. <i>Катехизисы Лютера. 1529</i>	333
§90. <i>Типичные протестантские катехизисы</i>	336

ГЛАВА VI

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА В ГЕРМАНИИ И ГОНЕНИЯ НА НЕГО ДО 1530 г.

§91. <i>Причины и значение прогресса</i>	338
§92. <i>Книгопечатание и Реформация</i>	339
§93. <i>Протестантизм в Саксонии</i>	343
§94. <i>Реформация в Нюрнберге</i>	344

§95. Реформация в Страсбурге. Мартин Буцер	345
§96. Реформация в Северной Германии	347
§97. Протестантизм в Аугсбурге и Южной Германии	349
§98. Реформация в Гессене, синод в Гомберге. Филипп Гессенский и Ламберт Авиньонский	350
§99. Реформация в Пруссии. Герцог Альбрехт и епископ Георг фон Поленц	355
§100. Протестантские мученики	362

ГЛАВА VII

СПОРЫ О ТАИНСТВАХ

§101. Священство и таинства	364
§102. Спор с анабаптистами. Лютер и Гюбмайер	366
§103. Спор о евхаристии	369
§104. Позиция Лютера до спора	371
§105. Лютер и Карлштадт	372
§106. Лютер и Цвингли	374
§107. Марбургская встреча, 1520	379
§108. Марбургская встреча: обсуждение и итоги	383
§109. Последнее нападение Лютера на сакраментариев. Отношения с Кальвином	392
§110. Размышления об этике евхаристического спора	397
§111. Сравнение теорий о евхаристии. Лютер, Цвингли, Кальвин	401

ГЛАВА VIII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ МЕЖДУ 1526 И 1529 Г.

§112. Первый Шпейерский рейхстаг и возникновение территориальной системы. 1526	410
§113. Император и папа. Разграбление Рима, 1527	412
§114. Паника, связанная с войной, 1528	413
§115. Второй Шпейерский рейхстаг и протест 1529 г.	414
§116. Примирение императора и папы. Коронация императора, 1529	416

ГЛАВА IX

АУГСБУРГСКИЙ РЕЙХСТАГ И АУГСБУРГСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ. 1530 Г.

§117. Аугсбургский рейхстаг	418
§118. Переговоры, перерыв, Нюрнбергский мир	421
§119. Аугсбургское исповедание	424
§120. Римское опровержение и протестантская апология	429
§121. Исповедание четырех городов	431
§122. Вероисповедание Цвингли, представленное императору Карлу	433

§123. <i>Лютер в Кобургском замке</i>	434
§124. <i>Общественный характер Лютера и его положение в истории</i>	437
§125. <i>«Твердыня наша — вечный Бог»</i>	445
УКАЗАТЕЛИ	447